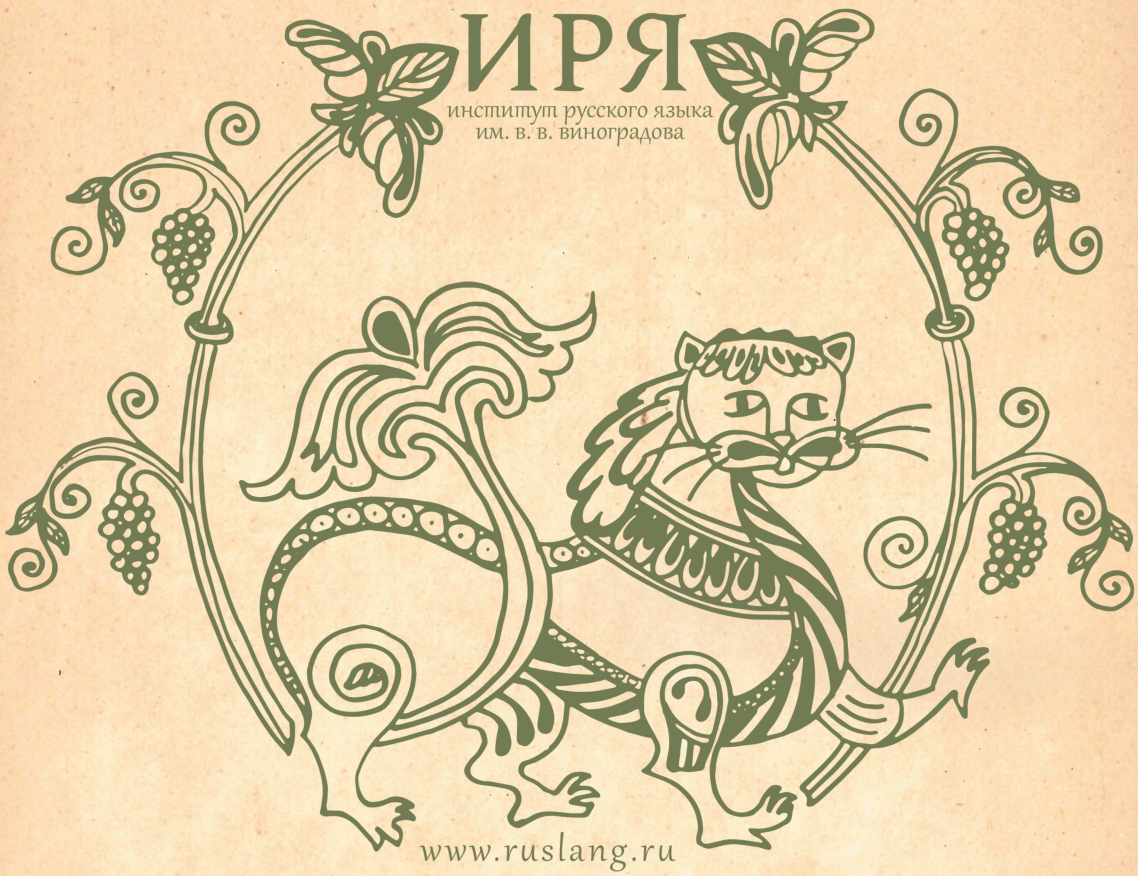
4
С-65

Ю. С. Сорокин

РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

30–90-е годы XIX века

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

[illegible]

Ю. С. Сорокин

РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

30–90-е годы XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1965

4
С-65
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
78684

Ответственный редактор
В. В. ВИНОГРАДОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние два-три десятилетия лексикология русского языка неизменно привлекала к себе внимание исследователей. Круг исследований по истории отдельных слов и целых групп и разрядов лексики, исторически складывавшихся в нашем языке, по описанию отдельных терминологических систем, их сложения и функционирования, особенно же по истории употребления слов в различных литературных памятниках, в языке представителей разных идейных и литературных направлений и т. д., неизменно расширялся. Это было в значительной степени связано, с одной стороны, с разработкой новых теоретических принципов истолкования языковых явлений, причем изучение слова как основной, исходной «клеточки» языка, как того непосредственно данного, простейшего звена языковой системы, в котором концентрируются воздействия и взаимодействие различных факторов, внешних и внутренних, должно было, естественно, занять важное, если не центральное положение. Вместе с тем слово и его история представляют как раз наибольшие трудности для проведения ставших настоятельно необходимыми понятий о системном, структурно-обусловленном характере всех языковых явлений.

Расширение круга лексикологических исследований в русском языкознании было, с другой стороны, закономерно связано с выделением истории русского литературного языка в особую научную дисциплину, изучающую различные сдвиги и изменения в языке в их связи и обусловленности развитием общества, его материальной культуры, социальных отношений, изменением основных форм общественного сознания и столкновением и борьбой различных идеологий.

Но именно на этом фоне быстрого расширения круга лексикологических исследований стал особенно очевиден и ощутим недостаток обобщающих работ в этой области, представляющих свод различных материалов и вместе с тем определяющих взаимосвязи отдельных элементов внутри лексической системы и основные направления развития словарного состава языка. За последние годы круг работ по исторической лексикологии пополнялся преимущественно либо за счет более или менее разрозненных и разбросанных по различным изданиям этюдов по истории отдельных слов и выражений,[1] либо, напротив, за счет широких, но не всегда достаточно конкретных, систематизированных и фактически точных характеристик движения словарного состава в курсах истории

[1] Среди них должна быть прежде всего выделена обширнейшая серия очерков по истории многих отдельных слов, принадлежащих акад. В. В. Виноградову. В общей совокупности они дают много необходимых сведений по истории лексики русского языка в разные периоды его существования и заключают в себе ряд ценных методологических соображений и выводов.

русского литературного языка,[2] либо, наконец, за счет описаний лексики отдельных писателей или литературных памятников.[3]

Работы, специально посвященные систематическому описанию словарного состава русского языка и его изменений в определенные исторические периоды, крайне немногочисленны.[4] Одним из основных препятствий для развития исторической лексикологии является отсутствие до сих пор достаточно полных и надежных исторических словарей русского языка (особенно применительно к новому периоду начиная с XVIII в.).

Одной из первоочередных задач в этих условиях является описание и характеристика движения словарного состава в относительно ограниченные и более или менее четко определенные эпохи развития языка. Это позволит, во-первых, придать исследованию более систематический характер, во-вторых, избавить его от крупных пропусков и неточностей, неизбежных пока как при слишком широких его рамках (развитие словарного состава на протяжении ряда исторических эпох), так и в слишком узких пределах изучения (язык одного писателя, одного памятника).

Исходя из этого, автор данной книги и обратился к характеристике общих тенденций развития словарного состава русского литературного языка на протяжении семи десятилетий, от 30-х гг. до конца XIX в.[5]

Эта работа входит в круг исследований, выполненных сотрудниками сектора истории литературного языка Института русского языка АН СССР и посвященных истории русского литературного языка XIX в.[6]

---

[2] Хотя, как неоднократно отмечалось, периодизация истории литературного языка строится преимущественно на изменениях его словарного состава, обзор лексических особенностей его в ту или иную историческую эпоху играет в этих курсах часто роль подсобную и даже только иллюстративную. Обычно широкие обобщения опираются здесь на довольно ограниченный круг лексических «примеров», не всегда к тому же достаточно проверенных.

[3] Таких работ особенно много появилось за последнее время среди кандидатских и отчасти докторских диссертаций. Они обычно разбивают лексику, являющуюся в языке писателя или произведения, на отдельные разряды, выделяемые по стилистическим, генетическим или предметно-тематическим признакам (просторечная, книжная, публицистическая лексика; заимствованная лексика, славянизмы; общественно-политическая, философская, литературно-эстетическая лексика и т. п.). Видимое преимущество такого рода описаний состоит в их «систематичности»: они стремятся охватить всю совокупность слов, употребляемых в пределах данного контекста. Они стремятся вместе с тем выделить из этой совокупности те слова и отдельные их группы, которые имеют особое значение в системе выразительных и изобразительных средств автора. Однако с историко-лексикологической точки зрения такие работы часто имеют очень ограниченную ценность. В их утверждениях много неточностей, а иногда и прямого произвола. Это объясняется прежде всего ограниченностью самого объекта исследования. В языке писателя и тем более в языке одного произведения мы находим, с одной стороны, только часть словарных средств его эпохи, а с другой — сплав лексических элементов, вошедших в язык в разное время, относящихся к различным социально-языковым сферам и далеко не одинаковых по степени всеобщности или специфичности, индивидуальности их. Отсюда частая возможность увидеть новое для литературного языка в особенном для речевого употребления писателя. Точно так же часто новое в лексической системе языка данного времени не отмечается только потому, что оно выступает уже как обычное в речи писателя. Исследователь оказывается здесь в полной зависимости от степени разработанности общей исторической лексикологии. Круг замыкается.

[4] Ср.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древний период. М., 1956; G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert. Wien, 1956. В последней освещается лишь одна сторона изменений словарного состава русского языка XVIII в.: изменение значений слов под воздействием семантической индукции других языков и появление слов-ка́лек.

[5] Обоснование хронологических рамок исследования см. во введении (разд. II).

[6] Хронологически в этой серии работ ей предшествуют две книги: В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика). М., 1964; В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в рус-

Замысел ее возник довольно давно. На протяжении почти пятнадцати лет автор собирал лексико-фразеологические материалы из различных литературных источников этого времени. К моменту написания книги в его распоряжении была картотека, насчитывающая более 35 000 карточек, иллюстрирующих употребление более 5 000 отдельных слов. Произведения отдельных писателей были подвергнуты более или менее систематическому обследованию.[7] Особое внимание при подборе материалов было уделено критике и публицистике этого времени. Автор исходил при этом из признанного факта — активной роли публицистических стилей в развитии литературной речи данной эпохи. Эти материалы, широко привлеченные автором, до сих пор редко и лишь эпизодически вовлекались в орбиту лингвистического изучения и слабо отражены в существующих лексикографических описаниях русского языка. Вместе с тем был привлечен и разнообразный лексико-фразеологический материал из других литературных жанров — художественной литературы, научных произведений, из различных отделов журналов и газет того времени. Особенно тщательно были просмотрены за ряд лет некоторые журналы, из числа наиболее влиятельных и популярных.[8] Привлекались произведения писателей разных школ и направлений.

Кроме личной картотеки, автор имел возможность широко воспользоваться материалами большой картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР, как ее основного собрания, так и хранящихся в ней особых архивных фондов (напр., рукописного собрания лексикографических материалов акад. П. И. Кеппена, относящихся к 1840—1860-м гг.).

Были учтены и данные различных словарей русского языка, общих толковых и специально-терминологических, а также словарей иностранных слов, вышедших в XVIII—XIX вв. и современных. Для определения хронологических границ появления и распространения новых слов и существенных изменений в семантике слов большое значение имело проведенное предварительно автором сплошное сличение таких изданий, как «Словарь церковнославянского и русского языка», изданный Академией наук в 1847 г. и отражающий состояние лексического запаса русского языка на грани этого периода, и позднейших, в частности — современных нам полных толковых словарей русского языка. Существенные данные в этом смысле дают также суждения об отдельных словах, принадлежащие писателям, критикам и филологам этого времени, в частности многочисленные полемические заметки пуристического характера. Эти заметки, обычно «осуждающие» новые слова или новые особенности применения известных слов, позволяют во многих случаях с большей точностью определить если не время появления слова, то во всяком случае время его распространения в языке.

Эта работа носит в известной степени сводный характер; в ней учтены наблюдения по истории отдельных слов, содержащиеся в разного рода статьях, заметках, общих курсах истории русского литературного языка, монографиях других авторов. Однако по условиям места здесь не всегда даются ссылки на эти работы, особенно в тех случаях, когда уже известные данные не требуют существенных поправок и дополнений.

ском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964. Однако по объему изучаемых явлений и отчасти по направлению исследования между этими последними и данной книгой нет прямого соответствия.

[7] Среди них следует назвать, напр., Белинского, Герцена, Н. Полевого, В. Майкова, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, Ткачева и др.

[8] Напр., «Московский телеграф», «Телескоп», «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник», «Русское слово», «Дело» и нек. др.

В исследовании такого подвижного и изменчивого материала, как слово, особенно большие трудности представляет как сама датировка его появления, так и определение источника, откуда оно пришло, и путей, какими утвердилось в языке. Этими трудностями, хорошо знакомыми всем занимающимся историей слов и выражений, объясняются многие пробелы и отдельные незамеченные ошибки и неточности в этой работе. Автор во всяком случае стремился быть осторожным и избегать слишком категорических утверждений при недостатке данных. Отсутствие исторических словарей, и в частности исторического словаря русского языка нового времени, особенно осложняло дело. Правда, упомянутый выше академический словарь 1847 г. в общем отражает словоупотребление непосредственно предшествующего времени, то есть первой четверти XIX в. Но в него не было включено, однако, кое-что из того, что уже фактически было известно словоупотреблению 20-х гг. Словарь В. И. Даля в первом издании (1863—1866) также далеко не полностью отразил лексико-фразеологические новшества 30—60-х гг. Дополнения и поправки, сделанные к этому изданию П. В. Шейном, Я. К. Гротом, И. Наумовым и др., отчасти восполнили его упущения и пробелы и были учтены Далем при подготовке второго издания словаря (1880—1882). Но и это издание, вышедшее уже после смерти составителя, дает не всегда полную, а иногда и тенденциозную картину состояния лексического состава русского языка 60—70-х гг. Словарь Академии наук, начатый в 1890 г. Я. К. Гротом и продолженный на новых, более широких началах акад. А. А. Шахматовым, его учениками и сотрудниками, мог бы явиться более надежным и полным справочником, если бы он был закончен и всегда располагал бы достаточно обширными картотечными материалами. Но издание этого словаря было остановлено в 1937 г. Наконец, близкий теперь к завершению семнадцатитомный академический «Словарь современного русского литературного языка» хотя и претендует на известную историческую перспективу в освещении лексики современного языка, однако менее всего является словарем собственно историческим. В описании словарных материалов, например в расположении отдельных значений и смысловых оттенков внутри словарной статьи, в нем часто сталкиваются и смешиваются критерии строго нормативного и исторического характера. Полноте и исторической точности этого словаря мешали и ограничения, принятые в отношении цитирования литературных примеров, и неполнота его картотеки, в которой, несмотря на ее размеры, отрывочно и слабо представлены лексические материалы из языка многих характерных публицистических, научных и даже литературно-художественных произведений этого времени.

Учитывая такое состояние исторической лексикологии русского языка нового времени, автор в этой работе уделяет большое внимание новым конкретным материалам, истории отдельных слов. Основное назначение этих этюдов по истории отдельных слов — подкрепить основные положения работы и показать, как отражались и варьировались общие закономерности развития словарного состава этого времени в процессе появления и распространения в языке новых слов и их новых значений. Вместе с тем при отсутствии исторического словаря русского языка нового времени эти сведения по истории отдельных слов могут быть полезны в дальнейшем исследовании для всякого рода справок. Приложенный в конце книги указатель рассматриваемых в ней слов позволит легко навести такие справки.

Обилие цитируемых в работе примеров потребовало, с одной стороны, различных сокращений в цитатах, с другой — кратких условных ссылок на наиболее часто цитируемые источники. В цитатах допускаются отдельные сокращения при условии сохранения смысловой целостности,

необходимой для правильного и точного понимания значения иллюстрируемого слова или сочетания слов.[9] Все внутренние пропуски в цитатах обозначены отточием. Условные сокращенные обозначения цитируемых авторов и источников раскрыты в приложенном Списке сокращений. При ссылках на журнальные тексты указывается название журнала, год и номер книжки или части журнала и страница. В тех случаях, когда в журнале имеет место раздельная пагинация по отделам, это не всегда оговаривается, так как наличие ссылок на название произведения позволяет в случае необходимости легко найти по оглавлению книжки журнала цитируемый источник. Примеры из наиболее часто цитируемых авторов приводятся по наиболее полным, авторитетным и доступным для читателя новым изданиям их. Лишь при отсутствии таких полных изданий автор был вынужден прибегнуть к цитированию произведений одного автора по нескольким изданиям.

Отдельные разделы этой работы в ходе ее подготовки обсуждались на заседаниях Сектора истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР. Автор выражает свою признательность за сделанные при этом критические замечания и указания. Он выражает также свою благодарность научным сотрудникам словарного сектора Института Ф. П. Сороколетову и Д. И. Буторину, взявшим на себя труд рецензирования этой работы, и акад. В. В. Виноградову, прочитавшему работу в рукописи и сделавшему ценные замечания. В подборе цитат из различных источников 1880—1890-х гг. мне оказала существенную помощь младший научный сотрудник Института русского языка Е. Ф. Петрищева. В составлении указателей к работе принимала участие научно-технический сотрудник Словарного сектора Н. П. Пеньковская.

---

[9] Все курсивные выделения в цитатах принадлежат самим цитируемым источникам; выделения разрядкой принадлежат автору данной книги.

ВВЕДЕНИЕ

О ЗАДАЧАХ ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБ ОБЩИХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА с 30-х гг. XIX в.

I

§ 1. Предмет исторической лексикологии — исследование словарного состава языка в его изменениях во времени. Основная задача такого исследования состоит в установлении общих закономерностей и путей, по которым проходят эти изменения. Историческая лексикология строит свои выводы, опираясь на исследование истории отдельных слов, прослеживая их появление, существование в языке и функционирование в речи, а в соответствующих случаях отмечая их выпадение из языка, выход из речевого употребления. Существование слова в языке, захватывающее более или менее длительное время, предполагает ряд его речевых употреблений, в ходе которых значение слова, его связь с другими словами и функционально-стилистическое назначение может претерпеть существенные изменения. Поэтому в историко-лексикологическом исследовании важное положение должно занять изучение семантики слова в ее соотношении с границами его различной употребительности в речи. В исследовании исторической судьбы отдельных слов особенно большую роль получает установление факторов, обусловливающих его изменчивость. Эти факторы, как известно, двоякого рода, что связано с двоякой соотнесенностью любого слова — с его отношением к миру «вещей», явлений действительности, которые оно выражает, и с его отношением к другим словам как членам известной языковой системы. Таким образом, историческая лексикология строит свои заключения на тесном учете, с одной стороны, внеязыковых социальных условий, накладывающих свой отпечаток и определяющих появление и функционирование слова в речевой практике, с другой — факторов собственно языковых, обусловленных отношением данного слова к другим элементам языковой системы, к ее общему строю и также в свою очередь определяющих границы и характер функционирования слов в речи.

§ 2. Отдельность слова, его самостоятельность и автономность в качестве особой, непосредственно данной языковой «клеточки», своего рода «особи», не вызывает сомнений. Это обусловлено основной функцией слова выделять и означать те или иные явления окружающего нас мира, познаваемые нами. Это и дает «жизнь» слову как отдельной единице.[1]

[1] Поэтому особенно часто и охотно историческое исследование «жизни» отдельного слова идет по пути установления его элементарной и основной связи с тем

Неизмеримо сложнее установление и определение другой стороны дела — связи и общности слов языка, всего этого, на первый взгляд, бесконечного ряда отдельных и автономных его «клеточек». Однако в последнее время становится все более бесспорным, что совокупность языковых явлений представляет собою известного рода систему и что изменения отдельных звеньев этой системы необходимо вызывают изменения в других ее звеньях. Понятие системы все настойчивее проникает и в область лексикологии, но именно здесь наталкивается на наиболее серьезные трудности ввиду особенно сложного характера и многообразия самой совокупности фактов, относящихся к словарному составу языка.[2]

Наибольшую трудность представляет при этом не само признание различного рода взаимодействий внутри словарного состава языка, — их изучение по разным направлениям уже имеет свою традицию и в последнее время сделало заметные успехи, — а два круга вопросов, тесно связанных с самим пониманием системы языка.

Во-первых, насколько противоречит понятию системы как замкнутого и внутренне организованного единства частей представление о лексике языка как наиболее обширной совокупности сосуществующих элементов, непрерывно претерпевающей изменения, непрерывно пополняемой новыми членами и постоянно теряющей в ходе различных исторических перемен те или иные члены? Отсюда возникают и следующие вопросы: можно ли в этой совокупности последовательно выделить различные иерархически соподчиненные и взаимозависимые группы слов? Можно ли установить отношения между наиболее устойчивым и организующим центром этой системы и вечно подвижной и неустойчивой ее периферией? Распадается ли при этом лексика языка на ряд отдельных, более или менее ограниченных и изолированных «полей» или групп, или она действительно представляет собою единое целое, в котором сказывается, хотя бы опосредованно, взаимодействие самых отдаленных звеньев? Наконец, по каким признакам можно расчленить и объединить эти отдельные «поля», отдельные группы слов?

Во-вторых, если иметь в виду постоянную изменчивость лексики языка, с одной стороны, и, вместе с тем, с другой стороны, момент стабильности, постоянства как обязательный для всякой системы, возникает вопрос: можно ли провести понятие системы в область исторического изучения лексики, или оно имеет отношение только к выявлению связей между словами в определенном состоянии языка, при одновременном сосуществовании различных слов? [3]

или иным понятием и — соответственно — предметом нашей мысли и выявления «внешних», социальных условий, вызывающих его появление в языке, изменения его смысла и выход его из употребления. При этом выводы нередко носят слишком прямолинейный характер, игнорирующий как сложность отношений между словом и его значением, с одной стороны, и понятием и предметом мысли, с другой, так и сложность самой природы слова как элемента системы языка, предполагающей отношения слов двоякого рода, — не только к миру понятий и вещей, но и к самому строю и составу языка. Словарный состав при этом воспринимается только как простейший ряд отдельных единиц, практически не ограниченный и внутренне никак не организованный (если не считать отношений грамматических).

[2] Отсюда и сейчас еще, хотя все реже, можно услышать сетования на то, что понятие с и с т е м ы применительно к лексике «ничего не дает», что слово «система», прилагаемое в данном случае, всего только — дань модной научной фразеологии. Ср., напр., выступление В. М. Жирмунского на дискуссии о синхронии и диахронии 1957 г. (См. в сб.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 70).

[3] Ср. интересную критику самого соссюровского понятия «синхронности» в применении к одному состоянию языка, которое тем не менее по сути своей всегда есть лишь м о м е н т в его развитии, в книге Э. Косериу «Синхрония, диахрония и история» (русский перевод в сб.: Новое в лингвистике, вып. III, М., 1963, с. 143—343).

Нигде антиномия «диахронии» и «синхронии», выдвинутая Соссюром, не приводит к таким драматическим коллизиям, как в области лексикологического исследования. Во всяком случае, мы должны констатировать, что многие представители современного языкознания считают, что понятие системы лексики языка может быть сколько-нибудь последовательно проведено только при синхронном ее изучении и что оно невозможно в плане исследования ее исторических изменений.[4] Если учесть, что главный нерв в изучении лексики все-таки составляют установление и объяснение ее многообразных и сложных исторических изменений, то следует признать, во всяком случае, что понятие системы при таком подходе получает назначение прежде всего техническое, что систематическое представление в «одномоментном» срезе совокупности лексических явлений приобретает характер условной и произвольной, а главное — внешней классификации. Примеры этого мы и видим часто в попытках провести классификационное деление лексики по отдельным группам и «полям». При этом нередко и неизбежно выступало и нарушение принятого принципа: приводить в связь только одновременно существующие факты и только состоящие в действительно внутренне обусловленных соотношениях.[5]

В следующих параграфах этой части введения мы не предполагаем остановиться на всех основных вопросах, касающихся описания и изучения лексики как системы. Мы затронем здесь лишь отдельные положения, непосредственно подводящие к задачам нашего конкретного исследования.[6]

§ 3. В этой работе мы исходим также из представления о словарном составе языка как об определенной системе, отдельные звенья и стороны которой закономерно связаны между собою и постоянно взаимодействуют. Вместе с тем мы опираемся на признание возможности установить общие закономерности этих изменений и провести понятие системы также и в область исторического изучения лексики.

Прежде всего необходимо остановиться на двух общих оценках словарного состава и его изменений, которые обычно служат препятствием для признания за первым характера системы, а за вторыми — систематического характера.

Когда на словарный состав смотрят как на простую совокупность или сумму всех слов данного языка, как на практически неограниченный ряд отдельных элементов, то прежде всего имеют в виду, что невозможно дать ни точной количественной его характеристики, ни тем более общей ка-

---

[4] Отсюда иногда выступает даже стремление вывести историческое изучение словарного состава за пределы лексикологии, представить его как своеобразный вводный раздел в лексикологию. Правда, при этом имеют в виду преимущественно старые исследования историко-этимологического характера, ограничивавшиеся констатацией источника и внешних причин, вызывающих появление слова. См.: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 9.

[5] По условиям общего характера этой работы в нашу задачу не входит здесь рассмотрение этих попыток. Краткое изложение некоторых, наиболее значительных и симптоматичных теорий этого рода и критический анализ их методологических приемов и вытекающих из них выводов см. во введении (гл. I) к книге А. А. Уфимцевой «Опыт изучения лексики как системы» (М., 1962). Нельзя не отметить, однако, что при справедливой и методологически правильной критике ряда концепций зарубежных лексикологов (напр., Й. Трира, Л. Вейсгербера и др.) автор этой книги рисует неоправданно радужную картину состояния этого вопроса в нашем языкознании и затушевывает остающиеся нерешенными трудности, противоречия и недостающие звенья теории.

[6] Основное направление и общие выводы этой работы были в свое время кратко изложены в статье «Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в.» (ВЯ, 1961, № 3).

чественной характеристики.[7] В лучшем случае ограничивались при этом выделением своеобразного ядра словарного состава, наиболее устойчивых и наименее подверженных изменениям слов, которым приписывается конструктивная сила и в которых главным образом проявляется национально-специфический характер языка.

Представления о неопределенности границ словарного состава языка опираются обычно на два основных аргумента: 1) непрерывность его изменений, безостановочное пополнение его новыми словами и 2) пестрота и неоднородность этого состава, обусловленная тем, что словарный состав обслуживает самые различные нужды самых различных слоев и групп общества, всего национального коллектива.[8]

Общее положение о непрерывном (или «почти непрерывном») и постепенном характере изменений словарного состава, правильное само по себе, нуждается, однако, в существенных дополнениях. Этот тезис не раскрывает вполне диалектики развития словарного состава.

Во-первых, можно заметить, что эти постоянные изменения, т. е. появление новых слов, изменения значений слов и выпадение из языка слов устаревших, не лишает словарь известной устойчивости и стабильности. И не только потому, что всегда при этом остается круг элементов устойчивых, не подвергшихся изменениям. Ведь процесс внедрения новых слов и процесс выпадения устаревших слов из языка — процессы разной степени интенсивности. Процесс выпадения слов — процесс безусловно длительный, более длительный во всяком случае, чем процесс усвоения новых слов и перехода последних из индивидуального или группового в общее употребление. Процесс выхода слов из употребления обычно подготавливается постепенным их «устареванием», сужением их употребительности, круга их сочетаемости с другими словами и изменением их значения и стилистической характеристики, постепенным переходом их из разряда обычных, активных слов в разряд пассивно воспринимаемых периферийных слов, более свойственных употреблению одной социальной или одной возрастной группы говорящих и пишущих. Чаще всего выпадение слов из языка, подготовленное процессами их постепенной контекстуально-фразеологической изоляции и ограничения употребительности, связано с периодами смены поколений, т. е. охватывает одно или даже несколько десятилетий. Такое, более или менее длительное сосуществование в языке слов приходящих и уходящих, новых и устаревающих создает условия для установления известных регулярных отношений между ними, для постепенного изменения установившихся связей.

Во-вторых, — и это очень существенно, — постоянство и непрерывность лексических изменений еще ничего не говорят о степени интенсивности этих изменений, различной в разные эпохи развития языка. Утверждение о непрерывном развитии словарного состава не подчеркивает того важного обстоятельства, что постепенная эволюция словарного состава приводит, при соответствующих условиях, в определенный исторический момент к существенным его преобразованиям. Лексика изменяется не только постепенно и непрерывно, но и неравномерно. Когда складываются соответствующие внешние и внутренние условия, — т. е. в эпохи особенно интенсивной общественной жизни, в эпохи очень зна-

---

[7] Ср. в статье «Словарный состав языка»: «Более или менее точно определить количество слов какого-либо языка не представляется возможным хотя бы потому, что словарный состав непрерывно пополняется в связи с развитием общества, прогрессом науки и техники» (БСЭ, 2-е изд., т. 39, с. 342).

[8] «Словарный состав общенародного языка включает слова профессиональные, просторечные, жаргонные, диалектные, которые характеризуют речь представителей различных социальных групп» (БСЭ, т. 39, с. 343).

чительных и глубоких социально-культурных перемен, с одной стороны, и вызванных этим существенных изменений языковых привычек и вкусов, изменений в соотношении различных стилей речи, изменений словообразовательной системы языка, обусловленных постепенным накоплением однородных лексических элементов, с другой, — тогда являются и более или менее значительные перестройки лексической системы языка в сравнительно ограниченные отрезки времени. Тут дело идет уже не просто об очень сильном пополнении словаря новыми словами и не о значительном круге устаревших и выходящих из употребления слов, но и о существенных перегруппировках внутри лексики, связанных с изменением условий сочетаемости слов, синонимических отношений между словами, перестройкой многих словообразовательных гнезд и с изменением активности различных словообразовательных разрядов лексики.

Без учета этих перегруппировок представления о изменениях словарного состава являются неизбежно неполными и односторонними. Именно это и делает необходимым проведение понятия системы в области историко-лексикологического изучения. На материале лексических «новшеств» конкретного исторического периода, бесспорно связанного с сильными изменениями в лексике нашего литературного языка, нам и хотелось бы продемонстрировать закономерность и «системность» таких изменений.

§ 4. Известно, что словарь — сфера в языке наиболее проницаемая. В словарный состав любого языка постоянно проникают разного рода слова, не всегда в нем задерживающиеся. Таковы часто лексические заимствования из других языков, слова диалектные или жаргонные, многие специальные термины и профессиональные слова, обычные только для определенного ограниченного круга говорящих, различные индивидуальные или групповые лексические новообразования, наконец, своего рода «потенциальные» или «окказиональные» слова.[9] Указанные слова, эпизодически и при определенных условиях проникая в словарный состав языка, часто не принадлежат ему прочно. Во всяком случае историко-лексикологическое исследование не может не различать между словами, прочно входящими в словарный состав и наделенными особым лексическим значением, и словами, лишь проникающими в него как чужеродное тело или не располагающими самостоятельным лексическим значением,[10] между элементами, отражающими общую норму словоупотреб-

---

[9] Речь идет при этом о словах, образованных по известной модели, значение которых не предполагает, однако, особой предметной отнесенности. Меняется лишь формальная точка зрения на предмет или является дополнительная экспрессивная оценка. Таковы, например, часто существительные с суффиксом *-ость* по отношению к прилагательным или причастиям, от которых они производятся (*зеленость* при *зеленый*, *усвояемость* при *усвояемый*, *разбитость* при *разбитый*, *дряпность* при *дряпной*, *деревянность* при *деревянный* и под.); отглагольные существительные с суффиксами *-ние*, *-тие* при соответствующих глаголах (напр., *говорение*, *разбитие*, *хождение*, *плетение*, *ношение*, *вынашивание* и пр.). Ср. слова, занимающие явно промежуточное положение между собственно отдельными словами и грамматическими формами слова (типа различных уменьшительных и увеличительных образований существительных: *домик*, *домок*, *домище*, *хвостик*, *хвостище*, *ящичек*, *бревнище* и др.); уменьшительные образования прилагательных (*зелененький*, *легонький*, *тоненький*, *тонюсенький* и др.). Подобные слова, легко образуемые в речи от случая к случаю, составляют ряды принципиально не ограниченные. Они не всегда удерживаются в языке (хотя иногда превращаются в самостоятельные лексические единицы, теряя прямую соотносительность и грамматическую или словообразовательную зависимость от исходных слов); их не всегда фиксируют даже самые полные словари данного языка. Эти небольшие гнезда тесно связанных по значению слов можно было бы условно принимать за одну л е к с е м у.

[10] Но различение двух этих различных разрядов слов, конечно, не дает права лексикологу, изучающему словарный состав в его историческом движении, вообще игнорировать разряд «окказиональных», не «типичных» для системы слов. Напро-

ления, и словами, выступающими лишь как принадлежность речевого узуса отдельных лиц или отдельных узких социальных или профессиональных групп.[11]

Следует заметить, что особое положение таких «метеоритов» в лексической системе важно учитывать при установлении момента вхождения слова в словарный состав языка. Это следует сказать в особенности в отношении слов, заимствуемых из других языков — из этого потенциально всегда готового к услугам, при наличии межъязыковых контактов, лексического запаса: время их эпизодического появления в речи не всегда совпадает со временем их присвоения лексической системе заимствующего языка. То же следует сказать вообще о разного рода индивидуальных или групповых лексических новообразованиях.[12]

Таким образом, словарный состав языка, несмотря на свою «открытость», не представляет в определенных исторических условиях, будучи известным образом подчиненным общей норме употребления, принципиально безграничного ряда разрозненных единиц. Лексический состав — это также определенная система, правда, в отличие от других языковых систем, мало проницаемых и более замкнутых (напр., системы фонематической или грамматической), несравненно более обширная, сложная, гибкая и подвижная.

§ 5. С понятием системы прежде всего связано представление о совокупности таких явлений, которые обнаруживают определенную взаимосвязанность и соотношения, поддерживаемые действием определенных внутренних сил. Можно отметить по крайней мере пять постоянно действующих сил, которые в своем столкновении и взаимодействии определяют судьбу отдельных слов в языке.

Это, во-первых, сила самостоятельного особого значения слова, его отношение к действительности; во-вторых, отношения словопроизводства, связи слова с другими словами по своей форме, отнесенность слова к определенному грамматическому общему разряду, как самому широкому (части речи), так и к самому ограниченному и относительно замкнутому (гнездо слов); в-третьих, отношения слова к другим словам по значению, — по близости, совпадению общего значения при различии дифференцирующих оттенков (синонимия слов) или по признаку противопоставленности собственных значений слов, соотнесенных, однако, в этом противопоставлении (антонимия слов), или, наконец, по признаку известной отнесенности слов к одной общей семантической категории, к субординированному кругу понятий, соответствующих данным значениям (отдельные «терминологические ряды» слов, семантические «микросистемы»); в-четвертых, связи слов по контекстуальной смежности их значений, связи семантико-фразеологические в широком смысле слова, выражающиеся в более или менее устойчивой сочетаемости слов в речи и приводящие к выделению более или менее устойчивых и единообразных типов этой сочетаемости; в-пятых, связи слов по речевым контекстам, группировки слов стилистического характера.

На первый взгляд, сила связи слова как знака с определенным содержанием, «означаемым», представляется только тем, что определяет «от-

---

тив, наблюдения над ними, над условиями их появления и проникновения, хотя бы и временного, в словарный состав имеют также существенное значение (см. об этом ниже, с. 42).

[11] О соотношении понятий системы как определенно направленных функциональных противопоставлений отдельных элементов языка и нормы как системы обязательных реализаций, выступающих в конкретном языке на определенной ступени его развития и в определенный исторический момент, см. в указанной работе Э. Косериу (Новое в лингвистике, III, с. 174—175).

[12] См. об этом подробнее в § 4 гл. I, также — § 4 гл. II. — Ср. у Косериу различение между актами инновации и принятия (с. 192—194).

дельность» слова, что делает его изолированным, отличным от других слов. Эта связь представляется для языка «внешней», не имеющей отношения к его системе. Однако это не совсем так. Слово как отдельный знак отдельного содержания, конечно, независимо и самостоятельно. Но вместе с тем именно потому, что оно выделяет и абсолютирует лишь отдельный кусочек действительности, обозначаемый им, оно неизбежно приводится в связь с другими словами, определяющими другие явления действительности. Связи слов по смыслу, по выражаемому ими содержанию играют важную роль при сложении совокупности слов в известную систему. Во всяком случае мы можем наблюдать в словарном составе языка, во-первых, соотношение слов, близких по смыслу; во-вторых, в отдельных случаях тесную взаимосвязь слов, относящихся к одной системе понятий. Таким образом, даже в самой «отдельности», «особности» слова заключено характерное движущее противоречие. Именно она, противопоставляя отдельные слова, определяет их связанность, их отношения между собою.

Слово самим актом своего рождения связано с другими словами. Словопроизводственные связи дают слову жизнь и определенную физиономию, создают его «внутреннюю форму». Они привязывают слово к определенному грамматическому, структурному разряду. Но, явившись на свет как отпрыск определенного гнезда слов, слово вместе с тем представляет собою особый знак определенного предмета. Оно связано прямыми отношениями с явлениями действительности и с нашими понятиями о них. В истоке, в процессе становления слов эти связи и отношения, факт словопроизводства и факт номинации, предметной отнесенности слова, сходятся и объединяются. Но в ходе развития они могут и решительно разойтись. Прямая номинативная связь оказывается сильнее и устойчивее словообразовательной связи в силу своей исключительности и универсальности, в силу того, что слово становится общим постоянным обозначением известного предмета нашей мысли со всеми возможными его признаками. Это приводит к изоляции слова, к отделению его от первоначального гнезда слов. Именно эта изоляция и дает особую устойчивость слову. Вместе с тем независимость слова как носителя особого значения определяет возможность появления слова в языке вне и помимо действующих в данном языке в определенный исторический момент словопроизводственных связей. Таковы многочисленные факты заимствования готовых слов из другого языка.

Однако обретенная словом самостоятельность знака дает ему и производительную силу. Слово как отдельная автономная единица языка само становится потенциальным родоначальником нового гнезда слов. Изменение значения слова, его «терминологизация» также нередко приводит к перестройке «гнезд», к изменению словообразующих связей и отношений.[13] Процесс семантического обособления слова, его терминологическая уединенность оказывается источником и стимулом новых словообразовательных связей. Так и первоначально уединенные заимствованные слова оказываются родоначальниками новых гнезд, а при усвоении языком ряда аналогичных заимствованных лексем создаются новые словообразовательные типы.

Уже одни словообразовательные связи и отношения слов придают словарному составу определенный системный характер.[14] Многие факты свидетельствуют об определенной зависимости судьбы отдельных слов от

[13] См. в этой работе очерки истории слов *промышленность*, *влиять — влияние* и проч.

[14] В этом пункте сходятся сторонники проведения понятия системы в область лексики и те, кто сомневается в возможности установить системный характер лексики в целом.

судьбы известного их гнезда или словообразовательного разряда. В определенную эпоху перестройка ряда сходных словообразовательных гнезд имеет единое направление, даже целые разряды слов аналогического образования активизируются или, напротив, ослабевают.[15] Наконец, здесь можно легко наблюдать регулярные отношения слов, принадлежащих к различным грамматическим разрядам, но связанных по своему значению и происхождению.[16] Характеристике некоторых закономерных изменений в словообразовательных разрядах слов в русском литературном языке второй половины XIX в., развитию внутри их особых семантико-структурных типов и т. п. посвящены в значительной степени материалы гл. II этой работы.

§ 6. Связи слов другого рода, указанные выше, прослеживаются, может быть, с бóльшим трудом, более зыбки и не всегда так определенны, как связи слов по их грамматической структуре, по их образованию, но они не менее, а, пожалуй, даже более важны для определения системного характера лексики, они также вносят в ее изменения начало регулярности. Именно на изучение их сейчас и направлено в значительной степени внимание исследователей.[17] Это связи, как уже сказано, семантического, фразеологического и стилистического порядка, отчасти накладывающиеся друг на друга, отчасти не совпадающие.

Из связей слов по их собственному (лексическому) значению прежде всего выделяются связи синонимические и антонимические. Изучение этих связей для установления системного характера лексики представляется очень важным, хотя они и являются связями пространственно ограниченными, касающимися отношений между отдельными немногими словами. Синонимические и антонимические отношения — это либо отношения между парами слов, либо отношения внутри ограниченного ряда слов (синонимический ряд). Но вместе с тем эти пары или ограниченные ряды отдельных слов многочисленны во всяком сколько-нибудь развитом языке. Исследование этих отдельных лексических пар и сравнительно ограниченных рядов может многое открыть в общей системе лексики языка и особенно важно при изучении ее движения, ее изменений.

Синонимическая связь слов предполагает не только общность их значения, но, что особенно существенно, вызывает также семантическую дифференциацию и специализацию этих слов-синонимов, различие в их стилистической тональности, связанное с различной относительной широтой их употребления, их разнообразной сочетаемостью и зависимостью от определенных речевых контекстов. Слов-синонимов, которые бы полностью совпадали как в своем значении, так и в своей стилистической тональности, контекстуальной приуроченности и границах сочетаемости с другими словами, в языках развитых, опирающихся на сложившуюся

---

[15] См. характеристику изменений отдельных словообразовательных разрядов лексики в гл. II.

[16] Напр., соотносительность существительных с суффиксом *-ация* с глаголами на *-ировать*, зависимость образования существительных с суффиксом *-ость* от семантических изменений соответствующих прилагательных и т. д. (см. § 19 гл. III и § 4 гл. II).

[17] Однако на необходимость изучения этих регулярных соотношений, наряду с изучением грамматической (словообразовательной) регулярности, в словарном составе неоднократно указывали представители разных лингвистических направлений еще в XIX в. У нас эти идеи особенно близки были казанской школе. Н. В. Крушевский обращал внимание на значение не только связей и объединений слов по их с х о д с т в у, но и на ассоциации их по с м е ж н о с т и — объединения слов в определенные г н е з д а и в определенные р я д ы (см.: Н. В. К р у ш е в с к и й. Очерк науки о языке. Казань, 1888, с. 65—66). Теперь изучение парадигматических и синтагматических отношений в лексике признается одинаково важным для понимания ее системного характера.

норму употребления, обычно не так много.[18] Появление таких полных синонимов, вызываемое различными обстоятельствами (заимствованием слов, изменением значений слов, изменением стилистических разграничений в речи, столкновением различных диалектных слоев лексики и т. п.), обычно влечет за собою либо развитие смысловой дифференциации и разграничение их употребительности по определенным фразеологическим и стилистическим контекстам, по кругу типичных сочетаний с другими словами и по их общей стилистической характеристике, либо постепенное устранение из языка одного из смысловых дублетов. Во всяком случае, судьбу синонимичных слов нельзя рассматривать вне семантических, фразеологических и стилистических отношений, складывающихся между ними.

Не менее важно и установление отношений между словами-антонимами. Мы нередко можем наблюдать одновременное появление в языке таких слов и параллелизм совершающихся в них семантических изменений. Таково, например, часто одновременное появление прилагательных, обозначающих наличие какого-либо качества, и их «отрицательных» двойников с префиксами *без-* или *не-* (*деятельный—бездеятельный, идейный—безыдейный, интересный—неинтересный, инициативный—безынициативный* и т. д.). Аналогичная смысловая эволюция, приводившая к образованию новых образно-переносных значений, характерна в русском языке XVIII—XIX вв. для таких антонимов, как *белый—черный, мягкий—твердый* или *жесткий, живой—мертвый, высокий—низкий, глубокий—неглубокий, мелкий* (или *поверхностный*), *грубый—нежный, сильный—слабый* и т. п.

В данной работе описание синонимических рядов и антонимических соответствий не выделено в особые главы. Однако при характеристике изменений различных групп лексики и истории отдельных слов синонимическим и антонимическим отношениям уделяется большое внимание.[19]

Особое значение имеет вопрос о выделении лексических групп или рядов по признаку их смысловой отнесенности к единой сфере понятий.[20]

§ 7. Но отношения синонимичности и антонимичности — лишь частный случай проявлений внутренней связи и системных отношений в словарном составе, хотя и здесь в ходе развития обнаруживаются общие закономерности в силу сходного направления смысловой эволюции этих отдельных пар и рядов.

Несравненно обширнее связи, которые можно назвать фразеологическими (в широком смысле этого термина). Значение этого типа связей в последнее время все более подчеркивается лексикологией, хотя еще нельзя сказать, чтобы оно учитывалось в полной мере. Речь идет об изучении лексической сочетаемости слов в речи, ее границ и условий. Эти связи могут быть ограниченными, изолированными, когда речь идет об

---

[18] Имеем в виду такие, напр., синонимические пары, как *языковедение—лингвистика*. К сожалению, в современном употреблении нет устойчиво принятых терминов для разграничения собственно синонимов (т. е. слов по своему значению и употреблению не вполне тождественных) от слов, вполне совпадающих как по значению, так и по употреблению. Было бы целесообразно, напр., отличать синонимы от «тождесловов», или слов-дублетов. Это особенно важно при историческом изучении лексики, при изучении сложения лексической нормы в литературном языке.

[19] Ср. хотя бы наши замечания в гл. I (§ 18) об изменении синонимических рядов в связи с усвоением заимствованных слов; об установлении новых синонимических соответствий в связи с появлением новых переносных значений у многих слов конкретно-предметного и номинативно-терминологического значения (в гл. III). Ср. наши замечания об одновременном появлении новых антонимических значений у слов *белый—красный, передовой—отсталый, правый—левый* и т. п.

[20] См. об этом § 8 Введения.

идиомах языка. Так, слово *баклуши* выступает исключительно в сочетании со словом *бить*. В других случаях эти связи более широкие и свободные, хотя тем не менее ограниченные (так, гл. *лаять* в своем прямом значении связан лишь со словами *собака*, *лисица*, *шакал*; при переносном значении этого слова становится возможна связь со словами, обозначающими лица). Границы сочетаемости слова с другими словами в речевых контекстах зависят от значений сочетаемых слов, от того, насколько эти последние ассоциированы в нашем сознании. И вместе с тем изменение границ сочетаемости слов может вести за собою изменение значений слов. Связи многих наиболее употребительных слов в языке (таких, как *вода*, *камень*, *идти*, *ходить*, *стоять* и т. п.) с другими словами, конечно, очень широки и многообразны, но и они далеко не безграничны в каждый данный исторический момент.

До сих пор фразеология, составляя часть лексикологии или даже своего рода приложение к ней, изучает лишь отдельные разновидности сочетаний слов, — наиболее тесные, постоянные и устойчивые, представляющие смысловое единство, где значение отдельного компонента сочетания выводится лишь из значения целого сочетания. Но эти разного рода фразеологические единства или комплексы только частный случай возможных в языке сочетаний слов. С исторической точки зрения, они — результат постепенного ограничения сочетаемости слов, объясняемого процессами, происходящими в лексической системе. На самом деле отношения между фразеологией в широком смысле слова, изучающей различные типы лексической сочетаемости и последствия изменений этой сочетаемости для судьбы отдельных слов, и лексикологией, изучающей типы и судьбы самих отдельных слов, должны быть обратными. Лексикология должна в своих выводах о закономерностях изменений слов и их особого значения пользоваться теми данными, которые предоставляет ей изучение фразеологических связей, условий смысловой сочетаемости слов и всех характерных для определенного состояния языка возможных сочетаний слов, как «несвободных», так и «свободных». Для историко-лексикологического исследования установление границ и условий сочетаемости слов в речи определенной эпохи особенно важно, так как оно помогает выявлению определенных закономерностей изменений словарного состава, установлению типических аналогичных семантических изменений в определенных группах слов.[21] В нашей работе характеристике изменений фразеологических условий употребления слов, расширению или, напротив, сужению круга их типических сочетаний с другими словами, вытекающему отсюда изменению их семантики и сложению ряда новых (часто очень обширных) фразеологических серий слов уделяется особенное внимание.[22]

Большое место при определении общих тенденций и направлений изменений в словарном составе занимает момент стилистический. Наблюдая изменения лексики в известный период существования языка, можно

[21] В последнее время в структурной лингвистике получает все большее распространение исследование семантики слова и моделирование семантических классов слов через изучение их синтаксических отношений с другими словами. См., напр.: Ю. Д. Апресян. О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского глагола). В сб.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.

[22] См. материалы гл. III. Мы не говорим уже о том, что без учета более или менее постоянных и устойчивых объединений слов невозможно и исследование процессов образования новых слов, словопроизводства и словосложения. Ср. образование на базе сочетаний новых сложных слов типа *железнодорожный*, *миросозерцание*, *сногсшибательный* и пр. (подробнее в § 12 гл. II), а также ряда префиксально-суффиксальных образований (типа *беспросветный*, *бессистемный*, *безграничный* и т. д., или *набрюшник*, *подсвечник* и т. д.); ср. также *чугунка* (от сочетания *чугунная дорога*), *паровик* (паровая машина), *баклушничать* и др.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

заметить сходную судьбу часто обширного ряда слов, занимающих определенное стилистическое положение среди других его лексических средств, — их одновременное передвижение от центра системы к ее периферии или, обратно, аналогичный ход внутренних семантических перемен у слов, принадлежащих к одной стилистической группе. Характер явлений широкого объема несомненно имели в XIX в. процессы выпадения из употребления или семантико-стилистического перерождения многих славянизмов и примыкающих к ним по стилевым признакам других старокнижных лексических элементов.[23] В истории литературного языка этого времени мы можем наблюдать также сильную волну, внесшую в литературное употребление многие областные и просторечно-разговорные слова и передвинувшую обширную группу их с переферии к центру лексической системы, усилившую их активную употребительность. И в этом случае можно отметить, что перемещающиеся слова обнаруживают аналогичные семантические изменения, и, во всяком случае, существенно изменяется их фразеологическое окружение, сочетаемость с другими словами.[24]

§ 8. Необходимость учета при изучении лексики связей и отношений слов перечисленных выше типов, т. е. связей словообразовательных (лексико-грамматических), связей ограниченного пространственного объема по близости, сходству значения или по явной противопоставленности значения (синонимических и антонимических), по типической сочетаемости (что нередко связано с конструктивными особенностями таких сочетаний) и по принадлежности их к определенному стилю речи, теперь уже очевидна и не вызывает споров. Спорным и нерешенным по преимуществу остается, как сказано, вопрос о возможности выделения в словарном составе более или менее обширных и вместе с тем определенных групп лексики по признаку их семантической общности, т. е. по отнесенности их к известному классу понятий и определенному предметно-тематическому кругу, и тем более вопрос о возможности представить себе лексику языка как внутренне полностью организованную систему соподлагаемых и субординированных единиц, с определенной иерархией отдельных классов слов, т. е. как определенную внутренне цельную семантическую структуру.

Попытки такого рода разделения лексики по широким понятийным или семантическим полям, как известно, предпринимались уже неоднократно, применительно к различным историческим состояниям разных языков, но легко обнаруживали внутреннюю несостоятельность, а часто и методологическую предвзятость. Основным пороком таких попыток признается их априористический характер, то, что отбор и классификация слов осуществляются при этом на отвлеченных логических основаниях. Даже в том случае, если обнаруживается какая-либо взаимозависимость существования слов и их тесная семантическая связь в известном более или менее определенном тематическом круге, остается по-прежнему проблематической связь этого круга с другими лексическими элементами языка. Любую сколько-нибудь широкую тематическую группу слов, выделенную по логическому признаку, составляют слова разного источника и разного времени появления в языке, различных степеней устойчивости, фразеологической и стилистической активности и т. д. При известном логическом подходе они, может быть, и вычленяются как звенья одной терминологической системы или элементы, относимые при известных условиях к одной понятийной сфере, но легко рассыпаются как живые слова языка, наделенные совокупностью раз-

[23] См. об этом подробнее во втором разделе введения, а также в гл. III.
[24] См. подробнее там же.

личных признаков. При таком объединении нередко нарушается исторический принцип исследования и игнорируются конкретные связи и отношения отдельных слов, идущие по разным направлениям. Между тем естественно убеждение, что группировка слов, если мы хотим, чтобы она отражала действительные соотношения и связи их, складывающиеся в развитии языковой системы под воздействием как внутренних, так и внеязыковых условий, должна основываться на учете всех действующих здесь факторов: генетических (словообразовательных), стилистических, фразеологических и семантических. Критическое отношение к подобным логизированным обобщениям все настойчивее утверждается в современной лексикологии, так же, как все более проникаются сомнениями относительно возможности воссоздать единую «иерархию» слов, охватывающую весь многоразличный и подвижный словарный состав языка.

Напротив, все больше крепнет убеждение, что, несмотря на невозможность приписать лексике языка характер сколько-нибудь замкнутой структуры, отношения внутри нее проникнуты «системностью», что эти системные связи и отношения захватывают ближайшим образом ограниченные ряды слов, но зато нет ни одного звена в ней, которое бы оставалось вне таких отношений. Ограниченные в пространстве, эти связи тем сильнее проявляются во времени, в развитии. Отсутствует единая структура, всеобъемлющая иерархия словарного состава, но универсальным остается принцип взаимодействия, взаимосвязи отдельных частей и элементов состава.

Отрицание единой системы в лексике, возводимой на логико-понятийных основаниях, вовсе не означает отсутствия между отдельными группами слов связей, построенных на логических отношениях, на отнесенности их к одному ряду понятий, покрываемых одной логико-семантической категорией. Следует в связи с этим признать плодотворными попытки выделения различных логико-понятийных лексических микроструктур.[25] Бесспорно, напр., что известное внутреннее единство составляющих членов имеет место у слов, выражающих понятие времени и его деления, отношений и степеней родства, обозначающих цветовые различия, и подобных им систем, близких к терминологическим. Эти «микросистемы» также, конечно, не являются вполне замкнутыми и тем более неподвижными. Они открыты в том смысле, что их изменения закономерно связаны с изменением самого круга понятий. Но бесспорно и то, что вносимые действием «внешних» сил изменения в эти ряды обычно связаны с внутренней перестройкой их отдельных членов, с семантической перегруппировкой этого ряда слов, так же точно, как это имеет место и при изменении синонимического ряда.

Следует заметить, что при историческом исследовании лексики мы обнаруживаем известную зависимость изменений слов, образующих широкую группу по некоторым общим семасиологическим признакам. Во всяком случае в ходе историко-лексикологического изучения могут быть отмечены и выделены те тематические группы слов, которые оказываются в силу ряда причин наиболее активными, изменчивыми и при этом подвергающимися аналогическим изменениям. Такой широкой группой слов для интересующего нас времени была, напр., та часть книжной лексики, которая относилась к выражению отвлеченных понятий, связанных с общественно-политической и идеологической сферой, слова, обозначающие общие категории гносеологического порядка, выделяющие различные стороны социального устройства и междучеловеческих отношений, различные стороны внутренней психической деятельности и т. д. (см. об

[25] См., напр.: О. Н. Трубачев. К вопросу о реконструкции различных систем лексики. Лексикографический сборник, вып. VI, М., 1963.

этом подробнее в гл. I). Обращает на себя внимание также факт взаимодействия и соприкосновения сфер влияния групп, далеких по своим первоначально семантико-стилистическим признакам, а в связи с этим и известного параллелизма в их семантическом развитии. В силу определенных социальных причин, а также в силу изменений в стилистической системе русского языка в это время приходят, напр., во взаимодействие традиционно-книжные слова, относимые к указанной семантической сфере, и слова конкретно-предметного значения. Эти последние слова вовлекаются также в сферу выражения отвлеченных, общественно-политических и идеологических понятий, приобретают новые зависимые переносные значения, иногда терминируются. Аналогичные изменения в этом плане происходят и в кругу лексики узко-терминологической, книжной (многие термины точных и естественных наук) и в кругу лексики просторечной, предметно-бытовой.

§ 9. Обычно утверждение, что системный характер языка может быть отчетливо прослежен лишь в плане синхронного исследования. Это утверждение, в известной степени справедливое при обращении к тем языковым системам, которые отличаются значительной устойчивостью (напр., к фонематической системе), обнаруживает свою ограниченность при описании фактов системы лексики, отличающихся наибольшей подвижностью. В этом случае можно выдвинуть противоположное утверждение: системность лексических явлений, связь между отдельными элементами лексики и их взаимозависимость обнаруживаются преимущественно при их историческом изучении, при исследовании их движения. Задачи исторического изучения лексики не могут быть ограничены ни определением происхождения или источника отдельных слов, ни общей группировкой лексики по признаку общности их происхождения, образования или понятийного содержания, ни, наконец, констатацией изменения формы и семантики отдельных слов на протяжении времени. История отдельного слова — только эпизод в общем движении словарного состава. Главное состоит при этом в определении общих закономерностей развития и функционирования этого сложного состава единиц, в установлении различных связей внутри этого целого, когда изменение одного звена необходимо сказывается в изменениях других звеньев. Из более или менее необходимого «дополнения» к синхронному описанию лексики, из своего рода «введения» к нему, историческая лексикология должна превратиться в подлинный центр лексикологического исследования, стать его необходимой основой. Систематическое изучение лексики языка не может не быть проникнуто историзмом, снимающим метафизическое противопоставление синхронии и диахронии. Каждое состояние лексического состава есть лишь м о м е н т в цепи его непрерывных изменений. В каждом из таких исторических моментов даны отражения предшествующего движения, наслоения разных эпох и стимулы дальнейших изменений. Одномоментный синхронный срез при высокой степени изменчивости очень сложной системы не может не быть иллюзорным. «Покой» и «движение», «состояние» и «изменение» не могут быть восприняты как различные плоскости при определении лексической системы. Только историческое изучение лексики открывает надежный путь к выяснению ее системности, ее внутренних связей и внешних условий, способствующих установлению этих связей.

Изменчивая сложность лексического состава трудно поддается систематическому истолкованию, будучи произвольно выхвачена в один из моментов ее существования. Историческое исследование обнаруживает, напротив, становление системности в лексике. При таком исследовании вскрывается связь отдельных элементов и взаимодействие отдельных факторов, внутриязыковых и «внешних», социальных. При таком изуче-

нии видно, как изменения одного рода ведут за собою изменения другого рода, и разные стороны явления оказываются внутренне связанными. Именно обнаружение этих взаимосвязанных изменений наглядно показывает, что перед нами не механическая сумма сведенных вместе случаем или соположенных единиц, а система, объединенная внутренним единством.

Сложность этой системы связана с постоянным перекрещивающимся воздействием внутренних и внешних факторов. Оба определяющих признака ее — внутреннюю сложность и многоразличие ее социальных функций и условий употребления — нельзя разъединить и противопоставить друг другу. Внутреннее и внешнее в историческом развитии языка не только связаны и сплетены, но и нередко переходят одно в другое.

Движение в словарном составе как совокупности непосредственно значимых отдельных элементов обнаруживается прежде всего в воздействии внешних, социальных факторов: оно начинается появлением новых для данного языка слов, вызванных появлением новых предметов нашей мысли, которые оно призвано обозначить, и сдвигами в восприятии и понимании уже известных явлений. Изменения значений слов определяются также новыми осмыслениями явлений действительности, выдвижением на первый план вновь открытых их признаков и связей. То, что складывается первоначально как новое выражение определенного смысла, ясное и доступное лишь для известного круга лиц, затем становится общим достоянием, отвлекается от специфических черт группового воззрения, становится носителем общего широкого значения, входит в лексический состав языка как его необходимое звено. Воздействие новых явлений, новых «вещей» и воздействие новых воззрений на те или иные явления — вот первые внешние силы, ведущие к изменениям в словарном составе. Под влиянием этих же сил в конечном счете устаревают слова, забываются их прежние значения.

Есть и другие силы, «внешние» собственно словарному составу, но не внешние языку и норме его употребления. Они оказывают также сильнейшее влияние на словарный состав и его изменения. Их можно обозначить как факторы стилистического порядка. Изменения в стилистике языка и стилистике речи связаны с изменениями в составе языкового коллектива, с изменением его социальной природы, с выдвижением внутри его новых влиятельных групп, со сменою поколений, с борьбою различных мировоззрений и т. д. Старые слова уходят и начинают тускнеть, а их употребительность падать, другие слова, в свою очередь, приходят и становятся все более заметными и употребительными не только потому, что исчез тот или иной предмет или появился новый, а и потому, что изменились общественные взгляды, языковые вкусы и привычки. Некоторые слова кажутся для известной группы лиц недостаточно выразительными и ясными, другие представляются более рельефными, точными и определительными, и если эта социальная группа оказывается идейно влиятельной, ее употребление накладывает отпечаток на общее употребление. Постепенно складывается новый языковой узус.

Но это только начало движения и только одна его сторона. Уже при самом появлении новых слов обнаруживается и действие внутренних сил. Новые слова образуются по известным законам словообразования, пришлые извне подчиняются этим же правилам. Новые слова, постепенно пополняя словообразовательные разряды, изменяют их границы и их активность. Выделение новых подтипов внутри известных словообразующих типов вызывает «переразложение» формы слова. Новые значения появляются на базе старых или отпочковываются от них по известным уже ранее типам семантических связей и отношений.

Начинается обратное воздействие новых элементов на различные стороны и части системы. Столкновение новых слов со старыми, сходящимися с ними в общем значении, может вызвать их дальнейшую смысловую дифференциацию, изменить значение старых слов. Еще чаще является при этом стилистическая дифференциация слов, постепенное изменение стилистической характеристики как старого, так и нового элемента. Расширение фразовой сочетаемости у одного слова ведет к ограничению этой сочетаемости у слов, прежде тождественных ему по смыслу или синонимичных. Вхождение в смысловой ряд слов, образующих ту или иную понятийно связанную «микросистему», ведет к изменению значения и назначения прежних ее членов, к изменению отношений между ними. Так постепенно складывается в этом потоке взаимодействующих изменений во многом новый облик лексической системы.

В истории отдельных слов и их внутренних отношений есть известная «цикличность», отмечающая рубежи в изменениях и развитии лексической системы. Новое слово появляется как более или менее «уединенный», обособленный знак, фиксирующий определенное содержание. Правда, для собственных неологизмов языка ясны первоначально его связи с другими словами, от которых оно произведено. Но вместе с тем, а часто именно в силу воздействия внутренней формы слова, ограничены его фразеологические связи, круг возможных его сочетаний с другими словами. Новые слова часто находятся по отношению к другим, уже привычным обозначениям того же общего понятия в неопределенных семантических отношениях. Обнаруживается известная «избыточность» словоупотребления, является неустойчивое состояние «тождесловия», предполагающее возможность выражения одного и того же смысла разными словами без разграничения их по семантическим и стилистическим оттенкам и по кругу сочетаний с другими словами. Но первоначально узкий круг возможных фразовых сочетаний постепенно раздвигается, в силу разных ассоциаций, различных смысловых схождений и аналогий становится возможным употребить слово в сочетаниях с другими словами, невозможных ранее. Эти изменения сочетаемости постепенно осознаются как особые реализации его исходного значения, типизируются, слово начинает обрастать различными значениями, более или менее связанными и сходящимися в одном понятийном звене. Однако распространение этой сочетаемости и следующее за ним выявление нового смысла, нового значения может повлечь с течением времени за собою и столкновение этих смыслов, их отдаление и постепенное расхождение. Усиление одного значения за счет другого в свою очередь может повести за собою новое сужение, ограничение сочетаемости. Избыточность словоупотребления, сосуществование слов, тождественных по значению, неизбежно вызывает в дальнейшем их смысловое размежевание, а также и расхождение по кругу привычных сочетаний. Тенденция семантического распространения слова, обрастания его новыми значениями и тенденция смысловой дифференциации, специализации и терминологического уединения слова неизменно сосуществуют в языке и сталкиваются в ходе развития словарного состава.

Но в разные эпохи существования языка они проявляются с разною силой. Эта разная степень проявления указанных тенденций в значительной мере объясняется действием факторов социального характера. Усиление тенденции к семантической дифференциации между элементами лексической системы, близкими по значению, определяется, с одной стороны, общим стремлением к установлению единой национальной нормы, созданием целостной стилистической системы и интенсивностью формирования общественного сознания. Усиление тенденции к расширению семантических границ слова, выявлению новых его осмыслений

и новых фразеологических связей ближайшим образом связано с изменением общих стилистических норм употребления, с созданием такой стилистической системы, отдельные стили которой находятся в тесном общении между собою.

Указанные условия с большою силою проявились в русском литературном языке XIX в. Мы уделяем поэтому значительное внимание этим процессам при характеристике общего движения словарного состава русского литературного языка в 30—90-х гг. XIX в.

II

§ 10. В процессе развития русского литературного языка нового времени, развития, имеющего исключительное значение для складывания общенациональных норм русской речи, при неуклонной последовательности этого процесса, имеются свои «перерывы непрерывности», свои узловые моменты, которые отчетливо выделяют различные этапы в этом развитии. Таким узловым моментом бесспорно являются 30—40-е гг. XIX в. С этого момента во многих отношениях развитие получает новое направление, новые темпы; в это время некоторые давно назревшие вопросы получают свое разрешение.

Для такого очевидного перелома в ходе развития литературного языка были все необходимые основания. С одной стороны, предшествующее развитие литературной речи в ее основных стилистических разновидностях, — развитие, опирающееся на старые традиции и вместе с тем поднявшее на поверхность многие новые языковые элементы, — выявило противоречия в системе литературного языка, которые еще не нашли своего разрешения ни в течение XVIII в., ни в первой трети XIX в. С другой стороны, литературное творчество 20-х гг., прежде всего творчество Пушкина, дало живые, непреходящие по своему значению образцы новых норм и форм литературно-языкового выражения. Наконец, с 30—40-х гг. ведет свое начало бурное и глубокое развитие новых демократических идей, развитие прогрессивных направлений в общественной мысли, в философии, в литературной критике и эстетике, развитие реализма в художественной литературе. Деятельность Белинского и писателей, идейно и творчески связанных с ним, оставила глубокий след и на литературном языке, во многом определила пути и направления его дальнейшего развития.

Новое направление в развитии литературного языка сказалось, естественно, прежде всего на изменениях его лексической системы. Всякого, кто обращается к изучению истории литературного языка начиная с 30-х гг. XIX в., поражает интенсивность этих изменений. Это отмечали уже современники. «Сколько введено русских слов на нашей памяти, начиная с Карамзина!» — восклицал Даль.[26] А цитирующий эту реплику Даля Я. К. Грот, имевший возможность непосредственно наблюдать происходящие изменения на протяжении нескольких десятилетий, подтверждает и дополняет это признание: «Чтобы убедиться в этом, стоит сравнить любую нынешнюю книгу или газету [27] с тем, что писалось лет 30—40 тому назад, даже и лучшими из тогдашних литераторов: в каждом современном нам сочинении найдется множество русских слов и оборотов, которых не знали ни Карамзин, ни следовавшие за ним писатели».[28] Одни вновь образованные в 1830—1870-х гг. русские слова со-

[26] В. Даль. Недовесок к статье «Полтора слова о русском языке»; Москвит., 1842, № 9, с. 91.

[27] Это писалось в 1869 г., — *Ю. С.*

[28] Я. Грот. Филолог. разыск., I, с. 18.

ставляют сами по себе обширное собрание. Их не единицы, а сотни и тысячи. Но этим пополнение и обновление словарного состава литературного языка еще не исчерпывалось. Не менее обширен и вклад иноязычных заимствований. Здесь также сотни и даже тысячи слов, утвердившихся в это время в употреблении. И при этом во многих случаях речь идет не о «явлениях моды», не о «злоупотреблениях», не о случайных метеоритах, попавших в чужеродную среду, не об «экзотических» словах, приуроченных к явлениям иного национального опыта, но также и о словах семантически очень значительных и весомых, вполне усвоенных затем русским языком и занявших определенное место в его лексической системе, приведенных в ясные отношения с их русскими синонимами, а иногда и возглавляющих новые синонимические ряды, об основных устойчивых выразителях очень широких и значительных понятий.

Еще одну обширную группу новых слов литературного языка этой поры составляют слова из различных областных народных говоров, из разного рода социальных и территориальных диалектов, из профессионального лексикона разных специальных сфер, из мещанского и крестьянского просторечия. Эти слова в указанное время часто подвергались литературной канонизации в стилях новой русской литературы, прочно оседали в литературном языке, за их счет в значительной степени составился новый обширный разряд «литературного просторечия», т. е. слов, представляющих единую стилистическую группу не по признаку их обособленного положения в системе стилей литературной речи на правах особого замкнутого низового «диалекта» ее, каким еще было русское просторечие в XVIII и начале XIX в., а слов, особых по своим экспрессивным стилистическим признакам (сниженность, резкость, фамильярность и т. п.), но допустимых (и даже охотно привлекаемых) в разных стилях речи и являющихся в различных тесных сочетаниях со словами собственного книжного литературного языка.

Но и всеми этими наплывами новых слов не исчерпываются изменения в лексической системе русского литературного языка данного времени. Не менее, а в некотором отношении даже, может быть, более значительной была внутренняя семантико-стилистическая перестройка уже известных слов, приведшая во многих случаях к существенным изменениям в их значении, в еще более многочисленных случаях — к изменению их фразеологической активности, границ сочетаемости с другими словами, к появлению новых смысловых оттенков, отчасти обусловленных фразеологически.

Наконец, на протяжении этого времени довольно многочисленные слова, еще обычные в книжном употреблении предшествующего времени, тускнели и отходили на второй план или и вовсе отбрасывались, выходили из употребления. Это коснулось не только отдельных слов, но и целых лексико-стилистических разрядов, поскольку их члены оставались непереработанными, непоглощенными и непреображенными в новой системе стилистико-фразеологических отношений. Так не пережили этого времени многие высокие славянизмы и многие просторечно-простонародные слова, державшиеся по преимуществу в рамках отдельных стилей старой литературной речи. Первые либо вовсе забылись, либо остались как архаизмы и раритеты для очень специфического употребления. Вторые оказались на положении внелитературных слов, областных и просторечно-простонародных, каковыми они собственно и были в предшествующее время; они не были включены в литературную норму.

Обращение к словарям XIX в. дает достаточно выразительную картину происходивших сдвигов. Естественно, однако, что это лексикографическое отражение протекавших процессов бледнее самого живого явления. Словари в силу разных причин с опозданием, иногда значитель-

ным, отмечали многие из лексико-фразеологических нововведений. Во всяком случае, в составленном вторым отделением Академии наук «Словаре церковнославянского и русского языка»[29] мы не найдем вообще многих слов, обычных в употреблении этого и последующего времени, а в толковании многих других слов не обнаружим и намека на те их особые значения, оттенки и привычные сочетания с другими словами, которые уже достаточно отчетливо выступают в текстах данного времени.[30] А между тем словарь был задуман его составителями не как «выбор», но как «полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа».[31] Отчасти это отсутствие слов в указанном словаре отвечало некоторым его тенденциям, противоречащим общему замыслу.[32] Но оно объясняется также и тем, что некоторых слов не было еще и в языке 30—40-х гг., или они только появились в употреблении и пугали академиков-составителей своею новизной и необычностью.[33]

§ 11. Одним из очевидных признаков происходившего перелома являются многочисленные суждения и рассуждения его современников о судьбах литературного русского языка, о путях его дальнейшего движения и развития и о преградах, служащих помехою этому развитию. Как ни значительна и решительна была предшествовавшая полемика вокруг «нового слога», спор «архаистов» и «новаторов», карамзинистов и шишковцев, развернувшийся с начала XIX в. и осложненный затем столкновением различных литературных направлений — прежде всего классицизма и романтизма в 20-х гг. XIX в., — все же высказывания критики 30-х гг. о литературном языке, о его состоянии и перспективах дальнейшего развития поражают своей противоречивостью, столкновением крайних точек зрения, а вместе с тем — на фоне этой пестроты концепций — неожиданными совпадениями в некоторых важных исходных пунктах. Налицо глубокий кризис старой стилистической системы и вместе с тем все более отчетливое осознание невозможности дальнейшего движения по старым путям. Глубина кризиса подчеркивается теми лаконичными, решительными, нарочито обостренными и на первый взгляд «нигилистическими» формулами, которые были в таком ходу в критике 30-х гг. и знаменовали неизбежность поисков нового. Тезис

---

[29] Словарь был выпущен первым изданием в 1847 г. Первые тома его начали печататься в 1842 г., а план, по которому он создавался, был выработан еще в 1830 гг. (см.: ЖМНП, 1835, № 12).

[30] Проделанное автором этой работы сплошное сличение академического словаря 1847 г. с «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова дало следующие результаты. Более 10 тысяч слов, обычных для современного литературного употребления, либо вообще отсутствуют в Слов. 1847 г., либо не имеют там тех значений и обычных употреблений, которые присущи им в современном языке. Материалы, которыми мы располагаем, позволяют с уверенностью заключить, что большая часть этих слов явилась или семантически видоизменилась на протяжении 30—90-х гг. XIX в. Довольно значительная часть их нашла свое место уже в первом и втором изданиях словаря Даля, хотя и этот последний далеко не исчерпал всех лексических новшеств литературной речи своего времени.

[31] См. предисловие к Словарю, с. XII. Составители также стремились, по их словам, «рачительно собирать и вносить слова, пропущенные как в прежних, так и в новейших словарях».

[32] Так составители руководствовались пуристическими принципами в отношении иностранных слов и обязались «отвергать иностранные слова, не нуждою, а прихотью введенные и не народом, а некоторыми только лицами употребляемые». Практически это привело к исключению из словаря довольно многих слов этого происхождения, уже закрепившихся или настойчиво входивших в употребление. См. подробнее об этом в гл. I настоящей работы, с. 48—49.

[33] В предисловии к Словарю указано, что отделение в 1846—1847 гг. получило от акад. П. И. Кеппена собрание слов, отчасти отсутствующих в словаре, но некоторые из них «не могли войти в него как иностранные или по новости употребления их» (там же, с. X).

«у нас нет литературы», выставленный и по-разному развитый и обоснованный почти одновременно представителями разных направлений,[34] дополнился вскоре другим, не менее решительным: «у нас нет еще языка».[35] 30-е гг. XIX в. были последней и ярчайшей вспышкой полемики, затронувшей все основные, глубинные вопросы русского литературного языка и его дальнейшего развития. Эти языковые споры постепенно затихают и суживают свой диапазон уже в 40-х гг. Они почти сходят со страниц наиболее влиятельных общих журналов в 60-х гг.

Само по себе это движение литературно-языковой полемики отчетливо обозначает грани совершившегося перелома. С середины XIX в. основные вопросы дальнейшего развития литературной речи можно уже считать решенными; оно уже прочно вошло в новое русло. Только с очень специфических позиций можно было и в позднейшее время утверждать, что русский литературный язык не является еще вполне народным, национальным по своим формам, как это и делал, напр., Даль. Все основные направления литературной критики и общественной мысли сходятся на том, что процесс преобразования литературного языка на национальной основе уже в основном совершился, что литературный язык уже не только е с т ь, но и достиг высокой степени развития, что вполне раскрылось его национальное своеобразие. Зато в 30-е гг. не было ни одного направления, которое бы не высказало своих претензий к литературной речи, которое бы не требовало ее радикального усовершенствования и не строило бы своих предположений о путях этого усовершенствования. В этом споре, при всей запутанности многих высказанных здесь утверждений, легко обнаруживаются крайние точки суждений, устраняемые в ходе самого спора, и не менее отчетливо выделяются точки сближения разных суждений.

Сопоставляя языковую полемику 30-х гг. со спорами предшествующего времени, мы сталкиваемся прежде всего с характерным смещением плоскости спора. Можно без преувеличения сказать, что в языковых спорах середины и второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в. центр тяжести сосредоточивался на вопросе о языковых традициях, на вопросе о закономерности изменений в самих основах литературной речи, о месте старого книжного наследия в ней и о соотношении тех стихий, из которых она складывалась. После Ломоносова, теоретически обосновавшего особое место и назначение в системе формирующихся стилей литературного языка так называемых славянизмов, наследия церковнославянской книжности, долгое время не было радикальных попыток разделения двух стихий в литературной русской речи. Утверждение о тесном соотношении и неразрывной исторической связи и вместе с тем

---

[34] Как известно, этот тезис был впервые определенно формулирован И. В. Киреевским в «Обозрении русской словесности за 1829 г.» (см.: И. Киреевск., II, с. 38). С известной иронией отнесся к этому заявлению молодого критика Пушкин. Но и Пушкин косвенным образом присоединился к нему, утверждая, что «время зрелости» нашей словесности «уже н е д а л е к о» (Пушк., XI, с. 109). С начала издания «Библиотеки для чтения» (1834) этот тезис стал излюбленным и модным в устах ее издателя — Сенковского. Наконец, он нашел свое развитие в первой обзорной статье Белинского «Литературные мечтания». Киреевский, заявляя, что «у нас нет литературы», имел в виду, конечно, не совокупность произведений словесности, а литературу как «полное отражение умственной жизни народа», достигшую высокой степени самобытности и стоящую в одном ряду с наиболее развитыми литературами мира. Белинский, поддерживая утверждение, что «у нас есть писатели, но нет литературы», мечтал об общем интенсивном идейно-художественном движении, о полном развитии в литературе начал реализма. См. также сходные высказывания на эту тему у Бестужева-Марлинского, Веневитинова, П. Полевого.

[35] Этот последний тезис был обоснован в статье Н. И. Надеждина «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» (1836). К ней мы еще обратимся.

о стилевом разграничении славянской, книжной и русской, живой разговорной стихии было прочно усвоено академической традицией. Еще составители Слов. 1847 г., явно, впрочем, уже не в духе времени, считали неудобным и преждевременным «решительное разделение русского языка с церковнославянским, потому что стихии того и другого доселе еще тесно связаны между собою».[36] Поэтика классицизма, столь влиятельная до начала 20-х гг., канонизировала и прочно сохраняла вместе с разделением слогов славянизмы как обязательные формы возвышенного языкового выражения. Многие новые писатели карамзинской школы правда уже чуждались этой «славянщизны» и говорили о необходимости сближения разговорного и книжного языка. Но ни самому Карамзину, ни его последователям не хватало решимости и последовательности в этой борьбе. Они пугались архаизирующей книжности, но еще более боялись впасть в простонародность и дать свободный доступ в стили новой литературы своеобычной и «странной», по слову Пушкина, стихии народного просторечия, оригинальной народной фразеологии. Это постоянно ослабляло силу нападения карамзинистов на старый слог, а склонность их к известной «денационализации» и «нейтрализации» книжной речи давала лишний довод против них ревнителям старого слога.

Особые общественно-политические обстоятельства вновь неожиданно подчеркнули права и значение славянизмов в стилистической системе литературного языка. Многие писатели-декабристы видели в них законное средство для выражения гражданского пафоса. В декабристской фразеологии архаические языковые элементы подчеркнуто противостояли «чужевластью мод». Исторические концепции романтизма 20-х гг. определяли особое место славянизмов в системе выражения национального духа. Усложняющим обстоятельством было и растворение наиболее ходовых славянизмов в поэтической фразеологии 10—20-х гг., превращение их в обычные словесные украшения, в привычные условные формы и даже штампы поэтической речи.

Но романтические концепции 20-х гг. вместе с тем взрыхлили и подготовили почву для окончательного решения вопроса о славянизмах как обязательной стихии литературной речи. Они решительно порывали с традицией «замкнутого стилистического контекста», культивированной классицизмом. Нормой становилось сознательное нарушение установленных правил объединения слов в речевом контексте. Просторечие вовлекалось в высокие поэтические жанры — романтической баллады, поэмы и т. п. — и там встречалось с привычными средствами напряженно-возвышенного выражения — с книжными славянизмами.

Защитники и приверженцы старых классических норм в поэтике и стилистике сразу же увидели здесь угрозу устойчивости славянизмов как обособленной жанрово-стилистической категории книжного языка. Но кредит этих пуристов был слишком решительно подорван для того, чтобы они могли с успехом выполнить функции охранителей старины в русском языке. Характерно, что в 30-е гг. уже не встречается безусловная защита старых стилистических норм в этом отношении. Спор уже идет не о том, чтобы оставался незыблемым этот обособленный и стилистически особенно важный пласт славянизмов, а о том, допустимо ли, в каких границах и при каких условиях употребление славянизмов в новых стилях литературной речи. Полемические выпады и не подлежащие обжалованию приговоры «литературных аристархов» сменяются осторожными академическими утверждениями о «невозможности» еще, особенно в историческом плане, отделить собственно русскую и церковнославянскую языковую стихию. В сущности вопрос о славянизмах был уже окон-

[36] Предисловие к Слов. 1847, с. XI.

чательно разрешен к началу 40-х гг. Еще правильнее сказать, пользуясь философским термином, что он был с н я т практикой развития русской литературной речи 20—30-х гг. Решающей здесь была, как и во многих других отношениях, литературная деятельность Пушкина. И это несмотря на то, что сам Пушкин еще достаточно широко и свободно пользовался лексико-фразеологическими славянизмами в своей поэтической речи и считал их необходимым ее стилистическим ресурсом.

Молодой Пушкин вступил на проложенный романтическими теориями путь свободного объединения русских народных и книжных славенских форм в поэтическом контексте. Но силою своего поэтического гения он показал возможность их органического слияния и сближения и устранил очевидную нарочитость такого соединения. В этих условиях многие обычные народно-разговорные слова и выражения обретали новые поэтические краски, новую выразительную гибкость, а многие славянизмы теряли отпечаток своего особого происхождения и былой жанрово-стилистической обособленности.

Наиболее показательным является отношение к славянизмам литературной критики 30—40-х гг. Их как особую и привилегированную категорию языковых форм отвергает не только Сенковский, пытавшийся вообще устранить границы между литературной, или, точнее сказать, письменно-книжной, и разговорной речью. О них как о необходимом ресурсе нового, народного по своему облику литературного языка не говорит и Надеждин в указанной выше статье. Наконец, Белинский не устает, от первых своих статей и рецензий до последних, преследовать наиболее обычные в книжной речи славянизмы, не ассимилированные общим употреблением. Особенно постоянны его нападения на устарелый высокий книжный слог и на привычные словесные шаблоны поэтической речи, в том числе на всякие *выи*, *чресла* и т. п. Его упреки в этом направлении обращены даже к Пушкину, чья стилистическая норма была для Белинского таким высоким идеалом.[37] «У нас даже первоклассные таланты, — иронически писал Белинский в последнем своем критическом обозрении, — любят *брега*, *младость*, *перси*, *очи*, *выю*, *стопы*, *чело*, *главу*, *глас* и тому подобные принадлежности так называемого „высшего слога“» (X, с. 296).

Деление речи на три слога, основное положение классических риторик, было подорвано новой романтической поэтикой и осмеяно русской романтической критикой. После Пушкина эти старые нормы и правила уже не могли рассчитывать на успех. Белинский в своих критических статьях и рецензиях систематически добивал эти устарелые представления о старых замкнутых стилях. Он не уставал преследовать всякого рода риторизм выражения, склонность к высоким обветшалым словам. В этом отношении с его критикою связана окончательная победа нового направления в стилистике русской литературной речи и окончательное падение старых языковых догм, авторитета устарелых слов и риторико-

[37] Ср. попутные замечания в статьях о Пушкине: «В отделке стихов „Кавказского пленника“ заметно еще.. влияние старой школы. Случаются неточные выражения, как например, в стихе: „Удары шашек их *жестоких*“, или „Где *обнял* грозное страданье“; попадаются слова: *глава*, *младой*, *власы*» (VII, с. 377); «В „Цыганах“ есть даже погрешности в слоге. Так, напр., в стихе: „Тогда старик, приближась, *рек*“, слово *рек* отзывается тяжелою книжностию, равно как и эпитет „под *издранными* шатрами“ вместо *изодранными*» (с. 400); «Но мы укажем и еще на несколько незамеченных ими (критиками «Полтавы», — *Ю. С.*) погрешностей, как, например, на неуместные славянизмы — *младой, благостыни, главы*» (с. 412) и т. д. Ср. также замечания по поводу драмы в стихах А. Григорьева «Олег вещий». Встретив там фразу Олега: «Где ты, Моя Торильда, с русыми власами», — Белинский иронически переводит «славянизм»: «Т. е. волосами. Может быть, Олег и говорил власами, но г. Григорьев ведь пишет языком не летописей, а нашим современным» (X, с. 154).

поэтической фразеологии. Сила Белинского заключалась в его последовательности. Характерно, что эти нападения на старый высокий слог, на выспренне романтическую фразеологию, на устарелые высокие слова и в том числе на славянизмы у Белинского усиливаются к концу его деятельности. Это неразрывно связано у него с защитою и обоснованием реалистического метода в литературе, с новым представлением о слоге не как о предвзятом ограничении словесного выражения, готовой речевой форме, а как о соответственном выражении мысли. «Ныне слово *слог*, — писал еще в первой своей статье Белинский, — начало терять прежнее свое обширное значение, ибо его перестают уже отделять от мысли» (I, с. 85). После Белинского возврат к старым стилистическим представлениям был уже совершенно невозможен.

Господство в риториках предшествующего времени представлений о трех особых стилях языка предполагало сосуществование по крайней мере трех обособленных лексических групп: славянской лексики высокого слога,[38] собственно русских или общих русскому и церковнославянскому языку слов и просторечно-простонародной лексики. Между этими словами устанавливались чисто внешние синонимические отношения: сходясь в своем общем значении, будучи нередко дублетами с семантической точки зрения, они резко расходились по сфере своего языкового употребления. Ср., напр., совпадение в основных исходных значениях многих неполногласных и полногласных вариантов слов (*град* и *город*, *блато* и *болото*, *златой* и *золотой* и т. п.), соотношение таких пар, как *восстать* и *встать*, *идти* и *шествовать* (ср. Слов. 1847: «*Шествовать*. Идти») и мн. др. Правда, внутри этих синонимических пар уже на протяжении XVIII в. намечались и семантические расхождения. Синонимичные в основном исходном значении, эти слова иногда не совпадали в других значениях. Ср. соотношение слов *глава* и *голова*; слово *восстать* заключало в себе уже специфическое значение «подняться на восстание», не выраженное в нейтральной форме *встать* и т. д. Но во всяком случае каждый из членов такой синонимической пары или ряда оказывался нередко принадлежностью одного языкового стиля, одной группы слов, замкнутой контекстами либо определенной жанровой природы, либо определенной стилистико-тематической направленности. Окончательное разрушение этой старой стилистической системы привело к решительному изменению лексических норм литературного языка. В связи с падением старых стилистических перегородок складываются более сложные и тонкие синонимические отношения между словами разного источника. Происходит смысловая дифференциация слов различного источника, ранее совпадавших в своем значении. Вариантность слов устраняется. Такова история многих «славянизмов», являвшихся обязательной принадлежностью старого высокого слога. Одни из них, а именно те, которые не приобрели особых значений и смысловых оттенков, выходили из употребления или оказывались архаическим запасным фондом, употреблявшимся только для специальных целей (для исторической стилизации речи, для характеристики речи особых социальных кругов, напр., духовенства, для иронической расцветки речи и т. д.). Следует отметить также, что некоторые из них по традиции продолжали употребляться и в поэтической речи как выразительные средства эмоционально приподнятого, возвышенного стиля. Но эта традиция сохраняла силу лишь для отдельных направлений и литературных школ (напр., у ряда поэтов 40—

[38] Понятие «славянизмов» было, конечно, в это время не историческим и часто условным. Выделение их по стилистическим признакам определяло то, что в разряд славянизмов нередко относились и архаические формы собственно русского происхождения, обретшие устойчивое положение в высоком слоге.

60-х гг., придерживавшихся теории «чистого искусства», поэтов-символистов и т. д.).

Другие слова из разряда прежних славянизмов, напротив, оказались широко употребительными, но зато утратили свою стилистическую обособленность, а во многих случаях изменили и свое основное лексическое значение, известным образом «терминологизовались». Такая эволюция этих слов была, конечно, подготовлена употреблением предшествующего времени. Решающую роль при этом играла их употребительность в собственно книжном языке XVIII в., в языке научной и критико-публицистической прозы и т. д. Они по традиционным представлениям старого времени еще условно объединялись под общею рубрикою «славянизмов», но уже не были достоянием только «высокого слога». Крушение старых стилистических норм и рубрик окончательно стерло с них клеймо их особого происхождения.[39]

Подобного рода эволюция лучше всего показывает, насколько бесповоротным было падение церковнославянской стихии как обширного особого и вместе с тем активного слоя в русском литературном языке. Вместе с тем никак нельзя преуменьшить тот вклад, который исторически дала она нашему книжному языку. Ассимиляция и впитывание славянизмов в книжные стили русской речи и в основной лексический состав русского языка — результат их длительного сосуществования в нем со словами исконно русскими. Но решающим в этом процессе ассимиляции и окончательного приспособления славянизмов к другим номинативным средствам русского словаря было крушение старой стилистической системы, предполагавшей обособленное и привилегированное положение славянизмов как высоких и поэтических речевых средств и постоянную оглядку на генеалогию слова, на его историческое происхождение, на его связи со старыми источниками.

При сопоставлении старых взглядов и новых стилистических представлений, которые так горячо и убежденно отстаивались передовой литературной критикой 30—40-х гг. и в первую очередь Белинским (а его влияние на общественную мысль трудно переоценить), поражает прежде всего изменение самих критериев оценки языковых фактов. Историко-генетическая точка зрения, подчеркивавшая прежде всего значение установившейся традиции, настойчиво сменялась точкою зрения актуальной, исходящей из нужд живого языкового употребления. Все, что было действительно нужным для выражения определенных понятий и различных смысловых оттенков, все, что могло более или менее легко отрешиться от старых семантико-стилистических ограничений, от связей с исконной почвой, — все это принималось и утверждалось в языке. Отголоски воспоминаний о прежнем положении слова, его предшествующей истории, конечно, давали себя время от времени знать и в дальнейшем, но не они решали дело. Это выразительно сказалось и на судьбе многих заимствованных иноязычных слов, на которой мы специально, ввиду значительности процесса их ассимиляции для данного времени, остановимся в первой главе этой работы.

Наступила пора полной зрелости и самобытности литературного языка, когда вопрос об источниках появления отдельных его элементов уже перестал быть главным и решающим. Лексический состав литературного языка все более приобретал характер прочной, внутренне во всех частностях единой системы. Изолированные языковые круги устранялись. Синонимия чисто стилистическая заменялась синонимией стилистико-семантической. Смысловая дифференциация слов с первоначально

[39] См. подробнее о семантической эволюции ряда славянизмов этого рода в гл. III, § 6.

общим, тождественным значением была решающим явлением этого времени.

§ 12. Другим следствием изменения стилистической системы литературного языка явился обильный приток в литературную речь разговорно-просторечной, областной и профессиональной лексики, того, что лексикографической традицией XVIII в. объединялось под общими наименованиями «просторечия» и «простонародного» употребления. Конечно, русское народное просторечие, — и наиболее общий его слой, и различные социально-профессиональные вариации его, — было и раньше постоянным ресурсом русской литературной речи, отдельных ее стилей. Но вместе с тем «просторечие» в XVIII в. и в начале XIX в. было обособленной, в сущности внелитературной категорией, очень мало упорядоченной внутри и приуроченной преимущественно лишь к некоторым «низким» литературным стилям. Прорывы этой просторечной лексики и фразеологии в иные речевые контексты были стихийными, мало организованными, случайными или очень индивидуальными, как напр. в языке державинской поэзии. Свободнее входило в ломоносовскую и послеломоносовскую пору просторечие в произведения среднего слога. Но эта свобода была сильно урезана в конце XVIII в. карамзинской регламентацией нового среднего слога, очень влиятельной на протяжении двух первых десятилетий XIX в.[40] Упорядочение этого слога, освобождение его от неоправданных вульгаризмов и грубо-простонародных слов у карамзинистов сочеталось с излишней щепетильностью в отношении всяких сколько-нибудь резко экспрессивных народноречевых форм.

Новые стили реалистической литературы с их устремлением к социально-жанровой живописи, к воссозданию многообразных сцен и картин народного быта, к определенной типизации требовали новых выразительных средств. Их требовала и новая публицистика и критика с присущей ей решительной постановкой насущных жизненных вопросов, резкой определенностью суждения, стремлением установить тесный контакт с другом-читателем и заклеймить и осмеять идейного противника. Свежие, до этого времени односторонне и неглубоко еще затронутые источники живой устной народной речи и предоставляли такие выразительные средства. Большое значение имело при этом и обновление классового состава интеллигенции. Рядом с дворянской культурой и в столкновении с нею вырастала культура демократическая, разночинская. Демократические идеи были слишком уже сильны и влиятельны, чтобы не оставить следа в известной демократизации литературной речи. Новые эстетические принципы реализма отразились и в «эстетике языка», в склонности к новым формам словесного выражения и к новым приемам и принципам фразового сочетания слов. Изменился состав интеллигенции (в частности — писательской среды) и по территориальному признаку.

Круг писателей расширялся за счет выходцев из среды провинциального дворянства, духовенства, мещанства. Они несли с собою привычные им с детства слова и выражения, свойственные той среде и той местности, откуда они вышли. Часть таких слов неизбежно осела в литературном употреблении. Дело и здесь решали не отвлеченные рассуждения пуристов о принципиальной неуместности тех или иных местных или

---

[40] Впрочем, эта осторожность в применении простых народных слов и оборотов в среднем стиле научного рассуждения или описания диктовалась и ломоносовским разграничением стилей. Любопытно сравнить в этом смысле первоначальные наброски С. П. Крашенинникова к «Описанию земли Камчатки» и ее окончательный текст, просмотренный Ломоносовым. «Просторечность» многих описаний в этой замечательной книге бросается в глаза даже и современному читателю. Однако окончательный текст более сдержан в этом отношении, нейтрализован и несколько окнижнен.

профессиональных слов и речений в литературном обиходе, а степень влияния на читателей того или иного писателя или целой группы и школы их и сила убедительности примера в новом литературном применении таких слов.

Характерно, что общие толковые словари первой половины XIX в. (Словарь Академии Российской во 2-м его издании (1806—1822), словарь П. Соколова (1834) и словарь Академии (1847)) еще не включают в свой состав многих просторечных слов, ставших обычными в позднейшем литературном употреблении и нашедших себе место во всех последующих словарях. До середины XIX в. эти слова еще были областными или принадлежащими к ограниченной сфере профессионального просторечия, к отдельным социальным диалектам. Реалистическая литература середины и второй половины XIX в., критика и публицистика этого времени стала охотно и свободно пользоваться многими из них как средствами экспрессивной характеристики. Это прежде всего и сделало их обычными членами лексической системы литературного языка. Мы наблюдаем, короче говоря, характерное для данного времени передвижение этого рода лексики от периферии к центру литературного употребления. Характеризуя новые явления в русской общественной и литературной жизни середины века, А. Григорьев отмечал между прочим и то, что в это время народная речь вливалась «живительной струею в литературу».[41]

В новых условиях свободного соприкосновения в различных литературных контекстах лексики традиционно литературной, книжной и лексики разговорного источника пришедшие в литературную речь просторечные, простонародные, областные и профессиональные слова и выражения легко теряли отпечаток своего специфического происхождения, нередко стилистически «нейтрализовались», еще чаще становились особыми оценочными синонимами книжных слов. Решающий перелом в отношении к народному просторечию как живому источнику литературной речи во всем ее стилистическом многообразии связан с творчеством Пушкина. Именно он первый дал совершенные образцы применения народноречевых средств в самых различных поэтических произведениях, образцы художественно-тактичного объединения их с лексикою иного круга.

В критике 30-х гг. общий вопрос о соотношении литературной и народной, разговорной и книжной речи становится центральным. Именно здесь развернулись особенно горячие споры, здесь были высказаны самые различные и часто крайние суждения. Чрезвычайно симптоматично то, как быстро вульгаризируются и теряют кредит в этих новых условиях старые нормализаторские тенденции, стремящиеся оградить литературный язык от наплыва «грубого» просторечия. Наиболее ревностными защитниками карамзинских норм оказываются в 30—40-х гг. Булгарин и Греч, пытавшиеся наложить на свои суждения печать бюрократической официальности. Под флагом заботы о чистоте и грамматической правильности литературной речи они вели мелочную борьбу прежде всего против лексико-стилистических новшеств. Но, превознося слог Карамзина как норму современного выражения, и они, однако, не рисковали официально осудить Пушкина и безоговорочно отвергнуть народную речь как источник литературный. Зато открывался простор для сведения счетов с писателями нового реалистического направления. Таким объектом нападок для Булгарина, Греча и позднее присоединившегося к ним Н. Полевого был Гоголь. Здесь в каждом новом просторечном слове или народном выражении виделась им грубость и «сальность», нарушение законов литературного «благоприличия». Позднее за это же подверглась

[41] А. Григ., I, с. 483.

ожесточенному обстрелу и «натуральная школа». В литературных кругах авторитет этих «охранителей чистоты языка» был ничтожен, но в массе читательской публики еще держалось представление о них как о «знатоках» русского языка. Вот почему Белинский в своих статьях и заметках так часто обращается к разоблачению пуристических тенденций Булгарина и Греча и так беспощадно их высмеивает.

Более сложным оказалось решение вопроса об общем соотношении и границах литературного и народно-разговорного языка. Здесь уже в 30-е гг. наметилось очень резкое расслоение между теми направлениями, которые в принципе признавали дальнейшее обогащение и совершенствование литературной речи за счет свободного обращения к народно-речевому источнику, к живой разговорной речи.

Первая вспышка этого спора была вызвана позицией, занятой Сенковским — редактором популярного в первой половине 30-х гг. журнала «Библиотека для чтения». Уже с первых критических статей в своем журнале Сенковский обрушился с насмешками на книжность в литературном языке, в частности на слова *сей*, *оный*, *поелику* и под. В первой книжке «Библиотеки» за 1835 г. была опубликована ироническая «Резолюция на челобитную *сего*, *оного*, *такового*, *коего*, *вышеупомянутого*, *вышереченного*, *нижеследующего*, *ибо*, *а потому*, *поелику*, *якобы* и других причастных к оной челобитной по делу об изгнании оных без суда и следствия из русского языка». Сам Сенковский, заполнив свою статейку остроумными насмешками над этими обветшалыми словечками и требуя их изгнания по крайней мере из языка изящной словесности, видел в этом преследовании лишь частное проявление общей тенденции к разрыву с церковнославянской книжностью и к преобразованию литературного языка путем сближения его с разговорным. «Судящие о вещах по старой привычке, — писал он, — останавливают внимание на внешней оболочке предмета и добродушно думают, будто дело идет об устранении из изящного слога нескольких обветшалых слов, неупотребительных или смешных в разговоре. Увы, увы, зачем они так добродушны! Зачем они принимают одну из форм явления за его сущность? Удаление *сего*, *оного*, *кой*, *ибо* и прочих есть только одна из наружных форм вопроса. Дело состоит в другом».[42] И далее: «Они (т. е. противники *сего* и *оного*, — *Ю. С.*) затеяли ни более ни менее как преобразовать русскую фразу и приготовить новую эпоху литературного языка. Они стремятся заставить словесность и разговорный язык дружески взяться об руку и вместе идти к изящности». Протестуя против тяжелого и медленного, хотя иногда «блистательного» старого книжного периода, Сенковский замечает, что такая фраза «слишком противна духу беседы и своей формой, и своими пружинами; она неестественна, потому что противна физиономии русского слова XIX века». Итак, опять выносились на свет карамзинские идеи о том, чтобы «писать, как говорят, и говорить, как пишут».[43] Однако теперь, в новой обстановке, усиливалась оппозиция славенской книжности и расширялся круг слов книжного характера, осуждаемых на изгнание из нового «изящного» слога. Столь же резко высказана Сенковским и восходящая к карамзинистам мысль о том, что высокий слог отличается не особыми книжными словами, а особым направлением мысли. «Возвышенного слога, с позволения вашего, не су-

---

[42] Библ. для чт., 1835, VIII, с. 31—32.

[43] Ср. статью Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (Соч., VII, с. 281). См. у Сенковского: «Это попеременное трение одних и тех же фраз о перо и уста, это беспрерывное сообщение словесности и беседы создают, округляют, совершенствуют родственные формы и той и другой. Кто хочет полагать между ними предел, тот препятствует успехам обеих» (Библ. для чт., 1835, VIII, с. 30).

ществует ни в земной природе, ни в целой солнечной системе. Он живет только в воображении риторов и на страницах их риторик. Нет слога низменного ни возвышенного, — есть только слог напыщенный и слог естественный, точно изображающий данную идею. Слог есть физиогномия мысли. Одна мысль может быть возвышенною; и если она возвышенна, то какими словами вы ее ни выразите, лишь бы представили ее чисто и верно, она всегда будет высока и вознесет слог в уровень с собою».[44]

Это выступление Сенковского вызвало сильный отклик в журналистике 30-х гг., что само по себе уже свидетельствует о злободневности поставленного вопроса. Еще показательнее то, что к общему мнению Сенковского присоединились писатели, находившиеся в принципиальной оппозиции к «Библиотеке» и ее редактору и резко осуждавшие слог самого барона Брамбеуса.[45] На защиту *сего* и *оного* безусловно выступили лишь Греч и Булгарин в «Северной пчеле». Они продолжали отстаивать эти устарелые особенности книжного слога долгое время, даже тогда, когда вопрос был решен бесповоротно в другую сторону.[46]

Более сдержанную позицию занял в этом споре Пушкин. Как известно, в «Современнике» за 1836 г. он опубликовал под псевдонимом А. Б. «Письмо к издателю», где по тактическим соображениям пытался смягчить резкие суждения о «Библиотеке» Сенковского, высказанные в знаменитой статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». Гоголь, в частности, в этой статье насмешливо отозвался и о «деле о двух местоимениях: *сей* и *оный*, которые показались.., неизвестно почему, неуместными в русском слоге».[47] Он сравнивал гонение на *сей* и *оный* со стороны Сенковского с попытками Каченовского широко внедрить v и i в орфографию русских слов. Пушкин иронически оценил нападение Сенковского на *сей* и *оный* как «шутки на счет невинных местоимений». Вместе с тем Пушкин отрицал возможность полного отождествления языка письменного и разговорного. «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися

---

[44] Библ. для чт., 1835, VIII, с. 33—34.

[45] Надеждин писал о разрыве между общими желаниям и речевой практикой Сенковского: «Вы сами, г. барон, — обращался он к Сенковскому, — позвольте спросить, как вы пишете? Положим, что вы пишете, как *сами* говорите; но так ли вы говорите, как *говорят*?». И далее: «Слава вам, что вы гоните „сии“ и „оные“, пусть они сдадутся в архив вместе с „понеже“ и „сице“! Но будьте ж беспристрастны; разделайтесь также и с „долженствовали“; приучите слух к любимому вашему слову „надуть“, которое все еще отзывается толкучим рынком; одним словом, покажите пример благородного, все выражающего и никого не оскорбляющего разговора в печати, да покажите не в журнальных статейках, не в фантастических похождениях, не в этой пустой болтовне о всякой всячине, которая есть насущный хлеб журналов, а в чем-нибудь подельнее, поважнее, посерьезнее!» (Телеск., 1836, XXXI, с. 223 и 225). Но беда была не только в неисправности, непоследовательности и манерности слога самого Сенковского. Он и в теории отстаивал манерную изысканность слога и видел образец разговорного языка в речи гостиных, «надушенной» и «полированной». Вот как представлялся ему процесс взаимного обогащения разговорной и письменной речи: «Как образуется изящный разговорный язык? Словесность берет элементы простого разговорного языка, обделывает их со вкусом, сообщает им красивейшие формы, укладывает из них звучные и ловкие фразы: эти фразы, восхитив, надушив собою ум читателя поутру в его кабинете, ввечеру возвращаются с ним в гостиную и вливаются в умную беседу, которая согревает их своим жаром, разнообразит применениями, нередко придает им смысл новый, яркий, блестящий. И с этими благоприобретенными качествами они опять переходят в словесность» (Библ. для чт., 1835, VIII, с. 30). Этот идеал «мещанина во дворянстве», естественно, не мог не вызвать насмешек.

[46] Однако показательно, что Греч, отстаивая права *сего* и *оного*, даже в своих «Чтениях о русском языке» (1840), втихомолку устранял их из собственной речи. Любопытно, что в случаях, когда текст «Чтений» буквально совпадает с соответствующим текстом из его «Практической грамматики русского языка» (1831), *сей* и *оный* старательно заменяются на *этот* и *тот*.

[47] Гог., VIII, с. 160—161.

в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».[48] Не трудно заметить, что, имея в виду неосторожность и прямолинейность формулировок Сенковского об отождествлении разговорной и письменной речи, Пушкин в этом случае переводит вопрос в другую плоскость. Он уклоняется здесь от решения вопроса о том, как далеко должно пойти сближение литературного языка с разговорным и насколько оправдан отказ от обветшалых и устаревающих лексических элементов, сохраняемых по традиции книжным языком. Он заменяет это вопросом о закономерности известных отличий письменного языка от разговорного и необходимости сохранения в книжном языке слов, усвоенных последним в течение веков. Соображения Пушкина, совершенно справедливые в общем плане, оставляют в стороне основной, конкретный вопрос спора. Такая уклончивость Пушкина, с одной стороны, свидетельствует о том, что лично для него вопрос о судьбе славянизмов и некоторых других традиционных форм книжного языка еще не был окончательно решен, а с другой стороны, эта уклончивость вместе с тем косвенно подчеркивает силу и значение поднятого спора.

Иначе отнеслась к этому выступлению Сенковского критика «Телескопа» и «Молвы», Надеждин и Белинский. Как известно, и Надеждин и Белинский убежденно и последовательно преследовали беспринципность «Библиотеки» и ее редактора. Однако в поднятом вопросе о словах *сей* и *оный* и о необходимости дальнейшего сближения литературного языка с разговорным, об очищении книжного языка от славянизмов и традиционно-архаических форм они поддержали позицию Сенковского. Надеждин выразил это в большой статье «Европеизм и народность». «Эта потребность совершенно основательна», — писал он, имея в виду «общую потребность искать литературного совершенства в уничтожении различия между письмом и речью, в сближении языка книжного с разговорным».[49] «Несвойственным» русскому народному языку считал он «влияние церковнославянского языка, подавившее в самом начале русскую народную речь, и долго, очень долго препятствовавшее ее развитию в живую народную словесность» (с. 32). Форму, приданную русскому книжному языку Ломоносовым, он также не признавал вполне народной, русской. «Слово его все еще было слово искусственное, книжное, слишком уединенное, слишком возвышенное над живой народной речью!» (с. 53). Итак, для Надеждина неизбежным представлялось дальнейшее сближение книжного языка с живою речью народа, дальнейшее освобождение литературного языка от элемента «славянизма», от устарелых искусственных слов и оборотов. Однако более чем всякий другой он видел и препятствий для этого. Отвергая разделение слога на высокий, средний и низкий, которое «существует только в риториках» (с. 207), он усматривал более серьезное расслоение в книжной и устной речи, вызванное разобщенностью отдельных социальных групп и сословий в тогдашнем обществе. «Во всех этих книгах, во всех писаниях какое разногласие, разноязычие! Право, подумаешь, что находишься при вавилонском столпотворении: такое смешение языков!.. Писатели не понимают друг друга, общество не понимает писателей; чернь восстает на ученых; ученые с презрением давят чернь своими тяжелыми фразами» (с. 212). Но дело осложняется, по словам Надеждина, и тем, что «у нас нет языка разговорного общего: у нас есть разговор мужика, разговор купца, разговор ученого, разговор подьячего, разговор военного,

[48] Пушк., XII, с. 96.

[49] Телеск., 1836, XXXI, с. 226. Далее при цитатах из этой статьи Надеждина в скобках даны указания на страницы указанной части журнала.

разговор степного помещика, разговор светского столичного человека! Все они составляют один язык, и все так различны между собою!» (с. 226). Так выстраивался ряд препятствий на пути достижения литературным языком полной народности, а языком разговорным — полного единства. В этих антиномиях, подчеркнутых Надеждиным, много преувеличенного; в предлагаемом к концу его статьи выходе — строить новый русский литературный язык, опираясь на славянскую языковую общность, — еще более неясного и фантастического. Но сильная сторона этой концепции Надеждина состояла в признании необходимости дальнейшего развития литературного языка, его сближения с разговорным, устранения социально-речевых перегородок в языке разговорном и, вместе с тем, в указании на ограниченность отдельных устоявшихся речевых форм. Многое из церковнославянского языкового наследства, с этой точки зрения, должно быть решительно отвергнуто, потому что оно стесняет и обособляет книжный язык; многое из различных народных диалектов и говоров не может быть принято в литературный язык без переработки и нового осмысления, потому что это угрожало бы впадением в «простонародность» и падением речевой культуры; заимствование иноязычных слов должно быть ограничено пределами разумного, потому что и это может затемнить и скрыть национальную физиономию языка и т. д. и т. п.

Общий вопрос оставался и у Надеждина нерешенным. Сомнения и отрицания, указания на трудности явно перевешивали в его статье положительную программу.

На других, более реалистических основаниях решались вопросы дальнейшего совершенствования языка и приспособления его к насущным нуждам общества в критике Белинского. И он присоединяется, как сказано, к тому преследованию остатков устарелой книжности, которое было начато Сенковским. Уже в рецензии на «Учебную книгу всеобщей истории» Кайданова (эта рецензия появилась в майском номере «Молвы» за 1835 г.) Белинский писал: «Г-н Кайданов любит мешать с русскими словами славяноцерковные, любит: *сей*, *оный*, *поелику*, которых по справедливости не любит почтенный Барон Брамбеус. Я, конечно, не так ожесточен против этих слов, как вышереченный муж, и даже почитаю необходимым их употребление в иных случаях, для большей ясности в слоге, особенно когда дело идет о предметах догматических, ученых; но я против их употребления без всякой нужды» (I, с. 194). Этим высказыванием открывается целая серия летучих, но метких нападок Белинского и на *сей* и *оный*, и на другие устарелые принадлежности книжного слога, на «славяноцерковные» слова.[50] Любопытно, что и в собственном слоге Белинского такие формы постепенно перестают употребляться; это особенно заметно после 1840 г., когда даже в очень возвышенных по строю мысли и напряженных по выразительности контекстах избегаются слова и выражения этого особого источника.

Но эта борьба против «старых слов» никогда не становилась для Белинского самоцелью. Его постоянные протесты против книжности и архаичности словесного выражения связаны с общим глубоким пониманием соотношения различных стилей речи, исходящим из результатов пушкинского преобразования литературного языка, с общей борьбою против устарелого деления на замкнутые «слоги языка», против риторической вычурности и выспренности словесного выражения. Более того, это свя-

[50] Вот далеко не полный перечень таких мест у Белинского: I, с. 238, 243, 257, 329, 331, 336, 345, 353, 374, 394; II, с. 86, 90, 96—97, 103, 113, 183 (полемика со статьей Гоголя), 215, 231, 365—366, 429—430, 452, 515, 545—549; III, с. 72, 73, 115, 119, 137, 158, 172, 200, 235, 277, 313, 515; IV, с. 44, 335 и др. Ср., впрочем, и иронические замечания по адресу «Библиотеки для чтения» с ее склонностью преувеличивать значение этой борьбы против отдельных слов (напр., Бел., V, с. 574).

зано с общей его концепцией исторического развития языка, с предпочтением сознательной точности и простоты выражения литературной речи. В этом смысле очень показательно рассуждение в статье «Русская литература в 1841 году». Белинский восстает здесь против «невежд», которые «смеются над славянскими словами и оборотами» в переводе «Илиады» Гнедича. Но сразу же вслед за этим выдвигает противопоставление двух эпох в развитии языка — периодов его «младенчества» и полной зрелости. «Всякий коренной, самобытный язык, — говорится там, — ..в своем начале, бывает полон слов и оборотов, дышащих какою-то младенческою простотою и высокою поэзиею; со временем эти слова и обороты заменяются другими, более прозаическими, а старые остаются богатым сокровищем для разумного употребления, и наоборот, если их некстати употребляют. Так у нас остались древние поэтические слова: *ланиты*, *очи*, *уста*, *перси*, *рамена*, *храм*, *храмина*, *праг* и т. п., заменившиеся прозаическими словами: *щеки*, *глаза*, *губы*, *груди*, *плечи*, *хоромы*, *порог* и т. п.» (V, с. 554). Итак, с одной стороны, взгляд на эти особые поэтические слова, вышедшие из употребления в общем языке, как на особый исторический ресурс, требующий очень тактичного обращения с ним в поэтической речи. С другой же стороны, признание закономерности смены и обновления норм общего языка, движения литературного языка от высокопарности и поэтической напряженности к простоте и «прозаичности», от подчеркнутой книжности к естественности разговорной речи. Не случайно в образной характеристике тех перемен в литературном языке, которые связаны с творчеством Пушкина, как главное подчеркивается Белинским то, что он «стал развязен, естествен, стал вполне русским языком» (IX, с. 223). Это усвоение русским литературным, в частности поэтическим, языком не отдельных слов и форм разговорной речи только, но присущей ей «естественности» тона, непринужденности («развязности») выражения и строя разговорной народной речи признается существенным завоеванием литературного языка.

Вместе с тем, постоянно отмечая это здоровое и необходимое сближение языка литературы с языком разговорным, указывая на дальнейшее движение в этом смысле после Пушкина в произведениях Лермонтова и Гоголя, Белинский решительно восстает против безразличного отождествления литературного языка с разговорным языком народа, против всякого рода попыток принизить развитую литературную речь, мощное орудие образования, до уровня необработанной, хотя и красочной и самобытной устной речи народа. «Но почему же, — спросят нас, — мы говорим все о языке литературы, а не о языке народа?» — ставит вопрос Белинский в рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева. И отвечает: «По самой простой причине: масса народа отстала от образованного общества, и язык ее сделался для общества слишком бедным и неудовлетворительным: ведь не у всякого же достанет духа объясняться *маленько мужицким* слогом» (IX, с. 224). На первый взгляд такое противопоставление кажется (и казалось отдельным современникам Белинского) недостаточно «демократичным» и «узким». Однако эти строки писались Белинским в годы полного развития его общих демократических идей. И именно в этом проявлялась сила и глубина демократизма Белинского. Он защищает сближение литературной речи с народным языком как ее неизменным источником, народность и самобытность ее форм, но вместе с тем требует обязательного обогащения ее своими особыми формами и средствами, еще чуждыми народно-разговорной речи, особенно «для выражения предметов науки, общественности», «новыми средствами для выражения новой сферы созерцания» (Бел., IX, с. 225 и 226). Отсюда вытекает и защита со стороны Белинского целого ряда слов книжного характера, особенно терминов, выражающих важные от-

влеченные понятия, приносимые развитием общественной жизни и общественной мысли, даже если они по необходимости оказались словами не русского языкового источника.

Таково было истинное разрешение спора о соотношении литературного языка и языка народно-разговорного. Именно по этому направлению пошло и дальнейшее развитие, сочетавшее проникновение в литературный язык и литературную шлифовку живых слов и оборотов, идущих из разговорной речи, с внедрением в него новых книжных отвлеченных слов и с семантико-стилистическим преображением некоторых традиционно-книжных слов и выражений. Эта система взглядов была воспринята и поддержана всей передовой мыслью последующего времени. Представления о том, что литературный язык, пока он еще содержит в себе элемент книжный, слова, вышедшие из церковнославянского или иноязычного источника, не может быть признан вполне русским и самобытным, истинно народным, представляют в позднейшее время удел уже отсталых и реакционных течений. Внешне демократическая линия Даля, стремившегося избавить русский литературный язык от всех прочно усвоенных им элементов не народно-разговорного источника, неразличимо отождествить его с диалектально пестрой разговорной речью народа, оказалась именно в период высокого подъема демократического движения 60-х гг., когда вышло первое издание его словаря, явным анахронизмом. Далю даже язык Пушкина казался лишь отчасти приблизившимся к самобытности, к народному началу. Но такие теории не могли вызвать сочувствия и признания ни у кого, кроме крайних представителей славянофильства. Новая демократическая среда, культивировавшая народно-разговорную струю в литературном языке, вместе с тем отстаивала и новое книжное начало в нем, делающее его орудием мыслительного прогресса.

Вхождение в литературный оборот новых просторечных, областных и профессиональных слов не только пополняло лексические его запасы новыми терминами, еще более — новыми сериями экспрессивно-оценочных слов и выражений. Оно усиливало процесс семантической дифференциации, вообще чрезвычайно характерный для данного времени. Просторечные слова, входя в состав литературного языка, нередко меняли свое значение, приспособляясь к выражению новых идей и явлений; они нередко становились в общий синонимический ряд со словами традиционно книжными и сами иногда теряли при этом отпечаток своей исходной «просторечности».

Постоянное соприкосновение и взаимодействие слов разного источника — книжных и просторечно-разговорных — одно из самых значительных и симптоматичных явлений этого времени.[51]

§ 13. Два фактора, как мы уже подчеркивали, играли решающую роль в обновлении и преобразовании словарного состава литературного языка. Пополнение его новыми словами и изменение, часто радикальное, значений уже известных слов вызывалось прежде всего новыми явлениями общественной жизни и общественной мысли этого времени. Развитие производства, новые формы социальных отношений, успехи науки, появление новых идейных течений, подвергавших решительной переоценке и пересмотру важнейшие стороны действительности, вели к образованию новых слов-терминов, к обогащению языка многими новыми словами номинативного характера. Развитие крупной промышленности,

[51] Подробнее об этих процессах взаимодействия слов разного речевого источника, о явлениях семантической дифференциации и о новой жизни в условиях литературного языка ряда просторечных, областных и профессиональных слов см. гл. III, §§ 16—17.

сельского хозяйства и средств сообщения, развитие капиталистических отношений, кризис и распадение феодально-крепостнической системы, подъем широкого демократического движения в стране, бурное развитие культуры, общественной мысли создавали условия не только для рождения отдельных слов, но и для усиленного формирования целых лексико-семантических разрядов. Обширен круг терминов, обозначающих различные новые предметы общественной практики, терминов научно-технических, производственных и т. д., появившихся или прочно закрепившихся в это время (таких, как *пароход*, *паровоз*, *железная дорога*, *керосин* и т. д.). Но особенно обширен и значителен вклад этой эпохи в разряд слов отвлеченного значения, ставших широко употребительными. Среди них выделяются прежде всего терминология и номенклатура, обозначающие различные понятия общественной жизни, культуры, идеологии, явления психического мира. В 30—70-х гг. этот круг лексики в основном складывается в его современном виде, многие из слов такого рода не только впервые появляются в это время, но и канонизируются, становятся устойчивыми, обычными, единственными обозначениями определенных понятий, популярными и распространенными. Список слов, вошедших в употребление около середины или со второй половины XIX в., оказывается в этом случае очень обширным. Ср., напр.: *бытовой*, *бытовать*, *вдохновить*, *вдумчивый*, *вдуматься*, *видоизменять*, *взаимодействие* (*взаимнодействие*), *влиять*, *влиятельный*, *вмешательство*, *впечатлительный*, *всесторонний*, *гласность*, *голосование*, *голосовать*, *дееспособный*, *деловитый*, *жизнедеятельный*, *закономерный*, *замкнутость*, *занятость*, *западник*, *злободневный*, *измышление*, *крепостник*, *международный*, *мировой*, *миросозерцание* (*мировоззрение*), *наглядный*, *народник*, *научный*, *невмешательство*, *нервничать*, *обобщение*, *обособление*, *объединить*, *обусловливать*, *осложнить*, *осмыслить*, *переживание*, *пережиток*, *попустительство*, *правовой*, *правомерный*, *предвзятый*, *причинность*, *причастность*, *равноправный*, *разъединить*, *раскрепостить*, *самодеятельный*, *самосознание*, *самообладание*, *самоуправление*, *созерцательность*, *соотносить*, *сопоставлять*, *сопоставление*, *собственник*, *сплоченность*, *сторонник*, *умозаключать*, *умозаключение* и пр.[52]

Как видно из этих примеров, в основном источник таких слов был книжный, они родились и определились преимущественно в публицистической речи. Но некоторые из них явились первоначально в разговорном употреблении известной узкой среды или кружка, хотя важнейшим посредником в их популяризации была опять-таки публицистика (ср. *голосование*, *западник*, *крепостник*, *народник* и нек. др.).

Представление о новых словах этого характера было бы совершенно неполным, если бы мы не учли очень значительного круга слов иноязычного источника, становившихся широко употребительными в это время. С 30—40-х гг. ведет свое начало усвоение нашим языком многих слов, получивших интернациональное значение.[53]

Еще в 20—40-х гг. представители критической мысли, и среди них Белинский, повторяли утверждение о бедности у нас «метафизического языка», т. е. об ограниченности номинативных средств и неопределенности в выражении отвлеченных понятий, особенно о недостатке лекси-

---

[52] См. подробнее об истории ряда этих слов в гл. II. Некоторые из них не были в строгом смысле слова неологизмами этого времени (ср. *вмешательство*, *гласность*, *обобщение*, *собственник*, *сторонник* и нек. др.). Но и в этом случае мы вправе говорить о них как о новых словах литературного языка. Ведь если они и возникали ранее в речи, то лишь эпизодически (ср. *собственник*). Только около середины XIX в. они становятся широко употребительными. К тому же некоторые из них в это время изменяют свое значение (ср. *обобщать*, *обобщение*, *гласность* и др.).

[53] См. подробно об этом в гл. I.

ческих средств для выражения понятий, имеющих отношение к общественной жизни, к явлениям идеологии и психологии человека. После того, что внесли в лексику русского языка 40—60-е гг., подобные жалобы, естественно, отпали.

Такое обильное появление новых слов было связано не только с потребностью обозначения новых понятий и явлений. Нужду в новых словах вызывала также необходимость в глубокой и четкой дифференциации и уточнении ряда общих понятий. Эта потребность является ярким свидетельством той высокой степени интенсивности, которую приобрело в это время развитие общественной мысли, в разных направлениях искавшей путей для более глубокого, точного и всестороннего анализа, понимания и объяснения материальных и духовных условий жизни общества. Вместе с тем постоянный и часто бурный приток новых слов вызывал к жизни необходимость размежевать их по значению, точнее определить сферу их семантического действия. Семантическая дифференциация и уточнение, «сужение» значений многих слов — бросающееся в глаза явление этого времени.

Вторым важнейшим фактором, вызывавшим пополнение и серьезную перестройку лексической системы русского литературного языка, было, как уже сказано, преобразование его стилистической системы — результат достижения нашей литературой полной зрелости и свободы в творчестве Пушкина, мощного развития в ней реалистического направления и расцвета демократической критики и публицистики.

Старая стилистическая система XVIII—начала XIX в., строившаяся прежде всего на представлении о трех особых «стилях» языка (высоком, низком и среднем) и пытавшаяся разграничить лексические средства разного источника по этим особым стилистически-контекстуальным кругам, была окончательно подорвана и разрушена творчеством Пушкина и критикой Белинского. Открылись пути для разнообразного и свободного объединения в речевом контексте слов различного происхождения и стилистической природы. Мы уже видели, как это сказалось на таком обособленном круге лексики, как славянизмы. Мы видели, как решительно изменилось отношение к просторечию и как это повлекло за собою широкое проникновение в литературный язык новых слов из народно-разговорного языка. Оказались устраненными и многие пуристические ограничения, касавшиеся слов иноязычного источника.

Но и здесь результатом этих стилистических изменений был не только приток новых слов или выпадение из языка некоторых высоких, книжных слов, потерявших кредит. Соприкосновение слов разного источника в едином литературном контексте вызывало к жизни многообразные стилистико-семантические изменения в этих словах. Стилистически опрощались, становились «нейтральными» номинативными средствами многие книжные, высокие слова. Теряли отпечаток особой сниженности, «простонародности» многие просторечные или областные слова. Это нередко сопровождалось и прямым изменением их значений. Предметно-номинативная лексика, употребляемая теперь в новых стилях повествовательной и публицистической прозы, получала нередко новые переносные осмысления, в ней развивались дополнительные отвлеченные значения. Специальные термины, употребленные в расширительном смысле, также получали новые, более широкие переносные значения. Круг подобных явлений был очень широким. Новая стилистическая система литературного языка приводила к тому, что слово становилось более гибким, семантически емким, способным к различного рода семантико-стилистическим изменениям.[54]

[54] См. об этом подробно в гл. III.

Новые стилистические нормы сказались и на словообразовательной системе литературного языка. Широко наметилось при образовании новых слов взаимодействие словообразовательных элементов, основ и аффиксов различного стилистического характера и разного речевого источника.[55]

§ 14. Настоящая работа не претендует на то, чтобы исчерпывающим образом охарактеризовать лексику русского литературного языка и все ее изменения на протяжении более чем половины века, времени необычайно интенсивного развития русской культуры. Русский литературный язык в эти годы достиг высокой степени развития, став на один уровень с самыми богатыми и развитыми языками мира. Его лексический запас неизмеримо вырос и разветвился. Задачей работы является очертить основные направления развития словарного состава в этот период. На первый план выдвинуто при этом то новое, что появилось в его лексической системе и в том или ином виде сохранилось до наших дней. Лишь в общих чертах, поскольку это необходимо для выполнения основной задачи, освещается здесь процесс выпадения из словарного состава литературного языка устарелых слов. Также лишь попутно, в связи с основной темой, рассматривается и проблема соотношения старых и новых лексических элементов. Дать полную характеристику всех наиболее употребительных слов, унаследованных русским языком этого времени от предшествующих эпох, и всех изменений в их семантике и фразеологических связях, естественно, не представлялось возможным.

Особое внимание среди различных литературных источников было обращено, как уже сказано, на произведения публицистические. Это вызвано не только особенно интенсивным развитием публицистических стилей и их сильным воздействием на другие стили литературной речи и речевые навыки русской интеллигенции, но также и тем, что именно в критике и публицистике многие лексические новшества находили наиболее быстрое отражение. Занятая «злобой дня», остро реагируя на новые явления действительности и чутко отражая различные перемены в общественном сознании, публицистика особенно нуждалась в новых языковых средствах и часто обращалась к новым словам и выражениям, не дожидаясь того момента, когда они будут канонизированы образцовым употреблением признанных писателей, одобрены пуристами-филологами и включены в академические словари. Поэтому показания публицистической речи особенно незаменимы при установлении даты происходящих в языке изменений. Жанры литературной критики и публицистики были той благодарной почвой, на которой в процессе столкновения различных по своей природе средств скорее всего определялись сдвиги в семантике, фразеологических связях и стилистической тональности слов.

В данной работе рассматривается судьба слов лишь наиболее общего значения и широкого употребления. Лишь попутно, как иллюстрация общих процессов лексических изменений, затрагивается круг слов более специальных, узкой употребительности. За пределами данной работы вообще остается характеристика развития различных терминологических систем в их целом. Это задача специальных исследований, и ее невозможно поставить и решить без глубокого анализа развития того круга понятий, с которым связана каждая из таких систем. Поэтому читатель не найдет в этой работе также и целостного описания общественно-политической терминологии важнейших идейных направлений этого времени. Лишь эпизодически освещается в работе и влияние развития марксизма в последние десятилетия века на изменения в кругу общественно-политической лексики. Поставить эту важнейшую тему можно только

[55] См. об этом в гл. II.

выйдя за рамки данного времени и привлекая материалы начала следующего века, времени первой русской революции. Но прослеживая судьбу отдельных слов, связанных при своем возникновении с тем или иным идейным течением, а затем получивших более широкое распространение, мы всегда отмечаем эту первоначальную связь и то особое смысловое наполнение, которое выступало в употреблении данных слов представителями определенного общественно-политического направления. Вместе с тем мы уделяем в этой работе особое внимание тем специальным терминам, которые получили особую употребительность и приобрели новые нетерминологические значения в речи данного времени.

Мы не претендуем здесь на сколько-нибудь полное освещение интереснейшего вопроса о словотворчестве крупнейших писателей этого времени. За пределами нашей работы оказываются многие явления индивидуального употребления, вызванные особыми условиями и целями. Не затронуты и многочисленные факты группового словоупотребления, не нашедшие широкого распространения за пределами одного кружка, не закрепившиеся в языковой норме. Однако, исследуя судьбу отдельных слов, получивших широкое употребление, мы стремились везде, где это оказывалось возможным, выяснить роль как определенных общественных групп и кружков, так и отдельных деятелей в образовании и популяризации этих слов. При характеристике развития отдельных разрядов лексики и общих семантических процессов нами достаточно широко привлекались и случаи индивидуального словотворчества и словоупотребления. Ведь индивидуальное в словоупотреблении и в словообразовании не только противостоит общему. Во многих фактах индивидуального словотворчества и словоупотребления наглядно выступают общие закономерности развития словарного состава языка.

Книга распадается на три больших раздела. В первом рассматривается судьба лексических заимствований, очень обширных в русском языке этого времени. Второй раздел посвящен многочисленным собственным неологизмам русского языка, значительно пополняющим и видоизменяющим отдельные словообразовательные разряды. Наконец, третий, наиболее обширный раздел, характеризует основные тенденции семантического развития ряда лексических групп.

Глава I

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ 1830—1890-х гг.

Вопрос о заимствовании слов из иноязычного источника в русский литературный язык представляет особый интерес для истории словарного состава русского литературного языка в XIX в., особенно с 1830—1840-х гг. Число заимствованных слов, вошедших в это время в употребление и усвоенных русским литературным языком, следует признать очень значительным. Обильный приток и быстрое усвоение лексических заимствований — одно из характерных явлений этого времени. Конечно, и до этого времени в русском литературном употреблении встречалось уже немало иноязычных по своему происхождению слов и терминов. Но многие из этих слов еще не стали обычными в языке, не вошли в его лексическую систему, вызывали по отношению к себе постоянную оппозицию со стороны известных кругов; если и признавались законными и допустимыми некоторые старые заимствования, то очень часто встречала осуждение, неодобрение или сомнение необходимость новых заимствований.

В этом смысле характерна судьба иноязычных заимствований и отношение к ним на протяжении предшествующего периода, с середины XVIII до конца первой трети XIX в.

§ 1. Первая волна иноязычной лексики, западноевропейской по своему происхождению, нахлынула в русский литературный язык в петровскую пору, в первой четверти XVIII в.

Как известно, в древний период истории русского языка основным и преимущественным источником заимствования слов в наш язык был, особенно с эпохи христианизации Руси, греческий язык.[1] В древнерусской книжности явилось в это время и закрепилось немало греческих слов и терминов, относящихся к сфере научного и особенно конфессионально-церковного употребления. Заимствования из других языков (романского и германского источника, даже татарского — во время татарского ига и т. д.) были сравнительно немногочисленны.

В среднерусский период, особенно во второй половине XVI и в XVII в., термины западноевропейского происхождения, преимущественно латинизмы и германизмы, нередко пройдя польское посредство, стали постепенно появляться как в книжной, так и в бытовой речи. Но говорить об их «наплыве» и об их узаконении в русском языке этого

[1] Естественно, что за пределы вопроса о заимствовании иноязычных слов выводятся здесь заимствования из родственных славянских языков и прежде всего — из старославянского языка. Их положение и судьба в русском языке являются особыми.

времени еще нет достаточных оснований.[2] Картина резко меняется с началом петровских реформ. Круг заимствованных из западного источника слов значительно расширяется; они свободно входят в фразовые соединения с русско-славянскими словами, начинают «пестрить» слог делового, научного и научно-популярного изложения, активно проникают и в жанры повествовательной литературы, в поэзию того времени. В основном это было заимствование различной терминологии и номенклатуры, — административной, дипломатической, военной, научно-технической, бытовой, связанной с преобразованиями и переменами в системе государственного управления, в быту господствующих классов, с созданием новой армии и флота, с развитием производства, различных наук и ремесел. В известной степени появление иноязычной лексики в это время было также связано со стремлением отделить старые формы жизни и восприятия мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении сторонников и проводников петровских реформ. В этом смысле характерно, что сам Петр, очень ревниво относившийся к вопросу о чистоте и доступности языка перевода, вместе с тем часто и охотно в своих письмах, дневниках, распоряжениях и приказах пользуется иноязычными западноевропейскими терминами и словами. Самым ярким показателем влиятельности иноязычных западных слов в петровскую эпоху является, конечно, их фразеологическая активность и то, что к ним часто предпочтительно обращаются, пренебрегая их точными русскими смысловыми соответствиями. Так в это время привычно выступают в тесных фразовых сцеплениях с русскими словами такие заимствованные слова, как *виктория*, *баталия*, *амбиция*, *сатисфакция*, *факция* и т. п. Наконец, появление иностранных слов нередко вызывалось и простым неумением или большою трудностью подыскать сразу подходящий русско-славенский синоним в процессе перевода иноязычных текстов на русский язык. Переводить приходилось тогда много и быстро, кадры опытных переводчиков были еще ограничены, семантические системы русского и западноевропейских языков были еще далеки друг от друга.[3]

---

[2] О заимствованиях из западноевропейских языков см.: А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Курс. Литограф. изд. СПб., б. г.; W. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Sprache des 17 und 18 Jahrhunderts. Berlin, 1906; Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сб. ОРЯС, т. 88, СПб., 1910; И. Огиенко. 1) К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. РФВ, т. LXVI, №№ 3—4, 1911; 2) Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд., М., 1938; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. См. также кн.: G. Huttl-Worth. Foreign Words in Russian. A Historical Scetch, 1550—1800. (University of California Publications in Lingvistics. Vol. 28. Berkeley and Los Angeles, 1963). В ней — словарь лексических заимствований второй половины XVI—XVIII в., далеко не исчерпывающий. См. также: Ю. А. Бельчиков. Интернациональная терминология в русском языке. М., Учпедгиз, 1959. (Подробнее всего о лексике, пришедшей в русский язык в XIX в.); Л. Гальди. Слова романского происхождения в русском языке. (Доклад на IV Международном съезде славистов). М., 1958 (общий обзор слов романского источника с интересными методологическими соображениями).

[3] Правда, академические переводчики прилагали немало усилий для того, чтобы возможно яснее и доступнее передать для русского читателя смысл иностранного оригинала. Ученые этого времени придавали большое значение созданию системы новой русской научной и промыслово-ремесленной терминологии, принципу тактичного и обоснованного сочетания в ней своих, русско-славенских и заимствованных элементов. Некоторые из них пытались в процессе перевода создавать русские лексико-фразеологические эквиваленты западноевропейских терминов. Любопытно, что многие из этих предлагавшихся соответствий не удержались в системе русской научной терминологии и уступили впоследствии окончательно свое место иноязычным по своему происхождению терминам.

После очень бурного, но вместе с тем часто еще неупорядоченного притока новых иностранных слов западноевропейского происхождения в русскую литературную речь петровской поры наступает длительный период господства пуристических тенденций. Значительное число заимствований петровской поры, часто случайных, не удержалось или не стало обычным в употреблении.[4] На протяжении почти всей второй половины XVIII в., начиная с 1740-х годов, явно преобладает осторожность в прямом заимствовании иностранных слов. Конечно, и в это время появляются у различных авторов и отчасти удерживаются в употреблении новые заимствованные слова. Но число их все-таки сравнительно невелико. Большинство авторов, и при этом принадлежащих к различным литературным школам и направлениям (напр., Ломоносов и Сумароков), сходятся на признании того, что «ныне принимать чужих (слов, — *Ю. С.*) не должно, дабы не впасть в варварство, как латинскому».[5] Первой заботой авторов этого времени, в том числе и переводчиков, является подыскание соответствующего русско-славенского эквивалента иностранному слову, выражающему то или иное специальное понятие, нередко новое на русской почве, стремление создать систему специальной терминологии преимущественно или даже исключительно на основе русских языковых элементов. Обильно являются при этом кальки иноязычных терминов; русско-славенские слова семантически видоизменяются и приспособляются к выражению новых специфических понятий. Это была пора героических попыток решительно раздвинуть семантические границы русского языка по возможности без привлечения новых слов иностранного происхождения. Ср. хотя бы следующие примеры передачи иноязычных терминов с помощью вновь создаваемых или по-новому осмысленных русских и славенских слов у авторов конца XVIII в.: «Правление какого-нибудь просвещенного и вычищенного [т. е. цивилизованного] народа» (С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции... М., 1768, с. 26); «все особенники [т. е. индивидуумы] народа» (Радищ., Соч., II, с. 124); «Руссо раздробляет [т. е. анализирует] каждую мысль» (Пантеон иностранной словесности, кн. 1, М., 1798, изд. Н. М. Карамзина, с. 117); ср. в трактате Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии» еще следующие замены иностранных терминов: *возниченное положение человека* [т. е. вертикальное] (II, с. 37; в том же произведении встречается и слово *вертикальный*), *груда крови* [т. е. масса] (с. 14), *сила средодалящая* [т. е. центробежная] (с. 146), *естествословы* [т. е. натуралисты] (с. 124), *единословие* [т. е. монолог] (с. 7) и др. Переводы оценивались прежде всего с той точки зрения, насколько они свободны от иноязычных слов. Ср. классический в этом отношении перевод книги Л. Эйлера «Письма о разных физических и философических материях», сделанный С. Румовским (3 чч.

[4] Впрочем, следует заметить, что многие из терминов, впервые появившиеся или ставшие особенно активно употребляться в начале XVIII в., несмотря на отдельные колебания, продолжали употребляться и далее, все более укрепляясь в своих правах. Наименьшим колебаниям, естественно, подвергалась официально принятая терминология и номенклатура в области государственного права, администрации, в военном и морском деле, в важнейших отраслях промышленности и техники, получивших новое развитие с петровской поры (напр., в металлургии, судостроении, строительном деле и т. п.). Но и в сфере научной терминологии, общей и частной, несмотря на указанные многочисленные колебания и отдельные формально-пуристические попытки ее «очищения», многие важные по занимаемому ими месту в научном языке слова иноязычного источника явно преобладают уже в XVIII в. над их русскими синонимами. Ср. такие термины, как *материя*, *диаметр*, *центр*, *фигура*, *квадрат*, *куб*, *конус*, *цилиндр*, *горизонт*, *зенит* (*ценит*), *атмосфера* и др.

[5] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 768.

СПб., 1768—1774; 3-е изд., 1790—1791), где почти не встречается иностранных терминов, кроме тех, которые уже и ранее были в употреблении (напр., *материя*, *натуральный*, *система*, *класс*, *механика*, *механический*, *машина*, *горизонт*, *горизонтальный*, *ценит*, *вертикальный*, *параллельный*, *перпендикулярный*, *конус*, *конический*, *градус*, *полюс*, *нерв*, *мускул* и т. п.). Характерно, что первый большой словарь русского языка, «Словарь академии российской» (1-е изд., 1789—1794; 2-е изд., 1806—1822), включил в себя лишь ограниченное число иноязычных по своему происхождению слов, при этом почти исключительно из круга административной терминологии и отчасти из терминологии точных наук (математики, механики, астрономии), слов, главным образом греко-латинского источника.[6]

Причины такого пуристического подхода к иноязычным словам были двоякого рода. С одной стороны, этот пуризм был тесно связан с общей стилистической реформой русского литературного языка, осуществленной в 1740—1750-х гг. Ломоносовым. Система трех стилей, распределявшая славенские и русские лексемы по различным жанрам литературы, была рассчитана на устранение стилистической неупорядоченности в словоупотреблении предшествующего времени. Ограничения в отношении иностранных слов также объяснялись стремлением оградить чистоту и самобытность формирующегося литературного языка, придать цельность и последовательность его стилистической системе. С другой стороны, пуризм в отношении иностранных слов вызывался общей политической реакцией, отражавшейся и в стилистических тенденциях, господствовавших в литературной речи. В петровскую пору отчетливо проявилась тенденция противопоставить новые светские стили старой славянщизне. В различных оригинальных и переводных произведениях этого времени,

---

[6] В Словаре (1-е и 2-е изд.) еще отсутствует немало терминов иноязычного источника, практически уже довольно широко употреблявшихся в специальной (в частности и в научно-популярной) литературе XVIII в. (иногда уже с начала века). Напр.: *вертикальный*, *зона*, *масса*, *нуль*, *призма*, *радиус*, *трапеция*, *фазис*, *ферментация*, *цифра* и др. Любопытно, что составители словаря нередко включают иноязычные слова лишь затем, чтобы подсказать читателю их возможный русско-славенский синоним, а иногда просто отсылают за толкованием и раскрытием понятия к этому синониму. (Причем в качестве этих заменяющих синонимов даются либо слова, искусственно произведенные, либо старинные, иногда целые сочетания слов). Напр.: *Актер.* Зри лицедей; *Акцыз.* Зри пошлина, тамга; *Аллегория.* Зри иносказание; *Аристократия.* См. вельможедержавие; *Артерия.* Зри жила биючая; *Бастион.* Зри раскат; *Батарея.* Зри бойница; *География.* Зри землеописание; *Геодезия.* Зри землемерие, межевание; *Гигант.* См. исполин, великан; *Декокт.* См. взвар; *Диалект.* См. наречие; *Диаметр.* Зри поперечник; *Димократия.* См. народоначалие, народодержавие; *Медицина.* Врачебная наука; *Медицинский.* Врачебный; *Меланхолия.* Задумчивость. Зри сие слово; *Процент.* Лихва, рост, свершки и т. д. Подобные отсылки не просто указывают на тесные синонимические соответствия в употреблении того времени (отчасти сохранившиеся и позднее) русских и иноязычных слов. В системе этих отсылок отражено явное предпочтение одного из синонимов, стремление помочь устранению указанных иностранных слов из языка (о чем прямо говорится и в предисловии к словарю). Любопытны те случаи, где составители словаря дают отсылку к русско-славенскому эквиваленту вслед за толкованием понятия при заимствованном слове. Напр.: *Арифметика.* Наука о числах и употреблении их в общежитии. См. числословие: *Аэрология.* Так называется рассуждение о воздухе, его свойствах и вредных его качествах. Зри воздухословие и т. д. Но еще более характерно, что в статьях, посвященных русско-славенским заменителям, нередко значение их раскрывается с помощью заимствованных слов или приводится их заимствованный синоним. Напр.: *Землемерие* — иначе геометрия практическая; *Землемер* — геодезист; *Землеописание* — география; *Звездоблюститель* — обсерватор, наблюдающий светила небесные; *Звездословие* — астрономия и т. п. Нередко, таким образом, создается системою этих взаимообъяснений заколдованный круг. Конечно, при этом ряд иностранных терминов толкуется непосредственно и не предлагается никаких их русских замен. Напр.: *армия*, *аспект*, *биржа*, *догмат*, *комиссия*, *комиссар*, *компания*, *микроскоп*, *перспектива* и т. д.

в языке «Ведомостей», в петровских уставах, артикулах, реляциях, в научно-популярных произведениях 1720—1730-х гг. славянизмы занимают очень ограниченное место. Та же тенденция продолжала господствовать и в литературе 1730-х гг., по крайней мере у наиболее выдающихся ее представителей (ср. язык сатир и перевода «О множестве миров» Кантемира, произведений Татищева, в частности его «Разговора о пользе наук и училищ», ранних произведений Тредиаковского, особенно его перевода повести Тальмана «Езда в остров любви»). Но с начала царствования Елизаветы намечается очень существенный поворот. Усиление церковной партии при дворе повело за собою обращение к старой славенской стихии в стилистике некоторых литературных жанров. Это прежде всего сказалось в жанре церковной проповеди (а елизаветинское время вывело на сцену многих новых проповедников, и число публиковавшихся тогда проповедей было очень значительно). Затем это обращение к славенскому речевому источнику захватило и область официально поощряемой высокой поэзии, героической поэмы и похвальной оды. Реформа Ломоносова, утвердившая славянизмы в качестве стержневого элемента высокого стиля и предупреждавшая против их безразличного смешения с русским просторечием в пределах двух других стилей, явилась компромиссным решением, учитывающим как предшествующую историю сложения русского литературного языка, так и реальную политическую и идеологическую обстановку того времени.

С 1760-х гг., уже в царствование Екатерины II, славянизация русского литературного языка в некоторых направлениях продолжала усиливаться. Особенно сильно это проявилось в деятельности влиятельной тогда школы писателей и переводчиков, группировавшихся вокруг И. П. Елагина. Славянизмы начинают насаждаться и в среднем стиле, в языке переводов повестей и романов (ср., напр., перевод Елагина комедии «Безбожный» (1770)), в языке научных трудов, как русских, так и переводных. Все чаще являются и попытки словотворчества на основе славенских словообразовательных элементов. Борьба за чистоту славенорусского стиля тесно связывалась с предохранительными мерами против «распложения» иностранных слов.

Положение с заимствованными словами на протяжении XVIII в. в целом можно признать неустойчивым. С одной стороны, в процессе соприкосновения русского языка с западноевропейскими языками, при обилии переводов с латинского, немецкого и французского (отчасти и с итальянского, а к концу века и с английского), при развитии и уточнении ряда понятий, сближающих русскую и европейскую философию, науку, технику и т. д., при изменениях быта господствующих классов, переносящих формы западного общежития и западной обстановки на русскую почву, при характерном для образованной дворянской верхушки речевом двуязычии иностранные слова неизбежно проникают на протяжении всего этого времени в русский язык и постепенно становятся известными и даже привычными. С другой стороны, неустойчивость самой системы литературного языка постоянно вызывала, как мы видели, стремление предохранить русский язык от иноязычных заимствований, даже тенденцию освободиться от уже достаточно распространенных (но новых по времени своего появления) заимствований. Наличие при некоторых из таких заимствований смысловых дублетов, русско-славенских слов, семантически сближенных с соответствующими иноязычными словами, часто искусственно созданных для этой цели, поддерживало эти стремления. Отсутствие отчетливой смысловой дифференциации между иноязычными и русско-славенскими словами этого рода являлось благоприятной почвой для такой неустойчивости положения новых заимствованных слов. Пуризм был господствующим течением.

Правда, в последнее десятилетие XVIII в. положение несколько меняется. Карамзин и его последователи сознательно и чаще прибегают в своих произведениях к словам иноязычного источника, при этом и к таким, которые не встречались ранее в употреблении.[7]

Представители новой школы ведут полемику с пуристами и доказывают необходимость некоторых новых лексических заимствований. В свою очередь Шишков и его сторонники обвиняют карамзинистов в злоупотреблении иностранными словами и отстаивают лексическую чистоту старого славено-российского слога. Однако, как показывают исследования последнего времени, эти полемические обвинения Карамзина и его школы в излишних заимствованиях были сильно преувеличены.[8] Карамзин действовал в этом смысле еще очень осторожно и чаще прибегал не к прямому заимствованию иноязычных терминов, а к их переводу и калькированию; и для него более типичны случаи изменения семантики известных уже русских слов, семантического приспособления их к иноязычным словам. Начало XIX в. не внесло заметных изменений по отношению к иностранным словам; но все большее расшатывание основ старой стилистики подготавливало почву для такого изменения.

Резкий перелом наступает к 1830-м гг. Поток заимствований в эти годы становится намного сильнее и последовательно нарастает к середине века, до 1860—1870-х гг. включительно. Можно смело сказать, что именно в эти годы в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему. Конечно, и в последующие годы, в конце XIX и в XX в., в русском языке появлялись и закреплялись новые термины иноязычного происхождения. Но круг этих позднейших заимствований уже не был столь широким. Позднейшие заимствования не были уже по преимуществу словами общего характера. Более всего заметен был после этого времени прирост производственной терминологии, вообще более специальных терминов (напр., медицинских, военных и т. д.). Сила и интенсивность этого притока заимствованных слов в 1830—1870-х гг. находит яркое отражение в лексикографии этого времени. Академический «Словарь церковнославянского и русского языка», вышедший в 1847 г., но составлявшийся с 1841 г., еще во многом держится старых пуристических принципов. Круг заимствованных терминов, сравнительно со Словарем Академии Российской, в нем расширен; однако в него еще не были включены многие слова, вошедшие в употребление в 1830—1840-х гг., а эпизодически встречавшиеся и ранее (напр., такие, как *абстрактный*, *вагон*, *вуаль*, *доза*, *жест*, *идеализм*, *индивид(уум)*, *инерция*, *индустрия*, *карьера*, *катастрофа*, *классификация*, *ко-*

---

[7] Впрочем, это характерно в конце XVIII—начале XIX в. уже не только для представителей карамзинского направления. В философских и общественно-политических произведениях Радищева, напр., несмотря на тяготение его к славено-российскому слогу, также являются в заметном количестве и новые лексические заимствования из западноевропейских языков (ср. в его произведении «О человеке, его смертности и бессмертии»: *аксиома*, *аллегория*, *алхимист*, *анализис* (и наряду с этим — *раздробление*), *амальгама*, *амальгироваться*, *вертикальный* (и наряду с этим — *возниченный*), *гипотеза*, *горизонтальный*, *идея*, *кристаллизация*, *механизм*, *минерализация*, *лунатик*, *религия*, *факт*, *фибры*, *физиогномия*, *форма*, *ферментация*, *энергия*, *элаборация* и др.).

[8] Ср. выводы диссертации Е. Г. Ковалевской (Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII—начале XIX в. (вопросы лексики). Автореф. канд. дисс., Л., 1955, с. 11—15)). Так, сравнительно ограниченный круг иностранных слов мы находим в материалах «Московского журнала» за первый год его издания (1791). См. там, напр., слова, еще не фиксировавшиеся толковыми словарями XVIII в.: *аплодировать* (I, с. 357), *идеальный* (I, с. 99), *классификатор* (I, с. 238), *конвульсия* (II, с. 58), *мелодия* (II, с. 51, 53), *мизантропический*, *национальный*, *постиллион* (II, с. 52), *профессия* (II, с. 35), *характер* (I, с. 209) и др.

мизм, *конкретный*, *либерализм*, *локомотив*, *мемуары*, *наивный* и *наивность*, *национальность*, *объект*, *оказия*, *панический*, *парадокс*, *парализировать*, *пари*, *парламентер*, *пароль*, *пассаж*, *раут*, *реакция*, *реальный*, *реализм*, *романтик*, *спекуляция*, *субъект*, *фактический*, *эмбрион*, *энергия*, *юмор* и др.).

Иную картину дает следующий полный толковый словарь — словарь Даля. Несмотря на то, что Даль занимал пуристическую позицию и был противником заимствования слов,[9] он включил в первое издание словаря (1863—1866) более 750 заимствованных слов и их производных, вошедших в употребление в 1820—1850-х гг. (среди них, напр., *акклиматизация*, *ассоциация*, *афера*, *бюджет*, *бюрократия*, *вена* и *венозный*, *вотировать*, *вульгарный*, *градация*, *гуманный*, *декрет* и *декретировать*, *демагогия*, *демонстрация*, *деталь*, *дефицит*, *диссонанс*, *жест*, *идиот*, *импонировать*, *индивидуум* и *индивидуальный*, *индифферентизм*, *индустрия*, *инерция*, *инициатива*, *интеллектуальный*, *интенсивный*, *интонация*, *классификация* и *классифицировать*, *коалиция*, *комбинация*, *коммунизм*, *конкурент*, *консерватор*, *конспект*, *концепция*, *критерий*, *мания*, *меркантильный*, *метаморфоза*, *мораль*, *мотив*, *нигилизм*, *номинальный*, *обскурант*, *объект* и *объективный*, *оппозиция*, *организовать* и *организация*, *организатор*, *паника* и *панический*, *паразит*, *пассивный*, *пауперизм*, *пессимист*, *поза*, *популярный*, *пресса*, *претензия*, *принцип*, *прокламация*, *пролетариат* и *пролетарий*, *профессия*, *процедура*, *публицист*, *пуризм*, *реагировать*, *реакция*, *реализация* и *реализовать*, *реальный* и *реальность*, *реализм* и *реалист*, *ренегат*, *реформа*, *рутина*, *сепаратный*, *симптом*, *скандал*, *солидный*, *солидарный*, *социальный*, *социализм*, *специалист*, *субсидия*, *субстанция*, *субъект* и *субъективный*, *схема*, *сюжет*, *теократия*, *территория*, *третировать*, *ультиматум*, *утилитарный*, *утопия*, *утрировать*, *фельетон*, *фон*, *фонд*, *фразер* и *фразерство*, *ценз*, *цивилизация*, *цикл*, *цитировать* (*цитовать*), *чек*, *шанс*, *эксперт*, *эксплуатация* и *эксплуатировать*, *эманципация*, *энергия*, *эффектный* и др.). Все эти слова впервые включались в общий толковый словарь русского языка, некоторые из них не зафиксированы до Даля и в специальных словарях (энциклопедических, иностранных слов и т. п.). Во втором издании его словаря (1880—1882) добавлено еще около 60 таких слов (напр., *игнорировать*, *индивид*, *интеллигенция*, *кассация*, *конкретный*, *концессия*, *легальный*, *лояльный*, *парализировать*, *петиция*, *профессура*, *репутация*, *реферат*, *централизация* и *централизировать* и др.). Правда, эти слова приводятся Далем не столько с целью их точного и полного толкования, сколько для того, чтобы продемонстрировать те русские синонимы, литературные и областные или придуманные специально на этот случай самим составителем, которые, по мнению Даля, могли бы с успехом заменить эти заимствования. Но сам по себе факт включения их в словарь очень показателен. Даль, несмотря на свое неприятие лексических заимствований, не мог уже игнорировать их.[10] Его словарь, если бы он не включил эти слова, был бы явным анахронизмом.

[9] Показательна полемика между Далем и М. П. Погодиным в газете последнего «Русский» (1868, №№ 25, 31, 39 и 41). Даль возражал против употребления Погодиным даже таких слов, как *титул*, *период*, *параллель*, *классы* (народа), *сцена*, *аристократия*, *революция*, *характер*, *эпоха* и т. д. Обиженный Погодин, не меньший «пурист», чем Даль, вынужден был оправдывать употребление хотя бы некоторых иностранных слов, пока им нет точных и понятных замен среди коренных слов. В заключение своего ответа он призывал Даля не быть слишком придирчивым и не заводить «домашнего спора»: «Мы оба веруем в бога и свято чтим евангелие, терпеть не можем нигилистов и материалистов. .. Спор наш делается смешным. Оставим же междоусобие и пойдем вместе на противную татарву. Вы с пятью иностранными словами на сто, я с десятью, а князь Вяземский хоть с пятнадцатью пойдем на борьбу с нашими неологами» (№ 41, с. 4).

[10] Даль в «Напутном слове» к своему словарю писал: «О словах же иноземных замечу, что если ныне и никакому словарнику не угоняться за прыткими наби-

Еще более выразительную иллюстрацию дают словари иностранных слов, выходившие в XIX в. Первым специальным изданием этого рода был «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н. Яновского (3 чч., 1803—1806). Долгое время он был и единственным обширным словарем иностранных слов и терминов.

В конце 30-х гг. Ив. Ре..ф..ц (И. М. Ренофанц) выпустил популярное издание под характерным названием: «Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов, или краткое истолкование встречающихся в них слов: военных, морских, политических, коммерческих и разных других из иностранных языков заимствованных, коих значения не каждому известны. Книжка подручная для каждого сословия, пола и возраста» (СПб., 1837). Это был сравнительно небольшой словарик иностранных слов, часто встречавшихся в газетах и журналах того времени, во многом случайный по составу и дающий часто неполные, неловкие и даже неверные и произвольные толкования, не соответствующие действительному употреблению слова и в то время.[11]

В 1845 г. петрашевцами было предпринято издание «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (номинальным издателем числился Н. Кирилов; фактическими авторами были П. Буташевич-Петрашевский, Вал. Майков и др.).[12] Издание это преследовало далеко идущие цели. Под предлогом толкования иностранных слов создавалась своеобразная энциклопедия, пропагандирующая материалистические и демократические взгляды. Правительство быстро раскрыло эту тайную цель словаря, и издание его было приостановлено на 2-м выпуске (последним истолкованным словом этого выпуска было *орден*), а сам второй выпуск был изъят из продажи, и тираж его уничтожен почти полностью. Словарь петрашевцев давал впервые точные и полные толкования многих иностранных слов, вошедших в русский литературный язык этого времени.

С конца 1850—начала 1860-х гг. издание словарей иностранных слов становится обычным явлением. Лишь за одно десятилетие вышло более 10 таких словарей разного объема. Некоторые из них неоднократно переиздавались, причем их объем быстро увеличивался.[13]

рателями и усвоителями всех языков Запада, то по крайности в словаре сем, с намереньем, не были опускаемы чужесловы, по двум причинам: во-первых, словарник не законник, не уставщик, а сборщик; он обязан собрать и дать все то, что есть, позволяя себе разве только указания на неправильность, уклонения и примеры для замены дурного лучшим; во-вторых, долг его перевести каждое из принятых слов на свой язык и выставить тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка, чтобы показать, есть ли у нас слово это или его нет». И прибавлял в заключение: «От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. XXIV). Это печальное признание безуспешности старых пуристически-запретительных попыток в этом направлении.

[11] Ср., напр.: *сардонически—невольно*; *специфический—удобный, верный, надежный, способный*; *органический—снабденный чувством*; *официальный—верный, достоверный* и т. п.

[12] Об этом словаре см.: А. И. Малеин и П. Н. Берков. Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов Н. Кириллова» (I. «Карманный словарь» и цензура (А. И. Малеин). II. «Карманный словарь» и аналогичные иностранные издания (П. Н. Берков)). — Тр. инст. книги, документа и письма, III. Статьи по истории энциклопедий, ч. II, Л., 1934.

[13] Относительно краткие словари: В. Н. Углов. Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. СПб., 1859, 2-е изд., 1860; А. С. Объяснение 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке. М., 1859 (2-е изд., испр. и доп., 1861; очень плохой; см. на него рецензию Н. А. Добролюбова в «Современнике» за 1859 г.); А. Д. Михельсон. Объяснение 7000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861 (испр. и доп.

История этих словарей показывает, насколько велика была потребность в них, насколько широко употреблялись уже в то время многочисленные заимствованные термины в русском литературном языке, особенно в языке научных книг, газет и журналов. Не случайно один из таких словарей (А. И. Маркова) носит характерный заголовок «Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов, сплошь и рядом встречающихся в русских книгах, газетах и журналах».[14]

§ 2. Обильное появление новых иностранных слов в русском языке вновь подняло и обострило полемику по вопросу о необходимости введения иностранных слов и о злоупотреблении ими. Эта тема заняла видное место в журналистике 30—40-х гг. На первый взгляд это кажется возрождением старых споров карамзинистов и шишковистов, противников и ревнителей «старого слога». Действительно, в позициях спорящих сторон есть известные повторения старого. Однако в целом полемика получила новое направление, и результат ее был иным, чем в начале XIX в. Как ни противоположны были позиции карамзинистов и шишковистов в отношении иностранных слов, употребительных в русском языке, одно в них было сходным. И у тех, и у других в центре внимания по-прежнему находился тезис о необходимости пуризма, о вреде злоупотребления иностранными словами. Существенное различие состояло в том, что Шишков и его сторонники, исходя из убеждения в неизменности «внутренней формы» языка, отвергали вообще возможность новых заимствований и требовали замены всех иностранных слов, появляющихся в употреблении, славено-русскими словами, часто создаваемыми специально в этих целях. Явная противоречивость и непоследовательность позиции Шишкова, отмеченные в большой рецензии П. И. Макарова на «Рассуждение о старом и новом слоге» Шишкова (опубликована в журнале «Московский

изд. (8500 слов), 1863); А. И. Марков. Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов. М., 1862. Более полные словари: Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленный по образцу немецкого словаря Гейзе. СПб., 1861 (дополн. к нему — 1863); И. Ф. Бурдон. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. М., 1865 (2-е изд., 1866; 3-е изд., испр., 1871); А. Д. Михельсон. 1) Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865; 2) 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1866 (самый популярный из словарей этого рода; многократно переиздавался на протяжении последующего времени с исправлениями и дополнениями; последнее издание его в XIX в. — 14-е, М., 1898); кроме того, компиляцией из словарей Бурдона, Михельсона, Гейзе и др. явилось издание: И. Ф. Бурдон и А. Д. Михельсон. Словотолкователь 32 000 иностранных слов, 2 чч. М., 1874—1875 (также повторявшееся); Н. А. Дубровский. Толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. М., 1866 (2-е изд., испр. и доп., 1871; 3-е изд. 1874; переиздания появлялись неоднократно и далее).

[14] Естественно, что значительное число иностранных слов и терминов объяснялось также в энциклопедических словарях XIX в., начиная с «Энциклопедического лексикона», изд. А. Плюшара (СПб., 1835—1841; вышло 17 тт., охватывающих слова на буквы А—Д); ср. также незавершенные: Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского. СПб., 1847—1855; тт. I—XII (очень неполный и несовершенный; см. отзыв о нем Н. Г. Чернышевского (II, с. 345—352)); Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами, тт. I—VI, СПб., 1861—1863. Самым замечательным изданием этого рода был «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания», составленный под ред. Ф. Толля (I—III, СПб., 1863—1864; т. III под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля; Приложения — 1866 и 1875 гг.). Бывший участник кружка петрашевцев, Ф. Ф. Толль стремился провести передовые тенденции в своем словаре. В словаре часто давалось, помимо толкования терминов, и объяснение многих иностранных слов. Позднее выходил «Русский энциклопедический словарь», изд. М. Березина, тт. I—XVI, СПб., 1873—1879. С 1890 г. начал выходить «Энциклопедический словарь» в издательстве Брокгауза и Ефрона. Иностранные термины толковались также в различных справочных терминологических словарях по отдельным отраслям знаний и техники (см. их перечень в «Библиографическом указателе литературы по русскому языкознанию. 1825—1880», вып. II. Изд. АН СССР, М., 1954, с. 76—85).

Меркурий» (1803), состояли в том, что молчаливо признавались права ранних, уже укоренившихся лексических заимствований. Сам Шишков в своих произведениях употреблял некоторые из них.[15] Но и Карамзин, и большинство его последователей, несмотря на то, что они признавали неизбежность развития литературного языка, и в частности пополнения его новыми словами для выражения новых понятий, в том числе и за счет некоторых прямых лексических заимствований,[16] все-таки говорили только о возможности новых заимствований. При этом и они делали ударение на необходимости крайне осторожного введения иностранных слов, чтобы избежать злоупотребления ими. В их полемических ответах на первом плане была защита вводимых ими новых слов.

Таким образом, господствующей оставалась точка зрения пуризма. Теоретические позиции Шишкова были подвергнуты остроумной критике, были отмечены их наиболее уязвимые пункты, крайности и нелепости, но в целом эти позиции не были окончательно расшатаны и опровергнуты. Круг сторонников Шишкова был еще широким, а его влияние сильным.

В полемике 1830—1840-х гг. по вопросу о новых заимствованиях иное положение и иная расстановка сил. «Хранителями чистоты» русского языка, пуристами в собственном смысле этого слова оказываются в это время представители реакционной публицистики. С начала издания «Северной пчелы» на такую роль защитников старой «чистоты» русского языка претендуют Булгарин и Греч. Почти в каждом номере этой газеты критикуются лексические и фразеологические новшества, встречающиеся в произведениях разных писателей, в разных журналах. Впрочем, ловкие редакторы газеты сделали предварительно необходимую уступку времени. Они признают нововведения карамзинской школы и выдают язык его произведений за образец литературного слога. Признаются и многие лексические заимствования, главным образом введенные Карамзиным и его последователями, отчасти появившиеся и позднее. С конца 30-х гг. пуристическая критика «Северной пчелы» Булгарина и Греча сосредоточивает свой огонь прежде всего на языке Белинского и тех журналов,

---

[15] Макаров замечал по этому поводу: «Сочинитель рассуждения о слоге, запрещая чужестранные слова, говорит сам, что мы еще имеем надобность „в некоторых технических“.., сам пишет: *единоцентренны.*., *метафорической смысл.*., *прозаические сочинения.*., текст.. Чем же слово *проза*, а особливо производное от него прилагательное, лучше слова *эпоха*, которое он называет „безобразием языка“?.. И если можно сказать *проза*, то для чего не сказать *период*, *троп*? для чего не писать *гармония*, *монотония*, технических слов музыки?» (Моск. Мерк., 1803, IV, с. 166—167). Ср. также: «Нынешние писатели.. приняли несколько слов чужестранных, большею частию греческих и латинских. Сочинитель жалуется на сию мнимую новость и однакож говорит сам.., что язык славенский „еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского языка“. Почему же слова эллинские, взятые в десятом или двенадцатом веке, кажутся ему почтеннее взятых из того же языка ныне? Мы изъясним сию загадку: сочинитель „Рассуждения о слоге“ почитает греческие и латинские (такие, как, например, *фраза*.. и несколько других) за французские!! Но почему и французские не должны быть у нас терпимы? Все языки составились один из другого обменом взаимным» (там же, с. 164—165).

[16] Ср. у П. Макарова, наиболее умного и последовательного из сторонников карамзинской реформы слога: «Удержать язык в одном состоянии невозможно: такого чуда не бывало от начала света» (Моск. Мерк., IV, с. 162); «Язык следует всегда за науками, за художествами, за просвещением, за нравами, за обычаями» (там же, с. 163); «Сочинитель рассуждения о слоге, утверждая.., что „каждой народ в составлении языка своего умствовал по собственным своим понятиям, весьма различным от другого народа“, подает оружие на себя; ибо, в отношении к обычаям и понятиям, мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки; следственно, хотим сочинять фразы и производить слова по *своим* понятиям, *нынешним*, умствуя как французы, как немцы, как все нынешние просвещенные народы» (там же, с. 168—170).

в которых он принимал решающее участие («Московский наблюдатель», 1838; «Отечественные записки», 1839—1846; «Современник»). С начала 1840-х гг. в эту полемику вступает «Москвитянин» Погодина и Шевырева. В статьях С. Шевырева[17] и Д. Голохвастова,[18] помещенных здесь, самым резким образом осуждается язык произведений Белинского и Герцена. Одним из главных пунктов обвинения остается обвинение в употреблении солецизмов и ненужных варваризмов, в злоупотреблении иностранными словами и терминами.

Эти обвинения встречают решительную отповедь со стороны Белинского. В ряде статей и рецензий конца 1830 и 1840-х гг.[19] Белинский уделяет большое место вопросу об иностранных словах. На его взглядах следует здесь остановиться, так как они имели решающее значение в этой полемике и определили ее судьбу.

Две новые черты характеризуют позицию Белинского. Во-первых, он не только защищает лексические нововведения, но и обосновывает необходимость их появления, переходит от защиты к нападению и подвергает всесторонней и последовательной критике позиции консервативных пуристов.

Во-вторых, в этой его критике частный вопрос о новых словах связывается с общим вопросом о новых понятиях и идеях, с вопросом о борьбе двух непримиримых мировоззрений, вскрываются идеологические корни устарелых пуристических взглядов, политическая подоплека этой борьбы против новых слов. Таким образом, вопрос о заимствованиях, их возможности и необходимости в определенные эпохи развития русского языка получает принципиальную основу, тогда как до сих пор споры велись по преимуществу о том, допустимо ли употребление того или иного иностранного слова в русском языке, хорошо ли это слово, возможно ли вообще заменить его словом русского корня. При этом общий вопрос о возможности и необходимости употребления иностранных слов пури-

---

[17] См., напр.: Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы; Москвит., 1848, I, Критика, с. 55—67 и 218—222. Здесь критикуется язык и слог романа Герцена «Кто виноват?», между прочим и употребляемые в нем иноязычные слова. Ср. также статью Шевырева «Ответы» (Москвит., 1848, II, с. 105—125).

[18] Д. [Д. П. Голохвастов]. Голос в защиту русского языка; Москвит., 1845, VI, с. 47—134. Основное место в статье занимают нападки на язык статей Белинского в «Отечественных записках», протесты против встречающихся там иностранных слов. Ср. ответ Белинского на эту статью — «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“» (IX, с. 458—474).

[19] Суждения Белинского по вопросу о заимствовании слов вообще и о новых заимствованиях 30—40-х гг. XIX в. в частности содержатся в следующих его статьях и рецензиях: «Журнальная заметка» (1838; II, с. 461—466); «Менцель, критик Гете» (1840; III, с. 390); «Полное собрание сочинений А. Марлинского» (1840; IV, с. 23; оба последние замечания против Греча и его критики новых слов в языке Белинского); «Введение в философию. Сочинение проф. Карпова» (1840; IV, с. 285 и 289); «Стихотворения М. Лермонтова» (IV, с. 372); «Русская литература в 1840 году» (IV, с. 437—440); «Труды импер. Российской академии» (1841; IV, с. 553); «Сто русских литераторов, т. II» (1841; V, с. 191—195); «Двенадцать писем адмирала Шишкова» (V, с. 466); «Русская литература в 1841 году» (V, с. 538—540); «Общее значение слова литература» (V, с. 620—621); (ср. также с. 767—769); «Речь о критике. А. Никитенко» (1842; VI, с. 315—316); «Литературные и журнальные заметки» (VI, с. 379—380); «Сказка за сказкой, т. II» (VI, с. 557); «История Малороссии. Н. Маркевича» (1843; VII, с. 47); Статьи о Пушкине (VII, с. 132, 134); «Демон стихотворства. Соч. В. Не...го» (VIII, с. 31); «Русская литература в 1844 году» (VIII, с. 480); «Сочинения К. Масальского» (1845; IX, с. 16—17); «Карманный словарь иностранных слов.. Н. Кириллова» (IX, с. 60—61); «Литературные и журнальные заметки» (IX, с. 71); «Грамматические разыскания. В. Васильева» (IX, с. 222—229); «Голос в защиту от „Голоса в защиту русского языка“» (1846; IX, с. 467—473); «Современные заметки» (1847; X, с. 97); «Современные заметки» (X, с. 165—167); «Ответ „Москвитянину“» (X, с. 224); «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (X, с. 280—283; 357—358).

стами старого толка подменялся рассуждениями о злоупотреблении иностранными словами. Белинский отчетливо разграничивает эти две стороны дела. Он признает необходимость постоянной борьбы с подобными фактами злоупотребления. «Охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, — писал он, — противна здравому смыслу и здравому вкусу» [20] (X, с. 282). Но тут же делает характерное добавление: «Она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею». «Мы первые скажем, — замечает он, — что употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово — значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус» (X, с. 282).[21] Белинский признает справедливость многих конкретных возражений пуристов, в частности и замечаний Шишкова и его приверженцев, направленных против употребления ряда ненужных иностранных слов в «новом слоге», против смешных и нелепых проявлений моды на иностранные слова. Но «подметить ошибку в деле, — замечает он по этому поводу,[22] — еще не значит — доказать неправость самого дела. Работают люди, но совершает все время. Конечно, теперь смешны слова: *виктория*, *сенсации*, *ондироваться* (волноваться) и т. п.; смешно писать *аддиция* вместо *сложение*, *субстракция* вместо *вычитание*, *мултиплика-ция* вместо *умножение*, *дивизия* вместо *деление*, но ведь эти слова начали употребляться вместе с словами — *гений*, *энтузиазм*, *фанатизм*, *фантазия*, *поэзия*, *ода*, *лирика*, *эпопея*, *фигура*, *фраза*, *капитель*, *фронтон*, *линия*, *пункт*, *монотония*, *меланхолия*, и с бесчисленным множеством других иностранных слов, теперь получивших в русском языке полное право гражданства и потому ни мало не смешных, не странных, не непонятных. Люди без разбору вводили новые слова, а время решило — которым словам остаться в употреблении и укорениться в языке и которым исчезнуть: нововводители же не знали и не могли знать этого» (V, с. 192).

Осуждая злоупотребление иностранными словами и соглашаясь с необходимостью частной пуристической критики, Белинский делает основной упор на критике общих теоретических основ консервативного пуризма, обнажая их несостоятельность, абстрактный формализм и антиисторичность. Белинский исходит при этом из признания непрерывного развития языка и постоянного обогащения его новыми словами в тесной связи с исторической жизнью народа и развитием понятий. Он указывает, что обогащение словарного состава языка осуществляется также при взаимном обмене словами его с другими языками. «Первоначальная причина введения новых, взятых из своего или чужих языков слов есть всегда знакомство с новыми понятиями» (V, с. 192).[23] Необходимость обращения к иноязычному слову объясняется тем, что в силу исторических условий у одного народа развитие определенных понятий предупреждает развитие их у другого. Таким образом, является необходимость воспользоваться уже готовым термином иностранного происхождения, отчетливо выражающим границы и существенные признаки понятия. «Что же делать, если писатель познакомился с идеею чрез иностранное слово? — Приискать в своем языке или составить соответствующее слово? — Так многие и пытались делать, но немногие успевали в этом. Слово *круг* вошло и в геометрию как термин, но для *квадрата* не нашлось русского слова, ибо хотя каждый квадрат есть четвероугольник, но не вся-

[20] В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

[21] В пример приводится употребление слова «утрировать» вместо «преувеличивать».

[22] В статье о сборнике «Сто русских литераторов» (1841).

[23] См. сходные рассуждения в статье Н. И. Надеждина «Европеизм и народность» (Телеск., 1836, XXXI, с. 232—233).

кий четвероугольник есть квадрат; а заменить *хорду веревкою* никому, кажется, и в голову не входило..[24] Да и следует ли жалеть об этом? Какое бы ни было слово — свое или чужое — лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, — давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хламу» (V, с. 192—193). Таким образом, заимствование слов, как и вообще появление любых новых слов в языке, обусловливается необходимостью в быстрейшем, наиболее точном, определенном и полном выражении новых понятий с помощью устойчивых терминов. В этом смысле введение готового термина оказывается часто предпочтительнее придумывания своего не только потому, что эти поиски собственных слов далеко не всегда легки, но и потому, что заимствованный термин уже сросся с соответствующим понятием, уже знаком достаточно широкому кругу говорящих. «Вообще идее как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказалась в первый раз; она как-то сливается и срастается с ним, и потому выразившее ее слово делается *слитным*, *сросшимся* (*конкретным*,[25] говоря философским термином) и становится непереводимым. Переведите слово *катехизис — оглашением*, *монополию — единоторжием*, *фигуру — извитием*, *период — кругом*, *акцию — действием* — и выйдет нелепость» (V, с. 194).[26] Таким образом, первая причина заимствования слов — необходимость в выражении новых понятий. Следует, однако, заметить, что Белинскому чуждо отождествление слова и понятия. «Мы не думали доказывать, — замечает он в полемическом ответе Голохвастову, — что отсутствие этого слова (речь идет о франц. *charité*, которое признается более семантически определенным, чем русск. *любовь*, — *Ю. С.*) у народа может служить признаком отсутствия и выражаемого им понятия. Нет, отсутствие слова *charité* дает слову *любовь* только обширнейшее значение» (IX, с. 472).

Сопоставляя словарный состав русского и французского языков,[27] Белинский подчеркивает лексическое богатство русского, особенно — разнообразие в нем слов конкретного значения, обозначающих предметы и явления природы, народного быта, обилие выразительных синонимов, художественно-изобразительную гибкость русского слова. Вместе с тем он отмечает недостаточность для русского языка того времени лексических средств отвлеченного характера. «Но зато как еще беден русский язык для выражения предметов науки, общественности, — словом, всего отвле-

---

[24] В начале XVIII в., в период становления русской математической терминологии, были, впрочем, и такие попытки. См. в «Книге Марсовой» (СПб., 1713): «Веревка, или линия висящая есть из двадцати или тридцати градусов» (с. 11); «Вервь, или линия висяща от циркула К: есть линия прямая, которая без прохождения чрез центр окончается на двух точках окружения» (там же), — *Ю. С.*

[25] См. об употреблении слова *конкретный* у Белинского, с. 79—80.

[26] Аналогичные замечания о невозможности и нежелательности перевода иностранных слов находим в упомянутой статье Надеждина: «Что ж прикажете делать? Переводить теперь? Заменять русскими?.. Ну-ка, попробуйте! — Слов готовых нет; иные, может быть, и есть, да или вовсе брошены, или затасканы употреблением в других совершенно значениях. Так, например, „реформацию“ всего точнее можно б было выразить словом „возображение“, которое и есть у нас, да только в церковных книгах; или ученое слово „субстанция“ можно б было перевесть словом „подставка“, да то ли оно значит в употреблении, будут ли понимать его?..» (Телеск., 1836, XXXI, с. 235—236). В этом высказывании любопытно замечание о соотношении слов *реформация* и *возображение*. Необходимость прибегнуть к некоторым новым лексическим заимствованиям мотивируется невозможностью обратиться для передачи их к старым книжным, церковнославянским словам. Ведь именно они служили постоянно «спасительным средством» в подобных случаях ранее, в XVIII в.

[27] В большой рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева (1845). Эта рецензия содержит особенно важные замечания Белинского о развитии литературного языка.

ченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных житейских отношений!» (IX, с. 226).

Сама по себе констатация этого факта не была в 40-х гг. совершенно новой. Аналогичные высказывания о бедности «метафизического языка», словаря отвлеченных понятий, специальной научной терминологии, слов, выражающих явления общественно-идеологического и психологического характера, находим не раз у писателей и публицистов 20—30-х гг. XIX в. (у Пушкина, Веневитинова, Н. Полевого, Надеждина и др.).[28] Новое в высказываниях Белинского на эту тему[29] состоит в указании на основную тенденцию развития словарного состава и на те пути, которыми идет это пополнение.

«Чрез столкновение русского ума с доселе чуждыми ему идеями, — писал Белинский,[30] — русский язык стал богаче словами, которые умножились этимологическим производством для выражения оттенков уже существовавших понятий» (IX, с. 227).

Итак, с одной стороны, отмечается пополнение языка словами, выражающими новые идеи, новые понятия, и при этом прежде всего понятия о «предметах науки, общественности, всего цивилизованного», с другой стороны, говорится о появлении слов, необходимых для выражения оттенков уже существовавших общих понятий.

Это явление смысловой дифференциации слов, пополнение языка словами, разграничивающими различные стороны общих понятий, выделяющими особые смысловые оттенки общих значений, очень характерно для данного периода. С ним тесно связано, им во многих случаях вызывалось и заимствование иностранных слов.

Перечисляя в той же рецензии на книгу Васильева некоторые иностранные слова, осуждаемые пуристами как излишние,[31] Белинский замечает, что они «важны еще и по определенности, с какою выражают они заключенное в них понятие; поэтому многие из них можно бы перевести, да только перевод будет неточен, — то же, да не то. Так, например, charité можно перевести словом *милосердие*; а будет не то: схвачено понятие, но потеряны некоторые оттенки его; étaler — *выставлять*, *раскладывать напоказ* — опять близко, но не то; revanche — *возмездие*: похоже, а не совсем!» (IX, с. 227).

Здесь Белинский открывает едва ли не важнейшую причину заимствования новых иностранных слов. Вообще говоря, сравнительно мень-

---

[28] См. известное высказывание Пушкина в черновом отрывке о «причинах, замедливших ход нашей словесности» (1824): «Метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» (XI, с. 21). Ср. еще в письме его П. А. Вяземскому от 13 июля 1825: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же в слух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии» (XIII, с. 187). Веневитинов в заметке «Несколько мыслей в план журнала» (1827) писал о превращении языка поэзии «в механизм» и вместе с тем о том, что он «чуждается определительного языка рассудка» (Д. В. Веневитинов, Полн. собр. соч., Л., 1934, с. 218). Он призывал здесь к разработке философских понятий и философского языка. Надеждин в цитированной статье говорит еще определительнее, касаясь причин заимствования новых слов: «У нас не достает слов для идей общих, мировых, для идей, которые принадлежат не одному народу, а всему человечеству» (Телеск., 1836, XXXI, с. 233).

[29] Ближе всего подходит к этому Надеждин в своей статье «Европеизм и народность».

[30] В той же рецензии на книгу Васильева.

[31] Среди них между прочим *компрометировать*, *претендовать*, *концепция*, *гарантировать* и *гарантия*, *эксплуатировать*, *инициатива*, *вариировать*, *ремонтировать*, *шанс*, *ассоциация*, *сортировать*, *реванш*.

шая часть заимствованных в это время слов выражала понятия совершенно новые, для обозначения которых не было до того никаких способов в русском языке. Только меньшая часть таких слов не имела вообще никаких готовых синонимических соответствий среди русских слов. Пуристы, возражавшие против этих заимствований, были правы в том смысле, что в общем своем значении указанные иностранные слова сходились с уже известными русскими словами; вообще говоря, их можно было бы «перевести» и «заменить». Но эти «переводы» и «замены» совпадали с иноязычными словами только в общем их значении. Заимствованные слова выражали еще такие оттенки понятия, и выражали их настолько подчеркнуто, специально, что смысловое наполнение их и соответствующих им русских синонимов оказывалось все же различным.[32] При этом следует иметь в виду не только собственные смысловые различия слов, но и особенности их сочетаний, фразеологических связей с другими словами, особенности их употребления.[33]

Наконец, как одно из условий укоренения заимствованных слов и выражений Белинский отмечает и «капризы употребления». «Выражение: *иметь на что или на кого-нибудь влияние* составлено явно против духа и всех правил языка; а между тем оно вполне выражает свою идею, и заменить его *наитием*[34] — значило бы понятное для всех и каждого русского выражение заменить непонятным и бессмысленным» (V, с. 194).

Таковы основные принципы Белинского в постановке и решении вопроса о необходимости новых лексических заимствований в русский литературный язык. Взгляды Белинского не были совершенно новыми и неподготовленными в русской критике. Им предшествовали высказывания П. И. Макарова о необходимом пополнении и изменении словарного состава языка в связи с развитием образования и духовной жизни народа, о пополнении, в частности, и за счет новых лексических заимствований. Положение о том, что «все языки составились один из другого обменом взаимным», стало популярным в 20—30-е гг. XIX в. Пушкин, говоря о характерных особенностях русского языка, особо отмечал,[35] что это язык «переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» (XII, с. 144). Мысль о недостаточности развития «метафизического языка», о неполноте словаря отвлеченных понятий, как мы видели, настойчиво повторялась в критических статьях 20—30-х гг. Практически в языке критики и публицистики 20—30-х гг. все активнее выдвигается ряд иноязычных слов и терминов.[36]

Заслуга Белинского состоит прежде всего в систематическом рассмотрении вопроса о границах, условиях и направлении новых лексиче-

---

[32] Заимствованные слова, «удерживаясь вместе с оригинальными, — писал Белинский, — заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность* и *национальность*, *личность* и *индивидуальность*, *природа* и *натура*, *нрав* и *характер* и пр.» (V, с. 194).

[33] «Хотя *природа* и *натура* значат и одно и то же, — замечал Белинский, — но в употреблении иногда не могут заменять друг друга; можно сказать: *это очень натурально*, но нельзя сказать: *это очень природно*; нельзя сказать: *такова природа этого человека*, но говорится: *такова натура этого человека*» (V, с. 194). Впрочем, в этом конкретном случае Белинский не вполне точен. Фразеологическая и смысловая неразграниченность слов *природа* и *натура* давала себя знать еще до 60-х гг. XIX в. включительно.

[34] Подобную замену предлагал А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803, с. 25—27), — *Ю. С.*

[35] В статье о Мильтоне и шатобриановом переводе «Потерянного рая» (1836). Впервые опубликована в «Современнике» за 1837 г.

[36] О проникновении новых заимствованных терминов в язык журналистики первой четверти XIX в. см. в книге: В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964.

ских заимствований. Им дано всестороннее обоснование необходимости этих заимствований. Он был наиболее последователен в борьбе против консервативного пуризма. Его высказывания в этом отношении не только определили характер разрешения этого вопроса в 40-х гг. XIX в., но сохраняют свою теоретическую ценность и до настоящего времени.

§ 3. Среди всех новых слов, вошедших в употребление в 1830—1870-е гг., если их рассматривать с точки зрения их непосредственного источника, заимствованные иноязычные слова занимают несколько более одной трети всего объема новых для русского литературного языка этой поры лексических элементов. Остальные две трети (примерно) падают на долю собственно лексических новообразований (впрочем, известная часть этих неологизмов образовалась также не без влияния иноязычного источника) или являются результатом акклиматизации в литературном языке слов разговорно-просторечного, диалектного и профессионально-жаргонного источника. Если говорить об абсолютных размерах круга заимствованных в это время слов, то можно было бы указать, что, даже если учитывать не все отдельные слова, а лишь гнезда слов, ближайшим образом семантически и формально связанных между собой (напр., *абсолют—абсолютный—абсолютность*; *абсолютизм—абсолютист—абсолютистский*; *интеллигент—интеллигентный—интеллигенция* и др.), то таких заимствованных лексических гнезд (или соответственно — лексем), упрочившихся в русском литературном языке за эти четыре десятилетия, окажется около 2000. Цифра очень значительная и нуждающаяся в правильном историческом объяснении.

Лексические заимствования сопутствуют, как известно, развитию словарного состава любого языка на протяжении всех эпох его существования. Они составляют один из постоянных источников пополнения словарного состава языков. Обычным результатом появления и распространения заимствованных лексем является их приспособление к сложившейся языковой структуре. Но степень интенсивности заимствований и их усвоения иной лексической системой зависит от ряда условий.

Заимствование слов предполагает наличие прямых языковых контактов. Оно естественно является в условиях двуязычия определенной социальной среды, а также интенсивной переводческой практики (последнее особенно важно для литературных языков). Эти условия были налицо и в данное время. Знание основных западноевропейских языков, свободное владение и широкое употребление, особенно в среде дворянской интеллигенции, французского языка, постоянное чтение литературы на этих языках, обилие переводов с языков французского, немецкого и английского характерно для этого времени. Но эти же явления захватывают и предыдущий период. Более того, можно отметить, что двуязычие (напр., в дворянской среде) в предыдущий период было сильнее. А между тем степень интенсивности лексических заимствований в это время возрастает сравнительно с предшествующим периодом.

Можно искать объяснение этого прилива заимствованных слов в широком знакомстве с новыми идеями и понятиями через литературу на других языках. Но это имело место в XVIII—начале XIX в. Ведь, как уже неоднократно отмечалось, новые понятия могут быть и «переодеты» в иные языковые одежды. Они могут быть переведены, и к этому переводу их стремились в предшествующее время.

Можно, наконец, найти объяснение этого интенсивного заимствования в изменении языковых взглядов и вкусов влиятельной в данное время социальной среды. Действительно, влиятельнейшие представители интеллигенции 30—40-х гг. и все, кто испытал затем воздействие их идей, не сочувствовали точке зрения формального пуризма и сознательно допускали возможность дальнейших заимствований, подчеркивали их необ-

ходимость. Остается объяснить, почему, в силу каких условий так изменился господствующий взгляд на лексические заимствования. Причины этого изменения с достаточной определенностью были вскрыты у Белинского.

Необходимость заимствований объяснялась там, как мы видели, по крайней мере тремя обстоятельствами.

1. Необходимостью быстро восполнить недостающие звенья в лексической системе русского литературного языка. Таким звеном прежде всего оказывалась лексика научно-философская и общественно-политическая. Нужно было именно этому кругу лексики придать терминологическую определенность и стабильность; нужно было покончить здесь с произвольностью, пестротою и неустойчивостью в выражении важных понятий.

2. Необходимостью считаться с тем, что новые заимствуемые слова лишь отчасти совпадают по смыслу с их русскими соответствиями, что они семантически определеннее, «терминологичнее» последних и что, напротив, их русские соответствия по своему смыслу гораздо шире и потому неопределеннее, не передают специально все существенные новые оттенки понятия.

3. Необходимостью, наконец, учитывать то, что понятия, о передаче которых шла речь, в значительной степени на европейской почве стали «интернациональными» и что эти понятия в ряде европейских языков (французском, английском и др.) уже срослись с определенными словами-терминами.

Многие коренные слова языка, в силу их широкой употребительности и разнообразной сочетаемости с другими словами, характеризуются многозначностью. Их исходные номинативные значения являются нередко очень широкими, общими. Эти общие значения по-разному реализуются в различных речевых контекстах. Наряду с номинативными значениями у этих слов легко формируются различные фразеологически связанные и контекстуально обусловленные значения.

Напротив, заимствованные слова часто характеризуются смысловой одноплановостью, однозначностью. Они склонны к терминологизации, т. е. выступают в заимствующем их языке как прямые знаки известных предметов и понятий. Вовлекаясь в орбиту другого языка, они отрешаются от того широкого круга разнообразных значений, который присущ им в языке-источнике, оказываются лишенными «внутренней формы», уединяются в одном особом специфическом значении.

Терминологическая определенность этих слов, возможность с помощью их дифференцировать общие понятия и обусловила их вхождение в лексическую систему русского языка (см. о результатах смыслового размежевания русских и заимствованных слов § 18). Путь поисков своих лексических замен, которым так охотно шли многие писатели XVIII в., оказывался теперь для передовых представителей общественной мысли в годы окончательного сложения лексической системы нашего литературного языка не только затруднительным, но часто и нежелательным. Их особенно привлекала возможность быстрейшего и вместе с тем четкого и точного выражения новых смыслов, «наглядная», отраженная в самом отдельном слове дифференциация понятий.

§ 4. Определение момента «рождения» слова, т. е. появления и укоренения его в языке, вообще представляет частые затруднения. Но особенно затруднительно хронологическое приурочение именно заимствованных слов. Заимствованное слово представляет собою готовый лексический материал, который может быть взят из одного языка в другой в разное время. Только для тех заимствованных слов, в отношении которых ясно,

когда они появились в языке-источнике, можно с полной достоверностью установить крайнюю точку, время, раньше которого они не могли появиться в языке, перенявшем их (ср. *социализм*, *альтруизм*[37] и др.).

Другое затруднение в определении хронологии заимствования вытекает из специально-терминологического характера многих заимствованных слов. Как специальные термины эти слова могут эпизодически появляться в языке произведений отдельных авторов. Это само по себе еще не может служить датой их появления, а тем более укоренения в общем языке. Отсюда частые ошибки, недоразумения и колебания в датировке заимствований. Приведем несколько примеров.

Нигилизм и *нигилист* рассматривались людьми 1860-х гг. как неологизмы этого времени. Их «изобретение» приписывалось Тургеневу, который якобы впервые употребил их в романе «Отцы и дети». Однако оба эти слова употреблялись в русском языке и значительно раньше. Ср., напр., название статьи Н. И. Надеждина «Сонмище нигилистов» (1828).[38] Дело лишь в том, что с момента появления романа «Отцы и дети» (1862) слова эти получили особую популярность, стали ходкими, распространенными. Сохранив свое общее значение («отрицание общих ценностей»; «сторонник такого отрицания»), эти слова в 1860-х гг. в реакционной публицистике стали кличкой, обращенной к «новым людям», представителям демократического направления.[39] Именно особое их применение и придало словам этим видимость новизны. С этого момента началась история их непрерывного существования в русском языке; их эпизодическое употребление до того времени — это своеобразная предыстория данных слов.

На слово *факт* в русском языке смотрели как на детище Н. А. Полевого и его журнала «Московский телеграф». Указывали даже на точную дату и место его первого появления: в статье Н. А. Полевого «О романах В. Гюго и вообще о новейших романах», помещенной в «Московском телеграфе» за 1832 г.[40] В 1830-х гг. слово *факт* действительно быстро распространяется в употреблении, встречается у писателей различного направления.[41] Правда, некоторые пуристы еще и в 1840-х гг. возражают

---

[37] Слово *социализм*, еще в недостаточно определенном значении, впервые появилось во французской и английской литературе 30-х гг. XIX в. Слово *альтруизм* было введено О. Контом в 40-х гг. XIX в. Ср. у Писарева: «Нравственная доктрина Конта обрисовывается очень ярко словом *альтруизм*, которое он сам придумал для того, чтобы, в противоположность к *эгоизму*, обозначить способность жить для других, vivre pour autrui» (Павл., V, с. 385).

[38] См.: М. П. Алексеев. К истории слова нигилизм. (Сб. ОРЯС, т. 101, № 3. Л., 1928).

[39] Ср. в письме М. Е. Салтыкова-Щедрина к П. В. Анненкову от 24 сентября 1875 г.: «Какое, однако, слово Тургенев выдумал — „нигилисты“; всякая собака им пользуется» (Салт., XVIII, с. 306).

[40] Ср.: «В каждой земле есть особенный край, в котором идеи обобщаются и развиваются на все остальные части каждой земли. Не будем входить в исследования физических и нравственных причин сего факта» (Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 93); «В Париже празднуют день крещения и праздник дураков (это известный исторический факт)» (там же, с. 382). Впрочем, слово *факт* встречается у Полевого и в более ранних публикациях его статей, напр. в рецензии на «Хозяйственную статистику России» В. Андросова (1828): «Сам автор не потрудился сообразить и изложить всех статистических фактов заново» (Н. Пол., II, с. 227).

[41] Ср. хотя бы следующие примеры: «К этому описанию прибавить нечего: каждое слово есть драгоценный факт истории, жемчужина ее» (Лаж., Посл. новик, IV, с. 3); «История или историческая критика суть, так сказать, умственные шахматы, искусная игра в факты, в которой проигрывающие, т. е. читатели, за всякий сделанный им ловкою диалектикою шах и мат, должны платить наличным доверием» (О. И. Сенковский. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 74—75); «Нельзя ли будет с пособием этих документов восстановить главнейшие факты нашей истории?» (Пушк., XII, с. 53), и др.

против употребления этого слова, но они же подтверждают и его укоренение в языке.[42] Не случайно, что это слово было помещено в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (правда, без его производных).

Таким образом, этими свидетельствами и примерами как будто бы устанавливается точная дата, источник и даже прямой виновник появления этого заимствованного слова в русском языке. Об этом же как будто говорят и другие данные, показывающие, что в текстах более раннего времени понятие, обозначаемое позднее словом *факт*, выражается иными способами.[43] Не говоря уже о том, что в таких случаях широко использовались слова *событие*, *явление*, *случай*, *дело*, *деяние*, *действие*, *обстоятельство*, *приключение* и др., — имели место и попытки введения новых слов русского корня или целых сочетаний слов, которые ближайшим образом можно было бы приспособить к семантике лат. factum и особенно франц. fait. Дело в том, что в научном языке XVIII—XIX вв. франц. fait получило значение не просто события, явления, но и содержало специальное указание на соответствие этого явления действительности, а также на то, что это явление представляет собою объект особого внимания.

Однако следует указать, что 1830-е гг. не были, строго говоря, временем первого появления слова *факт* в русской речи, а Н. Полевой не был первым, кто это слово употребил у нас; ему принадлежит только честь популяризации слова. Он часто употреблял его в своих статьях,

---

[42] М. А. Дмитриев, пародируя слог журналистики 40-х гг., писал: «*Большая популярность*, даже, чтобы выразиться по-нынешнему, скажу: *огромная популярность*, и прибавлю в доказательство: это *факт*. После этого слова, кажется, как не поверить» (Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 106); П. Лукашевич так образно излагал историю этого слова: «„Московский телеграф“ или редактор его (извините: ей-ей, это слово «непереводимо»), взяв большой гвоздь, вбил его в русскую речь и назвал „фактом“, за что впоследствии получил благодарность от одного преискусного словесника при многочисленном собрании почтеннейшей публики» (Чаромутие, или священный язык магов, волхвов и жрецов, открытый Платоном Лукашевичем. Петрьгород, 1846, с. 10). П. Лукашевич имеет в виду признание слова *факт* со стороны Н. И. Греча в его публичных «Чтениях о русском языке» (1840). Таким образом, даже консервативные пуристы 1830—1840-х гг. разошлись во мнениях относительно этого заимствования.

[43] Напр.: «Бюффон, зная человека, знал и то, что наука, предлагающая одни особенные действия (faits), не может занять людей с обыкновенным разумом» (Моск. журн., 1791, I, с. 239—240); «[Истинность логических посылок доказывается] посредством согласия того, что говорится в последствиях, с былями опыта» (А. И. Галич. Логика; цит. по статье Н. С. Гордиенко «Лекции А. И. Галича по логике, метафизике и нравоучительной философии», Вопросы философии, 1958, № 5, с. 113). Подобные замены можно отметить еще и у авторов 40-х гг.: «Из всех стремлений, переходящих в быть, наибольшее наше участие должна возбуждать жизнь единоверных сербов» (Москвит., 1845, № 11, с. 37); Белинский, цитируя это место (IX, с. 466), иронизирует над сущ. *быть*; ср. также у И. С. Кокорева: *факт—быть* (III, с. 326); «Не оспоривая исторического события, что язык наш происходит от одного корня с церковнославянским, мы не можем согласиться, что и до сих пор он составляет с ним одно неразрывное органическое тело» (Отеч. зап., 1848, № 3, отд. V, с. 5). На первых порах своего употребления слово *факт* также иногда сопоставлялось со своими русскими синонимами и выступало как их терминологическое уточнение. Ср. у О. И. Сенковского: «Всякое последствие их [человеческих масс] действия или столкновения есть „событие“, „факт“» (Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 2); ср. у Белинского: «Разум не сочиняет, не выдумывает законов нравственности, но только *сознает* их, принимая от чувства, как *данные*, как *факты*» (IV, с. 237); «верно изображая событие (факт)» (IV, с. 116); «как дело, как факт» (VII, с. 392). Ср. в произведениях Герцена 1830—1840 гг. то *факт* (напр., I, 26, 60, 117; II, с. 54), то в том же смысле *событие* (напр.: «В самом событии этого курса [Грановского] есть что-то чрезвычайно поэтическое» (II, с. 111); «В Горацио и мысли нет воскресить принца, смерть Гамлета для него событие» (II, с. 123); «Церковь не есть событие, которое требует только признания» (II, с. 259)).

другие авторы быстро подхватили его почин. Во всяком случае, слово *факт* находим за несколько десятилетий до этого у А. Н. Радищева.[44]

Мы подробно остановились на истории одного заимствованного слова потому, что этот случай дает возможность правильно методологически поставить вопрос о хронологии заимствованных лексических элементов, отчетливо разграничивая два момента в истории их употребления.

Время первого употребления заимствованного слова отдельными авторами и в специальных целях еще не является достаточным признаком вхождения слова в язык, в его лексическую систему. Также не служит достаточным указанием на время истинного заимствования слова и его фиксация в специальных справочных изданиях, напр., в словарях иностранных слов, энциклопедических и переводных и т. п. Такое слово мы можем скорее называть иностранным словом, чем собственно заимствованным. Если говорить об условиях, которые позволяют считать иностранное слово уже заимствованным в язык, вошедшим в его лексическую систему, то они могут быть сведены к следующим.

1. Формальное приноровление его к нормам заимствующего языка, т. е. к его звуковой и морфологической системе. Это условие, впрочем, не является само по себе ни достаточным, ни обязательным. С одной стороны, иностранное слово, еще не ставшее сколько-нибудь обычным и употребительным в русском языке, может уже получить, даже в условиях единичности и исключительности своего употребления, новую руссифицированную форму. С другой стороны, даже прочно усвоенные языком иностранные слова могут сохранять звуковые и формальные особенности языка-источника (ср. *парашют*, *тембр*, *жюри*, *бюро* и т. п.). Гораздо важнее не сам факт полной ассимиляции звукового облика и формы слова, а признак устойчивости, единообразия и нормализации этой формы. См. об этом ниже.

2. Широкое и интенсивное употребление слова в речи, в разных ее стилях, у разных авторов, особенно у авторов, принадлежащих к разным поколениям, к разным направлениям и общественным группировкам.

3. Появление у заимствованного слова производных на почве данного языка и подчинение его словообразовательным законам усвоившего языка. Следует также иметь в виду, что заимствуются в язык часто не отдельные слова, а лексемы, составляющие пучок производных (ср. *ликвидация — ликвидировать*; *манипуляция — манипулировать*; *реализм—реалист—реальный*; *либерал—либерализм—либеральный—либерализировать* и т. п.). Появление такого пучка слов является уже надежным свидетельством о времени заимствования, т. е., точнее говоря, о времени усвоения иностранного слова данным языком. Так, интенсивное и широкое упот-

[44] В рассуждении «О человеке, его смертности и бессмертии»: «Постараемся.. собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности»; «Розыскатель .. сблизит факты единородные и сходственные» (Соч., II, с. 8; см. там же, с. 9, 12, 148, 163 и 164). Это едва ли не первый случай употребления слова на русской почве. Впрочем, при малой изученности текстов XVIII в. не исключается возможность открыть и более ранние случаи его употребления. Н. А. Смирнов относит слово к заимствованиям петровской поры. Приводимый им пример основан на комическом недоразумении. Смирнов ссылается на материалы, опубликованные в «Сборнике Русского исторического общества» (т. XXV, СПб., 1879). Однако на соответствующей странице этого издания, где встречается слово *факт*, помещено изложение большого документа петровского времени, сделанное редактором издания на современном литературном языке. Приняв по недосмотру это изложение за подлинный документ, Смирнов встретившиеся в нем заимствованные слова зачислил в «актив» петровской эпохи. Другие исследователи, ссылаясь на Смирнова, также относили заимствование слова *факт* к началу XVIII в. (см. напр.: Виноградов, Очерки, с. 57). В материалах картотеки древнерусского словаря, в которой достаточно обильно представлены цитаты из различных памятников петровской поры, находим только примеры на слово *факция* (в значениях: дело, действие, а также — партия, группировка; заговор; ср. лат. factio).

ребление слова *факт* начиная с 30-х гг. привело к быстрому появлению от него прил. *фактический* (не позднее конца 30-х гг.).[45] Ср. *фактизм* и *фактист*: «Не надо забывать, что русский ум любит простор, ясность, определенность: чистое умозрение его не отуманит, но отвратит от себя; фактизм может сделать его мелким, поверхностным» (Бел., II, с. 125); «Вопреки заклятым односторонним фактистам, мы всегда почитали суждение a priori не только возможным, но даже более верным и безошибочным, чем суждение a posteriori» (Бел., II, с. 233); также *фактология*: «Я давно перестал идеологию ставить выше фактологии» (Герц. (Лемке), III, с. 235); уменьшительные образования: *фактец* (Бел., XI, с. 542; Добр., III, с. 9), *фактик* («Мелких, ничтожных по себе фактиков» (Маркев., IX, с. 169)).

4. Во многих случаях — фразеологическая активность слова, разнообразие его возможных сочетаний с другими словами заимствующего языка и разнообразие его возможных применений. Ср. предикативное употребление слова *факт* (с 1840-х гг.), отмеченное в цитированном выше замечании М. А. Дмитриева («Это—факт»). Ср. также сочетания этого слова с род. пад. типа: *факт* (чьего) *существования*, *факт признания* и т. п.,[46] а также вводящие («пустые») сочетания типа *тот факт, что*[47] и т. п.

5. Наконец, очень существенным моментом является устранение смысловой дублетности слова, дифференциация его по значению в отношении ближайших синонимов его на почве данного языка.

Напротив, неполное приспособление иностранного слова по своему звуковому облику и грамматической форме, а также колебания в форме слова и наличие семантически и стилистически неразграниченных дублетов и вариантов одного слова служат часто прямыми указаниями на то, что слово еще не является собственно заимствованным, усвоенным данным языком. Ср. первоначальное употребление у ряда авторов 40-х гг. слова *буржуазия* в форме *буржуази* (франц. bourgeoisie), колебания в роде у ряда новозаимствованных слов в 20—40-х гг. XIX в. — *апогей* и *апогея*, *апофеоз* (*апотеоз*) и *апофеоза* (*апотеоза*), *ореол* и *ореола*, *мол* и *мола*, *профиль* (м. и ж. род) и т. д.; колебания в звуковом оформлении: *плагиат* и *пляжиат* (франц. plagiat, 60-е гг.), *джунгли*, *джунгел*, *джунглы* и *джунгель* (60—70-е гг.); *индустриальный* и *индюстриальный* (30—40-е гг.) и т. д. Ср. словообразовательные варианты: *реформист* и *реформер*, *рутинер*, *рутиньер* и *рутинист*, *артериальный* и *артерийный*, *мускулезный—мускулистый—мускулярный—мускуловатый* и *мускульный* (без четкого семантического разграничения), *молекула* и *молекюль* (Ср. Мих., 1865) и т. д.

---

[45] Напр.: «Ты прошел молчанием мои главные и *фактические* доводы» (Бел., XI, с. 314); «Аристотель начинает с эмпирического данного, с неотразимого фактического события» (Герц., III, с. 178) и мн. др. В 70-х гг. появляется и другое образование (на *-ичный*): «Разве внося исследование этих процессов в историю мысли человечества, историк поступает разумнее и фактичнее того биографа, который вздумал бы приклеить их к вашей личной биографии?» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории. Дело, 1875, № 9, с. 83).

[46] «Эти усилия самым фактом своего существования могли бы служить тяжелым укором его бедной матери» (Писар., IV, с. 372); «Все знали, что тетка дулась на Луи-Филиппа и не признавала его королем Франции до самого конца его царствования. Не знаю, насколько отравляло это жизнь Луи-Филиппа, но факт непризнания тем не менее существовал во всей силе» (Шелл.-Мих., II, с. 74) и др.

[47] «Если... принять в соображение тот факт, что „Русская беседа“ существует почти без подписчиков, то не трудно будет убедиться»... (Писар., I, с. 99); «И факт тот, что все рвутся и мчат в Grand Hôtel de Russie» (Мусорг., с. 400) и т. п. Ср. еще адвербиализованное употребление сочетания *на факте*: «На факте подтвердилось то, что заранее предвидел, предчувствовал каждый из них» (Маркев., V, с. 171). Ср. также фразеологическое сочетание *голый факт*: «Все его старые понятия или ощущения куда-то провалились, а на их место явился один голый факт — Епишка» (Карон, Соч. с. 148).

§ 5. Заимствование иностранных слов не является механическим переносом отдельных слов из одного языка в другой. Это вместе с тем процесс органического усвоения новых лексем, новых словообразовательных элементов (основных и аффиксальных) и семантического приспособления новых лексических элементов к сложившейся в данном языке системе словарного состава. Судьба заимствованных слов находится в прямой зависимости от хода этого процесса семантического приспособления, от того, насколько их введение оправдано потребностью выражения особых понятий, новых значений и смысловых оттенков. Рассматривая заимствования с точки зрения семантической и в отношении их к наличным словам языка, принимающего заимствования, можно выделить по крайней мере четыре их разряда.

Во-первых, это термины, неразрывно и генетически связанные с определенными понятиями. Такие термины с момента своего появления не только простое номенклатурное обозначение понятия. С ними связано точное определение объема понятия, выявление его важнейших признаков. Это и вызывает устойчивость таких терминов, их постоянную связь с понятием. Решающим в заимствовании таких терминов является усвоение самих понятий. Поиски синонимов, которые могли бы заменить такие термины, оказываются делом не только крайне затруднительным, поскольку таких готовых синонимов в языке нет и приходится либо придумывать новое слово, либо более или менее произвольно вкладывать новый смысл в уже известное слово. Такие поиски вместе с тем оказываются часто и не рациональными, так как это означало бы замену уже известного слова неизвестным и нарушение установившихся связей между словом и понятием. К этому разряду относятся, например, такие слова, как *идеализм*, *кредит*, *монополия*, *органический*, *реализм*, *романтизм*, *коммунизм*, *социализм*, *интеллигенция*, *культура*, *цивилизация* и пр. Значение этих слов, выражающих определенные понятия, можно передать только описательно. Не случайно, что даже пуристы, стремившиеся избавиться от всех новозаимствованных слов, часто оказывались не в состоянии предложить сколько-нибудь подходящей замены таких терминов. Любопытно, что в словаре Даля, обычно так охотно предлагающем всякого рода синонимы-заместители иностранных слов, в случаях этого рода находим либо одно толкование смысла слова, либо предлагаемый синоним занимает явно подчиненное положение, следуя за толкованием понятия (ср. при слове *монополия*: «Захват какой-либо торговли в одни руки, по данному праву или хитростью; одноторжие, торговля в одних руках»; при слове *органический*; «Орудный, снарядный», но тут же толкования, определяющие характерные признаки понятия и собственное значение термина: «стройный и связный во всех частях своих», «принадлежащий к какому-либо из двух высших царств природы, животному или растительному»).

Во-вторых, выделяется обширная группа заимствованных терминов, которые имеют в языке свои довольно близкие синонимические соответствия, но эти синонимические соответствия следует признать частичными, неполными, контекстуально зависимыми и изменчивыми. Таковы: *абсолютный* (ср. *безграничный*, *безусловный*, *безотносительный*, *полный* и пр.), *абстрактный (отвлеченный, неприменимый)*, *конкретный (определенный*, *точный*, *предметный* и пр.), *автономия* (*самостоятельность*, *независимость*), *культура* (*образование* и *обработка*), *класс* (*разряд*, *раздел*), *гармония* (*согласие*, *созвучие*) и пр. Возможные синонимы-заместители оказываются, с одной стороны, более широкими и неопределенными по своему смыслу, а с другой — не раскрывают всего объема понятия и его определяющих признаков. Они оказываются недостаточно специализированными для выражения данного понятия. Обычно такие синонимы

служат лишь для целей относительного пояснения еще недостаточно знакомого термина. Термин сохраняет свою обособленность и независимость, выражая такую совокупность смысловых оттенков, которая не может быть полностью выявлена ни одним из возможных его синонимов.

В-третьих, среди заимствованных и укоренившихся в 1830—1890-х гг. слов можно отметить группу терминов, которые имели первоначально синонимическую связь с другими словами, но утратили ее. Утрата синонимических отношений являлась здесь результатом дифференциации и уточнения понятий. Ср. отношения между такими словами, как *словесность* и *литература*, *мещанство* и *буржуазия* и др.

В-четвертых, среди заимствованных слов выделяется обширная группа слов, относящихся к предметной номенклатуре. Строго говоря, такие слова оказывается часто практически возможным заменить либо новыми образованиями, либо уже известными словами, давая этим последним новое употребление. И такие случаи на протяжении XIX в. были нередкими (ср. *пароход* и *пироскаф*, *паровоз* и *локомотив*, *бацилла* и *палочка*, более поздние — *аэроплан* и *самолет*, *шофер* и *водитель* и т. д.).

Однако и здесь существовали обстоятельства, которые обусловливали довольно широкое заимствование простой предметной номенклатуры. Таким обстоятельством, способствовавшим закреплению иноязычной номенклатуры, оказывался, с одной стороны, новый характер и назначение предмета или явления (ср. *вагон*, *марля*, *митинг*, *петиция*, *прокламация* и т. д.). Естественно, что довольно значительное число иноязычных слов, вошедших в употребление в русском языке этого времени, представляет собою лексику специфически иностранную, обозначающую, выделяющую и обособляющую явления иного, не русского быта и уклада, явления иных природных зон и т. д. (ср. *пэр*, *мэр* и *мэрия*, *кельнер*, *рантье*, *прерия*, *пампасы*, *айсберг*, *глетчер* и т. п.).

С другой стороны, фактором, способствовавшим заимствованию такой номенклатуры, являлась мода, стремление определенных общественных кругов противопоставить и подчеркнуть новые формы бытового уклада, часто «снять» с помощью новых заимствованных слов отпечаток недостаточной светскости, «цивилизованности», связывавшийся со старыми словами (ср. соотношение таких слов, как *стряпчий* и *адвокат*, *прихожая* и *вестибюль*, *чердак* и *мансарда*, *покойницкая* и *морг*, *подштанники* и *кальсоны*, *вырез* и *декольте*, *ожерелье* и *колье* и т. д.).[48] Естественно, что и здесь мы сталкиваемся с дальнейшей смысловой дифференциаций, ограничивающей и определяющей сферу употребления заимствованных слов и их соотношение с их русскими синонимами: не всякая беседа есть

[48] Еще Надеждин писал по поводу такой номенклатуры, обозначавшей различные предметы (напр., принадлежность одежды, кушанье и пр.), приходившие к нам из других стран: «Эти займы нисколько не предосудительны. Даже смешно и нелепо было б желать переводить их по-своему; ибо это понятия и слова местные, которые, с потерей своей наружности, теряют все свое значение. Так, например, кто бы вздумал переводить по-русски: „фрак, пелеринка, шлейф, канзу“ или: „соус, фрикассе, маседуань, блан-манже“» (Телеск., 1836, XXXI, с. 232). Ср. и насмешливое замечание в «Евгении Онегине» Пушкина (гл. 1, строфа XXVI) по поводу слов типа *панталоны*, *фрак*, *жилет*. Усвоение таких слов стоит, конечно, в прямой связи с усвоением самих предметов. С другой стороны, и по поводу собственно «экзотических» слов, т. е. слов, обозначающих особые явления и предметы иных стран, народов и природных зон (напр., *мэр*, *лорд*, *эффенди*, *амтман*, *саванны*, *артишок*, *гиена*, *колибри*), Надеждин замечал: «Мы имеем полное право занять их наличными у французов, англичан, немцев, турок, даже, пожалуй, с Малайских островов и у жителей берегов Миссисипи, и взамен ссудим их нашими своенародными: „шти, квас, дрожки, боярин, староста, стерлядь“ и другими бесчисленными, из которых многие уже и вошли в европейские языки с приставкою: „le, der, the“» (там же, с. 232—233). Конечно, вхождение и тем более закрепление таких слов в другом языке определяется степенью и мерою знакомства с данными явлениями и предметами иной действительности.

интервью, не всякая плата — гонорар, не всякая грядка — клумба, не всякая драка — дебош и т. д.

В-пятых, наконец, известная группа заимствованных слов, разнородная по своему составу, была и продолжала оставаться прямыми синонимами к известным уже русским словам (ср. *абсурд*, *ажитация*, *дезавуировать*, *жантильный*, *женироваться*, *компатриот*, *контенанс* (ср. выражение *для контенансу*), *мальтретировать*, *нюанс*, *эскамотировать* и т. д.). С точки зрения семантической они оказываются излишними. С точки зрения стилистической — на них нередко лежит отпечаток манерности, ограниченной «изысканности» выражения. Генетически они оказываются связанными со средой светского или полусветского общества, привыкшего к двуязычию и часто плохо знающего родной язык. В большей своей части эти слова не пережили того времени и той среды, которые вызвали к жизни их употребление в русском языке. Однако и здесь можно отметить известное число заимствованных слов, продолжающих уживаться в языке с их обычными русскими синонимами (ср. хотя бы из упомянутых выше *абсурд*, *дефект*, *нюанс* и др.). Здесь, если оставить в стороне различного рода случайности, определившие устойчивость таких слов, можно также отметить некоторые обстоятельства, способствовавшие выживанию и укоренению этих заимствованных слов в языке, наряду с их влиятельными синонимами, напр., наличие большей смысловой обособленности у их производных (ср. *дефектный*, *нюансировка*), их склонности к терминологизации в сфере специальной речи и т. д.

§ 6. Первая сильная волна новых лексических заимствований приносится в 1830—1840-х гг. Именно в эти годы (особенно — со второй половины 30-х гг.) многие иностранные слова становятся широко и постоянно употребительными, с этого времени начинается их непрерывная жизнь в русском языке.

Решающая роль в переносе, усвоении и популяризации довольно обширного ряда новых иностранных слов и терминов принадлежит развивающейся в эти годы журналистике. Конечно, еще и в начале века, а особенно в 20-е гг. XIX в., были журналы и альманахи, которые в статьях, оригинальных и переводных, из отделов критики и наук, употребляли ранее не встречавшиеся, за исключением очень специальных изданий, иностранные термины. К таким журналам и альманахам можно отнести «Вестник Европы» (1802—1830), но особенно альманах «Мнемозина» (1824—1825), «Московский телеграф» Н. Полевого (1825—1834), «Московский вестник» (1827—1830) и нек. др.[49] Но, во-первых, влияние этих изданий (за исключением «Московского телеграфа») было недостаточно широким и сильным, а, во-вторых, новую терминологию они вводили еще эпизодически и осторожно. Сила пуристических тенденций была в эти годы еще значительной, и чаще всего при встрече с тем или иным иностранным термином думали о переводе или передаче его с помощью старых слов (нередко — книжных славянизмов) или с помощью вновь создаваемых на этот случай слов.

В 30-е гг. (особенно с середины десятилетия) влияние журналистики сильно возросло. Помимо «Московского телеграфа», начинает издаваться «Телескоп» Н. И. Надеждина. В статьях Надеждина, Белинского и др. в этом журнале является немало новых иностранных слов, в частности выражающих важные отвлеченные понятия, и новых их «калек» (напр., прил. *мировой*). В 1834 г. появилась «Библиотека для чтения», журнал, имевший в первые годы своего издания широкое распространение. Из-

[49] Белинский позднее особо отмечал в этом отношении роль научо-популярных, философских статей, публиковавшихся в «Мнемозине» и «Московском вестнике» (IV, с. 372).

вестно, что позиции редактора журнала О. И. Сенковского в политической и литературной борьбе этих лет были крайне противоречивыми, его взгляды во многих отношениях отмечены печатью беспринципности, его собственный язык не отличался правильностью, а стиль поражал часто своей крикливой экстравагантностью. Однако влияние этого журнала в первые годы его существования на развитие литературной речи и на ход языковой полемики этого времени нельзя игнорировать. Сенковский был решительным противником «старого слога» и ратовал за сближение книжного и разговорного языка, против устарелых слов и выражений. Ему были чужды и пуристические принципы в отношении заимствованных слов.

В журналах 30-х гг.: в «Московском телеграфе», «Телескопе», «Библиотеке для чтения» — большое место занимают уже отделы критики и библиографии, популярные статьи по вопросам науки и философии, различные заметки об успехах сельского хозяйства и промышленности, о политических и литературных новостях на Западе и т. д. В них публикуется много переводных произведений из лучших французских и английских журналов. Естественно, что в языке этих статей, обзоров и заметок встречается довольно широкий круг слов и терминов, выражающих новые понятия и явления, среди них и новые заимствования.

С середины 30-х гг. начинается литературно-критическая деятельность Белинского. В его статьях, опубликованных в «Телескопе» и «Молве» за 1834—1836 гг. и особенно — в «Московском наблюдателе» за 1838 г. и в «Отечественных записках» начиная с 1839 г., является немало заимствованных слов и терминов, особенно философских и литературно-эстетических, а затем и общественно-политических. В «Московском наблюдателе», в «Отечественных записках» и позднее в «Современнике» развертывается резкая полемика против пуристов, ведется систематическая, как сказано выше, защита новой терминологии, объясняется и обосновывается целесообразность употребления ряда новозаимствованных слов. Позиция, занятая Белинским в отношении заимствований, была, как мы видели, очень сильной и теоретически обоснованной. Влияние Белинского как критика и мыслителя было необычайно велико, и это объясняет сравнительно быструю популяризацию многих вводимых им в употребление терминов. Конечно, далеко не все, что употреблял в своих статьях и рецензиях Белинский, вошло в общее употребление. Он и сам не настаивал на обязательности всех употребляемых им терминов, указывая на то, что некоторые из них являются лишь «временными» словами, первыми находками в трудных поисках точного выражения новых понятий. Но многое из того, что впервые употребил в языке критических статей и литературных обзоров Белинский, стало вскоре обычным в общем употреблении.

В «Отечественных записках» 1839—1846 гг., когда там сотрудничал Белинский, и в «Современнике», куда он перешел с 1847 г., разделы критики, науки и публицистики становятся необычайно важными. Их с интересом читает мыслящая молодежь 1840-х гг. Расширяется круг авторов, которые разделяют идейные позиции Белинского, его литературно-критические взгляды, придерживаются, в частности, и его языковых принципов. В произведениях ряда выдающихся критиков и публицистов 1840-х гг. (Герцена, Грановского, В. Майкова, В. Милютина, Салтыкова-Щедрина, Кавелина и др.) новые слова являются часто и настойчиво. Их охотно употребляют и прямые последователи и единомышленники Белинского, и те из прогрессивных писателей 40-х гг., кто по своим общим идеям далеко не во всем совпадал с ним (напр., В. Майков).

Так довольно быстро становится обычным в употреблении целый ряд новых лексических заимствований.

Ниже даем обзор наиболее важных лексических заимствований, про которые можно с уверенностью сказать, что их вхождение в русский литературный язык приходится на 1830—1840-е гг.

В отношении их истории можно сделать несколько общих наблюдений. Некоторые из них вообще не встречаются в употреблении до этого времени. Другие — эпизодически являются у отдельных авторов и ранее, но не выходят за пределы очень специальных изданий (книг по философии, по отдельным наукам и т. д.). Про эти слова, если они эпизодически встречались у нас и ранее, также можно смело сказать, что с 1830—1840-х гг. начинается их новая жизнь в литературном языке. Для более раннего времени — это специальные термины, мало популярные, нередко и в тех специальных изданиях, где они употреблялись, появляющиеся в особых условиях, часто в иностранной транслитерации, нередко рядом с теми или иными русскими словами, которые рассматриваются как их возможные синонимы и заместители и т. д. Со второй половины 30—40-х гг. это уже слова обычного употребления, встречающиеся не только в специфических, специальных контекстах, приобретающие постепенно устойчивое, русифицированное оформление.[50] Третьи, наконец, начинают впервые эпизодически встречаться в статьях указанных выше передовых журналов 1820-х гг. Но все они становятся широко употребительными, обычными именно в конце 1830-х и в 1840-х гг. Правда, в это время еще против многих из них ведут борьбу пуристы из «Северной пчелы» и «Москвитянина». Характерно, что пуристическая критика еще в начале 50-х гг. считает излишним употребление многих заимствованных слов даже в специальных изданиях. Так, в рецензии на перевод Д. Я. Чистовича «Руководства к оперативной хирургии» критик «Москвитянина» указывает, что «перевод очень богат нерусскими словами, которым есть равносильные русские» (Москвит., 1851, I, с. 563). Среди прочих там приводятся следующие иностранные слова с указанием их возможных замен: *сепаровка* (*отделение*, *рассечение*), *специальный* (*особенный*), *прогрессивный* (*постепенный*), *симптомы* (*признаки*), *агент* (*деятель*), *рациональный* (*отчетливый*), *изолирование* (*отделение*), *принцип* (*основание*, *начало*), *пациент* (*больной*), *гангрена* (*омертвение*), *киста* (*пузырь*), *рецидив* (*возврат*) и др. Сама по себе эта полемика — явное указание на расширение употребления новых заимствованных слов. Про все эти слова можно также сказать, что в 1860-е гг. (точнее говоря — ко времени после Крымской войны, во второй половине 1850-х гг. — хронологически) они приобретают полные права гражданства в русском литературном языке. Многие из них уже в 50-е гг. начинают просачиваться даже на страницы тех журналов, которые продолжают помещать полемические заметки против них (напр., «Московитянина»). С середины 1850-х гг. они перестают быть предметом пуристических нападений и сомнений. В 40—50-х гг. многие из этих слов уже не только специальные термины и являются не только в языке научных и литературно-критических статей; они начинают проникать и в язык литературно-художественных произведений.

§ 7. На 30-е гг. падает распространение в русской литературной речи довольно обширного ряда заимствованных слов, первоначально тесно связанных с кругом философских понятий. В распространении этой лексики решающую роль сыграла деятельность московских философских кружков, особенно кружка Станкевича и Белинского.

К числу таких слов, широко употребительных на страницах московских журналов 30—40-х гг. («Телескоп», «Московский наблюдатель»

[50] Некоторые из них были впервые отмечены в «Новом словотолкователе» Н. Яновского наряду с другими специальными терминами, объясняемыми там. Но большая часть их еще отсутствует в общих толковых словарях 1830—1840-х гг. (в Слов. Сок. и в Слов. 1847).

(1838), «Отечественные записки»), следует отнести, напр., *абсолют* и *абсолютный*, *абстракт* и *абстрактный*, *абстракция*, *имманентный*, *индивидуум* и *индивидуальный*, *интеллектуальный*, *конкретный*, *концепция*, *реальный* и *реализм*,[51] *рефлексия* и др. Некоторые из них впервые в это время вообще появились в русской печати (напр., *имманентный*, *конкретный*). Другие в специальных философских изданиях и статьях время от времени можно было встретить и ранее, но именно теперь они начинают привлекать общее внимание, популяризуются и постепенно становятся обычным достоянием книжного языка (ср., напр., *абсолютный*, *доктрина*, *догматизм*, *дуализм*, *идеализм*, *критицизм*, *объект* и *объективный*, *рациональный* и *рационализм*, *реальный* и *реализм*, *синтез*, *эклектик* и *эклектизм*, *эмпирик* и *эмпиризм*, *энциклопедист* и *энциклопедизм* и т. п.).[52]

Это отразилось, между прочим, и на семантике этих слов, еще более — на употребительности их в разных стилях литературной речи и на их фразеологической активности. Их можно встретить к середине века в статьях самого различного содержания, критических и публицистических, даже в произведениях художественной литературы. В связи с этим находится и употребление их в расширительном смысле; в иных случаях они становятся книжными синонимами известных русских слов общего значения. Такова история слова *абсолютный*. Так, *эмпиризм* и *эмпирик*, *эклектизм* и *эклектик*, *скептицизм* и *скептик* являются с этого времени уже не только обозначениями определенных философских направлений и их последователей, но и общими характеристиками известного отношения к явлениям действительности и его носителей.

Некоторые слова, получавшие особое значение в философском употреблении 30-х гг., прочно затем сохраняют следы этого специфического философского употребления в своей семантике. Так, слово *момент* было известно русскому употреблению еще и до этого времени, как заимствованный синоним русских слов *миг*, *мгновение*.[53] Однако в критике и публицистике 30-х гг. сущ. *момент* начинает последовательно употребляться и в смысле «отдельный этап, стадия в развитии», а также «отдельная сторона явления». В этих значениях оно также становится широко известным книжному языку середины века.

---

[51] О первоначальной истории этих слов как философских терминов и об их дальнейшей судьбе см.: Ю. С. Сорокин. 1) К истории термина «реализм» (40—60 гг. XIX в.). Уч. зап. ЛГУ, серия филолог. наук, вып. 17, 1952; 2) К истории термина «реализм» в русской критике. ИАН ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 3.

[52] Любопытно, что все перечисленные слова еще не вошли в Слов. 1847. Но все они уже были включены в первое издание словаря Даля.

Об употреблении некоторых из этих терминов в XVIII и особенно в первой четверти XIX в. см. Веселитск. (напр., *абсолютный* и производные, *дуализм—дуалист*, *идеализм—идеалист*, *объект—объективный*, *рациональный*, *рационализм—рационалист*, *реальный*, *реализм — реалист*, *синтез*, *эклектизм*, *эмпирик*, *эмпиризм*). Однако нет достаточных оснований говорить о их закреплении в языке, вхождении в сколько-нибудь широкое употребление до 30—40-х гг. Круг лиц, употреблявших их, и круг произведений, где они встречались, даже в 20-х гг. XIX в. был еще сравнительно узок. О том, что они до 30—40-х гг. еще не были обычными элементами в русской лексике, говорят не только споры, разгоревшиеся вокруг них в 30—40-х гг., когда они стали широко употребляться в критике и публицистике. Об этом свидетельствуют и факты другого рода. На протяжении всего предшествующего времени рядом с ними существуют и их русские заменители и соответствия; нередко эти иноязычные термины переводятся, объясняются. Ср. *дуализм—двойство*, *дуалист—двойственник* (Веселитск., с. 34), *реальный—действительный*, *подлинный* и т. п., *реальность—действительность*, *подлинность* (там же, с. 29—31) и т. п. Иногда иностранные слова выступают для уточнения их предлагаемых русских смысловых соответствий, нередко при этом они даются в латинской транскрипции (примеры этого см. Веселитск., с. 17, 28, 72 и др.). Наконец, некоторые из них не устоялись и в своей форме (ср. колебания между вариантами *анализ* и *анализис*, *синтез* и *синтезис* и т. п.).

[53] Только такое толкование его дает Слов. 1847.

Слово *субстанция* нередко является еще и в научных текстах XVIII в., но только как синоним слов *вещество*, *материя*. В критических и публицистических статьях 30-х гг. оно постоянно является в отвлеченном философском смысле «основа, сущность чего-либо». Именно это значение и связывается в дальнейшем с этим словом.

Слово *процесс*, ранее известное лишь в узких специальных значениях (юридическом, химическом и т. д.),[54] с этого времени получает общее значение «ход развития чего-либо».

Решающее влияние на дальнейшую судьбу этих и подобных слов в русском языке имела литературная деятельность Белинского. В своих статьях, особенно с конца 30-х гг., он не только широко употребляет их, но и постоянно обращается к их объяснению и истолкованию, защищает их как слова, необходимые для раскрытия важнейших философских понятий. В течение нескольких лет эти слова были постоянным предметом ожесточенных нападок и осмеяния со стороны реакционных пуристов. Но авторитет Белинского, Герцена и других представителей философской мысли 30—40-х гг. решил дело. К середине века споры об этих словах затихают; они получают права гражданства в нашем литературном языке. Лишь в отношении некоторых из них (напр., против слова *принцип*, начавшего входить в употребление с середины 40-х гг.) можно еще встретить возражения со стороны отдельных хранителей чистоты языка и позднее.

Полемика, развернувшаяся вокруг этих слов в 30—40-х гг., не была, впрочем, чисто языковым спором. Почти с каждым из этих новых слов было связано и новое понятие. Развитие словаря отражало развитие философских идей. Само усвоение иноязычных терминов было последствием усвоения и творческой переработки важнейших понятий немецкой классической философии. Вот почему для Белинского и других представителей московских философских кружков получает такое особое значение правильная и точная интерпретация этих терминов, определение их смыслового наполнения, смысловая дифференциация их по отношению к их возможным русским синонимам. Не случайно особая употребительность их в языке Белинского падает на годы особенно напряженных философских его исканий, на годы мировоззренческого кризиса, с которыми связано особенно сильное увлечение идеями гегелевской философии и которые предшествуют повороту Белинского к критике догм правого гегельянства и переходу его на позиции материализма (конец 30-х и начало 40-х гг.).

В истории этих слов отчетливо намечаются два этапа. В первые годы их появления это слова — символы определенных философских понятий, слова с очень специфическим осмыслением, осложненным прямым воздействием основных положений гегелевской философии. Затем наступает период их распространения. Слова эти перестают быть знаками только идей определенного круга, они получают более широкое общее значение, свободное от прямых и тесных отношений с тем или иным философским учением. Ниже на примере истории отдельных слов этого ряда мы и хотим представить некоторые характерные моменты этой семантической эволюции их.

Абсолют, абсолютный и произв. В специальном употреблении изредка встречались и ранее.[55] Впервые истолкованы у Плюшара (1835):

---

[54] Ср. Слов. 1847: *«Процесс.* Тяжба. — Химический процесс. Производство химического действия».

[55] Самая ранняя лексикографическая фиксация в «Русском словотолке» Н. Курганова («Письмовник») в значении прилагательного: «абсолют—самовластной» (ср. лат. absolutus). Таким образом, сама форма еще не указывает на совершившийся акт заимствования. Впрочем, изредка в документах XVIII в. является и

абсолютный, абсолютизм, -ист. Из словарей иностранных слов *абсолютный* отмечают Ре..ф..ц («безусловный, независимый, неограниченный»), Кир., Угл. и др.; Мих. 1865 дает и *абсолют*; Кир.: *абсолютизм.* Из общих толковых словарей впервые Д[1]: *абсолютный* («*лат.* отрешенный; о предметах духовных, невещественных, безграничный, безусловный, безотносительный, непременный, не сравниваемый, самостоятельный, отдельный и полный, противопол. относительный, сравнительный, подчиненный, условный»), *абсолютность, абсолютист, -тистка* («человек, требующий безусловного, не допускающий сравнений, отношений, уклонений, изъятий»). Распространение указанных терминов ведет свое начало с 30-х гг., когда под влиянием немецкой классической философии они начинают широко употребляться в специфическом философском смысле в произведениях Белинского и др. лиц, связанных с кружком Станкевича. Ср. в «Литературных мечтаниях» Белинского: «Мир есть не что иное,.. как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии» (I, с. 30). См. у него же в других повторяющихся сочетаниях: *абсолютная идея* («Все народы и все эпохи равно велики и важны как выражения абсолютной идеи» — III, с. 414); *абсолютная мысль* («[Вдохновение], которое производится внезапным проникновением в таинство абсолютной мысли» (IV, с. 149)); *абсолютная истина* («Стало быть, скажут нам, нет истины абсолютной, но всякая истина относительна» (IV, с. 11)); *абсолютная сущность* («Изящное не существует само по себе, как абсолютная сущность» (IV, с. 428)); *абсолютное бытие* («Для немца наука и искусство — сами себе цель и высшая жизнь, абсолютное бытие» (IV, с. 420)); *абсолютное мышление* («Шеллинг и теперь остается для него [Н. Полевого] первым философом, а его философия геркулесовскими столпами абсолютного мышления» (III, с. 178)) и др. В произведениях Белинского и Бакунина, помещенных в «Московском наблюдателе» за 1838 г., слово *абсолютный* в этих специфических сочетаниях особенно частый гость. Нередко в эти годы оно встречается (в произведениях Белинского, напр.) с русскими объяснениями или, напротив, терминологически уточняя значение его ближайших русских смысловых соответствий. Ср.: «Нравственность есть понятие общемировое, непреходящее, безусловное (абсолютное)» (III, с. 410); «Идеал есть общая (абсолютная) идея» (III, с. 435). Оно обратило на себя и неодобрительное внимание пуристов (ср. характерное замечание Белинского: «Абсолютное (ужасное слово для *толпы*!)» (III, с. 388)).[56] Сравнительно редким является еще в эти первые годы свободное употребление слова *абсолютный* в общем смысле «безотносительный, независимый» или «совершенный, полный» (ср., напр., у Белинского: «Взявши это основание за абсолютное, я не признаю поэзии ни в чем, что создано не по этому закону» (II, с. 240)).[57] Но уже с 40-х гг. слово это, продолжая употребляться как специфический философский термин в определенных контекстах и устоявшихся сочетаниях («абсолютная идея», «абсолютная истина»), становится обычным и в указанных общих значениях. Ср.: «Безусловный или абсолютный способ

слово *абсолютный* в политической терминологии (Ср. ПСЗ, VII, с. 307 (1724)): «Под вечным и абсолютным его (государя) владением». Ср. также: Смирнов, Зап. вл. Примеры употребления слов *абсолют, абсолютный* и их русских соответствий в философском смысле из журналов 20-х гг. и философских сочинений второй половины XVIII—первой четверти XIX в. см. Веселитск., 16—17.

[56] Обычны нападки на употребление этого слова в фельетонах «Северной пчелы», в «Москвитянине» (см. об этом: Бел., IX, с. 470—471).

[57] Впрочем, и эти случаи допускают двоякое толкование; они могут быть поняты и в специфическом философском смысле. Ср. у Н. Полевого: «Когда древние творения были почтены абсолютными образцами, решились извлечь из них абсолют изящного, захотели определить его систематически» (О романах В. Гюго; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 98).

суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный» (Бел., X, с. 23); «Абсолютного тождества между людьми нет и быть не может» (Филос. произв. петраш., с. 150); «Некоторые положения натурального права можно считать абсолютно верными» (там же, с. 186); «Если система Кювье и лежит в основании всех новейших систем, то тем не менее абсолютно ей следовать нельзя» (Совр., 1849, № 2, с. 139; рец. на «Естественную историю для юношества»); «абсолютная праздность» (Салт., XII, с. 62); «абсолютное недоверие» (А. Остр., VIII, с. 300) и т. п. В этом общем значении слово *абсолютный*, употреблявшееся в самых различных контекстах и сочетаниях, перекочевало из книжного языка и в разговорную речь интеллигенции. Что касается терминированных сочетаний, то, помимо указанных философских терминов, оно устойчиво употребляется также и в политической терминологии (*абсолютный монарх*, *монархия*, *правление* и т. д.; *абсолютное большинство*); ср. и в терминологии других наук: *абсолютная высота, абсолютный нуль* и т. д.

С 30-х гг. ведет свое начало отвлеченное существительное, производное от *абсолютный*. Ср. у Белинского: «Субъективное мнение критика не есть истина и не имеет ничего общего с критикой, вопреки тем господам, которые любят высказывать *свои мнения* и отрицают абсолютность изящного» (II, с. 289—290); у Герцена: «Человеку не легко примириться с неверием в себя, с достоверностью неабсолютности своего разума» (III, с. 200).

С 30—40-х гг. идет употребление слов *абсолютизм*, *абсолютист*, но первоначально более в смысле общем и философском, соотносительном по значению с прил. *абсолютный* (ср. их определения еще в словаре Даля, а также следующие примеры: «Все эти положения .. погрешают своим абсолютизмом» (В. Порошин. О земледелии в политико-экономическом отношении. СПб., 1846, с. 11); «пожертвовать абсолютизмом доктрин» (Эконом. указ., 1857, № 2, с. 31); «Желая .. создать отвлеченную теорию миросозерцания, эти мыслители отдавали дань средневековому абсолютизму» (Н. Соколов. Начала народного хозяйства; Русск. слово, 1862, № 5, с. 10); «Кто не понимает ни духа времени, ни истории, ни смысла науки, т. е. абсолютист» (там же, с. 11)). Впрочем, к этому же времени относится и специфическое применение слова *абсолютизм* для обозначения определенной системы государственного устройства, абсолютного монархического правления,[58] — значение, которое устойчиво сохранилось и в современном нам употреблении.

Что касается слова *абсолют*, то его употребительность была несравненно меньше и специфичнее, ограничиваясь философскими контекстами (в смысле гегельянской абсолютной идеи). Ср. у Белинского в письме к М. А. Бакунину от 10 сентября 1838 г.: «Я помню, как они шутили над Н. А., которая в своих письмах часто употребляла слово *абсолют*» (XI, с. 302). Какое специфическое значение имел в эти годы для кружка Станкевича данный термин, говорит наивное признание в письме Кольцова Белинскому от 15 июня 1838 г.: «Я понимаю субъект и объект хорошо, но не понимаю еще, как в философии, поэзии, истории они соединяются до абсолюта» (А. В. Кольцов. Полн. собр. соч., СПб., 1911, с. 187).[59]

Позднее (видимо, не ранее конца XIX или начала XX в.) является

---

[58] См. Кир. и Толль; ср. также у Белинского: «Иоанн III .. был творцом неподвижной крепости Московского царства, положив в его основу идею восточного абсолютизма» (VII, с. 506); «Зрелище беспощадной войны, объявленной абсолютизмом боярской крамоле» (VII, с. 507). Ср. Плюшар (1835): «Абсолютистами первоначально в Испании назывались приверженцы монархического образа правления».

[59] Ср. у Герцена также *абсолюция*: «Ригоризм не может дать абсолюцию» (II, с. 219).

в книжной речи и более свободное употребление термина в смысле «чего-то самодовлеющего, ничем не обусловленного». Ср. у Ленина: «Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса» (Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 25, с. 305). Тогда же закрепляется и фразеологическое сочетание *возвести* (или *превратить*) *что-либо в абсолют*.

Абстракт, абстракция, абстрактный. Ранее не встречались. В этом смысле даже в философских произведениях XVIII—начала XIX в. обычно употребляется слово *отвлеченный* (также *отвлечение*, *отвлеченность*), а соответствующие иностранные слова изредка вставляются лишь в латинской транслитерации для их уточнения (см. Веселитск., с. 18—19). Популярность приобретают с конца 30-х гг. *Абстракция* впервые истолковано в Энц. слов. 1861 и словарях иностранных слов 1860-х гг. (Угл. и др.); *абстрактный* — Ре..ф..ц: «отвлеченный»; также Мих. 1865 («абстрактные науки»); *абстракт* — Толль и Бурд.; Д[1]: *абстракция*, *абстрактный* (и *абстрактивный*).

Все эти слова, так же как и *абсолют*, *абсолютный*, часто употребляются в произведениях Белинского, Герцена и других представителей передовой критики и публицистики 30—40-х гг. В 30—40-е гг. они вызывают неодобрение и насмешки со стороны пуристов и писателей иного направления (*абстракт*, напр., высмеивается у Гоголя во втором томе «Мертвых душ» (VII, с. 65) как принадлежность «заумного» философского языка 30-х гг.). К середине века эти слова можно считать уже широко употребительными в книжных публицистических стилях речи. Ср. хотя бы следующие примеры: «Эней.. Виргилия, это порождение века гнилого и развратного, для которого добродетель была мертвым абстрактом, а не живою действительностию» (Бел., II, с. 290); «Идеал — односторонний абстракт, между тем как в действительном мире нет ничего отвлеченного и одностороннего» (В. Майк., I, с. 121); «Всякое явление есть выражение идеи, но идея доступна только перешедшему чрез область абстракции (отвлечения)» (Бел., II, с. 562); «Грамматика есть абстракция языка, существующего в созданиях литературы» (Бел., IX, с. 224); «Не походит ли больше этот взгляд на безжизненную, лишенную всякого практического значения абстракцию, чем на живое пониманье натуры и свойства человека?» (В. Милют., с. 86); «Ильменев — ходячая абстракция, часто смешная, и как будто умышленно поставленная в положение жертвы» (А. Григ., I, с. 42); «Общие правила могут ввести только в механическое, *абстрактное* знание мертвого языка» (Бел., III, с. 240); «Персия, Индия.. поклонялись хоть абстрактным, но всеобщим идеям» (Герц., II, с. 252); «Узкие натуры, эгоисты и абстрактно добродетельные люди» (Герц., II, с. 215); «Аристотель с удивительною проницательностию указал на абстрактность Сократа» (Герц., III, с. 169). Таким образом, к середине XIX в. слова эти стали обычными синонимами к их ранее созданным (еще в XVIII в.) калькам *отвлечение*, *отвлеченный*, *отвлеченность*. В последние десятилетия XIX в. можно встретить и употребление гл. *абстрагировать(ся)*. Ср. у Н. Михайловского: «Простейшее явление — движение, даже абстрагированное от всяких других примесей, с какими оно встречается как в конкретных телах, так и в категориях астрономии, физики, химии, биологии, социологии, не может быть все без остатка сведено к измерению величин» (I, с. 349).

Доктрина и произв. Впервые фиксирует Плюшар; там же и *доктринер*.[60] У Толля также *доктринаризм*. Д[1] только *доктринер* («поборник

[60] См. Ре..ф..ц: *доктринер* — «священник, учитель христианских догматов», *доктрина* здесь отсутствует.

старинной политики или управленья, противник нововведениям»). *Доктринерский*, *доктринерство* — Слов. Акад. 1895. Начало употребления слов *доктрина* и *доктринер* относится у нас к 40-м гг. См. у Белинского: «Кто разделяет его доктрину, тот будет читать его журнал» (V, с. 572); «[Пушкин] не принадлежал исключительно ни к какому учению, ни к какой доктрине» (VII, с. 338); «Можно представить себе, какое смешение языков должно у нас владычествовать в сфере литературных доктрин, систем, убеждений, понятий, мнений!» (X, с. 165) и др. Слово *доктринер* первоначально пришло к нам как кличка партии французских конституционных монархистов в эпоху Реставрации (во главе с Гизо и Ройе-Колларом), но уже к середине века получило и расширительное употребление.[61] Ср. у Белинского: «Он изловчился зацепить французских доктринеров и порядком отделать их» (X, с. 185); у Герцена: «Хромой, нервный Кутон не был .. инженером доктринеровских времен .. и придумал средство, совершенно обратное доктринерским» (V, с. 248). В 60-х гг. слова *доктринер*, *доктринерский*, *доктринаризм*, *доктринерство* употребляются в публицистике уже очень широко. Ср. хотя бы следующие примеры: «Поверь, что у России будущей нет хуже врагов, как доктринеры и западотёры» (Герц. (Лемке), XI, с. 6); «Вот к каким красивым результатам приводит доктринерское желание внести общую, искусственно созданную идею во все живые явления и отправления жизни» (Писар., I, с. 81); «Научный интерес не успел еще выродиться в доктринаризм» (Герц., VIII, с. 117); «Доктринерство Платона проходит чрез все его нравственное учение» (Писар., I, с. 81).

Идеал, идеализм, идеализировать и произв. Впервые слово *идеал* фиксируется в Слов. Сок. Ср. характерную ироническую аттестацию этого слова в «Евгении Онегине»: «На модном слове *идеал* тихонько Ленский задремал» (гл. 6, XXIII).[62] Романтическое направление в литературе 20—30-х гг. дало особый ход этому слову и его производным. Ср. его толкование в Слов. 1847: «Образец совершенства, представляемый в воображении».[63] См. у Н. Полевого: «Идеальное возрастает вместе с действительным» (перев. статьи Э. Кине «О природе и истории»; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 16—17); «Идеальность Макса и германский либерализм Дон-Карлоса повредили сим прекрасным созданиям Шиллера» (Очерки, I, с. 179). В связи с критикой романтических взглядов на соотношение поэзии и действительности в литературе 30—40-х гг. развертывается и полемика вокруг этих «модных» слов. Так, Белинский часто подвергает высмеиванию тот особый «возвышенный» и неопределенный смысл, который вкладывали в эти слова «романтики» его времени. В связи с этим в обзоре «Русская литература в 1842 году» он так писал о дальнейшем очищении слова *идеал* от эффектно-романтических наслоений: «Сближение с жизнию, с действительностию есть прямая причина мужественной зрелости последнего периода нашей литературы. Слово „идеал“ только теперь получило свое истинное значение. Прежде под этим словом разумели что-то вроде *не любо не слушай*, *лгать не мешай* — какое-то соединение в одном предмете всевозможных добродетелей или всевозможных пороков.. Теперь под „идеалом“ разумеют не преувеличение, не ложь, не ребяческую фантазию, а факт действитель-

[61] Ср. у Толля после исторической справки: «Часто доктринерами называют людей, упорно следующих раз навсегда составившемуся в голове их мнению»; в приведенном толковании Даля — след первоначального узкого значения слова.

[62] Гл. VI «Онегина» писалась, как известно, в 1826 г.

[63] Слово *идеальный* впервые дает Яновск., но только как производное от *идея*: «*Идеальный*. Реч. логич. и метафиз. Умственный, мысленный». Об употреблении слов *идеал*, *идеальный*, с одной стороны, *идеализм* и *идеалист*, с другой, в произведениях конца XVIII—первой четверти XIX в. см.: Веселитск., с. 32—33, 110—112.

www.ruslang.ru

ности, такой, как она есть; но факт, не списанный с действительности, а проведенный через фантазию поэта, озаренный светом общего (а не исключительного, частного и случайного) значения, *возведенный в перл создания*, и потому более похожий на самого себя, более верный самому себе, нежели самая рабская копия с действительности верна своему оригиналу» (VI, с. 526). Ср. насмешки Белинского над «идеальными девами» и их попытками видеть во всем «свою любимую мысль, оправдание своей настроенности, т. е. идеальность» (VII, с. 478).[64] На этой почве в критике 30—40-х гг. появился и глагол *идеальничать*, иронически характеризующий поверхностные устремления разного рода мечтателей и мечтательниц, игнорирующих реальную действительность. Ср. у него же: «Отелло был африканец и жил давно, в то время, когда люди еще не *идеальничали*» (II, с. 394); «[Грушницкий] идеальничает — Печорин над ним тешится» (IV, с. 228); «Все это должно было проявиться в ней [героине Э. Сю] естественно, без идеальничанья» (VIII, с. 181). В позднейшей критике этот глагол с его производными был также сильным средством иронической оценки. См.: «Везде, где хочет он [Плещеев] поидеальничать, где пускается в оптимизм, выражает юношеские надежды и желания, — везде впадает он в риторику, в звонкие фразы, вычурные сравнения» (Добр., III, с. 368); «Шпильгаген мастерски умел подметить в своей героине именно эти черты стремления к полезной деятельности, понимания реальных потребностей человека, отсутствия идеальничанья» (Дело, 1871, № 1, Нов. книги, с. 88); «У слабосильных писателей она [гуманная тенденция 40-х гг.] легко переходила в сентиментализм и лжеидеальничанье» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 5).

Следует заметить, что и слово *идея*, известное употреблению задолго до этого времени,[65] лишь с 20—30-х гг. получает свое особенно широкое распространение. Вокруг него образуется теперь целое гнездо слов, часто затем получающих смысловую автономию. Следствием этого является смысловая дифференциация и терминологизация этого слова, попытки отграничить его от ближайших его синонимов на русской почве. Так, уже в Слов. 1847 *идея* рассматривается не только как простой синоним слова *мысль*, но и как носитель специального осмысления, связывающего его с кругом философской терминологии: «Понятие, представление в уме какого-либо предмета».[66] На этой почве складываются обычные сочетания: *идея чего* (ср.: «Увлеченный условиями общества и ошибочною идеею жизни, он [Державин] не истощил всего своего гения» (Н. Пол., I, с. 62—63); «идея государства» (Писар., II, с. 114) и т. п.). С другой стороны, в употреблении с 30-х гг. слово *идея* все чаще становится также синонимом слов *убеждение*, *воззрение* (ср. хотя бы примеры такого употребления в прозе Пушкина).[67] Как термин, обозначающий одно из об-

[64] Ср. еще: «пустая и ложная идеальность, отвращение от бодрой и здоровой деятельности» (IV, с. 86); «детская, а тем более фальшивая идеальность» (IV, с. 229); «отвлеченная идеальность» (VIII, с. 66) и др. под.

[65] Слово *идея* встречается не раз в текстах XVIII в., но особенно охотно его наряду со словом *мысль* стали употреблять Карамзин и сторонники «нового слога».

[66] Несколько иначе представлял это соотношение Ив. Покровский, составитель «Памятного листка ошибок в русском языке»: «*Мысль* есть плод рассмотрения предмета, размышления, соображения, вывода соотношения между предметами. *Идея* есть изображение предметов в уме. Отсюда *идеал* — воображаемая красота, мечтательное совершенство. *Мысль* термин из области философии, мышления; *идея* слово эстетическое, картинное» (Москвит., 1853, № 3, с. 77).

[67] Любопытно, что прил. *идейный*, непосредственно связанное с этим последним значением, появляется значительно позднее, не ранее 70-х гг. Ср. у Ткачева: «[Подросток (Достоевского)], благодаря тому обстоятельству, что считал себя „человеком идеи“... все себе извинял и во всем себя оправдывал.. К несчастью, Подросток не понимал, как этого не понимают многие из наших идейных людей,

щих философских направлений, становится в 20—30-х гг. популярным и слово *идеализм*.[68]

Употребление 30-х гг., времени увлечения романтическими и идеалистическими концепциями, оставило свой след и на осмыслении этих слов, придав им тот общий, нефилософский смысл, достаточно неопределенный, но вместе с тем устойчивый и популярный в разговорном языке, с которым они стали своего рода ходячими рекомендациями то возвышенного, то порицательного свойства (с одной стороны, идеалист как человек бескорыстный, не мелочный и не эгоистичный и — соответственно — идеализм — как приверженность высоким моральным принципам, бескорыстие и т. д., с другой — идеалист как «человек, представляющий предметы при таких условиях, которые не возможны в действительной жизни», непрактичный мечтатель, фантазер и т. д., а соответственно — идеализм как мечтательность, склонность к розовому представлению действительности и т. п.). Ср. у Белинского: «Гоголь убил два ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разрумяненному актеру, и потом — сатирический дидактизм» (VIII, с. 81); «Этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм» (VIII, с. 287); «пустые идеалисты, высокопарные мечтатели» (VIII, с. 286). См. у Тургенева: «Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив, принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных» (I, с. 82—83). Меткие замечания об условности такого употребления не раз находим в критике 60-х гг. Ср., напр., в статье Писарева «Реалисты»: «Мы ухитрились все дошедшие до нас философские термины осмыслить по-своему, сообразно с уровнем наших умственных отправлений. Вследствие этого получились самые неожиданные результаты: кто ел, пил и спал за четверых, тот был произведен в материалисты; а набитые дураки, не умеющие приняться ни за одно практическое дело, получили титул романтиков или идеалистов» (III, с. 41).[69] Впрочем, несмотря на критику такого употребления, оно продолжало и далее держаться в обиходной речи, отражаясь и в языке художественной литературы.

С 20—30-х гг. ведет свое начало и употребление на русской почве слов *идеализировать*, *идеализация* (словари фиксируют эти слова поздно; *идеализировать* впервые находим у Толля; даже словари иностранных слов 60-х гг. не дают их).[70] Ср. *идеализировать* в прозе Пушкина 30-х гг.; у Белинского: «„Идеализировать действительность“ значит

что его вера в „силу и радикальность“ идеи была чистейшим заблуждением» (Литературное попурри; Дело, 1876, № 6, с. 20).

[68] Первая фиксация в Слов. Кир.; *идеалист* — еще Яновск., но из общих толковых словарей эти слова впервые отмечает Д[1]. За пределы специальной философской литературы они выходят в 20-е гг. Ср. в «Мнемозине»: «Противники Канта обвиняли его в том, что он повторял только доводы древних идеалистов» (А. Боровков. Кант; III, с. 119). Объяснение слова *идеализм* как философского термина см. в книге А. Галича «История философских систем» (ч. 2, СПб., 1819, с. 333). О недостаточной популярности термина в это время и неустойчивости его формы свидетельствует упоминание об *идеизме* Беркли в комедии А. Шаховского «Пустодомы» (СПб., 1820, с. 57).

[69] О таком же осмыслении указанных терминов на западной почве, как о характерном приеме буржуазного филистерства, писал Энгельс (Ср.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 289—290).

[70] Уже в 30-х гг. употребляется и сущ. *идеализирование*. Ср. у Надеждина: «Французы составили глагол „idéaliser“; этот глагол немцы завострили своим окончанием в „idealisieren“; и из него-то уже мы, русские, сделали свое „идеализированис“, без которого не можем ступить в рассуждениях об искусстве» (Телеск., 1836, XXI, с. 235). Как видно из этого, первоначально гл. *идеализировать* и сущ. *идеализирование* особенно тесно связаны со сферою эстетических понятий. При-

в частном и конечном явлении выражать общее и бесконечное, не списывая с действительности какие-нибудь случайные явления, но создавая *типические* образы» (III, с. 436): «В них [поэмах Байрона и Пушкина] берутся и сосредоточиваются только поэтические моменты события, и самая проза жизни идеализируется и опоэтизировывается» (V, с. 31); «Те, которые думают, что ее [поэзии] предмет — мечты и вымыслы никогда и нигде не бывалого, кроме воображения поэта, сбиваются словами „идеал“ и „идеализирование действительности“» (III, с. 435) [71] и т. д.

Ср. также и термины *идеология*, *идеолог* и др., первоначально в особом значении (Слов. 1847: «*Идеология.* Часть метафизики, рассуждающая об идеях»; [72] Гейзе: «*Идеологи.* Прозвание партии (данное Наполеоном, — *Ю. С.*), состоявшей из знаменитейших французских метафизиков Первой французской империи, отличавшихся противодействием реакции со времени консульства»). Любопытно, что слова *идеология* — в смысле «метафизика», т. е. вообще умозрительная философия, *идеализм*, *идеолог* — в смысле «метафизик», «философ-идеалист» и т. д. употребляются долго. Ср.: «Ал. Ал. Тучков чрезвычайно интересный человек, с необыкновенно развитым практическим умом. У нас это большая редкость, — мы или животные или идеологи, как и аз грешный» (Герц., II, с. 268); «Эти люди были признаны за вредных мечтателей, за идеалогов (так! — *Ю. С.*)» (В. Одоев., I, с. 127); «Можно прослыть утопистом, идеологом, мечтателем» (СПб. вед., 1861, № 48, с. 256); «отрезвлять умы от смешных самообольщений, напускаемых.. разного рода идеологами и спиритуалистами» (А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе; ЖМНП, 1872, № 1, с. 9); «Все, что им [французским журналистам] кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма» (Пушк., XI, с. 36 (1825)); «Все прочее — пустая идеология, годная разве только для послеобеденного развлечения» (Дело, 1869, № 2, Новые книги, с. 26) и т. п. Лишь к концу века эти слова получают их современное значение; с этим значением они начинают широко употребляться в марксистской литературе 1880—1890-х гг.

Индивидуум и произв. *Индивидуум* — впервые у Кир. и Д[1]; *индивид* — Д[2]; *индивидуальный* — Р .. ф .. ц, Кир., Д[1]; *индивидуальность* — Кир., Д[1]. Белинский приводит слова *индивидуум* и *индивидуальный* в ряду тех, которые «считаются у нас книжными, смешными и дикими и навлекают на себя глумление невежд,[73] если употребляются и не в раз-

---

мер конца 20-х гг. (Вестн. Евр., 1828, № 21) на аналогичное употребление сущ. *идеализирование* — см. Веселитск., с. 111.

[71] Таким образом, и здесь критика Белинского стремилась придать словам этим тесный терминологический смысл, направленный против общего и неопределенного осмысления их в рамках романтического направления. Но след этого «романтического» осмысления остался в продолжающемся обычном употреблении слов *идеализация, идеализировать* как синонимов «приукрашивание», «приукрашивать», т. е. представить какое-либо явление лучше, чем оно есть в действительности. Ср. хотя бы следующие примеры: «Г. М. имеет сильное стремление идеализировать действительность и в повестях из русской жизни берет себе героев вроде Дон Карлоса и Маркиза Позы» (Москвит., 1853, № 5, Журналистика, с. 46); «Им более не нужно было идеализировать перед Белинским свои поступки, которые на деле были далеки от идеальности» (А. Панаева, с. 130); «Под влиянием этой привязанности я его разукрашаю, идеализирую, ставлю на пьедестал» (Все тот же [П. Ткачев]. О почвенниках новейшей формации; Дело, 1876, № 2, с. 177) и т. п.

[72] Ср. Яновск.: «*Идеология. Реч. метаф.* Рассуждение, слово о идеях» и соответственно: «*Идеолог.* Занимающийся наукою о идеях»; Ре .. ф .. ц: «*Идеология.* Так в новейшее время французы назвали метафизику, не терпя ее».

[73] Белинский имеет в виду прежде всего издевательства со стороны «Северной пчелы». См., напр., фельетон С. Навроцкого в № 31 этой газеты от 10 февраля 1841 г., где Белинский насмешливо именуется *индивидуем*. «Вы, может быть, хотите знать, что такое „индивидуй“, — пишет Белинский в ответной полемической заметке, — это искажение слова „индивидуум“, значение которого известно

говоре, а в рассуждениях об умственных предметах» [74] (IX, с. 226). Сам Белинский часто употребляет *индивидуум, индивидуальный, индивидуальность* (см., напр., I, с. 32, 96, 263, 343; II, с. 35, 369; III, с. 53; IV, с. 115 и мн. др.). У него же находим и форму *индивид* (II, с. 250, 296; III, с. 21 и др.). Последняя форма становится обычным вариантом слова *индивидуум* к 60-м гг. XIX в. Из производных — *индивидуализировать(ся)*: «И это общее.. нáчало индивидуализироваться в предметах царства животного» (Бел., V, с. 313; ср. с. 655); *индивидуализация*: «Не есть ли эгоизм одно и то же с индивидуализацией, с этим сосредоточением и обособлением, к которому стремится все сущее как к последней цели?» (Герц., II, с. 96); *индивидуализирование*: «индивидуализирование этих [субстанциальных] сил в различные божества [у древних]» (Бел., V, с. 32). Так же обычны они и у ряда других авторов 1830—1840-х гг. (В. Майков, В. А. Милютин и др.). Слова *индивидуум, индивидуальность* закрепились в употреблении 40-х гг. ввиду настоятельной необходимости выразить понятие личности, отдельного лица как самостоятельной и деятельной единицы, в обстановке напряженной борьбы передовых людей этого времени за права личности и ее свободу. Ср. характерное в этом смысле высказывание славянофила А. И. Кошелева, цитируемое К. Марксом (см. Архив Маркса и Энгельса, XI, с. 45): «Пристрастие к произволу у нас так сильно, что мы охотно ему подчиняемся, если только нам дана возможность произвольничать над другими.. Люди в России совершенно не ценят индивидуальность. Самое это понятие у нас так мало в ходу и в силе, что если бы мы употребили для выражения этой мысли русское слово „самость“, то многим пришлось бы, пожалуй, отыскивать его в словаре Даля.. Это есть не что иное, как следствие прежней, далеко еще не исчезнувшей крепостной зависимости».[75] Параллельно со словами *индивидуум, индивидуальность* явилось и новое осмысление у слова *личность*.[76] Любопытно, что в это время еще употребляются и слова *неделимое* и *неделимый*, как кальки лат. individuum. Во вторую половину XIX в. эта калька постепенно сходит на нет, уступая права заимствованному слову.[77]

всякому знающему французский язык, потому что слово „индивидуум“ есть то же самое, что individu. А искажено оно в *индивидуя*, потому что такова участь всех слов, употребляемых „Отечественными записками“» (V, с. 86—87). Впрочем, форма *индивидуй* продолжает употребляться затем в разговорной речи, преимущественно с иронико-насмешливым оттенком. Напр.: «— Да, действительно, — грузно рассмеялся толстяк, — купчина этот, видно, самых галантерейных правил индивидуй» (Маркев., VIII, с. 28); «Еще не успел я дойти до блаженного состояния забытья, как мое внимание привлек к себе один, по выражению моего приятеля, индивидуй» (М. Авдеев, Соч., т. I, СПб., 1868, с. 261) и т. п.

[74] Хотя можно заметить, что слово *индивидуальный* (и даже *индивидуальность*) встречалось и в журналистике 20-х гг. *Индивидуальность* («свойство индивидуального») см. у Пушкина. См. также примеры на употребление слов *индивидуум, индивидуальный, индивидуальность* из журналов конца 20-х гг. (Веселитск., с. 19—22). Впрочем, в речевой практике этого времени, так же как и второй половины XVIII в., обычны разного рода русские замены, а иностранные слова выступают иногда при этом как их смысловые уточнения. Нередко для передачи понятия «индивидуум» создавались специальные слова и словосочетания, разные у разных авторов. Таковы были новообразования XVIII в.: *неделимый* или *неделимое* (*существо*), *нераздельное* или *неразделимое* (*существо*), *единственник* (см. Радищ., V, с. 93, 95), *единственность* (в смысле: индивидуальность; там же, с. 6), *особенник* (там же, V, с. 124). См. также: *единственный человек* (l'individu) в переводе Я. Козельского (Статьи о нравоучительной философии и частях ее из Энциклопедии. Перевел Я. Козельский. Ч. II, СПб., 1770, с. 55, 56).

[75] А. И. Кошелев. Наше положение. Берлин, 1875, с. 127—128.

[76] См. об этом в гл. II, с. 203. Ср. у Белинского: «Пока еще трудно определить решительно, в чем заключается особенность, так сказать, индивидуальность и личность таланта г. Достоевского» (IX, с. 551).

[77] Ср. Слов. 1847: *«Неделимое.* Individuum. Каждый отдельный предмет из многих однородных». Д[1] дополняет и уточняет: «Предмет или существо.., особь».

В 40—60-х гг. появляются и другие производные: *индивидуализм*,[78] *индивидуалист* и пр. Напр.: «Бессилие так называемого индивидуализма» (М... З... К... [Ю. Самарин]. О мнениях «Современника» исторических и литературных; Москвит., 1847, II, с. 144); «Для выражения общего понятия о личном характере действий человека есть еще слово „индивидуализм“» (Н. Шелгунов. Отживающие слова; Русск. слово, 1863, № 6, с. 47); «Невозможно представить себе ни одной деревни, где бы не нашлось хотя бы одного индивидуалиста» (Русск. мысль, 1883, № 2, отд. II, с. 163); «Пропаганда переходит из индивидуалистической в массовую» (Сев. вестн., 1886, № 5, отд. II, с. 40) и т. д.

Конкретный и произв. Впервые Кир.: «данный, определенный»; Мих. 1865: «конкретное понятие»; Бурд. с пометой «Философ.»; затем — Д[2]. С 1830-х гг. начинает употребляться в московских философских кружках, так же как и другие слова этого корня (*конкретность*, *конкретировать(ся)*, *конкретирование*, *конкреция*, *конкрет*). Ср. у Белинского: «Прямухинская гармония и знакомство с идеями Фихте, благодаря тебе, в первый раз убедили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь действительная, положительная, конкретная, а так называемая действительная жизнь есть отрицание, призрак, ничтожество, пустота» (Письмо М. А. Бакунину от 16 авг. 1837; XI, с. 175); «Конкретное тождество идеи с формою» (II, с. 288); «конкретная действительность» (II, с. 507); «Слово делается *слитным* [с идеею, — *Ю. С.*], *сросшимся* (*конкретным*, говоря философским термином)» (V, с. 194); «[Определение основной идеи] всего легче в неконкретных, мнимохудожественных произведениях» (II, с. 561) и т. д. У него же неоднократно находим и истолкование термина: «*Конкретность* производится от *конкретный*, а конкретный происходит от латинского глагола concresco — *срастаюсь*. Это слово принадлежит новейшей философии и имеет обширное значение. Здесь мы употребляем его, как выражение органического единства идеи с формою.. *Конкретности* противополагается *отвлеченность*» (II, с. 438; 1838 г.); «Основною идеею художественного произведения может быть только так называемая на философском языке „конкретная“ идея, т. е. такая идея, которая в самой себе заключает и свое развитие, и свою причину, и свое оправдание и которая только одна может стать разумным явлением, параллельным своему диалектическому развитию» (III, с. 481).

Слово встретило резкие возражения со стороны пуристов (см. об этом: Бел., IX, с. 470—471). Ср. замечания И. Покровского: «Конкретность

Любопытно, что в ранних произведениях Герцена «О месте человека в природе» (1832; I, с. 16), «О неделимости в растительном царстве» (перев. с франц., 1830; I, с. 361—365) встречается только русская калька. Ср. там же: «неделимость (individualitas) почек» (I, с. 362). У Белинского: «В царстве животном особность является еще и индивидуальностию (неделимостию)» (V, с. 655). Но Белинский же замечает позднее: «Если некоторые пуристы слова: *индивидуум* и *факт* заменяют словами *неделимый* и *быть*, так это только смешно» (IX, с. 473). В произведениях Герцена конца 30—40-х гг. *индивидуум* и его производные встречаются часто (ср., напр., I, с. 26, 29, 33; II, с. 7, 63, 65 и др.), а *неделимое* уже не употребляется. Однако *неделимое*, как сказано, находим изредка у ряда авторов и позднейшего времени. Ср.: «Не только неделимые имеют жизнь, но и виды и роды» (Писар. (Павл.), III, с. 496); «Клеточка составляет первичную форму каждого неделимого» (Н. Шелгунов. Земля и органическая жизнь; Русск. слово, 1863, № 8, с. 9).

[78] Во французском языке сущ. individualisme закрепилось в середине века. Ср. характерное признание в книге французского либерального идеолога этого времени: «Наши предки не знали слова индивидуализм, которое мы для себя выковали, потому что в их время не было на самом деле индивидуума, который не принадлежал бы к группе и который мог бы сгладить себя совершенным обособлением от других» (А. Токвиль. Старый порядок и революция. Научно-популярная библиотека под ред. Э. Д. Гримма, Пгр., 1918, с. 113).

противоположна отвлеченности, а потому не яснее и не лучше ли было бы сказать: в вещественности» (Москвит., 1853, № 17, Смесь, с. 38).

С 1860-х гг. слова *конкретный, конкретность*, выйдя за рамки собственно философских контекстов, становятся обычными в языке публицистики, газеты, научной книги. Ср., напр.: «Во всех его [бельгийского буржуазного экономиста Молинари] сочинениях.. трудно отыскать конкретную идею или оригинальный взгляд» (Благ., с. 123); «Если перевести это рассуждение Шаврова с отвлеченного языка на конкретный, то окажется, что причиной падения классической цивилизации г. Шавров считает язычество» (Писар. (Павл.), IV, с. 493). Слово *конкретный* становится близким по смыслу слову *определенный*, обычным антонимом не только слова *абстрактный*, но и его русского синонима *отвлеченный*. Ср. также и в произведениях художественной литературы: «Конкретность внешнего мира подавляет его [глуповца]» (Салт., III, с. 259); «Он решал все сложные вопросы конкретно, а не в отвлечении» (Златовр., II, с. 18).

В философских контекстах в 1830—1840-е гг. встречались также слова *конкрет, конкреция*, не удержавшиеся в употреблении. Ср.: «Жизнь греческого народа была цветом древней жизни, конкрециею ее элементов» (Бел., IV, с. 590; здесь в смысле «сгущение, высшее проявление»); «тесное и живое слияние [конкреция].. противоположностей» (Бел., IV, с. 165); «Какой огромный шаг [у Гегеля в «Философии природы»] в освобождении от абстрактных сил.. и какой перевес качеству, конкреции» (Герц., II, с. 349); «Живой факт может только в абстракции быть знаем мыслью,.. но как конкрет он выпадает из нее» (Герц., II, с. 252) и т. п. В контекстах философского характера в 30—40-х гг. также — и гл. *конкретировать(ся);* (ср.: «Сумасшествие есть отвлеченная идея, которая *конкретируется* только в явлении» (Бел., III, с. 180); «Это развитие поэзии совершается в них [произведениях литературы] последовательно, конкретируя в них свои моменты» (К. Акс., Ломоносов, с. 15); «Это перехождение общего в явление, это полное конкретирование совершается необходимо в живом законе развития» (там же, с. 16)) и т. д.

Глагол в этой форме не закрепился в употреблении; современные формы *конкретизировать* и пр. в их общем значении входят в употребление поздно (их не отмечает даже Мих. 1898).

Объект, объективный; субъект, субъективный. Существительные *объект* и *субъект* в специальном научном употреблении встречались еще в XVIII в.[79] Эти термины в их логико-философском смысле получают хождение с 30—40-х гг. XIX в. и теперь уже не только в рамках научного контекста. Правда, наличие старой (XVIII в.) кальки слова *объект — предмет* ограничивало употребление заимствованного существительного,[80]

---

[79] Ср. в дидактическом романе Ф. Эмина «Приключения Фемистокла» (СПб., 1763): «Принимание и разделение суть склонности объекта» (с. 190). Значительно реже можно было встретить и *субъект* (*субъектум*). См. примеры из Д. Кантемира (Книга система или состояние мухамеданския религии. СПб., 1722), приводимые у Г. Хютль-Ворт (Foreign Words in Russian. Berkeley and Los Angeles, 1963). Сущ. *объект* толкуется у Яновск. Там же и прил. *объективный*, но только в составе терминологического сочетания, относящегося к области оптики, *объективное* [т. е. предметное] *стекло*. Любопытно, что и его русское соответствие *предметный* еще Слов. 1847 толкует только как «наводимый на предмет» и иллюстрирует сочетанием «предметное стекло». Слово *субъект* не отмечено ни у Яновск., ни в Слов. 1847. Обычными выразителями этих понятий в логическом смысле были сущ. *предмет* и *подлежащее*. Примеры на употребление прил. *объективный* и его русских соответствий из произведений конца XVIII—первой трети XIX в. см. Веселитск., с. 86—87.

[80] Впрочем, семантико-фразеологические возможности, предоставляемые словом *объект*, не вполне совпадали с таковыми у слова *предмет*. Ср. возможность

но зато *субъект*, распространяясь в литературном и разговорном языке, претерпело характерную смысловую эволюцию,[81] а прилагательные, не получив семантически адекватных русских заместителей, прочно вошли с середины века в книжный язык. Ср. употребление этих слов в философских контекстах у Белинского в 30—40-х гг., нередко с подстановкою русских заместителей: «Мышление.. условливает собою существование двух противоположных .. сторон духа .. это — дух *субъективный* (внутренний, мыслящий) и дух *объективный* (внешний первому, мыслимый, предмет мышления) .. Два противоположные друг другу предмета — мыслящий (субъект) и мыслимый (объект)» (IV, с. 587—588); «Преобладание внутреннего (субъективного) элемента в поэтах обыкновенных есть признак ограниченности таланта. У них субъективность означает выражение личности, которая всегда ограниченна, если является отдельно от общего» (IV, с. 520) и т. д. Ср. у Герцена: «[Грановский] везде покорялся объективному значению событий» (II, с. 123); «Русский историк стоит на почве, которая ему чрезвычайно облегчает объективное симпатическое воззрение на западную историю» (там же); «Методы Бэкона — не более как личное (субъективное) и внешнее предмету средство понимания» (III, с. 272). С 50-х гг. слова *объективный* и *субъективный* и производные от них существительные на *-ость* становятся уже общеупотребительными и не вызывающими сомнения (ср. и обычные фразеологические сочетания *объективная истина*, *объективная* (и *субъективная*) *поэзия* и т. д.).[82] Вот некоторые примеры: «Автор не имеет в своем таланте никаких объективных свойств» (Москвит., 1853, № 1, Журналистика, с. 137); «Совершенно объективных поэтов быть не может; совершенно объективны могут быть только математические выкладки да разные сведения из натуральной истории, статистики и т. п.» (Добр., III, с. 142); «[Софисты] совершенно отрицали существование объективной истины» (Писар. (Павл.), IV, с. 489); «Объективность не всегда может быть признана в критике великим достоинством» (Писар., I, с. 77) и т. д. Сравнительно поздно, в обстановке борьбы различных общественно-политических групп и течений 70-х гг., являются также сущ. *субъективизм* и *объективизм*. Ср. в статье П. Ткачева «Роль мысли в истории»: «В последнее время в нашей литературе много толковалось о субъективизме и объективизме» (Дело, 1875, № 9, с. 91); см. также: «Кочубинскому свойствен полнейший произвол и „субъективизм“» (Бод. де Курт., Рец., с. 35); «Такого бесстрастного объективизма, какого желает г. Градовский в публицистике, не существует даже и в истории» (Дело, 1876, № 12, Калейдоскоп, с. 141) и нек. др.

От 30—40-х гг. идет и глаг. *объективировать* (первоначально в форме *объектировать*). Ср.: « В лице Алеко.. Пушкин бессознательно бичевал самого себя, свой образ мыслей и, как поэт, чрез это *художественное* объектирование, освободился от него навсегда» (Бел., XI, с. 380); «Строгие эстетические ценители хотели, чтоб он [Кокорев] дольше *вынашивал* в душе свои произведения, давал своим очеркам больше стройности, больше *объективировал* их» (Добр., IV, с. 266).

Принцип. Впервые Д[1]: «Научное и нравственное начало, основанье, правило, основа, от коей не отступают»; также Толль, Марк., Угл., Бурд.

рассматривать как объект не только собственно предметы, но и явления, лица. Ср.: «В его [мироеда] глазах община есть объект для эксплуатации» (Салт., XVI, с. 487); «Массы составляют объект нашей деятельности» (Л. Толст., XXXII, с. 398).

[81] См. об этом в гл. III (с. 435—437).

[82] Ср. еще у Белинского употребление слова *предметный* в смысле «объективный»: «Мы должны обнимать ее [действительность] в целости и притом предметно, так, чтоб наша личность, наши отношения не заслоняли ее от нас» (IV, с. 490).

(«нравственное начало»), Мих. 1865 («первоначальная причина, правило, принятое за основание в науке или в жизни»). *Принципиальный* — в словарях XIX в. нет. Слово начинает употребляться с середины 40-х гг. Добролюбов писал о людях 40-х гг.: «Люди *того* поколения проникнуты были высокими, но несколько отвлеченными стремлениями. Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное; но выше всего для них был *принцип*. *Принципом* же называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали» (IV, с. 70). Ср. у Белинского: «Мы не говорим здесь о тех приверженцах старины, которые отстаивают старое против нового по привязанности к школе, к принципам, в которых воспитались» (VII, с. 361; 1844); «В критике его [Шевырева] заметно было присутствие чего-то похожего на принцип» (IX, с. 146) и др.[83] Но еще в начале 40-х гг. у Белинского выступает (и то изредка) лишь франц. principe для уточнения смысла русск. *начало*. Напр.: «Эта мысль дает себя чувствовать в поэзии, как известный взгляд на известную сторону жизни, как начало (principe), которым вдохновляются и живут творения поэта» (VI, с. 124; 1842); «А. Карр сражается в своих „Осах“ не с лицами, а с началами (principes)» (VI, с. 162). У Герцена встречаем несколько раз слово *принцип* в его дневниках начиная с 1842 г. (ср., напр., II, с. 229, 292). Ср. и сочетания слова с род. над. сущ.: «нравственный принцип поединка» (Герц., II, с. 165); «основной принцип политической экономии» (В. Милют., с. 169); «принцип свободной промышленности» (там же, с. 170). Еще в 50-х гг. слово вызывает ожесточенные нападки и безусловные осуждения со стороны пуристов.[84] Ср. у Покровского: «Я думаю, все эти *абстракты*, *принципы* и проч. недолговечны и никак не получат в русском языке права гражданства, а скоро, вместо них, по-прежнему войдут в употребление *отвлеченность*, *начало* и проч.» (Москвит., 1853, № 10, Смесь, с. 104). Он же советует автору повести, опубликованной в «Отечественных записках», где употреблено было слово *принцип*: «Наконец: *принцип* свой, вовсе не долженствующий быть в русском языке, уж хотя ограничьте учеными и философическими статьями, а в изящной литературе он просто невыносим» (там же, № 17, с. 52). Но к 60-м гг. слово получает самое широкое распространение.[85] Это время ожесточенных споров о принципах, лежащих в основании убеждений отдельных направлений, групп и лиц. Ср. известное место из «Отцов и детей» Тургенева, где Павел Петрович Кирсанов противополагает свои «принсипы» «прынципам» своего антагониста: «Мы люди старого века, мы полагаем, что без принси́пов (Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер, Аркадий, напротив, произносил «прынцип», налегая на первый слог), без принсипов, принятых, как ты говоришь на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя» (III, с. 187). Ср. также ироническое замечание в юмористическом журнале «Заноза» (1863, № I, с. 6): «Как самое общество наше, так и журналистика представляет нам три пути, сообразно трем видам убеждений: людей и журналов с принципами, принсипами и прынципами». В эту пору слово *принцип* не проникло еще разве лишь в провинциальные захолустья. Ср. в романе Евг. Мар-

---

[83] См., напр., VII, с. 452, 502, 506; IX, с. 96.

[84] Но неодобрение высказывается не только со стороны пуристов. Даже Белинский, сам употреблявший, как мы видели, это слово, пишет, напр., характеризуя слог В. А. Милютина: «Он пишет скоро, а потому многословно, часто повторяется, любит книжные, иностранные словца — принципы, аргументы и тому подобные мерзости» (Письмо В. П. Боткину от 4—8 ноября 1847; XII, с. 408).

[85] Ср., впрочем, надежду Я. Грота, что слово *принцип*, наряду с некоторыми другими новыми заимствованиями, исчезнет из русского языка (Филолог. разыск., I, с. 23).

кова «Черноземные поля»: «[Консерваторы шишовского дворянства] еще не привыкли обращаться, как следует, с словом „принципы“, а не только могли иметь в голове какие-нибудь принципы» (Дело, 1876, № 6, с. 6). Однако до конца XIX в. слово *принцип* не имело еще устойчивых производных. Ср. у Лескова форму прил. *принципный*: «Меня спутало и погубило это якшанье со всею этою принципною сволочью», — говорит «нигилист» Горданов в антинигилистическом романе «На ножах» (ПСС, XXV, с. 89).

Прогресс и произв. Первая фиксация слова — Д[1], Толль и словари иностранных слов 60-х гг. Первые случаи употребления слова в особом терминологическом смысле («движение вперед в развитии чего-либо») — не ранее середины 30-х гг.[86] См. у Белинского: «Только в ходе человеческой мысли заключается исторический прогресс» (II, с. 86; 1836); «Без разности и противоположности во мнениях не было бы ни жизни, ни движения, ни прогресса» (II, с. 545; в произведениях Белинского очень часто — ср. еще: II, с. 123; IV, с. 12, 35, 438; V, с. 225, 668; VI, с. 92 и др.). Но в 30-х гг. слово *прогресс* еще нельзя считать закрепившимся в языке, о чем свидетельствуют и неустойчивость в его форме, и частые случаи смыслового уточнения слов *движение*, *развитие* франц. progrès.[87] Ср. у И. Киреевского: «Просвещение одинокое, китайски отделенное, должно быть и китайски ограниченное, в нем нет жизни, нет блага, ибо нет прогрессии, нет того успеха, который добивается только совокупными усилиями человечества» (II, с. 105; 1832).[88] Ср. также: «Обществу мочи нет наскучили все эти mouvement, progrès, движения, усовершения» (В. В. Последние известия из Парижа; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 116); «Сен-симонисты, фуриеристы и другие подобные мечтатели, которые избрали своим лозунгом слово — progrès» (Плюшар, XV, с. 236; 1838); «Правительство есть формула движения (du progrès)» (Герц., I, с. 320; 1836 г.). Окончательная акклиматизация слова на русской почве совершается уже в 40-е гг. Ср. замечание Белинского: «*Прогресс* и *движение* сделались теперь словами ежедневными» (VI, с. 92; 1842). К концу 40-х гг. оно встречается уже часто, у разных авторов и на страницах журналов разных направлений, даже и пуристически настроенных. Ср., напр.: «Ещё менее современен оптимистический взгляд на богатство и бедность, как взгляд, диаметрально противоположный современному понятию о прогрессе» (В. Майк., I, с. 191); «Авторитет.. как понятие, прямо противоположное понятию личности и прогресса» (Отеч. зап., 1848, № 3, Внутренние известия, с. 62); «прогресс цивилизации» (Москвит., 1849, VI, отд. IV, с. 10); «В один вечер перешли они из детства в юношество. Это прогресс — слова нет» (там же, 1853, № 6, Заграничные известия, с. 27) и т. д.[89] Наконец, в 60-х гг. слово *прогресс* приобретает исключительную популярность, особенно в кругах демократической и либеральной интеллигенции. Его можно встретить в произведениях раз-

---

[86] Слово *прогресс*, правда, встречается в документах петровской поры (см.: Смирнов, Зап. вл.), но как элемент «модной» фразеологии и в общем смысле «успех». Примеры русской передачи этого понятия из текстов первой трети XIX в. см. Веселитск., с. 64—65.

[87] В конце XVIII—начале XIX в. в смысле «прогресс» встречаем также слово *шествие*. Ср. у Радищева в его трактате «О человеке, его смертности и бессмертии»: «Сколь шествие в испытании природы не препинаемо препятствиями разнородными» (Соч., II, с.8); «шествие разума» (там же, с. 50, 89); «шествие естественности и законов ее» (с. 94) и пр.

[88] К 40-м гг. относится и окончательная семантическая дифференциация слов *прогресс* и *прогрессия*; последнее сохраняется лишь в своем математическом смысле.

[89] О нападках пуристов в 40-е гг. на слово *прогресс* см. у Белинского (X, с. 280—283); там же и истолкование понятия, связанного с этим словом.

ных жанров и стилей — от научной или публицистической статьи до повествовательной прозы и даже стихов.[90]

В 40—60-х гг. складывается и гнездо слов — производных от *прогресс*: *прогрессивный* и *прогрессивность*,[91] *прогрессист* (и *прогрессизм*),[92] *прогрессировать*.[93]

В заключение следует прибавить, что первоначально относимое лишь к сфере человеческой истории (и даже теснее — к сфере сознания, к развитию идеи) слово *прогресс* к 60-м гг. распространяется вообще на

---

[90] О «моде» на слово *прогресс* в 60—70-х гг. ср. многочисленные указания в фельетонах того времени и в антинигилистических романах. См., напр., в фельетоне Нового поэта (И. И. Панаева): «— Но... — сказал мне пожилой и значительный господин, — но... с этим так называемым просвещением, развитием, или, как это нынче у вас модное слово, — с этим прогрессом (и, произнеся это, он улыбнулся иронически) искореняются добрые правила» (Совр., 1858, № 10, с. 230); в антинигилистическом романе К. Орловского «Вне колеи»: «Сухая речь Алексея Алексеевича [предводителя «земской левой»].. была словно начинена избранными терминами, как прогресс, меньшая братия, единение с народом, уравнение прав и т. д.» (с. 65—66). Ср. также ироническое замечание в рецензии на стихотворения Плещеева, принадлежащей М. И. Михайлову: «Конечно, баллады г. Полонского об индейском факире или о взятии Мемфиса не могли подвинуть нас ни на шаг по пути, так сказать, прогресса. Но ведь и самое слово „прогресс“ не употреблялось тогда в печати, даже в прозаических статьях и рассуждениях таких практических ученых (ныне, увы, забытых), как гг. Егунов, Небольсин и др., — это слово, столь прославившее, по случаю появления своего в стихах, драгоценные истинно гражданскому русскому сердцу имена гг. Бенедиктова, Конрада Лилееншвагера и Розенгейма, тогда было не на особенно многих устах» (Совр., 1861, № 3, с. 88).

[91] *Прогрессивный,* видимо, появилось в языке даже несколько ранее, чем слово *прогресс* (в 30-х гг.), ведь оно могло соотноситься и с формой *прогрессия*. Ср. у Сенковского: «Появилась новая система, руководствующая теперь пером большей части известных писателей и которую назвали мы „прогрессивною“» (О взгляде на постоянное историческое совершенствование народов; Библ. для чт., 1834, I, с. 13). Ср. у Вал. Майкова: «В разборах Карамзина и Мерзлякова встречается что-то похожее.. на свободу мысли, на прогрессивность суждения» (I, с. 5).

[92] Ранние случаи употребления *прогрессист* относятся к 40-м гг. Ср.: «Прогрессисты утверждают, что они восстают против воинствующего духа современной промышленности» (В. Майк., II, с. 53); «Парламентская партия *прогрессистов,* образовавшаяся в недре консерваторов» (П. А—в [Анненков]. Парижские письма; Совр., 1847, № 6, с. 231); «Теория Мальтуса противоречит и другой совершенно несомнительной истине [убеждению в разумности природы], признаваемой в наше время одинаково людьми самых противоположных убеждений, идеалистами и материалистами, консерваторами и прогрессистами» (В. Милют., с. 79) и т. д. Партией прогрессистов называли в 60-х гг. противников крепостного права и сторонников буржуазного развития России, противопоставляя их ретроградам, обскурантам, крепостникам и «плантаторам». Но в связи с размежеванием в эти годы между демократами и либералами слово *прогрессист* начинает «опошливаться», терять четкий терминологический смысл; на это чутко реагирует демократическая публицистика. См. характеристику либеральных «прогрессистов» в «Итогах» Щедрина: «Это народ очень загадочный, совмещающий с чувствительностью души и слезливостью в голосе непреодолимую страсть к „куску“.. Прогрессист — такой же идеолог, как и консерватор или ретроград, и душа его так же мало откликается на дело, как и душа самого заскорузлого ханжи-обскуранта» (VII, с. 422—423). Ср. ироническое замечание о «петербургских прогрессистах Невского проспекта» в статье Н. Шелгунова «Глухая пора» (Дело, 1870, № 4, с. 36). *Прогрессизм* как название самого направления или тенденции прогресса встречается несколько реже. Ср.: «Шавров замечает, что у новых народов мы видим постоянную борьбу консерватизма и рьяного, ослепленного прогрессизма» (Писар. (Павл.), IV, с. 90).

[93] Глагол *прогрессировать* имел с начала своего появления более общий смысл (развиваться, нарастать, увеличиваться) и соотносился и со словом *прогресс*, и со словом *прогрессия*. Он начинает встречаться как будто бы не ранее середины века. Ср. в 60-х гг. изредка и возвратную форму: «Финская природа прогрессируется вместе с ее обитателями» (Аноним [Д. Д. Минаев]. С невского берега; Дело, 1869, № 8, с. 62).

всякое развитие в природе и обществе (ср. название большой работы Д. И. Писарева «Прогресс в мире животных и растений» (1864)).

Что касается антонима *прогресса* слова *регресс* и его производных, то они начинают употребляться несколько позднее, к 60-м гг. Ср. «Раскол из явления регрессивного делается явлением прогрессивным» (СПб. вед., 1861, № 271, с. 1484); «Изменение их жизненных условий регрессивно, упадочно подействовало на их воспроизводительную энергию» (А. Щапов. Историко-этнографическая организация русского народонаселения; Русск. слово, 1865, № 1, с. 27); «Мы не только не усмотрим в развитии авторского таланта никакого прогресса, но найдем скорее некоторый регресс» (П. Никитин [Ткачев]. Литературное попурри; Дело, 1876, № 8, с. 36); «Даже Европа регрессировала несколько веков, с эпохи Антонинов до XII ст.» (С. Ставрин [Шашков]. Иностранная литература; Дело, 1875, № 11, с. 11) и т. д.

§ 8. Другую и еще более обширную группу составили заимствованные слова, связанные с выражением различных общественных отношений, классов, социальных групп и направлений. К этой группе относятся такие слова, как *автономия*, *активный* и *пассивный*, *ассоциация*, *буржуазия*, *гуманный*, *дебаты*, *индифферентизм* и *индифферентный*, *индустрия* и *индустриальный*, *конкуренция*, *консерватор* и *консервативный*, *культура*, *новатор*, *обскурант* и *обскурантизм*, *оппозиция*, *организовать* (*организировать*), *пауперизм*, *популярный*, *пресса*, *пролетарий* и *пролетариат*, *пропаганда*, *реабилитация*, *реакция*, *реформа*, *рутина*, *сепаратный*, *солидарный*, *социальный*, *социализм* и *коммунизм*, *тенденция*, *утилитарный* и *утилитаризм*, *утопия* и *утопист*, *утопический*, *филистер*, *централизация*, *цивилизация*, *эксплуатация*, *эмансипация*.[94]

Эта общественно-политическая лексика является в русском языке, как правило, не ранее 40-х гг. XIX в.; особенное ее распространение начинается со второй половины этого десятилетия. Появление этих слов вызвано к жизни тем глубоким вниманием к вопросам социальной жизни, междучеловеческих отношений, переустройства общества, которое так характерно для передовой мысли этого времени. Их распространение тесно связано с развитием русской демократической мысли, с развитием новых социально-экономических отношений в России накануне реформы 1861 г.

В этом первоначальном усвоении указанных слов русским языком особенно важную роль сыграла передовая публицистика второй половины 40-х гг. В произведениях Герцена и Белинского, в «Карманном словаре иностранных слов» петрашевцев, в статьях В. Майкова и В. Милютина впервые начали появляться эти термины, в них они объяснялись и истолковывались. Можно отметить здесь быстроту и интенсивность распространения этих слов на русской почве. Все они становятся необходимыми и известными терминами уже в середине века. Таким образом формируется новый пласт общественно-политической лексики, прочно входящий в систему лексики русского литературного языка. Любопытно, что в отношении большей части этих слов мы не встречаем уже возражений пуристов и предложений заменить их какими-либо русскими словами. Можно было игнорировать или ненавидеть понятия, связанные с этими словами и вызванные к жизни социально-политическим развитием России к середине XIX в., но трудно или невозможно было «отделаться» от прямых и точных их обозначений, какими и были эти пришедшие в русский язык слова. Характерно также, что довольно значительная часть этих слов была относительно новой и на почве языка-источника, во всяком случае в тех актуальных терминологических зна-

[94] Все эти слова отсутствуют в Слов. 1847, но включены в Слов. Д.

чениях, в том осмыслении их, с каким были восприняты они и русской речью. Большая часть этих слов впервые появилась в указанных значениях во французском языке с конца XVIII—начала XIX в. Многие из них сформировались как термины в годы особенно интенсивного развития социалистических учений, т. е. в 30-х гг. XIX в.[95] С этого времени начинается их заимствование и в другие европейские языки; в этом смысле уже к середине века они становятся характерными «интернационализмами».

Но история распространения и истолкования этих терминов была в еще более сильной степени, чем история заимствованных слов первой группы, связана с развитием идейной и политической жизни русского общества, с борьбою классов и партий, с судьбою различных общественных течений и направлений. В истолковании этих терминов сталкивались часто взаимопротивоположные отношения к тем социальным силам и явлениям, которые они были призваны обозначать.

В раскрытии истинного смысла этих слов исключительная заслуга принадлежит революционно-демократической мысли 60-х гг. В эти годы данные слова получают все права гражданства в русском языке.

Распространение и развитие марксизма в последние два десятилетия XIX в. приводит с собою новый пересмотр смыслового содержания и идейного значения этих слов. Именно в марксистской литературе утверждается и определяется то строго терминологическое употребление некоторых из этих слов, которое затем отражается и в их общем значении (ср., напр., историю употребления слов *буржуазия*, *пролетариат*).

Приводимые ниже краткие очерки по истории распространения и семантики этих слов и призваны показать некоторые характерные моменты в этом развитии. Они показывают также, как эти слова становились необходимыми элементами лексической системы русского языка, как развивалась вместе с тем их фразеологическая и словообразовательная активность.

Активный—пассивный. *Активный* впервые Ре..ф..ц («активная торговля»), затем Энц. Слов. 1861 г.; ср. Д[1]: «деятельный, действующий, жизненный, живой, не косный, не мертвый»; там же — *активность*, *пассив — актив*; Толль: *активная* (*пассивная*) *торговля*; *актив—пассив*.[96] *Пассивный* — Ре..ф..ц, Угл., Марк. и др. словари иностранных слов 1860-х гг.; Д[1]: «страдательный, косный, недеятельный или находящийся в покое». Как данные словарей, так и находящиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют как будто бы, во-первых, о том, что оба антонима начинают, наряду с их русскими синонимами *деятельный — страдательный* (*недеятельный*), более или менее свободно употребляться с 40-х гг. (особенно же широко с 60-х гг.); во-вторых, о том, что распространение в русском языке слова *пассивный* и его производных было более быстрым и широким, чем слова *активный* и его производных.[97] В последнем обстоятельстве нет ничего удивительного, если учесть, что русской критике и публицистике 40-х и даже 60-х гг. приходилось больше говорить о пассивности общества и вести с нею борьбу. Во всяком случае слово *пассивный* мы эпизодически встречаем в употреблении и до

[95] Ср. данные французских этимологических словарей О. Блока, А. Доза и др.

[96] См.: Ре..ф..ц: «*Актива*. Собственное имение, состоящее в наличных деньгах, поместьях, товарах, векселях и пр.».

[97] Характерно, что в произведениях и дневниках Герцена 30-х—первой половины 40-х гг. довольно часто встречается слово *пассивный* наряду со *страдательный*; ср.: «пассивная бездеятельность» (II, с. 213), «пассивный характер» (II, с. 315), но: «страдательная материя» (II, с. 207), «тело как нечто страдательное» (II, с. 147). Вместе с тем для выражения противоположного понятия там еще только выступает прил. *деятельный*: «деятельное внимание» (II, с. 122); «связь деятельная» (там же).

40-х гг. Ср. в письме декабриста Е. В. Оболенского от 7 октября 1825 г.: «Наш ум не ограничивается пассивным существованием» (Избр. произв. декабр., I, с. 426). Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что русский синоним *деятельный* более полно и близко передавал различные смысловые оттенки, связанные со словом *активный*, нежели *страдательный* — по отношению к *пассивный*. Ср. следующие характерные примеры смыслового противопоставления заимствованному слову русского: «Вот особенная черта, обнаружившая в Кольцове не только пассивную и воспринимающую, но и деятельную фантазию» (Бел., IX, с. 501); «Меры решительные, энергические, деятельные, а не пассивные» (Землед. газ., 1860, № 50, с. 794).

См. хотя бы следующие примеры употребления этих слов в произведениях 40—50-х гг.: «В думе Баратынского много *страдательного* в обоих значениях этого слова: и в том, что в ней слышится страдание, и в том, что эта мысль не активная, а чисто пассивная» (Бел., VIII, с. 447); «Он им владел силою какого-то пассивного магнетизма» (Вяз., VIII, с. 354); «Эта пассивность женского ума есть нередко увлекательная прелесть и сила» (там же); «Теперь дело шло не о пассивной обороне какой-нибудь» (Дост., I, с. 290); «Качество это усиливается от постоянной привычки к пассивному восприятию чужих идей» (Добр., II, с. 128) и др.

Наряду с этим укореняется и пара специальных торгово-финансовых терминов: *актив—пассив*, так же, как и терминированные сочетания *активная* и *пассивная торговля*. Ср.: «Всю сумму билетов, показанных [банком] в пассиве» (Одесск. вестн., 1861, № 63, с. 273); «В 1871 г. было в Соединенных Штатах 2915 случаев банкротства..., а в 1875 — 7740 банкротств с пассивом в 200 млн. долларов» (Я. П — р. Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 161); «Торговля пассивная превратится в активную» (ЖМГИ, 1856, XI, Земледельческая хроника, с. 37) и т. д. См. отдельные случаи образно-переносного употребления этих терминов: «Почему непременно хорош актив и не хорош пассив в искусстве?» (Анток., с. 807). Ср. также в политической терминологии сочетание: *активные* и *пассивные граждане*. Напр.: «С этой целью был предложен [во Франции] декрет отнять право прошений и афиш не только у обществ, но и у граждан пассивных» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1862, № 5, с. 6); «Низшие классы, несмотря на декларацию [прав человека], увидели себя в числе пассивных граждан» (Писар. (Павл.), III, с. 169) и т. д.[98]

Ассоциация. Впервые Яновск. с общим определением: «то же, что коалиция», затем Кир., Д[1], Толль. Слово как термин, обозначающий сообщество, было тесно связано с социалистическими учениями Франции и Англии 30—40-х гг. Изданный петрашевцами «Карманный словарь иностранных слов» в статье «Неологизм» приводит его, явно в пропагандистских целях, как пример удачно введенных новых слов и как доказательство «удачности и необходимости заимствования слов из иностранных языков». Активная жизнь этого слова на русской почве начинается в передовых кружках второй половины 40-х гг.[99] Особую значимость приобретает это слово в 60-х гг. Характеризуя излюбленный словарь демокра-

[98] См. в «Карманном словаре иностранных слов» 1845 (вып. 2) русский перевод: «пользоваться вполне правами действительного гражданства (être citoyens actifs)» (Филос. произв. петраш., с. 195).

[99] Еще ранее, в первой половине 40-х гг., встречаем слово в дневниковых записях Герцена в общем смысле «кружок, группа»: «Страшно подумать; люди совершенно невинные, не имеющие ни практической прямой цели, не принадлежащие ни к какой ассоциации, могут быть уничтожены, раздавлены, казнены за какой-то образ мыслей» (II, с. 328). Но ср. в дневнике 1844 г. там, где речь идет об учении социалистов: «Обновление неминуемо. Принесется ли оно вдохновенной личностью одного или вдохновением целых ассоциаций пропагандистов — собственно, все равно» (II, 345).

тов-шестидесятников, современные авторы обычно приводят в пример и слово *ассоциация* (см. «Панургово стадо» Вс. Крестовского (III, с. 187), «Новь» Тургенева (IV, с. 325)). Ср. следующие примеры: «Союз бумагопрядильщиков (Spinner's Union) сильнее и многочисленнее всех других ассоциаций» (В. Милют., с. 175—176); «Дух ассоциации не проник еще тогда в промышленность» (Добр., IV, с. 22); «Потребность ассоциации всегда чувствовалась и в русском обществе» (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 46); «Ассоциация есть активный протест бедности против бессилия филантропической помощи» (Н. Шелгунов. Противоположные полюсы земства; Дело, 1871, № 1, с. 10); «Овен.. организовал рабочую ассоциацию как зародыш той будущей общечеловеческой ассоциации, которая, по его мнению, должна была преобразовать весь мир» (Благ., 63) и др. под. *Ассоциация* в таком осмыслении была боевым лозунгом для всей революционно-демократической и народнической мысли.

С 60-х гг. ведет свое начало употребление слова *ассоциация* в другом его, логическом значении: «связь идей» (см.: Бурд.). Тогда же начинает употребляться и гл. *ассоциировать(ся)*. Ср.: «Рутина, т. е. привычные умственные ассоциации» (Ткачев, VI, 330); «[Ребенок] свою особу.. ассоциирует со всеми проходящими через его сознание героями» (Дело, 1869, № 10 Новые книги, 51); «Чтобы писать для детей, .. надо уметь войти в их мир,.. ассоциироваться с детской душой» (там же, с. 54).

Буржуазия и произв. Впервые Толль: *Буржуазия, буржуа*; Мих. 1865: *буржуа*; Д[2]: *буржуазия*; Слов. Акад. 1893: *буржуа́зия, буржуа́зный*. Ср. у Белинского еще как иностранные слова: «Все литературные знаменитости современной Франции .. живут, как порядочные bourgeois» (II, с. 156); «Теперь господствующее и правительствующее сословие во Франции не аристократия, а bourgeoisie» (IX, с. 140) и т. д. Появление слова на страницах печати в русской транслитерации относится ко второй половине 40-х гг. Правда, первоначально оно еще нередко выступает в форме *буржуази*. Так у Герцена в его «Письмах из Avenue Marigny» и «Письмах с Via del Corso» и «Опять в Париже» (1847—1848) (см. V, с. 234, 241, 249, 253, 309, 320, 327 и др.[100]); «Вся будущность Франции в руках буржуази» (Бел., XII, с. 468; письмо к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г.); «Дюма живет в другую эпоху; его публика — буржуази́ июльского переворота» (Отеч. зап., 1848, № 3, Русск. лит., с. 45) и т. д. Но уже в конце 40-х гг. является и форма *буржуазия*. Ср. у П. В. Анненкова: «Буржуазия позволяет себе улыбаться» (П. А—в. Парижские письма; Совр., 1847, № 6, с. 233); «Известно, сколько в современной французской буржуазии лежит чисто головного, абстрактного сенсуализма» (там же, с. 228). Во всяком случае формы *буржуа, буржуазия, буржуазный* становятся обычными уже в 50—60-х гг.

Вместе с тем происходила и семантическая эволюция этих слов, их смысловая дифференциация с русскими словами, первоначально воспринимавшимися как их синонимы в известном смысле (*мещанин, мещанство, среднее сословие* и т. д.). Ср. «Рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение [в июле 1830 г.] партиею среднего сословия (bourgeoisie)» (Бел., VIII, с. 171); «Изображая французский народ в своем романе, Эжен Сю смотрит на него, как истинный мещанин (bourgeois)» (там же, с. 174). Слова *мещанин, мещанство* еще нередко в 40—60-х гг. употребляются для обозначения буржуазии, в том числе и западноевро-

---

[100] Ср. в его дневнике за 1843 г.: bourgeoisie (II, с. 284). В тех же «Письмах»: *буржуа* (V, с. 241, 318, 320); *буржуазный, буржуазно-либеральный* (V, с. 314). Изредка форма *буржуази* встречалась и позднее (см.: П. Л. Лавров. Три беседы о современном значении философии. СПб., 1861, с. 14).

нейской. Ср. у Герцена в «Письмах из Франции и Италии», с одной стороны: «Но не таков *буржуа*, *проприетер*, *лавочник*, *рантье* и весь Париж, за ценс стоящий» (V, с. 33); «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности» (V, с. 34); а с другой стороны: «Богатая буржуазия платит за все, и театр всего более выражает потребности, интересы мещанства» (V, с. 33); «Ж. Санд выставляют дурную сторону буржуазии; добрые буржуа читают ее романы со скрежетом зубов и запрещают их брать в руки своим мещаночкам» (V, с. 33—34); «Борьба была очевидна, неминуема, характер ее можно предсказать. Голодный человек свиреп, но и мещанин, защищающий собственность, — свиреп. Надежда у буржуазии одна — невежество масс» (V, с. 64).[101] За этой неразграниченностью слов-терминов нередко стояло и отсутствие отчетливых представлений о буржуазии как особом классе капиталистического общества в отличие от разнородной массы «среднего сословия» предшествующего времени. Характерен в этом смысле упрек Белинского Герцену в том, что он в «Письмах из Avenue Marigny» «слишком тесно понял значение слова: bourgeoisie. Он разумеет под этим словом только богатых капиталистов и исключил из нее самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословия» (X, с. 353—354). Ср. в «Карманном словаре иностранных слов», вып. 2 (1846): «среднее сословие (tiers état, bourgeoisie)» (Филос. произв. петраш., с. 196). Но любопытно, что даже позднее, когда представление о буржуазии как особом классе капиталистического общества можно считать уже достаточно определившимся, по крайней мере у передовых представителей революционно-демократической мысли, мы еще встречаемся со свободным употреблением в одном и том же контексте и термина *буржуазия* и выражений: *среднее сословие*, *средний класс общества* и т. д. Ср., напр., в статье Добролюбова «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ»: «Английская аристократия вступила в антагонизм с буржуазией с самого начала сильного развития промышленности Англии» (IV, с. 23); но там же: «Среднее сословие возвышалось в своем значении и было уже в состоянии тягаться с землевладельческой аристократией» (с. 21); «средний класс общества» (с. 22).

Итак, можно отметить, во-первых, первоначальную недифференцированность по смыслу слов *буржуа*, *буржуазия* и *мещанин*, *мещанство*, а также *среднее сословие*, *средний класс*. Но с развитием идей о классовой борьбе в современном обществе все отчетливее выступает представление о буржуазии как особом классе общества, выделившемся из первичной пестрой массы среднего сословия, мещанства. Параллельно с этим происходит и смысловая эволюция слов *мещанство* и *мещанин*.

Во-вторых, первоначально, в 40-х гг., заимствованный из французского языка термин преимущественно выступал в контекстах, где речь шла об общественной жизни Франции. Но с развитием капиталистических отношений в России эти слова получают более общее значение[102] и начинают прилагаться, между прочим, и к соответствующим явлениям русской жизни. Ср., напр.: «Оба они [Колюпанов и Шипов] оберегают капитал нового русского буржуа, в которого превращается бывший помещик» (Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии; Дело, 1869, № 2, с. 4); «Все было убрано во вкусе той буржуазной роскоши,

---

[101] Ср. еще во Французско-русском словаре Н. П. Макарова (1870) перевод франц. bourgeois как «мещанин», bourgeoisie как «мещанство, мещане». Ср. Д²: «*Буржуазия* — мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд».

[102] См. определение понятия буржуазии у Толля: «Т. наз. класс общества, средний между дворянством и народом и заключающий негоциантов, купцов, адвокатов, маклеров и владельцев».

какую создает русский человек, когда чувствует за собой теплое и доходное местечко» (Мам.-Сиб., I, 473).

Окончательно определяется терминологическое значение этого слова уже в последние два десятилетия XIX в., в марксистской литературе. Там же закрепляются и терминированные сочетания: *крупная, средняя, мелкая буржуазия* (и производное *мелкобуржуазный*). Впрочем, эти сочетания и их производные изредка встречаются уже и в публицистике 70-х гг. Ср., напр.: «Гораздо более существенную роль .. мелко-буржуазный мир играет в „Матильде“ в лице Сегрена» (Денегри [Л. И. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 284). Распространение слов этого гнезда в русском языке имело последствием, между прочим, и появление в просторечии резко экспрессивной формы (обычно с подчеркнутым оттенком пренебрежения) *буржуй*. Ср. характерный диалог в романе П. Д. Боборыкина «Василий Теркин»: «— Ну вот, — оживленнее и смелее продолжал Дубенский, — и надо, стало быть, усиленно пускать в ход все, что привлекает буржуя. „Эк заладил, — перебил про себя Теркин, — буржуй да буржуй!“ — Это вы буржуем-то вообще состоятельных людей зовете? — спросил он с улыбкой. — Представителей капиталистического хозяйства» (XI, с. 252).

Гуманный и произв. *Гуманный* — впервые Кир.; Д[1]: *гуманный* («человеческий, человечный, людский; свойственный человеку истинно просвещенному») и *гуманность; гуманизм* и *гуманист* — Плюшар (в смысле образовательном);[103] *гуманист* есть уже у Яновск. (в образовательном смысле);[104] *гуманистический* — Толль: *гуманистическая педагогическая школа* (в смысле — гуманитарный); *гуманитарный* — Слов. Акад. 1893.

Актуальными, в их общем (а не историческом) смысле, слова эти становятся в критике и публицистике 40-х гг. И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1852, стр. 10) приводит слово *гуманный* среди недавних заимствований, еще не укоренившихся в русском языке. Ср. у Белинского — *гуманический* и *гуманный*: «Мужество воина только тогда истинно и исполнено вдохновительной, гуманической поэзии, когда вытекает из национального чувства» (IV, с. 8; 1840); «В них [повестях В. Одоевского] преобладает глубоко гуманическое начало» (IV, с. 344); «Личность поэта [в «Евг. Онегине»] .. везде является такою прекрасною, такою гуманною» (VII, с. 502); «Гуманные формы гражданской жизни древней Эллады» (VIII, с. 283); «Эта сатира [Кантемира] исполнена таких здравых, *гуманных* понятий о воспитании» (VIII, с. 628) и др. Таким образом, вариантность образований *гуманический* и *гуманный* проходит у Белинского на протяжении всех 40-х гг., хотя и с явным преобладанием второй формы.[105] Ср. также *гуманность*: «В таланте великом избыток внутреннего, субъективного элемента есть признак гуманности» (IV, с. 521); «Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической — внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность» (VII, с. 339); «Искандер — по преимуществу поэт *гуманности*» (X, с. 320); «Какая же это мысль [глав-

---

[103] Там же находим *гуманитаристы* как общее обозначение французских утопических социалистов круга Фурье и Сен-Симона (ср. франц. Humanitaires).

[104] «*Гуманист* и *гуманиор*. Лат. Человек, упражняющийся в изящных науках, или обучающий оным». *Гуманиора* в смысле отдела наук см. в текстах с начала XVIII в. (Смирнов, Зап. вл.).

[105] См. форму *гуманический* и у Герцена: «Шиллер более Гете имел симпатии к романтическому; но главная его симпатия была к современности, и последние, самые зрелые его произведения чисто гуманические (если допустите это название), а не романтические» (III, с. 38). Замечание в скобках — лишнее свидетельство в пользу новизны слова для этого времени (1843). Ср. еще: «Гуманическая сторона бытия» (II, с. 65). Но и у него форма *гуманный* преобладает. Ср., напр.: «В нем была бездна гуманного, доброго» (II, с. 203); «Шутка была глупа, негуманна» (II, с. 246).

ная в произведениях Герцена]? Это — страдание, болезнь при виде непризнанного человеческого достоинства, оскорбляемого с умыслом и еще больше без умысла, это то, что немцы называют *гуманностию* (*Humanität*). Те, кому покажется непонятною мысль, заключающаяся в этом слове, в сочинениях Искандера найдут самое лучшее ее объяснение. О самом же слове скажем, что немцы сделали его из латинского слова *humanus*, что значит человеческий. Здесь оно берется в противоположность слову *животный*. Когда человек поступает с людьми, как следует человеку поступать с своими ближними, братьями по естеству, он поступает гуманно; в противном случае он поступает, как прилично животному. Гуманность есть человеколюбие, но развитое сознанием и образованием» (X, с. 323).[106] Как видим из этих примеров, слова *гуманный*, *гуманность* имели для Белинского особое значение ввиду важности связанного с ними понятия. Он часто обращается к ним, вскрывает их смысловое содержание, объясняет историю их происхождения. В последнем примере отчетливо указаны и причины, по которым это заимствованное слово оказывается необходимым (ср. указание на существенный оттенок смысла, выражаемый словом *гуманность*, по сравнению со словом *человеколюбие*).

Еще в конце 40-х гг. слова *гуманный*, *гуманность* подвергаются гонению со стороны пуристов. Таковы нападки С. Шевырева, выступающего с реакционно-славянофильских позиций. «Наша литература, — пишет он, — много говорит о *гуманности* и ввела этот языческий термин, променяв на него слово всем понятное — слово: *любовь*» (Очерки совр. русской словесности; Москвит., 1848, кн. I, с. 54).

Параллельно с присвоением этих слов русскому языку в произведениях Белинского конца 30-х—начала 40-х гг. находим попытки выразить соответствующие понятия с помощью русских образований: *человечный* и *человечность* [107] и особенно словами — *человечественный*, *человечественность* и *человечественность*, представлявшими собою неологизмы Белинского, не закрепившиеся в употреблении. С помощью их нередко толкуется и раскрывается у него и значение слова *гуманный*, *гуманность*. Ср., напр.: «Нельзя не согласиться, что в этом эпикуреизме много человечного, гуманного» (VII, с. 235); «[Старый цыган] рассказывает трогательную повесть о самом себе, о своей любви к Мариуле и ее измене, которую он.. так человечно, так гуманно нашел совершенно законною» (VII, с. 397); «И все такие его [Лермонтова] стихотворения глубоки и многозначительны; в них выражается богатая дарами духа природа, благодарная человечественная личность» (IV, с. 521); «Более *человече-*

---

[106] См. у Герцена *гуманность* (II, с. 96, 160, 215, 275 и др.).

[107] Прил. *человечный* и даже сущ. *человечность* известны еще отдельным авторам второй половины XVIII в. (Фонвизину, Карамзину) — см. об этом: Н. М. Шанский. К истории некоторых слов на «ость» (Уч. зап. Рязанск. пед. инст., № 8, 1949, с. 148—151; см. также: G. Huttl-Worth, Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVII Jahrhundert. Wien, 1956). Но характерно, что этих слов не отмечает даже Слов. 1847. Очевидно, только с 40-х г., т. е. именно с того времени, когда они в критике Белинского семантически сближаются со словами *гуманный* и *гуманность*, они становятся распространенными, прочно вошедшими в литературный язык. Кстати, укажем здесь на одну неточность относительно появления сущ. *гуманность* в произведениях Белинского у Н. М. Шанского. В статье «Лексические и фразеологические кальки в русском языке» (Русский язык в школе, 1955, № 3, с. 33) он, признавая это слово неологизмом Белинского, указывает, что Белинский впервые употребил его в одном из писем 1841 г. (см. Бел., XII, с. 38), но что в его статьях оно будто бы начинает встречаться лишь несколько лет спустя. Аналогичное утверждение содержится и в статье Ю. А. Бельчикова «Из истории слова *гуманность*» (Сб. статей по языкознанию, посвященный профессору Московского университета академику В. В. Виноградову, 1958, с. 55). На самом деле, как показывают наши примеры (см. IV, с. 521), оно появляется уже в статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) и затем встречается неоднократно (ср. еще: VI, с. 97; VIII, с. 146, 185 и др.).

ственная, гуманная поэзия Шиллера нашла себе больше отзыва в человечестве, чем поэзия Гете» (IV, с. 520); «Прекрасная мысль светится в одушевленном и мастерском рассказе, которого душа заключается в глубоком чувстве *человечестности*» (III, с. 188); «Греция была по преимуществу страною человечественности (Humanität)» (V, с. 235); «Орудием и посредником воспитания должна быть любовь, а целью *человечность* (die Humanität) .. Под *человечностью* мы разумеем живое соединение в одном лице тех общих элементов духа, которые равно необходимы для всякого человека, какой бы он ни был нации, какого бы он ни был звания, состояния, в каком бы возрасте жизни и при каких бы обстоятельствах ни находился, — тех общих элементов, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоценнейшее сокровище и без которых он не человек» (IV, с. 83—84) и т. д.[108] Ср. у него же и новообразование *очеловечение*: «Первоначальная мысль об основании Академии принадлежит, разумеется, Петру Великому, как и первоначальная мысль всего, что посеяло в России семена очеловечения, облагорожения и одухотворения» (IV, с. 550); «Наша история шла иначе, чем история Европы, и наше очеловечение должно было совершиться совсем иначе» (V, с. 140).[109] С 50-х гг. слова *гуманный*, *гуманность* становятся уже общеизвестными и широко употребительными. С середины века идет употребление и других производных: *гуманистический* и *гуманитарный* (первоначально без разграничения в значении),[110] *гуманизировать*, *гуманизация*[111] и т. д.

Индифферентизм. *Индифферентный* — впервые Толль: «равнодушный, безучастный»; *индифферентизм* — Д[1] («равнодушие, безучастие, особ. о вере»), Толль («равнодушие, безучастие; нерешительность суждений и побуждений. Бывает политич., философск., религ. и нравственный и.»), словари иностранных слов 60-х гг. (ср. у Гейзе: «равнодушие, безразличие в делах веры»); *индифферентист* — Гейзе («Человек, равнодушный к делам веры»), Бурд. Впервые слово *индифферентизм*, и при этом не только в конфессиональном, но и в философском и общественно-политическом смысле, начинает у нас встречаться в публицистике 40-х гг. Ср. у Белинского: «Сначала они [идеалисты] доводят искусство до аскетизма, а наконец и до индифферентизма» (VI, с. 588); «Объективность — качество, столь превозносимое не понимающими его настоящего значения людьми и столь близкое к нравственному индифферентизму, отсутствие одного преобладающего убеждения» (VII, с. 35); «практический и исторический индифферентизм» (VII, с. 346). У него же приводится и толкуется и слово *индифферент*: «Такого рода „беспристрастные“ люди, не

---

[108] Ср. *человечественный* и во 2-м вып. «Карманного словаря иностранных слов»: «стать на высоту человечественного.. развития» (Филос. произв. петраш., с. 192); у Герцена: «Человечественный суд должен молчать, снисходить, реабилитировать» (II, с. 219); «Воззрение это широко и глубоко человечественно» (II, с. 309); «Французская красота необычайно человечественна, социальна; она далека от германо-английской надтельности» (V, с. 53). У последнего встречаем и сущ. *человечественность* (II, с. 319). Характерно, что рецензент «Отечественных записок» (1848, № 9, отд. VI, с. 42) считает *человечность* неточным соответствием слову *гуманность* и предпочитает как перевод — *человечественность*.

[109] См. гл. *очеловечить* у Герцена (I, с. 19; II, с. 303).

[110] Ср.: «Специальному образованию должно предшествовать гуманитарное, или общечеловеческое» (Сев. почта, 1862, № 212, с. 851; но там же: «Отделение общеобразовательное, гуманистическое»); «Наклонность девушек к более легким и гуманистическим предметам, как общая литература, история и т. п.» (Миропольский. Университетское образование женщин..; Русск. мысль, 1883, № 1, с. 199); «Европа .. будет рукоплескать нашим цивилизаторским деяниям, к великому услаждению наших гуманитарных прогрессистов» (Н. Данил., с. 62).

[111] Ср. у Вал. Майкова: «Крестьянская и мещанская действительность, гуманизированная Кольцовым» (I, с. 99); «Гуманизирование русского крестьянского быта» (там же, с. 43).

способные принадлежать ни к какой партии, иначе называются равнодушными, или *индифферентами*» (X, с. 92). Белинский причисляет *индифферентизм* к словам, которые еще «у нас считаются книжными, смешными и дикими» (IX, с. 226); в другом месте он защищает его от нападок пуристической критики «Москвитянина» (IX, с. 470—471). Впрочем, уже в 50-х гг. слово встречается даже на страницах «Москвитянина»: «Его [нового поколения] поэзия... не идеальная, а реальная и проникнута индифферентизмом к добру и злу» (Москвит., 1853, № 4, Журналистика, с. 217). Видимо, прил. *индифферентный* несколько медленнее закреплялось в употреблении, чем сущ. *индифферентизм*.[112] Но и оно становится употребительным ко второй половине XIX в. Ср. отвлеченное сущ. от него в повести В. Крестовского (псевдоним) «Большая медведица» (1875): «[Волкарева] огорчалась ее непатриотической индифферентностью» (В. Крестовский, Собр. соч., IV, СПб., 1887, с. 245).

Конкуренция и произв. Впервые Д[1]: «соперничество или состязанье в торговле и промыслах, соискательство, соревнование»; Толль: «соперничество, соревнование неск. купцов относительно продажи одних и тех же товаров»; там же — *конкурент* (Д[1]: «соперник, соревнователь, соискатель, состязатель»; Толль: «тот, кто ведет одинакие дела с другим, напр. продает такие же товары, или кто преследует одну и ту же цель с др.»); *конкурировать* — Мих. 1898.

Эти слова заимствуются, несмотря на наличие ряда синонимов: *соперничество* и *соперник*, *соревнование* и *соревнователь*, *состязанье*, *соискание* — *соискатель*, а также широко употребительных в XVIII в. и первой трети XIX в. *совместничество—совместник* (особенно по отношению к торговым делам). Первые случаи употребления падают на 40-е гг., причем отмечается еще терминологическая неустойчивость. Ср. у Белинского: «А что наши губернские гостиницы скверны, в этом виноваты не отсутствие национального элемента, не подражание внешнему европеизму, а просто-напросто отсутствие конкуренции между заведениями такого рода» (IX, с. 102); «Что за роскошь! Один и тот же роман в нескольких переводах! Это не роскошь, а соревнование, конкуренция, которая, впрочем, должна принести успеху дела не пользу, а вред» (IX, с. 364). См. полемику между «Северной пчелой» Булгарина и «Русским вестником» Н. Полевого в 1842 г. по вопросу о том, как лучше передавать по-русски франц. concurrence: словом *соревнование* (Н. Полевой) или *совместничество* (Булгарин).[113] В «Северной пчеле» за 1843 г. (№ 140) следовал новый фельетон Ф. Булгарина, в котором доказывалось, что слово concurrence ближайшим образом соответствует слову *соревнование*. У Белинского, наряду с *конкуренцией*, встречаем также и *совместничество*, *соперничество*, *соревнование* и т. п. Ср., напр.: «В такой великой натуре [как Мария в «Полтаве»] любовь может быть только преобладающей страстию, которая в выборе не допускает никакого совместничества» (VII, с. 422); «Соперничествуя с иностранными славами, г. Полевой нисколько не хочет уступить, по крайней мере, в плодовитости, если не в таланте, и нашим туземным славам» (VIII, с. 542). См. такую же неустойчивость применительно к обозначению соперничества в капиталистическом производстве в статье В. А. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (1847): «Неограниченная свобода промышленности порождает, как естественное и необходимое свое последствие, неограниченную конкуренцию между производителями» (с. 169); «Мы обязаны конкуренции бесчисленным множеством открытий

[112] Толковые словари XIX в. его не дают; из словарей иностранных слов оно впервые у Мих. 1898.

[113] См. ответ Н. Полевого «Северной пчеле» в № 4 «Русского вестника».

и изобретений .. Соревнование между производителями способствует беспрестанному приложению к промышленности открытий и начал науки.. С другой стороны, под влиянием беспрестанного и упорного соперничества фабрикантов, вместе с возвышением достоинства их продуктов, постоянно понижается их цена .. Одним словом, вследствие неограниченной конкуренции, промышленность безостановочно и быстро развивается, совершенствуется.. Но неограниченная конкуренция вместе с добром производит и зло» (там же, с. 170). Эта неустойчивость отчасти захватывает и вторую половину XIX в., когда постепенно затухает употребление и старых русских синонимов: *совместничество*, *совместник*. Вместе с тем с середины XIX в. все свободнее употребляются и слова *конкуренция*, *конкурент*, *конкурировать*, особенно в приложении к экономической, торговой и промышленной сфере, т. е. в терминологическом смысле для обозначения господствующей в капиталистической экономике тенденции. Ср. следующие примеры: «Соперничество не ограничивается внутренним рынком, пределами государства. Другие государства могут подорвать предприятие, огражденное со стороны отечественных конкурентов» (В. Майк., II, с. 60); «Сначала, пока машин было немного и совокупность ремесленников могла выдерживать с ними [фабрикантами] соперничество, положение работников на фабриках было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться .. Возникшая вскоре конкуренция между капиталистами-промышленниками не только не послужила к улучшению положения рабочего класса, но даже сделала его еще хуже. Конкуренция выражалась тем, что производство старались улучшить и удешевить» (Добр., IV, с. 22); «Господствующая экономическая теория провозглашает владычество конкуренции, т. е. заботы каждого производителя о том, чтобы подорвать других производителей» (Черн., VII, с. 34);[114] «Экономический строй [Англии], представляющий пирамиду, поставленную вверх основанием, зиждется на борьбе и конкуренции, создающей рабство труда и власть капитала» (Благ., с. 139) и др.

Культура и произв. *Культура* — впервые Кир.; затем Д[1] («обработка и уход, возделыванье, возделка; // образованье умственное и нравственное; говорят даже культивировать вм. обрабатывать, возделывать, образовать и пр.»); Толль («образование, просвещение, в особ. производительность, развитие, обогащение и совершенствование духовной жизни народа»); *культурный* — Толль: *культурные растения*; затем Мих. 1898. Первые случаи употребления падают на 40-е гг., распространение получает с 60—70-х гг.,[115] в двух основных значениях, отмеченных уже у Даля. С 60-х гг. начинает широко употребляться и гл. *культивировать* (первоначально чаще в форме *культировать*), прил. *культурный* (к концу века находим и сущ. *культурность*). Ср.: «Плата за сотрудничество и за статьи там [в московских журналах 20—30-х гг.] считалась чем-то странным, исключительным, даже несовместным с достоинством литературной культуры» (Бел., VIII, с. 563; 1845); «Задачу истории можно выразить так: показать, как критическая мысль личности перерабатывала культуру обществ» ([П. Лавров]. Опыт истории мысли, т. I, вып. 1. СПб., 1874, с. 6); «Отличнейшие сорты культурных растений» (Сев. почта, 1862, № 146, с. 581); «Представитель наиболее культурного слоя дворянства» (Сев. вестн., 1886, № 4, отд. I, с. 152); «главные культурные центры» (там же, № 5, отд. II, с. 163); «Западная Европа, красующаяся в наряде своей цивилизации и культурности, очевидно забывает эту

---

[114] Но ср. у него же: «Хорош ли, дурен ли принцип соперничества, он не может считаться всеобщим принципом экономической деятельности» (IX, с. 409).

[115] Можно отметить, что ряд писателей 60-х гг. еще почти не пользуется этим словом. Его, напр., не встречается у Чернышевского, Добролюбова, Писарева.

азбучную истину» (Север, 1886, № 9, с. 12); «Следует давать известную серию знаний,.. культировать мысль детей и молодежи известным образом» (Н. Шелгунов. Неудавшаяся «Беседа»; Дело, 1871, № 5, с. 23); «На крестьянских наделах культивируются всегда почти одни и те же виды злаков» (Сев. вестн., 1886, № 3, отд. II, с. 161); «Опыты над прививкою культивированных бактерий» (там же, с. 216); «Неудовлетворение будет всегдашним результатом культирования одних любовных склонностей» (Н. Шелгунов. Неоконченные вопросы; Дело, 1871, № 4, с. 44); «Масса крестьян, какая необходима для культивирования всей земли» (Сев. вестн., 1886, № 1, отд. II, с. 190); «Возможность культивировки этих растений» (там же, с. 139) и др.

Таким образом, слова этого гнезда, впервые отмечаемые в русском языке с конца 40-х гг., затем все активнее распространяются в употреблении, несмотря на наличие близких синонимов для обоих значений слова *культура* («обработка», «возделывание» и «образование», «просвещение»).[116] И здесь решал дело, с одной стороны, особый и вместе с тем широкий объем понятия, связанного со словом («совокупность достижений общества в различных сторонах его жизни, особенно — духовной»), с другой — специализированность термина в различных областях знания (ср.: сельскохозяйственные культуры, культура бактерий и т. д.).

Обскурантизм. *Обскурантизм* — впервые Кир. (ссылка); затем Д[1], Толль, Мих. 1865; *обскурант* — Толль, Д[1] и словари иностранных слов 1860-х гг. Слово *обскурантизм* заимствовано из французского языка, где оно было образовано не ранее 20-х гг. XIX в. Начинает широко употребляться в передовой публицистике 40-х гг. Ср. у Белинского: «Наши испанцы.. хоть сейчас готовы были бы учредить инквизицию для истребления духа европолюбия и для распространения духа азиелюбия и обскурантизма, т. е. мраколюбия» (VI, с. 343; речь идет о славянофилах); «изуверы обскурантизма» (VIII, с. 503); «Послушаем,.. что говорит он [Никитенко] против обскурантизма, прикрываемого моральными видами, против нравственности, основанной на невежестве» (IX, с. 163); «поборник обскурантизма и мракобесия» (X, с. 214; Письмо к Гоголю). Ср. у него же и *обскурант*: «[Первая сатира Кантемира] была направлена против обскурантов (людей, одержимых болезнию мракобесия), врагов просвещения, словом, славянофилов того времени» (VIII, с. 619). Для 2-го вып. «Карманного словаря иностранных слов» (1846) на слова *обскурантизм* и *обскурант* были приготовлены острые статьи, которые цензурой не были пропущены.[117] Эти термины особенно активно употребляются в литературе 60-х гг. См., напр.: «Ненавидя Добролюбова, филистеры в то же время боялись Григорьева как человека, смело идущего в самый вопиющий обскурантизм» (Писар., III, с. 280); «За красивыми словами скрывается полнейший обскурантизм и маломыслие, этот самый ужаснейший яд, от которого нужно спасать современное русское общество» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; Дело, 1869, № 8, с. 13); «Философия Бэкона была отвергнута обскурантизмом профессоров, которые по-прежнему жевали Аристотеля» (Благ., 219); «Наше настоящее дело .. — очищать науку от негодной эрудиции, софистики обскурантов» (Н. Соколов. Начала народного хозяйства; Русск. слово, 1862, № 5, с. 11); «Покойный Хомяков не был обскурантом в худом значении этого слова» (Библ. для чт., 1861, № 11, Критика,

---

[116] Встретив в «Отечественных записках» за апрель 1863 г. выражение: «действовать на природу культурою», Ив. Покровский в «Памятном листке ошибок в русском языке» (Москвит., 1853, № 17, с. 39) замечает: «Понятие, заключающееся в слове *культура*, выражается удовлетворительно словом: *возделание*».

[117] Они по архивной копии впервые опубликованы полностью в сб. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», 1953, с. 257—261.

с. 5) и т. д. С 40-х гг. встречается и прил. *обскурантный* и *обскурантский*. Ср.: «Обскурантные стремления» (Филос. произв. петраш., с. 257); «В прошлом году мы представляли читателям образец обскурантских, молчалинских понятий из диссертации .. Миллера» (Добр., IV, с. 398). Наряду с *обскурант* в эти годы употреблялось и параллельное слову *обскурантизм* образование *обскурантист*. Ср.: «Обскурант, или обскурантист» (Филос. произв. петраш., с. 261); «[Отец Кавура], если ценил кого-нибудь, то лишь компанию важных особ, таких же аристократов и обскурантистов, как он» (Добр., VII, с. 44).

Встречается также иронический неологизм *обскурантничать* («Прикажут нам быть либеральными, мы либеральничаем; прикажут быть обскурантами, мы обскурантничаем» (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 50)).

Своеобразными русскими синонимами слова *обскурантизм* были, как мы видели по примерам из Белинского, слова *мракобесие* и *мраколюбие*. В. В. Виноградов,[118] ссылаясь на цитату из «Сына отечества» за 1819 г. (ч. V, 125—126),[119] относит зарождение слова *мракобесие* к кругам «передовой, революционно настроенной интеллигенции конца 10-х гг. XIX в.» (с. 13). «В слове мракобесие, в его структуре и в его экспрессии, — пишет он далее, — нашли яркое выражение революционные настроения русского передового общества, подготовившие восстание декабристов» (там же), и «начиная с 20-х гг. XIX в.» оно «распространяется в языке передовой интеллигенции» (с. 15). Там же говорится, что в 40-е гг. XIX в. слово *мракобесие* «в кругах русской революционно настроенной передовой интеллигенции, наряду со словом обскурантизм, выступает как один из едких, презрительных антонимов прогресса, демократической свободы и любви к просвещению» (с. 6), что к 30—40-м гг. «очевидно,.. слово мракобесие .. уже успело получить довольно широкое распространение» (там же) и что «вслед за Белинским им начал пользоваться в своих литературных произведениях весь кружок Белинского, а затем и вся передовая русская критика 50—60-х годов XIX в.» (с. 15). Из всех этих утверждений и предположений безусловно верно лишь то, что слово *мракобесие* становится достаточно обычным в передовой русской критике 60-х гг. и что на это повлияло его употребление в широком смысле, как синонима слова *обскурантизм*, в знаменитом письме Белинского к Гоголю. Но вряд ли соответствует действительности утверждение, что слово имело указанный широкий смысл в кружках преддекабристских и декабристских, что оно стало распространяться начиная с 20-х гг. XIX в. и что в 30—40-е гг. оно успело уже получить широкое распространение.

Образование этого слова и первые случаи его применения были более специфическими. Указанный пример из фельетона «Сына отечества» прямо свидетельствует о том, что слово *мракобесие* родилось как иронический перевод французского выражения, направленный против шишковцев, ревнителей «старого слога». Других примеров его употребления до Белинского мы не находим. Белинский, превосходно знавший мельчайшие перипетии литературной борьбы первой четверти XIX в., в частности критику «Сына отечества» за 1819—1822 гг., когда там сотрудничал Бестужев-Марлинский, извлек это слово на свет и, наряду с встречающимся у него неологизмом *мраколюбие*,[120] обратил его прежде всего

---

[118] Докл. и сообщ. Инст. русск. языка, вып. 2, М.—Л., 1948, с. 3—18.

[119] В указанном контексте оно служит вольным «славено-российским» переводом франц. la manie des ténèbres.

[120] В. В. Виноградов (Докл. и сообщ. Инст. русск. языка, с. 6), встретив слово *мраколюбие* при передаче франц. ignorantisme в «Полном русско-французском словаре» Н. П. Макарова, считает его «искусственно сочиненным» там. Однако, как видим, это не единственный случай его употребления (ср. выше пример из Бе-

против «московского направления» К. Аксакова, Ив. Киреевского, Хомякова и Ю. Самарина, как он это сделал и с термином «славянофил», ранее употреблявшимся по отношению к защитникам славено-российского слога, Шишкову и его последователям. Решающую роль, как сказано, сыграло употребление этого экспрессивного и раскрашенного в «церковно-славенские» краски слова в письме Белинского к Гоголю, где оно получило, прямо став в ряд со словом *обскурантизм*, более расширенное толкование. С середины века начинается активная жизнь этого слова в языке публицистики.[121] Но нужно заметить, что и в это время употребительность слова *мракобесие* ниже, чем термина *обскурантизм*; последний остается наиболее точным, широким по смыслу, свободным от дополнительных экспрессивных наслоений и основным обозначением всякой борьбы с прогрессом и просвещением, идеологической реакции. Характерен факт, отмечаемый В. В. Виноградовым, что *мракобес* начинает употребляться сравнительно поздно (не ранее 60-х гг.) и встречается редко.[122] Любопытно также, что словарь Даля не дает ни слова *мракобесие*, ни слова *мракобес* (Даль, при всей его склонности к таким образованиям, не упоминает их даже при толковании слов *обскурантизм* и *обскурант*).

Пауперизм. Впервые Толль, Д[1] и словари иностранных слов 60-х гг. Употребительным в русской публицистике становится не ранее середины 40-х гг. Ср. у Белинского: «Пока он [В. Одоевский] говорит об ужасах царствующего в Европе пауперизма (бедности), о страшном положении рабочего класса, умирающего с голоду в кровожадных, разбойничьих когтях фабрикантов и разного рода подрядчиков и собственников.., нельзя не соглашаться с его доказательствами, потому что они опираются и на логике и на фактах» (VIII, с. 316).[123] Ср. статью В. А. Милютина (Отеч. зап., 1847) под названием: «Пролетарии и пауперизм в Англии

линского). Характерно, что, разъясняя слово *обскурант*, словарь Толля пользуется, между прочим, и сущ. *мраколюбец* (т. II, с. 1053). Ср. еще у В. Бенедиктова в стихотворении «На новый 1857 г.»: «В маске патриотов Мраколюбцы тут Из своих расчетов Голос подают» (цит. по Добр., II, с. 193).

В статьях Ап. Григорьева 1860-х гг. встречаем на равных правах и *обскурантизм*, и *мракобесие*, и, между прочим, *мраколюбец*. Ср.: «Загоскин был наивный Камилл Демулен обскурантизма» (I, с. 586); «адепты мракобесия» (там же, с. 486); «Мракобесие самодурства» (с. 530); «В высшей степени замечательно в его [Гоголя] несчастной „Переписке“ то письмо к какому-то изуверу-мраколюбцу, в котором тот отстаивает .. значение театра» (с. 593). У него же и описательно: «Непроходимая бездна отделяла славянофильство от учений мрака» (с. 487).

[121] Ср.: «Известного рода публицисты мракобесия [Аскоченский и подобные ему]» («Дневник Темного человека» Д. Д. Минаева; Русск. слово, 1862, № 4, с. 34). «Надо мною мракобесия Тяготела суета» (В. Курочкин. Полезное чтение; Поэты «Искры», т. I, Л., 1955, с. 113) и пр. Писарев в «Схоластике XIX в.», рассматривая ряд борцов с прогрессом, от наиболее рьяных, типа Аскоченского, до менее рьяных и более пассивных, пишет: «Мракобесие перейдет в мраколюбие, наконец, в довольство мраком, в терпение мрака» (I, с. 140). Как видно, слово *мракобесие* выражало крайнюю степень обскурантизма, связанного с прямою защитою церковной догматики и морали. Ср. тот же параллелизм слов в реплике революционера-народника в антинигилистическом романе Б. Маркевича «Бездна»: «Всем порядочным людям надо.. тесно сплотиться против этого обскурантизма и мракобесия» (X, с. 153).

[122] Ср. у А. Григорьева: «[Загоскин], хоть и ограниченный, но действительно даровитый человек, принадлежавший даже и не к кружку „Московского вестника“, а к тесно театральному, солидарный притом всю жизнь с мракобесами, с петербургским славянофильством, происшедшем от весьма, впрочем, почтенного человека, адмирала Шишкова» (Воспом., с. 107). Ср. у Гл. Успенского другой, суффиксальный вариант этого существительного: «Ведь и у грабителя тоже есть уровень, и у всякого мракобесца» (VII, с. 176).

[123] На слово *пауперизм*, среди других, Белинский указывает в 1845 г. как на слово, которое у нас еще мало известно и подвергается осмеянию (IX, с. 226); он же защищает его от нападок Д. Голохвастова (IX, с. 470—471).

и во Франции». Хотя, при первом появлении этого термина, он и пояснялся словами *бедность* или *нищета* (см. выше пример из Белинского),[124] однако необходимость его заимствования диктовалась особым ограничением его смысла, соотнесением его как термина с исторически определенным кругом понятий. Под пауперизмом понимались лишь те явления крайнего обнищания масс, которые явились на Западе следствием развития капитализма, в связи с образованием класса пролетариев. Понятия пролетариата и пауперизма оказались сросшимися уже в первых учениях о пауперизме.[125] См. в этом смысле характерное замечание Белинского в письме к В. П. Боткину из Дрездена от 7/19 июля 1847 г.: «Что за нищета в Германии.. Только здесь я понял ужасное значение слов *павперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожаи и голод местами, там есть плантаторы-помещики, третирующие своих крестьян, как негров, там есть воры и грабители чиновники; но нет бедности, хотя нет и богатства .. Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» (XII, с. 383—384).

Слово становится широко известным в 50—60-х гг. Ср.: «Обеспечить жизнь от язвы пауперизма» (Одесск. вестн., 1861, № 19, с. 80); «Между рабством американского юга и пауперизмом Западной Европы есть свои логические причины» (Г. Бл[агосветлов]. Американский кризис; Русск. слово, 1862, № 2, с. 13); «Для современной науки очень ясно, что пауперизм есть своего рода рабство, что пролетарий ничем существенным не отличается от крепостного» (В. Зайцев, Библиографический листок; Русск. слово, 1865, № 1, с. 82) и др.

Пресса. Впервые Д[1] (под словом *прес*: «У нас стали даже писать пресса в значен. печать, тисненье, текущие новости печатного слова»), Толль («*Пресса* — то же, что печать»). Инициатором в употреблении этого слова явился Белинский. В работе «Общее значение слова литература» (1844<?>) он впервые приводит и объясняет это слово. Ср.: «Публичность так важна для литературы, что теперь во Франции вошло в употребление слово *пресса* (la presse — книгопечатание), как выражающее более общее и обширное понятие, нежели слово *литература*. Вся сфера современного общественного движения теперь выражается словом *пресса*: это живой пульс общества, по биению которого вернее, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состоянии общества в отношениях: политическом, административном, ученом, литературном, эстетическом, нравственном, в отношении к народному духу, богатству, промышленности, ремеслам и пр. и пр. Нет стороны в обществе, которая бы теперь не выражалась *прессою*, не жила в ней и ею» (V, с. 626). В статье об «Опыте истории русской литературы» А. Никитенко (1845) Белинский вновь обращается к толкованию и определению объема понятия, связанного с этим новым словом, анализируя значение и соотношение разных областей литературы в широком смысле этого последнего слова: «Мы нашли уже три области литературы: науку, искусство (поэзию) и беллетристику.[126] Но это еще не все: остается еще область..,

[124] Д[1] так «разъясняет» это слово: «Бедность, нищета, оскудение целого народа».

[125] Ср. толкование термина у Толля: «Состояние крайней бедности, учение о ее причинах и способах предотвращения. Эта язва, плод современного экономического положения общества, была неизвестна древним, так как у них господин был обязан кормить раба, а в наше время правительства не принимают на себя этой обязанности». Первые работы о пауперизме, равно как и сам термин, появляются во Франции в 30-х гг. XIX в. Ср., напр., книгу А. де Вилльнев-Баржмона: «Économie Politique Chretienne ou Recherches sur la nature et les causes de pauperisme en France et en Europe». Paris, 1834.

[126] О понимании Белинским беллетристики см. ниже, стр. 119—120, — *Ю. С.*

не менее великая и важная, особенно в наше время, в которое она так развилась и усилилась. Для этой области нет названия на русском языке, и потому мы назовем ее так, как она называется там, где родилась, где ее владычество и сила [127] — прессою (la presse). В эту область литературы входит журналистика, брошюра, — словом, все, что легко, изящно и доступно для всех и каждого, для общества, для толпы, что популяризирует, обобщает идеи, знакомит с результатами науки и искусства и распространяет энциклопедическое образование, превращает интересы и вопросы, самые отвлеченные и глубокие, в интересы и вопросы жизни, для всех и каждого равно близкие и важные, словом, сближает науку и искусство с жизнию» (IX, с. 161—162).

К 1860-м гг. такое употребление укореняется на русской почве, что, естественно, находится в самой непосредственной связи с развитием газеты и журналистики в это время. Ср.: «Пресса наша выражается слишком резко» (Сев. почта, 1863, № 41, с. 163); «Напрасно, выросший в прогрессе, Мыслитель честный восстает; И с жалкой грустью желчно прессе Застой глупцов передает» (Н. Кролль. Ретрограды; Дело, 1869, № 8, с. 134); «Заступничество газетной прессы возвращает акционерным дельцам крылья, подрезанные струсберговским процессом» (Н. Мизантропов. Калейдоскоп; Дело, 1876, № 11, с. 463); ср. *органы прессы* (Русск. мысль, 1883, № 1, отд. II, с. 51); *ежедневная пресса* (там же, с. 122); *представители прессы* (там же, с. 125); *периодическая пресса* (Сев. вестн., 1886, № 4, отд. II, с. 18) и т. д. Ср. также сложившиеся во второй половине 60-х гг. выражения *большая* и *малая пресса*.[128]

Но параллельно с распространением в эти годы слова *пресса* произошла и смысловая эволюция слова *печать*. Оно, наряду с своими старыми значениями, стало обозначать и эту отрасль литературы, а также совокупность всего, появляющегося в печатном виде, книгопечатания. В этом смысле *печать* сделалась ближайшим синонимом слова *пресса*. Такое употребление слова *печать* намечается уже в 40-е гг. и получает самое широкое распространение с 60-х гг.[129] Ср. следующие примеры: «Печать — дело великое, это оселок весьма верный» (В. Одоев., I, с. 324); «Есть, впрочем, одна сила, которая могла бы удерживать ненавистников в пределах благопристойности, ежели бы ей было дано надлежащее развитие и ежели бы она сама сознавала, как много она значит и как много может. Эта сила — печать» (Салт., VII, 227); «Печать больших журналов, газетная пресса и даже так наз. малая печать поспешили подать свой голос в пользу того или другого решения этого вопроса» (Д. Мордовцев. Не подождать ли отнимать? Дело, 1875, № 11, с. 325); «У нас две печати, резко отделяющиеся одна от другой: печать столичная, пользующаяся некоторою долей свободы, и печать провинциальная, находящаяся в положении цыпленка, который никак не может пробить скорлупу и сидит все еще в яйце» (Шелг., III, с. 18); ср. также: *периодическая печать* (Русск. мысль, 1883, № 1, отд. II, с. 91); *орган печати* (там же, стр. 76) и т. п.

---

[127] Ср. в другом месте: «Все это относится пока только к Франции, этой Элладе нового мира, отечеству всемогущей прессы» (V, с. 330), — *Ю. С.*

[128] У Б. Маркевича в романе «Бездна» (1883): «Быкообразный экс-телеграфист. писавший обличительные статьи в одном из листков малой прессы» (IX, с. 157).

[129] Ср. Д[1]: «*Печать*, или печатное слово — пресса, все, что печатается в известное время в известном государстве. Французская печать стеснена. Наша печать заговорила нынче гораздо посмелее прежнего». Несколько иначе представлено соотношение слов *печать* и *пресса* у Толля: «*Печать* — произведение печатания: в тесном смысле вместо этого слова употребляется теперь иностранное „пресса“». Здесь верно только одно: слово *пресса* семантически у́же и определеннее в русском языке, чем слово *печать*. О приобретении новых значений словом *печать* к середине XIX в. см. Я. Грот, Филолог. разыск., с. 18 и 230.

Пролетариат, пролетарий. Впервые Д[1], Толль и словари иностранных слов 1860-х гг.; у Д[1] еще и *пролетариатство*. Слова впервые начинают употребляться в актуальном (не историческом) смысле в публицистике с середины 40-х гг. Ср. у Белинского: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и по вине наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство!» (VIII, с. 171—172; 1844); «Вместо крепостного права у нас [до Бориса Годунова] было только поместное право — право владеть землею и обработывать ее руками пролетариев на свободных с ними условиях, обратившихся в обычай» (VII, с. 523; 1845); «Это обстоятельство [общинное владение землей], вместе с слабым развитием мануфактурной промышленности, причиною того, что у нас нет пролетариата в том виде, как он существует в Европе» (X, с. 365—366; 1847); «Только здесь [в Германии] я понял ужасное значение слов *павперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла» (XII, с. 383; 1847). См. у Вал. Майкова: «Уничтожение монастырей в протестантских государствах и освобождение крестьян из-под власти феодалов во всей западной и южной Европе послужило началом к образованию огромного класса пролетариев, бобылей, не имеющих ничего, кроме естественных сил душевных и телесных» (II, с. 70); у Герцена: «сфера пролетариата» (II, с. 217; дневник 1842 г.); «Наши славянофилы толкуют .. о том, что у нас нет пролетариев» (II с. 288); «вопрос о пролетариате» (V, с. 19); «тип парижского пролетария» (V, с. 31) и т. д. С конца 40-х гг. эти слова начинают все чаще появляться в русской прессе в связи с ее интересом к положению рабочего класса на Западе и событиями июня 1848 г. в Париже (ср. «Письма из Франции и Италии» Герцена и его же «С того берега»; «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» В. А. Милютина и т. д.).[130]

Но в условиях домарксистской мысли семантическое наполнение этих слов оказывалось в течение всех 40—70-х гг. очень неустойчивым. Нередко, в произведениях передовой общественной мысли, они специально связывались с рабочим классом, как он сформировался к тому времени на Западе. Но еще чаще, в языке представителей различных социальных и литературных направлений, они становились неопределенными синонимами русских слов *неимущий*, *бедняк*; *бедные, не имеющие собственности классы и слои общества*, а так как слово *пролетариат* еще употреблялось в эти годы и в значении состояния, то и *бедность*, *нищета*.[131]

[130] Гоголь, живо откликавшийся на появление новых иностранных слов в русском языке его времени, поспешил в т. II «Мертвых душ» вложить слово *пролетарий* в речь купца-«европейца». Ср.: «Что ты [в обращении его к приказчику] вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой» (VII, с. 99).

[131] Это особенно наглядно представлено в словарных определениях XIX в. Так у Даля, где в число возможных синонимов заимствованного слова вовлекается (помимо *бобыль*, *бесприютный*, *безземельный*) даже *захребетник*, а *пролетариат* толкуется как «состоянье, быт и сословье пролетариев». Ср. также Гейзе: «*Пролетариат*. Лат. — Бедность, беднейший класс народа. *Пролетарий*. 1. В др. Риме: бедный гражданин низшего класса. 2. Отсюда вообще бедный человек низшего сословия, лишенный всяких средств». Лишь Толль пытается теснее ограничить понятие пролетариата в историческом плане. Ср.: «*Пролетариат* — состояние в обществе граждан, не имеющих обеспеченного пропитания, живущих со дня на день. П. происходит от неровного распределения богатств и эксплуатации рабочих классов капиталистами. Писатели социальной школы доказали, что от п. происхо-

Встретив у представителя вульгарной политической экономии И. Вернадского указание на то, что во Франции-де «множество пролетариев имеет недвижимую собственность», Чернышевский иронизирует: «Мы осмеливаемся спросить, каким же образом могла произойти такая странность? Сколько нам случалось читать экономистов, пролетарий всегда означает у них человека, не имеющего собственности; это вовсе не то, что просто бедняк; да, экономисты строго различают эти понятия: бедняк просто человек, у которого средства к жизни скудны, а пролетарий человек, не имеющий собственности. Бедняк противопоставляется богачу, пролетарий — собственнику» (IV, с. 363).[132]

Но и эти верные противопоставления еще не обеспечивали вполне четкого представления о пролетариате как основном классе буржуазного общества, о его составе и исторической роли.

Отсюда в публицистике 60—70-х гг. постоянное и свободное применение этих терминов к представителям различных классов, сословий и социальных групп, к состоянию нищеты и неимущности вообще, даже у писателей демократического направления. Ср. хотя бы следующие примеры: «Русские священники, диаконы, причетники — представители православного пролетариата» (Помял., II, с. 68); «Вновь возникающий .. вопрос о чиновничестве как о пролетариях российского государства» (А. Ленивцев. Недосказанные заметки; Отеч. зап., 1863, № 2, с. 195); «Клуб мог бы сделаться экономическим центром местного чиновного пролетариата» (Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии; Дело, 1869, № 2, с. 37); «Пролетарий-студент есть только последующая форма пролетария-гимназиста» (там же); «Такой порядок замечается даже у народов, у которых существует земледельческий пролетариат» (Дело, 1869, № 8, Внутреннее обозрение, с. 46); «Положение 19 февраля, а еще более естественные условия России спасают ее надолго от возможности сельского пролетариата» (Скалдин. В захолустье и в столице. СПб., 1870, с. 357). См. и в значении состояния: «Этой радикальной мерой [созданием ассоциаций] Овен думал отвратить бедствие пролетариата» (Добр., IV, с. 25); «поголовный пролетариат (т. е. обнищание, — *Ю. С.*) нации» (Русск. слово, 1863, № 6, Библиографический листок, с. 37) и т. п.[133] Особенно популярными в 60-х гг. становятся рассуждения о «мыслящем, или умственном пролетариате», о «мыслящих пролетариях». Возникшие в кругу Писарева представления о мыслящих пролетариях,[134] т. е. о представителях разночинческой интеллигенции, лишенных каких-либо источников существования, кроме платы за результаты своей умственной деятельности, и близко стоящих к другим обездоленным, как важнейшем субъективном факторе социального прогресса, были очень популярны в 60—70-х гг.

Естественно, что в условиях такой терминологической расплывчатости указанных слов они нередко противопоставлялись как слова более широ-

---

дит упадок нравственности в обществе; избавление от п. только в ассоциациях». О пролетариях же, помимо исторической справки, относящейся к древнему Риму, здесь говорится, что «в новейшее время этим имен. наз. сам. бедн. класс народа, не имеющий никак. собственности».

[132] Ср. также замечания Ржевского в статье «О мерах, содействующих развитию пролетариата» (Русск. вестн., 1860, № 1) о том, что пролетариатом можно называть только тех работников, которые не могут найти работы по причинам, от них не зависящим.

[133] См. также *пролетариатство,* напр. у Чернышевского: «Общинным владением предупреждается пролетариатство» (IV, с. 326); «Принцип общинного владения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариатства в сельском населении» (IV, с. 331) и т. п. В 40-е гг. встречался и вариант *пролетарство* (см.: Хом., I, с. 97).

[134] Ср. название статьи Писарева, посвященной анализу «нового типа» — Рахметова, — «Мыслящий пролетариат».

кого объема терминам *работник* и *рабочий, рабочий класс.* Ср. у Шелгунова: «Об ассоциации проходилось прежде всего подумать не тем, у кого был хотя клочок земли, а тем, у кого ничего не было, т. е. фабричному рабочему и городскому пролетарию» (Противоположные полюсы земства; Дело, 1871, № 1, с. 11). Вследствие этого применялись и уточняющие сочетания, когда приходилось вести специально речь о промышленном пролетариате. Ср. название статьи Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат во Франции»; у В. Зайцева: «[Либерализм Милля] весьма лукаво подкарауливает людей, симпатизирующих рабочему пролетариату» (Русск. слово, 1865, № 1, Библиографический листок, с. 81); «Промышленный пролетариат, хоть и не в такой форме, как на Западе, у нас есть» (Дело, 1869, № 8, Внутреннее обозрение, с. 46).

Понятно, что эта терминологическая неустойчивость и расплывчатость отражала незаконченность процесса формирования промышленного пролетариата как класса в России и перестроту социального состава тех, обнищание и упадок имущественного положения которых вызвала крестьянская реформа 1861 г. В этом смысле очень показательны рассуждения Н. В. Шелгунова о том, кого в России следует относить к пролетариям. «Не нужно однако думать, — писал он в статье «Сила нужды и бессилие филантропии», — чтобы наш пролетариат ограничивался только людьми, не имеющими правильных, постоянных занятий. Пролетарий не тот, кому нечего есть сегодня; пролетарий не тот, кто хочет работать, но не имеет дела; наш пролетарий тот, у кого хотя и есть сегодня дело, но у кого нет в будущем ничего прочного и определенного; чья вся жизнь сложилась так, что в старости ему приходится рассчитывать не на результаты своего труда, а на общественную благотворительность...» И далее: «В этом смысле русский пролетариат есть явление более широкое и всепоглощающее, чем может казаться с первого раза. В этом смысле в рядах его следует считать не только все заштатное крапивное семя, не только всех отростков русской бюрократии, обязанных жить уже вне питавшей их некогда службы; в этом смысле нужно считать не только литературных рабочих и все то, что стенографирует и служит по вольному найму в правительственной сфере, но и весь слой того чиновного населения, для которого нет честолюбивого будущего, которое уже заявило свою боязнь необеспеченности, которое, наконец, начало формировать ядро будущей русской ассоциации» (Дело, 1869, № 2, с. 7—8).

Под знаком такой неопределенности понятий пролетариата и пролетария (несмотря на отмеченные выше попытки Чернышевского внести историческую точность в анализ этих понятий) проходит весь революционно-демократический период развития русской общественной мысли. Эта неопределенность усиливается в период распространения народничества. Народники и либералы много говорят о «язве пролетариата» на Западе и различных способах преградить ей путь в тяжелейших условиях пореформенной России, но они не представляют себе пролетариат как особый класс буржуазного общества, как важнейшую активную общественную силу. Понятие пролетариата нередко по-прежнему смешивается с понятием пауперизма.[135]

Лишь с появлением марксизма в России, с 80—90-х гг., создаются условия для отчетливой терминологизации этих слов и для наполнения их новым историческим содержанием. В марксистской литературе под пролетариатом уже разумеется исторически сложившийся с развитием капитализма класс промышленных рабочих. Требуют уточнений уже те

[135] Ср. замечания из статьи Н. Шелгунова (Т. З.) «Деликатности в науке»: «Но отчего автор, рассуждая о бедности рабочих, постоянно употребляет слово „пауперизм“, а не скажет „пролетариат“? Или понятия эти совершенно одинаковые? Нет, понятия разные» (Совр., 1861, № 12, с. 149).

случаи, когда этим словом обозначаются группы и слои иного класса, разоренные в ходе развития капитализма, вынужденные работать по найму и подвергающиеся капиталистической эксплуатации (ср. в работах Ленина: *сельскохозяйственный пролетариат*, *полупролетариат* и пр.).[136]

Реакция и произв. Впервые Ре .. ф .. ц («противудействие»); в Слов. 1847 только: *Реактив* («То же, что реагент»), *реактивный*, *реактировать* (все с химич. спец. значениями и пометами: *хим.*); Д[1]: «*Реакция* — проти(во)силие, отпор, проти(во)действие, сопротивление». «*Реагировать* или *реактировать* на что — действовать в химическом растворе, обнаруживать, оказывать что»; у Толля при слове *реакция*, помимо значений термина в химии, физике, медицине и правоведении, указывается: «В политике — возвращение к устарелому и отжившему порядку вещей, уничтожение уже действующих реформ и улучшений. — Реакционером назыв. лицо, противодействующее чему бы то ни было»; Мих. 1865 и Угл. не указывают на политический смысл термина.

Начало активного употребления слова *реакция* в общем смысле «противодействие чему-либо, обратное движение в чем-либо» в применении к различным явлениям общественного порядка, идеологии и т. д. относится ко второй половине 30-х гг.[137] В этом смысле часто у Белинского. Ср.: «Юная словесность есть не иное что, как реакция старой; и как во Франции общественная жизнь и литература идут об руку, то и нимало не удивительно, что нынешняя их литература отличается излишеством: реакции никогда не бывают умеренны» (I, с. 69; ср. там же: с. 74, 77, 86 и т. д.). Слово с начала его употребления входит в круг общественной лексики; но то специфическое политическое значение, которое затем сделает его антонимом словам *революция* и *прогресс*, еще отчетливо не наметилось (хотя известные контексты уже дают для этого предпосылки — см. Бел., II, с. 467; X, с. 108). Устанавливаются устойчивые фразеологические сцепления с этим словом (ср. *вызвать*, *пробудить*, *породить реакцию*). В дальнейшем раскрывается новое политическое осмысление данного слова; это происходит уже в конце 40-х гг. Ср. в «Письмах с Via del Corso» и «Опять в Париже» Герцена (1847—1848): «Состояние Италии после Наполеоновского периода еще более ухудшилось, оно даже стало местами хуже, нежели было в начале XVIII-го. Реакция была страшная, беспощадная, мелкая, грубая, сухая, мстительная — и, что всего хуже, *не национальная*» (V, с. 271); «Кто не знает огненные попытки, безумные до величия, самоотверженные до безумия и кончавшиеся страшными казнями и новыми реакциями!» (V, с. 272); «Реакция [во Франции в 1848 г.] началась не с 23 июня, а с 25 февраля, она вызвала 15 мая, каждый день с начала апреля уносил что-нибудь республиканское, каждый день возвращал что-нибудь монархическое» (V, с. 350). У него же находим и сущ. *реакционер*: «Если б выборы назначены были немедленно, можно было бы ожидать, что под влиянием недавней революции, провозглашения республики — не посмеют выбрать реакционеров» (V, с. 355—356); прил. *реакционный*: «[Гизо] перестал скрывать свою внутреннюю реакционную мысль» (V, с. 309) и т. д.

---

[136] «Другой новый тип [создаваемый разложением крестьянства с развитием капитализма, — *Ю. С.*] — сельский пролетариат, класс *наемных рабочих с наделом*» (Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 170); «Поэтому другую сторону того процесса, который мы охарактеризовали во II главе как образование миллионов сельскохозяйственного пролетариата, представляет из себя, между прочим, громадное развитие в пореформенную эпоху капиталистической работы на дому» (там же, с. 447).

[137] Ср. характерную подстановку в статье Н. Полевого начала 30-х гг. французского синонима к слову *противодействие*: «противодействие (réaction) всегда следует за действием, и из одной крайности человек всегда впадал в другую» (II, с. 48).

В эпоху 60-х гг. слова *реакция, реакционный, реакционер* прочно вошли уже в сферу политической терминологии.[138] Они постоянно появляются на страницах газет и журналов.[139]

Происходит окончательная дифференциация различных значений этого слова. *Реакция* как политический термин тесно связана с производными *реакционный, реакционность* и *реакционер*.[140] *Реакция* как термин химический (и вообще естественнонаучный) остается связанным с сущ. *реактив* и отчасти с гл. *реактировать* (*реагировать*). Гл. *реагировать* (и реже *реактировать*) связан также и с общим значением слова *реакция* (*противодействие*).[141]

Рутина и произв. Впервые *рутина* — Д[1], Толль и словари иностранных слов 1860-х гг.; *рутинер, рутинный* — Бурд., Мих. 1865. Начинает употребляться с 30—40-х гг. В отличие от франц. routine преимущественно в «ухудшающем» значении: не «навык, привычка, сноровка» вообще, а «косная привычка, косность».[142] В этом смысле часто у Белинского: «Ожесточенные гонители всего нового, оригинального, всего выходящего из рутины посредственности» (II, с. 463);[143] «Какая отвратительная картина унижения, лести, подлости, покорной рутины, безответной бездарности...» (IV, с. 468). У него же *рутинный* и *рутиньер*: «Вражда против умозрения, против мысли и распространение положительных, опытных, наглядных и рутинных понятий в науке и искусстве» (III, с. 127); «Даже внешняя сторона искусства доступна только одному таланту и уже не прежде, как после его подвига, она делается достоянием рутиньеров» (II, с. 189) и т. п. В 50—60-х гг. слово *рутина* становится общераспространенным, и при этом лишь в смысле «застоя, косности». Это и выдвигает его в разряд наиболее активных слов с общественно-политическим смыслом. Ср. «Рутина — животное коснение в однажды полученных или добытых обычаях» (В. П. Безобразов. О государственном налоге; Библ. для чт., 1856, № 5, с. 1); «В обыкновенное время, когда господствует невозмутимая рутина, силам Рахметова нет приложения» (Писар., IV, с. 47); «У кого ум еще не покрылся плесенью рутины»

---

[138] Рецензируя словарь некоего А. С. (Объяснение 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке. М., 1859), Добролюбов иронически пишет по поводу общего определения слова *реакция*, которое там только и дается («Отпор, воздействие, т. е. действие, вызванное другим.. В жизни умственной и нравственной, так же как и в физической природе, что-нибудь, доведенное до крайности, вызывает реакцию»): «Не хотите ли с подобными объяснениями уразуметь смысл, в каком различные партии называются в журналах и газетах *либералами, реакционерами, легитимистами* и пр.» (V, с. 607).

[139] Характерно, что в политическом жаргоне либералов 60-х гг. является слово *реаки* как просторечная кличка реакционеров. См. в письме И. С. Тургенева Герцену от 7 января 1858 г.: «Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича [Александра II], а то его и без того жестоко бранят в Петербурге все реаки» (XII, с. 293).

[140] Ср. изредка и сущ. *реакционерство*. Напр.: «Господин этот деспотизмом старых предрассудков своих и реакционерством имеет самое пагубное влияние на весь здешний околоток; настоящий враг прогресса» (Маркев., IX, с. 219). Ср. также колебание и в образовании прил.: «Правая сторона, с искусством, свойственным всем реакционерным партиям, требовала преследования и рассеяния всех эманципационных союзов [гарибальдийцев]» (Русск. слово, 1862, № 3, Политика, с. 21); но там же: «реакционное направление» (с. 22).

[141] Впрочем, ср. отдельные случаи употребления этого глагола и в общественно-политическом смысле: «[Правительство июльской монархии] постоянно придерживалось золотой середины, слегка прогрессируя и слегка реактируя...» (В. Зайцев. Библиографический листок; Русск. слово, 1865, № 1, с. 89).

[142] Ср. объяснение у Толля: «Опытность в искусстве, в особенности такая, которая развилась многочисленною практикою, а не теориею и не исследованием; принимается чаще в смысле отсталого и закоснелого упорства».

[143] Но ср. у него же: «Эмпирическое знание, опытом, навыком и рутиною приобретаемое» (III, с. 238); «Здесь ученик уже мыслит на основании фактов, сначала приобретенных им бессознательно, ученическою рутиною» (VI, с. 98).

(Благ., с. 514); «Это одно из величайших злоупотреблений нашего времени и социальной рутины» (Русск. слово, 1862, № 4, Совр. летоп., с. 4); «патриархальная рутинность понятий и отношений» (Писар., I, с. 181—182) и т. п. Таким образом, к 60-м гг. слово это с его производными все определеннее вовлекается в круг слов, характеризующих общественное поведение лиц, в круг социально-политических квалификаций. Отчетливее всего это видно в употреблении nom. agentis (здесь, кстати сказать, до 60-х гг. включительно наблюдаем колебание форм: *рутиньер, рутинист* и *рутинер* — с заметным преобладанием последней к концу периода). Ср.: «Всякого нововводителя рутинисты называют невеждою» (Черн., VII, с. 771); «Общественное воспитание Англии, которым восторгаются наши рутинеры, одно из самых узких и односторонних воспитаний бедных классов» (Благ., с. 48).

Солидарный и произв. Впервые Толль; Д[1]: *солидарность* («круговая порука, один за всех и все за одного»), *солидарный;* также: Мих. 1865. В статье «Неологизм» составители «Карманного словаря иностранных слов» (вып. 2, 1846) указывают на слово *солидарность* как пример «удачного нововведения». Начинает употребляться со второй половины 40-х гг.[144] Часто — в «Карманном словаре иностранных слов» петрашевцев. Ср.: «Государство, каким оно является в настоящее время у народов образованных,.. еще не считают.. достигшим полного своего развития, ибо оно еще не доставляет человеку вполне всех способов удовлетворения разнообразных требований его природы вследствие самой неполноты развития различных основных элементов государственной жизни, как, напр., промышленности, образованности, общественности, публичности и солидарности всех интересов» (Филос. произв. петраш., с. 188); «Первое национальное собрание (la Constituante) во Франции стремилось к установлению тесной связи между интересами частными и общественными.. для упрочения благосостояния всех вообще и каждого в особенности чрез развитие полной *солидарности*.. между интересами общественными и частными» (с. 195). Однако истолковать это слово в указанном словаре не удалось. Он был остановлен правительством. Словари 60-х гг. (напр., Ф. Толля) дают очень осторожное, неопределенное и одностороннее толкование слова, не открывая тесной связи термина с социалистическими учениями об ассоциации. Однако живое употребление этих слов в передовой публицистике конца 40-х и 60-х гг. прямо указывает на эту связь. Слово *солидарность* в этом смысле означает, конечно, не чисто юридическое, нейтральное понятие («круговая порука» вообще), а всякую тесную идейную, политическую и материальную общность лиц и часто — в демократической печати — единство интересов трудящихся классов и идейную общность передовых общественных сил. Ср. следующие примеры: «Организация труда, основанная.. на единстве и солидарности интересов, водворит со временем мир и гармонию там, где мы видим теперь только непримиримую борьбу и глубокий разлад всех основных стихий общественной деятельности» (В. Милют., с. 74); «[Оуэну] казалось, что всем людям очень легко внушить понятие о полной солидарности их прав и обязанностей и что легко провести эту солидарность во всей практической деятельности общины» (Добр., IV, с. 31).

---

[144] Белинский в 1845 г. еще приводит среди тех французских слов, «в значении которых мы не можем не нуждаться, но которых в то же время не можем ни перевести (потому что у нас нет соответствующих им слов), ни взять целиком (потому что они как-то не вошли сами в наш язык)» и которые «мы поневоле мешаем в свой русский разговор, к величайшему неудовольствию пуристов» (IX, с. 227) — слово solidarité, которое он, в отличие от других приводимых здесь слов, еще не дает в руссифицированной форме и в русской транслитерации.

Социальный и произв. Впервые Толль: «*Социальный* — касающийся общества, общественный»; Д[1]: «*Социальность* — общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношенья и обязанности гражданского быта, жизни; *социальный* — к социальности или к социализму относящийся». *Социальный* толкуется также во всех словарях иностранных слов 60-х гг.; *социальность* — Мих. 1865; из более ранних словарей — у Яновск. есть только слово *социетет* — общество.[145]

«Карманный словарь иностранных слов» (вып. 2, 1846, статья «Неологизм») относит *социальный* наряду со словом *социалисты* к числу «удачных нововведений» этого времени.

У Белинского первое употребление слова *социальный* как уточняющего синонима к *общественный* находим в статье «Русская литература в 1840 г.»: «Франция.. понимает (созерцает) жизнь как развитие общественности, как приложение к обществу всех успехов науки и искусства, — и отсюда положительный характер ее науки и общественный (социальный) характер ее искусства» (IV, с. 420). В последующих его статьях 40-х гг. слова *социальный* и *социальность* встречаются часто, наряду с их русскими соответствиями, но нередко и предпочитаются им. Ср.: «Французы.. возмечтали создать себе литературу, основанную на подражании греческой, которой они нисколько не понимали.., и латинской, которая более соответствовала их практическому, социальному духу» (V, с. 291); «[Вальтер Скотт] дал историческое и социальное направление новейшему европейскому искусству» (VI, с. 258); «Гоголь более поэт социальный» (VI, с. 259); «Явился Жорж Санд, — и роман окончательно сделался общественным, или социальным» (X, с. 109); «во Франции — стране общественности и социальности» (VI, с. 206); «В поэзии подражательной.. дидактическое направление есть признак жизненности, социальности и полезно как для общества, так и для самого искусства» (VI, с. 318); «Русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца» (X, с. 20); ср.: «Вот истинное начало образованной общественности, созданное у нас литературою!» (IX, с. 436) и др. Таким образом, слова *социальный* и *социальность* быстро распространяются в употреблении к середине 40-х гг.,[146] хотя вначале здесь еще иногда чувствуется зависимость от французского источника, в частности — в формообразовании. Ср. у Белинского форму прил. *сосьятельный* (от фр. société) и форму производного сущ. *социабельность* (франц. sociabilité): «Сосьятельное влияние Франции на Европу, которое и теперь продолжается» (V, с. 292; 1841); «Многие думают, что спесь, остаток славянской старины, уничтожает у нас социабельность (sociabilité)» (IX, с. 430; 1846); «Как же тут требовать социабельности между людьми различных сословий, из которых каждое по-своему и думает, и говорит, и одевается, и ест, и пьет?..» (IX, с. 431).[147]

---

[145] В смысле группы людей, преследующих определенную цель, особенно о научном обществе. Ср. употребление этого слова в текстах XVIII в. Напр.: «Королевский Социетет наук и художеств недавно учрежден в Меце» (Моск. Вед., 1761, № 85).

[146] См. у Герцена: «Монастыри показывали разом внутреннюю, социальную мысль христиан того времени и их отвращение от языческого устройства» (II, с. 166; 1846); «Социальная сторона христианства менее всего развита» (II, с. 345; дневник 1844 г.); «В скупце что-то презренное, антисоциальное» (II, с. 82; 1845).

[147] Впрочем, в последнем случае — стремление к смысловой дифференциации; ср. различие между франц. socialité — общественность и sociabilité — общительность, общежительность. Ср. у Герцена (Дневник 1842 г.): «Моя натура по преимуществу социабельная. Я назначен собственно для трибуны, форума, так, как рыба для воды» (II, с. 213). Иногда встречается в этом смысле и позднее. Ср.: «Общительность (сосиабельность) есть самая резкая, самая разительная черта в русском

Возникает вопрос: чем объяснить такое легкое и интенсивное распространение этих слов в передовой журналистике 40-х гг., если учесть их близкие синонимические отношения к словам *общественный* и *общественность*? Русские слова *общество и общественный* сами претерпели, впрочем, смысловую эволюцию под воздействием французских. Ведь еще в начале XIX в. слово *общество* часто имело гораздо более узкий и вместе с тем неопределенный смысл, чем позднее. Оно, конечно, относилось, как это и определяет Слов. 1847, ко «всему собранию людей, живущих под одними правилами или законами» («Гражданское общество»), но оно же вместе с тем в речи того времени часто связывалось лишь с представлением об образованных слоях, социальной верхушке. В этом смысле значение франц. société было и шире и вместе с тем определеннее. Еще менее определенным было широко употреблявшееся на протяжении всего XVIII и начала XIX в. слово *общежитие* в значении «общественная жизнь» (см. Слов. 1847). К тому же на нем лежал несомненный книжный и даже церковнославянский отпечаток. При многозначности и недостаточной терминологической определенности слова *общество* в начале XIX в. не имело необходимой смысловой определенности и широты и производное от него — *общественный*. Правда, с конца XVIII—начала XIX в. начинается постепенное семантическое приспособление прил. *общественный* прежде всего к тому общему смыслу, который был связан со словом *общество,* и семантическое приближение его к франц. прил. social. Это выражается, между прочим, и в факте образования к концу XVIII в. сущ. *общественность* со значением «склонность к жизни в обществе, к связи общественной»,[148] а также и сама «общественная жизнь». Ср. в различных произведениях 20—30-х гг.: «Франция совершенно вдалась в практику общественности» (Н. Пол., I, с. 181; выше: «практика общественной жизни»); «Корни общественности растут и укрепляются в глубине общественной жизни» (Библ. для чт., 1835, № I, отд. V, с. 2) и т. д. Таким образом, в языке первой трети XIX в. слова *общество*, *общественный* и *общественность* все чаще встречались в широком своем социально-политическом осмыслении. И однако в условиях активного развития новых социальных учений с распространением идей утопического социализма в 30—40-х гг. еще не раз является потребность уточнить смысл уже известных русских слов, прибегая к помощи соответствующих французских синонимов. Ср. характерную в этом смысле попытку определить смысловой объем русских слов *общежитие*, *общественность* и *общежительность* в «Карманном словаре иностранных слов» 1846 г.: [«Новейшие мыслители] [149] признают вообще необходимость общежития, общественности и общежительности (société, sociabilité и socialité)» (Филос. произв. петраш., с. 188).

Заимствованное слово *социальный*, при всей своей близости в определенных условиях к слову *общественный*, содержало в себе возможности большего смыслового уточнения, чем его русский синоним; оно было непосредственно обращено к определенной сфере понятий и только с ними и связано. Это активное употребление начиная с 40-х гг. определило и его дальнейшую судьбу. Несмотря на очень тесное смысловое

народном характере» (Л. Оптухин [И. В. Павлов]. Восток и Запад в русской литературе; Моск. вестн., 1859, № 4 и 5, с. 57).

[148] Ср. у Карамзина: «Я хочу сказать, что в них [евреях] видно более духа *общественности*, нежели в других народах» (Письма русского путешественника; Моск. журн., III, с. 307; «Мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все удобства жизни» (там же, IV, с. 50). В. В. Виноградов считает, что оно укоренилось еще до Карамзина, в языке масонской литературы (Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 301): ср. также Г. Хютль-Ворт (Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert, S. 44).

[149] Речь идет о французских утопических социалистах, — *Ю. С.*

совпадение с его русским синонимом и на почти полное совпадение с ним в совокупности более или менее устойчивых фразовых сочетаний,[150] оба продолжают сосуществовать. На протяжении 50—60-х гг. общее число таких более или менее постоянных сочетаний со словом *социальный* неизменно возрастает. Ср. хотя бы следующие: *социальные интересы* (Герц., II, с. 134); *социальный вопрос* (Бел., VI, с. 422; X, с. 116; В. Майк., II, с. 6; Огар., I, с. 730); *социальные явления* (Русск. Слово, 1862, № 3, с. 69; Михайловск., II, с. II); *социальные задачи* (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 41); *социальные отношения* (Благ., 185); *социальные условия* (Благ., с. 210); *социальное положение* (Русск. слово, 1862, № 3, с. 59; Благ., 185; Дело, 1871, № 1, с. 77; Михайловск., II, с. 29); *социальная обстановка* (Благ., с. 206); *социальное устройство* (Писар. (Павл.), IV, с. 493); *социальная среда* (Благ., 56); *социальная почва* (там же, с. 39); *социальный порядок вещей* (Русск. слово, 1863, № 8, Домашняя летопись, с. 24); *социальный прогресс* (Благ., 54; Михайловск., III, с. 281); *социальные связи* (там же, с. 53); *социальный характер* (там же, с. 70, 185); *социальная жизнь* (там же, с. 131); *социальные воззрения* (там же, с. 186); *социальная философия* (В. Майк., II, с. 11); *социальная нравственность* (Благ., 74); *социальный принцип* (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 38); *социальный строй* (Михайловск., II, с. 11); *социальные явления* (Михайловск., II, с. 11) и др.

Закреплению в русском языке слова *социальный*, помимо его интернационального характера, несомненно способствовало и наличие ряда других слов с этим корнем, пришедших в русский язык одновременно или позднее и не имевших никаких русских заместителей. Ср. *социализм*, *социалист* и *социалистический*;[151] *социология*, *социолог* и *социологический*;[152] *социализировать(ся)*, *социализация*.[153] Ср. также значительное число сложений, как явившихся на русской почве (с первою частью *социально-*: *социально-политический*, *социально-экономический* и др.), так и заимствованных (с первою частью *социал-*: *социал-демократ* и т. д.).[154] Ср. уже в 40—50-х гг.: «Но человек призван не в одну логику, — а еще в мир социально-исторический, нравственно-свободный и положительно-деятельный» (Герц., III, с. 76); «Какие явления вызвало в литературе это социально-художническое стремление, это мы увидим в следующей статье» (А. Кронеберг. Драматическая литература в Германии; Совр., 1848, № 3, с. 48); «Напрасно г. Писемский ссылается на „горячего, с тонким чутьем, критика“, который.. открыл в Гоголе социально-сатирическое значение» (Некр., IX, 342) и др. В 60-х гг. уже образуются устойчивые сложения, особенно *социально-экономический* и

---

[150] Ср., впрочем, такие сочетания, как *социальный состав* (синонимично: *состав общества*); *социальные болезни*; *социальная революция* (чему противостоит: *политическая революция*). Ср. также в нашем современном употреблении: *общественное разделение труда*; *общественное производство*; *общественные организации* (но *социальные институты*) и нек. др. терминированные сочетания; *общественный долг* и пр.

[151] О них см. далее особо (стр. 109 и след.).

[152] Примеры и замечания об их употреблении в XIX в. см. далее при словах *социализм—социалист*.

[153] Слова эти не отмечаются ни одним словарем XIX в. Но практически они встречаются уже в 60-х гг. Ср.: «После этого понятно, какую роль должен был играть в развитии русской социализации [крестьянской общины] крепостной союз» (Ю. Жуковский. Общественные отношения России с точки зрения исторической науки права; сб. «Весна», 1859 (цит. по Добр., IV, с. 388)).

[154] Первые случаи употребления слова *социал-демократ* падают у нас на 70-е гг. Ср.: «Если в последнее время в парламенте и прессе проявляется некоторая оппозиция Бисмарку, то только со стороны гонимых им клерикалов и социаль-демократов» (В. Т. Немецкая нравственность; Дело, 1875, № 9, с. 150).

социально-политический. Ср.: «После неудач его социально-экономической реформы.. он [Оуэн] сосредоточил всю свою деятельность на воспитании английского рабочего сословия» (Благ., с. 64); «вопросы социально-экономического быта» (Н. Шелгунов. Дума на 1869 г.; Дело, 1869, № 1, с. 32); «Признаете ли вы педагогику при настоящих социально-политических условиях?» (Эртель. Гарденины, с. 324) и др.

Следует заметить и то, что первоначальному распространению слова *социальный* способствовала его смысловая соотнесенность не только со словом *общество,* но и со словом *социализм.*[155] Что касается сущ. *социальность,* то его употребление затухает в XIX в.[156]

Социализм—социалист. Коммунизм—коммунист. Впервые Д[1]: *Социализм, социалист, -тка*; *коммунизм, коммунист, -тка, коммунистический*; Толль: *социализм, социалисты*; *коммунизм, коммунисты*; также словари иностранных слов 60-х гг.; *социалистический* — впервые Мих. 1898. Эти термины родились на западной почве, с распространением учений утопического социализма и коммунизма, в 30-е гг. XIX в. Ср. историческую справку Г. В. Плеханова в примечании к его работе «Французский утопический социализм XIX в.».[157]

Конечно, эти термины и связанные с ними идеи были знакомы и близки русской передовой литературе с начала их активного внедрения во французскую и английскую прессу 30-х гг. Но в русской печати эти слова начинают появляться не ранее середины 40-х гг., когда интерес к этим идеям в круге Белинского, Герцена и петрашевцев стал особенно сильным и преобладающим.[158] Естественно, что употреблять и толковать их приходилось с постоянной оглядкой на цензуру. Лишь эпизодически проникали эти слова в легальную печать 40-х гг.[159]

Сложной была и внутренняя, семасиологическая история этих терминов, как на русской, так и на западной почве. Во всяком случае первоначальное смысловое наполнение термина *социализм* было очень расплывчатым и неопределенным. Об этом пишет Плеханов. «Надо заметить, что в названной статье слово это употребляется у Пьера Леру лишь в смысле „преувеличения идеи ассоциации". Несколько позже оно стало обозначать всякое стремление переделать общественный строй с целью поднять благосостояние низшего класса и обеспечить социальный мир. Ввиду этой крайней неопределенности его значения ему нередко противопоставляли *коммунизм* как стремление, направленное к гораздо более

---

[155] См. об этом ниже, при словах *социализм—социалист.*

[156] Ср. также у Вал. Майкова: «В этом непреодолимом стремлении и выражается социальность человеческой натуры» (I, с. 51); «Другая цель ассоциации работников состоит в развитии в них социальности» (II, с. 61).

[157] «Слово „социализм" впервые появилось в английской и французской литературе в 30-х гг. XIX в. Автор статьи „Socialism" в „Encyclopaedia Britannica" (vol. XXII, p. 205) утверждает, что оно обязано своим происхождением возникшей в 1835 г. в Англии „Association of all Classes of all Nations". С другой стороны, Пьер Леру доказывает, что оно было употреблено в первый раз им в статье „De l'individualisme et du socialisme", появившейся в 1834 г. (см. Ouevres de Pierre Leroux, t. I, 1850, p. 376, примечание)» (Плехан., III, с. 521).

[158] Термины, обозначающие частные разновидности социалистических учений и образованные от имен популярных представителей утопического социализма, употреблялись и ранее, именно — *сен-симонизм* и *фурьеризм.* Так, они встречаются в Энциклопедическом лексиконе Плюшара в статье «Гуманизм» (т. XV, 1839, с. 236: «сен-симонисты, фурьеристы и другие подобные мечтатели»); довольно часто уже в ранних статьях Белинского: «идеи сен-симонизма об обществе» (III, с. 398; ср. также IV, с. 420); *сен-симонист* (I, с. 236; II, с. 32, 171; III, с. 494); «сен-симонистские теории во Франции» (III, 266; ср. также II, с. 506); в хронике и статьях из «Библиотеки для чтения» Сенковского (напр., 1834, I, отд. II, с. 56) и т. п.

[159] См., напр., упоминание слова *социализм* в статье М... З... К... (Ю. Самарина) «О мнениях „Современника" исторических и литературных» (Москвит., 1847, II, с. 146).

определенной цели установления общественного равенства посредством обращения средств производства, а иногда также и предметов потребления в общественную собственность» (Плехан., III, 521).[160] На русской почве воспринятые учения французского и английского утопического социализма, по известному определению Ленина в отношении Герцена, сливались по существу с революционно-демократическими взглядами. «Это — такая же прекраснодушная фраза, — писал Ленин о социалистическом учении Герцена, — такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы „социализма 48-го года“ на Западе».[161]

К смысловой неопределенности термина *социализм* в русской печати 40—60-х гг. присоединилось и то, что он употреблялся (так же как и термин *социалист*) и в других значениях, еще более общих. Таков именно первый (и единственный) случай употребления этого слова в печатных произведениях Белинского (в рецензии на «Общую реторику» Н. Кошанского; 1844): «Социализм и республиканская форма правления древних обществ [речь идет о древней Греции, — *Ю. С.*] сделали красноречие самым важным и необходимым искусством, ибо оно отворяло двери к власти и начальствованию» (VIII, с. 506). Здесь, как видно, это слово по смыслу совпадает с употреблявшимся у Белинского же другим образованием — *социальность*, т. е. означает «стремление к общению, общественность, социальные тенденции». С другой стороны, слово *социалист* в 40-е гг. встречается не только как обозначение представителей социалистических учений (что, конечно, имеет место чаще), но и как наименование всех, занимающихся социальными вопросами, изучением общественной жизни, т. е. в том смысле, который несколько позднее закрепится у нас за заимствованным же словом *социолог*.[162] Ср., напр., у Вал.

---

[160] Неопределенность толкований *социализма* и *коммунизма*, в их взаимных отношениях, о которой здесь говорит Плеханов, отразилась и в нашем словаре Толля. Вот что, между прочим, говорится там в статье *Социализм*: «Назв., данное при Луи-Филиппе ученью реформаторов, имеющих целью улучшить положение человека в обществе. Под этим общим именем понимают учение Сен-Симона, Фурье, Оуена, Кабе, Луи Блана, Пиера Леру, Прудона и др. С. принадлежит к философским системам, цель коих увеличение средств общества и достижение равного довольства и счастия для всего человечества. С. стремится к добру, совершенству, прогрессу, равенству, ищет преобладания правосудия, разума, свободы. Принимая слово с. в значении улучшения современного общества, называют *социалистами* всех, кто думает о счастии человечества». Далее говорится о том, что социализм, как учение, «совершенно расходится с политической экономией» (буржуазной), так как «не признает власти капитала над трудом», «требует правильного раздела поземельной собственности», а затем — следует попытка отграничить социализм от коммунизма: «С. смешивают с коммунизмом, стремящимся уничтожить частную собственность, тогда как с. стремится преобразовать посредством ассоциаций собственность и семейство». В свою очередь, коммунизм разъясняется как «политич. учение в Зап. Европе, особенно во Франции; оно стремится к уравнению всех членов общества и к уничтожению всякой личной собственности и полагает достичь улучшения положения многочисленного и беднейшего класса помощью общности имущества» (см. статью *Коммунизм* в этом словаре). Итак, здесь еще налицо неопределенное истолкование социализма, при котором он почти сливается с общими прогрессивно-демократическими тенденциями.

[161] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 21, с. 258.

[162] Слово *социология*, введенное в оборот О. Контом в его «Курсе положительной философии» (1839—1842), распространилось у нас, вместе с некоторыми идеями позитивизма, в 60-х гг. В конце 60—70-х гг. уже довольно часто, хотя еще и чередуясь с описательными обозначениями, встречаются слова *социология*, *социолог социологический*. Ср., напр.: «В истории человеческих знаний наступил уже момент, когда масса собранных фактов потребовала их обобщения и создала сознание необходимости новой, неведомой до того времени человечеству, науки — социологии» (Дело, 1869, № 8, Новые книги, с. 47); «Новая мысль, разработанная новыми мыслителями и социологами» (Н. Шелгунов. Неконченные вопросы; Дело, 1871, № 4, с. 5); «Социологические законы, которые управляют и предопределяют течение исторических событий» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории;

Майкова: «Взгляд на достоинства произведений литературы совершенно различен у эстетика и у социалиста: первый будет искать в них достоинства безусловного, оценивая их по законам изящного, которые одинаковы для всех веков и для всех народов, последний обратит внимание свое на те из них, в которых яснее отразилось современное автору положение общества» (II, с. 11); «Общественные науки переносят нас совсем в другой мир: потребности теряют в глазах социалиста всю свою непосредственность; они занимают его единственно со стороны средств к их удовлетворению» (там же, с. 22).[163]

Неопределенность терминов *социализм* и *социалисты* на первых порах их употребления обусловливала и объединение их, когда речь шла о замыслах коренного преобразования общества, с более определенными в этом смысле терминами *коммунизм* и *коммунисты*. Ср. у Герцена в «Письмах из Avenue Marigny» (1847): «Настоящим положением Франции все недовольны, кроме записной буржуази..; чем недовольны — знают многие, чем поправить и как поправить — почти никто; всего менее — существующие социалисты и коммунисты, люди какого-то дальнего идеала, едва виднеющегося в будущем» (V, с. 234).[164] Любопытно, что в поздней редакции «Писем из Франции и Италии» (1858) это место звучит уже иначе: «Чем недовольны, знают многие, чем поправить и как — почти никто; ни даже социалисты, люди дальнего идеала, едва виднеющегося в будущем» (V, с. 57). Здесь сказалось и изменение позиции самого Герцена после событий 1848 г. и то известное уточнение смысла слова *социализм*, которое произошло от первого его употребления Пьером Леру до конца 40-х гг. (ср. об этом у Плеханова, III, с. 521). Во всяком случае слова *социализм и социалист*, в общем смысле учения о социальном переустройстве общества на началах гуманности, прогресса и т. д. и соответственно — приверженцев этих учений, уже достаточно широко известны у нас к концу 40-х гг. и становятся укоренившимися терминами в 60-х гг. В это время они постоянно появляются и обсуждаются на страницах русской прессы самых различных направлений;

Дело, 1875, № 12, с. 334) и т. д. Но ср. в произведениях 60—80-х гг. и другие обозначения для науки об обществе и ее представителей: «Какое явление общественного быта не подлежит ведению социальной науки?» (Благ., с. 119); «азбучные истины социальной науки» (Писар., III, с. 486); «Область социального ведения» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 70); «Значение.., которое имеет теперь и будет иметь для обществознания изучение обществ животных» (Сев. вестн., 1886, № 5, Новые книги, с. 124); «Я.. не социальный профессор» (Л. Толст., Анна Кар.; XVIII, с. 353) и пр. Термин *социология*, тесно связанный с буржуазным позитивизмом с самого акта своего рождения, естественно встречает оппозицию затем в марксистской литературе и не применялся по отношению к собственно марксистскому учению об обществе и законах его развития. Ср. у Ленина: «Домарковская „социология“ и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса» (Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 26, с. 57).

[163] Но ср. у него же место, где толкование может быть двояким: «Стремление к водворению лучшего порядка вещей должно быть стремлением современной науки. Неудачи не должны останавливать социалистов» (II, с. 69). Впрочем, и здесь более вероятен общий смысл («обществовед»). См. очень симптоматичные (хотя и не без задней мысли, если учесть обстановку, в которой они делались) разъяснения М. В. Буташевича-Петрашевского, данные им для следственной комиссии в 1849 г.: «Под социализмом разумеют вообще учения об обществе, а социалистами именуются все, занимающиеся вопросами быта общественного...» (Философ. произв. петраш., с. 422). Нет ничего удивительного в том, что при распространенности социалистических учений в это время, с одной стороны, при их неопределенности, с другой, эти два смысла — более общий и более специфический — имели еще полную возможность неразличимо сливаться.

[164] Ср. в Дневнике Герцена за 1844 г.: «В наше время социализм и коммунизм находятся совершенно в том же положении, они предтечи нового мира общественного, в них рассеянно существуют membra disjecta будущей великой формулы, но ни в одном опыте нет полного лозунга» (II, с. 345).

одни их пропагандируют и разъясняют, другие — боятся и затемняют их смысл. То же можно сказать и в отношении терминов *коммунизм—коммунист*. Границы между этими терминами (*социализм* и *коммунизм*) по-прежнему остаются не совсем ясными, чему, между прочим, способствуют и бесчисленные попытки опошлить и оклеветать эти учения со стороны реакционной печати, выдававшей всякого врага и противника «основ» и «устоев» за социалиста и коммуниста, т. е. за «нигилистов», и приписывавшей последним уничтожение не только частной, но и всякой личной собственности. Примеры на употребление этих слов в печати 60-х гг. многочисленны, и приводить их нет нужды.[165] Замечу только, что до начала распространения марксизма в России почти нет случаев употребления их не в смысле «учения», а в смысле самого нового социального строя. Лишь марксизм широко вводит и это значение, соотнося и разграничивая понятия социализма и коммунизма как двух фаз в развитии нового устройства общества.

Несколько иной была история на русской почве прил. *социалистический*. Прил. *коммунистический* можно отметить уже в употреблении конца 40-х гг., но сло́ва *социалистический* это время еще не знает;[166] вместо него употреблялось тогда и в смысле «относящийся к социализму, связанный с ним» прил. *социальный*. Ср.: «Работники, вообще пролетарии, несравненно более сочувствовали социальным и коммунистическим теориям, нежели либерализму» (Герц., V, с. 314); «в различных новейших сочинениях, особенно социальных, как, напр., у Charles Fourier». (Филос. произв. петраш., с. 190). У лиц, воспитавшихся в 30—40-х гг., такое употребление встречается и в более позднее время. Ср., напр.: «В тридцатых годах у нас кончаются всякие попытки политических обществ; они.. притихают, тая несомненные зачатки социальных стремлений» (Огар., I, с. 419; 1861); «Их [петрашевцев] труд шел на разработку социальных теорий Запада» (там же, с. 653; 1863). Размежевание происходит в 60-х гг., когда наряду с прил. *социалистский*[167] начинает в этом смысле применяться и обычное в этом случае, прямо соотносящееся с сущ. на *-изм*, прил. *социалистический*. Ср., напр.: «Все социалистические учения имеют ту общую черту, .. что они не ограничиваются изучением общественных явлений, а ищут те социальные условия, при которых достигается наибольшее и равномерное благосостояние всех членов общества» (Отеч. зап., 1869, № 3, Новые книги, с. 95—96); «[Сю] умел привлекать к себе своих аннесийских сограждан тою сознательною и

[165] В 60-х гг. находим и сущ. ж. р.: — «Ах, Лев Ильич,.. как я довольна! — воскликнула новая социалистка» (В. Авенариус. Поветрие; Всем. труд, 1867, № 2, с. 152); «[Грегуару] больше нравилось видеть сестру коммунисткой [т. е. членом коммуны], чем предводительшей» (Леск., XXVI, с. 87—88). Кстати заметим, что в 60—70-х гг. и член коммуны обозначался этим же словом. Характерны также колебания в обозначении парижских рабочих, принимавших участие в событиях марта—мая 1871 г. Ср. в статье Н. Ш. «Парижские рабочие»: «Нынешние парижские communeux в отношении буржуазии то же, чем был когда-то французский communier в отношении дворянства и духовенства» (Дело, 1871, № 9, с. 277); у Б. Маркевича: — «Пусть он вам расскажет, — сказал Марине Завалевский, — как его за подобную же вот выходку чуть не расстреляли в Париже коммунисты» (Марина из Алого лога (1872); III, с. 68).

[166] Не случайно не отмечает его Даль, хотя прил. *коммунистический* у него есть. Ср. характерный параллелизм в судьбе прил. *реальный* и *реалистический* в их отношении к *реализму*.

[167] Ср.: «Единственный идеал, мыслимый для подобного воззрения, в крайних его результатах, есть.. централизация, — католическая ли, социалистская ли, это в сущности все равно — но централизация» (А. Григ., I, с. 576); «С самого февраля 1848 года и до настоящей минуты я все более вовлекаюсь в политику и все тверже и тверже делаюсь в ультра-социалистском образе мыслей» (Черн., Письмо М. И. Михайлову от 15 мая 1850 г.; XIV, с. 198). В 40—60-х гг. встречается и прил. *коммунистский*. Ср: «Коммунистское движение в Швейцарии имело представителем своим Вейтлинга» (Герц., II, с. 313).

отчасти социалистическою филантропиею, которую.. он проповедывал почти в каждом своем произведении» (Э. Денегри [Л. И. Мечников]. Э. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 297).

Утилитарный и произв. Впервые *утилитарный* — Толль («Утилитарная школа»), Д[1] и словари иностранных слов 1860-х гг.; *утилитарность* — Д[1] («стремление искать во всем прямую и вещественную пользу»), Мих. 1865; *утилитаризм* — Толль, Бурд. и Мих. 1865; *утилизация* — Толль, Мих. 1865, Бурд.; *утилизировать* — Мих. 1898. Терминология этого рода сложилась в связи с учением английского философа, экономиста и юриста И. Бентама. Первоначально в среде его учеников (в 1840-х гг.) явился для обозначения их школы термин utilitaires — *утилитарии*; позднее (1828 г.) в кругу сен-симонистов появились термины *утилитаризм* и *утилитаристы*.[168] В России первые случаи употребления этих слов падают на 30—40-е гг. Ср.: «Последователи утилитариев, люди положительные, люди серебряные, арифметические, расчетливые, — одним словом, бентамисты, с восхищением узнают о выходе в свет последнего творения покойного Бентама»[169] (Библ. для чт., 1834, № 3, Смесь, с. 88); «Известный проповедник утилитарных учений, г. Милль» (Е. К. Философия и философическая критика г. Кузена; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 70). Ср. у Белинского: «Народ по преимуществу практический, промышленный, торговый, мануфактурный, словом, утилитарный, англичане — сильны в положительных науках, особенно в их применении в практике» (V, с. 645; 1842); «Могут быть общества, основанные на преобладании идеи утилитарности, но.. общества, основанные на исключительной идее практической пользы, совершенно невозможны» (VIII, с. 311); «ограниченные и пошлые утилитаристы» (VIII, с. 286).

Как видно, первоначально эта терминология и у нас связана с изложением учения Бентама и его последователей, но уже в 40-х гг. появляются, наряду с этим, случаи расширительного толкования терминов и их более свободного употребления. Термин *утилитарии* сменяется термином *утилитарист* уже в 40-х гг. С середины века, особенно с 60-х гг., употребление этих слов становится широким.[170] *Утилизация* и *утилизировать(ся)* — начинают употребляться не ранее 70—80-х гг.[171]

Филистер и произв. Впервые Толль («презрительн. назван. человека, занятого одними будничными интересами и не видящ. ничего далее их»), Бурд., Мих. 1865. Эта презрительная кличка бюргера сложилась в конце XVII в. в среде студентов Иенского университета.[172] Позднее, особенно с конца XVIII—начала XIX в., в немецкой литературе, и прежде всего в кругу немецких романтиков, слово получило значение обобщающей характеристики мещанина, обывателя, буржуа. У нас было подхва-

---

[168] Ср.: Изложение учения Сен-Симона. М.—Л., 1947, с. 581; также: E. Halevy. La formation du radicalisme philosophique, t. II, p. 300, 376.

[169] «Деонтология, или теория обязанностей» (1833), — *Ю. С.*

[170] Ср. значительное распространение идей Д. Ст. Милля в эти годы как в либеральной, так и в демократической среде (напр., у Писарева и его последователей). Укажем, между прочим, на захватывающие отчасти и вторую половину XIX в. колебания в формах: *утилитаризм — утилитарианизм — утилитариализм* и *утилитарист — утилитарианец*. Ср.: Дж. Ст. Милль. Утилитарианизм. О свободе. Перев. с англ. А. Н. Неведомского. СПб., 1866—1869; «Вот как определяет утилитариализм нравственность» (Дело, 1869, № 7; Новые книги, с. 38); «Как и все сотрудники „Русского слова“, он [В. Зайцев] был утилитарианцем и последователем Милля» (Е. Соловьев. Д. И. Писарев, изд. 2, СПб., 1898, с. 78).

[171] Ср.: «Вне „Русского слова“, вне того направления, которое придал этому журналу Благосветлов, он не мог утилизировать своего таланта» (Н. Ткачев. Деятельность Г. Е. Благосветлова. Сб. «60-е гг.», с. 226).

[172] См.: E. Klüge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache (Berlin, 1924, 13 Aufl.). Вероятнее всего, Philister — измененное на немецкой почве название библейского племени филистимлян.

чено передовой критикой 30-х гг.[173] Очень часто является у Белинского начиная с произведений 1839 г.: «В эпилоге романа мы видим его [героя «Тоски по родине» Загоскина] уже почтенным *филистером*, из сентиментальной поэзии перешедшего в прозу брака» (III, с. 298); «К этим-то достопочтенным и достолюбезным *немцам-филистерам*, от которых попахивает кнастером и пивом, принадлежит и наш сердитый господин Менцель» (III, с. 401); «почтенные филистеры классицизма» (III, с. 422); «Толпа есть собрание людей, живущих по *преданию* и рассуждающих по *авторитету*.. Такие люди в Германии называются *филистерами*, и пока на русском языке не приищется для них учтивого выражения, будем называть их этим именем» (IV, с. 375); «„Филистеры“ есть везде, и всегда в большем противу членов публики количестве» (IV, с. 376) и мн. др. У него же и производные: «Толпа готова признавать примечательный талант даже в Пушкине, которого не любит по филистерскому инстинкту» (IV, с. 375); «химеры фантазии, испорченной пивом, кнастером и филистерством» (VI, с. 254) и т. д. См. у Герцена в «Записках одного молодого человека» (1838—1841): «Я не знаю ни одной германской биографии, которая не была бы пропитана *филистерством*» (I, с. 316). Как видно из примеров, слово это, во-первых, уже в начале своего применения выходит за рамки собственно немецкой действительности и получает более обобщенный смысл; во-вторых, вовлекается в круг общественно-политической лексики, служа нередко резкой оценочной характеристикой духовных «идеалов» мещанства, буржуазии, «толпы». Так, несмотря на его первоначальную «экзотичность», слово оседает в русской печати, подхватывается, вслед за Белинским, писателями 40—60-х гг.[174] Этому способствовало и то обстоятельство, что на русском языке еще не «приискивалось» соответствующего выражения. До последних десятилетий XIX в. слова *мещанин* и *обыватель* еще не проделали вполне той смысловой эволюции, которая вовлекла их также в круг оценочно-экспрессивной лексики.[175]

Ср. некоторые примеры 40—60-х гг.: «Пошлые завывания о старине, из-под которых высовывала свою сухую морщинистую рожу какая-нибудь безжизненная филистерская мораль» (В. Майк., 1, с. 121); «Рутинер, буквоед и филистер, к какой бы школе он ни принадлежал и какою бы наукою он ни занимался, всегда будет работать по обязанности службы, никогда не почувствует наслаждения в процессе мысли» (Писар., II, с. 382); «В этих ошибающихся представителях благоразумия буржуазный, филистерский элемент заслоняет элемент человеческий» (Н. Шелгунов. Ошибки недодуманной мысли; Дело, 1871, № 3, с. 17); «Злая сатира его [Берне] не давала покою этому надутому и жалкому филистерству» (Дело, 1869, № 10; Новые книги, с. 69); « — Ну, поклонник официальных программок и формализма, много ли интересного вычитал из французского лексикона? — спрашивали его собственные недавние друзья, прозвавшие его „филистером“, — заметим кстати, что они

---

[173] См. заметку «Откуда произошло название филистер» в «Исторической библиотеке», 1879, № 4, с. 2—3. До 30-х гг. XIX в. можно указать лишь на упоминание в «Письмах русского путешественника» Карамзина о *филистрах* в Лейпциге. «Так студенты называют граждан» (Соч., II, М., 1803, с. 236).

[174] Впрочем, еще в 60-е гг. слово *филистер* иногда объясняется читателю. Ср. примечание переводчика к роману Ф. Шпильгагена «Фон-Гогенштейны»: «Слово Philister (филистимлянин), переданное мною здесь словом филистер, употребляется в немецком языке презрительно, в значении простой мещанин, т. е. человек с ограниченными мещанскими понятиями» (Библ. для чт., 1865, № 4, с. 3).

[175] Впрочем, некоторые условия для такой эволюции у слова *мещанин* создавались уже ранее. Ср. хотя бы следующие примеры: «Филистер, мещанин, человек, которого вся поэзия жизни ограничена какою-нибудь кухаркою-женою, трубкою кнастера и кружкою пива» (Бел., VI, с. 384).

[ученики] очень полюбили это новое услышанное от Старцева [учителя] слово, которого они совершенно не понимали» (А. Михайлов. Лес рубят — щепки летят; Дело, 1871, № 6, с. 57—58).

Отметим также некоторые окказиональные образования от этого слова, время от времени появлявшиеся: «Странная вещь! или я начинаю уж офилистериваться, но мне теперь как-то трудно вообразить возможность любить всю жизнь одну женщину, и с этой стороны брак пугает меня» (Бел., Письмо В. П. Боткину от 11 декабря 1840; XI, 575); «Этих филистерствующих писателей расплодилось у нас не мало» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 34).

Эксплуатация и произв. *Эксплуатация* — словари иностранных слов 60-х гг. (начиная с Угл.), Толль, Д[1] (с пометой: «слово крайне неуклюжее»); *эксплуатировать* — Мих. 1865, затем Д[2] (с замечанием: «не лучше того»); *эксплуатирование* — Толль; *эксплуататор* — в словарях XIX в. не отмечается. Слово начинает употребляться с середины 40-х гг. Белинский (IX, с. 227; 1845) относит *эксплуатировать* (exploiter) к числу тех необходимых иностранных слов, которые еще не вошли в наш язык. В рассказе «Город без имени», рисуя страшную картину капиталистического общества в духе мальтузианской теории, В. Ф. Одоевский пишет: «Эта соседняя колония показалась нам весьма удобным местом для так наз. *эксплуатации*; мы завели с нею торговые сношения, но, руководствуясь словом польза, мы не считали за нужное щадить наших соседей» (I, с. 126). В примечании же, специально сделанном здесь к слову *эксплуатация*, сказано: «К счастью, это слово в сем смысле еще не существует в русском языке; его можно перевести: наживка на счет ближнего». Чем пристальнее становилось внимание русской публицистики к экономическим вопросам, чем быстрее развивались капиталистические отношения в России, тем чаще встречалось в печати и это слово. Во всяком случае с 60-х гг. слово и его производные уже широко известны, и при этом в обоих своих значениях, относящихся к лицу («извлечение прибыли через присвоение продуктов труда других лиц») и к предмету («систематическое использование чего-либо для определенных целей»). Впрочем, можно заметить, что в первом значении слова́ этого гнезда являются в XIX в. преимущественно, и чаще с особым оттенком, касающимся «причиненного ущерба».[176] Ср. некоторые примеры (из весьма многочисленных для второй половины века): «[Капиталистам] бы хотелось как-нибудь приискать средство эксплуатировать работника так, чтобы им было от этого очень хорошо, а ему не было дурно» (Добр., IV, с. 22); «[Людовик XIV] эксплуатировал в свою пользу тщеславие дворянства, властолюбие чиновничества, нетерпимость духовенства и, наконец, стремление к приобретению, в одинаковой степени свойственное аристократам, бюрократам и церковникам» (Писар. (Павл.), III, с. 119); «Элемент эксплуатирования работниц» (Писар., IV, с. 25—26); «На нашей прекрасной планете господствует повальная эксплуатация и в семействе, и в обществе, и в международных отношениях» (там же, с. 17); «Эксплуатация бедного богатым и слабого сильным» (Н. Шелгунов. Очерки из истории Соединенных Штатов; Русск. слово, 1864, № 3, с. 60). Ср. и в другом значении: «Эксплуатация железных дорог» (СПб. вед., 1857, № 44, с. 212); «Период эксплуатации переложной полосы составляет не более ста лет, а период эксплуатации самых свежих земель полосы трехпольной не более 300 лет» (Н. Языков [Шелгунов]. Еще о просветительной неумелости; Дело, 1876, № 8, с. 19); «Орган [челове-

[176] Ср. у Толля: «*Эксплуатация, эксплуатирование* (лат.) — извлечение всевозм. прибыли из предмета, лица или производства; обыкновенно говорится о тех случаях, когда бывает связано с ущербом самому предмету или лицу».

ческого тела], эксплуатирующий, если можно так выразиться, все другие» (Дело, 1869, № 9, Новые книги, с. 65) и т. п. Как видим, фразеологический спектр этих слов с 60—70-х гг. уже очень широк. Ср. и возможность вторичных образований, напр. глаголов совершенного вида с различными префиксами: «Наполеон III и его союзники по ночному декабрьскому нападению на Францию.. захотели еще раз сэксплуатировать наивность доверчивой нации» (Аноним. Парижские письма; Дело, 1876, № 2, с. 85); «Скоплявшиеся мало-помалу четвертаки навели его на мысль еще более поэксплуатировать народ» (Гл. Усп., I, 653).

С 60-х гг. идет и употребление nom. agentis: «[Нищие литераторы] должны находиться под непосредственным патронатом своих эксплуататоров» (Русск. слово, 1862, № 4, с. 79); «Не его [автора статьи в пользу откупа] тянули в кабак и приманивали всяческими правдами и неправдами раскошеливаться в пользу эксплуататора-откупщика» (Н. Шелгунов. Лукавое своекорыстие; Дело, 1869, № 2, с. 7); «Эгоизм эксплуататора идет вразрез с интересами всех остальных людей» (Писар., IV, с. 17) и т. д.

Таким образом, с 60-х гг. слова эти прочно входят в словарный состав русского языка.[177]

Эмансипация и произв. Впервые Толль: *эмансипация*, *эмансипированная женщина*; Д[1]: *эманципация*; Гейзе: *эманципация*, *эманципатор*, *эманципировать* и *эмансипировать*, *эманципационист* («противник невольничества негров»). Колебания в произношении и написании захватывают почти весь XIX в., с первоначальным преобладанием форм *эманципация* и пр. Начало употребления — 30-е гг., особо значительное распространение — с 60-х гг. История этих слов интересна с точки зрения определения сферы их действия, их смыслового наполнения. В 30-х гг. они приходят в русскую публицистику вместе с учением сен-симонистов и романами Жорж Санд, посвященными освобождению женщины. В это время *эманципация* чаще всего и употребляется в тех случаях, когда речь идет об освобождении женщины из-под власти отца и мужа, о равноправии полов, о получении женщиной всех гражданских прав. Тогда же складывается и устойчивое выражение *эмансипированная женщина*. В этом смысле прежде всего употребляется слово, напр., у Белинского, начиная с первых его сочинений. Ср.: «Очень понятен этот *сен-симонизм*, эта жажда *эманципации*» (I, 226); «Не бойтесь за брак, не страшитесь *эманципации* женщин» (I, с. 227); «народная фантазия, выразившая в Апраксеевне народный идеал *эманципированной женщины* (femme émancipée)» (V, с. 364) и др. Затем, с ростом движения аболиционистов, привлекавшего особое внимание и симпатии в русской демократической и либеральной среде, речь очень часто идет об эмансипации негров (с конца 40-х гг.). Ср. в «Карманном словаре иностранных слов» (1846): «эманципация негров и уничтожение невольничества» (Филос. произв. петраш., с. 204—205), «эманципация черных» (там же, с. 205) и т. д. Наконец, с подготовкой крестьянской реформы 1861 г. в русской легальной печати конца 50—60-х гг. слово *эмансипация* преимущественно прилагается к делу освобождения крестьян. См., напр.: «В пятидесятых годах нынешнего столетия эмансипация русских крестьян была теорией, а крепостное право было фактом» (Писар. (Павл.), IV, с. 474); «Еще.. до приведения в исполнение крестьянской реформы, он [либерал] с удивительным самоотвержением (потому что у него было наследственных душ 500) и с красноречивым жаром доказывал, что для государствен-

[177] Хотя Я. К. Грот все еще надеялся, что слово *эксплуатация*, наряду со словами *инсинуация*, *пертурбация*, *шанс* и *принцип*, «исчезнут и очистят путь другим пришельцам из романских языков» (Филолог. разыск., I, с. 23).

ного блага, для блага общего необходимо, чтобы эмансипация была совершена в широких размерах» («Заметки нового поэта» [И. Панаева]; Совр., 1861, № 8, с. 355); «Особенно стало это заметно в последние два года после обнародования эмансипации» [т. е. манифеста 19 февраля 1861 г.] (Григор., X, с. 14) и т. д.

Конечно, слово *эмансипация* и его производные в это время употреблялись и в других контекстах, в более свободном осмыслении, но их тесная связь с этими тремя «вопросами дня» бесспорна.[178] Ср. примеры иного приложения этих слов: «Гюго есть жертва этого нелепого романтизма, под которым разумели эманципацию от ложных законов [эстетики]» (Бел., II, с. 153); «XVI век начал в границах реформации эманципацию Европы от христианства» (Герц., II, с. 293); «[Литература] должна всеми своими силами эмансипировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагают на нее робость собственной мысли, предрассудки касты, авторитет предания, стремление к общему идеалу и весь тот отживающий хлам, который мешает живому человеку свободно дышать и развиваться во все стороны» (Писар., I, с. 103); «Знание эманципирует наши руки от неблагодарного труда и мысль от внешних ее стеснений» (Благ., с. 51); «Сглажение следов происхождения и состава слова позволяет ему эманципироваться от своих родичей» (Крушевск., с. 135) и т. д.

§ 9. Развитие русской общественной мысли 30—40-х гг. было неразрывно связано с развитием русской литературы, с разработкой в передовой русской критике общих вопросов эстетики, вопроса об отношении искусства к действительности, теории народности литературы и реализма как метода художественного воспроизведения жизни. Публицистика, разработка философской и социальной проблематики тесно сплетались с литературной критикой. Именно таково было направление литературной деятельности Белинского. Борьба с эстетикой классицизма, а затем и романтизма необходимо вела к постановке вопроса о природе художественного творчества, о его видах и жанрах и об их соотношении, о структуре художественного произведения и художественного образа и т. д. С новыми понятиями выдвигалась на сцену и новая терминология. Конечно, важнейшее место занимало при этом новое раскрытие и истолкование уже известных понятий и слов (таких, как литература, стиль, лирика, драма, эпос, образ, классицизм, романтизм и т. д.). Большое внимание уделяется при этом попыткам провести разграничение терминов и слов, до сих пор употреблявшихся если не безразлично, то во всяком случае находившихся в очень тесных синонимических отношениях. Ср. в критике Белинского начала 40-х гг. стремление к отчетливой смысловой дифференциации слов *литература*, *словесность* и *письменность*. (См. об этом: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. — Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, № 12, М., 1959, с. 39—40). Но вместе с тем обнаружилась и потребность в новой эстетической терминологии — в словах и очень общего, широкого смысла и связанных с более тонкой нюансировкой ранее не расчленявшихся понятий. Среди этих новых терминов являлись и слова иноязычного источника или восходящие к иноязычным корням, хотя и произведенные на русской почве. Некоторые из них уже стремилась внедрить кри-

[178] Это отмечает и Толль в своем словаре: «*Эмансипация* (лат.) — у римлян озн. освобождение из-под отцовской власти. Отсюда произошло всеобщее значение освобождения от зависимости или ограничения. Так говорится об э. крестьян, негров, женщин». — Впрочем, видимо, освобождение крестьян именовалось эмансипацией преимущественно в либеральной дворянской среде. Ср. следующее замечание Добролюбова в рецензии на рассказы и очерки С. Вахновской: «[Рассказ] изображает, как толкуют в гостиных и на дворянских выборах — об освобождении крестьян (или, как г-жа Вахновская выражается, — об *эмансипации*)» (V, с. 206).

тика 20—начала 30-х гг. (Н. Полевой, Надеждин, Пушкин). Решающей, однако, была и здесь роль критики Белинского. К таким словам относятся, напр., *тип* и его производные (*прототип*), *концепция* (применительно к общему идейно-художественному замыслу произведения), *коллизия*, *пафос*; слова, обозначающие литературные жанры, получившие особое развитие в это время, напр. *новелла*, *фельетон*; ср. также важные для Белинского термины *беллетристика*, а также *физиологические очерки*, или просто *физиологии*; термины, связанные с характеристикой новых стилей и литературных направлений (*натуральная школа*, *натурализм*, затем — и *реализм*), наименования определенных начал литературного творчества (*лиризм*, *драматизм*), наименования писателей и художников по жанрам их творчества (ср. вошедшие в употребление в 20—30-х гг. *водевилист*, *мелодраматист*, *беллетрист*, *новеллист*, *фельетонист*, *памфлетист* и т. д.); некоторые другие технические термины искусства (напр., *фон*). Истории некоторых из них коснемся кратко ниже.

Беллетрист, беллетристика. Впервые Ре..ф..ц: *беллетрист* — «занимающийся изящной словесностью»; Кир.: *беллетристика* — «Французское слово, вполне заменяемое выражением „изящная литература“. Следовательно, сюда входят все произведения словесности, удовлетворяющие требованиям изящного»; затем Д[1] и Толль — оба с пометою «фр.». Вопрос о том, каково происхождение этих слов, представляет некоторые затруднения. Несомненен лишь источник, из которого они вышли. Это французское выражение belles-lettres, употреблявшееся в нескольких значениях, в том числе и в смысле, равном нашему выражению *изящная словесность*, *литература*. Но французский язык не знал и не знает производных слов от этого выражения. На русской почве впервые со словом *беллетрист* мы сталкиваемся в середине 20-х гг. (см. Веселитск., с. 54—55; примеры еще крайне немногочисленны). Ср. в рецензии Белинского 1835 г. на перевод немецкого романа Богемуса «Изгнанник»: «В предисловии своем он [переводчик] сказал, что решился переводить сочинения отличных германских *беллетристов*» (I, 130). В предисловии переводчика (скрывшегося под инициалом В...ъ) к русскому изданию этого романа читаем: «В последние годы почти исключительно удостоивались перевода на русский язык французские романы; немецкие же сочинения сего рода как бы вовсе не существовали; а сколько в Германии есть и ежегодно вновь является отличных беллетристов, коих гениальные сочинения еще не известны в русской словесности» (Изгнанник. Исторический роман из смутных времен Богемии в продолжение тридцатилетней войны. Соч. Богемуса. Перевел с нем. В...ъ; СПб., 1834, ч. I, с. V).

Однако у самого Белинского, на протяжении нескольких первых лет его критической деятельности, мы этого слова, отмеченного им в приведенной цитате, не находим (даже в таких статьях, как «О русской повести и повестях г. Гоголя», «Ничто о ничем», где для его появления были, казалось бы, все основания).[179] Он обращается к этой терминологии вновь в 1840 г., и не случайно. Именно с этого времени, к концу увлечения идеей «примирения с действительностью», начинается отход Белинского от эстетических положений «чистого искусства», от идеалистических концепций художественного творчества, нарастает внимание

[179] Ср., напр., в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“» (1837) о Жюле Жанене: «Жанен не ученый, не критик, а просто литератор, в высочайшей степени обладающий талантом говорить на бумаге, литератор, каждая статья которого есть беседа.. умного, образованного и острого человека, разговор беглый, живой, перелетный, как бабочка» (II, с. 142). В соответствии со своими последующими разграничениями Белинский позднее наверняка применил бы здесь определение: беллетрист.

к социальной проблематике искусства, к вопросу об обусловленности художественного творчества живой, развивающейся действительностью. Впервые с этой терминологией мы сталкиваемся у него в статье о повестях Марии Жуковой; теперь Белинский избирает ее сознательно, стремясь вложить особый смысл и значение в слова, еще мало известные. Характерной особенностью повестей Жуковой Белинский считает то, что ни одна из них «не представляет собою драмы, где каждое слово, каждая черта является необходимо, как результат причины, является сама по себе и для самой себя» (IV, с. 111). И далее говорится о процессе рождения таких повестей из впечатлений, пережитых автором, одаренным острым восприятием жизни. Такой автор, — продолжает критик, — «имеет все, чтобы писать прекрасные повести, которые, не относясь к искусству, относятся к изящной литературе, или к тому, что французы называют belles-lettres» (IV, с. 112). В этой же рецензии далее говорится о «*беллетрических* талантах» (IV, с. 116). Через два месяца (в № 5 «Отеч. записок» за 1840 г.) в статье о баснях Крылова, сказав, что остальные наши баснописцы относятся к Крылову, «как беллетристы к художнику», Белинский употребляет уже новый термин *беллетристика*, но откладывает его обстоятельное истолкование до другого раза (см. IV, с. 148). Термины *беллетрист*, *беллетристика*, *беллетрические произведения* начинают затем мелькать в статьях и рецензиях Белинского 1840 г. (см., напр., IV, с. 127, 154, 170—171, 193, 198, 229, 300, 344, 399), постоянно противопоставляемые собственно художественным или поэтическим созданиям, но не ограниченные жанровыми признаками (Фонвизин, Хемницер, Богданович, Карамзин, Дмитриев, Озеров, в противоположность Державину, Крылову, Жуковскому и Батюшкову как художникам, причисляются к беллетристам (IV, с. 193); в одном случае беллетристика отождествляется с «легкой литературой» (IV, с. 308).[180]

То же продолжается и в 1841 г. (см. V, с. 8,[181] 40,[182] 67,[183] 82, 163, 303,[184] 492[185]). Иногда *беллетрическая литература* синонимически сближается и отождествляется с выражением *изящная литература* (V, с. 586, 653). В 1840—1841 гг. мы еще наблюдаем борьбу старых, не вполне пережитых, и новых, зреющих, эстетических представлений у Белинского, что непосредственно отражалось и в этом резком, хотя и не отличавшемся, как мы видели, четкостью и определенностью (между прочим — и терминологической), противопоставлении «беллетрических» и собственно художественных произведений.

Противопоставление художника беллетристу остается до последних статей Белинского. Но оно значительно видоизменяется, теряет свою остроту, сглаживается. Беллетристика уже, во-первых, не исключает поэтического. Ср.: «Комедии Мольера, несмотря на недостатки, обусловливаемые самою сущностию их, как драматических сатир, не суть холодные аллегории, но живые беллетрические произведения, нередко блещу-

---

[180] Ср. в письме к В. П. Боткину от 14 марта 1840 г. (XI, с. 496).

[181] «Беллетрические [произведения], или — собственно литературные, а не художественные».

[182] «Эфемерные произведения беллетристики, удовлетворяющие насущным потребностям публики».

[183] «Беллетристика» противопоставляется «искусству».

[184] «Литература состоит не из одних художественных созданий, — и беллетристика, — этот насущный хлеб большинства общества, это практическое, житейское искусство толпы — также требует талантов и еще больших талантов».

[185] «Вседневною.. пищею сцены должны быть произведения низшие, беллетрические, полные живых интересов современности, раздражающие любопытство публики: без богатства и обилия в таких произведениях театр походит на призрак, а не на что-нибудь действительно существующее».

щие искрами поэтического вдохновения» (VI, с. 369). Во-вторых, внимание Белинского, с развитием его социальных, демократических воззрений и теории реализма, все чаще обращается именно к беллетристике, как той области литературы, которая удовлетворяет наиболее широкий круг читателей и которая наиболее активно вторгается в жизнь, наиболее живо отражает ее. Белинский не раз в статьях 1845—1847 гг. обращается к истолкованию понятия беллетристики. Он подчеркивает, с одной стороны, недостаточность развития русской беллетристики, с другой стороны, необходимость ее быстрейшего и полного развития. Ср. в статье Белинского об «Опыте истории русской литературы» А. Никитенко деление литературы на три области: науку, искусство (поэзию) и беллетристику. О необходимости широкого развития последней говорится здесь следующее: «Толпа никогда не понимает высоких произведений искусства, и они редко ей нравятся, потому что .. искусство требует изучения, требует особенного посвящения в его таинства. А между тем необходимо, чтоб и у толпы было свое искусство, своя литература. И толпа имеет то и другое в так наз. *беллетристике*, за неимением другого, более определительного термина» (IX, с. 160). И в другой рецензии этого же времени: «Не всякий может и должен быть ученым, но всякий должен иметь общие познания; не всякому доступно высокое искусство, но для всякого должно существовать наслаждение прекрасным. Для этого наука и искусство должны быть сведены с их высокого, недоступного для толпы пьедестала и через это приближены к понятию масс. Эта, в одно и то же время, и мелкая и великая роль принадлежит беллетристике. И наука и искусство имеют свою беллетристику и своих беллетристов» (IX, с. 308). И далее говорится о том, что в первоначальном своем значении слово *беллетрист* означало «литератора, занимающегося изящной словесностью», т. е. «стихотворца, нувеллиста, романиста», но что теперь, когда «изящество изложения» является необходимым условием для всякого произведения, претендующего на внимание масс, наряду с популярностью, беллетристами должно называть «деятелей более скоро и много, нежели прочно пишущих, более многочисленных, нежели замечательных по силе таланта». Таким образом, понятие о беллетристе сближается с понятием о популяризаторе.[186] Выстраивается следующее отношение: «Беллетристика к поэзии относится, как дилетантизм к художественной деятельности; к науке — как образование к просвещению» (IX, с. 309). Таким образом, беллетристика для Белинского является понятием не столько жанровым, сколько стилевым. Она включает произведения, объединенные не принадлежностью к определенным родам «изящной словесности», а определенной степенью (более низкой, чем у чисто художественных произведений) художественного обобщения и типизации; она противопоставляется науке и искусству не по избранным средствам познания, а по своей тенденции, по степени популярности, доступности для массы.[187]

Введенное Белинским слово подвергается резкому осуждению на страницах «Москвитянина» и сочувствующих ему писателей. Ср. насмешки над этим термином в книжке М. Н. Загоскина «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского» (М., 1848); он полагает, что выражение «изящная словесность» вполне исчерпывает содержание, обознача-

[186] В этом широком смысле употребляет и Герцен слово *беллетристика*, когда в статье «Публичные чтения г. Грановского» (1843) говорит о Гердере как «прекрасном явлении в германской беллетристике» (II, с. 114). Это, впрочем, единственный, кажется, случай употребления слова Герценом в 1840-е гг.

[187] Белинский постоянно относит к беллетристическим произведениям различного рода научно-популярные очерки. См., напр., у него такие выражения, как «сочинения учено-беллетристического содержания» (VIII, с. 96).

емое словом *беллетристика*. На это анонимный рецензент «Отечественных записок» (1848, № 9, отд. VI, с. 43) остроумно замечал: «Назовите записки Богдана Ильича изящною словесностью, и все коварно улыбнутся. Скажите, что это произведение беллетристики — все подумают: Ну, да, отчего ж? Пожалуй!» Ср. также резко неодобрительное употребление нового термина у Шевырева: «И любопытно, и забавно иногда для развлечения любителю русского слова, взглянуть на эти исчадия современной бельлестристики [sic!]» (Словарь солецизмов, варваризмов..; Москвит., 1848, кн. 1, с. 56).[188]

Нужно сказать, что теоретические противопоставления и обобщения, связанные со словом *беллетристика* у Белинского, не определили вполне судьбы этого термина в русском языке, хотя и повлияли известным образом на дальнейшее его употребление. Противопоставление беллетристики и беллетристов искусству и художникам особенно заметно в конце 40-х гг., здесь чувствуется еще несомненное воздействие идей Белинского. Ср. у Вал. Майкова: «Современная французская литература есть чистая беллетристика: даже Жорд Санд чаще является в своих произведениях беллетристом, чем художником» (I, с. 4); «талант — дидактический, художественный или беллетристический» (I, с. 226).[189] Это оставило след на осмыслении слова *беллетристика* и в дальнейшем, связав его прежде всего с представлением о «легкой литературе» и противопоставляя часто слово *беллетристика* произведениям «классическим», образцовым. Но, с другой стороны, дальнейшее употребление слов *беллетристика*, *беллетрист* осталось при первоначальном жанровом определении: сюда относились прежде всего и главным образом произведения «изящной словесности», а преимущественно — повествовательная проза. Полной терминологической отчетливости эти слова так, впрочем, и не получили; в дальнейшем это скорее слова разговорного обихода, нежели строго научные термины.

Мы оставили пока в стороне вопрос о возникновении этих слов. Очевидно, слова *беллетрист и беллетристика* следует признать заимствованием 20—30-х гг. из немецкого источника. Любопытно, что единичный пример употребления слова *беллетристика* из журналистики 20-х гг. (см. Веселитск., с. 55) находим в критической статье «Вестника Европы» (1824, № 2, с. 116) об альманахе «Полярная звезда» в переводной цитате с немецкого. В критике 20—30-х гг. употребление этого слова следует признать редким. Обычным еще является перевод франц. belles-lettres сочетанием *изящная словесность*, Белинский несомненно дал ход этому слову в русской критике. Отсюда — неоднократно высказывающееся мнение, что сущ. *беллетристика* было им и образовано.

Первоначальная форма прил. *беллетрический* держится в 40—60-х гг., хотя уже в конце 40-х гг. является новый вариант — *беллетристический*, ставящий прилагательное в прямую связь уже не с франц. belles-

---

[188] Позднее, при «молодой редакции», отношение к слову *беллетрист*, популяризованному Белинским, и к *беллетристике* в «Москвитянине» смягчается. Ср. в статье Е*** (Е. Н. Эдельсона) «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики»: «Полезное влияние критики относится только к тем писателям, которые очень удачно, хотя и не благозвучно, названы беллетристами, которые, например, излагают свои мысли в известной художественной форме, причем эта форма не есть существенная, а выбрана писателем только как легчайшее средство привлечь внимание читателя и передать ему в легкой форме иногда серьезные мысли» (Москвит., 1852, № 6, с. 41). Здесь, таким образом, принимается толкование Белинского.

[189] Ср. позднее и у А. Григорьева, игнорирующего беллетристику. «В статье нашей, — пишет он в обзоре «Русская литература в 1852 г.», — мы имеем дело с искусством, а не с беллетристикою» (I, с. 59). Еще более резкое отрицание им мыслей Белинского о беллетристике см. с. 79.

lettres, а со словом *беллетристика*. С середины XIX в. этот вариант является уже преобладающим, а к концу века и единственным.

Мемуары. Впервые Кир., затем Д[1] и словари иностранных слов 60-х гг.; Толль: *мемоары*; производных словари XIX в. не отмечают. Употребление слова в форме ед. ч. *мемуар* для обозначения отдельной «записки» встречается на русской почве и ранее. Но лишь с конца 30-х гг. в форме мн. ч. оно является как устойчивое обозначение литературного жанра. Здесь может идти речь о вторичном, самостоятельном акте заимствования. Тем более, что первоначально слово *мемуар* употреблялось без связи с определенным литературным жанром (преимущественно для обозначения записки делового, научного содержания).[190] Новое употребление слова намечается в критике Белинского. Ср.: «Вам смешон, нелеп, глуп „Милорд англинской", а нашему доброму приятелю, из записок или рукописных „мемуаров" которого мы выписали вышеприведенное место (и решились на выписку, потому что эти мемуары, вероятно, никогда не будут изданы),.. он мил, любезен, дорог» (III, с. 207; 1839); «Теперь история из хроники сделалась „мемуарами"» (VI, с. 93); «Наша литература всего беднее записками, или мемуарами, которыми так страшно богата французская литература» (X, с. 86). В статьях и рецензиях Белинского 1835 г. встречаем несколько раз французское слово для уточнения русского «записки». Ср.: «*Записки* или *mémoires* есть собственность французов, чадо их народности» (I, с. 159—160). То же отмечается и в статьях Н. Полевого: «Кажется, что основную мысль подала ему [Кс. Полевому, автору беллетризованной биографии Ломоносова] столь обильная в современной Франции отрасль сочинений — записки, mémoires» (I, с. 260); «То, что говорит г-н Устрялов о преимуществе записок (mémoires) перед летописями, и особенно нашими русскими летописями, краткими, сухими, исполненными одинаково благочестивого духа, набожности и какого-то фатализма, — справедливо» (там же, II, с. 55).

Появление и распространение этого термина стоит в прямой связи с формированием и популяризацией самого жанра в новой русской литературе. Отметим и значение самой формы «записок» для структуры нового романа, особенно исторического. Предпочтение французского по происхождению термина его русскому аналогу («записки») определяется, во-первых, стремлением к терминологическому уточнению (ввиду явной многозначности русского «записка»), а во-вторых, причиной, на которую указывает Белинский: относительно высокой степенью развития мемуаров как особого беллетристического жанра к этому времени во французской литературе.

Особенностью нового термина является то, что он выступает и как обозначение жанра, и как обозначение отдельных произведений этого жанра (впрочем, в названиях самих этих произведений обычно предпочтение отдается все-таки русскому слову). Соотношение старой формы ед. ч. и формы мн. ч. является не типичным, хотя еще его и можно наблюдать в 40—60-х гг. Ср. в «Карманном словаре иностранных слов»: «Все сказанное о мемуарах ясно показывает, что только тот мемуар прямо хорош и достоин полного уважения, который был писан вследствие душевной потребности автора, на основании глубокого его сочувствия к тем предметам, о которых идет речь» (Филос. произв. петраш., с. 129).

Пафос. Впервые Толль и словари иностранных слов 60-х гг.; у Даля нет. И это слово первоначально оказывается тесно связанным с эстетическими теориями 40-х гг. Белинский не раз обращается к истолкованию того, что он устойчиво именует пафосом в отношении к художественному

[190] Ср. также *мемория*, *меморий* в этом смысле (см. примеры употребления этого слова в Слов. яз. Пушкина).

творчеству. Ср. в пятой статье о Пушкине (1844), где соответствующие разделы изложения озаглавлены: «Исследование пафоса поэта как первая задача критики. — Пафос поэзии Пушкина вообще». «Поэтическая идея, — пишет там Белинский, — это не силлогизм, не догмат, не правило, это — живая страсть, это — *пафос*» (VII, с. 312). Пафос, по Белинскому, сила и страсть, которая овладевает и движет художником, благодаря которой зреет и определяется поэтический замысел; в пафосе дана целостность восприятия идеи, идея является как живое создание. «Но отчего же, скажут, называть это *пафосом*, а не *страстью*? — продолжает далее Белинский. — Оттого, что слово „страсть" заключает в себе понятие более чувственное, тогда как слово „пафос" заключает в себе понятие более нравственное.. Пафос всегда есть страсть, возжигаемая в душе человека *идеею* и всегда стремящаяся к идее, следовательно, страсть чисто духовная, нравственная, небесная .. В философии идея является бесплотною; через пафос она превращается в дело, в действительный факт, в живое создание. От слова *пафос*, или *патос* (pathos) происходит слово *патетический*, наиболее употребляемое в отношении к драматической поэзии, как к наиболее исполненной пафоса по своей сущности» (VII, с. 312—313).[191] Сходное, но более лаконичное истолкование находим несколько ранее в статье о сочинениях З. Р—вой (1843): «Мысль в поэтических созданиях — это их *пафос*, или *патос*. Что такое пафос? — Страстное проникновение и увлечение какою-нибудь идеею. Отсюда происходит и слово „патетический". Что называется „патетическим" в драме? — Энергия раздраженного чувства, которое бурными волнами огненной речи изливается из уст действующего лица.. Вот этот-то пафос и составляет собою базис и фон творений всякого замечательного поэта» (VII, с. 657). Начиная со статей и рецензий 1842 г. слова *пафос* и *патетический* часто являются у Белинского при определении основной идеи творчества поэта или отдельного литературного произведения (ср., напр., VI, с. 14, 52, 255, 293; VII, 195, 227, 231, 240, 372 и мн. др.; VIII, с. 305, 508; IX, с. 593 и т. д.). Иногда они сопровождаются краткими пояснениями: «Мы намекали, что составляло некогда пафос (страсть духа) г. Полевого» (VI, с. 440); «его [поэта] внутреннее созерцание, его пафос» (VI, с. 466). «Патетической драмой» называет Белинский трагедию (IX, с. 346—347). Итак, слова эти занимают важное положение в эстетической терминологии позднего Белинского, они получают в ней особый мировоззренческий смысл. Но распространение слова *пафос* в употреблении совлекает с него эти эстетические одежды. Оно легко становится общим синонимом слов *страсть*, *воодушевление*, *энтузиазм*. Начало такого употребления относится уже к 40-м гг.[192] Ср. и у Белинского: «[Загоскин] начал.. с особенным пафосом прославлять любовь к соленым огурцам и кислой капусте» (VIII, с. 55—56). Ср. складывающиеся к 50—60-м гг. выражения *приходить в пафос*, *войти в пафос*: «Ульянов.. стал говорить о своей лесной службе и, наконец, вошел в такой пафос, что,

[191] Отметим кстати, что слово *патетический* толкуется уже у Яновск. («Умилительный, жалостный, трогательный, способный возбудить страсти; употребляется тогда, когда говорят о том, что приводит в движение страсти, что восхищает слушателя, что пленяет его волю и покоряет разум»). Оно изредка является в литературном языке первой трети XIX в., принимается пуристами 30-х гг. (см. Сев. пчела, 1838, № 83, с. 331). Однако даже пуристы 1850-х гг. еще издеваются над словом *пафос*. Ср. ироническое замечание И. Покровского по поводу одной фразы из «Отечественных записок»: «Благородный язык!!! Изумительный, как ныне пишут, *пафос*!!!» (Москвит., 1853, № 21, Смесь, с. 48). На новизну этого слова для 40-х гг. указывают и колебания в его произношении. Ср. у Герцена в дневнике 1842 г.: *патос* (II, с. 225). Форму *патос* («То же, что пафос») приводит еще и Угл.

[192] Впрочем, ср. еще у Толля толкование слова только в том смысле, как его находим в эстетических рассуждениях Белинского.

размахивая руками, бросил стклянку» (Решетн., I, с. 293);[193] «[Марья Яковлевна] все сильнее приходила в пафос, захлебываясь приливавшими ей к горлу излияниями по адресу ближнего» (Маркев., VI, с. 53); «Соборянский пустился уже в настоящий, возвышенный пафос» (Орловск., II, с. 130) и т. д.

Тип и произв. Впервые Ре .. ф .. ц: «крайность, оконечность. Тип характера — возвышенность, важность характера»; затем — Слов. 1847: «Первообраз»; Д[1]: «прототип, первообраз, подлинник, образец, основной образ»; у него же: «типичные или типические лица — резко очерченные, выразительные, первообразные»; Толль указывает на общефилософский («первообраз всякого существа, составленный мыслью человека и к которому более или менее приближаются особи в действительности. Отличается от идеала тем, что в подробностях не представляет совершенства, а стремится сблизиться с действительностью»), литературно-эстетический («характер, созданный писателем и изображающий отличительные черты целой группы людей») и медицинский («порядок припадков какой-либо болезни») смысл этого слова. XVIII веку это слово известно лишь в его профессиональном употреблении (типографском; ср. «печатано типом»). Как литературный и искусствоведческий термин его не знает и начало XIX в. Ср. отсутствие его в словаре Н. Остолопова (Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821). Впервые это слово является в критике 1830-х гг. и быстро становится популярным в новом общем и эстетическом смыслах.

Слово *тип* находим неоднократно в статьях Н. Полевого 1830-х гг. Ср.: «Ломоносов — тип русского, тип своего времени, тип гения своего народа» (I, с. 239); «Православная вера, которая отвращала казака от унии, от латинщины и сохраняла на нем родимый тип его» (II, с. 308); «Смешанным направлением лиризма Пушкин носит уже на себе тип современности» (I, с. 175) и др. под. Как видим, в употреблении Н. Полевого слово *тип*, во-первых, связано по значению со словами *образец*, *первообраз*, а во-вторых, со словом *отпечаток* (еще ощущается связь с первоначальным профессиональным употреблением слова). Ср. у Пушкина: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока» (XII, с. 159). Несравненно более широкую амплитуду значений и смысловых оттенков слова находим в критике Белинского. Здесь впервые разъясняется и особый терминологический смысл слова *тип* для литературной критики. Ср. уже в статьях его конца 30-х гг.: «Наум Дрот, Маруся, Василь [в повести Г. Квитки-Основьяненко] — что такое все эти лица? — это *типы* малороссиян образцовых, цвет национальной жизни народа. Что такое *тип* в творчестве? — человек-люди, лицо-лица, т. е. такое изображение человека, которое замыкает в себе множество, целый отдел людей, выражающих ту же самую идею» (III, с. 52 (1839)). Ср. несколько позже, в статье второй о народной поэзии: «*Тип* (первообраз) в искусстве есть то же, что *род* и *вид* в природе, что *герой* в истории. В типе заключается торжество органического слияния двух крайностей — *общего* и *особного*. Типическое лицо есть представитель целого ряда лиц, есть нарицательное имя многих предметов, выражаемое однако ж собственным именем .. Это не эклектическое собрание резких черт одной и той же идеи, а общая идея, обособившаяся в художественно созданном лице» (V, с. 318—319). В этом особом смысле, тесно связанном с литературно-эстетической теорией, слово *тип* и его производные часто являются у Белинского, и с 40-х гг. такое употребление закрепляется в критике. Ср. у Белинского: «Для вы-

[193] Рукописный «Словарь семинариста» Петровых связывает выражение *войти в пафос* — в смысле «расчувствоваться, увлечься» — с семинарской средой.

ражения своей идеи Пушкин удачно выбрал эти два типа [Моцарта и Сальери]» (VII, с. 558); «[В сочинениях Гоголя] все дело в *типах*, а *идеал* тут понимается не как украшение (следовательно, ложь), а как отношения, в которые автор становит друг к другу созданные им типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением» (X, с. 294—295); ср.: «Лица Отелло и Дездемоны.. лица типические, благодаря общей идее, воплотившейся в них» (III, с. 436); «типические образы» (там же) и т. д.[194] Ср. также выражения *возвести в тип*, *до типа*. («Две личности случайные, т. е. явление которых зависит не от условий времени, Тюфяка и Хазарова, он [Писемский] навек заклеймил, возведя до типа» (Москвит., 1853, № 16, Журналистика, с. 83). Ср. у Герцена: «тип Хлестакова» (II, с. 267), «типы героев Жорж Санд» (V, с. 46) и т. п.

У Белинского встречаем и сущ. *типизм* в том смысле, в каком позднее явятся слова *типичность* и *типизация*.[195] Ср., напр.: «*Типические* образы, обязанные своим типизмом общей идее, в них выражающейся» (III, с. 436); «Типизм есть один из основных законов творчества, и без него нет творчества» (III, с. 53).

Но в литературной критике 40-х гг. было представлено и еще одно специфическое применение слова *тип* — для обозначения определенного жанра — бытовых, характерных очерков и сцен, того, что несколько позднее, в конце 40-х гг., с развитием этого жанра, будет обозначаться как физиологические очерки или просто физиологии. Такое употребление развилось из обычного названия этих популярных в начале 40-х гг. изданий, очерков бытового характера, характеризующих лица по их социальным и профессиональным особенностям, очерков, обычно иллюстрированных.[196] Ср. у Белинского: «Литературный тип» (подзаголовок сатирического фельетона «Педант», направленного против С. Шевырева); «Говорили, что мы хотим написать тип, составленный из черт частной жизни почтенного фельетониста [Булгарина]» (VIII, с. 34); «[Шевырев] решился твердо.. заставить замолчать литературных бобылей и безыменных критиков, которые, кроме критик и рецензий, пишут и *типические очерки*» (VII, с. 636). Отметим еще употребление слова *типист* в 40-х гг. для обозначения авторов таких очерков. Ср. у Белинского: «[Башуцкий] хороший литератор, но едва ли *типист*, *живописец с натуры*» (V, с. 603).

Вместе с этим широко распространяется слово *тип* и в другом своем осмыслении, более общем и менее специфическом, где оно тесно сближается семантически со словом *образец*, обозначает предмет или лицо, характерные по своим признакам для ряда предметов и лиц. Ср. у Белинского: «Стих Пушкина — это вековечный образец, неумирающий тип русского стиха» (VI, с. 296); «Типом всех торжественных од Державина может служить ода „На взятие Варшавы“» (VI, с. 647); «Все это, вместе взятое, сделалось типом русского быта» (V, с. 406); «Обрисовать тип театрала» (VII, с. 24); «Вера — больше женщина... но зато и больше исключение, тогда как Татьяна — тип русской женщины...» (VII, с. 502); «„Родословная моего героя“.., вместе с „Графом Нулиным“ и „Домиком в Коломне“, составляет тип особенного рода поэм» (VII, с. 536); «тип

---

[194] Прил. *типический* едва ли не новообразование Белинского. Ср. у Н. Полевого в этом смысле *типовой*: «Ломоносов — имя у нас народное, имя типовое» (I, с. 236).

[195] *Типичность* встречается уже в 50—60-е гг. Ср.: «[Пародия К. Аксакова «Олег под Константинополем»] решительно лишена всякой типичности» (Добр., IV, с. 156); «На рельефность, типичность изображения.. мало обращают внимания» (Н. Соловьев. Теория безобразия; Эпоха, 1864, № 7, с. 1—2).

Слова *типизация* и *типизировать* в текстах XIX в. нам не встретились. Их не отмечает даже Мих. 1898.

[196] Особенно популярным было издание А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» (1841—1842).

русского человека» (X, с. 202) и мн. др. Ср. у Герцена: «тип этих споров» (II, с. 258), «тип парижского пролетария» (V, с. 31); «Тип этой породы людей [«человека экстремы, но всегда открытого, сильного, энергичного»] — Робеспьер» (II, с. 242). Ср. в «Карманном словаре иностранных слов» (вып. 2): «принять за тип совершенства» (Филос. произв. петраш., с. 189); «*типические* или *национальные* признаки» (с. 193) и т. д.[197]

Тесно связанное со словом *тип* образование *прототип* закрепилось в нашем литературном языке также в 30-х гг. (ср. в Слов. 1847 определение слова *тип* через *прототип*; сущ. *прототип* объясняется у Яновск. как «прообразование, первообразный, первый образец»). В 20—30-х гг. как русский синоним слова *прототип* входит в употребление слово *первообраз* (в САР [2] есть *первообразие*, *первообразный* и *первообразность*). Ср.: «В числе драгоценных старинных образов занимает первое место написанный на золотом грунте лик Спасителя, привезенный Карлом IV из Италии, прекраснейшее произведение византийского искусства, служившее первообразом (prototype) всем изображениям Божественного» (Греч, III, с. 8). В критике оба слова часто являются с середины 30-х гг. Ср. у Белинского: «Гете — вот Гомер, вот прототип поэта нынешнего времени» (I, с. 102); «Эти обычаи состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны» (I, с. 35);[198] «Вечная красота, первообраз которой блещет в мироздании» (IV, 498); «Драма [Шекспира] величайший первообраз христианской драмы» (V, с. 58).

Фельетон и произв. Впервые Ре .. ф .. ц: «*Фельетон.* Листок»; Угл.: «Литературная часть в политических и ученых газетах»; Толль: «Отдел газеты, обыкновенно под строкою, о предметах литературы, общежития, искусства и пр. Иногда тут помещаются и целые романы, кои и называются *фельетонными*»; Д[1]: «Листок, отдел росказней в газете»; *фельетонист* — «газетный сотрудник, пишущий отдел этот».[199]

Распространение этого слова на русской почве начинается в 30-х гг., именно тогда, когда о нем начинает постоянно говорить и французская пресса. Первоначальное значение франц. feuilleton в журнально-издательском мире было лишь отчасти связано с жанром произведений, а прежде всего — с чисто формальными, пространственными представлениями о газетном листе, точнее — о нижней части газетного листа (как теперь говорят, «подвале»), где во французских газетах в это время стали печататься статьи разного легкого содержания. У наших типографщиков и газетчиков эта часть газетного листа, по свидетельству Н. И. Греча (см. материалы П. Кеппена), называлась также *исподом*. Об истории фельетона кратко рассказано в рецензии на перевод «Виконта де Бражелона» Дюма, опубликованной в журнале «Отечественные записки» за 1848 г. «Фельетон, — говорится там, — явление весьма недавнее во Франции. Едва ли не „Le Temps“ первый ввел фельетон в столбцы свои вскоре

---

[197] В 40-х гг. можно встретить еще и употребление слова *тип*, генетически связанное с его специально-типографским значением, в смысле «отпечаток». Ср.: «На всей допетровской России лежал патриархальный, помещичий, сельский тип» (А. Афанасьев. Государственное хозяйство при Петре Великом; Совр., 1847, № 6, с. 127).

[198] Нередко в очень близком соответствии слову *тип*; ср.: «[Азамат в «Беле»] прототип черкеса, без преувеличения и без искажения» (IV, с. 208); «Новгород был прототипом русской цивилизации и вообще форм общественной и семейной жизни древней Руси» (V, с. 401). То же можно сказать и о соотношении *первообраз — тип* (см. Бел., V, с. 318).

[199] Об истории этого слова и его лексикографической фиксации см.: П. Я. Хавин. Толкование слова «фельетон» в двух рукописных словарях русского языка (XIX в.) (Уч. зап. ЛГУ, № 218, 1957); перепечатано в его книге: Очерки русской стилистики. Изд. ЛГУ, 1964.

после июльских дней 1830 г. Это было тогда новостью и имело большой успех; другие газеты скоро последовали примеру „Temps“. Фельетон этот первоначально составлялся из разных мелких статеек, весь убирался внизу шести столбцов первых двух страниц.. и если переходил на третью, то это казалось чрезвычайной роскошью. Тут помещались легкие статейки о нравах, рассказы, отчеты академических заседаний, ученые статейки легкого содержания, юмористика, путешествия и пр... Важнейшее место в фельетоне занимал разбор книг.. Это было младенчество фельетона. Мало-помалу в фельетоне начали печататься повести, сначала в двух номерах, потом в трех, в четырех.. Все писатели кинулись на эту новость; это была мода, но мода прибыльная; газеты заключили в столбцах своих всю французскую литературу.. Героем новой эпохи фельетона явился Эжен Сю.. За Сю.. остается.. заслуга, что он сообщил особенный характер фельетону и фельетонному роману, введя в него вопросы, близкие современному обществу Франции» (Отеч. зап., 1848, № 3, с. 43—44).

В России эту «моду», это новое деление газетного листа, переняла прежде всего самая ходовая газета того времени — «Северная пчела». Здесь, в «исподе», печатались обычно разборы книг, полемические заметки, маленькие «нравоописательные» очерки и т. п.

В русской журналистике слово *фельетон* первоначально также означало этот пестрый отдел газеты, характеризуемый более по его месту в ней, чем по жанровому составу. Ср. у Пушкина: «Критики пишутся, потому что по краям газетного листа нужен *фельетон* в $1^1/_2$ вершка, как кайма по краям шали» (XI, с. 486—487). Естественно, что по смежности ассоциаций стали тогда же *фельетоном* называть и то, что печаталось здесь, а *фельетонистами* — писателей, поставлявших материал для этого раздела. В таком смысле слова *фельетон* и *фельетонист* постоянно употребляются в языке 30—40-х гг.[200] Но поскольку в русской газете «испод» был заполняем в это время не столько повестями и романами, сколько разной текущей «мелочью», прежде всего всякого сорта легкими полемическими и критическими заметками, то на русской почве, наряду со старым профессиональным значением этого слова, легко возникло новое, жанровое его осмысление: фельетон — это легкая статья, часто полемического свойства, или очерк бытового содержания. Именно в таком смысле знает это слово уже журналистика 60-х гг., в которой нередко говорится о фельетоне именно как о жанре, а о фельетонистах как об авторах определенного типа статей и очерков. Речь идет при этом уже и о фельетоне в журнале, в русском смысле этого последнего слова.[201] Понятие «газетного испода» уже не связывается таким образом обязательно с этим словом. В свою очередь, и слово *фельетонный*, помимо своего чисто относительного значения, начинает тогда же в определенных условиях приобретать особый качественный оттенок, более связанный с характеристикой определенной манеры изложения, нежели приуроченный к определенному жанру или тем более к определенному местоположению на страницах газеты. Ср.: «В литературном отношении ученые сочинения Лессинга приобретают, от этой почти фельетонной манеры эпизодичности, чрезвычайную живость и разнообразие» (Черн., IV, с. 112).

---

[200] Ср.: «Нравственное же влияние путешествий по России, — говорит он, оканчивая фельетон, — еще важнее» (Совр., 1849, № 1, Очерки современной жизни (рец.), с. 39).

[201] Ср. у Писарева (III, с. 38): «фельетонист „Современника“» — о Салтыкове-Щедрине как авторе фельетонов «Наша общественная жизнь», печатавшихся в журнале в 1863—1864 гг.

Фон. Впервые словари иностранных слов 60-х гг., Толль («общий цвет картины»), Д[1]. Слово начинает употребляться в 40-е гг. как в специальном значении, относящемся к живописи, так и образно, расширительно. Ср.: «[Миросозерцание] это фон, на котором рисуются ее [литературы] картины, канва, по которой вышиваются ее узоры» (Бел., IV, с. 418); «Фон, на котором нарисованы были картины» (СПб. вед., 1856, № 207, с. 1144). На новизну заимствования указывают колебания в произношении, заходящие и во вторую половину XIX в. Напр.: «Все эти разнообразные свойства и качества составляют либо фонд некоторых отдельных романов Сю, либо смешиваются между собою в одном и том же его произведении» (Э. Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело 1871, № 2, с. 253). Ср. у Герцена в дневнике 1843 г. еще в качестве иностранного слова: «Fond всему — слабый характер» (II, с. 280); в «Сев. пчеле» за 1852 г. в виде уточняющего слова к русскому: «Дно или глубь картины (fond) состоит из ярко-красной драпировки» (№ 273, с. 1089). В 1840—1850-х гг. слово вызывает резкие нападки пуристов. «Недавно случилось мне, — пишет М. П. Погодин, — прочесть где-то описание церковного облачения: „рытого малинового бархата по золотому фону с такими же воздухами“. Помилуйте! Ризы употребляются у нас со введения христианства, около тысячи лет, описания их, самые подробные, встречаются во всех памятниках, с древнейших времен, — в „Выходах царских“ или в „Дворцовых разъездах“ вы найдете эти описания на всякой странице, чистым русским языком, без иностранного слова! Если же так давно предки наши умели описать облачения, не прибегая ни к какому *фону*, то нам-то как не стыдно не только не уметь выдумать русского названия, да и не знать старого, простого, ясного? Нам-то как не стыдно терзать русское ухо каким-то *фоном*, которого никакой русский человек понять не может?» (Москвит., 1853, № 6, Смесь, с. 65). Ему вторит другой пурист, скрывшийся за инициалами N. N.: «Недавно издатель „Москвитянина“ заметил тоже чудную фразу: „парча по золотому *фону*“. По-русски говорилось: „по золотой земле“. Но все забыто, и язык составляется вновь!» (Москвит., 1853, № 11, с. 97). Ср. в «Сев. пчеле» Булгарина и Греча: «Неужели почтенный автор не нашел в русском языке слов для выражения своих мыслей? Читаем: „от этого изображения, служащего *фоном* в его картине?“ Что значит этот *фон*?» (№ 243, с. 971).

Юмор и произв. Впервые Ре..ф..ц: «*Юмористика* — своенравность, обычливость»; Слов. 1847: *юмор* («Привлекательная странность ума или нрава; умная, тонкая, сатирическая веселость»); *юморист* («Умный шутник, веселый забавник») и *юмористка*, *юмористический*. Это английское слово (humour) становится популярным в журналистике 30-х гг.[202] Особенно часто употребляет его «Библиотека для чтения», вообще отличавшаяся своим «англофильством» уже в первые годы своего издания. Часто встречается у Белинского, причем здесь (начиная с ранних его статей) юмор впервые истолковывается и как литературно-эстетическая категория. Для первой половины 30-х гг. еще характерны колебания в произношении этого слова (*гумор* и *юмор*), в оформлении относящегося к нему прилагательного (*гумористический—юмористический—юмористический*). Ср. ранние примеры употребления: «Дар насмешливости, которого нельзя назвать *гумором*, нельзя назвать и пламенным негодованием» (Н. Пол., II, с. 468);[203] «[Произведение В. Одоевского «Пестрые сказки»] заключает

---

[202] Ср. замечание Д. [Д. Голохвастова] в статье «Голос в защиту русского языка»: «У нас еще прежде слов: *гуманный*, *рефлексия*, *салон*, принято английское слово *юмор*, особенного рода веселость» (Москвит., 1845, ч. VI, Критика, с. 50).

[203] См. у Смирнова (Зап. вл.) пример на слово *гумор* («в общем смысле характер, темперамент») в явно манерной, насыщенной модной иностранной лексикой

в себе довольно того, что англичане называют *юмором*» (Библ. для чт., 1834, № 5, Критика, с. 33); «неподдельный *юмор* рассказа» (Библ. для чт., 1835, № 1, Критика, с. 7); «Юмористические сцены удаются ему лучше нежных и страстных» (там же, № 2, Смесь, с. 83); «Ветреный волокита.. поспешил поддержать этот неожиданный взрыв юмористики своей соседки» (Брамбеус. Вся женская жизнь в нескольких часах; Библ. для чт., 1834, I, с. 99); «Основной элемент их [повестей В. Ф. Одоевского] составлял дидактизм, а характер — гумор» (Бел., I, с. 275); «В этой сказке виден неподдельный русский юмор» (там же, II, с. 510); «множество юмористических картин и очерков во вкусе г. Гоголя» (там же, I, с. 303); «Историческое ее [русской поэзии] развитие блестит великими именами мощного Державина, народного Крылова, ..юмористического Грибоедова» (там же, IV, с. 26); «Теперь все стараются писать верно натуре, все сделались юмористами» (там же, V, с. 567); «До такой высоты достиг вполне созревший и развившийся талант нашего единственного поэта-юмориста [Гоголя]» (там же, VI, с. 199). О важном для критики Белинского соотношении юмора, как определенного творческого начала, и сатиры, юмора и комической веселости и остроумия см. V, с. 50, 61, 567. Ср.: «Англия — отечество юмора, который теперь более или менее привился ко всем европейским литературам и который составляет могущественнейшее орудие духа отрицания, разрушающего старое и приготовляющего новое. Английский юмор есть искупление национальной английской ограниченности в настоящем и залог ее будущего выхода из ограниченности» (V, с. 645). Как видим, в эстетической концепции Белинского 40-х гг. понятие юмора и юмористического далеко выходило за границы простой шутливости и остроумия.[204] Характерно, что Белинский никогда не употребляет слова эти как прямые синонимы «смешного», а там, где иногда прибегает к такому их заурядному смыслу, отмечает это как элемент не собственного речевого употребления.[205] Но в широком употреблении, которое получили эти слова в русском литературном языке начиная с 40-х гг., они остались прежде всего как выражение легкого насмешливого, шутливого отношения к предмету. Вместе с тем они сохранили и свою связь с кругом эстетической терминологии.

§ 10. Значительная группа слов, заимствованных и закрепившихся в русском литературном языке этого времени, не является в строгом смысле слова терминами. Это слова, выражающие общие отвлеченные понятия, слова, таким образом, преимущественно книжного характера. Подавляющее большинство их имело свои близкие соответствия или синонимы в русском языке. Однако почти все они не только широко представлены уже в литературном языке этого времени (хотя и вызывали подчас резкий отпор со стороны пуристов), но удержались и в дальнейшем, дойдя до современности. Таковы, напр., слова, начинающие свой

фразе из бумаг кн. Куракина. В этом смысле слово известно и некоторым другим источникам XVIII в. (ср. значение лат. humor).

[204] М. Н. Загоскин (в книжке «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского», М., 1848) считал, что *юморист* и *юмористика* вполне заменяются словами *балагур* и *балагурство*. На это рецензент книжки в «Отечественных записках» (1848, № 9, отд. VI, с. 42) замечает: «В основание своего перевода Богдан Ильич берет английский лексикон, который называет юмор особенною способностью ума показывать все в потешном, смешном и шутовском виде. Не лучше ли было бы обратиться прямо к Гоголю, определяющему юмор гораздо глубже и вернее: „способностью смотреть на предметы сквозь зримый миру смех и незримые миру слезы“».

[205] Ср., напр., следующее место, где речь идет о статье Марлинского «Новый русский язык», в шутливой и остроумной форме пародирующей язык купечества: «Не трудитесь перечитывать этой „юмористической“ статейки» (IV, с. 51).

путь в русском языке с 30—40-х гг. XIX в.: *апатия*, *игнорировать*, *иллюзия*, *карьера*, *катастрофа*, *комбинация*, *компрометировать*, *мотив и мотивировать*, *наивный*, *поза*, *реставрация* и *реставрировать*, *ресурсы*, *скандал* и его производные, *специалист*, *спорт*, *туризм*, *турист*, *тривиальный*, *утрировать*, *цитата*, *цитировать*, *шанс*, *эксцентрический*, *энергия* и *энергический*, *эффект* и т. п.

Многие из них сосуществовали и сосуществуют с их собственно русскими соответствиями. Некоторые потеснили или вытеснили из употребления эти первоначальные их синонимы. Побудительные импульсы и причины, в силу действия которых эти слова оказались заимствованными и закрепились в языке, были различными. Их здесь необходимо коснуться.

Несомненно, что очень важную роль сыграли происходившие в это время общие социально-культурные сдвиги в среде говорящих и пишущих на литературном языке, а также изменения отношений между отдельными жанрами литературы и разновидностями литературной речи. Новое поколение интеллигенции, выступившее на авансцену в это время, было далеко от старых пуристических представлений, сводившихся к всемерной охране установившихся норм и стилистической системы литературного языка. Наиболее талантливые и передовые деятели этого времени более заботились о дальнейшем развитии этой системы, о свободе речевого выражения, не скованной устаревшими нормами; они более всего заботились, как мы видели, о богатстве и разнообразии средств выражения, о семантической дифференциации языковых средств, способствующей выявлению различных сторон понятия, различных смысловых оттенков. В этом отношении многие из новозаимствованных слов если и не выражали вполне новых понятий, давали все-таки часто возможность рельефнее выделить и подчеркнуть такие смысловые оттенки, которые только потенциально содержались в значении известных уже русских слов. Характерно, что Белинский, особенно чутко относившийся к вопросу о различном смысловом объеме слов, об определенности выражения понятия в слове, подчеркивал необходимость заимствования не только собственно терминов, но и «общих слов». См. в его рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева указание на недостаток в русском языке таких слов, как *претендовать*, *компрометировать*, *гарантировать*, *варьировать*, *реванш* и т. д. (IX, с. 227). Действительно, с одной стороны, нельзя сказать, чтобы слова *требовать* (*искать чего*), *опозорить*, *обеспечить*, *изменять*, *отплата* (*отмщение*) (все эти слова дает Даль в своем словаре в качестве их ближайших синонимов) и др. под. вообще не выражали того же понятия, что и их заимствованные «двойники», но, с другой стороны, нельзя не признать того, что эти последние являются более узкими, специфичными по своему смыслу и в этом отношении более однозначными и определенными.

Основной средой, в которой появлялись эти новые слова, была публицистика, журналистика вообще. Складывались новые жанры публицистики с их стремлением прежде всего к точному и определенному выражению мысли. Новая журналистика имела постоянно дело с переводами многочисленных произведений французской, немецкой и английской литературы. В процессе перевода, получившего такой широкий размах в эти годы, иностранные слова легко проникали в русскую речь и отслаивались в ней.

Не забудем и того обстоятельства, на которое часто обращали внимание современники, что в разговорном языке интеллигенции этого времени часто мешались в русскую речь слова иноязычные. См., напр., в цитированной рецензии Белинского следующее характерное признание: «Писать по-русски письма — просто мучение: фраза выходит тяжела, пахнет грамматикою и семинариею, обороты неуклюжи. Пишете, мараете

и кончите тем, что сразу напишете по-французски — и выйдет хорошо. Говорить по-русски, не вмешивая фраз и слов французских, очень трудно» (IX, с. 227). Конечно, суждение это преувеличено; оно полемически заострено против пуристов. Конечно, известную роль здесь играла и привычка (привычка к известному «двуязычию» и привычка к старым смысловым контурам русских слов). Но в общем ситуация схвачена верно, и при наличном составе слов русскому языку того времени не всегда хватало точности, гибкости и «светскости» выражения. Письма и другие интимные документы этого времени дают обильные иллюстрации этого свободного и частого обращения к иноязычным словам, особенно французским. Ср., напр., письма и дневники Герцена 30—40-х гг., где так часто встречаются иноязычные слова и в своей исконной форме и в форме внешне русифицированной.[206]

Во многих случаях, как сказано, заимствованные слова оставались на правах свободных конкурентов уже известных русских слов, вступая с ними нередко в сложные и тонкие смысловые и стилистические соотношения. Таковы, напр., отношения между словами *адекватный* и *соответствующий*, *соответственный*, *совпадающий*, *банальный* и *пошлый*, *вульгарный* и *грубый*, *наивный* и *простодушный*, *компенсация* и *возмещение*, *манкировать* и *пренебрегать*, *реабилитировать* и *оправдать*, *нюанс* и *оттенок*, *конфуз* и *смущение*, *норма* и *правило* и т. д. Нетрудно заметить, что здесь синонимичность редко доходила до полного отождествления и что иноязычные по происхождению слова, конкурируя с уже известными русскими словами, получали либо более широкий смысл, либо (что чаще) более узкий, конкретный и специфический, что, во всяком случае, они размежевались по стилистическим признакам и по характерной сочетаемости с другими словами. Можно указать сравнительно небольшой круг слов, которые были (отчасти и остаются) употребительными в языке, но почти или полностью оставались тождественными по смыслу их более обычным и сильным русским синонимам. Ср. *нюанс* и *оттенок*, *консеквентный* и *последовательный*, *фатум* и *рок* и нек. др.

В некоторых случаях, как мы уже говорили, это сосуществование привело либо к сужению употребительности русских синонимов (и соответственно — к их стилистической спецификации), либо к полному устранению их как смысловых соответствий. Ср. отношения между *карьера* и *поприще*, *аплодисменты* и *рукоплескания*. Русские синонимы здесь со временем заняли особое положение слов более «возвышенного» свойства, тогда как их заимствованные двойники стали словами обычными, заурядными, широкими по своей семантико-стилистической характеристике. С другой стороны, первоначальные смысловые отношения между *скандал* и *соблазн*, *скандальный* и *соблазнительный*, *репутация* и *слава* (или *молва*), *экзальтация* и *восторг*, *восторженность* и т. п. оказались либо вовсе порванными, либо надорванными и ослабленными. Понятно, что эти новые отношения между словами, оказавшимися первоначально на положении полных или частичных синонимов, сложились и определились не всегда сразу, эти смысловые и стилистико-фразеологические различия накапливались постепенно, размежевание имело свою

[206] Вот один-два примера из дневников Герцена: «Я гибну, нравственно униженный, флетрированный» (II, с. 278; от франц. flétrir — запятнать); «Они не видят, что fond всему — слабый характер» (II, с. 280); «Чрезвычайно замечательное явление [«История десяти лет» Луи Блана] по взгляду, по изложению и по revelяциям» (II, с. 284; франц. révélation — разоблачение); «Государство разделенное должно иметь центр, связующий его, государя, иначе будет охлократия или régime de terreur» (II, с. 294) и т. п. Если мы вспомним, что слова *фон*, *режим* еще не вошли в это время в наш язык, а слово *разоблачение* еще не приобрело вполне отчетливого переносного значения, — мы не будем особенно удивляться этой чуждой «примеси».

градацию. Ниже мы приведем некоторые сведения по истории отдельных слов этого ряда, наиболее важных и любопытных в семантическом отношении.

Апатия и произв. *Апатия* — есть у Яновск., затем Кир., Д[1], Толль и др.; *апатический, апатичный* — Д[1], Мих. 1865. Ср. у Белинского: «Равнодушный и апатический едет он с женою в дом одной графини» (III, с. 101); «Только одно лицо.. оживляло немного апатический спектакль» (V, с. 499); у Герцена: «Общий недостаток аристократических россказней есть какая-то апатия» (I, с. 68); «Минутами овладевала апатия — тягостная, сонная» (II, с. 263). Ср. следующее замечание пуриста по поводу фразы «совершенно апатично»: «Почему же не *равнодушно*?» (И. Покровский. Памятный листок ошибок; Москвит., 1853, № 15, с. 136). С 60-х гг. очень часто: «Все нетерпеливо ждали [после 1855 г.], желали, просили улучшений, озлобленно кричали против злоупотреблений, проклинали чужую лень и апатию» (Добр., II, с. 124). При близости по смыслу к словам *равнодушие* и *бесстрастие* слово *апатия* и его производные, во-первых, были более сильными по степени выражения этого качества, во-вторых, более психологически и социально ориентированными (противопоставление *активности, энергии*).

Игнорировать. Впервые Мих. 1865: «не знать, не ведать, не хотеть знать»; Д[2] с пометой «слово непозволительное». Первые случаи употребления — в 40-е гг.,[207] достаточно широко — с 60-х гг. Ср.: «[Церковь] считает искусство чуждым себе, науку — игнорирует, все временное — давит» (Герц., II, с. 316); «До сих пор солидные люди нас знать не хотели, или, говоря любимым словом некоторых ученых, „*игнорировали*“» (Добр., VII, с. 397); «На литературу я тоже не могу смотреть глазами „Русского вестника“, т. е. на русскую литературу. Я ее уважаю, а он ее игнорирует (учтивый ученый термин для выражения глубокого презрения)» (А. Григ., Восп., с. 345); «*Игнорировать* настоящее положение дел, не видать и не понимать того, как проводят время царица и трутни» (Писар., II, с. 103); «Народы же, стоящие на низкой ступени развития, игнорируют как прессу, так и ее обстоятельства» (Русск. слово, 1863, № 6, Библиографический листок, с. 36); «Сам Михайло Борисович как-то игнорировал племянника» (Писем., ПСС, XIV, с. 9); «Всякое игнорирование становится невозможным и бессмысленным» (Писар. (Павл.), IV, с. 539); «Я говорил об игнорировании личности» (Чех., Письмо Ал. П. Чехову от 13 мая 1883 г.; XIII, с. 62) и т. д. И здесь отличие от русских синонимов в степени выражения соответствующего действия (ср. «перевод» в цитате из А. Григорьева).

Карьера. Впервые Кир.,[208] Д[1]. Слово изредка употреблялось и ранее, но его широкое распространение берет свое начало в 30—40-х гг. Именно в это время оно становится преобладающим конкурентом слова *поприще*. Ср. замечание пуриста по поводу появления этого слова в языке повести начала 50-х гг.: «Иностранное *карьера* не позволительно употреблять в изящной литературе, разве только, когда это будет собственно технический термин, напр., когда речь идет о цирках, лошадиных бегах и проч. У нас вместо *карьеры* есть свое прекрасное слово: *поприще*, и слово это как нельзя лучше шло бы в приведенном нами месте» (И. Покровский. Памятный листок ошибок; Москвит., 1853, № 6, с. 58). Но слово *карьера* было удобно, во-первых, в силу своей стилистической нейтральности, «терминологичности», во-вторых, оно создавало возможность

[207] Ср. еще в письмах Герцена «Опять в Париже» (1848) как иностранное слово: «[Со времени лионского восстания 1832 г.] вопрос этот [рабочий] ни на минуту не сходил с арены, вольно было отворачиваться от него, не знать его (ignorieren, как говорят немцы); он был тут, как угроза, как угрызение совести» (V, с. 314).

[208] У Яновск. лишь его омоним: «*Кариера*. Каменоломня».

для выражения различных значений, связанных с понятием деятельности человека в обществе и ее хода. Ср. определение этого слова в «Карманном словаре иностранных слов»: «Слово это имеет различные значения. Так называют вообще земное поприще человека, всю жизнь его, со всеми трудами, успехами и неудачами, радостями и горестями; кроме того, под карьерой разумеют известный период деятельности человека, направленной к одной какой-нибудь цели, напр., „воинская карьера этого человека кончилась, настала пора трудов ученых“. Большею же частию под карьерой разумеют достижение какого-то условного благосостояния, упрочение своей особы, обеспечение будущности приобретением почестей и богатства; в этом смысле говорят: избрать, составить, испортить карьеру; блестящая, завидная, ничтожная карьера и т. п.». Ясно, что в последнем употреблении слово *карьера* вообще не совпадало со словом *поприще*. Ср. некоторые примеры из произведений 30—40-х гг.: «В это время он [Гофман] сочинил ужасно много и, наконец, торжественно заключил свою карьеру автобиографией Кота Мурра» (Герц., I, с. 67); «Перед молодым моряком еще живо рисовались блестящие карьеры» (В. Майк., I, с. 225); «Помочь совершить ему даже с достоинством, как говорят в свете, свою карьеру» (Гог., Письмо А. О. Смирновой от 24 декабря 1844; XII, с. 414) и т. п. Но в 30—40-х гг. еще наблюдается неустойчивость в оформлении слова (колебания в роде *карьер* и *карьера*). Ср. Ре..ф..ц: «*Карриер*. Поприще»; в «Мертвых душах» Гоголя: «Оставлять так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник!» (VII, с. 17).[209] С 50-х гг. слово *карьера* уже очень широко употребительно (ср. хотя бы примеры из разных авторов, приводимые в Слов. Акад. 1908). С этого времени форма женского рода уже безусловно господствует; форма мужского рода встречается лишь у отдельных авторов и в явно стилизованных контекстах (см. примеры из Салтыкова-Щедрина и Лескова в указанном словаре). Происходит отчетливое формальное размежевание между словами *карьера—поприще* и *карьер—скачка*. С 60-х гг. слово *карьера* обрастает производными: *карьерный*, *карьеризм*, *карьерист*, *карьеристский* (ср. примеры в указ. словаре).

Компрометировать. Впервые Кир.; затем Д[1]. Белинский, как указано, еще помещает это слово среди тех, которые «как-то не вошли сами в наш язык», но «в значении которых мы не можем не нуждаться» (IX, с. 227). Иное мнение — в «Карманном словаре иностранных слов»: «Глагол, взятый с французского языка (compromettre) и однозначущий с русским срамить. Мы употребляем это иностранное слово без всякой нужды, потому только, что оно кажется нам не так резко, как наше собственное. В сущности сказать: „Эта женщина компрометирует себя своею наглостию“, все равно, что сказать: „Эта женщина срамит себя своею наглостию“». Ср. и замечание И. Покровского по поводу фразы из одной повести («Эти мальчики ужасно выросли; они вас [свою мать] компрометируют»); «Здесь вместо *компрометируют* надобно было сказать: *выставляют вас в неблагоприятном виде*, нужды нет, что несколько слов, зато понятно и по-русски. Если же хотите, то можете выразиться и одним словом, сказав: *выдают* вас» (Москвит., 1853, № 17, Смесь, с. 40). Как видно все-таки из этих рассуждений, вполне близкого, точного и вместе с тем стилистически адекватного синонима этому глаголу не находилось. Во всяком случае, глагол уже постоянно употребляется в 30—40-х гг. Ср. в эти годы и появление префиксальных глаголов для специального выражения совершенного вида *окомпрометировать* и *ском-*

[209] Эта форма преобладала в употреблении более раннего времени. Ср. в комедии Н. Хмельницкого «Воздушные замки» (СПб., 1818): «Ведь надобно ж служа открыть себе карьер» (с. 14).

прометировать. Вот примеры, в том числе и из изданий пуристического направления: «Не мудрено, если она отказывает после своему жениху, бедному чиновнику за то, что он ее *скомпрометировал*» (Сев. пчела, 1838, № 105, с. 418—419; рец. на водевиль П. Каратыгина); «[Карамзин] этою одною фразою ужасно скомпрометирует себя и свои познания перед первым поколением потомства» (Сенковский. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 10); «Романтический поэт почел бы себя совершенно скомпрометированным, если б написал такое, понятное всему миру стихотворение» (В. Майк., I, с. 13—14); «Примирение [с Булгариным и Гречем] не могло не окомпрометировать его [Н. Полевого]» (Бел., IX, с. 692); «[Полиции] хотелось замарать, компрометировать чивику [итальянскую народную стражу]» (Герц., V, с. 256) и т. д.

Поза и произв. Впервые Толль, Д[1] и словари иностранных слов 60-х гг.; *позировать* — Толль и словари иностранных слов 60-х гг. В широком употреблении — начиная с 30—40-х гг. Первоначально в узком значении, связанном с сеансами у художников.[210] Но начиная с 40-х гг. обычно и в расширительном, переносном смысле. Ср.: «Грушницкий успел принять драматическую позу» (Лерм., IV, с. 70); «Любил он иногда позировать и рисоваться» (Вяз., VIII, с. 276); «[Чичиков] попробовал.. принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения» (Гог., VII, с. 106); «Искаженные здания XVII и XVIII века тем же дурны, как и тогдашняя литература — везде эффект, поза, натяжка» (Герц., I, с. 325); «Италия лет двести.. ничего не делала, как будто нарочно давая полное время описывать себя со всех сторон, она изящно позировала — великая куртизана между народами» (Герц., V, с. 253) и т. п.

Пуристы «Москвитянина» еще возражают против употребления этих заимствованных слов,[211] но последние проникают невольно и на страницы этого журнала. Ср. в повести Е. Вельтман «Виктор»: «[Чувство] говорило в ней не театральной мимикой, не красноречивыми позами и жестикуляцией» (Москвит., 1853, № 3, с. 245). Как видно и из только что приведенных примеров, слово *поза* при своем распространении в 40-е гг., в эпоху критики всякой романтической ходульности и эффектничанья, помимо своего прямого значения, получило еще особый смысл: «неискренность выражения, рисовка, расчет на эффект». Это привело к созданию в 60-е гг. иронически окрашенных, порицающих слов *позер* (и *позерка*), *позерство*. Ср. у Тургенева: «Она вся — ложь, она комедиантка, она позерка» (IV, с. 274); «либеральное позерство и фразерство» (В. Буренин. Стрелы. Критические этюды. СПб., 1888, с. 154).

Скандал и произв. Впервые *скандал* — Толль («соблазн, неприличный поступок»); Д[1] («срам, стыд, позор; соблазн, неприличный поступок»); *скандальный*, *скандализировать* — Мих. 1865. Слово *скандал* становится обычным в употреблении не ранее второй половины 40-х гг. Ср.: «По уверению г. Вольта, эта история наделала в большом свете ужасного скандала» (Бел., VIII, с. 200); «Он не боится никакого скандала» (Моск. вед., 1853, № 43, с. 444). В 40-х гг. явились и прилагательные, относящиеся к этому слову: *скандалезный* (первоначально часто; ср. франц. scandaleux, -euse) и *скандальный*. Напр.: «Как только вздумает оно [французское искусство 40-х гг.] коснуться действительного чувства, то переходит тотчас или в сентиментальность или в скандалезный бульварный романчик» (П. А. [Анненков]. Парижские письма; Совр.,

---

[210] Это исходное специальное значение отражают и толкования словарей иностранных слов 60-х гг., особенно при гл. *позировать* (Ср. Угл., Мих. 1865).

[211] Ср. у И. Покровского в «Памятном листке ошибок в русском языке»: «Он *выступил* было бы не хуже, чем *позировал*»; «*Поза* его — по-русски: *телоположение*» (Москвит., 1853, № 21, с. 41).

1847, № 6, с. 228); «Чтоб преступление обратило на себя внимание, надобно, чтоб оно было чудовищно и громко скандально, облито кровью» (Герц., II, с. 78). Ср. замечания пуриста «Москвитянина» о недопустимости слов *скандал* и *скандальный*: «Что за *скандал* и что за приправа сплетней *скандалом*? [212] Не лучше ли бы сказать, безо всякой изысканности: соблазнительных сплетней?» (И. Покровский. Памятный листок ошибок; Москвит., 1853, № 21, с. 41); по поводу фразы *не бояться скандала*: «*Скандал* мог бы здесь удовлетворительно замениться *оглаской*» (там же, № 17, с. 41); «Что за смешное слово *скандальный*? Разве нет у нас своего слова *соблазнительный*?» (там же, № 9, с. 57). Действительно, в том смысле, в каком позднее употребляется слово *скандал*, до 40-х гг. часто встречается слово *соблазн*. Ср.: «Несчастная ссора Тасса с одним из придворных, по имени Маддало, произвела было общий соблазн» (Н. Пол., I, с. 307); у Пушкина в «Евгении Онегине» (гл. 8, XLIV) в словах Татьяны: «Мой позор Теперь бы всеми был замечен, И мог бы в обществе принесть Вам соблазнительную честь» — выражение *соблазнительная честь* в сущности соответствует французскому succès du scandale, т. е. „скандальный успех“».[213] Еще и в 40-х гг. можно встретить рядом новозаимствованное *скандал* и старое *соблазн*: «Скандалы, соблазны и все так замешалось и сплелось с историей Чичикова» (Гог., VII, с. 118). Как мы видели, даже словари 60-х гг. в толкованиях слова *скандал* еще пользуются словом *соблазн*. Но они же вынуждены пользоваться при этом и другими синонимичными словами и выражениями. В литературном употреблении второй половины XIX в. из слова *соблазн* уже вычитаются те специфические смысловые характеристики, которые закрепляются теперь за словом *скандал*. Слово *скандал* специально принимает на себя выражение чего-либо нравственно предосудительного, всякого случая, вызывающего нежелательную огласку, позорящую участников; так же потом в разговорном употреблении и по отношению ко всякой шумной и неприятной сцене, ссоре.[214] За словом *соблазн* остаются лишь общее значение искушения и специфический, старый смысл этого бывшего «славянизма»: «повод ко греху».[215]

Из других производных еще с 40-х гг. начинает употребляться гл. *скандализировать(ся)*, *скандализовать(ся)*, *скандалезность* и *скандальность*; с 60-х гг. — *скандалить*, *скандалист*. Ср. хотя бы следующие примеры: «При появлении этого журнала многие литераторы были скандализированы тем, что он платит своим сотрудникам» (Бел., VIII, с. 564); «Русские женщины совершенно подчиняются этому взгляду [о силе мужчины и слабости женщины] и даже скандализуются всем, что с тем

---

[212] Имеется в виду фраза из «Отечественных записок» (1853, № 7, с. 53): «Обильный запас сплетней, сильно приправленных скандалом», — *Ю. С.*

[213] См. об этом месте у Белинского: «Основная мысль упреков Татьяны состоит в убеждении, что Онегин потому только не полюбил ее тогда, что в этом не было для него очарования соблазна; а теперь приводит к ее ногам жажда скандалезной славы» (VII, с. 499). Другие примеры такого употребления слов *соблазн* и *соблазнительный* см. в Слов. яз. Пушкина.

[214] Ср. у Б. Маркевича: «Пред ним мгновенно блеснуло далекое воспоминание: темная летняя ночь в богатой усадьбе Шастуновых, полусумасшедшая старая дева, влюбленная в этого самого Владимира Петровича, беседка в саду, „скандал“» (VI, с. 164).

[215] О том, что слово *скандал* еще не закрепилось окончательно в середине XIX в. в лексической системе литературного языка, свидетельствуют также колебания в его форме. Изредка встречается в текстах этого времени его иной фонетический вариант, свидетельствующий о влиянии немецкой речи: *шкандал*. Ср.: «Всякое недобровольное переселение [крестьян].. сделалось невозможным без вопиющего насилия и шкандала на всю губернию» (Л. Оптухин [И. В. Павлов]. Восток и Запад в русской литературе. Моск. вестн., 1859, № 4 и 5, с. 56); «Совершенное почти отсутствие шкандального элемента» (его же, Заметка о лихоимстве и гласности; Моск. вестн., 1859, № 50, с. 641).

несогласно» (В. Майк., I, с. 95); «„Физиология обыденной жизни“ Льюиса, или „Иллюстрированная жизнь животных“ Брэма, или „Растение“ Шлейдена появились на письменном столике светской барыни рядом с романами Понсон-дю Террайля и историческими скандальностями Капфига» (Писар. (Павл.), V, с. 565); «А оскандалить перед целым светом своих родителей вам ни по чем» (В. Авенариус. Поветрие; Всемирный труд, 1867, № 3, с. 32); «Черная доска, на которую к концу каждого месяца записывается по крайней мере один скандалист, осталась на этот раз чистою» (С. Шашков. Биржевые вакханалии в Германии; Дело, 1876, № 12, с. 44).

Спорт и произв. Впервые Толль: *Спорт* («собств. зн. игра, увеселение: но обыкновенно под этим именем разумеют охоту, конские скачки и т. п.»), *спортсмен*; также словари иностранных слов 60-х гг. (Угл., Мих. 1865 и др.). Начинает употребляться во второй половине 40-х гг. Ср. в «Москвитянине» за 1850 г.: «Спорт иностранный и русский» (№ 9, отд. VI, с. 19). Сперва бытует более как слово «экзотическое», прилагаемое преимущественно к английским условиям и, особенно, когда речь идет о скачках. Ср.: «3-го апреля спорт протрубил открытие скачек с препятствиями» (Москвит., 1853, № 8, Заграничные известия, с. 153); «День борьбы назначен: High life боксеров и денди спорта собрались в залу Монтсенье» (там же, № 10, с. 29). Во второй половине XIX в. уже в общем широком смысле. Ср.: «В деле спорта ему не было равного» (Евг. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 11, с. 53); «Граф.. с видом опытного спортсмена схватил вожжи и стегнул по лошадям бичом» (Орловск., I, с. 177).

Третировать. Впервые Мих. 1865 и Бурд.: «То же, что трактовать»; Толль: *третирование* («То же, что трактование»); Мих. 1865: «*Третирование.* Обхождение»; Д²: «*Третировать* кого как, франц. обходиться, обращаться с кем». Начинает употребляться с конца 40-х гг., и при этом первоначально в том же общем смысле, как и франц. traiter. Ср. ироническое замечание критика «Москвитянина» по поводу употребления этого слова: «Вообще говоря, „Отечественные записки“, если не сделали шага вперед в своем ремесле, то и не отступили назад. А не лучше ли бы им было *третировать* Писемского? (Посмотрите «Отечественные записки», как легко ваше оружие). Новое слово и здесь к чему-то приклеено и вставлено курсивом. Ухитрятся же приклеивать его в каждой книге!» (1853, № 17, Журналистика, с. 12). Но уже очень скоро гл. *третировать* получает более специфическое, суженное и «ухудшенное» осмысление, являясь в контекстах, где речь идет о пренебрежительном, высокомерном отношении. Ср.: «Думаешь, что девочка, при ее уме, не понимает твоего желания третировать ее как ребенка» (Бобор., III, с. 43); «Свысока третировал.. проявления рационализма» (там же, с. 73); «Здесь ни за что, ни про что третируют порядочного человека как порядочного негодяя» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 8, с. 33); «Знаю я и автора, и его друзей, которых он нещадно третирует» (Чех., Письмо к Н. А. Лейкину от 30 января 1884; XIII, с. 90) и т. д.

Турист. Впервые Ре..ф..ц: «Англичанин, путешествующий вокруг света»; Толль: «Слово, возникшее в новейшие времена и означающее людей, путешествующих для рассеяния и для ученой цели»; в словарях иностранных слов 60-х гг. с общим толкованием: «путешественник». История слова аналогична истории слова *спорт*, т. е. и здесь путь от первоначальной «экзотичности» (ср. определение у Ре .. ф .. ца) к обобщенному смыслу. Так уже в 40-х гг.: «С тех пор [с момента выхода «Поездки в Германию»] и до сего времени он [Греч] по преимуществу турист» (Бел., IX, с. 261); «Надобно признаться, для праздного человека нет лучше жизни, чем жизнь туриста» (Герц., V, с. 15); «Наши туристы

ежегодно разъезжают по Европе» (Сев. пчела, 1856, № 253, с. 1277) и т. д.

Любопытны следующие замечания в очерке Н. Ливенского «Туристы вообще и особенно русские»: «Туристы — явление нового времени.. Ездить.. в гости не значит быть туристом. Турист не путешествует, как и Василий Иванович не путешествует: один едет просто в Мордасы, другой едет просто во Францию или Италию. Впрочем, не все народы одинаково рождены быть туристами.. Где же собственно туристы? спросят меня. Слово *туризм*, как и слово *комфорт*, происхождения английского. Это почти синонимы. Заграничные прогулки без комфорта и комфорт без туризма невозможны: они пополняют друг друга» (Отеч. зап., 1859, № 3, с. 1—2).

Утрировать. Впервые словари иностранных слов 60-х гг.; Гейзе: *утрировка*; Толль: «*утрированный* — преувеличенный»; Д[1]. Начинает употребляться с 30-х гг., несмотря на замечания о ненужности, идущие не только со стороны пуристов.[216] Ср.: «Эти господа утрируют все, даже самую роскошь и делают из своих покоев настоящие магазины» (Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах; Библ. для чт., 1834, I, с. 66); «Утрированные характеры прежних романов [Э. Сю]» (В. Майк., I, с. 231); «Он вообще был расположен утрировать людей и вещи» (Черн., XII, с. 39) и мн. др.

Это редкий пример слова, которое, несмотря на стойкие сомнения в необходимости его усвоения и при отсутствии сколько-нибудь очевидной дифференциации его по значению с русским синонимом, оказалось однако очень устойчивым в употреблении.

Цитата, цитировать. *Цитата* — словари иностранных слов 1860-х гг., Толль; Д[1]: м. р. *цитат*, *цитировать* (и *цитовать*), *цитированье*, *цитовка* и *цитация*; Толль: *цитирование*. Слова эти начинают встречаться с 20-х гг. XIX в., но закрепляются в употреблении не ранее 30—40-х гг. На это указывает первоначальная пестрота в оформлении их, в которой отражается, в частности, зависимость от языка-источника: «Он [русский «классик»] должен *цитоваться*» (Н. Пол., II, с. 286); «Я ситировал фразу из „Московского телеграфа“ (N. N. Горе от «Московского телеграфа»; Сев. пчела, 1825, № 80, с. 4); «Я не люблю цитатов» (А. Хомяков. О возможности русской художественной школы; цит. по Бел., X, с. 200).[217]

Энергия, энергический (энергичный). Ре .. ф .. ц: «*Энергия*. Сила, важность»; Толль: «*Энергия* — сила характера, способная к высшей степени напряжения. *Энергический*, *энергичный* — одаренный сильным характером, полный жизни, огня»; также Д[1] и словари иностранных слов 60-х гг. Эпизодически встречались и ранее изучаемого времени (ср., напр., в рассуждении Радищева «О человеке»), но особенный размах употребление получило с начала 30-х гг. Ср. примеры употребления этих слов у Пушкина, все относящиеся к прозе его 30-х гг. См. замечание И. Покровского по поводу одной повести: «Это *энергичнее* так и вязнет

---

[216] См. у Белинского: «Ничего не может быть нелепее и диче, как употребление слова „утрировать“ вместо „преувеличивать“» (X, с. 282). Но см. несколько ранее неоднократно и у него же: «Многим характер Хлестакова кажется резок, *утрирован*, если можно так выразиться» (III, с. 464); «Смешить публику должно естественным воспроизведением характера, созданного поэтом, а не утрированием характера» (VI, с. 662); «Это тоже была бы живая природа, а не утрировка» (II, с. 479). Ср. замечание И. Покровского: «*Чересчурие* — на модном языке: *утрированность*» (Москвит., 1853, № 5, с. 22).

[217] Еще в «Северной пчеле» за 1852 г. по поводу гл. *цитировать* встречаем такую реплику: «В старину так не говорили и не писали. Ужели в русском языке нет равносильного слова citer, citation, т. е. ссылаться на что-нибудь, ссылка, упоминать, приводить?» (Ф. Б. Заметки, выписки и корреспонденции; 1852, № 78, с. 309).

в зубах!» (Москв., 1853, № 21, с. 40). Примеры на употребление этих слов в 30—40-е и последующие годы чрезвычайно многочисленны. С начала своего употребления слово *энергия* вступило в тесные синонимические отношения со словом *сила*; часто они выступают в неразрывном сцеплении. Ср.: «Входя в театр смотреть Расина, .. вы входите в иной мир,.. имеющий и свою силу, свою энергию, и высокое изящество в своих пределах» (Герц., V, с. 51); «Такой брак, который увеличивает силу и энергию работника, называется на языке реалиста полезным, благоразумным и счастливым» (Писар., III, с. 84) и т. п. С самого начала в этой смысловой соотнесенности слов *сила* и *энергия* устанавливается следующая характерная грань: *энергия* долгое время исключительно относится к выражению силы характера, к лицу (ср. ее определения в словарях 1860-х гг.) и не употребляется по отношению к явлениям мира природы, к физическим силам. Лишь в последние десятилетия XIX в. в связи с развитием физических представлений и развитием представлений об энергии как основном свойстве материи мы находим и первые примеры иного приложения слова *энергия*. Ср.: «[Солнце] также тратит энергию, посылая ее в окружающую среду» (Сев. вестн., 1886, № 6, отд. 2, с. 166); «Мы теперь только понемногу освобождаем энергию, накопленную жизнью миллионы лет назад и отложившуюся в форме каменного угля» (там же, с. 167). След этого старого семантического ограничения слова *энергия* и до сих пор остается на производном от него прилагательном *энергический* (*энергичный*). XX в. вводит прил. *энергетический*, уже связанное с новым значением слова *энергия*, как и сущ. *энергетика*.

* * *

Сравнительно со словами отвлеченного значения, строго терминологизированного и общего характера, круг предметно-бытовой номенклатуры, усвоенной русским языком с этого времени, относительно невелик. В этом соотношении одно из характерных отличий заимствований этих лет от заимствований второй половины XVIII в. Ср. *ажур*, *блондин*, *бульдог*, *бутерброд*, *вальдшнеп*, *веранда*, *винегрет*, *витрина*, *декольте*, *клумба*, *комфорт*, *корсаж*, *крем*, *макинтош*, *мансарда*, *муар*, *одеколон*, *пальто*,[218] *пахитоса* (*папироса*), *пеньюар*, *плед*, *плюш*, *пони*, *портьера*, *раут*, *реклама*, *сак*, *фат*, *флакон*, *шатен*, *экран*. Почти все эти слова впервые из общих толковых словарей объясняются в словаре Даля.

Необычайно модным, «светским» словом стало с 40-х гг. слово *шик*.[219] См. о нем фельетон Я. Я. Я. [Л. Бранта] в «Северной пчеле» (1847, № 190, с. 759), где указывается, что первым в печати его решился употребить А. Н. Майков в рассказе «Петербургская весна». В фельетоне более позднего времени (Письмо к Е. К. П. о слове *шик*; Живоп. русск. библ., 1856, № 11, с. 87—88) говорится уже о том, что это слово в светском кругу употребляется беспрестанно и повсеместно «вообще всею русскою образованною молодежью». Здесь же указывается и на ряд производных от него: *шикар* (*шикарь*), *шиковский* («У Елизаветы Федоровны квартира шиковская»). Отметим, что колебания в образовании прилагательного (*шиковской*, *шикарный*, *шикозный*) охватывают и более позднее время.

---

[218] Ср. ряд заметок о слове *пальто*, его происхождении и истории самой одежды в газетах и журналах 1840-х гг. (Галатея, 1840, № 12, с. 220; Моск. вед., 1842, № 6, с. 42 («Ныне пальто... соделался, — говорится здесь, — модною одеждою»).

[219] *Шик* наряду со словами *фат*, *изолировал*, *интервал*, *интонация* и др. отмечается в заметке из журнала «Сын отечества» (1850, № 4, Смесь, с. 104) как «существующее в печати».

Относительно невелик круг и технических терминов, укореняющихся в языке с этого времени. Ср. группу слов, связанных с железнодорожным транспортом: *вагон*, *локомотив*, *рельс*,[220] *шпала*. Ср. также: *аппарат*, *вентиль*, *цистерна* и нек. др.

Из экономических и финансовых терминов отметим *бюджет*,[221] *брак*, *гарантия*, *рента*, *суррогат*, *фермер* и нек. др.; из медицинских: *малярия*, *маньяк*, *идиот*[222] (последние два получают очень широкое распространение) и т. д.

§ 11. Вторая волна заимствования иноязычных слов падает на 60—70-е гг. XIX в. В некоторых отношениях этот период существенно отличается от времени «первой волны», т. е. 30—40-х гг.

По общему числу новозаимствованных элементов он несколько уступает 30—40-м гг. Но зато именно на это время падает, как уже указывалось выше, широкое распространение в речевом употреблении слов, заимствованных в предыдущий период, и во многих случаях их окончательная ассимиляция в русском языке. Естественно, что особенно широко представлены эти слова в языке публицистики, журнальной и газетной прозы, но многие из них проникают и в другие жанры и стили речи, в язык художественной прозы, даже поэзии; усвоены они, насколько можно судить по разным отражениям в литературе того времени, и разговорной речью интеллигенции. С этим связано и то, что ряд иностранных слов, которые раньше проникали в русскую речь в своем первообразном виде, теперь русифицируются и передаются средствами русской графики (ср. *меню*, *режим* и т. п.). Постепенно устраняются колебания в звуковом и грамматическом оформлении ряда слов — явление, прямо указывающее на усвоение их русским языком.

Теоретически в это время вопрос о заимствованиях можно считать уже решенным. Явно затухает та резкая полемика, которая велась вокруг признания необходимости заимствований в 30—40-е гг. У большинства пишущей и читающей публики это, в сущности, уже не вызывало сомнений. Лишь сравнительно ограниченный круг консервативных пуристов продолжает мечтать об искоренении заимствованных слов из русского языка и формально возражает против всяких новых заимствований, представляя этот процесс как стихийное бедствие, грозящее утратой самостоятельности нашего литературного языка.[223] Это, естественно,

---

[220] При первом появлении живого интереса в журналистике к новому виду транспорта (с середины 30-х гг.) встречаем еще попытки обозначить эти новые предметы русскими словами. Ср. в статье о царскосельской железной дороге (в «Северной пчеле» за 1838 г., № 98, с. 390) в значении «вагон» — *карета*, *экипаж* (чему способствовал и первоначальный вид их); в статье «Чугунные дороги» (Библ. для чт., 1835, № 2, с. 111—112): «Двойные колеи между Лионом и Сент-Этьеном существуют только на шестидесяти верстах..; но и здесь дорога эта неспособна для слишком тяжелых обозов, потому что чугунные полосы довольно тонки». Но ср. запись в дневнике А. В. Никитенко от 21 мая 1839 г.: «Прогулка по железной дороге в Павловск.. Два вагона соскочили с рельсов» (I, с. 208).

[221] Ре..ф..ц *бюджет* (там оно дано в форме *буджет*) еще толкует узко: «В Англии: расписание приходов и расходов, которое представляет министр финансов ежегодно в Парламент на утверждение». Но уже в начале 40-х гг. находим не только распространительное, но и образное употребление этого слова. Ср.: «Годовой бюджет нашей бедной литературы» (Бел., IV, с. 126). Об этом слове см. также Веселитск., с. 65—66.

[222] Встретив в двух повестях слово *идиот*, И. Покровский решительно возражал против его употребления: *«Идиот!* Скажите же, чем не хорошо русское слово *слабоумный*?» (Москвит., 1853, № 9, Смесь, с. 57; ср. также № 21, с. 41). Но оно проникало и в текст самого «Москвитянина». Ср.: «В Эрльсвуде.. основано недавно новое благотворительное заведение: больница бессмысленных (идиотов, глупорожденных)» (1853, № 17, Современные известия, с. 21).

[223] Таковы позиции В. И. Даля. Таков смысл нескольких полемических брошюр и памфлетов, появившихся в это время и позднее; напр.: Н. Б. [Безобразов]. Письмо из страны далекой Н. И. Гречу с утр-томбною сенсацией.. (СПб., 1862):

не отменяло другого направления борьбы, — с излишествами в употреблении иностранных слов, с их злоупотреблением, с излишней падкостью прессы, особенно либеральной, к употреблению иностранных слов без надобности. Но это сливалось с общим направлением борьбы против превращения языка интеллигенции в своего рода книжный жаргон, с борьбой против либеральной фразеологии, часто прикрывавшей ограниченность своей мысли и своих намерений модными и неопределенными словами, с борьбой против квазиученого стиля за истинно популярное изложение.

С семасиологической стороны круг заимствований 60—70-х гг. также в некоторых отношениях отличается от заимствований предшествующей поры. Среди заимствований этого времени следует прежде всего отметить круг слов, отражающих явления нового социального уклада, развитие в России капиталистических отношений. Здесь выдвигается довольно обширный ряд терминов, связанных со сферой государственного управления. Они были вызваны к жизни, с одной стороны, всем ходом буржуазных реформ 60-х гг., особенно в области судопроизводства, с другой, — усилением роли бюрократической верхушки в ходе подготовки и проведения этих реформ.

Значительна группа всякого рода «технических слов», заимствуемых в эту эпоху. Развитие естествознания и популяризация естественнонаучных знаний, которой придавало такое важное значение и демократическое направление в журналистике того времени, привели к внедрению в русский язык ряда естественнонаучных терминов — биологических и медицинских прежде всего. Развитие промышленности, торговли, финансов, системы кредита ввело в русский язык ряд новых заимствованных терминов и номенклатурных обозначений. Развитие буржуазных отношений в быту господствующих классов также популяризовало ряд новых слов, позаимствованных из французского или (реже) английского языка.

В этом заметном преобладании среди заимствованных в данное время слов специальных терминов — существенное отличие от круга заимствований 30—40-х гг. Важно здесь отметить, что многие из этих новых «технических слов» нередко уже в момент своего усвоения получали и расширительное значение, входили необходимыми элементами в новую книжную фразеологию. Ниже мы дадим краткую характеристику заимствований 60—70-х гг. по этим основным семантическим группам, а также приведем некоторые интересные подробности из истории наиболее важных слов.

В 60—70-х гг. круг общественно-политической терминологии пополняется за счет следующих важных по своему значению заимствованных

А. Б. [А. Ф. Бычков?] Отчего? зачем? и почему? (СПб., 1889); Н. Г. Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке (СПб., 1890) и нек. др. Эти полемические брошюрки и памфлеты даже не вызывают внимания к себе со стороны «большой прессы». Полемические статьи на эту тему почти исчезают со страниц наиболее популярных журналов и перекочевывают в специальные филологические издания («Записки II отд. имп. АН», «Филологические записки» и т. п.). Исключение составляют лишь органы славянофильской печати (напр., газета «День» И. Аксакова). По-прежнему непримиримую позицию к новым заимствованиям занимает М. Погодин.

В № 8 газеты «Киевлянин» за 1879 г. было опубликовано письмо П. А. Вяземского М. А. Максимовичу от 22 августа 1868 г., где иронически говорилось о том, что Погодин «помешался на переводе» иностранных слов. К этому месту издатель газеты сделал характерное примечание: «Погодин терпеть не мог иностранных слов, даже общеизвестных, вроде „факта“, „шоссе“ и часто говаривал: „Ну, возьмите «Историю» Карамзина, — в ней ли, кажется, не быть фактам? А между тем найдите мне в ней хоть одно это поганое «факт». Ну, найдите! Я вам по червонцу заплачу за каждую находку“». Цена неприязни Погодина тем более высокая, что, как известно, он отличался скупостью!

слов: *агитация*, *агитатор*, *альтруизм*, *вотировать*, *деморализация*, *инициатива*, *интеллигент*, *интеллигентный*, *интернационал*, *клерикализм*, *коллективный*, *конспирация*, *конституционализм*, *кооперативный*, *легальный* (*нелегальный*), *лояльный*, *манифестация*, *милитаризм*, *митинг*, *парламентаризм*, *петиция*, *плебисцит*, *плутократия*, *регресс*, *ренегат*, *репрессалия*, *репрессивный*, *ретроград*, *санкция*, *социал-демократ*, *социология*, *фракция*, *шовинизм*, *экспроприация*. Почти все эти слова отсутствуют в первом издании словаря Даля (исключение: *инициатива*, *прокламация*, *ренегат*).[224] Некоторые из них отсутствуют даже у Толля и в словарях иностранных слов 60-х гг. Только немногие из этих слов можно встретить в произведениях конца 40-х гг., но при этом по преимуществу в контекстах, посвященных политической жизни Запада (ср. *агитатор*, *вотировать*, *прокламация* — у Герцена в «Письмах из Франции и Италии»). В 60—70-х гг. они становятся общеизвестными, употребительными у писателей разных направлений.

Агитация, агитатор. Толль: *агитация*, *агитатор*, *агитировать*; Бурд.: *агитация*, *агитатор*; Д[2]: *агитация*, *агитатор*. Слова эти изредка являются в печати начиная с конца 40-х гг., но исключительно в корреспонденциях из-за границы. Ср., напр.: «Эти прения [в английском парламенте] создадут лигу..., которая признает «Times» своим агитатором» (Москвит., 1853, № 19, Заграничные известия, с. 74).[225] В 60-е гг. с развитием первой революционной ситуации они входят в общее употребление. Ср.: «Две такие вещи, как тайная пропаганда книг и явная или полуявная агитация, несовместимы» (Герц. (Лемке), XI, с. 342); «Попробуйте уж вашу агитацию — так ведь это, кажется, называется теперь в газетах? — начать с других уездов или губерний» (Маркев., IX, с. 178); «[Враги Суровцева], конечно, трубили о нем, как о каком-то агитаторе, разжигателе сословной вражды, вредном теоретике, либерале» (Е. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 10, с. 107); «За постоянные заседания секций стоял в национальном собрании Робеспьер; в городе агитировал в том же направлении Дантон» (Писар. (Павл.), III, с. 209)).[226]

Естественно, что подцензурные словари 60-х гг. определяют эти слова с официальной точки зрения, очень неполно и неточно.[227]

Вотировать. Мих. 1865; Д[2]: «*вотировать* — подавать голос за и против чего»; у Толля в Прилож. к словарю (1866) дается *вотирование* с отсылкой к статье «Подача голосов» (III; 1864), где это слово стоит последним в ряду синонимов: *подача голосов*, *голосование*. История этого слова находится в тесном отношении к истории других синонимов, иноязычного происхождения или образованных на русской почве: *баллотировать*, *подавать голоса*, *голосовать*. Здесь мы кратко коснемся вопроса о соотношении всех этих слов и выражений в ходе развития русского литературного языка.

---

[224] Во втором издании его являются *агитация* и *агитатор*, *вотировать*, *легальный* (*-ость*), *лояльный*, *петиция*, *репрессалия*, *репрессивный*, *ретроград*, *ретроградный*, *экспроприация*.

[225] Как признак недавнего заимствования можно отметить встречающиеся у людей старшего поколения колебания в форме, а также семантическую неразграниченность между формами *агитация* и *ажитация*. Ср. в письме И. П. Липранди к А. К. Гердерштерну от 22 июня 1861 г.: «Ажитаторы ищут воспалять их [страсти в обществе]» (цит. по изд.: Герц. (Лемке), XI, с. 199); «За пять минут до окончания урока [учитель Белогорячкин] приходил в какую-то агитацию и начинал сильно бегать по классу» (Г. Потанин. Уездное училище; Русск. слово, 1865, № 3, с. 2).

[226] Ср. также *агитаторствовать*: «Вы меня за агитатора что ли принимаете? — возразил он [Извоев]. — Нет, где вам агитаторствовать» (Авсеенко, I, с. 104).

[227] Даже в прогрессивном Словаре Ф. Толля *агитация* лишь кратко объясняется как «волнение, беспокойство», а *агитатор* как «возмутитель, бунтовщик».

Наиболее ранними, утвердившимися еще в XVIII в. выражениями для передачи голосования на выборах были *баллотировать*,[228] *баллотирование*, *баллотировка* и *подавать голоса*, *подача голосов*. Но *баллотировать* и *баллотировка* не охватывали всех способов избрания голосами избирателей; они обозначали лишь тайное голосование, первоначально — путем опускания в ящик шаров белых или черных. Уже с конца XVIII—начала XIX в. является выражение *собирать* или *подавать голоса* для обозначения процесса выборов, избрания путем опроса участников собрания. Ср. в «Вестнике Европы» Карамзина: «По случаю собирания голосов для выбора Бонапарта на всю жизнь в консулы известный генерал Лафайет написал к нему письмо» (1802, IV, Смесь, с. 327—328); «Парламент [в Англии] позволяет себе продолжать свои заседания и в непозволенные часы, как это случилось при последнем собирании голосов против кабинета министров» (Москвит., 1853, № 3, Заграничные известия, с. 70). Сочетание *подача голосов* устойчиво употреблялось как основной термин для обозначения выборов голосованием вплоть до 60—70-х гг.[229] Ср.: «Реакционные, бонапартистские, умеренные и стоящие за версальское правительство органы прессы выставили свои воззвания, в которых советовали парижскому народу воздерживаться от подачи голосов» (Дело, 1871, № 5, Политическая и общественная хроника, с 77). Ср. также *всеобщая*, *общая* (или *поголовная*) *подача голосов* для обозначения всеобщих выборов, всеобщего избирательного права, suffrage universel: «Всеобщая подача голосов в Женеве» (Голос, 1864, № 245, с. 3); «Города размежеваны на отрезки, которые приклеиваются с грехом пополам к значительным, прилагающим к ним сельским пространствам; это называется уравновешивать общую подачу голосов (équilibrer le suffrage universel)» (Ж. Лефрень [Э. Реклю]. Политическая и общественная хроника; Дело, 1869, № 6, с. 64); «Речь г. Гладстона о поголовной подаче голосов.. произвела сильное впечатление» (Голос, 1864, № 207, с. 3). Наряду с этим в русской печати 50—60-х гг. часто выступает и сам французский термин без перевода. Ср.: «Да, это деспотизм конца, он только разрушает, убивая вместе и революцию и традицию; убивая, наконец, suffrage universel самим избранником» (Герц., XIV, с. 114); «Напрасно партия гг. Монталамбера и Беррье кичится пред „глупой толпой“, которая при своем suffrage universel может делать только глупости» (Добр., III, с. 426).[230]

Термины *вотировать*, *вотирование* (ср. франц. voter) наряду с указанными русскими переводами (*подавать голоса*, *подача голосов*) стали впервые появляться на страницах русской печати не ранее конца 40-х гг. и распространились в употреблении с 60-х гг. Ср. в «Письмах из Avenue Marigny» Герцена (V, с. 240): *вотирование*, *вотировать*; ср. также: «Дворянство и духовенство [в Генеральных штатах 1789 г.] хотели вотировать отдельно.. Буржуазия упорно противилась отдельному вотированию» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1862, № 4, с. 10—11); «В Уисконсине обе палаты.. вотировали распространение избирательного права на граждан двух полов» (Ж. Лефрень. Политическая хроника; Дело, 1869, № 4, с. 139); «Я вотировать за такое предложение просто считаю для себя делом законопреступным» (Писем., ПСС, XIV, с. 13) и т. п.

Глубокий и острый интерес к формам и правилам демократического управления, в частности к избирательному праву в России 60—70-х гг., не только способствовал распространению в широкой интеллигентной

[228] *Баллотировать* относится еще к заимствованиям петровской поры. Ср. его в «Генеральном регламенте», 1720 (ПСЗ, т. VI, № 3538, с. 160). Ср. его у Нордстета, Яновск., в Слов. 1847.

[229] Ср. соотношение этих терминов у Толля.

[230] Ср. в той же статье: «неуважение права всеобщей подачи голосов» (с. 419).

среде терминов *подавать голос* и *вотировать*, но вызвал к жизни и новые образования *голосование* и *голосовать*.[231] Термин *голосование* явился на сцену около середины 60-х г. и не сразу получил общее признание. Гл. *голосовать* («подавать голоса, вотировать») впервые отмечен в Прибавлении 8 к т. II первого издания словаря Даля (1865), а затем включен во второе издание т. I этого словаря («что, кого решать, избирать перевесом голосов, шаровать, баллотировать, пускать на голоса») вместе со своими производными *голосоваться* и *голосованье*. Я. Грот приводит *голосование* как пример обогащения русской речи последнего времени за счет нового образования слов (Филолог. разыск., I, с. 18).

В статье «Дж. Ст. Милль» (Русск. слово, 1863, № 9) Г. Е. Благосветлов пишет по поводу перевода сочинения Милля «О представительном правлении», сделанного О. Белозерским и вышедшего в том же году: «У переводчика есть претензия вводить новые технические термины, как, напр., *право голосования*; но такие нововведения крайне неудачны. *Голосование* происходит от слова *голосить*, а голосить по-русски вовсе не значит то же, что *подавать голос*» (с. 20). Таким образом, термин *голосование* явился впервые в практике перевода как новый синоним сущ. *вотирование* и выражения *подача голосов*. Нет никаких оснований ставить это новообразование в связь с народным *голосить*, как это делал Благосветлов, или видеть в нем перенос на литературную почву и переосмысление в новой среде диалектных (или точнее — украинских и белорусских) *голосовать* и *голосование*,[232] как думает в указанной статье В. В. Виноградов. Это несомненно самостоятельное образование на почве литературной речи от сущ. *голос*, которое тем легче могло явиться, что слово *голос* уже прочно получило в общественно-политической терминологии того времени особое осмысление («выражение мнения при обсуждении или выборе чего-, кого-либо»), по аналогии к словам *вотирование*, *баллотирование*.

В языке второй половины 60—70-х гг. новый термин начинает постепенно усваиваться и употребляться наряду со старыми. Ср., напр.: «При условиях принятого Европой голосования [в суде присяжных] математическая вероятность всегда на стороне обвинения» (Н. Р. [Шелгунов]. Юридические софизмы; Дело, 1869, № 6, с. 171); «Ведь и в Пруссии так называемое широкое образование народа не спасло бы этого народа от вредных последствий такого фальшивого принципа, как suffrage universel, если бы она пережила то, что пережито Францией, и если бы прусская конституция допускала что-нибудь похожее на всенародное голосование» (Дело, 1871, № 6, Новые книги, с. 87); «Вопросы о мире и войне должны решаться общенародным голосованием; лица, вотировавшие за мир, не могут быть привлекаемы к отправлению военной службы» (там же, 1875, № 7, Научная хроника, с. 38); «Дожа обступили, крича: „На голоса! На голоса!“ И среди этой сумятицы началось голосование.. После подачи голосов все спешили разбежаться» (И. Ньево. Исповедь старика [перевод]; там же, № 8, с. 53) и т. д.

Интересно отметить, что сущ. *голосование* явилось, видимо, ранее самого гл. *голосовать* и входило в употребление легче, чем самый глагол. Во всяком случае, нам практически не встретилось случаев употребления гл. *голосовать* ранее 70-х гг. Ср. в драме Писемского «Просвещенное время» (первая публикация — Русск. вестн., 1875): «[Прихвостнев]

---

[231] См. об истории этих слов: В. В. Виноградов. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии (ИАН ОЛЯ, т. XII, 1953, вып. 3, с. 195).

[232] Ср.: «*Юж. зап.* — о голосе — раздаваться, разливаться» (с цитатой из украинской народн. песни); также И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, с. 117.

Г. директор, я просил бы вас настоящее ваше предложение голосовать, чтоб узнать мнение большинства» (Писем., ПСС, XXIII, с. 448).

К концу XIX—началу XX в. слово *голосование* уже явно преобладает над терминами *вотирование* и *подача голосов*.[233]

Инициатива. Впервые Толль (с истолкованием сочетания *инициатива законодательства*); Д[1], Мих. 1865, Бурд.; производных *инициативный* и *инициатор* не дает даже Мих. 1898. Изредка является в текстах 40-х гг. Ср. у Герцена (в дневнике 1843 г.): «А разве при развитии идеи права не стесняется самодержавная воля деспота..? Франции принадлежит великая инициатива этого переворота» (II, с. 289); «[Английская революция XVII в.] далека от всеобъемлющего характера французской, она боится инициативы» (II, с. 291). Но даже «Карманный словарь иностранных слов» петрашевцев не включает этого слова. Ср. возмущенное замечание Булгарина по поводу этого слова, встретившегося среди других новых слов в «Отечественных записках» (Сев. пчела, 1852, № 72, с. 287).

После Крымской войны, в обстановке вызревания революционной ситуации и подготовки реформ, *инициатива* уже на устах у многих как слово явно выраженного общественно-политического характера. *Инициатива, активность* в прогрессивной литературе постоянно противопоставляются, — как качества особенно теперь необходимые и в общественной, и в личной жизни, во всех сферах деятельности лица или общества, — *пассивности, застою, инерции*.[234] Ср. у Добролюбова: «„Естественная человеку инерция“ признается уже каким-то отрицательным качеством, вроде способности воды замерзать; напротив, на первом плане стоит теперь *инициатива*, т. е. способность человека самостоятельно самому по себе браться за дело, — и о достоинствах человека судят уже по степени присутствия в нем инициативы и по ее направлению» (VII, с. 264). Ср. также: «Отсутствие активной инициативы, отсутствие твердой оппозиции, шаткость и слабость — вот основные черты их [Бешметева, героя «Тюфяка», и Обломова] характера» (Писар., I, с. 169); «В нем нет творческого импульса, жизненной инициативы нет» (Клюшн., с. 651; речь передовой девушки) и т. д. Процесс распространения слова в конце 50—начале 60-х гг. был очень бурным.[235] Лишь реакционно-славянофильские издания 60-х гг. обрушиваются на это слово, но и они сознают необходимость приспособления какого-либо русского слова для выражения данного понятия. Ср. в газете И. Аксакова: «Инициатива! Какое варварское слово! — Нельзя ли русским писателям и словесникам придумать и пустить в ход русские того же смысла слова, напр., хоть начаток, початок, задумок, перводел или что-нибудь лучше этого?» (День, 1865, № 25, с. 600). Именно к этому времени, по свидетельству Я. К. Грота (Филолог. разыск., I, с. 230), относятся попытки употребления в этом смысле слова *почин*, что, впрочем, не изгнало из употребления и заимствованного слова.

Интеллигент, интеллигентный, интеллигенция. Впервые *интеллигенция* — Толль, Приб. 1866, но с объяснением: «мыслительная сила, степень мыслительной силы»; затем — Д[2]: «в значен. собират. разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»; *интеллигент* и его

---

[233] Ср. в Русск. энцикл. 1911 при слове *вотирование* отсылку на слово *голосование*.

[234] О слове *инерция* см. также в гл. III, с. 388—389.

[235] Ср., однако, колебания в форме, еще указывающие на новизну заимствования: «Чем же оно [общественное мнение] заявляет себя? Где его инисиатива и оппозиция?» (Русск. слово, 1862, № 4, Современная летопись, с. 4).

Впрочем, в 60-е гг. изредка встречается уже и производное прилагательное. Напр.: «После своего геройского подвига Инсаров кончает уже всякую инициативную деятельность» (М. Дараган. «Накануне» Тургенева; Наше время, 1860, № 9, с. 134).

производные в словарях XIX в. не отмечаются. История этих слов лишь отчасти связана с прямым заимствованием. Это один из ярких примеров активного отношения, развившегося в русском литературном языке с середины XIX в., к заимствованным исходным элементам.

Слова *интеллигенция*, *интеллигент*, *интеллигентный* начинают распространяться в употреблении с 60-х гг. Именно тогда определяется и то обобщенно-личное, собирательное значение слова, которое представляет такое существенное отличие его от соответствующего отвлеченного существительного французского языка (франц. intelligence — ум, разум, мыслительность). Слово *интеллигенция* в этом смысле было заимствовано из русского языка в некоторые другие европейские языки.[236]

Даже многие писатели, публицисты 60-х гг. не употребляют еще слов *интеллигенция* и *интеллигент*. Их не встретим ни у Чернышевского, ни у Добролюбова, ни у Писарева.[237] Еще в первой половине 60-х гг. даже у тех писателей, которые позднее стали охотно пользоваться этими словами (как напр. Шелгунов), вместо них встречаем выражения *мыслящая часть общества*, *мыслящий человек*, *мыслящие люди* и т. п. Ср.: «Твердя беспрестанно о том, что нам необходимы мыслящие люди, что у нас мало мыслящих людей, что Англия процветает, потому что ею управляют мыслящие люди.., он [либерал] делается однако ожесточенным противником мысли, если мысль в других индивидуумах переходит чуть-чуть за черту, ей определенную его авторитетом и им самим» (Петербургская жизнь. Заметки нового поэта [И. И. Панаева]; Совр., 1861, № 3, с. 356); «Было бы очень желательно, чтоб не только государственные люди.., но и вообще мыслящая часть общества обратила побольше внимания на разрешение тех социальных вопросов, которые вытекают из идеи труда» (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 41); «На стороне его [основного возражения против женской эмансипации] всегда огромное большинство, а против него только — ничтожная часть мыслящих людей» (Благ., с. 75) и т. п. В этом же смысле употреблялось также выражение *образованный класс*, *образованные классы* и т. п. Ср. у Добролюбова: «Мы понимали, что там, где литература есть занятие кружков и где она назначается лишь для нескольких избранных, называемых образованным обществом, — там она не может быть вполне уверенной в себе. В том, что касается отдельных кружков и исключительных надобностей образованного класса, она еще не может возвышать свой голос» (IV, с. 79).

Появление нового термина к концу 60-х гг. стоит в самом непосредственном отношении к процессу активного формирования в это время интеллигенции как особой деятельной социальной прослойки. На это обстоятельство обратил внимание в одной из своих статей Н. Шелгунов (Теперешний интеллигент; Дело, № 10, 1875). «Когда являются новые понятия, — писал он, — с ними являются и новые слова. Интеллигент — понятие, явившееся у нас только в последнее время». И далее, определяя понятие интеллигента и интеллигенции, автор начинает беседу с читателем, в ходе которой выясняется, что это понятие не прило-

[236] В этом собирательном смысле в русско-французском словаре под ред. Л. В. Щербы, помимо les intellectuels, также intelliguentsia. Ср. замечание И. Эренбурга: «В западные языки вошло русское слово „интеллигенция“ в отличие от имевшегося понятия „работников умственного труда“» (Люди, годы, жизнь, кн. 1 и 2, М., 1961, с. 203). См. об истории этого слова (впрочем, с фактическими неточностями) также в популярной книге Л. Борового «Путь слова» (изд. 2, М., 1963, с. 312—330).

[237] Ср. в «Воспоминаниях» Н. Н. Златовратского в описании событий конца 50-х гг.: «Такие же компании местной „интеллигенции“ (слово тогда еще, впрочем, непопулярное) собирались и у Николая Яковлевича» (Воспом., с. 90).

жимо не только к Рюрику, Святославу и Игорю, но даже и к Ивану Грозному и Курбскому, несмотря на их литературные занятия и несмотря на то, что «Иван Грозный имел даже некоторые политические идеи». Оставляя под сомнением, приложимо ли это понятие и слово к Петру I и даже Грибоедову, Крылову, Пушкину и Лермонтову, Шелгунов в заключение замечает: «Наконец, мы добираемся до Белинского, Добролюбова и т. п. И вы и я не говорим ничего и молча жмем друг другу руки, потому что согласны» (с. 70). И Шелгунов пытается исторически определить основной характер и существенные признаки понятия интеллигенции. «Ни во времена Рюрика, ни при Петре, ни после, вплоть до XIX века, интеллигенции не было; были философы, государственные люди, политики, художники, музыканты, составляли они высшую точку умственной жизни; но интеллигенции еще не существовало.. Для интеллигенции нужна одна маленькая особенность. И эта особенность вовсе не ум, не образование, ни даже знание. Интеллигенция есть коллективная сила, поэтому для нее требуется известное множество. Если в стране это множество достигает такого размера, что является влиятельным в общественных делах, то говорят, что у страны есть интеллигенция. Пока же такого множества нет, пока мыслящие люди составляют небольшую кучку, эту небольшую кучку нельзя назвать интеллигенцией.. Но этого мало. Кроме известного влиятельного большинства, интеллигенция должна состоять из интеллигентов. А интеллигент — не всякий, кто думает. Надо знать, что думать, надо уметь думать» (с. 70—71).

Таким образом, здесь определяется, что слова *интеллигент* и *интеллигенция,* незадолго до того появившиеся, не являются простыми синонимами выражений *мыслящий человек*, *мыслящие люди*; они вносят особый смысл, они нуждаются в терминологически точном определении. С ними связывается понятие о новом особом социальном слое, возникающем и оформляющемся лишь в определенную историческую эпоху, с развитием новых буржуазных отношений, — слое, играющем в обществе специфическую роль, занимающем особое место среди его основных классов. Конечно, полное и вполне точное понятие об интеллигенции как особой прослойке, о ее промежуточном положении в обществе, об ее делении и характерной для нее внутренней борьбе будет внесено в русскую общественную мысль развитием марксизма. Но общее понятие об интеллигенции как особом социальном слое, как особой и важной социальной силе является еще в период революционно-демократического развития русской общественной мысли. Более того, в условиях развития народнической идеологии этой силе придается и исключительное положение, и исключительное значение — важнейшего и решающего стимула к переустройству общества на новых социальных началах.

Слово *интеллигенция* в общественно-политическом, собирательном смысле и соответственно слово *интеллигент* и сочетание *интеллигентные люди* в значении лиц, относящихся к интеллигенции, начинают систематически появляться на страницах нашей печати не ранее самого конца 60-х гг. Этому предшествует почти исключительное употребление слова *интеллигенция* в качестве отвлеченного существительного. Такое употребление, впрочем, нельзя признать особенно распространенным.[238] Охотнее

[238] Характерно, что сло́ва *интеллигенция* нет даже в «Философском лексиконе» С. Г. (Гогоцкого), 1861; оно впервые включено в его «Философский словарь, или краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии» (Киев, 1876), где на с. 27 находим: «*Интеллигенция* (intelligo — понимаю) — буквально понимающая сила, в нынешнем употреблении значит совокупность людей с относительно наилучшим умственным развитием и запасом знаний».

всего им как своего рода «экзотическим», «умственным» иностранным словом пользуются на первых порах отдельные представители либерального направления. Ср. следующие ранние примеры его употребления: «Надобно опрокинуться в бездну немецкой философии, рыться в иноязычных словарях, и то новейших изданий, чтобы попасть на след того, что сказать хотела их интеллигенция и субъективность» (Вяз., VII, с. 115; 1865); «[Гувернантка] объявила, что дело ее.. „состоит исключительно в том, чтобы пробуждать к сознанию ум детей,.. подвергнуть потом этот ум постепенному развитию и, подготовив его таким образом, направить интеллигенцию к уразумению современной мысли!“» (Григор., X, с. 34; 1864); «Выходит так [по мнению остзейского губернатора гр. Шувалова], что за все лучшее, что мы имеем в нашей интеллигенции,[239] за все это мы обязаны одним нашим немцам» (А. Никит., II, с. 497); ср. и позднее: «Мы всегда доказывали необходимость подчинить исполнителей влиянию общего уровня интеллигенции, насколько она проявляется в критике; но превосходство умственного развития и налагает на рецензентов обязанность бросить дилетантские толки и заняться делом посерьезнее» (П. Боборыкин, Русский театр; Дело, № 3, с. 146) [240] и т. п. Как видно, во всех этих случаях слово *интеллигенция* выступает как синоним слов *мыслительность*, *ум*, *сознание* и выражений *мыслительная сила, умственное развитие*, т. е. именно в тех смыслах, с какими известно и франц. intelligence. Такое употребление можно встретить в публицистике и критике, у отдельных лиц и позднее. Но оно уже не делает погоды, быстро и легко затухает, уступая место новому осмыслению этого слова.

Особняком стоит один ранний пример употребления слова *интеллигенция* в статье П. Л .. го [П. Лавровского] «Южно-русский элемент в Австрии» (СПб. вед., 1861, № 73, с. 402):[241] «Бесспорно, образованный класс, или, как называют его в Австрии, интеллигенция, отчетливо понимает значение сочувствия и помощи, ясно видит, что в таком-то случае правительство имеет свои расчеты». Здесь, как видно, слово в этом собирательном смысле употреблено как «экзотическое», со ссылкой на галицийскую, русинскую среду в Австрийской империи. Возможно, что и в дальнейшем на распространение у нас этого слова (как раз в период после Польского восстания 1863 г.) оказала влияние польская или западно-украинская среда. (Ср. приводимые ниже цитаты из Н. Данилевского). Этот перелом, переход от старого значения к новому падает, как сказано, на самый конец 60-х гг. Во всяком случае, самые ранние (собственно «русские») примеры, которые можно интерпретировать в этом смысле, приходятся на 1869 г. Ср. в рецензии П. Н. Ткачева на перевод «Опыта о законе народонаселения» Мальтуса (Дело, 1869, № 2, Новые книги): «Интересы известной части трудящейся массы, той части,

---

[239] Граф говорил в своей речи в Дерпте именно о влиянии образования в Дерптском университете на умственное развитие русского общества, — *Ю. С.*

[240] «Изобретение» слова *интеллигенция* приписывали П. Д. Боборыкину (А. Евгеньев. П. Д. Боборыкин. Вестник литературы, 1919, № 6, с. 11—12; Виноградов. Очерки, с. 397). Для этого, однако, нет никаких оснований; в своих произведениях 60—70-х гг. Боборыкин, правда, употребляет слово *интеллигенция*, но не в собирательном значении, а в том общем, с каким оно уже встречалось и до него. Позднее он лишь подхватывает новое употребление слова в обобщенном, собирательном смысле. Впрочем, он же довольно устойчиво продолжает употреблять слово в его отвлеченном смысле. Ср.: «Я утверждаю фактически внутренний (immanent) прогресс, интеллигенцию и высокую нравственность Франции» (Д-ев [Боборыкин]. П. Ж. Прудон в его письмах; Вест. Евр., 1875, № 11, с. 237). Это, правда, в переводе письма Прудона; но в середине 70-х гг. такое употребление выглядело все-таки явно «старомодным».

[241] Этот пример был отмечен П. Кеппеном, собиравшим словарные дополнения к «Словарю русского и церковнославянского языка АН» (Кеппен, Мат.).

которая оказывает наибольшее влияние на идеалы и теории интеллигенции» (с. 34); «взгляд невежественной толпы на мыслящую интеллигенцию» (с. 26), «притязания интеллигенции» (с. 27). Ср. у Шелгунова: «выискивать основы народного реализма и находить его параллели с реализмом, созданным интеллигенцией» (Народный реализм в литературе; Дело, 1871, № 5, с. 40); у Л. И. Мечникова: «[Сю] анатомирует в своих произведениях те кружки французского общества, которые были предметом особенного интереса для французской интеллигенции» (Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 257); ср. также у Н. Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» (первое изд. — 1869): «Такое направление общественного мнения хорошо поняла и польская интеллигенция» (с. 33); «по мнению польской интеллигенции» (с. 35).

Рядом с этим находим переходные случаи, в которых с большей или меньшей отчетливостью виден «мостик», ведущий от старого употребления к новому. Ср., напр.: «В деятельности Москвы нет мысли; в деятельности Петербурга нет чувства. Надо бы им соединиться. Переведите петербургскую интеллигенцию в Москву и чрез 10 лет вы не узнаете России» (Н. Р. [Шелгунов]. Внутреннее обозрение; Дело, 1869, № 8, с. 48); Особенно отчетливо это «переходное состояние» обозначается в таких сочетаниях, как *люди интеллигенции* и др., где род. падеж может быть понят и в определительном («интеллигентный», «мыслящий»), и в субъектном смысле. Ср.: «А тут еще мы встречаем горькие сетования наших людей интеллигенции на русское равнодушие, на заедающую всех скуку, на общую апатию и инерцию мысли» (Н. Шелгунов. Неудавшаяся «Беседа»; Дело, 1871, № 5, с. 23); «За очень немногими исключениями все нравственные сыны этой страны интеллигенции пали ниц перед новыми божествами» (В. Т. Немецкая нравственность; Дело, 1875, № 9, с. 150). Ср. также: «[Среда Чернышевского] состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата интеллигенции,[242] из „способностей“» (Герц. (Лемке), XIX, с. 128).[243]

Во всяком случае, очень скоро новое осмысление слова *интеллигенция* становится господствующим. Являются в различных контекстах новые смысловые противопоставления интеллигенции — народу, чиновничеству, буржуазии и т. п. Все чаще мелькают сочетания этого слова с определениями, характерными именно для группы лиц, целого общественного слоя: *интеллигенция разночинная*, *служилая*, *народная* и т. п., *буржуазная*, *дворянская* и т. п., *русская*, *польская*, *французская*, *столичная*, *провинциальная* и т. п. Люди старшего поколения и консервативного направления мысли отмечают такое употребление как новинку, но вместе с тем невольно перенимают его.

---

[242] Ср. выражение Писарева: «мыслящий пролетариат», — *Ю. С.*

[243] Последний пример из статьи Герцена «Порядок торжествует!» (1866). В новом собрании сочинений (Герц., XIX, с. 194) здесь ошибка, подновляющая и искажающая смысл подлинника («состояла.. из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции»). Но среда Чернышевского еще не состояла из пролетариата, и Герцен здесь не имел в виду рабочий класс. Слово *пролетариат* он употребил в том общем смысле («неимущие», «бедняки»), в котором это слово еще было обычно в 60-е гг. Соответственно и сущ. *интеллигенция* здесь еще нельзя понимать как указание на особую социальную прослойку. К этим же переходным случаям относится и, видимо, первое употребление слова *интеллигенция* в художественном произведении — в «Войне и мире» Л. Толстого: «[Пьер] знал, что тут [на вечере Анны Павловны] собрана вся интеллигенция Петербурга» (IX, с. 12). Характерно, что указанного места в первой публикации романа («Русский вестник», 1865) нет; оно появляется в отдельном издании 1868—1869 гг. Ср. также пример из «Скучной истории» Тургенева (1869), приводимый у В. В. Виноградова (Очерки, с. 397). Слово в обоих случаях может быть скорее всего понято в значении отвлеченного существительного, хотя в нашем восприятии теперь на него наслаивается и осмысление собирательное.

Вот несколько характерных примеров из литературы 70—90-х гг., иллюстрирующих как распространение слова и характерные особенности его употребления в новом значении, так и отношение к новому термину представителей различных общественных групп: «Интеллигенция борется с чиновничеством» (А. Никит., III, с. 198; запись от 4 февраля 1872 г.); «К сожалению, наше так наз. *высшее сословие* практичным быть никогда не умело, а еще менее отличается этим качеством то, что называет себя *русскою интеллигенциею*» (Маркев., III, с. 210); «Вот общественная жизнь по убеждению уездной интеллигенции» (Е. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 10, с. 102); «Наша провинциальная интеллигенция» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1875, № 9, с. 139); «Представители здешней словенской интеллигенции» (Бод. де Курт., Отчеты, с. 23); «Буржуазия и интеллигенция может совпадать, но это вовсе не обязательно» (Михайловск., V, с. 514) и т. д.

Следует заметить, что прил. *интеллигентный* в таких сочетаниях, как *интеллигентные люди*, *интеллигентное общество* и т. п., начало несколько ранее, чем произошла указанная эволюция со словом *интеллигенция*, применяться к кругу лиц. Ср. в «Дневнике» Никитенко запись от 7 апреля 1865 г.: «В так называемом интеллигентном обществе мало участия к этой великой скорби отца и царя-освободителя [по случаю смерти наследника]» (II, с. 507). Ср. также: «Общие свойства „российского человека“ интеллигентной среды» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, № 12, с. 339); «В интеллигентном классе существует решительная оппозиция стремлениям господствующей церкви» (М. Триго [Э. Реклю]. Политическая хроника; Дело, 1876, № 8, с. 128) и т. д. Реже встречается в 60-х гг. *интеллигентный* в отношении к отвлеченным понятиям как синоним «мыслительный, идейный». Ср. у Боборыкина в статье «Русский театр»: «Фальшь интеллигентного замысла сказалась и в тяжелой постройке пьесы» (Дело, 1871, № 3, с. 141); «Без сильного участия интеллигентных и социальных мотивов нельзя приподнять строя творческого изображения» (с. 143).

На фоне этих сочетаний *интеллигентные люди*, *интеллигентный человек*, путем их «сжимания», и является в начале 70-х гг. сущ. *интеллигент*. Ср.: «Нашему интеллигенту приходится совершить гораздо больший путь в своем развитии, чем интеллигенту европейскому» (Н. Ш. [Шелгунов]. Внутреннее обозрение; Дело, 1875, № 9, с. 134). В 80-е гг. встречается уже и сущ. *интеллигентность*, сменившее слово *интеллигенция* в старом его отвлеченном смысле. Ср. Северный вестник, 1886, № 6, отд. 2, с. 70; в «Дуэли» Чехова: «Вы знаете, до какой степени масса, особенно ее средний слой, верит в интеллигентность» (VII, с. 346). Видимо, к началу XX в. относится появление относительного прилагательного *интеллигентский*, которое в употреблении нередко выступает с неодобрительным оттенком. Ср. в воспоминаниях Н. Н. Златовратского: «В том „интеллигентском“, по современному определению, кружке, к которому я в то время мог стоять так близко.., описанное выше настроение чувствовалось особенно напряженно» (Вестн. Евр., 1910, № 9, с. 28).

Коллективный и произв. *Коллективный* — впервые Толль: *Коллективное лицо* (как правовой термин): «всякого рода общество или собрание, члены коего в совокупности как бы одно лицо, ответственное перед законом.. Таковы промышленные компании, масонские ложи, духовные ордена и пр.», затем Мих. 1898, Д³, Слов. Акад. 1911; *Коллективизм* — Брокг.-Ефр.; *коллективист*, *коллективность* — Слов. Акад. 1911; сущ. *коллектив* впервые в Слов. Ушак.

Первые случаи употребления прил. *коллективный* относятся к 60-м гг. Ср.: «Да и какое может быть примирение с этим коллективным пала-

чом [обществом], который за украденный кусок хлеба для голодных детей осуждает Жан-Вальжана на галеры» (Г. Благосветлов. В. Гюго и его роман «Les Misérables»; Русск. слово, 1862, № 4, с. 9); «Чтение есть тот акт, посредством которого отдельная личность, чувствуя свое бессилие перед осаждающими ее вопросами, обращается к коллективному уму человечества, к лучшим представителям этого ума, чтобы от них добыть себе ответ на эти вопросы, неразрешимые для индивидуальных сил» (Писар. (Павл.), IV, с. 578); «Пчела общинная, привыкшая к великолепию улья и плодотворности коллективной работы, имеет основание желать скорее умереть, чем унизиться и снизойти к жалким результатам уединенной работы» (Н. Ш. Общественные инстинкты пчел; Дело, 1868, № 3, с. 283) и т. п.

Ср. также и *коллективность:* «Таким образом, с одной стороны, был провозглашен принцип экономической коллективности..; с другой — экономический индивидуализм» (Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии; Дело, 1869, № 2, с. 2). Позднее — и *коллективизм, коллективист* (как последователь коллективизма): «Он противопоставляет коллективизм труда коллективизму капитала и приходит к заключению, что необходимо отнятие собственности» (Русск. мысль, 1883, № 4, Хроника иностранной жизни и литературы; с. 132); «Чем развитее общество, тем резче обозначаются в нем разнообразные умственные и политические течения, которые увлекают в свой круговорот массы людей. Так, например, во Франции существуют республиканцы различных оттенков и подразделений, монархисты вообще и в частности бонапартисты, легитимисты и орлеанисты; наконец, социалисты вообще и в частности социал-демократы, коллективисты и т. д.» (Салт., XVI, с. 609).

Так, в ходе развития и распространения социалистических учений, интереса к общине, ассоциации, коммуне и т. д. демократические идеи об освобождении личности от гнета крепостнических оков дополняются и преобразуются в различные теории, посвященные формам новой коллективной жизни. Явившиеся в 30—50-х гг. термины *индивидуальный, индивидуальность, индивидуализм* получают свои антонимы: *коллективный, коллективность, коллективизм.*

Коммуна. Впервые Кир.: *коммюны* или *коммунии* («слово это вполне заменяется русским словом общины»; далее толкование применительно к населению западноевропейских городов и деревень в средние века);[244] то же Мих. 1865, Бурд. («община»); иначе Толль: «вообще община; в собств. смысле — коммунистическая община, коей устройство клонится к совершенному равенству прав и имуществ членов ее. В этом смысле *к.* старались устроить Овен и Кабе»; из общих толковых словарей впервые у Д[3]. В русской печати 40-х гг. встречается редко, в контекстах, посвященных Западу, в исходном историческом значении слова. Ср. у Герцена: «Деревенская коммуна в Европе — полицейская мера, другого смысла в ней нет: что общего между этими разбросанными домами, у которых все свое, которые связаны только общей межой? Что общего между голодными работниками, которым коммуна предоставляет le droit de glaner, и богатым домохозяином?» (V, с. 250).[245]

---

[244] У Яновск. есть *коммунальный* в том же западноевропейском смысле: «Общий жителям одной или многих деревень».

[245] От этих рассуждений Герцена в «Письмах с Via del Corso» ведет свое начало противопоставление старой западной коммуны, общинные начала которой уже были окончательно расшатаны развитием частной собственности и буржуазных отношений, — русской крестьянской общине. Слово *коммуна* могло в 60-е гг. ожить у нас в новом осмыслении, идущем от социалистических учений 30—40-х гг.

Слово стало обычным на русской почве, и при этом в новом социалистическом смысле, с момента организации передовой демократической молодежью первых коммун (напр., знаменитой Знаменской коммуны, созданной В. А. Слепцовым в Петербурге в 1863 г.). «Таких коммун устраивалось тогда в Питере множество и до Слепцова и после него».[246] Пристрастно, с реакционных позиций, изобразил жизнь такой студенческой коммуны начала 1860-х гг. Лесков в своем антинигилистическом романе «Некуда» (1864).

Как обозначение этих новых, эфемерных в тогдашних условиях, ассоциаций слово *коммуна* постоянно является на страницах печати 60—70-х гг.[247] Ср. и некоторые случаи более свободного, расширительного употребления этого термина, напр. в «Очерках бурсы» Помяловского: «Было три сферы, которые по нравственному отношению к ним бурсака были совершенно отличны одна от другой. Первая сфера — товарищество, вторая — общество, т. е. все, что было вне стен училищных, за воротами его: здесь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной...» (II, с. 54).

Кооперативный. Впервые Толль, Прил. 1866: *кооперативное общество* («то же, что ассоциация»), *кооперация* («действование многих лиц, клонящееся к достижению одной общей цели; употребл. и в смысле ассоциации рабочих для улучшения их быта»). Едва ли не впервые выражение *кооперативное общество* употреблено у нас Добролюбовым при описании учреждения Оуэном ассоциаций для улучшения быта рабочих в статье «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ» (1859): «В это же время удалось ему учредить в Лондоне *кооперативное общество* (cooperative society)» (IV, с. 28). С 60—70-х гг. слова *кооперация*, *кооперативный* уже довольно часто встречаются в нашей публицистике как в своем общем, так и в специфическом, социалистическом смысле. Ср.: «Прогресс заключался и мог заключаться лишь .. в растущем воплощении в общественную жизнь солидарности между людьми, окончательно распространяющейся на все мыслящее человечество в его кооперации ко всеобщему развитию» (Лавр., I, с. 364); «Разделение труда, применение кооперативного начала» (Сев. вестн., 1886, № 3, Новые книги, с. 187); «Что касается до кооперативных товариществ, то.. они являются самым совершенным видом вознаграждения за труд» (Русск. мысль, 1883, № 1, Хроника иностранной жизни и литературы, с. 135) и т. д.

Легальный и произв. Толль: *легальный, легализация* (также Мих. 1865, Бурд.); Д[2]: *легальный, легальность*; Мих. 1898: *легализировать*. Все эти слова начинают часто появляться на страницах русской печати с начала 60-х гг. Ср.: «Правильность и легальность преподавания» (Замечания на проект общего устава.. университетов, т. I. СПб., 1862, с. 161); «[Парламенты во Франции до 1789 г.] с невозмутимой стойкостью выдерживали до конца ту легальную борьбу, которая кончалась торжеством вооруженной силы над вековым документальным правом» (Писар. (Павл.), III, с. 118); «Аристократическая партия при дворе [Людовика XVI] не отказывалась однако от надежды направить национальное собрание на путь добродетели и легальности» (там же, с. 148) и т. п. Легальный путь действия, т. е. основанный на признании установленных законом норм и форм, противопоставлялся в эти годы революционному, опрокидывающему эти нормы.

---

[246] К. Чуковский. История слепцовской коммуны. В кн.: Люди и книги. 2-е доп. изд., М., 1960, с. 36.

[247] Об употреблении в эти годы терминов *коммунист* и *коммунистка* применительно к членам данных коммун см. с. 109—111.

Но с развитием революционного движения в России, вызвавшего сеть тайных организаций, боровшихся с царизмом, в 70-х гг. явилось ближайшее противопоставление прил. *легальный* устойчивому новообразованию *нелегальный*. Ср. в статье П. Н. Ткачева «Литературное попурри»: «нелегальные средства» (Дело, 1876, № 6, с. 7); «Мещанин Абрам Вадзинский успел уже переменить место жительства: нелегальная жизнь по необходимости кочевая» (К. Орловск., II, с. 183—184); «Когда правительство обратило на него [Урал] свое внимание, колонизаторы уже завоевали его .. украдкой, нелегальным путем» (С. Пономарев. С Урала; Сев. вестн., 1886, № 2, с. 173) и т. п.

Нелегальный в это время употребляется и субстантивированно для обозначения революционеров, скрывающихся от правительства. Ср. в романе В. Авсеенко «Злой дух» при описании событий 1878 г.: «[У графа Вонсовича] появлялись польские эмигранты, русские „нелегальные“ (выражение это тогда только что приобрело права гражданства)» (I, с. 212).

Милитаризм. Шовинизм. Впервые *милитаризм* — Берез. 1875; затем Мих. 1898.

Слово приходит на страницы нашей печати в связи с откликами на франко-прусскую войну 1870 г. и на усиление прусской военщины.[248] Ср. в статье А. Лалоша «Культурно-историческое значение настоящей войны»: «Лучшие люди Германии давно уже указывают на вредное преобладание прусского милитаризма, на его ретроградную роль в социальном переустройстве страны. С завоевательной политикой эта болезнь должна усилиться; мирные гражданские наклонности должны уступить воинскому азарту и завоевательным инстинктам, что и показала уже в немцах настоящая война» (Дело, 1871, № 2, с. 95); ср. также в этом журнале (№ 10, 1876) статью А. М. под названием: «Грезы о мире в эпоху милитаризма».

Несколько ранее, еще в 60-х гг., стали употребляться у нас и слова *шовинизм*, *шовинист*. Слово *шовинизм* (в иной форме *шовенизм*) впервые приводит и истолковывает словарь Толля: «Прежде [во Франции] означало всякое безграничное удивление, питаемое к особе Наполеона, которое после 1815 г. часто встречалось между отставными французскими солдатами, называемыми *шовенами*. Со времени же комедии Скриба „Le soldat laboureur“, в коей главное лицо *шовен*, означает слепую преданность какому-либо лицу или делу (политическому, религиозному, военному), всякую социальную и политическую приверженность» (III, с. 1059).

Как видим, смысл этого слова, по Толлю, еще достаточно неопределенен и расплывчат. Здесь отражается первоначальное употребление слова. Ср., напр., следующую цитату начала 60-х гг.: «Сила общественного мнения есть первая и главная сила народа.. Так думает известный разряд прогрессистов, доктринеров и шовинистов, чрезвычайно склонных формулировать народную жизнь в отвлеченные понятия, часто не имеющие никакого действительного смысла» (Русск. слово, 1852, № 4, Современная летопись, с. 1—2).

Более широкая гамма осмысления этого термина на французской почве[249] раскрывается в специальной филологической заметке, опубликованной в газете «Русский инвалид» за 1862 г.: «Стали обозначать

---

[248] По данным «Dictionnaire étymologique de la langue française» О. Блока и В. Вартбурга (Paris, 1960), militarisme отмечается во французском языке впервые в 1845 г., militariste — в 1892 г.

[249] По данным словаря О. Блока, chauvinisme впервые употреблен Т. Готье в 1843 г., chauviniste отмечается там с 1876 г.

словом *шовинизм* всякое политическое или социальное учение, не терпящее ни малейшего противоречия и отвергающее всякую поверку. Словом шовинизм выражают французское тщеславие, ради которого француз любит войну ради войны и убежден, что сразиться под французским знаменем и победить — одно и то же. Наконец, этим словом стали обозначать политическую фанатическую приверженность к целям и учреждениям Второй империи» (№ 46, с. 182).

В 70-х гг., с развитием германского милитаризма и различного рода пангерманских, панславянских и пр. тенденций, слово это уже прочно входит в язык русской прессы для обозначения всякого крайнего и воинственного национализма. Ср.: «[В немецкой прессе] смесь либерализма с ретроградством, какой-то странный компост из идей национального ферейна, рационализма, милитаризма, пиэтизма, банкового и коммерческого шовинизма» (М. Триго [Э. Реклю]. Политическая и общественная хроника; Дело, 1875, № 9, с. 185); «Вообще издатель „Нового времени“ [А. Суворин] заставит многих сожалеть о прежнем фельетонисте „Санктпетербургских ведомостей“, который в политику не пускался, славянским шовинизмом не сгорал, мировых судеб не решал» (Н. Мизантропов. Калейдоскоп; Дело, 1876, № 12, с. 158); «На народные массы, в особенности на рабочих, победоносные войны, слава и могущество произвели действие как раз обратное против того, какому подверглась интеллигенция. Последняя преисполнилась шовинизма и дерзкой заносчивости...» (В. К. Политическое письмо из Германии; Русск. мысль, 1883, № 2, с. 114); «влияние „панславистов и шовинистов“» (там же, с. 93); «Кн. Бисмарк и не станет, конечно, особенно полагаться на влиятельность Венгрии и шовинистские обещания мадьяр» (там же, с. 120) и т. д.

Ретроград и произ. Впервые Толль: *ретроградность* («возвращение к прежнему порядку, отсталость, в противоположность прогрессивности»); Мих. 1865: *ретроградный*, *ретроградист*; Д²: *ретроград*, *ретроградный*. В обстановке острой политической и идеологической борьбы 60-х гг. одно из очень сильных и быстро распространившихся в употреблении, особенно среди демократической молодежи, слов. Ср. характеристику ретрограда в стихотворении Н. Кроля «Ретрограды» (Дело, 1869, № 8, с. 134):

Назойлив, в регрессивном стане,
Разлить стремясь бессильно яд, —
В каком-то нравственном тумане
Ждет поворота ретроград.

Ср. также: «В практическом отношении это описание мастерской [Веры Павловны в «Что делать?»].. составляет, может быть, самое замечательное место во всем романе. Тут уже самые лютые ретрограды не сумеют найти ничего мечтательного и утопического» (Писар., IV, с. 26); «В этом хаосе противоречащих друг другу доктрин, в этой непримиримой вражде ретроградных и революционных стремлений с каждым днем становится более и более невозможным иметь два различные и противоположные руководящие начала: одно для науки, другое для жизни» (П. Бибиков. Границы положительного знания; Русск. слово, 1864, № 2, с. 9); «Другой раз вы с вашими ретроградностями не будете соваться в наше общество» (К. В. М[ещерский]. Тайны современного Петербурга, т. I. Нигилисты. СПб., 1876, с. 391; обращение «нигилистки» к ретрограду) и т. д.

§ 12. Число научных и технических терминов, заимствованных в русский литературный язык начиная с 60-х гг., значительно. Естественно, что здесь в связи с особенным развитием естественных наук в эти годы и популяризацией естественнонаучных знаний стоят на первом

месте различные термины биологии и медицины, отчасти химии и физики.

В отношении ряда этих терминов можно заметить, что распространение их в литературном употреблении очень быстро приводит к появлению у них новых расширительных и образных осмыслений. Они начинают играть активно-фразеологическую роль. Такова, напр., судьба терминов *акклиматизация*, *ассимилировать*, *ассимиляция*, *атавизм*, *атрофия*, *гипноз* и *гипнотизировать*, *импотентный*, *импульс*, *ингредиент*, *инерция*, *кошмар*, *наркотический*, *наркотизировать*, *специфический*, *стимул*, *эмбрион* и нек. др. Некоторые из этих слов отмечаются словарями и ранее, напр. *атрофия* (Яновск.), *инерция* (Кир.), *специфический*, *эпидемия* и *эпидемический*, но лишь как слова специальные. Другие и в круг специальной терминологии входят лишь с этого времени. Но все перечисленные слова для литературного языка последних четырех-трех десятилетий XIX в. уже не только специальные, ученые термины.[250]

Некоторые из слов этого разряда, наконец, остаются в границах своего исходного номинативного значения, но также становятся широко известными, постоянно употребительными. Таковы, напр., *аборт*, *алкоголизм* и *алкоголик* (и — первоначально — *алкоголист*),[251] *санитарный*.[252] Ср. входящие в употребление в последние десятилетия XIX в. *бактерия*, *бацилла*, *вибрион*, *инфекция* и *инфекционный*, *каверна*, *неврастения*, *туберкулез* и нек. др.

С 60—70-х гг. в связи с развитием техники становятся общеизвестными также такие названия, как *бензин*, *керосин*, *камвольный* и нек. др.

Заметную группу заимствованных слов, распространившихся в это время, составляют термины, относящиеся к сфере финансово-банковского и торгово-промышленного мира. Развитие капиталистических отношений в России, скандальные аферы и процессы 70—80-х гг. новоявленных дельцов и спекулянтов выдвигают их на авансцену. Таковы *адресат*, *аферист*, *коммивояжер*, *котировать*, *крах*, *кредитовать*, *ликвидация*, *лимит*, *рантье*, *рента*, *субсидировать*, *утилизировать*, *финансист*, *чек*. Большая часть их (напр., *котировать*, *крах*, *ликвидация*, *субсидировать*, *утилизировать*) также легко получает либо расширительное значение, либо возможность образного применения в иной сфере понятий.[253]

§ 13. Менее значительна группа заимствованных книжных слов отвлеченного значения, которые, далеко не всегда являясь в строгом смысле необходимыми, довольно интенсивно вторгаются в это время в литературный язык. Как правило, они синонимичны известным и широко распространенным русским словам. Именно слова этого рода вызывают и отрицание, при этом не только со стороны заядлых пуристов. Особенно обширной явилась группа глаголов на *-ировать* и соответственно сущ. с суффиксом *-ация*. Ср. *деградировать* и *деградация*, *деморализировать* и *деморализация*, *дискредитировать* и *дискредитация*,

---

[250] Об истории их употребления см. гл. III, с. 352 и сл.

[251] *Алкоголь* (с пометой: «хим.») и *алкогольческий* есть уже в Слов. 1847 г. У Д[1] находим еще: *алкогольный*, *алкоголистый*, *алкоголизировать*, *алкоголизация*. Слов. Акад. 1891 впервые дает *алкоголизм* и *алкоголик*. Ср. в статье врача В. О. Португалова «О вырождении»: «хронический алкоголист» (Дело, 1871, № 1, с. 113).

[252] О санитарном деле решительно заговорила печать после Крымской войны. Ср. «санитарная организация» (СПб. вед., 1857, № 218, с. 1121); «следующее заседание [земства] началось с так наз. санитарного вопроса» (К. Орловск., II, с. 149); в начале 80-х гг. известный врач Ф. Эрисман констатирует: «Как вам известно, прилагательные: „гигиенический“, „санитарный“ — стали у нас популярны» (Русск. мысль, 1883, № 1, отд. II, с. 38).

[253] Об истории употребления некоторых из этих слов (напр., *крах*, *ликвидация*) см. в гл. III, с. 465 и сл.

дисциплинировать, *дифференцировать* и *дифференциация*, *доминировать*, *инсинуировать* и *инсинуация*, *инспирировать* и *инспирация*, *интерпретировать* и *интерпретация*, *кодифицировать* и *кодификация*, *констатировать* и *констатация*, *манипулировать* и *манипуляция*, *муссировать*, *регламентировать* и *регламентация*, *резюмировать*, *трансформировать* и *трансформация*, *фигурировать*, *фиксировать* и *фиксация*, *эвакуировать* и *эвакуация* и нек. др. Как видно, большая часть этих слов осталась в словарном составе нашего языка, но по преимуществу на правах книжных синонимов к более широким по смыслу и по своим фразеологическим связям русским словам, в рамках ученой, публицистической и деловой речи. Не все из них семантически обособились, приобрели более отчетливые терминированные осмысления (как напр. случилось это со словами *деморализация*, *инспирировать*, *кодифицировать*, *манипулировать*, *регламентировать*, *резюмировать* (и *резюме*), *трансформировать*, *эвакуировать*). Особенно активное проникновение их в книжную и разговорную речь падает на два последние десятилетия XIX в. Язык газеты и журналистики этого времени часто прибегает к ним.

Ко времени 60—80-х гг. относится и широкое распространение таких слов, как *абсурд*, *адекватный*, *альтернатива*, *аморфный*, *апломб*, *деталь*, *идентический* (и *идентичный*), *интенсивный*, *интервью*, *инцидент* (и *прецедент*), *кардинальный*, *компетенция* и *компетентный*, *компромисс*, *корректный*, *паника*, *престиж*, *приоритет*, *режим*, *синекура*, *фикция* и *фиктивный*, *хроникер* и др.[254]

Некоторые из них получили сразу и очень широкое распространение и очень специфическое, «терминированное» значение. Ниже сделаем краткие замечания по истории отдельных слов этого круга.

Компетенция, компетентный. Первоначально слово по своему значению тесно связано с судебной практикой. (Ср. Д[1]: «*Компетентный судья*.. — судья законный, прямой, полный, призванный и признанный; судья полноправный; *компетентность* — полноправность»). Эти термины появляются в русской печати в начале 60-х гг. в связи с обсуждением вопросов реформы суда.[255] Они разделяют судьбу некоторых других юридических терминов (напр., *адвокат*, *полноправный*, *правопорядок*), которые в 60-х гг. вследствие своей популярности легко приобретают более широкое значение в общем употреблении. Ср. следующие примеры: «Я нарочно выбрал для примера „любви“ историю Базарова, потому что это именно такой предмет, в котором каждый человек считает себя компетентным судьей. Ну и что же, компетентные судьи, много вы рассудили?» (Писар., III, с. 55); «Математическая география — наука очень почтенная, но в решении социальных вопросов она совершенно некомпетентна» (там же, с. 435); «Борис Васильевич в этом случае всех нас *компетентнее*, как пишут у нас теперь в газетах» (Маркев., VIII, с. 157—158).

Паника. Прил. *панический* объясняется еще у Яновск.: «Слово латин., употребляется только с существительным страх, ужас и значит пустой, внезапный и беспричинный страх»; сочетание *панический страх* также

---

[254] Почти все эти слова еще отсутствуют и в первом и во втором издании словаря Даля. Исключение составляют лишь *деталь*, *интенсивный*, *компетентный*, *паника* (они есть в обоих изданиях), *компромисс*, *фикция* и *фиктивный* (включены во 2-е изд.). Большая часть из них приходит в наш язык с середины XIX в. Распространение некоторых падает на два последние десятилетия века (*интервью*, *инцидент*, *престиж*, *режим*).

[255] В материалах П. Кеппена находим указание, что в рецензии на «Очерки торговли Средней Азии» П. И. Небольсина А. В. Григорьев (Зап. русск. геогр. об-ва, 1855, кн. 10) употребил в соответствие франц. compétence созданное им слово *довлительность*. В этих же материалах выписки из газет 1861—1862 гг. с сочетанием *компетентный судья*.

у Ре .. ф .. ца. В Слов. 1847 слово отсутствует. У Д[1] находим: «*Панический страх, паника*, греч. внезапный, безотчетный, бессмысленный, безрассудный и неодолимый».

В устойчивых сочетаниях со словами *страх* и *ужас* прил. *панический* употреблялось уже с конца XVIII в. (ср. у Болотова: «Панический страх и ужас напал тогда вдруг на всю прусскую армию» (Зап., I, с. 922)) и стало распространенным с 20—30-х гг. XIX в. Позднее стали возможными также его сочетания с другими словами, напр. *паническое бегство*. Ср. у Салтыкова: «Весь организм трепетал в паническом ожидании чего-то неслыханного» (III, с. 563). Перед нами типический случай так называемой фразеологической конденсации, когда опорное слово сочетания принимает на себя основную силу смысла всего выражения. В результате этого и является сущ. *паника* (франц. panique). С середины XIX в. оно уже часто является в произведениях различных писателей. Ср. у Салтыкова: «Достаточно было слова „пожар!", чтобы произвести между ними общую панику» (VII, с. 72); у П. Невежина: «Пущу неблагоприятную молву и произведу панику» (I, с. 141); у Каронина: «Большинство чувствовало какую-то панику; боялись слово сказать» (с. 616) и т. д.

Режим. В словарях XIX в. не фиксируется. Еще в произведениях 60-х гг. это слово употребляется как «не свое», иностранное. Ср. у Писарева: «Для обыкновенных людей, не обладающих силами рахметовского ума и характера, простое соблюдение известного régime оказывается недостаточным» (III, с. 484); «Ancien régime, державшийся по милости этих правительств в продолжение многих столетий, испортил во Франции все, начиная от народной логики и кончая народными желудками, начиная от государственных финансов и кончая погодою, начиная от междучеловеческих отношений и кончая формой костюмов» (Писар. (Павл.), III, с. 197).

Входит в употребление в обоих своих значениях (и общем, и общественно-политическом) не ранее 70—80-х гг. Ср.: «Беклищев старался ее успокоить, уверяя,.. что на это надо смотреть как на необходимую принадлежность либерального режима» (Авсеенко, II, с. 378); «Временное правительство, образовавшееся.. после падения старого режима [Июльской монархии]» (Русск. мысль, 1883, № 3, отд. VII, с. 232); «Сложная машина английского политического режима» (Сев. вестн., 1886, № 2, отд. II, с. 278) и др.

С 60-х гг. идет и употребление слова *порядок* в смысле *режим* (политический), напр. *старый порядок* в соответствии с франц. ancien régime и т. д.

Из слов, имеющих отношение к быту и нравам социальной верхушки, затронутой в 60-х гг. процессом обуржуазивания и «европеизации», отметим бурное распространение начиная с конца 50-х гг. таких слов, как *богема, галантный*,[256] *гурман, камелия*,[257] *кейф, кокотка, лоретка, сноб*,[258]

---

[256] Еще у Мих. 1865 находим galant, у Бурд. *галан.* — Форма *галантный* затем сменяет в употреблении слово *галантерейный*, сузившееся в своем значении.

[257] Слово *камелия*, ставшее нарицательным после драмы А. Дюма-сына (1852), появляется у нас с конца 50-х гг. Ср. у Добролюбова: «Несколько лет она фигурирует после этого как интересная камелия..» (III, 222 (1858)); «Дармоедство во всех его видах,.. в персидском ли сатрапстве, римском патрицианстве, средневековой десятине и феодализме; или в современных откупах, взяточничестве, казнокрадстве, прихлебательстве, служебном бездельничестве, крепостном праве, денежных браках, дамах-камелиях и др. подобных явлениях, которых еще не касалась даже сатира» (III, с. 268 (1858)). П. Кеппен указывает неточно на 1860—1861 гг. как время первого появления у нас этого слова.

[258] Слово *сноб* вошло в употребление после появления «Книги о снобах» В. Теккерея (1846—1848). У нас о *снобах* (первоначально — *снобсах*) и *снобизме* начинают говорить после появления в «Современнике» (1852) русского перевода этого произведения Теккерея. Ср. в письмах Иногороднего подписчика [А. В. Дру-

фешенебельный,[259] *флирт*.[260] Ср. еще: *бельэтаж*, *вестибюль*, *кальсоны*, *кашне*, *кепи*, *пиджак*.

§ 14. Вопрос о языке-источнике заимствованных слов во многих случаях представляет большие затруднения. Ведь слово часто переходит из одного языка в другой через посредство третьего; на этом пути меняется его семантика, накладывается отпечаток различных языковых сред и на его форму. Известно, напр., как затруднительно бывает приурочить к одному языковому источнику многие ранние заимствования из западных языков в русский язык XVI, XVII и первой половины XVIII в. Трудно бывает ответить на вопрос, как пришли эти заимствования, были ли они непосредственными или опосредованными, шедшими через разговорную речь ближайших соседей, ранее усвоивших это слово из конечного источника, или усвоенными через книги. Таковы сложности со многими латинизмами и германизмами указанного времени.

При решении вопроса об источнике заимствования важно учитывать различные данные и частного характера, и общего; с одной стороны, отражения определенного языкового источника в самом слове, в его семантике и его форме (причем, как увидим далее, эти показания со стороны семантики и формы слова оказываются нередко противоречащими одни другим); с другой стороны, общие условия межъязыкового, межнационального общения, которые, как увидим, также заставляют говорить о непосредственном влиянии определенного языка и в тех случаях, когда данные формального порядка, отмечаемые в слове, и противоречат этому. Важно при этом решении учесть и восприятие современников, их прямые свидетельства о влиянии того или иного языка. Нужно учесть также, что оформление заимствований, взятых из одного языка, нередко подчиняется традиции, ранее прочно усвоенной заимствующим языком от другого языка. Во всяком случае, всегда необходимо различать между конечным источником заимствованного слова и тем языком, общению с которым непосредственно обязано заимствование слова в наш язык.

Учет этих противоречивых данных и позволяет правильно поставить вопрос о языковом источнике большей части иноязычных заимствований XIX в.

В последние десятилетия особое внимание было привлечено к проблеме интернациональной лексики. Под интернационализмами понимаются фономорфологические варианты слов (или морфем), распространившиеся из одного первоисточника в нескольких язы-

---

жинина] (Библ. для чт., 1853, № 1, с. 67): «Снобс есть человек, который лезет знакомиться вне своего круга, хвастается своей дружбой с князем Г., тратит последнюю сотню целковых на лондонский фрак с принадлежностями, надевает белый галстук для того, чтоб отобедать у своего родного брата, дает балы и при этом случае превращает собственную и женину спальню в комнату для игроков или, пожалуй, в столовую». В критических заметках Г. [А. Григорьева] по этому поводу говорится: «Нельзя не пожелать, чтобы Иногородний подписчик, при таком правильном понятии о снобизме, продолжал далее анализировать эту болезнь в различных ее видах и чтобы, между прочим, коснулся весьма важного ее вида — снобизма литературного» (Москвит., 1853, № 1, с. 142); ср. название рассказа А. Ф. Писемского (впервые Совр., 1854, № 8) «Фанфарон. Один из наших снобсов».

[259] Это слово, заимствованное из английского языка, еще в 60—80-е гг. выступает в ряде фонетических вариантов, напр. *фашионабельный*, *фешионабельный*, *фешионебельный*, *фашонабельный* и т. д.

[260] Ср. замечание Чехова в письме к М. Горькому от 3 января 1899 г.: «Я мирюсь в описаниях с „коллежским ассесором“ и „капитаном второго ранга“, но „флирт“ и „чемпион“ возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение» (XVII, с. 11). Ср. у Б. Маркевича в «Бездне» (1883) еще в иностранном обличии: «И салонный flirt и amour de tigre были ей равно противны» (VIII, с. 218); но в рассказе К. Станюковича «Пассажирка» (1893): «позволил себе с нею флирт» (I, с. 454).

ках и при этом вышедшие за пределы близкородственных языков.[261] Мы не можем входить здесь в обсуждение этой теоретически еще недостаточно освещенной проблемы. Отметим лишь, что в последнее время появилась тенденция не только выделять интернационализмы из общего круга заимствованной лексики, но и противопоставлять их до известной степени заимствованным словам.[262] Однако это является лишь смешением различных точек зрения на один предмет. «С лексикологической (точнее, историко-лексикологической, — *Ю. С.*) точки зрения так называемые „интернационализмы" суть заимствования, — справедливо замечает М. М. Маковский. — Различие между „интернационализмами" и заимствованиями заключается лишь в способе их рассмотрения. При исследовании заимствованных слов в каком-либо одном определенном языке, т. е., образно выражаясь, при анализе „по вертикали", мы имеем дело с собственно заимствованиями в данном языке. Если же целью исследования является установление связи между заимствованиями, обнаруживаемыми одновременно в разных языках, т. е. если анализ ведется в „горизонтальном" плане, то перед нами так наз. „интернациональные" слова».[263] Отнесение слова к интернационализмам, т. е. к такой лексике, которая представлена в нескольких и при этом не ближайше родственных языках, вовсе не отменяет того, что оно исторически является заимствованным в данный язык из какого-либо одного определенного языка, если, конечно, такое слово, распространенное в нескольких языках, не вышло само из данного языка, не является его собственным словом (как интернационализм *советы* для русского языка).

Особенность и преимущество интернационализма (или «регионализма»), с исторической точки зрения, состоит, во-первых, в том, что слово, уже известное в разных фономорфологических вариантах нескольким языкам, несомненно легче усваивается еще одним языком, его заимствующим. Во-вторых, особенностью интернационализмов является то, что они слагаются часто на базе словообразовательных элементов одного конечного языка-источника (для европейских интернационализмов это элементы латинского или греческого языка), получившего большое культурное значение.

Но это обстоятельство еще не дает никакого права исключать интернационализмы из круга заимствований и снимать вопрос о непосредственном источнике этого заимствования. При образовании научной и общественно-политической терминологии основные европейские языки

---

[261] Ср. А. А. Белецкий. Об интернационализмах (Наук. зап. Київськ. держ. університету, т. XIV, вып. II. Філологічн. збірн., № 8, 1955). См. также работу В. В. Акуленко «Об интернациональных словах в современном русском языке (к постановке вопроса)» (Труди філологічн. фак. Харківськ. держ. університету ім. О. М. Горького, т. VI, 1958). В ней библиография вопроса до 1957 г. Критику самого термина и указания на противоречия в понятии интернационализмов см. в статье М. М. Маковского «К проблеме так наз. „интернациональной лексики"» (ВЯ, 1960, № 1, с. 44—51). Из позднейших статей см. О. Б. Шахрай. К проблеме классификации заимствованной лексики; ВЯ, 1961, № 2; В. В. Акуленко. Существует ли интернациональная лексика? ВЯ, 1961, № 3; И. Ф. Протченко. Из наблюдений над интернациональной лексикой; Русский язык в школе, 1962, № 3.

[262] Ср. особенно резко в брошюре Ю. А. Бельчикова «Интернациональная терминология в русском языке» (М., 1959). «Обычно интернационализмы, — говорит автор, опираясь на выводы статьи А. А. Белецкого, — рассматриваются в связи с проблемой иноязычного заимствования; до последнего времени их включали в состав заимствованной лексики. Действительно, интернациональная терминология ближе всего примыкает к заимствованной лексике и имеет с ней некоторые общие черты. Однако названные лексические группы отождествлять нельзя» (с. 7—8).

[263] ВЯ, 1960, № 1, с. 45. В. В. Акуленко считает, что интернациональные слова являются «лексической категорией синхронии и поэтому должны рассматриваться именно в синхроническом плане» (см. Труди філологічного фак. Харківськ. державн. університету, т. VI, с. 94).

широко пользовались в новое время усвоенными элементами латинского и древнегреческого языков. Но они пользовались ими в разное время и в различной степени. Если говорить об истории отдельного конкретного слова, образованного из этих элементов, то оно может быть либо сложившимся на почве данного языка, и тогда оно должно быть признано заимствованным только генетически, по своим «структурным элементам», либо оно должно быть признано заимствованным как отдельное уже готовое слово. Так, слово socialisme, восходящее к лат. socialis, должно быть признано собственным словом английского или французского языка, хотя оно и сложилось в них на базе первоначально заимствованных элементов (латинского (social-) и греческого (-ism — ισμος) источника), и заимствованным из французского языка в русский язык.

Таким образом, с точки зрения исторической лексикологии данного языка и при рассмотрении круга формирующейся интернациональной лексики остается вопрос о том, из какого непосредственно источника пришло то или иное слово, которое затем по мере своего распространения в нескольких языках становится интернационализмом. Естественно, что ответы здесь в зависимости от разных условий и обстоятельств исторического общения народов и языков могут быть различными. Точный ответ на этот вопрос предусматривает знание, во-первых, того, где, в каком конкретно языке, было образовано данное слово, во-вторых, как, каким путем пришло оно из этого языка в другой язык.

Для XVIII в., напр., при имевшем место еще достаточно широком и обычном употреблении латинского языка в различных европейских странах как языка ученого, языка, на котором писались научные труды, многие термины следует признать не только сложенными из словообразовательных элементов латинского происхождения, но и явившимися на почве этого «мертвого» ученого языка и заимствованными в другие языки непосредственно из него. Иное положение складывается в XIX в., особенно со второй его четверти, когда латинский язык как «язык ученых» постепенно сходит со сцены. В эту пору генетические «латинизмы» являются на почве живых языков и заимствуются из них непосредственно в другие языки.

Современники этого процесса заимствования слов в XIX в. указывают прежде всего и главным образом на французский язык как на основной и непосредственный источник заимствования. Об этом, напр., прямо и определенно говорит Белинский в своей, уже неоднократно здесь цитированной рецензии на «Грамматические разыскания» В. Васильева. На это часто указывают также пометы словаря Даля и словарей иностранных слов XIX в. В этом, кстати сказать, они во многих случаях расходятся с позднейшими словарями, которые предпочитают указывать конечный, а не непосредственный источник заимствования.[264]

Многие из французских слов, заимствованных в русский язык в XIX в., либо были французским языком унаследованы от латинского, либо образованы на французской почве от латинских основ. Но они были восприняты русским языком именно из французского языка и говорить о них как о латинизмах, если иметь в виду не их конечную этимологию, а их непосредственный языковой источник, нет оснований. Более того, в ряде случаев мы имеем прямые формальные указания на заимствова-

[264] Ср. у Даля при словах: *ассоциация* — франц.; в Слов. русск. яз.: от лат. associare; *индустрия* — Д: франц.; Слов. русск. яз.: от лат. industria; *коммуникация* соответственно: франц. — лат. communicatio; *комплект*: франц. — от лат. completus; *культура*: франц. — лат.; *популярный*: франц. — от лат. popularis; *социальность* — Д.: франц.; *социальный* — Слов. русск. яз. — от лат. socialis и т. п. Впрочем, ни в одном из указанных словарей не выдерживается единый принцип в этом отношении.

ние слова из французского источника, либо потому что таких слов не было в латинском языке и они лишь образованы на базе латинских основ во французском языке (ср. *коммуна* — commune, *коммунизм* — communisme, *социализм* — socialisme, *солидарный* — solidaire, *ассоциация* — association и мн. др.), либо потому что, несмотря на общность латинских и французских слов, при заимствовании из французского языка отразились в самой форме слова характерные особенности французского источника (ср. *эмансипация* — франц. émancipation; ср. первоначальные варианты некоторых заимствований, указывающие на французский источник, вроде *ситировать* (франц. citer), *пляжиат* (франц. plagiat), *синекюра* (франц. sinécure), *фигюрировать* (франц. figurer) и нек. др.).

Но и во многих из тех случаев, где формальные показания говорят как будто бы о латинском источнике, а не о французском, мы должны будем, по другим существенным признакам, говорить все-таки о непосредственном заимствовании этих слов именно из французского языка. Самым существенным признаком здесь является признак семантический. Многие слова, формально близкие латинскому источнику, с семантической стороны указывают непосредственно на французский источник: с ними связано то значение, которое определилось у них к моменту заимствования в русский (и в другие европейские языки) в языке французском. На этом-то основании мы и должны считать такие слова, как *индустрия*, *плагиат*, *цитировать*, *цивилизация* и под., непосредственными заимствованиями из французского, хотя по форме они более латинизмы, чем галлицизмы. В том особом, уточненном и терминированном значении, с которым они пришли к нам и были усвоены нами, они стали известны французскому литературному языку нового времени. Возникает вопрос: почему же все-таки значительное число слов, пришедших к нам, насколько мы можем судить по их семантике и другим признакам и свидетельствам, в это время из французского языка, приняли у нас латинизированную форму, а не сохранили формальных особенностей источника? Этот вопрос имеет очень важное значение для характеристики процесса лексических заимствований в XIX в.

Дело в том, что заимствования XIX в. приходили уже на подготовленную почву, они подвергались уже известной первичной обработке на базе сложившейся традиции заимствования. Уже в XVIII в., имевшем дело с заимствованием довольно широкого круга книжных латинских слов, сложились некоторые устойчивые разряды заимствованных слов, некоторые характерные особенности их формы. Так, уже там сложился разряд существительных отвлеченного значения (процессуального) с суфф. *-ация*. Так, уже там было представлено немало слов, где латинским *g* и *h* соответствовало русское *г*, латинскому *c* — русское *ц*. Наш язык был уже подготовлен к этой латинизированной обработке заимствований. Уже в XVIII в. начал складываться класс глаголов латинского, французского и немецкого источника с немецким по происхождению суффиксом *-ировать*. Что же удивительного в том, что в силу сложившейся традиции франц. compromettre, citer, jouer, importer, bouder, voter, exploiter, varier, remonter и пр. в русском языке оформлялись как *компрометировать*, *цитировать*, *жуировать*, *импортировать*, *будировать*, *вотировать*, *эксплуатировать*, *варьировать*, *ремонтировать*, хотя ни о каком немецком посредстве здесь речи и быть не могло. Это был уже готовый формальный образец, прочно усвоенный русским языком.

Несомненно, что это наличие готовых образцов, привычных способов передачи заимствованных слов облегчало их заимствование и их ассимиляцию русским языком. Можно привести характерные примеры, показывающие силу и воздействие этих установившихся традиций. Ведь многие варианты заимствованных слов, первоначально возникавшие

в русском языке и более непосредственно отражавшие формы французского источника, не выдержали конкуренции более стандартных и привычных вариантов и исчезли из употребления. Так (помимо уже указанных примеров), не удержались, хотя и были в речевом употреблении XIX в., такие формы, как *скандалезный*, *мускулезный* (ср. франц. scandaleuse, musculeuse), сдав свои позиции более привычным образованиям прилагательных с суфф. *-ный* или *-истый* непосредственно от основы существительного,[265] или такие варианты, как *принсип*, *инисиатива*, *комплексия*, *аплодисман* и т. д. Любопытно, что в некоторых случаях мы видим победу французского варианта, но после длительного сосуществования и конкуренции с латинизированным. Так, первоначально более сильными вариантами были *эманципация*, *ваканция*.

Число слов, восходящих непосредственно к французскому источнику и отражающих его не только по своей семантике, но и в особенностях своей формы, очень значительно. Таковы *аванс* (avance), *ажитация* (agitation), *ажур* (à jour), *аксессуар* (accessoire), *амбициозный* (ambitieuse), *ансамбль* (ensemble), *апломб* (aplomb), *афера* (affaire), *банальный* (banal), *бельэтаж* (bel étage), *буржуазия* (bourgeoisie), *вакансия* (vacance), *вестибюль* (vestibule), *вуаль* (voile), *галантный* (galant), *гурман* (gourmand), *дебаркадер* (débarcadère), *дебаты* (débats), *дебош* (débauche), *декольте* (décolleté), *диссонанс* (dissonance), *доктринер* (doctrinaire), *драп* (drap), *жакет* (jaquette), *жанр* (genre), *жаргон* (jargon), *жест* (geste), *идеал* (idéal), *иллюзия* (illusion), *импозантный* (imposant), *интимный* (intime), *интриган* (intrigant), *кабина* (cabine), *калька* (calque), *кальсоны* (caleçon), *картонаж* (cartonnage), *кафе* (café), *кашне* (cache-nez), *кепи* (képi), *клика* (clique), *клише* (cliché), *код* (code), *коммивояжер* (commis voyageur), *кордебалет* (corps de ballet), *корсаж* (corsage), *кошмар* (cauchemar), *крем* (crème), *локомотив* (locomotive), *макет* (maquette), *мальпост* (malle-poste), *маньяк* (maniaque), *мансарда* (mansarde), *маринад* (marinade), *мемуары* (mémoires), *меню* (menu), *метранпаж* (metteur en pages), *миллионер* (millionaire), *монпасье* (montpensier), *морг* (morgue), *мотив* (motif), *муар* (moire), *муслин* (mousseline), *мусс* (mousse), *мэр* (maire), *наивный* (naïf), *неглиже* (négligé), *нюанс* (nuance), *одеколон* (eau de cologne), *ореол* (auréole), *официозный* (officieuse), *паника* (panique), *папье-маше* (papier-mâché), *партнер* (partenaire), *пенсне* (pince-nez), *пикантный* (piquant), *пинцет* (pincette), *планшет* (planchette), *плато* (plateau), *поза* (pose), *позер* (poseur), *помпезный* (pompeuse), *портмоне* (porte-monnaie), *портсигар* (porte-cigare), *портьера* (portière), *презентабельный* (présentable), *премьер* (premier), *пресса* (presse), *пресс-папье* (presse-papiers), *престиж* (prestige), *претенциозный* (prétentieuse), *преферанс* (préférence), *приз* (prise), *прожект* (projet), *прожектер* (projeteur), *променад* (promenade), *протеже* (protégé), *пуф* (pouf), *пюпитр* (pupitre), *пюре* (purée), *район* (rayon), *рантье* (rentier), *раса* (race), *рафинад* (raffinade), *реабилитация* (réhabilitation), *реванш* (revanche), *реверанс* (révérence), *режим* (régime), *резервуар* (réservoir), *резюме* (résumé), *реклама* (réclame), *ремарка* (remarque), *рента* (rente), *реплика* (réplique), *респектабельный* (respectable), *ресурс* (ressource), *реформа* (réforme), *рефрен* (refrain), *рутина* (routine), *салон* (salon), *сеанс* (séance), *сезон* (saison), *сенсация* (sensation), *сигарета* (cigarette), *скандал* (scandale), *солидарный* (solidaire), *статуэтка* (sta-

---

[265] Конечно, в этом не было полной последовательности. В силу ряда особых условий иногда выживали и формы другого типа (ср. здесь хотя бы *скабрезный*, *помпезный*, *нервозный*). Но на это были почти всегда особые причины. В некоторых случаях имеем сохранение разных вариантов, но с последующим семантическим размежеванием. Ср. *нервный* и *нервозный*, *агитация* и *ажитация*.

tuette), *талон* (talon), *тампон* (tampon), *тапер* (tapeur), *тембр* (timbre), *тир* (tir), *тираж* (tirage), *тире* (tiret), *тривиальный* (trivial), *туберкулез* (tuberculose), *турне* (tournée), *фанфаронада* (fanfaronnade), *фарсер* (farceur), *фат* (fat), *федеративный, федеральный* (fédératif, fédéral), *фельетон* (feuilleton), *фильтр* (filtre), *флакон* (flacon), *фойе* (foyer), *фон* (fond), *фонд* (fonds), *форс* (force), *фразер* (phraseur), *фривольный* (frivole), *фрондер* (frondeur), *шанс* (chance), *шансонетка* (chansonnette), *шарж* (charge), *шатен* (châtain), *шевелюра* (chevelure), *шедевр* (chef-d'oeuvre), *шемизетка* (chemisette), *шик* (chic), *шиньон* (chignon), *шовинизм* (chauvinisme), *экивок* (équivoque), *эскиз* (esquisse), *эскорт* (escorte), *эстамп* (estampe), *эстрада* (estrade), *этюд* (étude) и др.

Но этот список еще не дает полного представления о заимствованиях этого времени из французского источника. Сюда следует присоединить также слова, относительно которых можно с уверенностью сказать, что они также восходят к французскому источнику, хотя их оформление традиционно латинизированное. Это относится к тем книжным словам-терминам интернационального характера, которых не было собственно в латинском языке и которые были образованы на почве французского языка XVIII—XIX вв., а также к тем словам, восходящим к латинскому источнику, которые во французском языке нового времени существенно изменили свое значение, терминологизировались и в этом новом терминологическом значении были усвоены русским языком в XIX в. Это существенно изменяет картину сравнительно с тем списком, который был только что представлен. На основании этого списка слов, заимствованных в своем непосредственно французском обличии, можно было бы вывести заключение, что среди заимствований из французского языка преобладали слова бытового характера, лексика предметно-номенклатурная или узко-терминологическая. На самом же деле из французского источника непосредственно нами были усвоены и многие книжные слова общего широкого значения, те, которые по мере своего распространения в различных языках становились в XIX в. интернационализмами. К первому разряду слов, т. е. слов, восходящих к латинским или греческим словообразовательным элементам, но образованных во французском языке нового времени и распространившихся затем в других языках, напр., относятся *актуальность* (франц. actualité), *альтруизм, анимизм, антагонизм, антипатия, ассоциация, бюрократия, вотировать, демократизм, дифференциация, индивидуализм, индифферентизм, интернациональный, кандидатура, клерикализм, кодификация, коллективист, коммунизм, коммунист, констатация, конституционализм, либерализм, милитаризм, мистификация, мобилизация, монархизм, национализм, обскурантизм, организм, параллелизм, парламентаризм, позитивизм, политеизм, пролетариат, реакция, реакционер, ригоризм, санитарный, сенсуализм, сепаратизм, социализм, социалист, социология, специалист, теизм, утилитарный, утилитаризм, утопист, федерация, формализм, централизация, цивилизация, эклектизм, экспроприация, энциклопедизм* и др.

Ко второму разряду слов, т. е. слов, восходящих к латинскому (или греческому) языку, но на почве французского языка XVIII—XIX вв. получивших особое терминированное значение и именно в этом особом значении усвоенных русским языком XIX в., напр., относятся *агитация, активный, ассимилировать, доктрина, индустрия, индустриальный, инерция, интуиция, катастрофа, коллективный, коммуна, компетенция, конкуренция, консерватор, конспирация, концепция, концессия, кооперация, корректный, манифестация, новатор, номинальный, плагиат, плебисцит, популярный, провокация, прогресс, прокламация, пролетарий, пропаганда, проституция, прототип, процесс, регресс, ренегат, реставрация, ретроград, социальный, субъект, такт, террор, тип, традиция, факт, эвакуация, эво-*

люция (в смысле: развитие), *эмансипация*, *эффект* и др.

Заимствование из других живых европейских языков в это время следует признать более ограниченным. Второе и третье места, после французского, по числу заимствованных из них слов занимают английский и немецкий языки, но общее количество слов, заимствованных в 30—90-е гг. XIX в. из обоих этих языков, несравненно меньше, чем слов, заимствованных из французского. Основную массу их составляют специальные термины или слова бытового характера. К заимствованиям этого времени из английского языка следует отнести *бойкот*, *бокс*, *бульдог*, *бюджет*, *вагон*, *веранда*, *вокзал*, *джунгли*, *жюри*, *интервью*, *керосин*, *клозет*, *клоун*, *клумба*, *колледж*, *комфорт* и *комфортабельный*, *коттедж*, *крокет*, *лидер*, *макинтош*, *митинг*, *мюль*, *памфлет*, *пиджак*, *пойнтер*, *плед*, *поккер*, *пони*, *раут*, *револьвер*, *рельс*, *роббер*, *сеттер*, *скальп*, *смокинг*, *сноб*, *спич*, *спорт*, *текстиль*, *тоннель*, *флирт*, *чартизм*, *чек*, *чемпион*, *экспорт*, *юмор*, *янки* и нек. др. Следует заметить, принимая во внимание форму слов, что в некоторых из этих случаев не исключено посредничество французского языка (ср. *бюджет*, *вагон*, *веранда*, *жюри*, *памфлет* и нек. др.).

К заимствованиям этого времени из немецкого языка относятся *абзац*, *бутерброд*, *вальдшнеп*, *вентиль*, *гастроль*, *гелертер*,[266] *дюны*, *камвольный*, *кегельбан*, *кельнер*, *киста*, *клякса*, *книксен*, *крах*, *лейтмотив*, *мольберт*, *рейс*, *социал-демократ*, *филистер*, *циферблат*, *швах*, *шенкель*, *штамп*, *штос*, *штудировать*, *шулер* и нек. др. Но воздействие немецкого языка не ограничивается только передачей этого сравнительно небольшого круга слов. Можно отметить, что наряду с этим имело место калькирование ряда немецких слов (см. § 15). Мы не можем забыть также того, что в определенных условиях имело место и семантическое воздействие немецкого источника при заимствовании и усвоении ряда «интернациональных» терминов, напр. влияние немецкой философской литературы, и прежде всего Гегеля, на формирование научно-философской терминологии 30—40-х гг. в кругу Белинского, а затем — в конце века — воздействие марксизма.

Очень незначительными, эпизодическими были заимствования в это время из других языков — итальянского, восточных и др. Ср. несколько терминов и «экзотических» слов, заимствованных из итальянского и закрепившихся в нашем языке с этого времени: *буфф* (словари иностранных слов 60-х гг. дают еще обычно в форме *буффо*), *карбонарий* (также *карбонари*, *карбонар*), *колоратура*, *лаццарони*, *лимит* (впервые фиксирующий это слово Слов. Берез. 1874 дает его еще в форме *лимито*), *майолика*, *малярия*,[267] *ноктурно* (в этой форме слово еще дают словари 60-х гг. (напр., Толль), также *ноттурно*; в офранцуженной современной форме укрепляется к концу века), *тарантелла*, *фиоритура*, *фреска* (первоначально словари приводят обычно в форме *фреско*) и нек. др. К испанскому языку восходят *лассо*, *мулат*, *пахитос(а)*. Но и здесь, как правило, выступает французское посредство. Слова восточного происхождения (обозначение местных предметов и понятий) приходили к нам в это время преимущественно с Кавказа (ср. *абрек*, *мюрид*, *нарзан*, *халва*, *чадра*, *шашлык*). Но ср. турецк. *фес* (*феска*). Видимо, сербизмом следует признать в нашем языке слово *главарь*. Ср. об этом замечание Я. К. Грота

---

[266] Ср. у Белинского: *гелерт* (V, с. 582; VI, с. 343).

[267] Ср.: «С некоторого времени европейские врачи стали называть *маляриею*, злокачественным воздухом, malaria, ту причину, которой обыкновенно приписывают перемежающиеся лихорадки, томность, расслабление органов и помертвение покровов, так часто замечаемые у обитателей мест [в Италии], где эти лихорадки ежегодно свирепствуют» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 70).

в Слов. Акад. 1892. Во всяком случае, оно начинает в печати у нас употребляться в связи с русско-турецкой войной 1877 г.[268] Чрезвычайно незначительно для этого времени (столь сильное в XVII—XVIII вв.) польское влияние. Можно указать лишь на несколько полонизмов, которые входят в наш язык в XIX в. Ср. *зразы*, *луза* (впервые Д[1]), *фанаберия*, *фортель*. Ср. также *концовка* и *маевка*.[269]

§ 15. С вопросом о прямом заимствовании слов из иноязычного источника смыкается вопрос о так наз. «кальках» иноязычных слов. Термин *калька* в лингвистическом смысле, как известно, впервые был пущен в оборот Ш. Балли и с тех пор прочно бытует в языкознании.[270] Не входя здесь в обсуждение достоинств и недостатков самого термина, заметим, что под словами *калькирование* и *калька* при этом нередко объединяются различные процессы и явления; в самой теории «калькирования» и в ее практическом применении часто наблюдаются случаи смешения и отождествления различных явлений.[271]

Прежде всего калькирование нередко сближается и почти отождествляется с буквальным переводом иноязычных слов.[272] Правда, при этом калькированные слова или словосочетания становятся постоянными величинами в языке, а буквальных переводов «вообще может быть столько, сколько различных синтагм и предложений переводится с одного языка на другой».[273] Но одно это указание на константность калек в усвоившем их языке как на отличительный признак их от обычных буквальных переводов слов и выражений не вносит необходимой точности разграничения.

Слово *калька* продолжает употребляться для обозначения разного типа переводов иноязычных слов и сочетаний слов или буквальных соответствий иноязычным словам. Так, Б. Унбегаун различает среди калькированных слов и сочетаний славянских языков кальки лексические, производные и сложные слова (типа *мировоззрение* — нем. Weltanschauung, *склонность* — лат. inclinatio, *образование* — нем. Bildung), т. е. не только передающие значение иностранного слова, но так или иначе воспроизводящие и его структуру, его форму; кальки семантические (типа *утка* в смысле «ложное известие» в соответствии с этим особым значением франц. canard) и кальки фразеологические (*задняя мысль* в соответствии с франц. arière-pensée).[274]

---

[268] Впрочем, впервые его отмечает Д[1] с диалектной пометкой «Владим.».

[269] О *концовке* см.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова; ВЯ, 1953, № 5. Слово *маевка* начинает впервые встречаться в литературе 80-х гг. Ср. в романе В. Авсеенко «Злой дух» (СПб., 1883): «Нынче ему [польскому аристократу] вдруг вздумалось отпраздновать новоселье на даче, или, как он выражался, сделать „маевку“» (II, с. 187). К концу века слово получает в рабочих кружках свое новое значение.

[270] Ср.: Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, с. 69, а также вводную часть статьи Б. Унбегауна: Le Calque dans les langues slaves littéraires (Revue des Études slaves, t. XII, Paris, 1932, pp. 19—23).

[271] Интересная классификация и терминированное разграничение различных случаев воздействия на формы и семантику одного языка со стороны другого языка представлена в книге: W. Betz. Deutsch und Lateinisch. Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn, 1949. См. также: K. Schumann. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedentungen im Altbulgarischen Berlin, 1958.

[272] Ср. в статье R. S. [Р. Шор] «Кальки» (Литературная энциклопедия, V, 1931; с. 73—74; «термин лингвистической стилистики, введенный Ш. Бальи для обозначения буквальных переводов иноязыких слов и выражений»). Ср. также замечание А. А. Белецкого (Об интернационализмах, с. 68): «Между переодеванием (калькой) и тем, что называется буквальным переводом, нет почти никакой разницы».

[273] А. А. Белецкий. Об интернационализмах, с. 68.

[274] Заметим, кстати, что само по себе определение Ш. Балли еще не предусматривает расширительного понимания кальки и отнесения сюда разного рода семантических изменений слова одного языка под влиянием другого. Ср.: «Каль-

Основной недостаток существующих рассуждений о калькированных словах и выражениях состоит в их односторонности; они построены на учете лишь одной стороны акта калькирования или буквального перевода — воздействия одного языка на другой — и игнорируют другой момент — момент восприятия, усвоения соответствующих слов и выражений иным языком. Между тем вообще в любом процессе заимствования важно сочетание именно этих двух сторон — воздействия языка-источника и усвоения слова языком заимствующим; тем более это важно для процесса перевода, т. е. передачи иностранного слова наличными языковыми средствами усваивающего языка.

При таком двустороннем учете этих явлений очень существенным является отчетливое разграничение различного рода «переводов» иноязычных слов и выражений. В этом смысле вопрос о калькировании лишь частично совпадает с вопросом о переводе или буквальной передаче иноязычных слов. И не только потому, что при буквальном переводе мы имеем дело с простым сопоставлением в речи единиц одного языка с единицами другого языка, а при калькировании речь идет о появлении новых постоянных единиц в одном языке под воздействием другого.

Представляется прежде всего целесообразным тесное приурочение термина *калька* только к одному кругу лексико-фразеологических переводов иностранных слов, а именно к тем словам и устойчивым сочетаниям слов, не только семантика, но и структура которых непосредственно отвечают семантике и структуре иностранных слов и выражений и о которых можно с достаточной определенностью сказать, что они явились под воздействием соответствующих иностранных слов и выражений как их перевод и буквальная передача. Единство этих трех признаков создает необходимые условия для признания того или иного слова или сочетания слов калькой в собственном, тесном смысле этого слова.

Таким образом, вопрос о кальках с исторической точки зрения выступает, с одной стороны, как вопрос о заимствовании новых лексико-фразеологических элементов в данный язык из другого языка, а с другой — как вопрос об образовании в данном языке новых слов и выражений из наличных уже в нем словообразовательных или лексических элементов, но под непосредственным воздействием другого языка, по образцу его слов и выражений.

При таком ограничении понятия, во-первых, к калькам не могут быть, естественно, отнесены те примеры новых лексических единиц, которые несомненно представляют перевод иноязычного слова и явились под его воздействием, но не «копируют» его, не отвечают его формальной структуре (ср. *промышленность* по отношению к франц. industrie и лат. industria); во-вторых, сюда не могут быть отнесены многочисленные случаи, где в процессе перевода и в обстановке двуязычия является семантическое сближение уже наличного в данном языке слова со словом-синонимом другого языка (ср. указанное *утка* — canard, *вкус* — франц. goût, *рассеянный* — нем. zerstreut, *образование* — нем. Bildung и т. п.).[275] Все случаи этого последнего рода следует выделить в особый раздел. Мы

ками мы называем слова и выражения, образованные механически, путем буквального перевода, по образцу выражений, взятых из иностранного языка» (Французская стилистика, с. 69).

[275] Практически нередко к калькам иностранных слов причисляются такие слова, которые ранее существовали в русском языке и в отношении которых можно, самое большее, говорить именно о семантическом сближении их в процессе перевода со сходными по «внутренней форме» словами другого языка. Так, неправомерно рассматривается обычно как калька иностранного слова явившееся в XVIII в. слово *расстояние*. Между тем это слово, но в ином значении, является и в памятниках более раннего времени; в XVIII в. оно лишь семантически видоизменяется под влиянием латинского аналога distantia.

предпочитаем для обозначения этих явлений вместо термина *семантические кальки* (который к тому же лишь частично их покрывает) название *семантическая индукция*. Речь, повторяю, идет об изменении значения или о появлении нового значения, короче — о семантическом видоизменении под воздействием иноязычного источника уже существующих в языке слов. Совпадение во «внутренней форме», в структуре слов обоих языков так же, как и синонимичность их в исходном, основном «собственном» значении, является моментом, облегчающим эту «семантическую индукцию».

Подобное терминологическое разграничение представляет не только внешнее удобство; оно имеет и принципиальное значение, поскольку в каждом из этих двух случаев мы имеем дело с различной степенью воздействия иноязычного источника и с различными процессами в языке усваивающем. Степень воздействия иноязычного источника при прямом калькировании слов следует признать более сильной, нежели в случаях «семантической индукции». Несомненно, слова-кальки в тесном смысле этого термина ближе стоят к прямым заимствованиям. Как в процессе прямого заимствования слов одним из наиболее существенных результатов оказывается появление в заимствующем языке новых элементов в его лексической и словообразовательной системе (новых основ, новых аффиксальных элементов), так и при прямом калькировании иноязычных слов являются в языке новые слова, а иногда формируются и новые классы и разряды слов. Ср. распространение в русском языке XVIII—XIX вв. разряда существительных и прилагательных с префиксом *сверх-* в результате появления калек-переводов соответствующих немецких слов с префиксами über- (*сверхъестественный* — übernatürlich, *сверхмерный* — übermässig, *сверхчеловек* — Übermensch), unter- (*подвид* — Unterart, *подпочва* — Untergrund); также распространение некоторых разрядов и групп сложных слов, напр. со второй частью *-мерный* (*закономерный*, *правомерный*), *-способный* (*дееспособный*, *правоспособный*, *кредитоспособный*), с первой частью *миро-* (*миросозерцание*, *мировоззрение*, *мировосприятие*) и т. д.

В случае «семантической индукции» имеет место не просто буквальный перевод словом одного языка слова другого языка, но и воздействие семантики иноязычного слова на семантику слова заимствующего языка. Расширение семантико-фразеологических возможностей слова, появление новых предметно-понятийных связей у слова и установление отношений между его основным значением и новым фразеологически связанным значением — результат этого процесса индукции. Вот почему только при появлении и закреплении таких связей между значениями слова заимствующего языка мы можем говорить об осуществившейся семантической индукции. Напр., в первые десятилетия XVIII в. явились различные попытки перевести русским словом значения латинского геометрического термина arcus — *лук* и *дуга*; но только в последнем случае мы можем говорить о семантической индукции, ибо с установившимися значениями русского слова *лук* это особое терминологическое осмысление оказалось связать невозможным. В середине XIX в. являлись попытки передать франц. compétent — *компетентный* русским словом *довлительный*, однако оно осталось не вовлеченным в «семантическое поле» французского слова. Напротив, в случаях специфических образно-переносных осмыслений слов *сливки*, *утка* (ср. значение франц. crème, canard) установилась прочная связь между основным, прямым значением русского слова и его новым, «индуктированным» фразеологически-связанным осмыслением (*сливки общества*, *газетная утка* и т. д.). Таким образом, при явлениях семантической индукции мы имеем дело не только с внешним соотнесением и семантическим сближением слов разных языков, но и с внутрен-

ним изменением семантики слова данного языка, испытывающего воздействие другого языка, усложнение этой семантики, изменение фразеологических связей данного слова, новую реализацию его основного значения. Этим объясняется особенно «скрытный», незаметный характер случаев «семантической индукции». Здесь редки случаи омонимического разрыва значений слов. Новые «значения» легко прививаются к слову, тесно связываются с исходным, основным его значением, лишь расширяя, смещая и видоизменяя, но не разрушая его.

§ 16. В XVIII в. процесс калькирования иноязычных слов (особенно латинских и немецких) занимал, как уже было указано, очень значительное место в ходе пополнения словарного запаса русского книжного языка. Напротив, прямое заимствование, особенно во вторую половину века, было более ограниченным.

В XIX в., особенно с 30—40-х гг., случаи калькирования, также сравнительно многочисленные, не могут, однако, в количественном отношении быть поставлены в один ряд с явлениями прямого заимствования: число прямых заимствований явно и очень значительно превышает общее количество калек.

Естественно (и это отмечалось неоднократно исследователями),[276] что калькирование сильнее представлено в тех языках, где особо развитыми оказываются явления деривации и словосложения. По мнению Унбегауна, оно очень сильно выражено в немецком языке, слабо — во французском языке; русский язык, по его мнению, занимает здесь среднее положение. В русском литературном языке XIX в., как мы уже отмечали, сравнительно немного прямых заимствований из немецкого и английского языка (напротив, очень велико число заимствованных слов из французского источника). Зато основную массу новых слов-калек составляют в это время переводы немецких слов. Среди них первое место занимают кальки сложных слов. Напротив, среди прямых заимствований из немецкого и английского языков сравнительно мало сложных слов и префиксальных образований (ср. *бутерброд*, *вальдшнеп*, *гастроль*, *камвольный*, *лейтмотив*, *мольберт*, *фестиваль*, *абзац*, *бульдог* и нек. др.). Эти немногочисленные и одинокие заимствования легко теряли свою «внутреннюю форму», «опрощались» (ср. *гастроль*), подвергались фонетическим изменениям (ср. *мольберт* из нем. Malbrett; еще Ре .. ф .. ц приводит в форме *мольбрет*; *мольберт* — впервые Д[1]). Как интересный факт, отличающий эту эпоху от предшествующего времени и требующий своего объяснения, отметим, что мы почти не встречаем среди вошедших в русский язык 30—90-х гг. XIX в. калек с латинских и греческих слов. Конечно, в процессе перевода новых слов и терминов они являлись и в это время, но не удерживались, легко уступая место прямому заимствованию (ср. *самозаконность*, *самозаконие* и *автономия*). «Интернациональные» элементы словаря, а к таковым именно относятся ряд латинизмов и образований из латинских и греческих морфем, особенно легко приживались в это время в языке; «перевод» их часто казался уже делом нарочитым и искусственным.

Ниже мы приводим наиболее важные и прочно затем укоренившиеся в нашем языке новообразования 30—90-х гг. XIX в., которые можно с достоверностью считать прямой передачей иноязычных слов, их буквальным переводом, точно воспроизводящим их структуру, их «кальками». Поскольку все эти слова, несмотря на несомненное воздействие иноязычного источника и первоначальную зависимость от него, являются тем не менее русскими новообразованиями, мы подробнее скажем о важ-

[276] Ср., напр., указанную статью Б. Унбегауна (Revue des Études slaves, XII, 1932, p. 22).

нейших из них в главе, посвященной собственно русским новообразованиям; там будут приведены и наиболее существенные факты из истории их употребления в литературном языке XIX в.

Кальки немецких сложных слов, особенно многочисленные в это время, относятся прежде всего к сфере общекнижной лексики; это слова, выражающие отвлеченные понятия, явления идеологического или психического мира. Ср. *взаимодействие* (первоначально — *взаимнодействие*; Wechselwirkung),[277] *взаимоотношение* (Wechselbeziehung), *всесторонний* (allseitig), *жизнедеятельный* (lebenstätig), *жизнерадостный* (lebensfroh), *жизнеспособный* (lebensfähig), *закономерный* (gesetzmässig), *миросозерцание* (Weltanschauung), *наукообразный* (обычное в философско-публицистических произведениях 30—40-х гг. слово, несколько позднее замененное самостоятельным русским образованием *научный*; ср. нем. Wissenschaftlich), *общеизвестный* (allgemeinbekannt), *общепонятный* (gemeinverständlich), *общечеловеческий* (allmenschlich), *первооснова* (Urgrund), *полноправный* (vollberechtigt), *потусторонний* (jenseitig), *правомерный* (rechtmässig), *прекраснодушие* (Schöngeisterei), *противовес* (и *противовесие*; Gegengewicht), *противопоставить* (entgegenstellen), *работоспособный* (arbeitsfähig), *равнозначный* и *равнозначащий* (gleichbedeutend), *равноправный* (gleichberechtigt), *самодеятельный* (selbsttätig), *самообразование* (Selbstbildung), *самосохранение* (Selbsterhaltung), *свободолюбивый* (freiheitsliebend), *свободомыслие* (Freidenkertum), *целесообразный* (zweckmässig). Большая часть этих калькированных слов распространяется в русском литературном употреблении с 30-х гг. (в отдельных случаях — несколько ранее; ср. *односторонний*) и закрепляется в языке к началу второй половины XIX в.; ряд образований — более позднего времени.

Достаточно обширен также круг специальных терминов (названий наук и их отдельных разделов; правовых и финансово-экономических терминов, биологических и медицинских, производственно-технических), калькированных с соответствующих немецких сложных слов. Ср. *водораздел* (Wasserscheide), *водоснабжение* (Wasserversorgung), *дееспособный* (handlungsfähig), *естествознание* и *естествоведение* (Naturkunde), *землеведение* (Erdkunde), *здравоохранение* (Gesundheitsschutz), *землевладение* (Grundbesitz), *землепользование* (Bodennutzung), *зубоврачебный* (zahnärzttlich), *клинопись* (Keilschrift), *клинообразный* (и *клиновидный*; Keilförmig), *конькобежец* (Schlittschuhläufer), *корнеплод* (Wurzelgewächs), *кредитоспособный* (kreditfähig), *кровоизлияние* (Bluterguß), *мочеиспускание* (Harnentleerung), *народоведение* (Volkskunde), *светобоязнь* (Lichtsscheu) и др.[278] В отдельных случаях находим также бесспорные кальки с немецких сложных слов, но более свободные, с иным сочетанием частей. Ср. *плоскогорие* (нем. Hochebene).

---

[277] Вопрос об образовании этих слов не всегда прост. Не всегда легко решить, даже когда мы имеем дело с точной копией соответствующих иностранных слов, с точной передачей структуры их, какую роль играл здесь прямой перевод, а какую — самостоятельное сложение слова на базе известного ранее русского сочетания слов. Таким трудным случаем является и образование слова *взаимодействие*. Его первоначальный вариант *взаимнодействие* складывается несомненно как «сгущение» словосочетания *взаимное действие*. То же следует сказать и о сущ. *миросозерцание*, образованию которого предшествовало существование сочетания *мировое* созерцание (см. подробнее гл. II, с. 309 и 311—314). Бесспорным в этих случаях остается только известное влияние иноязычного оригинала, поскольку и сами указанные сочетания слов были «переводом» иностранных слов.

[278] Возможно также *снегопад* (нем. Schneefall; первые случаи употребления относятся к концу века; см., напр., фенологические заметки Д. Кайгородова в «Новом времени» (1899, № 8269)). Впрочем, возможно и самостоятельное образование; ср. *листопад*. Б. Унбегаун (Revue des Études slaves, XII, p. 40) считает также калькой с немецкого *паровоз* (Dampfwagen).

Термины этого рода систематически калькировались на протяжении всего века, особенно заметен их приток, однако, во вторую половину его.

Нетрудно заметить среди этих сложных слов группы аналогических образований. Таковы сложные слова с первой основной частью *взаимо-* (*взаимодействие, взаимо(взаимно)зависимость, взаимо(взаимно)образный, взаимоопределение, взаимоотношение, взаимо(взаимно)помощь, взаимосвязь* и т. п.). Таким образом, если и не все слова этого рода являются кальками с немецких слов, в языке складывается новая модель сложных слов, формируется отчасти путем буквального перевода, отчасти путем образования по аналогии новая группа слов.[279]

Бурно развивавшимся в течение всего этого времени был разряд сложных слов с первой (почти морфологизированной) частью *само-*. Эта модель закрепилась в русском языке еще в древнюю эпоху, под воздействием соответствующих греческих слов с первой частью αὐτο-. Естественно, что здесь были уже обычными в новое время самостоятельные, явившиеся на русской почве образования.[280] Однако среди них можно отметить ряд слов отвлеченного значения, обозначавших различные явления общественно-политической жизни и внутреннего, психического мира, явившихся несомненно в процессе перевода соответствующих немецких или, в отдельных случаях, английских слов. Ср. отмеченные выше: *самодеятельный* и *самодеятельность*, *самообразование*, *самосохранение*; ср. также *самоуправление* (англ. Selfgovernment),[281] *самозабвение* (нем. Selbstvergessenheit), *саморазложение* (нем. Selbstzersetzung), *самобичевание* (нем. Selbstgeißelung), *самозабвение* (Selbstverleugnung), *самосознание* (Selbstbewußtsein), *самосовершенствование* (Selbstvervollkommung) и нек. др. В каждом отдельном случае нелегко судить, было ли данное слово непосредственно переводом иноязычного слова или явилось независимо, однако несомненно, что этот разряд значительно пополнился за счет калькированных слов и что это воздействие со стороны других языков расширяло его семантическую сферу (напр., за счет слов, обозначающих общественную активность лиц типа *самодеятельность*, *самоуправление* и т. д.).

Ср. также расширение группы сложных слов с первой частью *жизне-*. В Слов. 1847 находим лишь *жизнеописание* (впрочем, там же ряд слов церковнославянского источника с первой частью *жизно-*: *жизнодавец*, *жизнодатель*, *жизнолюбный*, *жизноносный*, *жизноподательный*, *жизнотворный*, *жизноточный*). У Даля встречаем уже *жизнелюбивый* и *жизнелюбец*, *жизнедеятельность* (ср. нем. Lebenstätigkeit). См. еще в Слов. Акад. 1898: *жизнерадостный* (*-ость*), *жизнеспособный* (*-ость*), *жизнеприспособленный* (*-ость*), *жизнепонимание* (с цитатами из Л. Толстого), *жизнестроительный* (*-ство*) (с цитатами из Салтыкова-Щедрина). Появление сущ. *миросозерцание*, соответствующего нем. Weltanschauung, повело к образованию ряда слов аналогического характера (*мировоззрение*, *мировосприятие*, *мироощущение*, *мироразумение*).[282]

Калькированию ряда немецких слов обязана своим появлением группа правовых терминов с первой частью *право-*: *правоспособный*, *правонарушение* и *правонарушитель* (ср. нем. Rechtsverletzung, Rechtsverletzer), *правопорядок* (нем. Rechtsordnung), *правоведение* (нем. Rechtswissenschaft). Ср. «область правонарушений» (Михайловск., II, с. 8; 1869);

---

[279] См. подробнее об этом в этюде о слове *взаимодействие* гл. II, с. 309.

[280] См. подробнее гл. II, с. 300—304.

[281] Впрочем, слово *самоуправление* встречается в Слов. Сок. в толковании старинного сущ. *самочиние* (отдельной статьи на слово *самоуправление* там нет). Но здесь это не более как вариант слова *самоуправство*. Впервые *самоуправление* как термин фиксирует и толкует Д[2].

[282] См. примеры в гл. II, с. 317.

«Среди всяких правонарушителей есть всегда своя аристократия» (Мам.-Сиб., VIII, с. 18). См. еще: *правоотношение* («Существующие ныне в цивилизованном мире правоотношения»; Сев. вестн., 1886, № 3, отд. 2, с. 140); *гражданские правоотношения* (Шелг., III, с. 139); *праволишение* («В самом законодательстве нашем заметно желание парализировать... вред праволишения»; Дело, 1876, № 2, отд. 2, с. 15); *правосознание* («народное правосознание» — А. Кони, За посл. годы, с. 291).

Небольшие, но рельефно выделяющиеся по своему особому типу группы составили слова со второй частью *-мерный*, *-способный*, *-сторонний*.[283] В словах *правомерный* (*неправомерный*), *закономерный* (ср. позднейшее новообразование *планомерный*) второй элемент не имеет отношения к мере, измерению (как в иных образованиях с той же основной частью: *чрезмерный*, *сверхмерный*; *маломерный*, *полномерный*, *трехмерный* и т. п.), он, собственно, вносит значение «сообразный с чем-либо» (ср. наличные в XIX в. вариантные образования, напр. *законосообразный*). Все образования XIX в. со второй частью *-способный* и с первой частью, обозначающей объект этой «способности», т. е. функцию, которую может нести лицо или общество (ср. *дееспособный*, *жизнеспособный*, *кредитоспособный*, *правоспособный*), следует, очевидно, признать калькаами соответствующих немецких слов (вторая часть -fähig).[284]

Сюда следует прибавить также несколько производных слов, являющихся несомненною передачей немецких слов и относящихся к 30—60-м гг. XIX в. Таковы: *женственный* (ср. значение нем. weiblich) и *женственность* (Weiblichkeit; впрочем, здесь и воздействие со стороны более ранних образований — *мужественный*, *мужественность* — см. последние в Слов. 1847), *целостный*, *целостность* (ср. значение нем. ganz, Ganzheit), *вдуматься* (нем. sich hineindenken), *выглядеть* (нем. aussehen; калька, сложившаяся в разговорном употреблении Петербурга и ставшая обычной в литературном языке с середины XIX в.);[285] *замкнутый* как прилагательное со значениями «обособленный, не связанный с окружающим» и «скрытный, необщительный» (ср. значения нем. verschlossen) и производное от него *замкнутость* (Verschlossenheit);[286] *настроение* (нем.

---

[283] Ср. *односторонний*, *многосторонний*, *всесторонний*.

[284] Вот некоторые данные о лексикографической фиксации и употреблении этих слов в XIX в. *Дееспособность* — Д², Слов. Акад. 1894; *дееспособный* — Слов. Акад. 1895; *жизнеспособный* — Слов. Акад. 1898; *кредитоспособный* и *кредитоспособность* — Слов. Акад. 1916 (с цитатой из книги В. Дорошевича «Сахалин», 1903); ср. также: «Понижение рубля берлинской биржей зависит не от его действительной кредитоспособности и ценности» (Север, 1888, № 10, с. 15); *правоспособность* — Толль, Д² (с пометою «*юрид.*»); ср.: «Говорят, крестьянин правоспособен, и действительно мы думаем, что правоспособность крестьян составляет одно из лучших приобретений, данных реформою 19 февраля» (Салт., VII, с. 290—291). Ср. также более поздние образования (видимо, не ранее начала XX в.): *работоспособный*, *трудоспособный*, *платежеспособный*, *налогоспособный* и наши современные, явившиеся уже по аналогии: *боеспособный*, *обороноспособный*.

[285] Ср. в «Справочном месте русского слова» А. Н. Греча (СПб., 1839): «Не довольно обруселые немцы, переводя с нем. Sie sieht hübsch aus, говорят: „она хорошо выглядит“, вместо „она хороша собою“, или „Чернильница выглядит, как ваза“, желая сказать, что чернильница имеет вид вазы. Слово *выглядеть* значит то же, что *разглядеть*, и отнюдь не может быть употреблено в значении, которое ему придают недоученые» (с. 21—22). Еще Грот в Слов. Акад. 1891, отмечая это «часто встречающееся» употребление гл. *выглядеть*, указывает, что «оно противно как духу русского языка, так и грамматике» (ср. в предшествующих словарях гл. *выглядеть* только как сов. вид от *выглядывать* — «высматривать что»). Но в произведениях различных авторов начиная с 40-х гг. это «неправильное» употребление стало уже довольно обычным (ср. Слов. совр. русск. лит. яз., II: цитаты из «Двойника» Достоевского, из произведений Салтыкова-Щедрина, Шеллера-Михайлова).

[286] На слово *замкнутость* как обязательную принадлежность философского языка 30—40-х гг. иронически указывает Гоголь в «Мертвых душах» (VII, с. 65).

Stimmung); *предвзятый* (нем. vorgefasst), начавшее употребляться с середины XIX в.[287]

Под влиянием характерных выражений немецкого источника сложились и прил. *мировой* (от *мир* — вселенная) [288] и *правовой*.

Слово *правовой* распространяется с 60-х гг. в таких восходящих к немецкому источнику сочетаниях, как *правовые отношения* (Rechtsbeziehungen), *правовое сознание*, *правовое положение*, *правовой порядок*, *правовое действие* и т. п.

Кальки, восходящие к другому языковому источнику, в это время единичны. Ср.: *первообраз* (греч. πρωτότυπος), *международный* (франц. international), *личность* (франц. personnalité; ср. нем. Personlichkeit), *полусвет* (франц. demi-monde), *самоуправление* (англ. Selfgovernment).

§ 17. Число случаев «семантической индукции» для этого времени является также довольно значительным, однако все-таки менее обильным, чем для XVIII и начала XIX в. И здесь перевес был на стороне прямого заимствования слов в тех случаях, когда иностранное слово представляло какое-нибудь специфическое значение, необходимость в котором ощущалась в русском языке.

Выявление случаев семантической индукции сталкивается с очень серьезными трудностями. Как уже сказано, здесь мы имеем дело обычно лишь с известной модификацией основного значения слова, со сближением и известным приспособлением его семантики к семантике слова другого языка, а часто всего лишь с расширением его фразеологических возможностей, ведущих к появлению новых фразовых сочетаний (напр., к объединению слов конкретного значения со словами отвлеченного значения). Направление семантических изменений в различных европейских литературных языках этого времени было в значительной степени аналогичным, и сам русский язык имел дело со сходными семантическими процессами, очень бурно в нем протекавшими.[289] В этих условиях легко принять самостоятельно явившиеся в русском языке семантические сдвиги за след воздействия иноязычного источника и, напротив, легко не заметить отражения этого влияния в естественной «логике» семантического развития русского слова. В качестве общих положений можно принять поэтому следующие:

1. Взаимодействие в этих процессах семантического развития слов между русским и французским, немецким, английским языками было постоянным и сильным.

2. Основные процессы семантического развития слов в русском литературном языке были во многих отношениях аналогичны таковым же процессам в указанных европейских языках, но они были столь же сильно обусловлены внутренней логикой развития самого русского литературного языка.

Ср.: «Все отрасли ведения имеют самобытность, замкнутость» (Герц., III, с. 100); «Органическая целость и художественная замкнутость изящных произведений» (Бел., III, с. 518); «оконченность, полнота и *замкнутость* целого» (Бел., IV, с. 200). О насмешках со стороны пуристов над этим словоупотреблением философских кружков 30—40-х гг. см. также Бел., VIII, с. 30—31. Впрочем, уже к середине века слово это вышло за пределы чисто философских рассуждений, «обмирщилось» и получило в широком употреблении те значения, выражающие положение лица и его характер, с каковыми оно и остается в русском языке: Ср.: «Эта разница [в характере людей] замечена и общим мнением, которое обозначает ее словами: человек общительный и человек замкнутый» (Черн., XI, с. 230); «Егор Панкратов вел замкнутую жизнь» (Карон., Соч., с. 167) и т. п.

[287] См. о нем в гл. II, с. 285—286.

[288] См. о нем подробнее в связи с историей сущ. *миросозерцание* — гл. II, с. 211—212.

[289] См. об этом гл. III.

Здесь приведем только те случаи, где воздействие иноязычного источника можно признать сильным и несомненным.

Таковы, напр., новые научно-философские значения, сложившиеся к середине века в словах *положительный* и *отрицательный* (ср. *позитивный* и *негативный*); под несомненным воздействием западноевропейской политической терминологии, особенно французской, отложились с середины XIX в. новые символико-политические осмысления в прил. *красный* и *белый*, *левый* и *правый* (ср. также *крайний*), в сущ. *болото*.[290] Не без влияния немецкого или французского источника складывались новые, относящиеся к сфере теоретического рассуждения значения в словах *воззрение*, *вопрос*, *задача*, *направление* (ср. нем. Richtung), *область*, *порядок*, *среда* (франц. milieu). Под известным влиянием слова *скицы* получило новое литературно-жанровое определение слово *очерк*.[291] Под влиянием нем. Welt к середине XIX в. приобретает новые семантико-фразеологические границы русск. *мир* (ср. в таких сочетаниях, как *мир поэзии*, *духовный мир*, *мир переживаний*, *мир животных* и т. п.).

Несколько ярких переносных значений от названий бытовых предметов является под прямым воздействием французского языка; ср. *сливки* (франц. crème), *ясли* (детские; франц. crèche), *гвоздь* (франц. clou).[292] Ср. также сложившееся к середине XIX в. новое образно-переносное осмысление слов *лев* (франц. lion — *светский лев*),[293] *утка* (франц. canard — *газетная утка*).

Ряд фразеологически устойчивых сочетаний, закрепляющихся в русском языке с этого времени, представляет буквальный перевод иноязычных сочетаний слов. Таковы *детский сад* (франц. jardin d'enfants), *железная дорога* (франц. chemin de fer), *задняя мысль* (франц. arrière-pensée), *медовый месяц* (англ. honeymoon; франц. lune de miel; нем. Honigmond), *быть под парами* (франц. être sous vapeur), *пробный шар* (франц. ballon d'essai; нем. Versuchsballon), *сестра милосердия* (франц. sœur de charité), *синий чулок* (нем. Blaustrumpf) и нек. др.

Вообще в обстановке двуязычия в дворянской среде и при обильных переводах французских книг французский язык и в это время продолжает оказывать особенно заметное воздействие в сфере фразовых сочетаний слов. Ср. многообразные сочетания с глаголами *делать* (*сделать*),

---

[290] Ср. также смысловое развитие прил. *представительный* (*представительное правление* и под.), сущ. *охранитель*, *охранительный* (франц. conservateur). Особое значение слова *кружок*, складывающееся в публицистике 30—40-х гг. («группа людей идейно связанных»), явилось также, видимо, не без влияния соответствующих значений франц. cercle и нем. Zirkel.

[291] Вероятно, не без воздействия нем. Artikel суживается до пределов обозначения определенного жанра в литературной терминологии и слово *статья*.

[292] Ср.: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. Уч. зап. каф. русск. яз. Московского Государственного педагогического инст., № 42, 1947.

[293] С конца 30-х гг. такое употребление слова *лев* уже в полном ходу, нередко в каламбурных сочетаниях. Ср.: «Зато я и в Петербурге между львами, тиграми и прочими злокачественными знаменитостями встречал таких людей, которые ни на какого зверя, даже на человека, не похожи, а в Петербурге дома — как рыба в воде» (Герц., II, с. 191); «Наши галломаны, англоманы, львы, онагры, петиметры, агрономы, конформисты так и просятся в комедию Гоголя» (Бел., V, с. 144; там же и ироническое новообразование: «Это франтовство и *львинство* без изящности»). См. также в «Северной пчеле» (1840, № 214) фельетон «Что такое лев?», объясняющий происхождение и смысл этого переносного употребления. В английском языке *львами* называли знаменитостей (что отчасти отразилось и в русском языке 30—40-х гг.). Во французском языке слово *лев* (lion) получило значение «светского щеголя» и в этом смысле сблизилось с переносным значением сущ. onagre — осел. Ср. наряду с *лев* употребление у нас в этом смысле и слова *онагр*. Последнее стало особенно популярным после повести И. И. Панаева «Онагр» (Отеч. зап., 1841, № 16).

производить, *иметь* (напр., *делать вид*, *сделать* (*производить*) *впечатление*, *делать успехи*, *делать карьеру* и т. п.). Но этот вопрос уже выходит за рамки чисто лексикологического исследования.

§ 18. Мы подробно рассмотрели вопрос о заимствовании слов иноязычного источника в русский литературный язык в 30—90-х гг. XIX в., потому что правильное решение его имеет большое теоретическое значение. Вместе с тем процесс заимствования иностранных слов, столь интенсивный в эту эпоху, составляет очень значительную главу в общей истории русского литературного языка нового времени. Можно смело сказать, что он во многих отношениях обозначает важный водораздел в общем течении истории русского литературного языка; здесь отчетливо проходит граница двух различных периодов развития.

Теория языкового заимствования до сих пор разработана очень слабо. В освещении этого вопроса приходится сталкиваться обычно с двумя точками зрения, внешне друг друга исключающими, но сходящимися в своих общих теоретических основаниях.

Одна точка зрения представлена в истории языкознания различными пуристическими направлениями, стремящимися либо преградить путь заимствованиям в язык, либо ограничить их. Отдавая должное этим пуристическим тенденциям в их борьбе за чистоту литературной речи и против злоупотребления иностранными словами, употребления их без надобности, мы не можем не заметить, что теоретические основы различных пуристических школ в истории языкознания являлись крайне зыбкими, что они чаще всего обнаруживали свою практическую непоследовательность, а в тех случаях, когда они пытались быть вполне последовательными, представители этих школ приходили обычно к потере чувства реального, к выводам крайним, в своем роде цельным, но фантастическим, не считающимся с живой языковой действительностью.

Основная беда многих пуристических теорий состояла в их неисторичности. Представители этих школ не замечали и часто не хотели замечать процесса непрерывного и закономерного развития языка, складывающегося в конкретных условиях, под влиянием конкретных обстоятельств. История языка представлялась им только как совокупность фактов прошлого, как наличная данность языка. Признавая законность того, что уже есть в языке, они не хотели признавать законность того, что продолжает в нем складываться. Отсюда — обычная непоследовательность их в отношении иноязычных заимствований. Признавая вольно или невольно прошлые заимствования, те, которые уже прочно вошли в язык и нашли свое определенное место в нем, потеряли иноязычный отпечаток и ассимилировались исконным его элементам, они, однако, возражали против тех заимствований, которые еще только входили в язык, еще не вполне были им усвоены и освоены. В первом случае они судили о заимствованиях с точки зрения языка их усвоившего, во втором случае смотрели на них только как на факты языка иного, их передающего. Каждое следующее поколение пуристов post factum расширяло круг признаваемых заимствований, повторяя общие возражения своих предшественников о ненужности и вредности последующих заимствований. Так, Шишков и его школа признавали не только грецизмы, вошедшие в русский язык в древности, с распространением христианства, но и некоторые европейские заимствования, явившиеся с начала XVIII в. и официально признанные, но отвергали в принципе те новые заимствования, которые настойчиво пробивали себе путь в конце XVIII в. Пуристы 30—40-х гг. XIX в., напр. Булгарин и Греч, уже признавали иностранные слова, встречающиеся в произведениях Карамзина и его школы, слова, усвоенные употреблением первой четверти XIX в., но реши-

тельно восставали против новых слов, усваиваемых языком передовой интеллигенции 30—40-х гг.

Внешне этим пуристическим взглядам противостоит другая точка зрения, признающая неизбежность заимствований и смотрящая на лексику данного языка как на объект непрерывных влияний и воздействий со стороны других языков. Эти ученые, — их особенно часто можно встретить среди иностранных исследователей русского языка, — принимают процесс «европеизации» русского языка как важнейший процесс в течение всей его новой истории и понимают его обычно как усердное, но пассивное усвоение западных лексических элементов, как преобразование его лексико-семантической структуры, вполне объясняемое этим внешним воздействием. В таком случае нередко оказывается, что «обогащение» словарного состава нашего языка в первую очередь зависит от того, насколько он принимает и усваивает эти новые, пришлые элементы.[294] Особенностью этого рода исследований сравнительно с предыдущими является то, что они не игнорируют и не преуменьшают фактов заимствования (а, напротив, всячески подчеркивают и даже иногда преувеличивают эти факты), признают и подчеркивают их законность и закономерность, их обусловленность историческими обстоятельствами, т. е. живыми историческими связями и контактами различных языков.

Но одно объединяет эти два противостоящих подхода к явлениям языкового заимствования. Оба они обнаруживают характерную односторонность в оценке явления, по самой своей сути двустороннего. Оба они смотрят на процесс заимствования как на простую передачу элементов одного языка другому языку, как на пассивное принятие чужих языковых элементов данным языком. Различие сводится к тому, что одни смотрят на это усвоение как на обогащение данного языка, другие же — как на постоянную угрозу потери им его самобытности, угрозу его оскудения и падения.

Между тем процесс заимствования иноязычных слов есть процесс двусторонний. Это не только простая передача готовых элементов одним языком во владение другого языка. Это вместе с тем процесс их органического освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преображения — формального и семантического — в условиях иной системы. Именно о процессе заимствования, — если только это действительно акт усвоения и приспособления заимствованных слов, а не механическое перенесение в иную речевую стихию некоей совокупности иностранных слов, — можно сказать, что это процесс по преимуществу творческий, активный, предполагающий высокую степень самобытности усваивающего языка, высокую ступень его развития.

Более того, в процессе заимствования следует видеть не только простую потребность в новых лексических элементах со стороны данного языка, не только удовлетворение его нужды в недостающих средствах языкового выражения (ведь этот недостаток может быть восполнен различными путями), а отражение общих внутренних закономерностей развития данного языка. Заимствование является только одной стороной этого развития, находящейся в тесном соотношении с другими проявлениями общих закономерностей.

Ход и исход того процесса, о котором говорилось в этой главе, т. е. процесса заимствования иностранных слов на протяжении 30—90-х гг., лучше всего свидетельствует об этом.

Плохо понятые охранительно-пуристические тенденции вели часто к преуменьшению того обильного потока лексических заимствований,

---

[294] См. наши замечания в рецензии на книгу Г. Хютль-Ворт «Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII Jahrhundert». ВЯ, 1958, № 5.

которые входили в отдельные эпохи истории нашего языка, и особенно в данную эпоху, или к стыдливому замалчиванию многих фактов этого рода.

Каковы же факты, если говорить об интересующем нас периоде в развитии русского литературного языка?

Это прежде всего очень значительное число иноязычных заимствований, относящихся к данному времени, т. е. либо впервые в это время начинающих употребляться в русском языке, либо прочно входящих с этого времени в норму литературного употребления. Такие слова представлены в это время не единицами, а сотнями.

Это, далее, относительная сжатость сроков, понадобившихся на прочное усвоение такого значительного числа заимствованных слов. Ведь этот процесс усвоения, активно начавшийся во второй половине 30-х гг., можно считать в основном завершившимся в 70-х гг. — период не более 35—40 лет, т. е. в пределах жизни одного-двух поколений. Если вспомнить, что вопросы о целесообразности или нецелесообразности тех или иных иноязычных заимствований, начавших обильно приходить в русский язык с начала XVIII в., оставались не вполне решенными и занимали внимание в течение более чем столетия, — картина получается разительная.

Это, в-третьих, значительный удельный вес многих из заимствованных в это время слов особенно в сфере книжного языка, языка публицистики прежде всего (именно в это время приобретающей особо важное значение и большое влияние), в кругу общественно-политической лексики в особенности.

Надо, наконец, иметь в виду и то важное для понимания всего явления обстоятельство, что многие из заимствований, как и указывали пуристы того времени, вообще имели те или иные синонимические соответствия в русском языке и в этом смысле не являлись абсолютно необходимыми. Однако и эти слова в большей части случаев выживали и оставались в употреблении, дойдя в русском литературном языке до наших дней.

Все эти бросающиеся в глаза факты можно объяснить лишь важнейшими факторами, имеющими самое тесное отношение, с одной стороны, к развитию русской действительности и к истории русской общественной мысли, с другой стороны — к состоянию и внутренним закономерностям движения лексической системы русского литературного языка. О факторах первого рода мы уже говорили в первых параграфах этой главы. Развитие новых общественных отношений в том же направлении, в каком оно шло и на Западе, распространение и развитие новых демократических и социалистических идей, в тесной связи с передовой общественно-политической и философской мыслью Западной Европы, вело закономерно к усвоению обширного круга новой терминологии.

Процесс усвоения иноязычных заимствований с указанными выше характерными его особенностями вместе с тем может быть правильно истолкован только при учете внутренних факторов развития русского литературного языка.

Этот процесс не случайно оказался одним из первых, очень широких по объему процессов, захвативших русский литературный язык новейшего времени, в непосредственно послепушкинскую эпоху. В пушкинскую эпоху сложились в основном нормы современного русского литературного языка, определилась его стилистическая система. Только в этих условиях сложившихся национальных норм литературного языка, когда он достиг полной самобытности и свободы, он мог в относительно очень короткое время впитать в себя обширный круг новых слов иного источника, быстро их ассимилировать, не опасаясь искажения своих собственных правил и законов. В этих условиях не могли уже иметь серьезного

значения и старые пуристические взгляды, далекие от понимания живого развития языка.

Нет нужды подробно говорить здесь о той роли, какую играл в этом процессе быстрого отбора и усвоения новых заимствованных элементов сознательный фактор. Именно то обстоятельство, что этим вопросам такое большое место уделяла на первых порах русская передовая публицистика, особенно Белинский, определило быстрое и правильное их разрешение.

Но этого мало. Быстрое и прочное усвоение многих иноязычных слов определялось не только высоким уровнем развития, достигнутым нашим литературным языком, и той свободой и интенсивностью, которую получило это развитие после Пушкина. Оно определялось также основным направлением новых сложных процессов, протекавших в языке с этого времени. Важнейшей задачей в послепушкинскую эпоху, после того как окончательно установился вполне самобытный облик нашего литературного языка, опирающегося на источники живой народной речи, становилось быстрое восполнение недостающих элементов лексико-семантической системы нашего языка, наиболее широкое развитие сложной и многообразной системы стилей русской литературной речи, системы различных по своей природе и тональности выразительных средств литературного языка.

Одним из наиболее ощутимых признаков недостаточного развития лексической системы русского языка к 20—30-м гг. XIX в. был, как указывал Белинский, недостаток необходимых терминологически устойчивых слов в кругу общественно-политической лексики и тех слов, которые касались выражения различных понятий социальной и психической жизни. Естественно, что этот недостаток проще всего и целесообразнее всего оказывалось восполнить за счет уже установившейся терминологии европейского происхождения, получившей особенное развитие тогда во французском языке и в значительной степени восходившей к латинскому источнику. Конечно, этот недостаток мог быть восполнен и другим путем, путем создания своих новых слов, в частности — и русских «отпечатков» (калек) с известных европейских слов. Но этот путь был бы, во-первых, более сложным, трудным и длительным, особенно если бы он был принят как главный или исключительный,[295] а во-вторых, и менее целесообразным, с точки зрения Белинского и его единомышленников, по существу, поскольку для образованной публики европейские термины этого рода были достаточно известными и легко оказывались привычными; эти термины уже прочно срослись на европейской почве с определенными понятиями.[296]

---

[295] Как мы видели, широкое заимствование слов вовсе не исключало и других процессов — калькирования и семантического перевоплощения уже известных русских слов. Они только заняли теперь, сравнительно с предшествующим временем, подчиненное положение.

[296] Правильность выбора в этих условиях именно такого пути хорошо иллюстрирует история других европейских языков, предпочитавших по тем или иным причинам первоначально другой путь. Так, известно, что в силу специфических условий борьбы за национальное возрождение и освобождение чешская передовая интеллигенция в середине XIX в. держалась пуристических принципов и противопоставила свои особые термины общеевропейской терминологии. Ср. чешск. divadlo — театр, hudba — музыка, sval — мускул, soutěž — конкурс, конкуренция, mluvnice — грамматика и др. В дальнейшем развитии чешского языка был, однако, воспринят и известный круг «интернациональных» слов, отчасти оказавшихся новыми синонимами к уже утвердившимся чешским словам. В известной степени аналогичное развитие видим и в немецком языке XIX в., где первоначально преобладающая склонность к созданию своих слов и калек сменяется более свободным усвоением «интернационализмов».

Другая и важнейшая сторона развития лексико-семантической системы русского литературного языка в послепушкинскую эпоху состояла в ярко выраженной тенденции к максимальной дифференциации слов по смыслу, к размежеванию слов, совпадающих в каком-либо общем значении, по семантическим оттенкам, подчеркивающим какую-либо одну сторону понятия, и по стилистической характеристике. Это привело к созданию в XIX в. многих новых синонимических рядов. Наряду со словами низового просторечия, изменявшими свое значение при начале своей новой жизни в русском литературном языке,[297] и новые заимствованные слова легко входили в эти синонимические ряды. Несмотря на обильное вовлечение в русский литературный язык нового времени иноязычных слов, которые, на первый взгляд, совпадая в самом общем своем значении с уже известными русскими словами, не были, казалось, необходимыми в нем, подавляющее большинство их нашло все же свое особое место в этих синонимических рядах. Сфера их семантического наполнения и их стилистической употребительности становилась, как правило, иной, чем у самых близких к ним русских синонимов. Заимствованные слова, сходясь в своем общем значении с этими русскими синонимами, расходились с ними в специальных оттенках, в круге своего употребления, во фразеологических связях с другими словами. Иноязычные заимствованные слова оказывались более склонными к терминологизации, к сужению их смысла, они составили поэтому необходимую принадлежность научной и публицистической речи, где особенно важна была как раз степень максимальной уточненности понятия. Нередко соотношение старого русского и нового заимствованного синонима выражало различную степень одного и того же понятия, создавалась естественная градация синонимических слов. Ср. семантическое размежевание таких слов, как *страх* и *паника*, *крушение* и *крах*, *восторг* и *пафос*, *вызов* и *провокация*, *сочувствие* и *симпатия* и т. п. Это размежевание по смыслу и терминологическое сужение семантики иноязычных слов вело иногда к полному разрыву смысловых связей между ними (ср. *скандал* и *соблазн*, *вещественный* и *конкретный*). Но чаще связи все же сохранялись, хотя полного совпадения по смыслу и употреблению слов не было. Ср. еще соотношения таких слов, как *активный* и *деятельный*, *пассивный* и *страдательный*, *галлюцинация* и *призрак*, *гуманный* и *человечный*, *интеллект* и *ум*, *инфекция* и *зараза*, *конкуренция* и *соревнование*, *легальный* и *законный*, *наивный* и *простодушный*, *персонаж* и *лицо*, *ренегат* и *отступник*, *симптом* и *признак*, *солидарный* и *согласный*, *энергия* и *сила* и т. п.

Так слова иноязычного происхождения после тех или иных колебаний в своем значении в момент своего вхождения в русскую речь теряли нередко свое общее значение, с которым они были известны языку-источнику, и получали новое, терминологически осложненное и фразеологически суженное значение в русском употреблении.[298] Из слов иностранных они становились словами заимствованными, необходимыми и долговечными членами иной лексической системы.

Заимствование иноязычных слов имело своим последствием не только изменения в лексической системе русского языка (вхождение новых номинативных элементов, обогащение и развитие синонимических рядов, семантическая дифференциация слов русских и заимствованных, сходных по общему смыслу, стилистические и фразеологические размежева-

---

[297] См. об этом подробнее в гл. III.

[298] Ср., напр., общее значение франц. assigner — предлагать, назначать и лишь специальное значение русск. *ассигновать* (см. еще в офранцуженной речи гоголевского Манилова: «Это кресло у меня ассигновано для гостя»); франц. traiter и современное значение русск. *третировать; франц.* fait и русск. *факт* и т. д.

ния слов русских и новозаимствованных). Оно отразилось и в словообразовательной системе русского языка.

Наличие среди этих заимствований однородных структурных образований вело к вычленению новых морфем и к формированию новых словообразовательных разрядов. Отметим, напр., бурный рост начиная с 30-х гг. XIX в. таких словообразовательных разрядов, как существительные с суфф. *-изм*, *-ист*, *-ация* (*-изация*). Очень обильно пополнялся разряд заимствованных глаголов с суфф. *-ировать*. Сравнительно ограниченные, но вполне определившиеся особые разряды составили существительные с суфф. *-ёр*, *-ер*, *-тор* и *-атор*, *-анция*, *-енция*; слова с словообразующими элементами *-фил* (ср. также *-фильство*, *-фильский*), *-ман*, *-мания*, *-фоб*, *-фобия* (а также *-фобство*, *-фобский*), *-логия*. Среди префиксальных образований существительных и прилагательных новые живые разряды представили образования с преф. *а-*, *анти-*, с первой частью *архи-*, *квази-*, *псевдо-*, *ультра-*. Характерным явлением этого времени было распространение заимствованных прилагательных с усложненными суфф. *-альный*, *-арный*, *-ивный*, *-озный* (*-ёзный*), *-абельный* и т. д., с суфф. *-ический*, *-истский*.[299] Некоторые из этих разрядов стали в это время живыми и продуктивными в системе русского словообразования. Характерным явлением этого времени было уже свободное образование в русском литературном языке и даже в разговорной речи новых слов с заимствованными суффиксами не только от заимствованных, но и исконно русских основ.[300] Еще более широким стало образование производных слов с различными русскими словообразующими элементами от иноязычных основ.[301] Это один из решающих признаков прочного усвоения новозаимствованных лексем русским литературным языком.

Выше (§ 4) мы говорили о том, что одним из показателей новизны лексических заимствований является их сильная морфологическая вариантность. Напротив, характерным признаком прочного вхождения иноязычного слова в лексическую систему русского языка является устранение этой вариантности. Естественно, что эта вариантность была особенно сильной в период наиболее бурного заимствования новых слов, т. е. в 30—70-е гг. XIX в. Здесь можно отметить первоначальную неустойчивость в звуковом облике иноязычных слов (напр., *авантюрист* и *авантурист*, *агитация* и *ажитация*, *аплодисмент* и *аплодисман*, *бюджет* и *буджет*, *ваканция* и *вакансия*, *интенсивный* и *интензивный*, *консультировать* и *консюльтировать*, *новелла* и *нувелль*, *партнер* и *партенер*, *помпезный* и *помпозный*, *реставрировать* и *ресторировать*, *сноб* и *снобс*, *спекулянт* и *спекулант*, *тоннель* и *туннель* и т. п.). Такая вариантность объясняется воздействием разных языковых источников, часто борьбою двух тенденций — тенденции отражения непосредственных особенностей произношения того языка, из которого слово заимствуется, и тенденции подчинения произношения слова уже сложившимся нормам передачи иностранных слов. Можно отметить, что такие колебания были особенно сильны в 30—40-х гг. К концу века они были уже почти преодолены. Более сильной оказалась на протяжении всего этого времени вариантность морфологическая. Очень многочисленны, напр., случаи колебаний в роде (со-

---

[299] См. об этом гл. II.

[300] Ср., напр., *царизм*, *службист*, *шагистика* и т. д. О некоторых из таких образований см. гл. II.

[301] Особенно обширен круг прилагательных, образованных от иноязычных основ с суфф. *-ный*, *-ский* (и их вариантами), отчасти с суфф. *-овый* (ср. *типовой*, *массовый*, *классовый*), существительных с иноязычной основой и суфф. *-ость*, *-ство*, *-ние*. Симптоматично также распространение образований от заимствованных основ с некоторыми экспрессивными суффиксами (ср. *либеральничать*, *популярничать* и т. п.).

ответственно и в типе склонения) существительных, связанные также с воздействием языка-источника и с борьбой двух тенденций — отразить грамматический род, с которым данное слово выступает в языке-источнике, и определять родовую принадлежность слова по общим формальным признакам русского языка.[302] Однако и здесь можно отметить, что эта вариантность в значительной степени устраняется в последние десятилетия XIX в.

Характерным явлением для данного времени является также интенсивное пополнение круга иноязычных несклоняемых существительных (типа *бюро*, *пальто* и др.) и постепенное устранение колебаний в роде среди этих существительных.

Наиболее сильной на протяжении этого времени была вариантность словообразовательная. Здесь можно отметить, напр., колебания между образованиями существительных с разными суффиксами (ср. *диагностик* и *диагност*, *догматист* и *догматик*, *доктринарист* и *доктринер*, *драматист*, *драматик* и *драматург*, *компонист* и *композитор*, *консерватист* и *консерватор*, *обскурантист* и *обскурант*, *полемик* и *полемист*, *ретроградист* и *ретроград*, *рутинист*, *рутиньер* и *рутинер*, *сектатор* и *сектант*, *спекулятор* и *спекулянт*, *утилитарий* и *утилитарист*, *финансье* и *финансист*, *химист* и *химик* и мн. др.). Характерна и вариантность образований существительных с суффиксами заимствованными или русскими (ср. *доктринаризм* и *доктринерство*, *иезуитство* и *иезуитизм*, *протестантство* и *протестантизм*, *сектантизм* и *сектанство* и т. п.).[303]

Очень многочисленными были вариантные образования в кругу прилагательных с иноязычной основой (ср. *документный* и *документальный*, *инертивный*, *инерционный* и *инертный*, *комфортный* и *комфортабельный*, *мускульный* (*мускулистый*) и *мускулезный*, *мускулярный*, *принципный* и *принципиальный*, *скандалезный* и *скандальный*, *шикозный* и *шикарный* и т. п.). К концу века и эта вариантность почти устраняется. Таким образом, во второй половине века мы наблюдаем процесс нормализации в употреблении заимствованных слов.

---

[302] Ср. обширный, но далеко не исчерпывающий список таких колебаний в книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (вып. 2, изд. 2, Пгр., 1915, с. 119—122).

[303] См. дополнительные замечания об этом в гл. II. Подробнее эти вопросы освещаются в специальных исследованиях, входящих в серию «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» (М., 1964).

Глава II

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ 1830—1890-х гг.

Образование новых слов от известных словообразовательных элементов путем деривации и словосложения всегда играет важнейшую роль в обогащении и развитии лексической системы языка. Но не всегда оно протекает с одинаковой степенью интенсивности. Есть эпохи в истории языка, когда в силу как внешних, так и внутренних причин образование новых слов становится особенно активным, и за относительно ограниченный срок лексическая система языка включает в себя большое число неологизмов. К таким периодам несомненно относятся и 30—70-е гг. XIX в., эпоха значительных преобразований стилистической системы литературного языка и в то же время чрезвычайно обильного пополнения его состава новыми словами, в том числе произведенными на русской почве. Многие слова, — термины-названия и экспрессивные синонимы, образованные в это время, — прочно вошли в круг постоянно употребительной лексики нашего языка. Ниже мы остановимся на причинах, внешних и внутренних, определивших особую активность словопроизводства в эту эпоху.

Но при характеристике процесса образования новых слов важно учитывать не только чисто количественную сторону, саму интенсивность процесса. Ведь очень активным и обильным было образование новых слов и пополнение их за счет лексической системы языка и в предшествующее время, на протяжении всего XVIII в. и в первые три десятилетия XIX в. Однако направление и характер этого процесса образования слов в XVIII в. и начале XIX в., с одной стороны, и в послепушкинское время, в середине и второй половине XIX в., с другой, оказываются в некоторых существенных отношениях различными. Необходимо хотя бы в общих чертах определить эти существенные различия. Предварительно мы должны будем коснуться общих принципов исследования процессов образования слов с историко-лексикологической точки зрения.

§ 1. Словообразование — область, лежащая на границах грамматики и лексикологии. Но грамматический и лексикологический подход к вопросам словообразования существенно отличаются друг от друга. С точки зрения грамматической, образование новых слов в языке предстает как процесс образования новых гнезд, развития определенных отношений между словами — отношений генетической зависимости, с одной стороны, и как процесс сложения определенных типов и разрядов слов, объединенных одним общим, абстрактно-грамматическим значением, с другой. Исследование при этом невольно «атомизируется», сдвигается в плоскость диахронического прослеживания истории отдельных типов и

гнезд, их распространения и распадения, их внешних границ и внутренних отношений. При исследовании «гнезда» слов пределом конкретизации является, с этой точки зрения, принципиальное различение между генетически проецируемой и исторически ощущаемой связью слов, т. е. выяснение предела членимости слова и, соответственно, предела «гнезда», группы слов, объединенных единством происхождения в сознании говорящих на данном языке в данную эпоху его исторического развития. Гнездом слов — при такой конкретизации — являются не вообще все слова, исторически связанные единством происхождения, а лишь те, у которых эти связи остаются открытыми, осознаваемыми. Короче говоря, пределом конкретного изучения здесь является процесс так называемого «переразложения слова». *Взять* и *предвзятый* при этом воспринимаются как члены одной группы, несмотря на то, что второе слово с чисто исторической точки зрения вряд ли может быть рассматриваемо как производное от первого (см. о нем ниже). *Взять* и *понять* рассматриваются как члены разных гнезд (для современного языка), хотя исторически, в отдаленном прошлом, они были образованиями параллельными, вышли из одного гнезда.

При исследовании словообразовательных типов или рядов пределом конкретизации является, с этой грамматической точки зрения, выделение в едином общем типе внутренних более узких групп, определяемых модификацией общего грамматического значения, видоизменением семантических отношений между словами. Так, в едином типе образований существительных с суфф. *-ость*, с общим отвлеченным значением качества или свойства, выделяются отдельные группы, напр. группа существительных, образованных от страдательных причастий настоящего времени с суфф. *-м-* со значением возможного, потенциального качества (*выделяемость*, *делимость*, *проводимость* и т. д.), или группа существительных, получающих, помимо исходного качественного значения, также значение личное, обозначающих носителя данного качества (*знаменитость*, *личность* и т. п.).

Точка зрения лексикологическая на образование новых слов в языке лишь частично совпадает с грамматической и во многом отличается от нее. С одной стороны, каждое новое слово интересует историка-лексиколога не только как член известного общего ряда, но и как отдельная «особь», как отдельный «индивид», носитель своего особого значения. С другой, общие словообразовательные типы, отдельные разряды слов интересуют его не столько сами по себе, сколько в их отношениях к другим типам и разрядам, различных в разные эпохи развития языка. Особый смысл приобретает в ходе историко-лексикологического исследования вопрос о том, в силу каких внешних и внутренних причин получают особенное развитие в языке те или иные словообразовательные типы, как складываются семантические отношения между словами, принадлежащими к разным грамматическим разрядам, в частности вопрос о синонимических отношениях словообразовательных вариантов слова (ср., напр., *величие* и *величество*, *либеральствовать* и *либеральничать*, *принципный* и *принципиальный*, *педантизм* и *педантство* и т. д.) и о тех или иных путях разрешения этой исторически складывающейся вариантности. Естественно, что в ходе изучения процессов образования новых слов в определенную историческую эпоху особый интерес приобретает не столько исследование общих словообразовательных разрядов, сколько прослеживание постепенного выделения и формирования внутри этих разрядов указанных выше подгрупп. Ведь выделение таких подгрупп находится обычно в тесной связи с конкретной семантической эволюцией отдельных слов, с вовлечением в процесс словообразования определенного грамматического типа новых основных, исходных слов.

С лексикологической точки зрения, в истории словообразования получает, далее, особый интерес выяснение семантико-стилистических отношений отдельных словообразующих элементов, дающих новое слово. Напр., объединение в слове основ разговорно-просторечного характера и книжных аффиксов (ср. *глупистика*, *разгильдяйство*) или, напр., книжных, нейтрально-терминологических основ и экспрессивных разговорно-просторечных аффиксов (ср. *либеральничать*, *обскурантничать*), объединение основ конкретно-предметного значения и аффиксов отвлеченного значения (ср. *халатность*, *ходульность*), словообразующих элементов заимствованных и исконно-русских (ср. *антинаучный*, *службист*, с одной стороны, и *ренегатство*, *манипулирование* (наряду с *манипуляция*), с другой) и т. д.

Наконец, при изучении словообразования с лексикологической точки зрения особое значение получает учет фразеологических факторов в процессе образования новых слов (ср. сложение обширной группы прилагательных с преф. *без-* на базе сочетаний слов (*безвыходный — без выхода*, *беспринципный—без принципов*, *безыдейный—без идей* и т. п.), образование прилагательных с аффиксальной частью *сверх-* (*сверхмерный*, *сверхсрочный* и т. п.), образование сложных слов путем конденсации, слияния выражений, сочетаний слов (ср. *миросозерцание*, *сногсшибательный*, *небокоптитель* и т. п.).

§ 2. Различия в социально-культурных условиях развития и в семантико-стилистической системе русского литературного языка допушкинского и послепушкинского времени наложили свою печать на словообразование той и другой эпохи. Здесь мы отметим наиболее существенные из этих особенностей образования новых слов в послепушкинскую эпоху.

В XVIII в. с характерным для него господством пуристических тенденций было широко представлено образование новых номинативно-терминологических слов из русских и славенских словообразующих элементов. В послепушкинское время новая номинативно-терминологическая лексика в значительной степени — заимствованная. В связи с этим заметно снижается, сравнительно с предшествующим временем, число книжных образований номинативно-терминологического характера. Любопытно, что ряд предлагаемых в это время русских образований, синонимичных иноязычным словам, не входит в общее употребление; они не стали сильными конкурентами их. Ср. хотя бы предложенное Бестужевым-Марлинским слово *видопись* [1] как передачу по смыслу иноязычных слов *ландшафт* или *пейзаж*. Сенковский в своем журнале поспешил тут же превознести это слово до небес. «Оно так счастливо, — писал он, — так согласно с духом языка, что будет принято с восхищением и благодарностью всею Россиею. Если б автор не сказал, что оно ново, мы бы даже не приметили этого и были бы уверены, что оно родилось того же года, месяца и числа, как слово живопись. „Видопись“ превосходно выражает и искусство пейзажиста и самый пейзаж, т. е. вид страны» (Библ. для чт., 1835, № 12, с. 20—21). Однако «благодарности России» не последовало. Характерно, что возражения против этого неологизма Бестужева раздались сразу со стороны представителей разных литературных течений. В анонимной полемической брошюре «Авторский вечер» (СПб., 1835) выведенный там в пародийном плане Сенковский (под именем Корифея) заявляет, что лучше всего выражение: «Я смотрел ей в глаза целым адом пламени». А «если есть что лучше этого, —

[1] В «Кавказских очерках», опубликованных в «Библиотеке для чтения» (1835, № 12): «Никогда не забуду тебя, видопись алазанской долины» (с. 20); со следующим примечанием от автора: «Волею или неволею, а должны принять господа уставщики кавык мое слово *видопись* вместо пейзаж, по крайней мере зауряд, до изобретения лучшего».

прибавляет он, — то разве одна *видопись*. Напр.: мне представился не *ландшафт*, не *пейзаж*, а мне представилась... *видопись*. Вот словцо! Оно тысячу лет лежало в уме, в сердце и под языком, но нынче только произнес его кто-то. *Видопись*, *видопись*! Не вид, а *видопись*!» (с. 118). Воздерживаясь от явных насмешек, тем не менее не одобряет этого неологизма и Надеждин в своей статье «Европеизм и народность». «Недавно в одном журнале, — пишет он, — прошумели бог весть что про новое слово „видопись", составленное одним из лучших наших писателей взамен нем. „ландшафт" или франц. „пейзаж". По-моему, это не совсем удачная выдумка» (Телеск., 1836, XXXI, с. 237—238). Несколько лет спустя, ополчаясь, как обычно, против введения новых слов иноязычного источника, встречающихся, в частности, в журнале Сенковского, Булгарин вместе с тем не щадит и русских неологизмов «Библиотеки» — упомянутой *видописи* и произведенного позднее, по этому же образцу, слова *светопись*[2] вместо *дагерротип*, *фотография*. «В этом деле, — писал Булгарин, — она [«Библиотека»] поступает всегда без плана и системы. Иногда она выдумывает презабавные русские слова, напр. видопись вместо ландшафт, светопись вместо дагерротип, и гораздо чаще вводит без всякой нужды слова чужеземные и пишет сплошь галлицизмами, не только вопреки духа языка, но также и вопреки логики» (Сев. пчела, 1846, № 10, с. 38). Конечно, в этом частном случае играли известную роль литературные и нелитературные отношения и страсти, — слова эти вызывали оппозицию потому, что их свыше меры превозносил барон Брамбеус. Но здесь отразилось и общее изменение обстановки, новое отношение к определенным способам пополнения лексики литературного языка. Явись такие слова, как *видопись* и *светопись*, ранее, при господстве иных словообразовательных тенденций, они несомненно имели бы больший успех и признание. Ведь еще в конце XVIII в. легко появлялись и принимались, хотя и не выдержали испытания временем, такие славянизированные кальки даже латиногреческих слов, как *единоторжие* (монополия), *единословие* (монолог), *сострастие* и *страстопримство* (симпатия), *противострастие* (антипатия) и пр. Но в XIX в., особенно с 30-х гг., такие образования, славянизированные замены уже редко могли рассчитывать на успех. Вспомним отношение современников к таким новообразованиям Даля, как *ловкосилие* (гимнастика), *одно-(едино)женство* (моногамия), *солнопись* (наряду со *светописью* — фотография), *средоотбойный*, *средоотбежный* (центробежный). Предлагаемое славянофильствующими писателями существительное *быть* не могло предотвратить быстрого распространения слова *факт*. Не встретила сочувствия предлагавшаяся еще в середине века замена слова *компетентный* «природным» словом *довлительный*. Место вполне славенских *средостремительный* и *средодалящий*[3] без сопротивления заняли слова явно гибридного характера: *центробежный* и *центростремительный* и т. д.

Показательно, что новообразованные в 40—90-х гг. сложные слова книжного характера (*миросозерцание*, *правопорядок*, *здравоохранение* и т. д.) представляют собою кальки лишь немецких слов и складываются обычно на базе первоначальных сочетаний слов, путем их своеобразной конденсации (*миросозерцание* из *мирового созерцания* и т. д.). Попытки замен «интернациональных» слов, т. е. слов греческого,

---

[2] Слово *светопись*, впрочем, время от времени встречалось и в языке последующего времени, так же как и производные от него. Ср. *светописец* (*фотограф*) (СПб. вед., 1856, № 184, с. 1009); *светописное искусство* (СПб. вед., 1852, № 45, с. 182). Слова *фотография* оно не вытеснило, но и сейчас находит себе место в специальной терминологии (ср. Слов. русск. яз., IV, с. 66).

[3] Ср. еще в статье М. Павлова «Теория вещества, света и тяжести» (Телеск., 1832, IX, с. 238): «Сила средостремительная».

латинского и французского источника из круга книжной отвлеченной лексики и терминологии, редки и неустойчивы. Показательно также, что некоторые замены иноязычных слов не получают терминологического значения, а уживаются рядом с их «оригиналами» на правах экспрессивных синонимов (ср. *мракобесие*[4] и *обскурантизм*, *охранитель* и *консерватор*).

Итак, во-первых, ограничение, сравнительно с XVIII в., образования новых лексем номинативно-терминологического характера как следствие закрепления и широкого распространения заимствованных лексем такого характера; ограничение, во-вторых, сравнительно с тем же временем, калькированных образований книжного («славянизированного» — с исторической точки зрения) типа — вот что прежде всего симптоматично для процессов словообразования послепушкинской поры.[5]

Сопоставляя словообразование этого времени со словообразованием в литературном языке XVIII в., мы можем наблюдать своеобразное упрощение живых словообразовательных типов, выдвижение на первый план нескольких из них, наиболее активных и жизнеспособных. В литературном языке XVIII в. словообразование носило часто «экспериментальный» и индивидуальный характер. Характерно, что многие из новообразований, которые так щедро предлагались различными авторами XVIII в. — поэтами и прозаиками, учеными и переводчиками, — не вошли в общее употребление, не укоренились в нем. Но это до самого конца века не останавливало бурного потока таких новообразований, предлагаемых ка́лек и лексических замен иноязычных терминов в особенности. Ср. значительное число их у Карамзина и Радищева, в «Письмовнике» Курганова (в его «Словотолке») и т. д., причем большая часть этих предлагаемых неологизмов, носящих на себе явный отпечаток речевых склонностей их авторов, рассчитана на то, чтобы занять какое-то место в лексической системе языка. Но чем обильнее были новообразования у того или иного писателя XVIII в., тем меньший процент их становился общим достоянием. Такова была судьба многих словообразовательных поисков и находок Тредиаковского, Радищева и др.[6]

Напротив того, в XIX в., особенно с 40-х гг., является очень большое число аналогических образований, необычайно бурное развитие сравнительно ограниченного числа словообразовательных разрядов, напр. обширнейшего ряда существительных с суфф. *-ость* (на протяжении века более тысячи новообразований), *-ние*, *-ка*.

Можно далее отметить, что в XIX в. сравнительно ограниченное место занимают индивидуальные новообразования. Можно указать немногих писателей, которые были особенно щедры на образование новых слов и охотно создавали новые слова разного типа «на случай» (Бестужев-Марлинский, Сенковский, Бенедиктов, отчасти Белинский; позднее — Герцен, Салтыков-Щедрин, Лесков). У них мы найдем также довольно большое число образований «неожиданных», «индивидуальных». Но эти новообразования, особенно у писателей середины и второй половины

---

[4] Впрочем, это образование несколько более раннего времени. См. гл. I, стр. 96—97.

[5] «Кование» книжных слов вызывало насмешки уже у Карамзина и его последователей. Но еще решительнее отрицание этих искусственных новообразований и признание их неспособности заменить входящие в употребление иностранные слова в 30-е гг. XIX в. Вот что писал об этих попытках Надеждин в статье «Европеизм и народность»: «Большая часть литераторов, осмеливающихся ковать новые слова, действуют на удачу, и если иногда впопад, то совершенно случайно, чаще ж дают промахи, за которые над ними ж смеются, не ставя ни во что благонамеренность их усилий» (Телеск., 1836, XXXI, с. 237—238).

[6] Ср. об этом: Г. Хютль-Ворт. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956.

века, как правило, «контекстуального» характера. Они меньше всего претендуют на роль новых элементов языка, номинативных лексем. Это, как правило, образования особого назначения, преследующие конкретные цели художественной изобразительности и выразительности, предназначенные именно для данного случая. Сравнительно немногие из этого рода индивидуальных образований стали устойчивыми единицами в общем употреблении (ср., напр., *злопыхательство* — неологизм Салтыкова-Щедрина). Но большая часть неологизмов этого времени лишена явных примет индивидуального образования. Вот почему часто так трудно применительно к XIX в. (в отличие от XVIII в.) указать на конкретного «виновника» того или иного нового слова и на точную дату появления слова. Если и по отношению к авторам XVIII в. такие приурочения часто затруднительны и ошибочны, то в отношении XIX в. они зачастую просто невозможны. Большинство неологизмов этого времени слишком типично, закономерно, «обезличено»; это часто плод группового или кружкового словотворчества: они легко образовались, легко подхватывались широким кругом лиц и быстро и незаметно становились общим достоянием. В XVIII в. и даже еще в первые десятилетия XIX в. образование новых слов было предметом постоянного серьезного обсуждения, многие неологизмы обсуждались и рассматривались, сравнивались и оценивались с разных сторон и точек зрения. «Искусство неологии» стояло при этом на первом плане и ставилось очень высоко. Авторы гордились удачно образованным словом, по их почину вошедшим в употребление, и сами не раз заявляли об этом. В XIX в., точнее говоря в послепушкинскую эпоху, «спором о словах» занимались по преимуществу писатели и публицисты пуристического направления, а они уже часто оказывались людьми отсталыми и мало влиятельными. Большинство, а вместе с ними и вдохновители идейной борьбы этого времени, относились к этому делу проще. Они свободно образовывали слово по известному уже типу и образцу, если оно им было необходимо, и не вступали в спор об «авторстве». Они, как правило, не входили в придирчивое обсуждение слова с чисто эстетической или грамматической, словообразовательной точки зрения. Их почти исключительно интересовало только одно — насколько точно, ясно и доступно слово выражает определенное понятие, определенное отношение к явлению действительности. Итак, преобладание типизированных новообразований и быстрое вхождение их в общее употребление — вот другая характерная черта литературного языка этого времени.

Для XVIII и начала XIX в. характерна сильная вариантность лексических образований, в частности одновременных по своему появлению в речи. Ср., напр., свободное сосуществование в это время многих синонимичных образований существительных с суфф. *-ость* и *-ство* или *-ие*, *-ние* (*величество* и *величие*, *ничтожество* и *ничтожность* и т. д.). Для XIX в., особенно для второй его половины, характерно систематическое сокращение лексических вариантов и словообразовательных дублетов. Параллельное употребление таких вариантов в течение более или менее длительного времени обычно завершалось выходом из употребления одного из них. Ср. историю таких пар, представленных еще в употреблении начала века или всей первой его половины, как *деятель* и *действователь*, *потворщик* и *потворник*, *приверженец* и *приверженник*, *прообраз* и *проображение*, *чувство* и *чувствование*, *пустопорожний* и *пустопорожий*, *легочный* и *легкотный*, *настройка* и *настрой*, *настроение* и *настройство*, *двигатель* и *движитель*, *низость* и *низкость*, *узость* и *узкость*, *нервный* и *нервический*, *обидчивый* и *обидливый*, *покладистый* и *покладливый*, *отрывистый* и *отрывчатый*, *рабочий* и *работный*, *мускульный* и *мускулезный*, *мускулярный*, *революционер* и *революционист*, *обскурант* и *обску-*

рантист, *полемист* и *полемик*, *химик* и *химист* и многие др. С другой стороны, в ряде таких случаев наступало решительное семантическое и фразеологическое размежевание первоначально однозначных вариантов. Ср. *призыв* и *призвание*, *наличие* и *наличность*, *настроение* и *настроенность*, *наследство* и *наследие*, *неудачный* и *неудачливый*, *ширина* и *широта* и т. д.

§ 3. На общий характер и направление словообразования в XIX в. оказывали решающее воздействие два фактора: внешний, связанный с условиями материальной и духовной жизни русского общества этого времени, с борьбою основных идеологических направлений, и внутренний, связанный с характерными процессами, протекающими в стилистической системе русского литературного языка. Действие этих факторов тесно переплеталось, ибо и изменение стилистической системы литературной речи находилось в прямой зависимости от определенного соотношения общественных сил и от общего направления в развитии культурной жизни и идейной борьбы этого времени.

Рассматривая неологизмы этого времени с точки зрения семасиологической, мы видим среди них, как и среди иноязычных слов, заимствованных в это время, преобладание слов книжных, отвлеченных, связанных с обозначением и характеристикой понятий, относящихся к области политической и идейной жизни. Отсюда — особенно сильный, бросающийся в глаза рост таких словообразовательных разрядов слов, как существительные отвлеченного значения с суфф. *-ость* и *-ние*, *-ство*. Немало среди этих новообразованных слов таких, которые получили в языке особую устойчивость и терминологическую однозначность и определенность. Процессы новообразования были также связаны с тем отчетливо выраженным стремлением к дифференциации понятий, которое мы отметили как существенный фактор закрепления в языке многих новых заимствованных слов. Ряды синонимических слов, объединенных общим значением, пополнялись вновь образованными словами, призванными уточнить общее понятие с различных существенных его сторон, особо выделить отдельные признаки этого понятия. Среди слов отвлеченного значения выделяется обширный ряд новых сложных слов, вошедших в общее употребление с этого времени. Как мы уже отмечали, процесс образования этих сложных слов шел параллельно с заимствованием слов. В значительной своей части это слова-кальки, снятые по преимуществу с соответствующих немецких оригиналов.

Развитие классовой, политической и идеологической борьбы, возникновение многих новых направлений в общественной жизни этого времени вызвало к жизни немало новых слов, часто чрезвычайно затем распространенных, обозначавших эти новые течения и направления. Наряду с распространением заимствованных слов этого рода (ср. *либерал — либерализм*, *радикал—радикализм*, *реакционер*, *революционер*, *реформист*, *модерантист* и *модерантизм*, *консерватор* и *консерватизм*, *обскурантист*, *ретроград*, *прогрессист*, *социалист* и *социализм*, *коммунист* и *коммунизм*, *социал-демократ* и т. д.) явились для обозначения особых течений, вызванных русской действительностью, и собственно русские новообразования (напр., *западник* и *западничество*, *почвенник* и *почвенничество*, *крепостник*, *народник* и *народничество*, *народоволец* и *народовольчество*, *землеволец*, *черноперелелец*, *самобытник* и т. п.; ср. также *охранитель*, *постепеновец* и *постепеновщина*, *кружковщина* и под.). Любопытно, что некоторые из этих слов, первоначально явившихся как клички, даваемые сторонникам того или иного направления их противниками, затем (и при этом быстро) получили значение терминологических определений (ср. *западничество* и *славянофильство*, *почвенник* и *почвенничество*, *крепостник* и т. п.).

Рассматривая новообразования этого времени с точки зрения стилистической, мы замечаем одно явление очень симптоматичное, вызванное к жизни характерными тенденциями в стилистике литературной речи. В различных стилях литературной речи в послепушкинскую пору является разрушение старых ограничений в отношении сочетаемости слов, возникших и первоначально связанных с разными языковыми сферами. В одном и том же контексте часто сознательно и подчеркнуто объединяются слова отвлеченно-книжные и конкретно-бытовые, собственно литературные и народно-разговорные. Рушатся пуристические заслоны, и иноязычные заимствованные слова нередко встают в один ряд с собственными русскими. Одним из прямых последствий преобразования стилистической системы литературного языка и падения старых стилистико-жанровых разграничений и ограничений является скрещение словообразовательных элементов разного стилистического характера и различного происхождения. Становится обычным свободное объединение в слове морфем русских и заимствованных — прямой результат усвоения русским литературным языком данного времени многих иноязычных лексем и некоторых заимствованных формантов. С одной стороны, бурно растет круг русских суффиксальных или префиксально-суффиксальных образований с заимствованными основами (напр., *безапелляционность*, *бесконтрольность*, *галантерейность*, *коллективность*, *маньячество*, *ректорство*, *филистерство*, *регулирование*, *третирование*, *дрессировка*, *манкировка*, *расшифровка*, *фильтровка*, *скомпрометировать*, *обидеализировать*, *опоэтизировать*, *поэксплуатировать*, *либеральничать*, *идеальничать*, *либеральствовать* и т. д.). Конечно, такие образования встречались и ранее, но никогда их появление не становилось еще таким обильным и обычным. Достаточно сослаться, напр., на то, что именно с этого времени прирост новых существительных на *-ость* идет в значительной степени за счет активного вовлечения в процесс образования этих существительных заимствованных основ.[7]

С другой стороны, закрепление в языке некоторых словообразовательных разрядов с суффиксами или префиксами иноязычного происхождения вело, как уже было сказано, к созданию на русской почве слов, состоящих из русской основы и заимствованного форманта. Ср., напр., *глупицизм* (Белинский), *уделизм* (Костомаров), *самодержист* (Герцен), *службист*, *ерундистика*, *шагистика*, *глупистика* и т. д. Любопытно пуристическое замечание по поводу подобных образований на страницах «Москвитянина». «Это мне напоминает, — пишет автор «Заметки о русском языке», — что К. Г., который терпеть не мог подьяческих штук, назвал это „подьячизм“, а не „подьячество“. Вообще я желал бы растолковать нынешним писателям, что если слово не переводится, а только переносится из одного языка в другой, то должно сохранять окончание на *-изм*, напр. *солецизм*, а ежели переводится, то -isme переменяется на *-ство* или, лучше сказать, не переменяется, а принимает это русское окончание».[8]

Другое чрезвычайно типичное, начиная с этого времени, явление: образование слов отвлеченного характера с книжными суффиксами и просторечно-разговорными основами, а также образование отвлеченных

---

[7] Н. М. Шанский. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке (сб.: «Вопросы истории русского языка», Изд. МГУ, 1959, с. 129—130). Общую характеристику развития этого класса существительных, равно как и других словообразовательных разрядов существительных и прилагательных, см. также в кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века, М., 1964.

[8] N. N. Заметка о русском языке; Москвит., 1853, № 4, Смесь, с. 101.

по значению слов от конкретно предметных слов. Ср., напр., *оранжерейность*, *забористость*, *заеденность*, *изломанность*, *ходульность* и т. п. Это связан в частности, с процессом изменения семантики ряда просторечно-разг ворных слов и вообще слов конкретно-предметного значения в сторон выражения ими также психологически-социальных состояний и отнош ний[9] (ср., напр., *замкнутый* и сущ. *замкнутость*. Ср. также появлени сложных слов книжного характера от просторечно-разговорных выраж ний. Напр., *мордобитие*, *сногсшибательный*, *пенкоснимательство*, *небокоптительство*, *шапкозакидайство* и др.).

В следующем далее обзоре неологизмов этого времени мы остановим подробнее на различных явлениях этого рода, вызванных действием ук занных внешних, социальных, и внутренних стилистико-языковых факт ров. Однако основной группировкой для удобства и цельности этого изл жения будет общая группировка новообразований по основным, наибол активным в это время словопроизводственным разрядам.

§ 4. Среди имен существительных по особенно большому числу нов образований, относящихся к данному времени, прежде всего выделяет разряд существительных женского рода с суфф. *-ость*.[10] Как известн в современном русском языке эти образования в кругу суффиксальны существительных разного рода занимают также исключительное полож ние, несколько уступая разве лишь разряду отглагольных существител ных с суфф. *-ние* в различных его вариантах.[11] Однако по темпам рос в течение всего XIX в. разряд существительных с суфф. *-ость* занима безусловно первое место.[12] По нашим данным, более одной трети сущ ствительных этого разряда, отмеченных современными нам словарям или впервые начинают употребляться в XIX в., особенно с 30—40-х г или получают в это время права гражданства, становятся обычными, ш роко употребительными. В этом нет ничего удивительного. Как известн разряд этих существительных среди других существительных суффи сального образования (напр., с суфф. *-ие*, *-ние*, *-ство*) сравнительн поздно активизируется. Отмечаемые еще в первых памятниках русско языка, эти существительные резко умножаются в нем с конца XVII не без юго-западного воздействия. Образование их на почве нашего л тературного языка сильно возрастает в XVIII в., когда они составля уже очень живой, продуктивный и обширный разряд.[13]

Имена существительные с суфф. *-ость* образуются прежде всего имен прилагательных с качественным значением и выражают отвлече ное значение качества или свойства; они преимущественно употре ляются в стилях книжной речи.[14] Но именно эти стили речи получа

---

[9] Подробнее об этом в §§ 18—20 гл. III.

[10] См. специальное исследование Н. М. Шанского «Из истории существител ных на *-ость* в русском литературном языке». Канд. дисс. М., 1948. Извлечение нее, кратко воспроизводящее основные наблюдения и выводы автора, представля статья его в сб. «Вопросы истории русского языка» (М., 1959).

[11] В инверсионном словаре русского языка Г. Билфельдта, опирающемся материалы словаря под ред. Д. Н. Ушакова и словаря С. И. Ожегова, отмечает около 2650 существительных с суфф. *-ние* и около 2600 существительных с суф *-ость*.

[12] Можно отметить также, что образования на *-ость* обнаружили и больш устойчивость. В XIX в., в период самого придирчивого пересмотра старых книжн образований, выходит из употребления, по данным Н. М. Шанского, лишь око 20 ранее употребительных слов этого разряда, уступая место образованиям с ины суффиксами (Н. М. Шанский. Из истории существительных.., с. 453—45 Между тем в это же время некоторые ранее употребительные иносуффиксальн образования с качественным значением уступают окончательно место новым обр зованиям на *-ость*, варьировавшим с ними.

[13] См. об этом в указанной статье Н. М. Шанского.

[14] См. Виноградов, Русск. язык, с. 127. Это не противоречит справедл вому утверждению Н. М. Шанского о том, что известный (но ограниченный) кр

особенно бурное и во многом новое развитие в интересующую нас эпоху. В связи с этим развитием различных стилей публицистической, научной и научно-популярной речи, в связи с вторжением элемента публицистичности, в частности, в сферу художественной литературы находится и особенная продуктивность этих образований.

По замечанию В. В. Виноградова, «семантика имен на *-ость* во многом зависит от того, употребляются ли они „абсолютивно“ или в сочетании с родительным падежом существительных, качество и внутреннее свойство которого они выражают (напр., *решительность* и *решительность отказа, сухость* или *сухость почвы* и т. п.)».[15]

В публицистической и научной прозе, а также в новых реалистических стилях повествовательной прозы часто и закономерно являлась потребность как в «абсолютивном», так еще более и в «зависимом» употреблении этих существительных. В абсолютивном употреблении эти существительные обнаруживали нередко склонность к семантическому обособлению и независимость от соответствующих прилагательных или причастий, легко терминологизировались, превращались из слов «побочных» и «окказиональных» в самостоятельные, терминологически определенные, иногда возглавляющие свое разрастающееся вокруг них гнездо слов. Вместо общего отвлеченного и зависимого значения, являющегося в составе словосочетаний («свойство или качество чего»), они в этих случаях приобретали значение более конкретное, становились самостоятельными знаками особого понятия, иногда вовсе обособляясь по значению от тех прилагательных, с которыми первоначально были тесно связаны, а в других случаях развивая наряду с первичными зависимыми и широкими значениями особые, более независимые, узкие и специфические. Очень выразительной и показательной в этом смысле была эволюция слова *промышленность*, введенного в конце XVIII в. Карамзиным.[16] В этом же направлении протекала и эволюция слов *личность*, *деятельность*,[17] *действительность*, *народность*, *национальность* и нек. др. Отчасти в этом отношении совпадает с ними и эволюция таких существительных, как, напр., *внешность*, *внутренность*, *наружность*, где наряду с общим зависимым значением все отчетливее выделяются особые, более ограниченные значения. Ср. определение слова *внешность* в Слов. 1847 самого общего характера: «состояние внешнего» и более ограниченные толкования его в последующих словарях (Д[1]: «внешняя часть или сторона, наружность, что видно сверху, около, на поверхности, вокруг, а не внутри». Еще определеннее это указывается лаконическим определением и приводимыми примерами в Слов. Акад. 1891: «Наружность. Красивая, безобразная внешность. Судить по внешности»). Ср. также хотя бы следующие примеры употребления этого слова из произведений первой половины XIX в., тогда еще обычные, но позднее уже невозможные: «Церковь сама стремится к исправлению того, что излишне накипело на ее внешности» (Н. Пол., II, с. 308); «Зависимость от внешности [т. е. внешней среды, внешних условий] может проявляться во всем, кроме любви да гениальности» (В. Майк., I, с. 92). В дальнейшем это выражается уже не словом *внешность*, а либо субстантивированным употреблением формы *внешнее*, либо описательно (*внешняя среда*, *условия*, *обстановка* и т. п.). Любопытно, что попытки сохранить за словом *внешность* его общее, отвлеченное значение с особенной силой проявляются в публицистике 30—40-х гг., но успеха не имеют и вызывают

существительных с суфф. *-ость* был издавна известен и народно-разговорному языку.

[15] Там же, с. 128.

[16] См. об этом слове подробнее гл. III, с. 335 и сл.

[17] См. об этом слове гл. III, с. 334.

нарекания даже со стороны пуристов.[18] Слов. русск. яз., определяя значение слова *наружность*, не без оснований выделяет и ставит на первое место: «Внешний облик; черты лица». Но в первой половине XIX в., у отдельных авторов и позднее, еще является употребление слова и в более широком смысле. Ср. такие сочетания, как, напр., «наружность обстоятельств» (Чернышевский). Ср. у Сенковского: «Умно ли я делаю, что хочу жениться.. на женщине, преданной наружности, свету и пустому блеску» («Предубеждение»; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 243). Ср. терминологическое обособление в современном языке формы мн. ч. *внутренности* (только о внутренних органах животного или человека). Но еще в 70-х гг. XIX в.: «Камерон принадлежит.. к числу самых неутомимых и искусных исследователей африканских внутренностей» (П. Гр—оли, Научная хроника; Дело, 1876, № 7, с. 104).

В кругу этих образований можно, таким образом, встретить немало слов, которые в течение XIX в. получили терминированный характер, выделяя определенные новые понятия. Ср. *вменяемость* (Д[1]), *возбудимость* (Толль), *впечатлительность* (Толль), *гласность* (Слов. 1847), *грамотность* (Толль, Доп. 1875), *дееспособность* (Д[2]), *заболеваемость* (Брокг.-Ефр.), *имманентность* (Брокг.-Ефр.), *индивидуальность* (Кир.), *интенсивность* (Д[1]), *каузальность* (Слов. Акад. 1912), *личность*, *лойяльность* (Мих. 1898), *наглядность*, *наследственность* (Брокг.-Ефр.), *народность* (Слов. 1847), *национальность* (Д[1]), *невменяемость* (Брокг.-Ефр.), *невосприимчивость* (Брокг.-Ефр.), *облачность* (Брокг.-Ефр.), *плодоносность* (Д[1]), *полноправность* (Д[2]), *популярность* (Толль, Д[1]), *предумышленность*, *преступность* (Д[1]), *причинность* (Толль), *производительность*, *равноправность* (Д[1]), *реальность* (Толль, Д[1]), *современность* (Слов. 1847), *сословность*, *субстанциальность*, *тональность* (Толль), *универсальность*, *устность*, *утилитарность* (Толль), *художественность*, *целесообразность* (Д[2]), *целостность* (Д[1]), *человечность* (Д[1]), *эластичность* (Толль, Д[1]) и др.[19]

Но еще более являлось существительных на *-ость* в «зависимом положении», в составе сочетаний с родительным падежом различных существительных, нередко представлявших собой окказиональные или, точнее, потенциальные образования, не располагающие своим особым значением, но всегда готовые к услугам, когда в них имеется необходимость. Необходимость же эта в стилях литературной речи XIX в. возникала очень часто. В литературе этого времени, с ее склонностью к углубленному анализу и типизации, к выяснению всех характерологических свойств и качеств изучаемых и изображаемых социальных типов, к выявлению закономерностей в развитии явлений действительности, такая потребность в отвлеченном, отдельном выделении и рассмотрении качеств и свойств предмета или лица являлась особенно постоянно.

Иногда приходится сталкиваться с утверждением, что в современном литературном языке «при помощи *-ость* может быть образовано имя существительное почти от любого прилагательного».[20] Такого рода утверждения, конечно, явно преувеличены и, главное, неопределенны; они оставляют в стороне вопрос об условиях, при которых становится возможным образование указанных существительных. С другой стороны, и указание на то, что эти имена производятся «главным обра-

[18] Ср. ироническое «недоумение» Ф. Булгарина по поводу фразы из фельетона «СПб. ведомостей»: «Как талант внешний, он разрабатывал внешность». «Что такое внешний талант? — замечает Булгарин. — Кажется, танцор или гимнастик, не более! А что такое внешность книги? Кажется, бумага, печать и переплет!» (Сев. пчела, 1853, № 13, с. 50).

[19] В скобках указания на словари XIX в., впервые фиксирующие эти слова.

[20] С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. В сб.: Русская речь, Нов. серия, вып. 1, Л., 1927, с. 82.

з о м от имен прилагательных качественных и от причастий страдательного залога»,[21] также не выясняет вполне круга действия этого широкого словообразовательного типа и условий его непрерывного пополнения.

Среди современных существительных на *-ость* первое место занимают образования от основ качественных прилагательных. Это и естественно, поскольку специализация этих существительных состоит в отвлеченном выражении качества. Однако можно заметить, что в современном языке это общее правило — наличие при качественном прилагательном существительного на *-ость* — имеет ряд исключений, и между прочим при словах широко употребительных и семантически особенно емких и весомых. Ср. *белый*, *красный*, *синий*, *черный*; *прямой*, *кривой*; *немой*, *глухой*, *слепой*; *правый*, *левый*; *высокий*, *глубокий*; *полный*, *худой*; *быстрый*; *добрый*; *долгий*; *кислый*; *пестрый*; *темный*, *светлый*,[22] *чистый* и нек. др. Исторические данные показывают,[23] что образования на *-ость* были (особенно в XVII—XVIII вв.) и от этих прилагательных, но не выдержали конкуренции со стороны других суффиксальных образований (на *-ота*, *-изна*, *-ина* и т. п.), более давних и более сильных. То, что эти исключения в основном касаются слов коренных, исконных и особенно многознаменательных, хорошо объясняет дело. В таких случаях обнаруживается особенная устойчивость старых образований, такие слова слабо вовлекаются в водоворот новых процессов и легко сохраняют всякого рода «аномалии». Не трудно заметить также, что некоторые из этих слов составляют своего рода группки связанных по значению слов, известные семантические ряды или противопоставления. Ср., напр., отсутствие образований на *-ость* от прилагательных, обозначающих цвета.[24] Здесь, очевидно, «аномалия» у одного члена ряда или противопоставления поддерживает отклонения от общей нормы и у других членов.

Если отклонения от общего правила касаются прежде всего качественных прилагательных, относящихся к кругу основных, древних слов,[25] то почти от всех прилагательных с качественными значениями более позднего происхождения свободно образовывались существительные на *-ость*. Процесс роста этой категории был тесно связан в середине и второй половине XIX в., во-первых, с развитием в определенных условиях качественных значений у прилагательных, в своем исходном значении являвшихся относительными. Таких образований во вторую половину XIX в. (особенно в 40—60-х гг.) являлось в специфических условиях довольно много, лишь частично они отмечаются словарями этого и позднейшего времени. Ср.: *деревянность*, *детскость*, *дубовость* (и чаще — *дубоватость*), *елейность*, *зеркальность*, *кабинетность*, *казенность*, *картинность*, *каторжность*, *книжность*, *площадность*, *почвенность* (ср. также ставшее обычным и более широкое по значению *беспочвенность*), *разговорность*, *стеклянность*, *тряпичность*, *халатность*, *ходульность*, *ще-*

---

[21] Виноградов, Русск. язык, с. 127. Разрядка моя, — *Ю. С.*

[22] *Светлость* обособилось в значении титула.

[23] См. об этом: Н. М. Ш а н с к и й. Из истории существительных. . ., с. 453—454.

[24] Как правило, не образуются формы на *-ость* и от вторичных названий цветов (*малиновый*, *фисташковый*, *лиловый*, *коралловый*; также — *бежевый*, *палевый* и т. п.; но ср., впрочем, *алость*, *пунцовость* и нек. др.).

[25] Отметим также отсутствие образований на *-ость* от прилагательных церковнославянского источника со второй частью *-любивый*, где устойчиво сохраняются существительные на *-ие*, обозначающие свойство, качество (ср. *себялюбие*, *самолюбие*, *властолюбие* и пр.; также — *свободолюбие*). Не образуют этих существительных и некоторые другие качественные прилагательные тогда, когда имеются образования на *-ость* от других основ, близкие по значению. Ср., напр., *круглый* (ср. *округлость*), *тяжелый* (ср. *тяжесть*), *жалостливый* (ср. *жалость*), *докучливый* (ср. *докучность*), *ленивый* (ср. *леность*) и пр. Ср. и другие случаи отсутствия этих образований. Напр., от прил. *счастливый* (ср. *счастье*), *корыстливый* (ср. *корыстность*, *корыстолюбие*).

петильность и др. Все эти существительные соотносятся лишь со вторичными переносными значениями соответствующих прилагательных, возникающими в это время путем «окачествления» исходных относительных значений. Ср. *детские болезни* и *детское выражение лица*, *деревянный дом* и *деревянный голос*, *почвенная влага* и *почвенные воззрения* (имеется в виду почвенничество как наименование одного из идейных направлений 60-х гг., близкого к славянофильству), *стеклянные бусы* и *стеклянный взгляд*, *халатная подкладка* и *халатные натуры* и пр.[26] В отдельных случаях эти прилагательные вообще теряли свое исходное относительное значение и переходили вполне в разряд качественных. Ср. *щепетильный* в его исходном значении (Слов. 1847: «Мелочный. Щепетильный товар», т. е. галантерея) и в новом значении, исключительно связанном с этической характеристикой лиц и их действий; вообще не имеет отношения к сущ. *ходули* в его прямом предметном смысле прил. *ходульный*; резко ограничено употребление слова *халатный* в его относительном смысле и т. д. Вот несколько характерных примеров употребления этих новых образований: «Драма эта есть одно из самых прекраснодушных произведений Шиллера; в ней детскости гораздо больше, нежели в „Разбойниках“» (Бел., II, с. 393); «В его неопределенных ответах слышалось прямое изумление, до того полное, что оно, в конце концов, перешло в деревянность» (Карон., с. 74); «Оскандалиться так в великосветском обществе могла только простодушная кисейная барышня. Но какое дело было Артемьеву до ее кисейности» (Н. Шелгунов. Превращение мошек и букашек в героев; Дело, 1871, № 2, с. 17);[27] «Дрянность, кисельность, своекорыстие недалеко увели современную женщину от ее прабабушки» (там же, с. 20); «Но вот другое начало, на которое еще не обращено должного внимания в нашей исторической науке: начало провинциализма, *областности*, если можно так выразиться» (А. Щапов. Великорусские области и Смутное время; Отеч. зап., 1861, № 10, с. 579); «В подробностях обстановки, в языке, которым говорят его действующие лица, автор умеет соблюсти исторический колорит, не вдаваясь в отдаленную археологическую трущобность» (Э. Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 176); «— Гриша к тому же гораздо моложе своих лет, — даже не в предмете его страсти, а в бесхарактерности, в *тряпичности*, которую он показал тут» (Маркев., IX, с. 285—286) и т. п. В то же время, т. е. начиная с 30—40-х гг. XIX в., появляются или становятся возможными существительные на *-ость* и от многих качественных прилагательных, от которых они ранее не образовались. Ср., напр., *бывалость*, *громоздкость*, *грязность*, *дрянность*, *задористость* и *задорность*, *наглядность*, *обыденность*, *обыкновенность*, *половинчатость*,[28] *пошлость*, *предметность*, *призрачность*, *стоячесть*,[29] *угловатость* и т. п. Это связано, во-первых, с тем, что некоторые из этих прилагательных широко вовлекаются теперь в стили книжной речи, входят в разряд литературного просторечия (ср. *бывалый*, *дрянной*, *задорный*, *обыденный* и т. п.). Во-вторых, значения ряда этих прилагательных обслаиваются в это время новыми оттенками, относящими их к миру психических и социальных явлений (ср. *грязная посуда* и *грязная личность*, *грязные намерения*,

---

[26] О процессе образования указанных значений см. подробнее гл. III, с. 529 и сл.

[27] Здесь существительное связано по смыслу со значением целого сочетания; ср. некоторые аналогичные примеры и далее.

[28] Слов. 1847 отмечает у прил. *половинчатый* только предметное значение: «Состоящий из половинок. Половинчатый кирпич». У Герцена встречаем и *половинность* в характеристике поведения лица. Ср.: «Всякая остановка, половинность не годится» (II, с. 229).

[29] Ср. у Герцена: «азиатская стоячесть» (I, с. 31).

угловатая площадь и *угловатые движения*, *стоячая вода* и *стоячая жизнь*). Некоторые из этих прилагательных в определенных контекстах получают особые терминированные значения (ср. *наглядный* в сочетании *наглядное обучение*, *наглядные пособия*; ср. особое идеологическое наполнение слова *призрачный* в философской фразеологии кружка Станкевича и Белинского на грани 30—40-х гг. и т. п.).

Нам особенно важно здесь отметить возможность свободного образования книжных по своему исходному характеру существительных от основ просторечно-разговорных, часто резко экспрессивных. Ср. некоторые примеры употребления этих характерных образований: «Не будучи поклонниками и почитателями Поль де Кока, мы в праздное время, от безделья, не почитаем за стыд прочесть его роман и, оскорбясь грязностию, любим хорошие стороны занимательных его рассказов» (Бел., III, с. 216); «Этим-то качеством, которое да будет нам позволено назвать *живучестью*, Марья Андреевна [в «Воспитаннице» Островского] — лицо совершенно новое» (Москвит., 1852, № 9, Журналистика, с. 40); «Поэзию они [эстетики] только признают в целомудренной ерундливости фетовской музы» (Аноним [Д. Д. Минаев]. Старая и новая поэзия; Дело, 1869, № 5, с. 25); «Дар умственной зрячести» (Маркев., VI, с. 361); «Разве вельможи Екатерины оттого, что они приобрели все изящество.. версальских форм.., не остались по всему русскими барами, со всею удалью национального характера, с его недостатками и с его разметистостью» (Герц., V, с. 24); «Есть вопросы, которые сами в себе заключают такую прогрессивную текучесть, что и нескольких жизней недостаточно, чтобы их исчерпать» (Н. Шелгунов. Неконченные вопросы; Дело, 1871, № 4, с. 10) и т. п.[30]

К группе существительных на *-ость*, образованных от относительных прилагательных, примыкает очень обширный в это время ряд новообразований от страдательных причастий прошедшего времени. И здесь появление указанных образований связано с процессом адъективации многих из этих причастий, приобретения ими устойчивых качественных значений, относящихся к характеристике лица, его внутренних свойств, его поведения и положения в обществе, к сфере социальных явлений.[31] Ср., напр., *взвинченность*, *выдержанность* (Д[1]), *деланность* (Слов. Акад. 1892), *забитость*, *заброшенность*, *загнанность*, *задавленность*, *закаленность*, *закрепленность*, *зализанность*,[32] *замкнутость* (Д[1]), *занятость*, *запуганность*, *запутанность*, *запущенность*, *затасканность*, *извилистость*, *извращенность*, *издерганность*, *изломанность*, *изысканность*, *испорченность*, *надорванность*, *надломленность*, *надуманность*, *наигранность*, *настроенность*, *натянутость*, *невыдержанность*, *обособленность*, *отчужденность*, *придавленность*, *примиренность*, *приподнятость*, *пришибленность*, *разболтанность*, *раздвоенность*, *разнузданность*, *распущенность* (Д[1]), *растерянность*, *сдержанность* (Д[1]), *скованность*, *сомкнутость*, *сосредоточенность* (Д[1]), *сплоченность*, *убежденность*, *углубленность*, *устремленность* и др. под.[33] Вот несколько характерных примеров: «Борьба продолжается до тех пор,

---

[30] Любопытна отрицательная реакция на образование некоторых таких существительных у пуристов середины века. Ср. замечание И. Покровского по поводу встретившегося ему выражения («Смесь попеременной доверчивости и дичливости»): «Хотя и есть глагол *дичиться*, однако же существительного *дичливость* мы не имеем. В вышеприведенной фразе, в противоположность *доверчивости*, настоящее слово было *боязливость*» (Москвит., 1853, № 16, Смесь, с. 186).

[31] См. об этом гл. III, с. 534 и сл.

[32] Техническое выражение в обиходе художников. См. Слов. Акад. 1901 (с примером из газет 1860-х гг.).

[33] Бо́льшая часть этих существительных фиксируется лишь словарями XX в., но подкрепляется в них и примерами из произведений середины или второй половины XIX в. За недостатком места мы не приводим всех этих примеров; желающие

пока человек не одерживает победы над своим врагом, или до тех пор, пока он сам не падает замертво на поле сражения. В первом случае человеку незачем говорить о своей изломанности или заеденности; тут он сам, напротив того, погубил, заел и изломал то, что мешало ему быть счастливым» (Писар., III, с. 188);[34] «„Обрыв“ г. Гончарова .. продукт нравственной искалеченности, расстроенных сладострастием нервов!» (Дело, 1869, № 10, Новые книги, с. 55); «Испугавшись этой недоделанности [человека], вы начинаете развивать воображение и чувство» (Н. Языков [Шелгунов]. Теория мечтательного воспитания; Дело, 1876, № 7, с. 9); «Светская облизанность все-таки лучше этого глухого, ужас наводящего запустения» (В. Авенариус. Поветрие; Всем. труд, 1867, № 3, с. 2); «До 40-х гг. русская интеллигенция, какова бы она ни была, не отличалась вовсе так наз. „раздвоенностью“» (П. Б. Жертвы идеализма; Дело, 1872, № 9, с. 10); «Видя наготу и растрепанность русского человека, оно [земство] решило, что его нужно напомадить французской помадой, одеть в кафтан из тонкого сукна, приставить к нему домашнего доктора и образовать его в школе» (Н. Шелгунов. Задача земства; Дело, 1869, № 1, с. 26);[35] «Люди, приезжающие из дальних мест России, энергичнее, юнее, без невского отчаяния, без больных нерв и сломанности» (Герц., XV, с. 19); «Ребенка нужно растить с детьми; нужно, чтобы он развивался на общественных детских играх; нужно, чтобы молодежь приучилась понимать все значение плотной сомкнутости[36] и взаимной помощи» (Н. Шелгунов. Детское чтение; Дело, 1869, № 10, Новые книги, с. 50) и т. д. Более редки в общем употреблении, но зато составляют характерный новый и обширный вклад в область специальной терминологии образования на *-ость* от прил. на *-имый* и причастий настоящего времени. Ср. *заболеваемость*, *значимость*, *невменяемость*, *несменяемость* (напр., *несменяемость судей*), *неизменяемость*, *подсудимость*, *проводимость*, *растворимость*, *растворяемость*, *соизмеримость*, *усовершаемость* и т. п. Распространение этих существительных продолжает уже утвердившуюся в XVIII в. линию в создании специальной терминологии и номенклатуры (ср. *делимость*, *движимость*, *недвижимость* и т. п.).

Обширный круг существительных на *-ость* был образован от прилагательных иноязычного происхождения. Хотя такие образования были известны и в более раннее время, в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в., однако, по справедливому замечанию Н. М. Шанского, именно в это время, около середины XIX в., их является все больше, и образования эти становятся обычными, прочно вошедшими в словарный запас русского литературного языка. Ср., напр., следующие существительные, появление или узаконение которых в употреблении относится к 30—40-м гг.: *абсолютность*, *абстрактность*, *адекватность*, *идеальность*, *имманентность*, *индивидуальность*, *индустриальность*, *капризность*, *карикатурность*, *конкретность*, *меркантильность*, *наивность*, *натуральность*, *объективность*, *популярность*, *провинциальность*, *рациональность*, *реальность*, *сальность* (от франц. sal — грязный), *сентиментальность*, *солидарность*, *солидность*, *социальность*, *субстанциальность*, *субъективность*, *театральность*, *универсальность*, *утилитарность*, *фразистость*, *центральность*, *эксцентричность* и др. С 50—70-х гг. идет употребление слов

найдут их, напр., в соответствующих томах «Словаря русского языка, составленного II отд. АН», в «Словаре современного русского литературного языка» и в «Словаре русского языка» (1957—1961).

[34] Писарев производит здесь сущ. *заеденность*, имея в виду смысл становящегося популярным с 50-х гг. выражения *среда заела*, — *Ю. С.*

[35] Ср. популярное с этого времени выражение *человек с растрепанными чувствами*, — *Ю. С.*

[36] Выше идет речь о «духе коллективности», — *Ю. С.*

активность, идентичность, индифферентность, инертность, интеллигентность, интенсивность, интимность, колоритность, компетентность, комфортабельность, консеквентность, консервативность, конституционность, корпоративность, культурность, легальность, непопулярность, нелегальность, нервность, нервозность, нормальность, пассивность, периодичность, пикантность, практичность, прогрессивность, продуктивность, пунктуальность, радикальность, реакционность, революционность, ретроградность, ретроспективность, скандальность, специфичность, тактичность, тенденциозность, толерантность, тональность, фешенебельность, фиктивность, флегматичность, циничность, экзальтированность, эклектичность, экспансивность, экстренность, эластичность, эффективность и т. д. Можно заметить, что некоторые из этих новообразований оказывались синонимичными, во всяком случае в первое время своего употребления, существительным от тех же заимствованных основ с суфф. *-изм*. Ср. *абсолютизм* и *абсолютность*, *индифферентизм* и *индифферентность*, *консерватизм* и *консервативность*, *меркантилизм* и *меркантильность*, *натурализм* и *натуральность*, *практицизм* и *практичность*, *провинциализм* и *провинциальность*, *прогрессизм* и *прогрессивность*, *рационализм* и *рациональность*, *реализм* и *реальность*, *социализм* и *социальность*, *цинизм* и *циничность*, *эклектизм* и *эклектичность* и пр.[37] Однако с течением времени эта синонимичность устранялась, причем существительные с суфф. *-изм* сохраняли бо́льшую терминологичность и становились прежде всего специализированными обозначениями различных направлений, методов и учений (ср. *меркантилизм*, *рационализм*, *реализм*, *натурализм*, *абсолютизм* и пр.), тогда как за существительными на *-ость* оставалось общее выражение качества или свойства в его отвлеченности.[38] В некоторых случаях вариантность устранялась выходом из употребления одного из парных слов (ср. судьбу слов *прогрессизм*, *социальность*).[39]

Среди существительных на *-ость* в современном литературном языке выделяется небольшая группа вторичных образований. Они образуются от прилагательных, в свою очередь образованных от сущ. с суфф. *-ость*. Таковы *безжалостность*, *безрадостность*, *бесхитростность*, *гнилостность*, *дерзостность*, *жизнерадостность*, *злостность*, *мерзопакостность*, *мерзостность*, *пакостность*, *плоскостность*, *поверхностность*, *радостность*, *ревностность*, *целостность*. Некоторые из них мало употребительны и носят на себе явно книжный отпечаток. Другие прочно укрепились в лексической системе и семантически отграничились от исходных существительных с этим суффиксом (ср. *злостность* и *злость*, *поверхностность* и *поверхность*, *целостность* и *целость*, *радостность* и *радость*, *жизнерадостность* вообще не имеет соответствия среди первичных образований). Эти образования впервые отмечаются словарями XIX в. (ср. Слов. 1847: *безжалостность*, Д[1]: *целостность*, Слов. Акад. 1891: *бесхитростность*, Слов. Акад. 1895: *дерзостность*, Слов. Акад. 1898: *жизнерадостность*, Слов. Акад. 1907: *злостность*). При всей своей немногочисленности подобные образования служат ярким свидетельством высокой продуктивности всего этого словообразовательного разряда и признаком терминологической определенности ряда исходных образований с *-ость*, что и вело к образованию от них новых прилагательных, а от этих последних — вторичных существительных на *-ость* (*целость — целостный — целостность*).

[37] Ср. также и другие соотношения, напр., *центральность* и *централизация*, *революционализм*, *революционерство* и *революционность*, *реакционерство* и *реакционность*, *фразерство* и *фразистость*, *гуманность* и *гуманитет* и нек. др.

[38] В тех случаях, когда за словами на *-изм* сохранялось также общее значение свойства, качества, они все же имели и специальное значение направления, тогда как существительные на *-ость* его утрачивали (ср. *реализм*, *цинизм*, *эклектизм* и под.).

[39] См. наши замечания в гл. I, с. 109.

Большая часть этих существительных была образована в интересующие нас годы. *Целостность* явилось в языке философских кружков 30—40-х гг. (см. о нем гл. III, с. 525—526). *Поверхностность* можно встретить также уже в произведениях Белинского, хотя Слов. 1847 в значении «неполнота знаний или суждений» еще дает только слово *поверхность*.[40] Ср.: «поверхностность в суждении» (Бел., II, с. 504); «односторонняя поверхностность» (II, с. 48) и т. п. *Радостность*, *гнилостность* (так же как и само *гнилостный*), *злостность* появляются к концу XIX в. *Жизнерадостный* является калькой нем. lebensfreudig, образованной во второй половине века.

Все охарактеризованные выше процессы появления новых существительных на *-ость*, часто представлявших собою устойчивые терминированные образования, еще чаще образования окказиональные, но легко воспроизводимые, не только чрезвычайно расширили этот разряд слов, но и канонизировали эти формы как обычное выражение отвлеченного качества или свойства. Как ни продуктивно было образование этих существительных в предшествующее время, в XVIII в. и в первую четверть XIX в., оно все-таки еще не было столь неограниченным. Любопытно, что ряд окказионально являвшихся ранее образований на *-ость* вызывал неодобрение со стороны даже тех деятелей, которые в общем признавали законность пополнения языка новыми словами (в частности — существительными на *-ость*). Так, в одной из рецензий в журнале «Московский Меркурий» П. И. Макаров явно иронически и неодобрительно оценивает вводимые автором рецензируемой книги слова *начитанность*, *сердечность*, *равносторонность*, *чинность*, *фигурность*, *обдуманность*, *неписьменность* (ср. позднейшее *бесписьменность*).[41] Для позднейшего времени образования этого типа уже не представляют собою ничего экстравагантного.[42] Во второй половине века такие образования, как мы видели, принципиально возможны от любого прилагательного или причастия, употребительного в качественном значении, — собственно русского или заимствованного, книжного или просторечного, исконно качественного или получающего качественный смысл в особых контекстуальных и фразеологических условиях (ср. *заеденность*).[43] Обычной причиной отсутствия образований на *-ость* и позднего их образования является прежде всего отсутствие самого прилагательного с соответствующим значением. Так, лишь к концу века образуются *партийность*, *классовость*, *кастовость*, *массовость*. Но и сами прил. *партийный*, *классовый*, *кастовый* и *массовый* являются в употреблении поздно, в 70—90-х гг. XIX в. Выше мы говорили уже о том, что в течение указанного времени многие из этих образований, закрепляясь в языке, получают подчеркнуто абсолютивное, вполне определенное самостоятельное, терминированное значение. Такая эволюция в значении ряда образований на *-ость* также пока-

---

[40] Ср. примеры из этого словаря: «Он знает одну поверхность этого дела. Ему доступна одна только поверхность этой науки». Таким образом, здесь мы имеем лишь переносное применение слова *поверхность* в его исходном значении, а не существительное со значением отвлеченного качества. Любопытно, что еще с первой трети XIX в. слово *поверхность* употребляется также в смысле «преобладание, господство над чем». Ср. «Умственная поверхность [Франции] над Европою» (Библ. для чт., 1834, I, с. 72).

[41] Моск. Мерк., 1803, III, с. 45. Рецензия на книгу «Корифей, или ключ литературы», чч. I и II, СПб., 1802—1803.

[42] Макаров замечает, что указанными словами «ни один еще русский лексикон не украшен». В XIX в. они постепенно проникают и в словари. Ср. *начитанность*, *чинность* и даже *фигурность* уже в Слов. 1847.

[43] Впрочем, образования на *-мость* (типа *успеваемость*) не всегда соотносительны с формами страдательных причастий или прилагательных на *-мый* и образуются непосредственно от основ переходных и непереходных глаголов (ср. Виноградов, Русск. яз., с. 127—128).

зывает силу и развитие, а также усложнение семантики слов этого разряда. Являясь и выступая первоначально в речи как отвлеченное и зависимое именное обозначение качества или свойства, выражаемого прилагательным, от которого они произведены, они затем могли принимать значение самостоятельного предмета мысли, понятия, вещи, наделенных своими свойствами. Такова, как сказано, эволюция слов *промышленность*, *действительность*, *деятельность*, *внешность* и пр., укажем еще на сущ. *реальность*, *индивидуальность* и т. п. Отметим, что некоторые из этих существительных, наряду со значением отвлеченного качества, получили также и устойчивое значение лица, носителя данного качества. Ср. *бездарность*,[44] *знаменитость*, *известность*, *посредственность*. Круг слов, способных выступать и в личном значении в соответствующих контекстах, довольно значителен. Из слов, которые окказионально могут означать также и лицо — носителя качества, укажем еще на *невинность* («Она — святая невинность»), *наивность*. Ср. следующие примеры: «Это такая музыкальная знаменитость, которой дарование давно уже вне выстрелов критики» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 115); «Ради предстоящей потребности, многие незнаменитости были произведены в знаменитости, произведены самим этим журналом [«Библиотекой для чтения»]» (Бел., II, с. 18);[45] «Юлинька никогда не представлялась невинностью и не была ею в обидном смысле этого слова» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 83); «Звуки лиры его [поэта] дики непривычному уху посредственности» (Н. Пол., I, с. 232); «Любопытная толпа .. в ту же минуту окружает незнакомую до тех пор известность и начинает за нею ухаживать» (Светоч, 1860, № 1, с. 67); «Что это за сильные люди были бы, и эта седая пискливая куколка — Тьер, и этот рыцарь печального образа, квакер de l'hôtel des Capucines [Гизо], и ... эти неизвестности и ничтожности, которые их окружают» (Герц., V, с. 239) и т. д. Время от времени является и употребление существительных на *-ость* в чисто предметном значении (ср. выше замечания о эволюции слов *внешность*, *внутренность*, *наружность*). Число окказиональных случаев такого рода значительно больше, особенно в языке 20—30-х гг. Ср.: «И забавно, и досадно читать подобные ничтожности!» (Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 572).

Подобное движение от значения отвлеченного качества к значению личному и предметному у этих слов отчетливо проявилось в литературной речи 20—30-х гг. XIX в. Его следует поставить в связь с особым распространением в языке романтической поэзии и прозы этого времени употребления существительных с суфф. *-ость* в плане олицетворения, в собирательно-личном смысле. Ср., напр., в «Полтаве» Пушкина: «Так, своеволием пылая, Роптала юность молодая».

---

[44] *Бездарность* представляет собою вообще характерное новообразование 20—30-х гг. Ср.: «Вообще, кроме *бездарности*, отличительную черту того времени [господства классицизма] составляли *подражание* и строгое *соблюдение* установленных, известных правил» (Н. Пол., I, с. 440); «Г-н Тютюнджи-Оглу ненавидит всякий род истинной славы, гонит с ожесточением все, что ознаменовано талантом, и оказывает всевозможное покровительство посредственности и бездарности» (Бел., II, с. 37). Прил. *бездарный* отсутствует еще в САР и в Слов. Сок. и впервые отмечается Слов. 1847. У Нордстета *бездарный* толкуется в прямом смысле: не получающий даров, подарков. В языке 20-х гг. одновременно являются антонимы *даровитый* и *бездарный* в переносном смысле, для обозначения внутренних свойств человека. Здесь, вероятно, имела место не прямая эволюция старых значений, а семантическое воздействие нем. begabt и unbegabt. Старые значения этих слов быстро сходят со сцены.

[45] Ср. у И. Покровского возражение против формальных показателей категории лица в употреблении этого слова. По поводу фразы «затмит всех наших знаменитостей» он замечает: «не *всех наших знаменитостей*, а *все наши знаменитости*, потому что под знаменитостями тут, только в переносном смысле, разумеются лица, а само по себе слово это не означает лиц» (Москвит., 1853, № 6, Смесь, с. 63).

Ниже мы приводим некоторые подробности об истории отдельных существительных с суфф. *-ость*, получивших особое значение и распространение в указанное время. Среди них коснемся и тех слов, которые, не являясь формально неологизмами этого времени, тем не менее с этого времени ведут свою новую жизнь, подверглись существенному переосмыслению.

Гласность, устность. *Гласность*, собственно, не относится к новообразованиям этого времени. Слово отмечено уже в САР и в Слов. 1847. Однако эти, так же как и некоторые другие (Д, Толль), словари ограничиваются еще самыми общими толкованиями (ср. в Слов. 1847: «Свойство гласного; известность»).[46] Но к середине XIX в. слово приобретает особый, очень актуальный терминологический смысл. Любопытно, что, собирая материалы, дополняющие академический словарь, П. Кеппен выписывает следующее определение этого слова из статьи либеральной газеты «Санктпетербургские ведомости» (1862, № 194, с. 831): «Право каждого выражать свои мнения относительно разных правительственных мер и учреждений». В этом смысле, а также в таких сочетаниях, как *гласность судопроизводства* и т. п., слово получает особую употребительность в ходе подготовки буржуазных реформ во второй половине 50-х гг., прежде всего на страницах либерально-охранительной печати. «Повествователь»-либерал в цикле Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» вспоминает: «Я не жил в то время,[47] а реял и трепетал при звуках: „гласность“, „устность“, „свобода слова“, „вольный труд“, „независимость суда“ и т. д., которыми был полон тогдашний воздух» (XI, с. 268—269). Только злоупотреблением этим словом в официозной и либеральной печати можно объяснить настороженность к нему в те годы со стороны революционно-демократического лагеря. Для такого отношения особенно показательны высказывания о слове *гласность* в произведениях Чернышевского. В статье 1859 г. «Г. Чичерин как публицист» он между прочим писал: «Мы говорили, что обсуждение важных вопросов, умалчивающее о существенной стороне их, касающееся только мелочей, да и то с какою-то вялою слабостью, никак не может назваться удовлетворительным обсуждением, ничего не разъясняет, ни к чему, кроме пошлостей и нелепостей, не приводит; проницательные люди тотчас сообразили, что мы не сочувствуем свободе печатного слова (термин „гласность“ мы не решаемся употреблять — до того он опошлился)» (V, с. 645). Еще решительнее противопоставляет эти два термина (опошленную «гласность» и «свобода слова») Чернышевский в непропущенных царской цензурой «Письмах без адреса» (1862), обращенных непосредственно к Александру II. Говоря о бюрократической подготовке крестьянской реформы 1861 г., он замечает: «Первою чертою дела для примера пусть послужит так называемая гласность, — это, м. г., бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения „свобода слова“, и придуманное по догадке, что выражение „свобода слова“ может показаться неприятным или резким кому-нибудь, — итак, м. г., первою чертою для моего примера я беру так называемую гласность по крестьянскому делу» (X, с. 107). Над этой урезанной, формальной, бюрократической и фальшивой «гласностью» постоянно смеется демократическая литература 60-х гг.

Гласность — прежнее страшилище,
Всем приелась в краткий срок, —

---

[46] Ср., напр., в статье Б. А. [Алмазова]: «Нам хочется, чтоб переводы из западных поэтов, так редко появляющиеся в наших журналах, приобретали как можно больше гласности» (Москвит., 1853, № 4, Журналистика, с. 221).

[47] Речь идет о конце 50—начале 60-х гг., — *Ю. С.*

иронически отмечал в «Дневнике Темного человека» Д. Д. Минаев (Русск. слово, 1863, № 5, с. 25). И однако, каковы бы ни были перипетии этой публицистически острой борьбы против термина *гласность* и извращения его смысла в официальной печати, именно с 60-х гг. начинается жизнь этого слова в терминологическом смысле, в кругу общественно-политической лексики.

Более ограниченной оказалась жизнь другого слова, соотносящегося с термином *гласность* — слова *устность*. Его не отмечают ни Слов. 1847, ни Даль. Оно является на свет в ходе подготовки буржуазной реформы суда 60-х гг. В «Энциклопедии военных и морских наук» под ред. Г. А. Леера (VIII, с. 89) указываются следующие три условия производства дел в судебных заседаниях: «1. Публичность. 2. Гласность. 3. Устность, т. е. устное разбирательство дела». Над «благодетельной устностью», этим девизом либералов 60—70-х гг., смеется Щедрин, начиная с «Сатир в прозе» (1863—1864). «Пикантными видимостями» называет он устность и гласность, «воспеваемые» либеральной прессой, в цикле «Господа ташкентцы». Слово *устность* в дальнейшем сохраняется лишь в сфере юридической терминологии.

Грамотность. Слово отсутствует в Слов. 1847 и у Д. Впервые оно отмечается у Орлова и в Слов. Акад. 1892 («Уменье читать и писать. Школа грамотности, где учат только читать и писать»).[48] Однако оно встречается уже в текстах 40-х гг. Ср. у И. Киреевского (1845): «Народ наш еще живет в литературе славянской, и немногие, просвещенные гражданскою грамотностию, продолжают образовываться посредством Выжигина, Орлова и Поль де Кока» (II, с. 122). Особый ход слово получило в 60-х гг., после Крымской войны, когда одним из предметов журнальной полемики стал вопрос о распространении и формах просвещения в народе, в частности о распространении низших школ для обучения грамоте. Спор о необходимости распространения грамотности в народе с особою силою вспыхнул, напр., в 1857 г. Одним из активных участников этого спора был, между прочим, В. И. Даль, опубликовавший ряд писем (в «Русской беседе» за 1856, в «Отечественных записках» за 1857 г.), где заявил себя противником распространения грамотности в народе. Таким образом, невключение самого слова в далевский словарь было своего рода демонстрацией. Даль это слово знал и даже употреблял его (его письмо, опубликованное в «Отечественных записках», 1857, № 2, называлось: «Заметка о грамотности»).

Действительность. Слово это было образовано еще в середине XVIII в., но долгое время оставалось недостаточно терминологически определенным и двойственным в употреблении. С одной стороны, уже Нордстет приводит к нему в качестве немецкого и французского его синонимов: die Wirklichkeit и la réalité. С другой стороны, оно еще обычно употреблялось в XVIII—начале XIX в. и в другом смысле: «деятельность, возможность действия, свойство действующего». Напр.: «Действительность нашей маленькой аптеки отводит поселян от употребления вредных средств, предписываемых им в болезнях ворожеями, колдунами и другими сельскими адептами» (Карамз., VII, с. 356); «Нельзя, чтобы мозг [новорожденного] был без действительности, но он еще токмо источник чувственности, а не орган мысленный» (Радищ., Соч., II, с. 99) и т. п. Еще Слов. 1847 определяет это слово самым общим образом: «Состояние действительного». Но при этом указывается и на другое значение, правда только в составе сочетания *в действительности*: «точность, подлинность».[49] Из этого сочетания и выросло устойчивое абсолютивное упо-

[48] Ср. также Толль, Доп. 1875, статью «*Комитет грамотности*».

[49] Но ср. Д[1]: «Состояние действительного во всех значениях, все то, что есть, существует, состоит на деле, не выдумано». Еще определеннее этот особый терми-

требление слова в смысле: «то, что существует на самом деле, независимо от нас; реальность, бытие». Это значение становится основным, господствующим в языке критики и публицистики 20—30-х гг. Как термин, имеющий глубокое и актуальное философское значение, слово *действительность* окончательно вытесняет в 30-е гг. ранее употребительные в этом смысле слова *вещественность* и *существенность*. Случаи употребления слова *действительность* в этом значении в критике 30-х гг. уже очень обычны и многочисленны. Оно становится девизом, одним из слов, определяющих идейное направление писателя. Обращение к действительности, внимание к ней составляет важнейшую часть требований, предъявляемых новой критикой к литературе и науке, к любому действию людей, к сфере человеческого мышления. Один из героев «Русских ночей» В. Ф. Одоевского патетически спрашивает: «Когда, в какую эпоху действительность, очевидность, правда были в таком ходу, как ныне?» (I, с. 317). Такое употребление уже достаточно широко представлено в произведениях Н. Полевого,[50] в критических статьях Надеждина, Ив. Киреевского и др. Оно становится особенно значительным для критики Белинского.

«Терминологизация» слова *действительность*, таким образом, не случайно совершилась в критике 30-х гг. Противопоставление мечты и жизни, идеала тому, что на самом деле существует в жизни, выдвинуло в романтической критике 30-х гг. оба антонима *идеал* и *действительность* на первый план. В критике реалистической отстаивается законность прав действительности, а старые романтические понятия об идеале подвергаются осмеянию. Антонимы появляются в языке часто одновременно; они освещают связь и взаимоотношение понятий одного ряда, строго ограничивают объем действия каждого понятия. Так и новые границы смыслового наполнения слова *действительность*, его значение определялись соотносительно и одновременно с противостоящим ему словом. И это наложило неизгладимый след на дальнейшую жизнь слова. Один из «отсталых», реакционных литературоведов 50—60-х гг. Н. Н. Булич писал: «Действительность такое слово, которое недавно существовало в нашей критике и к счастью, наконец, исчезло, подобно другим родственным ему понятиям художественности, искренности и т. п. С ними нельзя связать определенного и ясного понятия» (Отзыв о преподавании Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии от 23 марта 1853 г. В сб.: Н. Г. Чернышевский, Саратов, 1926, с. 193). Но он выдавал желаемое за действительное. Временное «исчезновение» слова со страниц критических статей было вызвано лишь чрезвычайной обстановкой «мрачного семилетия» николаевской реакции. В критике и публицистике 1860-х гг. термин вновь получил полную свою силу.

История этого слова представляет собою яркий пример того, как терминологизация слова, обособление его по смыслу, наметившееся освобождение от роли простого производного, грамматически зависимого от слов, которые дали повод для появления его в языке, начинают новый период в его жизни, превращают его в своего рода новое слово.

нологический смысл слова раскрывается у Толля: «*Действительность*, в противоположность воображаемому, все чувственно сознаваемое, существующее во времени и пространстве. В противоположность идеалу *д.* наз. совокупность несовершенных отношений, в коих находится человек».

[50] Напр.: «Драма Гете [«Торквато Тассо»] не удовлетворяет вас, ибо она не драма действительной жизни, но собственно драматическая эпопея, где жизнь возведена к идеалу, а действительность только дает ей общие формы» (Н. Пол., I, с. 327); «Мы не войдем здесь в исследования о том, до какой степени воспользовался Гете исторической действительностию» (там же, с. 326). Ср. также другие примеры из журналов 20-х гг. (Веселитск., с. 31).

Личность.[51] И это слово, с чисто формальной точки зрения, не является неологизмом данного времени. Существительное на *-ость* от прил. *личный* было образовано в XVIII в.[52] Оно отмечено впервые в САР[2].[53] Но значения, с которыми выступало это слово в XVIII в., еще так «окказиональны», дробны и размельчены, еще так зависимы от значения соответствующего прилагательного и так далеки от обобщенного и вместе с тем терминологически-определенного значения этого слова в дальнейшем его употреблении, что в сущности невозможно говорить о непрерывной смысловой эволюции этого слова на протяжении XVIII—XIX вв.

Еще Слов. 1847 определяет слово *личность* следующим образом: «1. Отношение одного лица к другому. Никакая личность не должна быть терпима в службе; 2. Колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление. Не должно употреблять личности». Конечно, эти словарные определения не исчерпывают всей суммы значений, которые были известны слову в употреблении XVIII—первой четверти XIX в. Помимо этих частных, специфических его осмыслений, оно употреблялось и в более общем смысле. Но этот общий смысл был еще очень неопределенным, понятийно не ограниченным. Ср. следующие примеры из журнальных статей начала века: «Писать оную [рецензию] единственно для юных авторов, без брани, не касаясь личностей» (Сев. вестник, 1804, II, с. 294); «Не худо начал было и редактор „Московского Меркурия“, если б не приметно в нем было духа партии и личности» (там же, 1805, VII, с. 288); «[Сатира], под рукою человека неискусного или нравного, становится орудием мщения, *личностию*; а сатира личная (даже справедливая) заключает в себе нечто отвратительное» (Моск. Мерк., 1803, IV, с. 44) и т. п. В литературном языке начала века упоминание о *личности* чаще всего заключало неодобрительный смысл; общее неопределенное значение слова соскальзывало в более специфическое, узкое: *личность* выражало прежде всего пристрастное отношение лица к чему или к кому-либо, а затем и прямое оскорбление лица. Именно это суженное, «неодобрительное» осмысление безусловно господствовало в обиходной речи первой четверти XIX в.

Значительно реже в это время слово *личность* употребляется в более широком, общем смысле. Внешне эти случаи легко смешать с позднейшим употреблением слова. Однако при более внимательной оценке в них чаще обнаруживается лишь очень общий, формальный смысл («все, связанное с лицом, относящееся к нему, личное»), — не более. Ср. «Где будет прежний *ты* [после разрушения мозга], где твоя особенность, где личность?» (Радищ., Соч., II, с. 190); «Но столь явная его [человека] личность, столь единственное его я, от всего в нем отделенное и все в себя собирающее» (там же, с. 47); «Чувство бытия, личность, душа — все сие существует только потому, что вне нас существует» (Карамз., ПРП,

---

[51] См. об этом слове: В. В. Виноградов. Из истории слова «личность» в русском языке до середины XIX в. (Докл. и сообщ. филологич. фак. МГУ, вып. I, 1946, с. 10—12).

[52] Ср. у В. В. Виноградова несколько иную формулировку: «Это слово сформировалось не ранее второй половины XVII в.» (там же, с. 11; разрядка наша, — *Ю. С.*). Однако материалов, подтверждающих более раннее образование слова, он не приводит.

[53] Там оно толкуется так: «Отношение в каком-либо случае собственно к одному чьему лицу. *Правосудию несвойственна личность*». Это буквально повторяет и Слов. Сок. Впрочем, ср. в «Полном французском и российском лексиконе» (т. II, СПб., 1786, с. 258) *личность* как синоним personnalité с характерным, однако, ограничением: «обыкновенно же берется в худую сторону и значит язвительность, язвительная речь собственно до кого принадлежащая».

II, с. 9).[54] В этих еще редких случаях отвлеченного употребления есть бесспорно предпосылки для дальнейшего формирования терминологического значения. Но они еще не делают погоды. Не случайно, что эти случаи были просто не замечены составителями тогдашних словарей.

В журналистике 30-х гг. происходит под влиянием новых взглядов на значение личного, индивидуального начала в духовной жизни человечества резкое изменение общего значения слова *личность*. Это, как уже сказано, лишь с поверхности можно принять за новое семантическое преображение уже существующего слова. На самом деле слово *личность* в этом новом смысле («индивидуальность», а также «индивидуум», само лицо как носитель внутренне присущих ему свойств, как сознающая себя особь) правильнее рассматривать как новообразование этого времени, как новое слово, находящееся к старому в чисто омонимических отношениях. Это хорошо осознавалось современниками. Белинский считал *личность* в этом смысле переводом франц. personnalité, относя его к ряду слов, получивших право гражданства в литературном языке его времени (IX, с. 226—227). С. Шевырев писал в «Очерках современной русской словесности»: «Вопрос о личности, ее значении и действии в нашей литературе есть один из деятельнейших в ней вопросов. Никогда еще так много о личности не говорили — и никогда так не вызывали ее к действию. Замечательна перемена, последовавшая даже в значении этого слова относительно к его употреблению. Прежде под именем *личности* разумели оскорбление, наносимое лицу; в таком смысле говорили: „Он сказал мне личность“. Теперь разумеют под именем личности все права человеческие лица́ на развитие и уважение» (Москвит., 1848, № 1, с. 35).

Итак, слово *личность* в 20—30-х гг. как бы вновь входит в русский язык в новом своем значении, никак не связанном прямо, а напротив, противопоставленном старому значению. Эти значения с первого момента их столкновения в языке рассматриваются как явно несовместимые, омонимические. Если при старом положении вещей слово *личность* означало преимущественно нечто недопустимое, нежелательное и предосудительное, то теперь оно, в новом смысле, выступает как один из девизов времени. Борьба за личность, за самостоятельность и самодеятельность лица, за свободное, не стесняемое произволом раскрытие всех его творческих сил и возможностей приобретает первостепенное значение в передовой литературе этого времени. Слово *личность* вступает в один ряд со словами *индивидуум* и *индивидуальность*, которые также прочно закрепляются в русском языке с этого времени. Именно соотношение этого слова с указанными заимствованными словами определяют теперь семантические его границы, а его старый специфический и ограниченный омоним сходит со сцены и постепенно превращается в слово устарелое.[55]

---

[54] Но и у Радищева и Карамзина *личность* чаще является в смысле оскорбления лица или личного намека. Ср.: «Если ослепленный судия судит в неправду; и защитник невинности издает в свет его коварный приговор; если он покажет его ухищрение и неправду, то будет сие личность, но дозволить можно. Если же называть его станет именованиями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сие есть личность, но язвительная и недозволенная. Личность, но язвительная личность, есть обида» (Радищ., Путеш., с. 300); «Говорят отрывками; все личности, jargon, язык, непонятной для чужестранца» (Карамз., ПРП, V, с. 237). Другие примеры на употребление слова *личность* в смысле «индивидуальность» из произведений первой трети XIX в., особенно 20-х гг., см. Веселитск., с. 118.

[55] Впрочем, в языке 30-х гг. это старое употребление еще достаточно обычно. Ср.: «Но говор страстей, крик отношений, возгласы личностей ничего не доказывают» (Н. Пол., I, с. 361); «Случайное мое положение доставляло мне средство наблюдать ее [русскую литературу] со вниманием и без всякой личности»

Теснее всего на первых порах своего употребления слово *личность* в этом смысле соотносится со словом *индивидуальность*. Оно означает прежде всего совокупность особых свойств и качеств индивида, особи, лица. В эти годы слово *личность* поэтому чаще всего выступает в зависимом, а не абсолютивном употреблении, в сочетаниях *личность кого, чего* или *чья личность*. Ср.: «Совмещая личность, отдельный быт и характер писателя с событиями общественными, они [исторические записки], с одной стороны, возвышают цену частных подробностей, с другой — оживляют мертвую важность тех фактов, которых в истории видели б мы одни голые остовы» ([О. Сенковский]. Сказания современников о Димитрии Самозванце; Библ. для чт., 1835, № 1, с. 1); «Это трогательное изображение судьбы бедного юного поэта, в котором не трудно узнать личность самого Шекспира» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 80—81); «Все события вытекают из индивидуальностей действующих лиц, их личностей и характеров, всей их *непосредственности*» (Бел., III, с. 212); «В лирической поэзии поэт является нам субъектом, и потому-то в ней так часто и такую важную роль играет его личность, его *я*» (там же, с. 434) и т. п. В этом смысле, сближаясь по значению со словами *индивидуальность, особность* (неологизмом философского языка 30-х гг.),[56] *характер*, слово *личность* обычнее всего относится к лицу, к сознающему себя индивиду.

Но в языке 30—40-х гг. оно часто относится также и к совокупности лиц, а также к различным проявлениям их деятельности. Вот некоторые примеры этого: «Поколение, образуясь, двигаясь и постепенно достигая до самосознания, выражает оное в баснословном единстве, которое движется и растет вместе с ним. Чувствуя свою возрастающую личность, оно почитает ее за силу внешнюю, и обожает наравне со всеми другими силами» (Э. Кине. О природе и истории относительно к преданиям мифологическим и эпическим (перевод); Моск. Телегр., 1832, XLIII,

---

(О. С. [Сенковский]. «Новоселье», Библ. для чт., 1834, № 5, с. 26); «Я останусь тверд в своем мнении, которое не есть следствие личности или каких-нибудь расчетов, но следствие любви к истине» (Бел., I, с. 370). У Герцена в произведениях 30—40-х гг. еще сталкивается *личность* и в старом и в новом значении. Ср.: «В Петербурге все литераторы — торгаши; там нет ни одного круга литературного, который бы имел не личность [т. е. личный интерес], не выгоду, а идею связью» (II, с. 37); «Мы целовальники, взятые из другого края, у которых не может быть личностей ни против кого, ни за кого» (II, с. 123); но: «Без сомнения, личность — действительная вершина исторического мира» (II, с. 155). В дальнейшем *личность* в старом смысле встречается главным образом в сочетании *переходить (перейти) на личности*.

[56] Ср., напр.: «Отчего же им [Москве и окружающим ее губерниям] было вдруг утратить свою особность?» (Герц., II, с. 187). В тех же философских кружках 30—40-х гг. употреблялось сущ. *самость*, встречавшееся у отдельных писателей (особенно славянофильского направления) до 60-х гг. «Наша самость, особенность, народность постоянно, как жизнь, уходит из-под различных более или менее тесных рамок, накладываемых на нее извне» (А. Григ., I, с. 548). *Самость* встречалось еще у масонов XVIII в. Напр.: «Не имею толико в себе силы, чтоб мог отвергнуться самого себя, всей своей злой воли, проклятой самости» (письмо А. И. Веревкина А. М. Кутузову от 31 декабря 1790 г. См.: Я. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в., Пгр., 1915, с. 68). Более специфическими по смыслу были употребительные в тех же кружках *ячный* и *ячность*, как синоним слова *эгоизм*, также не удержавшиеся в языке. Ср.: «Эгоизм сосредоточенный есть только болезненное, исключительное, сумасшедшее проявление ячности, которая имеет сильный, резкий голос во всех начинаниях людских» (Герц., II, с. 277). Сущ. *ячность* не было также неологизмом этого времени. Его употреблял, напр., Н. П. Николев. См. его объяснения по поводу критических нападений на это слово. «Слово *ячность*, не мною переведенное и давно уже некоторыми хорошими нашими переводчиками употребленное, разожгло противу себя их [критиков] сердце», — писал он (Творения, ч. III, М., 1795, с. VI). Кого имел в виду Николев, говоря об употреблении до него сущ. *ячность*, установить не удалось. В смысле «эгоизм» употреблялось и *ячество* (Бел., X, с. 281—282).

с. 15—16); «Тут являлась личность народа, поглотившая в себе все частные личности» (Бел., III, с. 348); «Общество или народ не есть отвлеченное понятие, но живая личность, единое тело и единая душа» (там же, с. 338); «Смелое государственное развитие, выступление на сцену Руси как политической личности и выступление русских личностей в народе» (Герц., V, с. 24); «Журнал должен иметь свой характер, свой образ мнений, свою, так сказать, личность вследствие мысли, которая служит основанием всех его действий» (Бел., II, с. 544) и т. п. Не трудно заметить, что в основе этих рассуждений о личности народа, поколения или литературного органа лежит характерное уподобление их отдельному лицу.[57] Однако предпосылки для такого расширительного употребления лежали еще и в семантике самого существительного («совокупность характерных, особенных свойств», «особность»). Такое употребление слова *личность* постепенно угасает, не находит себе в дальнейшем развития.[58]

Слово *личность* все более, напротив, тяготеет к новому абсолютивному употреблению. Его значение сосредоточивается специально на выражении человеческой особи, с присущим ей самосознанием и всеми характерными ее особенностями.[59] Уже в 40-е гг. мы можем наблюдать случаи такого абсолютивного употребления, где *личность* выступает как синоним индивида, лица. Причем к этим же годам относится и известная детерминологизация слова. Оно начинает прилагаться не только к лицу, сознающему себя, стоящему на известной ступени своего духовного развития, но и вообще ко всякому отдельному человеку как особи.[60] Безразличное употребление слов *человек*, *лицо*, *личность* все чаще можно наблюдать в языке 60-х гг. Таким образом, складывается, помимо терминированного значения, новое общеразговорное употребление. Ср.: «До сих пор рябит в глазах от различных личностей, на которые насмотрелись в это время» (Отеч. зап., 1848, № 3, Внутренние известия, с. 58); «Вглядитесь в личности, действующие в повести Писемского» (Писар., I, с. 172); «В вагон вошла личность угрюмого вида» (Чех., V, с. 134); «Одна личность просила меня приберечь на время ее бумаги» (Л. Толст., XXXII, с. 292) и т. д.[61]

---

[57] Такое уподобление нередко являлось, напр., у Белинского. Ср.: «Народ есть *личность*, как отдельный человек» (III, с. 325).

[58] Впрочем, ср. его и у отдельных публицистов 60-х гг. Напр.: «На чем видны те отличительные черты, которыми определяется национальная личность, живая и свободная в своем поступательном движении?» (Р. Р. [Г. Благосветлов]. Неизданные сочинения и переписка Карамзина; Русск. слово, 1862, № 3, с. 58).

[59] Такое абсолютивное употребление для обозначения самого лица, носителя известных свойств легко складывается на фоне частого предикативного употребления слова *личность* в философских определениях 30—40-х гг. Ср. у Белинского: «Прежде всего, всякий человек есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пункт всех его действий и необходимое условие его действительности» (III, с. 338); «Ум — это человек в теле или, лучше сказать, человек через тело, словом, *личность*» (X, с. 27).

[60] Такой сдвиг в употреблении слова с возмущением отметил в своем фельетоне Булгарин, цеплявшийся за устарелое узкое значение слова. «Наши так наз. нынешние гении, которые создают новый русский язык, — писал он, — не довольствуясь словами, которые были достаточны Карамзину, Жуковскому, Пушкину, Грибоедову для выражения мыслей и чувствований, дали старым словам *новое* значение. Словом *личность* у нас всегда обозначалось язвительное слово, относящееся к какому-нибудь лицу.. Теперь *личность* употребляют вместо лица.. В № 11 фельетона „Санктпетербургских ведомостей“ мы читаем: „В рассказе .. являлись *комические личности*.“ Иной подумает, что г. Вонлярлярский писал против кого-нибудь *личности*! Ничуть не бывало: фельетонист хотел сказать, что в рассказе являлись комические лица (personnages comiques)» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина; Сев. пчела, 1835, № 13, с. 50).

[61] Насколько «опростилось» в этом смысле слово *личность* во второй половине XIX в., хорошо показывает одна реплика действующего лица в романе Б. Марке-

В современном литературном языке отложились, таким образом, три основных направления в употреблении слова *личность*, последовательно возникшие в 30—40-х гг. XIX в. Это, во-первых, употребление его в зависимом положении, в смысле «все особое, характерное, присущее лицу, особенности его сознания и характера» («личность человека»); во-вторых, абсолютивное, личное употребление в строго ограниченном смысле — личность, как лицо себя сознающее, особое (в этом смысле слово *личность* противополагается обществу, массе; на такое употребление оказали сильное воздействие споры о личности и ее роли в историческом процессе, протекавшие во второй половине XIX в.); [62] наконец, употребление разговорного характера, «безразличное» к терминологической определенности слова, так сказать, «прономинальное», при котором слово *личность* оказывается простым заместителем слов *лицо*, *человек*, даже личных местоимений (ср.: «разговор шел о моей личности», т. е. обо мне).

В этой истории одного слова, очерченной здесь лишь в самых общих, крупных чертах, отчетливо выступают три момента, показательные для истории книжной лексики этого времени вообще.

Во-первых, решительный разрыв с традицией старого употребления. Различие между семантикой слова до 30-х гг. и после этого времени столь велико, что слово в новом значении воспринимается как явный неологизм.

Во-вторых, решающее воздействие на семантическое развитие слова со стороны ведущих направлений философской мысли этого времени. Употребление его в передовой критике и публицистике 30—40-х гг. определило его судьбу в литературном языке. Быстрота усвоения его общим употреблением не может не поражать нас.[63]

В-третьих, эта быстрота усвоения книжного слова общим употреблением приводит и к известной утрате им строго терминологических очертаний, к известной неопределенности его синонимических отношений с другими словами (*личность* и *лицо*, *человек*).

Народность. Это слово возникает и бурно входит в литературное употребление 20-х гг. XIX в. Едва ли не впервые его употребил П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г., там, где речь шла о национальных чертах в русском поэте, «о народности замашек коренных». Употребив незнакомое слово, Вяземский спрашивает: «Зачем не перевести nationalité — *народность*? [64] Поляки сказали же: narodowość! Поляки не так брезгливы, как мы, и слова, которые не добровольно перескакивают к ним, перетаскивают они за волосы, и дело с концом. Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится» (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. I, СПб., 1899, с. 357—358). Из этих строк ясно, во-пер-

---

вича «Бездна»: «С этим вполне почтенным лицом случилось на днях весьма неприятное приключение. . Или, выражаясь правильнее, *столкновение* с другою *личностью*, так как „лицом“ его собственно назвать нельзя. Представьте себе недоросля из дворян, как говорилось встарь, богатого и ни к чему не годного маменькиного сынка» (IX, с. 272). Ведь *лицо*, помимо своего общего значения, в разговорной речи определенных социальных кругов этого времени означало также человека с положением.

[62] Ср. утверждение наиболее рьяного защитника особой, ведущей роли личности в истории, П. Л. Лаврова: «Бесспорно, что реальны в истории лишь личности; лишь они желают, стремятся, обдумывают, действуют, *совершают* историю» («Роль науки в период Возрождения и Реформации»; Отеч. зап., 1868, № 10, с. 658).

[63] В 40-х гг. слово в новом смысле воспринимается даже представителями реакционных направлений, отнюдь не сочувствовавшими теориям о свободном, нестесненном развитии личности. В этом смысле показательно появление его на страницах «Москвитянина».

[64] Франц. nationalité передавалось как *национальность* еще писателями XVIII в. (ср.: К. Петров. Словарь к сочинениям Фонвизина, СПб., 1904), — *Ю. С.*

вых, что слово *народность* Вяземский считает собственным неологизмом, подлежащим еще оправданию; во-вторых, что он производит его по наиболее живому образцу существительных на *-ость* от прилагательных с суффиксом *-н-*,[65] но под влиянием уже существующего в польском языке термина (Вяземский находился в то время в Варшаве). Более осторожный в отношении всякой «неологии», А. И. Тургенев в ответном письме от 10 декабря 1819 г. писал по поводу этих рассуждений: «На что ковать слова? Придут мысли — будешь уметь их выразить: ты это в самых трудностях доказываешь. Тогда и победа будет легкая, и никто не приметит пленника в новом отечестве. Самые ультрапатриоты будут встречать его с улыбкой дружелюбия, как старого соотчича. Разве Шишков догадался, что промышленностью никто не промышлял прежде Карамзина?» (там же, с. 370).

Таким образом, друг Вяземского осторожно отнесся к его неологизму, хотя позднее и сам употреблял его (ср. в письме Вяземскому от 18 февраля 1820 г. в смысле «популярность»). Однако в политических спорах и в романтических литературных концепциях 20-х гг. рассуждения о народности и сам этот термин уже занимают исключительно выдающееся положение. Слово встречается в критических обзорах А. А. Бестужева-Марлинского,[66] в статьях и заметках Пушкина (см. Слов. яз. Пушкина), о народности как основном принципе новой романтической литературы не устает повторять в своих статьях в «Московском телеграфе» Н. Полевой. Он, между прочим, отмечает и чуждость этого понятия каноническим принципам классицизма. Ср.: «Не было слова о народности [речь идет о литературе конца XVIII—начала XIX в., — *Ю. С.*], никто не прислушивался к родному голосу; национальное смешивали с простонародным» (Н. Пол., I, с. 105); «Есть другой, высший период возраста для народа и страны, когда сознается национальное и государственное достоинство, когда постигается народность, узнается свое место в истории человечества и ума человеческого. Это время зрелости, и оно разве только теперь начинается для нас» (там же, с. 365—366). «Откройся, мать наша, безмерная Русь, мир-государство, во всей полноте своей! — патетически восклицал он во введении к своему роману «Разговор между сочинителем „Русских былей и небылиц“ и читателем». — Покажи нам всю сложность, все части своего разнообразного состава. Мы извлечем таким образом *стихии народности*» (Н. Пол., Клятва, с. XXV).[67]

Лишь запоздалые классики и безнадежно ограниченные карамзинисты продолжали с неодобрением в это время смотреть и на само новое понятие и на выражавшее его слово. М. А. Дмитриев в своих полемических примечаниях к изданию мемуаров своего дяди иронически замечал о фразеологии новых писателей: «*Требования века, дух времени, народность* — вот пышные и громкие слова, непрестанно ими произноси-

---

[65] Ниже он шутит: «Окончание *-ость* — славный сводник; напр.: liberalité непременно должно быть *свободность*, а liberal — *свободностный*. Вольно было Шишкову предавать проклятию *будущность*. En Russie nous n'avons pas l'avenir, а где нужнее оно как у нас. *Будущее*, как ни делай, а существительным не смотрит» (там же, с. 358).

[66] Напр., во «Взгляде на старую и новую словесность в России» (1823): «И. А. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку» (Марл., XI, с. 224); «Фонвизин в комедиях своих „Бригадире“ и „Недоросле“ в высочайшей степени умел схватить черты народности» (там же, с. 216).

[67] Уже у Н. Полевого находим характерные рассуждения о развитии народности — от особой физиономии народного быта и творчества в неразвитом состоянии до многообразного выражения умственных интересов нации (ср. Н. Пол., II, с. 483—485).

мые» (см. в кн.: И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 98).[68]

В 30-е гг. употребление этого слова стало почти всеобщим, о народности говорили многие; началась эпоха различных интерпретаций этого понятия, согласования или приспособления его к различным идейно-политическим тенденциям. Надеждин в своей известной статье (1836) мечтал об органическом слиянии начал европеизма и народности. Белинский, исторически конкретизируя понятие о народности, применительно к литературе тесно связал его с требованиями развивающегося реализма. В возникающем славянофильстве наметилась консервативная интерпретация народности, исходящая из идеалистической концепции народного духа как замкнутого в себе единства.[69] Сила нового понятия была уже столь велика, что за него ухватилась и николаевская реакция. Явилось на свет официальное истолкование этого слова в пресловутой уваровской формуле — «самодержавие, православие, народность».[70]

Сила общего признания этого неологизма 20-х гг. была столь полной, что, несмотря на эти столкновения разных взглядов на место, роль и назначение народности в историческом развитии, сам термин ни у кого не вызывал сомнений. Речь шла уже не о том, как выразить соответствующее понятие, а о том, как освободить его от чуждых идейных напластований и ограниченности.[71]

Так сложилось общее отвлеченное значение слова *народность*. С одной стороны, в абсолютивном употреблении оно обозначало совокупность характерных свойств народа, с другой, в зависимом употреблении, — отражение этих характерных свойств в чем- или ком-либо (ср. *народность Пушкина*, *народность поэзии*).

Но к середине века наметилось также и другое значение, не отмечаемое, впрочем, словарями XIX в., — значение собирательное, характеризующее исторически сложившуюся общность людей (аналогичное движение отмечается и у слова *национальность*). Ср. напр.: «С Фридриха Вильгельма начинается внутренний процесс, которым уничтожен в гогенцолернских землях провинциализм и создана искусственная, но сильная народность» (Гран., II, с. 286).

---

[68] *Требования века* и *дух времени* стали ходовыми выражениями в журналистике 30-х гг. Ср. статью того же М. А. Дмитриева в журнале «Телескоп» (1833, XIII) «Дух времени и потребность века в философском и нравственном их значении». Эти выражения, говорилось там, получили «с некоторого времени такую всеобщность, что они сделались почти признаком образованного человека — светского и ученого, пишущего и читающего, мыслящего и только что говорящего!» (с. 168).

[69] Впрочем, в самом славянофильстве понятие о народности не было однородным. Ср. в письме И. В. Киреевского к его московским друзьям (весна 1847 г.): «Самое понятие о *народности* между нами также совершенно различно. Тот разумеет под этим словом один так наз. *простой народ*; другой ту *идею* народной особенности, которая выражается в нашей истории; третий — те следы церковного устройства, которые остались в жизни и обычаях нашего народа и пр. и пр. Во всех этих понятиях есть нечто общего, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противоречим друг другу и мешаем правильному развитию собственных понятий» (II, с. 247).

[70] Официальным признанием слова объясняется и то, что оно попало уже в Слов. 1847 со следующим кратким толкованием: «Совокупность свойств, отличающих один народ от другого».

[71] Ср. у Добролюбова о требованиях демократической критики относительно народности в литературе: «Народность понимаем мы не только как уменье изобразить красоты природы местной, употребить меткое выражение, подслушанное у народа, верно представить обряды, обычаи и т. п... Чтобы быть поэтом истинно народным, надо больше: надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ» (Добр., II, с. 260).

В противоположность этому демократическому толкованию народности национально-обособленный элемент в народности как мировоззрении народа подчеркивал в 50—60-х гг. Ап. Григорьев.

Отметим также, что в 30—40-х гг. изредка еще можно встретить это существительное и как синоним заимствованного *популярность*. Именно так оно употреблено, напр., Пушкиным в переводе ответа Вильмена на речь Скриба (в статье «Французская академия»): «[Академия] была уверена, что избрать вас было делом справедливости и народности» (XII, с. 57), т. е. актом справедливым и популярным.

Причинность. Не отмечается в САР, Слов. 1847 и Д[1].[72] Впервые у Толля: «*Причинность* (causalitas) — философ. термин, обозначающий отношение причин к последствиям». На пропуск этого слова в первом издании словаря Даля указал также И. Ф. Наумов (Дополнения и заметки к толковому словарю Даля. — Сб. ОРЯС, т. XI, СПб., 1874, с. 30). Включено во второе издание словаря Даля: «*Причинность*, лат. via causatitatis, доведение до уверенности в чем-либо, исходя от причины к причине (Наум.)».

Ср. у Белинского в первой статье о Пушкине в смысле, еще не отличающемся от значения сущ. *причина*: «Суд современников бывает пристрастен; однако ж в его пристрастии всегда бывает своя законная и основательная причинность, объяснение которой есть тоже задача истинной критики» (VII, с. 102). Однако, как явствует из приведенных словарных определений, в философской терминологии к 60-м гг. особое значение этого существительного уже определилось. То же в общем языке, напр. в очерках Г. Успенского: «Совершенно ясная причинность и зависимость между собою всех явлений, какие только совершаются перед нашими глазами» (Овца без стада (1877); VI, с. 158).

Современность. Впервые это существительное отмечается в Слов. 1847 («Свойство современного»). При прил. *современный* в этом словаре указаны два значения: «1. Бывший в одно время с другим, единовременный. *Эти два писателя современны.* 2. Бывающий в настоящее время. *Современное просвещение*».[73] Несомненно, что это второе значение прил. *современный*, смещающее и ограничивающее его исходное значение, сформировалось в языке 20—30-х гг. не без влияния франц. actuel. Тогда же начало распространяться в употреблении и отвлеченное существительное, относящееся как к первому, так и ко второму, новому значению прилагательного. Ср.: «Точно ли выражает он [Пушкин] собою европейскую литературную *современность*, главные черты коей означили мы в начале нашей статьи? [«Борис Годунов» Пушкина (1831)]» (Н. Пол., I, с. 174). В 30—40-х гг. это существительное не только уже широко распространено в обоих значениях, но и обнаружило явную тенденцию к абсолютивному употреблению во втором смысле (*современность* как «наше время»). Ср.: «Наша современность кишит поэтами, которые пошлы, когда не пишут, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляются» (Бел., VII, с. 346); «[Нитч] часто обращается к современности и ею объясняет минувшее» (Гран., II, с. 222).

Художественность. В словарях XIX в. не отмечается. Впервые начинает употребляться в критике 30-х гг.[74] Особенно часто является у Белинского уже с первых его статей. Ср.: «Эта примечательность [рассматриваемых повестей] состоит не в одной художественности» (I, с. 283);

---

[72] Нет этого термина и в словаре, приложенном к ч. II «Истории философских систем» А. И. Галича (СПб., 1819), и в его позднейшем «Лексиконе философских предметов» (СПб., 1845). Там в этом значении приводятся causalitas, *винословность*, *винословная связь*.

[73] В САР[2] *современный* только синоним прил. *единовременный*.

[74] Ср. в рассказе И. С. Тургенева «Два приятеля»: «[Софья Кириловна] не даром любила Марлинского. Она также умела кстати прибегнуть к украшениям новейшего слога. Слова: артистический, художественность, обусловливать — так и сыпались из ее уст» (V, с. 356).

«[В повестях Н. Полевого], при многих очевидных признаках истинного творчества, истинной художественности, заметно и большое участие ума» (там же, с. 284); «Художественность доступна для людей всех сословий, всех состояний, если у них есть ум и чувство.. Художественность есть творчество» (II, с. 172); «Художественность в том и состоит, что одною чертою, одним словом живо и полно представляет то, чего без нее никогда не выразишь и в десяти томах» (III, с. 53) и пр.[75]

Естественною предпосылкою для образования этого существительного было появление в критике 20—30-х гг. нового качественного значения у прил. *художественный* («свойственный произведениям искусства, отвечающий его требованиям, способный производить эстетическое действие»), превращение его в эстетическую характеристику произведения искусства или его составных компонентов. На такое значение слова *художественный* нет еще и намека в Слов. 1847 (ср. там: «искусственный, сделанный искусством. *Художественное произведение*»). Это — завершающий акт в длительной семантической эволюции слова. Ведь еще во второй половине XVIII в. слова *художество*, *художественный*, *художник* не только не содержали специального указания на особый тип восприятия и воспроизведения действительности или на степень эстетического воздействия, но неопределенно покрывали собою всю обширную и пеструю область технического умения, мастерства и пр.

* * *

В заключение укажем, что вообще датировка появления новообразований рассмотренного выше типа представляет те же затруднения, что и определение времени появления заимствованных слов. Ведь образования типа существительных на *-ость* по своей природе являются свободными, окказиональными. И в истории многих из этого ряда существительных приходится разграничивать два момента: момент их первого, часто случайного, окказионального употребления в языке того или иного лица или группы лиц, и момент их прочного закрепления в языке, превращения в общее достояние. Этот второй момент оказывается часто тесно связан со своеобразной терминологизацией указанных существительных, с развитием их абсолютивного употребления. Вот почему чисто семантический анализ играет существенную роль при определении решающей даты появления и тем более распространения таких слов в языке.

§ 5. Другим обширнейшим разрядом производных существительных отвлеченного значения является в современном литературном языке ряд отглагольных существительных среднего рода со значением опредмеченного действия, образуемых с помощью суффиксов *-ние* (*-нье*) (в его двух вариантах — *-ание* и *-ение*) и *-тие* (*-тье*, *-тьё*). Мы не входим здесь в рассмотрение характерных грамматических признаков и особенностей существительных этого продуктивного и обширнейшего класса, а также общих условий их образования.[76] Отметим лишь те общие особенности, которые существенно отличают развитие и распространение этого класса в XIX в. от развития в это время рассмотренного выше и столь же продуктивного класса образований на *-ость* от прилагательных. Вообще возможности для образования этих производных существительных в русском литературном языке XIX в. были столь же широки и обычны, как и для существительных на *-ость*. «Теоретически почти от каждого глагола, —

---

[75] См. указание на связь этого термина с основными воззрениями новой критики, идущей от Белинского, в цитированном выше (с. 200) отзыве Н. Н. Булича.

[76] См. такую характеристику в книге В. В. Виноградова «Русский язык» (с. 117—121).

заключает В. В. Виноградов, — кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью этого суффикса образовать отглагольное существительное» (Русск. язык, с. 117). И практически, — как раз особенно в середине и второй половине XIX в., — мы сталкиваемся с характерным расширением этого разряда слов в определенных направлениях. Особенно велико здесь число окказиональных образований, являвшихся в определенных целях и в определенных контекстах в языке многих литературных произведений этого времени. Велико и число тех новообразований, которые стали обычными в языке этого времени и впервые фиксируются словарями второй половины XIX—XX в. Ср. хотя бы *вдумывание* (Слов. Акад. 1891),[77] *воздерживание* (Д[1]), *возникновение* (Слов. Акад. 1891), *вотирование* (Толль, Прил. 1866), *голосование* (Д[2]), *датирование* (Слов. Акад. 1895), *заболачивание* (Слов. Акад. 1899), *заболевание* (Слов. Акад. 1899), *загнивание* (Слов. Акад. 1899), *заискивание* (Д[1]), *залегание* (Д[1]), *замалчивание* (Слов. Акад. 1899), *заполнение* (Слов. Акад. 1899), *запоминание* (Д[1]), *измышление* (Д[1]), *использование* (Д[1]), *калеченье* (Д[1]), *кокетничанье* (Д[1]), *кольцевание* (Брокг.-Ефр. 1895, Слов. Акад. 1912), *компрометирование* (Слов. Акад. 1912), *копошение* (Слов. Акад. 1913), *кущение* (Брокг.-Ефр. 1896), *либеральничанье* (Д[1]), *любование* (Д[1]), *маневрирование* (Толль), *маринование* (Д[1]), *моделирование* (Толль), *нагнивание* (Д[1]), *нахлестыванье* (Д[1]), *обводнение* (Д[2]), *обжалование* (Брокг.-Ефр. 1896), *обособление* (Д[1]), *объединение* (Д[2]), *озверение* (Д[1]), *освоение* (Д[1]), *отмирание* (Д[1]), *ошеломление* (Д[1]), *переживание* (Д[1]), *перетасовыванье* (Д[1]), *планирование* (Толль), *подсаживание* (Д[1]), *поглупение* (Д[1]), *приручение* (Д[2]), *приседание* (Д[1]), *просветление* (Д[1]), *разветвление* (Д[1]), *разъединение* (Д[1]), *регулирование* (Толль), *свечение* (Д[1]), *скрещивание* и *скрещение* (Д[1]), *сопоставление* (Д[1]), *сочленение* (Д[1]), *срастание* и *сращение* (Д[1]), *стрекотание* (Д[1]), *фильтрирование* (Д[1]), *формулирование* (Толль), *форсирование* (Д[1]), *цитирование* (Толль), *чередование* (Д[1]), *экипирование* (Д[1]) и мн. др.[78]

Можно указать, что причины и условия образования, появления и закрепления в языке многих образований этого рода (особенно окказиональных) были аналогичны причинам и условиям, вызвавшим в это же время обширный ряд существительных на *-ость* (как и некоторых других существительных отвлеченного значения). И здесь, во-первых, сильнейшее воздействие оказало изменение общих стилистических норм в литературной речи этого времени. Расширение прав публицистического элемента в различных литературных стилях, возможность свободного общения, взаимодействия и взаимопроникновения языковых средств, различных по своей стилистической характеристике и по происхождению, раздвинуло и здесь границы возможных новообразований. Поэтому многочисленны, напр., для этого времени образования существительных на *-ние* от заимствованных глаголов с суфф. *-ировать* и пр. (отчасти варьировавших в течение всего века с существительными с суфф. *-ация/-изация*). Ср.: *вотирование*, *гипнотизирование* (Слов. Акад. 1892), *гримирование* (Слов. Акад. 1892), *датирование, дрессирование* (Плюшар), *европеизирование* (Слов. Акад. 1897), *интернирование* (Толль), *компрометирование*, *маневрирование*, *манкирование* (Толль), *моделирование*, *модулирование* (Толль), *никелирование* (Брокг.-Ефр.), *пересорти-*

[77] Здесь и далее в скобках дается указание на первую фиксацию слова в словарях.

[78] Конечно, некоторые из этих слов могли эпизодически являться и в речи более раннего времени. Ведь этот разряд, как сказано, в значительной степени состоит из слов легко образуемых, «окказиональных». Однако бесспорно, что многие из них получили полную силу, стали обычными именно в указанное время.

рование (Д[1]), *перлюстрирование*, *планирование*, *регулирование*, *резюмирование* (Толль, Д[1]), *транспонирование* (Толль), *третирование*, *фильтрирование*, *формулирование*,[79] *форсирование*, *цитирование*, *экипирование*, *экспатриирование* и др.

Множество новообразований на *-ние* встречаем в языке художественной литературы и публицистики этого времени от глаголов разговорно-просторечных, часто фразеологически ограниченных (напр., *выканючивание*, *выклянчивание* (Слов. Акад. 1892), *галдение*, *глазение*, *завиранье*, *копошение*, *мирволенье* (Толль), *объегоривание*, *подкузьмление*, *подпитие*, *судаченье*, *цоканье* и т. п.). Такие образования, конечно, не были совершенной новостью; они имели место и в литературном языке предшествующего времени, тем более, что существительные на *-ние* (*-нье*) не являются образованиями только книжного характера. И тем не менее расширение возможностей такого рода образований можно считать одной из характерных тенденций нового литературного употребления, отражающих характерные стилистические устремления художественно-публицистической речи, особенно сильные в стилях демократической русской литературы и публицистики с 60-х гг. Практически действительно от любого глагола разговорно-просторечного характера, в частности выступающего во фразеологически связанном, переносном значении, возможно было окказиональное образование такого существительного. Обычной стилевой ситуацией в литературе 60—70-х гг. были те случаи, когда вслед за называнием того или иного действия являлось и «опредмеченное» его представление, с последующим разбором и анализом явления. Вот несколько характерных примеров: «Какой-нибудь советник губернского правления, чтобы поставить себя .. на одну высоту с советником казенной палаты, обязывался совершить что-нибудь необыкновенное: или взойти в паи с убийцами, или скрасть сенатский указ, или сделать подлог. Т. е., говоря выражением того времени, „замараться“, ибо лишь за дела, сопряженные с „замаранием“, он получал мзду настолько существенную, что „не совестно было ее взять“» (Салт., X, с. 246); «Мудрый.. человек, как известно, смотрит в корень; а смотрение в корень успокоивает всякое негодование, потому что научает понимать» (Н. Шелгунов. Домашняя летопись; Русск. слово, 1865, № 1, с. 145); «В публике ходили слухи о каких-то баснословных кушах, о каких-то компаниях, составляющихся с целью наиспешнейшего ободрания клиентов» (Салт., X, с. 196); «По своей занимательности, работа бурсака стоит положительно ниже ломания барки или делания кирпича и может быть поставлена на одну доску с переливанием воды из ушата в ушат» (Писар., IV, с. 93; ср. *переливание из пустого в порожнее*); «Юноша, просидевший несколько лет над долблением греческой грамматики» (Г. Б., Библиографический листок; Русск. слово, 1864, № 4, с. 39) и мн. под. Конечно, все подобные окказиональные образования этого времени трудно и даже невозможно исчислить и перечислить. Но это действительно характерное явление в словообразовании этого времени, и отдельные новообразования этого типа устойчиво отложились в нашем языке (ср. *ничегонеделание*, *выуживание*, *зазубривание*, *подсиживание* и др.).

Итак, подобно тому, как новые стилистические условия и семантические сдвиги в исходных словах давали простор для свободного образования новых существительных на *-ость* от прилагательных определенного происхождения (заимствованных, просторечных, диалектных, жаргонных и т. п.), так эти же условия создавали предпосылки и для свободного образования новых отглагольных существительных на *-ние* особой семантико-стилистической, если угодно, гибридной природы.

[79] Ср. у Герцена: «формулирование мысли» (III, с. 284).

Во-вторых, возникновение и закрепление в языке ряда существительных на *-ние* было связано, так же как и появление ряда существительных на *-ость*, с потребностью в новых терминологически определенных словах. Представляющие действие как «предмет», они легко становились исходными, в понятийном отношении строго очерченными определениями известных явлений и процессов, природных и социальных. Ср.: *возникновение*, *голосование*,[80] *заболевание*, *измышление*, *кольцевание*, *кредитование* (Слов. Акад. 1916), *наведение* (индукция), *недомогание*, *недонесение* (Брокг.-Ефр.), *непротивление*, *обводнение*, *обескровливание* (Брокг.-Ефр.), *обжалование*, *облесение* (Брокг.-Ефр.), *обособление*, *обострение* (Д[1]), *объединение* (Д[2]), *переживание* (Д[1]), *приручение* (Д[2]), *проникновение*, *проявление*, *разъединение*, *скрещение* и *скрещивание*, *сопоставление*, *сочленение*, *сращение*, *торможение*, *фильтрирование*, *чередование* (Д[1]) и т. п.

Можно заметить, что появление некоторых из существительных такого терминологического характера в отдельных случаях предупреждало появление самого глагола (ср. хотя бы *голосование*, *кольцевание*, *приручение* и нек. др.).

Но, сравнительно с классом существительных на *-ость*, история существительных с суфф. *-ние* во второй половине XIX в. представляет и характерные отличия. Разряд существительных на *-ость*, как мы уже видели, был в течение всего этого времени безусловно прогрессирующим, т. е. он неуклонно и последовательно пополнялся все новыми образованиями, теряя лишь очень немногие более ранние образования этого типа; сфера действия этого типа словообразования все более расширялась, охватывая новые разряды прилагательных. Сильных конкурентов для выражения того же общего грамматического значения («качество, как таковое, предметно рассматриваемое») он, в сущности, не имел (ср. лишь упомянутые вариантные отношения с существительными на *-изм*, касающиеся ограниченного круга существительных с заимствованными основами: *гуманность—гуманизм*, *партийность—партизм*, *социальность—социализм*, *реальность—реализм* и пр.). Обычный исход сосуществования, как мы видели, здесь заключался либо в выпадении одной из конкурирующих форм, либо в их дальнейшем семантическом размежевании. Не то наблюдается в истории развития словообразовательного класса с суфф. *-ние*. Оно было лишь относительно прогрессирующим, т. е. наряду с постоянным пополнением и известным раздвижением границ этого разряда в указанное время имели место и его ограничения, выпадение из употребления или сужение употребительности некоторых внутренних групп образований этого рода. В это же время у образований на *-ние* обнаруживаются в различных жанрах и стилях литературной речи и достаточно сильные конкуренты.

Безусловно сильным, распространяющимся в литературном употреблении был разряд отглагольных существительных со значением действия, идущих из народно-разговорной речи, с суфф. *-ка*. Эти последние особенно свободно являлись в деловой речи, среди всякого рода профессиональной терминологии. Потеснилось употребление отглагольных существительных на *-ние* и в результате большого распространения и узаконения даже в наиболее книжных стилях речи бессуффиксальных существительных со значением действия (так книжной нормой до 60—70-х гг. включительно было еще *отменение* (позднее — *отмена*));[81] ср.

---

[80] См. об истории появления этого слова гл. I, с. 141—144.

[81] Ср. хотя бы следующий пример: «Пусть добиваются прежде отменения законов и установления новых, а потом уже говорят об уважении к ним» (Добр., III, с. 290).

также еще распространенные в языке первой половины (и отчасти — второй) XIX в. *заменение*, *защищение*, *кричание*, *отпущение*, *порывание*, *призывание*, *разгромление*, *распущение*, *укушение* и нек. др.[82]

В кругу существительных заимствованных также сильным конкурентом был разряд существительных с суфф. *-ация*(*-изация*), особенно активизировавшийся к концу века. Впрочем, дело и сейчас часто сводится к сосуществованию этих форм, при известной степени их семантического размежевания: существительные на *-ние* относительно существительных на *-ация*(*-изация*) заключают в себе больший оттенок «глагольности». Ср. *акклиматизация* и *акклиматизирование*, *демонстрация* и *демонстрирование*, *компрометация* и *компрометирование*, *манипуляция* и *манипулирование*, *манифестация* и *манифестирование*, *модуляция* и *модулирование*, *объективация* и *объективирование*, *перлюстрация* и *перлюстрирование*, *регистрация* и *регистрирование*, *цитация* и *цитирование*, *эксплуатация* и *эксплуатирование* и т. п.

Другим фактором, ограничивающим указанный разряд существительных и выведшим окончательно именно в течение этого времени из нормального употребления в литературном языке целые группы существительных этого класса, было внутреннее, грамматическое изменение слов этого разряда. Несомненно, что внутренняя связь с глаголами, от которых произведены эти существительные, и отражение в них важнейших категорий, присущих глаголу (и прежде всего видовой коррелятивности), были сильнее выражены в литературном языке XVIII в. и первой трети XIX в., нежели позднее.[83] Эта «нейтрализация, — по выражению В. В. Виноградова, — видовых и приставочно-глагольных значений» в образованиях на *-ние* «обнаруживается в сокращении возможностей производства имен на *-ние* от разных типов видовых основ» [84] и подкрепляется выходом из употребления многих ранее возможных образований. Сравнение данных словарей первой половины XIX в. с позднейшими и особенно современными нам словарями ярко это иллюстрирует. САР и Слов. 1847 приводят, без каких-либо ограничительных помет и указаний, обширный ряд таких существительных на *-ние*, которые теперь уже либо вообще невозможны в нормализованной литературной речи, либо ограничены в употреблении и содержат в себе стилистически и жанрово специфические признаки. Уже в грамматике А. Х. Востокова (1831) признаются не очень употребительными образования этих существительных от глаголов многократных; в течение 30—50-х гг. все заметнее сокращаются или становятся в литературной речи малоупотребительными и существительные от глаголов совершенного вида. Ср. в Слов. 1847 такие формы, как *вбежание*, *вваление*, *ввезение*, *ввертение*, *вдавление*, *вдробление*, *вделение*, *вжатие*, *взбежание*, *взброшение*, *взволнование*, *взвешение*, *взлетение*, *взломание*, *взманение*, *взмахание*, *взмощение*, *взнуздание*, *взорвание*, *взращение*, *вобрание*, *возгорение*, *вставление*, *встание*, *втиснутие*; *выбитие*, *выбрание*, *выбритие*, *выброшение*, *вываление*, *вываренье*, *вывезение*, *выверчение*, *выветрение*, *вывинчение*, *выворочение*, *вывяление*, *выгадание*, *выглажение*, *выгнание*, *выгнутие*, *вы-*

---

[82] Ср.: «Отвлеченность как заменение множества реальных предметов одним фиктивным» (Н. Личинкин. Здоровые и больные; Дело, 1870, № 1, с.187); «[Девушки и матери], которые в первой молодости обнаруживают энергические порывания и стремления к чему-то возвышенному» (Н. Языков [Шелгунов]. Теория мечтательного воспитания; Дело, 1871, № 7, с. 6); «Г. Бильо оканчивает призыванием на помощь времени и провидения» (Русск. слово, 1862, № 3, Политика, с. 19); «Разгромление силы турецкой и взятие Эрзерума» (Н. Пол., II, с. 327); «распущение парламента» (Голос, 1864, № 175, с. 4); «предохранительное средство от укушения гремучих змей» (Библ. для чт., 1835, № 3, Смесь, с. 63) и пр.

[83] См. Виноградов, Русск. язык, с. 119—121.

[84] Там же, с. 119.

горение, выгребение, выдвинутие, выдергание, выдержание, выжарение, выжатие, выждание, вызвание, вызнание, вызрение, выиграние, выкашляние, выквашение, выкинутие, выкипение, выкопание, выкрадение, выкрашение, выкурение, вылечение, вылитие, выловление, вымазание, еыманение, выменение, выметение, вымоление, вымолотие, вымучение, вымытие, вымятие, выгнутие, выныряние, выпарение, выпечение, выписание, выплескание, выпрошение, выпучение, выпытание, вырощение, вырытие, высажение, высверление, высижение, высказание, выслужение, высмотрение, выспрошение, выстояние, выстроение, выстреление, вытверженне, выткание, выхватание, вычерчение, вышибление, забитие, заболение, забритие, завaление, заварение, завертение, завитие, завязание, загадание, загребение, загружение, задобрение и т. п., от других приставочных глаголов совершенного вида.

Многие из этих образований были еще очень обычны в XVIII и первой четверти XIX в. Но уже в конце XVIII в. в новых стилях литературной речи их употребительность значительно падает. Она продолжает сокращаться и в течение всей первой половины XIX в.[85] Впрочем, известная часть этих образований устойчиво сохраняется в литературном языке и последующего времени. Ср., напр., *вздутие, вложение, вменение, вовлечение, возвеличение, воззрение, возложение, вчинение, выздоровление, высвобождение* и др. Этому способствовала бесспорно и терминологизация многих из них, выделение в них чисто именных, не соотносительных с видовыми значениями глагола, номинативных значений.[86]

В заключение этого общего обзора данного разряда существительных и его движения в указанный период приведем некоторые сведения по истории отдельных слов, получивших в это время особое распространение или известным образом терминологизировавшихся.

Возникновение. Я. К. Грот в разборе словаря Даля писал, что «Даль не одобряет появившихся в 40-х гг. слов: *возникновение, исчезновение* и т. п.» (Филолог. разыск., I, с. 19). Это замечание Грота нуждается в существенных уточнениях. Слово *исчезновение* никак нельзя считать новообразованием этого времени. Оно приводится в САР и в Слов. 1847[87] с особыми пометами («*слав.*» и «*церк.*») и с цитатою из библии: «*Церк.* Состояние исчезнувшего, обращение в ничто. *Бысть глагол сей в прегрешение дому Иеровоамлю и на испровержение и на исчезновение от лица земли.* 3. Царств. XVIII. 34» (Слов. 1847). Даль в своем словаре действительно неодобрительно относится к этому слову, сопровождая его указанием: «дурное слово», что косвенно может служить свидетельством того, что он, как и Грот, считал его нововведением. Это, конечно, недоразумение, но основания его очень симптоматичны. Несомненно, что известное церковнославянскому языку слово получило особую употребительность в книжной публицистической речи 30—40-х гг. Оно тем более бросалось в глаза, что именно с этого времени, как свидетельствует Грот, распространяется в употреблении и его антоним *возникновение*. Это последнее слово отсутствует в Слов. 1847, не приводит его и Даль в обоих изданиях своего словаря, подготовленных им. Впервые оно включено Я. К. Гротом в издание академического словаря

---

[85] Характерно, что, хотя щедро дающий такие образования Слов. 1847 оставляет подавляющую их массу без ограничительных помет, все же в отдельных случаях они имеют там и помету *церк.*, ср. *вдание, возделание, вскисение* и нек. др.

[86] Любопытно, что уже в определениях ряда этих слов в Слов. 1847 отражается их безразличие к виду глагола. Ср. при *водворение* — «Действие выдворяющего и выдворившего». То же: *водружение, воздержание, восстание, восхищение, выключение* и т. д.

[87] Ср. его также и в «Материалах» И. И. Срезневского.

1891 г.[88] Таким образом, дело идет собственно не о неологизмах 30—40-х гг. XIX в., а об утверждении этих старых церковнославянских образований в норме литературного употребления этого времени. Причем, по крайней мере одно из них уже и до этого поддерживалось непрерывной лексикографической традицией; другое (*возникновение*) было более необычным и «новым».[89]

Заболевание. Впервые Слов. Акад. 1899; ср. там же *заболеваемость*; впервые как термин толкуется в Брокг.-Ефр. В Слов. 1847 от гл. *заболеть* указывается только сущ. *заболение* («состояние заболевшего»). У Даля при глаголах *забаливать*, *заболеть*, *заболевать* указываются сущ. *забаливанье* и *заболение*. Слов. Акад. 1899 приводит сущ. *заболевание* (так же как и *заболеваемость*) со специальной пометой и с цитатами из газет того времени. («*Заболевание*. Медиц. Обозначение собственно возникновения какой-нибудь болезни; иногда же употребляется как однозначащее с словами: болезнь (morbus), боление»). Образование существительного и установление синонимических отношений у него со словом *болезнь* относится к самому концу XIX в. Выйдя из специального употребления в языке медицинских книг, слово быстро распространяется и в общем языке. Ср. в Слов. совр. русск. лит. яз. (IV) цитаты на это слово из Чехова («Остров Сахалин») и Короленко («В голодный год»). Ср. также у В. И. Ленина (в «Развитии капитализма в России»): «Работа при машинах создает профессиональное разделение труда и профессиональные заболевания» (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 242).

Непротивление. В Слов. 1847 и Д[1] только *противление*; *непротивление* — в словарях XIX в. отсутствует и впервые фиксируется в Слов. Ушак. Образование этого слова, восходящего к очень книжному и явно устарелому слову,[90] обязано специфическим обстоятельствам, с которыми оно осталось связанным и в дальнейшем. Существительное это было образовано Л. Толстым в 80-х гг., когда он, пережив духовный кризис, обратился к истолкованию евангельского учения[91] (в частности открытого в 70-х гг. памятника раннего христианства «Учение двенадцати апостолов»)[92] и развил свою теорию непротивления злу насилием. Именно в религиозно-этических сочинениях Л. Толстого 80—90-х гг. и являются постоянно церковнославянское слово *противление* и образованный от него самим Толстым термин *непротивление*. Ср., напр., в подробном оглавлении произведения Толстого «Царство божие внутри нас»: «Учение о непротивлении злу насилием с самого основания христианства исповедывалось и исповедуется меньшинством людей» (XXIII, с. 294); см. также в «Трех притчах» (1893—95): «Всякое противление злу насилием только увеличивает зло» (XXXI, с. 59); «Было признано [сторонниками насилия], что учение о непротивлении злу есть учение неверное, нелепое, безбожное и зловредное» (там же) и т. д.

Обсуждение нового этического учения Л. Толстого в публицистике 90-х гг. и сделало это слово, столь явно архаизированное, популярным в языке. Ср.: «Гр. Толстой своею теорией о непротивлении злу не сказал ничего нового» (Шелг., III, с. 220); «Общее учение Толстого о непротивлении злу» (Михайловск., VI, с. 377). Однако употребление этого слова, ввиду явной его специфичности, осталось фразеологически связан-

---

[88] Впрочем, и это слово было известно старым книжным текстам. См. Слов. совр. русск. лит. яз., II, с. 583; также Земская, с. 44—46.

[89] Ср. ниже замечания о слове *проникновение*.

[90] При сущ. *противление* в Слов. 1847 нет стилистических помет, но гл. *противлятися*, с которым оно в этом словаре прямо соотносится, имеет помету: «Церк.».

[91] См. предпринятую им еще с 1879 г. и продолжавшуюся до 1884 г. работу над «Соединением и переводом четырех евангелий» (т. XXIV).

[92] См. выполненный Л. Толстым в 1885 г. его перевод в томе XXVI.

ным (в сочетании «непротивление злу [насилием]») и тесно ассоциированным прежде всего с этим учением Толстого, с толстовством.

Переживание. В современном языке это существительное сильно терминологизовалось и служит обычно для обозначения особого психического состояния; оно вместе с тем связано по значению с гл. *переживать*, в котором, в отличие от гл. соверш. вида *пережить*, в настоящее время предельно-временные результативные значения отражаются приглушенно и тускло (ср. «прожить дольше кого-либо, чего-либо», «остаться в живых, выжить»), но зато особенно сильно значение, относимое к сфере внутренней, психической («испытывать что-либо, особенно — те или иные ощущения, чувства» и т. п.). Эти отношения являются результатом характерной смысловой эволюции, пережитой данными словами в течение XIX в.

Если мы обратимся к Слов. 1847, то увидим там при гл. *переживать—пережить* указания только на два значения конкретного (временного и пространственного) характера: «1) Жить долее других или долее чего-либо. Не дай бог пережить милых сердцу. Пережить свое несчастие. 2) Пожить во многих местах. Пережил во всех улицах города». Формирование внутреннего «психологического» значения относится к 30—40-м гг. XIX в. В этом отношении семантическое движение в этих глаголах совпадает с новыми осмыслениями некоторых других глаголов с *пере-*; напр. гл. *переработать*, где, помимо старых предельных и результативных значений («переделать уже сделанное», «работать долее или более положенного», «многое работать»), развивается особое отвлеченное значение («изменить»).[93] Еще ближе это связано с новыми осмыслениями гл. *передумать* (не только «снова обдумав, изменить свои мысли и намерения», как определяется этот глагол в Слов. 1847, но и: «о многом подумать, многое обдумать»), *перечувствовать* («испытать, пережить многое»; глагол этот отсутствует в Слов. 1847; он характерный неологизм 30—40-х гг.).

Новое осмысление глаголов *пережить*, *переживать* («испытать, изведать, внутренне почувствовать действие внешней среды» и т. п.) зарождается в стилях романтической литературы 30-х гг. В первых случаях его употребления еще ощущается связь с конкретно пространственными значениями приставки *пере-*. Ср. «В течение двадцати лет Пушкин пережил и перечувствовал всею жизнью и всеми мыслями своего времени и своего народа» (Н. Пол., I, с. 226). Но очень скоро эта связь ослабевает, и новое значение глагола становится сильным и независимым. Ср.: «В это десятилетие мы перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы» (Бел., I, с. 70); «Явилась потребность уяснить смысл пережитых потрясений и отыскать их причины» (Гран., II, с. 420); «Как ни привыкнешь к морю, а всякий раз, как надо сниматься с якоря, переживаешь минуту скуки» (Гонч., III, с. 287) и т. п. В этом смысле слово становится необычайно популярным к 60-м гг.[94]

Однако любопытно, что сущ. *переживание* в этом смысле закрепляется в языке относительно поздно. Даль, впервые отмечающий его, дает ему еще чисто формальное определение, соотнося со всеми значениями гл. *переживать*. Во вторую половину века оно чаще употребляется в том смысле, который позднее берет на себя сущ. *пережиток*.

---

[93] См. подробнее об этом гл. III, с. 399—400.

[94] Ср. замечание в фельетоне П. Д. Боборыкина [Нескажусь] «Невинные размышления начинающего»: «Мы *пережили*! Какое это звучное и модное слово! Нынче нет ни одного гимназиста, который не драпировался бы им, говоря об испытаниях, *пережитых* им в борьбе с инспектором за ношение длинных волос или панталон с лампасами» (Библ. для чт., 1861, № 11, с. 7).

Заметим кстати, что сущ. *пережиток*, не отмечаемое словарями XIX в., начинает употребляться в литературном языке лишь в последнее десятилетие XIX в. Ср. «Из наследственных примет у него удержалась одна, и очень крепко: встреча с попом, — он смеялся над собой, называл это пережитком» (Бобор., VI, с. 28); «Пережитки первобытных заблуждений искореняются веками» (Нов. время, 1896, № 7146); «Если бы „Воскресение“ писал какой-нибудь толстовец, а не сам Толстой, он не увлекся бы, конечно, никакой эстетикой, этим атавистическим пережитком 40-х годов» (там же, 1900, № 8613) и т. д.

Любопытно, что слова *переживание* и *пережиток* первоначально закрепились как специальные термины в историко-этнографической литературе. Ср. характерное указание в одной из рецензий конца века: «В нашем культурно-историческом и этнографическом языке пошло в ход слово переживание (survivance) и даже пережиток» (ЖМНП, 1895, № 12, с. 198—199). См. у В. И. Ленина в «Развитии капитализма в России» в более широком социальном смысле: «При всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе, экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно к системе *отработочной* и *капиталистической*. Первая состоит в обработке земли инвентарем окрестных крестьян, причем форма платы не изменяет сущности этой системы.. Это — прямое переживание барщинного хозяйства» (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 186—187).

Но к концу века можно отметить и приложение слова *переживание* в чисто психической сфере, соотнесенность его по значению с особым, психологическим смыслом гл. *переживать*. Правда, случаи такого употребления еще очень редки. Ср. в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Падающие звезды»: «Шура все время наблюдала мисс Мортон ревнивыми глазами и сразу поняла все.. Тут было даже не соперничество, а переживание самой себя. О, как отлично сейчас понимала эта глупенькая Шура настроение немой англичанки, потому что сама переживала его...» (Мам.-Сиб., ПСС, XI, с. 68). Не трудно заметить, что и в приведенном примере сущ. *переживание* в новом смысле употребляется еще «окказионально», как образованное для данного случая имя действия от гл. *переживать*.

Приручение. (Впервые Д^2: «*Приручать*, *приручение* — то же, что приручнять»; Д^1 — только: «*Приручнять*, *приручнить* дикое животное — укротить, сделать ручным, приурочить к дому, придворить»). Сущ. *приручение* отмечает в своих словарных материалах П. Кеппен с цитатой из специального журнала «Акклиматизация», выходившего в 60-х гг. От этого же времени идет и распространение термина в общем употреблении, первоначально отмечается также вариант *приручнение*. Ср. в сатирах Щедрина: «Приручнение масс и открытие в них великолепного свойства забвения вчерашнего дня» (Салт., VII, с. 287); «Едва успел Молчалин,. наметить себе полезного субъекта, как уже ему предстоит работа приручения обретенного субъекта» (XII, с. 296).

Проникновение. Словари XIX в. не отмечают этого слова [95] (ср. в САР: *проникание* и *проницание*; то же в Слов. 1847 и у Д; кроме того, в Слов. 1847 *проничение* с пометой *церк.*, а у Д и *проникнутие*). Однако это слово уже достаточно широко употребительно в книжных контекстах 40—50-х гг. Ср.: «„Душенька“ Богдановича ведет свое начало от высокого эллинского мифа о сочетании души с любовью, т. е. о проникновении духовным началом естественного влечения полов» (Бел., V, с. 163); «Если вы захотите искать в ней [статье Писемского о «Мерт-

[95] Впервые — в Слов. Ушак.

вых душах»] проницательного и всестороннего проникновения в сущность поэзии Гоголя, то она вам не даст ничего или почти ничего» (Некр., IX, с. 341) и т. д. Не ясно, было ли это, как в случае с сущ. *исчезновение*, лишь распространение и закрепление в новых правах уже известного книжного слова, или новообразование данного времени по образцу уже известных *исчезновение* и *возникновение*. Скорее имело место именно последнее.

Проявление. История этого слова также любопытна в плане соотношения старого и нового в лексике 30-х гг., словарной традиции и словотворчества. Я. К. Грот упоминает о нем в ряду новообразований первой половины XIX в. (Филолог. разыск., I, с. 18). Так смотрели на него и люди 30—40-х гг., приписывавшие его образование профессору М. Г. Павлову, одному из пропагандистов шеллингианства в России 20—30-х гг.[96] Однако формально слово *проявление* было известно церковной книжности (ср. его в «Материалах» Срезневского) и отмечалось словарями предшествующего времени (см. в САР: «*Проявление*. Познаменование, прообразование»). Но, конечно, отношение слова *проявление* в том его смысле, в каком оно распространилось в философском языке 30-х гг., а затем стало широко употребляться в языке критических и публицистических статей, к слову *проявление* в старом, церковном его значении чисто формальное.[97] По существу, мы и здесь имеем дело с омонимами. В этом новом смысле («обнаружение, выражение чего-либо») слово *проявление* действительно следует считать неологизмом 30-х гг., хотя на сам факт его появления, возможно, и имело известное влияние существование его двойника в старой книжности.

Во второй половине 20—30-х гг. слово *проявление* в этом смысле широко употребляется в философских статьях М. Павлова, в критических статьях Бестужева-Марлинского,[98] Н. Полевого,[99] в произведениях Пушкина (см. Слов. яз. Пушкина), в статьях Белинского, К. Аксакова, И. Киреевского, Герцена[100] и др.

Не исключено, что новое значение старому слову было придано в силу уже характерного для этого времени плохого знания церковно-

---

[96] См. свидетельство Белинского: «Когда М. Г. Павлов, начавший свое литературное поприще в „Мнемозине“ и первый заговоривший в ней о *мысли* и *логике* — предметах, о которых до „Мнемозины“ русские журналы не говорили ни слова, — когда М. Г. Павлов начал употреблять слово *проявление*, то это слово сделалось предметом общих насмешек, так что антагонисты почтенного профессора называли его, в насмешку, *господином, который употребляет слово „проявление“*; а теперь всем кажется, что будто это слово всегда существовало в языке» (II, с. 463). Статья Павлова «О способах исследования природы», о которой здесь идет речь, была опубликована в ч. IV альманаха «Мнемозина» (1825). Но у нас нет достаточных оснований, чтобы приписать первое употребление слова в этом смысле именно М. Г. Павлову. Ср. употребление его в примечаниях В. Ф. Одоевского к «Отрывкам из путешествия по Германии» В. Кюхельбекера (в ч. I «Мнемозины», 1824): «Я не вижу в нем [рассуждении] объема идеи искусства, но представление одного частного проявления оной» (с. 18). Таким образом, это скорее продукт словотворчества определенной группы мыслителей, чем одного лица.

[97] Иначе об отношении слова *проявление* в его новом, современном смысле к традиции старой церковной книжности ставит вопрос Е. А. Земская (с. 42). Она опирается на некоторые примеры, извлеченные из картотеки ДРС, где *проявление* как будто бы имеет общий смысл: «видимое, ощутимое обнаружение чего-нибудь». Однако без больших натяжек нельзя принять непрерывность этой речевой традиции.

[98] Ср. в отрывке его о романтизме (1826): «Действие или проявление мыслей может выразиться в разных видах или формах» (Избр. произв. декабр., I, с. 483).

[99] Ср., напр.: «Власть приняла древние формы, бывшие в Риме, как формы величайшего проявления силы» (Моск. телегр., 1832, XLII, с. 96); «История народов есть только разнообразное проявление одинаких явлений» (Н. Пол., I, с. 383) и т. д.

[100] Напр., в статье 1832 г.: «Законы природы, проявление ее жизни — постоянны и неизменны в отдельном феномене и во всем мире феноменальном» (I, с. 13).

славянской языковой традиции и представляет собою результат неожиданного смешения двух омонимических значений гл. *проявиться* — книжного и разговорного (ср. в САР: «2. То же, что являться, показываться, представляться другим»). Во всяком случае сущ. *проявление* в новом смысле уже в 30-х гг. заняло совершенно устойчивое и независимое положение в кругу философской терминологии и новой книжной лексики вообще.

* * *

С общей стилистической тенденцией дальнейшего сближения и взаимопроникновения разговорных и книжных элементов непосредственно связано, как мы уже отметили, распространение в литературном языке второй половины XIX в. отвлеченных существительных, образованных от глагольных основ с суфф. *-ка*, со значением действия (а также результата и орудия действия). Можно указать, что обычным источником этих образований была именно разговорная речь, где они широко распространялись.[101] Они особенно тесно связаны как наименования различных производственных процессов со сферою профессионально-технической терминологии. Как уже указывалось, многие из них появлялись в литературном языке как живые конкуренты более книжных и семантически ограниченных образований на *-ние*. В течение второй половины века можно в ряде случаев констатировать вытеснение или ограничение употребительности синонимичных существительных на *-ние* и постоянное закрепление в качестве литературной нормы образований с суфф. *-ка*. Напр., *бомбардировка* (Д[1]; в Слов. 1847 и у Толля только *бомбардирование*), *забастовка* (Д[1]; у него же еще и *забастованье*), *задувка* (Д[1] — *задувка домны* — с пометою *горн.*; у него же — *задуванье и задутие*), *маскировка* (Д[1]; в Слов. 1847 только *маскирование*), *намывка* (Д[1]; в Слов. 1847: *намывание*), *прививка* (Д[1]; ср. у Толля: *прививание оспы*, *прививание растений*; ср. в сложении: *оспопрививание*), *рокировка* (Д[1]; в Слов. 1847 лишь *рокирование*), *формировка* (Д[1]; в Слов. 1847 лишь *формирование*), *эмалировка* (Д[1]; в Слов. 1847 — *эмалирование*) и т. п.

Число таких образований с суфф. *-ка*, впервые отмечаемых словарями, толковыми и энциклопедическими, второй половины века и начала XX в., значительно. Ср. еще: *ангажировка* (Д[1]), *вотировка*, *гримировка* (Толль), *дрессировка* (Плюшар), *жеребьевка* (Доп. Оп. 1858, Д[1]), *заверка* (Д[1]), *заводка* (Д[1]), *зарисовка* (Слов. Акад. 1902 с пометою *астрон.* («Зарисовка пятен на солнце»), но с указанием и на расширительное употребление), *зарядка* (Слов. Акад. 1903: «Заряжание»), *инструментовка* (Д[1], Толль), *корчевка* (Д[1]), *надувка* (Д[1]), *намотка* (Д[1]), *нехватка* (Опыт 1852, Д[1]), *недогрузка* (Д[1]), *нивелировка*,[102] *раскатка* (Д[1]), *раскладка* (Д[1]), *расклейка* (Д[1]), *рассрочка* (Д[1]), *расшифровка* (Слов. 1847 и Д[1] — только *расшифрование*), *сшивка* (Д[1]), *спешка* (Д[1]), *фильтровка* (Д[1]), *форсировка* (Д[1]), *шаржировка* (Толль), *шифровка* (Д[1]), *штамповка* (Д[1]), *экипировка* (Толль, Д[1]) и т. д. Не трудно заметить, что, с одной стороны, мы здесь имеем слова, приходящие в литературный язык из разговорного, с другой — значительное число составляют профессиональные новообразования от специальных глаголов иноязычного происхождения.[103]

---

[101] См. Виноградов, Русск. язык, с. 141.

[102] См. Герц., II, с. 282.

[103] В современном языке формы существительных с суфф. *-ка* отглагольного происхождения обычны и широко употребительны, их стилистические разновид-

§ 6. Из других разрядов суффиксальных существительных с отвлеченным значением сравнительно богат новообразованиями этого времени разряд существительных, образованных преимущественно от именных и отчасти от глагольных основ с суфф. *-ство*, с общим значением состояния. По замечанию акад. В. В. Виноградова, «общее значение состояния в этом суффиксе и производных от него обрастает многими побочными отвлеченными значениями и оттенками (напр., значением социального, профессионального, идеологического, психологического явления, характеристического качества и т. п.)».[104] Именно это и характеризует значительную часть новообразований данного типа в интересующее нас время. Среди таких новообразований или слов, получивших в эти годы широкое распространение в литературном языке, мы должны прежде всего выделить те, которые были связаны с обозначением явлений социального и психологического порядка. Некоторые из них представляют собою общие наименования идейных направлений и тех социальных явлений, которые их вызвали к жизни. Таковы, напр., образования от имен существительных, обозначающих приверженцев определенных общественно-идеологических течений и партий. Ср. *западничество* (Слов. Акад. 1902), *крепостничество* (Д[2]), *культурничество*, *направленство*, *народничество* (Южаков), *непротивленчество* (и *непротивленство*), *обличительство*, *почвенничество*, *просветительство*, *славянофильство* (Брокг.-Ефр.) и нек. др. К ним примыкает ряд новообразований от собственных имен вдохновителей тех или иных идеологических течений, напр. *гегелианство*, *кантианство*, *маколейство* (Писар., III, с. 32), *мальтузианство*, *шеллингианство*, *толстовство* и т. п. Следует заметить, что некоторые из этих образований одновременно обозначали и определенные социально-политические направления, и сам строй общественных явлений, стоящих за ними. Ср. *крепостничество, плантаторство* (очень популярный в годы первой революционной ситуации 1859—1861 гг. и гражданской войны в США синоним слова *крепостничество*). Значительна группа новообразований, представляющих собою остро-экспрессивные слова-характеристики социальных явлений, а также отрицательные характеристики определенного образа действий и поведения (нередко эти слова образовались от основ просторечно-разговорного характера). Ср. *верхоглядство* (Слов. Акад. 1891), *доктринерство* (Слов. Акад. 1895), *живодерство* (Д[1]), *жонглерство* (Слов. Акад. 1898), *жульничество* (Слов. Акад. 1898), *кликушество* (Д[2]), *критиканство* (Слов. Акад. 1926), *крохоборство* (Д[1]), *кулачество* (Д[1]; первоначально в смысле «свойство кулака, человека жадного, корыстного, прижимистого» и т. п., затем также и в собирательном значении), *лакейство* (Слов. Акад. 1915; «качество лакея», т. е. угодничество, подхалимство; употреблялось также и в значении собирательном), *лизоблюдство*, *мазурничество*, *мироедство* (Д[1]), *надругательство*, *надувательство* (Д[3]), *низкопоклонничество* и *низкопоклонство*, *обезьянничество* (в Слов. 1847: *обезьянство*), *позерство*, *ростовщичество* (Южаков), *рутинерство*, *торгашество*, *фатовство* (и *фатство*), *филистерство* (Д[3]), *фразерство* (Д[1]), *хамство* (Д[1]) и т. п. Многие из этих слов, несмотря на широкий спектр значения, были словами прежде всего публицистически заостренными, особенно популярными в полемико-публицистическом употреблении. Некоторые из них

ности многообразны. И однако можно сказать, что тяготение к ним в литературной речи XIX в. было в отдельных случаях даже более сильным. Во всяком случае мы нередко встречаем в указанное время такие новообразования, которые затем уступили место иным образованиям. Ср., напр., *компрометировка* (Н. Надеждин. Европеизм и народность; Телеск., 1836, XXXI, с. 235); *односторонняя дифференцировка* (Микл.-Маклай, I, с. 127) и т. д.

[104] Виноградов, Русск. язык, с. 121.

приобрели особенно злободневное и широкое общественно-политическое звучание, особенно в публицистике 60-х гг. Ср. *взяточничество* (Д[1]), *казнокрадство* (Берез.), *самодурство* (Д[3]). Как видно из приведенного перечня слов этого рода, часть их была образована от новых для литературного языка данного времени слов — наименований и характеристик лиц (ср. *жульничество*, *критиканство*, *кулачество*, *мазурничество*, *позерство*, *фатовство* (*фатство*), *филистерство*, *фразерство*), часть же возникла от наименований лиц после того, как они получили в употреблении данного времени особые переносно-экспрессивные осмысления (ср. *помпадурство*). Можно отметить среди них образования от имен литературных персонажей, получивших в это время типическое значение. Наиболее сильным и семантически емким оказалось здесь слово *донкихотство*. До 30—40-х гг. оно встречается редко; позднее становится очень важным оценочным определением. Ср. в речи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»: «Под словом „Дон Кихот“ мы часто подразумеваем просто шута, — слово „донкихотство“ у нас равносильно со словом „нелепость“» (XI, с. 169). Слово *донкихотство* закрепилось у нас в смысле «наивное, беспочвенное фантазерство». Ср.: «Колоссальные замыслы, тревожные сны и — в действительности — падение в грязь цинизма.. или в совершенно пустые пространства.. донкихотство.. истощение жизненных сил не в борьбе, а в праздном дилетантизме, в праздной игре жизнью» (А. Григ., I, с. 529). Ср. также *донжуанство* (Писар., III, с. 32), *молчалинство* (Писар., III, с. 16). Впрочем, более обычными были образования существительных от имен литературных персонажей с суфф. *-щина* (см. § 7). Особенно продуктивным был в это время разряд существительных с суфф. *-ство*, образованных от имен лиц. Значительно реже образование их от именных основ не со значением лица (ср., напр., *кладбищенство* (в повести Н. Помяловского «Молотов») и нек. др.). Редки и образования от глагольных основ с суфф. *-ство* (*-тельство*). Ср., напр., *вмешательство* и *невмешательство*, *надругательство*, *надувательство*.

Особую группу слов в этом разряде составляют существительные, с одной стороны, характеризующие состояние лиц, связь их с определенной средой или социально-профессиональным кругом, характер их занятий (ср. *мещанство*, *миссионерство*, *разночинство*, *студенчество*, *учительство* и пр.), с другой, являющиеся собирательным наименованием данного круга лиц. Можно отметить, что во вторую половину XIX в. число таких существительных, употребляемых и в собирательном смысле, возрастает. Слов. 1847 еще не отмечает собирательных значений у сущ. *крестьянство*, *мещанство* (хотя они уже и намечались в живом употреблении предшествующего времени), он не дает вовсе сущ. *чиновничество* (см. его, впрочем, в Слов. яз. Пушкина). Характерным новообразованием середины XIX в. с таким двояким значением является слово *студенчество*.

Часть существительных с суфф. *-ство* до настоящего времени варьирует с существительными с заимствованным суфф. *-изм* (ср. *католичество—католицизм, протестанство—протестантизм, иезуитство—иезуитизм*; *пифагорейство—пифагореизм*, *эпикурейство—эпикуреизм*; *каннибальство—каннибализм* и нек. др.). В течение XIX в. число таких варьирующих форм было более значительно (ср. *плебейство—плебеизм*, *шарлатанство—шарлатанизм*, *азиатство—азиатизм*, *сектантство—сектантизм*, *доктринерство—доктринаризм*; *вегетарианство—вегетарианизм*, *гегельянство—гегельянизм* и *гегелизм* и др.).[105]

---

[105] См. об этом подробнее в § 9 настоящей главы. Вообще следует заметить, что в первой половине XIX в. еще сильно дает себя знать свободная вариантность образований на *-ство*, с одной стороны, и *-ние* и *-ость*, с другой, столь характерная

И в этом разряде существительных можно отметить ряд слов, которые, не будучи в собственном смысле неологизмами данного времени, именно во второй половине XIX в. становятся особо употребительными, обычными словами литературного языка (таковы, напр., *главенство*, *новшество*).[106]

Ниже мы приведем некоторые подробности об истории отдельных новообразований этого ряда или о словах, получивших именно в данную эпоху особую употребительность.

Верховенство. Впервые в Слов. Акад. 1891: *верхо́вéнство* (с двояким ударением) — «Начальствование, главенство»; ср. также *верховность*. Слово это, видимо, не было новообразованием данного времени. Но ранее оно было ограничено узко-церковным кругом употребления.[107] Лишь в последней трети XIX в. оно становится употребительным в языке публицистики и при этом уже в расширительном смысле.[108] Ср.: «Со времени Болотовского договора всякие притязания Новгорода на верховенство над Псковом прекратились сами собою» (И. Беляев. Рассказы из русской истории, кн. III, М., 1872, с. 259); «Океан.. не подчиняется верховенству никакого отдельного государства; он по преимуществу территория международная» (Русск. мысль, 1883, № 5, отд. I, с. 48); «Это высшее право королевства перед правом отдельных единиц стало верховенством государства» (там же, № 2, отд. II, с. 13) и т. п. См.: «Вам нынче не сидится смирно.. Век Женщины! Хотите верховенствовать» (Невежин, II, с. 88). Ср. ниже *главенство*.

Вмешательство. Впервые Берез. 1875; Брокг.-Ефр. также — *невмешательство*; Слов. Акад. 1891: «*Вмешательство*. Действие от гл. *вмешаться*: принятие участия в чужом деле, чаще неподобающего». Это искусственно образованное книжное слово (без промежуточных звеньев — *вмешатель* и пр.) стало употребляться, видимо, не ранее 40-х гг. XIX в. Ср.: «В его вмешательстве в дела городов нет ничего систематического» (Гран., I, с. 278); «Экономисты [школы Смита] требовали только одного — неограниченной свободы промышленности и совершенной независимости промыслов от вмешательства и распоряжений власти» (В. Милют., с. 318).

Термины *вмешательство—невмешательство* (ср. франц. intervention — non-intervention) особый вес получают в юридической терминологии (прежде всего в области международного права) 60—90-х гг. Ср.: «[Каннинг] отклонил французское правительство от вмешательства в португальские дела» (Писар. (Павл.), I, с. 592); «Вольтер был ближе к сторонникам правительственного вмешательства, чем к чистокровным либералам» (Михайловск., VI, с. 14); «В странном виде излагается теория невмешательства государства в экономические отношения» (Черн., V, с. 589); «Разве только поставят нам на вид этот несчастный принцип невмешательства (non-intervention), нами же провозглашенный?» (Добр., VII, с. 485); «На положение нейтральных держав смотрели с узкой

для XVIII в., и связанная с этим неустойчивость употребления. Ср., напр., встречающиеся в языке Герцена 30—40-х гг. *совершеннолетство* (I, с. 19), *лицемерство* (II, с. 230), *двойство* (II, с. 337) и т. д.

[106] Об истории этого слова, образованного в XVII в. и долгое время малоупотребительного, но возникающего для новой жизни в литературном языке 60—70-х гг., см.: В. В. Виноградов. Из истории современной русской литературной лексики (ИАН ОЛЯ, IX, вып. 5, 1950, с. 387—388).

[107] Ср. в статье К. П. Победоносцева «Церковь и государство»: «В Германии нет уже государственной церкви, однако главе государственной власти принадлежит верховенство (Kirchenhochheit) в церкви евангелической» (Московский сборник, Изд. 2, М., 1896, с. 18).

[108] Ср. широкое истолкование понятия в Русск. Энцикл. 1911: «*Верховенство* (суверенитет) — совокупность верховных прав, принадлежащих государству или его главе».

точки зрения, буквально понимая невмешательство в распрю воюющих сторон» (Русск. мысль, 1883, № 4, отд. II, с. 121) и т. д.

Главенство. Впервые Д[2]: «*Главе́нство* — старшинство по чину, сану, власти, право начальствования. Иерархическое главенство папы по римской церкви»; также в Слов. Акад. 1892: «Начальствование, верховенство, первенство. *Церк.* Главенство папы»; аналогичным сочетанием иллюстрируется и приводимый там гл. *главенствовать*: «главенствующие церкви». Ср. в материалах Кеппена: «*Главенство* (suprématie) — это слово употреблено г. Гильфердингом в статье „Ответ греку по болгарским делам", напечатанной в СПб. вед., 1860, № 257, с. 1366»; «Цель унии была.. соединение восточной церкви с римскою под одним общим главенством папы» (СПб. вед., 1861, № 288, с. 1577). Как и слово *верховенство*, это существительное было первоначально связано с узкой сферой чисто конфессионального употребления [109] и лишь к концу XIX в. становится обычным в публицистическом языке в общем широком смысле. Ср.: «Главенство над немецкими народностями перешло от династии Габсбургов к династии Гогенцоллернов» (Север, 1888, № 11, с. 18).

Материнство, отцовство. Оба существительных не отмечаются словарями XIX в. *Материнство* (в значении «состояние женщины-матери» и «чувство женщины-матери») появляется в языке литературы второй половины XIX в. Ср.: «Как ни своеобразны были отношения старой барыни к предстоящему материнству Евпраксеюшки, но все-таки в них просвечивало несомненное участие» (Салт., XII, с. 208); «За каждою женщиною остается будущее, купленное муками материнства» (Мам.-Сиб., ПСС, X, с. 499).

Отцовство — термин юридического происхождения, сложившийся по аналогии к сущ. *материнство* в юридической практике конца XIX в. Ср.: «Кровное происхождение ребенка (отцовство)» (К. Шматков. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1903, с. 101).[110]

Попустительство, пособничество. *Попустительство* впервые лишь у Д[3]; ср. Д[1]: *попуститель*; *пособничество* в словарях XIX в. также отсутствует. Оба термина возникают в юридической практике нового пореформенного судопроизводства. (См. истолкование понятий пособничества и попустительства в статье «Соучастие в преступном деянии», Брокг.-Ефр., XXX). Ср.: «Попустительство есть допущение или невоспрепятствование совершиться преступлению еще умышляемому, т. е. будущему» (Решения Уголовного кассационного департамента, 1875, № 62; цит. по картотечным материалам Словарного сектора в Ленинграде); «Мелкий таможенный чиновник, оставленный по приговору Ковенской уголовной палаты в сильнейшем, по его словам, подозрении в пособничестве к водворению контрабанды» (Кони, Судеб. речи, с. 189). Как и некоторые другие новообразованные правовые термины, эти слова быстро популяризируются и становятся употребительными в публицистике и художественной литературе 1860—1890-х гг., в том числе и в расширительном смысле. Ср., напр.: «Жена его [польского повстанца] за пособничество и участие в заговоре сослана в Сибирь» (Ф. Ливанов. Раскольники и острожные, т. I, СПб., 1872, с. 51); «Священники .. завели

---

[109] Любопытно, что Белинский в рецензии на «Краткую историю крестовых походов» (перев. с нем., СПб., 1845) критикует как пример дурного языка следующую фразу: «Крестовые братья напомнили об обещании, которое дал император, признать своею церковью *главненство* (prépondérance) папского престола» (IX, с. 60).

[110] Ср. в этом смысле даже в 90-е гг. XIX в. еще и термин *отчество*: «Установление отчества не представляет затруднений, когда, напр., связь была продолжительная и открыта» (Брокг.-Ефр., XI, с. 341). В дальнейшем *отцовство* и *отчество* дифференцировались по значению.

по Сибири в огромных размерах правильно организованное „попустительство“» (Леск., ПСС, XXI, с. 66—67); «Наш либерализм существовал лишь благодаря благосклонному попустительству некоторых просвещенных лиц» (Салт., IX, с. 186) и т. п.

Студенчество. Словари XIX в. не дают этого слова. В материалах Кеппена отмечается его употребление (в значении «состояние студента, студенческие годы») в прессе 40-х гг. Ср. «Во время студенчества» (СПб. вед., 1849, № 29, с. 116). В этом значении становится широко распространенным в литературном употреблении с середины века. Употребление в собирательном смысле относится к более позднему времени. Отметим, между прочим, что форма прил. *студенческий* становится широко употребительной лишь во второй половине века. Еще в 60-е гг. обычно другое образование: *студентский*. Ср.: «Переписчики могут употребить свой труд гораздо производительнее, переписывая, например, хоть студентские лекции» (Добр., III, с. 376); «По поводу студентских избиений» (Герц., XV, с. 195) и т. п.

§ 7. Очень живым словообразовательным разрядом для литературного языка этого времени оказался класс существительных отвлеченного значения с суфф. *-щина* (*-овщина*). По определению В. В. Виноградова, существительные этого разряда обозначают «характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской».[111] Говоря о развитии этого класса слов, В. В. Виноградов отмечает, что «по-видимому, суффиксы *-щина* и *-овщина* начинают быстро расширять сферу своего употребления около середины XIX в.», но «наибольшей экспрессивной силы и продуктивности достигает этот суффикс в начале XX в. и в нашу революционную эпоху».[112] Первое утверждение безусловно справедливо. По поводу же второго можно заметить, что уже в 60—90-х гг. XIX в. этот словообразовательный тип достигает высокой степени продуктивности и получает большую экспрессивную силу. Последующее время лишь продолжает традиции, вполне сложившиеся в разговорной речи и публицистическом языке 60—70-х гг. Этот разряд систематически пополняется вплоть до наших дней новыми образованиями.[113]

По своему характеру эти образования восходят к народно-разговорной речи.[114] Хотя проникновение этих живых народных форм в литературную речь, особенно в простые ее стили, относится к предшествующему времени, многие из старых образований были мало популярны в литературном употреблении до середины XIX в.[115] Характерно, что некоторые из заведомо старых образований этого рода мы впервые находим в словаре Даля (ср. *базарщина*, *дармовщина*, *домодельщина*, *заедальщина*,

---

[111] Русск. язык, с. 139.

[112] Там же, с. 140.

[113] Из 100 образований на *-щина*, обычно приводимых в современных толковых словарях (ср. подборку их у Билфельдта, с. 33—34), около 25 отмечается уже в САР и Слов. 1847 (*барщина*, *беспоповщина*, *боярщина*, *бывальщина*, *видальщина*, *даровщина*, *деревенщина*, *земщина*, *матерщина*, *небывальщина*, *невидальщина*, *ножовщина*, *панщина*, *поголовщина*, *поденщина*, *поножовщина*, *поповщина*, *самодельщина*, *славянщина*, *татарщина*, *уголовщина*, *чертовщина*, *ямщина*), около 25 являются несомненными новообразованиями XX в. (*азефовщина*, *аллилуйщина*, *белогвардейщина*, *браковщина*, *вкусовщина*, *групповщина*, *зубатовщина*, *интеллигентщина*, *компанейщина*, *корниловщина*, *махновщина*, *махаевщина*, *митинговщина*, *офицерщина*, *партизанщина*, *патриархальщина*, *петлюровщина*, *столыпинщина*, *формальщина*, *халтурщина*, *цеховщина*, *штурмовщина*).

[114] Любопытно, что некоторые из этих слов сопровождаются даже в Слов. 1847 специфическими пометами (ср. *ножовщина*, *поножовщина*, *уголовщина* — простон.; *панщина* — обл.).

[115] Впрочем, уже некоторые из них стали обычными терминами в литературной речи. Ср. *барщина*, *беспоповщина*, *поповщина*, *земщина*.

иноземщина, *латынщина*, *побывальщина*, *поморщина*, *понизовщина*, *сидельщина*, *спольщина*, *староверщина*, *хлыстовщина*). Но дело не только в том, что ряд давно уже известных народно-разговорных образований становится более употребительным и обычным в литературном языке этого времени. Около середины XIX в. этот разряд становится активным и в литературной речи. Несомненно, что в 40—60-х гг. появляется в разговорной речи интеллигенции и широко проникает в публицистические стили ряд новообразованных существительных с этим суффиксом. В новой языковой среде получают развитие некоторые особые семантические разновидности этого типа.

В настоящее время в нашем литературном языке выделяется несколько особых групп среди слов этого разряда. Наиболее обширной и влиятельной среди них является группа существительных, имеющих отвлеченное значение и обозначающих различные социальные явления, общественные движения и идейно-политические направления. Семантически и стилистически круг этих образований определяется тем особым ярко-экспрессивным оттенком отрицательной характеристики, которое вносит в них суфф. *-щина*, сохраняющий отпечаток первоначальной просторечности. Вот почему такие образования являлись обычно в полемических целях, в среде, которой были чужды и враждебны обозначаемые течения и направления. Среди этих образований в XIX—XX вв. особенно обычны слова, образованные от собственных имен, фамилий лиц, представляющих или характерно выражающих данные течения. Ср. встречающиеся в текстах этого времени *аракчеевщина*, *марлинщина*,[116] в конце века — *достоевщина*, *толстовщина*; в XX в. возникают *зубатовщина*, *махаевщина*, *столыпинщина*, *азефовщина*, *керенщина*, *корниловщина*, *махновщина*. Такие названия-характеристики образуются и от нарицательных существительных, обозначающих характерный признак того или иного течения и соотносительные с произведенными от тех же существительных наименованиями деятеля (*постепеновщина* при *постепеновец*, *кружковщина* при *кружковец*).[117]

К этим наименованиям характерных течений примыкают слова-характеристики общественных явлений и качеств также отрицательного свойства. Ср. относящиеся к данному времени новообразования *итальянщина*, *казенщина*, *литературщина*, *обывательщина*.[118] Среди них можно

---

[116] См. у Белинского: «В его [М. А. Маркова] книжке „Мечты и были“ есть трагическая повесть „Евгения“, о которой мы умалчиваем (так как предстоит говорить о таковой же марлинщине, помещенной г. Смирдиным в 3-м томе „Ста русских литераторов“)» (IX, с. 268). Впрочем, собственно в смысле «направление и стиль, характерные для Марлинского и его подражателей» Белинский употребляет обычно другое образование: *марлинизм* (там же, с. 264). Также в романе П. Боборыкина «Перевал»: «Не мало было и глупого фанфаронства, офицерского ухарства с оттенком марлинщины» (VII, с. 77). Ср. *тредьяковщина*: «Фельетонист [«Северной пчелы»] хотел отодвинуть современную русскую поэзию ко временам Карамзина — и махнул в тредьяковщину!» (Бел., X, с. 177); *бенедиктовщина*: «Основное качество „бенедиктовщины“ — отсутствие истинного чувства свежего и чистого» (С. Венг., II, с. 417); *аксаковщина*, *хомяковщина*: «[Проявление русской национальности] показалось вам наваждением Запада.. Чего тут больше: аксаковщины или хомяковщины?» (З- [З а р и н]. Пора меж волком и собакой; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 11).

[117] Ср. Д[2]: *постепенщина* (подробнее о *постепеновец* и др. см. § 8). *Кружковщина* — слово, явившееся в обстановке раскола и создания различных фракций и кружков в народнической эмиграции 70-х гг. Ср. название сборника рассказов-памфлетов А. Незлобина (Дьякова), активного участника народнических кружков, а затем ренегата: «Кружковщина. Наши лучшие люди — гордость нации» (Одесса, 1879).

[118] *Итальянщина* (см. Слов. совр. русск. лит. яз., V — с цитатами из Тургенева и Стасова) — о направлении и засильи итальянской музыки. *Казенщина* впервые Д[1] («собир. Все казенное, казне принадлежащее»): в Слов. Акад. 1906—1907 также переносно: «строго однообразные порядок, формализм», «избитые фразы» с цитатами из Писарева, Тургенева и Достоевского. *Литературщина* встречается у Белин-

отметить особенно популярные и симптоматичные для середины и второй половины XIX в. обозначения характерных социальных и идейных явлений, образованные от имени литературных типов. Наиболее популярными и значительными из них в середине века стали: *маниловщина*, *обломовщина*.

Так, *маниловщина* является уже в критических статьях и рецензиях В. Майкова середины 40-х гг. Ср.: «Достаточно указать на ежедневное и неутомимое преследование всякой *маниловщины*, как на доказательство огромного успеха в развитии нашего общества в последнее время» (В. Майк., I, с. 156); «Разве нежность непременно должна быть маниловщиной?» (там же, с. 16). В демократической критике 60-х гг. это слово получает особенно острое политическое осмысление, будучи обращено к характеристике различных либеральных проектов и надежд. Ср. в статье Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года», там где говорится о либеральных «обличителях» и их надеждах на «прогресс»: «Тут уж идет совершеннейшая маниловщина» (IV, с. 52). Постоянным фоном является в этом случае обобщенно-переносное употребление фамилии гоголевского персонажа, а также прил. *маниловский*. Ср. у Белинского: «Вместо того чтобы думать о невозможном и смешить всех на свой счет самолюбивым вмешательством в исторические судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизменную действительность существующего, действовать, на его основании, руководясь разумом и здравым смыслом, а не маниловскими фантазиями» (X, с. 19); у Добролюбова: «Маниловский элемент в характере» (IV, с. 68); «литературные Маниловы» (там же) и т. д.

В языке 60-х гг. быстрое распространение и глубокий и обобщенный социальный смысл получает сущ. *обломовщина*. В этом обобщенном смысле слово является уже в финальных размышлениях Штольца в романе Гончарова. «Причина... какая причина! Обломовщина!» — дает там Штольц ответ на вопрос своего приятеля о причине погибели Обломова (Гонч., IV, с. 507). Рассматривая и оценивая роман Гончарова и его центральный образ как типическое обобщение явлений, воспитанных крепостничеством, Добролюбов писал в своей статье «Что такое обломовщина?» по поводу этого термина: «[В истории Обломова] сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесенное ясно и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это — *обломовщина*; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придает роману Гончарова гораздо более

ского: «Прошел век *литературщины*, и в литературе все хотят видеть больше разнообразия...» (VIII, с. 488); у него же и вариантные образования: «Теперь он [Н. Полевой] сам „рассказывает" народные сказки довольно плохою прозою, в которой народность прикрашена литературществом» (VIII, с. 250); «Тогда был золотой век литературной невинности, или, лучше сказать, ребяческого литературщичества» (IX, с. 246). Особенно часто встречается у него слово *литературщик*, от которого и образованы все эти отвлеченные существительные. Ср.: «Этою строгостию к Кольцову особенно отличались умные и образованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики» (IX, с. 540); ср. также IV, 572; VI, 61, 191, 461; VIII, 215, 562 и т. д. Этим ироническим словом (см. его также в Слов. яз. Пушкина) Белинский обычно обозначал, с одной стороны, отсталых и бесталанных писателей, «сочинителей», а с другой — дилетантов в сфере литературного творчества. Так и *литературщина* прежде всего обозначала область литературного любительства, то, против чего особенно боролся Белинский, отстаивая важное общественное значение и назначение литературы. *Обывательщина* впервые включена И. А. Бодуэном де Куртене в 3-е изд. Словаря Даля (III, 1907). Это слово, видимо, появилось в самом конце XIX в.

Любопытно, что в эту эпоху иногда получают новое социально-полемическое осмысление уже известные образования. Ср., напр., употребление сущ. *татарщина* в смысле «азиатски-отсталого»: «Не народности, а татарщины искало в нашем быту это понимание [Загоскина]» (А. Григ., I, с. 525).

общественного значения, нежели сколько имеют его все наши обличительные повести» (IV, с. 314). Именно этой острой историко-социальной интерпретации различных явлений обломовщины и обязано было слово своим всеобщим распространением и обобщающе-характеристическим смыслом. Любопытно, что его нашел необходимым включить Даль в первое же издание своего словаря.

Ср. еще встречающиеся в языке публицистики и критики 40—60-х гг. образования от других имен литературных персонажей, особенно гоголевских. Напр., у В. Майкова, помимо приведенного выше образования *маниловщина*, встречаем также *чичиковщина*.[119] Ср. еще *хлестаковщина*: «Тяни врозь, а там, что будет все равно, — вот правило нашей житейской хлестаковщины» (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 51); «Уже по одному этому завтраку читатель может судить о бессовестной хлестаковщине Боба [героя романа В. П. Мещерского «Тайны современного Петербурга»]» (Дело, 1876, № 6, Новые книги, с. 35);[120] *осиповщина*: «Итак, эта осиповщина „Русского слова“ в вашу [«Московских ведомостей»] угоду и состоит в том, чтобы выдавать за мошенников людей, подрывавших своим авторитетом и силой своей мысли веру в ваши отсталые проповеди» ([Ю. Жуковский]. Милль, перевранный «Русским словом»; Совр., 1865, № 8, с. 224).

После появления «Отцов и детей» Тургенева в публицистике 60-х гг. было популярным обозначение того направления, которое так ярко было отражено в мировоззрении героя романа и оказало сильное влияние на некоторые специфические устремления части демократической молодежи 60-х гг., как *базаровщины*. Ср.: «Тургенев, как нервная женщина, как растение „не тронь меня“, сжимается болезненно от самого легкого соприкосновения с букетом базаровщины» (Писар., II, с. 14; ср. выше: «коренное свойство людей базаровского типа»); «Базаров есть тип, идеал, явление, возведенное в перл создания; понятно, что он стоит гораздо выше действительных явлений базаровщины» ([Н. Страхов]. «Отцы и дети» Тургенева; Время, 1862, № 4, с. 58).[121]

Нетрудно заметить, что в 40—60-х гг. образования на *-щина* (*-овщина*) еще сильно варьируют с образованиями на *-ство* (ср. *хлестаковщина—хлестаковство*, *базаровщина—базаровство*, *осиповщина—осиповство* и под.).[122]

---

[119] В рецензии на «Петербургские вершины» Буткова: «С Петром Ивановичем Шляпкиным [герой одного из рассказов Я. Буткова] как с личностью вы, конечно, никогда не познакомитесь: это не то, что какой-нибудь г-н Голядкин старший, который так же выразителен и вместе с тем так же общ, как какой-нибудь Чичиков. Голядкиными называете вы большую часть ваших знакомых, а подчас и себя; от фамилии Голядкин вы не могли не произвести прилагательного: голядкинский; наконец, теперь вам досадно, зачем так нескладно выходит существительное, в котором у вас есть насущная потребность и которое соответствовало бы существительным *чичиковщина*, *маниловщина*» (I, с. 189). Обобщающее, типизирующее и вместе с тем отрицательно-клеймящее назначение этих слов хорошо вскрыто здесь критиком.

[120] Ср. у Белинского другое образование: «Бывают люди с умом, душою, образованием, познаниями, блестящими дарованиями — и, при всем этом, с тем качеством, которое теперь известно на Руси под именем „хлестаковства“» (X, с. 245).

[121] Ср. еще *надимовщина* от имени героя либерально-обличительной комедии В. А. Соллогуба «Чиновник», вызвавшей бурную реакцию в 1856—1858 гг. Напр.: «Укажем теперь на последнюю и самую важную причину современной теории лихоимства: эта причина.. есть *надимовщина*, т. е. незнание и неуважение законов...» (Л. Оптухин [И. В. Павлов]. Заметка о лихоимстве и гласности; Моск. вестн., 1859, № 50, с. 639).

[122] Ср.: «Литература, которая помогла первая успеху вашей базаровщины, должна была первая же пройти всю покатость, спускаясь от базаровства к хлестаковщине и кончая осиповством, прежде чем могло за ним последовать по тому же пути молодое поколение» (Совр., 1865, № 8, с. 221).

§ 8. Особым многообразием различного рода словообразовательных типов отмечается в современном литературном языке категория лица.[123] Нет ничего удивительного в том, что и значительная часть новообразованных в XIX в. существительных представляет названия лиц, особенно агентивного характера. С развитием производственных отношений, промышленной деятельности в различных ее сферах, с усложнением социальных отношений вообще, с обострением политической и идеологической борьбы, с появлением новых течений в общественной жизни страны, характерными для данного времени являлись постоянные поводы для образования новых существительных такого характера.

Что касается словообразовательных типов таких слов, то мы можем отметить здесь бурное распространение некоторых разрядов, до этого времени занимавших в системе суффиксальных образований, обозначающих лиц, относительно скромное и даже изолированное положение.

С чисто количественной стороны сопоставление различных классов слов со значением лица в системе, напр., существительных мужского рода современного языка дает следующую выразительную картину.[124] Наиболее продуктивными оказываются образования с суффиксом действующего лица *-щик* (около 670). За ними следует пестрая с семантической стороны группа существительных с суфф. *-(н)ик* (более 580). Столь же обширным и семантически пестрым является и ряд существительных с суфф. *-ец* (более 470 слов; из них — более 100 названий лиц по месту их происхождения, далеко не полно отмечаемых существующими толковыми словарями). Очень обширным в современном языке является разряд существительных с заимствованным суфф. *-ист* (более 400 случаев).[125] Близко к этому стоит число отмечаемых современными словарями названий лиц с суфф. *-тель* (более 370 случаев собственно наименований лиц; сверх этого, в современном языке широкое распространение получили существительные этого разряда со значением инструмента, орудия действия и т. п. — более 120 слов). Значительно число и существительных с суфф. *-чик* (более 170), с заимствованными суфф. *-ер* (более 90) и *-ёр* (более 75), *-атор* (около 100), со второю частью *-лог* (около 70), с суфф. *-анин* (более 60). Можно отметить также более численно ограниченные (по крайней мере материалами общих толковых словарей), но отмеченные продуктивностью образования на *-ик* (*-овик, -евик*) (39), со второй частью *-вод* (43), *-вед* (24) и нек. др.[126] Остальные типы более замкнуты, специфичны, малопродуктивны или вовсе непродуктивны, хотя некоторые из них и представлены несколькими десятками наличных образований (ср. *-ун* (около 60) и нек. др.). Обратившись к историческому обзору этих словообразовательных разрядов на протяжении интересующего нас времени, мы должны будем отметить:

1) свободное образование существительных на *-тель*, впрочем часто не выходящих за круг окказиональных образований;

2) очень сильный рост образований на *-щик*, особенно усилившийся к концу века;

---

[123] Ср. у Виноградова: «Наиболее многочисленные и продуктивные разряды слов в системе твердого мужского склонения относятся к категории лица» (Русск. яз., с. 98). См. также категорию слов так называемого общего рода и соотносимые с общими названиями лиц существительные ж. р., обозначающие лиц женского пола.

[124] Здесь и далее мы пользуемся округленными цифровыми показателями, выводимыми на основании инверсионного словаря Г. Билфельдта. Конечно, в этих показаниях неизбежен элемент условности. Но при всех поправках на случайность источников общая картина вряд ли существенно изменится.

[125] Следует учесть, что среди этих существительных очень значителен процент окказиональных образований, не отмечаемых современными толковыми словарями.

[126] Ср. еще образования с *-фил* (10), *-фоб* (8).

3) бурное проникновение и во всяком случае полную акклиматизацию и активизацию существительных с заимствованным суфф. *-ист*; [127]

4) довольно заметное число неологизмов, занявших прочное положение в словарном составе нашего языка, с неизменно продуктивными суфф. *-ец*, *-ник*, *-ик* (*-овик*).

Ниже мы подробнее коснемся развития этих разрядов, как и судьбы отдельных, наиболее семантически интересных образований.

А. Характеризуя разряд существительных отглагольного происхождения с «очень продуктивным» суфф. *-тель*, В. В. Виноградов отмечает: «Значение активного деятеля у части этих слов, не имеющих дополнительного глагольно-видового суффикса *-ыва-*, *-ива-* или глагольной приставки, в современном языке несколько ослабевает», напротив «значение действующего лица гораздо ярче выступает в профессиональных обозначениях лиц по действию с суффиксами *-щик* и *-льщик*».[128] Но, видимо, здесь дело не столько в некотором ослаблении значения активного деятеля в ряду слов на *-тель*, сколько в общей природе книжного суфф. *-тель* в отношении его к другим суффиксам, вносящим значение деятеля. Из всех суффиксов этого рода суфф. *-тель* по значению следует признать наиболее абстрактным, наименее оснащенным конкретными значениями, привязывающими его к определенной семантически строго очерченной группе слов. Слова с суфф. *-тель* имеют наименее уточненное лексически общее грамматическое значение д е я т е л я. С этим связана и неуклонно на протяжении всего нового времени (XVIII—XX вв.) определявшаяся семантическая двойственность обширного разряда слов с этим суффиксом. С одной стороны, продолжали свободно образоваться существительные со значением деятеля-лица. С другой стороны, все более активно, чем ближе к нашему времени, особенно в специальном употреблении, выступают слова со значением предметным, обозначающие орудие любого специального рода деятельности или даже отвлеченный компонент того или иного вида мыслительной операции (ср. образованные еще в XVII—XVIII вв. *числитель*, *знаменатель*; также *множитель*, *делитель*, *показатель* и т. п.). Круг существительных с этим особым предметным значением особенно широк в специальной, производственно-технической терминологии, складывание которой усилилось к концу XIX в. и влияние которой так выросло в последние десятилетия века. Несомненно отражение этого процесса на общей судьбе данного словообразовательного класса.

В цитированной книге В. В. Виноградов отмечает, что «в книжном языке от каждой глагольной основы на гласные *-а* или *-и* с переходным значением потенциально образуется название лица по действию, по кругу деятельности или по характеру поступков с помощью суффикса *-тель*» (с. 94). Однако, даже если иметь в виду только специфически книжное употребление, этот общий тезис более обращен к пройденному этапу развития нашего литературного языка, чем к современному нам. В настоящее время потенциальное образование этих существительных со значением лица от многих переходных глаголов затруднено или просто невозможно. Отчасти этому мешает легкое образование слов на *-тель* со значением предметным (ср. *уловитель*, *заградитель*, *дробитель*, *дубитель*, *разбавитель* и т. п.), отчасти наличие сильных иносуффиксальных образований (ср. *убийца* при полной невозможности *убитель* и даже *убиватель*; *пособник* и отсутствующее *пособитель*; *рубака* и отсутствующее *рубитель; ходок,* но не *ходитель* и т. п.). Этим объясняется, что от значительного числа переходных глаголов с двумя указанными видами основы

[127] См. об этом § 9. Там же об умножении и образовании в это время других образований с суфф. иностранного происхождения (*-ер*, *-ионер*, *-ёр*) и т. д.

[128] Русский язык, с. 94.

(даже и типично книжного характера) практически не образовалось личных существительных с суфф. *-тель*. Более того, можно утверждать, что границы потенциально возможных образований таких существительных систематически сужались; в книжном языке XIX в., особенно первой половины века, случаи таких, большею частью, окказиональных, контекстовых образований гораздо обычнее. Ср. некоторые примеры, извлеченные из публицистического языка 30—70-х гг. XIX в.: «Изучатели книг и вещей отдалились друг от друга чувством и навыком» (Библ. для чт., 1835, № 1, с. 30); «Мы не потомство и не станем называть никого, боясь попасть в ложные предвещатели» (Н. Пол., I, с. 360); «Не будем ни хвалителями, ни осуждателями его» (там же, с. 224); «[Мальтус] ни с кем не разделяет славы первого излагателя и объяснителя новой отрасли знания» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 85); «Возражатели забывают, что в мире все подлежит закону развития» (Добр., IV, с. 262); «Здесь понятнее .. допущение исторической случайности со стороны описателя деяний Петровых» (Добр., III, с. 120); «Значит, оживлять нам ее [Европу] ровно уж нечем. Нечего нам и хлопотать об этом: никаких оживлятелей не нужно ей» (Черн., VII, с. 664); «[Поэту] пришлось бы очень глубоко задумываться над явлениями общественной жизни. ., пришлось бы не столько *бряцать*, сколько размышлять. Такая умственная работа .. не всякому *бряцателю* по силам» (Писар., III, с. 409); «Чисто нравственное влияние оказывается всегда совершенно бессильным, если оно идет наперекор личным выгодам тех людей, на которых следует действовать, и если, кроме того, оно ежеминутно парализуется теми разнообразными искушениями, которые порождает весь строй общественной жизни. При таких условиях сами влиятели развращаются до мозга костей» (Писар. (Павл.), V, с. 398); «До какого комизма дошло это увлечение, начинают понимать теперь уже и сами увлекатели» (Н. Соловьев. Дети; Эпоха, 1865, № 1, с. 12); «Начал Антошка тем, что никак не мог выбиться из кожи мелкого торгаша-зазывателя и облапошивателя» (Н. Языков [Шелгунов]. Горький смех — не легкий смех; Дело, 1876, с. 331) и т. п.

Эти примеры, число которых можно было бы сильно умножить, говорят не только о свободном появлении в то время таких образований. (В этом смысле характерно, особенно в публицистической речи, свободное контекстуальное образование этих существительных от глаголов просторечно-разговорного характера). Они свидетельствуют и не только о том, что такие образования по преимуществу имеют окказиональный характер, являются ad hoc. Нетрудно заметить из ряда приведенных примеров, что в литературной речи 60—70-х гг. они уже часто вносят и особый стилистический оттенок, являются образованиями явно иронического свойства: характерный признак тех книжных категорий слов, которые обнаруживают тенденцию к ограничению в употреблении.

Это, конечно, не отменяет того, что в 30—90-х гг. является довольно заметное число слов с суфф. *-тель* (со значением лица-деятеля), получающих прочное место среди номинативных лексических средств русского языка. Таковы, напр., *вдохновитель*[129] (Д[1]), *выразитель* (Слов. Акад. 1892), *извратитель* (Д[1]), *изготовитель* (Д[1]), *накопитель* (Д[1]), *наниматель* (Д[1]), *небокоптитель*, *объединитель* (Д[2]), *отравитель* (Д[1]), *подделыватель* (в Слов. 1847 — только *поддельщик*), *покупатель* (Д[1]; в Слов. 1847 — только *покупщик*), *пользователь* (Д[1]), *предприниматель* (Д[1]), *представитель* (Д[1]), *разгласитель* (Д[1]), *совместитель* (Д[1]), *соглашатель* (Д[1]), *устроитель* (Д[1]) и др.[130] Конечно, некоторые из этих слов

[129] См. о нем в § 11, гл. *вдохновлять*.

[130] Все больше начинают отмечать словари второй половины XIX в. и образования на *-тель* со значением предмета-орудия. Ср. Д[1]: *наполнитель*, *обогреватель*,

можно отметить в речи и предшествующего времени (по своей природе, как мы видели, эти образования являются легко возникающими, «формальными»). Но сам факт их отсутствия в Слов. 1847, вообще очень широко представляющим этот класс образований, указывает на то, что постоянно употребительными, устойчивыми лексическими единицами они становятся лишь с 30—40-х гг. XIX в. Ниже мы остановимся подробнее на истории отдельных из этих слов, получивших особую терминологическую определенность и значимость в эти годы. Это тем более следует сделать, что некоторые из них не являются в строгом смысле неологизмами данного времени, а имеют свою любопытную предысторию. Тенденция к терминологизации ряда образований на *-тель* обнаруживается параллельно с известным ослаблением у них элемента «глагольности» и с усилением абсолютивного их употребления в речи.

Деятель. (См. об истории этого слова: Е. А. Земская, с. 18—24). Я. К. Грот включает это слово в круг слов, вошедших в употребление в первой трети XIX в., и даже точнее — в 30-е гг. (Филолог. разыск., I, с. 18): «Это слово, — замечает он, — при появлении своем в 30-х гг., было встречено враждебно большею частью пишущих. Теперь оно слышится беспрестанно, входит уже и в правительственные акты» (там же, с. 22). Это еще, впрочем, не означает того, что мы имеем дело с собственно неологизмом 30-х гг. Грот говорит лишь о появлении слова в 30-х гг., что может дать повод для толкования его и как новообразования этого времени и как слова, ранее существовавшего, но получившего с 30-х гг. особое хождение в литературном языке. Слово *деятель* отмечено в САР и в Слов. Сок. (с пометою *Слав.* и общим толкованием: «Тот, который делает, производит что-нибудь»). Наличие производных *деятельный* и *деятельность* также говорит в пользу существования слова *деятель* в XVIII в.[131] Однако оно несомненно было малоупотребительным до 30-х гг. XIX в. Гораздо распространеннее в этом же общем значении были до этого два других образования: *действователь* [132] и *делатель*.[133] Слов. 1847 приводит все три формы без каких-либо специфических помет и с почти совпадающими толкованиями.[134] Этому соответствует еще и живое употребление 30-х гг., где на равных основаниях выступают все три синонима, причем наиболее распространенным из них является еще *действователь*. Ср., напр.: «Их [древних] историки были действователями государственными» (Н. Пол., II, с. 57); «Препятствия сделаться значительным политическим действователем» (там же, I, с. 376). В произведениях Н. Полевого часто является и сущ. *делатель*: «Желал бы я указать на сии труды и работы, ожидающие делателей» (I, с. XXI); «Вы хотите заниматься историею? — спросим мы у всякого кандидата в историки. Доброе дело, особливо при недостатке у нас делателей» (там же, II, с. 104); «В эти немногие месяцы прежние предприятия вдруг столкнулись с новыми и прежние делатели встретились с по-

---

растворитель, сомножитель; Южаков: *исправитель*; Брокг.-Ефр.: *выбрасыватель* и т. п.

[131] См. в письме А. М. Кутузова А. И. Плещеевой от 17 дек. 1790: «Временность есть земля, человек — деятель, деяния — семена, а будущее — плоды» (Я. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. Пгр., 1915, с. 55).

[132] Ср. в Слов. Сок.: «*Действователь.* 1) Тот, который действует в чем или при каком случае. 2) *Реч. театр.* Действующее лицо». Там же *действование*: «1. Продолжение деяния того, который действует. 2. В отношении к лицедеям: играние, представление какого лица на зрелище».

[133] Я. К. Грот, говоря об исключительной распространенности в 60-х гг. слова *деятель*, пишет: «Не многие даже из людей пожилых еще предпочитают ему *делатель*, которое сначала многим казалось лучше» (Филолог. разыск., I, с. 22).

[134] Ср.: «*Действователь.* Действующий при каком-либо случае. — *Делатель.* Делающий что-либо; трудящийся. — *Деятель.* Делающий или производящий что-нибудь».

борниками нового дела» (там же, с. 232). Напротив, *деятель* в личном значении у Полевого не встречается.[135] В произведениях Белинского форма *действователь* представлена очень широко; напротив, употребление двух других форм более ограничено. Ср.: «Один так любит искусство, что посвящает всю жизнь свою на служение ему в качестве действователя» (I, с. 323); «Первые действователи на поприще литературы никогда не забываются» (I, с. 52) (см. еще: I, с. 165; II, с. 108; III, с. 33; IV, с. 9, 423, 572; V, с. 7, 29, 98; VI, с. 114, 290, 465, 604; VIII, с. 379 и др.); «А кто имеет право требовать от делателя на каком бы то ни было поприще больше того, что он обещал или предположил себе» (I, с. 199); «Это половина нового труда благонамеренного и неутомимого деятеля на поприще русского просвещения, Н. А. Полевого» (I, с. 314); «Вам предстанут самые лица — деятели нашей истории» (III, с. 135; см. еще: IV, с. 500, 597). Таким образом, во-первых, до 30-х гг. включительно наиболее распространенной формой следует признать *действователь*,[136] во-вторых, семантически все данные формы до этого времени почти не разграничены;[137] они являются и в одинаковых фразеологических условиях.

Иное положение складывается к середине XIX в. Слово *деятель* все больше распространяется в употреблении с 30—40-х гг.,[138] напротив, слово *действователь* становится все менее употребительным в обоих своих значениях — общем и специальном,[139] пока совсем не выходит из употребления (в 60—70-х гг.). Но дело не ограничилось простым изменением употребительности старых синонимов. Главное заключалось в изменении и уточнении семантики конкурирующих вариантов. Слово *деятель*, распространяясь в употреблении, получало особый смысл, делалось своего рода общественно-политическим термином. Если для словарей XVIII и первой половины XIX в. слово это было общим (хотя и книжным, редким) обозначением вообще производителя действия, то к середине XIX в. оно выступает преимущественно в двух особых значениях. Прежде всего в языке критики и публицистики 40—60-х гг. оно начинает обозна-

---

[135] Но ср. у него же в смысле «действующая сила, фактор»: «Узнав главных деятелей общественной жизни: религию, знания, законы, рассмотрим в сих отношениях древнюю Русь» (ИРН, II, с. 148).

[136] Эта форма довольно широко представлена и в языке предшествующего времени. Ср.: «Уже не было двух главных действователей благословенного Иоаннова царствования» (Карамз., ИГР, IX, с. 17); «Главным орудием или действователем надлежало быть хану» (там же); «[В человеке] все действователи, в природе известные, суть сложенные воедино» (Радищ., Соч., III, с. 49). По традиции она продолжает (но уже значительно реже) выступать и у отдельных писателей позднейшего времени, 40—60-х гг. Ср., напр., у Чернышевского: «Белинский.. вскоре после переезда в Петербург является уже действователем совершенно самостоятельным» (III, с. 215); «„Московский телеграф“ и „Северные цветы“ были главными действователями в борьбе за собственную честь и жизнь» (там же, с. 147). Но у Чернышевского и др. писателей этого времени уже обычной все-таки является форма *деятель*.

[137] Впрочем, слово *действователь* употреблялось также в особом смысле, как калька франц. acteur. Ср. у Державина: «Для театра, который готов, лишь действователей не достает» (V, с. 617); «Цицерон сматривал со вниманием игру Росция, славного действователя» (М. Н. Муравьев, Соч., т. II, СПб., 1847, с. 262). В этом смысле еще ранее употреблялось также *действитель*: «Сатира начало свое приняла на позорищах, где между действами трагедии вводилися для увеселения смотрителей смешные явления, в которых действители, в образе сатир, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали граждан злые нравы и обычаи» (Кантем., I, с. 8).

[138] Оно часто встречается в «Библиотеке для чтения» Сенковского. Ср., напр.: «Известный английский врач Кильчур издал свои „Лекции о обыкновенных деятелях жизни в отношениях терапевтическом и гигиеническом“» (1835, № 1, Смесь, с. 13). См. выше приведенные примеры из Белинского. Ср. также в «Русских ночах» В. Одоевского: «Как не уважать трудов и страданий немногих высоких деятелей» (I, с. 355).

[139] Раньше всего оно перестало употребляться как передача франц. acteur, уступив окончательно место прямому заимствованию.

чать не просто всякого производителя действия, а лиц, активно действующих в той или иной общественной сфере. Характерно, что, встретив в Русско-французском Словаре Н. П. Макарова (1867) для перевода этого слова лишь два французских синонима (acteur, agent), Грот замечает: «Очевидно, что ни то, ни другое из этих французских слов не годится для передачи столь общеупотребительных выражений: *деятель общественный*, *деятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребление этого слова» (Филолог. разыск., I, с. 229).

С другой стороны, в научном языке 30—70-х гг., а также и в языке публицистики этого времени слово *деятель* употреблялось отвлеченно для обозначения любой действующей силы в природе и обществе, синонимически соответствуя значению заимствованного слова *агент*. Ср.: «Следя за непрерывною цепью причинности, он [разум] на место воображаемых деятелей [«сил как отдельных существований»] ставит неизменную деятельность» (Библ. для чт., 1861, № 11, с. 12); «Из физических деятелей истории [Бокль] выбирает четыре главные силы: климат, пищу, почву и общий вид природы» (Благ., с. 180); «Под влиянием всех этих естественных деятелей складываются племенные типы и разнообразные формы общественных конституций» (там же, с. 523) и т. д. Это неличное употребление слова *деятель* устойчиво держится, лишь постепенно к концу века уступая свое место прямому употреблению заимствованных слов *агент*, *фактор*.[140]

Что касается формы *делатель*, то она остается в употреблении, но уже на правах простого окказионального и зависимого производного от гл. *делать* (в общем смысле «тот, кто что-либо делает»).[141]

Предприниматель. Впервые Д[1]: «*предприниматель, -ница, предприятель, -ница* — предпринявший что-нибудь». Слово распространяется в употреблении к середине века, но в более определенном терминологическом значении, чем то, которое указано в словаре Даля. Оно занимает прочное место в кругу политикоэкономической терминологии как синоним капиталиста, владельца промышленного или торгового предприятия, буржуазного дельца. В этом смысле, напр., слово постоянно употребляется у Чернышевского в его политикоэкономических произведениях. Ср.: «Часто предприниматель занимает на ведение дела капитал у другого капиталиста» (IX, с. 492).[142]

---

[140] См. в переводе статьи Г. Бокля «Отношение между умственным и нравственным развитием» употребление рядом синонимически соотнесенных слов *деятель* и *фактор*: «Если цивилизация есть результат умственного и нравственного деятеля..., то, конечно, тот из факторов, который не изменился, не мог иметь большего влияния на результат» (Отеч. зап., 1860, № 5, с. 216). Характерно, что на это особое неличное применение слова, столь еще характерное для научного языка второй половины XIX в., совершенно не указывают современные нам словари (даже большой академической Слов. совр. русск. лит. яз.), настолько слово в современном языке определилось как обозначение общественно активного л и ц а (ср. определение в только что упомянутом словаре (т. III): «Лицо, отличающееся энергичной, активной работой на каком-либо общественном поприще»). Характерно также, что в ряду синонимических обозначений действующего лица на каком-либо общественном поприще слово это сохраняет известный отпечаток стилистической приподнятости.

[141] См. об этом подробно у Е. А. Земской. В Слов. Акад. 1895 отмечается, с одной стороны, особый социально значимый оттенок в значении слова *деятель* («Делающий или производящий что-нибудь на общую и государственную пользу»), а с другой стороны, общий грамматически зависимый смысл и особый, несколько сниженный оттенок у сущ. *делатель*: «Делающий что-либо; трудящийся; делец, деятель». Там же цитата из «Мертвых душ»: «Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций». Сущ. *действователь* в этом словаре аттестуется как «малоупотребительное».

[142] Любопытно, что в 40—50-х гг. в этом общем смысле еще нередко употребляется заимствование из французского *антрепренер*. Ср.: «Как уничтожить соперни-

Производные от этого слова *предпринимательский*, *предпринимательство* возникают в последние десятилетия века. Ср.: «Прежде всего мы спросим г. Тихомирова, почему он нападает именно на „*частный*“ предпринимательский капитал и ничего не упоминает о других видах того же *предпринимательского* капитала?» (Плехан., I, с. 206); «Отделению промышленности от земледелия предшествует в этом случае[143] образование предпринимательских отношений в земледелии» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 377).

Представитель. Впервые Д[1]: «Заступающий чье-либо место, явившийся за кого, представляющийся законно за другого. *Представители государей или дворов и государств* — послы, посланники. *Представители сословий* — выборные, от имени сословий. *Представитель истца, ответчика* — уполномоченный или заступник перед судом»; Толль: «*Представитель* — депутат».

Я. К. Грот относит *представитель* к числу слов, которые «принялись на нашей памяти» (Филолог. разыск., I, с. 22), т. е. не ранее 30-х гг. XIX в. Но, как и в отношении слова *деятель*, речь здесь может идти не об образовании слова в это время, а лишь о его узаконении в языке. Слово *представитель* было известно уже и в XVIII в. Оно приводится в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова (1704) в соответствие к лат. reprаesentator. Видимо, слово *представитель* и явилось в петровскую пору как передача этого латинского слова и первоначально употреблялось для обозначения дипломатических агентов, послов. Но в конце XVIII в. слово получило и более обширный и актуальный смысл. В эпоху французской революции оно оказалось вовлеченным в сферу политической терминологии. Известен анекдот о том, какой гнев Павла I вызвало то, что Нелединский, сопровождавший его в путешествии по России, произнес фразу: «Вот первые представители лесов, которые далеко простираются за Урал».[144] Во всяком случае, в первые десятилетия XIX в. в речи передовой интеллигенции того времени уже достаточно широко представлено употребление этого слова в самых различных смыслах — и общем, широком («тот или то, что представляет собою что-либо»), и в более специфических и терминологизированных (*представитель* как дипломатический агент, как депутат, член законодательного собрания, избранный народом, как юридический уполномоченный, выступающий в суде от имени истца и т. п.). Ср.: «Деньги суть не что иное, как представители товаров» (Арх. Тург., I, с. 399); «Народная веча состоит из народных представителей, выбранных народом на 5 лет» (Пестель. Русская правда; Избр. произв. декабр., II, с. 161); «Палата представителей» (Н. Муравьев. Проект конституции; там же, I, с. 308) и т. д. Слово широко представлено в языке Пушкина (см. Слов. яз. Пушкина), Н. Полевого, Белинского и др. С первых десятилетий XIX в. идет и употребление прил. *представительный* (напр., в сочетаниях *представительная си-*

чество, войну антрепренеров между собою?» (В. Майк., II, с. 59); «Общее ожесточение [работников] против антрепренера несколько утихло» (Добр., IV, с. 14); «[Оуэн] не один владел фабрикой и потому должен был действовать в пользу рабочих, не нарушая интересов антрепренерских» (там же, с. 12). Характерно, что в статье В. А. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции», широко освещавшей борьбу рабочих и предпринимателей, слово *предприниматель* также не встречается (обычно там — *капиталист*, *фабрикант*, *хозяин*, *антрепренер*). Нет его и в двух обширных статьях того же автора, написанных по поводу книги Бутовского «Опыт о народном богатстве» и посвященных анализу различных систем политической экономии (1847).

[143] Выше речь идет о процессе разложения крестьянства и выделения из него зажиточного меньшинства, с одной стороны, и крестьянской бедноты, с другой, — *Ю. С.*

[144] П. Вяз., VIII, с. 73.

стема, представительное правление),[145] а также сущ. *представительность*[146] и несколько позднее *представительство*.[147]

Таким образом, можно говорить лишь о том, что *представитель* и его производные становятся особенно популярными, распространенными и фразеологически активными словами с 20—30-х гг. XIX в.[148]

Распространение этих слов в языке привело в середине века к появлению нового значения у слова *представительный*, значения, реализуемого уже применительно к внешней характеристике лица: «имеющий важную, внушительную внешность». Ср.: «В этом наряде она была очень представительна» (Писем., I, с. 164). С этим значением прилагательного тесно связывается теперь и отвлеченное существительное на *-ость*. Ср.: «[Москалев] сановит.., но вся эта сановитость и представительность единственно до той минуты, когда он заговорит» (Дост., II, с. 274).[149]

Б. Очень живым для данного времени было образование имен лиц с суфф. *-ик* (*-ник*). Характерной особенностью этого разряда существительных является то, что они в большинстве своем образуются от основ прилагательных (на *-ный* и *-овый*), но непосредственно по значению соотносятся с существительными, с которыми связаны данные прилагательные.[150] «Основное значение новообразований этого рода — лицо, характеризующееся отношением к какому-нибудь предмету».[151] Впрочем, в современном языке расширяется круг таких образований, которые тесно связаны по значению с целыми сочетаниями, в состав которых входит прилагательное как определяющий, уточняющий и ограничивающий элемент (ср. *частник* — «лицо, занимающееся частной торговлей», *хозяйственник* — «лицо, занятое на хозяйственной работе»; ср. *отличник*, *единоличник* и т. п.; см. также образования, восходящие к иным (предложным) сочетаниям, напр. *беспризорник* и т. д.). Этот тип образований стал особенно продуктивным в современном языке.

Образования середины и второй половины XIX в. представляют прежде всего два особых семантических круга слов. С одной стороны, это наименования лиц по роду их занятий, по отнесению их деятельности к определенного рода учреждениям и отраслям (хозяйства, знания и т. п.). Напр.: *биржевик*, *естественник*, *железнодорожник*, *отходник*, *стрелочник*; ср. также *собственник*.

С другой стороны, это названия лиц по их общественной ориентации, по их принадлежности к тому или иному политическому и идеологиче-

---

[145] Ср.: «Зачем в пиесе литературной говорите вы о представительной системе и взаимном обучении?» (Н. М. Карамзин. Письмо П. А. Вяземскому от 9 апр. 1819. В сб.: Старина и новизна, кн. 1, СПб., 1897, с. 75); «Великая мысль о представительном правлении возвратила гражданам право на участие в важных государственных делах» (П. Пестель. Русская правда; Избр. произв. декабр., II, с. 143); «Представительный собор не может быть созван, ибо начала представительного верховного порядка в России еще не существует» (там же, с. 83).

[146] Ср.: «В Новгороде не было представительности: толпа невежественная и дикая безусловно владычествовала на вече» (Бел., V, с. 408).

[147] Я. Грот отмечает слово *представительство* среди тех, которые «приобрели или по крайней мере более и более приобретают право гражданства» (Филолог. разыск., I, с. 227).

[148] Реакционный пурист иронизировал над этим распространением слова в литературе: «Я.. решаюсь замечать ошибки против правил русского языка, встречаемые ... ух! страшно и подумать! в наших журналах, в этих *представителях* всей нашей литературы...» (Москвит., 1853, № 13, Смесь, с. 21).

[149] Отметим еще, что около середины века прил. *представительный* встречалось также и в терминологических сочетаниях, относящихся к области искусства. Ср.: «Искусство [арабов] самое любимое, самое задушевное — была поэзия. Из представительных же искусств оставалась им одна архитектура» (В. Ботк., с. 108).

[150] Любопытно, что в отдельных случаях эти образования оказываются семантически подчиненными существительным вторичного образования (от соответствующих прилагательных). Ср. соотношение слов *собственник* и *собственность*.

[151] Виноградов, Русск. язык, с. 101.

скому течению. Напр., *западник*, *крепостник*, *народник*, *почвенник*; ср. *сторонник*, *передовик*.[152]

Все эти образования разговорного происхождения. Можно, напр., отметить, что существительные второго рода (названия сторонников определенных течений) возникали обычно как разговорно-просторечные клички в среде противников данного течения и лишь впоследствии получали терминологическое значение. Вот некоторые подробности об истории сложения отдельных, наиболее популярных образований этих двух типов.

Биржевик. Впервые Слов. Акад. 1891: «1. Биржевой делец, играющий на бирже (торгующий, спекулирующий на бирже ценными бумагами). 2. Извозчик, стоящий на одной из так наз. бирж в городе».[153] В значении «биржевой делец» слово складывается в период сильного биржевого ажиотажа и финансовых спекуляций — в 70-х гг. XIX в. Ср.: «Многие газеты в Западной Европе вполне зависят от банкиров и биржевых деятелей. Биржевики, исходя из того убеждения, что либеральные газеты пользуются большей популярностью, чем консервативные, а тем более официозные, стараются завербовать себе либеральных журналистов» (М. Триго [Э. Реклю]. Политическая и общественная хроника; Дело, 1875, № 9, с. 163); «Какой-нибудь железнодорожный туз или разбогатевший биржевик, конечно, покупает книги не за их внутреннее достоинство, а ради украшения библиотеки» (Дело, 1876, № 6, Новые книги, с. 26) и т. д. В характеристиках биржи предшествующего времени (такие очерки появляются у нас с 30-х гг.) находим для этого описательные выражения. Ср., напр., в переводном очерке «Лондонская брижа» (Телеск., 1833, XIII): «Таковы занятия, таковы нравы биржевых людей!» (с. 528); «Биржевые люди, натерпевшись сих вольных мук выигрыша и проигрыша, наигравшись досыта миллионами, богатством и нищетой, дозволяют себе минуту развлечения» (с. 525).

Естественник. Впервые Д[1]: «изучающий природу, натуралист»; Ср. Слов. Акад. 1897 с цитатами из «Анны Карениной» Толстого и др.

Железнодорожник. Впервые Слов. Акад. 1898: «1. Лицо, принадлежащее к обществу, содержащему какую-нибудь железную дорогу; концессионер по проведению и устройству железных дорог; вообще служащий на железных дорогах. 2. Указатель железных дорог». Первое значение подкреплено цитатами из комедии Писемского «Финансовый гений» (1876) и «Сатир в прозе» Салтыкова-Щедрина. Слово первоначально явилось в период железнодорожной горячки в пореформенной России (60—70-е гг.) как кличка концессионеров, учредителей компаний по устройству железных дорог. Ср.: «Господствовавшая система постройки не гарантировала.. от частых несчастий на железных дорогах, но она и не мешала железнодорожникам наживать миллионы в самое короткое время» (Я. П—р. Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 159); «Никто лучше его не громил железнодорожников, спекулянтов, биржевых игроков, потому что никто лучше его не знал их закулисной жизни» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1876, № 10, с. 406) и т. п. Лишь в последние десятилетия века слово получает расширительный смысл и становится также обычным обозначением всякого железнодорожного служащего. Ср.: «Невозможно высокие тарифы .. и колоссальная небреж-

---

[152] О последнем см. в гл. III, с. 528—529. Ср. еще сущ. *самобытник*, употреблявшееся в 70—80-х гг. для обозначения сторонников особого развития России, минующего капитализм. Напр.: «Наши самобытники, действительно, знают ее [историю] очень плохо» (Плехан., I, с. 223); также *безгосударственник*: «Полноте, вы даже не социалист, а просто безгосударственник» (Авсеенко, I, с. 105).

[153] Ср. в этом последнем смысле у Даля иносуффиксальное образование: *биржевщик*. Слов. Акад. 1891 его уже не приводит.

ность железнодорожников при транспортировании товаров стали притчею во языцех» (Сев. вестн., 1886, № 2, отд. II, с. 153).

В языке XIX в. слово встречалось также и в предметном значении («справочная книжка железных дорог»; см. определение Слов. Акад. 1898).

Западник. Впервые Д[1]: «защитник и последователь обычаев Запада»; ср. более развернутое толкование в Слов. Акад. 1902: «Последователь литературной школы, признававшей Западную Европу идеалом, к которому должна стремиться и Россия, в противоположность славянофильской школе, которая утверждала, что у России должен быть свой идеал, отличный от западноевропейских». Несомненно, что слово появилось в славянофильской среде в конце 40-х гг. как полемическая кличка их противников — Белинского, Герцена, Грановского, Боткина и др. Этот полемический, условный в качестве характеристики целого направления термин был, конечно, неприемлем для многих представителей прогрессивной мысли 40-х гг. (прежде всего для Белинского и его круга), ибо заведомо односторонне выхватывал из всех признаков лишь один — признание необходимости органического усвоения результатов западного просвещения и представлял этих деятелей как безусловных сторонников всего западного. Ср. ранние случаи появления этого слова в произведениях славянофилов и примыкавших к ним писателей: «Господа так называемые *западники* разработывают в нашей современной литературе славянское начало безличности с удивительным сознанием дела» (С. Шевырев. Очерки современной русской словесности; Москвит., 1848, № 1, с. 36); см. у Гоголя в «Выбранных местах»: «Споры о наших европейских и славянских началах.. показывают только то, что мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись.. Все эти славянисты и европисты, или же староверы и нововеры, или же восточники и западники, а что они в самом деле, не умею сказать, потому что покамест они мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть, — все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета» (VIII, с. 261—262).

Из всех этих полемических наименований наиболее устойчивыми оказались все-таки слова *западники* и *славянофилы*[154] — для обозначения двух борющихся течений общественной мысли 40-х гг. Но и передовая критика позднейшего времени скептически относилась к такого рода кличкам, грубо, односторонне и предвзято передающим суть разногласий. Показательно, что Чернышевский в «Очерках гоголевского периода», характеризуя направление Белинского и его полемику 40-х гг., не прибегает вообще к словам *западник*, *западничество*.[155] Лишь либералы, безусловно преданные «идеалам» буржуазной цивилизации Запада, могли подобно тургеневскому герою (Пигасову в «Дыме») заявлять: «Я западник, я предан Европе: т. е., говоря точнее, я предан образованности..,

---

[154] О сущ. *славянофил*, *славянофильство* см. далее, § 12.

[155] Он же нередко применяет условно, за неимением лучшего, и антитермин; ср.: «В беллетристике старое реторическое направление совершенно бесполезно; но вне беллетристики оно проявляется так называемым славянофильством» (III, с. 264). Условность утвердившегося употребления слов *западник*, *западничество*, впрочем, иногда отмечалась и представителями иных направлений, близких к славянофильству. А. Григорьев, напр., достаточно широко пользуется этими словами (см. название второй его статьи в цикле «Развитие идеи народности в нашей литературе, причины происхождения его и силы»). Но и он ссылается лишь на установившееся в определенной среде употребление. Ср.: «Направление, за которым установилось название западничества» (I, с. 547); «Оппозиция, которой общее название есть западничество» (там же, с. 536); «Я старался.. изложить все обстоятельства, под влиянием которых сложилось в нашем умственном процессе явление, называемое *западничеством*» (там же, с. 542).

цивилизации... и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет».[156]

Однако слово, при всей предвзятости и неопределенности его осмысления, продолжало существовать, обрастая ближайшими производными. Ср. появившиеся в 50—60-х гг. прил. *западнический*[157] и сущ. *западничество*. См., напр., в романе Б. Маркевича «Перелом»: «Чистейший.. продукт воззрений и обычаев петербургско-„западнического“ журнального муравейника 40-х гг.» (VII, с. 35); «[Овцын-отец], несмотря на свое западничество, весьма обрядливо, хотя и несколько театрально, отбыл должность посаженного отца» (VI, с. 279).[158]

Крепостник. Впервые Д[2]: «*Крепостник* — защитник крепостного права над людьми; *крепостничество* — состояние или направление это».[159] См. об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (Уч. зап. каф. русск. яз. МГПИ, т. XLII, 1947). Слово появилось на последнем этапе подготовки крестьянской реформы 1861 г., отмеченном ожесточенными столкновениями защитников крепостного права и сторонников освобождения крестьян. Первый как будто бы случай появления его в заметке Герцена «День страха» в «Колоколе» относится к марту 1861 г. Ср.: «Отчего его [Александра II] доктор не пропишет ему для здоровья удаление *всех крепостников*, имеющих вход во дворец, начиная с Муравьева-Вешателя и Долгорукова-слушателя?» (Герц., XV, с. 61). В публицистике конца 50-х гг., посвященной крестьянскому вопросу, обычно еще употребление в этом смысле слова *плантатор*.

В 60-е гг. слово в либеральной и демократической среде получает самое широкое употребление и нередко расширительную интерпретацию. *Крепостниками* именовали не только прямых сторонников крепостного права, но вообще всех защитников старых реакционных устоев. Слово как яркая характеристика входит в один ряд со словами *ретроград*, *реакционер*, *обскурант*. Ср.: «А вы уж думали, что я такой изверг, ретроград, крепостник?» (Дост., V, с. 293); «В словах моих сквозят сетования литературного крепостника» (Вяз., I, с. XLII); «Это был истинный нравственный деспот, так сказать, нравственный крепостник» (Шелг., Восп., с. 271) и т. п.

В 60-е же гг. является и отвлеченное сущ. *крепостничество* (в значении «система крепостного права», а также «воззрения крепостников; направление, отстаивающее крепостное право и связанные с ним явления»). Ср.: «Передовая прогрессивная роль этого поколения [40-х гг.] заключалась главнейше и почти исключительно в его протесте против крепостничества» (Н. Шелгунов. Вопросы русской жизни; Дело, 1869,

---

[156] Ср. еще характерное приурочение распространения этого слова к либеральной среде в статье П. Н. Ткачева [Все тот же] «Культурные идеалы и почва»: «Вот эти-то [высшие человеческие] идеалы, а совсем не грубую, отрицаемую ими „европейскую действительность“, наши западники, наши теоретики (как их тогда называли и как их называют и теперь гг. Боборыкины, Гайдебуровы и пр.) и старались перенести на русскую почву» (Дело, 1876, № 7, с. 56).

[157] Еще и в произведениях 60-х гг. нередко вместо *западнический* выступало слово *западный* как относительное прилагательное к *западник*, *западничество*. Напр.: «Исключительно западное воззрение, сплотившееся в немногом числе своих последних, запоздалых представителей в „Атенее“» (А. Григ., I, с. 483); «Это благородство [воззрений Лажечникова] имеет оппозиционный западный характер» (там же, с. 538).

[158] Ср. также и иронические образования, явившиеся в 60-х гг., *западничать* и *западничанье*. Напр.: «Детская заносчивость, бабское умничанье, дух нетерпимости, хвастовство и дерзость их [московских профессоров],.. еще нестерпимее петербургской распущенности и глупого западничанья» (А. Никит., Дневн., II, с. 434; запись от 2 мая 1864 г.).

[159] Я. Грот приводит слово *крепостник* в своих дополнениях и заметках к Словарю Даля (Филолог. разыск., I, с. 440; см. там же, с. 228).

№ 3, с. 51); «Крепостничество началось царскими данными, закреплением ради заправления, созданием орудий заправления» (Огар., I, с. 753); «— Если.. вам требуется теперь забивать это юношество в старые колодки умственного крепостничества и идолопоклонства, то я такому преступному делу не слуга-с» (Маркев., III, с. 183). Видимо, несколько позднее появилось относительное прил. *крепостнический*. Во всяком случае, еще в 60-х гг. не редкость встретить в этом смысле («связанный с крепостниками, относящийся к ним, производимый ими») и прил. *крепостной*. Ср.: «Ребенок, предоставленный жизни, поглотится скорее всего старорусской средой и выйдет человеком крепостного мировоззрения, но уж никак не деятелем будущей свободной России» (Н. Шелгунов. «Детское чтение»; Дело, 1869, № 10, с. 46); «Крепостное общественное мнение утратило свое могущество вместе с падением крепостного права» (Н. Шелгунов. Дума на 1869 год; Дело, 1869, № 1, с. 6) и т. д.

И история слова *крепостник* свидетельствует о том, как первоначально экспрессивная кличка, сложившаяся в среде сторонников ликвидации крепостного права, превращается в общепринятый термин, обозначающий приверженцев старой феодально-крепостнической системы.

Народник. Впервые фиксируется лишь Д^3. История появления и распространения этого слова и его семантическая эволюция подробно исследованы в статье Б. П. Козьмина «„Народники“ и „народничество“» (Вопросы литературы, 1957, № 9, с. 116—135). Слово появилось в начале 60-х гг. Тогда оно возникло, видимо, первоначально в реакционно-либеральных кругах как кличка демократов 60-х гг. (ср. цитату из дневника В. Ф. Одоевского, приводимую в статье Б. Козьмина (там же, с. 120). В течение 60-х гг. слово *народник* время от времени употреблялось в очень широком и неопределенном смысле: «тот, кто обращается к народу, учится у народа» и т. п. Так, напр., в статье «Народный реализм в литературе» Н. В. Шелгунов применяет его для характеристики писателей, посвящающих свои силы реалистическому и вместе с тем сочувственному изображению народной жизни. Ср.: «Решетников — чистый народник, сам человек, выросший на лоне природы, сам выстрадавший все, что он говорит про других и, может быть, потому-то и являющийся адвокатом-лириком всех тех, кто ищет, где лучше» (Дело, 1871, № 5, с. 40).

Лишь в революционной среде 70-х гг., в связи с размежеванием революционного движения на резко разделяющиеся по своей политической программе и тактике борьбы фракции, слово *народник* получает более узкий, терминированный смысл. Оно специально употребляется для обозначения организации «Черный передел», т. е. той группы, которая ставила ближайшей целью пропаганду своих идей в народе, «хождение в народ». Ср. в романе С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов»: «Лена была „народница“ по убеждениям, или, точнее, чистая „пропагандистка“» (М., 1951, с. 127). Это, впрочем, не исключало того, что слово *народник* продолжало и далее в произведениях различных лиц употребляться также в том первоначальном, широком и неопределенном смысле, который был известен за ним еще в 60-е гг. (ср. примеры этого в указанной статье Б. Козьмина). По традиции продолжали себя именовать народниками и члены партии «Народная воля» (см. там же, с. 122). Если не считать выделения слова в качестве партийной клички для одной из фракций народнического движения 70-х гг., объем понятий, связанный специально с терминами *народник* и *народничество*,[160]

[160] Производные *народнический*, *народничество* становятся ходовыми в конце 70—80-х гг. Ср.: «Все они выросли из „народнического“ направления» (Шелг., III, с. 581); «Я никогда не подумала бы.., что у нас не совершенно искренне это

остается для 70—80-х гг. достаточно неопределенным. Лишь в марксистской литературе является новое в употреблении и осмыслении этих терминов. В произведениях Ленина развивается и обосновывается взгляд на народничество как идеологию, характерную «для второго этапа освободительного движения в России, того этапа, который охарактеризован Лениным как „разночинский или буржуазно-демократический", в отличие от первого — дворянского и третьего — пролетарского».[161] В годы культа личности, как известно, имело место неисторическое понимание народничества. Народническая идеология отождествлялась преимущественно со взглядами либеральных народников 80—90-х гг. Термин *народничество*, правда, в нашей исторической литературе не сужался до его первичного узкого политического смысла (обозначение одной из фракций мелкобуржуазного революционного движения 70-х гг., «чернопередельцы»), но и не всегда находил себе то расширительное и вместе с тем принципиально важное истолкование, которое впервые было намечено Лениным, когда он писал о народничестве как определенной идеологии целого этапа в развитии русского революционного движения. Этот термин чаще всего теперь применялся для обозначения всех фракций народнического движения 70-х гг. и последующего времени, но не распространялся, напр., на идеологию революционных демократов 60-х гг. (это нашло отражение и в толковании слова *народничество* в наших словарях — см., напр., Слов. совр. русск. лит. яз., VII). В предисловии к «Истории Коммунистической партии Советского Союза» в шести томах теперь восстановлено ленинское понимание народничества.

Собственник. Впервые это слово отмечено у Д[1]. Я. Грот считал его новообразованием 30-х гг.[162] Однако это не совсем точно. Оно встречается, напр., в «Проекте гражданского уложения», написанном А. Н. Радищевым в 1801—1802 г.: «И так имеющего право собственности можно назвать собственником» (Радищ., ПСС, III, с. 205). Очевидно, это в данном случае неологизм, что как будто бы подчеркивается и самим данным контекстом. В других местах этого проекта обычны в этом смысле слова *владелец*, *хозяин* и т. д. Характерно, что Радищев охотно образовывал новые существительные с суфф. *-ник* (ср., напр., *особенник* в значении «личность» и т. д.).

Во всяком случае почин Радищева не был подхвачен. В других источниках начала XIX в., известных нам, слово это не встречается. Не отмечает его, как сказано, и ни один словарь первой половины XIX в. Зато с 30-х гг. оно начинает появляться у отдельных авторов, скорее всего — совершенно независимо от Радищева (ведь его проект долгое время оставался в архивах и был опубликован лишь в наше время). Ср. у Герцена: «Доселе развитие Европы была беспрерывная борьба варваров с Римом, пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, с коммунами, с народами, наконец собственников с неимущими» (I, с. 31). Слово явилось, вероятно, как буквальная передача франц. propriétaire. См. у Белинского: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом.; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу

ваше... народничество? Как назвать?.. — добавила она тотчас» (Авсеенко, I, с. 154—155; слова одной из героинь романа, обращенные к народнику Извоеву).

[161] Б. Козьмин. «Народники» и «народничество», с. 134.

[162] В рецензии на русско-французский словарь Н. П. Макарова он среди пропущенных этим словарем слов, которые «правда, еще новы», но «приобрели или по крайней мере более и более приобретают право гражданства», приводит и слово *собственник* (Филолог. разыск., I, с. 227—228).

и произвольно назначает за нее плату» (VIII, с. 171—172). Характерно, что в 40-х и даже в 60—70-х гг. еще нередко можно встретить в этом смысле и заимствованное *проприетер*. Напр., у Герцена в «Письмах из Франции и Италии»: «Но не таков *буржуа*, *проприетер*, *лавочник*, *рантье* и весь Париж, за ценс стоящий» (V, с. 33); «Одни богатые буржуа и проприетеры домов торопились затворять ворота, двери, ставни» (там же, с. 330). Ср. также: «Прелесть! прелесть! — кричал шепелявым голосом какой-то завитой барашком проприетер» (П. Боборыкин. Земские силы; Библ. для чт., 1865, № 1, с. 76); «Вальковский чувствовал себя более чем когда-нибудь независимым проприетером» (Маркев., V, с. 275) и т. п. Но с 50—60-х гг. употребление русского термина становится уже обычным. Ср.: «В Орбистоне, кроме арендаторов, пользовавшихся общими владениями, допущены были и собственники» (Добр., IV, с. 33); «Число собственников, имеющих землю, простиралось во Франции до 4 100 000 человек, так что почти на каждого собственника приходилось по три разбросанных участка» (Черн., IV, с. 391); «Кн. Васильчиков в своей книге „О самоуправлении“ совершенно основательно говорит, что каждый земледелец должен быть поземельным собственником» (Салт., VIII, с. 411).

Ср. и в расширительном смысле: «Меня стало теснить присутствие старика, мне было с ним неловко, противно. Не то чтоб я чувствовал себя неправым перед гражданско-церковным собственником женщины, которая его не могла любить и которую он любить был не в силах, но моя двойная роль казалась мне унизительной» (Герц., VIII, с. 341).

Сторонник. Об истории этого слова см.: Е. А. Земская, с. 41—48. Я. К. Грот (Филолог. разыск., I, с. 18) относит его к числу слов, которыми обогатился литературный язык его времени, позаимствовав их из старинных памятников («Так еще Карамзин восстановил слово *сторонник*, ныне часто употребляемое»). Но значения, с какими было известно слово *сторонник* старым памятникам письменности (*сторонник* прежде всего является там полногласным вариантом слова *странник*),[163] никак не связаны с новым его значением «принимающий сторону кого-либо, отстаивающий чьи-либо интересы». Е. А. Земская приходит к выводу, что «на основании имеющегося материала нельзя утверждать, является ли новое значение непосредственным развитием старого значения слова.. или слово сторонник возникло в другое время, независимо от древнерусского слова и является самостоятельным образованием от слова сторона» (с. 48). Впервые в этом новом значении слово *сторонник* отмечено Ф. Рейфом в «Русско-французском словаре» (т. II, СПб., 1836), затем у Д[1] (наряду с его омонимом *сторонник — странник*) и т. д. Представляется, что больше оснований считать слово в этом новом значении самостоятельным образованием XIX в. Еще в 30—40-х гг. оно употребляется редко. Ср. в исторической повести А. Бестужева-Марлинского «Замок Нейгаузен»: «Я предал тебя сторонникам Иоанна» (Марл., III, с. 211). Любопытно также следующее замечание В. Н. Майкова в рецензии на «Повесть об украинском народе» П. Кулиша (1846): «Язык „Повести“ очень чист, слог простой и ясный. Мы заметили только два или три не совсем русские слова, напр., *сторонник* вместо приверженец» (II, с. 240).

Бурное распространение слова в этом значении падает на середину века. В этом смысле слово сменяет в произведениях 50—60-х гг. слово *партизан* и сильно теснит слово *приверженец*; из всех синонимов, обозна-

---

[163] В этом смысле *сторонник* с пометою «*стар.*» приводится и в Слов. 1847.

чающих лиц по их приверженности к тому или иному направлению, учению, мнению и т. п., оно становится теперь наиболее общим и влиятельным, возглавляющим синонимический ряд.[164]

* * *

Из других образований с суфф. *-ник* отметим распространение в разговорном и литературном языке нескольких слов, соотносящихся с наименованиями животных и обозначающих либо любителей этих животных, либо связанных так или иначе по роду своих занятий с ними. Ср. *кошатник* (Д[1]), *лошадник*,[165] *собачник* (Д[1]).

Любопытную, хотя и ограниченную группу представляют образования, соотносящиеся с названиями одежды, но дающие яркую характеристику лица со стороны его социальной принадлежности или по его образу поведения. Ср. *блузник*, *фрачник*, *халатник*. *Блузник* было широко употребительно у нас, начиная с «Писем из Франции и Италии» Герцена, как обозначение западного пролетария, особенно — французского рабочего (см.: Герц., V, с. 32 и др.). *Фрачник* явилось в демократической публицистике 60-х гг. как презрительная кличка людей дворянского круга, пустых фразеров и т. д. Напр.: «Неспособности либералов отрицать нельзя; это все какие-то адвокаты-говоруны и фрачники, люди громких трескучих фраз, а не дела» (Н. Шелгунов. Недоразумения 1848 года; Дело, 1876, № 6, с. 67—68). *Халатник* сложилось как презрительная кличка людей небрежных в деле и ленивых (ср. значение прил. *халатный*).[166] Ср. также *сермяжник* (Д[1]).

В 30—90-е гг. продолжалось пополнение этого разряда существительных новыми словами и со значением предметным. Ср. *беловик* (Слов. Акад. 1891), *задачник* (Слов. Акад. 1900), *железнодорожник* (см. выше), *кишечник* (Д[1]; но в современном терминологическом значении впервые в Слов. Акад. 1909), *надгортанник* (Брокг.-Ефр.), *напильник* (Южаков), *наручники* (Д[1]), *рассольник* (Д[1]) и др. Как правило, это слова разговорного источника и некоторые из них в живой речи, видимо, встречались и до этого времени. Любопытно проникновение некоторых из этих образований разговорного типа в научную терминологию.

В. Словари второй половины XIX в. приводят несколько новых названий лиц с суфф. *-ец*. Ср.: *беженец* (Слов. Акад. 1891), *доброволец* (Д[1]), *земец* (Слов. Акад. 1907), *канатоходец* (Слов. Акад. 1908; с цитатою из газеты «Новое время» за 1900 г.), *строптивец* (Д[1]), *стыдливец* (Д[1]), *убивец* (Д[1]), *шельмец* (Д[1]) и нек. др. Значительную часть их нельзя признать неологизмами данного времени. Многие из них лишь пришли в это время в литературную речь из народно-разговорной. Таковы, напр., приведенные выше названия лиц, образованные от качественных прилагательных (*нечестивец*, *строптивец*, *стыдливец*; также *пошлец*); ср. *доброволец*, *краснорядец*,[167] *погорелец*, *убивец*, *шельмец*. Некоторые были заимствованы из других славянских языков (см. ниже замечания о слове *беженец*). Но некоторые из этих существительных были бесспорно образованы в данное время в среде интеллигенции. Сюда следует отнести прежде всего наименования лиц по их принадлежности к определенному направлению (напр., *народоволец*, *землеволец*, *чернопередолец*, *направленец*, *постепеновец* и т. п.).

---

[164] Это отмечает в своих материалах П. Кеппен, представляя несколько цитат из журналистики 1856—1860-х гг.

[165] «Вы знаете, он лошадник был страстный» (Маркев., VI, с. 9).

[166] См. гл. III, с. 531—532.

[167] О нем см. Е. А. Земская, с. 56—57 (слово, видимо, южнорусского диалектного происхождения).

Единую и растущую в это время группу составили новообразования на *-анец*, образованные от собственных имен, преимущественно западноевропейских деятелей, и отчасти сменяющие в это время более распространенные ранее образования с суфф. *-ист* (ср. *гегельянец*, *кантианец*, *мальтузианец*, *ницшеанец*; также *вегетарианец* и нек. др.).[168] Слова на *-ец* в это время также легко образуются от русских собственных имен. Ср. *петрашевец*, *ткачевец*, *нечаевец*, *толстовец* и т. п. Характерными новообразованиями этого времени были также *путеец*, *канатоходец*; ср. также *земец* — как наименование лиц по их службе в земстве.

Ниже мы сделаем замечания об истории образования и распространения некоторых из этих слов.

Беженец. Впервые его приводит Я. Грот в Слов. Акад. 1891 с следующим объяснением: «Слово, недавно вошедшее в употребление. Беглец с оттенком невольного, вынужденного каким-нибудь бедствием удаления» и с цитатой (видимо, из газеты 1876 г.): «Пограничный австрийский город переполняется толпами несчастных беженцев из Боснии и Герцеговины». (Там же дается указание и на употребление этого слова в Сибири со значением «беглый каторжник»). Слово стало встречаться у нас в печати во время русско-турецкой войны 1877—1878-х гг. Ср. болг. *бежанец*.[169]

Земец. В Слов. 1847 приводится с пометой *стар.* («Владелец земли»; в Слов. Акад. 1907 впервые также в значении «Землевладелец, участвующий по выборам в земском управлении, в земских учреждениях. // Земский деятель, как гласный или служащий по земству, сторонник земских учреждений, преданный идее земского учреждения»). Прямых связей между старинным и новым значением слова нет. Слово *земец* в новом смысле было вызвано к жизни введением в пореформенной России (в 1864 г.) земских учреждений, — земских управ, состоящих из выборных гласных от различных сословий (с преобладанием представителей дворянства). Именно с этого времени сущ. *земство* получило новое значение «совокупность земских учреждений»; в старое время *земство* употреблялось в общем смысле «население» (ср. Слов. Акад. 1907), а также в смысле «земские чины» (Слов. 1847). Характерно, что и прил. *земский*, помимо своих старых значений, стало употребляться с этого времени в значении «относящийся к земству» (ср. Слов. Акад. 1907). *Земец* в значении «служащий или деятель земских учреждений» становится широко распространенным с 60—70-х гг.

Постепеновец. Впервые Д[2]: «*Постепеновцы, постепенщина* — не желающие никаких переворотов в обществе, управлении, а постепенных улучшений». Слово сложилось в революционно-демократических кругах начала 60-х гг. как кличка всякого рода буржуазных либералов, отстаивавших идею умеренного и постепенного прогресса и враждебно относившихся к революции и всякого рода решительным изменением в строе общества.[170] В устах демократов это слово носило резко порицательный

---

[168] См. об этом в § 9.

[169] В. В. Виноградов ошибочно пишет об этом слове: «заимствованное в эпоху первой мировой войны болгарское или чешское *беженец*» (Русск. яз., с. 100). В первую мировую войну слово лишь стало еще более употребительным и общеизвестным.

[170] Любопытно следующее свидетельство о политическом расслоении интеллигенции 60-х гг. в воспоминаниях Н. С. Лескова о П. И. Якушкине: «В литературе последовал великий раскол: из одного лагеря, с одним общим направлением к добру — образовались две партии: „постепеновцев“ и „нетерпеливцев“» (П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, с. 4). Первая партия группировалась, по словам Лескова, вокруг либеральных «Отечественных записок» Краевского и Дудышкина, вторая — вокруг «Современника». Показательно, что кличка, пущенная в ход по адресу либералов, сохранилась и приобрела обобщенный смысл в языке; а слово «нетерпеливцы», если верить здесь свидетельству Лескова, также бытовавшее в ли-

смысл.[171] Ср.: «Судьба этой страны [Испании] — решительное бельмо на глазу постепеновцев; они смотрят на историю человеческих обществ, как на барабанщика, по приказанию марширующего вперед, а между тем Испания представляет им беспрерывный ряд реакций, изумительных своей противоположностью» (Благ., с. 215). Ср. в антинигилистических романах Б. Маркевича следующие реплики представителей демократического лагеря: «— А убеждений каких человек?.. — Либерал из *постепеновцев*, — презрительно уронил на это гость» (IV, с. 262); «Другими словами-с, — фыркнул Овцын, — я-мол на словах богатырь, а на деле — тот же *буржуа* и *постепеновец*» (VI, с. 355); в воспоминаниях А. Скабичевского: «Это был дух просвещенного бюрократизма, который в тогдашней литературе господствовал в кружках, носивших название „постепеновцев“» (Воспом., с. 112); в повести Мамина-Сибиряка «Ранние всходы»: «С этими прозаическими размышлениями были не согласны и Лукина, и Морозова, и Борзеина, которые называли Жиличко „постепеновцем“ и спорили с ним до хрипоты» (ПСС, VII, с. 237); ср. характерное признание в позднейшей статье о 40-х гг. из либерального журнала «Русская мысль»: «Тогда уже существовало между социалистами если еще не слово, то понятие „постепеновцев“, которые и тогда, как теперь, „истинными деятелями“ считались презреннейшими и чуть ли не преступнейшими из людей» (Н. С. Жорж Занд о французской революции 1848 г.; Русск. мысль, 1883, № 5, с. 201).[172]

Форма *постепеновец* (а не *постепенец*) не имеет аналогии среди других подобных образований этого времени. Ср. также и прил. *постепеновский*, сущ. *постепеновщина*.

Г. Значительно было число новообразований с суфф. *-щик* (*-льщик*, *-овщик*). Но активность этого суффикса была ограничена преимущественно кругом производственной терминологии; существительные на *-щик* обозначали лицо по его профессии, роду занятий. Правда, многие из них стали популярны и в общем литературном употреблении. Ср. значительную группу этих слов, впервые фиксируемых в словаре Даля: *взломщик*, *вышивальщик*, *дрессировщик*, *забойщик*, *застройщик*, *калильщик*, *карманщик*, *картонщик*, *крутильщик*, *маркировщик*, *набивщик*, *обувщик*, *пересортировщик*, *помольщик*, *разливщик*, *рессорщик*, *сдельщик*, *старьевщик*, *строгальщик*, *сцепщик*, *упаковщик*, *фанерщик*, *штамповщик* и мн. др. К концу века круг этих существительных неуклонно и быстро возрастает. Они образуются как от глагольных, так и от именных основ. Симптоматичным является все более свободное образование этих существительных от заимствованных лексем. В ряде случаев эти образования сменяют в литературном употреблении старые формы с суфф. *-тель* (ср. *зажимщик—зажиматель*, *курильщик—куритель* (Слов. 1847) и т. п.).

беральных кругах 60-х гг. и осуждающе оценивавшее тактику демократов, не вышло за границы чисто группового употребления.

[171] Характерна острая критика либеральной теории постепенности в «Исторических эскизах» Писарева: «Можно заметить здесь мимоходом, что наша известная теория постепенности основана на простом недоразумении: введенная реформа приносит плоды постепенно — это правда, это говорит сама элементарная логика здравого смысла; но наши публицисты и мыслители, не разобравши дела, увидели только, что слова р е ф о р м а и п о с т е п е н н о стоят рядом; они и связали эти два слова по-своему и стали доказывать, что реформа должна вводиться в жизнь постепенно, т. е. не в виде органического и осмысленного целого, а в виде отдельных кусочков, не имеющих ровно никакого самостоятельного смысла» (Писар. (Павл.), III, с. 151).

[172] Очевидно, имея в виду эту резкость экспрессивной оценки, вкладываемой в слово демократами, Даль предлагал его замену новыми словами. Ср. «лучше: степе́нники, степе́нщина, постепе́нники, исподво́льцы, исподво́льщина, пово́льники, пово́льщина».

Значительно меньше число таких новообразований за пределами собственно профессиональной лексики, обозначений лиц по роду работы. Ср. *забастовщик* (Слов. Акад. 1899), *купальщик* (Д[1]), *курильщик* (Д[1]). Можно отметить среди них несколько слов с яркой экспрессией. Популярным в 20—40-х гг. было, напр., слово *литературщик* (см. о нем с. 226).

Д. Из числа других наименований лиц, образованных с иными суффиксами и впервые фиксируемых словарями второй половины XIX в., отметим: *босяк* (Слов. Акад. 1891; слово пошло в ход в последние десятилетия XIX в.), *пошляк*,[173] *рыхляк*, *степняк*; *форсун*, *цапун*, *шаркун* (Д[1]) и нек. др.

* * *

Перечисленные выше разряды существительных отвлеченного значения и со значением лица (а также и предметными значениями — с суфф. *-тель*, *-(н)ик*) следует признать наиболее обильно пополнявшимися новыми образованиями. Одиночны образования существительных иного грамматического значения с русскими суффиксами, как правило резко экспрессивные.

Ср. новообразования с суфф. *-ятина*. Здесь особый интерес представляют два слова этого времени, имеющие отвлеченное значение: *пошлятина*[174] и *отсебятина*.[175]

Следует отметить также несколько новых образований существительных от глагольных основ, обозначающих помещение, предназначенное для какого-либо действия. Ср. *читальня* (Д[1]), *исповедальня* (Брокг.-Ефр.). Здесь выделяется резко ироническое *говорильня*. Оно впервые отмечено (с пометою *нов.*) в дополнениях Шейна к Словарю Даля («*говорильня* — комната, определенная для бесед, разговоров»). Иначе и подробнее разъясняет его Я. Грот в Слов. Акад. 1892: «*Ирон.* Место или общество, где теряют время на пустые речи (шуточн. перевод сл. парламент)». Ироническое это слово сложилось, видимо, в московских интеллигентских кружках около середины XIX в. Скорее всего — в среде завсегдатаев и «ораторов» Английского клуба. Во всяком случае, многие источники специально приурочивают его распространение к Москве этого времени. Ср. в комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» слова Глумова: «Мы в Москве любим поговорить. И чтоб

---

[173] См. о нем в гл. III, с. 329.

[174] Впервые Д[1]. Ср.: «Успех пошлятины и скандальщины в теперешней литературе есть явление временное и, вероятно, скоропроходящее» (В. Буренин. Критические очерки; Новое время, 1903, № 9666, с. 2).

[175] Слово это обычно приписывается К. П. Брюллову (впервые Д[1]: «Слово К. Брюллова: плохое живописное сочиненье, картина, сочиненная от себя, не с природы, самодурью»). См. о его истории: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (Вестн. МГУ, 1947, № 7). К 70—90-м гг. можно встретить его употребление и в более широком плане, для обозначения всего «от себя», искусственно «сочиненного». Ср.: «Живокини сделал такую вставку, на закулисном языке называемую „отсебятиной“» (Ист. вестн., 1893, № 11, с. 457); «Есть статьи по отдельным вопросам и художественная отсебятина» (Мам.-Сиб., ПСС, XI, с. 92); «Не уместнее ли было бы со стороны статистиков, имеющих в руках богатейший материал, фактическое изучение вопроса, чем преподнесение читателю всякой отсебятины и торопливость перейти от фактов к „сражению“ врагов народничества?» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5, т. 2, с. 339). Ср. также и форму *отсебячина*. Напр.: «Вы изволите говорить измышления вашего дядюшки, дворянского предводителя, или вашу собственную, овчинниковскую отсебячину?» (Е. Марков. Черноземные поля, СПб., 1878, т. I, с. 284). Если учесть, что слово *отсебятина* отмечено и в отдельных народных говорах (см. данные словарной картотеки Института языкознания), а также в XIX в. было распространено, согласно приведенным свидетельствам, не только среди художников, но и в театральной среде, то, может быть, приписывать его образование Брюллову нет еще достаточных оснований.

в этой обширной говорильне я не имел успеха!» (V, с. 106); в романе Боборыкина «Перевал»: «Лыжин — в первый раз в Москве, с тех пор, как ходил по кружкам и „говорильням“ — присутствовал при перебирании такой старины» (VII, с. 78); в «Калейдоскопе» Н. Мизантропова: «Да в чем же, московская говорильня, состоит, после этого, честное-то имя?» (Дело, 1876, № 11, с. 454; в фельетоне эта реплика идет вслед за изложением речи адвоката Плевако) и т. д. Применение этого слова достаточно широко и разнообразно: оно обозначает и помещение, где ведутся дебаты, и собрания, где эти дебаты происходят, и сами эти дебаты, и даже лиц-«ораторов» (ср. приведенную цитату из Н. Мизантропова, где это слово обращено к Плевако). Постоянным остается лишь резко оценочный характер этого слова (бесполезная, пустая болтовня).[176] В публицистике 60-х гг. возникает и ироническое применение этого слова к буржуазному парламенту. Ср. в статье Добролюбова «Из Турина»: «Европа, как вы знаете, превратилась теперь в „говорильню“, как перевел бы покойный Шишков слово „парламент“. Не говоря об Испании и Греции, даже во Франции устроилась маленькая говорильня» (VII, с. 7); «Пока работала говорильня Ламартина и его товарищей, их слушали, но когда пустили в ход „ежовые рукавицы“ алжирских генералов, Франция оторопела и бросилась в реакцию» (Дело, 1871, № 1, Новые книги, с. 76). Любопытен следующий пример из романа Б. Маркевича «Перелом», где протянуты нити от первичного применения слова (о «заседаниях» в московском Английском клубе) к новому его осмыслению как иронического синонима слова «парламент». «Нигилист» Овцын-младший говорит там о своем отце — московском либерале и других посетителях Английского клуба: «Ну, так вот-с и изображают они собою в российских лицах сей знаменитый „двойственный собор“, какой он там есть в Англии: родитель мой, например, пламенный „коммонер“ из нижней говорильни, ратующий потоками пустых слов за гроша медного не стоящие „вольности“» (VI, с. 227); ср. в другом месте романа слова того же Овцына: «Или вы полагаете, что для водворения „реальной истины“ в общественном устройстве нам нужны западные „говорильни“» (VII, с. 173). Так разговорное меткое словцо, первоначального узко-группового применения, становится одним из метких и разящих определений в публицистическом языке этого времени.

§ 9. В главе I мы уже говорили о том, что прямым последствием широкого притока заимствованных слов в русский литературный язык было формирование новых словообразовательных рядов. Наличие среди этих заимствований однородных образований, как с семантической (общее грамматическое значение), так и со структурной стороны, вело к вычленению новых морфем и к появлению на русской почве аналогичных образований, часто соединяющих в себе заимствованные и исконно русские словообразовательные элементы (русско-славянскую основу и иностранный по своему источнику префикс или суффикс).

Бурно развивавшимися в это время новыми словообразовательными разрядами явились классы существительных с суфф. *-изм* и *-ист*, часто составляющими соотносительные по значению пары. В современном языке эти классы существительных чрезвычайно обширны и обладают высокой степенью регулярности и продуктивности.[177]

---

[176] Ср. в статье Н. Р. (Н. В. Шелгунова) «Юридические софизмы»: «Суд превращается в простую говорильню, в суетную борьбу, в красноречие — на забаву праздных зрителей» (Дело, 1869, № 6, с. 170).

[177] Так, в современных словарях (напр., в Слов. Ушак.) отмечается более 400 существительных с суфф. *-изм* и около 400 существительных с суфф. *-ист* (см. подборку этих слов — Билфельдт, с. 186—188 и 224—226). При этом ни один из современных словарей не включает всех употребительных в языке существитель-

Внутри этого обширного разряда существительных можно отметить сейчас несколько различных семантических групп, различающихся и с чисто грамматической стороны наличием или отсутствием прямой соотносительности, параллелизма образований с суфф. *-изм* и *-ист*.

1. Наиболее обширный и практически неограниченный ряд образуют соотносительные формы, обозначающие различные направления в общественной жизни, политике, культуре, науке, литературе, искусстве и т. д. (существительные на *-изм*) и соответственно последователей и сторонников этих направлений (существительные с суфф. *-ист*).[178] Господствующими членами в этих парах следует признать слова с суфф. *-изм*. Некоторые из этих последних являются семантически более емкими и многозначными. В этих случаях иногда существительные на *-ист* соотносятся только с одним из значений существительных на *-изм*.[179] Некоторые из этих существительных на *-изм* имеют теперь лишь значение определенного свойства, склонности к чему-либо, а соотносимые с ними существительные на *-ист* в таких случаях обозначают носителя этих свойств и склонностей (*авантюризм*, *карьеризм*, *морализм*, *оптимизм*, *пессимизм*, *эгоизм*).[180] Два существительные на *-изм* из слов этой группы обозначают определенные социальные системы, а существительные на *-ист* — господствующих при данном строе представителей классов и социальных групп (*капитализм—капиталист*, *империализм—империалист*; ср. также новую пару *колониализм—колониалист*).[181]

Не все существительные на *-изм* со значением общественного направления имеют сейчас (и имели в прошлом) соответствия в кругу существительных на *-ист* (ср. *либерализм*,[182] *радикализм*, *клерикализм*, *классицизм*,[183] *романтизм* и нек. др.). Как наименования направлений они соотносятся по значению с образованиями иного типа, обозначающими лиц (ср. *либерал*, *радикал*, *классик*, *романтик* и т. д.). В этих случаях существительные на *-изм* воспринимаются как производные от соответствующих обозначений лиц (хотя исторически они могли явиться и независимо). В других случаях такая соотносительность существительных на *-изм* и *-ист* могла быть утрачена.[184]

ных данных разрядов; за пределами словарей обычно остаются многие окказионально являющиеся образования, многие специальные и редко употребительные слова.

[178] В подборке их у Билфельдта из 418 существительных с суфф. *-изм* 180 принадлежат к этой группе и имеют прямые соответствия в группе существительных на *-ист*.

[179] Ср. *социализм* как обозначение учения (в этом случае с ним соотносится *социалист*) и как обозначение общественного строя; но *утилитаризм*, *рационализм*, *реализм* и под. как обозначения определенных направлений мысли и как отвлеченное обозначение качества, свойства (*реализм в искусстве* и *реализм поджога к делу*). В этих случаях существительное на *-ист* соотносится с существительным на *-изм* в обоих значениях.

[180] Ср. также небольшую группу слов, обозначающих склонность к определенным порочным наклонностям и занятиям (*гомосексуализм*, *кокаинизм*, *морфинизм*, *онанизм* и соответственно существительные на *-ист*, обозначающие лиц, этим занятиям предающихся; также *алкоголизм*, теперь не имеющее соотносительного существительного на *-ист*, еще употребительного в XIX в.).

[181] Не имеют парных соответствий на *-ист феодализм*, *царизм* (впрочем, *царист* в смысле «приверженец царизма» можно встретить в отдельных текстах XX в.).

[182] В текстах начала XIX в. можно встретить и сущ. *либералист*.

[183] В современной искусствоведческой литературе, впрочем, постепенно укореняется искусственное новообразование *классицист* как обозначение приверженца классицизма в искусстве.

[184] Ср. *большевизм* при *большевик*, *меньшевизм* при *меньшевик*; хотя в начале XX в. встречались и параллельные образование на *-ист* (ср. *большевист*, *меньшевист* в цитируемом Лениным заявлении газеты «Освобождение» № 57 за 1904 г. (Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 9, с. 71).

Конкурентами образований на *-изм* в этом значении являются образования с суфф. *-ство* (*-анство*), отчасти *-щина* (не свободные от дополнительного экспрессивного оттенка), так же как соответственно конкурентами образовании на *-ист* оказываются образования с суфф. *-ец* (*-анец*), *-(н)ик*. На протяжении изучаемого времени мы встретим ряд случаев вытеснения существительных на *-изм* и *-ист* этими конкурентными образованиями. Иногда вариантность образований доходит и до нашего времени.[185]

2. Другой обширный ряд, теперь также практически не ограниченный и свободно пополняемый новыми образованиями, представляют существительные с суфф. *-ист*, обозначающие лиц той или иной специальности. Названия в таких случаях образованы от слов, обозначающих предмет занятий или орудие труда. Эти существительные, как правило, не имеют параллельных образований с *-изм*, а отношения между наличными параллелями лишены регулярности и семантически являются более сложными и индивидуальными. Наиболее обширные и продуктивные группы среди этих существительных на *-ист* представлены сейчас:

а) Наименованиями музыкантов-исполнителей по названию инструмента. (Ср. *аккордеонист*, *альтист*, *арфист(ка)*, *баянист*, *валторнист*, *виолончелист*, *гармонист*, *гобоист*, *кантелист*, *контрабасист*, *флейтист* и т. п.).[186] Ср. также *вокалист* (ранее были и другие наименования певцов по голосу с суфф. *-ист*: *альтист*, *басист*, *тенорист*). Этот ряд продолжает пополняться новыми образованиями. Вне данного ряда стоят лишь одинокие образования иного рода (правда, необычайно устойчивые), по преимуществу из числа давно закрепившихся в языке (*балалаечник*, *дудочник*, *гудошник*, *ударник*, *барабанщик*, *волынщик*, *скрипач*, *трубач*).

Одиночные образования на *-изм*, известным образом соотносящиеся с существительными на *-ист*, вторичны. Ср. *пианизм* «совокупность особенностей игры на фортепиано» при *пианист*. Этот разряд существительных на *-ист* ранее других закрепился в нашем языке.

б) Наименования спортсменов по роду спорта (игры) или предмету, с которым связан данный вид спорта (ср. *альпинист*, *баскетболист*, *буерист*, *велосипедист*, *волейболист*, *планерист*, *теннисист*, *футболист*, *шахматист*, *шашист* и др.).[187] Этот ряд составляют по преимуществу слова позднего образования (появившиеся, как правило, в XX в., особенно с 30-х гг.);[188] он продолжает пополняться новыми образованиями. Наряду с ним существуют наименования спортсменов, представляющие другие модели, довольно разнообразные, но почти не оказывающие влияния в словообразовательном отношении (ср. *городошник*, *лыжник*,[189] *бегун*, *пловец*, *конькобежец*,[190] *тяжелоатлет*, *легкоатлет*, *гимнаст*, *снайпер*

---

[185] Наибольшее число аномалий падает на группу слов, обозначающих, с одной стороны, религиозные учения и их приверженцев, с другой — философские школы и направления и их последователей. Ср. *друидизм*, *исламизм*, *иезуитизм*, *хасидизм*, *иудаизм* и нек. др. (при отсутствии здесь образований на *-ист*), но *буддизм—буддист*, *кальвинизм—кальвинист*, *ламаизм—ламаист*, *янсенизм—янсенист* и т. д. Ср. и вариантные образования *католицизм—католичество*, *протестантизм—протестантство*, *галликанизм—галликанство* и пр. В названиях философских направлений: *материализм*, *идеализм*, *рационализм*, *позитивизм*, *спинозизм*, *махизм* и др. (при соотносительных существительных на *-ист*); *эмпиризм*, *скептицизм*, *стоицизм*, *платонизм* и пр. (при *эмпирик*, *скептик*, *стоик*, *платоник* и т. д.), *пифагореизм*, *эпикуреизм* (при *пифагореец*, *эпикуреец*). Ср. также *картезианство*, *кантианство*, *гегельянство* (и *кантианец*, *гегельянец* и т. п.); о них см. ниже с. 262—263.

[186] У Билфельдта отмечено 28 таких существительных.

[187] У Билфельдта 22 таких образования.

[188] Из заимствований XIX в. отметим лишь *турист—туризм*.

[189] Но ср. недавно возникшее *слаломист*.

[190] Образованное в конце XIX в.

и др.). Существительные на *-изм*, обозначающие тот или иной вид спорта, также, как правило, вторичны и являются лишь при отдельных существительных этого рода. (Ср. *альпинизм*, *туризм*, *автомобилизм*, *планеризм*, *моделизм* (и *авиамоделизм*), *парашютизм*, *филателизм*).

в) Регулярные ряды образуют существительные, обозначающие деятелей литературы и искусства по жанру, их занимающему. Ср. для писателей: *беллетрист*, *водевилист*, *журналист*, *либретист*, *мемуарист*, *новеллист*, *очеркист*, *памфлетист*, *полемист*, *публицист*, *романист*, *сценарист*, *фельетонист*, *эпиграмматист*, *эссеист* и нек. др. Почти все они (за исключением *очеркист*, *сценарист*) появились в XIX в. Некоторые из них соотносятся с существительными на *-истика* (ср. *беллетристика*, *журналистика*, *публицистика*; более редкие *новеллистика*, *романистика*). Для более раннего времени здесь можно отметить и соотношение с существительными на *-изм* (*журнализм*, *публицизм*, *памфлетизм*; ср. современное *очеркизм*). Наряду с ними выступают и другие традиционные обозначения: *поэт*, *лирик*, *эпик*, *драматург*, *одописец* и др.[191]

Для художников (живописцев, графиков, скульпторов): *акварелист*, *анималист*, *баталист*, *жанрист*, *карикатурист*, *маринист*, *миниатюрист*, *офортист*, *пейзажист*, *плакатист*, *портретист*, *силуэтист*, *станковист*). Большинство из них относительно позднего появления в языке (главным образом не ранее середины XIX в.).

Для артистов (небольшая, неругулярная группа): *иллюзионист*, *мимист*, *статист*, *эквилибрист*. Ср. эволюцию самого слова *артист*.

Для композиторов: *симфонист* (кроме того, еще *гармонист*, *мелодист*, *контрапунктист*; устарелое теперь *компонист*).

г) Более пеструю и сложную картину представляют довольно многочисленные образования на *-ист*, обозначающие специалистов в различных областях науки, техники, производства. Здесь несравненно менее регулярности, более конкурирующих образований; можно отметить лишь немногие внутренние подразделы, обладающие особой регулярностью.

Ср. наименования специалистов в отдельных отраслях науки (главным образом частных отделов какой-либо отрасли ведения). Наиболее обширную группу составляют названия представителей гуманитарных наук (преимущественно лингвистов, филологов, но также и историков) по основной области их интересов (главным образом по стране, народу, языку). Ср. *африканист*, *гебраист*, *германист*, *византинист*, *индианист*, *индоевропеист*, *иранист*, *китаист*, *латинист*, *медиевист*, *ориенталист*, *романист*, *русист*, *славист*, *эллинист*, *эсперантист*. Почти все они соотносятся к существительным на *-истика*. Ср. также *лингвист* (и названия частных специалистов по основным разделам языкознания *грамматист*, *синтаксист*, *фонетист*). Ср. закрепившееся наименование специалистов по изучению творчества Пушкина (*пушкинист*) и *фольклору* (*фольклорист*). Конкурентами этих образований являются слова с морфемой *-вед*, соотносящиеся с существительными на *-ведение* (ср. *китаевед*, *славяновед*; *некрасовед*, *бальзаковед*, *лермонтовед* и пр.), с морфемою *-лог* (и их соответствия на *-логия*; ср. *египтолог*, *санскритолог*, *индолог*, *синолог*, *семитолог*; *лексиколог*, *фонолог* и т. д.).

Из названий ученых специалистов отметим также наименования специалистов по разделам правовой науки (воздействие со стороны основного слова *юрист*): *криминалист*, *цивилист*, *процессуалист*; несколько наименований из области медицины (*дантист*, *гигиенист*, *окулист*, *клиницист*); а также *экономист* и сложное *политэкономист*.

---

[191] Ср. ниже об употребительных в XIX в. вариантах, образованных с суфф. на *-ист*: *драматист* (ср. *мелодраматист*), *одист*.

Таким образом, распространение здесь образований с суфф. *-ист* ограничено; ведущими в словообразовательном отношении являются образования со второй частью *-вед* и *-лог*.

Не менее нерегулярную и пеструю, хотя и довольно обширную группу составляют названия лиц — специалистов в области техники, производства, военного дела и т. п., образованные от названия орудия труда, машины, аппарата и т. д. (ср. *машинист*, *врубмашинист*, *жаккардист*, *тракторист*, *бульдозерист*, *телефонист*, *телеграфист*, *радист*, *морзист*, *юзист*, *телетайпист*, *линотипист*, *монотипист*, *танкист*, *торпедист*, *прожектористт*, *моторист* и др.) или по роду занятий и производственным процессам (*массажист*, *хронометражист*, *термист*, *рекламист* и т. д.) или, наконец, по предмету, объекту занятий (*бандажист*, *металлист*, *стендист*, *паспортист* и т. д.). Способы образования этих существительных, обозначающих специальности техников, рабочих, военных и т. д., разнообразны (ср. образования с суфф. *-ник*, *-щик* (*-овщик*)), напр., *крановщик*, *вальцовщик*, *фрезеровщик* и т. д. Впрочем, все образования с суфф. *-ист* этого рода относительно недавние (не ранее второй половины XIX в., а главным образом XX в., за исключением слова *машинист*).

Ср. также небольшую группу названий лиц по склонности к занятиям предосудительного, наказуемого свойства: *аферист*, *контрабандист*, *скандалист*, *шантажист*. Ср. также *рецидивист*.

Наконец, довольно обширную группу существительных на *-ист*[192] образуют наименования лиц по месту их занятий, работы, службы, обучения. Ср. *архивист*, *артиллерист*, *кавалерист*, *канцелярист*, *резервист*, *штабист*, *гимназист(ка)*, *курсист(ка)*, *лицеист*, *семинарист*, *студист* (при *студиец*); ср. новые: *чекист*, *правдист*.

3. Из существительных на *-изм*, не соотносящихся с существительными на *-ист*, следует отметить, помимо упомянутых выше, существительные, обозначающие отвлеченно свойства, качества (часто синонимичных существительным с суфф. *-ость* или субстантивированным прилагательным среднего рода ед. числа). Ср. *академизм*, *алогизм*, *антагонизм*, *героизм*, *динамизм*, *историзм*, *лаконизм*, *сервилизм*, *трюизм*, *цинизм* и нек. др.[193]

Здесь открывался путь для приобретения этими существительными и предметных значений, для обозначения тех или иных явлений, наделенных или связанных с определенными свойствами (ср. *организм*, *пароксизм*, *аневризм*, *дальтонизм* и нек. др.).

Не соотносятся непосредственно с существительным на *-ист* также существительные на *-изм* типа *германизм*, *русизм*, *эффемизм* и др. члены этого довольно обширного и не замкнутого ряда, обозначающие совокупность характерных свойств языка или слога; ср. образования 30-х гг. *брамбеизм* (у Белинского — от имени Брамбеуса), *марлинизм* (от имени Марлинского).

Таковы основные семантические группы существительных с суфф. *-изм* и *-ист*, представленные в современном русском литературном языке.

Характерной особенностью этого разряда существительных является в современном языке то, что при преобладании здесь исторически непосредственно заимствованных из других европейских языков слов мы обнаруживаем также образования, самостоятельно сложившиеся на русской почве, причем отчасти от русских основ. Количественно число таких образований (если исключить окказиональные слова, не фиксируемые

[192] У Билфельдта отмечено около 20 таких слов.

[193] Следует напомнить, что некоторые из существительных на *-изм* имеют два значения: название направления и отвлеченное наименование качества. Ср. *объективизм, субъективизм, психологизм, радикализм, эмпиризм* и др.

современными словарями, и слова, образованные от собственных имен), может быть, и не очень значительно.[194] Но сама по себе эта возможность образования и прочного укоренения в языке существительных с заимствованным суффиксом и русской основой говорит о том, что этот класс существительных стал живым, производительным в русском языке. Вместе с тем это результат той интенсивности, с которой проходило внедрение существительных этого класса в русский литературный язык нового времени.[195]

* * *

Древнерусский язык, если не считать нескольких рано заимствованных грецизмов (самым устойчивым и важным из них было слово *евангелист*), не знал существительных с этими суффиксами. История более интенсивного заимствования их из западноевропейского источника начинается с XVIII в. (впрочем, ср. заимствованное еще в XVII в. *артиллерист*).[196]

Почти все словари XVIII в. фиксируют новые заимствования этого рода (ср. *варваризм*, *алхимист* в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова; *канцелярист*, *окулист* и *материалист* в лексиконе Вейссмана 1731 г., *валторнист* в «Лексиконе российском и французском» 1762 г., *артиллерист*, *арфист*, *атеист*, *аукционист*, *бандурист*, *геодезист*, *гобоист*, *колонист*, *натуралист* и нек. др. у Нордстета и т. д.).

В САР[1] приводится 14 существительных с суфф. *-ист* и 2 существительных с суфф. *-изм* из числа отмечаемых современными словарями: *альтист* («певчий, поющий альта»), *артиллерист*, *арфист*, *бандурист*, *валторнист*, *геодезист*, *гимназист*, *гобоист*, *евангелист*, *канцелярист*, *капиталист*, *махинист* (*машинист*), *органист*, *протоколист*, *афоризм*, *силлогизм*. Ср. также слова, отсутствующие в словарях нашего времени: *басист* («певчий, басом поющий»), *гуслист*. В САР[2] добавлены *кавалерист*, *колонист*, *натуралист*, *портретист*, *юрист*.

В «Русском словотолке» Н. Курганова, включенном в его «Письмовник» и объясняющем свыше 3000 слов иностранных, славенских и областных, находим 15 существительных с суфф. *-ист* (*академист* («ученик»), *альтист*, *анабаптист*, *арфист*, *атеист*, *дрогист* («вольной аптекарь»), *евангелист*, *канцелярист*, *колонист*, *компанист* (компанион), *натуралист*, *окулист*, *семинарист*, *софист*, *юрист*) и 5 с суффиксом *-изм* (*-исм*): *анахронисм*, *барбарисм*, *катехисм* («исповедание веры, начала веры»), *силлогизм*, *софизма* («ложно доказанная речь»).[197]

Намного шире круг этих существительных у Яновского: 99 существительных с суфф. *-ист* и 60 с суфф. *-изм*. Правда, некоторое число таких слов состоит из слов исторических (античных) и очень специальных.

---

[194] Ср.: *большевизм*, *меньшевизм*, *отзовизм*, *очеркизм*, *уклонизм*, *хвостизм*, *царизм*; также *главкизм*, *кучкизм*, *стачкизм*. Существительные на *-ист*: *значкист*, *кучкист*, *отзовист*, *очеркист*, *правдист*, *связист*, *станковист*, *стачкист*, *уклонист*, *хвостист*, *шашист* и нек. др.

[195] Краткие и не во всем точные сведения об истории этого класса слов см. в статьях В. Г. Костомарова (Существительные на *-ист* в русском языке. В сб.: Проблемы изучения языка. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Кафедра иностранных языков, М., 1957) и М. Фогараши (Материалы к истории суффиксов *-изм* и *-ист* в русском языке. Studia slavica, t. II, f. 1—4, Budapest, 1956).

[196] Конечно, иначе дело обстояло в языке юго-западной книжности. Она раньше начала впитывать в себя отдельные слова с этими суффиксами. Ср. фиксацию некоторых из них в Словаре Памвы Берынды. См. замечания о словах *силлогизм*, *софист* и *софизм* в словаре заимствованных слов в кн.: Г. Хютль-Ворт. Foreign Words in Russian. A Historical Sketch, 1550—1800. Berkeley and Los Angeles, 1963.

[197] Этот словарик не приводит, как правило, ближайших производных; поэтому рядом со словом *артиллерия* мы не найдем там *артиллерист* и т. п.

Во всяком случае здесь впервые у нас отмечены и истолкованы следующие слова: *алгебраист*, *аллегорист*, *анаграмматист*, *анатомист* (и *анатомик*), *анализист* или *аналист*, *анналист*, *антагонист*, *апологист*, *артист*, *атомист*, *аукционист*, *бонмотист*, *ботанист*, *галенист* (последователь Галена), *гимнософист*, *грамматист* (и *грамматик*), *гуманист* (в историческом смысле), *дантист*, *деист*, *драматист*, *дуэлист*, *журналист*, *идеалист*, *ихтиологист* (или *ихтиолог*), *кавалерист*, *камералист*, *канонист*, *квиэтисты*, *клубист*, *колорист*, *комплиментист*, *компонист* («зри композитор»), *конформист*, *копеист* или *копист*, *манифактурист*, *миниатурист*, *монополист*, *моралист*, *оптимист*, *панегитист*, *пародист*, *пейзажист*, *политеист*, *псалмист*, *публицист* («тот, кто пишет о публичном праве или учит оному»), *пурист*, *раввинист*, *романист*, *роялист*, *симфонист*, *синкретист*, *теист* или *феист*, *тенорист*, *универсалист*, *фабулист* (баснописец), *фаталист*, *федералист*, *формалист*, *хронологист*, *штилист*, *эгоист*, *энциклопедист*, *этимологист*; также *аналогизм*, *англицизм*, *антропоморфизм*, *аристократизм*, *гальванизм*, *галенизм* (учение Галена), *галлицизм*, *германизм*, *героизм* и *ироизм*, *деизм*, *деспотизм* (и *диспотизм*, *деспотство*), *еллинизм*, *идиотизм* (в языке), *католицизм*, *квиэтизм*, *лаконизм*, *латинизм*, *магнетизм*, *материализм*, *метахронизм*, *механизм*, *монахизм* (монашество), *оптимизм*, *паталогизм*, *пароксизм*, *патриотизм*, *платонизм*, *политеизм*, *раввинизм*, *ревматизм*, *республиканизм*, *роялизм*, *синкретизм*, *синхронизм*, *солецизм*, *теизм* (и *феизм*), *фанатизм*, *фатализм*, *федерализм*.

Конечно, включение этих слов в такой специальный словарь во многих случаях еще не является свидетельством их популярности или даже распространения в русском языке того времени. Обращает на себя внимание также и тот факт, что и здесь круг существительных с суфф. *-изм* значительно меньше, чем существительных с суфф. *-ист*.

В Слов. Сок., расширившем словник по сравнению с САР, зафиксировано 35 слов с суфф. *-ист*, из числа отмечаемых нашими современными словарями. Ср., кроме помещенных в САР: *анабаптист*, *антагонист*, *артист*, *атеист* (и *афеист*), *аукционист*, *виолончелист*, *гитарист*, *деист*, *кантонист*, *контрабандист*, *модистка*, *окулист*, *панегирист*, *семинарист*, *эгоист*, *юрист* (ср. также *академист*, *тенорист*). Здесь же 17 существительных с суфф. *-изм*: *анахронизм*, *аневризма*, *атеизм* (и *афеизм*), *афоризм*, *барбаризм*, *галлицизм*, *гальванизм*, *германизм*, *деспотизм*, *лаконизм*, *магнетизм*, *материализм*, *патриотизм*, *силлогизм*, *фанатизм*, *эгоизм*.

В Слов. 1847 г. этот список включает уже более 60 слов на *-ист* (кроме только что перечисленных: *анархист*, *букинист*, *виолист*, *гармонист* («изощренный в модуляции»), *горнист*, *грамматист* (в Слов. Сок. только *грамматик*), *дантист*, *дуэлист*, *журналист*, *каламбурист*, *кларнетист*, *контрабасист*, *лингвист*, *лицеист*, *материалист*, *миниатюрист*, *монополист*, *оптимист*, *пантеист*, *папист*, *пейзажист*, *пианист*, *рационалист*, *романист*, *солист*, *софист*, *статист*, *тромбонист*, *фаготист*, *фаталист*, *флейтист*, *фортопианист*, *хорист*, *эпиграмматист*, *юморист*; ср. еще *анаграмматист* («составляющий анаграммы»), *лабораторист*, *мануфактурист*, *нептунист*, *плутонист* и нек. др. и около 40 с суфф. *-изм* (кроме приведенных в Слов. Сок.: *деизм*, *католицизм*, *классицизм*, *мистицизм*, *оптимизм*, *организм*, *пантеизм*, *пароксизм*, *педантизм*, *ревматизм*, *романтизм*, *синкретизм*, *синхронизм*, *солецизм*, *сомнамбулизм*, *софизм*, *фатализм*, *фетишизм*, *хроматизм*, *эмпиризм*; ср. еще *нептунизм*, *плутонизм*).

Количественный рост довольно заметный и быстрый. При этом, конечно, указанные толковые словари далеко не исчерпывают список этих существительных, которые практически уже встречаются в употреблении конца XVIII и первой трети XIX в. Ср. хотя бы следующие примеры. В «Московском журнале» Карамзина (1791): *анатомист* (II, с. 59),

аристократизм (V, с. 372), *героизм* (II, с. 138), *мифологист* (мифолог; V, с. 382), *платонизм* (VIII, с. 225); *ламист* («татары ламисты», VIII, с. 142), *предестантист* («Во Франции был бы я католиком, в Голландии предестантистом», III, с. 52), *прозаист* (I, с. 56), *славянизм* (I, с. 233), *физиономист* (I, с. 56) и др. В «Вестнике Европы» Карамзина за 1802 г.: *революционист* (IV, с. 27), *роялист* (I, с. 49).[198] В «Московском Меркурии» П. Макарова (1803): *аттицизм* (I, с. 158), *героизм* (III, с. 199—200; IV, с. 112), *моралист* (I, с. 9), *романизм* (романическое; IV, с. 80). У Пушкина (кроме тех, которые зафиксированы словарем 1847 г.): *вандализм*, *героизм*, *журнализм*, *идеализм*, *идеологизм*, *либерализм*, *мартинизм* и *мартинист*, *моралист*, *онанизм*, *паганизм*, *прозаизм*, *радикализм*, *скептицизм*, *феодализм*, *цинизм* (*кинизм*), *эмпиризм*, *энциклопедист*.[199] У Н. Полевого: *анакреонтизм* (I, с. 440; там же *тибуллизм*, *горацианизм*); *басист* (играющий на басе; II, с. 435; ср. также *цимбалист*); *дористист* и *грессетист* (последователи Дората и Грессе; I, с. 444); *идеализм* (I, с. 149; там же *реализм*, *трансценденталиэм*); *исламизм* (I, с. 290; II, с. 81, 343, 377, 379); *карамзинизм* (I, с. 159, 162) и *карамзинист* (I, с. 105); *либерализм* (II, с. 287); *лиризм* (I, с. 448); *руссизм* (I, с. 161, 378, 411); *терроризм* (II, с. 287); *феодализм* (I, с. 280); *шеллингизм* (II, с. 287); *эллинизм* (I, с. 435) и др. В «Библиотеке для чтения» Сенковского за 1834 г.: *консонантизм* (II, с. 60); *лунатизм* (I, с. 22); *магнетист* (магнетизер; III, с. 32); *мелодраматист* (XII, с. 106); *месмерист* (III, с. 25); *методизм* (секта; I, с. 9); *ориенталист* (I, с. 16); *сенсимонист* (I, с. 56); *славянизм* (в смысле «славянское начало», «славянство»; I, с. 40); *сомнамбулизм* (III, с. 25); *финнизм* (I, с. 37); *шиллеризм* (I, с. 14); *шлецерист* (последователь или сторонник Шлецера; I, с. 58); ср. также *идрофилизм* («любоводье»; V, с. 116) и др. В «Библиотеке для чтения» за 1835 г.: *архаизм* (II, с. 135); *колорист* (II, с. 184); *мистицизм* (II, с. 125); *пейзажист* (II, с. 148); *пиндаризм* (II, с. 232); *платонист* (I, с. 25; платоник); *террорист* (II, с. 100); *трансценденталиэм* (II, с. 135); *шарлатанизм* (II, с. 134; и рядом: *шарлатанство*); *шеллингизм* (II, с. 58); *энгрист* (последователь художника Энгра; II, с. 120) и др.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы об истории заимствования слов этих разрядов в XVIII—первой трети XIX в.

1. На протяжении всего XVIII в. происходит заимствование слов с суфф. *-изм* и *-ист*, причем некоторые из них следует признать уже прочно закрепившимися в русском языке (ср. *артиллерист*, *махинист* (*машинист*), *механизм*). Однако это еще заимствование ограниченное; в русском языке акклиматизируются отдельные слова этого рода, как правило не представляющие активного словообразовательного разряда.

Единственное исключение составляет рано формирующаяся группа существительных с суфф. *-ист*, обозначающих музыкантов-инструменталистов (из 30 слов с этим суффиксом в Слов. Сок. 8 относятся к этой группе, а практически их употреблялось в первой четверти XIX в. больше; ср. *басист*, *гуслист*, *кларнетист*, *пианист*, *цимбалист* и нек. др.; ср. также наименования певцов по голосу: *альтист*, *басист*, *тенорист*). Более других разрядов представлены также наименования иных профессий и специальностей. Можно заметить, что среди наименований лиц на *-ист* встречаем ряд существительных, конкурирующих на протяжении XVIII в.—первой трети XIX в. с другими образованиями, но затем усту-

[198] Ср. в упомянутой работе Г. Хютль-Ворт еще следующие слова со ссылками на произведения Карамзина: *артист*, *галлицизм*, *журналист*, *кальвинист*, *магнетизм*, *методист* (сектант), *механизм*, *эгоист*, *энциклопедист*.

[199] См. примеры в Слов. яз. Пушкина (преимущественно из произведений и писем 30-х гг.).

пающих им место и выходящих из употребления. Ср. *алхимист* и *химист*, *драматист*, *компонист*, *прозаист* и нек. др.

2. На протяжении всего XVIII в. и в начале XIX в. еще слабо выражена соотносительность существительных на *-изм* и *-ист*. Это связано с ограниченным тогда числом заимствований этого рода, обозначающих определенное направление в общественной жизни, науке, философии и т. д. и соответственно — последователей этих направлений. Вообще следует заметить, что заимствование существительных с суфф. *-ист* явно опережало заимствование существительных с суфф. *-изм* (*материалист* предшествует появлению слова *материализм*, *мартинист* — слову *мартинизм* и т. д.).

3. Почти полностью отсутствовали существительные с этими суффиксами, образованные на русской почве и от русских основ. Единственное раннее исключение составляет слово *гуслист*.[200]

4. Приток в литературный язык этих существительных усиливается с конца XVIII в. и постепенно нарастает в первые три десятилетия XIX в. Этому много способствовала карамзинская школа «нового слога», а затем развитие журналистики в 20-х гг. XIX в. (ср. примеры новых слов этого рода в «Московском телеграфе»).

Резкое изменение положения наступает с 30-х гг. XIX в. В этом смысле очень показательную картину дает язык произведений Белинского. В произведениях и письмах Белинского является более 130 существительных с суфф. *-изм* и более 80 — с суфф. *-ист*. Само по себе такое изменение количественных соотношений этих двух разрядов уже показательно. Среди существительных на *-изм*, употребительных у него, первое место занимает группа слов, обозначающих направления в общественной жизни, философии, религии, литературе и искусстве (более 60 слов);[201] второе — отвлеченные существительные, обозначающие качества или свойства (или какое-нибудь начало, принцип) и синонимически соотносящиеся прежде всего с существительными на *-ость*, а также

---

[200] Впрочем, ср. любопытное индивидуальное образование *яканист* как синоним слова *эгоист* в словаре П. Жданова «A New Dictionary English and Russian». СПб., 1784. См. этот пример в упомянутой ранее книге Г. Хютль-Ворт (при слове *эгоист*).

[201] Ср.: *аскетизм* (VII, с. 49, 194), *байронизм* (III, с. 68), *браминизм* (V, с. 576; VI, с. 101), *буддизм* (V, с. 576; VI, с. 101), *гегелизм* (VIII, с. 502; XI, с. 552) и *гегелианизм* (VII, с. 50), *гомеопатизм* (I, с. 256; рядом *гомеопатия*), *дуализм* (X, с. 185), *европеизм* (I, с. 39; II, с. 24; III, с. 248; IV, с. 580; V, с. 95, 146, 326; VII, с. 443; VIII, с. 72; IX, с. 95; X, с. 263 и др.), *идеализм* (II, с. 90; VI, с. 588, 614); *индифферентизм* (VII, с. 35, 346; IX, с. 226; X, с. 215), *исламизм* (V, с. 101, 292, 671), *католицизм* (I, с. 67; V, с. 559 и др.), *китаизм* (III, с. 225; IV, с. 489; VII, с. 270; VIII, с. 464; X, с. 218 и др.), *классицизм* (I, с. 67; VI, с. 247 и мн. др.); также *псевдоклассицизм* (III, с. 428; IV, с. 150, 163, 552; VIII, с. 56; IX, с. 77 и мн. др.), *неоклассицизм* (VII, с. 407), *космополитизм* (X, с. 198), *критицизм* (I, с. 357; II, с. 9, 21; III, с. 432 и др.), *либерализм* (VII, с. 388), *материализм* (I, с. 47; V, с. 155 и др.), *мессианизм* (X, с. 265), *мистицизм* (I, с. 49; X, с. 258 и мн. др.), *мухаммеданизм* (II, с. 36), *натурализм* («натуральная школа» в литературе; X, с. 270, 288—290, 302, 315), *нигилизм* (II, с. 90; X, с. 185), *обскурантизм* (VIII, с. 503; IX, с. 163, 226; X, с. 214), *пантеизм* (V, с. 104, 640), *папизм* (VIII, с. 152, 226), *патриотизм* (III, с. 290; VII, с. 348 и др.; ср. также *лжепатриотизм* VIII, с. 45), *пиэтизм* (VII, с. 165, 241; VIII, с. 113; X, с. 108), *политеизм* (VII, с. 322), *пуризм* (V, с. 620; VIII, с. 480; X, с. 281), *пуританизм* (XI, с. 167, 209), *рационализм* (II, с. 562; IX, с. 226), *реторизм* (направление в литературе, противопоставляемое натуральной школе; V, с. 648; VIII, с. 454, 461; X, с. 288), *робеспьеризм* (XI, с. 320), *романтизм* (I, с. 91; VII, с. 247 и мн. др.) (ср. также *quasi — романтизм* VII, с. 271; *псевдоромантизм* V, с. 300; VII, с. 271; VIII, с. 142; *ультраромантизм* VII, с. 194), *сектантизм* (X, с. 306), *сенсимонизм* (I, с. 226), *скептицизм* (XI, с. 227), *славянизм* (славянофильство; VIII, с. 479; ср. *ультраславянизм* IX, с. 205), *стоицизм* (II, с. 468), *схоластизм* (VI, с. 460), *тевтонизм* (X, с. 90), *терроризм* (VII, с. 270), *трансцендентализм* (II, с. 90), *фанатизм* (I, с. 55; VII, с. 155 и мн. др.), *фетишизм* (V, с. 576), *фихтеанизм* (XI, с. 320), *эклектизм* (II, с. 166, 242 и др.), *эмпиризм* (II, с. 240, 545 и пр.), *энциклопедизм* (II, с. 17, 48, 373; IV, с. 13), *эпикуреизм* (I, с. 48; VII, с. 234, 235) и нек. др.

на *-ство* и с прилагательными, употребляемыми субстантивированно в среднем роде для обозначения данных качеств (около 40 слов).[202] Остальные случаи представляют обозначение особенностей языка или слога: *барбаризм*, *галлицизм*. *руссизм* (VIII, с. 574) (ср. также *руссицизм*, I, с. 153), *солецизм* (II, с. 542); общественных явлений и систем: *абсолютизм* (VII, с. 506, 507); *монархизм* (V, с. 346: «монархизм нашел себе естественного союзника в городах, города — в монархизме»; VIII, с. 290: «торжество монархизма над феодализмом»), *пауперизм* (VIII, с. 316; X, с. 109), *феодализм*[203] и нек. др.

В разряде существительных с суфф. *-ист* также около половины (более 30 единиц) составляют имена сторонников различных направлений или последователей кого-либо, прямо соотносящиеся или предполагающие образования с *-изм*.[204] Продуктивной оказывается и группа имен специалистов, особенно писателей по излюбленному жанру (ср., кроме *беллетрист*, *водевилист*, *журналист*, *полемист*, *публицист*, *романист*, *фельетонист*, *юморист*, также *балладист* (I, с. 260; II, с. 382; VII, с. 142); впрочем, и *балладник* (VI, с. 461; VII, с. 167), *драматист* (IV, с. 326; VI, с. 206, 434 и др.; но в других случаях *драматург* и *драмматик*), *идиллист* (IV, с. 550; ср. *идиллик* — V, с. 215,) *одист* (I, с. 201; VIII, с. 432, 585; ср. также *одописец*), *пародист* (IX, с. 254), *поэмист* (I, с. 201), *элегист* (I, с. 103, 260; V, с. 47, 189)). Также специальности ученых: *аналист* (I, с. 266), *ботанист* (X, с. 300), *грамматист* (I, с. 114 и др.), *натуралист* (III, с. 196), *ориенталист* (II, с. 210), *политико-экономист* (III, с. 155),

---

[202] Ср. *азиатизм* (III, с. 225; V, с. 129 («азиатизм в образе жизни»), 133; VII с. 629; VIII, с. 389), *аристократизм* (VIII, с. 185; X, с. 299 и др.), *британизм* (III, с. 329: «направление в религии, политике и гражданском устройстве [Северо-американских штатов] явно отзывается британизмом»), *героизм* (II, с. 67; X, с. 348 и др.), *гиперболизм* (I, с. 363), *гуманизм* (XI, с. 572), *дидактизм* (VIII, с. 308), *драматизм* (I, с. 79; II, с. 271; IX, с. 264; X, с. 316 и др.), *комизм* (I, с. 51; VII, с. 675; X, с. 244 и др.), *лиризм* (лирическое начало, лирика: I, с. 79; II, с. 271; III, с. 429; VIII, с. 66; X, с. 51 и мн. др.), *магизм* («поэтический магизм»; VIII, с. 319), *мелодраматизм* (VII, с. 380; X, с. 361 и др.), *метризм* (мерность (в прозе) V, с. 355), *обсцеизм* (III, с. 215: непристойность; от франц. obscéne), *педантизм* (XII, с. 446), *пластицизм* (I, с. 165; III, с. 428; VII, с. 166; X, с. 83 и др.), *платонизм* (склонность к платонической любви; I, с. 226; IV, с. 44), *плебеизм* (I, с. 314; III, с. 375), *провинциализм* (II, с. 21; VI, с. 361 и др.), *прозелитизм* (XI, с. 345), *публицизм* (публицистичность в литературе; V, с. 650; IX, с. 678), *руссизм* (VII, с. 365; русское начало), *сатиризм* (VIII, с. 376), *сентиментализм* (I, с. 200 и чаще *сентиментальность*), *семинаризм* (XII, с. 446), *символизм* (символичность; V, с. 634), *славянизм* (VII, с. 250 («славянизм слов»); IX, с. 204 («славянское начало»)), *сценизм* («формы классического сценизма» — в театре; VIII, с. 525; XI, с. 574), *татаризм* (V, с. 145; ср. здесь же *татарщина*), *типизм* (типизация, типичность; I, с. 296; II, с. 53; V, с. 318; VI, с. 234 и др.), *тиранизм* (XI, с. 572), *тонизм* (тоничность, стихотворный размер; II, с. 146), *фактизм* (склонность к фактографии; II, с. 125), *цинизм* (I, с. 348; X, с. 289 и др.), *эллинизм* (эллинское начало; V, с. 251). Впрочем, разграничение двух этих групп часто затруднительно; одни и те же существительные могут иметь значение и «направления» и «свойства, качества, начала»; ср. *европеизм*, *индифферентизм*, *мистицизм*. *сентиментализм*, *фатализм* и др.

[203] Любопытно, что у Белинского встречаем и слово *капитализм*, но в смысле начала, характера, свойственного капиталистам, образа их поведения: «как эта черта отзывается мещанством и капитализмом» (VIII, с. 180).

[204] Ср. *байронист* (V, с. 552; VII, с. 310; IX, с. 73), *бонапартист* (VIII, с. 126; IX, с. 81), *бурбонист* (IX, с. 313), *гегелист* (III, с. 50) и *неогегелист* (X, с. 196); *гетист* (V, с. 552; VII, с. 310; IX, с. 73), *деист* (II, с. 471), *жирондист* (VIII, с. 501), *идеалист* (VI, с. 587; VII, с. 484 и др.), *кантист* (кантианец; III, с. 179), *карамзинист* (VI, с. 320—321), *легитимист* (VIII, с. 12; IX, с. 81), *марлинист* (IX, с. 268), *материалист* (VI, с. 587), *наполеонист* (II, с. 471), *натуралист* (последователь натурализма в литературе; IX, с. 290), *националист* (V, с. 295), *пиэтист* (V, с. 543; VIII, с. 490), *пурист* (IX, с. 681; X, с. 281), *сен-симонист* (I, с. 236; II, с. 32, 171), *спиритуалист* (X, с. 28), *ультрамонтанист* (IX, с. 81), *утилитарист* (VIII, с. 286), *фихтеист* (III, с. 179), *шеллингист* (III, с. 179), *шиллерист* (V, с. 552; VII, с. 310), *шишковист* (VI, с. 320—322), *энциклопедист* (I, с. 143; II, с. 240; IV, с. 13, 466) и нек. др.

эллинист (III, с. 46); художников: *мозаист* (V, с. 166), *портретист* (III, с. 364), *типист* (живописец с натуры; ср. наше *жанрист*; V, с. 603); музыкантов: *бандурист* (IX, с. 42), *компонист* (композитор; III, с. 120), *лютнист* (II, с. 520) и т. п.[205]

Обращает на себя внимание многочисленность существительных, произведенных от собственных имен (как существительных на *-изм* со значением направления в общественной жизни, науке, философии или литературе и со значением совокупности особенностей стиля; ср., напр., *марлинизм* (VII, с. 672; IX, с. 264), так и существительных на *-ист* (со значением сторонников данного лица или последователей его направления).

Это открывало простор для свободного образования данных существительных ad hoc. Действительно, часть употребительных у Белинского существительных следует признать образованными окказионально, им самим или в его время (ср. хотя бы *марлинизм* и *марлинист; брамбеизм* (II, с. 34); для обозначения направления «Библиотеки для чтения» Сенковского (барона Брамбеуса)). Таким образом, в 30-е гг. является производство новых существительных на *-изм* и *-ист* с указанными выше значениями от собственных имен русских деятелей (ср. еще *шишковист*, *карамзинист*; образованными непосредственно на русской почве, являются и *русизм*, *татаризм*, *китаизм* и нек. др.). Независимо от того, насколько устойчивыми являлись эти образования, входили ли они в язык или оказывались проявлением лишь индивидуального стиля, сама возможность их появления свидетельствует о решительном сдвиге. Группы этих существительных составили, наконец, активный словообразовательный разряд, а соответствующие морфемы стали привычными средствами русского словообразования.

Обращают на себя внимание у Белинского три эмоционально-оценочных существительных, образованных от русских основ: *глупицизм* (I, с. 69: «никогда не проявлялось в Европе такого дружного и сильного стремления сбросить с себя оковы *классицизма*, *схоластицизма*, *педантизма* или *глупицизма* (это все одно и то же)»), *дуризм* (Письмо к В. П. Боткину от 5 ноября 1847 г.; XII, с. 404: «Черт возьми, да это уже был бы не фанатизм, а дуризм») и *подьячизм* (II, с. 204: «И теперь некоторые „светские“ журналы.. отчаянно отстаивают *подьячизм* в языке»). Несмотря на свою экстравагантность (или, может быть, как раз благодаря ей), эти «образные» и летучие неологизмы придают особую жизненность заимствованным морфемам, принимающим участие в их образовании. Морфема становится легко вычленимой, прямым носителем не только абстрактного, аналитически познаваемого, грамматического значения, но и более конкретного, «лексического». Уже в 30—40-х гг. находим мы и примеры лексикализации этих морфем, употребления их как своего рода отдельных слов.[206] Симптоматично, что конкретное значение этих самостоятельно употребляемых морфем оказалось связанным с наиболее активными, живыми в это время разрядами слов на *-изм* и *-ист*. *Изм* (*измы*) в этом случае имеет обычно значение: «какое-то направление, течение» (реже «совокупность свойств или отдельная особенность языка, слога»); *ист* (*исты*): «последователи или сторонники кого-, чего-либо» (реже «специалисты в какой-либо области»).

[205] Из других имен специалистов встречаем: *букинист* (I, с. 189; III, с. 384 и др.), *копист* (копиист; II, с. 132; VII, с. 441); *юрист* (III, с. 223), ср. также *капиталист*, *монополист*, *семинарист*, *турист*. Другие наименования лиц по их склонности к чему-либо: *авантюрист* (VII, с. 571), *бонмотист* (III, с. 391), *дуэлист* (VII, с. 569), *комфортист* (V, с. 144), *панегирист* (VII, с. 63; X, с. 214), *силлогист* (X, с. 32), *фактист* (II, с. 233).

[206] Наиболее сильной была лексикализация суфф. *-изм*. Только недоразумением следует объяснить, что ни один из существующих толковых словарей не дает отдельной статьи на слово *изм*(ы).

Ранний пример такого «разложения» см. в комедии А. Шаховского «Пустодомы» в ответной реплике Радимова на перечисление любомудром Инквартусом названий философских направлений (стоицизм, скептицизм, реализм, ихтеизм, идеализм, платонизм и др.): «Этих *измов* всех откуда ты набрался» (А. Шаховский. Пустодомы. СПб., 1820, с. 57).

Ср. у Белинского: «Наш юный критик.. находит в ней [книге] какой-то *дуализм*, тогда как изо всех возможных *измов* в ней можно было найти только разве нигилизм» (X, с. 185); «А газетёры, журналисты, фёльетонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другие „исты"?» (VI, с. 75). С 40-х гг. такие случаи все более типизируются и становятся обычными. Вот некоторые примеры такого употребления: «Словарь солецизмов, варваризмов и всяческих *измов* современной русской литературы» (название статьи С. Шевырева против Герцена; Москвит., 1848, ч. I); «Так было и с нашими ближайшими предками. Им было очень скучно, и у них существовала действительная потребность занять мозги какими-нибудь размышлениями, но почему выписывался из-за границы мартинизм, или байронизм, или гегелизм — на этот вопрос не ищите ответа в органических потребностях русских людей. Все эти *измы* выписывались единственно потому, что они были в ходу у европейцев» (Писар., III, с. 7—8); «Новомодный аристократизм à la „Весть", вреднейший изо всех „измов"» (Н. Данил., с. 132); «На Западе никто не дает повода к переменам в наших *измах* [т. е. в наших политических направлениях]» (Библ. для чт., 1865, № 4, с. 109); «В тех случаях, когда автор [Лесков] не является пасквилянтом-сочинителем „Некуда", с пеною у рта накидывающимся на всевозможные „измы", ему нельзя отказать даже в известной симпатичности и теплом отношении к выводимым им личностям» (Дело, 1880, № 5, Новые книги, с. 141—142); «В нашем обществе народились всякие „исты" и „маны", с каким-нибудь собственным или нарицательным именем впереди» (Библ. для чт., 1865, № 4, с. 109); «Все наши партии, все наши *исты* и *илы*, смотрят теперь как-то иначе» (там же, с. 106) и др. под. Ср. любопытный случай образования сложного слова с первой частью, восходящей к суффиксу: «В конце концов г. Лесков, спускаясь по наклонной плоскости „измо"-обличений, преобразуется в олимпийца-охранителя» (Дело, 1880, № 5, Новые книги, с. 141).

В 30—40-е гг. можно отметить обширную группу соотносительных существительных с суфф. *-изм* и *-ист*, которые прочно вошли в литературное употребление (часть из них встречалась в употреблении уже и ранее). К таким словам принадлежат *байронизм—байронист*, *бонапартизм—бонапартист*, *буддизм—буддист*, *гуманизм—гуманист*, *деизм—деист*, *дуализм—дуалист*, *европеизм—европеист*, *индифферентизм—индифферентист*, *исламизм—исламист*, *квиетизм—квиетист*,[207] *коммунизм—коммунист*, *легитимизм—легитимист*, *материализм—материалист*, *национализм—националист*, *нигилизм—нигилист*,[208] *пантеизм—пантеист*, *пессимизм—пессимист*,[209] *пиетизм—пиетист*, *пуризм—пурист*, *рационализм—рационалист*, *реализм—реалист*, *роялизм—роялист*, *сенсимонизм—сенсимонист*, *социализм—социалист*, *спиритуализм—спиритуалист*, *терроризм—террорист*, *туризм—турист*, *универсализм—универсалист*, *утилитаризм—утилитарист*, *утопизм—утопист*, *фатализм—фаталист*, *фурьеризм—фурьерист*,[210] *энциклопедизм—энциклопедист* и нек. др.

[207] Ср. «Идеи абсолютного невмешательства и невозмутимого квиетизма» (В. Милют., с. 96).

[208] О *нигилизме* см. подробнее гл. I, с. 60.

[209] См.: «Скучная медицина сделала тебя невыносимым пессимистом» (А. Дружинин. Фрейлейн Вильгельмина; Совр., 1848, № 6, с. 103).

[210] Ср. в статье «Гуманизм» (Плюшар, XV, с. 236) *сенсимонисты*, *фурьеристы*.

Ср. другие существительные на *-изм*, имеющие в качестве своей пары среди обозначений лиц образования не на *-ист*: *аристократизм*, *аскетизм*, *дендизм*, *дилетантизм*, *иезуитизм*, *космополитизм*, *критицизм*, *либерализм*, *мистизм*, *обскурантизм*, *платонизм*, *неоплатонизм*, *протестантизм*, *радикализм*, *скептицизм*, *стоицизм*, *фанатизм*, *феодализм*, *цинизм*, *эклектизм*, *эпикуреизм* и нек. др. С этого же времени укореняются и существительные с суфф. *-изм*, обозначающие отвлеченно качества, свойства или явления, а также какую-либо систему: *идиотизм* (равно нашему *идиоматизм*), *катаклизм*, *комизм*, *лаконизм*, *неологизм*, *остракизм*, *пароксизм*, *пауперизм*, *провинциализм*, *прозаизм*; ср. также *организм*, *химизм* и др.[211] Ср. существительные на *-изм*, наряду с которыми имеются существительные на *-ист*, но не соотносящиеся и не подчиненные им по значению: *германизм*, *русизм*, *славянизм*, *эллинизм* и нек. др.

Из существительных на *-ист*, не соотносящихся прямо с существительными на *-изм*: *беллетрист*, *водевилист*, *жанрист*, *новеллист*, *памфлетист*, *полемист*, *фельетонист*, *юморист*, *букинист*, *мануфактурист*, *телеграфист*, *экономист* и (*политико-экономист*), *лингвист*, *авантюрист*.

В 50—70-е гг. круг существительных продолжал расти, главным образом за счет разряда, обозначающего определенные общественные литературные и научные направления и их приверженцев, образованных по преимуществу от имен собственных. Ср., напр., *бисмаркизм—бисмаркист*, *дарвинизм—дарвинист*, *жоржзандизм—жоржзандист*, *мадзинизм—мадзинист*, *прудонизм—прудонист* и др.; *анимизм—анимист*, *детерминизм—детерминист*, *конституционализм—конституционалист*, *милитаризм—милитарист*, *объективизм—объективист*, *парламентаризм—парламентарист*, *позитивизм—позитивист*, *субъективизм—субъективист*, *централизм—централист*; ср. также непарные образования: *демократизм*, *карбонаризм*, *радикализм*, *республиканизм*, *спиритизм*, *эстетизм*, *юридизм* и т. д.; *овэнист* (Добр., IV, с. 36; от имени Р. Оуэна), *прогрессист*, *пропагандист* и т. д. Ср. некоторые примеры из публицистики этого времени: «Народ [в Милане] увлекается несколько мадзинизмом» (СПб. вед., 1861, № 7, с. 32); «Я всегда прихожу в некоторый род умиления при виде канцелярского юпитеризма» (Русск. слово, 1862, № 4, Современная летопись, с. 19); «Эта ненависть положила широкое основание будущему господству санкюлотизма» (Писар. (Павл.), III, с. 202); «Самыми характеристическими.. явлениями в этой области изящного [театре] есть водеви-

---

[211] Вот еще некоторые примеры из произведений конца 30—40-х гг.: «Крайность самоубийственного иогизма истекает из тех же начал шиваизма.. Отвлеченнейшее из всех вероучений, будгаизм, с одной стороны, разрешается в созерцательный нигилизм, а с другой — переходит в самый грубый фетишизм» (Хом., I, с. 303); «Результатом французского философизма был материализм» (М. Бакунин. Гимназические речи Гегеля; Моск. наблюд., 1838, № 1, с. 13); «Право римского гражданина над рабом точно так же, как право английского манифактуриста над работником, есть право силы» (В. Майк., II, с. 72); «Некому было думать ни о славянизме, ни о европеизме в России» (там же, I, с. 252); «Шеллингизм уступил влияние аналитической школе, возникшей во Франции». (там же, II, с. 44); «Таков.. макиавелизм, учение, рассматривающее все общественные вопросы с точки зрения политической» (там же, II, с. 13); «Кантемира нельзя назвать ни ретористом, ни холодным подражателем классических писателей» (С. Д [удышкин]. Сочинения Кантемира; Совр., 1848, № 11, с. 5); «В Таците за оригинальным стилистом не видели человека с характером» (А. Кронберг. Драматическая литература в Германии; Совр., 1848, № 3, с. 37); «Главные отличительные черты трех последних столетий составляют протестантизм и преобладание монархизма» (Совр., 1849, № 2, Новые книги, с. 113); «Весь этот византизм и готизм был не по натуре итальянцам» (Герц., V, с. 82), «Дух прозелитизма обладает всяким учителем» (Е. Вельтман. Виктор; Москвит., 1853, № 4, с. 303); «Идеалисты находят в анализме науки хитро скрытый материализм» (Герц., III, с. 22); «Г. Искандер развил свой слог до чистого голословного искандеризма как выражение его собственной личности» (С. Шевырев. Очерки современной русской словесности; Моквит., 1848, кн. 1, с. 41) и мн. др.

лизм и мелодраматизм» (Н. Соловьев. Суета сует; Всем. труд, 1867, № 2, с. 183); «Все проекты могли быть основаны только на идее республиканизма» (Н. Шелгунов. Очерки из истории Соединенных Штатов; Русск. слово, 1864, № 3, с. 93); «Первоначальный принцип пенитенциаристов, по которому исправление преступника поставлялось целью наказания, остался в той же силе» (Дело, 1869, № 7, Новые книги, с. 20); «Надобно самому чувствовать „жоржзандизм“.., а не чувствуя его, нельзя рисовать жоржзандистов» (Н. Шелгунов. Люди 40 и 60-х гг.; Дело, 1869, № 10, с. 24); «Изредка историки-централисты, как напр. С. М. Соловьев, касались Волги и ее исторического прошлого» (Д. Мордовцев. Печать в провинции; Дело, 1875, № 9, с. 63); «XIX столетие.. получило название века секуляризма, позитивизма и дарвинизма» (М. Триго. Религиозные секты в Америке; Дело, 1876, № 2, с. 261); «В средние века велись длинные препирательства насчет так называемого „детерминизма“ и свободы воли» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, № 9, с. 87); «Слабый голос оппозиции заглушается звуками дифирамба бисмаркизму» (Дело, 1875, № 9, Политическая и общественная хроника, с. 172); «Я давно замечаю в нем какой-то мизантропизм, — с грустным вздохом созналась генеральша» (Е. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 7, с. 116); «В „Баядерке“ Гете опять не индиец-пантеист, а спинозист» (Н. Языков [Шелгунов]. Пророк славянофильского идеализма; Дело, 1876, № 9, с. 23) и мн. др.

В 50—60-е гг. разряд существительных на *-ист*, обозначающих «специалистов», пополнился новыми наименованиями художников по жанру их творчества: *баталист, маринист*;[212] ср. также *колорист*: «Господа русские пейзажисты, колористы, жанристы, портретисты и, наконец, баталисты! Я становлюсь на вашу сторону...» (Художник-любитель. Невменяемость в искусстве; Дело, 1870, № 11, с. 138). Ср. и отдельные профессиональные термины, напр. *криминалист, сигналист*: «Этим-то малым телеграфом управляет сигналист» (Я. Вейнберг. О воздушных и электрических телеграфах; Москвит., 1853, № 6, с. 43). Широко распространенным было слово *мазурист* — «искусный танцор мазурки».

* * *

Самым характерным явлением для данного времени было активное и свободное образование этих существительных на русской почве. Конечно, большей частью эти образования носят окказиональный характер, но некоторые из них прочно вошли в словарный состав русского языка. Первое место по количеству новообразований занимает, естественно, разряд существительных, обозначающих определенные общественные направления и сторонников этих направлений. Они образуются главным образом от собственных имен, напр. *бакунист, ткачевизм*; ср.: «Столкновением произвелись партии враждующие: герценистов, ультралибералов или народников» (Лит. насл., т. 22—24, М., 1935, с. 148); «Наши шедоферротисты» (Н. Данил., с. 70; Шедо-Ферроти — агент русского правительства, выступавший с клеветой на Герцена) и др. под.

Не ранее 40-х гг. сложилось и обозначение участников декабрьского восстания 1825 г. как *декабристов*.[213] Ср. в дневнике Герцена от 26 марта 1842 г.: «Даже легкое наказание его [М. Орлова] в сравнении с другими декабристами не нравилось» (II, с. 202). В подцензурной печати слово

[212] Ср. замечание Ф. Б. (Булгарина) по поводу этого слова: «По-русски говорят: морской живописец или живописец морских видов, а не *маринист*!» (Сев. пчела, 1854, № 76, с. 319).

[213] См. об этом в статье С. А. Рейсера (Из разысканий по истории русской политической лексики («Декабрист»)). (Труды Ленинградского Библиотечного института им. Крупской, т. I, Л., 1956, с. 244—255).

появилось уже в 60-х гг. Ср.: «Скромность умственных и нравственных требований была доведена до такой кроткой благонамеренности, что Василий Иванович [Базаров] даже в 1859 г. боялся произнести слово „декабристы“» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 12, с. 36). Ср. еще ряд образований (нередко эмоционально подчеркнутых) от русских имен нарицательных: «Единодержавие, поражая уделизм, поражало вместе с ним неразлучное начало вольницы» (Н. Костомаров. Стенька Разин и удалые молодцы XVII в.; Саратовские губернские ведомости, 1853, № 14, с. 59); «[Катков] внезапно почувствовал себя неистовым патриотом, неистовым самодержистом, террористом» (Герц., XVIII, с. 269—270); «[В закрытом характере бурсы] должно искать причину и того, что формы бурсацизма в нашем училище сложились так оригинально и так неискоренимо» (Помял., II, с. 94;[214] «— А вы *бракист*? — *Что-о?* — даже испугался Пужбольский. — Вы за брак? За церковный брак?» (Маркев., III, с. 79—80; в речи «нигилистки»). Наиболее устойчивым из них оказалось *службист*, возникшее, всего вероятнее, в военной среде для обозначения ревностных служак. Ср. у Лескова: «— У нас, как я с Кавказа перевелся, — начал майор, — был полковник, превеселый начальник и службист» (IV, с. 254); «Свиньин был человек не бессердечный, но прежде всего и больше всего „службист“ (тип, о котором нынче опять вспоминают с сожалением)» (VIII, с. 159—160); «[Ключарев] впоследствии служил директором департамента государственного казначейства и был известен как „службист“ и „чиновник с головы до пяток“» (VI, с. 89); у Боборыкина: «В старшем товарище своем Таманцев чуял неизбежную двойственность „службиста“, воображающего, что он — государственный деятель» (IX, с. 38); в воспоминаниях А. Граббе об Аракчееве: «Он был страшный службист, строгий к самому себе и не дававший пощады своим подчиненным» (Русск. стар., 1875, XII, с. 87).[215]

Из существительных на *-изм*, образованных в это время от русской основы, наиболее устойчивым и важным оказался *царизм*. Оно сложилось, видимо, в 80-х гг. в кругах русской революционной эмиграции. Ср. в «Наших разногласиях» Плеханова: «Ведь ко времени полного разрыва народа с царизмом буржуазия может стать всесильной» (1-е отд. изд., Женева, 1885, с. 232).[216]

Из подчеркнуто экспрессивных образований, преследовавших полемико-сатирические цели и связывавших просторечно-разговорную основу с этими книжными суффиксами, помимо упомянутых выше *глупицизм* и *подьячизм*, можно еще указать *четвертачизм*. Ср. у Щедрина: «Четвертачизм, претерпевавший доселе в русской литературе постыднейшее

---

[214] Ср. еще: «Краснов и Разумников [были] представителями прогрессивного бурсацизма» (Помял., II, с. 136); «Пропасть, которая все глубже и глубже росла между тем, что мне давал „новый храм“, и продолжавшимся все еще бурсацизмом рутинного преподавания» (Златовр., Восп., с. 140). На русской почве явилось и сущ. *семинаризм*: «Нигилизм есть своего рода семинаризм, оторванный от своего слоя» (Н. Соловьев. Разлад; Эпоха, 1865, № 2, с. 38); ср. еще у Белинского (в письме к В. П. Боткину от 2—6 декабря 1847 г.): «отсутствие педантизма и семинаризма» (XII, с. 446).

[215] Ср. еще в записях П. Кеппена: «*Халтурист* — так называется тот, который ходит уславливаться о цене за пение (хора) в Москве». В. В. Виноградов причисляет к русским неологизмам этого времени *клубист* (Русск. яз., с. 104 (примеч.)). Однако оно было заимствовано. См. в «Современнике» (1848, № 1, Смесь, с. 75) ссылку на немецкий роман Г. Кенига «Клубисты в Майнце» («Klubisten in Mainz»). См. также это слово у Герцена при описании событий 1848 г. в Париже (V, с. 329).

[216] В легальной русской печати, естественно, это слово не встречается и вообще еще недостаточно прочно утвердилось в языке до конца XIX в. Так, в произведениях Ленина 90-х гг. в этом смысле находим *абсолютизм*, *самодержавие*, *самодержавное правительство*. Но ср. его в ленинских проектах резолюций II съезда РСДРП (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 7, с. 250).

крушение, ..начинает приживаться к ней» (VI, с. 45).[217] У Щедрина же находим и *клубницизм, клубницист* от *клубничка* в экспрессивно-просторечном значении. Ср. в его рецензии на «Бродящие силы» В. Авенариуса: «Клубницизм новейшего времени взрастил два цветка на своей почве: гг. Стебницкого и Авенариуса» (Отеч. Зап., 1868, № 4, с. 209); «[Авенариус] принадлежит к партии так называемых клубницистов, нередко, впрочем, именующих себя столпами и консерваторами» (там же, с. 212; антинигилистические повести Авенариуса вызвали шум в критике того времени из-за явной склонности их автора к «клубничке» и скабрезностям).[218]

Ср. еще *сумбурист*: «Вы сумбурист, милостивый государь, и в вашем сумбуре, составленном из неясных намеков, подмигиваний, жалких слов, находят для себя поддержку весьма скверные инстинкты людей, питающихся вашими произведениями» (неподписанное «Письмо Каткову» в либеральной газете «Голос», 1879, № 82, с..1). Наиболее популярным из таких образований оказалось *ерундист*.[219]

Пополнение разрядов существительных с суфф. *-изм* и *-ист* шло в XIX в. непрерывно и продолжается еще и теперь. Однако можно смело сказать, что высшая точка употребительности слов с этими суффиксами падает на время около середины XIX в. Это объясняется в частности сильным воздействием на определенные стили литературной речи этого времени французского языка, где образования на -isme и -iste были особенно распространены. Во всяком случае, мы можем отметить с начала века и вплоть до 60-х гг. такие существительные на *-изм* и *-ист*, которые позднее уйдут из употребления и будут заменены иными образованиями. Нередко эти образования и тогда варьируют с образованиями другого типа. Ср. хотя бы следующие примеры: «Всего ревностнее мы искали тогда в Европе металлургистов для наших печерских рудников» (Карамз., ИГР, X, с. 257; Яновск. дает еще на равных правах параллельные образования: *металлург*, *металлургик* и *металлургист*); «Тогда еще не было таких благоприятных случаев к соревнованию, какими пользуются нынешние поэты и прозаисты» (И. Дмитриев. Стихотворения. Изд. 6, I, СПб., 1823, От автора); «Турнфор, славной ботанист и путешественник» (Карамз., ПРП, V, с. 287; уже Слов. 1847 дает только *ботаник*); «Химист Синезий назван Синецием» (Н. Ястребцов. Литературное обозрение и заметки; Русск. вестн., 1861, № 7, с. 31) (ср. также и *алхимист*); «Против этого возражает эмпирист» (Посторонний сатирик [М. Антонович]. Любовное объяснение с «Эпохой»; Совр., 1864, № 10, с. 262) (Д[1] дает только *эмпирик*); «Талант г. Островского как искусного фотографиста отживших типов мы не отрицаем» (Н. Языков [Шелгунов]. Бессилие творческой мысли; Дело, 1875, № 4, с. 51); «Пользуясь тупоумием некоторых оппозиционистов, кавуровские журналы пускают пыль в глаза добродушным читателям» (Добр., VII, с. 35); «Старик Кавур.. если ценил кого-нибудь, то лишь компанию важных особ, таких же аристократов и обскурантистов, как он» (Добр.,

---

[217] Поводом для образования этого сатирического «термина» послужила клеветническая выходка Каткова в «Русском вестнике» 1861 г., пытавшегося обвинить русскую литературу в корыстных поползновениях и продажности. Об этих обвинениях Щедрин писал тут же: «Четвертака, дескать, при них [писателях] плохо не клади — стащут!».

[218] У других авторов иные образования. Ср.: «Писемский.. вообразил, что жоржзандизм есть клубничность» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 10, с. 33); «Г. Авенариуса много упрекали в клубничестве» (А. Скабичевский. Русское недомыслие; Отеч. зап., 1868, № 9, с. 44); «Аристократ, — рассудил он [«нигилист» Левиафанов о графе Завалевском], — клубничник» (Маркев.. III, с. 185).

[219] См. подробнее о нем в гл. III, с. 485.

VII, с. 44); также *рутинист* наряду с *рутиньер* и *рутинер*).[220] Ср. также существительные на *-изм*, которые позднее заменились образованиями с суфф. *-ство* или *-ость* и др.: «Предметы, о которых автор желал бы полемизировать, суть: свет, тяжесть, теплота, магнетизм, электризм, химизм и гальванизм» (Д. Велланский в объявлении о выходе в свет его «Опытной наблюдательной и умозрительной физики»; Сев. пчела, 1832, № 133; в Слов. 1847 только *электричество*); «У римлян между плебеизмом и патрицизмом шла постоянная борьба» (Н. Шелгунов. Главные моменты в истории Европы; Русск. слово, 1865, № 1, с. 85; позднее — *плебейство*, *патрицианство*); «Боссюэтов галликанизм не ограничился дипломатическою формальностью» (И. Киреевск., I, с. 230); «Как скоро .. лютеранизм .. почувствовал себя твердым» (Благ., с. 44);[221] «„Художественность“ и „памфлетизм“ — понятия не противоположные» (Incognito [Е. Зарин]. Между старым и новым; Отеч. зап., 1865, т. CLIX, с. 527); «Теоретизм и иностранство Петербурга» (Совр., 1864, № 5, Внутреннее обозрение, с. 93); «Специализм, хотя и не тесный, не немецкий — вот что требуется от современного писателя» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 27) (позднее *специализация*); «Абсолютизм.. довел экономистов до самого пошлого доктринаризма» (Н. Соколов. Начала народного хозяйства; Русск. слово, 1862, № 5, с. 38; ср. *доктринерство*) и т. п.[222]

До последней трети XIX в. обычными были образования для обозначения направлений немецкой классической философии и их последователей: *гегелизм—гегелист*, *шеллингизм—шеллингист*, *кантист*, *фихтеист*.[223] В конце века они сменяются на *гегельянство—гегельянец*, *шеленгианство—шеллингианец* и т. п. В этом случае бесспорно немецкое влияние (ср. Hegelianer и т. д.).[224] Ср. еще появляющиеся к концу века

---

[220] П. Кеппен в своих рукописных материалах отмечает две формы: *рутинист* и *рутинер*. Ср.: «Общественное воспитание Англии, которым восторгаются наши рутинеры, одно из самых узких и односторонних» (Благ., с. 48); «Рутинеры рассуждают обо всем» (Т. З. [Н. Шелгунов]. Френологическая оценка..; Русск. слово, 1865, № 1, с. 44); но: «Окружите себя свежими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами» (Герц., XV, с. 53); «Всякого нововводителя рутинисты называют невеждою» (Черн., VII, с. 771).

[221] Также обычно для первой половины XIX в. *папизм* вм. позднейшего *папство*.

[222] Вообще можно отметить более свободную в середине XIX в., нежели позднее, вариантность суффиксальных образований на *-ство* и *-изм*. Ср., напр., у Добролюбова образования на *-ство* даже там, где и тогда были обычными существительные с суфф. *-изм*: «Он заражен страшными предрассудками, из которых самое важное консерваторство» (Дневн., с. 154); «Бобрищев возражает, как видите, с точки зрения зеленоватого либеральства» (IV, с. 383). Впрочем, в последнем случае возможен выбор малораспространенного варианта по стилистическим причинам (оттенок иронии).

[223] Ср. у Белинского: *гегелизм—гегелист* (и *неогегелист*), *кантист*, *фихтеист*, *шеллингист*; ср. также: «Таково было мнение.. не одних шеллингистов» (И. Киреевск., I, с. 92): «Мы в этом отношении не похожи на гегелистов прошлого поколения» (Писар., III, с. 9) и т. д.

[224] Впрочем, на русской почве уже с XVIII—начала XIX в. были *вольтерианец* и *вольтерианство*, *картезианец*, *республиканец* и нек. др. Изредка встречаются образования на *-анец* как параллельные к формам на *-изм*, *-ист*, и в первую половину XIX в. Ср.: «Теперь уже не может быть ни вольтерианцев, ни жан-жакистов, ни жан-павлистов, ни шеллингиянцев, ни байронистов, ни гетистов, ни доктринеров, ни исключительных гегелиянцев» (И. Киреевск., I, с. 172). У Белинского: *гегелианец* (XI, 552); у П. Лаврова: «Школы гегельянцев, шеллингистов, кантианцев, гербартианцев» (П. Лавров. Три беседы о современном значении философии. СПб., 1861, с. 13). Характерны промежуточные образования на *-анизм*, иногда являющиеся в 40—80-х гг. Ср. *гегелианизм* у Белинского (VII, с. 50); также в письме Чернышевского к родным от 13 ноября 1846 (XIV, с. 51); *фихтеанизм* (Бел., XI, с. 320, 322), *вольтерианизм* (Герц., III, с. 22), *кантианизм* (Герц., II, с. 114); *утилитарианизм* (примеры см. в гл. I, с. 113).

вагнерианец—вагнерианство,[225] *вегетарианец—вегетарианство*; [226] позднее, в XX в., — *берклеанство*, *термидорианец* [227] и нек. др.

Общие выводы об утверждении этих обширных и продуктивных классов существительных в системе русского литературного языка и об их распространении в литературной речи могут быть следующими.

1) Начало распространения слов этих разрядов падает на последние десятилетия XVIII в., последовательно нарастая на протяжении XIX в. Переломным моментом для судьбы этих разрядов в системе русского словообразования оказываются 30-е гг. XIX в. Именно в это время волна новых заимствований приносит с собой и значительное число слов, принадлежащих к этим разрядам. Особенное значение среди этих существительных получает группа соотносительных существительных с суфф. *-изм* и *-ист*, обозначающих те или иные направления общественной жизни и мысли и последователей этих направлений. Именно в это время начинают более или менее систематически и свободно появляться новообразования на русской почве с данными суффиксами.

2) В 40—60-х гг. продолжается систематический рост этих разрядов слов и расширение их употребительности в различных жанрах и стилях литературной речи. Они являются уже в произведениях не только научных и публицистических, но и в художественно-повествовательной прозе и даже в поэзии. Их находим в языке произведений авторов, принадлежащих к различным общественным группам и литературным направлениям и школам.

3) Отдельные, выделяемые по семантико-грамматическим признакам, группы внутри этих больших разрядов формируются и растут не одновременно и с различной степенью интенсивности. Ранее других составился ряд существительных на *-ист* — наименований музыкантов-исполнителей (в XIX в. он пополнялся лишь отдельными словами, в связи с появлением новых инструментов; ср. *пианист* и *фортепианист*, *валторнист*, *горнист*). В XVIII в. и в начале XIX в. вообще распространение класса существительных на *-ист* опережало усвоение класса отвлеченных существительных на *-изм*, и соотносительная связь между ними была еще слабо выражена. Из существительных на *-изм* ранее всего формировалась группа обозначений языковых и стилевых особенностей (*галлицизм*, *варваризм, солецизм* и др.). В дальнейшем, начиная с 30-х гг., особенно бурный рост наблюдается в группе существительных на *-изм* со значением «направления», обычно предполагающих соотносительные с ними существительные на *-ист*. Эта обширная группа слов сформировалась (в почти современном ее объеме) в 1830—1870 гг. Также интенсивным был и рост существительных на *-изм*, обозначающих отвлеченное свойство, качество (типа *героизм*, *лиризм* и т. п.). Можно отметить, что в этих случаях в указанное время данные образования оказывались предпочтительными; более слабыми их конкурентами были образования на *-ство, -ичность* и т. д. В дальнейшем круг этих существительных, с одной стороны, продолжал пополняться новыми образованиями, обозначающими новые явления (ср. явившиеся к концу века *марксизм*, *социал-демократизм*; в начале XX века *пацифизм*, *большевизм*, *меньшевизм*, *центризм*, *махизм* и т. д.), с другой стороны, некоторые из прежде употребительных слов

---

[225] Ср. у В. Стасова: «Я бы спросил любого самого отчаянного вагнерианца» (I, с. 254).

[226] Слов. Акад. 1892 дает еще *вегетарианизм* и *вегетарианство*. Ср. в повести Н. Бажина: «И с тех пор заинтересовался вегетарианизмом» (История одного товарищества; Дело, 1869, № 4, с. 49).

[227] Ср.: «Умеренные термидористы далеко превзошли террористов» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1862, № 5, с. 34).

этой группы выходили из употребления, сменяясь иносуффиксальными образованиями (см. примеры ранее).

Из наименований различного рода специалистов, образованных с суфф. *-ист*, в XIX в. наиболее интенсивно формировались группы существительных, обозначающих: 1) писателей по жанру их творчества (*романист, беллетрист, новеллист* и др.; позднейшими образованиями XX в. в этом ряду являются сравнительно немногие; ср. *эссеист, сценарист, очеркист*); 2) художников (по жанру их творчества); из поздних образований (XX в.) отметим *анималист, акварелист, офортист, плакатист, станковист, монументалист* и нек. др.; 3) ученых гуманитариев (по стране или народу, определяющему круг интересов). Ср. *эллинист, славянист* и *славист, болгарист, византинист* и т. д. Ср. также *лингвист, грамматист, криминалист* и т. п. Несравненно меньшую активность в течение XIX в. обнаруживают группы существительных, обозначающих специальности технолого-производственные. Отдельные слова этого рода появляются рано (ср. *машинист*; в XIX в. *телеграфист, сигналист* и нек. др.). Особую активность она получает уже в XX в. К XX в. относится и формирование разряда существительных, обозначающих лиц, занимающихся спортом.[228]

4) Образования от русских основ с указанными суффиксами, несмотря на свободу в этом отношении, характерную для времени начиная с 30—40-х гг. XIX в., в основном[229] не выходят за пределы чисто окказионального употребления и обычнее всего представляют слова ярко оценочного, экспрессивного характера. Круг слов этого рода, прочно вошедших в употребление и терминологически определившихся, для XIX в. не велик. Он заметнее расширяется в XX в. (ср. *большевизм, меньшевизм, уклонизм, хвостизм* и др.). Тем не менее это явление следует признать чрезвычайно симптоматичным и показательным.

Разграничить собственно заимствованные элементы в этих разрядах от образованных на русской почве, впрочем, не всегда легко. Превращение этих суффиксов в активные словопроизводственные элементы создавало возможность появления на русской почве новых слов этого типа и от собственно заимствованных слов (ср. *семинаризм, юпитеризм* и нек. др.).

* * *

В других разрядах существительных с суффиксами иноязычного происхождения, в том числе и в очень широко представленных в русском литературном языке этого времени, новообразования единичны и часто стилистически занимают обособленное положение (за исключением существительных с суфф. *-истика*).[230]

Так особое распространение получили в это время заимствованные существительные с суфф. *-ёр* (франц. -eur).[231] Но русские образования

[228] К XIX в., как уже сказано, относится лишь *турист*, но его значение шире, и в группу указанных существительных оно включается позднее. Любопытен факт: даже для занимающихся шахматами в XIX в. обычны наименования описательные, напр. *шахматный игрок*.

[229] За исключением, естественно, образованный от имен собственных.

[230] См. о них ниже.

[231] Из отмеченных у Билфельдта слов этого типа (всего около 80) более одной четверти распространяется и укореняется в русском литературном языке около середины или во второй половине XIX в. Ср. *боксер, бретер, вивер, гипнотизер, доктринер, жонглер, коммивояжер, магнетизер* (с 30-х гг.), *партнер, позер, прожектер, резонер, репортер, рутинер, тапер, фантазер, фарсер, фланер, фразер, фрондер, хроникер, экспортер*. Широко распространились в употреблении этого времени также некоторые слова этого ряда, и ранее встречавшиеся в употреблении (напр., *актер, антрепренер, контролер, парламентер* и нек. др.). Можно указать еще на ряд употребительных в это время существительных, затем выходящих из употребления

с этим суффиксом единичны и не выходят за рамки группового «жаргона». Ср. *скакер*: «— Скакером я не желаю быть, — выговорил князь.. — Ха—ха! Скакером! Что это за слово?.. — В Москве так говорят. Там есть такой спортсмен .. из общества... Давно прожился и ездит за деньги. Его все зовут Квашнин-скакер...» (Бобор., VI, с. 58—59).[232]

Значительна группа существительных с заимствованными суфф. *-ер* (нем. и англ.-er), *-ионер* (франц. -ionnaire), *-атор*. Ср. заимствованные в эту эпоху *бюргер*, *гелертер*, *квакер*, *кельнер*, *лидер*, *фермер*, *филистер*, *шулер* и др.; *реакционер*, *революционер* и др.; *агитатор*, *инициатор*, *интерпретатор*, *кодификатор*, *комментатор*, *компилятор*, *конспиратор*, *новатор*, *организатор*, *плантатор*, *плагиатор*, *популяризатор*, *реформатор*, *сектатор*, *централизатор*, *цивилизатор*, *эксплуататор*, *экспериментатор*, *эмансипатор* и др. Однако образований от русских основ среди этих существительных нет.

Чрезвычайно обширен ряд обильно заимствуемых и в это время существительных с суффиксами отвлеченного значения *-ация* (*-изация*), соотносительных с суфф. *-ировать* (*-изировать*) в глагольном словообразовании. Ср. *агитация*, *акклиматизация*, *апелляция*, *ассимиляция*, *аффектация*, *галлюцинация*, *демобилизация*, *демонстрация*, *децентрализация*, *дискредитация*, *европеизация*, *идеализация*, *изоляция*, *иммиграция*, *индивидуализация*, *инсинуация*, *интонация*, *канализация*, *канонизация*, *капитуляция*, *кассация*, *кодификация*, *колонизация*, *комбинация*, *компиляция*, *компрометация*, *конденсация*, *консервация*, *консолидация*, *конспирация*, *констатация*, *кульминация*, *культивация*, *ликвидация*, *локализация*, *манифестация*, *миграция*, *мистификация*, *мобилизация*, *модификация*, *монополизация*, *мотивация*, *муниципализация*, *объективация*, *ориентация*, *парализация*, *перлюстрация*, *персонификация*, *популяризация*, *поэтизация*, *прокламация*, *реабилитация*, *регламентация*, *реставрация*, *реформация*, *секуляризация*, *спекуляция*, *утилизация*, *фальсификация*, *фиксация*, *фильтрация*, *централизация*, *цивилизация*, *циркуляция*, *экзальтация*, *экспроприация*, *эмансипация* (*эманципация*), *эмиграция* и др. Однако и здесь собственно русских образований почти нет, если не считать образований от этнических наименований типа *русификация*, *славянизация*, *татаризация* (напр., «Как быстро совершалась эта татаризация финских племен; койбалы, например,.. спустя 50 или 70 лет, они уже совсем отатарились» (А. Щапов. Историко-этнографическая организация русского населения; Русск. слово, 1865, № 1, с. 15)) и т. п.

Особое положение занимает разряд существительных с суфф. *-истика*. Он вообще представлен сравнительно ограниченным кругом слов. Ср. заимствованные в это время *атомистика*, *беллетристика*,[233] *журналистика*, *казуистика*, *криминалистика*, *лингвистика* (есть уже в Слов. 1847), *публицистика*, *романистика*, *силлогистика*, *символистика*,[234] *софистика*,

(ср. *ажиотер*: «Настоящим положением Франции — все недовольны, кроме записной буржуази и ажиотеров „во всех родах различных“» (Герц., V, с. 234); *газетер*: [«На Западе] даже бывают такие газетеры, которые, прочтя в другом журнале что-нибудь о литературных плутнях, сейчас же пишут возражения» (Бел., VI, с. 330), наряду с этим и более распространенное *газетчик*; *памфлетер*: «Тьер искусный и бойкий политический памфлетер» (Вяз., IX, с. 197), наряду с этим и *памфлетист*; *полькер*: «Лучший полькер в городе» (Писем., ППС, IX, с. 58); *проектер*: «У этих проектеров [железной дороги] не было четырех су заплатить за стулья» (Москвит., 1853, № 18, Современные известия, с. 49); *эффектер*: «Он ложен, вычурен, фразер, декламатор, эффектер» (Бел., VI, с. 80) и т. п.).

[232] Ср. позднейшие (XX в.) профессионализмы: *башнер*, *шумер*, просторечное *ухажер*.

[233] См. об этом слове гл. I, с. 118—122.

[234] Ср. у Белинского: «[Фишер] доказывает, что 2 ч. „Фауста“ мертвая, пошлая символистика, а не поэзия» (XI, с. 373); у Добролюбова: «Не они [образованные люди] интересуются красноречием и символистикой почтенного автора [А. Н. Муравьева]» (IV, с. 284).

стилистика, *формалистика*,[235] *эквилибристика*, *юмористика*. Ср. также *романистика* (напр., у Белинского: «Между Вальтером Скоттом с одной стороны и Диккенсом и Марриетом с другой — сколько примечательных талантов, большею частию совершенно неизвестных у нас на поприще романистики» (IV, с. 432)). Но именно в этой группе существительных мы встречаемся с рядом слов, несомненно образованных в это время на русской почве, в том числе и от русских основ.

Наличие в этом ряду существительных, преимущественно состоящем из слов, обозначающих различные области ведения или жанры литературы, также таких, которые вместе с тем представляют собою названия разного рода ложных учений и отрицательных направлений в подходе к действительности (ср. *кабалистика*, *казуистика*, *софистика*, *формалистика*, *эквилибристика*), вызвало к жизни в 40—60-х гг. образование аналогичных существительных ярко экспрессивного характера, иронико-осуждающего свойства, главным образом от русских основ, в том числе от слов разговорно-просторечных. Сложившись как броские окказиональные образования, отчасти в разговорной речи той или иной среды (напр., в речи военных, семинаристов и т. д.), отчасти в публицистике, в ходе литературной полемики, некоторые из них затем получили достаточно широкое распространение в различных стилях литературной речи, приобрели права гражданства в литературном языке, пополнив разряд слов резко оценочного характера. Ср. *хамелеонистика* (у Белинского: «Главное, я слишком еще неопытен в хамелеонистике и имею глупость дорожить своими мнениями» (I, с. 86); *фразистика* («Если бы сократить его [И. Тэна] книгу на две трети ее объема, то.. идея автора, освобожденная от излишнего груза фразистики, выиграла бы в своей силе и достоинстве» (Дело, 1871, № 4; Новые книги, с. 121); *ерундистика* (впервые Слов. Акад. 1897; ср.: «— Бедна наша Т. событиями, кои бы описать я мог, а ерундистики писать не хочется» (Чех., I, с. 228));[236] *зубристика* (впервые Слов. Акад. 1907; ср.: «До аттестата зрелости сидит такой малый над зубристикой» (Бобор., V, с. 37)); *шагистика* (см. в материалах Кеппена: Моск. вед., 1857, № 3, с. 11); также в романе А. Шеллера-Михайлова «Лес рубят — щепки летят»: «А шагистика-то? Разве это не полезное? [говорит учитель словесности в военном училище]. — У вас все шуточки, Владимир Иванович, — промолвил Прохоров резко откровенным «кадетским» тоном, — я не насчет шагистики прошу у вас мнения и совета, а насчет книг. О шагистике я уж лучше с теми буду говорить, кто это дело знает» (Дело, 1871, № 6, с. 52); у него же: «Кто в полку не по своему призванию шагистикой занимался» (Шелл.-Мих. II, с. 488); также в образно-переносном употреблении: «Я.. не много смыслю в шагистике науки» (Бод. де Курт., Рец., с. 43). Ср. также *удалистика*, образованное М. Загоскиным в книжке «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского» (М., 1848). По поводу этого рецензент «Отечественных записок» писал: «Богдану Ильичу не нравится, сверх того, слово *юмористика*. Почему же? потому что сочинение, написанное в духе разгульных песен, никто не называет удалистикой! прекрасное доказательство! Слово *юмористика* составлено, по подобию других иностранных слов: „лингвистика“, „стилистика“, „статистика“, от известных прилагательных и на основании известных правил производства. Зачем зашла сюда *удалистика*? Разве прил. *удалый* имеет одинаковое окончание с теми словами, от которых произошло юмористика, стилистика и проч.?» (Отеч. зап., 1848, № 9, отд. VI, с. 42—43). Но, как видим, дальнейшая практика

[235] Ср.: «Путаница семейных отношений, безобразно стоявших на полдороге от формалистики пуританства к практике мормонизма или хлыстовщины» (Добр., IV, с. 10).

[236] См. об этом слове и других производных от *ерунда* также гл. III, с. 484—485.

словообразования не стеснялась нарушением указанной регулярности соотношений; рождались и закреплялись в языке существительные, от русских прилагательных и существительных иного образования (ср. *ерундистика* от *ерунда*; *шагистика* от *шаг* и т. д.).

Ср. также аналогическое образование с вариантом этого суфф. *-астика* (по образцу *гимнастика*, *схоластика*, *фантастика*) *надувастика*: «Вот мне и не хотят простить, что я шестидесятыми годами отзываюсь, что я враг всякой татарской надувастики и рутины» (Бобор., XI, с. 260).[237]

Особо следует в заключение остановиться на некоторых просторечных образованиях существительных, которые иногда приводились в связь с теми или иными разрядами существительных с суффиксами иноязычного происхождения, но не всегда с достаточными основаниями.

Таковы, с одной стороны, образования вроде *надуванция*, *поведенция*, *распеканция*, с другой — *бабенция*, *старушенция*, с третьей — *бумаженция*, *штукенция* и т. п., наконец, одиноко стоящее сущ. *верхотура* и употребляющаяся в значении наречия форма *пехтурой*.

По поводу образования первых двух типов В. В. Виноградов говорит следующее: «В буржуазном просторечии — под влиянием семинарского и чиновничьего диалектов — суффикс *-анци(я)*, *-енци(я)* употреблялся в фамильярных обозначениях лиц и действий: *старушенция*, *распеканция* и т. д.».[238] Однако вряд ли все образования этого рода можно рассматривать с исторической точки зрения в одном ряду. Они появились в разное время, вышли из разной среды, и далеко не все из них, видимо, являются прямыми новообразованиями по образцу заимствованных существительных с указанными суффиксами. Некоторые из них были известны уже в употреблении XVIII в. Ср. в «Письмовнике» Н. Курганова: «Некто кандидат говорил полуросски так: служил де я сорок лет, а капиталу нет, и я де о том юристов просил, но они де хотя и не азардируют ныне на аксиденцию, точно де по новомодной поведенции, очень политично екскузуясь, завтренят и пр.» (Письмовник. 4-е изд., СПб., 1790, ч. I, с. 85). Ср. также примеры на слова *обвиненция*, *поведенция* (и *поведенец*), *заведенция* из диалогической речи простонародного, нелитературного характера в произведениях 20—40-х гг. (А. А. Бестужев-Марлинский, А. В. Тимофеев, Н. А. Полевой, В. А. Соллогуб, в «Повести о капитане Копейкине» у Гоголя).[239] Любопытно, что И. Т. Кокорев ставил появление слов этого типа в полуобразованном кругу в связь с процессом бурного распространения в языке его времени заимствованных существительных с суфф. *-енция*, *-анция* и *-ация*. Ср. иронические рассуждения его в фельетоне «Публикации и вывески»: «*Публикация* прикатила к нам вместе с первым кораблем, в одном и том же тюке, где заключались: *цивилизация*, *аттестация*, *рекомендация*, *амбиция*, *традиция*, *эрудиция*, *кондиция*, *нотация*, *экскузация*, *конкуренция*, *сентенция*, *градация*, *генерация*, *вариация*, *грация*, *репутация* и многое множество всяких *аций*, *анций* и *енций*, содействующих обогащению отечественного

---

[237] От *надуть* см. еще образования с заимствованными суффиксами: *надуванты* («На развалинах старого феодализма утверждалась новая плутократия, и бароны финансового мира, банкиры, негоцианты, коммерсанты, фабриканты и всякие *надуванты* вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения» (Писар., IV, с. 217)) и *надуванция* (см. о ней ниже).

[238] Виноградов, Русск. язык, с. 132. Ср. у него же в другой работе: «Суффиксы *-енци*, *-анци*, *-енц*, генетически восходящие к латинскому языку, проникают в разговорную речь из буржуазного арго, из арго духовной школы, а также чиновничества не позднее начала XVIII в.» (Сб. Вопросы теории и истории языка..., М., 1952, с. 138). Д. К. Зеленин относил появление слов типа *поведенция, лупсенция, изведенция, заведенция, потаканция* к семинарскому жаргону (ср. Семинарские слова в русском языке. РФВ, 1905, № 3—4, с. 112, 115—116).

[239] Цитируются у В. В. Виноградова (см. сб. Вопросы теории и истории языка., с. 138).

языка.. *Публикация* породила у нас, в известном слою общества, *поведенцию* и *надуванцию*» (Москвит., 1850, № 2, отд. VI, с. 12—13). Ср. у него же в очерке «Мое почтение»: «„Мое почтение“ довольно умно намекнул мне давеча, что плутовство дошло теперь до степени науки, ведется тонко, систематически, называется ars naduvandi или, как говорят почтенные торговцы, *надуванция*» (Кокор., III, с. 144).[240]

Из всех этих данных можно сделать вывод, что эти образования начали появляться еще в XVIII в. и продолжали являться в XIX в. Отчасти это были шутливые новообразования на книжный, латинский манер в бурсацкой, семинарской среде. Но некоторые из них обязаны своим появлением и речи тех купцов новой «формации», которые пытались выражаться «по-ученому» и нередко приплетали неуместно в свой разговор иностранные слова, искажая их, переделывали на книжный лад и обычные русские слова.[241] Несомненно, напр., что слово *надуванция* появилось именно в этой среде. Шутливое образование *распеканция* сложилось, бесспорно, в чиновничьей среде и изредка являлось и в сфере литературного просторечия. Ср., напр., в романе Б. Маркевича «Перелом»: «[Юшков] был ужасно встревожен, знал уже о побеге „мерзавца“, успел повидать исправника и задать ему „страшную распеканцию“» (VII, с. 186).[242]

Сложнее история образования фамильярно-просторечных существительных со значением лица (типа *старушенция*) и со значением предметным (типа *бумаженция*). Особенно в отношении первых трудно сказать, чтобы они были непосредственно аналогическими образованиями по образцу заимствованных существительных с суфф. *-енция*. Ведь среди последних нет существительных со значением лица (если исключить сущ. *интеллигенция*, лишь с конца 60-х гг. получившее лично-собирательный смысл).

Из указанных просторечных образований ранее других, несомненно, родилось слово *старушенция*; оно же является и наиболее употребительным среди них. Ср. в рассказе Тургенева «Петр Петрович Каратаев» из «Записок охотника»: «А госпожа-то у ней была богатая, старушенция страшная» (I, с. 315). Во второй половине века это слово является часто, у писателей разных направлений (как в диалоге, так и в авторской речи). Напр.: «Некоторые старушенции с целью заслужить от батюшки-священника одобрение довольно громко всхлипывали» (Левит., Собр. соч., I, с. 581); «За мостом ему нужно было завернуть.. к одной старушенции» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 115); «Гостья моя, должно быть, уже очень большая старушенция» (Леск., ПСС, XVIII, с. 103) и т. д. Как видно, во второй половине века слово заняло прочное положение в литературном просторечии и было известно речи различных социальных слоев. Скорее всего оно представляет собою не прямое новообразование, а своеобразную трансформацию известной старому народно-разговорному языку умень-

---

[240] О том же писал Н. И. Надеждин в статье «Европеизм и народность»: «Так как иноземные слова лились к нам сверху, то они дошли до низа немногими искаженными каплями, в виде самых курьозных сталактитов; зато подали повод к превращению своих собственных слов на щегольскую немецкую манеру: так простой народ толкует о „резонтах“ и гордится своей „поведенцией“» (Телеск., 1836, XXXI, с. 228).

[241] Ср., напр., превосходный портрет такого купца-«европейца» в так называемой «заключительной главе» т. II «Мертвых душ» Гоголя и его речевую партию. Ср. также замечание у Д[1] по поводу слова *поведенция*: «Слово, по Гоголю, галантерейное».

[242] Впрочем, из цитированного высказывания Надеждина, приурочивающего сущ. *поведенция* к простонародной среде, можно сделать вывод, что некоторые из этих искаженных форм были уже достаточно распространены к 30-м гг. XIX в. в различных социальных слоях, не затронутых образованием или полуобразованных. Для образованного круга они были и остались «экзотическим растением», фактами нелитературной речи.

шительной формы *старушенца* (см. эту форму у Д[1]). Эта трансформация совершилась, возможно, не без влияния заимствованных существительных с суфф. *-енция*.

По аналогии к форме *старушенция* явилась в просторечии к концу века *бабенция*. Напр.: «— Мальчик запутался, задолжал, его, говорят, в Петербурге одна бабенция тысяч на двадцать постригла» (А. Будищев. Лучший друг; Нов. время, 1900, № 8739, с. 2). Ср. также *стороженция* (сторожиха): «Прокуренный насквозь, желтобурый, небритый, он даже в классе бредил только одно: „а пойдем затянуться к стороженции“» (Г. Потанин. Уездное училище; Русск. слово, 1865, № 3, с. 3).[243]

Что касается существительных типа *бумаженция*, то они сложились скорее всего в просторечии чиновничьего или семинарского (вообще — школьного) круга под более непосредственным воздействием заимствованных существительных на *-енция*.[244] Ср., напр.: «— Так и бегают по жилам искры, когда в кулаке бумаженцию чувствуешь...» (Чех., IV, с. 345); «— А эта-с штукенция? — запытал он [Шульц], раскатав дорогой соболий воротник» (Леск., III, с. 86); «Ну-с, штукенция в том, братец ты мой, что мы... что, стало быть, если мы делили на два, то ... Постой, я сам запутался» (Чех.,VI, с. 74); «О чудесном произведении Ершова „Конек-горбунок“ Васька не мог говорить без восторга: „Ух! какая, брат, знатная книженция — вот бы украсть!“» (Г. Потанин. Уездное училище; Русск. слово, 1865, № 3, с. 21—22) и т. д.

К середине XIX в. развился и пополнился рядом новых заимствований разряд существительных с суфф. *-ура* (*-юра*). Это главным образом слова с собирательным значением, а также обозначения профессий, званий (ср. *адвокатура*, *кандидатура*, *профессура* и др.). Образований от русских основ по образцу этого активного класса существительных, однако, нет. Правда, в книге В. В. Виноградова «Русский язык» (с. 142) в связи с ними упоминаются просторечные *верхотура* и *пехтурóй*. Но ни первое, ни тем более второе (см. ударение в нем; впервые Д[1]) не имеют к этому разряду никакого отношения. Сущ. *верхотура* (обычно в сочетаниях с глаголами в косвенных падежах) начинает встречаться в жанровых сценах конца века. Ср.: «Гвоздиков сел на конку.. (он ездил всегда «на верхотуре»)» (Чех., I, с. 214); «Нутро [конки] стоит пять копеек, верхотура — три копейки» (там же, III, с. 238); «И вот я еду на конке и смотрю с верхотуры» (М. Альбов. Повести и рассказы. СПб., 1888, с. 459). Это сложившееся в петербургском просторечии конца XIX в. шутливое выражение, видимо, восходит к географическому названию Верхотурье (город в бывш. Пермской губ.).[245]

§ 10. По общему количеству новообразований и особенно по разнообразию активных словообразовательных типов прилагательные, появившиеся и закрепившиеся в литературном языке середины и второй половины XIX в., несколько уступают новым именам существительным. Но тем не менее общее число новых имен прилагательных, нашедших свое место в системе обычных лексических средств русского языка, в это время очень значительно и исчисляется несколькими сотнями слов.[246]

[243] Мещанскому просторечию второй половины XIX в. были известны и формы уменьшительно-ласкательных образований от собственных имен типа *Машенция*, *Наденция* и т. п.

[244] Ср. распространенное в шутливо-фамильярной речи этого времени заимствованное *корпуленция*.

[245] Об образованиях со второй морфологизованной частью *-логия*, *-лог*, *-мания*, *-ман*, *-фил* и т. п. см. далее § 12.

[246] О соотношении и развитии в XIX в. различных словообразовательных типов и разрядов прилагательных см. подробно в книге: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века». М., 1964, с. 277—555.

Причины такого обильного появления новых имен прилагательных в русском литературном языке XIX в. отчасти лежат на поверхности, отчасти требуют специального разъяснения.

Во-первых, образование прилагательных находит свое объяснение в появлении новых имен существительных; последнее влекло за собою и появление соотносящихся с ними прилагательных (ср. *вдохновительный, предпринимательский* при *вдохновитель, предприниматель*; *западнический, крепостнический, народнический, почвеннический, собственнический* при *западник, крепостник, народник, почвенник, собственник*; *добровольческий, переселенческий, повстанческий, постепеновский* при *доброволец, переселенец, повстанец, постепеновец*; *гнилостный, целостный* при *гнилость, целость* и т. п.). Очень обширный круг новых прилагательных соотносится с заимствованными в это время существительными, вошедшими в систему русской литературной лексики. Ср. *индивидуальный* (Кир., Д[1]),[247] *индустриальный* (Толль), *интеллектуальный* (Кир., Д[1]), *интеллигентный* (Д[3]), *кастовый* (Д[1]), *кокоточный* (Слов. Акад. 1911), *компетентный* (Толль, Д[2]), *компромиссный* (Слов. Акад. 1912), *комфортабельный* (Д[1]), *контактный* (Брокг.-Ефр.), *контурный* (Д[1]), *кооперативный* (Толль, Прил., 1866), *кошмарный* (Слов. Акад. 1914), *максимальный* (Брокг.-Ефр.), *маршрутный* (Брокг.-Ефр.), *мускульный* (Д[1]), *паразитный* (Д[1]), *пафосный, плантаторский, плебейский, помпезный, реалистический* (Толль), *саркастический* (Д[1], Толль), *скабрезный, скандальный* (Южаков), *субстанциальный, субъективный* (Д[1]), *тенденциозный, территориальный* (Толль), *тифозный* (Д[1]), *традиционный* (Д[1]), *утилитарный* (Толль, Д[1]), *фактический, федеральный* (Толль), *федеративный* (Д[1]), *фешенебельный, фиктивный* (Д[1]), *шаблонный* (Д[1]), *эмбриональный, энергический, энергичный* (Толль, Д[1]), *эфемерный* (Толль, Д[1]), *эффектный* (Д[1]), *юмористический* (Д[1]) и мн. др. Следует отметить, что в кругу прилагательных с основами иноязычного происхождения, появившихся в это время, одни являются образованными на русской почве от соответствующих заимствованных существительных, другие образованы непосредственно от иноязычных основ (в частности, основ имен прилагательных) и либо вовсе не имеют соответствий в кругу существительных (ср. *банальный, вульгарный, интимный, наивный, популярный* и т. д.) и являются основными словами лексических гнезд, либо в отдельных случаях имели, но утратили их (ср. *шикарный* при вышедшем из употребления *шикарь*), либо, наконец, слабо соотносятся с существительными, ср. *абстрактный* и *абстракт, обсолютный* и *абсолют, конкретный* и *конкреция*.

Появление в языке новых имен существительных было, однако, лишь одним из поводов к образованию и новых относительных или качественно-относительных прилагательных. Не трудно заметить, что в эту эпоху образованы и вошли в язык многие прилагательные, соотносящиеся по значению с существительными давно известными, как иноязычного происхождения, так и собственно русскими. Таковы, напр., *болевой* (Слов. Акад. 1891), *бытовой* (Д[1]), *вкусовой* (Толль, Доп. 1875; Слов. Акад. 1892), *выкупной* (Д[1]), *деловитый* (Д[2]), *жидкостный* (Д[1]), *жилищный* (Слов. Акад. 1898), *залповый* (Слов. Акад. 1901), *захолустный* (Слов. Акад. 1905), *зачаточный* (Слов. Акад. 1905), *звуковой* (Д[1]), *зенитный* (Д[1]), *зрительный* (Д[1]), *игровой* (Д[1]), *идейный, имущественный* (Д[1]), *инородческий* (Д[1]), *классовый* (Слов. Акад. 1908), *колоритный* (Д[1]), *краевой* (Д[1]), *кризисный* (Слов. Акад. 1916), *кустарниковый* (Толль, Прил. 1866), *кучевой* (Д[1]), *любительский, мальчишеский, массовый, мировой* (от *мир* — вселенная; Д[1]), *моментальный* (Д[1]), *наблюдательский* (Д[1]), *научный*

[247] Здесь и далее в скобках указание на первую фиксацию в общих толковых или энциклопедических словарях XIX—начала XX в.

(Д[1]), *нулевой* (Д[1]), *обрядовый* (Д[1]), *общинный* (Д[1]), *парковый* (Д[1]), *партийный*, *пересадочный* (Д[1]), *писательский* (Д[1]), *погромный* (Д[1]), *подвижнический*, *поджигательский*, *портновский* (Д[2]), *порядковый* (Д[1]), *посетительский* (Д[1]), *потребительный* (Д[1]), *правовой* (Д[3]), *представительный* (Толль, Д[1]), *приисковый* (Д[1]), *пусковой* (Д[1]), *равнинный* (Д[1]), *разовый* (Д[3]), *рассудочный* (Д[1]), *ростовщический*, *смазочный* (Д[1]), *смысловой* (Д[1]), *стрелочный* (Д[1]), *супесный* (Д[3]), *сыпной* (Д[1]), *тепловой* (Д[1]), *торгашеский*, *трущобный* (Д[3]), *узловой* (Д[1]), *укрывательский* (Д[1]), *фразистый*, *хамский*, *ханжеский* (Д[1]), *ходульный* (Д[3]), *цветовой*, *целинный* (Д[1]), *цилиндровый* (Д[1]), *цирковой* (Д[1]), *цифровой* (Д[1]), *чахоточный* (Д[1]), *человечественный*, *щелевой* (Д[1]), *щипковый* (Д[1]), *юридический* (Д[1]) и др. По своему характеру эти прилагательные различны. Но обращает на себя внимание значительное число среди них слов специальных, явившихся первоначально в научном, техническом языке, а также в публицистических стилях речи.[248] Не все из них были образованы в языке середины и второй половины XIX в. (ср., напр., *человечный*), но все они стали обычными именно в речи этого времени. Только этим можно объяснить, что они по преимуществу впервые отмечаются общими толковыми словарями второй половины века. Стимулы образования и распространения этих слов в языке этого времени были также различны. Но несомненно, что появление многих из этих слов связано с тем общим процессом смысловой дифференциации, которую мы не раз уже отмечали как один из характернейших и решающих признаков развития лексической системы русского литературного языка данного времени, наложивший свой отпечаток на различные стороны этого развития. Во многих случаях появление этих прилагательных связано со складыванием новых осмыслений у тех существительных, с которыми они соотносятся, с появлением у этих последних особых терминологических или новых переносных значений, а также с расширением употребительности некоторых из этих существительных, первоначально мало или вовсе не известных литературной речи. Так, прил. *бытовой* явилось в результате распространения и нового широкого осмысления в публицистике и критике 20—30-х гг. ранее просторечного слова *быт* (см. о нем ниже). Появление прил. *захолустный* стоит в прямой связи с популяризацией самого сущ. *захолустье*, первоначально простонародного, в литературной речи. Прил. *идейный* (см. о нем в гл. I, с. 75) было произведено на базе все более распространявшихся в литературной речи с середины века сочетаний типа *человек идеи* и получило сразу особое качественно-относительное значение («тот или то, что располагает идеями, проникнуто идеями», «тот или то, что выражает определенную идею» и т. п.). Появление прил. *классовый*, *массовый*, *партийный* стоит в непосредственной связи со все большим обособлением терминологических социально-политических значений у этих слов (см. о *массовый* гл. III, с. 380—381; *партийный* — с. 326). С развитием особых терминологических значений у слов *потребитель*, *потребление*, *производство*, *рассудок* (в отличие от *разум*) связано появление при них и особых прилагательных. Лишь с отдельными терминированными значениями сущ. *край* связано и прил. *краевой*. С появлением особых переносных и сдвинутых значений у существительных связано и образование прил. *любительский*, *палаческий*, *подвижнический*, *поджигательский*, *фразистый*, *хамский*, *ходульный* и др. В этих прилагательных качественные оценочные значения очень сильны, если не исключительны. Яркий пример смысловой дифференциации дает и образованное в 40-х гг. прил. *научный* (см. о нем ниже). Толчок к образованию особых прилагатель-

[248] Ср. *болевой*, *вкусовой*, *жидкостный*, *жилищный*, *зачаточный*, *звуковой*, *зенитный*, *имущественный* и др.

ных *мировой* и *правовой* был дан в результате семантической индукции со стороны немецкого языка (см. об этом гл. I, с. 171; также далее в § 12 — о слове *миросозерцание*). Под иноязычным воздействием распространилось в употреблении 30—40-х гг. и прил. *человечный* и была образована книжная форма *человечественный*, приспособленные к выражению понятия, передаваемого словом заимствованным — *гуманный* (см. гл. I, с. 91). Вообще следует отметить, что определенные обстоятельства, как стилистические (известное «опрощение» книжной речи, в особенности — публицистической), так и реальные, идущие от самой действительности, дали особый ход некоторым из этих прилагательных. Там, где в предшествующую эпоху в литературном, книжном языке оказывались предпочтительнее сочетания с родительным падежом существительного, теперь охотнее обращались к более тесным в смысловом отношении и качественно определенным сочетаниям со специальным прилагательным. Ср. сочетания *выкупные платежи*, *выкупные обязательства* и пр., получившие особенное распространение в ходе обсуждения условий решения крестьянского вопроса перед реформой 1861 г. Ср. также соотношения таких параллельных сочетаний, как *предрассудки*, *привилегии касты* и *кастовые предрассудки*, *привилегии*, *расхождения идей*, *в идеях* и *идейные расхождения*, *человек идеи* и *идейный человек*, *право общины* и *общинное право*, *вопрос о жилище* и *жилищный вопрос* (по аналогии — с *женский*, *восточный вопрос* и пр.), *капитал ростовщика* и *ростовщический капитал* и т. п.

Связь словообразования имен прилагательных с обычными устойчивыми сочетаниями слов особенно наглядно предстает в различных типах префиксально-суффиксального образования прилагательных. Некоторые из них получили сильное развитие в это время. Число прилагательных, образованных на базе сочетаний существительного с предлогом, в эти годы особенно значительно. Так, напр., можно отметить вообще большое приращение прилагательных с префиксом *без-*. Часть их несомненно является аналогическими образованиями, непосредственно соотносящимися с прилагательными бесприставочными, выражающими наличие того или иного качества (ср. *бездеятельный*, *безыдейный*, *безотносительный*, *бесписьменный*, *беспозвоночный*, *бессодержательный*, *бессознательный*, *бесхозяйственный* и нек. др.). Но достаточно значительно и число тех из них, которые несомненно были образованы на базе предложных сочетаний с существительными. Ср. *безапелляционный* (Д[1]), *безвольный* (Д[1]), *безглагольный* (Слов. Акад. 1891), *безгранный* (Д[1]), *бездоходный* (Д[1]), *бездумный* (Слов. Акад. 1891), *беззапросный* (Слов. Акад. 1891), *безрассветный* (Слов. Акад. 1891), *безрезультатный*, *безучастный* (Д[1]), *безынтересный* (Слов. Акад. 1891), *бескозырный* (Д[1]), *бесколосный*; *бесколосый* (Д[1]; Слов. Акад. 1891), *бесконтрольный* (Слов. Акад. 1891), *беспардонный* (Слов. Акад. 1891), *беспризорный* (Слов. Акад. 1891), *бесполый* (Д[1]), *беспочвенный* (Слов. Акад. 1891), *бесправный* (Д[1]), *беспредметный* (Слов. Акад. 1891), *беспризорный* (Слов. Акад. 1891), *беспринципный* (Слов. Акад. 1891), *беспросветный* (Слов. Акад. 1891), *бессистемный*, *бестактный* (Слов. Акад. 1891), *бесформенный* (Слов. Акад. 1891), *бесхарактерный* (Д[2]), *бесцельный* (Д[1]), *бесцензурный*, *бесцеремонный* (Слов. Акад. 1891) и др.

Ср. также образования с другими префиксами, восходящие к предложным сочетаниям: *доисторический* (Толль, Доп. 1875; Слов. Акад. 1895),[249] *дореформенный* (Слов. Акад. 1895), *досрочный* (Слов. Акад. 1895); *заатлантический* (Слов. Акад. 1899), *забрюшинный* (Слов. Акад. 1899), *заокеанский* (Слов. Акад. 1902),[250] *запанибратский*, *надземный* (Д[1]), *над-*

[249] Ср. у Герцена: «доисторические времена» (II, с. 295), также «дочеловеческая феноменология» (II, с. 145).

[250] Ср. у Герцена: *заприродный* (II, с. 222).

оконный (Д[1]), *надпочвенный* (Д[1]), *надпочечный* (Д[1]), *надпяточный* (Д[1]), *надглазный* (Д[1]), *надглоточный* (Д[1]), *надкостный* (Толль, Прил., 1866), *надоблачный* (Д[1]), *надъязычный* (Д[1]);[251] *наспинный* (Д[1]), *нашейный* (Д[1]); *подзаборный* (Д[1]), *подзеркальный* (Д[1]), *подконтрольный, подневольный* (Д[1]), *подопечный* (Д[1]), *подпочвенный* (Д[1]), *подспудный* (Д[1]), *подстепной* (Д[1]), *подстрочный* (Д[1]), *подусадебный* (Д[1]), *подшейный* (Д[1]); *постусторонний* (Д[3]) и др.

Из всех видов суффиксального образования прилагательных, естественно, первое место в это время занимает производство прилагательных с суфф. *-н-* со всеми его разнообразными ответвлениями. Ведь, по замечанию В. В. Виноградова, во-первых, «с помощью суффикса *-н-* (и его разновидностей) переводятся в систему прилагательных сочетания имен существительных с разнообразными предлогами», а во-вторых, «суффикс *-н-* с его разновидностями, а также суффикс *-ск-* с его вариантами с XVIII в. служили основным морфологическим средством руссификации западноевропейских заимствований».[252] На последнем процессе следует специально остановиться, так как приспособление к русской системе имен прилагательных с заимствованными основами было связано с образованием особых ответвлений в кругу прилагательных с суфф. *-н-* и с сильной словообразовательной вариантностью на протяжении всего данного времени. Для образования прилагательных с иноязычными, заимствованными основами этим путем было две возможности. С одной стороны, было широко возможно, по мере усвоения русским языком заимствованных существительных (а оно протекало в этот период с особою быстротою), прямое образование прилагательных с помощью суфф. *-н-* от заимствованных существительных. Так образовались прилагательные *зенитный, идейный, кокоточный, коллоидный, колоритный, компромиссный, конгломератный, консервный, контактный, контурный, костюмный, кризисный, скандальный* и т. д.[253] С другой стороны, также было возможно (и практически имело место уже в XVIII в.) непосредственное усвоение русским языком с помощью суфф. *-н-* заимствованных прилагательных с сохранением в этих образованиях суффиксально осложненной основы иноязычного прилагательного. Так появились *банальный, грациозный, демонстративный, индивидуальный, инстинктивный, интеллектуальный, интенсивный, коллоидальный, комфортабельный, конвульсивный, континентальный, корпоративный, крупозный, мистериозный, молекулярный, скандалезный, фрагментарный, шикарный* и пр. Это и привело к созданию в словообразовании прилагательных некоторых особых суффиксально осложненных разрядов: *-альн-, -арн-* (*-ярн-*), *-ивн-* (*-тивн-*), *-озн-* (*-ёзн*), *-орн-* и т. п.[254] В довольно многих случаях в русском литературном языке в силу этих двух возможностей перевода в систему наших прилагательных заимствованных слов оказались представленными параллельные образования обоих типов. Эти параллельные образования длительное время конкурировали. Во всяком случае словообразовательная вариантность являлась часто прямым признаком недавнего заимствования указанных слов в русский язык. Ср. *документный* и *документальный, инерционный* и *инертивный* (также *инертный*), *ком-*

---

[251] Почти все прилагательные этой группы (с префиксом *над-*) относятся, как видим, к сфере анатомической терминологии и номенклатуры. Любопытно одинокое книжное новообразование *надорганический* (Брокг.-Ефр.).

[252] Русск. язык, с. 223.

[253] Рядом с этим шло и образование с суфф. *-ов-* (*-ев-*), правда, в очень ограниченных пределах, по преимуществу в определенных фонетических условиях. Ср. *кастовый, классовый, массовый*; *бежевый, марлевый* и т. п. Впрочем, в отдельных случаях и здесь были возможны вариантные образования. Ср., напр., *контактный* (Брокг.-Ефр.) и *контактовый* (Южаков).

[254] Ср. Виноградов, Русск. язык, с. 223—225.

фортабельный (*комфортебельный*) и *комфортный*, *манифестационный* и *манифестальный*, *менструационный* и *менструальный*, *мускульный* (*мускулистый*) и *мускулярный*, *мускулезный*, *принципиальный* и *принципный*, *скандальный* и *скандалезный*, *федеративный*, *федеральный* и *федерационный*, *шикозный* и *шикарный* (от сущ. *шикарь*, *шикар*; ср. франц. chicard), а также *шиковской*.

Ср. некоторые иллюстрации, а также данные словарей: *документный* (Мих. 1898), *документальный* (Слов. Акад. 1895); «[К расколу] народ примкнул в силу того инертивного свойства, которое присуще всякой массе» (СПб. вед., 1861, № 271, с. 1484); «Законные потребности заявляли свое существование сопротивлением, иногда тупым и инертным» (Писар., II, с. 58); «Теперь он только грубое, бесчувственное тело, инерционная масса» (Дост., VII, 587); «Представьте теперь еще в таком комфортном состоянии человека, который в детстве бегал босиком» (Бел., X, с. 298); «Ратищев комфортно уселся подле камина» (Кот Мурлыка [Н. П. Вагнер]. К свету; Русск. мысль, 1883, № 4, с. 243); «Комфортабельная обитаемость Европы начинается с Рейна» (Герц., V, с. 16); «[Пес] довольно комфортабельно устроился на припеке» (Станюк., I, с. 358); «Застраховав себя.. против непрошенных встреч и прочих неконфортэбильных случаев на железной дороге» (Москвит., 1853, № 19, Современные известия, с. 71); Бурд.: «*Мускульный*. См. Мускулярный»; «*Мускулезный*. Имеющий крепкие развитые мускулы»; Д[1]: *мускульный*; «мускульная сила» (Благ., с. 213); «мускулезная нога г-жи Эльслер» (Совр., 1849, № 2, Библиография, с. 105); «Рука длинна, мускулярна» (Москвит., 1853, № 10, Современные известия, с. 29); *принципиальный* — *принципный* — см. примеры на слово *принцип*, с. 83; «Представительницы прекрасного пола.. шикозны на манер героинь романов г. Боборыкина» (Маркев., IX, с. 138); «В шикарных полках офицер продержится года два, много три и вылетает в трубу» (Авсеенко, II, с. 251—252); «У Елизаветы Федоровны квартира шиковская» (Живоп. русск. библ., 1856, № 11, с. 87). Ср. еще разносуффиксальные образования *инстинктивный* и *инстинктуальный*, сильно варьировавшие в 30—40-х гг. («Кто любит.. по внутренней инстинктуальной потребности» (Бел., VII, с. 521); «Гений часто действует инстинктивно» (там же).

В течение всего XVIII в. и первой трети XIX в., но особенно с 30-х гг. XIX в., усиленно обогащался круг прилагательных с суфф. *-ическ-* (ср. греч. -ικος и франц. -ique). Как известно, они семантически соотносятся с существительными на *-изм* и *-ист* (*идеалистический*, *материалистический*, *социалистический*, *артистический* и т. д.), а также с заимствованными существительными на *-ик* и *-ика* (*трагический*, *практический*, *идиллический* и т. д.). Указанные прилагательные, как правило, относительные в своем исходном значении, во многих случаях легко обрастали и различными качественными значениями (ср. *артистический*, *догматический*, *драматический*, *комический*, *циничесий*, *энергический* и др.). Этот процесс превращения относительных прилагательных в качественно-относительные с особенною силою развертывался именно в изучаемую эпоху. Формальным выражением этого процесса явилось образование наряду с указанными прилагательными параллельных форм с суфф. *-ичн-*. Ведь суфф. *-ичный*, по выражению В. В. Виноградова, «служит для более наглядного выражения тех качественных значений, которые развиваются в прилагательных на *-ический*», а также «для образования от слов с суффиксом *-ический* соотносительных кратких форм и степеней сравнения» (Русск. язык, с. 215). Нужно заметить, что именно последнее обстоятельство и способствовало развитию разряда вариантных форм с суфф. *-ичный* в течение XIX в. Образование кратких форм и степеней сравнения с помощью суфф. *-н-* в разных его вариационных осложнениях

от прилагательных, как русских, так и заимствованных, с суфф. *-ск-* стало, видимо, более обычным к концу XVIII в., особенно в языке произведений карамзинской школы (ср. у самого Карамзина в «Письмах русского путешественника» сравнительную степень *человечнее* и т. п.). И в дальнейшем появление форм сравнительной степени, кратких форм прилагательных (и наречий) с суфф. *-ичн-* (при нормальном *-ическ-* в полных формах), а также образование существительных с суфф. *-ость* от этих форм нередко предшествовало началу широкого употребления вариантных форм на *-ичный* и их дальнейшему семантическому размежеванию с формами на *-ический*.

В настоящее время число вариантных прилагательных с суфф. *-ичный* (*-тичный, -атичный*) очень значительно.[255] Иначе обстояло дело в первую половину XIX в. Словарь 1847 г. предлагает единичные формы (ср. *античный*, при исконном отсутствии образования с суфф. *-ический*, *мозаичный* (также *мозаический*); ср. также *публичный*). Впрочем, здесь этот словарь оказывается, как и во многих других случаях, позади живого употребления (отсутствуют в нем и многие прилагательные с суфф. *-ический*, практически уже употреблявшиеся ко времени выхода в свет словаря). Напротив, Даль дает многие из этих форм (ср. *академичный*, *аллегоричный*, *аналогичный*, *анархичный*, *антипатичный*, *апатичный*, *бюрократичный*, *гипотетичный*, *истеричный*, *мозаичный*, *органичный*, *патетичный*, *патологичный*, *периодичный*, *пластичный*, *политичный*, *поэтичный*, *практичный*, *проблематичный*, *публицистичный*, *симпатичный*, *систематичный*, *спорадичный*, *тактичный*, *типичный*, *характеристичный*, *эгоистичный*, *эксцентричный*, *эластичный*, *энергичный*, *эпизодичный*). Но обилие этих форм у Даля — скорее дань принятой «системе», чем точное отражение живого употребления. Даль чаще всего не отмечает семантических различий между вариантными формами и предлагает ряд «гипотетических» форм с чисто относительным значением (ср., напр., *аневричный*, *антарктичный*, *микрометричный* и нек. др.). Впрочем, и у Даля нет еще ряда форм, которые отмечает затем Слов. Акад. конца XIX—начала XX в., напр. *артистичный*, *гармоничный*, *гигиеничный*, *гигроскопичный*, *категоричный*, *классичный*, *комичный*, *концентричный*, *кристалличный*, *критичный*, *лаконичный* и пр.

Бесспорно, эти варьирующие формы интенсивно появлялись на протяжении XIX в., особенно же начиная с 40-х гг. В ряде случаев смысловое размежевание между ними было очень значительно; ср. *комический—комичный*, *логический—логичный*, *пластический—пластичный*; *политический—политичный*, *практический—практичный*, *симпатический—симпатичный*, *тактический—тактичный*. Во второй половине века в некоторых случаях перевес в употреблении уже получают формы с суфф. *-ичный*; ср. *аналогичный*, *антипатичный*, *апатичный*, *мозаичный*, *симпатичный*, *типичный*, *эластичный*, *энергичный*.

Можно отметить и другие случаи вариации в отношении прилагательных с суфф. *-ический* (ср. *алкоголический* и *алкогольный*, *ароматический* и *ароматный*, *героический* и *геройский*, *геройственный* (Д[1]), *нервический* и *нервный*, *педантический* и *педантский*, *симметрический* и *симметриальный* (Слов. 1847), *синонимический* и *синонимный* (Слов. 1847), *телеграфический* (Слов. 1847) и *телеграфный*, *типографический* и *типографский*, *философический* и *философский*, *химерический* и *химерный* (Слов. 1847)). В некоторых из этих случаев формы с суфф. *-ический* оказались устаревшими ко второй половине XIX в. (ср. *телеграфический*,

[255] На 760 соответствующих прилагательных с суфф. *-ический* приходится более 150 вариантных прилагательных с суфф. *-ичный* (ср. Билфельд, с. 87—92 и 145—146; список неполный), т. е. практически почти все прилагательные на *-ический*, где возможны качественные значения, имеют параллельные образования на *-ичный*.

типографический, *философический*) или устаревающими к последним десятилетиям века (*алкоголический*, *нервический*). В других случаях отпадали варианты, образованные от существительного с суфф. *-н-* или с другими суффиксами (ср. *синонимный*, *химерный*, также *симметриальный*, *педантский*).

С развитием класса существительных с соотносительными суфф. *-изм*, *-ист* открылась возможность параллельного образования (отчасти к наличным уже прилагательным на *-ический*, соотносящимся с ними) также прямых производных прилагательных от существительных на *-ист*. Ср. *артистский* (Д[1]), *анабаптистский*, *баптистский*, *бонапартистский*, *журналистский*, *кантонистский*, *колонистский*, *кальвинистский*, *коммунистский*, *контрабандистский*, *легитимистский*, *марксистский*, *монархистский*, *нигилистский*, *обскурантистский* (и *обскурантский*), *панславистский*, *прудонистский*, *сепаратистский*, *социалистский*, *утилитаристский*, *федералистский*, *фетишистский*, *чартистский*, *штундистский*, *янсенистский* и нек. др. Они особенно активно начали появляться в последние десятилетия XIX в. Впрочем, некоторые из них не выдержали соревнования с устойчивыми формами на *-ический* (*-истический*) (ср. *коммунистский*, *социалистский*, *нигилистский*). Уже к концу века начинается процесс постепенного расширения круга прилагательных, где обозначается новый производный суфф. *-истический*.[256] Эта тенденция усиливается в XX в., ближе к нашему времени. Ср. победу формы *империалистический* при первоначально преобладающей *империалистский*; ср. такие книжные образования последних десятилетий нашего времени, как *классицистический*, *логистический*, *психологистический*, *субъективистический*, с попыткой семантически отграничить их от прилагательных *классический*, *логический*, *психологический* и т. п.

* * *

Следует отметить еще одно характерное явление в словообразовании прилагательных, связанное с процессом заимствования и семантического воздействия со стороны других европейских языков, — образование прилагательных префиксально-суффиксального типа с заимствованными префиксами. С 30-х гг. XIX в. особенно свободно стали являться в русском литературном языке прилагательные с заимствованными префиксами *а-*, *анти-* и со словоэлементами *псевдо-*, *ультра-*, *экстра-*; ср. также образования с первой частью *quasi-*, выступающей в XIX в. еще в латинской транслитерации.[257] Правда, по преимуществу мы имеем здесь дело с образованиями окказиональными, легко появляющимися, в силу прозрачности своей структуры, в каждом подходящем случае. Практически в современном словообразовании эти ряды не ограничены, здесь возможны сочетания указанных формантов как с иноязычными по своему происхождению, так и с русскими прилагательными. Вот некоторые примеры таких образований:

а) **Анти-**. «Антипоэтический язык» (Бел., III, с. 191); «чисто субъективное, антиисторическое направление» (там же, VI, с. 182); «антиобщественный дух» (там же, с. 428); «антиэстетическое направление» (там же, VIII, с. 453); «уродливые, антиизящные моды» (Филос. произв. петраш., с. 150); «Ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием — в дурном антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле» (Н. Данил., с. 38); «антинаучный метод исследования» (П. Ни-

[256] Ср. Виноградов, Русск. язык, с. 229.

[257] Впрочем, образования эти свойственны не только именам прилагательным, они представлены и в кругу существительных. Но особенно легко они образуются именно от прилагательных. См. наши дальнейшие примечания 258—259, 261—263.

китин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, № 12, с. 330); «В Австрии действует антиславянская политика» (М. Триго [Э. Реклю]. Политическая хроника; Дело, 1876, № 8, с. 142); «Крайне антисанитарное состояние тряпичного промысла» (Сев. вестн., 1886, № 2, отд. II, с. 257) и мн. др.[258]

б) **Псевдо-.** «Мы утомлены псевдофилантропическими выходками» (Совр., 1848, № 9, отд. IV, с. 71); «[Для славянофилов] история служила подтверждением их псевдопатриотической теории» (Благ., с. 510); «Почему могли привлекать внимание публики даже такие произведения, как псевдонародные романы и повести Григоровича?» (Салт., VIII, с. 45) и т. д. Эти образования легко уживались с параллельными образованиями с первой русской частью: *лже-*, *ложно-*.[259]

в) **Ультра-.** «Ультраумозрительные московские [т. е. славянофильские] воззрения» (Бел., VI, с. 253);[260] «Бегу в этот ультрамещанский и пошлый сад» (Герц., V, с. 255); «Каким образом автор ухитрился вколотить в стихотворческую форму ultra-прозаическое содержание?» (Э. Благонравов [Б. Алмазов]. Наблюдения над русской литературой и журналистикой; Москвит., 1852, № 17, с. 19); «Ваше направление называете вы [Катков] сами ультрарусским» ([Ю. Жуковский]. Милль, перевранный Русским словом; Совр., 1856, № 8, с. 219); «Ультрасолидный и основательный взгляд» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, № 9, с. 76); «Ищут такого искусственного света, который был бы богат ультрафиолетовыми (химическими) лучами» (Дело, 1876, № 10, Научная хроника, с. 363) и др.[261] Слов. 1847

---

[258] Помимо того, что эти образования в кругу прилагательных вообще очень обильны, многие из них стали устойчивыми антонимами соответствующих слов (ср. *исторический—антиисторический*, *санитарный—антисанитарный*, *религиозный—антирелигиозный*, *научный—антинаучный*, *общественный—антиобщественный* и т. п.). Роль этих вторичных образований, выражающих не только отсутствие данного качества, но и направленность на его полное устранение, особенно велика в публицистических стилях. Тесно связаны с ними и образования наречий с этим префиксом. Что касается существительных с префиксом *анти-*, то они образуются менее свободно. Помимо некоторых устойчивых образований, лексически обособившихся и иногда лишенных уже внутренней формы (ср. *антидот*, *антиминс*, *антихрист*, *антимония*, *антипатия*, *антипод*, *антитеза*), они свободно образуются лишь от существительных со значением «направления» или от имен, обозначающих последователей этих направлений. Ср. *антиреализм*, *антиисторизм*, *антинигилист* и др. См. еще: «Кто же вы, антизападники „Зари“, и чему вы служите?» (Дело, 1871, № 9, Внутреннее обозрение, с. 63). Особенно же обычны они, естественно, в существительных вторичных, образованных от прилагательных. Ср.: «Немецкая повесть возникла и выросла на почве отвлечения, аскетизма, антиобщественности» (Бел., VI, с. 422); *антиэстетичность* (Бел., VIII, с. 453) и т. п.

[259] Ср. у Белинского: *псевдоклассицизм* (напр., III, с. 428; IV, с. 150, 163 и т. д.), *псевдоромантизм* (напр., V, с. 300; VII, с. 271 и др.), но *лжепатриотизм* (VIII, с. 45) и т. д. Образования с *псевдо-* среди существительных представлены также достаточно широко, от слов разных типов. Ср.: «Болезнь, общая нашим psevdo-философам» (Герц., II, с. 209); *псевдоаристократия* (там же, с. 334); «Все псевдопрогрессисты с ужасом и отвращением оглянутся на самих себя!» (Писар., II, с. 34); «Надо быть псевдопоэтом, чтоб отжмуриваться от действительности» (Н. Б. Текучая беллетристика; День, 1864, № 33, с. 16); «Старые псевдогенералы, наводившие на нее какой-то неопределенный страх» (Авсеенко, I, с. 248); «Интересы нравственности, которую так ревниво берегут псевдохудожники» (Писар., I, с. 76); «Г. Кочубинский ловит сомнительные случаи спорадических псевдопереходов звуков» (Бод. де Курт., Рец., с. 15) и т. п.

Слов. 1847 дает еще очень мало слов с *псевдо-* (ср. *псевдоволкан* и *псевдоволканический*, *псевдоепископ*, *псевдокристалл*, *псевдоним*).

[260] Ср. у Герцена *ультраславянский* (II, с. 103).

[261] Также обычны эти образования и у существительных. Ср.: «Знаменитый Аристотель ультраромантизма» (Библ. для чт., 1834, № 3, Смесь, с. 81); «Титаны своих любовниц., ультрамужчины во всех отношениях» (там же, № 1, Смесь, с. 9); «Люди, ударившиеся в ультраславянизм» (В. Одоевск., I, с. 388); «ультрапессимизм» (В. Майк., I, с. 225); «Журнал отличается ультрасвирепостью» (Бел., IX, с. 136)

дает только одно слово с первой частью *ультра-* (*ультрамарин* и его произв.). Большинство образований этого типа окказионально, «формально» и вносит значение элятива. Но ср. и отдельные слова терминологического характера. Таково появившееся в 70-х гг. XIX в. *ультрафиолетовый*.

г) Образования с первой («иностранной») частью quasi-. Ср., напр.: *quasi-романтический* (Бел., IV, с. 492); «В русской литературе.. не преобладают еще ученые сочинения над изящными или quasi-изящными» (В. Майк., I, с. 243); «Песни quasi-народные» (Н. Костомаров. Ответ г. Падалице; Совр., 1860, № 12, с. 381); «quasi-философские статьи» (С. Ставрин [Шашков]. Н. А. Полевой и «Московский телеграф»; Дело, 1875, № 7, с. 170) и мн. др. Несмотря на устойчивое сохранение этого словоэлемента в его иностранном написании, образования эти следует признать живыми и обычными для русской литературной речи начиная с 30-х гг. XIX в.[262]

Ранее других сделались обычными на русской почве образования со значением элятива с префиксом *архи-*. Они продолжали свободно появляться и в указанное время.[263]

Под воздействием иноязычного (немецкого) источника явились на русской почве образования (прилагательных и существительных) с приставкой *сверх-*.[264]

Раздел о прилагательных мы заключим сведениями об истории образования и распространения в языке некоторых из них, появление которых было связано с процессом терминологизации, а также семантической дифференциации и словесного обособления различных понятий.

Бытовой. Еще в Слов. 1847 прилагательное от слова *быт* отсутствует. Оно впервые отмечено Д[1] рядом с другим образованием *бытный* («относящийся до быта, до рода жизни»). У Орлова прилагательные *бытный* и *бытовой* уже семантически и стилистически разделены. *Бытный* отмечено там как областное (псковское) слово с конкретным значением «жирный, здоровый, плотный»,[265] *бытовой* как относительное прилагательное к *быт* (с сочетаниями «*бытовое описание какой-либо страны, бытовое отношение соседей*»). Слов. Акад. 1891 вообще опускает прил. *бытный* как чуждое литературной лексике, а относительное прил. *бытовой* иллюстрирует сочетаниями *бытовая повесть, бытовая драма*, «предмет которой заимствован из действительной жизни». Там же впервые приводится и гл. *бытовать* («существовать, находиться в быту, образе жизни народа») с цитатами из книг М. Н. Каткова (Об элементах и формах славяно-русского языка, М., 1845) и А. А. Котляревского (О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868). Образование и распространение этих слов стоит в прямой связи со смысловой и стилистической эволюцией сущ. *быт*, от которого они произведены (см. об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка. Бюлл. диалектологич. сектора Инст. русского языка, вып. 5, М.—Л., 1949, с. 96—101).

и т. п. О распространении этих образований с *ультра-* в первой четверти XIX в. см. Веселитск., с. 48—50.

[262] Широко представлены и существительные с этой первой частью. Ср.: «Герой quasi-комедии» (Бел., III, с. 455); *quasi-критики* (там же, IV, с. 430); «заживо умершие quasi-знаменитости» (там же, VIII, с. 37) и пр.

[263] Обычны и образования этого рода существительных, особенно в публицистике, часто иронического свойства. Ср.: «[Любовь Соловьева и Кавелина] к Ивану Грозному и его прогрессивным мерам против отсталых людей, мерам, исполняемым архипрогрессистом, палачом Томилой» (А. Григ., I, с. 547).

[264] См. о них в гл. I, с. 166. О кальках сложных прилагательных см. § 12.

[265] В этом значении и с отнесением к псковским говорам слово отмечено в Опыте 1852.

Слово *быт* исторически восходит к народно-разговорной речи. Еще в САР[2] оно отнесено к просторечию и определено следующим образом: «Состояние, род жизни; потребное к состоянию». Эти значения иллюстрируются там следующими сочетаниями: «Он в быту своем доволен. В домашнем быту все пригодится». Несколько иначе представлено это слово в Слов. 1847. Оно уже не сопровождается там ограничительной стилистической пометой, как и многие другие просторечные и простонародные, по интерпретации САР, слова, которые в первой трети XIX в. стали обычными в различных стилях литературной речи. В Слов. 1847 отмечаются два значения этого слова: «1) Бытность. Это на нашем быту случилось. 2) Состояние или бытие чего-либо. Сельский быт».

Переход слова из сферы народно-разговорного языка в литературную речь, происшедший во второй половине XVIII—первой четверти XIX в., сопровождался его семантической трансформацией. В народном языке слово *быт* первоначально имело конкретные значения (имущество, пожитки и т. д.); с этими значениями можно еще встретить это слово и в литературном употреблении XVIII в. (см. об этом: В. В. Виноградов. Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка). Отчасти, как мы видели, это отражено и в определении САР[2] («потребное к состоянию»). Но в литературном употреблении этого времени все определеннее складывается у слова новое обобщенное значение, делающее его постепенно синонимом к словам *жизнь*, *житье*, *бытие*, а также *пребывание*, *бытность*. Окончательная «терминологизация» слова падает на 20—30-е гг. XIX в. Именно в эти годы слово *быт* начинает употребляться преимущественно в смысле, близком слову *жизнь*, но с особым оттенком: «образ жизни, общий ее уклад», и применяться для обозначения всей совокупности обычаев и нравов, присущих какой-либо социальной или национальной среде. В этом отношении особенно показательно употребление этого слова (очень уже частое) в критике 20—30-х гг. Ср. в статьях Н. Полевого постоянные сочетания *общественный быт*, *гражданский быт*, *русский*, *малороссийский быт*, *народный быт* и т. д. Напр.: «Проза нашего *общественного быта*» (I, с. 433); «Развитие духа народного и быта общественного» (II, с. 34—35); ср. у него же: «Но что же будет с поэтом, если он захочет вдвинуться в самый первый ряд общественного бытия» (I, с. 296); «политический и общественный быт его [человека]» (Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 94); «Такие споры между поколениями бывают о политике, гражданском быте» (I, с. 431); «русский быт, русские нравы» (I, с. 449); «развитие государственного быта» (II, с. 51); «очерки народного быта» (II, с. 329); «гражданский наш быт» (II, с. 3); «Воображаю себе, что с 1433 по 1441 г. я живу в Руси. ., схватываю черты быта, характеров, речи, слова» (Клятва, с. VII) и т. д. Эти постоянные сочетания, определяющие дальнейшую жизнь слова и его новое смысловое наполнение, находим постоянно и у других авторов 30-х гг. Ср. «общественный быт» у Сенковского (Библ. для чт., 1834, I, с. 5, 10 и т. д.), у него же: «домашний и семейный быт» (1834, № 5, Критика, с. 27) и т. п. (см. и Слов. яз. Пушкина). Все реже вместе с тем слово встречается в общем недифференцированном смысле «существование, пребывание, бытность» и т. д. Ср. еще у Н. Полевого: «Тут вы видите. . суеверие простолюдина, быт бедный, быт от сегодня до завтра» (II, с. 493); у Сенковского: «Все историческое существование нашего рода короче быта иного дерева!» (Библ. для чт., 1835, № 2, с. 228) и т. п.

Это смысловое уточнение слова, его «терминологизация» на почве публицистического языка отражается и в описаниях слова позднейшими словарями. Д[1], следуя за Слов. 1847, на первом месте еще дает значение «бытность», но лишь с тем же иллюстрирующим сочетанием, которое приводилось и в Слов. 1847; зато он гораздо более точно, определеннее и

«терминологичнее» раскрывает другое, развившееся значение: «Бытье, житье, род жизни, обычай и обыкновения», и иллюстрирует его типическими сочетаниями: «Быт крестьянский, дворянский; быт домашний — обиход, хозяйство; быт английский, немецкий, быт нынешний и быт минувший». Орлов вообще не дает значения «бытность»; *быт* в нем определяется как «образ жизни и самая жизнь»: «быт домашний, военный, городской, деревенский». В Слов. Акад. 1891 на первое место также выдвигается терминологизированное значение: «Образ жизни; совокупность обычаев и нравов»; значение «бытность», приводимое по традиции, все с тем же примером из Слов. 1847, отодвинуто здесь уже на второе место.

Прил. *бытовой* соотносится лишь с новым терминированным значением. Видимо, оно и было неологизмом этого времени. Естественно, что оно никак не связано по смыслу и по сфере своего распространения с народно-разговорным прил. *бытный* (как это представлено у Д[1]). Первые случаи употребления этого прилагательного находим в критике и публицистике 40-х гг. Ср. у Белинского: «Положение изменилось, изменились и патриархальные нравы, а с ними исчезла и любовь как бытовая сторона жизни» (X, с. 25); «Оба эти произведения [повести Даля и Григоровича].. интересны не как повести, а как мастерские очерки бытовой стороны жизни» (там же, с. 42). Так стали называться и сами очерки, повести, драмы и т. д., посвященные изображению быта, образа, форм и обыкновений жизни народа в различных его социальных слоях.[266] Характерным свидетельством первоначальной связи слова с терминологией, популярной преимущественно в языке интеллигенции, и его относительно узкой распространенности может служить следующий любопытный диалог между интеллигентом и жандармским генералом в антинигилистическом романе В. П. Мещерского «Тайны современного Петербурга»: «— С какой стороны вы хотите это изучение [Петербурга] делать? — Со стороны бытовой. — Это что — *бытовой*? — А так: я хочу изучать нравы общества» (К. В. М. Тайны современного Петербурга. I, Нигилисты, СПб., 1876, с. 318).

Так же ограничено было до 70-х гг. и употребление гл. *бытовать*, впервые встречающегося еще в научных произведениях 40-х гг.

Научный. Слово *научный* отсутствует в Слов. 1847; впервые Д[1] («*Наукóвый*, *наýчный* — до науки относящийся. Научное образование — на науке основанное. Научный взгляд — образ мыслей, сужденья ученого. Опыт нередко спорит с наукой (умозрительною) и научными сведеньями»). Об истории этого слова см.: Виноградов (Очерки, с. 394 и ИАН ОЛЯ, т. X, вып. 3, 1951, с. 195); см. также Е. А. Земская, с. 14—18. В датировке появления этого слова нет полной определенности. В. В. Виноградов в одном случае, ссылаясь на Я. К. Грота,[267] упоминает его среди слов, образованных в 40—60-х гг. XIX в. (см. Очерки), в другом же (см. ИАН ОЛЯ) — возводит его к новообразованиям 30—40-х гг. Е. А. Земская, пытаясь дополнить и уточнить показания Грота, пишет: «Однако слово *научный* начало употребляться.. уже в 20-е гг. XIX в.» (с. 15).[268]

---

[266] Особенно распространилось это последнее употребление к концу века. Ср. в «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина (СПб., 1898—1899): «Шутливая бытовая повесть в духе фабльо» (III, с. 393); «Бытовая комедия конца XVIII в.» (IV, с. 123); «Песни эпические, обрядовые.., бытовые» (III, с. 85) и т. д.

[267] Я. Грот (Филолог. разыск., I, с. 18 и 22) говорит о слове *научный*, касаясь тех слов, «которые принялись на нашей памяти», которых не было лет 30—40 тому назад (т. е. в 1820—1830-х гг.) и которых «не знали ни Карамзин, ни следовавшие за ним писатели». Вместе с тем он относит его к словам, получившим полные права гражданства в 60-х гг.

[268] Видимо, к хронологической передвижке ее побудил пример, извлеченный ею из картотеки Словарного сектора Института языкознания (см. Е. А. Земская, с. 15).

Нет определенности и в выяснении отношений этого слова к другим прилагательным, образованным от сущ. *наука* (*науковый*, *наукообразный*). В. В. Виноградов лишь указывает, что *научный* заменило более старое *наукообразный* (ср. ИАН ОЛЯ, т. X, вып. 3, с. 195), тем самым давая повод думать, что слово *наукообразный* существовало до 1830—1840-х гг. Ниже мы приводим некоторые данные, позволяющие уточнить историю образования слова *научный* и его синонимов.

Слово *научный* впервые стало употребляться не ранее второй половины 40-х гг. Во всяком случае, в наших материалах наиболее ранними примерами являются цитаты из статьи В. А. Милютина «Мальтус и его противники» (впервые Совр., 1847, № 8). Ср.: «Этот анализ.. раскроет неосновательность придуманной теории совершенно положительным и научным образом» (Совр., 1847, № 8, с. 157); «более научным образом» (с. 136).[269] Ни у Пушкина в его статьях 20—30-х гг., ни у Н. Полевого, ни даже в произведениях Белинского и в работах Герцена 40-х гг. слово *научный* не встречается. Оно не было известно людям поколения 1820—1830-х гг.

Несколько ранее можно встретить прил. *науковый*, отмеченное у Даля и до сих пор сохраняющееся в польском, украинском и белорусском языках. Но его употребление было ограничено, слово это быстро сошло у нас со сцены; оно, несомненно, было не собственно русским новообразованием, а употреблялось отдельными авторами под воздействием польского языка. Ср. в письме А. А. Краевского В. Г. Белинскому от 5 июня 1839 г.: «Мне кажется, всего бы лучше придать ей [статье о Менцеле] форму статьи не критической по поводу напечатания на русском двух частей книги Менцеля, но науковой, т. е. чтоб она годилась в отдел наук» (Белинский и его корреспонденты. М., 1948, с. 96). Характерно, что Даль, включая и эту форму в свой словарь, не иллюстрирует ее, однако, никакими примерами. В произведениях некоторых писателей 1830—1840-х гг. находим в этом смысле и прил. *наукообразный*. Оно довольно часто выступает в статьях, рецензиях и письмах Белинского. Ср.: «У нас как будто никто и не понимает, что без изучения глубокого и напряженного, без наукообразного развития эстетического чувства нельзя понимать поэзии» (V, с. 587); «Кант первый положил прочные начала новейшей философии и дал ей наукообразную форму» (VIII, с. 502); «Мне сладко думать, что я, лишенный не только наукообразного, но и всякого образования, сказал первый несколько истин, тогда как премудрый университетский синедрион порол дичь» (Письмо Н. В. Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839; XI, с. 384); «наукообразное изложение» (II, с. 534; V, с. 488) и др. Ср. у него же и образование на *-ость*: «Душу учения составляет система и наукообразность изложения» (VI, с. 96). Так же часто употребление его и в произведениях Герцена 1840-х гг. Ср.: «Мысль эта.. развилась в стройной, строгой, наукообразной форме спекулятивным, диалектическим мыслителем [Гегелем]» (III, с. 39); «[Гете] в письмах к Шиллеру говорит, что у него нет никакой способности наукообразно развить свои мысли» (III, с. 115); «Первый пример наукообразного изложения естествоведения представляет Гегелева „Энциклопедия“» (III, с. 118); «Я.. хочу.. быть полезным, сообщая чрезвычайно важную теорию, доселе от внимания величайших врачей

Это — цитата из письма В. А. Жуковского (1862) к вел. княгине Александре Федоровне (см. Жук., VI, с. 276). Но здесь цитируется поздний перевод данного письма с французского, сделанный редактором издания.

[269] Любопытно, что в той же статье в том же смысле и в тех же сочетаниях употребляется по традиции и слово *ученый*. Ср.: «доводов.., не имеющих никакого ученого достоинства» (с. 135); «Их мнения.. не были развиты подробным и ученым образом» (с. 142).

ускользнувшую, нынче же.. наукообразно развитую и наблюдениями проверенную» (IV, с. 240; см. еще II, с. 106, 123, 144—146, 149, 306, 350) и т. д. Напротив, в произведениях Герцена 1850—1860-х гг. прил. *наукообразный* встречается эпизодически, но зато там появляется прил. *научный*. Ср.: «Мысль об экзамене, побеждающая научный интерес» (VIII, с. 149); «Каразин.. хлопочет об учреждении повсеместных метеорологических наблюдений в России; ставит в 1808 г. совершенно *ясные наукообразные* требования по этой части, которые наука до сих пор не может удовлетворить» (XVI, с. 68). Ср. также у Хомякова: «Все это относится к познанию наукообразному, к определению логическому» (I, с. 11).

Прил. *наукообразный* родилось в философских кружках Москвы 1830-х гг. и представляет собою буквальную передачу нем. wissenchaftlich. Но широкого распространения в качестве относительного прилагательного к существительному *наука* оно не получило, тем более что оно всегда заключало в себе специфический ограничительный оттенок смысла: «Соответствующий требованиям науки, сообразный с ними». С 50—60-х гг. оно встречается уже очень редко и постепенно приобретает тот особый, «ухудшающий» смысл («только внешне, по виду научный»), который за ним и отмечают обычно наши современные словари.

Изредка в языке научных и публицистических произведений 30—40-х гг. еще можно встретить и заимствованное слово *сциентифический*, употребительное с XVIII в.[270] Ср.: «Вот система чтения сциентифического, начерченная мне Морошкиным» (Герц., XXI, с. 21); «Несмотря на это распадение с жизнию, ученые .. захотели вершить безапелляционным судом все сциентифические и художественные споры» (III, с. 50—51); «Эта жизнь общественная, художественная, сциентифическая, — все это для мужчины» (II, с. 69); у Белинского: «Вторая крайность производит сциентифических спекулянтов и торговцев, ограниченных и пошлых утилитаристов» (VIII, с. 286). С середины XIX в. это прилагательное окончательно выпадает из употребления.

В общем же до 1850-х гг. почти безраздельно употреблялось слово *ученый*, сочетавшее в себе и значения «выученный, наученный», «знающий науку», «отличающийся ученостью», и значения «посвященный вопросам науки, занятый ими», «основанный на принципах науки». Ср. хотя бы у Белинского: «История ученой русской литературы» (V, с. 524); «Движение в ученой и учебной литературе» (V, с. 586); «Сочинения учено-беллетристического содержания» (VIII, с. 93); «Истинный, ученый метод исторической критики» (IX, с. 194); «Понятие о свободе ученого исследования» (IX, с. 195) и т. д.; у него же и описательное выражение этих смысловых отношений; напр.: «Недостаток солидного, прочного, основанного на науке образования» (V, с. 587).

В начале 50-х гг. слово *научный* людьми, чьи языковые привычки и речевые навыки сложились ранее, еще расценивалось как новое и необычное, хотя, с точки зрения многих из них, и заслуживающее признания. В этом смысле показательна заметка И. Покровского в «Москвитянине». Приведя цитаты из «Отечественных записок» Краевского за март 1853 г. («науковый организм», «особые науковые приемы», «научные выводы»), он приходит к выводу: «Оба эти новые слова хороши, благозвучны и потому, может быть, будут усвоены языком, тем более, что они заменили бы слово иностранного происхождения: *сциентифический*» (Москвит., 1853, № 17, Смесь, с. 51).[271] Характерно удивление

[270] См. Яновск.: «*Сциентифический*. Глубокомысленный, глубокоученый, принадлежащий до отвлеченных и высоких наук».

[271] Впрочем, здесь же выражается сожаление, что *науковый* и *научный* не разграничены по значению: «Между тем *науковый* должно бы значить собственно: принадлежащий науке, а *научный* — заимствованный из науки».

Гоголя, когда в разговоре с ним, происходившем в 1852 г., было употреблено слово *научный*. «Он вдруг перестал есть, смотрит во все глаза на своего соседа и повторяет несколько раз сказанное мною слово: „научный, научный, а мы все говорили «наукообразный»: это неловко, то гораздо лучше“» (А. Тарасенков. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-е, М., 1902, с. 10—11).[272]

Но не все встретили новое слово сочувственно. Неоднократно выражала свое неодобрение новому слову «Северная пчела». Встретив это слово в брошюре М. С. Хотинского «Природа с ее таинствами и богатствами», Булгарин возмущался: «Что это за слова *научный*, *научное*? Это *новое* изобретение новых кователей русских слов и перешло к нам от московских философов. Вместо того, чтоб сказать „основываться на *научных* данных“, надлежало бы сказать по утвержденным правилам существующего и общепонятного русского языка: *основывается на данных*, *представляемых наукою*. Говорится: наука, ученость, а не *научность*. Эта *научность* слово странное и дикое: оно дерет ухо! Весьма желательно, чтоб умный и ученый (а не *научный*!) М. С. Хотинский избегал употребления *нововыкованных*, неловких, незвучных и несоответственных предметам слов, которые весьма хороши только в бессмыслице некоторых новых писателей-*жанристов*» (Ф. Б. Ливонские письма; Сев. пчела, 1852, № 161, с. 642; см. также 1853, № 13, с. 50; № 36, с. 142).

Как видно, Булгарин относил и этот неологизм на счет новых писателей, связанных с «натуральной школой». Но, видимо, эти данные о среде и времени, в которых явилось слово, следует несколько ограничить. Мы не можем и здесь найти конкретного «виновника», однако ясно, что слово явилось в конце 40-х гг. и у представителей младшего поколения, начинавшего в это время свою деятельность и не связанного языковым «узусом» предшествующего времени. Таким, между прочим, был и безвременно погибший мыслитель 40—50-х гг. В. А. Милютин.

Насмешки и издевательства Булгарина в 50-е гг. оказались одинокими. Акклиматизация слова проходила при благоприятных условиях и очень быстро. В 50-е гг. оно уже распространено достаточно широко и, во всяком случае, встречается не только у писателей «новой школы» и молодого поколения. Его знают и признают и те писатели, язык которых сформировался в другое время и при других условиях. Ср., напр., у С. Аксакова: «Мало вынес я научных сведений из университета» (II, с. 162); «Очень умный и научно образованный человек» (III, с. 24); «Шатров не имел научного образования» (III, с. 10).[273] Вскоре от него явилось и отвлеченное существительное (ср.: «Луи Блан мало заботится.. о строгой научности своих приемов» (Михайловск., III, с. 5)); выступает оно и в разных сложениях: *научно-популярный*, *научно-философский* и т. п.

Впрочем, наряду с ним, часто в том же смысле и в сходных или тождественных фразеологических условиях, продолжает встречаться и его наиболее сильный предшественник — прил. *ученый*.[274] Эта двойственность не совсем устранена и до настоящего времени. Однако в дальнейшем слово *научный* все более безраздельно брало на себя выражение общего значения «относящийся к науке» (со всеми его вариациями), а *ученый* в этом смысле становится все менее употребительным. В современном употреблении синонимические отношения между этими словами сохраняются уже только как остаточные; *ученый* как синоним *научного* оказывается по преимуществу фразеологически замкнутым в некоторых

---

[272] В «Выбранных местах из переписки с друзьями» находим, между прочим, именно *наукообразный*. Ср.: «Сам Гете.. показал уже сим самым наукообразным стремленьем своим личность свою» (VIII, с. 382).

[273] Все цитаты из произведений, написанных им в 1853—1858 гг.

[274] Ср. некоторые примеры у Е. А. Земской (с. 16—17).

ходовых формулах (ср. «ученый совет», «ученые записки», «ученая степень», «ученое звание» и т. п.); только в отдельных случаях возможно относительно безразличное применение того и другого слова (*научные* и *ученые труды*, *научный* и *ученый спор*, *с научной* и *ученой целью* и нек. др.). Таким образом, в истории этих слов ярко проявилась характерная для изучаемого периода тенденция к размежеванию значений, вызванная дифференциацией понятий.

Как уже сказано, остальные конкуренты нового слова (*сциентифический*, *науковый*) сходят со сцены в момент закрепления его в языке, а *наукообразный* также вовлекается в процесс дальнейшей смысловой (а также и стилистической) дифференциации.

Первичный. В современном языке выделяется небольшая группа прилагательных, произведенных от основы порядковых числительных с общим значением «относящийся к известной стадии в развитии чего-либо». Таковы *первичный*, *вторичный*, *третичный*, *четвертичный* (период). Так, *первичный* означает «являющийся первой ступенью в развитии; исходный, первоначальный» (или «основной, главный»; ср. *первичные половые признаки*); *вторичный* — «являющийся на второй стадии развития; производный или зависимый от того, что является исходным, первоначальным»; *третичный* — «представляющий третью стадию чего-либо» (ср. также *третичный период* в геологии). Этот ряд развился в научном языке середины XIX в. В Слов. 1847 прил. *первичный* вообще нет; в слове *вторичный* указано лишь значение «бывающий или случающийся в другой раз» (устойчиво сохраняющееся и сейчас в общем языке, но никак уже не связанное с иным, специальным употреблением этого слова); также и *третичный* («бывающий, делаемый в третий раз»); прил. *четвертичный* отсутствует.

Слово *первичный* и новое значение у слова *вторичный* отмечены впервые у Д[1]: «*Первичный* — до первины и первицы относящ. Первичная зараза — принятая и на месте передачи оказавшаяся; вторичная — перешедшая через кровь и соки, на другое место». (Любопытно, что при прил. *вторичный* (в гнезде на слово *Второй*) это значение не указывается).[275] Новое слово *первичный* отмечает и П. Кеппен в своих материалах с характерной цитатой: «Эти часы очень незамысловатого, простого, т а к с к а з а т ь, первичного устройства» (Москвит., 1856, I, с. 195). В 50-е гг. такое употребление уже достаточно обычно в книжном языке. Ср. у Чернышевского (рецензия 1854 г.): «Гильфердинг говорит о славянском языке как о языке первичного образования. Но мы не знаем такого языка; мы знаем только славянские наречия; первичный же славянский язык, из которого они произошли, нам не известен» (II, с. 418). Здесь можно видеть новообразование по типу уже существовавших прилагательных *вторичный*, *третичный*, но подвергшееся семантической индукции и неожиданно сближенное с прил. *первоначальный*, *первообразный* и т. д. В свою очередь, прил. *вторичный* испытало обратное семантическое воздействие со стороны вновь образованного *первичный*. Слово *третичный* в новом смысле первоначально является в составе специальных сочетаний в геологической терминологии: *третичный слой*, *третичные отложения*, *третичный период* (ср. Толль). *Четвертичный* также закрепляется в этой терминологии, но, видимо, несколько позднее (оно отсутствует у Толля).

Покладистый. Это слово отсутствует в Слов. 1847. Д[1]: *покладистый* (но только в вещественном значении: «*покладистая коробья́* — укладистая, емкая»); рядом с этим «*покладный*, *покладчивый*, нвг., ниж. сговорчивый, с кем легко условиться, согласиться». Это слово не является собственно

[275] Не указано это значение при слове *вторичный* и у Орлова. Ср. в Слов. Акад. 1892 со специальной пометой: «2. *Мед.* Происходящий вследствие чего-либо другого, последственный. Вторичная болезнь». Судя по всему, до конца века слово в этом смысле остается в пределах чисто специального употребления.

неологизмом литературной речи. Оно пришло в нее из областных говоров. Его история представляет интерес лишь как одна из ярких иллюстраций, свидетельствующих о сильной словообразовательной вариантности в кругу прилагательных данного времени. Выше мы говорили о ней применительно к словообразованию прилагательных, заимствованных из других языков. Этот пример наглядно свидетельствует о том, что вариантность касалась и слов, пришедших из диалектной среды. Еще в середине и второй половине XIX в. можно отметить сосуществование различных суффиксальных образований этого прилагательного: *покладливый*, *покладчивый*, *покладный* и *покладистый*. Лишь к самому концу века берет верх форма *покладистый*, остальные варианты постепенно выходят из употребления. Все эти варианты восходят к народной речи в различных ее диалектных ответвлениях. (Ср. в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914) форму *покладистый*, она отмечена также в воронежских, липецких говорах; *покладливый* — в валдайских, нижегородских, иркутских говорах; *покладчивый* — во владимирских; *подкладный* — на Ладоге и т. д.). Ср. примеры из различных авторов второй половины XIX в. *Покладный*: «Попихалов — человек веселый, покладный, услужливый» (Помял., I, с. 349); «Он всем доволен, ни на что не жалуется .. кажется, для него выдумали слово „покладной“» (Гонч., II, с. 62); «Защитникам русских глаголов на *-ировать* не худо ознакомиться со взглядом самих немцев на окончание, которое мы у них так покладно заимствовали» (Я. Грот, Филолог. разыск., II, с. 829) и т. д.; *покладчивый:* «Все обходилось у них как-то без слез и кончалось очень покладчиво» (Погосск., I, с. 89); *покладливый*: «По тихому и покладливому нраву.. вся рота любила его» (Погосск., I, с. 239); «Блестящий капитан.. был огорошен словами Василия Леонтьевича, казалось, недалекого и покладливого служаки» (Станюк., III, с. 266); «Эти покладливее: они какую хотите ливрею на себя вденут» (Леск., ПСС, XXVI, с. 160); «[Подросток] стал относиться к ней, как к старому, покладливому другу» (П. Никитин [Ткачев]. Литературное попурри; Дело, 1876, № 6, с. 20) и т. д.; *покладистый*: «Мы, люди глуповского мира, слишком повадливы, слишком покладисты» (Салт., III, с. 54); «Тот.. поплелся за ним с небрежным видом покладистого малого» (Маркев., VII, с. 121); «Генерал Голубко.. трепал покладистого музыканта по плечу» (Мам.-Сиб., V, с. 493); «Доктор, повидимому, веселый и покладистый малый» (Чех., VI, с. 278) и т. п. Наиболее сильными конкурентами были, как видно из этого, *покладливый* и *покладистый*.

Предвзятый. Ни Слов. 1847, ни Даль не дают еще этого прилагательного. В Слов. 1847 приводятся лишь церковнославянские глагольные формы *предвзяти* и *предвзымати* с общим определением: «Предварительно взять; занимать или захватывать, упреждая других» (с пометою «*церк.*»). Примеры на эти глаголы (*предвзять*, *предвзымать*), приводимые у Даля, восходят также и к разговорному и деловому языку, но остаются в пределах того же исходного общего временного значения («взять, за(со)брать наперед, до сроку». Ср.: «В счет оброка предвзято столько-то. С нас подати предвзимают, сколько могут»).[276] Слово *предвзятый* в его современном значении, относящемся к сфере мысли и характеризующем в известном отношении ее направление и выводы («принятый заранее, до знакомства и без учета действительных фактов, основанный на предубеждении»), впервые появилось в публицистической речи конца 50—60-х гг. Его отмечает в своих материалах Кеппен, иллюстрируя цитатой из книги

[276] Как причастие от гл. *предвзять* в указанном общем смысле слово *предвзятый* употреблялось в текстах XVIII и первой половины XIX в. Ср.: «Не могу я точно судить об предвзятых по губернии Азовской каких-либо генеральных правилах» (Письма и бумаги А. В. Суворова, т. I. СПб., 1916, с. 150).

М. Корфа «Жизнь Сперанского»: «Изложить события.. без всяких предвзятых взглядов». Такое значение сложилось, по мнению Кеппена, под несомненным воздействием нем. vorgeffasst (ср. vorgefasste Meinung).

Однако в произведениях 60-х гг. можно встретить еще и иные попытки выразить этот же смысл. Ср.: «Мы знали, что наши литературные противники придирчивы к фразам; поэтому мы и не говорили прямо, что мы намерены защищать молодое поколение; если бы мы произнесли эту фразу, то со всех сторон посыпались бы на нас обвинения, что мы пристрастны, что мы приступаем к роману [«Отцы и дети»] с предзанятой мыслью» (Антонович, с. 468); «Историк тот же натуралист; ему нельзя приняться за свое дело с заранее готовой идеей» (Н. Шелгунов. Ученая односторонность; Русск. слово, 1864, № 4, с. 33);[277] «Но неужели.. художник может.. составить картину современной жизни для выражения заранее взятой идеи?» (А. Милюков. Отголоски на литературные и общественные явления. СПб., 1875, с. 196; статья 1863 г. о романе Писемского «Взбаламученное море»). Однако очень скоро, в 60—70-х гг., слово *предвзятый* становится обычным, употребительным в различных стилях речи и у разных авторов, основным выразителем данного понятия. Оно является, как правило, в сочетаниях *предвзятая мысль*, *теория*, *предвзятое мнение*, *суждение*, *предвзятый взгляд* и т. п., т. е. со словами, относящимися к результатам мыслительной деятельности. Ср., напр.: «Если люди.. оказываются особенно расположенными к коллективному труду, если у них образуется ассоциация совершенно естественно, помимо всяких предвзятых теорий, то, мне кажется, нетрудно понять, что добровольная ассоциация и развитие индивидуальности.. совершенно необходимы друг для друга» (Писар. (Павл.), III, с. 323); «Тот же масштаб Токвиль приложил и к американскому союзу, разбирая составные его части с известным предвзятым воззрением» (Благ., с. 165); «Марко Вовчок не имеет в виду никаких подобных предвзятых целей» (Салт., V, с. 368); «Нужно заранее отказаться от иных предвзятых взглядов» (Дост., V, с. 450); «Пиеса, в которой этот свой высоко-художественный тип автор вывел бы без всяких подставных целей, без всякой предвзятой мысли, составила б истинный chef d'oeuvre автора» (Н. Б. Текучая беллетристика; День, 1864, № 31, с. 17) и т. п.[278] Ср. также и сущ. *предвзятость*: «[А. Григорьев] был только человек ума, спокойной объективности которого мешали разные предвзятости» (Н. Языков [Шелгунов]. Пророк славянофильского идеализма; Дело, 1876, № 9, с. 31); «Он не посмотрит, всех за грош продаст! И продаст даже помимо предвзятости, просто потому, что таково было свойство его природы» (Салт., XVII, с. 206). См. также: В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки (сб. Этимология, М., 1963, с. 99—101).

§ 11. Глагольное словообразование представлено в это время хотя и немногочисленными разрядами, но некоторые из них активно пополняются новыми словами (хотя число новообразований здесь меньше, чем в кругу имен существительных и прилагательных).[279] Так как новые глаголы все отыменного происхождения, то нам важно отметить прежде всего зависи-

---

[277] Ср. позднее у него: «Идеальная нота обхватила г. Авдеева своей действительной правдой, влекла его к себе своей действительной силой, а другая, предвзятая мысль, которой он задался, заставляла его развенчивать Тамарина» (Н. Шелгунов. Неконченные вопросы; Дело, 1871, № 4, с. 22).

[278] Значительно реже в сочетании с существительными другого круга, где поэтому слово более обнажает свою «внутреннюю форму». Ср. в романе В. В. Крестовского «Вне закона»: «Вельтищев нарочно играл с ней предвзятую роль, чтобы мнимой покорностью усыпить ее бдительность» (VII, с. 624).

[279] Мы не касаемся здесь внутриглагольного словообразования, т. е. образования видовых форм глагола.

мость глагольного словообразования от процессов, словообразовательных и семантических, проходивших в кругу имен, прежде всего имен существительных. Появление новых имен существительных, наделенных яркой смысловой определенностью и обособленностью, терминологически важных, вело к образованию от них в ряде случаев особых глаголов (ср. ниже наши замечания о развитии класса глаголов на *-ничать*, отчасти на *-(ство)вать*). Развитие новых терминологически определенных значений у существительных отглагольного происхождения вело, в свою очередь, к образованию от них вторичных глаголов, тесно связанных по значению с указанными существительными. Старые словопроизводственные связи изменялись и нарушались; происходила перестройка словообразовательных гнезд и рядов. На это обращали внимание уже современники данных процессов. Вот несколько характерных иллюстраций этого.

Внимание пуристов 30-х гг. привлекло появление в литературном языке гл. *вдохновлять — вдохновить*.[280] Даже Я. К. Грот, вообще терпимо относившийся ко многим неологизмам этого времени, писал: «Еще безобразнее и неправильнее нестарое слово *вдохновлять* (от гл. *вдохнуть* произошло причастие *вдохновенный* (как от *обыкнуть—обыкновенный*), а от причастия, уже совершенно наперекор грамматике и логике, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, как будто это то же, что *благословить — благословенный*!)» (Филолог. разыск.,I, с. 19). Но логика языкового развития и прежде всего логика законов образования новых слов лишь отчасти подчиняется сложившимся грамматическим отношениям; она зависит также от внутренних семантических процессов в слове, накладывающих свой отпечаток и вносящих коррективы в эти сложившиеся грамматические отношения. Об этом очень хорошо свидетельствует и история этих «неправильных» (с точки зрения прошлых отношений) новообразований. Пуристическая критика 30—40-х гг. связывала появление и распространение гл. *вдохновить—вдохновлять* с речевой практикой журнала «Московский телеграф» и его издателя Н. Полевого.[281] В анонимном памфлете «Авторский вечер» (М., 1835), направленном против Сенковского и его школы, также ведется спор по поводу этого слова между дядей-пуристом и племянником — представителем новой школы. Аргументы того и другого не лишены любопытства. «Ну, как же можно подражать такому вздору? — с негодованием закричал дядя, — возможно ли сказать: *он меня вдохновлял*! . . — Как, дядюшка, с дерзостью вскричал я, — можете вы порочить слово *вдохновлять*! Это слово новое, но в то же время и необходимое, которого никаким другим словом заменить невозможно.— А куда же девалось слово *воодушевлять*? — Да, так! но *вдохновлять* гораздо лучше и выразительнее в том смысле, в котором оно употреблено» (с. 133—134). Племянник далее пытается доказать, что неологизм грамматически правилен, что отношения между *вдохновение*, *вдохновенный* и *вдохновить*, *вдохновлять* аналогичны отношениям между *удивление*, *удивленный—удивить*, *удивлять*. Он полагает, что «старики наши по упрямству только не хотели употреблять этого слова». На что дядя резонно с формально грамматической точки зрения заявляет: «Из приведенного тобою сравнения слов *вдохновенный* и *удивленный* еще не следует, что от всех слов могут производимы быть другие слова. От *вдохновенный* нельзя произвесть *вдохновлять* или *вдохно-*

[280] См. подробно об истории этих глаголов в статье В. В. Виноградова «Из истории русской лексики» (Русский язык в школе, 1941, № 2).

[281] Со ссылкой на «Московский телеграф» приводит примеры «вдохновлять гения» и «вдохновлен страстями» М. А. Дмитриев в примечании к запискам И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» (т. II, М., 1866, с. 155). Ср. у С. П. Шевырева: «Греч. . нападает на слова *вдохновить*, *вдохновительный*, называя их варварскими, беспаспортными. . Но дело в том, что слова *вдохновить*, *вдохновительный*, до которых мы также не охотники, едва ли не чаще всего являлись в „Телеграфе“». («Чтения о русском языке» Н. И. Греча; Москвит., 1841, № 3, с. 190).

вить, точно так, как нельзя произвести от *незабвенный—незабвенить*, от *надменный—надменить*, от *согбенный—согбенить*, *от поползновенный—поползновенить*» (с. 135). Этими убийственными аргументами и аналогиями дядя-пурист и сочувствующий ему автор полемической брошюры считают спор поконченным. Но это только видимость разрешения спора. Вопросы словопроизводства не разрешаются лишь грамматическими аналогиями; они решаются в ходе развития языка взаимодействием установившихся грамматических правил и развертывающихся лексико-семантических процессов. Во всяком случае, появление и закрепление в языке гл. *вдохновить* не было только случайностью и грамматической ошибкой; появление грамматической аномалии было обусловлено реальной необходимостью в новом слове. Именно на это и обращает внимание в цитированном диалоге представитель новой школы. *Вдохновлять* действительно было «гораздо лучше и выразительнее в том смысле, в котором оно употреблено». А появилось оно прежде всего благодаря тому, что слово *вдохновение*, в том его отвлеченном особом смысле, который развился в литературном языке XVIII—начала XIX в., семантически обособилось от более широкого и неопределенного по смыслу гл. *вдохнуть*.[282] Во всяком случае, слово, впервые пущенное в ход Н. Полевым,[283] уже у молодого поколения 30-х гг. получило полное признание. Оно не встречается у Пушкина и у многих других представителей старшего поколения, но зато стало обычным уже у Белинского, Тургенева, Дружинина и др. писателей, чья деятельность развернулась в 30—40-х гг.[284]

Другой пример такого вторичного образования представляет гл. *влиять*.[285] В старое время, в частности в XVIII и начале XIX в., имел распространение гл. *влиять*, как «славенский» синоним русского *вливать*. Но гл. *влиять* в новом смысле («иметь, оказывать влияние») не имеет к этому употреблению прямого отношения. Новое значение гл. *влиять* нельзя рассматривать как внутреннюю семантическую эволюцию старого «славенского» глагола. Посредствующим звеном здесь явилась эволюция слова *влияние*, которое с 60-х гг. XVIIIв.[286] стало употребляться в смысле

---

[282] Любопытно, что Н. Греч в своих «Чтениях о русском языке» (СПб., 1840, с. 26—27), отвергая *вдохновить—вдохновлять*, вместе с тем спрашивает, как выразить по-русски то понятие, которое выражается франц. inspirer. Ему ничего после этого не остается, как обратиться к заклинаниям и осуждать слово как слово, как чистую форму. «Жалок тот писатель, — заявляет он, — который для выражения своей мысли имеет надобность именно в этом слове, а не в другом!».

[283] Ср.: «Мир.. исполняет его [Державина] восторгом, вдохновляет только негодованием, если он видит случайное нестройство частей» (Н. Пол., I, с. 122).

[284] Ср., напр., у Белинского: «Роль должна одушевлять и вдохновлять актера» (I, с. 183); «[Поэты] становятся благородны и чисты, когда вдохновляются» (VII, с. 346) и др. Можно понять, насколько «убедительно» звучали на этом фоне категорические отрицания А. Н. Греча в «Справочном месте русского языка» (СПб., 1839): «Слов *вдохновить* и *вдохновлять* нет в русском языке. Они встречаются только у писателей, которые не обращают внимания на произведение слов, употребляемых ими» (с. 14).

[285] См. о нем в статье В. В. Виноградова (О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. ИАН ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 3, с. 188—190).

[286] За употребление сущ. *влияние* в этом новом смысле осуждал Шишков, между прочим, Карамзина и его школу. Это дало повод приписывать новое употребление сущ. *влияние* в отвлеченном смысле и, в частности, новую конструкцию *влияние на* Карамзину (Будде, Булаховский). Г. Хютль-Ворт (Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956, S. 86—87) указала на употребление слова в этом смысле в 1780-х гг. в журнале «Вечерняя заря». Но слово *влияние* как соответствие influence встречается уже и в 60-х гг. Ср. в романе Ф. Эмина «Приключения Фемистокла» (СПб., 1763): «Небеса не имеют толь явного влияния на вещи, коль суть человеки» (с. 145). Встречается оно и в переводе «Писем о разных физических и филозофических материях» Л. Эйлера, принадлежащем С. Румовскому. Ср.: «действие или влияние, которое чувства на душу имеют» (ч. II, СПб., 1772, с. 58).

франц. influence и к началу XIX в. окончательно утвердилось в литературном языке в этом особом отвлеченном смысле, вытеснив все другие синонимы, еще употреблявшиеся в книжном языке второй половины XVIII в. (*инфлуэнция*, *натечение*, *втечение* и т. п.).[287]

Глагол *влиять* в новом смысле можно понять лишь как неологизм 40-х гг. XIX в., возникший на фоне таких устойчивых сочетаний, как *иметь влияние*.[288] Только с чисто формальной стороны можно смотреть на гл. *влиять* в этом новом смысле как на возрождение старого книжного глагола. Любопытно, что гл. *влиять* в этом значении сразу же дал повод для создания формы сов. вида *повлиять*, отсутствовавшей при *влиять* в старом его значении. Но гл. *влиять*, эпизодически появлявшийся в произведениях отдельных авторов (главным образом, писателей, не отличавшихся большою культурой и чистотой речи) еще в конце 30—начале 40-х гг., входит безусловно в норму литературного языка лишь в последние десятилетия XIX в. Характерно, что Белинский приводит как пример языковой бессмыслицы следующую фразу из повести Д. А. Смирнова (в сб. «Русская беседа», т. III, СПб., 1842): «Это сильно и вредно *повлияло* на его характер» (Бел., VI, с. 243). Очевидно, и это новшество явилось первоначально в недрах «смирдинской школы» беллетристов. Можно отметить, что даже в языке литературы 60-х гг. слово встречается редко.[289] Так, не употребителен этот глагол в произведениях Чернышевского, Добролюбова, Писарева и нек. др., при частом употреблении у них сочетания *иметь влияние*. Зато он становится вполне обычным в публицистике и художественной литературе с конца 70-х гг. Ср.: «[Паванов] занимал настолько важное положение, что мог, как говорится, „многое сделать“, и направить, и поговорить, и повлиять» (Маркев., VII, с. 332); «Художники влияют на читательское миросозерцание правдивым, художественно верным воспроизведением данной действительности» (Ткачев, Избр. статьи, с. 123); «Извещалось лишь [в газете], что преступник.. особенно влиял на некоторых „скучающих в одиночестве дам“» (Дост., X, с. 83); «В село нас гулять в этот день не пускают: боятся, чтоб картины мужицкой гульбы не повлияли вредно на детские сердца» (Салт., XVII, с. 113); «Все главные факторы экономической жизни.. сильно влияют на состояние общественного здоровья» (Ф. Эрисман. Основы и задачи современной гигиены; Русск. мысль, 1883, № 1, с. 46); «Мать повлияла на нее гораздо больше отца» (Бобор., VI, с. 267) и мн. др.[290] И здесь, после довольно длительного подспудного существования слова в литературной речи, дело заканчивается его канонизацией.

Любопытно, что несколько ранее акклиматизировалось в литературном употреблении прил. *влиятельный*. Ср.: «Муж ее отправился в Карлсруэ для свидания с проезжавшим сановным тузом из „влиятельных“»

[287] Ср. у Д. С. Аничкова: «Система физического втечения» (Избр. произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I, Госполитиздат, 1952, с. 183); у С. Е. Десницкого: «сокровиществующие миллионщики ужасное во всем правительство могут делать наваждение, influence» (там же, с. 290).

[288] Именно так на него и смотрел Я. К. Грот, который писал: «Иногда случается, однакож, что и совсем новое слово тотчас полюбится и войдет в моду. Это значит, что оно попало на современный вкус. Так было в самое недавнее время с словами: *влиять* (и *повлиять*), *влиятельный*» (Филолог. разыск., I, с. 22). Впервые этот глагол отметил в этом смысле Д[1]. Ср. в Слов. 1847: «*Влияти. Церк.* То же, что влить». У Даля слово сопровождается речением: «Художества влияют на нравы, смягчая их». Только с этим речением и ссылкой на Даля приводит его и Слов. Акад. 1891.

[289] См. впрочем: «Последнее было очень приятно Катерине Ивановне и повлияло на городового» (Дост., V, с. 450); «Нельзя влиять на тот или другой образ действия человека, не зная его причин и свойств» (Михайловск., II, с. 9).

[290] К 80-м гг., т. е. ко времени, когда слово стало особенно распространяться в книжном языке, относится резкий протест против него в пуристических «Экскурсиях в русскую грамматику» Н. Н. Гилярова-Платонова (см. у В. В. Виноградова. ИАН ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 3, с. 190).

(Тург., IV, с. 76); «Папа жил постоянно в самом центре Италии и держал во всех ее городах, местечках и деревнях.. ревностных, искусных и влиятельных агентов» (Писар. (Павл.), VI, с. 125) и др.[291]

Развитие нового отвлеченного значения сущ. *быт* дало толчок к образованию от него прил. *бытовой* и гл. *бытовать* (см. § 10, с. 278—280).

Можно отметить как характерную особенность словообразования в книжном языке этого времени, что в ряде случаев появление существительных формально отглагольного происхождения (на *-ние*) предшествовало появлению самих глаголов. Видимо, такова была очередность появления форм *голосование—голосовать*,[292] *видоизменение—видоизменять*,[293] *взаим(н)одействие—взаимодействовать*,[294] *впитывание (впитание)—впитывать*, *впитать*,[295] *умозаключение—умозаключать*, *кольцевание—кольцевать*, *сопоставление—сопоставлять*, *сопоставить*[296] и нек. др.

Активным было образование отыменных глаголов[297] с суфф. *-(н)ичать*. Круг таких глаголов, как правило, наделенных резкой экспрессией иронички и насмешки, особенно легко пополнялся в литературном языке этого времени. Обычно сочетание этого разговорно-просторечного по своему источнику суффикса с книжными основами, в частности с основами заимствованными. Семантически такие новообразования часто обозначают и характеризуют действия отрицательного, осуждаемого свойства в социальном и психологическом отношении. Здесь немало окказиональных образований, но многие из них прочно закрепились в русской литературной лексике. Вот далеко не полный перечень таких слов, лишь отчасти отмечаемых словарями второй половины XIX в. и позднейшего времени: *аристократничать* (ср. Слов. Акад. 1891: *аристократствовать*),[298] *безобразничать* (Д[1]), *беспутничать* (Д[1]), *благородничать*,[299] *бонтонничать*,[300] *великодушничать* (Слов. Акад. 1891; в Слов. 1847 только *великодушествовать*),[301] *взяточничать* (Д[1]), *вольнодумничать* (Д[1]; в Слов. 1847 только *вольнодумствовать*), *гаерничать* (Орлов, Слов. Акад. 1891; в Слов. 1847 только *гаерствовать*), *гарсонничать*,[302] *грациозничать*,[303] *дармоедни-*

[291] Аналогичную картину можно наблюдать и с прил. *вдохновительный*. Оно было «признано» несколько ранее, чем гл. *вдохновить* (см. Слов. яз. Пушкина).

[292] См. об этом в гл. I, с. 141—144.

[293] *Видоизменение* есть уже в Слов. 1847; *видоизменить* — впервые Орлов («Видоизменить породу животных»); у Д[1] есть, впрочем, *видоизменяться*.

[294] См. в § 12 этой главы, с. 309.

[295] У Орлова есть *впитание* и *впитанный*; в Слов. Акад. 1891 впервые появляется и *впитать—впитывать*.

[296] См. об этих словах у В. В. Виноградова (ИАН ОЛЯ, т. XII, 1953, вып. 3, с. 207); также Е. А. Земская, с. 24—28. Впрочем ни тот, ни другая не отмечают этой последовательности в образовании форм имени и глагола. Д[1] дает целое гнездо (*сопоставлять*, *сопоставить*, *сопоставленье*, *сопоставка*, *сопоставитель*, *-ница*, *сопоставщик—сопоставщица*, *сопоставной*, *сопоставимый*), но, вероятно, конструирует его гипотетически. Некоторые из этих образований (напр., *сопоставка*, *сопоставщик*, *сопоставной*) вообще не встречаются в языке. По нашим данным, сущ. *сопоставление* уже достаточно широко употребляется в 50—60-х гг. Гл. *сопоставлять* не встретился нам ранее 70-х гг.

[297] Производимых как от имен прилагательных с суфф. *-н-*, так и непосредственно от существительных.

[298] «[Буржуазия] имеет сильное поползновение аристократничать, хотя терпеть не может аристократов» (Герц., V, с. 37).

[299] «Поблагородничал, сестре свою часть подарил» (Леск., ППС, XXIII, с. 47).

[300] «Анфиса Павловна прямой список с Советницы, известного лица в комедии Фонвизина „Бригадир“..: она так же бонтонничает, так же мотает и проч.» (Г. [А. Григорьев]. Журналистика; Москвит., 1853, № 3, с. 129).

[301] Ср. в Слов. Акад. 1891 цитату из «Войны и мира», в Слов. совр. русск. лит. яз., II, — из «Людей 40-х гг.» Писемского.

[302] «Ведь он любит от жены удрать. До новенького охотник... Ну, вот мы и гарсонничали с ним на все лады»(Е. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 5, с. 69).

[303] «Когда человек действительно любит, разве он может грациозничать и думать о мелочах внешнего изящества?» (Писар., III, с. 50).

чать (Д[1]), *дебоширничать* (Слов. Акад. 1895: «то же, что дебоширить», с цитатой из Гл. Успенского), *дебошничать* (Слов. Акад. 1895, с цитатой из «Записок сумасшедшего» Гоголя), *деликатничать* (Д[1]), *демократничать*,[304] *ералашничать*,[305] *жантильничать* (Слов. Акад. 1897),[306] *жеманничать* (Слов. Акад. 1898; с диалектной пометой (*Новг.*)), *живодерничать* (Слов. Акад. 1898, с цитатой из «Очерков бурсы» Помяловского; ср. в том же словаре: *живодерствовать*), *жульничать* (Д[2]), *злоязычничать* (Слов. Акад. 1907, с цитатой из «Пошехонской старины» Салтыкова), *идеальничать*,[307] *интересничать*,[308] *искренничать*,[309] *истеричничать*,[310] *кликушничать* (Д[2]; Слов. Акад. 1910, с цитатой из С. Максимова; ср. *кликушествовать*), *кокетничать* (Слов. Сок.; с 30-х гг. широко употребительно; ср. также в Слов. Акад. 1911 *кокетствовать*, с цитатами более раннего времени; *кокетствовать* отмечено у Нордстета, в Слов. 1847: «то же, что кокетничать»), *копеечничать* (Слов. Акад. 1913, с цитатами из Боборыкина и Островского), *кофейничать* (Д[1]), *кустарничать* (Д[1]), *либеральничать* (Д[1]),[311] *лизоблюдничать* (Доп. Оп. 1858; в Слов. 1847 лишь *блюдолизничать*; ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., VI, цитату из Гаршина), *ловеласничать*, *лодырничать* (Доп. Оп. 1858, Д[1]; ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., VI, цитату из Л. Толстого), *мазурничать* (Опыт 1852),[312] *малярничать* (ср. в Слов. Акад. 1929 цитату из Лескова), *мародерничать* (Д[1]; в Слов. 1847 лишь *мародерствовать*), *миндальничать* (Доп. Оп. 1858; ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., VI, цитату из Станюковича), *надменничать* (см. Слов. совр. русск. лит. яз., VII, цитату из Решетникова), *наивничать* (Д[3]; ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., VII, цитаты из Гончарова и Стасова), *нервничать*,[313] *низкопоклонничать* (Д[1]; ср. в Слов. русск. лит. яз., VII, цитаты из Тургенева и Мельникова-Печерского), *ночлежничать* (см. Слов. совр. русск. лит. яз., VI, цитаты из Салтыкова и Короленко), *обскурантничать*,[314] *оригинальничать* (Д[1]; см.

---

[304] «И вот теперь они [французские либералы] опять либеральничают и демократничают» (Черн., VII, с. 697).

[305] «Что.. ужли мы и теперь все в клуб да в клуб по вечерам-то таскаться будем, да ералашничать по копейке?» ([Н. Толстой]. Вечера с разговором; Журн. землевл., 1859, № 15, с. 48; от названия карточной игры *ералаш*). См. также в Слов. Акад. 1897 цитату из Вяземского. В Слов. 1847 лишь *ералашничать* с пометою «*простон.*» в значении «говорить вздор, бессмыслицу».

[306] «Тетка ее спрашивает: счастлива ли она?.. А она жантильничает» (Леск., XXVI, с. 125).

[307] Очень употребительно начиная с 30—40-х гг.; см. об этом при слове *идеал* (гл. I, с. 74—75).

[308] Ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., V, цитату из «Отцов и детей» Тургенева; ср. также: «Конечно, и настоящие Печорины часто интересничали своим скучанием, когда это интересничание могло остаться незамеченным, сойти за чистую монету» (Писар., III, с. 32).

[309] «[Банкир-спекулянт Струсберг] любит и ненавидит, лицемерит и искренничает, и окончательно коверкает свою натуру» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1876, № 11, с. 415).

[310] «[Бахарев] стремительно достигал комнаты, где истеричничала Ольга Сергеевна» (Леск., II, с. 95).

[311] Очень популярен в публицистике 60-х гг. и последующего времени; встречается уже в 40-х гг. Ср.: «Молодой москвич не подчиняется формам, либеральничает» (Герц., II, с. 38); «Барро всегда так неумеренно либеральничал» (В. Зайцев. Библиографический листок; Русск. слово, 1865, № 1, с. 95); «Воспитанная на энциклопедистах, Екатерина вздумала было слиберальничать» (Маркев., VI, с. 406) и мн. др. Реже в этом смысле *либеральствовать*; ср.: «Он одновременно и нагло либеральствует» (там же, с. 391). Ср. также гибридное образование причастия: «Люди рутины, условных попятий, либеральничествующие из чести, всегда обнаруживают в себе стадные свойства» (Н. Шелгунов. Либеральничествующая неподвижность; Дело, 1871, № 3, с. 45).

[312] «Они ни за что бы не смазурничали, если бы их не попутал какой-нибудь скверный человек» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1876, № 11, с. 423).

[313] См. примеры на это слово в гл. III, с. 429—430. См. там же о гл. *нервить*.

[314] См. гл. I, с. 96.

Слов. совр. русск. лит. яз., VIII, цитату из «Анны Карениной»); *осторожничать* (Д[1]), *откровенничать* (Д[1]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., VIII, цитаты из Мамина-Сибиряка и Чехова), *парламентарничать*,[315] *паскудничать* (Д[1]; см. в Слов. совр. русск. лит. яз., IX, цитату из «Сатир в прозе» Салтыкова), *паясничать* (Д[1]; см. в Слов. совр. русск. лит. яз., IX, цитату из «Бэлы» Лермонтова), *полуночничать* (Д[1]),[316] *попрошайничать* (Д[1]), *попугайничать* (Д[1]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., X, цитату из Чехова), *популярничать*,[317] *посредничать* (Д[1]; ср. также Слов. совр. русск. лит. яз., X, цитату из письма Чехова 1893 г.), *привередничать* (Опыт 1852, затем Д[1]; ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., XI, цитаты из Тургенева, Салтыкова, из повести Вересаева «Два конца»), *простодушничать* (Д[1]), *пустозвонничать* (Д[1]), *радикальничать* (Д[3]), *разгильдяйничать* (Д[1]; в Слов. 1847 только *разгильдяить*), *распутничать* (Д[1]; в Слов. 1847 только *распутствовать*), *ретроградничать*, *самодурничать* (Д[3]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитаты из Добролюбова и Гл. Успенского),[318] *своенравничать* (Д[1]; там же и *своенравствовать*),[319] *сентиментальничать* (Д[1]),[320] *серьезничать* (Д[1]),[321] *сибаритничать* (Д[1]; там же и *сибаритствовать*),[322] *скаредничать* (Доп. Оп. 1858, затем Д[1]),[323] *скоморошничать* (Д[1]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитаты из Загоскина и Л. Толстого; в Слов. 1847 лишь *скоморошить* и *скоморошествовать*), *скопидомничать* (Д[1]),[324] *скорняжничать* (Д[1]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитату из Мельникова-Печерского; в Слов. 1847 только *скорнячить*), *современничать*,[325] *сотрудничать* (Д[1]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., XIV, цитаты из воспоминаний А. Панаевой и письма Ц. Кюи), *сумерничать* (Опыт 1852, затем Д[1]), *тартюфничать*,[326] *театральничать*,[327] *тряпичничать* (Д[1]), *тупоумничать* (Д[1]), *фамильярничать* (Д[1]), *филантропничать*,[328] *фискальничать* (Д[1]; в Слов. 1847 только *фискалить*), *христарад-*

---

[315] «Благоговение современных россиян перед Англиею и стремление попарламентарничать» (Совр., 1864, № 3, Внутреннее обозрение, с. 108).

[316] «У меня не полуночничают, как у вас в Петербурге,.. — говорила Марья Яковлевна» (Маркев., VI, с. 78). См. также в Слов. совр. русск. лит. яз., X, цитату из Станюковича.

[317] «Г. Спасович не популярничает» (Библ. для чт., 1862, № 2, с. 140).

[318] См. также примеры в гл. III, с. 491—492.

[319] «Она постоянно капризничала и своенравничала, строго обращалась с детьми» (П. Никитин [Ткачев]. Литературное попурри; Дело, 1876, № 8, с. 54).

[320] «Из романа немцы сделали какой-то свой собственный род поэзии; они в нем.. сентиментальничали с Августом Лафонтеном» (Бел., VI, с. 695); «[Сисмонди] сентиментальничает по поводу горести последствий концентрирования промышленного производства» (П. Т. [Ткачев]. Новые книги; Дело, 1869, № 2, с. 42). См. еще Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитаты из Герцена, Достоевского, писем Крамского.

[321] «Странно, что я как будто начинаю сериозничать...» (Авсеенко, I, с. 380). См. еще Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитаты из Тургенева и Салтыкова.

[322] «Выслушивать или прочитывать интересные рассказы — значит не трудиться, а сибаритничать» (Писар. (Павл.), IV, с. 558). См. Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, еще питату из повести В. Крестовского (псевдоним).

[323] Слово отмечено в материалах Кеппена с цитатой из СПб. вед., 1850. См. Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитаты из Г. Данилевского и писем А. Бородина.

[324] «Не способен он к тому, чтобы копить деньги, хозяйничать, скопидомничать во всем» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 5, с. 45). См. также Слов. совр. русск. лит. яз., XIII, цитаты из Достоевского и В. Крестовского (псевдоним).

[325] «Пускай их себе современничают сколько им угодно» (К. В. М. [В. П. Мещерский]. Тайны современного Петербурга, ч. I. СПб., 1876, с. 169).

[326] «Лицемерить и тартюфничать он решительно не в состоянии» (Писар., IV, с. 413).

[327] Примеры см. в гл. III, с. 459—460.

[328] «Видно забот мало, а денег много, от жира филантропничаете» (К. В. М. [В. П. Мещерский]. Тайны современного Петербурга, ч. I, с. 305; речь студента-«нигилиста»).

ничать,[329] *шалопайничать* (Д[1]), *шаромыжничать* (Д[1]),[330] *школьничать* (Д[1]), *шулерничать*,[331] *экономничать* (Д[1]; в Слов. 1847 только *экономить*) и нек. др.

Многие из этих слов не были, впрочем, новообразованиями, сложившимися в литературной речи данного времени. Они лишь пришли в нее из народно-разговорного языка и закрепились в литературном употреблении. Таковы, напр., глаголы, обозначающие трудовые действия (*извозничать*, *кустарничать*, *малярничать* и т. п.). Ср. и другие глаголы с эмоциональной оценкой действия, восходящие к народно-разговорной речи (напр., *безобразничать*, *беспутничать*, *дармоедничать*, *жульничать*, *мазурничать*, *миндальничать* и др.). Но и в литературной речи явилась благодарная почва для образования новых глаголов этого разряда. Такой почвой была публицистическая речь. Отсюда идет достаточно обширная группа глаголов, дающих резко отрицательную полемическую оценку действий или недостойного поведения. Они образованы от слов книжного отвлеченного характера (ср. *благородничать*, *великодушничать*, *искренничать*, *надменничать*, *откровенничать* и под.). Обширен и очень симптоматичен для этого времени круг глаголов на *-ничать* иронико-полемического свойства, образованных от заимствованных существительных и прилагательных (ср. *грациозничать*, *демократничать*, *либеральничать*, *радикальничать*, *популярничать*, *сентиментальничать* и т. п.).

Сравнительно ограниченный круг слов этого рода, возникших в разговорной речи интеллигентной среды, не имеет экспрессивного характера; они становятся обычными обозначениями тех или иных действий и состояний (ср. *кокетничать*, *нервничать*, *сотрудничать*). Еще в эту эпоху можно отметить конкуренцию однозначных образований с суфф. *-ничать* и *-(ство)вать*. Но она разрешается преимущественно в пользу новообразований на *-ничать*.[332] Образования на *-ствовать* были более нейтральными; суфф. *-ничать* более определенно связан с неодобрительной и иронической оценкой.

Глаголы, образованные от имен существительных с суфф. *-ство*, представляли также пополнявшуюся группу, хотя и несравненно менее активно, чем глаголы на *-ничать*, образуемые от имен прилагательных или существительных со значением лица (*-ник*). Здесь более окказиональных образований; некоторые из них, параллельные к новообразованным глаголам на *-ничать*, не выдерживали, как мы уже видели, конкуренции с этими последними. По своему значению эти глаголы распадаются на: 1) обозначающие нахождение в определенном состоянии (ср. *крестьянствовать*, *писарствовать* и т. п.), 2) определяющие действие по склонности лица к определенным поступкам (ср. *дебоширствовать*, *казнокрадствовать*, *фразерствовать* и т. п.), 3) определяющие действие лиц в каком-либо духе, в подражание кому-либо (ср. *аскоченствовать*, *донкихотствовать* и т. п.).

Вот более или менее полный список этих глаголов, образованных или ставших употребительными в это время: *аристократствовать* (Слов. Акад. 1891), *главенствовать* (Слов. Акад. 1892), *дебоширствовать* (см. в Слов.

---

[329] «Взрослые редко ходили в кусочки; только некоторые старухи не смущались и христарадничали» (Карон., с. 267).

[330] Петровых (Слов. семинар.) относит этот глагол к семинарской среде.

[331] «Когда человек.. бессознательно выучивается шулерничать с самим собою, тогда он быстро пошлеет и опускается» (Писар., III, с. 44).

[332] Редки случаи обратного отношения, когда в дальнейшем, наряду с формами на *-ничать*, возникают и распространяются формы на *-(ство)вать*. Ср. *кликушествовать* (рядом с *кликушничать*), *лакействовать* (см. в Слов. Акад. 1915 цитату из Помяловского; в Слов. 1847 лишь *лакейничать*). Ср. более новую форму *низкопоклонствовать* при *низкопоклонничать*, *сумасбродствовать* (Д[1]; в Слов. 1847 лишь *сумасбродничать*).

совр. русск. лит. яз., III, цитату из Мамина-Сибиряка), *джентльменствовать*,[333] *живодерствовать* (Слов. Акад. 1898), *идиотствовать*,[334] *казнокрадствовать* (Слов. Акад. 1906—1907), *кейфствовать* (Слов. Акад. 1909), *крестьянствовать* (Д[1]), *критиканствовать* (Слов. Акад. 1926, с цитатами из В. Соллогуба, Тургенева), *крохоборствовать* (Слов. Акад. 1926), *лакействовать* (Слов. Акад. 1915), *либеральствовать*, *лицемерствовать*,[335] *меценатствовать* (см. в Слов. совр. русск. лит. яз., VI, цитату из Мамина-Сибиряка), *мироедствовать*,[336] *нахальствовать* (Д[1]), *низкопоклонствовать*, *ораторствовать*, *писарствовать*,[337] *политиканствовать*, *попустительствовать*, *прожектерствовать*, *самодурствовать*,[338] *смотрительствовать*,[339] *стихотворствовать*,[340] *сумасбродствовать* (Д[1]), *ухарствовать* (Д[1]), *фразерствовать*, *хамелеонствовать*, *хлебосольствовать*, *чудачествовать* (Д[1]), *шаферствовать*,[341] *юродствовать*, *эстетствовать* и нек. др.

Характерно, что от целого ряда особенно распространенных и в смысловом отношении очень влиятельных существительных на *-ство* мы вообще не находим производных глаголов этого типа (при наличии часто соотносящихся по смыслу глаголов на *-ничать*). Ср. *взяточничество*, *вмешательство*, *жульничество*, *заместительство*, *крепостничество*, *народничество*, *ростовщичество*, *студенчество* и т. п.

Наиболее свободно пополнявшуюся группу составляют здесь глаголы, образуемые от собственных имен — исторических лиц или литературных персонажей. Они часто являлись в публицистике этого времени. Экспрессивно-иронический оттенок в них особенно силен. Ср.: «Я заметил, что Лерминье, хотя все еще иногда сенсимонствует, но уже начинает с почтением отзываться и о римской церкви» (А. И. Тургенев. Хроника русского в Париже; Совр., 1838, IX, с. 13); «Из последних книжек „Современника“ видно, что Чернышевский продолжает чернышевствовать, а Бов[342] — бовствовать по-прежнему» (В. Боткин. Письмо Дружинину от 29 дек. 1859; в кн.: Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, с. 59); «Так, пародируя эпиков, Ювенал начинает одну из сатир своих, о которых я невольно вспомнил теперь, при виде своих родных Ювенальчиков, розенгеймствующих[343] в стихах и прозе на нашем обличительном Парнасе» ([Д. Д. Минаев]. Дневник Темного человека; Русск. слово, 1861, № 5, с. 1); «Бурса вечно *аскоченствует*,[344] убеждения ее носят на себе всегда несчастное клеймо „Домашней беседы“, этой плевательницы нашей российской духовной литературы» (Помял., II, с. 143); «Добравшись до

---

[333] «Кто работает, тот продолжал бы работать по-прежнему, а кто джентльменствует, тот по-прежнему продолжал бы джентльменствовать, только без университетского диплома» (Писар. (Павл.), IV, с. 596).

[334] «За рутинерами стоит еще масса людей идиотствующих» (Т. З. [Шелгунов]. Френологическая оценка человеческих поступков; Русск. слово, 1865, № 1, с. 43).

[335] «Такая бесцеремонность нам, впрочем, нравится: хоть то хорошо, что не лицемерствует человек» (Добр., III, с. 246).

[336] «Трудитесь, учитесь, не мироедствуйте» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 25).

[337] «[Шкурин] писарствовал и потом письмоводительствовал при полиции» (М. Воронов. Записки слобожанина; Дело, 1871, № 3, с. 126).

[338] См. Добр., V, с. 51, 57, 110, 122.

[339] «[Юшков] все так же продолжал смотрительствовать и преподавать во вверенном ему уездном училище» (Маркев., VII, с. 3).

[340] Ср. и отглагольное существительное: «Но мы отдалились от предмета — от стихотворствования г. Хомякова» (Бел., VIII, с. 463).

[341] «Впрочем, я у тебя шаферствую [т. е. являюсь шафером на свадьбе]» (Н. Потехин. Мертвая петля; Дело, 1876, № 1, с. 83).

[342] Псевдоним Добролюбова в «Современнике», — *Ю. С.*

[343] М. П. Розенгейм — популярный представитель либерального «обличительства» 50—60-х гг., — *Ю. С.*

[344] От имени мракобеса В. И. Аскоченского, издателя журнала «Домашняя беседа» (1858—1877), — *Ю. С.*

этого порочного человека, автор немедленно пускает в ход свое красноречие и цицеронствует слишком на четырех страницах» (Писар. (Павл.), IV, с. 158) и т. п.; ср. также *донкихотствовать*. Заметим, кстати, что особенно часто образование здесь причастных форм.

* * *

Меньшее число новообразований отыменного происхождения представляют глаголы с суфф. *-еть*, *-ить*. Но и здесь можно отметить ряд новых слов, становящихся особенно популярными в литературном языке к середине XIX в. и отмечаемых впервые словарем Даля или академическим словарем конца XIX—начала XX в. Ср. глаголы на *-ить*: *бродяжить* (Д[1]; в Слов. 1847 только *бродяжничать*), *буффонить* (Д[1], Толль), *глупить* (Д[1], Слов. Акад. 1892 с цитатой из «Бесов» Достоевского),[345] *гнусавить* (Слов. Акад. 1892 — «то же, что гнусить»), *дебоширить* (Д[1]; см. Слов. совр. русск. лит. яз., III, цитату из Достоевского), *дурманить* (Слов. Акад. 1895), *искрить* (Д[1]), *итожить* (Д[1]), *каламбурить* (Д[1]),[346] *капризить* (Д[1]), *карикатурить* (Д[1]),[347] *коноводить* (Слов. Акад. 1912),[348] *конфузить(ся)* (Д[1]),[349] *перчить* (Д[1]), *роднить* (Д[1]), *рулить* (Д[1]), *сканда-лить*,[350] *сластить* (Д[1]), *стеклить* (Д[1]), *струнить* (Д[1]), *темнить* (Д[1]), *толстить* (Д[1]), *транжирить* (Д[1]), *форсить* (Д[1]), *холодить* (Д[1]), *чудить*, *шерстить* (Д[1]) и нек. др. Глаголы с суфф. *-еть* (более редкие новообразования): *звереть* (Слов. Акад. 1905, с цитатами 90-х гг. XIX в.), *наглеть* (Д[1]), *пошлеть* (Д[1]),[351] *сатанеть* (Д[1]), *хаметь* (Д[1]) и нек. др.

Почти все эти глаголы разговорного происхождения; заметное место среди них занимают образования от имен существительных заимствованных (ср. *каламбурить*, *карикатурить*, *скандалить* и под.). Обращают на себя внимание также глаголы с ярким экспрессивным оттенком, образованные от качественных прилагательных (ср. *глупить*, *пошлеть* и т. п.).

Больший простор открывался в это время для комбинированного префиксально-суффиксального образования новых глаголов. Последние особенно обильно являлись в книжной речи, пополняя ряд специальных слов. Ср., напр., образования с суфф. *-ить* и префиксами *о-*, *об-*: *обводнить* (Д[2]), *обеднить* (Д[1]), *обобщить* (впервые в Слов. 1847), *обобществить*, *обожествить*, *обособить*, *обусловить* (Д[1]), *объединить* (Д[2]), *одомашнить*, *озаглавить* (Д[1]), *оздоровить* (Д[1]; в Слов. 1847 есть *оздоравливать* в смысле «выздоравливать»), *опошлить* (Д[1]), *осложнить* (Д[1]), *осмыслить* (Д[1]), *очеловечить* (Д[1]) и др. Значительно и число появившихся в это время в специальном употреблении (а также в публицистических статьях) глаголов со сложным префиксом *обез-*. Ср. *обезводить* (Д[1]), *обезволить* (Д[1]), *обезземелить* (Д[2]), *обезличить* (Д[3]), *обескровить* (Д[2]), *обескрылить* (Д[1]), *обессмыслить* (Д[1]), *обесцветить* (Д[1]) и др.[352]

---

[345] См. еще: «Народ живет и идет вперед. Он может глупить в частностях, в отдельных уклонениях; но в целом — блестящая точка его идеала не ускользает, ибо идеал этот — экономическое довольство» (Н. Шелгунов. Дума на 1869 г.; Дело, 1869, № 1, с 3).

[346] См. в Слов. Акад. 1906—1907 цитаты из Достоевского и Чехова.

[347] См. в Слов. Акад. 1908 цитаты из Гоголя и «Истории русской словесности» Шевырева. Ср. еще: «Дуализм мутил и карикатурил истину» (В. Майк., I, с. 251).

[348] Ср. в этом словаре цитаты из Лескова и Левитова.

[349] См. в Слов. Акад. 1912 многочисленные цитаты из произведений XIX в. начиная с Пушкина.

[350] См. примеры в гл. I, с. 135—136.

[351] См. в гл. III, с. 329.

[352] Мы не касаемся здесь очень обширного круга префиксально-суффиксальных глаголов, образованных с разными приставками от беспрефиксальных глаголов.

* * *

Процесс усвоения иноязычных заимствований был связан с необычайно значительным расширением круга глаголов с суфф. *-ировать* (и его вариантом *-изировать*). Значительная часть их вошла и укрепилась в русском литературном языке именно с середины XIX в. Ср. хотя бы *авторизировать*, *агитировать*, *агонизировать*, *апеллировать*, *ассимилировать*, *атрофировать*, *боксировать*, *вотировать*, *галлюцинировать*, *декорировать*, *демонстрировать*, *жестикулировать*, *жуировать*, *игнорировать*, *идеализировать*, *иронизировать*, *кодифицировать*, *комбинировать*, *компрометировать*, *конкурировать*, *культивировать* (и *культировать*), *мистифицировать* (и *мистифировать*), *морализировать*, *объективировать*, *организировать* (и *организовать*), *ориентировать*, *парализировать* (и *парализовать*), *популяризировать*, *пропагандировать*, *регламентировать*, *регулировать*, *редактировать*, *реставрировать*, *реформировать*, *симпатизировать*, *спекулировать*, *третировать*, *утрировать*, *фантазировать*, *формулировать*, *фотографировать*, *цитировать* (и первоначально *цитовать*), *шокировать*, *эксплуатировать*, *эмансипировать* (и *эманципировать*) и мн. др. Все перечисленные глаголы еще не отмечаются Слов. 1847; употребление их подкрепляется данными позднейших словарей и материалами из произведений различных авторов и жанров 30—90-х гг. Особенно сильным стал приток этих глаголов с 60-х гг. XIX в. Так составился новый обширный словообразовательный разряд в кругу русского глагола.

Однако любопытно, что на протяжении всего XIX в. не встречается образований с этими суффиксами от чисто русских основ. Все немногие образования этого рода — продукт позднейшего времени (в основном 20—30-х гг. XX в.). Ср. *большевизировать*, *военизировать*, *коренизировать*, *озимизировать*, *советизировать*, *украинизировать*, *яровизировать* и нек. др.

Единственным признаком акклиматизации на русской почве глаголов этого разряда является образование от многих из них префиксальных глаголов. Большая часть глаголов на *-ировать* не имеет специальных видовых показателей; поэтому они либо являются одновидовыми глаголами (несов. вида), либо, в зависимости от контекстуального окружения, получают возможность выражать значение того или другого вида. Но возможно образование от этих глаголов и специальных форм сов. вида с различными префиксами. Такие префиксальные образования имели место уже и в языке XVIII в. Но их круг становится обширнее около середины XIX в. Ср., напр., *сгруппировать* (Д[1]), *скомпрометировать* (и *окомпрометировать*),[353] *сконцентрировать*,[354] *омеблировать* (и *обмебли-*

Развитие некоторых из этих типов было очень, однако, симптоматично для данного времени. Ср., напр., многие новообразования с префиксом *раз-* (*разубедить* (Д[1]), *расследовать* (Д[1]), *расчленить* и т. п.), *пере-* (*перечувствовать*, *перевоспитать*, *переисследовать* и пр.), возвратных глаголов с префиксом *из-* (*измещаниться*, *исподличаться* и т. д.), *недо-* (*недодумать*, *недополучить* (Д[1]), *недослушать* (Д[1]) и т. п.). Эти новообразования — одно из ярчайших свидетельств тесного взаимодействия разговорной и литературной речи этого времени. Но полный обзор их выходит за рамки собственно лексикологического исследования. См. о них в соответствующих разделах «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» (М., 1964), посвященных развитию глагольного словообразования.

[353] «Берегитесь! он скомпрометирует вас» (Сев. пчела, 1836, № 17, с. 63); «Боясь окомпрометировать себя» (Бел., VII, с. 385).

[354] «Искусно сконцентрированная артиллерия» (СПб. вед., 1855, № 138, с. 708).

ровать (Д[1])), *опоэтизировать*,[355] *отбуксировать*,[356] *скалькировать*,[357] *спланировать*,[358] *сформировать*,[359] *замаскировать*,[360] *урегулировать*, *проанализировать*[361] и др.

Как известно, в русском глагольном словообразовании соотносятся и часто выступают как вариантные образования глаголы с суфф. *-овать* (круг которых в XVII—XVIII вв. расширялся за счет заимствованных слов; ср. польск. суфф. -ować) и *-ировать* (*-изировать*; ср. немецкий по происхождению суфф. -ieren (-isieren)). Если XVIII в. еще предпочитал образования первого типа, то в XIX в. в кругу заимствованных глаголов явно преобладают глаголы типа второго. Колебания в образовании этих глаголов сравнительно немногочисленны. В некоторых (немногих) случаях они разрешаются в пользу форм с суфф. *-овать* (ср. судьбу на протяжении второй половины века пар *мобилизировать—мобилизовать*, *организировать—организовать*, *парализировать—парализовать*, *фильтрировать—фильтровать*, *характеризировать—характеризовать* и нек. др.). В некоторых случаях колебания устойчиво сохраняются и доходят до нашего времени (ср. *канонизировать—канонизовать*, *колонизировать—колонизовать*, *деморализировать—деморализовать*, *инструментировать — инструментовать*, *централизировать—централизовать* и др.).[362] В отдельных случаях, наконец, устраняются первоначально имевшие место образования с суфф. *-овать* (ср. *корректовать*, *цитовать* и нек. др.). Симпатии пуристов были явно на стороне традиционного оформления глаголов с помощью суфф. *-овать*.[363] Однако практически в языке этого времени от большей части новозаимствованных глаголов даже не встречаются формы с этим суффиксом. Число новообразований с этим суффиксом от заимствованных существительных невелико (ср. *бастовать* (Д[1]), *бинтовать* (Д[1]), *кейфовать* (Слов. Акад. 1909), *практиковать*, *трактовать* (Д[1]), *шлюзовать*, *штамповать* (Д[1]) и нек. др.).

§ 12. Развитие книжных стилей русского литературного языка, русской терминологической системы с неизбежностью вело к интенсификации различных типов словосложения. Эти процессы очень показательны уже для XVIII в., особенно для второй его половины; они продолжают развертываться и на протяжении всего XIX в. Словари XIX в. впервые фиксируют значительное число сложных слов, получающих свое опреде-

---

[355] «Самая проза жизни идеализируется и опоэтизировывается» (Бел., V, с. 31); ср. также: «Люди все опрофанировали» (Бел., I, с. 227), «Всегда явятся люди, которые сумеют опопуляризировать, упростить мысль» (В. Майк., I, с. 67).

[356] «Отбуксировали баркас» (СПб. вед., 1855, № 161, с. 834). Ср. еще: «Как бы нибудь отлавировать да отделаться» ([Н. Толстой]. Вечера с разговором; Журн. землевл., 1859, № 16, с. 65).

[357] «Севастьянов скалькировал фрески на тонкой бумаге» (СПб. вед., 1858, № 280, с. 1650). Ср.: «Я решил скопировать все виды [орнамента]» (Микл.-Маклай, I, с. 155).

[358] «Спланировать место» (СПб. вед., 1849, № 280, с. 1065).

[359] «[Испанские арабы] сформировали знаменитую породу испанских тонкорунных баранов или мериносов» (Писар. (Павл.), III, с. 537).

[360] «Нам хочется замаскировать этот постыдный недостаток поэтичности в нашей душе» (Черн., VII, с. 200).

[361] «Разобраться хорошенько в прошлом, проанализировать и сделать из него надлежащую выборку» (Русск. мысль, 1883, № 1, отд. II, с. 61).

[362] См. у В. В. Виноградова о суфф. *-изовать* как результате скрещения форм с *-овать* и *-изировать* (Русск. язык, с. 435).

[363] Я. К. Грот, считая разряд слов с суфф. *-ировать* «особенно неудачным» («так как тут мы видим иногда двойное искажение: французское слово видоизменено сперва немецкою формою его окончания (ieren)»), замечал, однако, по поводу пуристических попыток освободиться от него: «Чтобы уменьшить безобразие, некоторые стали отбрасывать слог *ир* и говорить, напр., *формуловать*, *цитовать*, по образцу более старых глаголов *атаковать*, *арестовать*, *командовать*, *пробовать*. К сожалению, это лишь в редких случаях возможно, да и от такой переделки мало прибыли, когда слово все-таки остается иностранным» (Филолог. разыск., I, с. 18).

ленное место в лексической системе литературного языка. Среди них представлены и образования старых, уже привычных типов и некоторые новые разряды. Большая часть этих новообразований относится к лексике книжной, в частности — к научно- и технически-терминологической. Значительное число новых сложных слов образовано путем калькирования иноязычных сложных слов, преимущественно — немецких.

Теория сложного слова представляет до сих пор значительные затруднения и заключает в себе много неясностей и внутренних противоречий. За последнее десятилетие явилось довольно большое число работ, стремившихся уточнить методологию исследования сложных слов и применительно к материалам русского и других современных литературных языков определить и разграничить различные типы словосложения.[364] Однако до сих пор некоторые противоречия и непоследовательности в решении этого круга вопросов остаются неустраненными, и мы сталкиваемся прежде всего со взаимоисключающими взглядами на один и тот же объект исследования. Наиболее спорными представляются пункты отграничения словосложения, с одной стороны, от суффиксально-префиксального образования слов, с другой — от фразеологических сочетаний различного типа, особенно получающих в языке номинативные функции отдельного слова. Попытки выделить некоторые промежуточные разряды между словосложением и префиксально-суффиксальным словообразованием имели место на протяжении последнего десятилетия неоднократно, но ни одна из них не получила еще полного признания.[365] В дальнейшем изложении мы не можем претендовать на специальное разрешение какой-либо из этих нерешенных проблем. Однако в отдельных случаях мы неизбежно вынуждены присоединиться к той или иной интерпретации этих явлений.

Два признака являются ведущими при определении сложного слова. С одной стороны, это «цельнооформленное лексическое образование»,[366] отдельное слово не только с точки зрения семантической, но и структурной, т. е. представляющее один из словообразовательных типов языка, единица семантически и морфологически нераздельная, хотя и сложная, членимая. В этом смысле сложное слово примыкает и очень часто непосредственно относится к префиксально-суффиксальным производным образованиям (ср. *народовольчество*, *мероприятие*, *канатоходец* и пр.). С другой стороны, сложное слово в отличие от иных производных слов представляет собою сочетание нескольких (в русском языке — обычно двух) знаменательных лексем. В этом смысле сложное слово часто восходит к синтаксическим сочетаниям двух отдельных слов, рождается из этих сочетаний путем их дальнейшего слияния, конденсации, «сжатия», доходящего до степени полного превращения формы.[367]

[364] См. их обзор и анализ в работе В. П. Григорьева (Некоторые вопросы теории словосложения. Автореф. канд. дисс., М., 1955); также в книге Е. А. Василевской (Словосложение в русском языке (очерки и наблюдения), М., 1962).

[365] Ср. статью Н. А. Андреева (Термины типа лесоводство, лесоведение. Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, вып. VI, 1954), где выделяется как особый тип словообразование с «суффигированными морфемами».

[366] Ср. В. П. Григорьев. Некоторые вопросы теории словосложения. Автореф. канд. дисс., М., 1955, с. 14.

[367] Это не исключает, как нам кажется, образования сложных слов не из обычных тесных сочетаний слов, а по аналогии к уже наличным типам сложных слов. Последнее, т. е. непосредственное образование сложных слов по аналогии и без предварительного существования сочетаний слов, решительно оспаривает в своей диссертации В. П. Григорьев (там же, с. 10). Но вряд ли для этого есть основания. Если, напр., как увидим в дальнейшем, слову *миросозерцание* предшествует терминированное сочетание *мировое созерцание*, то его позднейший вариант *мировоззрение* явился уже не путем сгущения сочетания *мировое воззрение* (такого сочетания и вообще не отмечается) или *воззрение мира*, *воззрение на мир*, а по прямой аналогии к уже известному слову. Сюда следует также присоединить многие слож-

Среди сложных лексических новообразований этого времени слова, возникшие путем конденсации и метаморфозы устойчивого сочетания слов, занимают большое место. Таков, напр., обширный ряд сложных слов, явившихся в результате сгущения определительных сочетаний слов (определение прилагательное + определяемое существительное) и заменяющих эти сочетания или непосредственно восходящих к таким сочетаниям (как *железнодорожный* по отношению к *железная дорога*). Ср. *взаимодействие* (первоначально *взаимнодействие*), *громоотвод* (ср. у Д[1]: «*Громовой отвод, громоотвод*, правильнее молниеотвод, грозоотвод»; Слов. Акад. 1892: «*Громоотвод*. То же, что громовой отвод». *Громовой отвод* — впервые Плюшар), *кругооборот*, *миросозерцание*, *мочеизнурение*, *первопричина*, *разночтение*, *товарообмен*, *чаеторговля* и др. Еще обширнее ряд сложных слов разного типа, произведенных от таких словосочетаний, появившихся на их фоне, хотя мы и не имеем здесь собственно прямого «сгущения» сочетания в слово. Ср. *великосветский*, *длинноносый*, *жидковолосый*, *зеленоглазый*, *злободневный*, *краснощекий*, *красноносый*, *круглоголовый*, *мелкобуржуазный*, *народоволец*, *первосортный*, *полноводный*, *полноправный*, *равноправие*, *равноправный*, *разновременный*, *редкозубый*, *сахарозаводчик*, *свободомыслие*, *сельскохозяйственный*, *слабоволие*, *средневековый*, *фальшивомонетчик*, *чистокровный* и др. под. В отличие от первой категории собственно словосложений их можно было бы назвать производными сложными словами.

Другой обширный разряд сложных слов, т. е. слов, состоящих из двух частей, каждая из которых наделена знаменательностью, «лексична», составляют сложные слова, являющиеся не на основе наличных словосочетаний, а по аналогии к уже наличным образованиям. В этих случаях вторая часть слова самостоятельно, как слово, не употребляется в языке. Если в чисто теоретическом плане их и можно сопоставлять с теми или иными сочетаниями слов, в смысловом отношении близкими к ним, то с исторической точки зрения их можно признать лишь аналогами уже известных слов с такой второй частью. Ср. *болезнетворный* ← *тлетворный*, *плодотворный*, *теплотворный* и т. д.), *виршеплет* (← *стихоплет*), *вольнолюбивый* (← *свободолюбивый*), *вольномыслие* (← *свободомыслие*), *закономерный* (← *маломерный*, *равномерный*), *звездоносец* (← *порфироносец*, *венценосец*), *казнокрад* (← *конокрад*), *клинопись* (← *рукопись*, *скоропись*), *мероприятие* (← *предприятие*), *пароход* (← *самоход*), *плоскогорье* (← *предгорье*, *междугорье*), *полноправный* (← *равноправный*, *бесправный*), *работодатель* (← *жизнедатель*), *углекоп* (← *рудокоп*) и т. п.[368] Среди этих аналогических образований заметное место занимают слова-кальки. В связи с этим можно сделать одно существенное замечание. Аналогия с наличными образованиями давала лишь повод для образования новых слов с определенной второй (несамостоятельной) частью, но не всегда определяла тождественность отношений между частями сложения с семантической точки зрения. Напротив, воздействие иноязычного источника нередко смещало семантические отно-

---

ные слова-кальки типа *правопорядок*, *закономерный* и под. Следовало бы тогда отделить от прочих сложных слов эти кальки. Это и пытается делать В. П. Григорьев, но без достаточных оснований. Ибо и кальки представляют собою все-таки оригинальные новообразования, факт данного языка. Наконец, по аналогии образуются ряды сложных слов с семантически ослабленной (но не потушенной!) одной частью, ср. образования типа *веерообразный*, *зерновидный*, *автомобилестроение* и т. п.

[368] По смыслу сделанного нами выше замечания мы должны отнести к этим аналогическим образованиям и ряд таких, которые теоретически допускают объяснение их из наличных словосочетаний, но тем не менее бесспорно были образованы уже по образцу известных сложных слов. Напр., *воздухоплавание* (ср. *мореплавание*) и др. под.

шения между частями сложения в другую плоскость и создавало новый ряд или группу сложных слов, однородную с семасиологической точки зрения. Ср., напр., *правомерный*, *закономерный*, *планомерный* и т. д. по отношению к их старым морфологическим аналогам (*равномерный*, *маломерный* и т. п.).

По аналогии, без посредства известных сочетаний слов, создавались несомненно и некоторые образования, где повторяющейся (аналогичной) является первая часть сложения. Так по образцу сущ. *взаимодействие* (*взаимнодействие*), восходящего к сочетанию *взаимное действие*, были затем образованы *взаимоотношение*, *взаимоопределение*, *взаимопомощь* и т. д.; по образцу *миросозерцание — мировоззрение*, *мировосприятие*, *мироощущение* и пр.; по образцу *пароход* явилось *паровоз*; по образцу *правопорядок — правонарушение*, *правозаступник* и т. п.

Чем обильнее становился ряд аналогических образований с какой-либо повторяющейся частью сложения, не функционировавшей как самостоятельное слово, тем более эта часть морфологизировалась, превращалась в своего рода аффиксальный элемент, уподоблялась суффиксу или префиксу. Для такого типа словообразования создавались особенно благоприятные условия, и некоторые из этих особых разрядов слов бурно росли на протяжении данного периода. Таковы были, напр., наименования специалистов со второю частью *-вед*, *-вод* и соответственно наименования отраслей знания или практической области хозяйства со второй частью *-ведение*, *-водство*.[369] Слова этого типа представляют крайнюю точку процесса морфологизации одной из частей сложения. Но, несмотря на сильное сохранение лексической самостоятельности у обоих частей сложения, следует признать вовлеченными в этот же процесс и образования со второй частью *-знание*, *-видный*, *-образный*,[370] *-подобный*, *-способный*, *-носный* и т. п. Несомненна сильная степень морфологизации у первой части сложных слов *само-*, *много-*, *мало-* и т. п.

Особенно симптоматично интенсивное пополнение книжной лексики с первой местоименной частью *само-*. Много новых слов этого рода появилось в публицистике и в научном языке 30—60-х гг. Несомненно развитие этого класса слов находит свое объяснение и во внеязыковых обстоятельствах. Оно стоит в тесной связи с тем особым вниманием ко всякого рода проявлениям духовных процессов, протекающих в отдельной личности, и к развитию активного, деятельного начала в жизни общественной. Некоторые из слов этого рода были калькированы со слов других европейских языков.[371] Среди этих слов немало окказиональных образований, но немало и таких, которые прочно укрепились в лексической системе русского литературного языка и получили терминологиче-

[369] Вот слова с этими словообразующими элементами, впервые фиксируемые словарями второй половины XIX—начала XX в.: а) *естествовед*, *-ведение* (Слов. Акад. 1897), *источниковедение* (Южаков), *книговедение* (Слов. Акад. 1910), *краеведение* (Слов. Акад. 1916), *народоведение* (Южаков), *обществоведение* (Брокг.-Ефр.), *правовед* (Д[1]). Ср. еще *родиноведение* («Наука по родиноведению» (Сев. вестн., 1886, № 1, отд. 2, с. 171)); б) *животноводство* (Брокг.-Ефр., Слов. Акад. 1898), *козовод*, *козоводство* (Слов. Акад. 1911), *луговод* (Д[1]), *цветовод* (Д[1]); ср. еще *льноводство*, *льновод* (материалы Кеппена), *свиноводство* (Библ. для чт., 1835, № 1, Смесь, с. 7); *растениеводство* (Шелгунов. Нечто о ненависти к немцам; Дело, 1869, № 5, с. 126). Следует заметить, что многие слова этого последнего ряда получают особое распространение с 30-х гг. в связи с возросшим интересом к развитию продуктивного сельского хозяйства. Так в Слов. 1847 впервые фиксируются *коневодство*, *лесовод—лесоводство*, *луговодство*, *овцеводство*, *огородничество*, *полеводство*, *птицеводство*.

[370] Вот слова со второй частью *-видный* и *-образный*, впервые отмечаемые словарями второй половины XIX в.: *зернообразный* (Д[1]), *змеевидный* (Д[1]), *змееобразный* (Д[1]), *игловидный* (Д[1]), *кольцевидный* (Д[1]), *крыловидный* (Д[1]), *ногтевидный* (Д[1]), *щитовидный* (Толль) и др. Практически эти ряды в XIX в. следует признать уже неограниченными, легко пополняемыми новообразованиями для данного случая.

[371] См. об этом в гл. I, с. 168—169.

скую определенность (ср. *самодеятельность*, *самозарождение*, *самоуправление* и под.). Среди них преобладают сложения с отвлеченными отглагольными существительными на *-ние*.

Вот далеко не полный перечень этих новых слов, лишь отчасти фиксируемых словарями второй половины XIX в.: *самобичевание* (обычно в переносном смысле; ср. Слов. русск. яз., IV, цитату из «Нови» Тургенева), *самовоздержание* («Стоики начали проповедывать теорию самовоздержания, самоотречения, теорию лишения» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1875, № 9, с. 123)), *самовоспитание* («Петр сам должен был создать самого себя и средства для этого самовоспитания найти не в общественных элементах своего отечества, а вне его» (Бел., VIII, с. 385), *самовоспроизведение* («Потомственное самовоспроизведение и нарастание русской народности» (А. Щапов. Историко-этнографические особенности русского народонаселения; Русск. слово, 1865, № 1, с. 27)), *самовосхваление* (Д[2]; Грот указывает среди новых слов, приобретающих права гражданства (Филолог. разыск., I, с. 228)), *самодеятельный* (Д[1]; ср. в Слов. 1847: *самодетельный*), *самодеятельность* («самодеятельность мысли» (В. Майк., II, с. 43)); Грот указывает и это слово среди новообразований его времени (Филолог. разыск., I, с. 228); (см. об истории слова *самодеятельность* Е. А. Земская, с. 37), *самодовлеющий* («В старых, поистине прекрасных произведениях графа Толстого поэтическая форма отнюдь не была чем-нибудь самодовлеющим, а служила лишь именно формой для известного содержания» (Н. М. Еще о гр. Л. Н. Толстом; Сев. вестн., 1886, № 6, с. 202)), *самозабвение* («Занятие философиею более, нежели какою-нибудь другою наукою, требует того, что называется *самозабвением*» (Бел., II, с. 166); Грот (Филолог. разыск., I, с. 228) также приводит как пример нового слова), *самозаклание* («Мы лично не на стороне подобных кислосладких чувств и подвигов самозаклания» (Н. Шелгунов. Ошибки недодуманной мысли; Дело, 1871, № 3, с. 26)), *самозарождение*, *-зарождающийся* (Д[2]: «самозарождение наливняков»; «Возникшее религиозное движение отдает характером какого-то самозарождения религиозной мысли в глуши» (Ф. Щербина. Областные вопросы; Сев. вестн., 1886, № 2, с. 150)), *самозащита* («интерес самозащиты» (Сев. вестн., 1886, № 1, отд. 2, с. 130)), *самоизучение* ([«Европа] сама погружена в самоизучение» (В. Майк., II. с. 49)), *самоисправление* («Читатель, склонный к самоисправлению» (Н. Языков [Шелгунов]. Горький смех — не легкий смех; Дело, 1876, № 10, с. 336)), *самоисследование* («Блистательный конец борьбы с Наполеоном пробудил в нас дух самоисследования» (В. Майк., I, с. 249)), *самоистязание* (ср. Слов. русск. яз., IV, цитату из Я. Полонского), *самонаблюдение* («Самонаблюдение труднее всех видов наблюдения» (В. Майк., II, с. 44)), *самонаслаждение* («Переход из младенческой, бессознательной гармонии и *самонаслаждения* духа в дисгармонию и борьбу» (Бел., II, с. 292)), *самообвинение* («Готовность к самообвинению пред истиною, самоотвержение и самопожертвование» (Бел., IV, с. 75)), *самообладание* (Д[2]; «Самообладание мужа» (Бел., IV, с. 84)),[372] *самообличение* («Все поднялись на самообличение, все стремятся заявить истину о своей жизни и обстановке своего быта» (Добр., VI, с. 81));[373] «Наши восток и запад — это различные формы одного и того же *самообличения*, без которого никакой прогресс не возможен» (Л. Оптухин [И. В. Павлов]. Заметка о лихоимстве и гласности; Моск. вестн., 1859, № 50,

[372] См. иногда и другое образование: «На аффекты смотрели как на простое отсутствие самовладения, как на нравственную распущенность» (Н. Радюкин [Шелгунов]. Юридические софизмы; Дело, 1869, № 10, с. 66).

[373] Слово возникло в конце 50-х гг. в обстановке распространения обличительной литературы.

с. 635); «[Публика] вполне сохранила свою европейскую репутацию публики, страстно и уж чересчур бескорыстно любящей *самообличение*» (П. Анненков. «Взбаламученное море» Писемского; СПб. вед., 1863, № 250, с. 1018); «— Как это у них, по-новому, называется „самообличение“ или „самооплевание“? — спрашивал он себя с каким-то гадливым выражением на лице» (Маркев., VI, с. 5), *самообман* («Это вернее всего самообман искреннего человека» (Н. М. Нечто о морали; Сев. вестн., 1886, № 5, с. 189)); *самообожание* («Патриотическое самодовольство немцев дошло до крайности, до самого глубокого самообожания» (С. Шашков. Биржевые вакханалии в Германии; Дело, 1876, № 12, с. 40)), *самооборона* («проявление общественной самообороны» (В. Василенко. Очерки полтавщины; Сев. вестн., 1886, № 1, с. 120)), *самообразование* (в значении «самостоятельное просвещение», а также «самостоятельное формирование» вообще); ср.: «У нас все-таки нет ни ученых книг, ни книг для общего чтения с целию самообразования» (Бел., II, с. 69); «Основная идея всей физиологической истории великорусского народа есть идея последовательного историко-этнографического областного самообразования» (А. Щапов. Великорусские области и смутное время; Отеч. зап., 1861, № 10, с. 598), *самообуздание* («упражнение себя в самообуздании» (Герц., II, с. 215)), *самооплевание* («Кличка для клички, как было прежде искусство для искусства, как нынче у ваших либералов самооплевание для самооплевания» (Маркев., III, с. 91)), *самоопределение* («Роль интеллигенции.. заключалась в том, чтобы дать первый толчок мысли и навести ее на самосознание и самоопределение» (Н. Шелгунов. Неудавшаяся «Беседа»; Дело, 1871, № 5, с. 40)), *самоослепление* («Я боюсь, что мы переживаем.. страшный припадок всеобщего самоослепления» (Авсеенко, II, с. 61)), *самоосуждение* («Самоубийство является самоосуждением» (Русск. мысль, 1883, № 4, отд. II, с. 54)), *самоотрицание* («Этою высокою способностью самоотрицания обладают только великие люди» (Бел., VI, с. 619)),[374] *самооценка* (см. в материалах Кеппена со ссылкой на работу М. Корфа «Жизнь Сперанского»), *самоощущение* («внутреннее ясное самоощущение» (А. Галич. Картина человека. СПб., 1834, с. 585), «Полное и совершенное самоощущение себя в мире шекспировой поэзии» (Бел., II, с. 289)), *самопогашение* («В лампе системы Гинкса в Лондоне самопогашение производится при действии гирьки» (Север, 1888, № 4, с. 19)), *самопожертвование* (Д²; «Есть в истории место для великих событий, есть местечко для примеров частного самопожертвования» (Н. Пол., I, с. VII; ср.: Бел., IV, с. 75)), *самопоклонение* («характеристическая принадлежность кружка есть самопоклонение» (Моск., вестн., 1860, № 15, с. 244)), *самопомощь* («[В ассоциации] все основано на самопомощи» (Н. Р. Внутреннее обозрение; Дело, 1869, № 8, с. 52)), *самопризнание* («Представляем на выдержку несколько листков из этих самопризнаний» (В. Авенариус. Поветрие; Всем. труд, 1867, № 3, с. 1)), *саморазвитие* («Только лишь знания, Самопознание, Самосознание (вот так открытие!) Даст нам сознание Саморазвития» ([Д. Минаев]. Дневник Темного человека; Русск. слово, 1862, № 4, с. 3; отмечено в материалах Кеппена)), *саморазложение* (Д²: «саморазложенье орудных веществ»), *саморазрушение* («Легко пробуждающийся в праздности инстинкт наслаждения вечно гонит нас либо к саморазрушению, либо к творчеству» (Н. Соловьев. Суета сует; Всем. труд, 1867, № 2, с. 169)), *саморасслабление* («Безотрадное саморасслабление» (Отеч. зап., 1863, № 3, Современная хроника в России, с. 8)), *самосовершенствование* («Успехи человечества на поп-

[374] Ср. образованное еще в XVIII в. *самоотречение*. См. о нем: В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 298.

рище самосовершенствования» (Бел., I, с. 66)), *самосозерцание* («Эта высшая и последняя ступень есть самосозерцание» (В. Лесевич. Буддийский нравственный тип; Сев. вестн., 1886, № 5, с. 51)), *самосознание* и производные (Грот (Филолог. разыск., I, с. 228) указывает на него среди других неологизмов его времени; в Слов. 1847 лишь *самопознание*;[375] ср.: «Литература есть народное самосознание» (Бел., II, с. 50), см. об истории этого слова Е. А. Земская, с. 35—36; «Самосознающая личность» (Бел., IV, с. 590); «Чувство самосознания всегда живее там, где частные столкновения людей между собою определяют ясно цель общественного союза» (В. Порошин. О земледелии в политико-экономическом отношении. СПб., 1846, с. 16); «Русская народность в ее типичном и самосознательном выражении» (Библ. для чт., 1861, № 11, с. 11)), *самосохранение* («Самосохранение и взаимопоглощение, — любовь и смерть, вот две главные точки, около которых обращается временное наше существование» (Брамбеус. Любовь и смерть; Библ. для чт., 1834, № 3, с. 150); «Чувство самосохранения» (Бел., VI, с. 198); «Любовь к порядку и самосохранение много способствовали тому, чтоб буржуазия из класса неопределенного перешла в замкнутое сословие» (Герц., V, с. 35)),[376] *самотворчество* (есть в материалах Кеппена со ссылкой на «Жизнь Сперанского» М. Корфа: «простор для самотворчества»), *самоуважение* (см. в Слов. яз. Пушкина, IV), *самоуглубление* («Молодое поколение предалось скромному самоуглублению» (Н. Шелгунов. Односторонность промышленного прогресса; Дело, 1869, № 4, с. 274)), *самоудовлетворение* («Тиссо, в известной книге своей о некоторого рода самоудовлетворении, сказал» (Герц., II, с. 68)), *самоуничижение* (Д[1]; ср. в материалах Кеппена) и *самоунижение* («с скромным, до наглости самоунижением» (Бел., V, с. 389)), *самоуничтожение* («Высокое самоуничтожение в идее своего народа» (Бел., V, с. 150)), *самоуправление* (Д[2]; калька англ. selfgovernment;[377] стало широкоупотребительным термином в конце 50-х гг.; см. также гл. I, с. 169; об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории слов; ВЯ, 1955, № 5), *самоупрек* («Истерзанная, исколотая мукой сомнений и самоупреков» (Маркев., VII, с. 400)), *самоуслаждение* («Эти сцены сладострастия, набросанные игривою кистью с чувством самоуслаждения» (Бел., I, с. 235); «Ему противна была эта тупая желтая фигура с ее важностью и самоуслаждением» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 76)), *самоусовершенствование* («Потом он снова предался.. самоусовершенствованию» (Я. Бутков. Темный человек; Отеч. зап., 1848, № 4, с. 275)), *самоутешение* («Оставлять много места каким-нибудь подобиям самоутешения» (Сев. вестн., 1886, № 1, отд. 2, с. 231)), *самоцельность* («Субъект, сознавая свою особность, свою самоцельность» (Бел., III, с. 340; ср. также III, с. 485; VI, с. 276)) и др.

Резко контрастную этому картину дает Слов. 1847. Из 183 сложных слов с первою частью *само-*, отмечаемых там, значительную часть представляют слова церковнославянские, устарелые (напр., *самоборец*, *само-*

---

[375] Сущ. *самопознание* было образовано еще в XVIII в. (См. переводную статью «О самопознании» в «Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах», 1763, № 2). И слово *самосознание* не было, строго говоря, неологизмом этого времени. Оно встречалось в философских произведениях начала XIX в. (см. Веселитск., с. 74). С 30-х гг. оно стало лишь обычным в общем употреблении.

[376] В 30—40-х гг. встречается и *самохранение*. Ср.: «сила личного самохранения» (Бел., V, с. 100).

[377] В либеральной среде 50—60-х гг. можно было встретить и английский оригинал. Над таким употреблением нередко иронизировала демократическая печать. Ср. в оглавлении фельетона Л. Р. (Современные заметки: Отеч. зап., 1869, № 11, с. 164): «self-government общества»; в «Сатирах в прозе» Н. Щедрина: «Сидор Петрович в шутку называл всех вообще губернаторов „префектами“, ибо стоял за self-government» (Салт., III, с. 180).

борство, *самобрат*, *самобратство*, *самовластец*, *самоведати*, *самодействие*, *самоделатель*, *самодетель*, *самозаконие*,[378] *самозаконный*, *самоидти*, *самоизволение*, *самомненный*, *самомнетельство*, *самописати*, *самопомавно*, *саморучно*, *самосиянный*, *самословный*, *самослучайный*, *самосмышление*, *самострастие*, *самотворец*, *самотворительно*, *самоугодие*, *самочиние*, *самохотие* и нек. др.). Здесь и несколько «калек» и книжных переводов XVIII в. типа *самобеседование* («внутренний монолог»), *самоистина* («аксиома»). Другую, также значительную часть этих слов составляют русские народные образования, преимущественно с предметным значением (*самовар*, *самовес*, *самогуд*, *самодвиг*, *самокаты*, *самолет* («паром, ходящий на канате», также *ковер-самолет*), *самолов*, *самопал*, *самопрялка*, *самосадка*, *самострел*; ср. также *самосуд*, *самохвал* и нек. др. слова народного языка с иным значением). И только относительно небольшую часть составляют книжные слова, слова собственно литературного языка, сохраняющие свою употребительность и в дальнейшем (*самобытный*, *самобытность*,[379] *самовластие*, *самовозгорание*, *самовольный*, *самоволие* и произв., *самодержавие* и произв., *самодовольный* и произв., *самозванный* и произв., *самопознание*, *самопроизвольный*, *самостоятельный* и произв., *самоубийство*, *самоуверенный*, *самочинный*). Нетрудно заметить, что состав слов этого разряда во второй половине XIX в. существенно обновился; он пополнился многими новыми книжными образованиями, по преимуществу характеризующими либо внутреннее состояние лица, процессы сознания, направленные на самого себя (ср. *самосознание*, *самоуглубление*, *самооценка*, *самообличение*, *самоотрицание* и т. п.), либо те или иные стороны и явления общественной жизни, связанные с активной деятельностью лиц (ср. *самодеятельность*, *самоуправление*, *самообразование* и т. п.).[380]

Новые разряды слов составлялись в это время и с словообразующими элементами иноязычного источника. Таковы слова с первой частью *архи-*, *псевдо-*, *ультра-*,[381] *экстра-*,[382] со второй частью *-фил* (и в производных *-фильский*, *-фильство*), *-фоб* (и *-фобский*, *-фобство*, *-фобия*), *-ман*, *-мания*, *-лог*, *-логия* и т. п. Очень активным с 30—40-х гг. XIX в. было образование слов с суффиксальным элементом *-фил* (и его производными). Они свободно сочетались как с заимствованными, так и с собственно русскими основами. Ср. *славянофил* (*славянофильство*), *руссофил*, *москвофил*, *цельтофильство*, *тевтонофильство* (Бел., X, с. 198); «Славянофилы — это то же самое, что японофилы, которые в настоящее время борются в Японии против насаждения в ней цивилизации» (Дело, 1871, № 4, Новые книги, с. 102); *патриофильство* (там же, с. 103). Ср. ряд окказиональных полемических образований этого рода, более или менее экспрессивных. Напр.: «Мил, прогрессивен твой старый журнал. В нем к озлобленью

---

[378] Еще и в XIX в. изредка *самозаконие*, *самозаконность* употребляются в смысле «автономия». Ср.: «Настоящие события требуют полную самозаконность Польши — без фраз, ее безусловную независимость от России и немцев» (Герц., XV, с. 83).

[379] Слов. 1847 еще узко и неполно определяет *самобытный* как «существующий сам собою», *самобытность* — соответственно, как «существование самим собою». Но в критике и публицистике 30-х гг. слово это получает более специфическое, актуальное значение «оригинальный, независимый в своем развитии от внешних влияний» (ср. в Слов. яз. Пушкина).

[380] О пополнении разряда слов с компонентом *само-* в первых десятилетиях XIX в. см. Веселитск., с. 73—75.

[381] См. об этом выше, § 10, с. 276 и сл.

[382] Ср., напр.: «Арест этот.. поставил Благосветлова в крайне двусмысленное, почти экстралегальное положение» (П. Ткачев. Деятельность Г. Е. Благосветлова: сб. «60-е гг.», с. 232); «[Аглаю] ужасала вся та экстраобычная умственная работа, которая ожидала ее в этот день...» (Маркев., V, с. 81).

полемикофилов ·Смело предстал ты, Никита Безрылов»[383] ([Д. Минаев]. Дневник Темного человека; Русск. слово, 1862, № 2, с. 16); «И пришел на бой Безрылов, автор дивных тех страниц, И хотел всех свистофилов[384] Преклонить покорно ниц» (там же, с. 7); «Выдержки из записок петербургского сноббсофила» (Москвит., 1853, № 1, Журналистика, с. 141); «Статья [Шелгунова] написана в так называемом мужикофильском духе» (Доклад цензора Еленева о «Внутреннем обозрении» из журнала «Дело», № 1, за 1867 г.; ЦГИАЛ, Дело СПб. цензурного комитета, № 17, т. I, л. 19)[385] и т. п.

Менее продуктивным был ряд существительных со второю частью *-фоб* (ср. вошедшие в употребление *галлофоб*, *англофоб*, *полонофоб*, *германофоб*, *юдофоб*). Из оригинальных русских образований отметим здесь появившееся к концу века слово *женофоб*. Ср. в рассказе Чехова «Тина»: «— Это оригинально, — засмеялся поручик, — Вы сами женщина, а такая женофобка» (V, с. 206).[386]

Образования с *-ман*, *-мания* очень обычны как в сложении с иноязычными, так и с русскими основами. Ср., напр.: «Такова была тогда [в 30-е гг.] романомания, что все сходило с рук благополучно, и всякая сказка давала более или менее верный барыш!» (Бел., VIII, с. 54); «[Немцы] отчаянно больны чиноманиею» (там же, VI, с. 356); «Не думай, чтобы это выходило из моей *журналомании*» (там же, XI, с. 566);[387] «С некоторых пор у нас явилась новая болезнь — журналомания» (Д. Д. Минаев. Дневник Темного человека; Русск. слово, 1861, № 9, с. 15); «Телепнев начал платить ему тем, что подсмеивался над его хохломанией» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 73); «Фантазии хохломанов, отыскивающих в Новгороде Малороссию» (А. Григорьев. Отживающие в литературе явления; Эпоха, 1864, № 7, с. 5; речь идет о Н. Костомарове); «В самый разгар качучемании [увлечение танцем качучей] посетил меня Карл Великий [Брюллов]» (Т. Г. Шевченко. Художник; Украинские повести и рассказы, I, М., 1954, с. 29); «Ныне то и дело страждут все какой-то модной болезнью, происходящей от мороза — снегоманией» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., VI, М., 1941, с. 640) и т. п. Ср. прочно вошедшие в наш словарный состав *англоман*, *галломан*, *библиоман*, *балетоман*, *меломан*, *графоман*, *клептоман*, *наркоман*, заимствованные отчасти в это время, отчасти раньше (напр., *галломан*).[388]

Значительно расширился за эти годы и круг заимствованных слов со второй частью *-лог*, *-логия*, преимущественно наименований различных наук и отраслей ведения. Ср. *антропология*, *археология*, *идеология*,

---

[383] Псевдоним, под которым публиковал Писемский свои антинигилистические фельетоны в начале 60-х гг. в журнале «Библиотека для чтения».

[384] Свистофил — т. е. приверженный к свисту, к свистунам, к «нигилистам» 60-х гг., — *Ю. С.*

[385] Параллельно с этим продолжали являться и образования со второй частью *-люб* (*-любие*). Ср. *славянолюб* (при *славянофил*). Ср. еще иронико-полемические образования у Белинского: *европолюбие*, *азиелюбие*, *мраколюбие* (VI, с. 343); «Явно обнаруживается [у Кузена] слепое системолюбие» (Е. К. Философия и философическая критика г. Кузена; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 78). Впрочем, в дальнейшем образования с *-фил*, *-фильство* предпочитаются этим последним более книжным образованиям.

[386] См. у Герцена в Дневнике за 1843 г.: «Откуда эта гегелефобия?» (II, с. 317).

[387] См. у него же: «Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других „манов“» (VII, с. 437).

[388] Более специфичны были образования со второй частью *-бес*, *-бесие*, в общем значении совпадающие с образованиями со второй частью *-ман*, *-мания*, но отличающиеся ярко выраженной экспрессией неодобрения и отвержения. Эти «славянизированные» образования (ср. церковнославянское *чревобесие*) еще появлялись в 20—40-х гг. Ср. *цветобесие* (В. Соллогуб), прочно вошедшее в состав русского языка *мракобес*, *мракобесие* и нек. др. О них см. у В. В. Виноградова (Из истории русской литературной лексики; Докл. и сообщ. инст. русского языка, вып. 2, 1948).

методология, *палеонтология*, *патология*, *психология*, *социология*, *тавтология*, *технология*, *фразеология*, *эмбриология*, *энтомология* и др. Но русских образований в этом ряду почти не было (ср. идущее еще от Карамзина *вздорология*;[389] современное просторечное *болтология*). Русские основы сочетались обычно со второй частью *-ведение*, *-вед.*

* * *

Интересную картину дает анализ сложных слов, появившихся в это время, с точки зрения стилистико-функциональной, т. е. с точки зрения тех стилей речи, в которых они возникли и с которыми оказывались первоначально связаны. Наиболее обширный круг новообразованных сложных слов связан с научной или производственно-технической терминологией. Так, здесь значительно число медицинских терминов, отмечаемых впервые словарями второй половины XIX в. или начала XX в. Напр., *болезнетворный* (Слов. Акад. 1891), *болеутоляющий* (Берез.; ср. в Слов. 1847 *болеутолительный*), *душевнобольной* (в словарях XIX в. нет, но ср. Слов. совр. русск. лит. яз., III, цитату из Мамина-Сибиряка), *жаропонижающий* (Слов. Акад. 1896), *здравоохранение* (Слов. Акад. 1905), *зуболечебный*, *зубоврачебный*, *зубоврачевание* (Слов. Акад. 1907), *камнедробление* (Слов. Акад. 1906—1907), *камнесечение* (Д[1]), *кровоизлияние* (Д[1]), *кровоостанавливающий* (Толль), *кровоподтек* (Брокг.-Ефр.), *мочеизнурение* (Д[2]), *мочеистощение* (Д[2]), *мочеотделительный* (Южаков), *пищевод* (Толль в статье «Пищеприемный канал» (III, с. 108); у Даля в этом смысле: *пищепроводник*, *пищепроводное горло*), *светобоязнь* (Толль), *сердцебиение* (Толль; отсутствует даже у Д[2]), *умопомешательство* и нек. др. Обширный ряд слов связан первоначально с юридической терминологией, получившей особое развитие в период подготовки и проведения буржуазной судебной реформы 60-х гг. Ср. *бракоразводный* (Слов. Акад. 1891), *закономерный* (Слов. Акад. 1900),[390] *законопроект* (Слов. Акад. 1900), *законосообразный* (Слов. Акад. 1900), *полноправный* (Д[2]), *правоведение*, *правопорядок*, *правомерный*,[391] *правоспособный*, *правоспособность* (Д[2]: «*Юрид.*», — (Толль), *правонарушение*, *равноправный*; ср. также *дееспособный* (Слов. Акад. 1892), *дееспособность* (Д[2]), *кредитоспособный* (Слов. Акад. 1916), *землепользование* (Брокг.-Ефр., Слов. Акад. 1907), *землевладелец* (Д[1]), *землевладение* (Берез., Слов. Акад. 1907) и др. лексику, касающуюся отношений собственности, владения, кредито-финансовых отношений и т. д. Можно отметить и пополнение новыми сложениями круга естественнонаучной терминологии. С конца 50-х гг. входит в употребление в кругу географической терминологии наряду с заимствованным *плато* слово *плоскогорие* (свободная калька нем. Hochebene; впервые Д[1]); ср. также *водораздел* (Д[1]; в Слов. Акад. 1891 с пометою «*Геогр.*»), *глубоководный* (Слов. Акад. 1892), *снегопад*[392] и нек. др. Очень обширен круг новых сложений в технической терминологии разного рода. Напр., *бумагопрядение* (Брокг.-Ефр.); ср. также *канатопрядение* (Слов. Акад. 1908), *шерстопрядение*, *водонапорный* (Брокг.-Ефр.), *водоснабжение* (Слов. Акад. 1891), *водослив* (Плюшар, Д[1]), *водоупорный* (Д[1]), *водоустойчивый* (Д[1]), *волнорез* (Брокг.-Ефр.), *громоотвод* (Д[1]), *дымоход* (Слов. Акад. 1895), *железнодорожный* (Берез., Слов. Акад. 1895), *зернодробилка* (Брокг.-Ефр., Слов. Акад. 1907), *зерноочистительный* (Слов.

[389] См. G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert, Wien, 1956, s. 85. См. также Виноградов, Русск. язык, с. 132.
[390] См. о нем с. 321.
[391] См. о нем с. 320—321.
[392] См. о нем в гл. I, с. 168.

Акад. 1907), *зерносушилка* (Слов. Акад. 1907), *камнедробилка* (Слов. Акад. 1906—1907), *лесонасаждение* (Брокг.-Ефр.), *лесоустройство* (Брокг.-Ефр.), *навозохранилище* (Брокг.-Ефр.), *лесоустройство* (Брокг.-Ефр.), *огнестойкий* (Д[1]), *паровоз* (Слов. 1847), *теплоемкость* (Толль), *теплопроводимость* (Д[1]) и др.[393]

Значительная часть сложных слов, закрепившихся в это время в языке, генетически связана с публицистическими стилями речи и представляет собой типичные книжные новообразования, возникшие главным образом из устойчивых сочетаний слов (ср. *взаимодействие* (Слов. Акад. 1891), *времяпровождение* (Слов. Акад. 1891), *злободневный* (Слов. Акад. 1907),[394] *миросозерцание* и т. п.); некоторые из них представляют собою кальки иностранных слов (*миросозерцание*, *наукообразный*, *первообраз*, *первопричина*, *противопоставить* и т. д.). Некоторые из этих сложений развились и укрепились первоначально в деловой канцелярской речи (ср. *мероприятие* (Д[1]), *местожительство* (Брокг.-Ефр., Д[3])).

На этом фоне сравнительно небольшой круг слов, прочно закрепившихся в общем употреблении, составляют сложные слова, явившиеся продуктом индивидуального словотворчества писателей и представляющие яркие особенности в своем образовании со стороны стилистической. Конечно, в произведениях отдельных писателей данного времени (особенно Герцена, Салтыкова-Щедрина, Лескова) мы найдем немало оригинальных неологизмов этого рода, но лишь немногие из них в силу особых причин стали затем общим достоянием, прочно вошли в систему лексических средств русского литературного языка. Таковы сатирические неологизмы Салтыкова-Щедрина: *благоглупости*, *злопыхательство* (неоднократно в сатирических циклах «За рубежом», «Пестрые письма», «Пошехонские рассказы» и др.),[395] *пенкосниматель*; таково слово *прекраснодушие*, сложившееся в кружке Белинского в конце 30-х гг.;[396] к ним примыкает сущ. *небокоптитель*, сложившееся на базе гоголевского словоупотребления, и нек. др.

Отметим также некоторые экспрессивные новообразования шутливого или иронического свойства, явившиеся в это время по образцу некоторых слов-терминов. Ср. *словоблудие* (по образцу *рукоблудие*), *козлетон* (по образцу *баритон*). Ярким примером образования книжного по типу слова из просторечного выражения служит распространившееся в разговорной речи 60-х гг. слово *мордобитие* (ср. известное областным говорам *мордобой*).[397]

---

[393] См. сказанное выше о серии слов со второй частью *-вод*, *-водство*.

[394] См. о нем: В. В. Виноградов. Лексикологические заметки. Учен. зап. Московского гос. пед. дефектологического инст. Кафедра русского языка и литературы, т. I, 1941.

[395] Это оригинальное новообразование Щедрина широко распространилось в речи интеллигенции уже в 70—80-е гг. Ср. в повести Мамина-Сибиряка «Ранние всходы»: «И вдруг в твоих письмах какое-то злопыхательство, как говорит Щедрин» (ПСС, VII, с. 230).

[396] Оно восходит к немецкому выражению schöne Seele (прекрасная душа). «У нас пытались некогда, — замечает Белинский в рецензии на роман Н. Полевого «Аббаддонна» (1841), — ввести это понятие под странным словом „прекраснодушие", которое только насмешило всех» (V, с. 80). Здесь же Белинский говорит и о характерной смысловой эволюции этого слова. У немцев «прекрасная душа» выражало понятие о романтических мечтателях, быстро воспламеняющихся, но также быстро и переходящих к разочарованию. Первоначально оно употреблялось в положительном смысле, но затем получило смысл иронической квалификации (см. также: Бел., VI, с. 671—672). Несмотря на то, что сам Белинский считал слово *прекраснодушие* «неловким в русском переводе» (VI, с. 671), оно сохранилось в своем новом ироническом смысле.

[397] Ср.: «Если идеализация, всегда основанная на поверхностном и неполном знании вещей, помогает нам распускаться в умилениях и мечтах о сближениях

Ниже мы приводим несколько очерков из истории образования отдельных сложных слов.

Благоглупости. Это экспрессивное слово было образовано М. Е. Салтыковым-Щедриным. В рассказе «Деревенская тишь» (из цикла «Невинные рассказы», 1863) изображается «томление» помещика Кондратия Трифоныча Сидорова, в страхе ожидающего последствий крестьянской реформы. Его постоянным собеседником является сельский батюшка. Батюшка любит в разговоре употреблять книжные «славенские» слова с первой частью *благо-*. «Ошалевший» помещик раздражается. Вот эпизод из диалога Кондратия Трифоныча с батюшкой:

— Слышно, англичане много всяких машин выдумывают!

— Сидел бы я себе дома, да делал бы, да делал бы машины, а потом в Москву продавать возил бы.

— Вот бог англичанам на этот счет большую остроту ума дал! — настаивает батюшка.

— А нашим не дал!

— Зато наш народ благочестием и благоугодною к церкви преданностью одарил!

— Ну и опять тебе говорю: кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь?

Батюшка окончательно конфузится и закусывает губы (III, с. 383).

Таким образом, в первый раз слово появилось в этом рассказе как комическая пародийная деталь. Эту пародийную фразу Кондратия Трифоныча приводит в своей полемической статье «Цветы невинного юмора» Писарев, обращая ее против самого автора «Невинных рассказов» (см. Писар., II, с. 353).

Пародийное словечко становится популярным в речи интеллигенции 70—80-х гг., неоднократно встречается затем в произведениях различных авторов, в публицистическом и художественном контексте. Ср., напр.: «— Да что ты тут делаешь? Какие это с тобой благоглупости?» (Дост., IX, с. 425); «— Наше время другое было: идеалисты были, эстетики... На хороших словах помешались... Вам это даже слушать скучно, а мы обливались кровью над разными красивыми благоглупостями. Посвящали себя служению истине, добру и красоте, а вместо того вышло — распивочно и на вынос...» (Мам.-Сиб., III, с. 42); «Желая выучить солдат числам, он [начальник Дуйского поста] прибегал к игре в лото.. Подобные благоглупости действовали на дуйских солдат развращающим образом» (Чех., X, с. 280). См. также в полемике В. И. Ленина с Михайловским (в статье «От какого наследства мы отказываемся?»). Говоря об отношении «русских учеников», т. е. марксистов, к «наследству» демократов 60-х гг., Ленин замечает: «Накидывались ли они когда-либо на наследство, завещавшее нам европейские идеалы вообще? — Не только не накидывались, а, напротив, народников изобличали, что они вместо общеевропейских идеалов сочиняют по многим весьма важным вопросам всякие самобытные благоглупости» (Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 2, с. 544).

Как видно из этих примеров, слово употребляется, как и у Щедрина, исключительно в форме множественного числа.

Слово *благоглупость* отмечено Д[3], а затем входит во все толковые словари. Значение этого полемически-острого слова раскрывается в них, однако, очень приблизительно и не всегда точно (ср. Д[3]: «*Иронич.* и *шуточн.* Глупое изречение, произносимое с серьезным, набожным или вдохновенным видом»; Слов. Ушак.: «*Ирон. шутл.* Глупость, произносимая с важностью»; Слов. русск. яз.: «*Ирон.* Поучительное по форме, но глу-

---

[с «мужичками»], то и не надо забывать, что нередко та же самая идеализация ведет и к мордобитию» (Салт., VI, с. 284). Особенно часто употреблялось применительно к ручной расправе офицеров с солдатами.

пое по содержанию высказывание»). Несколько точнее значение слова раскрыто в Слов. совр. русск. лит. яз.: «*Шутл.* Поверхностное или отсталое мнение, излагаемое как нечто значительное; пустяковое занятие, которому придается вид серьезного дела». Действительно, слово *благоглупости*, публицистическое по своей природе, ближайшим образом иронически характеризует мнения и действия, являющиеся, может быть, и «с благою целью», но явно бессодержательные, нелепые или неудачные.

Взаимодействие. Впервые Слов. Акад. 1891: *взаимодействие*, *взаимодействовать*; там же *взаимоопределение* с пометою «*филос.*». Ни Слов. 1847, ни Даль не приводят еще ни одного сложения с первой частью *взаимо-* (или *взаимно-*). Они, видимо, начинают складываться в публицистической речи не ранее 30—40-х гг. XIX в. Основою для образования таких сложений служили устойчивые сочетания некоторых имен существительных с прилагательным *взаимный*. При этом, очевидно, имело место и воздействие со стороны слов немецкого языка с первой частью Wechsel- (ср. Wechselwirkung). Первоначально выступает собственно вариант *взаимнодействие*, стоящий в более тесной связи с исходными сочетаниями. Ср.: «Материалисты XVIII века хотели объяснить происхождение мира механическим сцеплением атомов, механическим процессом взаимнодействия тяжести и выходящих из ее математических законов стремлений» (Бел., III, с. 328); «Взаимнодействие растет быстро, слова [преподавателя] увлекают слушателей» (Герц., II, с. 122); «Порядок вещей, который основан на взаимнодействии двух равно необходимых законов» (В. Милютин. Мальтус и его противники; Совр. 1847, № 8, с. 150) и т. д. Эта форма долго держалась в употреблении.[398] Лишь в 70-х гг. начинает встречаться и современный вариант. Ср. в статье А. В. Никитенко «Мысли о реализме в литературе»: «Самая логика жизни заставляет нас в отправлениях ее признать связь и взаимнодействие их» (ЖМНП, 1872, № 1, с. 31), но: «Высшие умственные силы в нем [обществе] находятся в отношении взаимодействия» (там же, с. 36).

Рядом с этим складывались и другие слова с первою частью *взаимно-* (*взаимо-*). Ср.: «[Для громады народа] чужда всякая сложность, взаимнозависимость (Н. Костом., III, с. 22; там же *взаимозависимые факты* (с. 374)); «Мордобитие было взаимообразное» (Гл. Усп., II, с. 375); но: «Надо, чтобы взаимнообразно» (И. Горб., I, с. 250); «Всеобщая политическая история как история взаимноотношений народов» (К. Зеленецкий. Опыт исследования некоторых теоретических вопросов, кн. 1. М., 1835; цит. по Бел., I, с. 373); «Взаимный обмен услуг в форме взаимопомощи» (Сев. вестн., 1886, № 1, отд. 2, с. 145) и т. п.

Миросозерцание, мировоззрение. *Миросозерцание* — впервые Толль, Прил. 1866; затем Д[2] (с определением: «умственное созерцание мира — миров, вселенной»), *мировоззрение* — впервые Южаков.

Слов. 1847 еще не приводит столь характерных для современного языка сложных слов с первой частью *миро-* (кроме слова *мироздание*). В этом словаре находим несколько книжных церковнославянских образований с первой частью *миро-*, по преимуществу устарелых и уже почти не употребительных к этому времени: *миробытие* и *миробытный*, *миродержавие* и *миродержавный*, *миродержатель*, *миродержитель* и *миродержец*, *мирозиждитель* и *мирозиждительный*, *миролюбец*, *мироправитель*, *мироспасительный*, *мироявленный*. См. также старинную кальку слова *космография* — *мирооописание*. *Мироздание*, впервые отмечаемое слова-

[398] Ср. также и исходное сочетание слов: «Мало сказать, что цивилизация состоит из двух явлений; надо прибавить, что для ее совершенства необходима совокупность их, ближайшее и одновременное соединение, взаимное действие одного на другое» (Добр., III, с. 269). Но с середины XIX в. уже безусловно преобладает употребление цельного слова.

рем 1847 г., представляет собою кальку нем. Weltgebäude, распространившуюся в употреблении в конце XVIII в.[399]

Даль в первом издании своего словаря оставляет весь этот ансамбль архаических слов, представленный в Слов. 1847, почти нетронутым; пропущен лишь *мироправитель*, но зато список дополнен словами *миросоздатель*, *мировожатый* («кто водит миры»), *мирожизненный* («Относящ. до жизни мировой, до бытия всей вселенной») и *мирославие* (калька слова *космология*). Во втором издании Словаря картина та же, но с добавлением «новинки» — слова *миросозерцание*.

Таким образом, эта группа сложных слов испытала в середине XIX в. решительные изменения. Раньше она составлялась (если не считать слова *мироздание*) из слов архаически-книжных, сохранявшихся в словарях по традиции и преимущественно связанных с церковно-богослужебными контекстами. Эти слова представляли (за тем же единичным исключением) кальки греческих сложных слов с первою частью κοσμο- (ср. *миродержитель* —κοσμοκράτωρ, *мироописание* — κοσμογραφία и т. п.). Они были слишком стилистически и идеологически ограничены, обращены в прошлое, слишком связаны со старым, чтобы пережить решительный процесс обновления литературной речи и ее стилей. Впрочем, еще в 30—40-х гг. мы встречаем некоторые из этих старых книжных слов даже в языке публицистики и литературной критики, поскольку в ней отражаются воздействия идеалистических учений и концепций. Таковы примеры их употребления в статьях Белинского 1838—1840 гг., т. е. гегельянского периода его развития. В произведениях Белинского этого времени особенно выделяются два излюбленных определяющих слова (их употребление, постепенно затухая, имеет место еще и в его статьях 1841—1845 гг.): *миродержавный* и *мирообъемлющий* (последнее едва ли не новообразование самого Белинского, но по старому образцу). Ср.: «Миродержавным судьбам вечного промысла было угодно, чтобы благодетельное воздействие направлению, данному России ее великим преобразователем, было совершено его достойным внуком» (II, с. 524); «миродержавный промысл» (VI, с. 612) и т. п. Особенно часто встречается слово *мирообъемлющий*. Оно тесно связано с выражением характерного для эстетики Белинского указанного времени понимания художественности, поэтического начала, с противопоставлением гения и таланта. Ср.: «Шекспир не на паркете приобрел свой мирообъемлющий взгляд на человеческую природу» (II, с. 172); «Вся цель стремлений самого Шиллера была — достигнуть мирообъемлющей объективности Гете» (III, с. 402); «Разрушающая сила рассудка необходимо вошла в его [Платона] мирообъемлющие воззрения» (III, с. 404); «Не ищите у Козлова художественных созданий, глубоких и мирообъемлющих созерцаний» (V, с. 75) и т. д. Ср. и другое новообразование Белинского *мирообладание*: «Но эта царственная область мирообладания, это живое чувство родственности со всеми формами, в каких когда-либо проявлялась жизнь человечества, — по преимуществу достояние поэта» (V, с. 233).

Как ни близки по своей структуре эти последние новообразования (*мирообъемлющий, мирообладание*) архаическим прототипам, идеологи-

---

[399] В. В. Виноградов (Проблема авторства и теория стилей, с. 302—303) связывает появление этого слова с масонскими кругами. В конце века оно уже представлено в тексте различных философских рассуждений. Ср. в «Слове о связи вещей во вселенной» А. М. Брянцева (М., 1790): «В нынешние времена удобнее понимаем, что мироздание в самой вещи есть неизмеримое тело, механически устроенное, и составлено из неисчислимых частей различныя величины и твердости, которые посредством всеобщего закона взаимно сопряжены» (Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I. Госполитиздат, 1952, с. 370).

чески они выходят за рельефно очерченный круг чисто религиозных представлений. Понятие о творце и держителе мира здесь сменяется эстетико-философским понятием о воссоздании мира, о синтетическом охвате явлений мира в художественных концепциях поэтического гения.

Эти новообразования и этот ход эволюции эстетической мысли Белинского были последней ступенькой перед появлением нового слова, скоро получившего права термина, именно слова *миросозерцание*.

На пропуск слов *мировоззрение*, *миросозерцание* в первом издании Словаря Даля указал Я. К. Грот (Филолог. разыск., I, с. 442).[400]

В. В. Виноградов связывает появление слова *мировоззрение* с той оживленной умственной работой, «которая была порождена философией Гегеля в кругах русской интеллигенции 30—50 годов», причем «результаты этой работы над философским словарем через посредство журнального языка входили в общую систему литературной речи» (Очерки, с. 335). «В связи с этим, — говорится далее, — в литературном обиходе укрепляются кальки с немецкого языка для выражения отвлеченных общественно-философских понятий» (там же, с. 335—336). В качестве примера здесь и приводится *мировоззрение* как калька нем. Weltanschauung, что подкрепляется ссылкой на статью А. Григорьева «Русская литература в 1851 году», где, впрочем, выступает собственно форма: *миросозерцание*.[401]

Е. А. Земская, стремясь более точно определить время появления этих вариантов и их историческое соотношение, указывает, что «слово *миросозерцание* в XIX в. было гораздо более употребительным, чем слово *мировоззрение*» и что «*миросозерцание* первоначально могло употребляться в значении, прямо вытекающем из состава этого слова: „созерцание мира“, „взгляд на мир“, „обозрение мира“, а кроме того, слово *миросозерцание* употреблялось в значении „восприятие мира“» (с. 33—34). «Помимо этих значений, — говорится далее, — слово *миросозерцание* (так же, как и *мировоззрение*) имело более общее, отвлеченное значение: „совокупность взглядов на мир, на жизнь, на какую-либо область бытия“». Е. А. Земская возводит начало употребления этих слов к 40-м гг. XIX в., связывая их прежде всего со статьями литературно-критического и философского содержания.

Здесь мы должны привести некоторые уточнения к истории этих столь многозначительных слов, истории, пока представляемой, как мы видели, еще в очень общем виде.

Слово *миросозерцание* действительно сложилось в самом начале 40-х гг. и впервые появляется в литературно-критических статьях Белинского. Просматривая эти статьи в хронологической последовательности, мы можем отметить точную дату рождения слова и его первоначальное значение и назначение и проследить затем его дальнейшую смысловую эволюцию, его распространение и, наконец, его отношения с другим новообразованием *мировоззрение*.

Образованию сложного слова в статьях Белинского предшествует короткий период, когда в особом смысле выступает у него сочетание слов *мировое созерцание*.

Заметим, кстати, что образование прил. *мировой от мир* в смысле «вселенная» также восходит к 30-м гг. (Слов. 1847 соотносит прил. *мировой* только с сущ. *мир* — согласие; его омоним впервые отмечается

---

[400] Любопытно, однако, что во второе издание из двух указанных вариантов Даль ввел только *миросозерцание*.

[401] «Важное дело в поэте то, для чего у немцев существует общепонятный и общеупотребительный термин Weltanschauung и что у нас, tant bien que mal, переводится „миросозерцанием“» (А. Григ., I, с. 10).

Далем и иллюстрируется сочетаниями «*Мировая природа* (nature universelle) — всеобщая, природа вселенной. *Мировое событие* — отозвавшееся во всем мире, повсеместно»). Специализировавшаяся на критике словоупотребления Белинского «Северная пчела» включала и это слово в разряд новоизобретенных, пущенных в ход «Отечественными записками» в период сотрудничества там Белинского. Вот, напр., одна из пуристических пародий на стиль Белинского в этой газете: «Враги Булгарина могут его осыпать всеми возможными субъективными стрелами мировой своей критики, но заслуг его никогда не отнимут, не помрачат» (Сев. пчела, 1843, № 5, с. 19). Но прил. *мировой* не было новообразованием Белинского или его круга. Оно встречается, напр., в статье Н. Надеждина «Европеизм и народность», и при этом с некоторыми внешними указаниями на новизну образования. Ср.: «Кто не признает в этих таблицах [Десятословия] дивного, бесценного, единственного памятника живой словесности не только народа, языком коего они начертаны, но всего рода человеческого — словесности мировой (если можно так выразиться)» (Телеск., 1836, XXXI, с. 19); «Каждый народ, пока он сомкнут в самом себе, пока еще не вошел в мировую школу взаимного обучения, каждый народ, живущий одним собою, естественно ограничивается в своем умственном богатстве более или менее тесною сферою своего существования» (там же, с. 230—231).

У Белинского это прилагательное встречается, особенно с 1838 г., очень часто и в различных сочетаниях, некоторые из которых являются устойчивыми. Ср.: *мировое имя* («Имя Шекспира, одно из тех мировых имен, которые принадлежат целому человечеству» — II, с. 255); *мировое явление* («Если Вольтер был явлением мировым, то и на него можно взглянуть с философской точки зрения» — II, с. 565; «общих, мировых явлений жизни» — III, с. 241); *мировое учение* («Только у них [греков] совершенство человеческой фигуры могло иметь такое мировое значение» — III, с. 424); *мировое произведение* (V, с. 317); *мировое содержание* (V, с. 37); *мировой поэт* («Только содержание делает поэта мировым» — VI, с. 257); *мировая сила* («Иностранец, коротко ознакомившийся с Россиею и ее языком, не может не признать в Пушкине.. мировой творческой силы» — V, с. 569); *мировая жизнь* («Герой есть высочайшее и благороднейшее явление духа мировой жизни» — VI, с. 18); *мировой дух* («Речь идет об искусстве как об одном из явлений мирового духа» — V, с. 616; ср. также VI, с. 456) и пр. Иногда это определение вводится в контекстуальном синонимическом ряду, причем ближайшими и обычными его смысловыми соответствиями оказываются прилагательные *общий, общечеловеческий, абсолютный*. Ср.: «Теперь нам должно объяснить значение *общего* (мирового, абсолютного) и *особного* (частного, исключительного)» (V, с. 310); «„Фауст“ Гете — мировое, общечеловеческое произведение» (V, с. 317); «Будучи греческою, она [древняя народная поэзия греков] в то же время и общечеловеческая, всемирно-историческая, мировая» (VIII, с. 143). Является это прилагательное и в сложениях. Ср.: «создание общемирового искусства» (III, с. 394).[402]

---

[402] Частое в произведениях Белинского конца 30-х—начала 40-х гг. прил. *мировой* позднее им употребляется сравнительно редко. Любопытно, что, перерабатывая текст статей о народной поэзии, Белинский наряду с исключением и заменой некоторых иностранных слов и терминов, подвергавшихся в свое время критике (напр., *субстанциальный, субстанциальность, сальный*), заменяет и слово *мировой* более нейтральными синонимами. Так, во фразе: «Что не развивается, то не живет, а что не живет, то умирает: таков мировой закон всех гражданских обществ» оно было заменено на *общий* (см. V, с. 406 и 760). Тем не менее прил. *мировой* к 50-м гг. можно считать уже укоренившимся в литературном употреблении.

В этот обширный и идейно значимый ряд вступает и сочетание *мировое созерцание*. Оно впервые появляется также в статьях 1838 г. в «Московском наблюдателе», т. е. в период наиболее сильного воздействия некоторых общих идей гегелевской философии на Белинского и его кружок, в период развития очень важных эстетических концепций о роли творческого начала в создании художественных образов, которые у гения являются непосредственным воссозданием жизни и вместе с тем отражением одухотворяющей ее идеи. Таким образом, можно считать, что прямым прообразом этого сочетания явилось одно из характерных слов гегельянского направления — Weltanschauung, так же точно, как и другие сочетания, приведенные выше, нередко соответствовали принятым в немецких философских источниках сложным словам с первою частью Welt-. Слово Weltanschauung (см.: Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm, T. XIV, Lief. 10, Leipzig, 1954) встречается в философских произведениях с последнего десятилетия XVIII в. (Кант, Шеллинг, Фихте и др.). Популярным оно становится у Гегеля. Термин Weltanschauung употреблен, напр., в гегелевской «Эстетике».[403]

Вот первые случаи употребления сочетания *мировое созерцание* у Белинского (из рецензий на «Краткую историю Франции» Мишле и на т. X «Современника», первоначально опубликованных в «Московском наблюдателе», 1838, XVII): «Его [Беранже] сфера очень ограничена, но в самой ее ограниченности есть своя бесконечность, потому что и у французов, лишенных мирового созерцания, есть своя сфера бесконечного» (II, с. 471); «В них [ученых германско-французской школы] беспрестанно враждуют конечный рассудок с претензиями на мировое созерцание» (II, с. 472); «Спиноза — этот глубокий и великий философ, который первый мировое созерцание объявил содержанием философии» (II, с. 475); «Гораздо ближе будет к истине видеть в Фаусте тип человека с глубокою и могучею субстанциею и мировым созерцанием в душе, а в Вагнере конечного, ограниченного чтителя мертвой буквы» (II, с. 503) и др. под. Вопреки приведенным выше утверждениям Е. А. Земской о том, что слово *миросозерцание* первоначально могло буквально значить «взгляд, воззрение на мир» и т. п., следует признать, что прямой предшественник этого слова сочетание *мировое созерцание* первоначально не только выступало в философском контексте, но и имело очень специфический, тесно терминированный смысл. *Мировое созерцание* противопоставлялось как отражение в конечном сознании абсолютной идеи, общих связей мировой жизни, целостности действительного мира — конечному и ограниченному рассудку, рассудочности, ограниченному взгляду на окружающее и т. д. Здесь прил. *мировой* вносило тот же обобщающий и усиливающий смысл, что выявлялся у него и в сочетаниях *мировой поэт*, *мировое произведение*, *мировое значение* и т. д.

Немногим позднее, а именно в произведениях 1840—1841 гг., у Белинского уже выступает и отдельное слово — результат сжатия, конденсации устойчивого сочетания слов. На первых порах оно выделяется автором курсивом. Ср. в статье «Русская литература в 1840 году» (впервые — Отеч. зап., 1841, № 1): «Источником литературы народа может быть не какое-нибудь внешнее побуждение или внешний толчок,

---

[403] Ср., напр., «Die Stufenfolge bestimmter Weltanschauungen als des bestimmten aber umfassenden Bewußtseins des Natürlichen, Menschlichen und Göttlichen» (Hegel. Aesthetik. Berlin, 1955, S. 110; см. также: S. 332, 327, 969, 981). Известно, что осенью 1837 г. Белинский при посредстве М. Н. Каткова знакомится с «Эстетикой» Гегеля. В его распоряжении находились тетради Каткова, содержавшие конспективное изложение «Эстетики» (см. об этом: Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1956, с. 148; также: Бел., XI, с. 181; XII, с. 24, 483).

но только *миросозерцание* народа» (IV, с. 418). И здесь же дается истолкование понятия, вводимого с помощью нового термина: «Миросозерцание всякого народа есть зерно, сущность (субстанция) его духа, тот инстинктивный внутренний взгляд на мир, с которым он родится, как с непосредственным откровением истины, и который есть его сила, жизнь и значение, — та призма с одним или несколькими первосущными цветами радуги, сквозь которую он созерцает тайну бытия всего сущего. Миросозерцание есть источник и основа литературы». В более лапидарной форме определение это воспроизводится и в незаконченном труде, печатаемом теперь под названием «Общее значение слова литература» (см. V, с. 638),[404] где определяются и границы приложения соответствующего понятия: «Миросозерцание, а следовательно, и субстанциальная идея народа проявляется в его религии, в его гражданственности, в его искусстве и знании» (V, с. 639). Ср. также в третьей статье по поводу «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова (1841): «Источник внутренней истории народа заключается в его „миросозерцании“, или его непосредственном взгляде на мир и тайну бытия. Миросозерцание народа выказывается прежде всего в его религиозных мифах» (V, с. 328). Как видно из этих определений, здесь термин носит еще очень специфический характер; он тесно связан с общей философской концепцией Белинского этого периода (1840—1841 гг.), отражающей еще идеи и словоупотребление не вполне пережитого «гегелизма».[405] Любопытно, что слово *миросозерцание* в этих ранних случаях его употребления у Белинского особенно тесно связано с представлением о религиозно-мифологических формах сознания народа. Ср.: «Как и в эпопее, в трагедии греков преобладает их основное миросозерцание — *судьба*» (V, с. 29); «Основа [персидской поэзии] — магометанско-пантеистическое миросозерцание» (V, с. 307); «В Индии.. царствует пантеистическое миросозерцание, и бог понят как вечно производящая и вечно разрушающая сила природы» (V, с. 639) и др. под. Необычность самого слова нередко отмечается в тексте Белинского курсивом или кавычками.[406]

В статьях Белинского более позднего времени слово *миросозерцание* употребляется не так часто. Характерно, что, несмотря на сохранение известных связей с первоначальным специфическим смысловым его наполнением, оно приобретает затем более общее значение. Это, впрочем, уже проблескивает и в статьях 1841—1842 гг. Ср., напр., в статье «Русская литература в 1841 г.»: «Содержание есть миросозерцание поэта, его личное ощущение собственного пребывания в лоне мира и присутствие мира во внутреннем святилище его духа» (V, с. 552); в пятой статье о Пушкине: «Поэзии как поэзии, то есть такой поэзии, которая,

[404] Работу над этим произведением автор комментариев к т. V нового академического полного собрания сочинений датирует 1842—1844 гг. Но анализ содержания этой статьи на фоне других произведений Белинского приводит к выводу, что работа критика над обеими ее редакциями проходила в 1841—1842 гг., — не позднее.

[405] Ср. определение понятия «мировоззрение, миросозерцание» в позднейшем «Философском словаре» С. Гогоцкого (Киев, 1876): «Под мировоззрением или миросозерцанием разумеется полное представление мира с его началом, продолжением и последнею целию».

[406] Свидетельством этой ранней приуроченности термина в его специфическом смысле к определенному направлению являются и характерные полемические упоминания о нем в статьях В. Майкова. «Вот что значит „национальное миросозерцание“, которым многие так восхищаются», — писал он в статье о Кольцове (I, с. 77). И ниже: «Ограниченный в своих мыслях, чувствах и стремлениях тесною сферой „национального миросозерцания“, он [поэт] будет всегда исключителен и близорук в своей симпатии, а потому и идеи его будут лишены той обширности, которой измеряется сила художественного таланта» (с. 86). Но Майков свою концепцию поэзии Кольцова, как и поэтического творчества вообще, полемически направляет против Белинского.

выражая то или другое, развивая такое или иное миросозерцание, прежде всего была бы поэзией, — такой поэзии еще не было! Пушкин был призван быть живым откровением ее тайны на Руси» (VII, с. 320) и т. д.[407] В таком общем смысле термин принимается и в произведениях Герцена 1840-х гг. Ср. в первой статье «Дилетантизм в науке»: «Мы живем на рубеже двух миров — оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее миросозерцание потрясены» (III, с. 7).[408]

Употребление термина в этом общем смысле («совокупность [система] взглядов кого-либо на мир, на окружающее») становится все более обычным в 1850-е гг.[409] и окончательно закрепляется в критике и публицистике (уже самых разных направлений) 1860-х гг.[410] Здесь термин отрешается от тех специфических осмыслений и понятийных ограничений, которые первоначально с ним связывались. В 60—70-х гг. слово можно встретить и за пределами критико-публицистических и философских статей; оно проникает и в язык беллетристических произведений, поскольку они в эти годы так легко включают в себя и элемент публицистический.[411]

В 50-е годы является и синоним этого слова *мировоззрение*. Впрочем, здесь правильнее говорить о лексическом варианте, так как никаких смысловых различий между этими словами с самого начала их существования не наблюдается.[412] В произведениях более раннего времени встречаем сочетание «воззрение на мир». Ср.: «Как ни отделены мы от греков и нравами, и условиями жизни, и образом воззрения на мир,.. мы

[407] Приводим здесь перечень случаев употребления термина *миросозерцание* в статьях Белинского (в хронологическом порядке): IV, 418; V, 29, 34, 235, 249, 307, 308, 328, 546, 552, 638—641, 649, 774; VI, 15, 146, 254, 415, 475, 628; VII, 320; VIII, 112; X, 93. По этому перечню читатель может проследить за эволюцией термина у самого Белинского. См. также XII, с. 23. Ранее в этом смысле употребляется и *созерцание*; напр., XI, с. 292.

[408] Это и наиболее ранний случай употребления термина в работах Герцена (конец 1842 г.). Ср. еще в его произведениях 40-х гг.: II, с. 96, 174, 192.

[409] Он является, напр., в критических статьях А. Григорьева (см. хотя бы приведенную выше цитату), который, несмотря на свою особую позицию, зависел в своем словоупотреблении от Белинского. Встречается он и в статьях других представителей «молодой редакции» «Москвитянина». См., напр., в статье Е. Эдельсона «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики»: «Взгляд такого человека на жизнь и вообще на явления действительности.. не возвысится.. до философского миросозерцания» (Москвит., 1852, № 6, с. 55).

[410] Любопытно, однако, что и в начале 60-х гг. этот термин еще часто связывается преимущественно с эстетическими воззрениями, выступает в языке литературной критики. Ср. в статье Добролюбова «Темное царство»: «В произведениях талантливого художника.. всегда можно примечать нечто общее, характеризующее все их и отличающее их от произведений других писателей. На техническом языке искусства принято называть это *миросозерцанием* художника» (V, с. 22). Однако в 60—70-х гг. уже явно преобладает более широкая интерпретация термина. Ср. в статье Н. В. Шелгунова «Теория мечтательного воспитания»: «Привычка.. к отысканию связи между причиной и последствием.. создает целую прочную связь между представлениями и явлениями и послужит корнем того реального миросозерцания, которому до сих пор стояли помехами идеализм и мечтательность» (Дело, 1876, № 7, с. 28). Вот определение понятия в Прил. к Словарю Толля (1866, с. 314): «*Миросозерцание* — взгляд на происхождение, управление и существование мира и всего существующего в нем; от *м.* зависит в некот. степени нравств. точка человека. *М.* есть как бы личная индивидуальная философская система, складывающаяся у каждого мыслящего человека под влиянием как воспитания, так и всей последующей жизни, и потому способная к изменениям».

[411] Ср., напр., в романе Е. Маркова «Черноземные поля»: «Твердо зная настоящее мужицкое миросозерцание, Суровцев считал необходимым относиться к мужику на основаниях совершенно практических» (Дело, 1876, № 2, с. 132).

[412] Попытки разграничить эти слова по значению, предпринятые С. И. Ожеговым в его словаре и более робко, вслед за ним, повторенные в Слов. совр. русск. лит. яз., VI, никакими фактами словоупотребления не подкрепляются.

все понимаем в истории Греции так же ясно, как и в истории своего отечества» (Бел., V, с. 232); «Из самой себя хочет современная личность почерпнуть всю жизнь, все содержание, все воззрение на мир» (С. Шевырев. Очерки современной русской словесности; Москвит., 1848, № 1, с. 40). Но характерно, что само сложное слово образовалось тогда, когда в его старшем конкуренте уже вполне определилось общее значение и выветрилась первоначальная понятийно-терминологическая ограниченность. Вот некоторые из ранних случаев употребления этого нового варианта, зафиксированные нами: «[Славянофилы и почвенники] взяли у немца целую философскую систему, позаимствовали от него самую сущность всего своего мировоззрения» (Посторонний сатирик [М. А. Антонович]. Любовное объяснение с «Эпохой»; Совр., 1864, № 10, с. 250); «Детскому мировоззрению действительная жизнь представляется чем-то несообразным» (Н. Соловьев. Дети; Эпоха, 1865, № 1, с. 19); «Изучение естественных наук, особливо анатомии и физиологии, завладевало его философским мировоззрением» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 155). Нередко в произведениях 60—70-х гг. оба варианта употребляются бок о бок, без каких-либо смысловых и стилистических различий.[413]

Слов. Ушак. к слову *миросозерцание* дает только ссылочное определение («То же, что мировоззрение»), тем самым подчеркивая и его полное совпадение по смыслу с его вариантом и его меньшую употребительность. Однако такое отношение двух лексических вариантов сложилось уже в XX в., ближе к нашему времени. Во всяком случае, *миросозерцание* еще достаточно широко и постоянно употребляется и в первые два десятилетия XX в. Так, у В. И. Ленина находим обычно этот вариант, вплоть до последних его произведений. Ср., напр., в произведении «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?»: «Характеризуя свое миросозерцание, они [Маркс и Энгельс] называли его просто материализмом» (Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 1, с. 149); в работе «Государство и революция»: «Учение Маркса и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*» (там же, т. 33, с. 29); в Докладе о замене разверстки натуральным налогом на X съезде РКП(б): «Нам надо — согласно нашему миросозерцанию, нашему революционному опыту в течение десятилетий, урокам нашей революции — ставить вопросы прямиком» (т. 43, с. 58). Напротив, вариант *мировоззрение* встречается в языке произведений В. И. Ленина редко. См. в статье «Задачи революционной молодежи» (1903) в изложении чужого высказывания (т. 7, с. 341). В одном случае, в произведении «Материализм и эмпириокритицизм», оба варианта употреблены Лениным на равных правах: «Маркс неоднократно называл свое миросозерцание диалектическим материализмом, и энгельсовский „Анти-Дюринг“, *целиком прочитанный Марксом в рукописи*, излагает именно это мировоззрение» (т. 18, с. 260). Таким образом, очевидно, что вариант *миросозерцание* длительное время не заключал в себе никаких, ни смысловых, ни даже стилистических отличий от другого варианта этого термина.

Окончательное предпочтение более позднего по своему появлению варианта определяется уже в 20—30-х гг. нашего века. У отдельных авторов термин *миросозерцание* можно встретить, правда, и в наши дни, но уже редко. В современном употреблении этот вариант, бесспорно, ощущается уже в известной степени устарелым, а его более молодой конку-

[413] В качестве примера сошлюсь хотя бы на следующие статьи: А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе, ЖМНП, 1872, № 1; П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, №№ 9 и 12; Н. Языков [Шелгунов]. Теория мечтательного воспитания; Дело, 1876, № 7.

рент является безусловно господствующим. Говоря о причинах, приведших к постепенному выходу из употребления одного из двух лексических вариантов, можно указать не только на общие языковые причины (обычное выветривание одного из вариантов, не различающихся по смыслу; ср. *языковедение и языкознание*; бóльшие шансы на победу более позднего по времени появления варианта), но и на более специфические. Термин *миросозерцание* становился тем менее употребительным, чем более ощущалась его «внутренняя форма», а это ощущение тем более становилось сильным, чем более специфические осмысления связывались со словом *созерцание* (и его производными — *созерцать*, *созерцательский*, *созерцательство*). Ведь эти слова, особенно в нашу эпоху, все отчетливее приобретали отрицательную окраску, связываясь с ироническим обозначением пассивного отношения к действительности. Таким образом, в слове *созерцание* все больше выявлялись его старые связи с книжным архаическим наследием, а слово *воззрение*, напротив, продолжало последовательно нейтрализоваться и терминироваться. Эта эволюция слов затронула в конце концов и весь круг их производных, привнося и в слово *миросозерцáние* тот специфический стилистический отпечаток, которого в течение длительного времени его преимущественного употребления в качестве термина в нем не ощущалось.[414]

К этому же времени (к 20—30-м гг. XX в.) относится и появление прил. *мировоззренческий*. (Толковые словари нашего времени, Слов. Ушак., Слов. совр. русск. лит. яз. включают также прил. *миросозерцательный*, но вряд ли оно практически когда-либо употреблялось). Образование сущ. *миросозерцание*, а затем и его нового варианта *мировоззрение* привело к появлению в последнюю треть XIX в. также некоторых аналогических образований. Напр., *мироразумение:* «Развитие воззрений, приведших.. к выработке буддийского мироразумения» (В. Лесевич. Буддийский нравственный тип; Сев. вестн., 1886, № 5, с. 43); «[Шелгунов] хочет, чтобы сообщаемые им знания укладывались в голове читателя в известную общую систему, в известное мироразумение» (Михайловск., III, с. 374). Ср. также *миропознание;* позднее, в XX в., явившиеся *мировосприятие, мироощущение*.

Паровоз. Впервые в Слов. 1847: «Повозка, движимая силою паров»; там же: *паровозный* («паровозный поезд»). История этого слова стоит в тесной связи с историей слова *пароход*, несколько более раннего времени появления. Истории этих слов посвящена заметка В. В. Виноградова в статье «Из истории современной русской литературной лексики XIX в.» (ИАН ОЛЯ, т. IX, 1950, вып. 5). См. также: Е. А. Земская, с. 61—62. Здесь мы ограничимся некоторыми подробностями и уточнениями.

Пароход и *паровоз* — примеры таких слов, которые возникают вскоре же после появления в России этих новых средств сообщения, слов, кото-

---

[414] Любопытна в этом смысле попытка А. М. Горького в статье «О пьесах» (1933) разграничить по смыслам слова́, обозначающие отношение человека к миру действительности, с первой частью *миро-*, в том числе *мировоззрение* и *миросозерцание*. «Отношение людей к миру, — писал Горький, — удобно — хотя это будет несколько грубовато — разместить в четыре формы: мироощущение, то есть пассивное ощущение действительности как цепи различных и неустранимых противодействий росту и движению человека; миросозерцание — настроение равнодушное и „объективное“, доступное только тем, кто еще обеспечен сытостью, покоем, безопасностью и уверен, что на его век всего этого хватит; мировоззрение — система „рациональных“ взглядов, усвоенных в семье и школе, дополненных чтением разнообразных книг.. А самым драматическим героем современности является человек миропонимания, — он стремится изучить и понять мир в целях полного освоения его как своего хозяйства» (Собр. соч., т. 26, М., 1953, с. 420). В этом индивидуальном истолковании слов данного ряда также отражается та известная смысловая эволюция слова *миросозерцание*, которой мы только что коснулись.

рые к тому же быстро и прочно вошли в общее употребление. Однако, несмотря на быстрое вхождение этих слов в язык, можно отметить и существование рядом с ними некоторых синонимов, отчасти связанное со стилистической и диалектной дифференциацией речи.

В. В. Виноградов датирует появление слова *пароход* недостаточно определенно, относя начало его распространения ко времени «не позднее 20—30 гг. XIX в.» (ИАН ОЛЯ, т. IX, с. 389). Как известно, первый пароход был у нас построен Бердом в Петербурге в 1813 г. (паровое судоходство по Неве было открыто в 1815 г.). На первых порах для его обозначения применялось либо заимствованное из англ. *стимбот* (steam-boat),[415] либо сочетания *паровое судно*. Слов. 1847 отмечает в этом смысле и сущ. *паровик;* это последнее слово зафиксировано впервые в САР [2] («то же, что паровое судно»).

Слово *пароход*, родившееся, по свидетельству Р. Ф. Брандта (со слов адмирала А. В. Фрейтага; см. В. В. Виноградов (ИАН ОЛЯ, т. IX, с. 389)), в среде моряков, встречается уже в русской печати начала 20-х гг.

Приводимое в статье В. В. Виноградова свидетельство Э. Стогова о том, что слово *пароход* впервые было употреблено Н. И. Гречем в «Северной пчеле» и подсказано последнему адмиралом П. И. Рихардом, следует признать апокрифическим. В «Северной пчеле» слово *пароход* действительно встречается уже с первых номеров газеты за 1825 г. (год начала ее издания), но без каких-либо примет того, что это нововведение. Ср.: «Пароход „Предприятие“ совершать будет плавание из Лондона в Калькутту» (Сев. пчела, 1825, № 16, с. 3).[416] Слово *пароход* является в это время и в других источниках. Ср., напр., в «Послании к NN о наводнении Петрополя, бывшем в 1824 г. 7 ноября» Д. И. Хвостова, отпечатанном отдельной брошюрой в Петербурге в самом начале 1825 г.: «Свободе радуясь, средь накопленных вод, Летает огненный, шумливый Пароход» (с. 4). Ср. также в стихотворении Ф. Глинки «Картины»: «Пароход. Плаванье днем. Черты освещения и праздника. Ночь в каюте и утро на пароходе» и т. д. (опубликовано впервые в «Северной пчеле», 1825, № 91).

Несомненно, слово *пароход* было достаточно известно уже к началу 20-х гг. XIX в. Так, в прибавлении к «С.-Петербургским ведомостям» за 1820 г. (№ 60, с. 735) находим объявление: «С 3-го числа августа.. пароходы начнут отправляться из С.-Петербурга и Кронштадта пополудни в 4 часа». Однако наряду со сложным словом употреблялось и сочетание *паровое судно* (ср. также *паровой пакетбот* и т. д.), и сущ. *паровик*, и заимствованные *стимбот* и *пироскаф* (ср. последнее в Слов. яз. Пушкина).[417] Вероятно, здесь первоначально имело место и территориальное ограничение. Слово *пароход* было несомненно петербургским по своему происхождению. Любопытно, что на Волге, после появления на ней пароходов, довольно долго держалось местное народное наименование парохода *огнева* (см. Д [1]).

---

[415] Ср. приводимое в указанной работе В. В. Виноградова свидетельство из записок моряка Э. Ц. Стогова.

[416] Наряду с этим выступает и сочетание *паровое судно*. Напр.: «11 июня н. ст. отправилось паровое судно „Лондон-Энгинер“ из Фальмута в Египет. Это первое паровое судно, пустившееся в столь далекий путь» (Сев. пчела, 1825, № 77, с. 2).

[417] Это слово (итал. piroscafo; новогреч. πυρόσκαφον) встречается эпизодически и у других авторов. Ср. название стихотворения Е. А. Баратынского «Пироскаф», посвященного плаванью по Средиземному морю. Конечно, нельзя согласиться с замечанием В. В. Виноградова, что Баратынский «еще не знал» слова *пароход* и потому употребил *пироскаф* (дата стихотворения — 1844 г.!). Употребление заимствованного слова было навеяно темой стихотворения и вносит своего рода местные краски. Слово *пироскаф*, конечно, было свойственно лишь русскому Черноморью.

В начале 30-х гг. слово *пароход* не только стало обычным термином литературного языка, но и на недолгое время раздвинулись рамки его предметной отнесенности. В журналистике 30-х гг. все чаще появляются сообщения о железнодорожном транспорте, и слово *пароход* начинает, между прочим, обозначать и паровую машину, водящую сухопутные поезда. Ср. в статье «Чугунные дороги» (Библ. для чт., 1835, № 2): «Дым и газы, освобождающиеся от пароходных повозок, в короткое время делают воздух негодным для дышания, так что, если карета за каретою следует невдалеке, путешественник задыхается в чадной атмосфере» (с. 109); «Предположив, что отныне до открытия дороги в пароходстве не сделают никаких усовершенствований, найдем, ..что целый обоз будет поспевать из Лондона в Бирмингам в пять часов с половиною» (с. 110).[418]

Но вскоре по аналогии к слову *пароход* было образовано и специальное слово, позволяющее дифференцировать сухопутный паровой транспорт от водного. Время и место появления слова *паровоз* можно точно документировать. В этом случае дело действительно не обошлось без «Северной пчелы» и Греча. В первых известиях о железных дорогах в Англии в этой газете также фигурируют либо слово *пароход*, либо описательные выражения (напр., *паровая машина*), либо заимствованное *локомотив*. Ср.: «Так называемая самодвижная паровая машина, которая.. равняется силе восьми лошадей, пущена была [близ Нью-Кастля] по двум железным дорогам» (Сев. пчела, 1825, № 17, с. 2). В 1836 г. в связи с предстоящим открытием Царскосельской железной дороги в Петербург прибыли первые локомотивы, построенные в Англии. Несколько цитат из отдельных номеров «Северной пчелы» в известиях о прибывших локомотивах и фиксируют рождение нового слова. Ср. в № 220 от 26 сентября (с. 879): «Первые проезды по железной дороге будут произведены посредством лошадей, но лишь только привезена будет сюда паровая машина, она употребится в дело»; 30 сентября (№ 223, с. 890): «Немедленно по прибытии паровых машин (locomotives), которые для отличия от водяных *пароходов* можно было бы назвать *паровозами*, последуют опыты употребления их»; 7 октября (№ 229, с. 913): «4-го октября привезена в Кронштадт.. одна из паровых машин (паровозов), сделанная Гаквортом»; 8 января 1837 г. (№ 5, с. 17): «2-го, 3-го и 4-го января происходили поездки по железной дороге. В первый день употреблены были три паровоза и сделаны были четыре поездки из Павловска до Кузьмина и обратно». Слово вошло в употребление быстро. Впрочем, и позднее можно изредка встретить слово *пароход* в широком смысле (ср.: «сухопутные и морские пароходы» (Отеч. зап., 1859, № 3, отд. VI, с. 1)). Не лишено основания предположение Б. Унбегауна,[419] что в качестве образца для образования сущ. *паровоз* послужило нем. Dampfwagen (это тем более вероятно, что Греч был немцем по происхождению).

Однако наряду с утверждением в литературном языке конца 30-х—начала 40-х гг. слова *паровоз* продолжало употребляться в этом смысле и *паровая машина*, а также заимствованное *локомотив*. В просторечии в этом значении удержался и *паровик*, название, также перенесенное

---

[418] Здесь любопытно также приспособление для обозначения нового вида транспорта уже известных слов, связанных с транспортом конным (*карета*, *обоз*, позднее *поезд*). Ср. также: «Пересел я в третьем часу утра из дилижанса в паровую карету» (Вяз., IX, с. 186); «На что раздражать подобных энтузиастов исполинскими рассказами о чугунных дорогах и паровых каретах Англии» (Телеск., 1833, XIII, с. 305).

[419] См. его статью «Le Calque dans les langues slaves littéraires» (Revue des Études slaves, t. XII, Paris, 1932, p. 40).

с парохода на паровоз и вместе с тем являющееся общим наименованием парового двигателя.[420]

Появление слов *пароход* и *паровоз* представляет интерес с чисто словообразовательной точки зрения (см. об этом в названной выше статье В. В. Виноградова и в статье В. П. Григорьева «К вопросу о грамматических отношениях между компонентами сложного существительного» (Русский язык в школе, 1958, № 5)). В противоположность старым сложениям с теми же вторыми компонентами (*мореход, водовоз*) части этих новых слов соединялись уже не объектной, а причинной связью («то, что возит или ходит посредством пара»). Ср. характерные возражения Г. П. Павского против закономерности этих новых сложений по чисто грамматическим соображениям (Филологические наблюдения, 2-е рассуждение. Изд. 2, СПб., 1850, с. 221—222). Однако характерно, что эти слова не только быстро укрепились в языке, но позднее, в наше время, явились и стимулом для создания новых аналогических образований, составляющих особые ряды слов (ср. *теплоход, электроход, дизелеход, атомоход*; *тепловоз, электровоз*), специализированно обозначающих разновидности сухопутного и водного транспорта, с первой частью, выражающей источник движущей силы.

Полноправный. Впервые Д[2]: «*Полноправный судья* — компетентный, законный»; там же и *полноправность* с примером: «Суд признал себя в сем деле неполноправным, не признал полноправности своей — нашел дело неподсудным себе». Слова *полноправный* и *полноправие* отмечены в материалах Кеппена цитатами из изданий начала 60-х гг.: «По прикреплении крестьян они еще оставались самостоятельными членами русского общества, гражданскими лицами полноправными» (29-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1860, с. 121); «Когда для всех водворится полноправие» (СПб. вед., 1861, № 225, с. 1247). Появление слова связано с формированием русской гражданско-правовой терминологии в ходе подготовки буржуазных реформ 1860-х гг. *Полноправный*, вероятнее всего, представляет собою кальку нем. vollberechtigt. Несомненно, однако, что здесь играла роль и аналогия с уже наличными сложениями с той же первой частью (*полномочный, полновластный*). Другие слова с той же второй частью (*бесправный, равноправный*) появляются также около середины XIX в. Несомненно, что *полноправный* явилось под воздействием со стороны прил. *бесправный* как его антоним.

Слова *полноправный, полноправность* и *полноправие* становятся активно употребительными в публицистике 60-х гг. Ср.: «демократическая полноправность народа» (Добр., IV, с. 229); «полноправность женщины» (Писар., I, с. 185); «Гражданское полноправие раскольников» (Мельн.-Печ., VII, с. 409) и т. д. Эпизодически слово *полноправный* начинает появляться и в произведениях художественной литературы в более широком и свободном смысле. Ср.: «Как можно было поверить, чтоб молодая бедная девушка не захотела стать полноправной хозяйкой в доме такого богача?» (Мельн.-Печ., На горах, I, с. 48). Таким образом, слово, первоначально явившееся как специфический термин, вызванный к жизни новыми правовыми представлениями, становится вслед за тем одним из обычных слов общего литературного употребления.

Правомерный. Впервые Д[1] (но со следующим значением: «пропорциональный, соразмерный, соответствующий, равномерный в частях своих»). Судя по всему, Даль не разобрался в действительном значении нового слова, произвольно связав его со старинным словом *правомерие* (у Д[1] оно определено как «верная, правильная, полная мера»; ср. в Слов. 1847:

---

[420] *Паровик* как наименование парохода выходит из употребления к середине XIX в.

«воздавание каждому должного; беспристрастие»; см. также в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского). Но с этим старым существительным, уже не употребительным в литературном языке XIX в., прил. *правомерный*, распространившееся с 40-х гг. XIX в., не имело генетически ничего общего. Формально здесь, конечно, не исключаются аналогии с известными уже русскому языку образованиями с второю частью *-мерный* (напр., *равномерный*). Но практически это слово явилось, вероятнее всего, как калька нем. rechtmässig. Первоначально оно употреблялось в особом терминологическом (юридическом) смысле «основанный на праве». Ср.: «В Риме самый произвол, основавший дружину, и позднейшее столкновение плебеев с патрициями развили идею личной свободы, подчиненной строгим требованиям правды, т. е. идею свободы.. правомерной» (Хом., VI, с. 337);[421] «Требование.. правомерности человеческих отношений» (Филос. произв. петраш., с. 178); «правомерные отношения между крестьянами и помещиками» (Сельск. благоустройство, 1858, № 5, с. 168) и т. п.

Но с 60-х гг. слово начинает употребляться и в более общем значении «законный, внутренне обоснованный». Ср. у П. А. Лаврова в «Трех беседах о современном значении философии» (СПб., 1861, с. 43): «Это простейшее и самое правомерное проявление творчества в науке — *научное построение*». В 70—80-х гг. такое употребление становится уже обычным. Ср.: «Смягчение деспотизма старой семьи и отречение фиска от руководительства промышленною жизнью страны могут быть совершенно правомерно сведены к одному знаменателю» (Михайловск., V, с. 383).

И. Желтов («Краткие грамматические заметки»; ФЗ, 1830, вып. IV—V, с. 8—9) относит *правомерность* к тем словам, которые были введены «в наш судебный язык», и видит в нем «непонятный сколок» с нем. Rechtmässigkeit. Он не признавал необходимости существования этого слова в русском языке, но это были уже запоздалые пуристические ламентации.[422]

Аналогичной была судьба и слов *закономерный*, *закономерность*. Они появились в употреблении не раньше последних десятилетий XIX в. и первоначально были теснее всего связаны также с языком юридическим (ср. определение прил. *закономерный* и примеры его употребления из произведений 90-х гг. XIX в. в Слов. Акад. 1900). Впрочем, тогда же эти слова начинают применяться и в более широком смысле. Ср., напр., *закономерность исторического процесса* и т. д. *Закономерный* также представляет собою кальку нем. gesetzmässig.

Славянофил и произв. Впервые отмечено и объяснено у Толля.[423] Слово *славянофил* формально не было неологизмом 40-х гг., когда оно становится особенно употребительным. Оно родилось собственно еще во

[421] Ср. в Дневнике Герцена за 1834 г.: «Этого-то воспитания в правомерное состояние у нас вовсе нет; даже мы не уважаем и ту законность, которая дается нашим сводом» (II, с. 292).

[422] Во вторую половину XIX в. входит в употребление и ряд других сложных слов с первой частью *право-* (*правоспособный*, *правопорядок*, *правонарушение* и др.) — см. о них гл. I, с. 169—170. Видимо, не ранее начала XX в. возникло слово *правомочный* (впервые в Д[3]). См. о нем: В. В. Виноградов. Из истории слов; ВЯ, 1955, № 5, с. 102—104.

[423] «*Славянофилы* — так наз. в России партия, не признающая необходимости преобразования России Петром I и видящая идеал русского устройства в допетровской Руси. Свои идеалы и стремления они высказывали преимущественно в московских журналах и сборниках. Потеряв в последнее время [т. е. в начале 60-х гг.] своих представителей — Киреевского, Хомякова, Серг. и Конст. Аксаковых, с прекращением главного органа их „Русской беседы", славянофилы сосредоточиваются теперь в Ив. Аксакове и его газете „День", проводящей верные идеи развития народа из среды его вековых обычаев и учреждений, из общины и земщины, но в то же время проповедующей нетерпимость в отношении ко всему, что выработал Запад, и крайний фанатизм в отношении к религиозным верованиям и обрядам».

время борьбы за «новый» и «старый слог» русского языка, в полемике шишковистов и карамзинистов как ироническая кличка любителей «славянщины» со стороны приверженцев нового слога. Такое употребление слова держалось еще и в 30—40-х гг. В 1835 г., напр., появился роман Аполлинария Беркутова «Поединок» с характерным ироническим подзаголовком «Сочинение славянофила» (см. рецензию на него у Белинского — I, с. 410—411). В этом смысле первоначально употреблял слово и Белинский, говоря о Шишкове и его приверженцах. Ср. еще в его статьях 1842—1843-х гг.: «Литературная деятельность Карамзина.. восстановила против себя славянофилов и пуристов русского языка» (VI, с. 322); «Славянофилы, доказывавшие, что Карамзин испортил русский язык» (VI, с. 505).[424] У него же можно первоначально встретить и слово *славянофил* в более общем смысле («склонный ко всему славянскому, защитник славянского начала») — см., напр., VI, с. 343.

Но на 1842—1843-е гг. падает решающий перелом в истории слова; с этого времени начинается как бы новая жизнь его в языке. В обстановке обостряющейся борьбы московских кружков слово *славянофил*, связанное предшествующим групповым употреблением с пуристическо-славенизирующими сторонниками «старого слога», переносится как ироническая кличка на оформившееся к этому времени идеологически направление Аксаковых, Киреевского, Хомякова и др. Впервые как будто бы такое применение старого полемического определения мы встречаем в дневниковой записи Герцена от 29 июля 1842 г.: «Толки о „Мертвых душах“. Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апотеоза Руси, Илиада наша» [425] (II, с. 220). Несколько позднее встречаем в этом новом смысле слово и в письмах Белинского. Ср. в письме к В. П. Боткину от 9—10 декабря 1842 г.: «Спасибо тебе за вести о славянофилах» (XII, с. 124; см. примечание к этому письму — XII, с. 512). Печатно этот термин Белинский употребил в первый раз в своем обозрении «Русская литература в 1843 году» (впервые — Отеч. зап., № 1, за 1844 г.): «У нас есть поборники европеизма, есть славянофилы и др. Их называют литературными партиями» (VIII, с. 72). Ср. несколько позднее в статье о сочинениях В. Ф. Одоевского: «В общем выводе он [Фауст из «Русских ночей» Одоевского] совершенно сходится с так называемыми „славянофилами“» (VIII, с. 316).[426]

С середины 40-х гг. такое употребление слова в статьях и заметках Белинского, Герцена и других сотрудников журнала «Отечественные записки», а затем «Современника» становится частым и обычным.[427]

Но в 40-е гг. это все-таки скорее еще полемическая кличка, чем общепринятый термин. Характерно, что наряду со словами *славянофилы*, *сла-*

[424] В этом смысле по привычке употреблял слово в своих позднейших воспоминаниях и С. Т. Аксаков. Ср.: «Старовер, гасильник, славянофил Шишков — открыл глаза Карамзину на вредные последствия его нововведений в русское слово» (II, с. 312); «Собственно же за русское направление, за славянофильство, как бы Шишков ни понимал его криво, ..он имеет полное право на безусловную, сердечную благодарность» (там же, с. 313). Впрочем, здесь уже чувствуется наслоение разных исторически сложившихся употреблений слова. Ср. у А. Григорьева в воспоминаниях «Мои литературные и нравственные скитальчества»: «Петербургское славянофильство, происшедшее от весьма, впрочем, почтенного человека, адмирала Шишкова» (Восп., с. 107).

[425] Намек на К. Аксакова, автора брошюры о «Мертвых душах».

[426] См. примечания к этому месту статьи — с. 684. Впрочем, термин *славянофилы* в этом смысле встречается и в статье об «Истории Малороссии» Н. Маркевича (впервые Отеч. зап., 1843, № 5): «Наши „славянофилы“ и „патриоты“ ограничиваются.. пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси» (VII, с. 52; речь идет о М. П. Погодине). Эта статья В. Спиридоновым приписывается Белинскому.

[427] См. в приведенных цитатах из статей Белинского 1843—1844 гг. заключение слова в кавычки, свидетельствующее о новизне такого его применения.

вянофильство в тех же изданиях и у тех же представителей противоположной партии встречаются и другие, более или менее выразительные клички «московских идеологов». У Герцена, напр., в тех же его дневниках мы встречаем в этом смысле и слово *славяне*, тоже позаимствованное из арсенала полемических обозначений шишковцев у карамзинистов. Ср.: «Беспрерывные споры и разговоры с славянами много способствовали.. к уяснению вопроса [о будущем славянских народов]» (II, с. 328). Ср. у него же: *славянобеснующиеся* (II, с. 289: «Удивляюсь, как славянобеснующиеся не понимают истории, не понимают европейского развития»); *славянобесые* («Строганов отзывается об Белинском с признанием его достоинств (вот насколько он выше славянобесых)» (II, с. 246)). См. также *словянобесие* («Она [мать Киреевских] грустит о славянобесии сыновей» (II, с. 242)). Но это уже явно сгущенные полемические выпады. У Белинского наряду с более всего распространенными словами *славянофилы* и *славянофильство* встречаем и *славянолюбы* («Остроумному и энергическому перу князя Одоевского много дали бы материалов одни так называемые „славянолюбы“ и „квасные патриоты“, которые во всякой живой, современной человеческой мысли видят вторжение лукавого гниющего Запада» (VIII, с. 320)).

Еще более характерно, что сами славянофилы 40-х гг. не хотели принимать клички, приданной им их противниками, как названия своего направления. Они охотнее называли себя *московским направлением*.[423] Ср. замечание Белинского по поводу статьи Ю. Самарина в «Москвитянине» за 1847 (№ 9) «О мнениях „Современника“, исторических и литературных», где использовалось это самоназвание: «Что такое „московское направление“, загадочною речью о котором начинается статья? Разумеется, так называемое *славянофильство*. Очевидно, что автор статьи — *славянофил*» (X, с. 223). Как видно из этого, Белинский не принимает самоназвания славянофильского направления, но и на слово *славянофильство* он смотрит как на более естественное, но тем не менее условное обозначение («так называемое славянофильство»).[429] Полемика Белинского и его круга имела решающее значение в дальнейшей истории слова. В 50-е гг. оно становится наиболее обычным и привычным обозначением этого направления. Его употребляют как название целой «школы» даже те, кто понимал условность и недостаточную точность такого обозначения. Ср. характерное примечание Чернышевского при употреблении слова *славянофил* в «Очерках гоголевского периода»: «Мы употребляем это имя как наиболее всем известное; но нам кажется, что, будучи придумано в то время, когда мнения лучших последователей школы были еще мало известны, оно не имеет в настоящее время никакого внутреннего смысла. Мы готовы с удовольствием заменить его другим, какое будет нам ука-

---

[428] Впрочем, А. С. Хомяков в полемическом задоре заявлял в статье «О возможности русской художественной школы» (1847): «Некоторые журналы называют нас насмешливо славянофилами, именем, составленным на иностранный лад, но которое в русском переводе значило бы *славянолюбцев*. Я с своей стороны готов принять это название» (Хом., I, с. 96—97).

[429] В критике 40-х гг. можно встретить также и обозначение этого направления как *москвофильского* и *руссофильского*. Ср. у В. Майкова: «Беспристрастное изучение России, чуждое всякого славянофильства, или, правильнее, руссофильства» (I, с. 76); у К. Кавелина: «Многие, особливо в Москве, истолкуют слова владыки [черногорского — П. Негоша] буквально и извлекут из них новый аргумент в пользу своего неисторического москвофильства» (Совр., 1847, № 5, с. 22). Ср. у Герцена *москвизм:* «Иван Васильевич [Киреевский] не дошел до последней точки москвизма» (II, с. 389). В это же время и позднее в этом смысле можно встретить и слово *славянизм*. Ср. у Белинского: «Кто считает себя только русским, не заботясь о своем славянизме, тот в статьях „Москвитянина“ заблудится» (VIII, с. 479); у Н. В. Шелгунова (в статье «Пророк славянофильского идеализма»): «мечтательный и злополучный славянизм» (Дело, 1876, № 9, с. 16).

зано самими последователями мнений, о которых идет речь» (III, с. 78).[430]

Конечно, полемическая кличка 40-х гг. не покрывала все идейное содержание славянофильства как идейно-философского и общественно-политического течения. Она была условной и принимала во внимание лишь одну сторону их идей — идею всеславянского единства и нетерпимости к Западу.[431] Но кличка стала уже столь общераспространенной, что ее употребляли как название даже и писатели если не славянофильского толка, то близкие к ним.[432]

В слове *славянофильство* была заключена первоначально и еще одна неопределенность, касающаяся объема его применения. В полемике 40-х гг. им прежде всего обозначались мнения, выражаемые «Москвитянином». Отсюда его применение не только к идейным вождям славянофильства — К. Аксакову, Хомякову, И. Киреевскому, Самарину, но и к Погодину и Шевыреву, находившимся в отношениях теснейшей близости к вождям славянофильства, хотя и представлявшим такие реакционные взгляды, которые не могли полностью разделить истинные вдохновители славянофильства. В 50-х гг., когда главным органом славянофилов стал журнал «Русская Беседа», понятие славянофильской школы стало связываться с кругом сотрудников этого журнала. Погодин и Шевырев уже не относились безусловно к славянофилам как к течению с определенной социальной и идеологической программой.[433] В дальнейшем, в 60-е гг., неоднократно менялись границы этой группы, к славянофилам то относились писатели, которые лишь отчасти разделяли теоретические взгляды основателей славянофильства (напр., Н. Я. Данилевский), то выделялись из славянофильства особые группы и течения (напр., почвенничество во главе с А. Григорьевым).[434] Но и эти колебания уже не могли нарушить устойчивости утвердившегося термина.

---

[430] Заметим, что это сдержанное отношение к популярному наименованию у Чернышевского было связано с наметившейся линией кратковременного тактического сближения «Современника» с органом славянофилов «Русской Беседой» в эти годы (1856—1857) на почве признания русской общины как живого социального явления.

[431] Заметим, кстати, что с выдвижением на передний план именно панславистских идей (напр., в газете И. Аксакова «День») это название находило себе новое подкрепление. В публицистике 50-х гг. нередко противопоставлялись также западное и восточное направление. Ср.: «Давно уже в нашей журналистике существует два направления — так наз. *восточное* и так наз. *западное*» (Л. Оптухин [И. В. Павлов]. Восток и Запад в русской литературе; Моск. вестн., 1859, №№ 4 и 5, с. 48); «Характеристика наших двух враждебных литературных лагерей, так наз. *востока* и *запада*, этихториев и вигов в русской литературе» (там же); «Большинство университетской молодежи неприязненно расположено к восточному направлению» (там же, с. 49); «направление восточников» (там же). Любопытно, что И. В. Павлов ссылается при этом на приведенное выше мнение Чернышевского о термине *славянофил* и сознательно отклоняет его. Ср. также у А. Григорьева: «Нет уже более теперь у нас двух направлений, лет за десять тому назад резко враждебно стоявших одно против другого — *западного* и *восточного*» (I, с. 482).

[432] Ср., напр., употребление терминов *славянофилы*, *славянофильство* в статьях А. Григорьева «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина» (1861), хотя сам он пишет, что «менее чем за двадцать лет слово „славянофил“ было позорным прозвищем» (I, с. 483).

[433] Впрочем, нередко смешение Погодина и Шевырева с молодыми славянофилами 40-х гг. давало себя знать и позднее.

[434] Ср. характерное замечание Н. Н. Страхова в очерке «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского»: «Новые явления часто заставляют нас расширять и обобщать смысл прежних понятий: так с появлением „России и Европы“ мы должны расширить и обобщить смысл давно употребляемого термина славянофильство» (Н. Данил., с. XXV).

Глава III

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX в.

§ 1. Как ни многочисленны случаи лексических новообразований, относящихся к изучаемому времени, как ни обилен поток новых слов, воспринятых литературным языком 30—90-х гг. XIX в. из иноязычного или местного (диалектного, просторечного, профессионального, жаргонного) источника, однако едва ли не главную роль в обновлении и изменении лексической системы литературного языка в это время играют семантические перемены и сдвиги в кругу уже известных слов. Эти семантические сдвиги нередко настолько радикальны, что слово подчас начинает новую жизнь. Резко смещается его предметная отнесенность, существенно видоизменяется его смысловой объем. Прямым результатом этого является нарушение установившихся ранее фразеологических связей с другими словами и создание новых связей. Прежде свободные предметно-номинативные значения оказываются фразеологически связанными. Напротив, прежде ограниченные определенными рамками устойчивых фразовых сочетаний слова становятся широко употребительными, «свободными» в своем значении, наделенными самостоятельными номинативными функциями. В этом процессе семантических изменений сравнительно легко выявляются общие тенденции, устанавливаются характерные закономерности. Выделяются ряды слов общего происхождения с аналогическими изменениями значений. Являются целые новые фразеологические серии слов. Вопрос об изменении значений слов тесно связан с вопросом об изменении фразеологических отношений в литературной речи и о стилистических перегруппировках лексики, об установлении новых синонимических и антонимических соотношений между словами. Здесь причины и следствия часто меняются местами. Говоря о причинах изменений значений слова, обычно подчеркивают роль внешних, внеязыковых факторов: изменение самих предметов и явлений, обозначаемых словами, изменение их внутренней природы и существенных признаков, их функций. Это, конечно, верно и имеет решающее значение. Изменение предметной отнесенности слова, лежащей в основе его номинативных исходных значений, часто влечет за собою изменение его языкового значения. Однако, так как общее языковое значение слова не всегда сводится к его определенной предметной отнесенности, изменение этой предметной отнесенности, так же как изменение природы и характера самого предмета, не всегда означает коренное изменение семантики слова. С другой стороны, хотя изменение значения слова всегда связано с тем, что слово начинает прилагаться к иному кругу фактов и явлений действительного мира, не всякое изменение значения слова является результатом изменения самих предметов и явлений действительности.

При рассмотрении семантических перемен в слове обычно апеллируют к смене понятий о явлениях действительного мира, к изменению их объема, их существенных признаков. Это, конечно, также представляет важный стимул семантических перемен. Но не всякое изменение понятия влечет за собою изменение значения слова. Эти положения уже достаточно признаны в современной лексикологии, но тем не менее смешение таких категорий, как языковое значение слова, с одной стороны, и его предметная отнесенность и понятийное наполнение, с другой, нередко еще имеет место и ведет к неточным или неправильным выводам. Между тем вряд ли можно говорить, напр., о каких-либо собственно семантических переменах в слове *перо* при переносе этого названия со ствола птичьего пера, служившего для писания, на металлический заостренный предмет, служащий для этой же цели. Общность функции при изменении самого существа предмета, его вида и материала обеспечивает сохранение старого значения. Слово *станция* не изменило своего общего значения, несмотря на существенное изменение самого обозначаемого предмета. В Словаре 1847 г. это слово определяется еще лишь так: «Место, где проезжающие переменяют почтовых лошадей». Здесь можно говорить лишь об расширении предметной отнесенности слова с середины XIX в., когда это слово стало прилагаться также и к месту установленной остановки железнодорожных поездов. С другой стороны, если бы мы стали при оценке смысловых сдвигов и колебаний принимать во внимание только смену понятий, обозначаемых словом, изменение их объема, их содержания и направленности, то разговорам о смене значений не было бы конца. Достаточно, напр., вспомнить о борьбе и смене понятий на протяжении XIX в. в отношении таких терминов, как *народ*, *государство*, *общество* и т. п.

Одним словом, при историко-семантических исследованиях всегда следует установить ту грань, которая отделяет изменение понятия о предмете, обозначаемом словом, от изменения собственно значения слова, обозначающего предмет. Установить эту грань помогает учет внутренних факторов языкового развития.

Слово *партия*, напр., уже с начала XIX в. служит для обозначения различного рода общественных группировок, в том числе и для обозначения обширных групп политических единомышленников. Однако до последней четверти XIX в. вряд ли возможно говорить об особом политическом значении этого термина. Ведь бок о бок с такими сочетаниями, как *партия якобинцев*, *партия либералов* и т. д., идут и такие, как *литературная партия* и т. п. Лишь постепенно, в связи с распространением таких сочетаний, как *политическая партия*, *конституционная партия*, *либеральная партия*, *республиканская партия*, *демократическая партия* и т. д., происходит спецификация термина, его смысловое ограничение, приводящее уже в эпоху распространения и развития марксизма к выделению особого политического значения слова. Параллельно этому затухает употребление слова как синонима слов *группа* (по различным признакам общности взглядов и единства целей — научных, литературных, практически-деловых и т. д.), *кружок*, *котерия* и т. п. Характерным признаком обособления этого нового значения от остальных значений этого слова служит появление новых производных от этого слова (*партийный*, *партийность*), связанных именно со словом *партия* прежде всего в его новом общественно-политическом смысле. Прил. *партийный* начинает встречаться в текстах не ранее 70-х гг. Ср.: «Вы жмурите глаза, мой уважаемый противумышленник! Вы не свободны и партийны, гораздо более, чем я, которого в этом укоряете» (Лесков, Письмо А. С. Суворину от 20 марта 1871; X, с. 207), Сущ. *партийность* становится употребительным лишь в 90-е гг. Ср.: «Газеты некоторые тоже из партийности мне подгаживают» (В. Сурик., с. 105). Впервые всесторонне и глубоко понятие партийности раскры-

вается в сочинениях Ленина 90-х гг. И в его употреблении находятся явные указания на относительную новизну и необычность термина. Ср.: «Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 1, с. 419).[1]

При анализе семантических изменений слов является еще одна опасность, которую нелегко предусмотреть и преодолеть в каждом конкретном случае. Это опасность принять за внутреннюю эволюцию значения слова самостоятельное появление слова-омонима. Так, как мы видели, невозможно установить прямой преемственности между старыми и новыми значениями слова *личность*, закрепившимися за ним с 20—30-х гг. XIX в.[2]

То же следует сказать о прил. *безвыходный*. Его старое значение (ср. Слов. 1847: «не выходящий вон; безотлучный») никак не связано непосредственно со значением «не имеющий выхода, разрешения», распространившимся с 40-х гг. Слишком различны здесь смысловые сферы и фразеологические связи, чтобы видеть в данном случае прямой переход от одного значения к другому, а не самостоятельное образование прилагательного с префиксом *без-* (очень типический случай для данного времени) на базе сочетания *без выхода*.

Таким же самостоятельным образованием следует признать и слово *пережить* в его значении «испытать что-либо, пройти через определенные фазы жизни» и т. д. Это значение не имеет прямого генетического отношения к исходным старым значениям глагола «прожить долее кого или чего-либо», «жить во многих местах в разное время». Здесь также видим самостоятельное образование с префиксом *пере-* (со значением внутреннего охвата действия), входящее в ряд других образований этого рода, явившихся к середине XIX в.: *перечувствовать*, *передумать* (в свою очередь омоним к *передумать* со значением «снова обдумав, переменить принятое решение») и т. д.

Прил. *даровитый* было известно литературному употреблению XVIII—начала XIX в. со значением «щедрый, любящий дарить» (Ср. САР[2], где оно выступает с пометой *сл.*). В 30-х гг. является новое значение «исполненный дарований» (оно впервые указано Слов. 1847). И здесь нет никакой непосредственной связи между старым объектным и новым субъектным значением. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с самостоятельным образованием, явившимся под влиянием нем. begabt. Любопытно, что старое, славенское значение быстро сходит со сцены. Омонимия устраняется.

Нет никаких связей между *обыденный* в значении «совершенный в один день» (ср. Слов. 1847: «обыденная церковь», т. е. построенная в один день, «обыденный путь») и «повседневный» (напр., *физиология*

---

[1] Характерна также вариантность образований прилагательных, относящихся к слову *партия*. У Белинского встречаем форму *парциальный*, когда речь идет об отношении к различным литературным группам и направлениям (ср.: «смотрят сквозь тусклые очки парциальных пристрастий» (X, с. 92)). Еще и в последние десятилетия XIX в. употребительны варианты *партионный* (он относился и к слову *партия* в других его значениях, напр. *партионный начальник* — начальник конвоя при партии ссыльных; *партионный товар* и т. п.); *партиальный* — «партиальные воззрения» (Михайловск., V, с. 50); *партиозный*. Ср.: «Идея действительной равноправности политического и экономического элементов в партионной программе» (Вестн. Народн. воли, № 2, с. 232); «Это были его партиозные кандидаты в земство» (Л. Дьяков, с. 49). Ср. также *партизм*: «Ключевский более свободен от предвзятостей партизма» (Н. Лесков. Письмо 1882 г.; Ист. вестн., 1908, № 10, с. 166); *партионность*: «Партионность должна быть чужда критику, ибо она мешает беспристрастному отношению к делу» (С. Венгеров. Русская литература в ее современных представителях. СПб., 1875; цит. по журн. «Дело», 1875, № 6, Современное обозрение, с. 9).

[2] См. об этом в гл. II, с. 201 и сл.

обыденной жизни). Это просто слова разных языковых (диалектных) сфер. Слово *обыденный* в значении «повседневный» укореняется в литературном языке тогда, когда слово в старом значении уже сходит со сцены (см. об этом далее, с. 490).

Во многих случаях появление нового значения связано с переводом или калькированием иноязычных слов. Ср. *наведение* (индукция), *охранитель* (консерватор), *положительный* (объективный, основательный, деловой), *утка* (газетная), *ясли* (детское учреждение; франц. crèche) и т. д.[3] В таких случаях говорить о внутренней эволюции старых исконно русских значений как будто бы вообще невозможно. Однако щекотливая сторона вопроса заключается здесь в том, что не всегда значения, явившиеся разными путями, — значения исконно омонимичные, — и остаются такими. В ряде случаев они затем приводятся в связь друг с другом, сопоставляются, сближаются и координируются. Ср. *белый* и *красный* как обозначения цветов и как символы политических направлений и т. д.

§ 2. Выше мы коснулись вопроса о внеязыковых причинах семантических изменений, причинах, лежащих в изменении самих предметов и явлений и понятий о них. Теперь следует сказать о других факторах, непосредственно связанных не только с изменением социальной действительности и господствующих мировоззрений, но и с изменениями стилистики и фразеологии литературной речи. Эти обстоятельства имели очень большое влияние на семантические перемены слов, и именно они объясняют наличие однородных, типических случаев этих изменений, образующих своеобразные ряды и целые серии.

Появление новых слов в литературном языке (из любого источника) и изменение значений слов — не отдельные, параллельно проходящие процессы; они оказываются часто связанными между собою. Во-первых, появление новых слов ведет к изменению значения старых слов, с которыми новые оказываются в синонимических отношениях. Это явление смысловой дифференциации очень типично для изучаемого времени. Напр., заимствование ряда слов, как мы уже говорили, привело к изменению семантики исконно русских слов, особенно книжного характера.[4]

В значительной части этих случаев, как мы уже видели, общие синонимические отношения остаются; однако всегда происходит размежевание по сферам фразеологических отношений с другими словами, выделение особых смысловых уточняющих оттенков, отпадение некоторых старых семантических и фразеологических возможностей и т. д. Вообще следует отметить особенно характерную для данного времени тенденцию к смысловому «сужению», к семантической спецификации довольно широкого круга слов, к терминологизации ряда слов. Ср. изменения в смысловом объеме таких слов, как *нарочитый* (в Слов. 1847 самое общее определение: «весьма значительный, отличный, знаменитый»); *дошлый* (Слов. 1847: «Простор. Дошедший до известной степени возраста или зрелости»; с середины XIX в. только о людях — «знающий, мастер своего дела, не промах»); *произвол* (Слов. 1847: «добрая воля, свободное непринужденное хотение»); в дальнейшем у сущ. *произвол* и относящегося к нему прил. *произвольный* это старое общее значение сохраняется только в определенных фразеологических условиях; ср. «произвольное движение», «изменять по собственному произволу» и т. д., а наиболее употребительным и «свободным» значением оказывается суженное: «своеволие, деспотизм» или «необоснованный выбор»; (ср. *произвол помещиков*, *произвол в суждениях* и т. д.); *домысел* (в Слов. 1847: «приобретение сведения о чем-либо посредством размышления, догадка»); *расправа* (Слов.

[3] См. также § 15 гл. I.
[4] См. § 18.

1847 — вообще о суде и наказании); *корысть* (Слов. 1847: «2. Польза, прибыль»); *созерцатель* (там же — вообще «созерцающий что-либо») и т. д.

Любопытный пример, показывающий, в каком направлении часто шла такая эволюция, дает история слова *пошлый*.[5] Еще в Слов. 1847 это слово толкуется так: «низкий качеством, весьма обыкновенный, маловажный», с одной стороны, «низкий, простоватый» — с другой. Ср. более сильные и вместе с тем более узкие и специфические определения значений этого слова в современном словаре: «Низкий в духовном, нравственном отношении, мелкий, ничтожный, заурядный», «неоригинальный, надоевший; избитый, банальный», «содержащий в себе что-либо неприличное, непристойное, безвкусно-грубое, вульгарное» и т. д. и т. п. (см. Слов. русск. яз., III). Как видно из сопоставления этих двух разновременных определений и толкований, общее значение слова сохраняется, но получает дополнительные, уточняющие оттенки; оценка «заурядности», «обычности» и «простоватости, низкости» ведется теперь с этической и эстетической точки зрения; таким образом, к общему определению присоединяется особый признак нравственно осуждающего, порицательного отношения. Такое употребление слова особенно отчетливо является в критике и публицистике 30-х гг., напр. у Белинского.[6] Но еще и в 40—50-е гг. можно встретить это слово в старом, общем смысле.[7]

И здесь сдвиг в значении приводит к характерным словообразовательным отражениям. В несомненной связи с этим привнесением в значение данного слова этического оттенка находится появление ряда экспрессивных производных от него. Слов. 1847 указывает лишь на отвлеченное сущ. *пошлость*, кратко определяя его как «свойство пошлого». Но с 30—40-х гг. начинают утверждаться в литературном языке другие производные: *пошляк*, *пошлеть*, *опошлить*, *опошлиться* и т. п. Само сущ. *пошлость* становится широко употребительным с этого же времени и также получает особую экспрессивность. Ср.: «Право, игра в преферанс сделалась таким важным делом, что пора бы для нее открывать ученые общества, академии и издавать журналы. Торжествуй, пошлость! Твое время настало!» (Бел., VIII, с. 428); «Изображение пошлости жизни ужаснуло его [Гоголя]» (Добр., II, с. 262); «Злоязычная пошлость или беспутная пошлость, в том и другом случае бессмысленная пошлость — вот характер, неизбежно принимаемый беседой, удаляющейся от общественных интересов» (Черн., V, с. 169). Ср. также новые производные: «Бедный Гамлет! У него было так много ума и души, что от него не могло скрыться ни достоинство, ни пошлость, и он умел понимать и презирать пошляков» (Бел., II, с. 277); «Герой романа — развратный мальчишка без всякого нравственного чувства, глупец от природы и пошляк от воспитания» (там же, III, с. 302);[8] «Для женских личиков.. тридцать лет обыкновенно почти беда: ..глаза тускнеют, черты еще более пошлеют» (Писем., III, с. 469—470); «Русанов продолжает пошлеть: „увидав на грязном теле красную рану обжога“, он изображает на

---

[5] См. о нем у В. В. Виноградова (Уч. зап. каф. русского языка МГПИ, № 42, 1947, с. 3 и сл.).

[6] «Нет ничего идеальнее (т. е. пошлее), как сосредоточение в каком-то круге, ..не похожем ни на что остальное и враждебном всему остальному» (Бел., XI, с. 284).

[7] Напр., в «Мертвых душах» Гоголя: «Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность» (VI, с. 111). См. также примеры пушкинского словоупотребления в Слов. яз. Пушкина

[8] Рядом с этим встречалось и другое образование *пошлец*: «Скажите, каким образом можно соединить в один тип с Печориным, Онегиным, Бельтовым... также и Астахова (в «Затишье» [Тургенева]), этого бездушного пошлеца» (Черн., IV, с. 699). Видимо, к самому концу XIX в. относится появление особо экспрессивного образования *пошлятина* (см. гл. II, с. 245).

своем лице „конвульсивную гримасу“» (Писар., III, с. 243); «Кстати, наши русские слова „любовник“ и „любовница“ ужасно опошлились» (Бел., V, с. 327); «Признак абсолютной бездарности, годной разве на то, чтоб опошливать идеи гения» (В. Майк., I, с. 97) и т. д.

Столкновение синонимов, ранее относившихся к разным речевым сферам и стилистически далеких или даже противоположных, неизбежно вело к изменению их значений; синонимия стилистическая все чаще заменялась или дополнялась и осложнялась синонимией смысловой, дифференцирующей общее значение и сопровождающей его выражением существенных особых оттенков. Стилистические различия становились тоньше, многообразнее, а смысловые различия резче и определеннее. Нередко этот сдвиг в значении слова, этот новый уточняющий семантический признак выводил слово за рамки ранее установившихся связей и отношений с другими словами и вводил его в новый синонимический ряд, в новую семантическую группу слов. Так, в новых своих осмыслениях и значениях к середине века вошли в группу слов с отчетливо осознаваемыми общественно-политическими и отвлеченными значениями такие слова, как *направление*, *движение*, *течение*, *веяние*. Случаи подобного рода нередко обнаруживают характерный параллелизм смыслового развития. Ведь у всех этих слов смысловое развитие состоит в том, что на базе старых исконных пространственно-материальных значений создаются особые общественно значимые осмысления, затем типизирующиеся и продолжающие существовать в виде переносных значений. Отчетливо выделяются, наряду с исходными, общими или конкретно-предметными значениями, особые общественно-политические осмысления и у таких слов, как *представитель*, *кружок*, *крыло*, *подполье* и т. д. Все эти слова вовлекаются в новые для них круги лексики, становятся в новые синонимические или антонимические отношения (ср. *кружок* и *группа*, *представитель* и *депутат*, *крыло* и *фракция*; *подпольный* и *легальный* и т. д.), выступают в новых фразовых сочетаниях, легко терминируются в этих условиях, внутренняя форма их в отдельных случаях стирается, образность затухает, и генетически связанные значения становятся разными, обособленными, стоящими иногда на грани полного разрыва.

§ 3. Следует заметить, что само введение в употребление новых слов или их широкое распространение часто связано с появлением у этих слов новых, в терминологически-номинативном отношении более широких и свободных, но фразеологически связанных значений и дополнительных осмыслений. Так, легко получали начиная с 30—40-х гг. новые переносные и образные осмысления слова-термины разных наук, еще ранее в этот процесс были вовлечены термины литературы и искусства, к новым контекстам приурочивались и многие славянизмы, просторечные и областные слова, профессионально-бытовые термины и в этих контекстах получали неожиданный смысловой поворот, дающий им новую жизнь. Причем эта новая, осложненная особыми фразеологическими связями и смысловыми ассоциациями жизнь таких слов начиналась нередко сразу же после вхождения их в литературный оборот, в первый момент «признания» их на почве литературно-нормированной речи. Для времени 30—40-х гг. и позже одно из самых характерных и типических явлений — нарушение старой стилистической и жанровой замкнутости существования слова. В языке художественной литературы с развитием в ней реалистических устремлений, в публицистической речи с усилением в ней полемической страстности, в рамках научно-популярного изложения, рассчитанного на все более широкие круги «непосвященных», сталкиваются, сближаются и объединяются слова и выражения разного речевого источника, различной стилистической

тональности, — книжные и просторечные, обиходные и специальные, конкретно-предметного и отвлеченного значения, слова с очень различной исторической судьбой, с устойчивой и с колеблющейся «репутацией», логически-бесстрастные и экспрессивно-подчеркнутые. Вместе с тем с развитием «духа жизни», с появлением на литературной арене новых деятелей из низовых социальных сфер, в ходе обострившейся идейной борьбы и в процессе решительного пересмотра старых эстетических правил и канонов сильно проявляется стремление к обновлению фразеологических средств, к оживлению и «опрощению» книжного языка, к созданию свежих словесных характеристик. В этих условиях многие прямые и лишенные выразительных красок термины вовлекались в орбиту новой излюбленной фразеологии, получали в определенных условиях новую смысловую перспективу, выходили за пределы установленной для них семантической сферы и привычных фразеологических связей; короче, стали служить не только как члены замкнутых терминологических систем, но и как свободные элементы в кругу новой литературной фразеологии. Ср. судьбу таких слов, как *атмосфера*, *хронический*, *лейтмотив*, *палитра* и т. п. В этих же условиях обширный круг слов конкретно-предметного значения начинает применяться в качестве образных и эмоционально-окрашенных характеристик к выражению понятий отвлеченных, к явлениям социальной действительности, духовного мира. Нередко эти слова выходят на поверхность литературного языка из глубин народной разговорной речи. Создаются новые ресурсы литературного просторечия. Сниженно-грубоватый колорит, полемически и иронически звучащая тональность создается у них не за счет их собственной природы (ведь в кругу обыденной разговорной речи они не более как нейтральные обозначения разного рода живых предметов и явлений, своего рода «термины быта»), а за счет их нового применения и приложения к явлениям иной, внебытовой сферы. Таково складывающееся к середине века переносно-образное применение слов типа *базар*, *балаган*, *бойня*, *винегрет*, *кисель*, *кликуша*, *лавочка*, *лазейка*, *ловушка*, *последыш*, *сделка*, *трущоба*, *тюфяк* и т. п. Здесь часто даже трудно говорить об изменениях значения слов. Но налицо явные семантико-фразеологические сдвиги, расширение сферы их применения, их предметно-понятийной отнесенности. При семантической характеристике этих слов нельзя не учитывать этих новых их применений. Ср. эволюцию значения ряда прилагательных от обозначения лишь физических качеств предметов к выражению также и особых физических свойств и даже черт характера человека; напр., *деревянный*, *дубовый*, *стеклянный* (взгляд), *туманный*, *угловатый*, *сдобный*, *сочный*, *рыхлый*, *сырой*, *упругий* и т. д. Отличительной чертой такого переносного или образного употребления является сопряжение с ним определенной эмоциональной тональности, как правило (это понятно при поднятии этих слов из низовых слоев разговорной речи в «верхние этажи» литературного языка) тональности сниженной, осуждающей, издевательской, иронической, комически-шутливой и т. д. Впрочем, далеко не всегда указанные слова, приходившие из разговорной речи в литературную или расширявшие сферу своего первоначального применения, получали в новой своей функции особую экспрессивную окраску. Нередко в этой новой для них сфере они по-своему «терминировались», нейтрализовались, становились обычным обозначением новых социальных понятий. Ср. судьбу таких слов, как *гнет*, *застой*, *низы*, *строй*, *устои* и т. п. Иногда новое осмысление слова, возникшее в процессе такого смещенного употребления бытового или специального слова, становилось его новым собственным значением, а старое значение отходило на второй план, постепенно стиралось, затухало и затем забывалось.

Естественно, что чем дальше оказывались друг от друга те реальные сферы, с которыми были связаны первичное конкретное значение и вторичное, контекстуально-обусловленное, тем легче проходил этот процесс «выветривания» внутренней формы, процесс забвения исходного конкретного значения и стоящих за ним «реалий». Такова была, напр., история слова *подоплека*.[9]

Мы можем, таким образом, прежде всего отметить два противоположных направления в общем ходе семантических изменений, с особенно большою силою охвативших лексическую систему русского литературного языка около середины XIX в. С одной стороны, это — тенденция к «терминологизации» слова, к специализации и в известном смысле «сужению» его значения. По результатам этого процесса относящиеся сюда случаи будут двоякого рода. В одних — мы сталкиваемся с полной метаморфозой старого значения, с утратой старого значения и появлением на месте его нового, с новой проекцией слова на мир действительных явлений и предметов. В других случаях имеем дело с появлением у слова наряду со старыми уже отложившимися общими значениями новых значений, известным образом терминологически ограниченных и не стоящих в прямой связи с прежними его значениями. С другой стороны, это — тенденция к появлению новых дополнительных и фразеологически зависимых осмыслений при известных номинативных значениях слов, тенденция к «расширению» значения слова и к появлению у него новых фразеологических связей. И здесь мы можем отметить несколько различных по своим результатам категорий случаев. В одних — новое осмысление, как бы «наслаивающееся» на исходное номинативное значение слова и известным образом сдвигающее его, переносящее в другой план отношений, так и продолжает в дальнейшем существовать на фоне основного значения; явление «переноса», признаки образно-метафорического употребления слова остаются налицо. Такие случаи количественно преобладают. В других — сдвиг в осмыслении и новое фразеологически сдвинутое употребление слова приводит в конце концов к превращению вторичного значения слова в его основное, свободное значение. В случаях третьего рода, как мы уже заметили, старые реальные, предметные значения и вторичные, образно-переносные по своему происхождению, продолжают сосуществовать, но уже без тесной связи между ними; переносность нового употребления стирается (ср., напр., историю слов *направление*, *движение* и т. п.). Наконец, в четвертой группе случаев происходит характерное перемещение значений, и старое, исходное значение становится лишь частным случаем реализации нового, более широкого значения. Наконец, еще в одном отношении факты и того и другого рода (факты терминологического «сужения» слов и факты их фразеологического «расширения») внутренне подразделяются, а именно в отношении стилистическом. В случаях сохранения старого и появления нового значения они могут относиться одно к другому либо как явления стилистически равноправные (напр., то и другое являются номинативными значениями, каждое в своей сфере, и стилистически «нейтральными»; ср. *вопрос ученика* и *школьный вопрос*, *очерк лица* и *литературный очерк*, *фазы луны* и *фазы развития общества* и т. п.), либо как явления разноокрашенные (напр., строго терминологические, «нейтральные» к категории выражения, и образно-экспрессивные, вносящие особую стилистическую тональность; ср. *коровьи сливки* и *сливки общества*, *ветры в атмосфере* и *в удушливой атмосфере буржуазного круга*, *мягкотелое яблоко* и *мягкотелый интеллигент*, *бойня для скота* и *империалистическая бойня* и т. д.).

---

[9] См. подробнее об этом с. 514—516.

Эти различные признаки, постоянно перекрещивающиеся, затрудняют известным образом группировку фактов, однородных в одном отношении и противоположных в другом. Заметим, между прочим, что и самое исходное противопоставление случаев сужения, специализации или терминологизации значения, с одной стороны, и случаев расширения сферы употребления и значения ряда слов и появления у них дополнительных осмыслений, с другой, в живой диалектике языковых изменений оказывается часто условным, относительным, а иногда и двусмысленным. Так, появление новых осмыслений у ряда слов (напр., *очерк* — особый литературный жанр, *подполье* — нелегальная, конспиративная деятельность, жизнь и среда) означает типичное терминологическое сужение по отношению к их общим значениям, но вместе с тем это расширение сферы действия слова, дополнение его основного, исходного значения, — пока связи с ним у нового значения окончательно не порваны и остается внутренний семантический «фон», — новыми его смысловыми реализациями.

Учитывая эту противоречивость ряда признаков и классификационные затруднения по чисто семантическому признаку, мы в дальнейшем принимаем за основу другой принцип классификации, более удобный и, пожалуй, более интересный в плане историко-лексикологическом. Таким основным признаком будет для нас признак принадлежности слова, претерпевающего семантические изменения, к определенному слою лексики по своему исходному значению. Так выделяются различные группы терминов (точных и естественных наук, литературы и искусства, торгово-финансовых, военных, ремесленных и т. д.), приобретающих в это время переносные осмысления и новое применение в литературном языке, а иногда и новые терминологически отчетливые значения; затем следует обширная группа слов просторечных и вообще слов, в которых на фоне их конкретно-предметного значения является новое переносное осмысление. В непосредственно следующих разделах этой главы мы, однако, коснемся сперва некоторого круга явлений, представляющих чисто терминологическое уточнение некоторых слов и не осложненных или мало затронутых стилистическими метаморфозами.

§ 4. Термин «сужение значения», издавна, с легкой руки М. Бреаля, принятый в общей семасиологии и лексикологии, является, конечно, очень условным и неопределенным, как все термины, основывающиеся на чисто количественных понятиях, тогда, когда они относятся к сфере, не поддающейся простому измерению. Конечно, при этом имеется в виду обычно только одно обстоятельство: до своего «сужения» слово относится к более широкому кругу предметов и явлений, чем после него. Так, по старым нормам слово *возмездие* обозначало вообще любую награду и за добрые и за дурные поступки (ср. определение его в Слов. 1847: «награда, воздаяние» и пример: «Получить возмездие за верность, за усердную службу»). Даль в своем словаре, присоединяясь к этому общему определению и распространяя его, вводит уже одно очень характерное уточнение: «награда и кара». Слов. Акад. 1891 особо подчеркивает после сходного общего истолкования этот происшедший семантический сдвиг: «Чаще употребляется в знач. воздаяния за ложь, неправду, беззаконие. Преступление не останется без воздаяния». Современные словари действуют еще более решительно. Ср. в Слов. совр. русск. лит. языка: «1. Кара, наказание. 2. *Устар.* Воздаяние, награда, благодарность», а Слов. русск. яз. вообще игнорирует устаревшее значение, хотя оно достаточно представлено и у писателей пушкинского и даже послепушкинского времени. Итак, в течение XIX в. слово это постепенно переходило от обозначения более широкого круга явлений (всякого воздаяния, всякой платы, отплаты и расплаты, поощрения и наказания) к более узкому (только наказание, кара).

В подобных случаях термин «смысловое сужение» как будто бы еще точно передает сущность происходящих изменений. Но он мало подходит к таким фактам, как окончательная смена широких значений старых книжных слов новыми терминологическими. Так, в Слов. 1847 к словам *восприятие*, *впечатление* дается только чисто формальное общее определение «действие воспрившего», «действие впечатлевшего», к слову *деятельность* — «свойство деятельного».[10] Для современных нам словарей подобные определения были бы уже явно несостоятельными, ибо в этих словах в XIX в. вполне отчетливо обозначились особые терминологически определенные значения. В слове *восприятие*, помимо сохранившегося в определенных условиях общего значения отглагольного существительного, прежде всего выделилось специально философско-психологическое значение («отражение в человеческом сознании предметов и явлений действительности»). Слово *впечатление* вообще уже свободно от соотношения с устаревшим глаголом *впечатлеть* (Слов. 1847 определял его: «Вперять, вкоренять, внедрять») и имеет терминологически определенное значение «образ, отражение, оставляемые в сознании предметами и явлениями действительности», а также значения фразеологически обусловленные «влияние, воздействие на кого-либо», «представление, сложившееся от кого, чего-либо» (напр., *произвести впечатление* на кого-либо, *быть под впечатлением* чего-либо, *делиться впечатлениями* о чем-либо и т. д.). Слово *деятельность* теперь употребляется либо для обозначения работы, занятия кого-либо в определенной области, либо для обозначения действия физических сил и органов. И в этих случаях тоже можно, пожалуй, говорить об известном «сужении» старого, очень общего, чисто формального (по соотнесенности со словами *воспринять*, *впечатлеть*, *деятельный*) значения, позднее уже обусловленного особыми ограничительными признаками. Но термин «сужение значения», сводящий изменение к чисто количественной характеристике, уже не определяет здесь существа дела.

Общее во всех этих случаях — специализация или спецификация значения, ограничение его кругом внутренних признаков определенного понятия, иная направленность восприятия, пересмотр старых отношений слова с предметами и явлениями действительности. Слово превращается в термин. При этом под термином, в широком, но точном смысле, мы понимаем здесь не просто специальное «ученое слово», а слово, соотносимое прежде всего с определенным понятием, со всеми его существенными признаками, и в этом смысле — изолированное или обособленное от других слов, с которыми оно первоначально связано по своему происхождению и значению. Как мы увидим, этот процесс смыслового обособления и специализации слова действительно оказывается нередко связанным с изменением сложившихся отношений внутри гнезда близко родственных по своему образованию слов. В этом смысле и можно говорить о «терминологизации» определенного, довольно широкого круга слов в языке интересующего нас времени.

Ниже мы сделаем более подробные замечания об истории некоторых из них.

Потреблять, потребление. САР[2] определяет *потреблять* как «погублять кого»; соответственно определяются и производные *потребление*, *потребить*. В Слов. Сок. в слове *потребитель* уже выделяется особое значение: «Употребляющий. Потребители съестных припасов», и лишь в качестве второго значения дается: «Разоритель; истребитель»; остальные

[10] Ср. название известной статьи Н. А. Добролюбова «Благонамеренность и деятельность», где либерально-казенной «благонамеренности», всякого рода «благим порывам» противопоставляется *деятельность* — именно как свойство деятельного, *активность*, как сказали бы мы теперь.

слова определяются и здесь, как в САР[2]. Первоначально гл. *потреблять* и его производные относились к кругу высоких славянских синонимов (ср. русские их соответствия *истреблять*, *разорять*, *губить*). Характерно, что эти значения у слов данного гнезда иллюстрируются в словарях конца XVIII—первой трети XIX в. цитатами из церковных текстов, а при слове *потребитель* в САР[2] дана помета «*сл.*».

Однако в первой трети XIX в., в обстановке сильно возросшего интереса к вопросам народного хозяйства и политической экономии, слова эти вовлекаются в круг политико-экономической терминологии. *Потреблять* семантически связывается и противопоставляется глаголу *производить* в его особом, новом значении, определившемся в те годы.[11] Ср. в письме Пушкина С. А. Соболевскому 1828 г.: «Пиши мне о своих делах и планах. Кто у вас производит, кто потребляет?» (XIV, с. 5). Ср. также: «Сегодня читал у Jacob'a о потреблении (consommation), которое он разделяет на полезное и неполезное» (Арх. Тург., I, с. 245). Таким образом, судьба глагола *потреблять* в известном смысле повторяет эволюцию значений франц. consommer, где из первоначального значения «истреблять», в частности «съедать», также развивается общее терминологическое значение, относящееся к употреблению всякого рода производимых в обществе продуктов. В дальнейшем, после пушкинской реформы литературного языка и окончательного крушения системы трех стилей, *потреблять* в его исходном «славенском» значении превращается уже в явный архаизм и раритет. Единственным живым значением гл. *потреблять* и его производных остается его терминологизированное, переведенное в план экономических представлений значение. Ср.: «Люди потребляют то, что уже произведено, а не то, над производством чего еще трудятся» (Черн., IX, с. 103); «Почти все предметы, прямо служащие для потребления, очень недолговечны» (там же, с. 557); «Потребитель должен знать, во сколько обходится товар производителю» (там же, с. 607); «Чтобы производство велось открыто, для этого нужно, чтобы сам потребитель был хозяином-производителем» (там же, с. 424) и т. п.

Промышленность. Впервые в САР[2]: «Способ или род промысла, в чем кто упражняется, особенно занимается. *Всякий живет своей промышленностью. Промышленность полезная и честная*»; Слов. 1847: «Занятие каким-либо промыслом или рукодельем»; Д[1] (в гнезде «Промышлять»): «все занятия, дающие средства жизни, богатства; иногда отделяют торговлю и даже ремесла, разумея остальные занятия народа, частью случайные и временные»; ср. в Слов. русск. яз.: «1. Отрасль народного хозяйства, объединяющая предприятия по разработке недр земли и по переработке сырья. *Добывающая промышленность. Обрабатывающая промышленность*. 2. *С определением.* Совокупность предприятий какого-либо производства. *Тяжелая промышленность. Легкая промышленность. Авиационная промышленность* и т. д.».

Слово *промышленность*, как известно, было впервые употреблено Карамзиным в «Письмах русского путешественника» (в «Московском журнале» за 1791 г.). Но в качестве отвлеченного существительного, образованного от причастия *промышленный*, оно первоначально имело чисто формальное, зависимое значение («свойство промышленного») и было тесно связано с другими словами этого гнезда (*промысл* (*промысел*) — *промышлять* (*промыслить*)). Характерно, что Карамзин смотрит на вводимое им слово как на возможное смысловое соответствие франц. industrie и лат. industria.[12] А эти слова в двуязычных словарях XVIII в.

[11] См. примеры употребления слов в этом новом смысле в политико-экономических рассуждениях первой четверти XIX в. — Веселитск., с. 113—114.

[12] Ср.: «Не может ли сие слово означать латинского industria или французского industrie?» (Моск. журн., 1791, III, с. 310).

переводятся обычно как «прилежание, рачение, трудолюбие».[13] Слово, введенное Карамзиным, очень быстро прижилось в русском языке; об этом свидетельствует и его включение во второе издание «Словаря академии российской».[14] Но его современное значение далеко не сразу установилось; об этом свидетельствуют и его определения в САР[2] и Слов. 1847. Лишь постепенно значение этого слова терминологизируется и обособляется. Ведь основное «свойство промышленного» — производительность, занятие каким-либо промыслом, любая деятельность практического назначения, направленная на создание жизненных благ и удобств, а также приносящая доход, прибыль. В этом общем смысле слово употребляется и у самого Карамзина, и в произведениях других авторов первой четверти XIX в. Ср. хотя бы следующие примеры: «Везде знаки трудолюбия, промышленности, изобилия» (Карамз., ПРП, II, с. 165; выше речь идет о торговле во Франкфурте); «Франция, осыпанная дарами щедрой природы, земля столь многолюдная и богатая промышленностью своих жителей» (Вестн. Евр., 1802, I, № 1, Политика, с. 78); «Я всегда радуюсь успехам промышленности, встречая на улицах, в торговые дни, миловидных крестьянок с ягодами, цветами, травами для аптек» (Карамз., IX, с. 272); «Напоследок, к общей радости она [ярмарка] наступила.. Явились всякого рода экипажи, всякой нации лица; возникли разнообразные строения, окрестные поля покрылись простым народом, шатрами, шалашами, лошадьми и проч. и проч. — Живость промышленности уподоблялась движению армии во время сражения!» (П. Шаликов. Новое путешествие в Малороссию; Моск. Мерк., 1803, III, с. 182);[15] «Мы ждали „Наблюдателя“ [журнала «Московский наблюдатель»] с нетерпением, как торжества Москвы над Петербургом, как победы честной литературной деятельности над литературной промышленностию.. Но неужели же „Библиотека“, литературная промышленность и посредственность должны торжествовать» (Бел., II, с. 45) и т. п. Таким образом, в качестве отвлеченного существительного с общим производным значением свойства слово *промышленность* было тогда еще выражением самых широких и разнообразных понятий о производительности, предприимчивости, практическом уменье и хитрости. Не случайно, что в одних и тех же контекстах оно легко вступает в синонимические отношения со словами *промысел*,[16] *производительность* (*производимость*), *искусство* и т. д. Ср., напр.: «Извлекаем из книги Беббеджа описание одного из самых смелых произведений человеческой промышленности [речь идет об устройстве большого деревянного спуска для срубленных деревьев]» (Библ. для чт., 1834, I, Смесь, с. 33). А далее (с. 35) читаем: «Это гигантское и превосходное произведение искусства, предпринятое и совершенное одним человеком, теперь уже не существует». В статье Н. Полевого о книге В. Андросова «Хозяйственная статистика России» говорится то о делении *промышленности* на *агрикольную* (т. е. земледельческую, — *Ю. С.*), *мануфактурную* и *торговую* (Н. Пол., II, с. 220), то о делении на *агрикольную*, *мануфактурную* и *торговую производимость* (с. 221); там же *промышленность* определяется вообще как «образ произведения» материальных благ (с. 221).

---

[13] Ср.: Dictionnaire complet François et Russe, т. I. СПб., 1786.

[14] Сам Карамзин в последующем издании «Писем» отмечает: «Это слово сделалось ныне обыкновенным: автор употребил его первый».

[15] Ср. также примеры употребления этого слова у Пушкина (Слов. яз. Пушкина, III). Впрочем, составители словаря без достаточных оснований подводят часть этих примеров под современное нам значение слова.

[16] Любопытно, что слова *промышленность* и *промысел* в Слов. 1847 определяются очень близко друг к другу. Первое, наиболее общее значение слова *промысел* формулируется там: «Ремесло или занятие, доставляющее пропитание или выгоду».

С 20-х гг. в читательских кругах все сильнее возрастает интерес к вопросам экономики, к развитию производительности, сельского хозяйства, ремесла и т. д. В общих журналах появляются статьи на производственные, политико-экономические и технологические темы, много и часто говорится об успехах промышленности и индустриальности на Западе, о необходимости усовершенствования хозяйства, вводятся даже регулярные отделы, целиком посвященные этому (напр., в «Библиотеке для чтения» раздел «Промышленность и сельское хозяйство»).[17] В связи с этим понятие промышленности (industrie) неоднократно подвергается рассмотрению и новой оценке. *Промышленность* постепенно становится самостоятельным термином политической экономии.[18] И эти споры о понятии промышленности, определенным образом разрешаясь, накладывают, наконец, свой отпечаток и на общее употребление слова.

Прежде всего это слово, как и его французский синоним industrie, теснее связывается с понятием о деятельности, направленной на переработку сырья. Ср. в произведении П. Пестеля «Практические начала политической экономии», написанном на французском языке, определение объема понятия: «Сырье необходимо предварительно подвергнуть переработке, что и составляет предмет деятельности фабрик, искусств и ремесел, или же промышленности в узком смысле. В более обширном смысле понятие промышленности охватывает также и земледелие и торговлю» (Избр. произв. декабр., II, с. 50). Таким образом понятие промышленности переводится в план соотношения различных отраслей народного хозяйства. Это уже не только общее слово со значением свойства или качества (хотя старое свободное употребление продолжает по традиции также сохраняться и несколько позднее).[19]

Известное время проходит в колебании между отмеченным в ранней работе Пестеля широким и более узким, специфическим пониманием термина. Во всяком случае для многих произведений русской печати 20—50-х гг. еще характерно обозначение этим словом любой производительной деятельности и всех отраслей народного хозяйства. Оно равно прилагается и к сельскому хозяйству, и к ремеслу, и к формам развивающегося мануфактурного производства, и даже к торговле. Ср.: «Торговле ли, земледелию или мануфактурам обязана Англия своим богатством? Всем трем промышленностям вместе, скажут нам» (Библ. для чт., 1834, № 3, Смесь, с. 57);[20] «Главные области внутренней земледельческой и рукодельной промышленности» (Чугунные дороги; Библ. для чт.,

---

[17] Один из героев В. Одоевского замечал: «Каждый день мы толкуем о немецкой философии, об английской промышленности, о европейском просвещении, об успехах ума, о движении человечества и проч. и проч.» (В. Одоевск., I, с. 10).

[18] Ср.: «Чтоб быть ученым, поэтом или литератором вполне, необходимо видеть в науке, в искусстве или в литературе свое исключительное призвание, свое, так сказать, ремесло, свой род промышленности, говоря языком политической экономии» (Бел., IX, с. 245).

[19] Ср.: «Целое селение [при пристани], которое занималось лодочною перевозкою, лишилось всей промышленности» (Г. Батеньков. Обозрение государственного строя; Избр. произв. декабр., I, с. 183); «Умножившееся народонаселение требовало новых сил промышленности, а промышленность тянулась по старинной, избитой колее» (В. Одоевск., I, с. 134; здесь скорее в смысле — «производительность»); «Конная площадь составляет главную точку ярмарочной промышленности» (Григор., I, с. 183). Ср. и более поздние примеры в смысле «предприимчивость»: «[Болотов] решительно всем занимался: яйца, молоко, кожи, шерсть, свиная щетина — это только пример; на самом же деле сфера его промышленности была необъятна» (Карон., с. 359). Но это уже доживающая свои дни в общежитейском употреблении дань старому.

[20] Характерно само эпизодическое появление в эти годы форм множ. числа. Ср.: «Весьма любопытное явление в народной русской жизни составляет известное соединение нескольких разнородных промышленностей в одной крестьянской семье» (П. Анненков. Воспоминания и критические очерки, I, СПб., 1877, с. 137).

1835, № 2, с. 114); «Отрасли сельской и мануфактурной промышленности» (Г. Яценков. О скотоводстве рогатого скота в отношении к земледелию; Библ. для чт., 1834, № 3, с. 13) и т. п. Однако наряду с этим проходит и дифференциация понятий, отражающаяся и в противопоставлении слов, и в уточняющих определениях. Ср. нередкое уже и в 30-х гг. противопоставление промышленности и торговли как сферы, стоящей вне производства. Напр.: «Англия, двадцать лет чуждая Европе, двадцать лет подверженная континентальной системе во всех отношениях, не в одной торговле и промышленности, явилась в величии поэтического обновления» (Н. Пол., I, с. 153); «После этого [в палате депутатов] толковали.. об учреждении во Франции общей системы железных дорог, посредством которой.. усилились бы промышленность и торговля» (Греч, I, с. 228); «Соберется шайка плутов без дела и занятия, которая вдруг отклонит значительный капитал в фондах от полезного по торговле и промышленности употребления» (Библ. для чт., 1834, I, Литературная летопись, с. 49) и т. д. С другой стороны, слово *промышленность* все чаще является с определениями, уточняющими сферу производительной деятельности, а среди таких постоянных сочетаний особенно часто выступает *мануфактурная* или *фабричная промышленность*. Ср.: «Мы были свидетелями на выставке сего года чрезвычайных успехов наших фабрик во всех почти родах мануфактурной промышленности» (Библ. для чт., 1834, I, Промышленность и сельское хозяйство, с. 1); «Все это.. едва ли может дать полное понятие о фабричной нашей промышленности» (Н. Пол., II, с. 225); «Известно, как односторонние учения, принимавшие за основу народного богатства сначала деньги, потом — торговлю, потом — фабричную промышленность, потом — земледелие,.. слились, наконец, в одну науку, в которой каждый односторонний взгляд, признававшийся некогда безусловным, имеет свое место в кругу других» (В. Майк., II, с. 18) и т. д. Бурное развитие машинного производства определяет дальнейшую эволюцию слова. Ф. Энгельс писал: «Промышленное производство в наше время означает крупную промышленность, пар, электричество, сельфакторы, механические ткацкие станки и, наконец, машины для производства машинного оборудования».[21] Ограничение слова *промышленность* понятием о крупном фабричном производстве с помощью машин, связанном с переработкою сырых продуктов, начинает все отчетливее сказываться. Конечно, рядом с этим живет и старое, тоже широкое употребление, но оно явно отступает перед новым осмыслением слова.[22] Такое ограничительное осмысление термина является уже в текстах представителей младшего поколения 40-х гг. (ср. В. Майков, В. Милютин и др.), очень внимательных к вопросам индустриального развития. В. Майков, между прочим, замечает об исторической смене форм промышленности и об отражении этой смены в развитии политэкономической теории: «Могут даже противопоставить нам все до сих пор господствовавшие системы промышленности — денежную, меркантильную, физиократическую и теперь господствующую — индустриальную» (II, с. 68). Ср. «Посредством развития промышленности, посредством изобретения машин, человек с каждым днем приобретает более и более прав на название царя творения и властителя вселенной» (В. Милют., с. 160).

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, 1946, с. 127.

[22] Ср.: «Этот поразительный регресс земледельческой промышленности не может быть объяснен одним лишь несовершенством земледельческой техники и отсутствием капитала» (П. Гр—оли, Французское общество в конце XVIII в.; Дело, 1876, № 7, с. 294); «Вот хоть бы наш приятель Николай Иваныч или теперь граф Вронский поселился, те хотят промышленность агрономическую вести» (Л. Толст., XIX, 234). Ср. также устойчивые терминологические сочетания *домашняя промышленность*, *кустарная промышленность*, *мелкая промышленность*.

Вообще же с развитием капитализма понятие промышленности, в политико-экономическом плане, все неразрывнее связывается с производством товаров. Ленин в «Развитии капитализма в России» так формулирует это: «Само собой разумеется, что указанное отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия, превращает и само земледелие в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую *товары*» (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 22).

Во вторую половину XIX в. употребление слова в этом новом, более тесном смысле, приуроченном к отношениям новой социальной формации, становится уже достаточно обычным. Ср.: «В конце XVIII века в промышленности Англии произведен был переворот изобретениями Уатта и Эркрайта» (Добр., V, с. 21); «Нищета, вместе с голодом Ирландии, потрясла общественный кредит и естественно отразилась на всех других отраслях промышленности (помимо хлопчатобумажной)» (Г. Благосветлов. Американский кризис; Русск. слово, 1862, № 2, с. 14); «Промышленность идет вперед гигантскими шагами, физиономия мира в последние сто лет изменилась совершенно» (Н. Шелгунов. Односторонность промышленного прогресса; Дело, 1869, № 4, с. 292); «Судьба этих заводов была вопросом жизни и смерти для населения в 50 тысяч, а в мире промышленности выражалась громкой цифрой производительности в два с половиной миллиона пудов чугуна, стали, железа и меди» (Мам.-Сиб., ПСС, X, с. 4).

Семантический сдвиг в слове *промышленность*, его терминологизация и превращение из слова вторичного и «формального» в самостоятельное и исходное для выражения определенного понятия не могли не отразиться на связях его с другими словами, близкими ему ранее по значению или по этимологическим отношениям. Прямым следствием и своеобразным итогом этой смысловой эволюции слова и явились распадение старого единого гнезда слов на два и перегруппировка прежних словопроизводственных связей.

В этом легко убеждает сопоставление данных Слов. 1847 с описанием подходящих сюда слов в любом из современных нам словарей. В Слов. 1847 слово *промышленный* еще живо связано с гл. *промыслить*, *промышлять* и включено в систему его значений. Правда, рядом с этим Слов. 1847 дает и прил. *промышлёный* («Способный доставать себе пропитание каким-либо промыслом или рукодельем. Народ промышленый»). Но и это сложившееся в XVII в. в живой речи значение тесно связано с одним из значений гл. *промышлять* (в Слов. 1847: «2. Заниматься каким-либо промыслом»). Сущ. *промышленность*, как мы уже отмечали, определяется в этом словаре очень близко к наиболее общему значению слова *промысел*. Также семантически сливаются и прил. *промысловый* и *промышленный*. Ср. еще Д[1]: «*Промысловый*, *промышленный*, относящ. к промыслам, ремеслам, занятиям, насущным работам. Народ промысловый — у каждого есть промысел; народ промышленный, способный к промыслам, всюду промышляющий».

Совсем иная картина открывается в новейших словарях. Слово *промышленность* отпочковалось от слов *промысел* и *промышлять*, сохранивших бóльшую семантическую емкость и вместе с тем неопределенность, во всяком случае — старый спектр значений. Ср. в Слов. русск. яз., III: «2. Заниматься каким-либо промыслом (в 1 знач.). 3. *Устар.* Заботиться о ком, чем-л.». В слове *промысел* соответственно выделяются три значения: «1. Ремесло или какое-либо другое занятие как источник средств к существованию.. // Подсобное занятие при основном занятии сельским хозяйством. Отхожие промыслы.. 2. Добывание рыбы, птицы, зверя и т. п. ловлей, охотой.. 3. обычно мн. ч. ..Промышленные предприятия (или сеть предприятий) добывающего типа. Соляные промыслы. Желе-

зорудные промыслы. Нефтяные промыслы». (Таким образом, почти полное совпадение с комплексом значений, отмеченных еще в Слов. 1847). Лишь в последнем случае (третье значение) слово *промысел* (*промыслы*) семантически сходится сейчас со словом *промышленность*, причем доминирующим при определении понятия оказывается уже слово *промышленность*. (Ср. еще в Слов. 1847: «4. В горном производстве: а) то же, что промышленность. Горный промысел»).[23]

Слово *промышленность* с течением времени не только получило терминологическую определенность и смысловую самостоятельность; оно подчинило себе прил. *промышленный*, окончательно оторвав его от смысловых связей с гл. *промышлять*. В современных нам словарях оно рассматривается уже прямо как относительное прилагательное к слову *промышленность*. Этот процесс перехода слова *промышленный* от связей с одним словом к тесным смысловым отношениям с другим, перемена местами господствующего и подчиненного слова, производного и производящего, захватывает особенно вторую половину XIX в. Ср., напр., следующие цитаты: «Число преступлений гораздо значительнее в промышленных, нежели в земледельческих областях» (В. Одоевск., I, с. 325); «Каменный уголь.. употребляется не только на промышленные процессы» (Черн., IX, с. 44); «Хутор Новая Диканька уже расширился, превратился в мануфактурный и промышленный городок» (Г. Данил., V, с. 148); «В течение ста лет, когда совершилась в Англии промышленная революция, создался десятимиллионный пролетариат» (Н. Шелгунов. Лукавое своекорыстие; Дело, 1869, № 2, с. 9); «Промышленный переворот конца прошлого века, породивший фабричную промышленность, объясняется двумя важнейшими техническими усовершенствованиями» (Гл. Усп., XI, с. 485) и т. д. Но ср. также и длительные отголоски старых связей и отношений: «Сердце мое не свойства расчетливого и промышленного» (Вяз., II, с. 97); «Нет на земле уголка, куда бы не забрался промышленный и ученый европеец» (Н. Шелгунов. Односторонность промышленного прогресса; Дело, 1869, № 4, с. 292); «Город очень чист, смотрит очень бодро, весело, игриво и промышленно» (Гонч., II, с. 148—149) и т. п.

Более специфической оказалась эволюция слова *промышленник*. Первоначально оно означало всякого, кто занимается каким-либо промыслом (Слов. 1847: «Занимающийся каким-либо промыслом или рукодельем»), охотника и зверолова, ремесленника и кустаря, а с развитием мануфактурной промышленности им иногда обозначали и рабочих заводов и фабрик; наконец, *промышленником* называли вообще всякого, кто обнаруживает меркантильные наклонности, а в специфических контекстах — и просто мошенника и жулика. Связь со словами *промышлять* и *промысел* опять-таки самая тесная и непосредственная. Ср.: «Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками — портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч.» (Дост., V, с. 8); «На суде выяснилось, что все промышленники скотом сбывают чумной скот в лавки» (Карон., с. 579); «С первого взгляда кажется, что все шарманщики составляют.. один класс уличных промышленников» (Григор., Избр. произв., с. 5); «Мануфактурная промышленность Англии и ее влияние на промышленников» (Библ. для чт., 1834, № 3, Смесь, с. 54; речь идет о здоровье фабричных рабочих); «Некоторые утописты требуют одного только изменения в настоящем положении промышленников, именно —

[23] Ср. *промыслы* как синоним слова *промышленность:* «Земледелие, рассматриваемое на одной чреде с другими промыслами, с их меркантильным духом и приемами, есть бесспорно занятие важное» (В. Порошин. О земледелии в политико-экономическом отношении. СПб., 1846, с. 58).

сожития работников, чистой ассоциации» (В. Майк., II, с. 61); «Он ведь, оказалось, у старухи вещи просроченные скупал?.. — Да, мошенник какой-то! он и векселя тоже скупает. Промышленник. Да черт с ним!» (Дост., V, с. 142); «Тут толпа серого люда, тут и ловкие „вольные промышленники“ (карманные воры)» (Мельн.-Печ., На горах, I, с. 326) и т. д. Ср. еще любопытный случай употребления слова *промышленник* в смысле сторонника и представителя индустриального развития: «Мы, гордые промышленники XIX века, мы напрасно пренебрегаем этими алхимическими книгами» (В. Одоевск., II, с. 116). Такова была пестрая гамма осмыслений этого слова в живой русской речи XIX в. Но в публицистике XIX в. (во второй половине уже с особенной силой) начинает пробивать себе дорогу специфическое приурочение этого слова к новому типу «промышленников» — капиталистам, владельцам промышленных предприятий. Ср.: «Непомерное усиление промышленников-капиталистов в Англии» (Добр., IV, с. 23); «Г. Шипов принадлежит к числу .. русских капиталистов-промышленников» (Н. Шелгунов. Лукавое своекорыстие; Дело, 1869, № 2, с. 2); «В США существует особый класс людей лобби, специальное занятие которых заключается в посредничестве между промышленниками-предпринимателями, с одной стороны, и законодателями, администраторами, судьями, контролерами — с другой» (Я. П—р, Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 156) и т. д. См. и без уточняющих слов: «Много ли выиграет большинство, нимало не заинтересованное в расширении заграничного сбыта? Ведь гг. промышленники не поделятся с нами своими барышами» (Дело, 1876, № 7, Научная хроника, с. 102); «Придут промышленники, заберут все это [железную руду, каменный уголь] в свои руки, а наши Иваны, Минаи и Пантелеи будут в дыму и копоти, и в поте лица своего загребать золото .. в чужой карман» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 8, с. 8); «С полнейшей («железной») уверенностью в своих требованиях депутат от каменноугольных промышленников говорит германскому императору, что двенадцать часов работы под землею нисколько не затруднительны для рабочих» (Гл. Усп., XI, с. 334).

Что касается старого употребления слова, то оно к концу века уже приобретает отчетливый характер условного и просторечного. Характерно, что Ленин в «Развитии капитализма в России», пользуясь словом *промышленник* в старом смысле («занимающийся каким-либо промыслом»), неизменно заключает его в кавычки: «Мы имели все же известное право отнести „промыслы“ на счет продажи рабочей силы, ибо наемные рабочие преобладают обыкновенно среди крестьянских „промышленников“» (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 86). Он подвергает критике это «дикое словоупотребление» как явный пережиток.

Наиболее устойчивым из этих старых значений остается употребление слова *промышленник* в смысле «охотник за зверями, птицей, рыбой и т. д.» (в качестве основного занятия). Ср. сложившиеся уже compositа вроде *рыбо-*, *зверопромышленник* и т. д.

Среда. Слов. 1847: «1. *Церк.* Средина.. 2. Средний день недели, между вторником и четвергом; середа.. — *От среды* — зн. из числа.. 3. *Физ.* Тело, вещество. Луч света, переходя под косым углом из одной среды в другую, преломляется»; Д[1] (среди прочих общих, устарелых и областных значений): «*Середа* или *среда* — вещество, тело, толща, пласт, более о веществах жидких и прозрачных. Среда воздушная — виталище птиц, среда водная — обитель рыб. Луч света, проникая среды различной плотности, преломляется. *Он теперь в своей среде* — атмосфере, в своем образе жизни, доволен. Его среда науки. Земля окружена воздушною средою, атмосферой, мироколицей, колоземицей. // Община, общество, сбор, толпа. В среде вашей есть злоумышленники. *От среды*, *из среды*

нашей вызвалось много охотников»; Толль: «Круг общества, в кот. челов. поставлен по своему положению, званию или состоянию». Ср. в современном Слов. русск. яз. (IV): «1. *Спец.* Вещество, тела, заполняющие какое-л. пространство и обладающие определенными свойствами. Воздушная среда. Питательная среда. Преломляющие среды. Фильтрующие среды. 2. Совокупность природных или социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность какого-л. организма. Географическая среда. 3. Социально-бытовая обстановка, в которой протекает жизнь человека.. // Совокупность людей, связанных общностью социально-бытовых условий существования, общностью профессии, занятий. Рабочая среда. В среде учащихся. Читательская среда. Из среды студенчества рекрутируется большинство революционеров. М. Горький, Жизнь Клима Самгина».

Для литературного языка допушкинской поры, с его системой особых стилей, опирающихся на противостояние русских и славенских лексических элементов, *среда* была прежде всего высоким, славенским вариантом к слову *середина*.[24] Ср.: «Европейцы суть по среде на стезе совершенствования» (Радищ., Соч., II, с. 59); «Кавказ и Таврь ты преклоняешь, Вселенной на среду ступаешь» (Держ., I, с. 243) и т. д. Но практически слово *среда* в языке второй половины XVIII в., а особенно в первой трети XIX в., выступало чаще всего в составе предложных сочетаний. Из таких сочетаний наиболее устойчивыми и обычными в книжном языке были, с одной стороны, *из* (или *от*) *среды* (чьей, кого-л.), а с другой — *в* (или *на*) *среду* (ступить, вступить, выступить и т. п.). В выражениях первого рода в сущности являлось уже особое, фразеологически связанное значение: *из* (*от*) *среды* — «из числа кого-либо» (как и отмечается в Слов. 1847). Это выражение было особенно употребительным в течение всей первой трети XIX в., сохранившись и в последующем. Ср.: «[Мерона:] Но кто убийца сей, безвестный сей? вещай. [Эвриклес:] Он из среды рабов, судьбиною-забвенных» (Ф. Иванов. Отрывок из трагедии «Мерона»; Труды общ. любителей росс. словесности, ч. V, М., 1816, с. 4);[25] «Генерал-адьютант Панкратьев послал подарки почетным гимринцам, уговаривая их изгнать из среды своей Кази Муллу» (Марл., VI, с. 215); «Тысячи новых Ермаков являлись из среды казаков вольных» (Н. Пол., II, с. 183); «Из среды молодых питомцев муз возникнут самостоятельные писатели» (Н. Греч. Письмо в Париж к Я. Н. Толстому; Библ. для чт., 1834, I, с. 172); «Девушки наперед избирают одну из среды своих сестер» (Брамбеус [О. Сенковский]. Вся женская жизнь в нескольких часах; Библ. для чт., 1834, I, с. 37) и т. д.[26] У Пушкина мы сталкиваемся с примерами лишь такого употребления слова *среда* (мы, конечно, не имеем здесь в виду его омонима — названия дня недели): «Русский солдат, на 24 года отторгнутый от среды своих сограждан» (XI, с. 233, ср. также с. 260); «Не лучше ли употребить сии права в пользу ваших крестьян, удаляя от среды их вредных негодяев» (там же, с. 234; ср. также с. 261); «Некогда из среды нас был похищен оратор» (XII, с. 63). Ср. у Белинского: «[Митрополит Филипп] один из среды целого народа не боялся говорить правду в глаза грозному царю» (III, с. 135); «Они [Фамусовы и т. д.] правы, изгнавши из своей среды Чацкого, с которым у них нет ничего общего, равно как и у него с ними» (III, с. 480); «Словесность существовала у всех народов, пока слово было достоянием целого

---

[24] Ср. вариантность и при обозначении дня недели: *среда—середа*.

[25] Ср. в церковных текстах: «Отлучат злые от среды праведных» (Матф., XIII, 49).

[26] Изредка являлось в этом сочетании и слово *средина*; ср. «Он освободил меня из средины неприятелей» (Моск. Мерк., 1803, II, с. 16).

народа, а не избранных из среды лиц, составляющих народ» (IV, с. 417) и др.

В этих и подобных случаях слово *среда* постепенно становилось синонимом слова *круг* как обозначения известной социальной или профессиональной общности. Именно на базе такого фразеологически устойчивого употребления и могло в дальнейшем легко сложиться, путем высвобождения этого слова из устоявшегося фразеологического контекста, новое собственное (социальное) значение слова. А когда это обособление произошло, само устойчивое сочетание примкнуло по смыслу к новому употреблению. Любопытно, что этот же смысл («круг кого-либо») получает слово *среда* и в сочетании с предлогом *в*. Ср.: «Алчба богатств переносила ли европейца за моря, стремилось ли корыстолюбие, с крестом и мечом в руках, в среду бедных дикарей американских..» (Н. Пол., II, с. 301); «Общество приняло их [художника и ученого] в среду свою и дало им почетное место» (Бел., V, с. 383) и т. д.

Вместе с тем слово *среда* уже с конца XVIII в. эпизодически выступало в связи со словами не личного, а отвлеченного значения, и таким образом синонимически сблизилось со словом *сфера*. Ср.: «Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмещая в среду рассуждения посторонние предметы, столь же часто рождают нелепости» (Радищ., Соч., II, с. 61); «Я видел — как безумцев рой В среду величия вступает» (В. Ф. Раевский. В кн.: Пушкинский сборник, Ульяновск, 1949, с. 275) и т. д.

Наконец, в языке научных произведений 1820—1830-х гг. упрочилось новое терминированное употребление слова *среда* как синонима слов *тело*, *вещество*. Слов. 1847, как мы видели, уже особо отмечает такое специальное употребление.[27]

Решающий момент в семантической истории слова наступает в 40-е гг. В этом смысле определяющими оказались два обстоятельства. С одной стороны, как сказано, слово *среда*, почти уже не употребительное после пушкинской реформы самостоятельно, как славянский синоним к слову *середина*, вне ограниченных фразеологических сочетаний (*из среды* кого или чего-либо; отчасти *в среду* кого или чего-либо), в этих сочетаниях все очевиднее семантически смещалось, приобретая значения: «круг (людей), сфера, область предметов, понятий». С другой стороны, начиная с 1830-х гг. оказывалось все более влиятельным словоупотребление, связанное с научным языком, в кругу точных и естественных наук. В частности, утвердившееся в языке науки обозначение вещества, особенно воздуха и жидкости, окружающих твердые тела, образно применялось и к области социальных, человеческих отношений. Отметим, что в этой эволюции слова от общего значения к терминологически ограниченному, — и в области естественных наук и в социальной, — известную роль могла сыграть и семантическая индукция со стороны франц. milieu, располагавшего в эти годы всем спектром указанных значений.

Такие случаи употребления слова *среда* очень часты, напр. в произведениях Герцена 40-х гг. Ср.: «Поднимаемся в какую-то изреженную среду, в какой-то мир бесплотных абстракций» (III, с. 19); «В эту туманную среду рассудочного движения поднимаются эмпирики и не идут дальше.. Эмпирия на философию и философия на эмпирию смотрят именно сквозь эту среду и видят друг друга с искаженными чертами»

---

[27] Впрочем, еще в 30-х гг. XIX в. в этом смысле можно встретить и другие слова, напр. *посредство*: «Звук может значительно ослабеть, напр., если в смешении находятся водород и атмосферный воздух. Если же оба посредства совершенно различной природы..., то звук может ослабеть еще более... Хладни показал сие действие смешанных посредств» (Новые исследования В. Гершеля о звуке; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 303—304).

(III, с. 103); «Отчего немки не умеют одеваться и могут только жить в двух средах: в надзвездном эфире или в кухонном чаду?» (V, с. 17).[28] Но у него же сталкиваемся и с более свободным, образно не подчеркнутым (хотя и здесь в основе лежит все еще метафора) употреблением *среда* в смысле «круг людей, обстановка их жизни». Ср. в романе «Кто виноват?»: «Это существования маленьких патриархальных городков в Германии, пасторских домиков, семинарских учителей, чистые, нравственные и незаметные вне своего круга... Но будто у нас возможна такая жизнь? Я решительно думаю, что нет: нашей душе не свойственна эта среда» (IV, с. 34); в «Письмах с Via del Corso»: «Я бежал из Франции, отыскивая.. сколько-нибудь человеческой обстановки.. И что же — лишь только я поставил ногу на итальянскую землю, меня обняла другая среда — живая, энергическая» (V, с. 252). Во всяком случае в конце 40-х гг., особенно у лиц младшего поколения, мы сталкиваемся уже с первыми случаями немотивированного употребления слова *среда* в смысле социальном. Ср. у Белинского: «Влияние окружающей человека среды» (X, с. 331); у Герцена: «Не найдя никакой деятельности в среде, в которой родился, он сделался туристом» (II, с. 73); «Она вступает во взаимодействие с окружающей средой» (II, с. 84); у В. А. Милютина: «Усовершенствования, прилагаемые нами к испорченной и неустроенной среде, далеко не могут производить всех тех результатов, какими бы они могли сопровождаться при условиях более благоприятных и при устройстве [общества] более разумном» (В. Милют., с. 74); «Человек может отвратить только такие несчастия, которые проистекают от него самого, от худой организации, данной им той среде, в которой он живет и действует» (там же, с. 77).[29]

Так сложилось новое социальное значение слова *среда*, близко стоящее к его научно-терминологическому значению, закрепилось применение его к той общественной обстановке, в которой является, живет и развивается личность. Это противопоставление личности и среды, накладывающей на человека свой отпечаток и оказывающей постоянное воздействие, оказывается особенно важным в литературе 50—60-х гг. Употребление слова в новом смысле становится широко распространенным и обычным.[30] Формальным следствием этого была возможность абсолютивного употребления слова и употребления его с целым рядом определений, уточняющих то, о каком именно социальном круге идет речь. Так появились постоянные сочетания типа *общественная среда*, *буржуазная среда*, *мещанская среда*, *окружающая среда* и т. п. Ср.: «В истории каждого героя повестей г. Плещеева вы видите, как он связан с своей средою, как этот мирок тяготеет над ним своими требованиями и отношениями» (Добр., VI, с. 192); «Изображение „среды“ приняла на себя щедринская школа» (там же, с. 193); «[Оуэн] первый провозгласил принцип невменяемости преступ-

[28] Шевырев осмеивает такое употребление в своей статье «Словарь солецизмов, варваризмов..» (Москвит., 1848, № 1, с. 6). У Герцена находим и более традиционное употребление, напр.: «Не она [администрация] развратила буржуази, а буржуази дала из среды своей таких администраторов» (V, с. 239).

[29] Ср. в 40-х гг. в этом смысле изредка и *средина*: «Для сего быт древнего мира не являлся удобной срединой» (Филос. произв. петраш., с. 179).

[30] Наряду с этим продолжает жить и естественнонаучное значение слова, а также употребление его (в сочетании с отвлеченными существительными) в смысле «сфера, область». Ср.: «Световые волны в одной и той же среде распространяются со скоростью равномерною» (Дарвин и его теория; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 2); «Как луч света различно преломляется в различных средах, так и лучи мысли дают очень разные эффекты» (Михайловск., II, с. 389); «Что такое наша настоящая женщина, женщина в обычных средах жизни» (А. Григорьев. Искусство и нравственность; Светоч, 1861, № 1, с. 15); «Перенесите то же начало.. в среду интересов, более сложных и разнообразных.. — что тогда будет» (К. Бестужев-Рюмин. Славянофильское учение и его судьбы; Отеч. зап., 1862, № 2, с. 690). С этим последним смыслом слово является преимущественно в предложных сочетаниях.

ления отдельному лицу, поглощенному общественной средой» (Благ., с. 47); «В какой зависимости находятся умственные различия полов..от социальной среды» (Дело, 1876, № 4, Научная хроника, с. 33); «Социально-исторические процессы, которые обусловили и породили ту общественную и семейную среду, в которой вы росли и развивались» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, № 9, с. 82); «В среде упитанного и взлелеянного пуховиками купечества или в среде мещанства, занимающегося содержанием постоялых дворов, харчевен и кабаков» (Салт., IX, с. 237); «Герой мой.. обыкновенный смертный из нашей так наз. образованной среды» (Писем., ПСС, X, с. 93) и т. п.

В 50-х гг. возникает характерное выражение *среда заедает*. Ср. у Добролюбова: «Постоянный мотив ее [тургеневской школы беллетристов] тот, что „*среда заедает человека*“. Мотив хороший и очень сильный; но им до сих пор не умели еще у нас хорошо воспользоваться. Человек, „заеденный средою“, изображался иногда в повестях тургеневской школы довольно живо; но самая „среда“ и ее отношения к человеку рисовались бледно и слабо» (VI, с. 193).

§ 5. Рассмотренные выше случаи полной смены старого значения слова на новое, как мы уже замечали, относительно немногочисленны. Гораздо многочисленнее примеры появления в определенных условиях новых значений у слов наряду с сохранением их старых, уже установившихся значений.

Естественно встает вопрос о том, в каких отношениях находятся эти новые значения к старым; приводятся ли они с ними в определенную связь, в отношения подчинения или соподчинения, составляют ли они вместе с ними определенную семантическую систему, или, напротив, обнаруживают склонность к уединению, к отрыву от старых значений, к омонимии? Как мы уже отмечали, налицо факты и того и другого рода. В большей части их отчетливо выступает вторичность новых значений, признаки ощутимого перехода от одного значения к другому, «переноса», языковой метафоры. Новое значение живет и определяется на фоне старого. В большей части случаев налицо своеобразная «иерархия значений», одно, новое значение оказывается явно подчиненным другому, старому, зависимым от него. В случаях такого рода часто наглядно выступает явное неравенство, существенное различие между этими «исходными» и «вторичными» значениями, и это делает затруднительным употребление по отношению к тем и другим одного и того же термина «значение слова» без существенных оговорок. Ведь одно — первое, исходное — значение слова безусловно следует признать в таких случаях собственным значением отдельного слова, если под значением отдельного слова понимать его прямую соотнесенность с определенным предметом нашей мысли. Другое — вторичное, «зависимое» — значение было бы правильнее при этом рассматривать как не собственное значение данного отдельного слова. Оно возникает лишь на фоне первого, исходного, собственного значения слова как его особая реализация и при этом в особых условиях фразовых сочетаний, в определенном особом контексте, от которого оно также зависит. Здесь налицо более сложная связь, более сложное отношение между словом и понятием, предметом нашей мысли. Эта связь не является прямой и однолинейной, как в первом случае. Слово в этом случае связано с определенным особым предметом нашей мысли не непосредственно, как отдельная единица, а, во-первых, через посредство исходного значения, поскольку этот «фон» постоянно ощущается, образно, вполне отчетливо или в качестве «намека» постоянно присутствует, и, во-вторых, с помощью определенных сочетаний с другими словами. Так, у слова *атмосфера* собственным его значением является только значение «воздушная среда, окружающая землю, воздух», значе-

ние «окружающая обстановка, среда, сфера» является производным от первого значения. Вместе с тем оно фразеологически обусловлено, появляется лишь в определенном контексте, в определенных сочетаниях (типа *в атмосфере буржуазного общества*). Напротив, там, где мы имеем дело с равноправными и независимыми разными значениями слов, можно говорить об омонимии, о терминологической обособленности слов. Это в сущности уже не различные значения одного и того же слова, а разные слова со своими собственными значениями. Выше мы говорили о склонности слова в русском литературном языке этого времени при определенных его значениях к известному семантическому обособлению и терминологизации. Именно эта терминологичность значения мешает установлению тесной связи и отношений подчинения и соподчинения между отдельными значениями — старыми, привычными и новыми, если они продолжают сосуществовать. Такая жизнь значений «разными домами», отсутствие между ними органической связи и «выводимости» одного значения из другого объясняется нередко и тем, что новое терминированное значение является продуктом семантической индукции со стороны слова другого языка.

Вот несколько характерных примеров такой терминологической независимости новых значений.

Слово *настроение* в Слов. 1847 еще имеет чисто формальное определение («действие настроившего»), относящее его к гл. *настроить* в разных его значениях. Среди этих значений, в свою очередь, мы находим только одно, с которым сейчас слово *настроение* оказывается известным образом связанным («3. Наставлять или направлять на доброе или худое. Недоброжелатели мои настроили соседа начать»). Между тем в 30—40-х гг. XIX в. в слове *настроение* отчетливо выявляются особые самостоятельные и тесно между собою связанные осмысления, приводящие его к терминологизации. С одной стороны, оно начинает устойчиво обозначать внутреннее душевное состояние лица, с другой стороны — склонность к тем или иным действиям и поступкам. Ср., напр.: «Хлобуева спасало религиозное настроение, которое страшным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью» (Гог., VII, с. 88); «Основной характер их [сказаний о короле Артуре] сохранился и принадлежит несравненно высшему поэтическому настроению» (Хом., VII, с. 408—409); «К сожалению, Афины были не в состоянии воспользоваться таким настроением умов» (Гран., II, с. 94) и т. п. В этом же смысле с 30-х гг. начинает широко употребляться и сущ. *настроенность*. Ср.: «Ужасное событие.. из идеального мира вызывает его [Гамлета] в мир практический, в чуждый его духовной настроенности мир действия» (Бел., V, с. 20); «Дать своему нравственному существованию особенную настроенность» (Бел., VI, с. 463); «Некоторое время они [читатели] оставались в настроенности, очень похожей на настроенность бедствовавшего героя романа» (Отеч. зап., 1848, № 3, Библиографическая хроника, с. 12); ср. также у А. Григорьева форму *настройство*: «Имеет ли право художник, как известное лицо, с известным образом мыслей, с известной настроенностию чувствований, переноситься в состояния духа, ему чуждые, в настройства чувствований, более напряженные или менее напряженные, нежели свойственное ему душевное настройство.. ?» (I, с. 129). Конечно, между этим новым значением сущ. *настроение* (и особенно сущ. *настроенность*) и известными значениями гл. *настроить*, как «реальными» (ср. «настроить музыкальные инструменты»), так и образно-переносными (см. выше приведенное определение из Слов. 1847) устанавливается известная связь и отношения. Однако следует признать, что по своему смысловому наполнению сущ. *настроение* получает особый вес среди слов этого гнезда и семантически обособляется, в извест-

ном смысле затем подчиняя себе и гл. *настроить*. (Характерно, что одно из значений этого глагола естественно определяется в наших современных словарях как «привести в определенное настроение»). Несомненно воздействие на образование этого нового значения у существительного *настроение* нем. Stimmung. Характерно также, что слово *настроение* в современном языке уже не соотносится с другими значениями глагола *настроить*, *настраивать* (ср. *настройка*, даже *настраивание* инструментов, но не *настроение* их).

Очень показательна в этом смысле также история слова *производство*. Слов. 1847 дает лишь очень общее и формальное его определение: «Действие производящего и произведшего», иллюстрируя его следующими примерами: «Производство работ. Производство письменных дел. Производство в чины». Ни Даль, ни даже Толль также не отмечают еще того особого значения слова, которое связывает его с кругом политико-экономической терминологии. Лишь в современных словарях находим это значение («процесс создания продуктов», а также и об отдельных отраслях промышленности в сочетании с определениями: «хлопчатобумажное, металлургическое и т. п. производство»). Ср. также *сфера производства*. Производство в этом смысле противопоставлено потреблению. Не выделяет Слов. 1847 особого значения, связанного с изготовлением продуктов, товаров и в гл. *производить* (ср. лишь общее значение: «1. Делать, творить, совершать; приводить в действие»). Нет здесь никакого определенного намека и на более тесный смысл слова *производитель* («тот, кто производит продукты»).[31] Лишь в слове *производительный* отмечается это специфическое употребление. Ср. сочетания: «Производительные силы природы. Производительный способ гидравлических построений». Между тем, с начала XIX в. намечается, а особенно с 20—30-х гг. явно выделяется это особое значение у относящихся сюда слов. Ср.: «Хотите ли, напр., знать важность производства, по-видимому, самых маловажных вещиц? Послушайте показание г. Остера, фабриканта стеклянных бус» (Библ. для чт., 1834, I, Смесь, с. 32); «Выгоды собственно от земледельческой части свеклосахарного производства различны» (Сведения о свеклосахарной промышленности в России. СПб., 1852; цит. по Москвит., 1853, № 6, Критика и библиография, с. 57). К середине XIX в. это особое приложение слова *производство* и др. слов к сфере экономических понятий уже вполне определилось. Ср.: «Кроме труда, прямо обращенного на производство продукта, есть труд не прямо, но также необходимо участвующий в этом производстве; именно труд приготовительный на выделку инструментов или материалов для этого производства» (Черн., IX, с. 82); «Вы хотите разбирать, какие формы принимает труд для содействия производству; берите же ход производства и рассматривайте, какими способами соприкасается труд с производством продукта в разных фазах этого производства. Вы увидите, что для производства нужны: материал, инструмент и работник» (там же, с. 83). Возможность такого абсолютивного употребления слова (без определений) в данном значении является лучшим показателем его (значения) терминологической обособленности. Старые, отложившиеся значения слова (ср. *производство дел*, *производство в чины* и т. п.) продолжают жить наряду с этим новым значением; но последнее уже мало связано с ними, ведя свою особую жизнь термина. В этом смысле характерно образование к концу века (оно не отмечено даже у Даля) прилагательного *производственный*, подчеркивающее изолированность терминологического значения слова *производство*. Ср. один из терминов марксистской поли-

[31] Ср. лишь общее нерасчлененное определение: «Производящий что-либо» и примеры: «Производитель письменных дел. Производитель землекопных работ».

тической экономии *производственные отношения*. Ср. также бытовавший во второй половине XIX в. термин *производчик* (Д: «в знач. ремесленника, заводчика, хозяина, землепашца и проч.»).[32] См. еще: «Мы долгом считаем обратить на это внимание наших бумажных производчиков» (Библ. для чт., 1834, № 12, Смесь, с. 93). Характерны и уже очень распространены с середины века такие сочетания, как *производительные классы*, *производительный* (и соответственно *непроизводительный*) *труд*. В это же время получает особое значение и сущ. *производительность*, тесно связанное с этой группой терминов. Ср.: «В сущности возвышенная задельная плата есть оптический обман, ибо она создается усиленной производительностью рабочего, а не благотворительностью фабриканта» (Н. Шелгунов. Односторонность промышленного прогресса; Дело, 1869, № 4, с. 301).

Такое же терминологическое обособление можно отметить и при новом употреблении слова *стачка*, распространившемся у нас с середины века. Если мы обратимся к Слов. 1847, то там найдем опять-таки очень общее определение этого слова: «3. Действие стакнувшихся. Стачка подрядчиков».[33] А гл. *стакиваться* определяется: «Заранее тайно сговариваться, соглашаться». Но уже Д[1] вынужден выделить и дать более развернутое определение слову *стачка* наряду с формальным приурочением его к гл. *стакнуться*. Ср.: «Круговая порука в нечистом деле, тайное условие и самый круг обязавшихся поддерживать друг друга. Стачка извозчиков, запросивших высокую цену. Стачка рабочих, отказавшихся поголовно от работы, требуя повышенья платы». В этом определении ясно выступает и стремление к этимологическому истолкованию термина, и реакционная тенденциозность истолкователя. Как особый общественно-политический термин выделяется *стачка*, когда речь идет о действиях рабочих, направленных против капиталистов, у Толля (Прил. 1866): «*Стачка*. Уговор нескольких лиц действовать заодно для достижения известной цели. Стачки рабочих в Англии — сходки их с целью вынуждения у хозяев более значительной задельной платы». Нетрудно заметить, что слово в данном значении, соответствующем англ. strike и нем. Streik, очень быстро обособляется, связи его с гл. *стакнуться* стираются, и, в качестве особого термина, оно легко освобождается от того экспрессивного налета, отрицательного оттенка в осмыслении, которые связаны со словом *стачка* в значении «тайный сговор». Акцент в этом случае ставится уже на самом действии, преследующем вполне определенные цели, а не на его «тайности», не на его «подоплеке». Ведь, как это и поясняет Толль, стачка стала к тому времени в Англии, а затем и в других странах легальной формой борьбы рабочего класса против капиталистической эксплуатации.[34]

---

[32] Любопытно, что Даль и пример на явно особое политико-экономическое осмысление слова *производитель* («Всяк должен быть и производителем, и потребителем, тем стоит человеческое общество») дает при слове *производчик*, а не при слове *производитель*, где сосредоточены примеры на более общее употребление слова.

[33] 1-е и 2-е значения, как это обычно в этом словаре, представляют явно омонимичные слова, образованные от гл. *стачать*.

[34] Насколько сильным стало к 1870-м гг. это новое общественно-политическое осмысление слова *стачка*, свидетельствует следующий совет издателя демократического журнала «Дело» Г. Е. Благосветлова в письме 1878 г. к одному из сотрудников: «Избегайте слов *стачка*, *ассоциация*, *социальный* и т. п., слова эти строго воспрещены: их боятся, как боятся „жупела“ толстопузые московские купчихи» (Сб. «60-е гг.», с. 236).

Но еще в конце 50-х гг. при описании этой формы борьбы рабочих за свои права встречаются обычно иные обозначения. См., напр., в статье Добролюбова «Роберт Овэн и его попытка общественных реформ» (1859) при упоминании о стачке лондонских портных в 1834 г.: «Это был заговор работников против хозяев с целью заставить возвысить заработную плату» (IV, с. 35). И ниже: «Портные

§ 6. Во введении уже говорилось о значительных переменах в кругу слов, традиционно относимых к славянизмам, в связи с изменениями стилистической системы литературного языка. Многие из них вообще вышли из употребления или стали очень редкими и специфическими словами в употреблении послепушкинского времени. Но значительное число славянизмов после этого выступают уже как обычные книжные слова литературного языка, и никто из употребляющих их не замечает в дальнейшем их особого происхождения, их прежней приуроченности к кругу особой «славянской» лексики. В этом отношении любопытно отметить, что многие обычные в употреблении второй половины XIX в. слова книжного характера в «Словаре Академии Российской» еще сопровождались пометою «*слав.*» («*славенское*»), а в Слов. 1847 — указанием на их связь с церковнославянским источником («*церк.*»). Такова была там характеристика, напр., следующих слов: *бездыханный*, *безрадостный*, *возвеличить*, *возглас*,[35] *возглашать*, *возомнить* (в Слов. 1847 в форме *возмнить*[36]), *воссоздать* (в Слов. 1847 в форме *воссоздати*), *воссоздание*, *глумиться* (в Слов. 1847 *глумитися*) и *глумление*, *деторождение*, *исчезновение*,[37] *несказанный*, *обиталище*, *обоюдоострый*, *пособник*, *превыше*, *пререкание*,[38] *слезоточить* (в Слов. 1847 *слезоточити*), *снедь*, *соглядатай*, *сожительствовать*, *сочленять(ся)*, *стяжать* и *стяжатель*, *твердыня*, *творец* и *творение* (в смысле «создание, произведение»), *трезвенник*, *чревоугодник*, *чудодейственный* и т. п. Старая стилистическая обособленность была затем этими словами утрачена, но все же некоторые из них продолжали сохранять известную стилистическую тональность возвышенности, книжности.

В других случаях изменилось и значение этих славянизмов вместе с утратою их стилистической обособленности. Здесь мы имеем обычно своеобразное «сужение» значения, переход слова от выражения общих значений, в том числе относящихся и к предметному миру, к выражению лишь значений отвлеченных, относящихся к умственной, духовной сфере. В этом смысле также весьма показательно сопоставление определений некоторых «славянизмов» в Слов. 1847 с данными позднейшего употребления их и с определениями последующих словарей. Ср., напр., гл. *возобладать*, которому в Слов. 1847 придано общее значение: «овладеть», а в Слов. Акад. 1891 более специфическое: «получить верх, господство». Ср. также толкования следующих слов в Слов. 1847: *возглавить* («соединить под одну главу, под одно начальство»), *порождение* («род, племя, поколение»), *присущий* («присутствующий, находящийся где-нибудь; существующий»), *содружество* («короткое знакомство, приязнь»), *сопрягать* (в Слов. 1847: «*Сопрягати. Церк.* Соединять браком»), *средостение* («средняя стена, преграда») и т. п. В тех случаях, когда, при

потребовали от хозяев возвышения задельной платы и, получив отказ, бросили работу» (там же).

[35] Любопытно, что Слов. 1847 дает и толкование этого слова, приуроченное лишь к церковной обрядности: «Произносимое священником вслух заключение молитв, читаемых им тайно в церкви». Правда, при гл. *возглашать* (также с пометою «*церк.*» там выступает более общее определение: «Произносить громогласно». Даль уже при сущ. *возглас*, помимо чисто церковного значения, указывает также и общее: «Действ. по гл., гласный взрыв, воззвание, восхищение».

[36] Ср.: «[Читатель], пожалуй, в самом деле возмнит.., что знает гораздо больше знаменитых сотрудников „Библиотеки для чтения“» (Н. Н. [Н а д е ж д и н]. Энциклопедический лексикон; Телескоп, 1836, XXXI, с. 365).

[37] Но гл. *исчезать* (*исчезнуть*) в Слов. 1847 дан без пометы, с широким семантическим спектром и с указаниями на самое разнообразное употребление в речи. Стилистико-семантическое выравнивание слов одного гнезда, таким образом, было одним из характерных явлений этого времени.

[38] Интересно, что Слов. 1847 указывает (с тою же пометою) только на гл. *пререкати*; то же и Даль. «Нейтрализация» этих слов относится уже ко второй половине века.

достаточно многообразных фразеологических связях с другими словами, славянизмы являлись, с одной стороны, смысловыми дублетами обычных русских слов, а с другой стороны, имели и особое значение в определенных сочетаниях, происходит также сужение и специализация их значения; прежние синонимические отношения с русскими соответствиями разрываются: слова терминологизуются. Нередко в связи с этим является и изменение отношений к родственным словам, перестройка словообразовательного гнезда. Так, в слове *восставать* становится устарелым общее значение, при котором оно было высоким синонимом к слову *встать*;[39] его единственным собственным значением остается «подняться на борьбу», «воспротивиться чему-либо»; в связи с этим центральным, определяющим словом в гнезде оказывается производное *восстание*, где выветривание старого реально-пространственного значения проходило энергичнее и осуществилось полнее. Ср. также *восторгать* с его старым общим значением «вырывать, выдергивать» и его современное отвлеченное значение, тесно связанное со значением сущ. *восторг*. В словах *восприятие, впечатление*[40] сохраняется лишь терминированное употребление, связанное с сферою чувства (то же и в гл. *воспринимать, воспринять, впечатлять*; ср. выход из употребления форм *впечатлевать, впечатлеть*, связанных с исходным значением «оставить след, отпечаток»). В гл. *восхищать* устаревает и отпадает старое его реальное значение «уносить, похищать»; остается лишь значение «привести в восхищение». Ср. также *общаться* (в Слов. 1847: «Делиться; делать участником»), *общительный* («уделяющий другим, щедрый»), — в новом употреблении слова эти тесно связываются по значению со словом *общение* (ср. и в Слов. 1847 первое его значение «сообщество») и т. п.

В некоторых случаях является у этих старых книжных слов не столько собственно изменение общего значения, его терминирование и сужение, сколько своеобразное «ухудшение». Хотя примеры этого рода и сравнительно немногочисленны, но подобную судьбу ряда высоких славянизмов следует признать симптоматичной и показательной для того скептического и иронического отношения к этим остаткам «старины», которое распространяется к середине XIX в. Наслоение иронического осмысления на общее значение таких слов, ранее занимавших привилегированное положение в старой стилистической системе, — явление естественное. Ср. судьбу таких слов, как *благодушие* (в Слов. 1847 указывается очень широкий ряд «положительных» его синонимов: *мужество, бодрость, великодушие, доброта души*; в употреблении последующего времени выступает явное смысловое ограничение его и своего рода сужение: «добродушие»[41]); *пресловутый* (в Слов. 1847 вообще «известный, знаменитый»; в современном употреблении живым осталось лишь ироническое его применение); *разглагольствовать* (в Слов. 1847: «беседовать, разговаривать»; ср. в современных словарях: «заниматься разглагольствованиями», а *разглагольствование* определяется обычно как «многословное и часто бессодержательное рассуждение»);[42] *славословие*

---

[39] Правда, след этого старого исходного значения сохраняется при переносном употреблении слова. Ср., напр., у Тургенева: «Образ Лизы восстал в его душе во всей своей кроткой ясности» (II, с. 257).

[40] В Слов. 1847, как уже сказано, последнее определяется еще только соотносительно с гл. *впечатлеть*: «действие впечатлевшего».

[41] Еще более резкому отрицанию подверглось слово *благонамеренный*, ставшее в демократической печати с середины века синонимом всего приверженного официально-реакционной программе. Здесь сыграло свою роль и то, что антоним слова (*неблагонамеренный*) в официальных кругах царской России также приобрел политическую окраску.

[42] Такое употребление широко представлено уже в критике 30-х гг., причем гл. *разглагольствовать*, сущ. *разглагольствование* (а также и употребительные

(Слов. 1847: «Хваление в песнях»; в современных словарях: «Восторженное и обычно неумеренное восхваление»); *хламида* (Слов. 1847: «*Церк.* Мантия, епанча, плащ»; в современных словарях: «*Разг. шутл.* Несуразная, широкая и длинная одежда»); *чувствие* (в Слов. 1847: «*Церк.* То же, что чувство»; в позднейшем литературном употреблении явно иронический оттенок — о чувствах нарочитых, излишне подчеркнутых или мелких).[43]

Заметим, кстати, что иногда смысловая эволюция славянизмов была связана с неожиданным контекстуальным осмыслением их в новой литературе. В этом смысле особенно показательна история слова *жупел*. Как известно, в церковных канонических книгах слово *жупел* употребляется для обозначения горящей серы или смолы (ср. определение его в Слов. 1847). В таком смысле его усвоил и поэтический язык XVIII—начала XIX в. (см. примеры такого употребления в Слов. Акад. 1897). На дальнейшее употребление слова (ср. в Слов. русск. яз.: «Нечто внушающее страх и вместе с тем непонятное; пугало») несомненно решающее воздействие оказала реплика «боящейся слов» купчихи Настасьи Петровны Брусковой в сценах Островского «Тяжелые дни» (1863): «Уж такая я робкая, право, ни на что непохоже. Вот тоже, как услышу я слово „жупел", так руки-ноги и затрясутся» (III, с. 322). От Островского слово было подхвачено и позднейшими авторами. См., напр., в «Братьях Карамазовых» Достоевского: «Мы даже обязаны.. не бояться иных слов и идей, подобно московским купчихам, боящимся „металла" и „жупела"» (X, с. 300—301). К концу века в публицистическом употреблении слово *жупел* лишается уже «внутренней формы», сохраняя, однако, сильную экспрессивность своего нового значения. Ср. у Чехова: «Обвинения огульны и строятся на таких давно избитых общих местах, таких жупелах, как измельчание, отсутствие идеалов, или ссылка на прекрасное прошлое» (VII, с. 260). В сущности связь со старым церковным значением уже оказалась утраченной.

Так введение в новые контексты литературной речи старых «возвышенных» слов церковнославянского источника не только сняло с них отпечаток прежней стилистической тональности, но и повлияло на изменение их значения, либо «сузив» его и придав ему более ограниченный терминологизированный характер (*впечатление*, *восприятие*), либо, напротив, «расширив» его (*возглас*), либо, наконец, просто переводя его в иную плоскость, иную сферу (*жупел*).

тогда его варианты *разглагольствие*, *разглагольство*) обычно сопровождаются отрицательными определениями, связанными с представлениями об устарелой классической, школьной риторике. Ср.: «Очень забавен наш учено-ораторский и дидактический язык. Это какое-то натянутое, растянутое, надутое, взбитое разглагольствие, которого ни слушатели, ни сам оратор без помощи лексикона и комментарий понять не могут» (Н. Г р е ч. Письмо в Париж к Я. Н. Толстому; Библ. для чт., 1834, I, с. 171); «В сравнении с его [Мирабо] отважным, могучим красноречием, красноречие жирондистов было школьное разглагольство» (Записки Мирабо и Барбе-Марбуа; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 87); «Оставшиеся в живых ждут, пока умрет Велизарий [в трагедии], — разглагольствуя риторическими фразами» (Бел., III, с. 320).

[43] Ср. в переводе А. Григорьева из Гейне:

> Романтический стиль отражался во всем
> (Был романтик в любви и в искусстве я):
> Паладинский мой плащ весь блистал серебром —
> Изливал я сладчайшие *чувствия*.
>
> (I, с. 93).

Чувствие как синоним чувства было раритетом, устарелым, «классическим» словом уже для карамзинистов. Позднее, в критике 30-х гг., иронической интерпретации подверглись и излюбленные последними слова *чувствительный*, *чувствительность*, воспринимавшиеся уже как синоним слезливого, сентиментального.

§ 7. Мы переходим теперь к наиболее характерной и обширной категории семантических или — точнее говоря — семантико-фразеологических изменений, захвативших в это время очень значительный круг слов. Эти изменения, при всем их разнообразии, носят ярко выраженный закономерный и систематический характер. Они сводятся к появлению на фоне основных собственных значений слов новых их образно-переносных осмыслений. С точки зрения чисто количественной, мы имеем здесь дело с так называемым «расширением значения», во всяком случае с расширением предметной отнесенности слова. С точки зрения фразеологической, дело идет о появлении новых типических, устойчивых сочетаний этих слов с другими словами, часто — о появлении целых обширных фразеологических серий. Этим характерным процессом семантико-фразеологического осложнения известных ранее прямых значений слов оказались охваченными к середине XIX в. различные слои лексики. Среди них и по числу относящихся сюда случаев, и по типичности общего хода семантико-фразеологической эволюции слов, и, наконец, по степени влиятельности на различные стили литературной речи особое место занимает чрезвычайно обширный круг слов научно-терминологического характера.

XIX в. был веком необычайно быстрого и плодотворного развития русской научной мысли. Особой интенсивности достигает это развитие к 60-м гг. в области точных наук и естествознания.

Развитие русской науки в эти годы имело не только исключительно важное значение для формирования ряда новых отраслей знания и решающего нового поворота исследования в ряде традиционных областей. Оно не только обогатило научную мысль новыми гениальными открытиями, расширявшими познание законов природы: открытием периодической системы элементов, созданием теории строения органических соединений, формированием нового объективного, физиологического направления в изучении высшей нервной деятельности и т. д. «Говоря о пробуждении естествознания, мы, конечно, — писал К. А. Тимирязев, — должны здесь иметь в виду не только развитие его в тесном круге специалистов, изучавших и двигавших науку, но и то общее движение, которое охватило широкие круги общества, наложило свою печать на школу(высшую и среднюю), на литературу, повлияло более или менее глубоко на общий склад мышления».[44] Глубокое влияние развития точных и естественных наук на общественную мысль этого времени и тесная связь и зависимость самого этого развития от общественного движения 60-х гг. бесспорны. С одной стороны, виднейшие представители русской науки (Сеченов, С. Ковалевская, В. О. Ковалевский, Мечников, Тимирязев и др.) испытали решающее воздействие революционно-освободительных идей 60-х гг. С другой стороны, развитие и распространение естественнонаучных идей и методов оказало сильнейшее влияние на формирование мировоззрения молодого поколения этого времени. Ярким примером того, какое решающее часто значение придавалось демократами распространению в обществе данных и выводов естественных наук, служит теория реализма Писарева. Он и сам был страстным пропагандистом достижений естествознания, и эта сторона его деятельности бесспорно оказывала сильнейшее воздействие на учащуюся молодежь.[45]

Но популяризация достижений точных и естественных наук имела уже у нас длительную традицию. В наиболее известных журналах 20—

---

[44] К. А. Тимирязев. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х гг. (Соч., VIII, 1939, с. 144).

[45] О значении этой стороны деятельности Писарева, внедрявшего в сознание своих читателей мысль об общей культурной роли естествознания, см. у Тимирязева (Соч., VIII, 1939, с. 175).

30-х гг. постоянно публиковались научно-популярные статьи и заметки об отдельных фактах, добытых наукой. С середины века появляется ряд специальных научно-популярных изданий («Вестник естественных наук» (1854—1860), основанный известным естествоиспытателем К. Рулье; «Библиотека медицинских наук» (1857—1864); «Акклиматизация» (1860—1863), «Популярная медицина» (1860—1862); «Вокруг света. Журнал землеведения, естественных наук, новейших открытий, изобретений и наблюдений» (1861—1868); «Природа и землеведение» (1862—1868) и др.). Литературные журналы демократического направления 60-х гг., особенно «Русское слово», также уделяли пропаганде научных знаний большое внимание.[46] Очень широк в 60-е гг. круг научно-популярных книг, особенно переведенных с других языков.

Характерной чертой для мировоззрения даже отдельных выдающихся представителей общественной мысли этих лет была склонность к переносу общих закономерностей, открытых в мире природы, и естественнонаучных теорий (особенно учения Дарвина) в область социологии, прямое применение их к истолкованию общественных явлений. Такие сопоставления и аналогии были следствием необычайно бурного развития новых естественнонаучных методов исследования, с одной стороны, и общей слабости домарксова материализма, не смогшего подняться до вполне последовательного проведения материализма в область понимания исторического процесса, с другой.

Глубокий и живой интерес к фактам и понятиям точных и естественных наук, увлечение новыми открытиями в их области, широкая популяризация естественнонаучных знаний наложили отпечаток и на язык того времени. Воздействие языка науки на фразеологию литературной речи было очень сильным. Характерные обороты научного языка, научная терминология вышли далеко за пределы специального употребления и свободно переносились в язык публицистических и художественных произведений. Этому способствовало объяснение и истолкование различных фактов исторического развития, социальных отношений и психологических движений отдельного лица в свете теорий и открытий из области точных и естественных наук. В различных произведениях часто появляются яркие аналогии, образные сопоставления фактов общественной и духовной жизни с фактами и явлениями, открытыми наукой о природе. Примеры подобного рода можно встретить, особенно в произведениях 60-х гг., во множестве и при этом у авторов различной идейной ориентации (но особенно, пожалуй, они часты у писателей демократического лагеря и нового поколения). Можно напомнить, напр., о том месте и роли, которые получили у Толстого в романе «Война и мир» понятия и символы механики и физики в рассуждениях о причинах, формах проявления и следствиях исторических движений человеческих масс. Эпизодически такие сравнения и образные аналогии являются по самым различным поводам. Ср., напр., у С. М. Соловьева: «Все здесь, на восточной равнине, отзывается первобытным миром, общество как будто еще в жидком состоянии, и нельзя предвидеть, в каком отношении найдутся общественные элементы, когда наступит время перехода из этого жидкого, колеблющегося состояния в твердое, когда все усядется и начнутся определения» (С. Сол., VII, с. 21). Ср. у Писарева (в «Очерках из истории труда») развернутое образное сравнение различных условий и явлений жизни страны с физиологией и патологией организма: «Дороги, реки и каналы страны могут быть названы кровеносными сосудами, в которых обращаются питательные соки общественного орга-

[46] См. в «Русском слове» многочисленные статьи на эти темы Д. И. Писарева (между прочим, его большую работу «Прогресс в мире животных и растений»), В. А. Зайцева, Н. В. Шелгунова и др.

низма; все люди, правильно понимающие действительные интересы общества, должны желать, чтобы эти питательные соки обращались как можно равномернее и быстрее, чтобы они не застаивались ни в каком месте кровеносной системы, чтобы нигде не происходило приливов и чтобы ни одна часть страны не страдала малокровием. Любители общественного блага, заграничной торговли и купеческих барышей находят, напротив того, что о быстроте и равномерности внутреннего обращения заботиться не стоит. Они полагают, что счастье страны будет совершенно обеспечено, если окажется возможность вскрыть одну из больших артерий и затем постоянно отсылать за море бочки вытекающей крови. Чем больше можно будет отослать этой крови и чем быстрее она будет притягиваться к ране и вытекать наружу, тем богаче и могущественнее будет становиться весь организм общества» (II, с. 297). И Писарев добавляет: «Это сравнение употреблено здесь вовсе не для красоты слога. Не трудно будет доказать, что оно буквально верно». Можно заметить, что последнее сравнение явилось на уже подготовленной почве. Оно представляет собою лишь развернутую образную реализацию такого привычного в это время сочетания, как «общественный организм». Но сами такие сочетания, сделавшиеся со временем привычными и устойчивыми, первоначально являлись новой смысловой реализацией первичных терминологически-определенных значений слов. Образно-символическая роль терминов и понятий естественных наук — благодарная тема для особого стилистического исследования. Лишь в такого рода исследовании можно проследить и подвергнуть анализу все индивидуальные случаи и вариации подобного употребления, выявить их функции и назначение в определенном идейно-образном контексте, установить их связь с общим замыслом произведения, место в его композиции и зависимость от идеологической его направленности. Здесь мы не ставим перед собою цель собирания и истолкования всех фактов этого рода. Ниже мы остановимся только на некоторых типических и устойчивых явлениях такого порядка, когда новые осмысления, новые фразеологические сочетания и новое употребление превратились из особенностей индивидуальной стилевой манеры или стиля отдельного литературного направления в языковой стандарт, в обычный способ речевого выражения, в определенную, готовую к услугам говорящих, единицу языка. Но наше исследование было бы однобоким, если бы мы не обратили внимание на одну сторону дела, существенную для понимания того, как появлялись, отслаивались и закреплялись в языковом употреблении эти новые «единицы». Я имею в виду первоначальную полемическую заостренность такого употребления. Часто эти термины в новом для них расширительном употреблении и переносном смысле в разговорной речи определенного круга интеллигенции, в публицистике, а затем и в языке художественной литературы становились словами излюбленными, несущими в себе особый смысл, словами-символами, выделявшими и подчеркивавшими новый строй понятий, новое отношение к явлениям действительности. Новые слова, новые формы фразеологического выражения нередко сознательно противопоставлялись старым. Степень их дальнейшего распространения, быстрота и прочность закрепления их в общем языке находились в прямом отношении к силе и степени влияния данных общественных групп и их речевой манеры на другие слои общества, на читателей. По мере распространения их в общем употреблении эти первоначальные краски, полемическая направленность их, подчеркнутая их образность постепенно стирались. Но зато являлись новые, уже привычные и устойчивые языковые «единицы», образовались новые серии ходовых фразеологических сочетаний, закреплялись новые устойчивые семантические связи слов, изменялись ряды синонимических соответствий и отношений между словами. Нельзя не

отметить, что в условиях демократизации культуры в России данного времени эти процессы совершались быстро, и путь от первоначального ярко полемического и подчеркнуто образного употребления этих слов до превращения их в привычные и устойчивые «фразеологизмы» был часто очень коротким.

В ходе этого процесса можно отметить характерную временную последовательность проникновения специальных терминов в общий литературный язык, связанную со сменою и постепенным усилением воздействия разных областей научных знаний на идеологию определенных кругов русского общества. Ранее других можно наблюдать образно-фразеологическое использование некоторых терминов математики, механики, астрономии, отчасти — химии и медицины. Отдельные случаи появления образно-метафорических значений у этих терминов отмечаются уже в языке XVIII и начала XIX в. (ср., напр., историю слов *сумма*, *сфера*, *горизонт*, *рычаг*, *точка зрения*). Но тогда мы чаще всего сталкиваемся еще со свободным образным употреблением таких слов. Так, нередко и в текстах XVIII—начала XIX в. являются медицинские понятия и термины как члены характерных сравнений. Однако лишь в очень немногих случаях это употребление приводит к созданию устойчивых, отложившихся новых осмыслений самих отдельных слов. Число таких случаев заметно возрастает начиная с 30—40-х гг. XIX в.

В 60-е гг. резко умножается число случаев образно-переносного употребления терминов биологии и медицины, значительная часть которых быстро приобретает устойчивость, постоянство в новом употреблении. Можно указать и на некоторые термины геологии, химии, физики, которые в эти годы имеют аналогичную судьбу (ср. появление новых фразеологических осмыслений у таких слов, как *инерция*, *кристаллизация*, *ископаемый*, *окаменелость* и др.).

Прослеживая пути распространения этих фразеологических серий, можно указать на определенные литературные направления, которые явились активными возбудителями и первыми носителями такого употребления. Так, попытки образно-метафорического применения специальных слов и выражений математики, физики, астрономии и химии явились в недрах художественной прозы, литературной критики и журналистики 30-х гг., испытавшей воздействие романтических стилей с их склонностью к эмфазе, аффектации и изысканности выражения, к субъективно-неожиданным особенностям словоупотребления и приемам сочетания слов, часто далеких по своему исходному смыслу. Совершенно не случайно приверженность к такому употреблению некоторых терминов обнаруживаем, напр., в повестях и очерках Бестужева-Марлинского и в журнале Сенковского «Библиотека для чтения» (в частности в повестях и статьях самого редактора журнала). Нет ничего удивительного и в том, что почин этих авторов имел быстрые и заметные последствия. Как ни эфемерны были слава Марлинского и успех «Библиотеки для чтения», их влияние в первой половине 30-х гг. было очень сильным, а популярность в читательских кругах этого времени очень обширной. Затем, со второй половины 30-х и особенно в 40-е гг., исключительное влияние получило словоупотребление Белинского и тех молодых писателей, критиков и публицистов, которые группировались вокруг него. В произведениях Белинского и писателей его круга переносное употребление ряда научных терминов (ср. *апогей*, *фаза*, *парализировать*, *зародыш* и *эмбрион* и нек. др.) приобрело уже устойчивость. Очень значительно было в этом смысле и воздействие стиля Герцена, также склонного к сопряжению генетически отдаленных слов; здесь часто и подчеркнуто сочетались образно-поэтические и аналитико-публицистические формы воспроизведения явлений и фактов действительности.

В 60-е гг. решающим было словоупотребление, складывающееся в среде демократической молодежи, испытавшей такое сильное, как мы уже видели, воздействие новых методов естественнонаучного исследования и находившейся под обаянием бурного расцвета естествознания. Быстрый успех новой фразеологии был тесно связан с формированием и консолидацией групп передовой молодежи, горячо воспринимавших материалистические убеждения. Круг молодых участников демократического движения 60-х гг., особенно разночинское студенчество, а среди них — студенты Медико-хирургической академии, были живыми разносчиками не только новых идей, но и новой манеры словесного выражения. Заметное место занимают характерные случаи образного и расширительного употребления естественнонаучных терминов в произведениях Чернышевского и Добролюбова. Многие случаи этого рода находятся в художественных и публицистических произведениях писателей-демократов 60-х гг., у Салтыкова-Щедрина, особенно начиная с первых его сатирических циклов 60-х гг. («Сатиры в прозе», «Признаки времени» и т. д.), у Н. Успенского, Решетникова, затем у Мамина-Сибиряка и др. Но особенно выпукло и броско представлены эти новые речевые тенденции в произведениях Писарева, а также других постоянных сотрудников «Русского слова». Здесь полемическое назначение подобной фразеологии выступает особенно наглядно.[47] Всем этим и можно объяснить то обстоятельство, что указанные новые фразеологические серии быстро закреплялись в речевом употреблении и входили в круг узаконенных и обычных выражений, нередко утрачивая при этом свою образность и полемическую заостренность. Часто требовалось всего лишь несколько лет, чтобы из разряда «индивидуальной» или групповой фразеологии они перешли в разряд фразеологии общелитературной, которой в качестве разменной монеты уже с равным усердием и успехом пользовались представители разных направлений. Из специфических речевых средств с особым идейно-стилевым заданием они превращались в привычное средство выражения понятий и обмена мыслями.

Характерна также та быстрота, с какой нередко появлялись и наслаивались на исходное терминологическое значение эти образно-литературные осмысления. Так, термин *инерция* начинает устойчиво употребляться около середины XIX в., но во второй половине 50-х гг. мы сталкиваемся уже с обычным его приложением к сфере общественных явлений; *акклиматизация* и в терминологическом и в образно-расширительном смысле начинает употребляться одновременно (в 60-е гг.) и т. д. Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что подобное же явление, т. е. распространение в литературном употреблении и метафоризация научных терминов, создание устойчивых фразеологических сочетаний с ними, проходило параллельно и в ряде языков Западной Европы. Это тем более важно учесть, что значительная часть специальных терминов, захваченных указанным процессом, была у нас заимствованной. В ряде случаев не только сами эти слова-термины были заимствованными, но и их образно-переносное применение привносилось непосредственно в русский язык с иноязычной почвы. Так, очевидно, обстояло дело со словами *апогей*, *фаза* (*фазис*), *доза* и нек. др. Здесь мы имеем дело собственно не с особой эволюцией значений этих специальных слов в русском языке, а с независимым, «двукратным» заимствованием слов в русский язык, сперва в качестве специального термина, а затем и как члена особых фразеологических сочетаний. Это, впрочем, не снимает во-

[47] См. об этом подробнее: Ю. С. Сорокин. Естественнонаучная лексика в публицистике Д. И. Писарева (Уч. зап. ЛГУ. Серия филолог. наук, вып. 16, Л., 1949, с. 137—183). Впрочем, ряд частных выводов этой статьи требует существенных поправок.

проса о соотношении различных значений и осмыслений данных слов в определенную эпоху развития русского языка.

По характеру связей новых осмыслений этих слов с их исходными, номинативно-специальными значениями, а также и в зависимости от дальнейшей судьбы этих слов и сочетаний слов в литературном языке можно выделить несколько различных их групп.

В одних случаях имеет место появление у терминов на основе их прямого номинативного значения особых образных применений его. Эти образные применения могут, в свою очередь, сохранять в дальнейшем непосредственную, явную и прозрачную связь с основным значением, являются его сознательной образной реализацией; в этих случаях прочно сохраняется семантическая двуплановость слова (ср. ниже примеры употребления слов *анатомия*, *барометр*, *лаборатория* и т. д.). В этих случаях было бы неосторожно говорить о новых значениях слова; перед нами только примеры его особого речевого употребления, хотя нередко и лишенные индивидуальной обособленности, возведенные в тип, даже стандартизованные.

С другой стороны, закрепление слова-термина в его новом образном применении, его частая повторяемость в этом смысле, превращение новых сочетаний слов в ходячий фразеологизм может вести к постепенному потускнению образа, к стиранию исходных связей его с основным значением. Однако эти связи ощущаются, и терминологическое номинативное значение остается все-таки единственным собственным значением слова, а его переносное значение является несвободным, зависимым от определенных сочетаний, возникающим в сознании только при определенных фразеологических условиях (ср. слова *нерв*, *пульс*, *рецепт*, *эпидемия*, *атмосфера* и т. п.). Естественно, что степень стертости языковой метафоры может быть очень различной и зависит от длительности и частоты употребления слова-термина в его новом значении, от обычности и широты новых его фразеологических связей и т. д.

Далее, новое расширительное применение слова-термина с его специальным значением может привести к утрате старых, генетических отношений, к утрате ощущения семантического «переноса», вплоть до того, что старое специальное значение оказывается лишь частным случаем нового расширительного общего значения его (ср., напр., судьбу слов и выражений *кризис*, *хронический*, *фаза*, *фактор*, *точка зрения* и т. д.). В ряде случаев этот процесс отрыва нового значения от старого приводит и к явной омонимии, к тому, что специальное значение и общее литературное уже не связываются вообще между собою, а живут «разными домами» (ср., напр., *обструкция* как обычное книжное слово и как медицинский термин («запор, завал в кишечнике»), *апогей* как член обычного фразового сочетания (*в апогее чего*, *достичь своего апогея*) и как астрономический термин).

Чем фразеологически более замкнуто нетерминологическое употребление таких слов, тем менее ощущается первоначальная связь указанных значений (ср., кроме приведенных примеров, также *зенит*). В отдельных случаях, при других благоприятных обстоятельствах, новые переносные значения при своем усилении способствуют вообще постепенному исчезновению старых значений и в таком случае сами становятся основными, прямыми и единственными значениями слова (ср. судьбу слов *поветрие*, *кругозор*).

В ряде случаев распространение слов-терминов в литературном языке вообще не ведет к появлению новых образных осмыслений и переносных значений, имеет место лишь простое расширение значения и сферы употребления слова; из специального термина слово превращается в обычное книжное слово с очень разнообразным и широким кругом своего приме-

нения (см. замечания о словах *площадь*, *показатель*, *построение* и др.).

Ниже мы даем перечень отдельных слов-терминов, получивших расширительное употребление или новые переносные значения в литературном языке 1830—1890-х гг. Мы вынуждены ограничиться здесь лишь краткими сведениями об истории возникновения этих новых значений и лишь отдельными характерными примерами их нового употребления в литературном языке. Слова группируются прежде всего по генетическому признаку, т. е. речь идет о судьбе терминов отдельных отраслей науки (ср. сделанное выше замечание о хронологически разновременном вовлечении специальной терминологии, относящейся к различным отраслям научного знания). Процесс, так интенсивно развернувшийся в середине XIX в., не ограничивается лишь рамками данного периода. Как мы уже говорили, аналогичные явления эпизодически наблюдаются в предшествующее время, а некоторые случаи переносного употребления специальных терминов наследуются от более раннего времени и в начале изучаемого периода лишь получают свою полную силу, становятся установившимся обычаем. Этот процесс и не заканчивается в XIX в. Он продолжается, только уже не с такою интенсивностью (если говорить о собственно научных терминах), и доходит до нашего времени. Новые термины, в силу тех или иных обстоятельств, вовлекаются в орбиту русской литературной фразеологии. Так, уже в наши дни, напр., терминированное сочетание *цепная реакция* становится все более популярным фразеологизмом. Ср. также сочетание *вывести на орбиту*, образно-переносное употребление таких терминов, как *вирус*, *злокачественная опухоль* и т. п.

§ 8. А. **Термины математики.** Хронологически новые осмысления и новое употребление у большей части относящихся сюда специальных терминов, вышедших за пределы узко специального применения, складываются в 30—40-х гг. и становятся обычными в литературном употреблении к середине века. Лишь у отдельных слов находим примеры расширительного употребления, относящиеся к предшествующему времени (ср. *сумма*). Сравнительно немногочисленны здесь и те случаи, когда новые расширительные и переносно-образные значения у математических терминов появляются позднее, в 60—70-е гг. (ср. *прямолинейный фактор*; сочетания *уравнение с одним*, *двумя* и т. д. *неизвестными*, *сделать поворот на 180 градусов* и т. п.). Численно эта группа терминов, вовлеченных в общее употребление, сравнительно не велика, но тем не менее занимает заметное положение. Эти слова и выражения в новом своем качестве становятся очень популярными, выступают в языке представителей разных направлений, в произведениях различных жанров. В большей части новое употребление складывается в публицистических стилях речи или под их воздействием. В отдельных случаях образно-переносное применение терминов складывается также в разговорной речи интеллигенции, учащейся молодежи (ср. *в квадрате*, *в кубе*). В этой среде появляются и некоторые новые сочетания, с шутливым использованием слов-терминов (ср. *ноль внимания*).

С точки зрения семасиологической мы имеем здесь дело по преимуществу с простым расширением значения, обусловленным переходом слова из специально-терминологического в общее употребление. В сравнительно немногих случаях имеет место более значительная модификация значения. Немного и случаев фразеологически связанного и образного применения математических терминов, слов и сочетаний.

К случаям простого расширительного употребления терминов относятся:

Выкладка. Слов. 1847 указывает на три значения слова:

«1) Действие выкладывающего и выклавшего. Выкладка товаров. 2) Нашивка на полях и на подоле женского платья. Нашивать выкладку.

3) Вычисление. Алгебраическая, арифметическая выкладка». Ни Даль, ни Слов. 1892 не отмечают еще расширительного применения этого терминологического значения. В Слов. совр. русск. лит. яз. при значении: «Вычисление, цифровой расчет» указывается также и более общее употребление: «Расчет, предположение». Ср. примеры этого употребления начиная с 40-х гг.: «Надо подвергнуть их учения холодным выкладкам ума» (В. Майк., II, с. 31); «Что же касается до массы простого народа, то он, конечно, не занимался теоретическими выкладками» (Писар. (Павл.), III, с. 123).

Несоизмеримый, соизмеримый. (См. о слове *несоизмеримый*: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. В сб.: Cercetări de lingvistică. Anul III. Supliment. Bucureşti, 1958, p. 539). В Слов. 1847: «*Мат.* Не имеющий с чем-либо общей меры; иррациональный». Той же пометой и соответствующим толкованием и специальными речениями сопровождается это слово у $Д^1$ и $Д^2$. Слово *соизмеримый* в этих словарях отсутствует. См. Толль: *несоизмеримые, соизмеримые величины.* С середины века выступает и в общем употреблении. Ср. в письме Л. Н. Толстого П. Д. Боборыкину от июля—августа 1865 г.: «Цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях» (LXI, с. 100). См. также: «Немая [девочка] на бумаге и немая в действительности оказывались несоизмеримыми величинами» (Мам.-Сиб., ПСС, III, с. 134); «Мы слишком идеально смотрим на женщин и предъявляем требования, несоизмеримые с тем, что может дать действительность» (Чех., IX, с. 620).

Соизмеримый находим у Герцена еще в статье 30-х гг.: «Гайдн берет человеческое в жизни романтически; он соизмеримее, понятнее для толпы» (I, с. 73).

Площадь. Помимо общего бытового значения: «Ровное, незастроенное и значительно пространное место в городах или селениях для народных увеселений, для торга и пр.», Слов. 1847 указывает (с пометою «*Мат.*») также: «Пространство, ограниченное какими ни есть линиями, начерченными на плоскости». $Д^1$ с пометою *геомтр.*: «Ограниченная чертами плоскость или поверхность». Однако с 1850-х гг. в публицистических и даже художественных произведениях встречаем слово в этом смысле в применении к описанию различных предметов, протяженных в пространстве. Слово в этом значении теряет свой специальный характер. Ср. у Гончарова: «Солнце блистало.., освещая до самого горизонта густую и неподвижную площадь океана» (II, 124); «Восточная часть этой обширной площади, не занятая славянами, едва могла назваться населенною» (Черн., II, с. 404); «Было устроено два стеклянных завода, которые.. истребили громадную площадь лесов» (Салт., XVII, с. 40) и др. под.

Показатель. Помимо общих личных значений: «1) Показывающий что-либо» и «2) Объявитель, доказчик» (которое уже во второй половине XIX в. оказалось устарелым), Слов. 1847 дает специально-терминологическое: «3) *Мат.* Число или буква, поставленная с правой стороны над количеством для означения степени, в которую оно возвышается», а также терминированное сочетание: «*Показатель содержания.* Отношение последующего члена к предыдущему в геометрической прогрессии». Возможно, не без влияния этих терминологических значений складывается с середины XIX в. новое употребление слова *показатель* в отвлеченном смысле в применении к различным фактам и явлениям. Ср.: «Направление и содержание литературы может служить довольно верным показателем того, к чему стремится общество» (Добр., II, с. 224); «[Статья Добролюбова

«Забитые люди»] может служить как бы показателем степени влияния Достоевского на современников» (Михайловск., V, с. 50) и т. п.

Периферия. Слов. 1847: «*Геом.* Окружность криволинейной фигуры»; Д: «Окружность, окраина округлой плоскости, или вообще все части или полоса, более удаленные от середины». Уже к середине века сталкиваемся и с расширительным употреблением термина, а также с некоторыми случаями образного его применения. Ср. в очерке Герцена «Вторая встреча» (1836): «Все в провинции отнесено к губернатору, понятно чрез него; он — центр, остальное — периферия» (I, с. 126); в статье А. Григорьева «Русская литература в 1851 г.»: «Каждая литературная эпоха имеет своего главного представителя.. В нем, как в фокусе, совмещаются ее художественные и моральные задачи, она живет под его могущественным влиянием, она вся представляет собою, так сказать, периферию его личности» (I, с. 8); в воспоминаниях И. С. Тургенева «Встреча моя с Белинским» (1860): «Можно быть человеком всегда умным, блестящим и замечательным и находиться в то же время на периферии, на окружности, если можно так выразиться, своего народа» (XI, с. 238).

Построение. Слов. 1847 дает очень скупое толкование. С одной стороны, отмечается общее значение: «Действие построившего»; с другой — приводится сочетание: «Построение геометрическое. *Мат.* Чертеж, служащей для доказательства какой-либо истины». Любопытно, что Д[1] вообще игнорирует употребление этого слова в отвлеченных контекстах. С 30-х гг. XIX в., однако, уже является и становится устойчивым употребление слова в применении к логическим рассуждениям и доказательствам. И здесь не исключается воздействие математического способа выражения. Ср.: «Вся жизнь его была одна математическая выкладка, так что одна ошибка в расчете могла уничтожить все гигантское построение его жизни» (И. Киреевск., II, с. 183); «Это была часто гениальная пророческая непоследовательность, насильно врывавшаяся в бесстрастные и суровые логические построения» (Герц., II, с. 73); «„Отвлеченное построение“ есть произвольное развитие системы на основании предположения» (Огар., I, с. 697); «За их [Дон Жуана, Фальстафа, Ноздрева] похотливостью, плотоядностью, гнетущим инстинктом самосохранения, лганьем и проч. виднеется целое психологическое построение, объясняющее эти качества» (Салт., VIII, с. 451) и др. под.

Расхождение. Слов. 1847 указывает только на специальное употребление слова: «*Геом.* Состояние двух линий, друг от друга удаляющихся». Даль дает более широкое, хотя и связанное еще с геометрическими представлениями, определение: «Взаимное отклоненье друг от друга двух или более направлений». Широкое употребление слова в публицистическом языке в применении к отклонениям не только пространственным, но и к разногласиям в практической жизни и теоретической сфере складывается только в последние десятилетия XIX в. Ср.: «„Вестн. народн. воли“ признает жизненное значение „более или менее заметных расхождений между русскими социалистами“» (Плехан., I, с. 119).

Сумма. В Слов. 1847: «1) В арифметике: количество, равное двум или многим, вместе сложенным числам; 2) Количество денег. Казенные суммы». Хотя САР, Слов. Сок. и Слов. 1847 не отмечают возможностей расширительного применения этого термина, оно складывается, видимо, еще в конце XVIII—начале XIX в. См. примеры такого употребления слова в произведениях первой трети XIX в. Веселитск., с. 103—104. С 30-х гг. сущ. *сумма* (как синоним слов *целое*, *совокупность* в сочетании со словами, обозначающими как конкретные предметы, так и отвлеченные понятия) уже очень обычно и в публицистике и затем в художественной литературе. Ср., напр.: «Взглянем мимоходом на сумму богатств, которыми этот процесс наделяет ежегодно род человеческий»

(О мире и его создателе (перев.); Библ. для чт., 1834, № 3, с. 214); «Не таково человечество, т. е. общая сумма всех частных бытий, взятая вместе» (Н. Полевой. О романах В. Гюго; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 92); «Но как увеличит сумму убеждений такой человек, который незнаком был и с тем, что оно [общество] решило?» (В. Майк., I, с. 51); «В сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых.. у нас, из скромности, молчат» (Гонч., III, с. 387—388); «Сумма нескольких счастливых попыток образовала собой реформацию» (Писар. (Павл.), III, с. 121); «Я и сам понимаю ту сумму негодования, которую он [Федор Павлович] накопил в сердце своего сына» (Дост., X, с. 238; в речи прокурора) и т. д.

И здесь мы, конечно, сталкиваемся с простым распространением употребления слова, без изменения его значения, но это употребление вносит в контексты публицистического и художественного характера отпечаток научного стиля изложения. Иногда это выступает особенно рельефно. Ср. следующие примеры, где в публицистический контекст явно привносится тон математического рассуждения: «Выражаясь языком арифметики, сумма ума одного народа сравнительно с суммою ума другого определяется относительной цифрой 1) образованных деятелей; 2) открытий и изобретений, которыми обогащает себя общество» (Благ., с. 205); «К подобному умозаключению пришел и я, читая книгу гг. Керби и Сиэнса, — умозаключение тем менее лестное для этих господ, что их — двое и что, следовательно, сумма здравого смысла, которую я вижу в них, должна быть разделена на двух» (Русск. слово, 1863, № 7, Библиографический листок, с. 45).

Ср. такую же эволюцию у сочетания *в сумме*, употребляемого с общим значением «в целом». Напр.: «История следит за процессом развития последних [отдельных частей человечества], не упуская из виду той главной идеи, что в сумме они составляют неумирающее человечество» (В. Майк., II, с. 231); «На вопрос, ..благо она [цивилизация] или зло, можно отвечать.., смотря по тому, какие результаты получаются от нее в общей сумме, для всего народонаселения, а не для некоторой только части его» (Русск. слово, 1865, № 1, Библиографический листок, с. 74) и др. Значительно реже, в том же расширительном смысле употребляется в эти годы и гл. *суммировать(ся)*: «В младенческом обществе в поэзии суммируется вся умственная жизнь человека» (Ткачев, VI, с. 328).

Фактор. В Слов. 1847 среди других значений («распорядитель в типографии» и «исполнитель частных поручений») указывается и математическое: «В арифметике: множитель». Впервые в словарях иностранных слов 60-х гг. дается и более широкое истолкование этого специального значения; ср. Гейзе и Мих. 1865: «Вообще действующие составные силы, от взаимного действия которых происходит целое, как продукт». (Впрочем, ср. еще у Галича в словаре, приложенном к ч. 2 «Истории философских систем»; 1819, с. 317: «*Фактор* — всякая разнородная часть, входящая в состав однородного целого»). Ср. Д[1]: «В математике множитель, и вообще — член, входящий в сложный вывод». Употребление слова в этом общем смысле восходит к публицистике 50—60-х гг. Ср.: «От постоянного обновления крови зависит питание, дыхание, вся растительная жизнь.. Где недостает одного фактора, там и вся сумма будет неверна» (Писар., I, с. 396); «Повсюду успех производства является произведением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда» (Черн., IX, с. 219); «Мысль есть главный и неизбежный фактор всех человеческих действий» (Салт., VIII, с. 384); «Не один ум человеческий был главным фактором и в новой европейской истории» (А. Щапов. О влиянии гор и моря на характер поселений; Русск. слово,

1864, № 3, с. 105) и др. Генетическая связь общего значения с математическим несомненна. Но также бесспорно и то, что уже почти с начала расширительного употребления термина в языке публицистики это общее значение («одна из действующих сил») становится доминирующим. Ср. и новые сочетания с этим словом: *психологический фактор, социальный фактор, исторический фактор* и т. п. Напр.: «Все эти мрачные явления [в американской жизни].. вызваны некоторыми сторонами основного, социального фактора, господствующего в нашу эпоху, — а именно горячкою быстрой и легкой наживы» (Я. П-р. Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 158); «Вопрос труда и хлеба делается главным фактором истории, влияющим на все события нашего времени» (Дело, 1869, № 10, Новые книги, с. 73).

Для полноты картины следует также указать на распространение в публицистической речи таких слов, как *масштаб, процент, цифра, центр*. Ср. при слове *масштаб* еще в Слов. Гейзе помету «*мат.*» с определением: «Разделенная на меры линейка». Только специальные значения указывает и Слов. 1847. Но уже в литературе 40—50-х гг. *масштаб* становится обычным «научным» синонимом слова *мера*. Ср. в «Карманном словаре иностранных слов» Кириллова: «Единственная мера (масштаб), которою везде руководствуются, состоит в количестве имущества гражданина..» (вып. 1, СПб., 1845, с. 123); «Но так ли легко определить.. самый масштаб нового распределения богатства?» (В. Майк., II, с. 76); «— Я нисколько не желаю этого, — несколько раздражительно, т. е., по масштабу его самообладания, совершенно теряя власть над собою, возразил Борис Константиныч» (Черн., XII, с. 59). Ср. и в сочетаниях *в масштабе* чего («в размере, в пределах»): «Ведь эта огромность [действий Ивана III] замечается.. единственно в самом масштабе государства» (В. Майк., I, с. 79); *прилагать, прикладывать* (какой-либо) *масштаб* к к чему-либо: «Понятно, что простые и недальновидные люди были не прочь от того, чтобы прикладывать тот же самый привычный масштаб к религиозным вопросам» (Писар. (Павл.), IV, с. 390); *измерять* каким-либо *масштабом*: «Финансовый дефицит должен измеряться таким же масштабом» (там же, III, с. 133) и т. п.

Любопытно, что в Слов. 1847 при слове *процент* указываются лишь следующие его частные значения: «Рост на капитал; лихва, вершки» и «Плата с цены товара, продаваемого по поручению», и игнорируется его общее значение (ср. у Даля: «Счет или цифра, означающая доход или плату с сотни»). Но в 1850—1860-х гг. в научных и публицистических жанрах уже часто является слово *процент* в сочетании со словами, обозначающими разные понятия, подвергаемые количественному анализу, с общим арифметическим значением «сотая часть».

Ср. также излюбленные уже в 60-е гг. выражения *математически точно, с математическою точностью* и т. д., когда речь идет об ответственной констатации тех или иных явлений. Напр.: «Почти с математическою точностью можно утверждать, что на одну хорошую переведенную книгу приходится сотня негодных» (Русск. слово, 1863, № 6, Библиографический листок, с. 41—42); «Математически точный анализ изучаемого предмета и обобщение причин, порождающих тот или иной факт, в социальной науке есть единственно правильный метод» (Русск. слово, 1864, № 1, Домашняя летопись, с. 51). Ср. также: «Невозмутимо мирно, математически правильно сложилась и идет изо дня в день, из года в год жизнь в крошечном нейтральном государстве этой квартиры» (А. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят; Дело, 1871, № 1, с. 20) и т. п.

Вообще следует заметить, что дело не исчерпывается лишь переходом отдельных математических терминов в общее употребление. На литера-

турную речь оказывают воздействие и характерные особенности математического изложения, «слога» математических работ, усваиваются не только отдельные термины, но и характерные его обороты. Ср., напр., *что и требовалось доказать*: «— Нет, — воскликнула Надя, — .. После того, чему я была свидетельницей в Белых столбах, я ничего уже не хочу иметь с вами общего! — Что и требовалось доказать, — насмешливо поклонился ей в ответ Брусков» (К. Орловск., II, с. 187); *спрашивается* — как приступ к постановке вопроса: «Спрашивается, что лучше: полнейшее невежество или подобное образование?» (Благ., с. 210); «Спрашивается, труд ли это, или игра? (Писар. (Павл.), III, с. 196); *прямо* (*обратно*) *пропорционален*, *в прямой* (*обратной*) *пропорции* и т. д.: «Кто хочет понимать Англию, тот не должен спутывать двух совершенно различных ее начал — политического и социального. Прогресс первого пропорционален отсталости второго» (Благ., с. 142); «К сожалению, Спенсер совершенно верно замечает, что консерватизм всякой организации прямо пропорционален ее совершенству» (Плехан., I, с. 129); «Если г. Шавров допускает пропорцию: „чем больше разлито [образование в массе народа], тем лучше и выше“, то он, по всем правилам здравой человеческой логики, должен допустить и обратную пропорцию: „чем меньше разлито, тем хуже и ниже“» (Писар. (Павл.), IV, с. 494); «Прибыль народонаселения, а вместе с тем и понижение задельной платы за труд принадлежат [по Боклю] в обратной пропорции тропическим климатам, а убыль народонаселения и повышение задельной платы — полярным» (Благ., с. 188) и т. п.

Сравнительно немного таких случаев, когда у математических терминов, на базе их основного значения, сложились особые значения и очень специфические применения их в литературном языке, но они также очень характерны. Так у слова *единица* (ср. определения его значений в Слов. 1847: «Всякая вещь, взятая особо от других, подобных ей»; «Мера, которою измеряются однородные с нею величины»; «Числительный знак») еще в 20-х гг. является применение к индивидууму, личности (ср. у Пушкина («Евгений Онегин», гл. II, XIV): «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя»). На базе значения «мера измерения» являются также новые обособленные сочетания (ср. в материалах Кеппена фиксацию явившегося в середине XIX в. сочетания *монетная единица* и т. п.).

Более далекую и сложную эволюцию значения можно отметить у прил. *прямолинейный* (см. об этом: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. В сб.: Cercetări de lingvistică. Anul III. Supliment. Bucureşti, 1958, p. 537—539). Еще в Слов. 1847 при нем даются только специальные определения и примеры: «1) Относящийся к прямой линии. Прямолинейная тригонометрия. 2) Ограниченный прямыми линиями. Прямолинейное направление. Прямолинейная плоскость». Во второй половине XIX в. складывается новое применение прилагательного к психологической, духовной характеристике лица (подобная эволюция от значения, относящегося к сфере видимых, материальных представлений, к значению, относимому к явлениям психической, умственной жизни, обычна для данного времени). Значение «не склонный к уступкам и компромиссам, всегда последовательный, откровенный независимо от обстановки, без соображения с обстоятельствами» сформировалось у этого слова, видимо, не ранее 60—70-х гг. (Даль еще не отмечает его). Его появление было подготовлено несколько более ранними образно-расширительными применениями термина. Ср. у Добролюбова: «Совершенно логического, правильного, прямолинейного движения не может совершать ни один народ» (V, с. 458). Новое значение слова, явившись на базе этих образных применений, в условиях фразеологичес-

кой обособленности, быстро отпочковалось от исходного терминологического значения и потеряло свою образность. Это связано с быстрым распространением его как в литературном, так и в разговорном употреблении. Ср.: «Тюменев был человек.. чрезвычайно сухой и черствый, прямолинейный, как называл его обыкновенно Белышев» (Писем., XX, с. 145); «Это был человек твердый и неуклонный, упорно и прямолинейно идущий к своей точке» (Дост., IX, с. 119) и т. п.

Возможны связи с кругом математической терминологии и у прил. *разносторонний* («широкий, многообразный» в отношении ко взглядам и интересам лица). Ср. в Слов. 1847 только специальное истолкование слова: «Имеющий неровные стороны. Разносторонний треугольник». В новом смысле встречается уже с 30-х гг. Ср.: «Сколько разносторонних сведений, сколько любознательности» (Вяз., X, с. 179); «В мелких своих сочинениях.. Пушкин разносторонен необыкновенно» (Гог., VIII, с. 54).

Впрочем, во-первых, прил. *разносторонний* употребилось и ранее, с иным общим значением (пространственным): «исходящий с разных сторон» или «находящийся на разных сторонах». Ср. в «Душеньке» Богдановича: «Зефир.. Душеньку тогда, летящую на низ, Прикрыв воскрилием своих воздушных риз От всякой наглости толпы разносторонной, Как должно подхватил» (И. Ф. Богданович. Соч.. СПб., 1848, с. 83); в «Старой записной книжке» Вяземского: «Англичане разносторонне трунили друг над другом» (X, с. 192). Во-вторых, не исключено, что прил. *разносторонний* в новом его значении явилось как самостоятельное аналогическое образование по типу *односторонний*, *всесторонний* (последнее было калькою нем. allseitig, явившеюся в 30-х гг. XIX в.).

Можно отметить еще появление общего широкого значения у сочетания *диаметрально противоположный* («совершенно противоположный»), *диаметральная противоположность*. Такое употребление восходит еще к 30-м гг. XIX в. Ср.: «По трезвом размышлении я решился не только не писать ничего такого, о чем толковал мне почтенный мой профессор, но в диаметральной тому противоположности зачал писать о таких предметах, которые в прежнее время могли бы возбудить разве один смех» (Авторский вечер. СПб., 1835, с. 22); «О вкусах спорить трудно, особенно там, где вкусы диаметрально противоположны» (Бел., II, с. 465); «Таких людей нельзя не уважать, хотя бы с ними и был диаметрально противоположен в воззрении» (Герц., II, с. 244) и т. д. Эпизодически нареч. *диаметрально* встречается в переносном смысле и в иных сочетаниях.

Особняком стоит эволюция двух слов, обозначавших специальные математические символы *плюс* и *минус*. Как известно, в современном литературном языке, с одной стороны, на почве расширительного употребления этих слов, они выступают как служебные слова для обозначения присоединения или, соответственно, отнятия чего-либо; с другой стороны, переносно — в предикативном употреблении — для обозначения чего-либо положительного, каких-либо достоинств и преимуществ и, соответственно, чего-либо отрицательного, каких-либо недостатков и слабостей. Оба употребления сложились в 30—60-х гг. Ср., с одной стороны: «Как всякая словесность, так и эта юная, или, правильнее, юношеская, должна была вполне отразить на своих страницах мысли, желания, понятия, философию своих производителей + плюс (так! — *Ю. С.*) пылкость, наглость и самонадеянность неопытного их возраста» (Словесность во Франции; Библ. для чт., 1834, № 11, с. 65); «Кроме эгоизма, есть натяжки у людей, гипостазия эгоизма, он начало и конец всего, плюс гордость и желание наслаждений» (Герц., II, с. 283); «Когда Наполеон открыл действия против Пруссии, у него было 200 000 превосходного войска плюс его собственная гениальность» (Н. Языков [Шелгунов]. Еще о просвети-

тельной неумелости; Дело, 1876, № 8, с. 25). С другой стороны (примеры не ранее 60-х гг.): «Эгоизм и гуманизм есть плюс и минус того, что мы разумеем под словом любовь» (Н. Соловьев. Теория пользы и выгоды; Эпоха, 1864, № 11, с. 12); «Встречаясь с Фридрихом II, мы говорим: это — плюс, это — передовой человек, который шибко толкал людей вперед. А чем толкал? — Умом и бессовестностью. Встречаясь с Людовиком IX, мы говорим: это — минус, это — отсталый человек; он упорно тянул людей назад. А чем? Тупоумием» (Писар. (Павл.), IV, с. 399); ср. «Жизнь изучается не по одним только плюсам, но и минусам» (Чех., XIV, с. 258) и т. п.

* * *

На базе математической символики, слов и сочетаний математического языка в середине XIX в. сложилось несколько устойчивых фразеологизмов литературной и разговорной речи. Таковы сочетания *свести* (*привести* и т. п.) *к* (*одному*, *общему* и т. п.) *знаменателю*, *сделать* и т. п. *поворот на 180 градусов*, *равно* (*равняется*) *нулю*, *свести к нулю* (*довести до нуля*), *в квадрате*, *в кубе* (что-либо), *неизвестная величина* (ср. *средняя величина*), *уравнение со многими* (*с двумя* и т. п.) *неизвестными*. Ср. также разговорное *ноль внимания*, а также *чистый* (*полный*, *совершенный*) *нуль*.

Свести к (одному) знаменателю и т. п. «Препровождение времени у персиян различно, но большею частью сводится к одному знаменателю» (Москвит., 1853, № 8, Критика и библиография, с. 142); «Уважение к действительной жизни, недоверчивость к априорическим, хотя бы и приятным для фантазии, гипотезам, вот характер направления, господствующего ныне в науке. Автору кажется, что необходимо привести к этому знаменателю и наши эстетические убеждения» (Черн., II, с. 6); «Австрия.. принялась после революции подводить всех под один знаменатель, убедившись, что иной раз не сладишь с национальностями» (Герц., XIV, с. 103); «Естественные стремления человечества, приведенные к самому простому знаменателю, могут быть выражены в двух словах: „чтоб всем было хорошо“» (Добр., VI, с. 307). Ср. в эзоповском стиле Щедрина с особыми ассоциациями (о произволе самодержавия): «[Митрофан] мечется из угла в угол, обещая все привести к одному знаменателю» (Салт., X, с. 45). См. в сказке «Ворон-челобитчик» угрозы новых начальников Кречета и Ястреба привести пернатых «к одному знаменателю» (XVI, с. 237).

Нуль. а) *Равно* (*равняется*) *нулю*: «Вы открыли новый мир, я не открыл ничего, что по системе новых германских философов одно и то же, ибо, по их мнению, неизъяснимо-великое и неизъяснимо-малое равно нулю (=0), а два нуля совершенно равны между собою» (Ф. Булгарин. Послание губернского секретаря Петушкова к Христофору Коломбу; Библ. для чт., 1835, № 1, с. 87); «Там, где между производителем и потребителем нет препятствий, там роль купца равняется нулю» (Писар., II, с. 288); «Наши культурные силы равняются нулю» (Благ., с. XXVI) и т. д. б) *Дойти* (*довести, свести* и т. п.) *до нуля*...: «Если же вам желательно, чтобы эта опасность уменьшилась до нуля, то сделайте вот что..» (Писар., IV, с. 150); «Потом они стали приспособляться уже не к сей жизни, а к будущей, доведя до нуля признаки, по которым можно было догадаться, что они еще живут» (Карон., с. 239);ср.: «Но неужели русский интеллект сошел на нуль?» (Н. Шелгунов. Народный реализм в литературе; Дело, 1871, № 5, с. 5) и т. д. Часто (преимущественно в предикативном употреблении) в смысле указания на ничтожность чего-либо или кого-либо. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя» (гл. II, XIV);

«В том и в другом случае итог для поэзии и для славы автора один и тот же — *нуль*» (Бел., IV, с. 118); «Впрочем, кажется, еще нечего бояться итога, состоящего из одних нулей» (там же, с. 410); «А теперь он нуль: в свете о нем позабыли» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 101); «Эти „Два призрака“ [роман Фан-Дима].. суть самое „призрачное“ явление современной литературы — четырехтомный нуль, огромное вместилище слов без значения и фраз без содержания» (Бел., VI, с. 104); и т. п. Ср. случаи более образной реализации «математического» способа выражения: «Есть яды, взаимно друг друга уничтожающие и одновременное действие которых должно произвести в результате нуль, есть яды, которые, при несоразмерно-усиленном употреблении, тоже не расстраивают организма, а дают в результате нуль. Точно то же следует сказать и о ядах литературных» (Салт., V, с. 397); «Эти сотни тысяч бедняков ничто, нуль, меньше даже нуля — отрицательная единица» (К. В. М[ещерский]. Тайны современного Петербурга, ч. I. СПб., 1876, с. 381). Часто с определениями, из которых наиболее постоянны *чистый*, *круглый*. Ср.: «В конечном результате получилась бы чистейшая теократия, или же получился бы чистый нуль, т. е. независимая теоретическая власть, придуманная Контом, принуждена была бы или захватить в свои руки все отрасли политического господства, или же отказаться от своей независимости и подчиниться светскому правительству» (Писар. (Павл.), V, с. 376); «У них ничего не осталось, кроме широких аппетитов, привычек к бесшабашной роскоши и круглого нуля впереди» (Мам.-Сиб., ПСС, VIII, с. 395). Любопытны примеры с иными определениями, в частности, с прилагательными относительными, указывающими на определенную сферу деятельности. Ср.: «Провинцию.. г. Скалдин называет несложившимся политическим телом, не имеющим почти никакой плотности и упругости, представляющею собою политический нуль» (Н. Шелгунов. Либеральничествующая неподвижность; Дело, 1871, № 3, с. 53—54). Подобные примеры хорошо иллюстрируют то, как далеко зашла семантическая эволюция слова, сделавшегося в этом фразеологически связанном употреблении простым синонимом слов *ничто*, *ничтожество* и т. п., хотя и вносящим иногда отпечаток научной манеры изложения. в) Сравнительно поздно в разговорной речи разночинческой учащейся среды сложилось в 60-х гг. шутливое выражение *ноль внимания*. Ср.: «— Тогда я на островах уговаривала тебя добром, а ты нуль внимания» [речь девушки-курсистки] (Мам.-Сиб., VII, с. 241); «Офицеры постояли около куста, потрогали его, а соловей все пел. — Каков? — послышались одобрительные возгласы. — Мы стоим возле, а он ноль внимания» (Чех., VI, с. 346).

Уравнение с одним, двумя, многими и т. д. неизвестными. Прямые ассоциации с математическими представлениями очень сильны; обычно эти сочетания выступают в сравнении. Употребление складывается в 60-х гг. Ср.: «Речь шла не об действительной участи людей, а о решении уравнений с одним или несколькими неизвестными» (Салт., X, с. 34); «Поэтический образ уподобляется неопределенному уравнению, которое, как известно, допускает множество различных решений» (Писар., III, с. 431); «Нужно сознаться, что уже это первое „но“, сопровождающее изложение „общих социалистических целей русской социалистической партии“ [в «Объявлении об издании „Вестника народной воли“»], отличается большой неясностью и неопределенностью. Настоящее уравнение со многими неизвестными!» (Плехан., I, с. 295) и т. п.

Неизвестная (искомая, средняя и т. п.) **величина.** Различные сочетания со словом *величина*, связанные с исходными математическими ассоциациями, распространяются, особенно в языке публицистики, в 60-х гг. Наиболее фразеологически устойчиво выражение *неизвестная*

величина. Ср.: «Пока человек не побывал в этой переделке [в житейской борьбе], до тех пор он в умственном и нравственном отношении составляет для нас такую же неизвестную величину, какую мы видим, например, в грудном ребенке» (Писар., III, с. 313); « —Так она и говорит: „Я не люблю неизвестных величин, я люблю то, что мне известно и понятно“» (Леск., ПСС, XXVIII, с. 138). В сочетаниях с другими определениями: «Средняя величина принимаемой пищи изменяется, смотря по времени года» (Писар. (Павл.), I, с. 372); «Когда мы становимся на всемирноисторическую точку зрения, т. е. когда мы задаем себе вопрос: каким путем шло человечество к своему теперешнему положению? — тогда все отдаленные личности, Фридрихи, Людовики, Иннокентии, Колумбы, Лютеры, Гутенберги, становятся для нас отвлеченными величинами» (Писар. (Павл.), IV, с. 399); «Да и сам г. Кошелев своим „голосом из земства“ разве не доказывает того, что русское слово есть еще искомая величина, задача, которую требуется разрешить?» (Дело, 1869, № 9, Новые книги, с. 32); «Посредственный художник, даже по мнению эстетиков, есть отрицательная величина; посредственный ученый, напротив того, может быть очень полезен, несмотря на свою посредственность» (Писар., III, с. 300); «Капля воды и струйка дыма подлежат тем же общим правилам, как океан и вся атмосфера. Страх перед количеством, длиной и долготой надобно победить с самого начала, а потому и следует начинать с величин соизмеримых: то, что мы в них найдем, наверно можно будет приложить ко всем прочим» (Герц., XIII, с. 52) и т. д.

Эпизодически в таком переносном употреблении выступает также сочетание *бесконечно малая величина* и его видоизменения, напр.: «У Борн де Сен-Венсана, глубоко проникнувшего в микроскопический мир сих, так сказать, бесконечно малых явлений жизни, именем хаоса.. называются уже другие начальные существа органического мира» (М. Максимович. О границах и переходах царств природы; Библ. для чт., 1834, I, с. 116). Ср. в ироническом контексте в очерке Герцена «Вторая встреча» (1836): «Все в провинции отнесено к губернатору, понятно чрез него; он — центр, остальное — периферия; он — солнце, остальное — созвездия; словом, он — необходимая координата, без которой нельзя составить уравнения этих бесконечно малых величин» (I, с. 126); у Л. Толстого («Война и мир»): «Для изучения законов истории.. мы должны изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами» (XI, с. 269); у Плеханова («Наши разногласия»): «Интересующий нас *X*, т. е. продолжительность господства частной собственности, становится в известных случаях бесконечно малой величиной, т. е. может без большой ошибки быть приравнен нулю» (I, с. 139).

Наряду с сочетанием *неизвестная* (*искомая*) *величина* отмечается и образное применение ее алгебраического символа (*X*, *икс*). Ср. в статье М. де Пуле об «Украинских народных рассказах» Марка Вовчка: «Мы опять спросим отрицающих народность в нашей литературе: отыщите нам этот икс». И далее: «По нашему мнению, нечего прибегать к алгебраическим формулам для отыскания этого литературного и социального икса. Это искомое, эта народность великорусская, дух и характер нашего простолюдья ярко выступает в народной поэзии» (Русск. слово, 1859, № 10, с. 5).

В квадрате (в кубе). Примеры образно-переносного применения слов *квадрат*, *куб* и математических сочетаний с этими словами являются еще в 30—40-х гг. Ср.: «Длинноты, ложные положения, холодные сцены, дурно обрисованные картины, характеры без подлинников.., рассуждения без цели и остроты накопляются по мере удаления от точки, где погиб интерес, и с того места до конца книги скука увеличивается в со-

держании кубов глав романа» (рец. на «Аббаддонну» Н. Полевого; Библ. для чт., 1835, № 2, Литературная летопись, с. 38); «*Истинные* истины только кубические, и все три измерения им необходимы» (Герц., II, с. 101); «Конечно, весьма трудно извлечь корень из этого философического квадрата [книги Радовица]; но автор писал не для детей, а для читателей, знающих арифметику» (Жук., VI, с. 224). Ср. *возводить в квадрат* (*в куб*) в смысле «преувеличивать»: «В совокупности всего, что говорил Василий Евдокимович, проглядывал живой, широкий современный взгляд на литературу, который я умел усвоить и, как обыкновенно делают последователи, возвел в квадрат и в куб все односторонности учителя» (Герц., I, с. 268); «Грубину заслышались в гимназии знакомые ему переливы голоса Валерия Ивановича, когда он начинал „возводить в квадрат“ предметы своих повествований» (Бобор., VI, с. 17).

В разговорном языке интеллигенции около середины века складывается шутливо-ироническое употребление выражений *в квадрате*, *в кубе* для обозначения высшей степени проявления какого-либо качества. Ср.: «Когда я, в спорах с Вами о буржуази, называл Вас консерватором, я был осел в квадрате, а Вы были умный человек» (Бел., Письмо к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г.; XII, с. 468); «Сосед этот.. был по всем признакам меломан в квадрате, меломан-фанатик, меломан-факир» (Маркев., VI, с. 3). См. у Лескова сопряжение двух «математических фразеологизмов для выражения «совершеннейшего ничто»: «Ответ уклончивый, с беспрестанными „конечно, хотя, разумеется“ и с печальнейшим „но“, которым в конце все эти „хотя и разумеется“ сводились к нулю в квадрате» (XXIV, с. 77). Иногда находим это ходовое выражение более оснащенным математическими ассоциациями: «Если Конт называет мечты греческих философов безрассудными, то он должен, выражаясь математическим языком, назвать мечты средневековых клерикалов безрассудными в квадрате и в кубе» (Писар. (Павл.), V, с. 382).

Ср. и немногочисленные еще в XIX в. случаи образно-переносного применения слова *плоскость* как геометрического термина в сочетаниях с глаголами *стоять*, *находиться*, *вывести* и т. п. Напр., в «Нашей университетской науке» Писарева: «Очевидно, что журналист.. ни администратором, ни светилом быть не может.. Он им совсем не пара: стоят они на разных плоскостях, живут в разных мирах, смотрят на вещи с разных точек зрения» (с характерным примечанием: «Тут плоскость употреблена в математическом смысле, а не в порицательном») (II, с. 185); в статье Л. Толстого «Прогресс и определение образования»: «Я старался только вывести г. Маркова из плоскости бесполезных исторических рассуждений и объяснить то, что он не понял» (VIII, с. 355).[48] На этой базе постепенно формируется полузнаменательное употребление слова; ср. современные сочетания *перевести* (*поставить*) *в плоскость чего-либо*, *в какой-либо плоскости* и т. п.

К концу века входят в употребление в переносном смысле выражения *описать дугу*, *сделать поворот на 180 градусов* и т. п. для обозначения решительного изменения кем-либо своей позиции. Ср. у Плеханова: «Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма» (Соч., II, с. 102).

---

[48] Ср. у Плеханова («Наши разногласия») в характерном сравнении: «Как одна точка не определяет положения линии на плоскости, так и поземельная община, на идеализации которой сходились все наши социалисты, не обусловливала собою сходства их программ» (I, с. 154).

* * *

Мы, как уже сказано, не касаемся здесь довольно многочисленных случаев более индивидуального вовлечения терминов и понятий математики в язык публицистики и художественной литературы. Отметим только повторяющееся у Герцена образное применение слова *алгебра,* ставшее популярным в его известном афористическом определении (в «Былом и думах») диалектики Гегеля как «алгебры революции».[49] Ср. еще: «Вы все движетесь в бесцветной алгебре жизни» (Из воспоминаний об Англии; XV, с. 120); «Тут не лекция, не поучение, поднимающие слушателей в сферу отвлеченных всеобщностей, в бесстрастную алгебру, мало относящуюся к каждому потому именно, что она относится ко всем» (Капризы и раздумье; II, с. 51) и т. д.[50]

§ 9. Б. **Термины астрономии, географии, механики, физики.** Мы объединяем указанные термины в одну группу, довольно пеструю по составу, имея в виду, что в некоторых случаях практически сложно разграничить их и приурочить к узко определенному кругу понятий одной научной дисциплины. Указанные термины дали также наиболее ранний и вместе с тем весомый вклад в новую фразеологию литературного языка. Их активное «расширительное» употребление в литературной речи в основном восходит к 30—40-м гг. Некоторые из них стали подвергаться «метафоризации» уже в XVIII—начале XIX в. (*атмосфера*, *горизонт*, *полярный*, *масса*, *машина*, *механизм*, *механический*, *рычаг*, *призма*; см. Веселитск., с. 90—91, 95—97). Несколько новых, усвоенных позднее терминов получили новое фразеологическое употребление с 60-х гг. (*импульс*, *инерция*).

Здесь отметим прежде всего некоторые термины, которые в сущности не получили новых особых и устойчивых осмыслений, а лишь вышли за рамки чисто специального употребления.

Импульс. Слово сравнительно поздно заимствованное. Любопытно, что словари иностранных слов 40—60-х гг., не говоря уже об общих тол-

---

[49] Эту краткую формулу Герцена Плеханов затем применил к марксизму (в брошюре «Социализм и политическая борьба», см.: Плехан., I, с. 71). В работе Плеханова «Наши разногласия» встречаем неоднократное образное употребление слов *алгебра* и *алгебраический*. Напр.: «Найденное Чернышевским решение вопроса о судьбе общины было, в сущности, чисто алгебраическим, да и не могло быть иным, так как он противопоставил его чисто алгебраическим формулам своих противников» (I, с. 138). И ниже: «Чтобы сколько-нибудь серьезно говорить об этой последней [об исторической необходимости], нужно было бы перейти от алгебры к арифметике и доказать, что в интересующем нас случае — все равно, в России или в государстве ашантиев, в Сербии или на Ванкуверовом острове — x действительно будет равняться *нулю*, т. е. частная собственность должна погибнуть еще в зародыше» (там же, с. 139); «Нужно было перевести на арифметический язык абстрактные, алгебраические формулы, выработанные передовой литературой предшествующих десятилетий» (с. 153) и т. п.

[50] Видимо, не связано с переосмыслением на русской почве употребление слов *параллель, параллельный* в значениях «сравнение», «сходный». Словари XVIII в. и первой половины XIX в. указывают при них лишь на специальные значения, — математическое, географическое и т. д. В свою очередь, выражение *провести параллель* также как будто бы указывает на явление «переноса». Однако скорее всего такое употребление — прямое заимствование и перевод уже готовых оборотов европейских языков. Во всяком случае, никаких признаков ощутимой связи между словом *параллель* в общем литературном его значении и в терминологическом употреблении уже не ощущается. Это, конечно, не исключало образного употребления в отдельных случаях и терминированных сочетаний. Ср.: «Мы находим в Державине совершенную противоположность Жуковскому; то же найдем, сообразя с Жуковским Пушкина — это две совершенно параллельные линии» (Н. Пол., I, с. 158).

То же следует сказать и о сущ. *круг*. Вопреки обычным утверждениям (ср. Веселитск., с. 89—100), что в этом слове значение «область, сфера чего-либо» является «переносом» исходного терминологического значения на русской почве, оно сложилось независимо от этого.

ковых словарях, его не отмечают. Исключение составляют Толль («механ. термин, означ. такую силу, кот. оказывает свое влияние на тело мгновенно. Нравственный *и.* — мгновенный толчок для придания решимости человеку») и Мих. 1865 («толчок; побуждение, стремление, побудительная причина»). Употребление, специальное и общее, идет с 60-х гг. В том и другом случае вполне синонимично слову *толчок* в его прямом терминологическом и переносном употреблении. Ср. в неспециальных контекстах: «Высшие должностные лица, дававшие.. импульс всему клерикальному организму» (Писар. (Павл.), V, с. 404); «Конечно, лучше, если девушка узнает про какого-нибудь рака или инфузорию, чем выдолбит генеалогию каких-нибудь французских королей, но это все-таки не придаст ей никакого серьезного импульса» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 34). Ср. колебания в звуковом облике слова, указывающие на новизну заимствования: «Загоскин же вел свое начало от Шишкова по духу и от внешнего импульза, от Вальтер-Скотта по норме» (рец. на «Князя Серебряного» А. К. Толстого; Время, 1862, № 12, с. 48).

Тяготеть, тяготение. В Слов. 1847 глагол *тяготеть* определяется: «1) Относительно к земле: стремиться тяжестью своею к низу, к центру земному; 2) Относительно ко всем небесным телам: действовать силою тяготения; побуждаться к привлечению в силу тяжести. *Луна тяготеет на землю, земля на луну. Все планеты тяготеют на солнце, и обратно солнце тяготеет на все планеты*». В критике 40—50-х гг. можно встретить неоднократные указания на такое значение и употребление слова как единственно правильное. Ср. замечание Ив. Покровского по поводу цитаты из «Северной пчелы» («Молодой граф, приехавший в свое поместье, становится с первого шага солнцем, к которому тяготеют соседи и соседки»): «Физический термин *тяготеют* в простом, вовсе не научном рассказе не годится. Первое достоинство обыкновенной речи есть общепонятность, а много есть таких людей, особенно из женщин, довольно образованных, которым термин этот совсем неизвестен» (Москвит., 1853, № 5, Смесь, с. 18). Белинский, приводя цитату из книги «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности» М. Розберга (Дерпт, 1839) («[Наука об изящном] стремится определить их [искусств] значение, их содержание и то средоточие, к коему они, несмотря на разнообразие свое, равно тяготеют»), подчеркивает это слово и в скобках замечает: «по-русски говорят *стремятся*» (III, с. 276). Таким образом, еще в 30-х гг. намечается образное применение этого термина небесной механики к психической сфере, к сфере человеческих отношений. Любопытно, что в школе Сенковского наблюдается сближение и смешение глаголов *тяготеть* и *тяготить*. Анонимный автор полемической книжки «Авторский вечер» (1835), осмеивающей стиль «Библиотеки для чтения», ополчается против этого. «Вообще, мой друг, — замечает старый пурист своему племяннику, неофиту брамбеистской школы, — должно вникать в язык. У нас русских, например, два слова: *тяготеть* и *тяготить*. Тяготеть — глагол средний, а тяготить — глагол действительный. Первым из этих глаголов означается состояние вещи или предмета в отношении к действию притягательной силы; последним самое действие тяжести, которую мы можем испытывать физически или нравственно. Я не могу, напр., сказать: *мы все тяготим*, а должен сказать: *мы все тяготеем к земной поверхности или к центру земному. Тяготить* — совсем другое! Так, напр., меня не *тяготеет*, а *тяготит* излишнее умничанье» (с. 167—168). Несмотря на эти протесты, очень быстро устанавливается и укрепляется новое расширительное употребление гл. *тяготеть*. Он становится синонимичным гл. *стремиться*. *Тяготеть* начинает восприниматься как общее слово книжного языка, а его старое терминологиче-

ское значение как особая, специальная реализация этого общего значения. (Впрочем, еще Д[1] рассматривает нравственное значение гл. *тяготеть* как образное применение физического; см. его у Д[1] в гнезде *тянуть*).

* * *

Больше в относящемся сюда круге слов, с одной стороны, таких случаев, когда связь между специальным, терминологическим, и общим, фразеологическим, значением слова генетически несомненна, но переносно-образное осмысление быстро превращается в ходячий фразеологизм и метафоричность стирается; с другой стороны, можно отметить и такие случаи, где возможно появление на русской почве фразеологически связанного значения в результате прямого заимствования, а связь между терминологическим значением и общим фразеологически связанным, если она и выявляется в определенных условиях, следует признать фактом индивидуального характера, обусловленным особыми обстоятельствами. Больше всего таких случаев среди слов, генетически относимых к географической и астрономической терминологии и сравнительно рано, еще до 30—40-х гг. XIX в., получивших переносное употребление. К ним относятся:

Апогей (первоначальный (30—40-е гг. XIX в.) вариант — *апогея*, жен. род).[51] Слов. 1847 указывает лишь на значение терминологическое: «*Астр.* Точка лунного пути, наиболее удаленная от центра земли»; то же и Д[1]; у Толля отмечается: «В переносн. смысле зн. высшую степень могущества». В составе ходовой книжной фразеологии встречается уже в 30—40-е гг. Ср.: «Слава Пушкина в своей апогее» (Бел., III, с. 389); «Когда явился Гоголь, г. Полевой был уже в своей апогее» (там же, с. 177) и т. п.;[52] «Чем бы ни довели его до апогея самонадеянности» (В. Майк., I, с. 39); «Пусть все элементы человеческого характера.. будут доведены до апогея своего развития» (там же, с. 66) и т. д.; «В третьей картине Акулина Савишна достигает апогея.. благородства» (Совр., 1849, № 1, отд. III, с. 64) и т. п. Вероятнее всего непосредственное заимствование фразеологического оборота из французского языка. Случаи образного определения и подчеркнутой связи с терминологическим исходным значением редки и индивидуальны. Ср. у Герцена название главы в ч. VII «Былого и дум», характеризующей подъем и спад деятельности русской типографии в Лондоне: «Апогей и перигей».

Атмосфера. Слов. 1847 и даже Д[1] и Толль еще не указывают на переносное употребление (в смысле «обстановка», «окружающие условия»; отчасти «среда», «окружение»). Но ср. в Слов. Акад. 1891: «2. Умственная среда, в которой кто-либо обращается. *Атмосфера понятий. Атмосфера двора и столицы.* М. Корф. Жизнь Спер.». Узаконение термина, распространение его в литературной речи как синонима слова «воздух» и даже первые шаги его образного применения в языке литературы лежат за нижней гранью нашего периода. Ср. в одной из переводных статей в журнале «Московский Меркурий» (1803): «Что пользы говорить человеку непонятным ему языком? На что заставлять его жить

---

[51] Ср. у Яновск.: «*Апогей, апогея* или *апогеум. Реч. астр.*».

[52] Впрочем, ср. у него в вариантах позднейшей редакции третьей и четвертой статей о «Древних российских стихотворениях» характерные замены «модного» фразеологизма описательно-книжными оборотами. Вместо: «Это начало поэмы есть высочайший зенит, крайняя апогея, до какой только достигает наша народная поэзия» — «Начало этой поэмы представляет собою крайнюю степень высоты» и т. д. (V, с. 759); вместо: «своей апогеи» — «высшей степени своего совершенства» (с. 760).

в несвойственной ему атмосфере?» (I, с. 135—136).[53] Это последнее употребление широко начинает встречаться в языке 20—30-х гг., особенно в прозе писателей романтического направления, а также в журнале «Библиотека для чтения» Сенковского. Ср.: «Эта душа женского пола,.. насыщенная любовию, втягивающая в себя любовь отовсюду, из вещественной атмосферы, из умственного мира, из вымысла, из надежд» (О. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах; Библ. для чт., 1834, I, с. 83); «Ярко мелькнет он сквозь черные тучи забот, несущиеся во взволнованной атмосфере души, окружающей эту толщу» (О. Сенковский. Предубеждение; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 215); «Атмосферы наших обществ пусты, как воздух полярных стран» (Библ. для чт., 1834, № 5, Критика, с. 28) и т. п. Изысканно-эмфатический характер этих сопоставлений и сближений несомненен. Отчетливо намечаются в этих сравнениях и признаки «переноса», фразеологического обособления слова в новом его осмыслении. Бесспорно и здесь воздействие иноязычного (французского) источника. Аналогичные случаи у Марлинского: «Разговор склонился на летучие новости, которыми всегда испещрена столичная атмосфера» (I, с. 58); у Н. Полевого: «И такое состояние гениального человека совсем не клевета на провидение, которое взирает свыше на зло и добро и одною мгновенною бурею очищает душную атмосферу веков, очищая все испорченное» (I, с. 42) и т. п. Ср. пародию на слог этой романтической школы в книжке «Авторский вечер»: «Бог с ним и с его любомудрием, и с его человечеством, думал я в настоящей новой своей сфере, в новой атмосфере, которою дышал» (с. 21). Впрочем, такое употребление быстро распространялось, и уже в 30-х гг. его можно встретить даже у противников «брамбеизмов», «марлинизмов» и т. д. Ср. в статьях Белинского 30-х гг.: «Темная атмосфера нашей эстетической жизни освещалась, хотя и изредка, самыми яркими проблесками дарований» (II, с. 253); «Есть люди, которым душна бальная атмосфера, ненавистен мишурный блеск гостиных» (II, с. 236).

Дальнейшая эволюция была простой и быстрой. Устраняется стилистический привкус романтической эмфазы, но вместе с тем и образные связи с исходным значением. Уже в публицистическом языке 40-х гг. *атмосфера* нередко употребляется как лишенный внутренней формы синоним слова *обстановка*. Ср. у Белинского: «Петр возрос и воспитался в атмосфере преобразований» (VII, с. 58); у Герцена: «Около Людвига составилась атмосфера подлости» (II, с. 296). В 40—60-х гг. становятся обычными в языке публицистики такие сочетания, как *социальная*, *политическая*, *нравственная*, *общественная*, *умственная атмосфера* и т. д.[54]

---

[53] Другие примеры из произведений первой трети XIX в. см.: Веселитск., с. 95. Аналогичное употребление отмечается у сущ. *сфера* (*сфера* чего; напр., *сфера деятельности*, *жизни* и т. п.) с конца XVIII—начала XIX в. (см.: Веселитск., с. 99—100). Это также ставят в связь с воздействием научной терминологии на научное употребление. Однако вероятнее здесь прямое заимствование сложившегося во французском языке оборота, не сопряженное уже ни с какими специальными научными ассоциациями.

Новым для слова *сфера* в языке середины XIX в. является лишь его абсолютивное употребление (с различными определениями) в форме мн. числа для обозначения того или иного социального слоя, круга лиц. Ср.: «В правительственных сферах» (ЖМГИ, 1856, X, с. 290); «Для хорошо образованных людей необходимы и хорошие социальные сферы» (Благ., с. 45; в переводной цитате); «Дело.. дошло до высших сфер» (Салт., XVII, с. 144).

[54] «Мысли [Ф. Бэкона] вошли в умственную атмосферу двух последних веков» (Гран., I, с. 406); «Вся общественная атмосфера, в которой суждено ему жить» (Добр., VI, с. 124); «Принимая в соображение обстоятельства места, времени и политической атмосферы» (Писар. (Павл.), V, с. 418); «Политическая атмосфера, так сказать, полна Бисмарком» (Михайловск., VI, с. 99); «Наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями» (Остр., VI, с. 13) и т. д.

Ср. и с определениями, указывающими на определенную социальную среду: «Поколение, выросшее в буржуазной атмосфере Людовика-Филиппа» (Благ., с. 375); «Притупляющее влияние буржуазной атмосферы» (Писар., IV, с. 110) и т. д. Ср.: «Я родился в атмосфере обуздания» (Салт., XI, с. 39); «В этой денежной атмосфере» (Дело, 1876, № 11, Внутреннее обозрение, с. 423; цитата из речи на суде); ср. и как синоним слов «влияние, воздействие»: «Русские фабрики находятся вне атмосферы моды» (Дело, 1870, № 1, Новые книги, с. 89).

Это, впрочем, не исключало и в дальнейшем образных ассоциаций между первичным и вторичным значением, но они часто уже специально создавались в определенных контекстах сопоставлением (иногда каламбурного свойства) двух планов. Ср.: «Прав ли будет тот, кто удушливый и вонючий воздух темных переулков примет за атмосферу целой нации? Испорченный воздух вовсе не есть ее обычная среда» (Герц., V, с. 233); «Прошлый год особенно был богат падением метеоритов, конечно, не так богат, как социальная атмосфера падением биржевых игроков и разного рода плутократов» (Дело, 1876, № 10, Научная хроника, с. 387).

Несколько ярких случаев образного применения находим у сочетаний *атмосферические явления*, *атмосферические условия*. Они встречаются уже в публицистике 30-х гг. Ср. у Белинского: «Мы хотим довести до их [читателей] сведения хоть один или два феномена [русской литературы], которые, без всякого спора, любопытнее и поучительнее всех атмосферических явлений, самых необыкновенных» (II, с. 204); у Писарева в эзоповском смысле для обозначения реакционных политических воздействий: «Наши Печорины могли проникнуть в область труда, недоступную атмосферическим влияниям [речь идет об естествознании], и проникли бы в нее. ., если бы они только имели ясное понятие о ее существовании» (III, с. 34); у него же в последовательно развитом метафорическом плане: «Ядовитое зерно скептицизма, зароненное в мою чистую душу хитрым Креозотовым, не могло чувствовать недостатка в питательных материалах и благоприятных атмосферических условиях» (II, с. 144).

Горизонт; кругозор. Слово *горизонт* как термин начинает встречаться в памятниках второй половины XVII в. (первоначально в форме *оризонт*). Оно закрепляется в русском языке XVIII в. В конце века можно наблюдать уже и образно-переносное его употребление в литературе. В произведениях Карамзина и его школы это один из постоянных элементов фразеологии. Ср., напр.: «На горизонте большого света явился новый феномен, который обратил на себя общее внимание: молодой князь N.» (Карамз., VI, с. 73); «Хотя и являлись еще некоторые черные облака на горизонте человечества, но светлый луч надежды златил уже края оных» (там же, VII, с. 120); «Истинный философ. . ищет удовольствий на своем горизонте, вокруг себя» (VII, с. 233) и т. д. Ср. в «Московском Меркурии» П. Макарова (1803): «Когда лютое варварство и грубое невежество огорчали вселенную от одного края до другого: — что было бы с бедною вселенною, если бы не женщины? Как светлые звезды в осеннюю ночь, они сияли одни на темном горизонте мира» (I, с. 15); «Есть люди, которые никогда не переступают за горизонт сферы своей» (там же, с. 136). Первоначально этим образным применением термина, часто в сравнениях, в окружении слов *светило*, *звезда*, *феномен*, *комета*, *метеор*, *небо* и т. д., дело преимущественно и ограничивалось. Многочисленны случаи этого рода и в произведениях XIX в. Напр.: «Алина сверкает звездой на модном горизонте» (Марл., I, с. 13); «Два редкие явления озарили наш горизонт в прошедшее лето, и оба остались почти непримеченными [«Последний день Помпеи» Брюллова и «Торкватo Тассо» Кукольника]» (Тютюнджю-Оглу [О. Сен-

ковский]. «Торквато Тассо» Кукольника; Библ. для чт., 1834, I, с. 12); «Брум завидовал таланту Горнера, опасался потускнуть перед новым светилом, восходящим тогда на горизонте великобританской камеры» (А. И. Тургенев. Хроника русского в Париже; Совр., 1838, X, с. 83); «Вдруг на горизонте нашей поэзии взошло новое яркое светило и тотчас оказалось звездою первой величины» (Бел., IV, с. 196) и под.

Однако, чем ближе к середине XIX в., тем смелее в литературной фразеологии начинают утверждаться более свободные от образности случаи применения слова в отношении к кругу отвлеченных понятий и представлений.[55] Уже в 30—40-е гг. такие выражения вполне обычны (главным образом типа *горизонт* чей *шире*, *уже*, *расширяется*, *сужается*, *ограничивается* и т. д.). Ср.: «Горизонт мой стал.. необходимо шире и пространнее» (Гог., XII, с. 143); «В последних ограниченность их горизонта удерживала стремление к почестям» (Вигель, Зап., I, с. 173); «Горизонт его [Тарнеева] расширялся» (А. Н. Майк., IV, с. 249) и т. д. С середины века в таких сочетаниях становится обычным и употребление слова в формах множ. числа (без какого-либо нового оттенка — характерный признак «обесцвечивания» выражения): «Он даже боялся вспомнить об этих мыслях, раскрывавших бесконечные и светлые горизонты» (Л. Толст., XI, с. 33); «Математика.. всегда представлялась мне наукою, открывающею совершенно новые горизонты» (С. Ковалевск., с. 141) и пр.

Вместе с тем *горизонт* в этом смысле выступает и с разного рода определениями, указывающими на ту или иную сферу воззрений и деятельности. Ср.: «Поэтический горизонт его не расширялся» (Вяз., II, с. 358); «Путешествия знаменитых мореплавателей.., подробные описания народов.. расширили значительно исторический горизонт» (Гран., II, с. 459); «Политический горизонт царя был шире Сильверстова» (Михайловск., VI, с. 155) и т. д. Наиболее обычным среди этих сочетаний было *умственный горизонт*: «История обогащает нас новыми идеями и расширяет наш умственный горизонт» (Писар. (Павл.), III, с. 113); «Наш умственный горизонт расширяется сам собою» (Салт., VII, с. 468). Очень часты становятся также и сочетания с род. пад. существительных, обозначающих те или иные явления социальной и психической жизни: «В этом заключался весь горизонт сведений воспитанника» (Гог., III, с. 220); «Обломов открыл, что горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом» (Гонч., IV, с. 66); «Ничто так сильно не расширяет весь горизонт наших понятий о природе и о человеческой жизни, как близкое знакомство с величайшими умами человечества» (Писар., III, с. 105) и т. п. Здесь *горизонт* синонимически сближается со словами *граница*, *предел*.

Более редки и менее обычны появляющиеся также во второй половине века сочетания со словом *горизонт* прилагательных, определяющих принадлежность к известной профессии, роду деятельности, где, таким образом, слово становится синонимичным слову *круг* в его переносном значении: «На нашем певческом горизонте (любительском, разумеется) выступил ученик мой и Миши Щеглова — тенор Васильев» (Бородин, I, с. 208); «Все ли благополучно и ясно ли небо на юмористическом горизонте?» (Чех., XIII, с. 230).[56]

---

[55] Впервые это употребление отмечено у Кир.: «В переносном смысле горизонтом называется круг понятий».

[56] Ближе к образному осмыслению слова стоит сочетание *под каким-либо горизонтом*: «Под каким бы политическим горизонтом он [государственный порядок] не сложился, общество по отношению к правительственному сословию находится в качестве доверителя своих интересов» (Благ., с. 43); «Два различные и.. враждебные племени — белые угнетатели и черные угнетенные.., встретились под одним историческим горизонтом и в одной географической черте» (Г. Б. [Благосветлов]. Американский кризис; Русск. слово, 1862, № 2, с. 1).

Таким образом, семантическая эволюция слова *горизонт* свелась к следующему. Основное терминологическое значение слова оставалось неизменным. Рано возникшие образно-переносные осмысления его к середине XIX в. все более превращались в устойчивые фразеологические сочетания, свободные от метафоричности, от «внутренней формы» и ассоциаций с исходным значением термина.

Иначе сложилась судьба синонима слова *горизонт*, явившегося на русской почве, *кругозор*.[57] Впервые это слово предложено как толкование слова *горизонт* в «Словотолке» Курганова (в его «Письмовнике»). Как заместитель слова *горизонт* оно употребляется до последних десятилетий XIX в., но сравнительно редко, значительно реже, чем заимствованный термин.[58] См. хотя бы следующие примеры, относящиеся к 50—60-м гг. XIX в.: «Волнение совсем улеглось; во весь кругозор, плавно, величаво, ходила зыбь» (Григор., IX, с. 212); «Нам принадлежал Весь кругозор, что обнимает око С зубчатых башен царственной Альгамбры» (А. К. Толст., I, с. 148); «Ясное синее небо охватило кругозор...» (В. Клюшников. Марево; Русск. вестн., 1864, № 1, с. 6). Но уже с 30-х гг. *кругозор* начинает употребляться переносно, в отношении к кругу понятий, воззрений лица. Можно смело сказать, что к середине века это значение у него становится доминирующим, а прямое значение его начинает сходить на нет. Таким образом, для слова *кругозор* характерен процесс семантико-фразеологической специализации. В этих более ограниченных пределах употребление слова *кругозор* в сильной степени воспроизводит характерные особенности употребления своего заимствованного синонима. Ср.: «Кругозор его ума тесен» (Бел., I, с. 33); «Петр Михайлыч .. восхищался, замечая, что Настенька с каждым днем обогащается сведениями или, как он выражался, расширяет свой умственный кругозор» (Писем., III, с. 29); «Мужицкий кругозор, конечно, узок» (Шелг., III, с. 283) и т. д. Иногда и в форме мн. числа: «Ее кругозоры слишком широки» (Посторонний сатирик [М. А. Антонович]. Любовное объяснение с «Эпохой»; Совр., 1864, № 10, с. 285).

Зенит. Термин заимствован в начале XVIII в. Интересны колебания в звуковом облике его на протяжении всего XVIII в., указывающие на различное языковое посредство при заимствовании (ср. *зенит*, *зениф*, *ценит*, *цениф*).[59] Все словари XIX в. указывают только на значение астрономического термина. На переносное употребление в литературной фразеологии указывает впервые Слов. Акад. 1907. Обычнее всего сочетание *в зените* чего (славы, счастья, успеха и т. д.). Ср.: «Агафья Матвеевна была в зените своей жизни» (Гонч., IV, с. 485); «Заполье находилось в зените своей славы как главный хлебный рынок» (Мам.-Сиб., VII, с. 293); «Мы с Клеопатрой были в то время в зените счастья» (Златовр., II, с. 163) и т. п.[60] Во второй половине XIX в. такого рода

[57] См. подробнее об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории русской лексики и фразеологии; Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, вып. 6, 1954.

[58] Ср. изредка встречающиеся другие русские синонимы, напр. *небокрай* (материалы Кеппена). Любопытно, что слово *кругозор* не включено в Слов. 1847. Вряд ли точно следующее утверждение В. В. Виноградова: «И в прямом значении («горизонт») этому слову (*кругозор*, — *Ю. С.*) так и не удалось войти в норму литературного употребления до 40—50-х гг. .. Лишь во второй половине слово *кругозор* получило как в прямом, так и в переносном значении очень широкое употребление» (указ. изд., с. 21—22). В прямом значении это слово, скорее всего, так и не вошло в норму литературного употребления.

[59] См. САР[1] и САР[2]; Яновск., ч. III (*ценит* или *зенит*).

[60] Реже с предлогом *на*. Ср.: «Промышленная и акционерная горячка после всеобщего затишья вдруг очутилась на самом зените» (Салт., X, с. 227). Ср. также *достичь зенита* чего-либо и т. п.: «Пионеры [администраторы] силятся доказать, что Россия достигла зенита своего благополучия» (Салт., VII, с. 214); «Эта сцена довела веселье Чадова до зенита» (Мам.-Сиб., ПСС, X, с. 305).

сочетания становятся господствующими и в общем уже типизированными, потерявшими образность. См. другие случаи переносного употребления слова: «Юга созвездие! Сердца зенит!» (Вяз., IV, с. 42 (1828)); «Это беспристрастие, эта холодность поэта, который как будто говорит вам: так было, а впрочем, мне какое дело! — есть высочайший зенит художественного совершенства» (Бел., I, с. 33) и т. п. Такое употребление идет с 20—30-х гг.

Масса. В русской научной терминологии слово закрепляется уже в XVIII в.[61] (хотя неоднократно, до самого конца века, являются и попытки передачи понятия русскими синонимами *толща, груда, громада* и т. п.). Ср. у Радищева: «Груда крови в животном» (Соч., II, с. 14). Начиная с 20—30-х гг. слово *масса* все чаще является в различных литературных контекстах. В сущности проникновение слова в общелитературное употребление (в смысле толща — прежде всего) имеет место уже в конце XVIII в. Ср.: «Стена.. упадала и, всею своею массою и плоскостью ударившись об землю.., рассыпалась» (Болот., Зап., III, с. 51). Известными модификациями этого исходного значения являются следующие значения: «объем, количество чего-либо», «большие скопления чего-либо», «что-либо большое, не имеющее ясных очертаний», «тестообразное бесформенное вещество». Ср.: «Правильное движение изумительной массы воды Нила» (Брамбеус. Эбсамбул; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 222); «Облака разорвались огромными массами» (Жук., V, с. 453); «Густая масса человеческих испарений» (Гог., XII, 454); «Деревья и кусты смешались в мрачную массу» (Гонч., IV, с. 248); «Вспомните всю массу этих зданий, Всю эту смесь развалин без преданий» (Полон., I, с. 96); «На молодых побегах разных деревьев пчелы находят клейкую массу, и этою-то массою они как можно плотнее законопачивают щели» (Писар., II, с. 102) и т. п. Можно отметить еще употребление, восходящее к специальному способу выражения живописцев, — о сосредоточении света и тени и общих контурах картины. Ср.: «Здесь мечет он [Брюллов] массами света» (Последний день Помпеи; Библ. для чт., 1834, I, с. 131); «Ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев» (Гог., I, с. 111). Слов. 1847 так представляет наличные значения слова: «1. Значительная груда вещества, толща. 2. Толпа, стечение народа. 3. *Астр.* Количество вещества, содержащегося в объеме небесного тела. *Масса земного шара относится к массе солнца, как 1 к 354 594*». Но это описание лишь очень приблизительно, схематично и неполно передает сложившееся к этому времени употребление слова. Эта неточность захватывает как терминологические применения слова (которое было в это время прежде всего выражением одного из основных понятий механики),[62] так и его общелитературное употребление. Толкования общих значений в том виде, в каком они даны в этом словаре, не определяют ни смыслового объема слова, ни специфики его употребления в семантическом и фразеологическом отношениях. Прежде всего нужно отметить, что с 20—30-х гг. XIX в. слово все чаще является во фразеологически связанном употреблении (в сочетаниях с род. пад. различных существительных) в значении «множество, большое число, большое количество чего-либо или кого-либо», т. е. в значении, которое имеет тенденцию к известной формализации и «опустошению». Ср.: «Оттуда эта страшная масса ревматизмов и различных болезней кожи, ко-

[61] Яновск. дает перечень и описание некоторых из этих терминологических значений. Об употреблении слова *масса* в литературном языке первой четверти XIX в. см. также: Веселитск., с. 95—96.

[62] См. интересные сведения об эволюции этого понятия в статье П. В. Ромадина «Масса и возможность раскрытия этого понятия в курсе физики средней школы» (Сб. научных работ Мордовского педагогич. инст. им. Полежаева. Саранск, 1949).

торых можно избежать только рассудительным воспитанием своего тела» (Библ. для чт., 1834, № 12, Критика, с. 57); «Архивные дела разных правительственных учреждений заключают в себе громадную массу сведений о расколе» (Мельн.-Печ., VI, с. 209); «Неизменным оставалось только в семье Руднева ежегодное рождение детей, которые в настоящую минуту составляют огромную массу ртов, требующих работы» (Гл. Усп., I, с. 171—172); «Не говоря о массе шампанского, которая всякую ночь выпивалась и выливалась на пол в квартире Любиньки» (Салт., XII, с. 256) и т. д. В форме мн. числа слово в этом смысле употребляется сравнительно редко. Ср.: «У Мочалова есть целые тетради выписок, массы фактов, поддерживающих его мнение» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 4, с. 46); «Есть факты, что люди, постоянно питавшиеся растительной пищей, создавали целые массы энергических людей» (Н. Шелгунов. Условия прогресса; Русск. слово, 1863, № 6, с. 5). На первых порах в таком употреблении еще проблескивали (ср. приведенный выше пример из «Библиотеки для чтения») ассоциации с «материальным» осмыслением слова, но чем далее, тем более они тускнели; слово в таком смысле все более приобретало «разговорный» характер.[63]

Рядом с этим слово *масса* постоянно употребляется и в более образном осмыслении, синонимически сближаясь со словами *целое*, *совокупность*, *сумма*,[64] с одной стороны, со словами *большая*, *основная часть*, *большинство*, с другой. Ср.: «Это доверие внушается только смелым и логическим изложением всей массы трудностей и средств, придуманных к их побеждению» (Библ. для чт., 1834, № 12, Критика, с. 61); «Масса стремлений, понятий и мыслей, проникнувшая в низшие классы.., чрезвычайно велика» (Герц., V, с. 46); «Литература и наука оказывают благодетельное влияние не на одни избранные натуры, но на всю массу общества» (Бел., X, с. 250) и т. д. Как видим, связи с «материальным» значением здесь выражены сильнее, отчетливее и сохраняются длительнее.

Наибольшей «формализации» подверглось слово в сочетании *в массе*, которое приобретает адвербиальный характер (ср. франц. en masse). К концу века в разговорной речи намечается и адвербиальное употребление формы вин. пад. Ср.: «Работает он от утра до ночи: читает массу» (Чех., VII, с. 232).

Но рядом с этим употреблением и отчасти в связи с ним сформировалось в это время новое терминологическое значение слова *масса*, переведшее его в область социальных отношений. На почве сочетаний типа *масса людей* явилось употребление этого слова для выражения основной части народа, его низших классов, трудящихся. Слов. 1847 еще очень неполно, односторонне и даже тенденциозно подбирает синонимы для определения этого значения («толпа», «стечение народа»). Дело как раз в том, что в новом значении слова опорным была не просто количественная характеристика (множество людей, скопление или стечение народа), а характеристика качественная, социальная.[65] Масса в этом смысле противопоставлялась, с одной стороны, личности, индивиду, а с другой —

---

[63] Это в сущности отражено уже у Д[1]. Ср.: «*Масса товару* — куча, пропасть».

[64] Эти синонимические соответствия не случайно приводятся среди других в словаре Гейзе.

[65] Это, впрочем, не исключало употребления слова в литературном языке XIX в. и как синонима слов *толпа*, *скопище*. Ср.: «Туда направлялись, Нарядны, пестры, При свете горящей Соломы, — толпы.. Народная масса Сдвигалась, росла» (Некр., II, с. 354—355); «В массе показываются люди в мистических костюмах, в шелковых чулках» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1862, № 4, с. 23); «Опять все зашумели стульями, раздались поцелуи с хозяевами, задвигалась масса» (Шелл.-Мих., II, с. 411).

социальной верхушке, привилегированным группам и сословиям, «публике», «свету», а затем также — и интеллигенции. И в этом смысле слово в новом значении особенно выделялось, в первую очередь, в речи передовых слоев общества 40—60-х гг., именно потому, что оно, хотя отчасти и совпадало по своему общему значению со словом *толпа*, но по своим краскам, по своей основной тональности было нейтральным и свободным от эмоциональных оценок. Для терминологической природы этого значения характерно, что слово употребляется в этом смысле свободно, вне сочетаний, «абсолютивно». Обособленность слова в этом значении подчеркивает и существенный формальный признак. Оно в данном случае употребляется не только в форме единственного, но и множественного числа — без каких-либо грамматических различий; в других значениях — формы ед. и мн. числа противостоят друг другу, здесь же *массы* значит то же, что и *масса* (при определениях, в составе устойчивых сочетаний типа *народные*, *трудящиеся массы* и т. п., форма мн. числа оказывается затем даже предпочтительной). Такое употребление слова намечается в 20—30-е гг., оно уже достаточно четко определилось в публицистике 40-х гг. и стало совершенно обычным в 60-е гг. Ср.: «Много было рассуждаемо о необходимости, чтобы постепенность в государственном устройстве существовала; т. е. чтобы политическо-отвлеченное пространство, отделяющее массу народную от верховной власти, на разные степени было разделяемо и степени сии начинали бы от массы народной и восходили бы до верховной власти» (П. Пестель. Русская правда; Избр. произв. декабр., II, с. 96); «Скоро вкус к гармоническим сложениям слов и звуков распространяется в массах первобытного народа, слушатели становятся взыскательнее» (О. Сенковский. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 13); «Нужно было обратить все внимание на толпу, на массу, изображать людей обыкновенных, а не приятные только исключения из общего правила» (Бел., X, с. 294); «Но так понимает дело большинство, масса; люди, наблюдающие и мыслящие в изменении обычного хода житейских дел видят.. не одно улучшение или понижение их собственного положения, но изменение понятий и нравов общества» (Бел., X, с. 280); «Подобное наблюдение успехов ума человеческого в Европе, вне Петербурга, возможно только для отдельных лиц, а не для масс» (Бел., X, с. 229); «Для масс наука должна родиться не ребенком, а в полном вооружении, как Паллада» (Герц., III, с. 44); «Жизнь великих людей необходимо сливается с жизнью массы и, собственно говоря, отнюдь не составляет отступления от ее прогресса» (В. Майк., I, с. 60); «Презренная толпа, прежде благоговейно, разинув рот, внимавшая нашим вещаниям, теперь представляет плачевное и опасное для нашего авторитета зрелище массы, вооруженной, по прекрасному выражению г. Тургенева, „обоюдоострым мечом анализа“» (Добр., VI, с. 300); «Тут на его [критика] стороне — даже и та часть читающего люда, к которой всякий „резонный“ мыслитель относится с тайным, а всякий дерзкий мыслитель с явным презрением — т. е. публика (не масса, не sainte populace, а публика), — круг читателей всего, что пишется, от сочинений Пушкина до романов и фельетонов Фаддея Булгарина» (А. Григорьев. Отживающие в литературе явления; Эпоха, 1864, № 7, с. 3); «Отношение масс к известной идее — вот единственное мерило, по которому можно судить о степени ее жизненности» (Салт., XI, с. 449) и т. д. Вместе с тем широко представлены и сочетания типа *масса населения, масса (массы) народа* и т. д. Ср.: «Промышленность, которой потребителем должна б быть масса народа» (Бел., X, 366); «Каждый отдельный полк представлял миниатюрный портрет феодального общества; офицеры, назначавшиеся исключительно из дворян, играли роль привилегированных классов, а солдаты изображали бесправ-

ную массу народа» (Писар. (Павл.), III, с. 147); «Высокие таможенные пошлины возвышали цены на земледельческие орудия и, следовательно, принуждали массу крестьян работать плохими и неудобными инструментами» (там же, с. 132) и т. п. Не менее частыми и еще более устойчивыми становятся и сочетания с определениями-прилагательными, типа *народная масса*, *трудящаяся масса* (*массы*) и т. д.: «Настоящим фундаментом самых великолепных и замысловатых политических зданий всегда и везде является народная масса» (Писар., IV, с. 402); «Задолго до появления Лютера и других новаторов Германия уже подготовилась к реформации, и в народной массе копились и зрели элементы будущего переворота» (Н. Шелгунов. Главные моменты в истории Европы; Русск. слово, 1865, № 1, с. 89); «Тем же путем уходила значительная часть той дани, которую воины собирали натурою с порабощенных земледельцев и со всей трудящейся массы» (Писар., II, с. 290); «[Развитие путей сообщения] составляет первый шаг к освобождению человеческой личности и к возвышению благосостояния трудящихся масс» (там же, с. 293) и т. п.

Остается вопрос: в каком отношении стояли друг к другу первоначальное физическое и последующее социальное осмысление слова? Можно ли здесь видеть внутреннюю семантическую эволюцию? На этот вопрос, видимо, следует дать отрицательный ответ. Скорее всего генетически первоначальное значение слова («груда, толща вещества») и вторичные его значения (фразеологически связанное «множество» и «совокупность, целое», с одной стороны, и терминологическое социальное — «основная часть общества», «широкие круги общества»[66] и «трудящиеся классы общества» — с другой) были усвоены независимо и в разное время в результате заимствования. Во всяком случае французский язык в слове masse к концу первой четверти XIX в. располагал тем же спектром значений.

Это не исключает, конечно, и различных сознательных сближений и сопоставлений одного значения с другими. Они имели место и тогда, когда впервые наметилось новое употребление слова в литературе 30—40-х гг. Ср., напр.: «Возьмем большое пространство земли, населенное разноплеменными массами человечества. Эти массы уже политические общества, но они еще не политические тела. Это химический раствор всех начал гражданственности и народной силы в брожении» (О. Сенковский. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 1—2); «Разнородное общество, сплоченное в одну массу только одними материальными интересами, было бы жалким и нечеловеческим обществом» (Бел., IX, с. 432); «В X столетии мелкие владения (fylki), на которые дотоле был разбит [Скандинавский] полуостров, стали слагаться в три большие политические массы» (Гран., I, с. 183) и т. д. Тем более не редки они в позднейшее время, в обстановке 60-х гг., когда так охотно проводили сознательные аналогии между явлениями мира физического и мира социального. Ср. особенно важную идейную роль таких сопоставлений и фразеологии, позаимствованной из области понятий механики, у Л. Толстого в томе IV «Войны и мира»: «Выйдя на большую дорогу, французы с поразительной энергией, с быстротою неслыханною, побежали к своей выдуманной цели. Кроме этой причины общего стремления, связывающей в одно целое толпы французов и придававшей им некоторую энергию, была еще другая причина, связывавшая их. Причина эта состояла в их

[66] Или: «основная часть того или иного слоя или класса общества». Ср. *образованная масса*: «Представители новой мысли подводят итоги всему запасу убеждений, выработанных прежними деятелями, превратившихся в общее достояние и господствующих над умами образованной массы» (Писар., III, с. 418); *читающая масса*: «Гете никогда не был и не будет любимым поэтом читающих масс» (там же, с. 98).

количестве. Сама огромная масса их, как в физическом законе притяжения, притягивала к себе отдельные атомы людей. Они двигались своею стотысячною массой как целым государством» (XII, с. 116) и т. п. Ср. также: «Не понимаю, в чем будет эта высота и мистичность народной массы, если отбросить риторические прикрасы: народ есть собрание мужиков, баб, солдат и т. п. Но ведь такое чувство производит каждая масса, все, что имеет силу тяжести, что может раздавить, снести и потопить» (Е. Марков. Народные типы в нашей литературе; Отеч. зап., 1865, № 2, с. 471—472); «Трусость отдельной личности перед толпой составляет тот цемент, которым разнохарактерные частицы связываются в одну сплошную массу, направляющуюся к одной известной цели» (Писар. (Павл.), VI, с. 422) и т. д.

Было одно обстоятельство идеологического порядка, под влиянием которого протягивались нити от механического понятия массы к социальной характеристике массы как большинства народа. Дело в том, что даже у представителей демократической мысли, наряду с пониманием и горячей защитой интересов массы, наряду с убеждением, что решающее слово в истории принадлежит массе, имело место и противопоставление личности и массы как деятельного и творческого, с одной стороны, и инертного начала — с другой. Такие противоречия в подходе к массе мы можем наблюдать, напр., у Писарева;[67] еще резче они представлены у некоторых направлений народнической мысли. Такое понимание массы как страдательного по преимуществу элемента истории общества и питало в известной степени эти образные сопоставления с массой физической, где начала силы и инерции оказываются нераздельными. С таким двойственным и противоречивым осмыслением социальной массы могло вполне покончить лишь развитие марксизма и самого массового движения в России.

Отметим, между прочим, что прил. *массовый* появилось значительно позднее[68] закрепления и широкого распространения слова *масса* во всех указанных его значениях. Первые примеры его употребления восходят к 80-м гг. Ср.: «Такие массовые депутации составляли в то время самое обыкновенное явление» (Русск. мысль, 1883, № 3, отд. VII, с. 244); «Это один пример из массовой агитационной деятельности сектантов» (Сев. вестн., 1886, № 5, отд. 2, с. 42); «Смертность, как массовое явление, подчиняется известным законам» (Ф. Эрисман. Основы и задачи современной гигиены; Русск. мысль, 1883, № 1, с. 40); «Класс [в гимназии] охватило то массовое волнение, когда самообладание уже теряется» (Гарин, I, с. 476) и т. д. Как известно, и сейчас семантические возможности этого прилагательного значительно у́же, чем у существительного. Оно прежде всего является относительным прилагательным к слову *масса* в его социальном значении (ср. в Слов. совр. русск. лит. яз.: «та-

[67] Ср., с одной стороны: «История должна быть осмысленным и правдивым рассказом о жизни массы: отдельные личности и частные события должны находить в ней место настолько, насколько они действуют на жизнь массы или служат к ее объяснению» (Писар. (Павл.), III, с. 114); «Приобретенный [мыслящими реалистами] запас свежей энергии и новых умственных сил отправляется все-таки вниз по течению, в то живое море, которое называется массою и в которое тем или иным путем рано или поздно вливаются, подобно скромным ручьям, или бурным потокам, или величественным рекам, все наши мысли, все наши труды и стремления» (Писар., III, с. 98). С другой же стороны: «Вся масса народа, та масса, мимо которой шли и до сих пор идут все исторические события и перевороты» (там же, II, с. 70); «До сих пор масса была всегда затерта и забита в действительной жизни» (Писар. (Павл.), III, с. 114); «Когда человек прошел через эту школу размышлений и житейской борьбы, тогда мы имеем возможность поставить вопрос: возвышается ли этот человек над безличною и пассивною массою, или не возвышается?» (Писар., III, с. 313).

[68] Впервые оно приводится с примерами из произведений начала XX в. в Слов. Акад. 1929.

кой, в котором участвуют широкие массы, большое количество людей»; «принадлежащий широким массам, представляющий собой массы» — в сочетаниях типа *массовый читатель*, *зритель* и т. п.; «предназначенный для широких масс, большого количества людей — в сочетаниях типа *массовая библиотека*, *массовые песни* и т. п.). Оба последние типа сочетаний явились уже в нашем современном языке. Далеко не во всех случаях, однако, возможно употребление этого прилагательного и в отношении к массе как социальному явлению. Так и сейчас невозможны сочетания типа *массовые люди*, *массовые представители* и т. п. Ср.: «Страдания ближних глубоко потрясли женщин массы» (Русск. слово, 1862, № 4, Иностранная литература, с. 22); «Люди массы у нас в России учатся, служат, работают» (Писар., II, с. 15). Прил. *массовый* также возможно в сочетаниях, где оно вносит значение «производительный, являющийся в большом количестве, во множестве» (ср. выше пример из Эрисмана; также современное сочетание *массовое производство*). Изредка слово *массовый* выступает в научной литературе и как относительное прилагательное к слову *масса* в его физическом значении (ср. примеры в Слов. совр. русск. лит. яз. и в Слов. Акад. 1929). Но здесь для выражения основного значения «имеющий большую массу» уже давно употребляется прил. *массивный* (ср. Слов. 1847).[69] Такая ограниченность семантико-фразеологической сферы прил. *массовый* служит, с одной стороны, подтверждением его сравнительно недавнего распространения в языке, а с другой — еще одним указанием на разграничение двух основных значений слова *масса* — «физического» и «социального».[70]

Механизм, механический. Машина. Слов. 1847 не отмечает никаких переносных значений у этих слов; Д[1] указывает на такое употребление при слове *механический* («бессознательный, безотчетный, невольный, где человек действует как машина»); Толль при толковании слова *механизм* замечает: «Также всякое действие бессознательное: не зависящее от суждения и воли, перешедшее в привычку или зависящее от закона природы». Первые случаи расширительного и переносного употребления слова *механизм* относятся еще к XVIII—началу XIX в. (см. об этом: Веселитск., с. 90). Ср., напр., в смысле «внешнее устройство, совокупность приемов чего-либо»: «Они считали механизм стихотворства за самое стихотворство» (Вестн. Евр., 1803, VII, с. 177); «Механизм стиха г. Катенина» (Пушк., XI, с. 221); «Стихотворения Глинки видимо утверждаются в отношении к механизму и обдуманности» (Марл., XI, с. 210); «Различие, господствующее во мнениях естествоиспытателей.. касательно механизма голоса» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 93); «В обширном механизме солнечной системы сила, соединяющая газы и правящая движением, передается с такою быстротою, которая сообразна безмерным, проходимым ею расстояниям» (Новые исследования В. Гершеля о звуке; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 321) и т. д. К середине XIX в. фразеологически устойчивые случаи такого употребления (с одной стороны, в смысле «устройство, система чего-либо», с другой — «совокупность процессов, из которых складывается то или иное физическое, физиологическое или психологическое явление») умножаются и разнообразятся. Ср., напр., обычные с 40-х гг. сочетания *механизм общества*, *общественный механизм* и т. п. Напр.: «В сложном механизме общества..

---

[69] Ср. и здесь несколько сдвинутое употребление, синонимически близкое по смыслу прил. *тяжелый*. Напр.: «Добродушное, несколько массивное лицо г-жи Лукояновой» (Маркев., VI, с. 8).

[70] Ср. также слово *массовка*, появившееся в начале XX в.: «1 августа в Дубовой улице происходила массовка» (Листовки московских большевиков. М., 1955, с. 238; № 109, 1905 г.), и позднейшее *массовик*, дополняющие гнездо слов при слове *масса* в его социальном значении.

всегда можно отыскать смысл» (В. Майк., I, с. 230); «Весь государственный механизм Рима был приспособлен к завоевательной войне» (Писар. (Павл.), V, с. 368); «Народы целые сотни лет и тысячи поколений потратили над обработкой политического механизма» (Г. Благосветлов. Милль; Русск. слово, 1863, № 9, с. 4); «В три дня весь конституционный механизм [французской республики после переворота 2 декабря 1851 г.] рухнул бесследно» (Благ., с. 366); «[Райскому] хотелось вникнуть в порядок хозяйственного механизма Тушина» (Гонч., VI, с. 394) и т. д. Ср. также сочетания *механизм жизни*, *механизм труда*, *мысли*, *мышления* и пр. Напр.: «Совсем другое было с идеями этого врача о механизме образования этих звуков сердцебиения» (Библ. для чт., 1834, № 3, Смесь, с. 44); «Так устроен механизм жизни» (Черн., XV, с. 420); «В общем механизме жизненного труда» (Писар., III, с. 118); «Фельетонист, человек с более или менее усовершенствованным механизмом мышления» (З-[Зарин]. Пора меж волком и собакой; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 10) и т. п. Во многих случаях такие выражения можно признать уже достаточно привычными и стершимися. Однако и здесь мы встречаемся с частыми сопоставлениями и образными деталями, оживляющими их. Бесспорно, что благодарной почвой для распространения таких выражений была широкая популярность механическо-материалистических представлений и частые сознательные аналогии между процессами, проходящими в обществе, в человеческом организме, в психике, и действиями механизма, машины и т. д. Вот некоторые характерные случаи таких сопоставлений: «Как в механизме часов, так и в механизме военного дела, так же неудержимо до последнего результата раз данное движение, и так же безучастно неподвижны, за момент до передачи движения, части механизма, до которых еще не дошло дело» (Л. Толст., IX, с. 315); «Каждая отдельная личность [по учению Платона о государстве] есть известной формы и величины винт, шестерня и колесо в государственном механизме» (Писар., I, с. 93). Однако о все более сильном стирании этих метафор и сознательных аналогий свидетельствуют некоторые примеры, где вторичное, переносное, фразеологически устоявшееся значение слова «механизм» в сущности уже свободно от первичных связей с понятиями механического характера. Так, широко распространенным с 30—40-х гг. XIX в. является противопоставление понятий организма как целого, характеризуемого прежде всего внутренним развитием, и механизма как устройства, определяемого действием внешних сил.[71] Однако во фразеологических сочетаниях этого времени мы встречаем неоднократные «бессознательные» сопряжения слов *механизм* и *организм* в их общем переносном смысле. Ср., напр.: «В механизме государственного организма нужны люди [типа Даву и Аракчеева], как нужны волки в организме природы» (Л. Толст., XI, с. 20); «Недоумевая над механизмом коллективного человеческого организма, г. Складин по своему воззрению стоит довольно близко к гр. Толстому» (Н. Шелгунов. Либеральничествующая неподвижность; Дело, 1871, № 3, с. 38).

Семантическая эволюция прил. *механический* сложилась под более сильным и прямым влиянием этих противопоставлений механизма и организма; слово *механический* во всех своих значениях противостоит понятию органического, живого, естественного и сознательного, произвольного. Слов. 1847 определяет его как относительное прилагательное к сущ. *механика*. Но с 20—30-х гг. XIX в., помимо этого относительного

---

[71] Ср.: «Суд не механизм, не отвлечение от жизни, а живой и восприимчивый организм, приходящий в самое непосредственное соприкосновение с явлениями общежития» (Кони. Судеб. речи, с. 4).

значения,[72] в литературном языке распространяется и новое качественное осмысление этого слова; оно становится синонимом слов *бессознательный, непроизвольный*, с одной стороны, *искусственный, неживой, деревянный* («такой, как у механизма, машины») — с другой. Примеры такого употребления чрезвычайно обильны и фразеологически разнообразны. Ср., напр.: «Подошел к нам солдат.., и механическим голосом, который так симпатизирует с механическим шагом, с механическим мундиром, с механическою силою нашего солдата, нечто вроде шомпола при ружье: „Смена! Извольте идти“» (Герц., I, с. 53—54); «В этом труде много скучного, мучительного, много механического, внешнего» (Бел., XI, с. 219—220); «С чтением и счетом (которые не будут сухим механическим, а самостоятельным занятием) перейду к моему систематическому курсу» (Жук., VI, с. 596); «M-lle Georges.. механически играла свои роли» (С. Акс., II, с. 366); «Человеку, изнемогающему под тяжестью механического и неблагодарного труда, необходимо.. вдуматься в свое бедственное положение» (Писар., IV, с. 405); «После победы совершается обыкновенно простое механическое слияние политеистических доктрин» (Писар. (Павл.), V, с. 343) и т. д. Ср. также *механичный* и производное от него сущ. *механичность*: «Что касается инстинктивных движений, имеющих целью сохранение индивидуумов и распространение вида, то бессознательная механичность их не может подлежать никакому сомнению» (Дело, 1871, № 3, Новые книги, с. 103).

Несколько более прихотливой оказалась семантическая эволюция слова *механика*. Слов. 1847 отмечает это слово лишь как название науки. Д[1] (не очень точно и ясно) указывает и на иное значение: «Наука выгодного приспособления сил» (?!). Практически это слово, во-первых, употреблялось как синоним слова *механизм* в смысле: «система, устройство чего-либо». Ср.: «Думается много, ужасно много, но эти тяжелые мысли, как бесплодный груз, ложатся камнем на мозг и на всю нервную механику» (Благ., с. XIII); «Слобожанин задавал мозгу самые разнообразные, самые прихотливые работы, от которых совершенно расхлябалась его головная механика» (М. Воронов. Записки слобожанина; Дело, 1871, № 3, с. 117). Во-вторых, уже давно это слово употреблялось и в смысле «приемы, способы для осуществления чего-либо». В народно-разговорной речи к середине века оно часто встречается уже специально для обозначения какого-либо хитроумного и чаще неприятного, нехорошего действия, как синоним слова «махинация». Отсюда — и такие сочетания, как *подводить, подстроить механику*.

В ранних примерах переносного употребления еще видны условия образования указанного значения. Ср.: «По щастию физиономия человека есть вывеска столь же явственная, как билет, прибитый к моему дому: душа блистает в глазах, выходит наружу.., оказывается в малейших движениях; имея несколько опытности, видишь нити сей превосходной механики» (Моск. Мерк., 1803, II, с. 94). Но примеры из произведений второй половины XIX в. уже лишены «внутренней формы»: «Все это нисколько не мешало вырытым костям приносить кельнскому духовенству обильные доходы. Механика была очень незамысловата» (Писар.

[72] Относящегося также и к сущ. *механизм*; ср.: «Леность наша скорее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны» (Пушк., XI, с. 21); «Дагерротип как бы нарочно появился в нашу эпоху, чтоб доказать различие между механическим и живым произведением» (В. Одоевск., I, с. 201). Следует добавить, что слово *механический* первоначально, так же как и прил. *реальный, социальный* (см. гл. I, с. 112), относилось и к определенным воззрениям на природу и общество, т. е. имело тот смысл, который сейчас мы выражаем прил. *механистический*. Ср. у Герцена: «Ньютон.. предался исключительно механическому воззрению» (III, с. 271); «Механическое рассматривание природы.. не могло удержаться» (там же, с. 272).

(Павл.), IV, с. 37); «[Ненила Сидоровна:] Значит, механика и выходит с их стороны» (Остр., II, с. 29; ранее идет речь о «штуках» и «подходах» со стороны хитрых людей); «Впрочем, и Подхалюзин так куражится уже тогда, когда в его руках вся механика, подведенная Большовым для объявления себя банкротом» (Добр., V, с. 42) и пр.

* * *

В определенных отношениях совершенно аналогичной была и семантическая история слова *машина*. Рано являются в речи сопоставления и сравнения человеческого организма, различных регулярных явлений природы и общественных институтов с машиной и ее устройством (см.: Веселитск., с. 91). Они постоянны на протяжении всего XIX в. и у разных авторов. Ср.: «Не тут конец сложности этой непостижимой машины Нильской полосы: кроме камня и воды, еще облака входят в ее состав и образуют с ними одно стройное целое» (Брамбеус. Эбсамбул; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 223); «Все государство [по мнению английских буржуазных экономистов] превращается в контору, люди — в вещи и машины» (В. Майк., II, с. 14); «Общество, народ, человечество — это страшная громадная машина со множеством стучащих и скрипящих винтов, колес и пружин» (А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе; ЖМНП, 1872, № 1, с. 44). Естественно, что эти сопоставления и образные уподобления являлись тогда, когда шла речь о действиях автоматических, бессознательных и бесперебойных. Ср.: «Мне все противно, все скучно; я машина, хожу, делаю и не замечаю, что делаю» (Гонч., IV, с. 362); «Анна Павловна .. одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину» (Л. Толст., IX, с. 12); «— Я даю вечеринку, и дамы требуют, чтобы я непременно пригласил и Беликова и Вареньку. Одним словом, заработала машина» (Чех., IX, с. 258) и т. д. На почве этих постоянных отождествлений с 20—30-х гг. XIX в. складываются устойчивые сочетания типа *государственная*, *административная* и т. п. *машина*. Ср.: «Только в наше время правительство проникло во все стороны многосложной машины своего огромного государства .. Старые основы общественной жизни, которые уже заржавели от времени и могли бы только затормозить колеса великой государственной машины и остановить ее движение вперед, мудро отстраняются мало-помалу, без всякого сотрясения в общественном организме» (Бел., X, с. 366);[73] «Государственная машина отказывалась служить, и потому поневоле надо было приняться за пересмотр ее целого состава и всех отдельных частей» (Писар. (Павл.), III, с. 133—134); «В своем пророчестве Маколей говорит .. о распадении правительственной машины» (Н. Шелгунов. Очерки из истории Соединенных Штатов; Русск. слово, 1864, № 3, с. 44); «Без личных способностей и без обширных знаний невозможно ворочать громадную и сложную административную машину» (Писар. (Павл.), V, с. 439). Эти фразовые сочетания следует признать более метафорическими и образными, чем сочетания типа *государственный механизм* и т. д.[74]

---

[73] Любопытно, что тот же Белинский в других случаях сознательно не отождествляет государство с машиной. Ср.: «Человеческое общество, народ или государство есть не искусственная машина, механически движущаяся, но живое тело, кровь и плоть, одушевляемые духом» (III, с. 350). Но складывающийся modus dicendi оказывался иногда сильнее сознательного анализа и для него. Выражение приобретало значение помимо реальных истолкований понятия.

[74] Можно отметить здесь также, что слово *машина* в разговорном употреблении давало и продолжает давать контекстуально суженные, «эллиптические» значения. В XIX в. с появлением железных дорог *машина* в просторечии употреблялась как обозначение поезда, паровоза; просторечие этого времени знает слово

Первоначально производные от слова машина — *машинальный* и *машинация* (*махинация*) — оказались слабо связанными с ним и быстро обособились в своем значении. Прил. *машинальный*, закрепившееся в русском языке в первой четверти XIX в., всегда употреблялось только как простой синоним слов *безотчетный*, *бессознательный*. Ср. в «Евгении Онегине» (гл. IV, XVII): «Он подал руку ей. Печально (Как говорится, машинально) Татьяна молча оперлась». Слово *махинация* (первоначально также и другой фонетический вариант: *машинация*),[75] вначале известным образом связанное по значению со словом *машина*, также во второй половине XIX в. уже вполне оторвалось от него и сохранилось лишь в смысле «нечестный, жульнический поступок». Ср. с одной стороны: «[Достоевский в «Двойнике»] бестрепетно и страстно вглядывался в сокровенную машинацию человеческих чувств, мыслей и дел» (В. Майк., I, с. 208); и с другой стороны: «Придется за это впутать себя в целую „махинацию", взять с Усатова дутых векселей на сотню тысяч и явиться подставным владетелем не одного десятка акций» (Бобор., XI, с. 263).

Пертурбация. В Слов. 1847 слово отсутствует; Даль и Толль приводят лишь терминологическое его значение. Ср. в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского: «Комета никогда не следует своему нормальному пути: она беспрестанно уклоняется от него, притягивается то тем, то другим небесным телом, и оттого прежние астрономы, не принимавшие в расчет сих *пертурбаций*, ошибались в своих предсказаниях» (I, с. 57).

С 60-х гг. является и употребление в общем смысле «неожиданное изменение или осложнение в ходе дел». Ср.: «произведенная пертурбация» (СПб. вед., 1862, № 93, с. 425); «Бодростин долго ухаживал за своей женой после петербургской пертурбации с Казимирой» (Леск., ПСС, XXVII, с. 60); «С тех пор, как мы не виделись, в моей жизни произошло немало всяких пертурбаций» (Чех., XVI, с. 137) и др. Видимо, следует предположить независимое заимствование слова в терминологическом значении и в общем смысле.

Фаза. Первоначальный вариант в XVIII в. и первой половине XIX в. — *фаз*,[76] устойчивый вариант — *фазис*. Словари первой половины XIX в. указывают лишь на терминологическое (астрономическое) значение слова. Но с 30-х гг. в переводных и оригинальных произведениях, в журнальных статьях и в беллетристике сталкиваемся и с употреблением слова в общем смысле. Ср.: «Троякий бог индийцев представляет нам различные фазы создания» (Э. Кине. О природе и истории (перев.); Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 17); «Волынский мысленно прошел фазы своей безумной любви, и слезы закапали из глаз» (Лаж., Лед. дом, III, с. 190); «Человечество и должно находиться в борьбе, доколе оно не разовьется, .. не взойдет в фазу человеческую, в фазу гармонии» (Герц., I, с. 31); «Представьте нам все фазы жизни народа, все ее переходы и изменения» (Бел., II, с. 107); «Фазис в развитии внутреннего мира»

машина и как обозначение механического органчика, популярного в трактирах. Позднее *машина* будет также применяться к различным видам автомобильного транспорта, к велосипеду, самолету (см. примеры в Слов. совр. русск. лит. яз., VI).

[75] Толль дает только вариант *машинация* («собственно искусственная установка машины, также злоумышление, навет, заговор»). В слов. 1847 и у Даля этих слов нет, — ср. также первоначальную вариантность форм: *машина* и *махина*. Латинизированная форма *махина* держалась еще и в первой половине XIX в., впрочем, все более уступая первое место офранцуженной форме *машина*. В просторечии старая форма *махина* получила особое значение.

[76] Яновск.: «*Фаз или фазис. Реч. астр.*»; Слов. 1847: «*Фаз. Астр.* Вид луны и планет, изменяющийся соответственно положению их в отношении к солнцу»; Д[1]: «*Фазис и фаз.* Вид, положенье, состоянье и оборот дела. *Политика вступила в новый фазис. Фазы луны, планет* — положение относительно солнца и земли: полнолуние, ущерб и пр. *Главных фазисов луны четыре*»; Угл., Марк., Бурд.: *Фазис или фаз;* Мих. 1865: *Фазис.*

(Бел., III, с. 216); «Каждый фаз европейской истории» (В. Милют., с. 168) и т. п. Очень часто в сочетании *фаза развития*. Напр.: «Наша литература.. уже свершила несколько фазов развития» (Бел., VI, с. 8); «Следить за человечеством в главнейших фазах его развития» (Герц., I, с. 59) и т. д. См. и в сочетании с другими существительными: «Франция.. вступила в новый фазис своего существования» (Русск. слово, 1862, № 3, Политика, с. 19); «Кумачев — символ, показатель новой фазы общественного роста» (Бобор., VII, с. 26); «Мишель.. принимал важное участие в обеих фазах борьбы» (Писар. (Павл.), VI, с. 420); «И родные и посторонние уже прошли через все фазы ожидания» (Л. Толст., XIX, с. 14); «Новый фазис, в который вступил неаполитанский вопрос» (СПб. вед., 1856, № 225. с. 1253) и др. Случаи образной реализации первоначального терминологического значения редки. Ср. у Лескова в «Захудалом роде»: «Открылась новая фаза течения моего светила среди окружавших его туч и туманов» (V, с. 79). Очевидно, фразеологически связанное литературное употребление слова сложилось в ходе воздействия новой фразеологии французского языка. Характерно, что Даль уже рассматривает терминологическое значение слова в астрономии как особый, частный случай широкого и общего значения. Так оно и получилось в условиях очень бурного распространения слова в литературной речи. Правда, пуристы еще в 50-х гг. возражают против такого расширительного употребления, но на ход дела эти протесты влияния не оказывают.[77]

* * *

Довольно многочисленны относящиеся к этой группе лексики случаи, где при переходе термина в общее литературное употребление, при видоизменении его смысла и расширительном употреблении слова сохранилось и даже подчеркивалось явление «переноса», связь с исходным значением. Можно отметить, что почти все случаи этого рода появляются с середины века, особенно в 60-х гг. Ниже мы рассмотрим наиболее устойчивые и типизированные из них.

Аберрация. Слов. 1847 дает только терминологические толкования: «1. *Астр.* Видимое уклонение светил, происходящее от того, что скорость света не бесконечно велика. 2. *Физ.* Рассеяние лучей»; то же Даль и Слов. Акад. 1891. См. характерное сравнение в «Письмах об изучении природы» Герцена: «Логическое развитие идеи идет теми же фазами, как развитие природы и истории; оно, как аберрация звезд на небе, повторяет движение земной планеты» (III, с. 129). С середины века являются и случаи нетерминологического употребления. Ср. в повести В. Крестовского (псевдоним) «Несколько летних дней»: «Эта заботливость бросала ее в какую-то аберрацию» (Отеч. зап., 1853, № 1, с. 119). По поводу этого примера И. Покровский замечал: «*Аберрация* здесь

---

[77] Ср. в «Памятном листке ошибок в русском яз.» И. Покровского по поводу фразы из повести М. Жуковой «Наденька» (Совр., 1853, № 8, с. 114) «Татьяна Александровна входила в обыкновенную фазу своей всегдашней будничной жизни» следующее замечание: «Вместо *в обыкновенную фазу* было бы несравненно лучше и правильнее: *в обыкновенную среду*, — во-первых, потому, что здесь речь идет о всегдашней, постоянной жизни, и, следовательно, слово *фаза*, выражающее изменяемость, неуместно, во-вторых, по той причине, что слово это хорошо в физической, астрономической или подобной ученой статье, но некстати в легком рассказе» (Москвит., 1853, № 21, с. 40). В свою очередь Ф. Булгарин, критикуя слог статьи А. Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году», нападает на некоторые новые слова (напр., *миросозерцание*, *концепция*, *типичность*, *объективный*, *субъективный*, *филистер*, *грандиозность* и т. п.), и в частности на сочетание *фазис развития*. (См. Ф. Б. Заметки, выписки и корреспонденция; Сев. пчела, 1853, № 39).

употреблено вместо *расстройство, замешательство*. Кроме того, что *аберрация* не имеет такого значения, а выражает *уклонение, совращение с пути*, она, в изящной литературе, и в настоящем своем смысле ненужна и неуместна и должна уступить место вышеприведенным: *уклонение, совращение с пути*» (Москвит., 1853, № 15, Смесь, с. 136). Но в дальнейшем являются случаи и явного переносного употребления этого астрономического термина в смысле «уклонение от правильного течения (мысли)». Ср.: «Опять прибежала Улитушка, крикнула в дверь: „— Володимером назвали!“ Странное совпадение этого обстоятельства с недавнею аберрацией мысли, тоже напоминавшей о погибшем Володьке, умилило Иудушку» (Салт., XII, с. 213); «Интересная психологическая аберрация! „Человеческая природа“ является у утопистов исходным пунктом их исследований» (Плехан., I, с. 709).

Барометр. Начиная с 30-х гг. в языке критики и публицистики становятся обычными образные применения этого термина и его производных. Ср.: «Вы не встретите в них [драмах В. Гюго «Лукреция Борджиа» и «Король забавляется»] ни одного благородного или человеческого порыва: кажется, будто убийственные испарения века придавили и понизили барометр его гения» (Мнение «Edinburgh Review» о нынешней французской словесности; Библ. для чт., 1834, I, с. 68). Особенно популярны они с 60-х гг.; «Наш вексельный курс — этот лучший современный барометр общественного положения в известный момент времени» (Русск. слово, 1862, № 4, Современная летопись, с. 31). «Как внимательно он, Борис, следит за показаниями политического барометра» (Писар., IV, с. 378); «[М. Вовчок] остается все-таки литературным барометром, на котором можно рассмотреть все фазисы в развитии социального мышления русского образованного общества» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 23) и т. д. Ср. и более развернутые картины, возникающие на базе этого фразеологического употребления термина: «Наполеон III показал на Франции, что после полувековой борьбы за разные политические формы, после бесчисленных жертв, принесенных народом для удовлетворения эгоизма и прихоти партий, можно привести страну к тому же нулю, на котором стоял ее политический барометр в блаженную эпоху Бурбонов» (Г. Благосветлов. Милль; Русск. Слово, 1863, № 9, с. 2); «Эти два издания [«Неделя» и «Новое время»] .. имеют один общий признак — необыкновенную чуткость и впечатлительность к малейшим переменам в общественной атмосфере. По-видимому, в природе все стойко и определенно по-прежнему: и ветер, кажется, дует тот же и солнце стоит за тучами и слякоть чувствуется повсюду. а уж ртуть в чувствительных барометрах зашевелилась и пошла на повышение. Эти оба одинаково впечатлительные барометра показывают.. состояние двух разных атмосфер. Оттого-то для верного понимания погоды вообще нужно наблюдать оба барометра. „Новое время“ показывает состояние атмосферы в высших слоях. из которых исходит гром, молния, свет и теплота или же мертвящий холод. „Неделя“ отмечает состояние погоды в средних слоях атмосферы, в том, что называется обществом или специально средним обществом.. Для более наглядного сравнения я сделаю этим двум чувствительным барометрам коротенькую фактическую параллель» (Шелг., III. с. 903—904).

Ср. также у Писарева образно-переносное употребление сочетания *барометрическое указание* (неоднократно): «Неуспех палестинского похода, предпринятого в 1202 году, и успех альбигойской войны, начавшейся в том же десятилетии,.. составляют, вместе взятые, важное барометрическое указание для мыслящего историка» (Писар. (Павл.), IV, с. 393); «Появление ересей очень важно как барометрическое указание на положение умственной погоды» (там же, III, с. 561).

Встречаются также и случаи образного применения слов *термометр* и *температура*. Напр.: «В моменты все более важных общественных реформ наша пресса служила их верным термометром» (Дело, 1869. № 10, Новые книги, с. 65); «Как скоро существует мера удовольствия и страдания, услуги этого, если можно так выразиться, нравственного термометра неоценимы» (там же, № 9, Новые книги, с. 66); «В „Батманове" [Писемского], несмотря на все прекрасно отделанные частности этой повести, миросозерцание понизилось совершенно до безразличия температуры с изображаемою автором действительностью» (А. Григ., I, с. 71); «После первого крестового похода религиозная температура Европы вдруг понизилась на значительное число градусов. Европу пришлось подогревать искусственными средствами» (Писар. (Павл.), IV, с. 392).

Инерция, инертный. Впервые *инерция* — Кир. («*Инерция* или недеятельность — есть общее свойство всех тел», — только применительно к явлениям материального мира); Д[1] («*Физ.* Покой, недеятельность тел, без внешнего побуждения; косность»); в Слов. 1847 слово еще отсутствует; Толль: «в физике означает свойство материи, по коему тела имеют стремление сохранить то состояние, в коем они находятся»; также в словарях иностранных слов 60-х гг. Производных словари XIX в. не отмечают. Сам термин относится к сравнительно поздним заимствованиям.[78] Начинает употребляться в расширительном смысле, в применении к социальной и психической сфере, с конца 40-х гг. (редко). Широкое распространение в этом смысле получает в литературе, особенно публицистике 60-х гг. Любопытно, что в демократической литературе этого времени это слово получает особо подчеркнутый социально-политический смысл, выступая в качестве яркого антонима самодеятельности, активности, инициативы, движения, прогресса и т. п. Ср.: «В натуре Леницкого было более страсти, в Армгольде же — упорства и инерции» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 137); «Когда существенный характер общества заключается не в инерции, а в самодеятельности.., тогда ваши идеи, высказанные публично или напечатанные, принимаются не иначе, как после многосторонней и строгой критической проверки» (Писар., II, с. 63); «При всей кажущейся социальной инерции нашего общества в нас живо стремление к чему-то иному, лучшему будущему» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 18) и т. д. Фразеологически устоялись сочетания *по инерции, по силе (в силу) инерции*. Ср.: «[Обломов] все делает по инерции» (Добр., IV, с. 327); «Дело по инерции шло еще несколько лет» (Крамск., II, с. 231); «Клюшников пишет одну сцену за другою по какой-то силе инерции, совершенно машинально: без всякого общего плана, не умея даже понимать смысл собственных своих фраз» (Писар., III, с. 239); «Против него [Сперанского] поднялась густая и пестрая масса невежественных подьячих, в силу одной инерции переходивших к повышениям и наградам» (Благ., с. 553) и пр.

И прил. *инертный* (а также его первоначальный вариант — *инертивный*) входит в сочетания, относящиеся по смыслу к социальным и психическим явлениям. Ср.: «Инертивно слабый характер» (Герц., II, с. 280); «К расколу народ примкнул в силу того инертивного свойства, которое присуще всякой массе» (СПб. вед., 1861, № 271, с. 1484); «Законные потребности заявляли свое существование сопротивлением, иногда тупым и инертным, как сопротивление наших староверов, иногда

[78] Понятие инерции долгое время (XVIII в. и начало XIX в.) в русской физической терминологии выражалось различными русскими соответствиями: *косность*, *грубость* (в переводе С. Румовского «Писем о физических и филозофических материях» Л. Эйлера), *неключимость*, *упорство* и т. п. (см. некоторые примеры этого — Веселитск., с. 67).

деятельным и блестящим, как сопротивление нидерландских патриотов против распоряжений Филиппа II» (Писар., II, с. 58); «Пока наши крестьяне будут безграмотны, .. до тех пор они будут оставаться в земских собраниях балластом и будут только увеличивать своею инертною тяжестью силу тех партий, которые возьмутся заправлять ими» (Скалдин. В захолустье и в столице. СПб., 1870, с. 430) и т. п. См. также и сущ. *инертность*: «В чем заключаются главные черты обломовского характера? В совершенной инертности, происходящей от его апатии ко всему, что делается на свете» (Добр., IV, с. 314).

Оптический обман. Слов. 1847 дает как сочетание при слове *оптический* без толкования; Д[1]: «*Оптический обман* глаза, зрения — ошибка в суждении по видимости». Образное употребление, видимо, получает силу в романтических стилях 20—30-х гг. Ср.: «И все в мечтателе питало Души оптический обман» (А. Бестужев. Дорожные записки на возвратном пути из Ревеля; Невский зритель, 1821, VI, с. 23); «Ни Жуковский и никто из товарищей и последователей его не подозревали, что они пустились в океан беспредельный. Оптический обман представлял им берега вблизи» (Н. Пол., I, с. 114); «Быстрота зимней езды — просто — оптический обман» (Чугунные дороги; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 120) и др. Быстро превращается в ходячее выражение, хотя часто и сохраняет свою «внутреннюю форму». Ср. еще: «Мысли высоких умов не подвергаются ли тому же оптическому обману, который безобразит для нас отдаленные предметы?» (В. Одоев., I, с. 34); «Отсюда это безверие в действительность чувства и мысли, это охлаждение к жизни, в которой ему [Печорину] видится то оптический обман, то бессмысленное мельканье китайских теней» (Бел., IV, с. 253); «В философии, как в море, нет ни льда, ни хрусталя: все движется, течет, живет, под каждой точкой одинакая глубина.., и, как в море, поверхность гладка, спокойна, светла, беспредельна и отражает небо. Благодаря этому оптическому обману дилетанты подходят храбро, без страха истины, без уважения к преемственному труду человечества» (Герц., III, с. 13) и т. д.

Орбита. В Слов. 1847 только терминологическое значение с пометою: «*астр.*»; у Д[1] еще и *глазная орбита*, но указаний на образно-переносное употребление слова нет. В первой половине XIX в. употребителен также вариант *орбит*, муж. р. Переносное употребление, восходящее к сравнениям, отмечается с 30-х гг. Ср.: «Женщина обречена природою совершать свой орбит около домашнего очага или детской люльки» (Марл., IV, с. 254); «[Тушин] не был сам творцом своего пути, своей судьбы, ему, как планете, очерчена орбита, по которой она должна вращаться» (Гонч. VI, с. 391); «[Байрон] вышел из условных орбит условнейшего существования» (А. Григ., I, с. 150) и т. п. Ср. также выражения *войти* (*включить* и т. п.) *в орбиту* чего.

Полюс; полярный. В Слов. 1847 — только терминологические значения; при слове *полярный* — помета: «*астр.*»; Д[1] между прочим указывает: «Полюсами зовут также вообще крайние точки супротивных друг другу сил (или, математически, + и —)», «*полярные друг другу силы* — супротивные». Расширительно-переносное употребление идет с 20—30-х гг. XIX в. Ср.: «Театр по существу своему должен быть в противоречии с нравами, противоположным полюсом общества» (Пушк., XII, с. 59; в переводной с французского цитате); «Если в человеческом знании есть полярность, то автор этих книжоночек без всякого сомнения — отрицательный полюс знания» (Библ. для чт., 1835, № 1, Лит. летопись, с. 14); «Фантастическое есть.. противоположный полюс пошлой рассудочной ясности и определенности, которая в жизни видит математику, индюстриальность или сытный обед с трюфлями и шампанским» (Бел., IV, с. 98); «У нас [в театре] в одном ряду кресел встречаются противоположные

полюсы человечества — от небритой бороды патриархальной, бороды an sich, до отращенной бороды, сознательной бороды für sich» (Герц., II, с. 53) и т. д. Ср. также в художественной прозе: «— Послушайте, Катерина Архиповна, в подобных вещах нужно выбирать два полюса: или решительно не выдавать дочь.. или выдавать без всякого размышления» (Писем., I, с. 469); «Со мной же у сестры ни малейшего сходства; два противоположных полюса» (Дост., VIII, с. 112) и т. п.

Призма. Слов. 1847, помимо терминологических значений — в математике и физике («Снаряд, употребляемый для преломления солнечных лучей»), дает и фразеологическое сочетание: «*Смотреть сквозь свою призму* — зн. смотреть с своей точки зрения». Это один из ранних вкладов терминологической лексики в литературную фразеологию (примеры из произведений первой трети XIX в. — см.: Веселитск., с. 97). Выражение *смотреть сквозь призму* (чего-либо или какую-либо) очень распространено с 20—30-х гг. Ср.: «Стихотворения [Ломоносова] имеют характер ораторский, от этого-то сквозь призму их радужных цветов часто виден сухой остов силлогизма» (Бел., I, с. 44—45); «За „Вертером" поет Гете другую дивную песнь — песнь юности.., где все предметы видны сквозь призму юности» (Герц., I, с. 71). Реже слово *призма* выступает в иных сочетаниях. Ср.: «Вина и заслуга, как и все прочие виды добра и зла, теряли в то страшное доброе старое время всякое самостоятельное значение, переломляясь на совершенно, по нынешним нашим понятиям, неожиданный манер в призме господствовавшей системы отношений» (Михайловск., V, с. 352); в развернутом сравнении: «Миросозерцание всякого народа есть .. призма с одним или несколькими первосущными цветами радуги, сквозь которую он созерцает тайну бытия всего сущего» (Бел., IV, с. 418). Ср. также выражение *смотреть через* какие-либо (черные, розовые и т. п.) *очки* и образное употребление сочетания *увеличительное стекло*. Напр.: «Увеличительное стекло клубной болтовни быстро превратило случившееся в какое-то огромное дело с политической окраской» (Орловск., II, с. 157).

Рычаг. Словари XIX в. не отмечают возможности переносного, фразеологического употребления; но в сравнениях и различных образных сочетаниях это слово встречается уже и в языке XVIII в. Ср., напр., у Радищева: «Великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, .. приводят ее во благое сотрясение» (Соч., III, с. 105). С 20—30-х гг. такие случаи очень часты и превращаются в готовый фразеологизм. Иногда они выступают с подчеркнутыми «механическими» ассоциациями. Ср.: «Журналы наши умели искуснее поворачивать рычагом мнений» (Вяз., II, с. 71); «Мирабо открыл в себе могущественный рычаг, которым человек двигает огромными массами себе подобных по своему произволу» (Записки Мирабо и Барбе-Марбуа; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 85); «Внешних рычагов нет — вся драма завязывается из столкновения разных индивидуальностей» (Бел., III, с. 160); «Деньги — рычаг всего. При деньгах можно все сделать» (Писем., I, с. 491); «Он, двадцатилетний юноша, уже находился в служебном круговороте, в качестве рычага государственной машины. Рычага маленького, почти незаметного, а все-таки...» (Салт., XVI, с. 510); «С одной стороны, могущество авторитета, а с другой — пассивное повиновение составляет главный рычаг несложного политического механизма» (Г. Благосветлов. Милль; Русск. слово, 1863, № 9, с. 3) и т. п.

Ср. также *рычаг Архимеда* в образных сопоставлениях: «Провозвестник будущего, как он сам [Оуэн] называл себя, взял указку школьного учителя и видел в ней рычаг Архимеда для общественного переворота. В этом вся ошибка этого неутомимого деятеля» (Благ., с. 70); «Где точка, на которой можно было бы утвердить Архимедов рычаг единодушия

между нашими либеральными партиями двух наиболее противоположных лагерей» (Отеч. зап., 1863, № 3, Современная хроника России, с. 8); «О газетах потише — это Архимедов рычаг: они ворочают миром» (Гонч., V, с. 215).

Фокус. Слов. Сок. и Слов. 1847 еще не намекают на возможность переносного употребления; ср. определение в Слов. 1847: «Точка, находящаяся на оси оптических стекол и вогнутых зеркал. в которой собираются параллельные лучи, приходящие от дальних предметов»; так же и у Даля. С 30—40-х гг. переносное употребление уже обычно. Ср.: «Париж.. столица памфлетов, рынок водевилей, фокус романтизма» (В. В. Последние известия из Парижа; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 120); «Старики будто умылись живою водой и, схватив свою старость в охапку, бежали к фокусу общего любопытства» (Лаж., Лед. дом, III, с. 10); «Каждая его [Шекспира] драма есть символ, отдельная часть мира, сосредоточенная фокусом фантазии в тесных рамах художественного произведения» (Бел., I, с. 266); «Литература есть только фокус, где отражаются как самые высокие, так и самые безобразные стороны общественной жизни» (В. Зайцев. Библиографический листок; Русск. слово, 1865, № 4, с. 71); «[Сю] вовсе не представляется нам бесцветным зеркалом, отражающим то, что попадает в рамки его оптического фокуса» (Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 253). Как видно из последнего примера, слово часто выступает в разных сравнениях и сопоставлениях. Ср. обычную формулу *как в фокусе*: «Уяснять.. всю емкость и жизненную полноту того же единства, в котором, как в фокусе, сходятся отдельные явления» (В. Майк., I, с. 32); «Художник представляет общий тип, собирая в нем, как в фокусе, все отличительные черты известного явления» (Г. Благосветлов. В. Гюго и его роман Les Misérables; Русск. слово, 1862, № 4, с. 11). Также обычно в сочетаниях *собирать*, *соединять* и т. п. *в один фокус*: «[В сумасшедших] все понятия, все чувства собираются в один фокус» (В. Одоев., I, с. 36); «На другом конце Европы происходила оживленная работа нескольких гениальных людей, так счастливо соединенных в один нравственный фокус» (Р. Р. Неизданные сочинения и переписка Карамзина; Русск. слово, 1862, № 3, с. 66); «Не знаю, смогу ли и теперь сосредоточить в один фокус все, что со мной и около меня делается» (Гонч., II, с. 40) и т. п.

К ранним случаям этого рода относится появление переносных значений у гл. **гальванизировать и электризовать**. С конца XVIII—начала XIX в. опыты Вольта и Гальвани, открытие животного электричества и лечение посредством электризации сильно интересовали публику. В «Вестнике Европы» Карамзина, позднее — в «Московском телеграфе» и «Библиотеке для чтения» сообщения об успехах в изучении электрических явлений занимали много места. Об электрической и гальванической силе много говорилось и фантазировалось в беллетристике 20—30-х гг., особенно — в произведениях «Неистовой школы» французских романистов (напр., у Жюля Жанена).[79] Уже в 30-х гг. в русской литературе чрезвычайно часто является образно-переносное употребление этих слов. Ср. *электризовать* (*электризировать*): «Огромное количество мыслей.. электризирует разговор собраний» (Библ. для чт., 1834, № 5, Критика, с. 28); «[Итальянец] веселостью своею завлекает, интересует, электризирует свою публику» (Григор., I, с. 15); «От этого происходит и изуми-

[79] Пушкин иронически назвал произведения писателей этой школы *словесностью гальванической* (см. XII, с. 70). Вот один характерный пример такого слога из прозы Марлинского: «Воспоминания подымаются толпой.. Озаренные бледным месяцем минувшего, эти мертвецы начинают свою страшную, галваническую пляску» (X, с. 233).

тельная свежесть и электризирующее впечатление их стихов» (В. Боткин. Стихотворения А. А. Фета; Совр., 1857, № 1, с. 35); «Молодой девушке приходилось увлекаться, наэлектризовываться своими светлыми надеждами» (А. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят; Дело, 1871, № 6, с. 22) и т. д.[80]

Гальванизировать: «[Издатель] приведет в стройную целость эти разбросанные, гальванизированные недоростки жизни» (Вяз., II, с. 247); «Гальванизированные словом прогресс, мы и пошли основывать общества» (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 47); «Гальванизируя и увлекая массу, титан идет впереди всех» (Писар., IV, с. 212) и т. п. Ср. частые, особенно в прозе 30—40-х гг., упоминания о *гальванизме, гальванической силе* при характеристике лиц и их действий: «Смотря на нее, можно было подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма» (Пушк., VIII, с. 240); «Будто гальванической силой приподняло цыганку при взгляде на ребенка» (Лаж., Лед. дом, IV, с. 192); «Гальваническая сила от соединения предметов, по-видимому, холодных, разнородных, соединение истории и сказки в романе — это В. Скотт» (Н. Пол., I, с. 153).[81] Впрочем, это переносное употребление слов *гальванизировать, гальванический* после 60-х гг. начинает постепенно сокращаться; для нашего времени оно уже безусловно оказывается устарелым.

* * *

Можно отметить еще несколько терминированных сочетаний, которые также получили образно-переносный смысл и стали фразеологизмами.

Безвоздушное пространство. Ср. в «Отцах и детях» Тургенева: «— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотрим, как вы будете существовать в пустоте, в безвоздушном пространстве» (III, с. 187). См. еще *безвоздушная пустота*: «Что такое свобода? — Это, по мнению провинциала, какое-то странное положение между небом и землею, это безвоздушная пустота» (Салт., VII, с. 289).

Звезда первой величины. В кругу богатой фразеологии, опирающейся на переносное употребление слова *звезда*, это выражение следует признать генетически и стилистически связанным с научной терминологией. Начало переносного его употребления можно отметить уже в 30-х гг. Ср.: «Она представилась мне не женщиною, но каким-то метеором, — скоплением светистых стихий неба, — звездою первой величины» (Брамбеус. Предубеждение; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 214); «Вдруг на горизонте нашей поэзии взошло новое яркое светило и тотчас оказалось звездою первой величины» (Бел., IV, с. 196); «Как только он приехал в Петербург, заговорили о нем, как о вновь поднимающейся звезде первой величины» (Л. Толст., XVIII, с. 324) и т. д. Ср. также: «Шиллер и Гете — это целые два мира лирической поэзии, два великие ее солнца,

[80] Ср. также частые сравнения с явлениями электрической силы, особенно в прозе 30—40-х гг. Напр.: «Чувство бесконечного есть.. живой электрический проводник между человеком и богом» (Бел., II, с. 371); «Последнее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясение на всех разом вдруг» (Гог., IV, с. 10); «Писанные им [Шишковым] манифесты действовали электрически на целую Русь» (С. Акс., II, с. 305—306); «Величественные зевки, подобно электрической искре, перебегали с уст на уста» (Марл., I, с. 6). — Ранний пример (1816 г.) на гл. *электризовать* в переносном смысле — см. у Веселитск., с. 89.

[81] Ср. в рецензии Белинского ироническое замечание по поводу приподнятого слога романтических биографий: «Не говорим уже о том, что тут видны следы руки, которая *гальванически хваталась за перо, когда автора пронизывало вдохновение* (не называйте наших слов галиматьею: это слог «биографий Пушкина и Брюллова»)» (IV, с. 575).

окруженные множеством спутников и звезд различных величин» (Бел., V, с. 51).

Наклонная плоскость — в сочетаниях типа *катиться* и т. п. *по наклонной плоскости*. Переносное употребление этих выражений для обозначения духовной и нравственной деградации является во второй половине XIX в. Ср.: «Пустили их [профессоров типа Телицына, Ириниан-ского] вниз по наклонной плоскости, они и катятся по силе инерции до тех пор, пока их не остановит накопление жира или истощение сил» (Писар., II, с. 149); «В конце концов г. Лесков, спускаясь по наклонной плоскости измо-обличений, преображается в олимпийца-охранителя, в пошлого площадного гаера» (Дело, 1880, № 5, Новые книги, с. 141); «Если бы раньше он подумал об этом, теперь не сидел бы в этой проклятой трущобе, а то скатился по наклонной плоскости самым глупым образом» (Мам.-Сиб., ПСС, VIII, с. 394) и т. д.

Торичеллиева пустота. Шутливое, эмфатическое выражение, ставшее популярным в кругах учащейся молодежи с 60-х гг. Ср.: «Значит, „наша журналистика“ = „Русское слово“ + „Современник“. Все же остальное, по приговору самих филистеров, — не журналистика, а торичеллиева пустота» (Писар., III, с. 282); «Отрицая знание, граф Л. Н. Толстой, однако, понимает, что создает этим торичеллиеву пустоту, и потому наполняет ее тем, что бог положил ему на душу, что он прочитал в окружающей его деревенской природе, что навеяла на него славянофильская Москва» (Н. Шелгунов, Философия застоя; Дело, 1870, № 1, с. 23); «Весьма обыкновенный тип провинциальной барышни. В голове торичеллиева пустота, никаких идеалов, никаких сознательных стремлений, никаких разумных целей» (П. Никитин [Ткачев]. Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики; Дело, 1875, № 7, с. 54).

Точка замерзания, точка опоры и т. п. Фразеология с опорным словом *точка*, позаимствованная из круга терминологических сочетаний, наиболее разнообразна и устойчива. Она соприкасается с калькированной фразеологией нетерминированного происхождения (ср. *исходная точка*, *точка отправления*, *точка сравнения*[82] и т. п.), также становящейся обычною в это время.

Следует отметить, что и само слово *точка* часто с этого времени выступает в литературных контекстах в том смысле, который теснее всего связан с терминологическим (математическим) значением этого слова, т. е. в смысле чисто формального, абстрактного определения какого-либо места пространства, момента времени и т. д. Ср., напр.: «Мысли его, как улитковые линии, сходились в одну точку, и эта точка была „она“» (Марл., VII, с. 112—113); «Жаль, что хотят в точности определить самое место, самую точку, где такое-то и такое-то событие происходило» (Вяз., IX, с. 245); «Исторический роман есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством» (Бел., V, с. 42); «Италия жила всеми точками, жила городами, жила республиками.., но никогда не чувствовала потребности в единовластии, в централизации» (Герц., V, с. 268) и т. д. и т. п.

а) Наиболее ранним по распространению в нашей литературной речи было сочетание *точка зрения*,[83] скоро превратившееся в простой синоним слов *взгляд*, *воззрение* и т. п., во фразеологизм и утратившее в этом

[82] Ср.: «Где найдем точки сравнения при определении наших успехов?» (Н. Пол., I. с. 384); «Прежде всего нужно узнать точку высоты современных требований» (Библ. для чт., 1835, № 2, Литературная летопись, с. 57). «В городе.. все жили порознь, нигде не было точки соединения» (Вигель, Зап., с. 210); «В общественном положении обеих женщин.. также были точки сближения» (Ф. Толль. Труд и капитал. СПб., 1861, с. 196).

[83] Ср. франц. point de vue.

смысле связь с исходным терминологическим значением. Ср. уже в произведениях карамзинской школы: «На ученых, равно как на героев, — равно как на многие другие предметы — хорошо смотреть издали, с их оптической точки зрения» (Моск. Мерк., 1803, IV, с. 99—100); «Моды будут нашею точкою зрения» (там же, I, с. 73). С 20—30-х гг. XIX в. это сочетание употребляется уже широко и, чем дальше, тем менее осознается его «внутренняя форма». Ср.: «Вступление его в сию статью [«Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 г.»] отличается в особенности тем, что г. Бестужев взял за предмет точку зрения совершенно новую, смотрит на нее с гораздо высшего места и видит в обширнейшем объеме» (Сев. пчела, 1825, № 40, с. 2); «С сей же точки зрения смотреть должно на „Песни и романсы“ Мерзлякова» (Н. Пол., I, с. 435); «[В годичных обозрениях] все отдельные и разнообразные явления целого года подводятся под одну точку зрения» (Бел., VIII, с. 430).[84]

Вхождение сочетания в синонимический ряд, уже представленный словами *мнение*, *суждение*, *взгляд*, *воззрение* и т. п., открыло путь для самых разнообразных сочетаний с определениями-прилагательными или род. пад. существительных (какая-либо *точка зрения*, *точка зрения* кого, чего-либо). Ср.: «С точки зрения исключительно греческой национальности зрители завоеванных Александром стран были варвары» (Гран., II, с. 105); «— Это слово [нигилист] означает человека, который ... который ничего не признает? — Который ко всему относится с критической точки зрения, — заметил Аркадий» (Тург., III, с. 186); «Разговор был постоянно одушевленный, горячий. Предметом его были толки об искусстве с точки зрения Гегеля» (И. Панаев, с. 311) и т. п.[85] Нетрудно заметить, что в таких фразовых сцеплениях сочетание легко формализуется, лексически «опустошается». Об этом же свидетельствуют и некоторые примеры иронического вскрывания этой смысловой «опустошенности» привычного книжного оборота. Ср. название повести Н. П. Макарова: «Задушевная исповедь. Нарицательная быль. С вариациями на тему „точки зрения“» (Совр., 1859, № 11).

б) *Точка замерзания*. Переносное употребление складывается уже в 30—40-е гг. Ср.: «15 лет ее стали вывозить. выдавая за 17-летнюю, и до 25 лет условный этот возраст не изменялся... 17 лет — точка замерзания; они растягиваются сколько угодно, как резиновые помочи» (Лерм., IV, с. 322); «Повергаюсь ниц с благоговением только там, где высота чужого ума выходит за пределы градусов моего критического термометра, в котором, как я сказал, мой ум образует точку замерзания» (Тютюнджю-Оглу [О. Сенковский]. «Торквато Тассо» Кукольника; Библ. для чт., 1834, I, с. 37; см. там же ниже: «Мой ум стоит на точке замерзания»); «Мир всегда изменялся и никогда не стоял долго на точке нравственного замерзания» (Бел., X, с. 281). Обычно в сочетаниях *стоять*, *быть* и т. п. *на точке замерзания*. Ср. еще: «Работа вдруг стала на точке замерзания» (Анток., с. 76); «„Будильник“ на прежней точке замерзания» (Чех., XIII, 230). Значительно реже случаи возврата к образной

---

[84] Ср. ироническое упоминание у Гоголя в «Мертвых душах»: «Выписаны были новые преподаватели, с новыми взглядами и новыми углами и точками воззрений» (VII, с. 14).

[85] В первой половине XIX в. нередко встречаем в этом смысле и отдельное употребление слова *точка*. Ср.: «Вот точка, с которой смотрел я на свои критические статьи» (Н. Пол., I, с. VIII); «Взглянем с другой точки. Реформацию приняли только северные государства, а в южных только северные половины» (М. Погодин. Исторические афоризмы; Библ. для чт., 1834, I, с. 107); «Лемонте.. взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра» (Пушк., XI, с. 32) и т. д.

www.ruslang.ru

реализации сложившегося выражения. Ср.: «Многие экономисты стали защищать застой в общественном положении, точку замерзания на термометре человеческого движения» (Благ., с. 126).

в) *Точка кипения.* Примеры переносного употребления (более редкие, чем в предыдущем случае) относятся к последним десятилетиям века. Ср.: «Ключ к решению одной из труднейших и существеннейших задач современной научной психологии найден! И его нашел наш соотечественник — доктор Зеленский! Если бы в настоящее время наш патриотизм и без того уже не находился на точке непрерывного кипения, то, право, один этот факт мог бы значительно подогреть его» (П. Никитин [Ткачев]. Педагогика — родная дочка психологии; Дело, 1876, № 11, с. 292); «Коко совершенно подавлял его .. угрозой подогреть скандал до точки кипения» (Авсеенко, II, с. 398); «Все это усердно предлагалось Наде, чтобы довести в ней пламенную любовь к страждущим до надлежащей точки кипения» (Орловск., I, с. 69).

г) *Точка опоры.* Один из наиболее популярных (начиная с 30-х гг.) фразеологизмов. Связь с исходным значением четко прослеживается и нередко подчеркивается. Ср.: «Не напрасно человек ищет той точки опоры, где могли бы примириться все его желания, где все вопросы, его возмущающие, могли бы найти ответ, все способности получить стройное направление» (В. Одоев., I, с. 17); «Гамлет теряет всякую точку опоры» (Бел., II, с. 312); «Точки опоры направления, претендующего на звание „московского“» (Бел., X, 228); «[У самодура] нет такой точки опоры, которая могла бы поддержать его в серьезной и продолжительной борьбе» (Добр., V, с. 91); «Лучшие люди, самые умные, самые честные и самые страстные, искали вокруг себя и внутри себя твердую точку опоры» (Писар., IV, с. 215) и т. п. Ср. также и *опорная точка:* «Не лев в той схватке благотворной Тебе был точкою опорной» (А. К. Толст., I, с. 46); «Репутация и характер его матери составляли покамест главную опорную точку и его карьеры» (Дост., VI, с. 526); «Вся сила самодовольной ограниченности зиждется на мнимой способности ее опорных точек к обобщениям» (Салт., VII, с. 169).

д) Иногда являются ассоциации с понятиями механики у сочетаний *точка соприкосновения* и *точка приложения сил.* Ср.: «Великие события всегда оказываются лежащими в точке соприкосновения равнодействующих целой системы параллелограммов социальных сил» (Михайловск., VI, с. 5); «Тяжесть, особенная, специальная тяжесть положения состояла в том, что были выдвинуты новые силы, а точки приложения для них были убраны прочь» (там же, V, с. 86); «Где должно искать точку приложения этой силы, в сфере ли условий жизни или в области привычек мысли нашего крестьянства?» (Плехан., I, с. 170). Ср. еще сочетание *точка пересечения*: «Европу все четверо [Греч, Булгарин, Погодин и Шевырев] не любят, но каждый по-своему; в этих точках пересечения легко измерить всю необъятную противоположность их» (Герц., II, с. 117).

Удельный вес. Это терминологическое сочетание укореняется в научном употреблении в 20-х гг. XIX в. (см. Веселитск., с. 148). Ср. в Слов. 1847 одно из значений прил. *удельный*: «5). *Физ.* То же, что относительный или уравнительный. *Удельный вес. Удельный теплотвор*». Образно-переносное употребление терминологического сочетания можно встретить уже с 30-х гг. Ср.: «Определить удельный вес оригинальных, подражательных, поддельных и просто выкраденных мыслей, описаний и пр.» (Марл., VIII, с. 209); «Здесь [в университете] он [Бельтов] узнал свой удельный вес» (Герц., IV, с. 94); «Господи, как себя рядит в герои человек, сидя в кабинете, и вот как герой втолкнут в жизнь, кругом все кипит, несется, страсти раздуваются, как паяльной трубкой, и он остается при своем удельном весе» (там же, II, с. 223). В этом последнем примере

еще отчетливо улавливаются специальные ассоциации, в частности — с аттрибутами химической лаборатории. Позднее такое переносное употребление становится уже свободным. Ср.: «Сообщение г. Тихомирова о том, что у нас совсем почти нет рынков, теряет таким образом значительную часть своего удельного веса» (Плехан., I, с. 220). «Хозяин... — очень милый и простой человек, хотя удельный вес у него и под сомнением» (Мам.-Сиб., VIII, с. 660) и т. д.

Центр тяжести. Словари XIX в. указывают только на терминологическое употребление. Переносное употребление идет, по-видимому, от середины века. Ср.: «Где центр-то нравственной тяжести?» (Герц., XXVII, с. 127); «С первого его [Базарова] шагу к нему приковывается внимание читателя, и все другие лица начинают вращаться около него как около главного центра тяжести» (Н. Страхов. «Отцы и дети» Тургенева; Время, 1862, № 4, с. 71); «Центр тяжести всего романа заключается именно в вопросе: могла или не могла барышня Люси полюбить мужика Мишеля?» (Писар. (Павл.), VI, с. 469); «Центр тяжести русской жизни не в городе, а в деревне» (Шелгунов. Неудавшаяся «Беседа»; Дело, 1871, № 5, с. 41); «Маленькая особа .. усадила Ашанина все к тем же пяльцам, составлявшим как бы *центр тяжести* этого покоя» (Маркев., IX, с. 77) и т. п.

Центробежная (центростремительная) сила. Случаи переносного употребления идут с 60-х гг. Ср.: «Совершенное отсутствие всякой центростремительной силы в ваших случайных суждениях о кое-каких предметах» (З-[Зарин]. Пора меж волком и собакой; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 13); «[Райского] и влекла и отталкивала от них центробежная сила» (Гонч., V, с. 290).

* * *

Можно было бы указать еще на случаи более индивидуальных и более развернутых сопоставлений понятий из области механики и социальных явлений. Таковы, напр., рассуждения, популярные в народнической публицистике 80-х гг., о *параллелограммах социальных сил* и *равнодействующих* в них. Ср.: «Требуется построить такой параллелограмм социальных сил, составляющие которого представили бы одна — силу наказания, другая — силу причин соответственного преступления: равнодействующая этого параллелограмма и представит направление, которое примет воля преступника» (Михайловск., II, с. 10); «Великие события всегда оказываются лежащими в точке соприкосновения равнодействующих целой системы параллелограммов социальных сил» (там же, VI, с. 5); «Он будет против условных внешних форм жизни и будет искать „истины“ и внутренней „правды“, а так как он их вокруг себя не найдет, то в практической и общественной жизни пойдет по равнодействующей» (Шелг., III, с. 517).

Ср. также у Плеханова в «Наших разногласиях»: «Так как значение этого [индивидуалистического] принципа — под влиянием враждебных коллективизму условий — постоянно возрастает, то им [Бакунину и Ткачеву] нужно было бы узнать величину ускорения, приобретаемого индивидуализмом в ходе его вторжения в право и хозяйство общинников» (I, с. 170); «В каждом из вышеперечисленных случаев им пришлось бы иметь дело не со статикой, а с динамикой наших общественных отношений» (там же, с. 171) и т. д. и т. п. Учесть все эти более или менее индивидуальные случаи прямых ассоциаций с понятиями механики, естественно, не представляется возможным.

Особый и интереснейший случай воздействия научных представлений на значение и употребление общего слова представляет семантическая история слов *работа*, *работать* и его производных. Как известно, в 40-е гг.

получила сильное развитие, а уже в 60-е гг. достигла в демократической литературе своего апогея новая «реальная» фразеология, сознательно опирающаяся на эти слова как обобщенные и наиболее предпочтительные символы всякого процесса, как физического, так и социально-идеологического и психологического. На характерные направления в ходе этого переосмысления несомненно имело влияние распространение и укрепление в сознании демократической интеллигенции обобщенных физических представлений о работе как определенной затрате энергии, силы на преодоление сопротивления. Словари XIX в. не дают намека на процессы такого логико-семантического перелома, но влияние его на расширение фразеологической сочетаемости указанных слов и на положение их в ряду других синонимов бросается в глаза. Первые причины этого перелома лежат в падении и дисквалификации со стороны реалистической критики 40—60-х гг. идеалистических и метафизических представлений об интеллектуальной деятельности, и в первую очередь, конечно, о художественном творчестве, как о процессах совершенно особых, управляемых силами «вдохновения», интуиции, «озарения», «восторга» и не связанных с фактами материального мира, не сопряженных с упорным и постоянным трудом, с целенаправленной затратой энергии.[86] Это связано, далее, и с общим ростом уважения к труду, с горячей проповедью которого выступила демократическая литература, и с развитием политико-экономических представлений о труде как общем источнике народного богатства.

В ходе этой полемической борьбы со старыми и отживающими представлениями наносились сильные удары не только по определенным понятиям, но и по словам, окруженным традиционным ореолом. В данном случае временно «потерпевшим» оказалось слово *творчество* (к тому же еще связанное в представлении людей того времени с кругом «славянизмов» и «высоких слов», подвергавшихся «сомнению»).[87] Характерно свидетельство в статье М. Каткова о Пушкине: «Теперь, кажется, мы уже не признаем никакой особенности в состоянии умственного творчества, и самое слово творчество употребляем только по навыку, не придавая ему никакого особенного значения, а учение о бессознательности творчества относим к пустому хламу наших прежних романтических бредней» (Русск. вестн., 1856, I, с. 161—162).[88] Ср. у Добролюбова в рецензии на «Русские песни» А. Мыльникова (1859): «В поэтических натурах, отличающихся обыкновенно силою воображения (или творчества, как в старину говорилось)» (V, стр. 417).

Если слово *творчество*, хотя и широко по-прежнему употреблявшееся, бралось не раз под сомнение как излишне выспреннее и недостаточно определенное, то все обычнее становилось отнесение слова *работа* и к процессу поэтического создания, и к процессам мышления вообще.

---

[86] Ср. у Белинского в пятой статье о Пушкине: «Творчество — не забава, и художественное произведение — не плод досуга или прихоти; оно стоит художнику труда; .. процесс творчества имеет аналогию с процессом деторождения и не чужд мук, разумеется, духовных, этого физического акта» (VII, 312).

[87] См. в «Отцах и детях» Тургенева решительные слова Базарова: «Мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем» (III, с. 216). Прошедший школу практика-дяди и «раскаявшийся» романтик Адуев-junior в «Обыкновенной истории» также иронизирует над своей прошлой фразеологией: «Что касается творчества, — пишет он дяде, — не грех ли вам тревожить давно забытые глупости, когда я сам краснею за них?» (Гонч., I, с. 295).

[88] Впрочем, слово *творчество*, по утверждению В. В. Виноградова (см. Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 2, 1947, с. 6—7), лишь иллюзорно представлялось как церковнославянизм. «Оно возникло или в самом конце XVIII, или в самом начале XIX века», не зафиксировано даже в Слов. 1847, а «особенную активность приобретает в языке любомудров 20—30-х гг.». В языке произведений Белинского 30-х гг. оно является часто.

С середины века такие сочетания, как *работа сознания, ума, мысли* и т. п., *умственная, внутренняя* и т. д. *работа,* и соответственно — *работать мыслью, умом* и т. п., становятся чрезвычайно распространенными и для многих авторов излюбленными. Вот некоторые примеры: «Наступило время, богатое внутренней работой — работой мысли» (Герц., II, с. 170—171); «Работа мысли началась с отрицания и разрушения» (Благ., с. 44); «Одни люди пишут, потому что во всем их существе кипит страстная работа мысли и чувства; ясно, что мысль и чувство их, служащие причиной творческого процесса, возбуждены впечатлениями, независимыми от этого процесса» (Писар., II, с. 338); «Чем менее она [Елена в «Накануне»] могла действовать практически в этом случае, тем более представлялось работы ее уму и воображению» (Добр., VI, с. 37); «Каждый спешил отдать на „суд общественного мнения" продукты своей уединенной, в тюремной тиши и мраке совершавшейся, умственной работы» (П. Ткачев. Деятельность Г. Е. Благосветлова; сб. «60-е гг.», с. 224) и т. д. *Работа* как общий символ всякой деятельности становилась в ряд с такими традиционными книжными словами, как *деятельность, труд, творчество* и т. п. Физическая и умственная деятельность сознательно сближались и сопоставлялись. Ср. характерные строки из стихотворения А. Федорова-Омулевского «Дело»:

Светает, товарищ!
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...
Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем!

(Дело, 1867, № 10, с. 317).

«Мы можем мерять умственные силы людей, — формулировал Писарев, — только количеством сделанной ими полезной работы» (III, с. 11), — и в этой формуле отчетливо выступали новые представления о работе, сложившиеся с развитием материалистического мировоззрения.

Еще в 40-е гг. складываются сочетания гл. *работать* с существительными в твор. пад. и с предлогом *над* для обозначения объекта и сферы деятельности человека. Среди них является и сочетание *работать над собой* для обозначения процесса внутреннего самосовершенствования. Ср.: «Щепкин, в полной зрелости своего таланта, работая над собою буквально и день и ночь, с каждым днем шел вперед» (С. Акс., III, с. 71); «Если у тебя есть потребность внутреннего улучшения, работай над собою» (Гран., Переп., II, с. 212); «Вот если бы она .. поработала с помощью его, своего учителя, над собой» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 5, с. 75). См. и другие сочетания, в которых определяется предмет и цель этой деятельности: «Читатель найдет в статье только анализ тех живых явлений, над которыми работала творческая мысль гр. Толстого» (Писар., III, с. 141); «Поработать над объяснением личности Киреевского» (там же, I, с. 320—321); «Вот задачи, над которыми предстоит работать социальной науке» (Благ., с. 128) и т. п. Понятие о работе относится и к различным формам сознания; такие сочетания все чаще являются со словами *наука, философия, литература, критика* и т. п. Ср. еще: «Над этим уяснением и должна работать литература» (Писар., III, с. 10); «Стоило только один раз уличить мифологию в очевидной лжи, для того чтобы критика тотчас начала свою работу» (Писар. (Павл.), III, с. 499) и т. д. Наконец, как уже сказано, понятие о работе переносится и на действие природных факторов, на

деятельность отдельных органов и частей организма. Гл. *работать* становится самым близким синонимом слов *действовать*, *функционировать* и т. п. Ср.: «Работа желудка кончается тем, что пища превращается в так называемую пищевую кашицу» (Писар. (Павл.), I, с. 404); «химическая работа печени» (там же); «Ее голова, отуманенная наркотическими средствами, плохо работала» (Бобор., VIII, с. 293); «Она, бледная, опустилась в кресла от изнеможения — так сильно работали в ней нервы» (Гонч., I, стр. 206); «Хищнику надо работать мозгом, нервами чувств и мускулами произвольного движения, а стервятнику — преимущественно желудком, да еще, пожалуй, нервами обоняния» (Писар. (Павл.), III, с. 375); «В этом вечном круговороте и видоизменении ее [природы] могущество и беспрерывная работа» (Благ., с. 121) и т. п. Очень любопытны и характерны для демократической публицистики 60—70-х гг. прямые и подчеркнутые сопоставления в пределах одного фразового сочетания актов физических и психических. Ср.: «И ремесленник, работающий одною правою рукою, и труженик-специалист, работающий именно только известными частицами мозга, могут быть очень полезны и даже совершенно необходимы для общества, но только надобно, чтобы каждый из них оставался на своем месте» (Писар., I, с. 311); «Эта солидарность может установиться ... на почве общих интересов всех производительно работающих мышцами и мозгом» (Лавр., I, с. 364).

Все больше выдвигаются вперед в книжной фразеологии и сочетания производных префиксальных глаголов *выработать*, *переработать*, *разработать* с существительными различного значения, в том числе и отвлеченного, в общих значениях: «произвести», «развить», «изменить», «преобразовать». Такое употребление их складывается ранее, но именно с середины века оно становится очень типическим и распространенным. В толкованиях и примерах употребления, которые даны при этих глаголах в Слов. 1847, оно еще никак не отражено; но у Даля находим уже характерные указания на это. Ср., напр., при гл. *переработать*: «Обработать. *Из переработанного тряпья выходит бумага*», при гл. *перерабатываться*: «*Пища перерабатывается и усваивается. Когда хлопок переработается, то цена ему утроится*», при гл. *разрабатывать*: «*Разрабатывать отрасль науки* — заниматься, стараясь вникнуть глубже. *Разработать голос* — ученьем и упражнением довести его до большей обширности, покорности, гибкости и пр.». Видимо, такое употребление этих глаголов складывается постепенно. Несколько ранее захватываются в известных сочетаниях этим движением глаголы *выработать* и *разработать* и их производные. Ср., напр., сочетание *выработать слог*, являющееся уже в конце XVIII в., напр. у Карамзина: «Таким образом, „Аглая“ заступит место „Московского журнала“. Впрочем, она должна отличаться от сего последнего строжайшим выбором пиес и вообще чистейшим, то есть более *выработанным* слогом» (Моск. журн., 1792, VIII, с. 336). С 40-х гг. сочетания такого типа уже многообразны. Ср.: «Отсутствие содержания, еще не выработанного общественною жизнию» (Бел., V, с. 534); «Материалы для выработки идей» (В. Майк., I, с. 178); «Что может выработать желудок немца из пресно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы с корицей, гвоздикой и шафраном, которую ест немец?» (Герц., V, с. 18); «История выработала другую жизнь» (Благ., с. 513); «Принципы еще не выработались» (там же, с. 207) и т. д. и т. п. См. и *разработать* и *разработка* и т. д. в смысле «развить, развитие» и т. п., уже широко употребительные в языке публицистики и критики 30-х гг.: «Наклонности, отгаданные и разработанные авторами» (Пушк., XII, с. 54); «Критика идет рядом с философиею, теория с анализом, разработка внутренних материалов с приобретениями внешних» (Н. Полевой, О романах В. Гюго; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 218) и т. п. Позднее других,

с 30-х гг., укореняется новое употребление в значении «преобразовать, видоизменять» у гл. *переработать*.

Вообще нужно заметить, что сущ. *работа* и глаголы *выработать* и даже *переработать* изредка встречались в слоге научных произведений XVIII—начала XIX в. для обозначения естественных процессов. Ср., напр., в «Рассуждении двух индийцов Калана и Ибрагима о человеческом познании» Я. Козельского (т. I, СПб., 1788): «Листья на растениях, работою своих сосудцов движимые» (с. 88); «Вырабатывается питательный сок» (с. 78); «Цветы, почки их, стебельки, ветки и прочая переработывают далее приготовляемые листьями мокроты» (с. 88). С 30-х гг. XIX в. то, что лишь эпизодически ранее проявлялось в научном изложении, распространяется на другие стили литературной речи, получает характер общепринятого употребления.

Здесь прямое воздействие научного способа выражения несомненно. Ср.: «В природе, в мироздании все жидкости, только в разных состояниях, — жидкость беспрестанно кипящая, перерабатывающая, плавящая одна другую» (Брамбеус. Любовь и смерть; Библ. для чт., 1834, № 3, с. 146). «Старание переработать в свою самобытность хорошее чужое» (Н. Пол., II, с. 485); «Цивилизация есть плод последовательной переработки элементов, переходивших от одного народа к другому в течение тысячелетий» (В. Майк., II, с. 39); «Эти элементы [всемирной жизни], принимаясь русским духом, не остаются в нем чем-то посторонним и чуждым, но переработываются в нем» (Бел., II, с. 553) и т. п. Найдя в романе «Кто виноват?» фразу «Жир .. перерабатывался при помощи достаточного количества мадеры в упругое тело Алексея Абросимовича», С. П. Шевырев зачисляет и это употребление в разряд «солецизмов и варваризмов», преследуемых им у Герцена (см. Москвит., 1848, № 1, с. 61). Действительно, в этих случаях, вероятно, имело место и семантическое воздействие со стороны нем. verarbeiten. Во всяком случае, с середины века такое употребление гл. *переработать* и его производных входит в норму русского литературного языка, а сочетания типа *переработать впечатления*, *переработка жизни*, *понятий* и пр. становятся чрезвычайно употребительными. Ср. хотя бы следующие примеры: «Греция, подобно Америке, пользовалась свободными политическими учреждениями, но не переработала своего рабства, а погибла вместе с ним» (Г. Б. Американский кризис; Русск. слово, 1862, № 2, с. 10—11); «Все мы воспринимаем и перерабатываем впечатления» (Писар., I, с. 85); «С призванием князей, с началом исторического движения, племена приводятся в связь преимущественно внешнюю, начинается переработка их быта» (С. Сол., VII, с. 16) и т. п. Налицо та же семантическая эволюция, очень глубокая и сильная, — как и в словах *работа*, *работать*, — от обозначения приуроченного к лицу акта физического труда к обобщенным, безличным представлениям о действии, преобразующем, изменяющем природу явления или вещи (здесь часто с дополнительным смысловым оттенком органического усвоения).

§ 10. В. **Термины химии.** Химическая терминология, по сравнению с терминологией других наук, дает относительно небольшое число случаев переносного и расширительного употребления. Но эти немногочисленные факты следует признать очень симптоматичными. Почти все они являются около середины XIX в. Во всех случаях смысловой перенос, метафора выступают с полной отчетливостью. Глубокий интерес передовой общественной мысли России начиная с 30—40-х гг. к явлениям химизма как основе жизнедеятельности организмов известен. Высокое место отводилось успехам химии, наряду с развитием физиологии, в общем развитии научного знания и современной культуры. В этом смысле характерны слова Писарева о XIX веке, «который все-таки лучше всех про-

шедших веков и в котором все-таки, несмотря ни на какие глупости и подлости, химия и физиология подняли человеческий ум на беспримерную и, для наших предшественников, непостижимую высоту самостоятельного знания» (III, с. 100). В предшествующее время лишь у отдельных мыслителей встречаем гениальные попытки истолковать явления органической жизни как сложное проявление действия и взаимодействия химических элементов и сил. В трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев писал: «Анализис частей животного дает все стихии [элементы, — *Ю. С.*]. Но тело органическое почесть можно химическою лабораториею, в коей происходят разного рода амальгамы, сложении, разделении и проч. и производят почти новые вещества» (Соч., II, с. 163). В 20—30-х гг. этот интерес к явлениям химизма отличает произведения наших натурфилософов, напр. Д. Велланского. Он силен в таких произведениях русского романтизма, отражающих философские настроения идеалистической натурфилософии, как «Русские ночи» В. Ф. Одоевского. На новой основе, с проникновением и развитием элементов материалистической диалектики, вспыхивает ярким светом это внимание к химическим основам жизни в философских произведениях Герцена.[89]

Характерно на этом фоне само частое образное применение таких сочетаний, как *химическое соединение*, *химическое сродство*, *химический процесс* и т. д., при характеристике явлений общественной жизни, действия интеллекта и т. д. Такие случаи, конечно, можно найти и в произведениях более раннего времени,[90] но они особенно показательны для различных литературных стилей интересующего нас периода. Вот несколько примеров такого рода: «Внимательное рассмотрение химических начал языка обнаруживает удивительное смешение рас и поколений в нынешнем северном славянском народе» (О. Сенковский. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 54); «Дело критики есть отделение красот от недостатков в произведении искусства, а мерка при этом химическом процессе — личное ощущение критика» (Бел., III, с. 8); «Между множеством натяжек, в его [Марлинского] сочинениях есть красоты истинные, неподдельные, но кому приятно заниматься химическим анализом вместо того, чтобы наслаждаться поэтическим синтезом» (Бел., I, с. 273); «Нас с Огаревым связывала, сверх равенства лет, сверх нашего „химического“ сродства, наша общая религия» (Герц., VIII, с. 80); «Я теперь [в Сибири] .. свидетель того химически-исторического процесса, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикари возводятся в чин человека» (Гонч., III, с. 379); «Как будто историческая смерть есть вымирание людей, а не разложение общественных химических соединений известного порядка» (Огар. — письмо Н. Обручеву 1861 г.; в кн.: Герц. (Лемке), XI, с. 214) и т. п. Иногда эти «картинные» сопоставления развернуты и детальны, захватывая целую группу химических представлений. Ср., напр.: «Киреевский составляет себе какую-то химическую формулу европейской образованности и потом, отвернувшись от действительных фактов, смотрит только на эту формулу,

[89] Ср.: «Если задача физиологии действительно состоит в том, чтобы узнать в органическом процессе высшее развитие химизма, а в химизме — низшую степень жизни, если она не может сойти с химико-физической почвы, то верхними ветвями своими она переходит в совершенно иной мир: мозг как орган высших способностей, рассматриваемый при отправлении своей деятельности, прямо ведет к изучению отношения нравственной стороны к физической и таким образом к психологии. Здесь могут явиться вопросы, которых не осилит ни физика, ни химия, которые могут только разрешиться при посредстве философского мышления» (Герц., II, с. 149).

[90] Ср. в «Вестнике Европы» Карамзина: «Химическое действие рассудка легко отделяет одну от другой [ложь от правды]» (1802, VI, с. 339).

передвигает и перетасовывает ее ингредиенты» (Писар., I, с. 323); «Как внутренний исторический химизм разлагает одно тело, один организм и соединяет его составные части в иные ткани другого организма, нам еще недавно показал по трупу страшной силы анатом на величайшем кладбище мира» [91] (Герц., XV, с. 144); «Примите во внимание всю изворотливость учреждений, декретированных человеком; вообразите сами либеральные теории; смешайте в одном тигле Платона, Кампанелли, Бабефа, Морелли; подвергните смесь химическому процессу — и осадок, который вы получите, крайней слабостью своей побледнеет пред общественной практикой пчел» (Н. Ш. Общественные инстинкты пчел; Дело, 1868, № 3, с. 224) и т. д.

Нетрудно заметить, что в некоторых из приведенных выше сопоставлений определение *химический* иногда получает особенный переносный смысл, обозначая процессы органические, глубинные, касающиеся самой природы явления и вытекающие из нее. На этой почве возникает и характерное противопоставление *химического механическому*. Ср. у Писарева важное для него рассуждение: «Иногда общественное мнение действует на историю открыто, механическим путем. Но, кроме того, оно действует еще химическим образом, давая незаметно то или другое направление мыслям самих руководителей. Таким образом, даже исторические события подчиняются до некоторой степени общественному мнению. А внутренняя сторона истории, т. е. экономическая деятельность, почти вся находится в руках общества» (III, с. 124—125).[92]

Еще более обобщенный смысл получает в литературе этого времени другой образ, также связанный прежде всего с практикой химического исследования, — образ *лаборатории*. Переносное употребление этого слова в приложении к явлениям мира природы и жизни общества очень обычно и разнообразно. Иногда и оно оснащается целой серией чисто химических деталей и ассоциаций. Ср.: «Оставим их [сен-симонистов] еще некоторое время переплавлять христианское учение в их философской лаборатории» (Мнение.. о нынешней французской словесности; Библ. для чт., 1834, 1, с. 56); «Составить новое слово труднее, чем вырастить новый листок на дереве. Для этого надо знать .. язык, ..проникнуть в его сокровенные глубины, в его тайную лабораторию» (Н. Надеждин. Европеизм и народность; Телеск., 1836, XXXI, с. 236—237); «Тут [в критическом отделе журнала] лаборатория, в которой разлагают жизнь человечества и восстановляют ее» (Герц., I, с. 60); «Жуковский вводит вас в сокровенную лабораторию сил природы» (Бел., III, с. 507); «Резонеры.. бессильны заглянуть в таинственную лабораторию чувств и ощущений» (там же, с. 413); «Ведь бури, бешеные страсти не норма природы и жизни, а только переходный момент, беспорядок и зло, процесс творчества, черная работа — для выделки спокойствия и счастия в лаборатории природы..» (Гонч., II, с. 130); «Общественное мнение, если оно действительно сильно и разумно, просачивается даже в те закрытые лаборатории, в которых приготовляются исторические события. Искусные химики, работающие в этих лабораториях, сами живут все-таки в обществе и незаметно для самих себя пропитываются теми идеями, которые носятся в воздухе» (Писар., III, с. 124); «Петербург есть русская умственная лаборатория» (Н. Шелгунов. Домашняя летопись; Русск. слово, 1865, № 2, с. 45) и т. п. Так же сопоставляются с лабораторией и отдельные органы человеческого тела. Напр.: «Теперь мне

[91] Речь идет о книге Ф. Грегоровиуса «История города Рима в средние века», — *Ю. С.*

[92] См. подробнее о смысле и значении для «реалистического» мировоззрения Писарева этих рассуждений и аналогий в моей вступительной статье к изданию Сочинений Д. И. Писарева (т. I, М., 1955, с. XXXVI).

остается только проследить за теми видоизменениями, которые испытывает пища, проходя через желудок и кишечный канал. Мы здесь имеем дело с целой химической лабораторией, которая, работая безостановочно, превращает в кровь то, что может подвергнуться этому изменению» (Писар. (Павл.), I, с. 402—403); «Какой.. напряженно самодеятельный,.. тяжелый процесс превращения, переработки, саморазвития совершался в лаборатории мозга с 9 до 25 лет» (А. Щапов. Из бурсацкого быта; Искра, 1863, № 18—19, с. 256).

Ниже мы приводим еще несколько слов — химических терминов в своем исходном значении, которые получают устойчивое переносное употребление или расширительное осмысление.

Амальгама. Слов. 1847 отмечает только специальное номинативное значение («*Хим.* Спуск металлов и полуметаллов со ртутью; сортучка»); Слов. Акад. 1891 указывает также: «2. Вообще смесь». История этого слова представляет наиболее ранний случай расширительного применения химического термина. Ср.: «Из этой-то амальгамы беспечного.., всегда поющего француза с жителем угрюмого севера.. — произошел неподражаемый юмор, отличающий век наш» (Марл., XI, с. 259); «Наши классики старались отличаться варварским языком, истинною амальгамою славянщины и искаженного русского языка» (Бел., I, с. 165); «Иными словами, истина состоит в амальгаме двух несовместных идей. Вот строгость, беспристрастие и глубокомыслие дуалиста!» (В. Майк., I, с. 75); «Затем начинается удивительная амальгама свободных идей XVIII в. со взглядами и представлениями, вынесенными из средних веков» (Скабич., I, с. 291) и т. д. Ср. также гл. *амальгамировать*: «С грехом пополам амальгамировали они [принципы 1789 г.] попадавшиеся им на пути распространения весьма разнохарактерные элементы» (Михайловск., I, с. 428).

Ингредиент. Впервые Мих. 1865 (у Яновск., Даля, Толля и Бурд. в другой форме — *ингредиенция*). В словарях лишь специальные определения;[93] но с 60-х гг. слово нередко встречается в литературных контекстах в расширительном смысле. Ср.: «Младенец Рюриков Игорь с его дружиною есть единственный результат норманского призвания в Новгород, единственный ингредиент в составлении государства» (Погод., Норман. период, с. 139); «Крупная личность вовсе не управляет ходом событий; она сама, как ингредиент, входит в процесс исторической жизни» (Писар., II, с. 60); «Чичиков, Молчалин и Коробочка — вот те ингредиенты, из которых романисты, вдохновленные „Московскими ведомостями", старались построить героя, долженствующего победить и уничтожить Базарова и Рахметова» (там же, IV, с. 260); «Стесняет сама жизнь, пропитанная ингредиентами крепостного права» (Салт., XIII, с. 394); «Главный ингредиент их [предвзятых определений национальных типов] — смесь самохвальства нации с злоречием других наций, бывших враждебными или завидовавшими ей» (Чёрн., X, с. 827) и т. п. Во всех этих случаях *ингредиент* выступает как книжный синоним сочетания *составная часть*. Здесь сказалось известное пристрастие к научной лексике.[94] С другой стороны, не трудно заметить, что часто, в при-

---

[93] Яновск.: «Примес; слово общее, под коим разумеется все то, что входит в состав лекарств как внутрь принимаемых, так и снаружи прикладываемых»; Д[1]: «*Ингредиенция.* Составные части смеси, все, что входит в состав; припас, снадобье, вещётинье».

[94] Ср. характерный диалог в романе В. Клюшникова «Марево»: « — Пирог очень хорош, только ингредиенты не дожарены... — Инна покатилась со смеху, а фразеолог обиделся и спросил о причине веселости. — Да как же, помилуйте, дяденька! Цыплят ингредиентами звать, на что это похоже? — В 30-х годах мыслили, что они от этого вкуснее бывают, — объяснил Авенир» (Русск. вестн, 1864, № 1, с. 113).

веденных примерах, слово выступает с известным оттенком иронии. В ряде случаев расширительное употребление слова обставляется некоторыми образными деталями. Ср.: «[Некоторые любители чтения] ищут во всяком серьезном чтении все той же, любезной им, беллетристической занимательности. Когда же они этого сладкого ингредиента не находят, тогда они стараются только как можно скорее прожевать и проглотить сухую материю» (Писар., III, с. 72); «Не дерзко ли и не глупо ли было бы принять за непреложную истину, что благотворное влияние этих людей и книг совершенно очистили мою личность [95] от всяких грязных ингредиентов, вошедших в нее из почвы?» [96] (там же, с. 63).

Такими реальными, химическими ассоциациями в языке этого времени нередко осложнялось и сочетание *составная часть*. Ср.: «[Монархии, составившиеся завоеваниями одного человека] не переживали своих основателей и, насильственно сколоченные из разнородных кусков и верешков, мгновенно разлагались на свои составные части» (Писар., II, с. 59).

Кристаллизация и др. Образно-переносное употребление, ярко выраженное и подчеркнутое, идет от 40-х гг. Ср. название несохранившейся статьи Герцена (1838 г.) «Кристаллизация человечества» (см. Герц., I, с. 521). Ср. также: «Каменная жизнь славян, ограничившаяся до Петра I гигантской кристаллизацией» (Герц., II, с. 337); «Основания эти [крепостное право].. не были следствием социального брожения, достигшего известных форм кристаллизации, если можно так выразиться» (Ю. Жуковский. Общественные отношения России с точки зрения исторической науки права; Сб. «Весна», М., 1859, с. 285—286); «Но отчего же из всей этой смеси чувств не составляется та своеобразная кристаллизация, которая называется любовью?» (Писар., III, с. 58). См. и характерные сравнения: «Умственное развитие похоже в этом отношении на кристаллизацию. Главное дело экспериментатора, желающего добыть правильные кристаллы, заключается в том, чтобы не тревожить сосуда, в котором налит раствор. Главное дело университетского начальства, добросовестно относящегося к умственным интересам студентов, не вмешиваться в ход их занятий регламентациею и административными распоряжениями» (там же, II, с. 215); «Это [народ и образованные классы] — своего рода химический раствор: одно и то же вещество в разных формах: внизу маточный раствор, еще сырой, неочищенный, наверху кристаллы в различной степени кристаллизации, едва начатые и неоконченные, немногие совершенно готовые. Из раствора может произойти со временем прозрачный, сверкающий кристалл, этим дорог раствор, но в настоящую минуту никому в голову не приходит наслаждаться им больше, чем готовым кристаллом» (Е. Марков. Народные типы в нашей литературе; Отеч. зап., 1865, № 2, с. 447—478). Ср. также случаи образного применения других слов этого гнезда: «Во всякую эпоху осаждается правильными кристаллами знание ее» (Герц., III, с. 129); «Северовосточные князья-приобретатели, пользуясь татарским игом, централизировали и вместе с тем кристаллизировали жизнь» (А. Григ., I, с. 534); «Лишь энергическая работа личной мысли могла снова и снова вносить критику в общественные миросозерцания, которые сами собой естественным путем обращаются без этого в кристаллизованное предание» (Лавр., I, с. 354); «Многообразные сцены современной действительности с ее разнообразными элементами, взбаламученными недавним целебным

---

[95] Речь ведется от лица молодого «реалиста», — *Ю. С.*

[96] Здесь игра на двух смыслах слова *почва* — имеется в виду его номинативное значение и особый символический смысл его по фразеологии так наз. «почвенничества» 60-х гг. (почва — народ), — *Ю. С.*

возмущением воды и ныне оседающими и кристаллизующимися в ту или другую стороны» (Леск., ПСС, XXVI, с. 123) и т. д.

Более сложной и иногда спорной представляется семантическая история нескольких слов, в которых в дальнейшем слабо ощущается связь между исходным химическим значением термина и его расширительным истолкованием. К таким словам принадлежат гл. *разлагать*, *разлагаться* (и сущ. *разложение*), *испаряться*, *улетучиваться*, а также сущ. *брожение*.

Разлагать, разлагаться, разложение.[97] Слов. 1847 [98] при гл. *разлагать*, *разложить* на первое место выдвигает специальное значение: «1. *Хим.* Разделять на составные части. *Разложить соль*, *селитру*»; лишь на втором месте указывается общее, грамматически соотносительное значение с гл. *раскладывать*. У Даля, несмотря на то что гл. *разлагать*, *разложить* прежде всего рассматриваются как соотносительные по общему своему смыслу с гл. *раскладывать*, — все же отмечается, что гл. *разлагать* употребляется «более в научном значении», а именно: «в химии: делить тело на составные части его, извлекать из составного, сложного все начала, основы, стихии, из которых оно образовалось», и «в математике — измененье вида выраженья или уравненья; разделенье плоскости на участки для вычисленья». При гл. *разлагаться*, *разложиться* Слов. 1847 дает лишь формальное определение: «быть разлагаему»; Д[1] прибавляет: «Переходить в броженье, гнить, тлеть, изменяя этим образ свой и распадаться на основные, составные части свои», — иллюстрируя это значение примером научного характера: «Все орудное (растения, животные) цело, покуда живет, а утратив жизнь, разлагается». При сущ. *разложение* Слов. 1847, помимо формального определения («действие разложившего»), приводит еще терминологическое значение: «2) *Мат.* Изображение количества в каком-либо виде. Разложение числа на множители. Разложение многоугольника на треугольники».

Видимо, гл. *разлагать, разлагаться* и сущ. *разложение* в своем научном значении стали особенно активно употребляться в 20—30-х гг.[99] Ср.: «Вообще думают, что причиной тому [распространению малярии] разложение растительных веществ стоячими водами» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 70); «Теплота вообще ускоряет химическое разложение органических и влажных начал, составляющих пищу растений» (М. Максимович. О составных частях почв и влиянии их на растения; там же, 1834, I, с. 26); «В Англии, Ломбардии и Фландрии давно уже земледелие приняло другой, улучшенный вид. Там разложили землю химически» (там же, 1834, I, Промышленность и сельское хозяйство, с. 14—15). Тогда же они проникают и в язык художественной прозы, в первую очередь — романтического направления, и получают там расширительно-образное употребление. Анонимный памфлет «Авторский вечер» (СПб., 1835), пародируя стиль Сенковского и его школы, между прочим приводит следующий пример этого слога: «Любовь разложила меня в стихии всех возможных чувствований и, если бы она меня поцеловала, я бы в один миг испарился». И далее по поводу этого отрывка выводимый здесь Корифей «новой школы» заявляет: «Я показываю, что я учился физике и химии, что можно разлагать всякую вещь на стихии: *любовь разложила меня*. Знаю, что все, разложенное на стихии, может

[97] См. об этих словах в статье В. В. Виноградова «Из истории русской литературной лексики»; Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 5, 1948, с. 16—19.

[98] В САР гл. *разлагать* вообще нет. Но ср. в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова: «*Разлагаю, разложение, разлагатель.* Зри располагаю».

[99] Характерно, что в научных и научно-философских произведениях Радищева (напр., в трактате «О человеке») этих глаголов мы не встречаем; в том смысле, в каком они специально будут распространены в дальнейшем, здесь употребляются: *разрушать(ся), распадаться, раздроблять(ся).*

испариться» (с. 119).[100] В публицистике конца 30—40-х гг. такое употребление укореняется, причем еще живо ассоциируется с исходным химическим осмыслением слова. Ср.: «Петербургские жители в продолжении нескольких месяцев усердно занимаются химическим разложением дерева на его составные части» (В. Одоевский. Катя; цит. по Библ. для чт., 1834, № 5, Критика, с. 34);[101] «И кто может разложить химически воду, например, Волги, чтоб узнать в ней воды Оки или Камы?» (Бел., VII, с. 266); «Человек разлагает природу химически, режет ее, как хирург, анализирует, как моралист» (В. Майк., I, с. 192); «Все, что отличало эпоху Реформации от предшествовавшего времени.., начало подвергаться разложению на части и удаляться от жизни в отвлеченность» (А. Кронеберг. Драматическая литература в Германии; Совр., 1848, № 3, с. 36) и т. д. Очень часто выступает такое употребление в произведениях Герцена. Напр.: «Эта форма, в которой проявилась *жизнь минеральная*, пребывает, доколе *внешнее* не изменит или не разложит ее» (I, с. 16); «Тут [в юридико-исторической и критической части журнала] лаборатория, в которой разлагают жизнь человечества и восстановляют ее» (I, с. 60); «Гумфри Деви умер, — отвечал магистр, весь занятый своим спором. — И я думаю, рад от души, .. что наконец химически разложился и на себе может испытывать соединение и разложение» (I, с. 174); «Прошедшее христианство принадлежит Европе романо-германской, католицизму, феодализму и их разложению» (II, с. 334) и т. д. Как видно из приведенных примеров, семантическое развитие этих слов на новой общелитературной почве пошло в 30—40-х гг. по крайней мере по трем направлениям. Во-первых, они нередко применялись для выражения понятия мыслительного анализа. Ср. еще: «Оставляя им [сотрудникам «Московского телеграфа»] мою статью на разборы, разложения и литературные операции, пребываю их покорным слугою» (А. Ф. Ответ на письмо к издателю «Московского телеграфа»; Сев. пчела, 1825, № 25); «Полковник погружался по-своему в разложение нежных чувств, тонких оттенков, в анатомию сердечных болезней» (Н. Павлов, с. 93); «Гофман был физическим и нравственным феноменом; один только он мог разлагать и описывать пожиравшую его горячку» (В. С. Мнение.. о нынешней французской словесности; Библ. для чт., 1834, 1, с. 61); «Затрудняется изучение человека и тем, что здесь нам предлежит *разлагать самих себя*, что *наблюдающий* бывает вместе и *предметом* своих наблюдений» (А. Галич. Картина человека. СПб., 1834, с. 12); «Одной только стороной подходил Сисмонди к новейшей исторической школе, это — духом анализа. В самом деле, чего он не разложил, в чем не рылся? Но, скажите пожалуйста, что толку в анализе, если он ограничивается одним процессом разложения предметов на составные части? Какой смысл имела бы вся химия, если б химическое познание составных частей тела не открыло бы и их взаимной связи?» (В. Майк., I, с. 126) и др. Такое синонимичное по отношению к словам *анализ*, *анализировать* употребление слов *разложение*, *разлагать* сложилось, видимо, еще несколько ранее 30-х гг.[102] В 30—40-х гг.

[100] Ср. в повести О. Сенковского «Предубеждение»: «Любовь разложила меня в стихии всех возможных чувствований» (Библ. для чт., 1834, № 12, с. 251).

[101] Здесь в шутливо-образном смысле вместо: топят печи, — *Ю. С.*

[102] В этом смысле (анализировать), как известно, с XVIII в. часто употреблялся гл. *раздроблять*. В терминологическом употреблении 20—30-х гг. гл. *разлагать* относился и к анатомированию, а также к явлениям спектрального анализа. Ср. «В анатомии нельзя разлагать тела, не подвергнув его разрушению; при раздроблении, испытывая невидимые истины, обезображивают их даже тем, что разрушают их единство» (А. Боровков. Кант; Мнемозина, 1825, III, с. 110); «Ежели солнечный луч пропустить сквозь стеклянную призму, то этот луч разлагается» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 62).

оно не раз также осложняется ассоциациями химического языка. Позднее, с середины XIX в., такое употребление идет на убыль, уступая место иноязычным по происхождению синонимам.

Во-вторых, химические, по первоначальному приложению своему, термины *разложение*, *разлагать*, *разлагаться* начинают все чаще с 30—40-х гг. применяться для обозначения процессов гниения, тления и проч. Ср. уже в «Библиотеке для чтения» Сенковского: «Остатки слона и носорога разложились, разрушились, так сказать, уничтожились» (О. Земной шар до потопа по системе Кювье; Библ. для чт., 1834, № 3, с. 172).

В-третьих, еще у отдельных авторов в 40-е гг. и особенно с 60-х гг. эти слова начинают переносно прилагаться и к явлениям нравственного, общественно-политического и идеологического порядка, обозначая явления внутреннего распада, психического расстройства, общественного упадка, политической дезорганизации и моральной деградации. Ср. хотя бы следующие примеры из публицистики и художественной литературы 40—60-х гг.: «Если вы хотите посвятиться в высокие и глубокие таинства г. Ригельмана и компании, вы должны прежде всего безусловно согласиться, что Запад находится накануне своей смерти, что он уже заживо разлагается и от него слышен запах тления» (Бел., X, с. 197); «Умственная деятельность [во второй половине XVIII в.].. вступала в открытую и горячую борьбу с феодальным миром, разлагавшимся по закону исторического гниения» (Р. Р. Неизданные сочинения и переводы Карамзина; Русск. слово, 1862, № 3, с. 65); «Ясное дело, что Мармеладов — труп, чувствующий и понимающий свое разложение, труп, следящий с невыразимо мучительным вниманием за всеми фазами того ужасного процесса, которым уничтожается всякое сходство этого трупа с живым человеком, способным чувствовать, мыслить и действовать» (Писар., IV, с. 330). В подобных примерах налицо еще явные сопоставления и живые метафоры, но в 40-х г. появляются, а в 60-х гг. становятся очень обычными и такие фразовые сцепления, где эта образность притушена, не выступает наглядно. Слово, очевидно, приобрело уже новый самостоятельный смысловой оттенок. Ср.: «Распадение общества на большинство и меньшинство и разложение общинного начала» (М... З... К... [Ю. Самарин]. О мнениях «Современника» исторических и литературных; Москвит., 1847, II, с. 165); «Весь период империи может быть назван продолжительным разложением старого римского механизма, приспособленного для завоевательной войны и пришедшего в совершенную негодность на другой же день после окончательной победы» (Писар. (Павл.), V, с. 370); «Бывают в жизни народов эпохи затишья, бывают времена упадка нравов, нравственого разложения» (Н. Шелгунов. Превращение мошек и букашек в героев; Дело, 1871, 2, с. 2); «Причины разложения новгородского общества заключались в нем самом» (Благ., с. 538); «Во вторую половину XVIII в. буржуазия.. далеко не представляла из себя целостного, замкнутого сословия; она уже начала „разлагаться“» (П. Гр-оли. Французское общество в конце XVIII в.; Дело, 1876, № 5, с. 205) и т. п.

Так первоначальные связи и ассоциации с химическим терминологическим смыслом слова были, в ходе этого быстрого распространения его в языке, надорваны, а затем и оборваны.[103]

---

[103] Ср., впрочем, сочетание *разлагаться на составные части*, еще указывающее на связь со старым химическим употреблением. Напр.: «Историк разлагает каждое явление на его составные части» (Писар., II, с. 373); «Нужно разложить наше общество на его составные элементы» (Н. Шелгунов. Дума на 1869 год; Дело, 1869, № 1, с. 4).

Испаряться. Словари XIX в. не отмечают переносных употреблений; ср. в Слов. совр. русск. лит. яз., V: «2. *Перен. Разг.* Исчезать, пропадать бесследно». Этот глагол в своеобразном образно-переносном его понимании входил в излюбленную фразеологию Сенковского; в повестях его он часто является в смысле: «превратиться в нечто, подобное пару, выделяться, исчезать как пар». Ср.: «Женская душа, блестящая любовию, дышащая любовию и испаряющаяся из тела в горячий туман любви»; «Вопрос испарился на устах институтки»; «Оленька.. дрожала нежно, таинственно, сладостно, как дрожит струна под смычком артиста, исполненная небесной гармонии, испаряющейся из нее звонким незримым туманом» (все три примера из повести «Вся женская жизнь в нескольких часах»; Библ. для чт., 1834, I, с. 33, 63 и 70); «Свечи уже испарились в тюлиповое пламя, и самое пламя медленно умерло в прозрачном жерле стекла»; «Доколе вся материя мира опять не расплавится, не испарится в летучую жидкость, в газ, в эфир» (оба примера из повести «Любовь и смерть»; Библ. для чт., 1834, № 3, с. 141 и 147); «Я целым объемом души, сердца и тела жадно вбирал в себя сладость, испарявшуюся из очаровательной беседы, и не успевал поглощать эфирных волн ее»; «Если бы только упал на меня поцелуй Теолины, я бы в один миг испарился» (из повести «Предубеждение»; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 215 и 251). Над этим манерно-взвинченным стилем Сенковского смеялся анонимный автор памфлета «Авторский вечер» (см. цитату оттуда при слове *разлагать*, с. 405—406). Но изредка такое образное употребление встречается и у других авторов романтического направления 30-х гг. Ср. в статье Н. Полевого о стихотворениях Жуковского: «Ода его [классицизма] выпарилась в громких словах» (Н. Пол., I, с. 102). В таком образном окружении и переносном смысле гл. *испаряться* проникает и в публицистические стили конца 30—40-х гг. Ср. у Белинского: «Любовь этого молодого человека испаряется в пустозвонных фразах» (III, с. 101); «Вся любовь их испаряется в словах, в дерзких поцелуях со стороны поэта и в „ах, что вы это!“ со стороны хорошенькой мещаночки» (V, с. 81);«Гораздо поучительнее падение таких поэтов, которые не так сильны, чтоб не бояться падения, и не так слабы, чтоб выдохнуться незаметно и испариться в болотной атмосфере житейской повседневности» (VI, с. 127). Как видно, почти во всех этих случаях отчетливо выступает метафорический характер употребления. Но с середины века в произведениях различного характера являются случаи свободного употребления слова в значении «исчезать, пропадать»; иногда эти примеры указывают на разговорный источник. Ср.: «Ах! Любовь-то в нем видно начала испаряться» (Е. Дриянский. Отрывок из новой комедии; Москвит., 1853, № 20, с. 148); «Русанов смутно чувствовал, что приготовленные речи испарились» (В. Клюшников. Марево; Русск. вестн., 1864, № 1, с. 105); «Нет ничего мудреного, если очерки г. Успенского, фотографируя эту обыденную серенькую жизнь, испаряются из нашей памяти» (Вс. К-овский. Рассказы Н. Успенского; Русск. слово, 1862, № 1, с. 40) и т. п. Обычно речь при этом идет о мыслях, чувствах, переживаниях, воспоминаниях и т. п. Но с конца XIX—начала XX в. возможно сказать так и о незаметном исчезновении людей; на этом последнем употреблении уже лежит несомненный отпечаток разговорности. Ср. в воспоминаниях А. М. Скабичевского «Первое двадцатипятилетие литературных мытарств»: «По справедливости долг падал на всех членов артели, но большинство их.. испарились из Петербурга, и в наличности козлом отпущения оставались лишь Венгеров, Наумов и я» (Скабич., Восп., с. 327). Не совсем ясно, имеет ли это последнее упот-

ребление прямое отношение к реальному исходному значению, или сложилось иначе и в другой среде.[104]

Улетучиваться. Впервые Д[1]: «*Улетучивать, улетучить* что — обращать в газ или в пары, обращать в вещество, которое легче воздуха, и потому всплывает в нем и уносится. *-ся.* Страд. *Жар улетучивает почти все вещества. Камфора вся улетучилась*, исчезла». История слова в известной степени аналогична истории гл. *испаряться,* но более рельефна. Образно-переносное употребление также развивается в романтической поэзии и прозе 30-х гг. Ср.: «Должна и мучиться, и мучить, Сливаться с бренностью вещей, Чтоб тяжесть мира улетучить Эфирной легкостью своей» (Бенед., I, с. 113); «Но что такое воображение, как не память, вскипяченная, улетученная пламенем сердца» (Марл., X, с. 232); «Еще большее впечатление произвел на него особый род женщин — легких, порхающих. Его поразило это улетучившееся существо с едва вызначавшимися легкими формами, с маленькой ножкой, с тоненьким воздушным станом» (Гог., III, с. 222) и т. п. Здесь прямая связь с химическим специальным употреблением еще очень прозрачна. В публицистических стилях конца 30—40-х гг. гл. *улетучиваться* выступает нередко в смысле «превращаться в нечто воздушное, подобное пару, неопределенное», в значении близком, но еще не тождественном с гл. *исчезать.* Ср. у Белинского: «Мечтательность была высшею действительностию только в периоде юношества человеческого рода; тогда и формы поэзии улетучивались в фимиам молитвы, во вздох блаженствующей любви или тоскующей разлуки» (III, с. 433—434); «Я сам боялся весь улетучиться во вздох блаженствующей любви...» (IV, с. 390); «Все ограниченные частности улетучиваются в общее» (IV, с. 413). См. и у других авторов из поколения 20—30-х гг.: «Прекрасное так же, как истинное, когда не опирается на существенное, улетучивается в отвлеченность» (И. Киреевск., II, с. 234); «Ум такая неуловимая и улетучивающаяся составная часть, что измерить ее, взвесить и положительно определить невозможно» (Вяз., VIII, с. 381).[105] Литературному языку с середины века уже известно не только употребление этого слова в сочетаниях, по старой модели,[106] но и абсолютивное, в общем смысле «исчезнуть». Уже в 40-е гг. можно наблюдать, как постепенно складывается такое употребление. Напр., у Герцена: «Век наш.. добрался, наконец, и до этих призраков, подточил их основание, сжег огнем критики, и они улетучились, исчезли» (Герц., II, с. 50). Ср.: «Чувства того и жди — совсем испарятся или улетучатся» (А. Григ., I, с. 52);[107] «В XIII столетии горячий и поэтический элемент исторического фанатизма уже в значительной степени успел улетучиться» (Писар. (Павл.), IV, с. 394); «От нас

---

[104] Случаи переносного употребления слова *испарение* редки и индивидуальны. Ср. в эзоповом языке Щедрина: «Там, в этой насыщенной азбучными испарениями атмосфере.., они кроха по крохе соберут себе сокровище гораздо более прочное, нежели то, которое могла бы дать наука» (Салт., X, с. 33). Выше речь идет о дельцах, не обремененных знаниями, но «готовых» просвещать.

[105] У лиц этого поколения продолжает встречаться и гл. *улетучивать* в том образном смысле, с которым он выступал в романтической прозе 30-х гг. Ср.: «Французская шутка обыкновенно отвлеченна и улетучена» (Вяз., VII, с. 97); «[В Одиссее] все переходы и встречи противуположностей совершаются в таком благозвучии, все так и сливается в одно, улетучивая тяжелый громозд всего целого» (Гог., VIII, с. 242).

[106] Напр.: «Все сочувствие Киреевского к европейской цивилизации улетучивается в общих местах и в фразах» (Писар., I, с. 323—324); «Надежды не всегда сбывались, действительные требования часто улетучивались праздными мечтами» (Благ., с. 41).

[107] Впрочем, из этого примера видно, что *испариться* и *улетучиться* в таком употреблении еще не вполне синонимичны, и исходное смысловое различие иногда дает себя знать.

обыкновенно улетучивается коренная сущность каждого вопроса» (Н. Р. [Шелгунов]. Логика непоследовательности; Дело, 1869, № 5, с. 3); «Тетушка так на него взглянет, что охота колобродить мгновенно улетучивается» (Салт., XVIII, с. 213). Естественно, что теперь, в этом новом значении, глагол сочетается не только со словами, относящимися к сфере мыслей, чувств и переживаний, но и обозначающими реальные предметы. Ср.: «Городской шум стих, и лишь внезапный и быстро улетучивавшийся стук какого-нибудь запоздавшего экипажа напоминал, что город не совсем вымер» (Салт., X, с. 426); «Я отдала им в трудовом поте улетучившиеся силы» (К. В. М [ещерский]. Тайны современного Петербурга, I. СПб., 1876, с. 243; речь «нигилистки»); «В начале сего года я заработал и прожил полторы тысячи рублей. Деньги улетучиваются, как черти от ладана...» (Чех., XIV, с. 60 и т. п.).[108] С 60-х гг. идет и употребление слова в смысле «уходить» (о людях). Ср.: «Общество, все село, не может никуда уйти, улетучиться» (Одесск. вестн., 1862, № 37, с. 3); «Лобачевского Розанов не застал дома, сложил у него свои вещи и улетучился» (Леск., II, с. 499); «Виденье так и улетучилось, как говорят теперь.. чтобы никогда уже более не представать пред очарованные очи» (Маркев., IX, с. 160); «— Я был там, но улетучился, — с нарочитою шутливостью отвечал доктор» (Л. Толст., XIX, с. 207) и т. д. Такое употребление носит на себе отпечаток очевидной просторечности.

Брожение. Слов. 1847, помимо общего значения («то же, что бродня», т. е. «ходьба взад и вперед»), отмечает: «В химии: внутреннее движение, происходящее в органических телах и в жидкостях, содержащих в себе органические части, помощию заквасы: винное, спиртовое брожение»; Слов. Акад. 1891 указывает третье, переносное значение: «Волнение умов, смятение в обществе или в народе». Сочетания типа *брожение ума* обычны уже и в 30-х гг. (см. Слов. яз. Пушкина). Трудно сказать, находятся ли они генетически в связи с химическим терминологическим значением. Во всяком случае, в прозе XIX в. нередко имеют место такие контексты, где ассоциации с химическими представлениями очевидны и даже акцентированы. Ср., напр.: «Брось это понятие в новую, чистую душу.., оно тотчас жадно соединится с нею, как желчь с кислотою; оно приведет ее в брожение; оно проникнет в сердце, разойдется с кровию, пережжет кровь, чувства и воображения и сзернуется в твердый кристалл, светлый, алмазный, мерцающий волшебными огнями вожделения, надежды и счастия» (О. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах; Библ. для чт., 1834, I, с. 64); «Насильственное слияние областей требовало сильного внутреннего брожения» (Н. Пол., II, с. 22); «Колебание, брожение, и, наконец, совершенная порча гоголевских элементов выразились в так наз. натуральной школе» (А. Григ., I, с. 50); «Фрондерские речи [французской буржуазии], падая на восприимчивую почву, порождали в ней такой процесс брожения, которого дальнейшее развитие трудно было остановить или предугадать» (Писар., IV, с. 422).

Окисляться. Словари не отмечают переносных употреблений, но в текстах XIX в. изредка такие случаи встречаются. Ср.: «К числу таких жалких, больных людей, окисляющихся под влиянием несчастия, принадлежат все герои Байрона и его последователей» (Писар., I, с. 24); «Характер [Перова] все более и более окислялся: он становился жел-

---

[108] Любопытно, что такое употребление встречается в это время даже у лиц, принадлежащих к поколению 20—30-х гг. Ср. у Вяземского: «На мою долю выручка пала, можно сказать, экземпляров на сто, прочие как-то улетучились» (I, с. II).

чен и раздражителен» (Стасов, II, с. 252). Впрочем, ср. переносное значение и у гл. *скиснуть* в просторечии.

§ 11. Г. **Терминология биологии и медицины**. Число терминов, принадлежащих различным отраслям биологии, особенно — физиологии и медицины, и получивших в это время расширительное истолкование или образно-переносное употребление, очень значительно. Переносное употребление ряда слов, которые были давними и устойчивыми терминами в этой области, имеет свою предшествующую историю. Образно-метафорическое употребление таких, напр., слов, как *болезнь*, *горячка*, *лекарство* и нек. др., сложилось значительно ранее данного времени. В XVIII в. и в начале XIX в. у различных авторов находим нередко образное применение слов, обозначающих болезни и связанных с медицинскими ассоциациями.

И тем не менее, примерно с 30—40-х гг. XIX в., это перенесение специальных терминов биологии и медицины на общелитературную почву и появление у них особых переносных или расширительных значений становится особенно симптоматичным. Особой силы достигает этот процесс в 60-е гг. — время чрезвычайно сильного влияния естественных наук и интенсивного развития биологии. Характерно, что в этот процесс образного переосмысления вовлекаются в это время термины новые, только что появляющиеся в научном обиходе (напр., *акклиматизация*, *естественный подбор*, *борьба за существование* и др.). Вместе с тем в середине XIX в. ряд специальных медицинских терминов получает очень широкие, общие значения; как слова-носители этих общих значений, они теряют специально-терминологический характер, хотя одним из частных случаев их употребления и остается употребление специальное. С них мы и начинаем наш обзор.

Кризис. Яновск.: «Перелом болезни»; Ре..ф..ц и Слов. 1847 так же. Но ср. Кир.: «В медицине так называют перелом, переворот, после которого страждущий начинает переходить от болезни к выздоровлению или к смерти. Отсюда это слово перенесено и вообще на критические обстоятельства и означает событие, которое произвело резкую перемену в сферу деятельности частного лица или целого общества». Д[1] начинает с общего истолкования («Перелом, переворот, решительная пора переходного состоянья») и как частный случай этого общего значения трактует медицинское употребление («Врачи зовут кризисом внезапный переворот в болезни»); Толль разъясняет понятие кризиса в болезни, в политике, в торговле.

Первые случаи расширительного употребления медицинского термина имеют место уже в конце XVIII в. у Карамзина (см. Веселитск., с. 93). Оно входит в силу с 30-х гг. Особенно часто прилагается слово к перебоям в торговле. Ср.: «Кстати о журналистах. Они ждут с пароходами известий о кораблекрушениях, ураганах, морских разбойниках, коммерческих кризисах и военных действиях в Испании и Америке» (Ф. Б. [Булгарин]. Сборы на дачу; Сев. пчела, 1838, № 105, с. 20); «Причиною теперешнего стесненного положения Смирдина был общий кризис в книжной торговле, вдруг происшедший в 1839 году» (Бел., V, с. 482); «Литература наша находится теперь в состоянии кризиса» (Бел., VIII, с. 45) и т. п.

С конца 40-х гг., особенно в 50—60-х гг., становятся обычными такие сочетания, как *общественный* (*социальный*) *кризис*, *политический кризис*, *экономический кризис*, *промышленный кризис* и т. п. Ср.: «В Англии.. все, казалось, предвещало неотразимость социального кризиса» (В. Милют., с. 52); «Из „Путешествия“ г. Лакиера видно, что он был в Нью-Йорке около осени 1857 г., в самый разгар промышленного кризиса» (Добр., IV, с. 222); «Французское крестьянство укрепилось и

разбогатело, несмотря на всю тягость общественного кризиса» (Писар. (Павл.), III, с. 189); «Так как от английского рынка более или менее зависят все европейские рынки, то везде — от Мадрита до Берлина — почувствовали так называемый финансовый кризис, т. е. приостановилась биржевая спекуляция, сократились торговые предприятия и обращение звонкой монеты между нуждающимися классами» (Г. Б. Американский кризис; Русск. слово, 1862, № 2, с. 14); «В их мнениях была заметна лихорадочная дрожь, недоверие к собственным силам, вялый скептицизм, чем обыкновенно сопровождаются резкие политические кризисы всех народов» (Благ., с. 164); «Вслед за победами Пруссии и пятимиллиардной контрибуцией в Германии разразился экономический кризис, исполненный всевозможных биржевых скандалов, банкротств и внутренних потрясений» (С. Шашков. Биржевые вакханалии в Германии; Дело, 1876, № 12, с. 34); «Нельзя же, в самом деле, поверить, что железные дороги — единственный виновник промышленного и торгового кризиса, свирепствующего в Германии» (Э. Р. Германские железные дороги; Дело, 1876, № 7, с. 133) и т. д. Ср. также *умственный кризис*: «Лето 1859 года было для меня временем умственного кризиса» (Писар., II, с. 180).

Смысловое развитие слова *кризис* на русской почве шло следом за его эволюцией в других европейских языках, прежде всего во французском языке. Но характерно, что в 40-х гг. и даже позднее еще часто перебрасывается «мостик» от медицинского понимания кризиса к явлениям различного перелома в общественной и умственной жизни. Ср., напр., следующие случаи употребления: «Общество, как всякая индивидуальность, есть нечто живое и органическое, которое имеет свои эпохи возрастания, свои эпохи здоровья и болезней, свои эпохи страдания и радости, свои роковые кризисы и переломы к выздоровлению и смерти» (Бел., IV, с. 488); «Все отрасли человеческой деятельности, взятые порознь, совершенствовались в течение тысячелетий, совершенствовались даже и тогда, когда казались падающими: это были эпохи болезненных кризисов, за которыми следовало выздоровление» (В. Майк., II, с. 232); «Россия находится теперь в одном из тех кризисов развития, из которого организм выходит разом сложившись или доказав свою неспособность» (Герц., XIV, с. 105) и т. п.[109]

Симптом. Яновск.: «*Симптом* или *симптома*; *симптоматический*. Реч. мед.»; Ре..ф..ц: «*Симптомы*. Признаки болезни». В Слов. 1847 слово отсутствует; Д[1] на первом месте дает уже общее толкование («явление, оказательство, внешний признак»), но *симптоматический* здесь выступает только в сочетании *симптоматическое лечение*. В общем значении сущ. *симптом* встречается уже в 40-х гг. Ср.: «Напрасно г. Шевырев симптомы своего личного вкуса хочет выдать, во что бы то ни стало, за норму общего здорового вкуса» (Бел., VII, с. 623—624); «И Пушкин и Кольцов с какою-то особенною грустью приступает к описанию первого периода любви своих героинь: им жаль этих прекрасных существ, потому что первые симптомы любви русской женщины уже заключают в себе что-то зловещее» (В. Майк., с. 91).

Нередко слово употребляется в переносном смысле, в образном отнесении к «болезни»: «Вдохновение есть страдательное, можно сказать, болезненное, состояние души, и его симптомы теперь хорошо всем известны» (Бел., I, с. 273); «Когда поэт собрал в один фокус, в одну ярко

[109] Быстрее этот отрыв от специальных медицинских ассоциаций шел в относительном прилагательном. *Критический* уже в Слов. 1847 объясняется самым общим образом: «4. Затруднительный или опасный. *Он в критическом положении*». Ср.: «Готовые формулы суть весьма хорошие средства выпутаться из всякого критического затруднения» (Н. Пол., I, с. 355).

освещенную картину все разрозненные симптомы господствующей болезни века, — тогда начинается работа мыслителей, которые анализируют вопрос во всех его подробностях» (Писар., III, с. 100); «Страшные симптомы фанатизма, который хуже всякого морового поветрия, губил людей за религиозные убеждения» (Благ., с. 217) и пр.

Специфический. Д[2] отмечает только сочетание *специфическое средство* — в медицине («частно, на известный недуг направленное»); Толль, кроме того, указывает: «Известный, свойственный существу дела, по естественным качествам; означает в физике степень или величину свойства, переходящую на определенную материю или определенный объем».

В последние десятилетия века наряду с употреблением терминологическим [110] встречается и в общем значении: «Свойства разновидностей и чисто индивидуальных особенностей до сих пор были слишком пренебрегаемы натуралистами, сравнительно с так называемыми специфическими свойствами» (Дарвин и его теория; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 11); «Специфический запах конюшни смешивался с ароматом сухой травы» (Корол., II, с. 113); «Специфически философский метод» (Сев. вестн., 1886, № 2, отд. II, с. 219) и под.

Хронический. Яновск.: «Сие прилаг. употребляется только с существительным болезнь»; Слов. 1847: «Бывающий постоянно или возобновляющийся в определенное время. *Хроническая болезнь*»; Ре..ф..ц: «долговременный, продолжительный»; Толль: «Продолжающийся долго» (и далее особо толкуется сочетание *хронические болезни*). Д дает только сочетание *хроническая болезнь*.

Примеры переносного употребления самого сочетания *хроническая болезнь* идут от 30-х гг. XIX в. Ср.: «Бальзак завел в своих романах.. огромную гошпиталь.. хронических болезней женского сердца» (Библ. для чт., 1835, № 2, Смесь, с. 129); «В 1193 г. французский король Филипп-Август, страдая безденежьем — хронической и наследственной болезнью всех королевских династий прекрасной Франции, — предложил руку и сердце сестре датского короля, Ингеборге, у которой наличных денег было очень много» (Писар. (Павл.), IV, с. 394); «С XIII века индифферентизм становится уже хронической болезнью католитических народов» (там же, с. 449). С середины XIX в. круг возможных сочетаний прил. *хронический* с разного рода существительными (главным образом отрицательного свойства) уже очень широк. Ср.: «А позвольте спросить: возможно ли *хроническое* самоотвержение?» (Герц., II, с. 79); «Англия стоит настороже; ее опасения сделались хроническими» (Москвит., 1853, № 7, Заграничные известия, с. 101); «Каждая подвластная личность находится под влиянием хронического подкупа или устрашения» (Благ., с. 75) и т. д. Ср. у Писарева: «Хроническое чувство страха» (IV, с. 365); «Хроническое притворство» (там же, с. 367); «Пауперизм, т. е. хроническая и неизлечимая бедность» (III, с. 120); «Хроническое и организованное лицемерие гнездилось в делах религии» (Писар. (Павл.), IV, с. 487); «Хроническое несчастие» (там же, V, с. 318); «Хроническое тунеядство» (Писар., III, с. 276); «Хроническое недоумение» (там же, IV, с. 231); «Хроническое смущение» (там же, с. 56); «Хронические шалости» (там же, с. 210); «Хроническая улыбка тупого самодовольства» (там же, III, с. 69); «Хроническая скука» (IV, с. 127) и т. д. и т. п.

Старые связи и ассоциации с медицинским употреблением нередко поддерживаются противопоставлением *хронических* явлений *острым*. Ср.: «После этого остается только напечатать в газетах объявление: нет более дураков! или вернейшее средство излечиваться греческой граммати-

[110] Ср.: «У больной оказался острый сочленовный ревматизм, ..болезнь, против которой медицина имеет верное, специфическое средство в виде салициловой кислоты» (Верес., I, с. 505).

кой от всех острых и хронических видов глупости, тупоумия и ограниченности» (Писар. (Павл.), IV, с. 482); «Непонимание наших критиков имеет хронический характер, а не острый» (М. Антонович. Лжереалисты; Совр., 1865, № 7, с. 58) и т. п.

Можно, далее, указать на несколько слов, где, несмотря на очевидную вторичность общего употребления по сравнению со специальным терминологическим, образность и «переносность» его ощущаются слабо. Отчасти это объясняется прямым заимствованием переносного употребления, сложившегося ранее на почве других европейских языков. К таким случаям следует отнести:

Доза. Угл., Марк., Бурд., Мих. 1865: *Доза* или *дозис*; Толль: «*Доза* — то количество лекарства, которое дается в один прием больному»; Слов. Акад. 1895: «*Доза* (фр. dose от гр. δόσις — даяние). Количество лекарства, даваемое или принимаемое в один прием; доля.. *Лошадиная доза* (шуточн.) — слишком большая».

Общее фразеологическое употребление слова можно проследить с начала 30-х гг. С середины века оно становится обычным. Ср.: «Роману поставляется в необходимую принадлежность известный дозис сентиментальности» (Н. Надеждин. «Рославлев» Загоскина; Телеск., 1831, IV, с. 78); «Было бы, конечно, странно отказать историографу в известной дозе самолюбия» (Р. Р. Неизданные сочинения и переписка Карамзина; Русск. слово, 1862, № 3, с. 63); «Та доза энергии, которая тратится на подвиг, на блестящее и полезное дело, истрачена здесь на простой и неизбежный физиологический процесс» (Писар., II, с. 46); «Наглухо захлопнутые и мертво-молчаливые ворота дома Печкиных, с своей стороны, прибавили некоторую дозу тяжести к тому тяжелому впечатлению, которое производил переулок» (Гл. Усп., III, с. 63); «Говорил он сдержанно, с порядочной дозой холода в своем взгляде и голосе» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 4, с. 22) и т. д. Более редки примеры с подчеркнутой образностью такого употребления. Напр.: «Я уже говорил.., что мы бедны и глупы; теперь нам пришлось убедиться в том, что наша бедность и наша глупость доходят действительно до самых почтенных размеров, — до таких размеров, что глупость мешает нам понимать пользу необходимого лекарства, а бедность мешает нам приобрести себе зараз достаточную дозу этого лекарства. Вследствие этого и приходится употреблять это лекарство самым поверхностным образом и в самых микроскопических приемах» (Писар., III, с. 74); «Несмотря на свою опытность и ловкость, король ошибся в той дозе либерализма, которую следовало отпустить по этому случаю.. Ему слишком часто удавалось поправлять дела гомеопатическими дозами уступок. Но в этот раз дела запутались больше обыкновенного, и дозу следовало усилить» (В. Зайцев. Библиографический листок; Русск. слово, 1865, № 1, с. 92). Часто в сочетании *гомеопатическая доза*. Напр.: «Есть в человечестве только одно зло — невежество; против этого зла есть только одно лекарство — наука; но это лекарство надо принимать не гомеопатическими дозами, а ведрами и сороковыми бочками. Слабый прием этого лекарства увеличивает страдания больного организма. Сильный прием ведет за собою радикальное исцеление» (Писар., III, с. 122); «Из основ традиционной узкозоркости возникла целая школа экономистов и общественных деятелей, желающих содействовать прогрессу, может быть, и несомненно искренно, но тем не менее отпускающих для него такие гомеопатические дозы свободы, что при исключительном содействии этих добрых людей человечеству придется пребывать еще долго в его теперешней нищете» (Н. Шелгунов. Односторонность промышленного прогресса; Дело, 1869, № 4, с. 300) и т. п.

В разговорной речи сложилось шутливое выражение *лошадиная доза* (см. Слов. Акад. 1895).

Русским синонимом слова *доза* в его терминологическом употреблении было слово *прием*. И оно встречается в переносном употреблении, но, естественно, в силу наличия у этого слова разных значений, только в достаточно определенном, оснащенном медицинскими ассоциациями контексте.

Микроскопический. Слов. 1847: «Относящийся к микроскопу, свойственный микроскопу. *Микроскопические твари*, инфузории»; Д[1] — так же. В переносном смысле начинает употребляться с 30-х гг. Ср. в повести Сенковского «Предубеждение»: «Шпирх есть микроскопическое создание, смуглое, бледное, тощее, сухое, без тела, без крови, без чувств, без сердца, без души» (Библ. для чт., 1834, № 12, с. 222). В 40-е гг. это употребление уже достаточно широко распространено; с середины века становится обычным и встречается у писателей самых различных направлений. В прилагательном совершенно отчетливо выступает новое качественное значение («крайне малый, незначительный»); оно становится своеобразным синонимом слова *крошечный*, не столько уточняющим, сколько эмоционально усиливающим это общее значение. Ср.: «Автор этой микроскопической книжки [«Статейки в стихах»], названной им первым томом, должен быть человек умный, это особенно доказывается тем, что он не выставил на ней своего имени» (Бел., VII, с. 8); «Таких микроскопических дон Кихотов в наше время развелось на Руси многое множество» (там же, IX, с. 82); «В продолжение нескольких глав события умалятся, сделаются однообразными: многие из них примут почти микроскопические размеры» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 69); «Мы не напоминаем этих странных, чудовищных снов г. Буткова и иных. ., которых юмор вдается в описание зловонных углов и .. которые всякую микроскопическую претензию микроскопической личности возводят на степень права» (А. Григ., I, с. 19); «Нужно было рассмотреть *весь* теперешний ход дела во Франции, и если уж выражать желание перемен, то более общих и серьезных. А то какой же толк от микроскопических прибавочек с одной стороны и чуть-чуть приметных ограничений с другой» (Добр., III, с. 427); «К дому управителя действительно подкинули микроскопического мальчугана» (Левит., с. 26); «Какой общечеловеческий или общенациональный смысл имеют все те микроскопические перевороты, которыми наполнена история древнегреческих республик и в которых ежедневно проливалась по каплям в течение нескольких столетий кровь умного и даровитого народа?» (Писар. (Павл.), IV, с. 491) и т. п. Ср. и в сложениях: «На каждом диспуте он делал множество возражений и замечаний, очень бесплодных, микроскопически мелких» (Писар., II, с. 138), а также сущ. *микроскопичность*: «Отношение г. Писемского к читателям. . просто деревенская неотесанность и жалкое самомнение ничтожной микроскопичности, вообразившей себя титанической силой» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 9, с. 21).

Наряду с таким очень ходовым употреблением, где налицо полный семантический и стилистический метаморфоз слова, перешедшего из стилей научно-книжных в стиль непринужденно-разговорный, являются и случаи образно-переносного употребления слова в его исходном относительном значении, но лишь в определенных сочетаниях (напр.: *микроскопический анализ*, *микроскопические наблюдения* и т. п.). Ср.: «Наш язык не имеет микроскопических свойств» (Вяз., X, с. 264); «Все чувства, все нервы его получили микроскопическую способность, и в известном фокусе малейшая пылинка, малейшее насекомое. . теснило его, гнало из мира» (В. Одоевск., I, с. 191); «Напрасно г. Соловьев подвергает

микроскопическому разбору „Историю“ Карамзина» (Черн., II, с. 675); «Способность к микроскопическому анализу [своих и чужих слов и поступков] вредила Раскольникову» (Писар., IV, с. 364). Можно отметить и переходные случаи, а также каламбурную игру на двух указанных смыслах слова. Напр.: «Без этих увеличительных стекол филологии микроскопическое открытие г. Модестова.. не может быть никем усмотрено» (Отеч. зап., 1869, № 1, Современное обозрение, с. 222); ср. также: «Кто способен вполне удовлетворяться микроскопическими пылинками мысли и чувства, кто умеет составить себе громкую известность собиранием этих пылинок, тот должен быть мелок насквозь, в каждой отдельной черте своей частной и общественной жизни» (Писар., III, с. 96); «Таким человеком был Суровцев в тесном и микроскопическом мирке Шишовского уезда» (Е. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 2, с. 125) и т. п.

Что касается самого названия *микроскоп*, то и оно имело в стилях новой литературной речи особую и многозначительную судьбу. В характерных сравнениях оно начинает выступать очень рано, с конца XVIII в. Часто прибегает к ним, например, Карамзин. Ср. у него: «Разгоряченное воображение есть микроскоп, который все увеличивает в тысячу, в миллион раз» (VI, с. 82); «Смотрим в микроскоп на всякую неприятность, и кричим, что свет наполнен бедствиями» (VII, с. 231); у него же и в более тесном сцеплении со словами и понятиями отвлеченного характера: «Никакой микроскоп исторической строгости не открывает в ее действиях ни малейшего пятна» (IX, с. 157). Такое употребление обычно и в дальнейшем. Ср.: «Нынешние действующие лица рассматриваются в микроскопы» (Вяз., II, с. 243); «Всякая мысль, иногда забытая в глубине души в трезвом состоянии, растет под поливкою шампанского, как под микроскопом» (В. Одоевск., III, с. 13). *Микроскоп* становится обычным образным шифром для обозначения подчеркнуто внимательного, придирчивого отношения к явлениям обычным, мелким, примелькавшимся.[111]

Но для людей нового поколения, провозглашающих важность глубокого анализа и проникновения точных методов естественных наук в изучение внутреннего мира человека и его общественных отношений, *микроскоп* становится особенно важным и знаменательным символом. Идеолог буржуазного декаданса, Мережковский, мог писать об этих людях с насмешкой:

> От микроскопов ждал он и реторт
> Неведомых чудес и новой веры.
>
> (Полн. собр. соч., XV, СПб.—М., 1912, с. 177).

Но для шестидесятников это было не только «новой верой» и тем более фразой и красивым словом. В этом заключалось их глубокое убеждение и стремление изгнать идеализм из его «последних убежищ», какими представлялись им тогда область психологии, этики, эстетики и т. д. «Употребление микроскопа, — писал Герцен в «Капризах и раздумьях», — надобно ввести в нравственный мир, надобно рассмотреть нить за нитью паутину ежедневных отношений» (II, с. 77). Шелгунов, прибегая к установившимся условным «шифрам», так говорил об этом закономерном переходе от общих, но недостаточно определенных концепций к детальному анализу складывающихся новых социальных отношений: «Пора общих крупных вопросов.. теперь кончилась. Жизнь дала поворот в новую область, а чтобы узнать эту область, нужно производить исследования ее не в телескоп, а в микроскоп» (Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 38).

[111] Так же, как *телескоп* — символом преувеличенной, слишком общей оценки мелочных явлений.

Натуралист, вооруженный микроскопом и скальпелем, становится для молодого поколения 60-х гг. героем дня, образцом «мыслящего работника», примером исследователя. В статье «Цветы невинного юмора» Писарев воссоздает характерную ироническую сценку, разговор «последнего эстетика» с «последним поэтом». «Последний поэт» в отчаянье заявляет своему другу: «Микроскоп и скальпель не дают нам покоя. Если мы не спрячемся или не притворимся натуралистами, то нас с тобою могут посадить заживо в спирт, чтобы сохранить в полной целости последние экземпляры исчезнувшей породы, имевшей удивительное внешнее сходство с человеком». И Писарев предсказывал, что эти «последние могикане во весь дух побегут в лавку покупать себе микроскоп и химические реторты» (II, с. 332).[112]

Естественно, что в этих условиях образное использование слова *микроскоп* становилось особенно частым и широким. Ср., напр.: «[При полемике] надо рассматривать в микроскоп такую дрянь, к которой гадко прикоснуться» (Писар., III, с. 436); «Решетников в одном романе, как бы в микроскопе, хотел показать всю трудовую судьбу русского рабочего мира» (Н. Шелгунов. Народный реализм в литературе; Дело, 1871, № 5, с. 42); «Таких мошек и таких характеров тьма тьмущая; с помощью микроскопа их можно разглядеть, и я решаюсь на это» (Шелл.-Мих., II, с. 97); «Н. Успенский упорно возится в минувших останках „разоренного“ гнезда, тщательно разыскивает копошащихся там всяческих гадов и пресмыкающихся и, вытащив их из зловонной кучи мусора и пыли, подставляет под свой беллетристический микроскоп» (Ткачев, Избр. статьи, с. 97).

Паллиатив, паллиативный. Яновск.: «*Паллиатив или паллиативный. Реч. мед.* Прикрывательный. Прилагательное, придаваемое лекарствам и пользованию, которые утоляют и успокаивают припадки и приключения болезни для настоящего времени несносные; но причины оных не истребляют»;[113] Д[1]: «*Пальятив*, мн. *пальятивы* или *пальятивные меры, средства, помощь* — временные, нескорые, обманчивые, срочно облегчающие, но не помогающие, не исцеляющие; противоп. — радикальные — коренные»; Толль дает только медицинское определение.

В общем смысле начинает употребляться с середины века. В это время еще довольно часто выступает на фоне медицинских ассоциаций. Ср.: «Для чего является эта статья Сенковского о Кукольнике? Предполагаем, что она дается в виде паллиативного средства читателям и критике, до сих пор еще худо переваривающим другую статью „Библиотеки“ о г. Кукольнике. Паллиативное средство, впрочем, так же мало удобосваримо, как и средство отчаянное» (Г. [А. Григорьев]; Москвит., 1853, № 3, Журналистика, с. 122); «В таком виде его [вопрос народного воспитания] поняла Западная Европа и, в числе других благотворительных мер, употребила его как паллиативное средство для закрытия ран, слишком глубоко разъедающих общественный организм» (Благ., с. 39). «Это противодействие [со стороны детской литературы] в настоящее время полезно и даже необходимо так, как полезен и необходим яд меркуриаль-

---

[112] «Микроскоп, скальпель и лягушка, — писал о мыслящих реалистах 60-х гг. представитель реакционной «эстетической» критики Н. Соловьев, — у них на каждом слове» (Эпоха, 1864, № 11, с. 3). В этой иронической гиперболе была значительная доля истины, если иметь в виду определенные направления демократической мысли 60-х гг., напр. писаревское.

[113] Таким образом, для XVIII и начала XIX в. *паллиатив* — еще прилагательное (ср. лат. palliativus, франц. palliative). Затем лишь русифицированная суффиксальная форма (*паллиативный*) сохраняет это значение. *Паллиатив* же воспринимается как существительное, как синоним целого сочетания *паллиативное средство*.

ного лекарства, истребляющий яд сифилитической болезни. Искусственность того книжного мира, в который мы вводим ребенка, во всяком случае есть зло; но пустота действительной жизни оказывается еще худшим злом.. Из двух зол мы выбираем меньшее и по нашему обыкновению довольствуемся жалкими паллиативами в таком деле, где требуются радикальные перевороты» (Писар. (Павл.), IV, с. 581).[114]

Но чаще — уже свободное от этих прямых сопоставлений и ассоциаций употребление. Ср.: «Распадение союза между южными и северными штатами можно было.. отсрочить взаимными уступками еще на несколько лет, остановить кой-какими административными паллиативами» (Г. Б. Американский кризис; Русск. слово, 1862, № 2, с. 3); «На приюты нельзя смотреть даже как на средство паллиативное» (Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии; Дело, 1869, № 2, с. 11).

Парализировать (парализовать). Мих. 1865, Бурд.: *парализировать*; Д²: «*Парализировать, -зовать* кого, что — лишать силы, власти, средств, деятельности; удерживать, не давать ходу; рушить, убить, уничтожить». Форма *парализовать* начинает сменять форму на *-ировать* в 50-х гг. и становится нормой с конца 60—начала 70-х гг.

С 40-х гг. *парализировать* обычно не только в смысле «охватить параличом», но и в общем значении «лишить возможности действовать». Вероятнее всего в этом случае вторичное прямое заимствование в этом значении (ср. франц. paraliser). Напр.: «Каждое из этих диаметрально противоположных и враждебных начал парализирует одно другое» (Бел., VIII, с. 643); «Образованный романист 19-го столетия должен будет при изображении старины парализировать свое негодование точно так же, как Вальтер Скотт парализировал свой энтузиазм» (В. Майк., I, с. 144—145); «Эти странные мечты и надежды парализуют ту сторону таланта, которая у г. Плещеева наиболее сильна» (Добр., III, с. 367—368); «Стремление к свету и нравственной чистоте парализируется всевозможными препятствиями» (Г. Благосветлов. В. Гюго и его роман Les Misérables; Русск. слово, 1862, № 4, с. 21); «Мерин вез, потел, обтирался, и все-таки вез.., между тем, как шедшая в корню, сухопарая саврасая кобыла решительно парализовала все его старания» (Писем., ПСС, IX, с. 6) и т. д. В языке публицистики и газеты это слово в общем своем значении становится с середины века одним из самых употребительных.

В противоположность этому глаголу, где связь нового общего значения с исходным ощущается слабо, ярко выступает образность при употреблении не в прямом номинативном смысле слова *паралич* и сочетания *разбить параличом*. Ср. «Не решаясь быть слабоумным или носить на плечах голову, разбитую параличом одной неподвижной идеи, невозможно оспаривать присутствия невежественного духа в теле человеческом» (Библ. для чт., 1834, № 3, Литературная летопись, с. 33); «Из отношений, в которых различные силы находятся к движению, видно, что на них должно смотреть как на состояния, а не как на вещи.. Как ни долго господствовал над человеческим разумом взгляд, противоположный этому, но такое господство все-таки было возможно только вследствие какого-то умственного паралича» (Сила; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 5—6) и т. п.

Поветрие. Слов. 1847: «Заразительный воздух, причиняющий повальные болезни»; Даль также указывает лишь на это значение. В употреб-

---

[114] Прил. *радикальный* первоначально, в XVIII—начале XIX в., также было связано со сферой медицинской терминологии (*радикальное средство* в противоположность *паллиативному*). Но как общественно-политический термин, являющийся с 30—40-х гг. XIX в., слово вряд ли уже сопрягается с медицинскими ассоциациями. Здесь скорее прямое вторичное заимствование слова в ином значении.

лении первой половины XIX в. слово *поветрие* также является в смысле «эпидемия».[115] Образно-переносное употребление обозначается, впрочем, сравнительно рано. Ср. в стихотворении П. Вяземского «На новый 1828 год»: «Дай бог нам более журналов: Плодят читателей они. Где есть поветрие на чтенье, В чести там грамота, перо» (IV, с. 5).

С середины века такое употребление становится обычным. Связь с исходным значением сравнительно быстро ослабевает, тем более, что в медицинской терминологии слово *поветрие* становится во второй половине века мало употребительным, заменяясь заимствованным термином *эпидемия*. Ср.: «Заразительным поветрием пронесся иезуитизм по итальянской и испанской земле» (Г. Благосветлов. В. Гюго и его роман Les Misérables; Русск. слово, 1862, № 4, с. 12); «Славянофильство — не поветрие, идущее неизвестно откуда, это — психологическое явление, возникающее вследствие неудовлетворенных потребностей» (Писар., I, с. 337); «Байронизм, как поветрие, выражался в толпе живыми пародиями» (А. Григ., I, с. 153) и т. д. Примеры, где наглядно проступают связи этого нового значения с исходным, сравнительно редки. Ср.: «Не надо ни на минуту забывать, что мы живем во время, когда страшная нравственная миазма успела уже свить гнездо в культурном обществе и грозит сделаться поветрием» (Пирог., II, с. 326).

Явно преобладающими здесь, в кругу биологической и медицинской терминологии, оказываются, однако, случаи другого рода, когда общее, литературно-фразеологическое значение появляется и продолжает существовать на фоне исходного терминологического значения, как его образно-метафорическое преломление. Важно отметить, что среди естественнонаучных и медицинских терминов этого рода значительное число составляют термины новые, закрепившиеся в системе естественнонаучной терминологии около середины века. Степень «обобщенности», «самостоятельности» и вместе с тем фразеологической ограниченности, «замкнутости» новых переносных осмыслений у этих терминов очень различна; однако следует подчеркнуть, что все они являются все-таки не индивидуальными, а типизированными, прочно отложившимися в языковом употреблении.

Агония, агонизировать. Словари XIX в. не отмечают возможного образно-переносного употребления этих слов, — даже Слов. Акад. 1891 г.

Образное употребление начинает усиленно распространяться с 30—40-х гг. «Картинность» сопоставлений, очевидная метафоричность этих выражений сохраняются и в дальнейшем. Ср. у Герцена: «Терзать в агонии находившуюся Византию» (I, с. 30); «Мы сказали, что фактические науки имели полное право отворачиваться от прежней философии; но эта односторонняя фаза, которой исторический смысл весьма важен, если не совсем миновала, то явно „агонизирует“» (III, с. 111); «Считаю современное состояние [Европы] каким-то временем истомы и агонии» (XVI, с. 174). Ср. у других авторов, публицистов и беллетристов: «Наконец, агония пассивного состояния его возросла до последнего градуса, и г-н Голядкин решился принять одну меру» (Дост., I, с. 303); «Мы видим здесь уже совершившуюся смерть личности и можем только догадываться о той агонии, через которую перешла молодая душа, прежде чем упала в это положение» (Добр., V, с. 114); «Тяжело смотреть на агонию человека или животного, но агония идеи, принципа, направления представляет любопытное и приятное зрелище» (Писар., I, с. 139); «Глуповское миросозерцание, глуповская закваска жизни находятся в агонии» (Салт., III, с. 268) и т. п.

---

[115] См. об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории современной русской литературной лексики; ИАН ОЛЯ, 1950, т. IX, вып. 5, с. 381—382.

Акклиматизация и др. Впервые Плюшар и Слов. Крайя (*«Акклиматизация*, или водворение животных и растений в новом климате»); Гейзе: «*Акклиматизация*. Ест. наук. 1. Водворение животных и растений в новом климате. 2. Усвоение какой-нибудь стране животных или растений, чуждых ее климату. *Акклиматизировать*. Развить и усвоить какой-нибудь стране животное или растение, не свойственное ее климату»; из общих толковых словарей впервые Д[1]: *аклиматизация, аклиматизировка, аклиматизировать*.

Этот новый термин начинает быстро популяризоваться с середины XIX в. В 1860—1863 гг. издается специальный журнал «Акклиматизация». Расширительное употребление, применительно к приспособлению человека к новым социальным и бытовым условиям, и образное применение по отношению к распространению и усвоению идей и понятий на новой общественной почве складываются в 60-е гг. Ср.: «Таким образом в [гимназической] мастерской окажется уже сорок работников. Через несколько времени к этим сорока можно будет присоединить еще сорок, потом к этим восьмидесяти — еще восемьдесят и т. д., до тех пор, пока вся гимназия не акклиматизируется в мастерской. Сколько времени потребуется на акклиматизацию, этого я, разумеется, не знаю» (Писар. (Павл.), IV, с. 590); «Акклиматизация естествознания в нашем обществе» (Писар., II, с. 363); «[Водворение нового человека среди обывателей «мирных уголков»] совершается не механически только, но и со всеми нравственными последствиями: с укрощением, стушевкою и акклиматизированием» (Салт., VII, с. 330); «Пленница помещика Панчуковского хоть и покорилась, или, как отзывался о ней полковник, акклиматизировалась, но при людях еще сильно дичилась» (Г. Данил., V, с. 120) и т. д. Ср. изредка и в иной форме: «Итак, благодаря запоздалому появлению г. Писемского жоржзандизм на русской почве климатизируется» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 9).

Ампутация и др. Образное употребление идет от 60-х гг. Ср.: «Можно сказать, что внешние тяготения ослабили и ампутировали Польшу» (Вяз., VIII, с. 105); «Жизнь не терпит произвольных ампутаций и механических склеиваний» (Писар., II, с. 62); «Подобно убежденному писателю, и читатель-друг подвергается ампутациям со стороны ненавистников,[116] если не успевает сохранить свое инкогнито» (Салт., XV, с. 556); «Вот и другая здоровая, прекрасно сложенная женщина подверглась у него [Гончарова] ненужной ампутации и искалечению: это — Бабушка» (А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе; ЖМНП, 1872, № 1, с. 53); «Чтобы привести наглядный пример того, как люди теперешнего модного направления относятся к жизни и ампутируют ее, мы коснемся до высказанного г. Зайцевым суждения о неграх» (Н. Соловьев. Разлад; Эпоха, 1865, № 2, с. 36) и пр.

Анатомия, анатомировать и произв. Слов. Акад. 1891 впервые указывает на переносное употребление гл. *анатомировать*: «Производить тонкий, глубокий анализ в умственном смысле».

Образ анатома, производящего своим ножом диссекции и вивисекции в анатомическом театре, становится очень популярным при характеристике писателя и его устремлений к психологическому анализу в романтической литературе и критике 30-х гг. Здесь сказалось, в частности, и несомненное воздействие французской романтической школы — Гюго, Жюля Жанена и др. Вот некоторые примеры таких характерных сопоставлений, взятые из статей «Московского телеграфа» и «Библиотеки для чтения»: «Дух испытательности оживил нам мир старины в поэтических идеях романов В. Скотта, де Виньи, Гюго, Манцони; с воплем байронов-

[116] Здесь в эзоповом смысле — о репрессиях, — *Ю. С.*

ского отчаяния разрушил он прелесть детских предрассудков; с рассказами Купера заселил живыми существами дикие дебри Америки и с созданиями Гете раскрыл всю внутренность души человеческой анатомическим ножом своим» (Н. Пол., I, с. 97); «Вооружась ножом анатома, он [автор «Панорамы Петербурга»] вскрывает тела петербургских обществ, режет, отваливает покровы и безжалостно показывает вам вереды на внутренности всех ваших знакомцев и приятелей» (Библ. для чт., 1835, № 2, Литературная летопись, с. 46); «Хладнокровная и беспристрастная критика разобрала его [сочинение Дюма] анатомически» (там же, 1834, I, Смесь, с. 30); «Когда-нибудь я вам сделаю очерк этих котерий, которых козни.. подтачивают глубочайшие корни французского общества. Их анатомия занимательна для наблюдателя» (В. В. Последние известия из Парижа; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 118). То же в статье Герцена «Гофман» (1836): «Тут-то [в произведениях французских романтиков 20—30-х гг.] явились эти анатомические разъятия души человеческой, тут-то стали раскрывать все смердящие раны тела общественного, и романы сделались психологическими рассуждениями» (Герц., I, с. 70).

Такие сопоставления и подстановки (*анатомия — критический анализ, анатомировать — критически разбирать, анализировать* и т. п.) становятся привычными с 40-х гг. Ср.: «Здесь поэт является глубоким анатомиком души человеческой, проникает в самые недоступные тайники ее и выводит наружу все крывшееся в них» (Бел., III, с. 467); «Ни один писатель не обдает души вашей такой тяжелой грустью, как Гоголь, когда он, как беспощадный анатомик, по частям разнимает человека» (А. Григ., I, с. 16); «С этой минуты он взял уже в руки анатомический пож, с этой минуты обильно потекли уже „сквозь зримый миру смех незримые слезы“» (там же, с. 17); «Без критики журнал есть образ без лица, анатомический препарат, а не живое органическое существо» (Бел., II, с. 126); «Рим — величайшее кладбище в мире, величайший анатомический театр: здесь можно изучать былое существование и смерть во всех ее фазах» (Герц., V, с. 81); «[Государственное воззрение в истории] берет систему, но не хочет знать ее применений, разбирает анатомический скелет государственного устройства, не думая о физиологических отправлениях живого народного организма» (Добр., III, с. 20); «При другом способе внешнее изображение человека отодвигается на второй план; оно только подспорье анализа и на первом плане — анатомический процесс души» (Н. Шелгунов. Творческое целомудрие; Дело, 1871, № 1, с. 6) и т. п.

Часто является гл. *анатомировать* в значении «анализировать» (с усилительным оттенком). Ср., напр.: «Нам тогда некогда было анатомировать природу человеческую, некогда было углубляться в тайны неба и жизни» (Бел., I, с. 48); «Неизвестный автор романа „Как любят женщины?“ тоже живописец современного светского общества и женщины. Первое он вам представляет, вторую — анализирует, анатомирует, не оставляет в тени ни малейшего уголка ее сердца, ни малейшего сгиба ее души» (Бел., III, с. 251) и т. п.[117]

---

[117] Ср. также образное применение слов *вивисекция* и *диссекция*: «Новая вивисекция Прудона кажется нам самым замечательным явлением последних двух лет, — дальше скальпель еще не шел» (Герц., XIII, с. 95; речь идет о книге Прудона и Дюпеню «Справочник биржевого игрока»); «Смерть Сократа часто обезоруживает даже новейшую критику, готовую приступить с анатомическим ножом к диссекции его философской системы» (Писар., I, с. 79).

См. также переносно-образное употребление гл. *препарировать* и его производных: «Если препарировать бурсацкую религиозность, сбросить с нее покрывало.., то эта бурсацкая религиозность.. окажется полным, абсолютным атеизмом, не сознательным атеизмом, а животным атеизмом необразованного человека, атеизмом кошки и собаки» (Помял., II, с. 141); «Это куски, оторванные от живого целого,

Наиболее фразеологически устойчивы сочетания типа *анатомия* чего-либо. Напр.: «„Двойник“ [Достоевского] развертывает перед вами анатомию души, гибнущей от сознания разрушенности частных интересов в благоустроенном обществе» (В. Майк., I, с. 209); «Сравнительный метод одинаково полезен и необходим, как в анатомии отдельного человека, так и в социальной науке, которую можно назвать анатомией общества» (Писар., IV, с. 86); «Анатомия мещанской семьи, раскрывание ее бездушной и подавляющей пошлости.. — вот сюжет романа Лео» (Писар. (Павл.), VI, с. 492). См. также в сочетании *анатомия и физиология*: «История и политическая или общественная экономия для знающих представляют не менее интереса для исследования, как и естественные науки. Они есть анатомия и физиология человечества» (Н. Соловьев. Теория пользы и выгоды; Эпоха, 1864, № 11, с. 9). Как видно, при всей обычности и устойчивости таких формул, они сохраняют свое «реальное» значение. Ведь в изучении общества и его явлений наука XIX в. часто отправлялась от категорий, наблюденных в отдельном индивиде и организме (ср. также *патология*, *физиология*, *организм*).[118]

Артерия. Впервые переносное употребление отмечается в Слов. Акад. 1891: «2. Обширный или ветвистый путь сообщения, важный для торговли или промышленности. *Волгу называют артерией России. // Река Шексна составляет главную питательную артерию Мариинской системы водяных сообщений*». В частых общих сравнениях жизни общества с жизнедеятельностью организма образное употребление термина *артерия* занимает также видное место. Ср.: «Эта часть города, покорившая себя властолюбивому духу светскости, живущая его жизнию,.. тщательно спрятавшая себя под нарядами, им изобретенными, обнаружила, однако, главнейшие артерии своего тела: она сама этого не замечает, но вы, вооруженные микроскопическим глазом наблюдателя, тотчас увидели все» (А. Башуцкий. Панорама С.-Петербурга, ч. III (1834); цит. по Библ. для чт., 1835, № 2, с. 48); «В романах и повестях, в поэмах и песнях того времени, с ведома писателя или нет, везде сильно билась социальная артерия, везде обличались общественные раны» (Герц., VIII, с. 327); «Общества эти [маццинистов] ветвились неуловимыми артериями, дробились, мельчали и исчезали в Апеннинах и в Альпах» (там же, X, с. 66); «Кто-то сравнил университеты с большими артериями, которые, почерпая кровь из общего резервуара и очищая, разливают ее по всему организму. Это совершенно справедливо; но для здоровья организма нужна хорошая кровь, и если ее в жилах общества нет, то университеты не в состоянии ее дать» (Благ., с. 57—58); «В то время как служебная деятельность была развита таким образом по всем судебным и административным артериям, в обществе распространилась довольно странная молва» (Писем., III, с. 468) и т. д.

Фразеологически устоялось и прочно отложилось в языке употребление слова *артерия* для образного обозначения путей сообщения (улиц, дорог и чаще всего рек). Такое употребление становится обычным во второй половине века. Ср.: «[В Нижнем] слияние Оки с Волгой, двух важнейших водных артерий» (Салт., XVI, с. 393); «Дунай должен быть

продукт искусственного препарирования» (А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе; ЖМНП, 1872, № 1, с. 40).

[118] См. в текстах 30—40-х гг. и *трупоразъятие* в переносном смысле. Напр.: «Наскучив трупоразъятием явлений, полных жизни и движения, он [человек] готов признать какую-нибудь высшую, таинственную пружину в ходе жизни человечества» (В. Майк., II, с. 5). «Нынче она [театральная сцена] участвует в трупоразъятии жизненных событий, стремится привести в сознание все проявления жизни человеческой и разбирает их, как мы, судорожной и трепетной рукой» (Герц., II, с. 51).

центральной артерией австрийского политического тела» (М. Триго [Э. Реклю]. Политическая хроника; Дело, 1876, № 8, с. 114); «Ранней весной этот проспект является главной петербургской артерией» (Мам.-Сиб., ПСС, VII, с. 234) и т. п.

Атрофия, атрофировать. Яновск.: «*Атрофия. Греч. Реч. мед.*»; Д[1]: «*Атрофия. Греч. врчб.. Атрофическая нога*»; Слов. Акад. 1891: *Атрофия, атрофический* (относительно слова *атрофия* здесь отмечается: «употребл. и в переносном смысле»). Как специальные термины сущ. *атрофия* и гл. *атрофировать(ся)* начинают проникать в литературный язык особенно с 60-х гг. В научно-популярном контексте они нередко еще сопровождаются объяснениями. Ср.: «Частое упражнение необходимо должно подействовать на особенное развитие этих частей тела, между тем как другие органы, сделавшиеся бесполезными, понемногу атрофируются, т. е. теряют способность действовать» (Дарвин и его теория; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 4); «Если какой-нибудь орган животного часто упражняется, то он развивается и усиливается; если же он находится в бездействии, то он слабеет и атрофируется, т. е. увядает от недостатка питания» (Писар. (Павл.), III, с. 382); «Дарвин предлагает разделить рудиментарные органы на атрофированные, заглохшие.. и неразвившиеся, начинающиеся» (Михайловск., I, с. 239). Переносно-расширительное употребление складывается также в 60-е гг. Ср.: «Каждая человеческая способность и каждая человеческая страсть, подобно каждому отдельному мускулу, развиваются от частого упражнения и слабеют или атрофируются от бездействия» (Писар., IV, с. 76); «Такая атрофия любознательности [у ребенка] возможна только тогда, когда все взрослые люди, окружающие ребенка, не имеют в голове ни одной дельной мысли» (Писар. (Павл.), IV, с. 581); «Его давила какая-то свинцовая неподвижность: это был дух уныния, иначе сказать — атрофия душевных сил» (Дело, 1875, № 8, Новые книги, с. 322); «Мемуары современников сообщают такие, подчас комические, но в общем трагические подробности о положении русской критической мысли в течение целых десятков лет, что можно удивляться. как она совсем не атрофировалась» (Михайловск., V, с. 357); «Мысль, атрофированная продолжительным бездействием, вообще утратила цепкость» (Салт., XIV, с. 240); «Эта действительность.. прямо и неотразимо вела меня к полной атрофии сердца» (Гл. Усп., VIII, с. 387) и т. д.

Ср. также расширительно-переносное употребление термина *гипертрофия.*[119] Напр.: «Сначала он ищет элементов величия личности в какой-то противуестественной гипертрофии страстей» (Э. Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 287); «Лечиться от гипертрофии любви» (В. Буренин. Роман в Кисловодске, СПб., 1897, с. 136).

Бацилла, вибрион, микроб. Слов. Акад. 1891: «*Бацилла. Мед.*»; слов *вибрион* и *микроб* в словарях XIX в. нет (см. также форму *бацилл* — Брокг.-Ефр.). Все три термина появляются на русской почве в 80-х гг. Образно-переносное употребление их редко. Ср.: «Не укусила ли его какая-нибудь якобинская бацилла?» (Леск., ПСС, XXVIII, с. 147); «Когда проточная вода превращается в стоячую, на ней заводится плесень: когда организм разлагается и переходит в гниение, в нем появляются вибрионы. В нашем обществе такими вибрионами, такою плесенью и бывают Гондзевские» (Орловск., II, с. 130); «Одно из городских управлений в Испании нашло нужным разрушить исторические ворота, потому что в этих воротах скрывались микробы холеры, — наоборот, наши исто-

[119] См. Толль, Слов. Акад. 1892 («*Гипертрофия. Мед.* Разрастание больше обычного какой-либо ткани или органа тела»).

рические памятники уничтожаются потому, что вокруг них гнездятся микробы нашей неряшливости и невежества» (Ист. вестн., 1898, III, с. 1057); «Не буду говорить про нравственных уродов, которых вы так метко и искусно бичуете, — их теперь везде много, с этими микробами ничего не поделаешь» (Анток., с. 863). В дальнейшем некоторую устойчивость получает лишь образно-переносное употребление слова *микроб*.

Борьба за существование; естественный отбор (подбор). Эти два опорных термина дарвиновской теории получают особую популярность к середине 60-х гг. Первое изложение теории Дарвина у нас находим в статьях 1861—1862 гг., через два года после выхода первого английского издания «Происхождения видов». Это — анонимная статья в журнале «Библиотека для чтения» (1861, № 11) «Дарвин и его теория образования видов»[120] и полемическая статья Н. Страхова «Дурные признаки» (Время, 1862, № 11), написанная с позиций антидарвинизма. В дальнейшем в ведущих демократических журналах того времени были опубликованы еще две научно-популярные статьи — в «Современнике» (1864, № 3) статья М. А. Антоновича «Теория происхождения видов в царстве животных», в «Русском слове» — большая работа Д. И. Писарева «Прогресс в мире животных и растений» (1864, №№ 4—7 и 9; см. ее в т. III шеститомного издания Ф. Павленкова). Наконец, в 1864 г. появился первый полный перевод книги Дарвина, сделанный С. А. Рачинским, далеко, впрочем, не совершенный (см. критику его в указанной статье Писарева: Писар. (Павл.), III, с. 492—493).

Во всех указанных первых изложениях теории Дарвина мы сталкиваемся еще с неотстоявшимися и сбивчивыми переводами основных терминов, принятых Дарвином. Struggle for life передается в них то как *борьба за жизнь*, то как *борьба за существование* (сами по себе такие сочетания следует признать новыми для этого времени). Обе эти вариации можно наблюдать часто в пределах одной и той же статьи. Ср.: «Борьба за жизнь (Struggle for life) существует, как мы видим, и в царстве животном и в царстве прозябаемом» (Библ. для чт., 1861, № 11, с. 13); «Этих примеров достаточно для того, чтобы показать, до какой степени сложны элементы, влияющие на результаты борьбы за существование» (там же, с. 15).[121] Второй вариант был преобладающим,[122] однако и *борьба за жизнь* как термин употребляется довольно стойко на протяжении 60-х гг. и даже позднее.[123] Изредка встречаются и другие передачи этого термина. Страхов в названной статье говорит, напр., о *жизненной конкуренции* (Время, 1862, № 11, с. 166). Благосветлов в «Кто с нами?» (1865 г.), между прочим, упоминает о *войне за существование* (Благ., с. 68).[124]

---

[120] Автором ее, по одним предположениям, был П. Л. Лавров (см.: Лавр., I, с. 499).

[121] Ср. в позднейшей статье Н. Р. [Н. В. Шелгунова] «Юридические софизмы» (Дело, 1869, № 6): «Борьба за существование толкает его на север, юг, запад, восток» (с. 165); «Но ведь не легка и борьба за жизнь» (с. 162).

[122] См. у Толля толкование понятия в статье *Борьба за существование*.

[123] Напр., Д. И. Писарев в своей основной работе, посвященной Дарвину, пользуется повсюду термином *борьба за жизнь*. Вторая часть его статьи, посвященной «Преступлению и наказанию» Достоевского, была опубликована в журнале «Дело» (1868, № 8) под названием «Борьба за существование», но в рукописи статья эта, по свидетельству издателя Сочинений Писарева, Ф. Ф. Павленкова (см.: Писар. (Павл.), VI, с. 353), названа «Борьба за жизнь». Ср. название позднейшей статьи Н. Г. Чернышевского (впервые — Русск. мысль, 1888, № 9) — «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь».

[124] Ср. также: «Но зверям не приходилось еще вступать с ним [человеком] в борьбу из-за существования» (М. Михайлов. За пределами истории; Дело, 1869, № 3, с. 192); «Мысль об отчаянной борьбе с жизнью промелькнула в головах» (Шелл.-Мих., II, с. 354); «О, сколько бы женщин вышли иными из этой battl of life (битва жизни)» (Маркев., V, с. 4).

Еще более вариантов имела передача другого дарвиновского термина: natural selection. Так, в анонимной статье из «Библиотеки для чтения» он более или менее последовательно передается как *отборность*, *естественная отборность* (см., напр., Библ. для чт., 1861, № 11, с. 9, 12 и т. д.); иногда здесь же является — *выбор* (с. 9); в статье Н. Н. Страхова речь идет о *законе естественного избрания* (Время, 1862, № 11, с. 166); М. А. Антонович в указанной статье говорит о *естественном подборе*; Д. И. Писарев в своей работе — об *естественном выборе*. С. А. Рачинский в переводе книги Дарвина пользуется то словом *подбор*, то словом *выбор*. У Толля (Прил. 1866) понятие селекции раскрывается под словом *отбор* (при слове *подбор* — лишь отсылка), причем говорится и об искусственном, производимом человеком, и об естественном отборе.[125]

60—70-е гг. были временем не только глубокого интереса к эволюционным идеям Дарвина, но и сильной полемики вокруг них. С одной стороны, велась талантливая и убежденная их пропаганда (Д. И. Писарев, К. А. Тимирязев и др.), с другой — упорная защита антиэволюционных, метафизических воззрений (Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский и др.). Защитники дарвинизма прежде всего стремились очистить основные понятия дарвиновской теории от вульгарных и враждебных истолкований. В этом смысле любопытно, напр., следующее истолкование понятия борьбы за существование в одном из демократических журналов, пропагандировавших идеи Дарвина: «Если его бестолковые противники приняли выражение это в самом узком смысле, размышляя только о том, как две собаки грызутся из-за брошенной кости, то ведь Дарвин-то тут не при чем — он высказался совершенно ясно. Борьба за существование заключается не в той или другой частности, но в отношении организма ко всей окружающей его природе и к ее внутренней связи, насколько отсюда могут произойти благоприятные или неблагоприятные для благосостояния организмов обстоятельства» (О дарвинизме; Дело, 1869, № 8, с. 244).

Но борьба вокруг основных понятий учения Дарвина имела и другой план, захватывая лагерь сторонников эволюционных идей. Известна, напр., критика идей Дарвина о борьбе за существование как основном стимуле эволюции в органическом мире со стороны Чернышевского.[126] Вместе с тем между сторонниками идей Дарвина о борьбе за существование источник разногласия состоял в решении вопроса о приложении этого понятия к условиям существования человеческого общества. Как известно, сильное течение в общественной мысли этого времени составляли сторонники механического перенесения идей о борьбе за существование и естественном отборе как на междучеловеческие отношения, так даже и на историю развития идей и понятий. Вот характерное заявление Писарева по этому поводу: «Дарвиновский закон естественного выбора прилагается к жизни идей и учреждений так точно, как и к жизни органических существ. Сохраняется только то, что само по себе крепко и приспособлено к обстоятельствам времени и места» (Писар. (Павл.), V, с. 353). Хотя, как видим, вывод из этой формулы и носит очень общий характер, само перенесение понятий и терминологии Дарвина в область исторических исследований проникнуто императивным духом. В другом месте той же статьи Писарев надеется, что «принцип естественного выбора.., без сомнения, произведет переворот не только в ботанике и в зоологии, но и в понимании истории» (там же, с. 328).

---

[125] Любопытно, что термин *селекция* в XIX в. еще у нас не употребляется (его нет даже в Слов. Мих. 1898), а позднее, в XX в., закрепляется лишь за искусственным, сознательным отбором.

[126] См. названную выше статью его 1888 г., а также письмо В. А. Гольцеву от 23 июня 1888 г. (XV, с. 687).

дачу лишь в том, чтобы проследить изменения общего принципа (борьба за существование) при перенесении его на общественные отношения. Определяя характер человеческого прогресса, Н. В. Шелгунов, напр., писал: «Из всех земных существ самым многосторонним по развитию своего типа и, следовательно, самым богатым по располагаемым им средствам является человек, и потому понятно, что в общей борьбе за существование ему принадлежит первое место и перевес над всем остальным. В чем же заключается сущность человеческой борьбы за существование? Сущность ее заключается в устранении всего того, что грозит какой-либо опасностью этому существованию. И вот тот новый фактор, который дает определенное направление изменениям, обусловливающим прогресс» (Что такое прогресс?; Дело, 1868, № 1, с. 19).[127]

Известно, что эти идеи оказали сильное влияние даже в области языкознания, как в механических попытках Шлейхера перенести их на истолкование в историческом плане типологической классификации языков мира,[128] так и в более тонких аналогиях явлений языкового развития с процессами, проходящими в органическом мире, в произведениях представителей так называемой «казанской школы».[129]

Какова бы ни была дальнейшая судьба и истинное значение таких прямолинейных перенесений основных понятий дарвинизма на область изучения истории общества и идеологии, но именно они, в силу определенных условий, оказали сильное влияние на ходячие представления и фразеологию этого времени. Во всяком случае термин *борьба за существование* встречается в различного рода произведениях, и публицистических и беллетристических, в явно расширительном смысле, в приложении к различным условиям жизни людей и их отношениям. Примеры такого употребления чрезвычайно многочисленны; они встречаются у писателей разных, иногда диаметрально противоположных направлений и нередко представляют скорее способ выражения, чем форму убеждения.[130] Ср.: «В этой беспрерывной борьбе за существование, которую мы называем жизнью, называем также историей, всякое дело имеет и защитников и противников» (М. Катков. Польский вопрос; Русск. вестн., 1863, № 1, с. 475); «Раскольников, утомленный мелкою и неудачною

[127] Ср. попытку применить идею борьбы за существование к истории межплеменных отношений в древней Руси в некоторых работах А. Щапова 60-х гг. (напр., в статье «Историко-этнографическая организация русского народонаселения», Русское слово, 1865, №№ 1—3).

[128] Ср. отражение этих взглядов в одной из рецензий в журнале «Дело»: «Борьба за существование происходит как в языке, так и в идеях; в языке более простые, ясные и удобные грамматические формы постепенно одерживают верх над более сложными, неопределенными и тяжелыми формами. Борьба эта совершается незаметно, в силу того же естественного подбора, который действует в изменении и улучшении животного мира. Языки, более развитые и богатые внутренним содержанием, в то же время и более сильные; они одолевают и вытесняют в борьбе более слабые и быстро распространяются по лицу земли» (1871, № 4, Новые книги, с. 112).

[129] Ср. в «Очерке науки о языке» Н. В. Крушевского (Казань, 1883): «В „борьбе за существование“ между несколькими разновидностями основы одолевает та, которая лучше помнится, благодаря частому употреблению, а может быть, и другим каким-нибудь своим качествам природы фонетической» (с. 124); или: «Все экземпляры образований по „народной этимологии“ не могут остаться в языке: остается только один, а остальные исчезают. В этой борьбе за существование экземпляр с более обычным для данного языка звуковым сочетанием имеет больше шансов на сохранение, чем экземпляр с сочетанием необычным» (с. 138) и т. п.

[130] Поэтому они являются даже там, где невозможно подозревать механическое перенесение дарвиновских идей на исследование общественной жизни. Ср. в конспекте реферата Плеханова «Французская драматическая литература и французская живопись»: «Когда искусство выражает тенденции восходящего и потому революционного класса, оно есть важное средство в борьбе этого класса за свое существование» (Лит. насл., I, 1931, с. 79).

борьбою за существование, впал в изнурительную апатию» (Писар., IV, с. 319); «После долгой борьбы за существование Семен Матвеич вздумал повести атаку на чиновничьи карманы» (Гл. Усп., I, с. 653); «[Слетышев:] Несчастие! Опять борьба за существование» (Н. Потехин. Мертвая петля; Дело, 1876, № 1, с. 139); «В Уленьке действительно совершается процесс борьбы за существование» (Н. Шелгунов. Творческое целомудрие; Дело, 1871, № 1, с. 15); «Недели через две я перестану читать лекции в академии и переселяюсь в лабораторию Менделеева, чтобы учиться химии.. А затем ... затем у меня в руках одним оружием будет больше для борьбы за существование в профессорском звании» (И. М. Сеченов. Письмо И. И. Мечникову от 24 ноября 1870 г.; сб. «Борьба за науку в царской России», М., 1931, с. 71) и т. п.

Реже является образно-переносное употребление термина *естественный отбор* (*подбор*). Ср., напр.: «Далее штаб Черняева в Сербии наполнялся уже путем „естественного подбора“» (Н. Мизантропов. Калейдоскоп; Дело, 1876, № 12, с. 150).

Галлюцинация. Впервые Толль; в Слов. Акад. 1892 с пометою: «*Мед.*».

Расширительно-переносное употребление слова, в явно неодобрительном смысле (о всякого рода фантазиях, ненаучных и реакционных суждениях), особенно распространено в демократической публицистике 60—70-х гг. Ср.: «„Погибоша аки обре“ — эти слова повторяет история над каждым народом, над каждым сословием, впавшим в гибельную для таких людей галлюцинацию о противоположности своих выгод с общечеловеческим интересом» (Черн., VII, с. 289); «Пылкая фантазия усилила эти мечты; галлюцинация Платона дошла до того, что он верил в действительное существование идеи отдельно от явления» (Писар., I, с. 80); «Началось стремление к идеалу, т. е. к призраку, к галлюцинации» (там же); «Общество, и без того страдавшее мистицизмом, пиетизмом и тому подобными галлюцинациями, по уши завязло в разных мечтательных системах» (Благ., с. 70); «Но все же перевод г. Зарина гораздо лучше галлюцинаций г. Фета и Козлова» (Русск. слово, 1864, № 4, Библиографический листок, с. 46) и т. п.

Гигиена. В Слов. 1847 с пометою: «*Мед.*». Помимо самого широкого распространения слова в его прямом значении, можно отметить и случаи его переносного употребления. Ср. сочетание *нравственная гигиена.* Напр.: «Пройти целый курс нравственной гигиены, который кончится не тем, что человек приблизится к идеалу, а тем, что он сделается личностью» (Писар., I, с. 86). Характерны рассуждения Писарева в статье «Подрастающая гуманность» о том, что «если возможна гигиена тела, то возможна также гигиена ума и характера»; при этом «обе эти науки должны постоянно стремиться к соединению между собою; обе они достигнут своего совершенства и обнаружат все свое плодотворное влияние только тогда, когда соединение это, о котором теперь невозможно и мечтать, сделается действительным и общепризнанным фактом» (IV, с. 76—77).

Таким образом, это переносное или, точнее говоря, расширительное употребление вырастает на почве сознательных попыток перенести требования гигиены как науки о сохранении здоровья и устранении вредоносных влияний на человеческий организм в область социальных отношений.

Гимнастика. Толковые словари XIX в. не отмечают переносного употребления, но оно становится распространенным во вторую половину века (ср. сочетания *нравственная, умственная гимнастика*; обычно — с иронико-осуждающим оттенком, о чисто формальной внутренней работе, лишенной истинного, реального содержания). Ср., напр.: «Лучшие силы несчастного идеалиста уходили на бесплодную нравственную гим-

настику» (Писар., I, с. 81); «Герои Решетникова с идеализацией незнакомы и умственной гимнастики совершенно не знают» (Н. Шелгунов. Народный реализм в литературе; Дело, 1871, № 5, с. 35); «Целая масса людей так наз. умных, весь ум которых заключается в одной гимнастике мысли, в софистике, в юридическом мышлении, в логике лабаза и гостиного двора» (Н. Языков [Н. Шелгунов]. Теперешний интеллигент; Дело, 1875, № 10, с. 73).

Гипнотизировать и произв. Слова этого гнезда становятся известными лишь во второй половине века. Ср. Толль: *гипнотизм* («способность усыпляться вследствие долгого и постоянного смотрения на блестящий предмет»); Слов. Акад. 1892: «*Гипнотизм.* Учение о явлениях сна под влиянием чужой воли»; там же: *гипноз* («состояние усыпленного искусственным способом»); *гипнотический*, *гипнотизер*, *гипнотизировать*, *гипнотизирование*. Переносное употребление встречается в языке 80—90-х гг.: «А крепок ли он [Бисмарк], так же ли крепок, как был несколько лет тому назад, еще недавно, пока умел усыплять Россию, отуманивать, „гипнотизировать“ ее — ибо здесь уместно употребить это „новое“ слово?» (Север, 1888, № 7, с. 10); «Мы одурманили себя ненужными делами, мы загипнотизированы книгами и разучились говорить языком сердца» (Бунин, I, с. 157); «Те все перезабыли и только стараются гипнотизировать нас своей известностью» (Верес., I, с. 505) и пр.

Мертворожденный. Слов. 1847: «Рожденный в мертвом состоянии. *Мертворожденный младенец*». Д[1]: «рожденный мертвым». Переносное употребление — применительно к миру идей — широко распространено с 40-х гг. Это один из излюбленных в полемике резко-экспрессивных, отрицательных эпитетов. Ср.: «Из явившихся на свет литературных произведений иные оказываются мертворожденными» (Вяз., II, с. 357); «Многие из его [Российского Парнаса] бывших корифеев живут и действуют еще доныне, и мы сейчас увидим, до чего довела этих выдохшихся лириков их мертворожденная поэзия» (Аноним [Д. Д. Минаев]. Старая и новая поэзия; Дело, 1869, № 5, с. 24—25); «По нашему мнению, Тушин есть так же неудавшаяся фигура, как и блаженной памяти Штольц. Оба мертворожденные, высиженные, а не подмеченные, не созданные типы» (С. Окр-ц. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, № 9, с. 83); «Идея без результата, идея, оставленная на поле [битвы] даром, — мертворожденная идея» (из письма Г. Е. Благосветлова Н. В. Шелгунову; сб. «60-е гг.», с. 234) и пр. Также и о реально имевших место, но внутренне неподготовленных, не оправдавших вполне выдвигаемых целей исторических явлениях и событиях. Ср.: «Кто внимательно следил за последними событиями итальянского мертворожденного государства.., тот ни на минуту не сомневался, что возрождение Италии, провозглашенное Виктором-Эммануилом, окончилось возрождением старой камарильи, но только не Италии» (N. Современное состояние Италии; Дело, 1869, № 7, с. 66).

Миазмы. Слов. 1847: «*Миазма. Мед.* Прилипчивая заразительная материя, распространяющаяся в воздухе»; Д[1], кроме того, приводит: *миазменный*, *миазматичный*, *миазматический*; Толль: «*Миазм.* См. *миасмы*».

С 30—40-х гг. часто встречается в характерных сравнениях: «На каждом шагу случалось с ней какое-нибудь крошечное несчастие, которое однако же, как миазм, заражало весь ее организм каким-то расслаблением» (А. Вельтман. Сердце и думка, ч. IV, М., 1838, с. 39). С 40-х гг. находим и случаи образно-переносного употребления. Ср.: «Избави вас бог поддаваться этой страсти к комментариям, этому прилипчивому миазму» (Бел., VI, с. 59); «Энгельсон был человек сломленный, оскорбленный; зло, сделанное ему всей средой, миазмы, которыми он дышал с детства, изуродовали его» (Герц., XI, с. 336); «Та польза, которую приносит общественному сознанию хорошая беллетристика, состоит

именно в том, что она, беллетристика, приводит в известность количество и качество миазмов, распространяемых средой, и в то же время поддерживает в читателе ту мужественную уверенность, что обыкновенный человек, вооруженный некоторым элементарным знакомством с существующими миазмами, может.. предохранить себя от всякой заразы, остаться до конца своей жизни чистой, здоровой, сильной и деятельной личностью и даже спасти от умственной и нравственной деморализации тех людей, с которыми он находится в постоянных сношениях» (Писар. (Павл.), VI, с. 419); «Миазмы „Домашней беседы" не прекратятся до тех пор, пока она будет существовать и находить себе читателей и сотрудников» ([Д. Д. Минаев]. Дневник Темного человека; Русск. слово, 1861. № 5, с. 21) и пр. См. также отдельные случаи переносного осмысления прил. *миазматический* в сочетаниях: «Эта миазматическая смесь [131] подергивается всегда тонкою пленкою мишурного золота» (Писар., II, с. 276).

Наркотизировать и произв. (Впервые Мих. 1898; там же *наркотизация*, *наркотика*). Образно-переносное употребление этих слов идет от 60-х гг. Ср., напр.: «Если нужно, она [реакционная беллетристика] наркотизирует своих читателей клубничными сценами или действует на их воображение запугивающими призраками и опасностями...» (Н. Шелгунов. Типы русского бессилия; Дело, 1868, № 3, с. 1); «Этого мне и нужно было; всем существом отдаться делу, *наркотизироваться* им» (Верес., I, с. 128); «Такое средство [привлечение капиталов для поправки финансового положения в стране] есть радикальное лечение: оно не подействует как наркотические финансовые меры, но зато подействует прочно» (Т. З. [Н. Шелгунов]. Причины бедности; Русск. слово, 1864, № 2, с. 30).

Нерв. Как термин слово закрепилось еще в XVIII в., но никогда не достигало ранее такой распространенности в литературном языке, как в изучаемый период. Слов. 1847 представляет читателям это слово еще необычайно скупо: «Чувственная жила», т. е. передавая по традиции русским словосочетанием смысл этого заимствованного термина. В свою очередь Даль описывает слово так, как будто бы речь идет только о специальном слове. Между тем с середины века слово это в форме множественного числа в общем употреблении входит в ряд самых разнообразных фразовых сочетаний, в том числе стилистически и явно разговорного характера; напр.: *нервы расстроились*, *разыгрались*, *расходились*, *шалят*; *играть на нервах* и т. п.[132] Нередко в литературной речи этого времени термины *нервы*, *нервная система* входят в различные привычные сочетания, синонимически заменяя в них слова: *ум*, *чувство*, *душа*, *существо* и т. д. и т. п. Ср., напр.: *освежить нервы* (*нервную систему*) чем, *шевелить нервы* чем, *потребности* чьей *нервной системы* и т. п.[133]

Помимо распространения в речи гл. *нервировать*, складываются также русские новообразования *нервничать* и *нервить* (то же, что *нервировать*), прямо свидетельствовавшие о широком вхождении в «быт» слов этого

[131] Выше шла речь о разврате, массе страданий и преступлений, скапливающихся в крупном промышленном центре капиталистической страны, — *Ю. С.*

[132] Напр.: «Глафира, разумеется, ..знала, что это нервы шалят» (Леск., ПСС, XXVII, с. 131); «События последних дней расстроили его нервы» (Тург., IV, с. 144); «У вас заговорили нервы, вы начали волноваться» (Гонч., IV, с. 258); «Нервы старика распускались при виде ребенка» (Герц., VIII, с. 104); «У него упали нервы: он перестал есть, худо спал» (Гонч., V, с. 48). К концу 80-х гг. в разговорной речи интеллигенции появляется устойчивое сочетание *комок нервов* (предикативно; об очень нервном человеке). Напр.: «Выбежала жена Кустарева — „комочек нервов", по выражению Ермилова» (Бобор., V, с. 12).

[133] Подробнее об этом, а также примеры такого употребления см. в моей статье «Естественнонаучная лексика в публицистике Д. И. Писарева» (Учен. зап. ЛГУ, № 122, 1949, с. 173—175).

гнезда. Гл. *нервничать* не отмечается в словарях XIX в., но его употребление в речи идет от 70-х гг. Ср.: «Мы с тобой.. приехали сюда дела свои пристраивать, а не нервничать» (Леск., ПСС, XXIII, с. 49); «Ты уже не в меру разнервничался» (там же, с. 45); «— Ты ведь сумасшедшая, ей богу, сумасшедшая, — проговорила Марья Ивановна, начиная тоже нервничать» (Авсеенко, I, с. 93) и т. п.[134]

Переносное употребление слова (в сочетаниях с формой ед. числа, в смысле «основы, движущей силы чего-либо») намечается в 40-х гг. и становится распространенным с 60-х гг. Ср.: «Идеальное.. есть тот священный нерв, заключенный в духе человека, который связывает нас с природой» (Бел., V, с. 617); «Деньги, как товар, не похожи, в общественном их значении, на другие товары; деньги — это нерв торговли, распорядитель труда и обращения, всегда и всюду денежный владыка» (Н. Соколов. Начала народного хозяйства; Русск. слово, 1862, № 5, с. 35); «Так называемая „exposition“ вообще штука не легкая, и г. Штеллеру она удалась бы еще больше, если б у него достало мастерства в подведении всех второстепенных сцен и разговоров к главному нерву. Но для этого самый нерв-то пьесы должен быть во много раз крупнее, а не ограничиваться жиденькой темкой» (П. Боборыкин. Русский театр; Дело, 1871, № 3, с. 14); «Экономические интересы и составляют нерв общественной жизни, душу истории» (П. Никитин [Ткачев]. Роль мысли в истории; Дело, 1875, № 12, с. 351). Чаще всего в сочетании *жизненный нерв*. Напр.: «Бокль едва коснулся этой стороны труда в жизни народов и тем отнял самый жизненный нерв в своем сочинении» (Благ., с. 226); «Эти молекулярные силы представляют, так сказать, жизненный нерв минерального царства» (Дело, 1875, № 11, Новые книги, с. 33).

Организм. Внутренняя семантическая эволюция этого слова очень важна для истории всей данной группы лексики. Слово *организм* впервые отмечается в Слов. 1847. Оно начинает активно употребляться в критико-публицистических и научно-философских произведениях 20-х гг.[135] и занимает прочное положение в литературном языке 30-х гг. Прежде всего оно является здесь для обозначения отдельного существа в мире живой природы, животного и растения, следовательно, и для обозначения человека как особи, принадлежащей — по своим отправлениям и физическому устройству — к этому миру. В этом смысле слово *организм* начинает вытеснять слово *организация*, безраздельно употреблявшееся ранее для обозначения отдельной особи животного и растительного царства. Это последнее, в свою очередь, все теснее связывается по своему основному смыслу с входящим в это время в употребление гл. *организовать* (*организировать*). Оно приобретает более общий смысл отглагольного существительного (*организация* — как процесс внутреннего устройства чего-либо и его результат). Так первоначальные синонимы вовлекаются в общий процесс семантической дифференциации. Но этот процесс смыслового размежевания и специализации двух близких по значению слов был постепенным и длительным, захватывающим по крайней мере несколько десятилетий. Во-первых, и после вхождения в указанном значении слова *организм* в общее употребление слово *организация* продолжает употребляться и в своем старом смысле, только круг этого употребления постепенно сужается. Из основного слова оно в этом смысле постепенно становится лишь одним из возможных синонимов нового слова *организм*.[136] Ср., напр.: «Предположим, что в организации

[134] Гл. *нервить* представлен примерами конца XIX—начала XX в. (см. Слов. совр. русск. лит. яз., VII).

[135] См. примеры этого употребления — Веселитск., с. 93.

[136] Ср. определение слова *организация* в слов. Даля.

развилось худосочие от какой-нибудь причины. Вследствие этого начинается болезненный процесс: с одной стороны, худосочие разрушает организм, с другой стороны, последний напрягает все силы, чтобы избавиться от болезни» (Отеч. зап., 1869, № 12, Новые книги, с. 288).

Любопытно, что слово *организация* в этом смысле, применительно к отдельному живому существу, лицу, длительнее употребляется там, где речь идет не столько о совокупности физических свойств и физиологических отправлений, сколько о психических, духовных свойствах лица. Ср. такие сочетания, как *психическая организация*, *нервная организация*, *тонкая организация* (в личном смысле; синонимично слову *натура*). Ср., напр.: «Бывают уж такие избранные организации, у которых „перлы и адманты“ так и сыпятся изо рта, даже помимо их собственного желания» (Писар., III, с. 224). Но и слово *организм*, особенно в публицистике и критике (но так же и в художественной прозе) 60—70-х гг., очень охотно употребляется как синоним слов *лицо*, *существо*, *натура*, в тех же фразеологических условиях, что и эти слова. См., напр.: «Скоро она [Елена] увидела художественность этой натуры, увидела, что здесь все зависит от минуты, ничего нет постоянного и надежного, весь организм составлен из противоречий» (Добр., VI, с. 112); «Свадьба состоялась. Что потом последовало из сочетания этих двух организмов: одного, если можно так выразиться, могуче-плотского, а другого — душевного и нервного, угадать не трудно» (Писем., ПСС, IX, с. 21); «Но есть такие люди, которые не сживаются с уродливостью окружающей жизни, организм которых требует воздуха не зараженного, а чистого, жизни не гнилой, отягощающей только желудок, а свежей и действительно питательной» (Н. Холодов [Бажин]. Чужие меж своими; Русск. слово, 1865, № 1, с. 114) и пр. Очень явно такое демонстративное предпочтение слова *организм* для обозначения отдельного лица, человеческой натуры, во всей совокупности ее физических и духовных свойств и особенностей, выступает, напр., в различных статьях Писарева. Вот некоторые характерные примеры: «Помяловский смотрит на Леночку совершенно так, как Базаров на Фенечку. Леночка и не развита, и не умна, и не сияет никакими особенными добродетелями. Это просто живой и здоровый организм, и Помяловский откровенно любуется этим превосходным произведением природы» (III, с. 199); «Радость освежила весь его [Лопухова] организм и усилила деятельность его мысли» (IV, с. 33); «В действительности вся поэтическая деятельность всякого поэта зависит безусловно, во-первых, от его организма, т. е. от склада его ума и характера, а во-вторых, — от того общества, в котором он живет» (III, с. 391) и т. п.

Конечно, эти факты, свидетельствующие о предпочтении термина *организм* другим словам, привычно обозначающим отдельное лицо, человека и его натуру, относятся прежде всего к сфере чисто стилистической, к характеристике речевой манеры и языковых склонностей определенных писателей или отдельных направлений и школ. Но они вместе с тем все-таки наглядно свидетельствуют и о том, какую силу, значение и популярность приобрел к середине века этот термин, сравнительно незадолго перед тем вошедший в употребление.

Публицистической и научной прозе 30—40-х гг. слово *организм* было известно и в другом употреблении. Оно обозначало также совокупность любых явлений, имеющих закономерное внутреннее развитие. Именно в этом смысле с 30—40-х гг. употребляется также и прил. *органический* (в противоположность *механическому*).[137] В этом смысле говорилось и

[137] Ср. в Слов. 1847 определение слова *органический* только как «одаренный чувственными орудиями». Но и здесь этот словарь явно отставал от живого употребления.

об *организме общества, государства, науки, языка* и т. п. Ср.: «Постараемся применить теперь к философии общества те общие положения об организме науки, которые поставлены во главу этого параграфа» (В. Майк., II, с. 31); «Отсюда связь преподавания языков новых с древними, основанная на понятии о живом организме развития литератур европейских» (Ф. Буслаев. О преподавании отечественного языка, М., 1844, I, с. 72—73); «Сюда относятся организмы языков, бесчисленные оттенки наречий, темпераменты и весь склад умственных способностей того или другого народа» (Благ., с. 194) и т. п.

Оба эти употребления слова были тесно связаны между собою. На этой основе и складывается уже чисто фразеологическое употребление слова *организм* в таких типических сочетаниях, как *общественный, социальный, государственный* и т. п. *организм*, утверждающееся к середине XIX в. Ср.: «Усовершенствование общественного организма» (Писар. (Павл.), V, с. 377); «Неравномерное распределение жизненных элементов в социальном организме» (Г. Благосветлов. Милль; Русск. слово, 1863, № 9, с. 3) и т. д. Однако, как ни стали обычными такие выражения, они опирались на частые аналогии и сопоставления с явлениями, имеющими место в живом организме, с его отправлениями, явлений общественной жизни; причем эти сопоставления и аналогии имели часто и методологическое, принципиальное значение.[138] Это были часто сопоставления очень развернутые, подчеркнутые, наделенные образной силой. Ср., напр.: «Руководствуясь тем естественным инстинктом самосохранения, который живет в каждом индивидуальном и коллективном организме, клерикальная корпорация выбрала второй путь» (Писар. (Павл.), V, с. 387); «Такое явление, как крепостное право, не могло не заразить всего общественного организма и не оставить глубоких следов на всем, что участвовало в нем или что соприкасалось с ним; оно должно было отразиться в характере, в нравах, в привычках, во всех отправлениях государственной и социальной жизни» (Русск. слово, 1864, № 1, Домашняя летопись, с. 53); «Если бы Россия произвела только 12 000 нищих, то было бы не менее очевидно, что в ее социально-экономическом организме есть болезнь, требующая излечения, и что одной одесской ремесленной школой этой язвы вылечить нельзя» (Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии; Дело, 1869, № 2, с. 12) и т. д.

Во всяком случае, эти постоянные метафоры, эти сознательные сопоставления живого организма с организмом общественным, государственным и т. п. занимали центральное положение. Именно они облегчали и объясняли во многом появление новых переносных осмыслений у многих слов-терминов биологии и медицины.

Паразит и произв. Первоначально это слово было лишь обобщенным обозначением типа нахлебника и приживальщика. Такое словоупотребление восходит к античной комедии, в которой Паразит был постоянным персонажем, условной маской. В середине века это слово входит в круг биологической терминологии.[139]

---

[138] Ср. замечание в статье В. Берви-Флеровского «Причины застоя в общественной жизни»: «Для объяснения жалкого состояния племен застоя ученые неоднократно сравнивали жизнь государственных и общественных организмов с органической жизнью отдельных личностей» (Дело, 1871, с. 257). См. также у Писарева: «В словах г. Маркова, очевидно, уже начинает пробиваться утилитарный взгляд на искусство. Он смотрит на общество, как на живой организм. Мы смотрим на общество точно так же» (III, с. 289).

[139] Впервые это терминологическое значение отмечают у нас словари иностранных слов 60-х гг. и Толль. Ср. у Гейзе: «*Паразиты.* Чужеядные растения и животные, которые не только живут на других органических телах, но и питаются ими».

Несомненно, что расширительное применение этого слова и его производных к явлениям общественной жизни является вторичным, производным от его нового, естественнонаучного значения. Ср. характерное замечание И. А. Бодуэна де Куртенэ: «Зато он [А. Кочубинский] охотно злоупотребляет терминами естественных наук. Так, между прочим, ему понравилось иностранное слово „паразит“, и он на всевозможные лады оперирует паразитами, видя их на каждом шагу. Фонетические теории г. К—го так и кишат „паразитами“, „вокалами-паразитами“, „паразитными звуками“» (Бод. де Курт., Рец., с. 19).

Во всяком случае именно с 60-х гг. слова *паразит*, *паразитизм* и др. становятся употребительными, в том числе и в расширительном смысле, при этом нередко с отчетливыми естественнонаучными ассоциациями. Напр.: «Лирики, как мелкие пташки в великой семье паразитов, пробавляются тем, что уже все знают и чем никто, кроме лирика, не может и не хочет пользоваться» (Писар., II, с. 339);[140] «Жрец чистого искусства в том и в другом случае.. останется великолепнейшим экземпляром породы паразитов» (там же). В 60-е гг. появляются и производные от этого слова. Напр.: *паразитный* (форма *паразитический* закрепляется позднее), *паразитизм* и др. Ср.: «Паразитные классы непроизводительных деятелей, каковы: купцы, фабриканты и проч.» (Ф. Толль. Труд и капитал. СПб., 1861, с. 71); «Те, чьим трудом производится богатство, получают возможно меньшую долю его, остальная же часть поглощается паразитными классами в виде ренты или прибыли» (Благ., с. 188); «Крестьянская реформа разовьет ажиотаж, усилит значение банкократии, отдаст Россию в кабалу денежному барству,.. сделает ее добычей привилегий, монополий, паразитизма» (Н. Серно-Соловьевич. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861, с. 66); «Хотя паразитность вообще и большое зло, но есть случаи, когда она менее вредна, и случаи, когда она вредна более» (Н. Шелгунов. Домашняя летопись; Русск. слово, 1865, № 2, с. 63).

Патология, физиология и произв. Образно-переносное употребление этих слов не отмечается словарями XIX в., однако встречается в публицистике с 40-х гг. Там же, как и переносное употребление слова *анатомия*, оно складывается на фоне постоянных сравнений и сопоставлений явлений, свойственных обществу и отдельному индивиду, при сознательном отождествлении человека, лица как объекта физиологического и социологического исследования и при распространенном понимании общества как своего рода организма. Такие сравнения и сопоставления уже не редкость в прозе 30-х гг. и становятся обычными с 40-х гг. Ср.: «Художник не должен быть анатомиком и изящное произведение не патологический и не физиологический курс всех подробностей человеческого состава или действий души на тело» (Н. Полевой. О романах В. Гюго; Моск. телегр., 1832, XLIII, с. 389); «Рядом с отчуждающейся наукой, входящей в жизнь только приложениями, идет другая внутренняя работа, мы ее можем назвать социальной патологией. К ней равно принадлежат Прудон и Диккенс. Новая вивисекция Прудона кажется нам самым замечательным явлением последних двух лет, — дальше скальпель еще не шел.. Врачом, наблюдателем сидит Прудон у изголовья разлагающегося организма и следит шаг в шаг.. за успехом болезни, считая пульс по биржевому курсу, по приливу и отливу, hausse и baisse,

[140] Но ср. у него и с чисто литературными ассоциациями: «К числу таких паразитов надо причислить не только приживальцев и нахлебников, не только лакеев, но и тех ремесленников, которые живут по милости барских прихотей, и тех художников, которых произведения сбываются в барские гостиные и галереи, и тех сочинителей стихов и прозы, которых читают, хвалят и кормят богатые и вельможные меценаты» (Писар. (Павл.), III, с. 210).

спокойно приписывая на счетах увеличивающийся débit — смерти» (Герц., XIII, с. 95; о брошюре Прудона, содержащей анализ биржевой деятельности); «Рудины — патологический продукт общественного организма, неспособного производить здоровых людей» (Н. Шелгунов. Народный реализм в литературе; Дело, 1871, № 5, с. 5) и т. п. В середине XIX в. переносное употребление этих слов настолько сложилось, что выступает часто уже и вне полных сопоставлений и физиолого-медицинских ассоциаций. Ср., напр.: «Все это может быть совершенно применено и к общественной философии, к физиологии общества» (В. Майк., II, с. 32); «Новый, еще не конченный роман графа Л. Толстого можно назвать образцовым произведением по части патологии русского общества» (Писар., IV, с. 370); «Повести эти [антинигилистическая дилогия В. Авенариуса «Бродящие силы»] основаны исключительно на готовых ходячих фабулах и представляют странное патологическое явление» (А. Скабичевский. Русское недомыслие; Отеч. зап., 1868, № 9, с. 44); «В заключение не можем не пожалеть, что такой серьезный труд, как труд Модсли, имеющий глубокий научный и практический интерес, является пред публикой в той истинно патологической форме, какую придал ему безграмотный переводчик» (Дело, 1871, № 3, Новые книги, с. 108) и т. п.

Физиология и патология общества, в публицистике этого времени, нередко противопоставляются как область исследования «нормальных», основанных на естественных потребностях человека, явлений общественной жизни, с одной стороны, и ее исторически наблюдаемых уродливых и болезненных отклонений, к которым относятся факты присвоения продуктов чужого труда, эксплуатации человека человеком и т. д., с другой. Это находим уже в «Письмах из Avenue Marigny» Герцена. Напр.: «[Буржуазная политическая экономия] шла от принятых данных, брала патологический факт за физиологический, отправляясь от того распределения богатства и орудий, на котором захватила общество» (V, с. 237). В таких сопоставлениях и противопоставлениях проявились и характерные черты мировоззрения демократов-шестидесятников. Напр.: «Вы найдете [в «Евгении Онегине»] описание многих мелких обычаев, но из этих крошечных кусочков,.. вы не извлечете почти ничего для физиологии или для патологии тогдашнего общества» (Писар., III, с. 360). У него же в «Очерках из истории труда» противопоставление «физиологической части истории труда», до появления эксплуатации, различным патологическим явлениям позднейшей его истории (II, с. 231 и 279). Ср. формулу Н. В. Шелгунова в статье «Убыточность незнания»: «История, эта физиология и патология коллективного человека» (Русск. слово, 1863, № 4, с. 5).

Особое место получило употребление слов *физиология* и *физиологический* в литературной терминологии 40-х гг. Как известно, один из излюбленных и наиболее социально-значимых жанров так наз. «натуральной школы» получил тогда прочное наименование *физиологического очерка*. Эпитет *физиологический* не случайно сменил здесь старое определение *нравоописательный*. Физиологический очерк 40-х гг. противостоял старым нравоописательным рассказам 30-х гг. именно тем, что он стремился реалистически воспроизвести определенные типы людей не как иллюстрации к отвлеченным нравственным сентенциям, а как закономерное порождение определенных социально-бытовых условий, показать в человеке типические черты представителя определенной социально-профессиональной среды. Именно этот смысл вкладывает в указанный термин Белинский в своих статьях 40-х гг.[141] Употребленное в этом

[141] В статье «Русская литература в 1845 г.», где, говоря о повестях Даля («Денщик» и др.), Белинский замечает: «Этот род можно назвать *физиологическим*» (IX,

смысле сочетание *физиологический очерк* легко терминологизировалось, обособлялось, превращалось, не теряя своей исходной внутренней формы, в привычное наименование определенного жанра. Характерно распространение, наряду с этим сочетанием, его «сокращенного» синонимического соответствия, — обозначения физиологических очерков как *физиологий*.[142]

В заключение можно отметить, что образно-переносное употребление слов *патология* и *физиология* было, как и многие другие случаи этого рода (*организм*, *анатомия* и пр.), явлением общеевропейским, получившим одновременное распространение в различных европейских языках.

Пульс. Переносное употребление устанавливается с 60-х гг. Обычно в сочетании *пульс жизни*. Ср.: «Он только что начал новое трудовое и сознательное существование. Пульс жизни бил в нем сильно и звонко, грудь дышала чистым весенним воздухом» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 135—136); «В романе „Своим путем“ не только нет новых людей, в нем недостает даже более существенного элемента — нет пульса жизни» (Н. Шелгунов. Творческое целомудрие; Дело, 1871, № 1, с. 21); «Он все прислушивался, тревожно искал того усиленного пульса жизни, который, — упорно надеялся он, — должен был биться в стране накануне такого огромного события» (Маркев., III, с. 37—38) и т. п. Такого рода сочетания поддерживались живыми сравнениями и сопоставлениями. Ср.: «Цветущее состояние университетов совпадает с цветущими эпохами наций, и обратно — они везде понижаются с общим уровнем народной жизни: по ним, как по биению пульса, можно судить о степени здоровья того или другого общества» (Благ., с. 42); «При таком порядке вещей Людовику XVIII и Карлу X не трудно было обратить конституцию в мертвую букву. Но пульс больного тела еще продолжал биться» (там же, с. 160).

Субъект. Экземпляр. С середины XIX в., особенно в речи разночинческой интеллигенции, распространяется употребление слова *субъект* как обозначение лица. Такое употребление не имеет прямого отношения к тому общему отвлеченному значению слова *субъект* (в противоположность *объекту*), которое укрепилось в книжном языке начиная с 30-х гг. под влиянием философской терминологии.[143] Зато оно непосредственно связано с профессионально-научным употреблением слова у медиков и физиологов, где слово *субъект* обозначало именно объект исследования и наблюдения, живое существо, организм, особь как носителя определенных свойств и качеств, подлежащих наблюдению. Конечно, на судьбу этого слова в русском литературном языке оказало влияние и его общее значение в других европейских языках, напр. в латинском и французском, где, среди других смысловых реализаций этого слова, является и

с. 398). И далее: «В физиологических.. очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине» (с. 399). Реже является при обозначении литературного жанра слово *патологический*. В этих случаях сохраняется явная и подчеркнутая образная связь с исходным значением данного слова. Ср. название полемического фельетона в «Искре» (1862, № 10): «Юмористические опыты А. А. Краевского (Патологический этюд)».

[142] Ср. у Белинского: «Патриарх московских романистов, г. Загоскин, издал если не роман, то физиологию Москвы в рассказах и сценах, под названием „Москва и москвичи“» (VII, с. 637). Ср. у В. Майкова: «Сверх того в „Партикулярной паре“ [Я. Буткова] есть очень занимательный абрис петербургских купеческих конторщиков высшего полета русских и немецких: это — одна из самых ловких физиологий петербургского общества» (I, с. 190).

[143] См. замечания об истории распространения этого слова в русском языке в гл. I, с. 80—81.

осмысление его как лица действующего и говорящего.[144] Но то характерное осмысление,[145] которое получило затем это слово в отнесении его к отдельному лицу, и не менее характерные контекстуальные условия, в которых первоначально выступает оно в данном смысле, прямо указывают, что и здесь имел место смысловой «перенос», путь от специального употребления (медицинского) к общему. Следует заметить, что с развитием научно-популярной литературы слово *субъект* в его естественнонаучном терминологическом смысле все чаще является на страницах журналов. Ср., напр.: «Эта повесть [«Бедные люди»] похожа на долгий, тяжелый опыт над живучим, терпеливым субъектом, которого физиолог обрек в жертву для испытания чувствительности нервов» (Отеч. зап., 1848, № 3, Библиографическая хроника, с. 13—14); «Выходят зобастые птенцы. Он [любитель голубей] выбирает из них самых зобастых и спаривает их с другими зобастыми; ну, и является, наконец, после многих систематических спариваний и после тщательного избрания самых характерных субъектов такая птица, на которую смешно смотреть» (Писар. (Павл.), с. 322); «Попробуйте дать любому из субъектов, содержащихся в психиатрической больнице, такой круг действий, каким пользовался Калигула — и вы увидите точно такие же гадости и нелепости» (Писар., II, с. 76) и т. д.

Развитие у слова *субъект* собственно личного значения из этого более специального, но с семантической стороны более широкого значения (вообще любое существо как объект наблюдения) находит и свое грамматическое подтверждение. Еще в 60-х гг. не редкость встретить это слово, даже когда оно относится к лицу, в формах, не отражающих категорию лица и категорию одушевленности. Напр.: «С любопытством осматривал я каждый новый субъект, появлявшийся в ванной комнате и доставлявший мне развлечение среди томившей меня скуки» (П. Н. Р-в. Тайны желтого дома; Русск. слово, 1861, № 12, с. 19);[146] «Несколько лет тому назад на семинариста обращали внимание тогда только, когда надо было, в повести, например, какой-нибудь, выставить субъект неуклюжий, не умеющий выражаться по-человечески, выпускающий из уст своих книжные старославянские фразы, запуганный и забитый в нравственном отношении» (И. Самоцветов. Повести из семинарского быта; Отеч. зап., 1865, № 6, с. 484) и т. д.

Однако с 60-х гг. употребление слова *субъект* в личном значении становится уже чрезвычайно распространенным. Вступив в обширный ряд синонимов, обозначающих отдельное лицо (*человек*, *лицо*, *личность*, *особа*, *персона* и т. п.), слово *субъект* семантически оказалось, однако, не просто совпавшим с ними в этом общем значении, но и определенным образом обособленным, ограниченным специфическими смысловыми оттенками. По сравнению со словами *особа* и *персона* оно является более широким по смыслу, более свободным от экспрессивных наслоений (ведь *особа* и *персона* относятся преимущественно лишь к лицам определенного социального круга; они постепенно, в это время социальных переоценок, становились словами иронического лексикона). По широте своего смысла *субъект* ближе стоит к таким словам, как *лицо* и *личность*. Но вместе с тем оно все-таки уже слова *лицо* и в определенном отношении специфичнее, чем слово *личность*. На смысловом ограничении слова *субъект* лежит отпечаток его предыдущей истории, его первичного спе-

---

[144] Ср. определения в словарях иностранных слов 60-х гг. Напр. у Гейзе: «Лицо, которое говорит; человек». У Толля впервые также указывается: «В медиц. — *субъект* — человек в патологическом отношении».

[145] Субъект как лицо страдательное.

[146] Видимо, эта повесть принадлежит перу Д. И. Писарева и отражает свежие еще впечатления от пребывания его в психиатрической лечебнице в 1860 г.

циального употребления. Если слово *личность* прежде всего обозначает лицо как социально и интеллектуально активную единицу, лицо как носителя сознания и самосознания, то *субъект* дает оценку лицу со стороны наблюдателя, это — лицо как всякое живое существо, подверженное действию окружающих условий. Поэтому особенно часто, уже в публицистике 60-х гг., слово *субъект* применяется к лицам страдательным, пассивным, неразвитым, ограниченным и т. д. Ср. хотя бы следующие из очень многочисленных примеров: «Между педагогами, точно так же, как и между людьми всех остальных профессий, встречается гораздо больше дюжинных и ограниченных субъектов, чем умных и даровитых личностей» (Писар. (Павл.), IV, с. 497); «Самая безукоризненная пламенность любви не способна реабилитировать того субъекта, который сам по себе бесцветен и ничтожен» (Писар., IV, с. 73); «А сколько есть субъектов не вполне закоренелых» (выше речь шла о «закоренелых проходимцах», — *Ю. С.*) (Салт., XII, с. 540); «Всеми этими качествами обладали разные забубенные герои старых московских трактиров.. Вероятно, Гончаров с одного из подобных субъектов и списал своего Марка» (С. Окр-ц [Окрейц]. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, № 9, с. 87) и т. д. Несравненно реже употребление слова *субъект* без этих ограничительных оттенков, как простого синонима слов *лицо*, *человек*, в том числе в отношении к личностям активным, мыслящим и т. д. Ср., напр.: «Необходимо такое нравственное учение,.. которое основывалось бы на началах, близких каждому человеку без исключения, и было бы понятно каждому развитому субъекту» (Дело, 1869, № 7, Новые книги, с. 36); «Человеку дан в обладание шар земной, и я горжусь, я радуюсь, что мне, Анатолию Суровцеву, одному из этих субъектов, принадлежит на этом земном шаре кусок земли, который я могу связать со своим именем» (Е. Марков. Черноземные поля; Дело, 1876, № 2, с. 136).[147]

При таких семантических ограничениях, естественно, и само слово *субъект* постепенно подвергалось действию экспрессивных ограничений. На нем все чаще проступали, особенно в разговорном употреблении, краски неодобрительной или иронической и осуждающей оценки. Ср.: «Илья Никитич! Это было до крайности забавно. Нашел пример нравственного падения. Человек живет очень скромно.. Вот ты, братец, точно субъект, а не Илья Никитич» (Черн., XII, с. 10); «И знаете, когда дойдешь до философского взгляда, то скажешь, как немцы говорят: „in der Nacht sind alle Katzen grau“. „Субъект!“ подумал Телепнев» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 14).

На этой почве и сложилось в новом просторечии интеллигентного и полуинтеллигентного круга к концу века особое, сильно экспрессивно окрашенное употребление слова *субъект* для обозначения человека отрицательных свойств, низменных качеств (ср. аналогичную эволюцию слова *тип*).

Близкую по своему общему характеру эволюцию проделало в это время и слово *экземпляр*. Толковые словари первой половины XIX в. отмечают лишь одно употребление этого слова применительно к книгам и др. печатным изданиям («один отпечаток»). Акад. П. И. Кеппен, собирая в 1850—1860-х гг. материалы, дополняющие словарь 1847 г., отмечает, что это определение нужно распространить также на любое собрание предметов («одна вещь, одна штука»). Такое употребление укоренилось прежде всего в терминологии естественных наук.[148] Отсюда оно, в определенном контекстовом окружении, переносится в литературе 60-х гг. и на отдельное лицо. На переносный, зависимый характер та-

[147] Впрочем, это слова героя романа — медика по образованию, — *Ю. С.*

[148] Ср. и пример в этих материалах Кеппена: «1000 экземпляров растений (т. е. единичных или отдельных штук)».

кого употребления отчетливо указывает фразовое окружение (ср. сочетание *экземпляр* какой-либо *породы*). Напр.: «Среди выродившихся субъектов человеческой породы замечателен был бы экземпляр, настолько сохранивший в себе первоначальный тип человечества, что никакими силами нельзя стереть и уничтожить его» (Добр., VI, с. 199); «Та доза способностей, которая необходима для того, чтобы человек мог приступить к изучению ремесла, встречается обыкновенно у всех нормальных и здоровых экземпляров человеческой породы» (Писар., III, с. 373); «Это [Фома Опискин] чрезвычайно любопытный экземпляр волчьей породы» (Михайловск., V, с. 17) и т. п.[149] Часто в этом смысле и вне данных сочетаний. Ср.: «И даже способ продажи [женщин] все еще довольно циничен и бесстыден, как это можно видеть на нескольких экземплярах свах, выведенных Островским в разных его комедиях» (Добр., V, с. 127); «Телепнев увидал, что немцы гораздо простодушнее, нежели кажутся. Некоторые экземпляры поражали даже своей наивностью» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 104); «А молодой Адуев, этот второй экземпляр Веры, только в мужских панталонах» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; Дело, 1869, № 8, с. 23) и т. д.

Отличие эволюции этого слова от развития предыдущего (*субъект*) — только в степени связанности нового осмысления с первичным значением. У слова *экземпляр* она несомненно сильнее. Слово *субъект* как специфическое обозначение лица сделалось с течением времени свободным, не зависимым от первоначальных естественнонаучных ассоциаций.

Чужеядный и произв. Из разнообразных терминов, имеющих отношение к рубрикам биологической классификации, лишь единичные получили переносное употребление. Помимо слова *паразит*, наиболее устойчивым в этом смысле оказалось прил. *чужеядный*. Переносное употребление его в сложениях с разными существительными идет от 60-х гг. Ср.: «Этим чужеядным татарам [крепостникам] надобны деньги, и какими бы злодействами они их ни получали, им все равно» (Герц., XV, с. 43); «Такой удар.. оканчивал чужеядную австрийскую империю, призывал к жизни славян и мадьяр» (там же, XIV, с. 114—115); «На таком чисто качественном значении денег.. основана фактическая всепоглощающая чужеядная их монополь» (Н. Соколов. Начала народного хозяйства; Русск. слово, 1862, № 5, с. 34); ср. также: «Читатель, вероятно, понимает уже теперь, что́ я называю чистым искусством и почему я считаю несправедливым ограничивать область этого чужеядного растения тем крошечным палисадником, в котором разводятся для барской потехи эстетические рецензии, розовые романы и благоухающие стихотворения» (Писар., II, с. 335). См. и отдельные случаи индивидуальных новообразований, опирающихся на это переносное употребление. Напр.: «Задумывая какое-нибудь предприятие, мы на первых же порах только о том и печалимся, как бы пристроить к нему чужеядство» (Салт., VII, с. 247); «Если почва тоща,.. ее надо удобрить,.. разрыхлить глубокою пахотою,.. а не чужеядничать, оставляя высыхать свои корни» (Н. Данил., с. 61).

Из более редких случаев отметим переносно-образное применение термина *травоядный*. Напр.: «Энтузиазм не мешает приберегать на другие случаи, более торжественные, о которых травоядные эстетики не имеют понятия» (Писар., III, с. 46); «Такая травоядная кротость составляет очень жалкую добродетель как в частном человеке, так тем более в историческом деятеле» (Писар. (Павл.), III, с. 559).

---

[149] Ср. и свидетельства современников: «С этим связано и уважение к лучшим представителям, к лучшим образцам, экземплярам (выражаясь как натуралист) человечества, — к великим людям» (Д. Аверкиев. Университетские отцы и дети; Эпоха, 1864, № 3, с. 313).

У Герцена встречаем переносное применение слова *беспозвоночный* в ироническом контексте: «Этим *беспозвоночным* умам [односторонним историкам] легче было бы в десять раз понять историю, подтасованную с какой бы то ни было точки зрения» (II, с. 125). Ср. еще следующий пример из статьи П. Л. Лаврова «Цивилизация в дикие племена»: «Это не мешает и существованию громадного процента людей культуры, присутствующих при цивилизации, но в ней не участвующих: людей беспозвоночного предания рядом с позвоночным» (Отеч. зап., 1869, № 9, с. 128).

Еще с 30-х г. является у ряда авторов *инфузория* (также — *инфузорий*) в образно-переносном смысле. Ср.: «Оставляя другим астрономические исследования, он [Поль де Кок] — добрый человек — душою и телом погрузился в царство инфузорий и забыл, что в божьем мире есть нечто и кроме инфузорий» (Бел., III, с. 113); «Мы понимаем очень хорошо, как должны закопошиться все литературные инфузории при виде наших нападок на литературное неряшество» (Н. Соловьев. Суета сует; Всем. труд, 1867, № 2, с. 199).

Эмбрион и произв. Впервые в словарях 1860-х гг.: Мих. 1865: «*Эмбрио* — зародыш», *эмбриология*; Толль: «*Эмбрион.* См. зародыш»; *эмбриология.* Первые случаи переносного употребления этого термина находим еще в 40-х гг. Ср. у Белинского в девятой статье о Пушкине (1845): «Да это уголовное преступление — не подорожить любовию нравственного эмбриона!» (VII, с. 499).[150] В 60-е гг. такое употребление представлено уже довольно широко. Ср.: «Статья явилась на свет решительно в муках раскаяния, каким-то неправильно развившимся эмбрионом, с головой, значительно разросшейся на счет туловища, и, как эмбрион, на своих ногах ходить не могла» (А. Григорьев. Искусство и нравственность; Светоч, 1861, № 1, с. 2); «Если же человек, утомленный наслажденьем, не умеет даже попасть в школу раздумья и житейской борьбы, то мы тут уже прямо можем сказать, что этот эмбрион никогда не сделается мыслящим существом.. К числу этих вечных и безнадежных эмбрионов принадлежит и Онегин» (Писар., III, с. 313); «Всех своих героев он [Писемский] показал сначала в эмбрионе, все мальчики и девочки, фигурировавшие в первых частях в панталончиках и манишечках, оказались потом государственными людьми и теми людьми дела, которые осуществили общественный идеал людей 40-х гг.» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 46).

Эмбрион, однако, остается лишь на правах стилистически ограниченного, «ученого» синонима к слову *зародыш.* Устойчивее откладывается переносное употребление в прил. *эмбриональный.* Ср.: «— Кто пьет пиво, — объяснил он [студент-медик] — пьет его в эмбриональном виде, непосредственно из бутылок» (В. Авенариус. Поветрие; Всем. труд, 1867, № 2, с. 94); «Мы спешим перешагнуть через все эти явления, хотя и очень интересные для изучения законов гегемонии, но представляющие их в слишком эмбриональном состоянии» (Сев. вестн., 1886, № 5, отд. II, с. 163); «Первая мысль картины, о которой мечтает художник, является на полотне нередко в форме самой эмбриональной» (там же, № 3, отд. II, с. 235) и т. д.

Также с 60-х гг. идет и переносное употребление слов *эмбриология*, *эмбриологический.* Напр.: «С эмбриологией Веры [в «Обрыве»] нас почти не знакомят» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; Дело, 1869,

---

[150] Ср. у него же и в терминологическом смысле: «Современная наука не удовольствовалась и этим: химическим анализом она хочет проникнуть в таинственную лабораторию природы, а наблюдением над эмбрионом (зародышем) проследить физический процесс нравственного развития...» (X, с. 26).

№ 8, с. 18); «Добродетельные утопические герои Евг. Сю, в первую пору своего эмбриологического развития, действуют все.. во имя эгоистической личной привязанности» (Э. Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 286); «Этим и заканчивается эмбриологический период моего писательства» (Скабич., Восп., с. 239) и пр.

По-иному сложилась семантическая эволюция русского синонима слова *эмбрион—зародыш*. Правда, Слов. 1847 еще не указывает на расширительное употребление слова *зародыш*, на отнесение его к зачаточным, начальным стадиям в развитии различного рода явлений.[151] Но уже в 30-х гг. *зародыш* в этом смысле достаточно широко представлен, особенно у писателей романтического направления. Такое употребление не только становится совершенно обычным, но уже скоро перестает ощущаться вторичный, переносный его характер. Ср. некоторые из примеров, относящихся к 30—40-м гг.: «Уже зародыши русского флота брали смелость выходить из заливов Чудского озера» (Лаж., Посл. новик, I, с. 11); «Мы увидим.., как в одном месте действия сохранится остаток древней Руси; как все будет потом стремиться к сему остатку прежнего, или, лучше сказать, к сему зародышу нового» (Н. Пол., ИРН, IV, с. 9); «Его [Гофмана] жизнь нисколько не была похожа на прозябение, — она самая странная, самая разнообразная из всех его повестей или, лучше, в ней-то зародыш всех его фантастических сочинений» (Герц., I, с. 63); «Это будущее [у русского народа] еще в зародыше, еще в зерне, но уже так богато надеждами» (Бел., II, с. 24) и т. д.

Эпидемия и произв. Переносное употребление складывается с 40—50-х гг. Ср.: «Теперь расскажем, откуда перешла к нам эта эпидемия, эта Tavola morbus [речь идет о спиритизме, столоверчении]» (Москвит., 1853, № 11, Современные известия, с. 60); «Эпидемия самодурства, разлитая в атмосфере всего „темного царства“, неприметно, но неизбежно заражает самые свежие натуры» (Добр., V, с. 120); «Вроде новой эпидемии Щедрость в обществе живет, И за премиями премии Тот, кто хочет, и берет» ([Д. Д. Минаев]. Дневник Темного человека; Русск. слово, 1862, № 5, с. 7); «Чтобы сопротивляться голосу всех, чтобы уцелеть невредимым среди какой-нибудь умственной эпидемии, надо быть очень твердым и очень глубоко убежденным человеком» (Писар., IV, с. 245) и т. п. Так же употребительно в переносном смысле и прил. *эпидемический*: «В этом новом или возобновленном учении о духах [у спиритов] страннее всего эпидемический его характер: легковерность в век неверия!!!» (Москвит., 1853, № 12, Современные известия, с. 75); «Путь самоистязания так узок и прискорбен, что на него вступало всегда самое незначительное меньшинство даже в те времена, когда аскетическое воодушевление принимало до некоторой степени эпидемический характер» (Писар. (Павл), V, с. 386); «И думают эти кружевные куклы, что они от чего-нибудь ограждены, что они.. не падают ежесекундно в тысячи гадких и развратных сделок тщеславия и эпидемического бесстрастия» (П. Боборыкин. Земские силы; Библ. для чт., 1865, № 1, с. 96) и т. п.[152]

---

[151] Там дается только: «1) Зачатый плод во чреве женщины или животных; поносок.. 2) Начало плода прозябаемых».

[152] Даже в таких случаях, когда переносные употребления слов, первоначально имевших лишь реальный смысл, уже давно закрепились в языке (ср., напр., значения слова *заразительный*), в это время нередко выступают образные осложнения медицинскими ассоциациями. Ср.: «Труд есть.. необходимое лекарство против заразительной пошлости» (Писар., III, с. 69); «Всякая оригинальность идеи выкуривалась из общества, как зараза» (Благ., с. 218—219); «Надо было прежде всего посадить Францию в карантин, оцепить ее санитарным кордоном, отрезать ей всякое сообщение с незараженной частью человечества» (Писар. (Павл.), III, с. 228; о действиях европейской контрреволюции против революционной Франции).

* * *

Картина сильного и глубокого воздействия биолого-медицинской терминологии и номенклатуры на литературную фразеологию нового времени была бы неполна, если бы мы не отметили одной характерной тенденции, восходящей к гораздо более раннему времени, но получившей теперь особенное развитие. Речь идет об образном употреблении различных, как терминированных, так и бытовых, названий болезней. Ведь просветительским концепциям разного рода было очень свойственно, как мы уже неоднократно указывали, рассматривать различные отклонения в развитии общественных явлений и отрицательные явления социального и нравственного характера как болезненные процессы. В свою очередь мыслители-просветители и реформаторы рассматривались как врачи, избавляющие человечество от постигших его социальных болезней. Образно-переносное применение различных названий болезней очень многообразно и во многом индивидуально. Здесь было бы невозможно перечислить все случаи такого рода. Ср., напр., хотя бы следующие: «Метода этого научного лунатизма очень незамысловатая: они берут наудачу два-три явления, осмотрят их с той стороны, с какой им более нравится, и потом выводят непреложный закон, общий всем подобным явлениям» (Благ., с. 166—167); «Поэты-художники, несмотря на свое умственное малокровие, все-таки имели с так назыв. „темным царством“ органическую связь» (Салт., V, с. 270); «Все эти мрачные явления [различные формы эксплуатации и войны] составляют неизбежную детскую болезнь нашего народа, но детство и его болезни не должны продолжаться вечно» (Писар., II, с. 286—287) [153] и т. п. Мы укажем здесь лишь на те слова этого рода, у которых это переносное употребление типизировалось и отложилось в языке.

Таковы, например:

Выкидыш. «Есть даже простофили, желающие прививать эти уродливые особенности [бессвязность и бесцельность в поэзии] к ничтожным выкидышам своей собственной музы» (Писар., IV, с. 208); «У французов нет ни одного журнала, в котором бы не было своего А. Дюма или его выкидыша» (Русск. слово, 1864, № 6, Библиографический листок, с. 54); «Литературные представители этих общественных выкидышей больше ничего, как печальное знамение общественной анормальности» (Н. Шелгунов. Вопросы русской жизни; Дело, 1869, № 3, с. 55).

Конвульсия, конвульсивный. «Общественный порядок, построенный на рабстве, никогда не может считать себя совершенно прочным; он постоянно подвергается более или менее сильным конвульсиям» (Писар. (Павл.), V, с. 347); «Этого гнета она [Франция] до сих пор не могла сбросить с себя никакими конвульсивными потрясениями» (там же, с. 429).

Лихорадка, лихорадочный. Еще Слов. 1847 не дает и намека на переносное употребление этих слов. Ср. широко употребительные в дальнейшем сочетания *промышленная, торговая, финансовая* и т. п. *лихорадка.* Напр.: «Шерр сам одна из жертв „бешеного года“, года политической лихорадки» (Н. Шелгунов. Недоразумения 1848 г.; Дело, 1871, № 6, с. 48); «Петербург поддерживает физически и морально лихорадочное состояние» (Герц., II, с. 41); «Промышленность не только не находилась в застое, но она, напротив того, была приведена в состояние лихорадочного возбуждения» (Писар. (Павл.), III, с. 212); «Лихорадочный пульс

[153] Выражение, ставшее знаменитым и влиятельным после того, как оно было применено Лениным по отношению к «левым», сектантским течениям в коммунизме.

больших столиц не отвечал его собственному настроению» (Авсеенко, I, с. 223) и мн. др.[154]

Пароксизм. Переносное употребление отмечается уже с 30-х гг. Ср.: «Сей первый пароксизм дружбы» (Лаж., Посл. новик, II, с. 282); «В Англии артистический период заменен пароксизмом милых оригинальностей и эксцентрических любезностей» (Герц., VIII, с. 152); «Валентин опять впадал в прежние пароксизмы любви» (Черн., II, с. 227); «Вдруг за пароксизмом восторженной и кипучей деятельности последовал пароксизм утомления и апатии» (Писар., II, с. 182); «Напрасно едкий, насмешливый Гюаде.. возбуждал ненависть партий до пароксизма» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1862, № 5, с. 13) и т. п. Впрочем, *пароксизм* как медицинский термин (ср. специальную помету при этом слове в Слов. 1847) лишь вступил в те фразеологические связи, в которых уже до этого находилось русское слово *припадок* (ср. в Слов. 1847 сочетания *припадок гнева, бешенства*).

Спазматический. «Духовенство содержало свои имения в большом порядке и не страдало теми спазматическими припадками безденежья, которые часто удручали дворянство [при старом порядке во Франции]» (Писар. (Павл.), III, с. 175); «В Англии и Франции оно [требование права на труд] спазматически действует по всем направлениям общественной жизни» (Русск. слово, 1863, № 7, Домашняя летопись, с. 40); «Даже у народов европейских самодеятельность масс проявлялась только спазматически, в эпохи великих переворотов или общенародных бедствий» (Благ., с. 522).

Столбняк. Первые попытки применить этот термин к явлениям духовного и социального порядка, истолковать его расширительно относятся к 40-м гг. Ср. в повести А. Дружинина «Жюли»: «Это был род столбняка: не имея в виду медицинского выражения, приходится назвать положение бедной Юлиньки этим выразительным, хотя и не грациозным словом» (Совр., 1849, № 1, с. 125). Ср. еще: «Умственный столбняк сменит наши гордые надежды, которыми мы еще так недавно жили» (Н. Шелгунов. Ошибки недодуманной мысли; Дело, 1871, № 3, с. 2).

Широко и устойчиво, с самого начала данного периода, переносно употребляются *близорукий* и *дальнозоркий* и их производные. Ср., напр.: «Думы глубокие, кажущиеся дерзостью и случайной удачею близорукой посредственности» (Н. Пол., II, с. 389); «Не так ли гибнет и все великое в мире? — восклицали в порыве близорукого романтизма растроганные и возмущенные юноши» (В. Майк., I, с. 225); «Земство владело могучим средством для правильной дальнозоркой организации своих действий, расчетов и соображений, но оно не обратило на него внимания» (Н. Шелгунов. Задача земства; Дело, 1869, № 1, с. 34) и т. п.

Любопытный пример отражения этого воздействия медицинской терминологии в сфере словообразовательной дают разного рода (отчасти окказиональные) словообразования сложных слов со второй частью *-боязнь* (по образцу *водобоязнь*). См. особенно *мыслебоязнь*: «Славянофилы.. возвышают голос тогда, когда общество, испуганное историческими обстоятельствами, кидается на короткое время в бессмысленную сентиментальность и в позорную мыслебоязнь» (Писар., III, с. 255); «[Труд-

[154] Вероятно, и такие сочетания, распространившиеся во вторую половину века, как *железнодорожная, финансовая* и т. п. *горячка,* восходят к «медицинскому» номинативному значению слова. Ср.: «За периодом спекулятивной горячки обыкновенно следует период охлаждения и денежных кризисов» (Я. П-р. Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 161); «Промышленная горячка находилась в полном развитии» (Писар. (Павл.), III, с. 212); «Пока мы не переживаем момента железнодорожной горячки, никакие рассудительные речи не изменят направления нашего теперешнего экономического мышления» (Дело, 1869, № 8, Внутреннее обозрение, с. 40).

ности в издании журнала «Дело»] заключались.. в самом настроении общества, снова начавшего впадать в свою вековую, хроническую болезнь „мыслебоязни“» (П. Ткачев. Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова; сб. «60-е гг.», с. 232); «Это просто шаткость мысли, мыслебоязнь» (Ю. Николаев. В. Г. Короленко; Русск. обозр., 1893, № 4, с. 921). Ср. также: «Должно упомянуть о примечательном исключении из господствующей повсеместно чтениебоязни: женщины штата Коннектикут не только охотно читают литературные произведения, но и сами любят писать» (Американские скиццы; Библ. для чт., 1835, № 1, с. 2); «До сих пор некоторые накидывают на себя какую-то притворную наукобоязнь» (Добр., VII, с. 512). Любопытно, что в эзоповом языке 60-х гг. слово *светобоязнь* получило особый социально-идейный смысл на фоне символических противопоставлений темноты, мрака и света, т. е. реакции и революции, свободы и угнетения, прогресса и застоя. Ср.: «Влияние этой группы [революционных демократов] на свежую часть общества уже теперь перевешивает собою все усилия публицистов, ученых и других литераторов, подверженных в большей или меньшей степени острым или хроническим страданиям светобоязни» (Писар., IV, с. 7); «Последние [противники социалистических учений] страдают светобоязнию и умственным столбняком» (Благ., с. 119); «Серьезная, искренняя и честная журналистика могла бы.. парализовать вредные последствия отсталых и светобоязненных традиций, глубоко засевших в нашем обществе» (С. Окр-ц [Окрейц]. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, № 9, с. 73—74).

Из фразеологизмов шутливого характера, восходящих к медицинской практике, отметим выражение *через час по (чайной) ложке*. Ср., напр.: «Классические рассказы, которые редакция „Детского чтения“ обещает давать только изредка, т. е. через час по ложке» (Дело, 1869, № 10, Новые книги, с. 59).

Близко к этому ряду новой фразеологии стоит один случай переносного употребления слова, обозначающего физиологический процесс, — случай, сложившийся в разговорной речи и представляющий один из элементов нового литературного просторечия. Речь идет о гл. *переварить* в смысле «воспринять, усвоить (о мыслях, идеях, впечатлениях и т. п.)». Такое употребление складывается не позднее 40-х гг. и быстро распространяется. Слов. 1847 еще не отмечает его (но см. у Даля: «*У него голова не переваривает* — он туп, глуповат»). Впрочем, живое употребление этого глагола в переносном смысле шире и обобщеннее, чем это представлено у Даля. Ср. хотя бы следующие примеры: «Есть люди, которых расстроенные или от природы слабые головы не в силах переварить этого противоречия» (Бел., III, с. 485); «Эти умы [материалистов-просветителей XVIII в.] не могли переваривать ту неестественную смесь поклонения авторитету и знания, которою упивался Вольтер» (Писар., IV, с. 165); «Голова Ю. Шмидта не переваривает таких сложных и мировых событий, как старая французская революция» (В. З. [Зайцев]. Библиографический листок; Русск. слово, 1864, № 3, с. 60); «Белинский был не по плечу наибольшей массе своих учеников: нужно было обдумать да переваривать, что он говорил» (Н. Шелгунов. Вопросы русской жизни; Дело, 1869, № 3, с. 49); «Каждую нелепость, подхваченную налету, он делал еще более нелепою, бессознательно переваривая ее» (Карон., с. 151) и т. п. Такое сближение процессов, протекающих в разных «этажах» живого организма, было, конечно, очень симптоматично для направления мысли разночинческой интеллигенции. Ср. сказанное нами об истории употребления слов *работа*, *работать*, *переработать* (стр. 396 и сл.). Ср. также следующий характерный пример, где *переработать* и *переварить* синонимически объединены: «Переварить и переработать

массу материала в своем мозгу и затем передать слушателям продукты своего мышления — этого от Телицына смешно было бы и требовать» (Писар., II, с. 149). Нет ничего удивительного поэтому в том, что такое употребление быстро укрепилось в новой социальной среде, несмотря на неприязнь к нему со стороны пуристов, воспитанных на иных эстетическо-языковых нормах.[155]

§ 12. Д. **Терминология геологии.** Термины геологии, получившие переносное употребление, составляют небольшую, но тем не менее выразительную группу, примыкающую к предыдущей. Все случаи этого рода сложились около середины века.

Следует отметить прежде всего иронически образное применение к явлениям социального порядка, к смене поколений и исторических периодов, выражений *геологический слой, геологическое наслоение.* Ср.: «Пора эта [«нигилисток» 60-х гг.] для нас такой же геологический слой, как и пора провинциального женского идеализма» (Н. Шелгунов. Американки XVIII в.; Дело, 1871, № 2, с. 2); «Умственный прогресс идет преемственно из поколения в поколение. Каждое поколение кладет свой камень в основу того здания, которое воздвигается веками. Тут своего рода геологическое наслоение. Люди 40-х гг. положили свой кирпич и умерли; умерла их идея, умерли их стремления, и на старый, уже каменеющий слой новая жизнь осаждает слой новый» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 38); «Роман кончается, и на геологической почве, заключавшей в себе старый вздор, народился новый геологический слой, заключающий в себе новый вздор» (Дело, 1875, № 8, Новые книги, с. 312—313); «Общество, описанное в романе „На краю пропасти“, то же, что было за десятки лет назад.. Перед нами проходит что-то геологическое, давно-давно известное и миллионы раз повторяющееся» (там же, с. 312) и т. п.

Вероятно, таким сопоставлениям обязано своим происхождением и сложившееся к концу века переносное употребление слова *слой* по отношению к различным социальным группам. Оно определяется к середине века (ни Слов. 1847, ни Даль его еще не отмечают). Ср. у Белинского в образном плане: «Коренное русское народонаселение представляется такою огромною массою, с таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев» (VIII, с. 377); также у Герцена: «Исторический вал естественным чередом выплеснул на главную сцену тинистый слой мещан, покрывший собою ископаемый класс аристократов и затопивший народные всходы» (IX, с. 112). Еще более развернутое сопоставление природного, геологического и социального находим в статье М. Де Пуле об «Украинских народных рассказах» Марка Вовчка: «Народная жизнь не есть жизнь первобытная..: время кладет на нее свои слои, которые отличаются прочным, вулканическим образованием, хотя и поддаются влиянию исторических обстоятельств» (Русск. слово, 1859, № 10, с. 6).

Ср. становящиеся в 60-е гг. обычными сочетания *слой общества, общественный слой.* Напр.: «Обыкновенно масса не имеет понятия о том, что делается в руководящих слоях общества» (Писар., IV, с. 398); «Комедия Островского не проникает в высшие слои нашего общества, а ограничивается только средними» (Добр., V, с. 29); «Представьте себе, читатель, современного русского беллетриста, задавшегося задачею Гоголя: провести своего героя через все общественные слои» (Салт., VIII, с. 464).

[155] Пурист из «Москвитянина» по поводу фразы «Я бы хотел посидеть дома, тихо переваривая сладкие воспоминания прошлых удовольствий», встреченной им в одной из повестей того времени, негодующе замечает: «Воспоминания удовольствий не заслуживают того, чтобы их сбрасывать в такую сферу животности, в сферу переваривания» (И. Покровский. Памятный листок ошибок в русском языке; Москвит., 1853, № 9, с. 63).

Также широким становится с середины века и переносное употребление слов *наслоение* и *напластование*. Ср., напр.: «В обществе, помимо знати первой руки, образовалось новое наслоение» (Леск., V, с. 127); «Предание наслоялось веками, и каждое новое наслоение прибавляло к нему новую жестокую черту» (Салт., XV, с. 389); «Проходили передо мной различные наслоения исторических воздействий и влияний на деревню» (Златовр., II, с. 342); «В русских городах и деревнях совсем иное напластование и гораздо выше и культурнее умственная и нравственная формация» (Шелг., III, с. 152) и т. п.

И первые случаи употребления слова *формация* по отношению к социально-историческим явлениям и эпохам отчетливо связаны со значением этого слова как геологического термина.[156] Ср., напр.: «Куда ни поглядишь, везде чувствуется отсталость понятий, везде лежат нетронутыми первобытные пласты чернозема различных исторических формаций» (Р. Р. Неизданные сочинения и переписка Карамзина; Русск. слово, 1862, № 3, с. 57); «Былое служилое сословие, превратившись в чиновников, образовало особенную общественную формацию, которая в своем нижнем слое закаменела в неподвижную касту» (Н. Шелгунов. Сила нужды и бессилие филантропии; Дело, 1869, № 2, с. 4); «В таких квартирах взгляд насмешливого и в то же время незлобивого наблюдателя человеческой комедии легко подметит следы разных формаций, разных наслоений, не вяжущиеся между собою точно так же, как не вяжутся между собою обстоятельства тех эпох, когда делались эти наслоения» (А. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят; Дело, 1871, № 1, с. 21) и др.

В марксистской литературе, где *формация* введена в круг устойчивой социально-исторической терминологии, образные связи с геологической терминологией уже не ощущаются.

Любопытна история образования переносного значения у прил. *допотопный*. Это слово (ср. его франц. прообраз antédiluvien) первоначально принадлежало к терминологическому кругу старой геологии, опиравшейся на учение о катаклизмах. Так и раскрывается его значение и употребление в Слов. 1847 («Существовавший до потопа. *Допотопные животные*»). Впрочем, уже в журналистике 30-х гг. можно отметить и образно-ироническое его применение, правда редкое.[157] В конце 50-х гг., в сочетании со словом *формация*, оно было вовлечено в сферу мировоззренческих символов у Аполлона Григорьева. Рассуждая, с точки зрения своей «органической критики», о различных этапах формирования идеи народности на русской почве, А. Григорьев, склонный вообще к неожиданному созданию своей особой образной «терминологии», применил выражение *допотопная формация* для характеристики того первоначального, не достаточно отчетливого представления о народности, какое он видел в исторической прозе И. И. Лажечникова. «В мире искусства есть такие же допотопные образования и такие же допотопные творения, как и в мире органическом», — писал он в статье «Критический взгляд на основы,

---

[156] В Слов. 1847, у Даля и Толля указывается только это последнее значение («соединение пластов единовременного образования»). Впрочем, слово *формация* с 50—60-х гг. употребляется и в более общем, нетерминологическом смысле. Ср.: «Следы древней формации языка, старинного быта и мифологии» (А. Пыпин. По поводу исследований г. Буслаева о русской старине; Совр., 1861, № 1, с. 4); «Аполлон Савельевич был сановник последней формации» (Маркев., X, с. 146).

[157] Ср., напр., у Белинского: «Есть роман *исторический*, *сатирический*, *нравоописательный*; есть роман *сухопутный* и *морской* (школы Купера и Евгения Сю); недостает только *земноводного* романа; *подземный* же и притом *допотопный*, благодаря игривой фантазии барона Брамбеуса, имеется» (I, 143). Белинский имел в виду «Фантастические путешествия барона Брамбеуса», вышедшие первым изданием в 1833 г.

значение и приемы современной критики искусства» (I, с. 227; первоначально в «Библиотеке для чтения», 1858, № 1). А в примечании к этому месту говорилось: «Насколько мысль эта.. верна, можно убедиться даже на близких к нам явлениях. В отношении к Лермонтову, например, Полежаев и Марлинский суть допотопные образования; Лажечников с его вдохновенными прозрениями в сущность народной жизни, перемешанными с романтизмом, есть допотопный мир в отношении к тому стройному и живому миру, который создает Островский». О том же писал он и в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859).

Над этим словоупотреблением А. Григорьева иронизировала критика «Современника». Добролюбов в № 2 «Свистка» (Совр., 1859, № 4) поместил небольшой фельетон «О допотопном значении Лажечникова (Исследования г. Ап. Григорьева)», в котором обыгрывалось исходное прямое значение этого слова. В позднейшей статье «Развитие идеи народности со смерти Пушкина» А. Григорьев вступил в объяснение по поводу принятого им «термина». «Когда-то я, — писал он там, — назвал Лажечникова „допотопным“ явлением. Над моим, действительно странным, термином смеялись, и я сам готов был и готов теперь смеяться над диким термином, но за сущность мысли, выраженной неудачным термином, точно так же готов стоять теперь, как готов был стоять тогда» (I, с. 537). И эту свою настойчивость Григорьев подкрепляет вновь очень симптоматическими, для его времени, аналогиями. «Идеи, — писал он тут же, — как нечто органическое, проходят известные формации. более или менее несовершенные, до своего полного, прямого и гармонического осуществления». В таком смысле, объяснялся Григорьев, он и применил термин к деятельности Лажечникова. «Как допотопные, нестройные формы бытия относятся к более умеренным, но стройным и живущим формам послепотопным, так точно и явления, подобные Лажечникову, относятся, например, в деле выражения народности в нашей литературе, положим, например, к Островскому». «В этом смысле, нисколько не думая унизить замечательно даровитого писателя, с одной стороны, и нисколько не впадая в мистический пантеизм, с другой, я позволил себе назвать его деятельность *допотопною*» (там же). Как видно из этих объяснений, Григорьев не вкладывал иронического смысла в данный термин. Характерно, что и в указанной позднейшей статье он настойчиво проводит такое сопоставление. Болгарского слависта Ю. Венелина по отношению к одному из основоположников исторического славяноведения П. Шафарику он также именует здесь «своего рода допотопною формациею» (I, с. 562). Такое употребление слова, прямо переносящее смысл этого геологического термина на явления идейного мира, осталось уделом лишь одного критика и было забыто, как выбыло вместе с учением Ж. Кювье о катаклизмах это слово и из круга научной терминологии. Но все же эта история не прошла совершенно бесследно для дальнейшей судьбы слова. Оно осталось, в качестве экспрессивно окрашенного определения, в общем литературном употреблении, и при этом — в двух тесно связанных между собою смыслах. С одной стороны, как воспоминание о первоначальном терминологическом значении слова оно употребляется в таких образных сочетаниях, как *допотопные животные, допотопные чудища* и т. д., где обычно соответствует по значению словам *древние, ископаемые* и т. д. Оно, с другой стороны, стало устойчиво употребляться в переносном смысле по отношению к различным архаическим формам и явлениям общественной жизни, быта, к явно устарелым взглядам и понятиям и т. д. В этом последнем смысле оно вносит постоянно яркий отпечаток иронии и насмешки. Такое употребление входит в силу с 60-х гг. Ср.: «Милль не брезгает даже такими мыслишками, как повторение допотопных упреков передовым людям Франции прошлого столетия» (В. Зайцев. Библио-

графический листок; Русск. слово, 1865, № 1, с. 183); «Чтобы разбогатеть, надо хоть немного улучшить допотопные способы нашего земледельческого, фабричного и ремесленного производства» (Писар., III, с. 9) и т. п.

В этом же смысле широко встречается переносное употребление таких не менее экспрессивных определений, как *ископаемый*, *окаменелый* и *окаменелость*. Первое относится к ранним вкраплениям в литературную фразеологию (оно представлено уже в критике и публицистике 30-х гг.). Ср.: «Книга дивная, редкая, явление допотопное, ископаемое» (Бел., III, с. 43); «Государственные фоссили.. вспоминают с „ископаемыми“ красавицами времен M-me Récamier залу Ливенши, юность Лаблаша, дебюты Малибран» (Герц., XI, с. 451); «Кто в шестидесятых годах повторяет то, что казалось новым и смелым в двадцатых годах, тот, конечно, должен представиться нам каким-то ископаемым литератором» (Писар., I, с. 291).

Образно-переносное употребление слов *окаменелый*, *окаменелость* складывается и становится очень популярным на страницах прогрессивных журналов около середины века. Ср.: «Кое-какие знания, выработанные греками, могли пригодиться людям во всякое время; но эти знания были уже для последних веков Римской империи обломками далекой и невозвратимой старины, окаменелыми остатками такого умственного движения, которое уже давно прекратилось и потеряло всякую способность действовать живительным образом на настоящее» (Писар. (Павл.), III, с. 512); «Филистерская Германия.., эта окаменелость средних веков, пробуждена была от летаргии — внутри — чисто немецкою по форме и чисто французскою по сущности философией Фихте, а извне — натиском штыка Наполеонова гренадера» (В. Майк., I, с. 139); «Ныне молодой человек, сознающий в себе несколько внутренней силы и желающий трудиться, — может гордо и независимо держать себя, не кланяться знаменитостям, не просить заслуженные авторитеты, чтобы они удостоили взнуздать его и навьючить окаменелостями своих взглядов и мнений...» (Добр., VI, с. 46); «Умственная окаменелость и нравственное безобразие этих фигур так и бьют в глаза» (С. Навалихин [В. Берви-Флеровский]. Изящный романист и его изящные критики; Дело, 1868, № 6, с. 22) и т. д.

Особое место занимает история слова *почва* в его переносно-символическом и фразеологически связанном употреблении. Сравнения основы какого-либо явления (социального, духовного) с почвою являются довольно рано, но особенное развитие свое это употребление получает к середине XIX в.[158] Именно к этому времени складываются такие ходячие выражения, как *вырасти*, *развиться на почве* чего-либо, *ступить на* какую-либо *почву* (или *на почву* чего) и т. п. Ср. у Белинского (еще обычно в образном обрамлении): «Благодатно оплодотворенная ею [идеей любви] почва человеческого развития и произращала, и произращает и никогда не перестанет произращать все цветы и все плоды небесные» (III, с. 426); «Сердце этого молодого человека есть почва, в которую закон нравственного духа так глубоко пустил свои корни, что он может их вырвать только с кровию и телом» (III, с. 409); «Почва, на которой вырастают благотворные плоды разумного опыта, есть нравственное чувство» (III, с. 340) и т. п. Такие реальные сопоставления (иногда даже еще более «конкретные») часто являются и в дальнейшем. Ср., напр.: «Чтобы эти иноземные семена [мастеровые, выписанные из-за границы] принялись на французской почве, Кольбер взял на себя труд обеспечить сбыт фабрикуемых товаров» (Писар. (Павл.), III, с. 131); «Издатель Вольф унаваживает нашу умственную почву оптом и гуртом» (Р. Р. Чему и как мы учим народ?; Русск. слово, 1862, № 1, с. 39); «Эти силы не затеря-

[158] Слов. 1847 и Д[1] еще не отмечают здесь переносных значений. См. об истории слова у В. В. Виноградова (сб. Этимология. М., 1963, с. 90—96).

лись бы и в черноземной почве невежества» (Благ., с. 49) и т. д. Но рядом с ними является уже употребление фразеологически устоявшееся, свободное от образных сопоставлений, так сказать, «компактное». Слово *почва* явно получает в определенных контекстах новое осмысление. Это находит свое отражение и в формах словосочетаний (появление сочетаний слова *почва* с род. пад. существительных, обозначающих отвлеченные понятия, или с прилагательными, относящимися к кругу социальных явлений). Такие примеры можно встретить уже в журналистике 30-х гг.; они становятся обычны в языке 50—60-х гг. Ср.: «Неудобства этого разделения почвы наук на бесконечно малые участки были нередко предметом жалоб» (Библ. для чт., 1835, № 1, отд. III, с. 30); «Журналистика наша вступила, наконец, на почву здравого смысла» (В. Боткин — письмо А. Фету; цит. по: Фет, I, с. 407); «На исторической почве ясно выделяются из массы только деятели свободные и самостоятельные» (Благ., с. 555); «Из конституционной борьбы она [французская революция 1848 г.] перешла на экономическую почву» (там же, с. 163); «Мог ли поэтому г. Тургенев поставить вопрос на реальную почву социального движения?» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 33); «Наполеон III не больше как цветок, выросший на почве буржуазии» (Н. Шелгунов. Недоразумения 1848 г.; Дело, 1871, № 6, с. 89) и т. п. Нетрудно заметить, что в такого рода сочетаниях, даже если они и оснащены еще какими-то реальными ассоциациями и образными деталями, напоминающими об исходном собственном значении слова, условный характер подобного фразеологического употребления выражен сильнее всего, а само слово оказывается синонимически сближенным по смыслу со словами *основа*, *основание*, в одних случаях, *область*, *сфера* — в других.

Но в идеологической борьбе 60-х гг. слово *почва* получило еще один особый смысл, позднее ставший чисто историческим, но тогда очень злободневный. В различных славянофильских течениях этого времени, и особенно у той группы писателей, которая была связана с журналами «Время» и «Эпоха» (А. Григорьев, Достоевский, Н. Страхов и др.), это слово стало условным символом, обозначавшим русский народ, русскую народную жизнь, в той реакционной их интерпретации, которую придало им это направление. Неслучайно это течение стало обозначаться в журналистике 60-х гг. как *почвенничество*, его сторонники именовались *почвенниками*, а их взгляды и теории *почвенническими*. Ср. выражения самих последователей этих славянофильских взглядов, напр. следующее утверждение в статье К. Бестужева-Рюмина «Славянофильское учение и его судьбы»: «Славянофильство живо до сих пор; учение это так же стойко, как и прежде, только еще более вросло в почву» (Отеч. зап., 1862, № 2, с. 679). В объявлениях об издании «Времени» от редакции этого журнала рассуждения о *почве* в этом смысле занимали главное место.

Иронически в этом смысле слово употребляет и демократическая журналистика 60-х гг., нередко строя на сопоставлении исходного значения слова и этого специфического его применения язвительные каламбуры.[159] См. характерные упоминания о почве в этом смысле в статье Писарева «Стоячая вода»: «Читая „Дворянское гнездо“ Тургенева, мы забываем почву, выражающуюся в личностях Паншина, Марьи Дмитриевны и т. д., и следим за самостоятельным развитием честных личностей Лизы и Лаврецкого; читая повести Писемского, вы никогда, ни на минуту не позабудете, где происходит действие; почва постоянно будет напоминать о себе крепким запахом, русским духом, от которого не знают куда де-

[159] Ср., напр., название полемической статьи М. А. Антоновича «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)» (Совр., 1861, № 12).

ваться действующие лица, от которого порой и читателю становится тяжело на душе» (I, с. 172).

В переносном смысле является с середины века и *подпочва*. Ср.: «В одной только Германии [при Оттоне] общество политическое было основано на подпочве народа» (Хом., VII, с. 298); «Никогда фантазия не направлялась и в мир религиозно-мистический, хотя четьи-минеи служили подпочвой моего чтения» (Н. Гиляров-Платонов. Из пережитого, I, М., 1886, с. 217).

* * *

Мы сделали столь подробный обзор переносного и расширительного употребления терминов точных и естественных наук в литературном языке XIX в. потому, что случаи этого рода не только количественно очень обильны и качественно многообразны, но и потому, что семантическая эволюция этих слов представляет очень характерное и симптоматическое явление в общей перестройке литературной фразеологии. Этот процесс, начавшийся в послепушкинскую эпоху и особенно развернувшийся к 60—70-м гг., продолжается, как мы уже указывали, до настоящего времени, — правда, уже не с такой степенью интенсивности. Таким образом, явления этого рода интересны не только по своим практическим результатам, т. е. по количеству фактов, отложившихся в языке, получивших общеязыковое значение, но и по общей тенденции — к обновлению и расширению общелитературной фразеологии за счет специальных номинативных лексических элементов.

Мы уже говорили об основных общих причинах такого движения: они лежат за пределами языка. Это влияние факторов общественного, идеологического порядка, — прямое отражение и того воздействия, которое имело на развитие общественной мысли бурное развитие и распространение научных идей и понятий, и того влияния, которое через посредство публицистики получил на различные стили литературной речи стиль научного изложения.

Нам хотелось бы в заключение этого обзора коснуться другой стороны дела и определить те факторы внутриязыкового порядка, которые способствовали быстрому, но прочному усвоению этих слов и выражений в их новом осмыслении и в новой фразеологической роли. Вместе с тем эти внутренние благоприятствующие факторы до известной степени объясняют и сам выбор из множества элементов обширной терминологической системы указанных наук лишь определенного круга слов и выражений. Ведь эти слова или устойчивые сочетания слов входили в литературную фразеологию не всем своим ансамблем и даже не как определенные члены и единицы внутренне целостных терминологических систем. Напротив, в ходе этого процесса отдельные элементы этих систем как бы вырывались из своего окружения; подчас надрывались при этом их привычные связи и отношения с другими элементами этой системы, даже отношения с ближайшими членами определенного ряда, с их прямыми синонимами или антонимами, с их смысловыми «близнецами». Было ли простой случайностью, напр., то, что *апогей* стал элементом новой фразеологии, а его терминологический антоним *перигей*, несмотря на отдельные факты своего переносного употребления,[160] не получил такого общего значения; что *зенит* стал элементом литературной фразеологии, а в отношении термина *надир* даже и не предпринималось таких попыток? Выбор падал, конечно, прежде всего на те термины, которые были наиболее популярными и которые выражали важнейшие понятия, представлявшие не только узко специальный интерес. Как мы видели на

[160] Ср. пример из Герцена на стр. 371.

примерах со словами *механизм*, *организм*, *микроскоп*, *анатомия*, *патология*, *физиология*, *борьба за существование*, *естественный подбор* и нек. др., образно-переносное и расширительное употребление этих терминов имело свои глубокие идейные корни и выходило за рамки внешнего речевого «приема». В других случаях существенное значение имело и воздействие уже сложившейся фразеологии в иных европейских языках — во французском, английском, немецком. Переносное употребление ряда научных терминов было элементом своего рода интернациональной фразеологии (ср. *апогей*, *горизонт*, *зенит*, *фаза*, *доза*, *кризис*, *парализировать* и т. п.).

Но следует отметить также и известную роль здесь внутриязыковых факторов, относящихся к области фразеологии русского языка. Обращает на себя внимание то, что в ряде случаев новые фразеологические сочетания со специальными терминами в центре представляют вариации иных, более общих и ранее утвердившихся фразовых сочетаний. Ср., напр., такие синонимические соответствия, как *достичь своей вершины*, *высшей точки* и *достичь своего апогея*, *зенита*; *иметь опору* и *иметь точку опоры*; *центр* чего и *центр тяжести* чего и т. п. В ряде случаев, таким образом, можно отметить экспрессивно усиливающую функцию этих новых терминов сравнительно с их общими синонимами. Ср. отношения слов *противоположный* и *диаметриально противоположный*, *признак* и *симптом*, *постоянный* и *хронический*, *прием* и *доза* и т. п.

Не трудно заметить и еще одну характерную закономерность. Чем позже вступали в круг общелитературного употребления эти специальные слова, тем более сохраняли они свою «внутреннюю форму», образные нити, связывающие их общее литературное, фразеологическое применение с исходным номинативным значением. В кругу биологической терминологии таких случаев несравненно больше, напр., чем в кругу терминологии математической, астрономической и физической.

§ 13. Обширнейшая фразеологическая серия, сложившаяся на основе переносного употребления научных терминов, несомненно была особенно влиятельной и характерной для того времени. Однако ею далеко не исчерпывается круг специальной терминологии и номенклатуры, вовлеченной в процесс фразеологического обновления литературной речи.

Другая обширная фразеологическая серия связана с созданием расширительных осмыслений слов, обозначающих предметы и понятия из области искусства и литературы. В современных словарях можно насчитать около сотни таких слов, которым свойственно также и расширительное или переносное употребление. По времени своего сложения эта серия является наиболее ранней. Значительная часть этих слов получила переносное употребление либо в конце XVIII в. и самом начале XIX в., либо с 30—40-х гг. XIX в. Однако отдельные новые члены этого фразеологического ряда продолжали появляться и позднее, вплоть до нашего времени. Начало этого процесса тесно связано с историей поэтических стилей конца XVIII—начала XIX в. Видную роль некоторые из терминов этого рода получили в стилях карамзинской школы и перешли от нее по наследству во фразеологию поэтического языка первой половины XIX в. Здесь ходовым стало метонимическое и образно-переносное употребление таких слов, как *картина, кисть, колорит, роль, сцена* и нек. др. Ср. хотя бы следующие примеры из журнала П. Макарова «Московский Меркурий»: «Куда взор ни обращался, натура.. везде представляла картины миловидные и веселые» (II, с. 150); «Мы поместили эту пиэсу единственно для картин поэтических» (III, с. 90); «Кисть Филантропии и Граций нежными своими цветами уже не красила народа веселого, учтивого и любезного» (II, с. 94); «Тонкая, любезная учтивость покрывала холодный эгоизм колоритом чувства» (II, с. 90); «Я уже спел видеть на здешних

улицах одну из любимых сцен английского народа, драку, или, лучше сказать, кулачный поединок» (I, с. 26); «Характер герцогини де Росмонд [героини романа Жанлис] есть самой лучший, оригинальной и совершенно романической. Жаль, что она поздо выходит на сцену» (IV, с. 121); «Наслышка и чтение приучили меня с ребяческих лет моих представлять себе сей город.. сценою великих романических приключений» (I, с. 19) и т. п.[161]

В стилистике литературной речи пушкинского времени число случаев этого рода значительно умножилось. Ср. в Слов. яз. Пушкина переносное употребление таких слов, как *гармония*, *группа*, *декламировать*, *драма* и *драматический*, *идиллия*, *карикатура*, *кисть*, *комедия* и *комический*, *краски*, *мелодия*, *миниатюрный*, *очерк*, *пародия*, *подмостки*, *портрет*, *поэзия* и *поэтический*, *проза* и *прозаический*, *рама* и *рамка*, *рисовать* и *рисоваться*, *роль*, *роман*, *сцена*, *театральный*, *трагедия* и *трагический*, *фарса*, *элегия* и *элегический*. Пушкинский язык вобрал в себя все наиболее обычные и постоянные в этом переносном употреблении слова. Вообще следует заметить, что в 20—30-х гг. многие случаи такого употребления значительно раздвинулись: из эксессуаров поэтических стилей литературной речи они становились обычными, ходовыми элементами общелитературной фразеологии. Лишь немногие из них сохраняют первоначальную «картинность», ярко образный характер (ср., напр., *кисть*).

Среди достаточно обширного круга этих слов, унаследованных литературным языком 20—30-х гг. от более раннего времени и вновь появляющихся в нем, отчетливо выделяются группы однородных случаев, представляющих различные характерные тенденции образно-фразеологического переосмысления.

А. Это, во-первых, терминология и номенклатура из области изобразительных искусств, музыки, а также театрально-сценического обихода.

Таковы: 1) термины живописи и других изобразительных искусств: *гротеск*, *группа*, *живописный* (а также *живопись*), *карикатура*, *картина*, *кисть*, *колорит*, *краски*, *ландшафт*, *миниатюрный*, *набросок*, *очерк*, *очертание*, *палитра*, *панорама*, *пейзаж*, *поза*, *портрет*, *рама* и *рамка*, *рельефный*, *рисовать*, *рисоваться*, *рисунок*, *статуя*, *фон*, *эскиз*, *этюд*; 2) музыки: *вариация*, *гармония*, *камертон*, *лейтмотив*, *мотив*, *музыка*, *нота*, *унисон*, *финал*; 3) театра: *арлекинада*, *буффонада*, *декорация*, *закулисный*, *марионетка*, *подмостки*, *роль*, *статист*, *сцена*, *театральный* и нек. др.

По времени формирования переносных значений эта группа, как уже сказано, является ранней. Однако и во вторую половину XIX в. появляются новые случаи переносного употребления данных терминов. Семантическая эволюция некоторых из них была длительной, совершавшейся «в несколько приемов» (ср. *очерк*, *рисоваться*). По своему источнику значительная часть этой лексики являлась заимствованной; переносное употребление этих заимствованных слов было известно и языку-источнику (в данном случае прежде всего — французскому). Появление переносных значений у ряда русских слов этого рода также было результатом «семантической индукции» (ср., напр., *картина*, *кисть*, *очерк*). По своему характеру, таким образом, эта фразеологическая серия в основном является интернациональной. По направлению переноса, по характеру и положению создавшихся вторичных значений слова эти составляют несколько особых групп. В одних случаях изменение зна-

[161] Ср. также некоторые примеры переносного употребления слов *живописный*, *картина* и *картинный*, *кисть*, *краска*, *оттенка* в «Словаре неологизмов и семантических изменений», приложенном к работе Г. Хютль-Ворт «Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert» (Wien, 1956). См. также некоторые из произведений конца XVIII—начала XIX в. на переносное употребление слов *картина*, *сцена*, *театр* — Веселитск., с. 91—92.

чения представляло собою простое «расширение» его. Так, слово *группа* из слова чисто технического[162] превращается в слово общего характера, обозначающее любое собрание или объединение лиц, предметов и понятий. Естественно, что все специальные, терминологически уточненные употребления этого слова воспринимаются затем как частные реализации этого общего значения.[163] То же следует сказать и об общем значении слова *гармония*, относимого в XIX в. к самым различным проявлениям единства и согласованности (впечатлений, интересов, отношений и т. п.), а не только к области музыки. Ср. *вариация* (Слов. 1847 раздельно дает разные специальные значения — математическое, астрономическое, музыкальное; в гл. *варьировать* отмечено только музыкальное употребление).[164]

В других случаях исходное номинативное специальное значение остается основным, но при нем являются расширительные применения слова, основанные на метонимическом смещении и переносе первичного значения. Так, *карикатура*, *панорама*, *пейзаж*, *портрет* и т. д. стали обозначать не только произведения определенных жанров живописи (ср. их определения в Слов. 1847), но и объекты такого изображения, явления самой действительности (ср.: «Русский зимний пейзаж», «он — вылитый портрет своего отца» и т. п.), а также воспроизведение их в различных других видах искусства (напр., «пейзаж в повестях Гоголя», «литературный портрет» и т. д.). Расширительное применение по отношению к аналогичным явлениям в других видах искусства (прежде всего — в литературе) характерно для семантического развития многих терминов изобразительного искусства. У терминов музыкальных и театральных развиваются переносные значения более общего характера. Во многих случаях переносное употребление этих слов является фразеологически ограниченным, приуроченным прежде всего к определенным устойчивым сочетаниям слов (ср. *действовать в определенных рамках*, *выходить за рамки* чего, *в унисон* с кем-либо, *играть роль*, *появиться на сцену* и т. п.). Ниже мы дадим краткие сведения по истории некоторых из этих слов, семантическое развитие которых в этом направлении падает на 30—60-е гг. XIX в.

Гротеск. Слов. 1847 относит слово только к живописным украшениям определенного характера. Но уже в литературе 30-х гг. слово это начинает употребляться в применении к определенному типу изображения вообще и к различным проявлениям фантастического, уродливо-странного в жизни. Напр.: «Возьмите „Записки сумасшедшего“, этот уродливый гротеск, эту странную, прихотливую грезу художника» (Бел., I, с. 297); «Подле великолепного модного магазина лепится себе крохотная табачная лавочка или грязная харчевня, или таковая же пивная.

---

[162] На выделении только таких специальных значений построено определение этого слова в Слов. 1847 («1. Совокупность, система однородных предметов, имеющих взаимную связь. *Группа гор, кристаллов, пластов одновременного происхождения.* 2. *Худ.* Две или многие фигуры, поставленые вместе. 3. Несколько островов, лежащих вместе»). Таким образом, словарь еще не предусматривает употребления слова *группа* в отношении к собранию людей, а также по отношению к совокупности отвлеченных понятий.

[163] Впервые обобщенно построено определение этого слова в Слов. Акад. 1892: «Собрание, совокупность, иногда система нескольких однородных предметов»; а далее помещаются как специальные реализации этого общего значения: *группа фигур* (в живописи), *группа островов* (в географии), *звуковая группа* (в фонетике) и т. д.

[164] Фразеологически более замкнуты и образно связаны с исходным музыкальным значением сочетания типа *вариации на тему*. Ср.: «На Востоке.. меняются только лица, поколения; настоящий быт — сотое повторение одной и той же темы с маленькими вариациями, приносимыми случайностью — урожаем, голодом, мором, падежом, характером шаха и его сатрапов» (Герц., V, с. 23).

И еще более удивился бы наш петербуржец, почувствовав, что в странном гротеске этой улицы есть своя красота» (Бел., VIII, с. 391).

Декорация. Переносное употребление складывается довольно рано. Первоначально оно ограничивается отнесением слова к явлениям самой действительности, пейзажу, ландшафту, виду. Ср. у Карамзина: «Декорация совершенно переменилась, когда мы выехали на берег Сены; тут представились нам великолепные здания, дома в шесть этажей, богатые лавки» (Карамз., ПРП, IV, с. 255—256). В этом смысле слово продолжает употребляться и в дальнейшем. Ср. у Гончарова: «Там опять живая и разнообразная декорация лесов, пашен, дальних сел и деревень» (III, с. 91); «Декорация бухт, рейда, со множеством лодок, странного города, с кучей серепьких домов» (там же, с. 14). Но эволюция слова этим не оканчивается. В 40-х гг. складывается ироническое переносное употребление этого слова для обозначения чего-либо внешне привлекательного, но по существу ложного и обманчивого, прикрывающего неблаговидное внутреннее содержание явления, или вообще чего-либо внешнего, показного. Ср., напр.: «Пестрые декорации конституционной Франции ненадолго могли скрыть внутреннюю болезнь, глубоко разъедавшую ее» (Герц., V, с. 9); «Дело [для ученых немцев, приглашенных Петром в Петербург] не в сочинениях и тем более не во влиянии этих сочинений на русское общество: дело именно в том, что они будут жить в Петербурге, состоять на русской службе и составлять из себя русскую академию. Дело не в действии, а в декорациях» (Писар., II, с. 88). Чаще всего в переносном смысле слово выступало в сочетаниях *декорации переменились*, *перемена декораций* и т. п. В этих сочетаниях, однако, собственная знаменательность слова уже сильно погашена; они означают просто происшедшую перемену в чем-либо. Ср.: «Время шло, и мы шли за ним; декорации переменились; после того много промелькнуло новых имен, много появилось наделавших большого шума сочинений» (Бел., VIII, с. 446).[165] «О, да он совсем не глуп!» — думала Люба, несколько обиженная такой быстрой переменой декораций. Да, оно даже немножко обидно, что такие горячие чувства и так быстро проходят» (Мам.-Сиб., ПСС, IX, с. 511).

Дилетант и произв. В Слов. 1847 (с пометой *муз.*): «Занимающийся пением или игрою на каком-либо инструменте, по любви к музыке, а не по обязанности».[166]

С 40-х гг. слово *дилетант* начинает обозначать не только любителей в той или иной области искусства, но и вообще всех, кто занимается любой областью знания или действует в той или иной жизненной сфере, не будучи специалистом, без необходимой подготовки и навыков. В данном смысле с этим словом и его производными (*дилетантский*, *дилетантизм*) обычно сопрягаются различные экспрессивные оттенки неодобрения, иронии и т. п. На такую эволюцию слова решающее влияние, видимо, имел цикл статей Герцена «Дилетантизм в науке». Ср.: «Играя роль республиканца, он [Лафайет] не мог отрешиться от прежних пре-

---

[165] См. также в сравнении: «И одного часа езды достаточно, чтоб очутиться совсем в другом мире.. Все переменяется, как декорация в театре» (Герц., V, с. 25).

[166] Ср. Толль: «Любитель, но не глубокий знаток какого-либо искусства. Сперва это слово применялось к одной музыке, а теперь и к др. искусствам». Впрочем, там же при слове *дилетантизм* — отнесение к любой сфере действия.

Любопытно, что еще в журналах 20-х гг. можно встретить это слово в иностранной (итальянской) передаче. Напр.: «Со мною встретились два художника, один поэт-музыкант, другой поэт-стихотворец, оба diletanti, оба счастливые любители искусств Апполоновых» (Вестн. Евр., 1824, № 2, с. 148). Оно закрепилось с начала 30-х гг. в связи с романтически повышенным интересом к музыке и другим искусствам.

даний и навсегда остался дилетантом революции» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1862, № 4, с. 12). Ср. также в расширительном смысле, но без дополнительных оценочных оттенков: «Кайзерштерн ловко лжет, лжет с особенным дилетантизмом, а потому его слушают и везде принимают» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 31); там же: «Вранье, сопряженное с каким-то дилентантизмом вранья» (с. 150). Любопытно и появившееся в середине века новообразование *дилетанствовать* с подчеркнуто пренебрежительным оттенком. Напр.: «Реалисты отнесутся с полным и совершенно справедливым презрением к тому двадцатилетнему празднолюбцу, который вздумает отдыхать, благодушествовать и дилетантствовать подобно Николаю Петровичу Кирсанову. Или работай серьезно, или совсем не принимайся за работу» (Писар., III, с. 37); «Мужики под пером дилетанствующих литературных идеалистов превращались в дворян в зипунах, а бабы — в барышень-крестьянок и в горничных барских домов» (Н. Шелгунов. Народный реализм в литературе; Дело, 1871, № 5, с. 6) и т. п. С развитием демократического направления в литературе дилетант все резче противопоставлялся типу мыслящего работника, подлинному труженику и специалисту. По этому дополнительному оценочному оттенку значения слово *дилетант* все явственнее отличалось от своего русского синонима *любитель*, сохранившего более общий и неопределенный смысл.[167]

Диссонанс. Из общих толковых словарей XIX в. слово впервые фиксируется у Д[1]. В 30—40-х гг. отмечается уже образно-расширительное его употребление. Ср. у Герцена: «Дикие физические силы, непросветленные влечения, встречи имеют голос, и из них может составиться согласный хор, но могут выйти и раздирающие душу диссонансы» (II, с. 62—63).

Закулисный. Слов. 1847 дает только прямое толкование: «Находящийся, происходящий за кулисами». Переносное употребление («тайный, скрываемый в домашнем, семейном быту или в известном кружке») отмечается у Д[1]. Предпосылки для такого употребления складываются в 20—30-х гг., в обстановке, когда внимание дворянской молодежи особенно привлечено к театру и жизни артистической среды. На фоне метонимических применений слова по отношению к жизни театральной или околотеатральной[168] складывается и более широкое отнесение слова ко всякого рода тайным действиям (чаще с оттенком неодобрения). Ср.: «В истории мы видим сцену и декорации; почему же роману не обнажать нам тайн закулисных, имеющих такое тесное отношение со сценою?» (Бел., I, с. 343). Как видим, на первых порах этот перенос еще обставлен характерными сопоставлениями и аналогиями. Но с середины XIX в. слово в переносном смысле употребляется уже вполне свободно и вне таких сопоставлений. Напр.: «Княжна.. была посвящена во все мелочи губернской закулисной жизни» (Салт., II, с. 99); «Сначала старухи переберут весь околоток, кто как живет, кто что делает; они проникнут не только в семейный быт, в закулисную жизнь, но в сокровенные помыслы и намерения каждого» (Гонч., IV, с. 137); «Все они [дипломаты первой половины XIX в.] держались на своих высоких местах закулисными средствами, не имеющими ничего общего с государственной мудростью» (Писар. (Павл.), I, с. 588) и т. п.

---

[167] Впрочем, тот же оценочный момент в производном существительном *любительство*. Ср. у Кир. противопоставление слова *дилетант*, как ограниченного по смыслу («большею частию это слово употребляется в смысле докучливого любителя поэзии звуков»), более нейтральным *любитель* или *аматер*.

[168] Ср., напр.: «О всех.. закулисных интригах мне подробно тогда рассказывали» (Вигель, Зап., I, с. 324; речь идет об интригах в театре).

Камертон. Переносное употребление определяется к середине века, обычно в сочетании *давать камертон* чему-либо (ср. также *давать тон* чему-либо). Ср.: «Странны только показались мне твои нападки на мою действительность..; тем более, что они пропеты тобою с чужого голоса, по камертону М. А. Бакунина» (Бел., XI, с. 516); «Во главе журнала как критик, дававший камертон направлению, находился Добролюбов» (Григор., XII, с. 336); «И кто это там умами руководит, камертон, скажем, в этом кругу газетном держит» (Маркев., III, с. 66); «На пушкинском торжестве в Москве.. пили тосты и говорили смелые речи, общественный камертон звучал надеждой» (Шелг., III, с. 296) и т. д.

Марионетка. Переносное употребление (с резко экспрессивным оттенком) складывается в 60—70 гг. Ср.: «Все его герои являются движущимися марионетками, нарисованными очень неискусно, а за ними вы видите сидящего на корточках автора, читающего по тетрадке, что каждая фигура должна говорить по своей роли» (Дело, 1875, № 8, Новые книги, с. 312); «Но где же и при каких условиях они [новые идеалы] должны были развиваться и каким образом усвоили их себе салонные марионетки?» (П. Гр-ол и. Французское общество в конце XVIII в.; Дело, 1876, № 5, с. 196).

Набросок. В «Дополнениях и заметках» к «Толковому словарю» Даля Я. К. Грот указывает на пропуск в первом издании словаря слов *набросок, накидок*, со значением «эскиз» (Филолог. разыск., I, с. 442). Из этих двух слов первое было затем с этим значением представлено в $Д^2$ ($Д^1$ отмечал лишь его областной омоним «накидка, плащик, кафтанишка, шугай, что наскоро набрасывают на плеча»). Слово *набросок* в смысле рисунка, предварительно намечающего основные черты того, что затем должно послужить материалом для картины, видимо, появилось в среде художников не ранее первой трети XIX в. (Двуязычные словари XVIII в. для передачи франц. esquisse этого слова не дают). С 40-х гг. можно встретить и расширительное применение слова *набросок* в смысле чего-либо незаконченного, незавершенного, впервые в общих чертах намеченного. Ср. в главе «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», вошедшей в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя (1845—1846): «Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся рассвет. Она у него, подобно вспыхивающей зарнице, освещает не все, но только некоторые строфы. Сама Россия является у него только в общих географических очертаниях. Он как бы заботился только о том, чтобы набросать один очерк громадного государства, наметить точками и линиями ее границы, предоставив другим наложить краски; он сам как бы первоначальный пророческий набросок того, что впереди» (Гог., VIII, с. 371—372). Образные связи с профессиональным значением слова в этом случае совершенно очевидны. Характерны также синонимические отношения между словами *набросок* и *очерк* (см. о последнем ниже). В дальнейшем слово *набросок* обычно расширительно применяется для обозначения первоначального и не вполне завершенного изложения чего-либо. См., напр.: «Пробегая теперь эти мои мелкие провинциальные наброски старого времени, я могу выразиться так, что все описываемое в них не столько было, сколько бывало» (Гонч., VII, с. 225). Специфическое значение «делать первоначальное изображение чего-либо, наносить первые очертания композиции» несколько ранее наметилось у гл. *набрасывать—набросать* (см. Слов. яз. Пушкина и Слов. 1847), и это послужило стимулом затем для образования существительного от этого глагола как замены иноязычного *эскиз*. См. также о слове *набросок*: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (*суть, письменность, очерк*). Доклады и сообщения Института языкознания, XII, М., 1959,

с. 49. Слово *накидок*, приводимое Гротом, если и было предложено как параллельное образование, то во всяком случае не распространилось в употреблении. Характерно, что Даль не включил его и во второе издание своего словаря. Впрочем, в специальных работах XVIII в. можно было встретить в этом смысле слово *окидка*. Ср.: «При первой окидке пунктами хорошенько ее [фигуру] против оригинала осмотреть» (Любопытный художник и ремесленник, или записки.., собранные А. Решетниковым. М., 1791, с. 16).

Нота. В Слов. 1847 только: «Музыкальный знак, показывающий переходы голоса»; то же и — *нотка*; Д[1] — так же. Но к середине века распространяется метонимическое употребление этого слова («отдельный звук определенной высоты»). Вместе с тем распространяется и употребление слова в смысле: «тот или иной оттенок, тон речи, выражающий какое-либо чувство». Ср.: «Все мои сердечные ноты, каждый переход из тона в тон, каждый одушевленный звук — перечувствовала его восприимчивая страстная душа» (С. Акс., II, с. 322); «В самой строгой критике, когда она основательна и сметлива, может быть слышна нота сочувствия» (Вяз., I, с. XIII); «Основная нота сочинений Эллиота, их вечно возвращающийся мотив состоит в глубоком, прочувствованном признании единства всей цепи человечества» (С. Ковалевск., с. 147) и т. п. Ср. также устойчивые сочетания более определенного образного характера: «[Бабушка] всю жизнь, как по пальцам, знает: ни купцы, ни дворня ее не обманут.., знает, как где ступить, что сказать, как и своим и чужим добром распорядиться! Словом, как по нотам играет!» (Гонч., V, с. 230); «Это ничего, что вы в прошлом году взяли фальшивую ноту о Маковском „Боярском пире“» (Крамск., II, 323).

Очерк. См. об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (*суть*, *письменность*, *очерк*), с. 40—49. Эволюция этого слова очень показательна и отражает процесс формирования новых жанров реалистической литературы. В нашем современном языке у слова *очерк* выделяются два свободных значения, оба связанные с жанровой характеристикой литературных произведений. Оно обозначает, с одной стороны, особый жанр небольшого литературного произведения, сочетающий элементы художественного повествования и публицистического обобщения; с другой стороны, жанр научной и публицистической литературы, произведение, содержащее общее изложение какого-либо вопроса. Русское слово *очерк* в этих значениях близко, с одной стороны, франц. essai, нем. Skizze, с другой — нем. Umriß, Grundriß. Но если мы обратимся к «Словарю Академии Российской», где оно впервые фиксируется, то увидим другую картину. В САР[2] *очерк* рассматривается как синоним слова *очертание*. В последнем же слове, помимо общего значения действия (от гл. *очертить*), указываются следующие значения: «2) у живописцов и ваятелей: первое расположение изображения, основа, грубое начало. 3) Иногда берется за облик, окружность. *Очертание лица*». Действительно, слово *очерк* в конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. известно прежде всего в своем специальном значении, приуроченном к области живописи. *Очерк* — это общие контуры изображения, первый набросок картины, то, что сейчас передается словами *эскиз* или *этюд*. Ср.: «Стены все были исписаны углем и мелом. В этих очерках видно было фантастическое своеволие» (Н. Пол., Мечты и жизнь, II, с. 54); «Было время,.. от которого нам не осталось ни звука, ни слова, ни очерка» (В. Одоев., I, с. 278). В этом смысле слово продолжает еще употребляться и позднее, но это специальное употребление уже явно подчиняется другому, новому и более общему значению. Ср.: «[Райский] натянул холст и сделал удачный очерк ее фигуры» (Гонч., VI, с. 29). В этом специальном значении слово *очерк*

с середины XIX в. все чаще заменяется словами *набросок*, *рисунок*, *эскиз*.

Рядом с этим слово *очерк* в первой трети XIX в. довольно устойчиво выступает и как общий синоним слова *очертание* в смысле линии, ограничивающей видимый предмет. Ср.: «И стемнело все. Все виды В смуглых очерках дрожат» (Бенед., I, с. 295); «Неопределенные цвета, неопределенные характеры, туманные мечты, сливающиеся пределы, пропадающие очерки, сложные желания, это — все принадлежность автора» (Герц., V, с. 109—110). К этому употреблению примыкает и распространенное в поэтических стилях романтизма выражение *волшебный очерк*, генетически связанное со старыми магическими представлениями о заколдованном круге. Ср.: «Не подходи: обведена Волшебным очерком она. Кругом ее заразы страстной Исполнен воздух!» (Барат., с. 332); «Круглая луговина, обведенная лесом, как волшебным очерком» (Лерм., IV, с. 253); «Я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк» (там же, III, с. 217) и т. п.

Но с середины XIX в. и это общее употребление слова *очерк* в прямом его значении («граница, окружность») явно сходит на нет. Наступает семантическое размежевание прежних синонимов *очерк* и *очертание*. *Очертание*, также получившее переносное употребление (ср.: *Общие очертания будущего*, *очертания драмы* и т. п.), сохраняет, однако, прежде всего свое предметное, реальное значение; *очерк*, с приобретением характерных переносных осмыслений, теряет исходное пространственное, конкретное значение. Видимо, лишь на время, в 20—30-х гг., слово *очерк* в этом общем смысле становится активнее своего старого синонима. Любопытно, что Слов. 1847, в противоположность САР[2], уже слово *очерк* подставляет как определяющее при характеристике соответствующего значения сущ. *очертание* («2). То же, что очерк. *Очертание лица*»).

Переносное употребление слова *очерк*, распространяющееся с 30-х гг. XIX в., исходит из его специального живописного значения. В некоторых ранних примерах такого употребления связь с этим значением выступает особенно рельефно. Ср.: «Характеры ее [повести «Княжна Мери»] или очерки, или силуэты, и только разве один — портрет» (Бел., IV, с. 227); «Первые тридцать лет жизни моей были резки в очерках и пестры красками» (Даль, II, с. 393); «Вышесказанного достаточно для легкого очерка; но для живого портрета нужны краски фактов» (Жук., VI, с. 214); «„Борис“, как и все его [Пушкина] драматические попытки, писан очерками, а не красками. Но эти очерки поразительны по своей правде и красоте...» (А. Григ., I, с. 515) и т. п. В этом переносном употреблении слово уже тесно связывается с кругом литературных образов,[169] но еще не имеет терминологической определенности. *Очерк* в этом смысле по-прежнему тесно связан с исходным значением («первоначальный общий набросок, эскиз»), часто (даже и в языке произведений 40—60-х гг.) слово относится в этом смысле еще к очень различным литературным жанрам и имеет общее значение, близкое к переносному значению слова *картина* («изображение»). Ср.: «Нигде субъективность автора не проявилась так резко.., как в очерке характера Молчалина» (Бел., III, с. 483); «Ее [Нади] ощущения переданы в пьесе Островского с изумительной силой и яркостью; таких глубоко истинных очерков немного во всех произведениях нашей литературы» (Добр., V, с. 119).

---

[169] Реже по отношению к другим видам искусства. Ср. у Боткина в «Письмах об Испании»: «Энергический, смелый, всегда тревожный очерк испанских мелодий так противоположен спокойному и широкому рисунку мелодий итальянских» (В. Ботк., с. 191). Здесь же и яркий случай переносного употребления слова *рисунок*.

Но с 30—40-х гг., наряду с этим, все отчетливее складывается новое употребление слова *очерк*, применительно к определенному литературному жанру.[170] Ср. *физиологический очерк* как обозначение нового, столь характерного для реалистической школы 40-х гг. жанра, отличающегося не только «эскизностью» и «отрывочностью» изображения, не только своими небольшими размерами, не только тем, что он предпочитает сюжетному романическому построению воспроизведение отдельных сцен и характерологических картин и портретов, но и тем, что с элементом бытового рассказа в нем сочетается элемент сознательного обобщения, типизации, публицистичности. Именно этому жанру дается особенно сильное развитие в демократической литературе 40—70-х гг. Именно он часто противопоставляется традиционным жанрам прозы, построенным на романическом сюжете. Ср. следующее характерное замечание Н. Михайловского в его «Письмах в редакцию „Отечественных записок“»: «„Русский вестник“.. не спускает с своих страниц двух больших романов.. А в нашем журнале .. заметно преобладание очерков и отрывков» (V, с. 738).

С середины века становится обычным также и обозначение как *очерков* отдельных научных и публицистических статей, заключающих общую характеристику какого-либо предмета. Ср. «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, «Очерки из истории труда» Писарева, «Очерки русской жизни» Шелгунова и т. п. Здесь *очерк* становится синонимом слов *статья* (тоже в новом его значении), *курс*, а также вообще *изложение*. Ср.: «В конце „Социальной статики“ Спенсер делает беглый очерк учений о прогрессе» (Михайловск., III, с. 173).

В известном смысле сходные перемены захватывают и слова *эскиз* и *этюд*, заимствуемые в русский язык в середине XIX в.[171] Они также применяются не только к произведениям изобразительного искусства, но и к произведениям других видов искусства. (Слово *эскиз* выступает также и в качестве общего синонима слов *очерк*, *картина* в их общем переносном смысле).

Ср.: «Как скоро в уме дитяти вы утвердили эти общие черты, эту маленькую общую картину (или, пожалуй, эскиз) человеческой жизни, то вам легко будет пробудить в нем вопрос за вопросом» (Совр., 1848, № 2, отд. III, с. 115). Характерно возражение против расширительного употребления слов *эскиз* и *этюд* со стороны рецензента демократического журнала 60-х гг., журнала, известного своею борьбой с «эстетикою» за «реальное» мировоззрение: «Нечего сказать — удивительное остроумие являют наши издатели в переводе заглавия издаваемых ими книг. Сейчас мы видели, что слово Studien переводится *этюдами*; но еще удивительнее переводить слово Skizzen (очерки) *эскизами*. Но именно так поступил г. Пальховский, который назвал *физиологические очерки*

---

[170] Употребление слова в этом жанровом значении, очевидно, складывается как семантическая калька нем. Skizze (слово *скицы* в 30—40-х гг. у нас сравнительно часто употребляется в этом переносном смысле). Слов. 1847 уже формулирует это значение, правда, в самой общей форме («Краткое описание чего-либо. *Очерк Константинополя*»).

[171] Ср. в «Памятном листке ошибок в русском языке» И. Покровского замечание по поводу встреченной им фразы «Эскиз, набросанный на скорую руку»: «Собственное наше слово *очерк* не хуже *эскиза*» (Москвит., 1853, № 15, с. 136). Впрочем, в специальном употреблении художников слово *эскиз* можно встретить и ранее. См., напр., в «Описании торжественного собрания Имп. Академии художеств»: «Профессор Шебуев сделал два эскиса» (Объявление к СПб. вед., 1815, № 74, с. 10). На переносное употребление слова *этюд*, обнаруженное им в названии книжки («Этюды из женской жизни» А. П. С-на [Протопопова]. СПб., 1853) нападает Булгарин (см. Сев. пчела, 1853, № 277, с. 1107). И тут он видит козни ненавистной ему натуральной школы!

Молешотта *физиологическими эскизами. Физиологические эскизы!* Эти два слова решительно вопиют о том, что их поставили рядом. После этого можно ожидать *хирургических опер*, *патологических акварелей* и *фармакологических фресков!* Всего можно ожидать от остроумия наших издателей!» (Русск. слово, 1863, № 11—12, Библиографический листок, с. 17). Но как ни казалось экстравагантным и неоправданным такое перенесение слов художественого языка в сферу иных понятий, расширительное применение слов *эскиз* и *этюд*, вслед за словом *очерк*, нашло себе затем место. Ср. название произведений И. И. Мечникова: «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма».

Рисоваться. Помимо общего переносного употребления гл. *рисовать* и *рисоваться* (в отношении любого образного изображения, а у гл. *рисоваться* также в смысле «виднеться, казаться»), сложившегося уже в конце XVIII в., в 30-х гг. XIX в. развивается еще одно особое, несоотносимое с гл. *рисовать*, значение слова *рисоваться*: «Вести себя эффектно и жеманно, стремясь показать себя с выгодной стороны». Такое употребление укрепилось в обстановке преследования всякой позы,[172] ходульности, ложноромантического эффектничанья, — преследования, которым так настойчиво занималась передовая реалистическая литература и критика этих лет. Ср.: «Страсть *рисоваться* свойственна не одним Хлестаковым» (Бел., XI, с. 285). См. также Слов. яз. Пушкина.

Статист. Образно-переносное употребление по отношению к лицам, не имеющим собственной программы действий, лишенным политической и идейной самодеятельности, является в публицистике 60—70-х гг. Ср., напр.: «Когда новая империя [Наполеона III] для поддержки своего блеска стала нуждаться в политических и придворных статистах, либералы охотно разобрали между собой эти роли» (Дело, 1871, № 1, Новые книги, с. 82).

Сцена. Помимо переносных осмыслений, являющихся обычно в разных устойчивых сочетаниях (ср. *выступить на сцену*, *являться на сцене* и т. п.) и сложившихся относительно рано, отметим еще появляющееся с середины века [173] особое значение этого слова в разговорном языке («неприятное столкновение, разговор, ссора»). Ср., напр.: «Александра Петровна обернулась испуганно на нее. Троекуров поспешил предупредить *сцену*» (Маркев., VI, с. 238 [174]); «Домашние сцены, возникавшие иногда между ними, служили часто темой разговоров М-me Прово с Верой Артамоновной» (Герц., VIII, с. 32); «Сцен и объяснений с М-me Р. было не мало» (Гран., Переп., II, с. 300) и т. п.

Театральный и произв. В 30—40-х гг. складывается качественное переносное значение этого прилагательного с той же ярко выраженной иронической экспрессией, что и у слов *рисоваться*, *поза* и т. п. («неестественный, бьющий на внешний эффект»). Ср.: «[Кристоф] в романе везде и нигде: является всегда нечаянно, эффектно, театрально» (Бел., VI, с. 180); «Сцена эта [клятвы на Воробьевых горах] может показаться очень натянутой, очень театральной» (Герц., VIII, с. 81) и т. д. Ср. также сущ. *театральность* и эпизодически появляющийся в произведениях второй половины века гл. *театральничать*. Напр.: «— Постойте, Марья Дмитриевна, — перебил ее Лаврецкий глухим, но потрясающим голосом. — Вы, вероятно, любите чувствительные сцены (Лаврецкий не ошибался: Марья Дмитриевна еще с института сохранила страсть к некоторой театральности)» (Тург., II, с. 291); «Пристрастие и фантазия

[172] О слове *поза* и его истории см. гл. I, с. 134.

[173] Даль еще не отмечает такого значения.

[174] Б. Маркевич имел обыкновение в своих романах отмечать курсивом новое или чуждое его «аристократическим» вкусам «плебейское», демократическое словоупотребление.

влекли его [Наполеона III] придумывать сценические эффекты и сюрпризы, героем которых он всегда ставил самого себя. Эта наклонность так сильно владычествовала над ним, что скорее можно видеть в ней искреннее расположение, а не просто страсть театральничать» (Благ., с. 363).

Отметим, между прочим, что в русской критике 20—30-х гг., в той борьбе с ложными эффектами классицизма и склонностью его к «парению» над действительностью, которую эта критика вела, неожиданно одно из заметных мест в новой экспрессивной фразеологии получило слово *ходули* (ср. также в выражениях *стоять на ходулях*, *стать*, *становиться на ходули*), в данном случае выступавшее как русский синоним заимственного слова *котурны*, связанного с традициями античного театра. Ср., напр., у Н. Полевого: «Вы привыкли к украшенному, к бомбасту, к ходулям» (Н. Пол., I, с. 458); «Сумароков, Княжнин, Озеров — все это стоит на ходулях классицизма, и самая трагедия есть ходули: надобно, сударь, драму, драму романтическую, сильную, пылкую, страстную, смешную, терзательную, шекспировскую, русскую» (там же, с. 450); «Полно, не вы ли, господа, становитесь на ходули? Что естественного в новой драме вашей?» (там же, с. 458). Для Белинского это тоже излюбленные выразительные средства в полемической борьбе со всякого рода ложными эффектами, — только теперь это оружие обращено и против эффектов ложного романтизма, против Марлинского, Бенедиктова, Кукольника и др. Ср.: «Как вам кажутся все эти фразы, эти фанфаронады, буффонады, эти ходули выражений и образов без мыслей и смысла» (II, с. 401); «В драмах г. Кукольника нет и признаков этой действительности: все ложно, на ходулях» (VIII, с. 66); «Мода на поддельный байронизм уже прошла, да и лета Эжена Сю давно уже должны были сделать его благоразумным и заставить сойти с ходуль» (VIII, с. 174); «Ложное положение всегда ставит на ходули, от которых спасает или природное чувство простоты, или выход в действительность» (XI, с. 285) и т. д.

Естественно, что в этих условиях прил. *ходульный* получает особое качественное значение, ярко экспрессивное («ложно-эффектный и — вместе с тем — тривиальный»). Ср. также и сущ. *ходульность*. Напр.: «Пушкин.. поэмами называет маленькие повести, где действуют люди вместо того, чтобы разуметь под ними холодные описания на один и тот же ходульный тон знаменитых событий, где действуют герои с их наперсниками и вестниками» (Бел., VIII, с. 297—298); «Князь радовался вечному истреблению од, ходульных драм, которые своею высокопарной ложью в каждом здравомыслящем человеке могли только развивать желчь» (Писем., III, с. 190); «Едва ли можно найти где-либо талант, представляющий более хаотическое смешение высокого художественного такта с самой очевидной бестактностью, .. с ходульностью и рутинерством, достойными покойного Полевого и г. Кукольника» (А. Григ., I, с. 537—538); «Но отстаивать Расина, в сочинениях которого мы не встречаем ничего, кроме лжи и ходульности.. — это такой подвиг, на который может решиться разве только французский академик» (Писар., I, с. 305); «Поражая направо и налево всякую рутинность, ходульность, ложь, как в жизни, так и в искусстве, он [Белинский] и в том и в другом требовал простоты, естественности» (Гонч., VIII, с. 55).

Тон. Можно отметить, что к ранее сложившимся переносным употреблениям этого слова (напр., о характере человека, стиле его поведения, манерах; ср. сочетания типа *человек хорошего тона* и т. п.) в середине XIX в. присоединяется употребление его в сочетаниях с разными существительными в значении «общий характер или вид чего-либо». Ср., напр.: «[Татищев и Щербатов] были еще весьма мало, даже почти вовсе не

разъединены с воззрениями предков, с началами и, так сказать, с тоном их быта» (А. Григ., Соч., I, с. 507).

Унисон. Переносное употребление складывается в публицистике 60-х гг. (обычно в сочетании *в унисон* с кем-нибудь). Ср.: «Все сыты, все накормлены, все пляшут, потому что нет ниоткуда отпора, потому что высказываться ясно может только один паразитский, сыто-ликующий унисон» (Салт., V, с. 210); «Бывают торжественные минуты, когда сердце подчиненного невольно настроивается в унисон с сердцем начальника» (там же, XI, с. 418); «Маркловский почувствовал, что и сердце Зои бьется в унисон с его сердцем» (Мам.-Сиб., ПСС, III, с. 124).

Финал. Только в отношении к музыкальным произведениям трактуют это слово Слов. 1847, Даль и Толль. Однако расширительное употребление слова появляется в 30—40-х гг. и уже разнообразно представлено в литературе второй половины века. Ср.: «За этим следует обыкновенно финал самой бездушной скупости» (Марл., VII, с. 158); «Подчас нравственные сентенции, бледные и тощие, служили финалом моих речей» (Герц., I, с. 273); «Я не раз задумывался над финалом, которым должно разрешиться молчалинское существование» (Салт., XII, с. 406); «У нее сложная болезнь, редкая в медицине. . Вы догадываетесь, конечно, о финале?» (Станюк., I, с. 164) и т. п.

* * *

Нетрудно заметить различный характер и назначение этих фразеологических компонентов, что в известной степени находится в зависимости от времени и условий их распространения в литературной речи. Все напластования раннего времени (конца XVIII и начала XIX в.) являются теперь полустертыми словесными образами, стилистически нейтральными элементами литературно-книжной фразеологии, для вторичных значений их часто характерен обычный метонимический сдвиг (ср. *картина*, *кисть*, *пейзаж* и под.). Те новые значения, которые отложились позднее, часто носят на себе след их первоначальной полемической устремленности; они нередко наделены сильными экспрессивными оттенками — насмешки, иронии, неодобрения, презрительности и т. д. (ср. *дилетант*, *марионетка*, *рисоваться*, также *арлекинада*, *буффонада*[175] и нек. др.). «Переносность» их является более сильной и далекой. Сложившиеся по преимуществу в публицистической речи, эти вторичные значения далеко уводят слова за пределы живописных, театральных и т. п. представлений, они обращены, как меткие и красочные определения, к различным явлениям действительности. Для характеристики силы семантического сдвига указанных слов показательна, напр., история некоторых прилагательных, получивших, помимо старых относительных, зависимых значений, новые качественные (ср. *закулисный*, *театральный*, *ходульный*) — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для второй половины века также характерно широкое вовлечение в этот процесс фразеологических превращений терминов заимствованных (ср. *гротеск*, *поза*, *фон*,[176] *эскиз*, *этюд*, *камертон*, *лейтмотив*, *нота*, *унисон* и др.). Наконец, два направления семантических превращений в этих словах также очень тесно связаны и обусловлены общим движением развития литературного языка второй половины XIX в. Это, с одной стороны, обобщение частных спе-

[175] Ср., напр.: «Сбивчивый тон, резкие противоречия, недомыслие, арлекинады и буффонады всякого рода — вот что бросится ему [читателю газет] беспощадно в глаза, и он пожалеет о том состоянии общества, которое довольствовалось таким печатным сором» (Н. Мизантропов. Кто наши руководители? Дело, 1876, № 9, с. 171).

[176] См. о нем гл. I, с. 128.

циальных значений (ср. сказанное выше об истории слов *группа*, *вариация* и т. п.). С другой строны, это терминологическое определение и обособление некоторых из этих вторичных значений (ср. историю слова *очерк*).

Б. Более однообразно складывается судьба другого ряда — терминов литературы, группы различных наименований литературных жанров и т. д. На базе исходного номинативного значения является их расширительное истолкование. Ср. *роман* как литературный жанр и *роман* как сама история отношений влюбленных; *драма* как одна из основных форм литературного воспроизведения действительности и один из жанров драматических произведений и *драма* — любое тяжелое событие или переживание (напр.: *семейная драма*, *духовная драма* и т. п.). В основном такое расширительное применение этих терминов складывается в 20—30-х гг.[177] И это, конечно, не случайно. Ведь именно в это время с особой остротою встает в русской критике вопрос о соотношении явлений действительности и их отражений в литературе и искусстве. К числу таких жанровых наименований, получивших в эти годы и более широкое приложение, относятся *дифирамб*, *драма*, *идиллия*, *комедия*, *мелодрама*, *пародия*, *роман*, *трагедия*, *фарс*. Аналогичные семантические процессы отмечаются и в соответствующих прилагательных; рядом со старыми относительными значениями их складываются также новые качественные (ср. *дифирамбический тон*, *драматические события*, *комический случай*, *идиллическая жизнь*, *трагический исход* и т. п.). Постепенно на протяжении всего XIX в. являются их новые, специально приспособленные для выражения этих особых качественных значений варианты: *драматичный*, *комичный*, *трагичный*, *идилличный* и т. п. (что, впрочем, не отменяет того, что качественные значения также продолжают выражаться и старыми вариантами).

Особо выделяется в этом ряду история двух слов: *поэзия* и *проза* (с их производными). В САР[2] мы находим лишь краткие определения, основывающиеся на традиционном противопоставлении стихотворной и нестихотворной речи.[178] Но развитие эстетических воззрений в эпоху сложения литературной теории романтизма и разрушения старых канонических противопоставлений классической поэтики приводит к характерному смещению и преобразованию этих представлений об отношении поэзии и прозы.[179] Это сказалось прежде всего на расширении понятия поэзии; при истолковании термина *поэзия* все чаще обращаются к исходному этимологическому значению этого слова (от греч. ποιέω — созидаю, творю). В связи с этим *поэзия* в свете новых эстетических представлений рассматривается не только технически узко как область стихотворной речи, речи с определенной ритмико-мелодической структурой, но и прежде всего — в расширительном смысле — как область словесно-художественного творчества. Именно это представление ложится в основу эстетических воззрений Белинского и его позднейших противопоставле-

---

[177] Словарь 1847 еще не указывает на такие сдвиги ни в одном из подходящих сюда случаев.

[178] «*Поэзия.* — Стихотворство, стихосложение»; «*Проза.* Речь, в которой не наблюдается известной меры, известного числа стоп и слогов; противополагается стихотворению». То же противопоставление отражено и в определениях слов *поэт*, *поэтический*, *прозаический*.

[179] Уже Тредиаковский подчеркивал, что «поэзия всеконечно есть не стих». Однако традиционное определение поэзии устойчиво держалось в позднейших риториках и пиитиках. Так, поэзия отождествляется со стихотворством в «Правилах пиитических о стихотворении российском и латинском» Аполлоса Байбакова (1774; 3-е изд. 1785); именно подобное отождествление было ходячим. И заслуга романтической теории, а затем и эстетики Белинского состояла в том, что они окончательно разбили это ходячее представление.

ний поэзии и беллетристики.[180] «Поэзия есть не что иное, как мышление в образах», — говорит он (II, с. 506—507). «Поэзия есть творчество, есть та же истина, только в образах» — говорилось в рецензии на «Учебный курс словесности» Плаксина, опубликованный в «Отечественных записках» за 1843 г. (№ 10).[181] В этом смысле *поэзия* уже не является терминологическим антонимом *прозы*; здесь эти понятия выступают в разных планах. Ведь, с одной стороны, поэзия как синоним словесно-художественного творчества захватывает не только область мерной речи, но и художественную прозу. С другой стороны, разделение на поэзию и прозу по техническим признакам не совпадает с делением на поэзию и прозу по эстетическим мотивам.[182] Но в 20-е гг., под воздействием романтических теорий о соотношении искусства и действительности, старое представление о соотношении поэзии и прозы получает новый, еще более широкий смысл, выводящий его за рамки чисто эстетических построений. В этом смысле поэзия как «мир идеальный», область творческого воображения и «мечты» противопоставляется прозе как миру действительности, практической жизни и т. д. Особенно сильно такое противопоставление было выражено у нас в критике Н. А. Полевого. В 20—30-х гг. подобное употребление этих слов настолько быстро получило полную силу и фразеологически устоялось, что даже последовавший за тем поворот передовой критической мысли к действительности и реализму не помешал утверждению этого образного противопоставления в нашей фразеологии. В таком нетерминологическом употреблении (*поэзия* как синоним всего прекрасного и возвышенного, действующего на наши чувства, и *проза* как синоним повседневного, обыденного) слова эти устойчиво являются даже у тех, кто ставит действительность со всеми ее отношениями выше поэзии. Идеологическое противопоставление превратилось в элемент общей фразеологии. Ср.: «Немного времени прошло после того,.. но какая в нас перемена. Менее самоотвержения, более славолюбия; менее энтузиазма, более фанатизма; менее веры, более разочарования; менее поэзии, более прозы» (Герц., I, с. 53); «Каждое из этих произведений.. пробудило не одну душу, дремавшую в прозе положительной жизни» (Бел., V, с. 69);[183] «Домашняя жизнь наша слагается кое-как, основанная на воспоминаниях, привычках и внешних необходимостях; об ней в самом деле никто не думает, для нее нет ни мыслителей, ни талантов, ни поэтов, — недаром ее называют *прозой* в противоположность плаксивой жизни баллад и глупой жизни идиллий» (Герц., II, с. 75); «Конечно, в холодной, пошлой прозе ежедневной жизни невозможно сохранить всей поэтической невинности чистоты души» (Добр., III, с. 526); «Как бы ни хотелось любоваться этими пустынными площадями.., житейская проза московской ночи не дает ему возможности сделать этого» (Гл. Усп., I, с. 128—129) и т. д. *Житейская проза*, *проза*

---

[180] См. об этом гл. I, с. 118 и сл.

[181] См. Бел. (Венг.), IX, с. 29. Статья ошибочно приписывалась Белинскому. По В. С. Спиридонову (см. В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, Л., 1948, с. 226), она принадлежала А. Д. Галахову.

[182] В Слов. 1847 в толковании слова *поэзия* уже отражено это новое осмысление, хотя оно эклектически сочетается там со старым пониманием: «Особенная способность находить в природе или силою воображения творить изящное и выражать по большей части мерным языком». Ср. то же и в определении там слова *поэт*.

[183] Но ср. у него же о прозе в ином, чисто теоретико-эстетическом и вместе с тем полемическом (направленном против романтизма) плане: «Мы под „прозою“ разумеем богатство внутреннего поэтического содержания, мужественную зрелость и крепость мысли, сосредоточенную в самой себе силу чувства, верный такт действительности; а под „стихами“ разумеем неземную деву, идеальную любовь, детское порывание к высокому и прекрасному, в которых нет никакого содержания, прекрасные, но чуждые мысли чувства, глубокие, но лишенные чувства и богатые словами мысли и т. п.» (VI, с. 523).

жизни становятся в этом смысле ходячими выражениями.[184] Рядом с этим распространяются и различные сочетания со словом *поэзия* в новом расширительном смысле, где определяющим словом может быть слово любого семантического круга. Ср.: «Он восставал даже на поэзию женского наряда» (Н. Павлов, с. 102); «После поэзии заговоров, таинственных формул, свиданий ночью, клятв на необагренных кинжалах молодого человека берет раздумье» (Герц., XVI, с. 143) и т. п. Аналогичную картину находим и в словах *поэтический* и *прозаический* (ср. также появляющиеся варианты — *поэтичный* и *прозаичный*),[185] *поэт* (ср. *поэт* чего или в чем; напр.: *он поэт в своем деле*; также расширительно по отношению к любому художнику, писателю — прозаику, живописцу, музыканту и т. п.); только с этим широким значением слова *поэзия* связан гл. *поэтизировать*.

Эпоха литературной полемики против классицизма и романтизма и победа теории реализма оставила яркий след на судьбе ряда слов (ср. только что упомянутые *поэзия* и *проза*, *театральный*, *ходульный*, *поза* и т. д.). В этом смысле интересна и история слова *риторика* с его производными. Слов. 1847 дает лишь прямые толкования этих слов, но в критике 30—40-х гг. уже с полною силою (особенно у Белинского) является ироническая интерпретация *риторики* как словесной шумихи, бессодержательного, но высокопарного и патетического фразерства, ложнопоэтических украшений и ораторского пустословия. «Ясно, — иронически замечает Белинский в статье об «Общей реторике» Кошанского, — что „реторика есть наука красно писать обо всем, чего не знаешь, чего не чувствуешь, чего не понимаешь“. Удивительная наука! Заику она делает краснобаем, дурака — мыслителем, немого — оратором. И потому, когда прочтут драму, в которой оболгано сердце человеческое, говорят: *реторика*! Когда прочтут роман, в котором оболгана изображенная в нем действительность, говорят: *реторика*! Когда прочтут пустозвонное стихотворение без чувства и мысли, говорят: *реторика*! Когда услышат взяточника, рассуждающего о благонамеренности, лицемера, рассуждающего о развращении нравов, говорит: *реторика*! Словом, все ложное, пошлое, всякую форму без содержания, все это называют *реторикой*!» (VIII, с. 512). И дальше: «Скучно говорить о таких странностях... виноваты — о такой реторике, т. е. о таком наборе слов, лишенном всякого содержания, всякого значения, всякого смысла» (там же, с. 513). То же является и в употреблении прил. *риторический*. Ср. у Белинского частое сочетание *риторическая шумиха* (напр., II, с. 474).[186]

[184] В Слов. 1847 и у Даля при слове *проза*, впрочем, еще не указывается на переносное его употребление. Но в слове *поэзия* уже выделяется это новое осмысление (ср. Слов. 1847: «1) Занимательная или поразительная для воображения и чувства сторона предметов и событий. *Сколько поэзии в происшествиях древности!*»). Интенсивность процессов фразеологического переосмысления у этих антонимов была различной: в слове *поэзия* расширительные и переносные осмысления сформировались ранее. Характерно, что при наличии переносного употребления у слова *поэт* слово *прозаик* не подверглось этому процессу и до сих пор сохраняет только прямой технический смысл.

[185] См., напр.: «Может быть, оно [выражение: «душа твоя так ясно разгоралась»] и понятно на языке страсти и в минуты увлечения, но, при нормальном состоянии духа, такое выражение слишком *поэтично*» (Р. Р. Поэт-философ Веневитинов; Русск. слово, 1862, № 2, с. 32); «Жизнь становится проще, реальнее, рассудительнее, практичнее, или, как говорят эстетики и метафизики, прозаичнее» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 36). Последние примеры характерны своей иронической оппозицией уже сложившемуся употреблению. К середине века встречаются и сущ. *прозаичность* и *поэтичность*. Ср.: «У Фурье убийственная прозаичность, жалкие мелочи и подробности, поставленные на колоссальном основании» (Герц., II, с. 345).

[186] Несколько позже является и качественная форма *риторичный*. Ср., напр.: «Некоторые отрывки в высшей степени риторичны» (Дело, 1876, № 11, Новые книги, с. 408).

Переносное осмысление явно иронического и порицательного характера является в эти годы и у термина *фраза* (о напыщенном, но бессодержательном или ложном способе выражения). В критике 30—40-х гг., особенно у Белинского и писателей его круга, часто в этом смысле употребляются и *фраза* и *фразеология*; являются и новые слова, связанные по значению с этим переносно-ограничительным истолкованием фразы, — *фразер*, *фразерка* и *фразерство*, *фразерский*, *фразистый* и *фразистость*.[187] Ср. у Белинского: «У Шиллера Моор говорит много, и однакож, в его словах нет и тени фразеологии» (I, с. 269); «Так часто бывают неудачны попытки иных высокоученых, но лишенных эстетического чувства критиков уронить истинный талант.. и возвысить мишурного фразера» (I, с. 358); «Луиза — идеальная кухарка, сантиментальная фразерка» (II, с. 394); «Ничто так не портит молодых людей, как приторная чувствительность, надутая возвышенность и вообще фразерское направление» (II, с. 467); «Талант. борющийся с фразерством» (III, с. 139); «Надутая фразистость в выражении» (II, с. 472); «Бедный, антипоэтический и фразистый по своей природе язык» (III, с. 191) и т. д.

§ 14. Сравнительно небольшую, но характерную группу терминов, получивших особую фразеологическую активность в переносном употреблении, составляют для этой эпохи и слова, относящиеся первоначально к кругу понятий финансового и торгово-промышленного мира. Этого естественно было ожидать во время интенсивного развития новых буржуазных отношений. И про переносное употребление этих слов нужно сказать, что оно часто складывается быстро и остается прочно в литературной фразеологии. Начало этого процесса падает на 20—30-е гг., особенная интенсивность приходится на 60—70-е гг. По своему источнику многие случаи этого рода — интернационального характера, но есть случаи и явно местного происхождения (ср. *откуп, казовый* и нек. др.). Помимо фразеологически связанных переносных осмыслений, более или менее ярко выраженного образного характера, находим здесь также случаи простого расширения значения, прямой результат популяризации терминов (ср. *ликвидация*). Во всех этих случаях решающее влияние оказало употребление и истолкование этих слов в современной публицистике. Ниже приводятся некоторые подробности из истории важнейших относящихся сюда слов.

Акция. Слово в этом терминологическом смысле («свидетельство о взносе пая в капитал в торгово-промышленное общество», а не в общем значении «действие», в каком слово было широко известно и XVIII веку) становится особенно популярным с конца 30—40-х гг., когда такие капиталистические предприятия получили уже большую силу на Западе и начали появляться в России.[188] «Наш век — век акций и учетов», — писал Вяземский, — человек старшего поколения, — в 60-х гг. (см.: Вяз., XII, с. 62). Переносное употребление встречается с середины века в сочетаниях *акции* чьи *падают* (*упали*), *поднимаются* (*поднялись*). Ср., напр.: «Прения по крестьянскому вопросу.. подняли снова его [Александра II] акции» (Герц., XV, с. 48); «Акции его сына тоже очень сильно упали. Он глуп, Анатоль, и крепостник» (Авсеенко, II, с. 124).

---

[187] Слов. 1847 еще не находит нужным отметить их. У Д[1] впервые отмечены *фразер* и *фразерство*. В 60-х гг. борьба и обличение фразерства достигают особого накала и приобретают явно политический смысл, будучи в первую очередь направлены против буржуазно-дворянского либерализма.

[188] Ср.: «Начались они [«Отечественные записки»], как обыкновенно начинаются теперь такие предприятия на Руси — обществом на акциях» (Бел., XI, с. 504); «Зарождается компания на акциях для устройства железной дороги от Москвы до Саратова» (Черн., XIV, с. 27; Письмо родным от 8 июля 1847 г.).

Аналогичная история захватила и слово *кредит* — с тою разницею, что фразеологическая активность его оказалась сильнее и шире (ср. *падает*, *повышается*, *подорван кредит*; *иметь*, *потерять кредит* и т. п.), а обнаружилась раньше (многочисленны случаи такого употребления уже в публицистике 30-х гг.). Ср. в статьях Белинского: «Вы уже на кредит пользуетесь славою „отлично умного человека“» (III, с. 390); «Новые погудки на старый лад надоели всем пуще горькой редьки; авторитеты обанкротились и потеряли свой кредит» (I, с. 129); «Кредит [Карамзина] у современников был так велик» (I, с. 59); «Одного имени Пушкина достаточно будет для приобретения новому журналу [«Современник»] огромного кредита со стороны публики, а кредит публики дело великое» (II, с. 234); «Кредит их [петербургских журналов 30-х гг.] у публики падает» (II, с. 44) и т. п.

Аренда. Образно лишь в сочетаниях *взять*, *получить* что *в аренду*. Ср.: «Все, что ни есть сходного в других славянских наречиях с явлениями русского языка, все это у Кочубинского считается русским.., точно русские взяли известные звуки и формы языка в исключительную аренду» (Бод. де Курт., Рец., с. 33).

Ср.: *взять*, *получить* что *на откуп*; *быть*, *находиться на откупу* и т. д. Напр.: «Они до последней нитки переплатились с литературою нашей, которая взяла их на откуп» (Вяз., II, с. 324); «А Перебоченская [помещица] держит все власти на откупу» (Г. Данил., V, с. 246) и т. п.

Баланс. Переносно расширительное употребление становится довольно широким с 60-х гг. Ср.: «Изменения, взаимные потери и прибавки в природе происходят в частях, но в целом нет и не может быть никакой прибыли или убытка. Баланс остается непогрешительным» (Сила (аноним); Библ. для чт., 1861, № 11, с. 18); «Баланс их [Тургенева, Гончарова и Писемского] деятельности уже подведен» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 29).

Заметим, что с 30-х гг. очень широко употребительно в расширительном смысле и сущ. *итог* (*итоги*).[189] Ср., напр.: «Вверяйте им надежд залоги, Преданья, звуки старины, Ума холодные итоги» (Вяз., IV, с. 76); «Бэкон вступил как законодатель в область, где до него господствовало безначалие, подвел итоги всему сделанному и указал на цели дальнейшей деятельности» (Гран., I, с. 404); «Литературу какого-нибудь народа должно искать не в одних только произведениях великих талантов, но и в общей ежедневной производительности всех ее великих талантов, это итог литературы, чистый приход ее, за вычетом расхода, последний результат ее внутренних процессов. Мир журналистики обыкновенно почти ничего не представляет для таких *итогов*, потому что все произведения необыкновенных талантов, помещаемые в журналах, потом издаются особо» (Бел., VIII, с. 555) и т. д.

Ср. также и переносное употребление слова *бюджет* (примеры см. гл. I, с. 139).

Банкрот, банкротство. С середины века становятся обычными сочетания *умственное*, *нравственное*, *политическое* и т. д. *банкротство*. Ср.: «В конце концов греческая мысль, не поддержанная опытом и наблюдением, пришла таким образом к полному и очевидному банкротству» (Писар. (Павл.), III, с. 501); «Бьет последний час; банкротство нравственных и политических сил Новгорода обнаруживается вполне» (С. Сол., VII, с. 35—36) и т. д.

Биржа. Образно-переносное употребление отмечается уже с 30-х гг. (главным образом в сочетании *литературная биржа*). Ср.: «Всякий из нас знает, сколько дают за его сочинения на литературной бирже, и мо-

[189] Ср. в Слов. 1847: «Общее количество сложенных сумм; перечень».

жет рассчитывать вперед, что для него выгоднее — сочинить роман в двух частях или взять акции в новой компании? — написать повесть или снять подряд на поставку дров? (О. С. [Сенковский]. «Новоселье»; Библ. для чт., 1834, № 5, с. 25); «Кстати о Жюль Жанене., о том Жанене, чья подпись имеет такой высокий курс на литературной бирже» (Москвит., 1853, № 10, Современные известия, с. 27); «Петербург для России — биржа европеизма, из которой европеизм разносится по России» (Бел., V, с. 146).

Застраховать. С 40-х гг., в связи с распространением в России различных обществ страхования от огня, от падежа скота и т. п. (первая страховая экспедиция появилась в России в 1786 г.) прочно складывается расширительное употребление этого слова.[190] Ср. следующие примеры: «Хотя бы жизнь его была застрахована самим Арендтом, — природа должна взять свое, и последний песок его часов не замедлит высыпаться» (Марл., I, с. 16); «Он не любил распространяться о своих летах.. вследствие какого-то обдуманного расчета, как будто он намеревался застраховать свою жизнь подороже» (Гонч., I, с. 25). В этих случаях, относительно ранних (1830—1840-е гг.), еще ясно прослеживается элемент сравнения, связи с исходным реально-терминологическим смыслом слова. Но рядом с ними развивается более свободное фразеологическое употребление (в общем смысле «предохранить, обезопасить»). Оно становится обычным с 50—60-х гг. Ср.: «Умные женщины у нас обыкновенно бывают осторожны и расчетливы.. Их страшит неизвестное будущее, им хочется застраховать его» (Писар., II, с. 40); «Вы застрахованы от шатаний мысли» (Бобор., VIII, с. 300) и др.

Казовый. Это характерное слово из языка торговцев впервые приводится у Д[1] («изготовленный на-каз, напоказ. *Казовый конец сукна* — чистый, для показу»). Но уже с 30-х гг. можно отметить его образно-переносное употребление; во второй половине века такое употребление обычно, главным образом в сочетаниях *казовый конец* или *казовая сторона*. Ср.: «Военные поселения были представлены Карамзину с казового конца» (Вяз., VII, с. 455); «Гакстгаузен видел только то, что ему хотели показать, т. е. казовый конец России» (Дело, 1871, № 1, Новые книги, с. 54); «Не раз сдавалось ему, что у его приятеля-землевладельца все как будто выставляется „с казового конца“» (Бобор., XI, с. 54); «Прежде казового конца у нас не было: какими мы были, такими и были. Теперь же, когда кончались классы, мы должны были приводить себя в порядок» (Шелг., Восп., с. 56). Ср. *казовая сторона*: «[Предметы, отдаленные от нас] действуют на душу только хорошими, так сказать, *казовыми* своими сторонами» (Н. Греч. Письмо в Париж к Я. Н. Толстому; Библ. для чт., 1834, I, с. 160); «Я знаю, найдутся такие знатоки русской жизни и порядков, которые прямо заявят, что все сказанное мною — ложь, но таких любителей казовых сторон нашей жизни не прошибешь никаким фактом» (Наум., В забыт. краю, с. 24). Впрочем, во второй половине века можно встретить уже и более свободное применение слова в этом смысле, вне указанных застывших сочетаний. Ср.: «Казовою его улицей был Невский проспект, на котором весь Петербург собирался от 2 до 3-х часов. Это было действительно что-то блестящее, нарядное, праздничное» (Шелг., III, с. 549); «Заплачка о видном деятеле становилась исторической былью, балладною песней и переходила в предание; к ним приставили песни, навеянные казовыми событиями народной жизни» (А. Н. Веселовск., I, с. 281).

---

[190] Слов. 1847 у *застраховать* отмечает только: «Для обеспечения записывать в страховые общества. *Застраховать дом, фабрику, библиотеку*». Не указывает на переносное употребление и Даль.

Капитал. Содержание и объем понятий, связанных с этим словом в разговорном и научно-терминологическом употреблении, были предметом неоднократного и пристального внимания публицистики 60—70-х гг.

С развитием капиталистических отношений и русская экономическая мысль подвергает понятие о капитале углубленному анализу, выясняет характер общественных отношений, связанный с ним. Уже в публицистике 40-х гг. является противопоставление капитала и труда как двух элементов, на связи и столкновении которых строится вся система отношений и социальных конфликтов новой исторической эпохи. Ср.: «Общества сельского хозяйства принесли уже немалую пользу на пути улучшений нашего хозяйства водворением более здравых понятий об основных элементах хозяйства — труде и капитале» (Совр., 1849, № 1, Смесь, с. 71). Труд и капитал рассматриваются как совокупность определенных общественных сил. В языке 60-х гг. обозначение словом *капитал* не только определенной значительной суммы денег, но и определенной общественной силы и далее метонимически — представителей этой силы, становится уже достаточно привычным. Ср. хотя бы название романа петрашевца Ф. Толля «Труд и капитал» (1861).[191]

В примечаниях к переводу «Оснований политической экономии» Дж. Ст. Милля Н. Г. Чернышевский дал глубокий анализ основных различий между значением слова *капитал* в системе новой политико-экономической терминологии и в разговорном употреблении. Указав, что Адам Смит воспользовался «словами разговорного языка для обозначений понятий, различных от разговорного значения этих слов», Чернышевский отмечает, что у Смита и его последователей «капитал обозначает не монету, которая называется капиталом в разговорном языке» (IX, с. 659). «По нашему мнению, — замечает Чернышевский, — этот метод обозначения новых понятий старыми словами, имеющими привычный, смысл, не соответствующий сущности нового взгляда, ведет к недоразумениям» (там же). Он порицает буржуазных политэкономистов за такое употребление, хотя, ввиду распространенности термина, и не видит возможности не пользоваться им (ср. там же, стр. 140). Устанавливая различие между разговорным и строго терминологическим употреблением слова *капитал*, Чернышевский пишет: «Мы увидим чрезвычайную важность различия между понятием о капитале как только той части накопленных продуктов труда, которая имеет своим назначением производительное употребление, и понятием о капитале как о всей сумме накопленных продуктов без всякого разбора в назначении, какое имеют эти продукты. Мы увидим, что только первое понятие, принимаемое Миллем, соответствует надобностям научной классификации, а второе, по небрежности допущенное большею частью континентальных экономистов, ведет к бесчисленным запутанностям и несообразностям. Многие ученые, забывая о важности более тесного определения, данного наукой, вовлекались в ошибку, придавая по временам тому же самому термину в своих исследованиях широкое разговорное значение, не соответствующее научной надобности» (IX, с. 94). Итак, русская передовая экономическая мысль уделяет особое внимание разграничению разговорного значения и научного содержания этого термина и выяснению истинного

---

[191] Ср. замечание П. Н. Ткачева: «Что касается до производительной ассоциации, то она хотя и значительно улучшает положение рабочего, — но все-таки оставляет без разрешения самый важный и самый существенный вопрос об отношении капитала к труду. Или, правильнее сказать, она решает этот вопрос, но решает его в смысле буржуазной экономии. Производительная ассоциация возможна только при соединении двух элементов: труда и капитала. Капитал может принадлежать либо самим рабочим, либо взят в ссуду у посторонних лиц» (Русск. слово, 1866, № 1, Библиографический листок, с. 18).

понятия о капитале в системе политической экономии. Это новое понятие о капитале, конечно, не устраняет утвердившегося в языке широкого разговорного значения слова, но, как мы видели, накладывает свой отпечаток на употребление этого слова в литературном языке, в новых его осмыслениях.[192] Такое «очищение» некоторых терминов от внешних и искажающих их смысл напластований, внесенных обычным разговорным употреблением, передовая публицистика считала очень важной задачей. Нас оно интересует здесь лишь в той мере, в какой результаты этого «очищения» сказались обратно на общем употреблении слова.

Выделение новых понятийных ограничений в широко распространенном слове составило лишь одну сторону его семантической истории. Другой стороной этой истории была его фразеологическая активизация. Исходным рубежом, видимо, являются здесь 20-е гг. с характерным для этого времени выдвижением на первый план разговоров о понятиях «меркантильных», об Адаме Смите, о капитале как элементе производительности и т. д. Слово *капитал* в этих условиях легко выходит за рамки своего исходного, чисто материального значения; оно начинает переносно употребляться в отношении предметов «невещественных», входит в новые фразеологические сочетания. Так складываются такие устойчивые выражения, как *умственный*, *нравственный капитал* и т. д. Ср.: «Как проза составляет капитал всякого собрания литературных новостей, а стихи рост на сей капитал, то хотя рост и превышает иногда сумму и ценность капитала, но, для порядка, начнем говорить о литературном капитале» (Сев. пчела, 1825, № 40, с. 1); «Со стороны автора это бескорыстное и благородное пожертвование огромного капитала времени, трудов и денег» (Т.-О. [О. Сенковский]. «Панорама С.-Петербурга» Башуцкого; Библ. для чт., 1834, № 3, с. 99). В самых разнообразных формах такое употребление особенно популярно с середины века. Ср.: «Пора уже нам говорить и действовать на свой собственный счет, из собственного капитала» (М. Катков. Пушкин; Русск. вестн., 1856, № 1, с. 156); «На созидание растений природой пущена в оборот только крайне незначительная часть всего капитала, состоящего из совокупности всех газов, минералов и вод» (Писар., II, с. 256); «Давши сыну хорошую кормилицу, отец таким образом сделал все для детства любимого первенца и.. с приятностью ждал в будущем процентов на затраченный капитал в виде беспредельной преданности и беспредельной благодарности» (Г. Усп., I, с. 623) и т. п.

Ср. в наиболее постоянных сочетаниях *умственный капитал*: «К сожалению, в умственный капитал впущено много фальшивой монеты» (Писар. (Павл.), IV, с. 188); «Вносить как можно больше умственного капитала в общее обращение» (Благ., с. 57); *нравственный капитал*: «Вот и весь нравственный капитал, который он мог передать своему сыну» (Помял., I, с. 59).

---

[192] Ср. в словаре Толля: «*Капитал* — вообще отдаваемые для наращения процентов большие суммы денег; в политико-экономическом смысле означает всякое собранное имущество, употребляемое либо для собственного пользования, либо с целью производительною (производительный *к.*)». Популяризация этих разграничений между истинно научным и обиходным значением слова неоднократно является в демократической публицистике 60—70-х гг. Ср. у Шелгунова: «Когда рассуждали с человеком о капитале и сбережении, он думал, что с ним говорится о сундуке, набитом деньгами, потому что только в этой форме он усвоил себе понятие о капитале» (Отживающие слова; Русск. слово, 1863, № 6, с. 29); «В обыкновенной речи деньги называются капиталом; но в языке экономической науки одни и те же сто рублей могут быть, а могут и не быть капиталом. Капитал только то, что может быть элементом производства, а если сто рублей лежат неподвижно в сундуке — они не капитал, а экономический нуль» (Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 36).

В переносном смысле употребляются также и сочетания *наличный капитал*, *мертвый капитал*. Ср.: «Теперь для представления полного, хотя и сжатого отчета о состоянии нашей изящной словесности и о ее, так сказать, наличных капиталах, осталось нам сказать несколько слов о движении нашей лирической поэзии» (А. Григ., I, с. 79); «Платон допускает то обстоятельство, что смерть может открыть его духу более обширный мир знаний, но не видно, чтобы он сознавал неудовлетворительность своего наличного капитала; не видно, чтобы он сомневался в верности своих идей» (Писар., I, с. 82); «Идея, вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности» (Бел., X, с. 312).

Крах. Впервые Мих. 1898. Это немецкое слово в его особом значении («полное банкротство, крушение банка, акционерного общества и т. п.») появляется на страницах русских газет и журналов с середины 70-х гг. Входит оно в это время и в другие европейские языки. Появление его не было случайностью. В немецком языке слово (собственно «треск, шум») получило это особое значение в обстановке жестокого финансового кризиса 1873 г., последовавшего за бешеным биржевым ажиотажем после окончания франко-прусской войны. «Наступает война 1870 г., мир 1871 г. и миллиарды, — писал об этом Ф. Энгельс. — Если Франция отнюдь не разорилась, уплатив их, то Германия оказалась на волосок от гибели, получив их. Разбрасываемые щедрой рукой правительства выскочек по империи, которая сама была выскочкой, миллиарды попали в руки крупных финансистов, поспешивших извлечь из них выгоду на бирже».[193] В результате «непомерная спекуляция завершилась всеобщим крахом. Компании банкротились сотнями. Акции тех компаний, которые держались, невозможно было продать. Разгром был полный по всей линии».[194] Эти события были началом серьезного экономического кризиса 1873—1875 гг., затронувшего все государства. «Крах разорил Австрию в конец, — писал один из современных русских публицистов, — и отозвался на всех концах мира. Германия, Россия, Италия заметно пострадали от него, в Америке он произвел финансовый кризис».[195] В России эти годы также отмечены взрывом акционерного ажиотажа, приступом железнодорожной горячки и целой серией банковских крахов, темных спекуляций и скандальных процессов (ср., напр., так наз. «дело Струсберга» — после вызванного этим проходимцем краха Коммерческо-ссудного банка в Москве). В этих условиях и распространяется у нас слово *крах*, быстро приобретая исключительную популярность.[196] О крахах пишут в газетных корреспонденциях, в специальных статьях, в политических и экономических обзорах, в повестях и романах, даже в стихах.[197]

---

[193] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 19, с. 177.

[194] Там же, с. 178.

[195] С. Шашков. Финансовый канкан в Австрии; Дело, 1876, № 4, с. 253.

[196] Впрочем, на первых порах вместе с ним часто мелькает и слово *крушение*. Ср.: «В прошлом году.. произошел крах Московского коммерческо-ссудного банка. Крушение его совершилось так неожиданно» (Н. Ш., Внутреннее обозрение; Дело, 1876, № 11, с. 409.

[197] Ср. в «Современниках» Некрасова:

У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный
И — случится крррах!

(III, с. 145).

Нет ничего удивительного в том, что это новое слово быстро приобретает и переносно-расширительное употребление. Ср. в романе Боборыкина «Перевал» (1891): «После того произошел его душевный крах» (VIII, с. 176); «И вдруг все разом, разом обрывается.. Приезжает эта Nanci.., сама не входит, вызывает сестер... И затем — крах! все изменяется» (Маркев., VI, с. 458).

Ликвидация и др. Это слово было малоупотребительным до 70-х гг. XIX в., хотя и встречалось в специальном употреблении даже в текстах XVIII в. По значению оно относилось исключительно к сфере кредитно-финансовой и правовой.[198] Особенно часто оно начинает, так же как и слово *крах*, появляться на страницах русской печати с середины 70-х гг. в связи с финансовым кризисом, охватившим тогда все капиталистические страны.[199] С того же времени в публицистике является употребление этого слова и некоторых других слов данного гнезда в расширительном смысле. Ср. у Салтыкова-Щедрина в очерке «Отголоски. На досуге» (1877) из цикла «В среде умеренности и аккуратности»: «Я.. довольно ходко совершил ликвидацию суходолов и мокрых мест, составлявших совокупность полученного мною отцовского наследия. Результатом этой ликвидации был капитал, часть которого я.. тоже ликвидировал в увеселительных заведениях обеих столиц, но, на мое счастие, нашлись добрые люди, которые вовремя остановили меня от дальнейшей ликвидации» (Салт., XII, с. 458). К концу века это общее значение («прекращение существования чего-либо, уничтожение, устранение») можно считать уже основным, а старое значение — его частной специальной реализацией. Ср.: «Россия не могла одобрить такой односторонней ликвидации восточного вопроса» (Сев. вестн., 1886, отд. II, с. 264); «Две системы политической и экономической интеграции должны и ликвидироваться параллельно» (там же, № 6, отд. II, с. 192); «Смута, посеянная этою британскою изолированностью, еще далеко не ликвидирована» (там же, № 1, отд. II, с. 259) и т. д.

Позднее других слов этого гнезда вовлекается в процесс такого переосмысления *ликвидатор*. Ср. его новое значение в политической терминологии большевистской партии в годы реакции после 1905 г. В текстах XIX в. оно выступает только в своем исходном специальном финансовом значении. Ср., напр.: «Для производства этой операции в Вене [ликвидации акционерного общества] избирались.. три или пять ликвидаторов, которые будучи снабжены почти неограниченною властью и изъятые от всякого сколько-нибудь серьезного контроля, распоряжались уцелевшею еще кассою банка» (С. Шашков. Финансовый канкан в Австрии; Дело, 1876, № 4, с. 262).

Монополия. Расширительно-переносное употребление слова складывается рано.[200] Уже в 30—40-х гг. оно становится вполне обычным.[201] Ср. примеры в Слов. яз. Пушкина; у Белинского: «[Мадам Жанлис] хотелось упрочить за собою литературную монополию» (I, с. 222); «Каждая [из сторон] претендовала на право исключительной монополии в об-

---

[198] Ср. его определение в Слов. 1847: «Взаимный расчет, очистка счетов, долгов; расплата». Таково же определение гл. *ликвидировать* у Мих. 1865: «Объяснять, излагать, сверять, заключать, заканчивать, уплачивать по востребованию».

[199] Ср. объяснение термина в статье С. Шашкова «Финансовый канкан в Австрии»: «Ликвидацией называется окончание деятельности акционерного общества, решенное общим собранием с той целью, чтобы имеющийся актив общества превратить в деньги, уплатить долги, а остаток распределить между акционерами, сообразно с числом акций» (Дело, 1876, № 4, с. 263).

[200] Примеры на переносное употребление из журналов конца 20-х гг. см.: Веселитск., с. 98.

[201] Но ср. в Слов. 1847 только: «Захват какой-либо части торговли в одни руки». Даль также не отмечает переносного употребления.

ласти духа» (VII, с. 44); «Монополий критических теперь нет, потому что у всякого журнала свое мнение» (X, с. 258).

Оптом. Переносное употребление складывается к 40-м гг. Ср.: «Несколько лет сряду какая-то барыня переводила ему [Краевскому] оптом все, что ни назначал он ей, за 600 асс. в год» (Бел., XII, с. 420); «Я хочу зараз и, так сказать, *оптом* отделаться от всяких объяснений и комментариев» (П. Грачиоли. Научная хроника; Дело, 1875, № 1, с. 75).

Ср. также в сочетании *оптом и в розницу*: «Первый пример подала Москва.., устроившая очень ходко два частных дома, из которых литературное будочничество отпускается оптом и в розницу за весьма дешевую цену» (Салт., V, с. 252); *оптовый поставщик*: «Эти оптовые поставщики сведений о прошедшем» (О. Сенковский. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 6).

Рынок. В середине XIX в. появляются некоторые новые устойчивые сочетания терминологического характера. Ср. *денежный рынок*, *рынок труда*. Напр.: «Естественное стремление денежного рынка — прийти в нормальное положение» (Русск. вестн., 1860, № 18, Современная летопись, с. 174); «Излишние люди на рынке труда должны, конечно, прибегать к конкуренции, понижать взаимно задельную плату» (Н. Шелгунов. Ошибки недодуманной мысли; Дело, 1871, № 3, с. 13. Ср. также *литературный рынок*, *книжный рынок*: «Литературный рынок — такой же рынок, как и всякий другой. Спрос существует не на высшее качество публицистического труда, а, напротив, на труд заурядный, а заурядность понижает задельную плату, и литературным предпринимателям, так же, как и всякому фабриканту, нет никакого расчета повышать ее» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1875, № 9, с. 129); «Политическая сказка Лабулэ имела успех на нашем книжном рынке» (П. Ткачев. Новые книги; Дело, 1869, № 1, с. 45).

§ 15. Термины из других специальных сфер, получившие образно-переносное употребление, еще не образуют в это время обширных фразеологических серий. Однако и здесь находим несколько очень характерных и типических случаев.

А. Так, к середине XIX в. получают переносное употребление некоторые термины военного дела. Вовлечение военной лексики во фразеологию литературной речи начинается сравнительно рано, еще в петровскую эпоху. Однако только в XX в., после первой мировой войны и Октябрьской революции, она приобретает особую фразеологическую активность и на основе переносных осмыслений ряда терминов этого рода складываются устойчивые постоянные обороты в литературной и разговорной речи. В XIX в. является более или менее устойчивое переносное употребление следующих слов.

Авангард. «Что же касается до авангарда, изображаемого передовыми людьми, то рутинеры зовут их мечтателями, утопистами, энтузиастами, фантазерами и т. п.» (Т. З. [Н. Шелгунов]. Френологическая оценка человеческих поступков; Русск. слово, 1865, № 1, с. 43). Ср. также: «Я, стараясь объяснить тот неожиданный успех, который возымела у нас педагогическая философия гр. Толстого, упомянул.. о странном повороте в миросозерцании наиболее юной и авангардной части нашего общества» (Все тот же [Ткачев]. О почвенниках новейшей формации; Дело, 1876, № 2, с. 175—176).

Арсенал. «Изданное в Берлине в 1823 г. описание новгородских корсунских врат.. вооружилось целым арсеналом эрудиции» (Библ. для чт., 1835, № 2, Литературная летопись, с. 53); «Весь арсенал шуточек, которые можно применять к вам [славянофилам], истощен уже на другого почтенного деятеля одинаковой с вами глубины и того же закала»

(З- [Зарин]. Пора меж волком и собакой; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 4).

В выражениях типа *выдвинуть, пустить в ход* и т. д. *тяжелую артиллерию* чего получило в разговорном употреблении переносное осмысление сочетание *тяжелая артиллерия* («особо веские аргументы, доводы»). Ср.: «Папа из чувства самосохранения принужден был пустить в ход против предприимчивого императора всю тяжелую артиллерию папских ругательств и проклятий» (Писар. (Павл.), IV, с. 406). В просторечии военной среды явилось к середине века переносное употребление слова *батарея* в сочетании *батарея бутылок*. Ср.: «На столе стояла.. батарея бутылок. Пива было выпито на порядках» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 72); «[Чекмарев] с тщанием начал расставлять симметричным треугольником батарею бутылок по середине стола» (В. Авенариус. Поветрие; Всем. труд, 1867, № 2, с. 94).

Лагерь. Особенно часто начинает употребляться для обозначения партий и направлений в публицистике 60-х гг., когда борьба классов и партий в ходе подготовки и осуществления крестьянской реформы в обстановке революционной ситуации приобретает особенную силу. Ср.: «Литература наша распалась: в ней не литературные партии, а *литературные лагери*» (Н. Соловьев. Распад; Эпоха, 1865, № 2, с. 9); «Какой же прогресс возможен там, где завоевательная политика разделяет общество на два враждебных лагеря, не имеющих ни общих интересов, ни целей и постоянно парализирующих деятельность друг у друга» (В. Флеровский. Причины застоя в общественной жизни; Дело, 1871, № 1, с. 282); «Литератор не родится с готовыми мыслями, вполне выработанными развитыми силами, с безошибочным знанием своего места в природе и того лагеря, за который он будет бороться» (Н. Шелгунов. Неконченные вопросы; Дело, 1871, № 4, с. 2) и т. п.

Маневры, маневрировать. «Значит, все дело его [схоластика] состояло в том, чтобы посредством диалектических маневров примирить все крайности» (Писар. (Павл.), III, с. 574); «Но как бы там ни было, Жюль Симон чрезвычайно искусно маневрирует, он сам подогревал свое избрание в народных собраниях» (Лефрень [Э. Реклю]. Политическая и общественная хроника; Дело, 1869, № 6, с. 52) и т. п. Такое употребление вполне обычно уже к середине века. Ср. и переносное применение мореходческого термина *лавировать*. Напр.: «Министры вместе с дипломатами .. старались лавировать и балансировать между двумя непримиримыми и несогласимыми крайностями» (Писар. (Павл.), V, с. 443).

Мишень. «Стороною заводил он речь о появлявшейся тогда романтической школе, которая тогда журналистам служила мишенью для холостых снарядов» (В. Одоев., II, с. 399); «Тишка.. служит мишенью, в которую направляются самодурные замашки целого дома» (Добр., V, с. 58); «Некоторые ученые и литераторы в продолжение нескольких десятков лет служили мишенями для самых злых сарказмов со стороны Гейне» (Писар. (Павл.), I, с. 544) и т. п.

Перекрестный огонь. «Он вечно вертелся под перекрестным огнем разных невзгод, сыпавшихся на него разом со всех сторон» (Карон., с. 119).

Фронт. Переносное употребление этого слова, получившее такое выдающееся положение в фразеологии нашего времени, отсутствует в XIX в., ибо еще не выделилось и то его особое военное значение («стратегический район расположения действующих войск»), от которого ведет свое начало современное фразеологическое употребление. Но ср. случаи образного употребления слова в сочетаниях, где его исходное значение «строй». Напр.: «[Асе] предстоит решить грозную дилемму; надо или отказаться от того человека, к которому она начинает чувст-

вовать влечение, или стать во фронт, войти в ранжир, отказаться от милой свободы» (Писар., I, с. 252); «В ней уже загорелось желание заставить его „переменить фронт“» (Бобор., VI, с. 192) и пр.

В отдельных случаях переносный характер употребления ощущается слабо, слово лишь приобретает новое общее, более широкое значение. Характерный пример такого расширения значения представляет история слова *лозунг*. (Ср. в Слов. 1847: «*Воен.* Слово для опознания своих, которое отдается часовым»). С 30-х гг. оно начинает уже устойчиво употребляться в общем смысле: «девиз, призыв, выражающий основную идею», без каких-либо военных ассоциаций. Ср.: «Словесность жалкая, избравшая, кажется, себе лозунгом: ни на что не надеяться, ничему не верить, ни пред чем не содрогаться!..» (В. С. Мнение .. о нынешней французской словесности; Библ. для чт., 1834, I, с. 58); «Народность — вот главный лозунг славянофилов» (К. Бестужев-Рюмин. Славянофильское учение и его судьбы; Отеч. зап., 1862, № 2, с. 684) и т. п.

Б. Не получает еще большого развития в это время и переносно-фразеологическое употребление собственно технических (производственных) терминов. Оно лишь начинает складываться во второй половине века.

Аппарат. Д[1]: «Прибор, снаряд, орудие, устройство». С развитием физиологии и новых методов исследования процессов, протекающих в организме, являются характерные уподобления работы органов пищеварения, кровообращения, нервной деятельности работе механизма.[202] В связи с этим и появляются сочетания типа *пищеварительный аппарат* и т. д., отчасти получающие терминологическую устойчивость. Ср.: «Сумма нервных механизмов, при посредстве которых устраняются вредные влияния, действующие на тело извне и извнутри, составляет часть аппарата, обеспечивающего целость неделимого — аппарата, из проявлений деятельности которого вытекает понятие об инстинктивном (т. е. невольном) чувстве самосохранения у всех животных» (Сечен., II, с. 33); «Физиология изучает устройство нашего слухового аппарата» (Писар., III, с. 469); «Сознательно или бессознательно .. мускульный производитель образует собою такой же психологический аппарат, как и интеллектуальный работник» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1875, № 9, с. 137); «В его детском психическом аппарате раздалась совершенно новая, щемящая нота, в душу запали ранние сомнения» (Михайловск., I, с. 21).

Устойчивые сочетания *государственный*, *правительственный* и т. п. *аппарат*,[203] столь характерные для нашего времени, формируются и распространяются уже за пределами этой эпохи, в XX в. См. в проектах резолюций IV (объединительного) съезда РСДРП: «Смешение конспиративного и открытого аппарата партийной организации оказалось крайне гибельным для партии и играющим на руку правительственной провокации» (КПСС в резолюциях и постановлениях; ч. I, с. 116); «Главнейшей непосредственной задачей таких выступлений следует признать разрушение правительственного, полицейского и военного аппаратов» (там же, с. 109).

Балласт. Переносное употребление (в смысле «Нечто лишнее, бесполезно обременяющее что-либо») широко представлено уже в 30—40-е гг. Ср.: «В пространной пристани Трои, нагрузив корабль .. всем невещественным, я невольно должен был подумать также и о невещественном *балласте*, столь необходимым для тяжести и равновесия. Всякий может понять, что я говорю про пустословие, балласт умственный»

---

[202] Ср. историю употребления слова *механизм*, стр. 381—382. Применение слова *аппарат* к комментариям и толкованиям текстов относится к более раннему времени (см.: Плюшар).

[203] Ср. сказанное выше о сочетаниях *государственный механизм*, *государственная, административная машина* и под., стр. 381—382 и 384.

(А. Вельтман. Странник. М., 1832, ч. III, с. 4); «Все, что составляет последние ряды французской литературы, все, что составляет балласт французских, иногда и английских журналов.., все это переводится в „Библиотеке“» (Бел., II, с. 32—33); «В изданных четырех томах Долгорукова не все изящный товар, а довольно есть и балласта» (Вяз., VIII, с. 479) и т. д.

Буксир. Довольно часто в образно-переносном смысле употребляется с 70—80-х гг. в сочетаниях *взять на буксир*, *идти на буксире* и т. п. Напр.: «Современные исторические драматурги полагают, что они освещают события, что они объективно создают настоящих исторических деятелей.., не замечая того, как каждый из них — на буксире какого-нибудь исторического исследования» (П. Боборыкин. Русский театр; Дело, 1871, № 3, с. 136); «Человек, взявший ее [героиню романа] на буксир, „запутавший, заковавший ее со всех сторон, лишивший ее воли..“, — этот человек так же мало имел право считать себя „солью земли“, как и его буксирный груз» (П. Никитин [Ткачев]. Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики; Дело, 1875, № 7, с. 59); «Идти на буксире у своих прежних сторонников, которых он не считал себе равными ни по уму, ни по силе характера, Лев Нерадович не хотел» (Орловск., II, с. 191) и т. п.

Буфер. Начинает переносно употребляться в политической терминологии ряда европейских языков к концу XIX в. Ср.: «Идея устраивать варварский и полуразбойничий буфер между двумя цивилизованными народами должна быть признана самою неудачною» (Сев. вестн., 1886, № 1, отд. II, с. 270; по поводу соглашения между Англией и царской Россией о разделе сфер влияния в Средней Азии и об Афганистане).

Калибр. Это слово первоначально употреблялось лишь как технический термин, преимущественно для обозначения размера диаметра дула огнестрельного оружия, а также для обозначения определенных размеров экипажа. Ср. напр.: «Сотни экипажей разного калибра осадили подъезд к дому Волынского» (Лаж., Лед. дом, IV, с. 98). Однако в шутливо-ироническом контексте слово с 30—40-х гг. начинает сочетаться с существительными отвлеченного значения и употребляться по отношению к лицам. Ср.: «К этому он придал глупость самого большого калибра: назвался племянником главнокомандующего» (Марл., VIII, с. 75); «Составить себе понятие о нашей русской философии шестифутового калибра, как называют некоторые философию г. Лаврова, неизвестно, впрочем, на каком основании» (Антонович, Избр. соч., с. 36);[204] «В наши времена требуются герои другого калибра» (Тург., III, с. 59) и т. д.

Обычно в переносном употреблении с середины века также прил. *разнокалиберный*. Ср.: «В одном небольшом томике г. Гербель собрал самых разнокалиберных переводчиков великого поэта» (Г. Б. Библиографический листок; Русск. слово, 1864, № 4, с. 44); «Разнокалиберное население Штатов образовалось из людей всех национальностей» (Н. Шелгунов. Очерки из истории Соединенных Штатов; Русск. слово, 1864, № 3, с. 49).

Соскочить, сойти и т. п. **с рельсов, стать (поставить) на рельсы.** Эти выражения широко представлены в переносном смысле в произведениях второй половины XIX в. Ср.: «Будь мальчик лгунишка, он не соскочил бы с рельсов, а лгал бы гладко, с начала до конца» (Н. Шелгунов. Домашняя летопись; Русск. слово, 1865, № 1, с. 152); «Верно и его, если не любовь, то ревность сводит с рельсов» (Леск., ПСС, XXVI, с. 171); «Радуюсь за Васнецова. Он, стало быть, стал на рельсы — давно пора» (Крамск., II, с. 216). Ср. также *катиться* (*как*) *по рельсам*. Напр.·

[204] Намек на то, что П. Л. Лавров был артиллеристом по специальности.

«И ему и Аркадию оттого и жилось так легко у Одинцовой, что все в ее доме „катилось, как по рельсам“» (Тург., III, с. 254); «Внешняя жизнь его неизменно и неудержимо катилась по прежним, привычным рельсам светских и полковых связей и интересов» (Л. Толст., XVIII, с. 182) и т. п.

Тормоз и произв. С середины века это самый распространенный в переносном смысле термин данного ряда. См., напр.: «Эти причины были не единственными тормозами, замедлившими успехи школы при Петре» (А. Михайлов. Эпоха преобразований в народном образовании; Дело, № 9, с. 82); «Увеличивается научный сор, увеличивается тормоз для будущих исследователей» (Бод. де Курт., Рец., с. 47); «Есть на свете доктринеры и ложные либералы, которые своей деятельностью тормозят развитие общества» (Писар. (Павл.), IV, с. 179); «Мы слышим повсюду голоса недовольных, что реформы нашего времени понимаются не так, плодотворность успеха их тормозится невежеством и незнанием» (Н. Шелгунов. Неудавшаяся «Беседа»; Дело, 1871, № 5, с. 23) и т. д.

Особое назначение получило в литературной критике 40—70-х гг. наименование первого по времени вида фотографии **дагерротип** (фотография на металлических дощечках, по имени ее изобретателя Н. Дагерра). Это слово часто употреблялось для характеристики бездушного копирования и натурализма [205] в искусстве, рабской верности натуре и отсутствия художественного обобщения. Ср. и его производные: *дагерротипический* (особенно в сравнительном обороте: *с дагерротипическою точностью (верностью)*), *дагерротипизм* и *дагерротипист* и т. д. См., напр., в критических статьях В. Майкова: «Достоинство повести [«Хорошее место» Я. Буткова] — чисто дагерротипическое» (I, с. 187); «Герои „Мертвых душ“ — не дагерротипные снимки и вовсе не портреты» (I, с. 166); «Теперь он [цинизм] смело выдает себя за натуральность и уверен, что сущность ее заключается в сладострастном созерцании дагерротипирования язв общества» (I, с. 30); «Самый многочисленный отдел quasi-гоголевской школы — это умеренные, полуцинические дагерротиписты, которые ничего не видят в Гоголе, кроме верного изображения всех оттенков действительности» (I, с. 30). Ср. и более поздние примеры: «Обратите внимание на современную литературу и критику. Вся она направлена не на широкое изображение блестящих, увлекающих, освещающих мысль идеалов, а на литературно-историческое констатирование современных литературных явлений. Дагерротипы она выдает за картины и тратит свои силы на отыскивание красот в мелочах, которых в другое время никто бы и никогда не заметил» (Н. Шелгунов. Вопросы русской жизни; Дело, 1869, № 3, с. 58).

После того как фотография (светопись на бумаге) сменила дагерротипию (в середине века), слово *фотография* с его производными также стало являться в этом переносном смысле. Ср. в статье Н. Р. [Шелгунова] «Юридические софизмы» употребление рядом в одном смысле и того и другого слова: «У Максимова не находите вы ни истории преступлений, ни психологического анализа преступника; нет даже дагерротипа; просто легкий очерк без подробностей» (Дело, 1869, № 6, с. 164); «Нам нарисовали в [«Записках из мертвого дома» Достоевского] страдающих, искалеченных нравственно и физически людей; нам изобразили

[205] Следует заметить, что само слово *натурализм* (или чаще в другом варианте *натуральность*) в критике Белинского и его последователей выступало без того особого оттенка, с каким оно чаще появляется с конца XIX в., употреблялось в смысле названия реалистического направления в искусстве. См. подробнее: Ю. С. Сорокин. К истории термина «реализм» в русской критике (ИАН ОЛЯ, 1957, т. XVI, вып. 3, с. 201).

внешнюю сторону нового мира, нам дали верную фотографическую копию его настоящего момента, но в преступную душу нас не ввели, нам не дали истории преступления, истории нравственного падения человека» (там же, с. 157). Ср. еще: «Каждое его стихотворение преставляет собою, так сказать, фотографию его душевного состояния в данную минуту» (Михайловск., V, с. 307); «[Н. Успенский] весьма хороший фотографщик, верно и отчетливо воспроизводит мелкие будничные явления» (Вс. К-овский. Рассказы Н. Успенского; Русск. слово, 1862, № 1, с. 40).

В. В 60-е гг. несколько юридических терминов получили расширительно-переносное употребление.

Так, прил. *несостоятельный*, которое еще в Слов. 1847 имеет при себе помету «*юрид.*» («несостоятельный должник»), с середины века начинает употребляться и в расширительном плане[206] там, где речь идет о логической, идейной необоснованности или физической и нравственной неполноценности и неподготовленности. На первых порах нередко связь между исходным юридическим и новым расширительным значением ясно прослеживается. Ср., напр.: «Ведь нельзя не сознаться, что если самодур сам по себе, внутренне, несостоятелен .., то его значение только и может утверждаться на поддержке других» (Добр., V, с. 102); «Сильная жажда мучила меня, и я едва-едва высидел в дилижансе еще одну ночь, а наутро оказался вовсе несостоятельным для продолжения пути» (Пирог., II, с. 530); «Осудим ли мы за эти безнравственные сказки народ, объявим ли его нравственно несостоятельным?» (Михайловск., II, с. 717) и т. п. (Ср. также *правомерный*; см. гл. II, с. 320—321).

В связи с постоянным обсуждением на страницах прогрессивной печати вопроса о формах судоустройства и новых правовых отношений широкую популярность получает и слово **адвокат**. После судебной реформы 60-х гг. оно становится официальным термином.[207] Около середины века складывается и образно-переносное употребление слова. Ср.: «В сатире поэт является обличителем, адвокатом, проповедником» (Бел., VIII, с. 308); «Если уж брать сравнение из юридической сферы, то он [критик] скорее адвокат, нежели судья» (Добр., VI, с. 293); «Женщине [в Америке] не приходилось заботиться об эмансипации, ей не нужно было создавать целый ряд литературных адвокатов вроде Сен-Симона, Жорж Занд, Андре Лео и т. д.» (Н. Шелгунов. Американки XVIII в.; Дело, 1871, № 2, с. 15) и т. п.

Ранее других терминов этого рода наметилось переносное употребление слова **апелляция**. Ср. еще в письме В. А. Жуковского А. И. Тургеневу от 1816 г.: «Ты, Карамзин, Вяземский, Блудов .. вот мои судьи, против которых нет апелляции» (Жук., VI, с. 400). К концу XIX в. широко распространяется употребление слов *апелляция*, *апеллировать* (в общем

---

[206] Правда, отдельные примеры употребления слова в широком смысле являются и значительно ранее (ср., напр., в переводе А. Кантемира «Рассуждение о множестве миров»: «Не хотел я о жителях планетных ничего такого выдумать, что б было совсем невозможно и не состоятельно» (Кантем., II, с. 397), но в узко правовом, имущественном смысле употребление слова явно господствовало.

[207] «Адвокаты не носили еще в ту дореформенную пору своего европейского названия, а именовались попросту крючкотворцами, ябедниками и крапивным семенем» (Н. Мизантропов. Калейдоскоп; Дело, 1876, № 11, с. 447); «Прежде совсем не было адвокатов, а были люди, носившие название „ябедников", „приказных строк", „крапивного семени" и т. д., которые ловили клиентов по кабакам и писали неосновательные просьбы за косушку» (Салт., XI, с. 123). Конечно, указанные названия были только просторечными кличками, свидетельствовавшими, до какой степени не уважались судебные порядки в дореформенной России. Но и в официальном употреблении *адвокату* до судебной реформы предшествовали *стряпчий* и *ходатай* — с иными функциями и полномочиями, чем в современном процессе. (См. фельетон в СПб. вед., 1860, № 208 «О разности между адвокатом, стряпчим и ходатаем по делам»).

смысле «обращаться к кому-либо в поисках решающего мнения, жаловаться» и т. п.). Ср.: «Сами „политики“, оправдываясь от сыпавшихся на них упреков, избегали всякой апелляции к основным положениям социализма» (Плехан., Соч., II, с. 30); «Так как нет ни одного явления природы, при объяснении которого нам не пришлось бы в последнем счете апеллировать к движению, то надо согласиться с Гегелем, который говорил, что диалектика есть душа всякого научного познания» (Плехан., I, с. 567); «Костя же, если не соглашался с нею [сестрой], то всегда почти шел апеллировать к Коле Красоткину» (Дост., X, с. 16).

Чаще всего в этом переносном смысле слово *апелляция* выступало в сочетании *решать, осудить* и т. п. что-либо *без апелляции*. Ср.: «Строгий моралист осудил бы ее без апелляции» (Лаж., IX, с. 155); «[Обломов] смутно догадывался, какой приговор ожидал его, и взял шляпу, но медлил спрашивать: ему страшно было услыхать роковое решение и, может быть, без апелляции» (Гонч., IV, с. 378); «Она карала не только порок, но даже малейшую слабость в других женщинах, и карала безвозвратно, без апелляции» (Дост., III, с. 275) и т. д. Нет ничего удивительного в том, что наиболее рельефно это новое переносное осмысление отложилось в прилагательном, произведенном от этого сочетания. *Безаппеляционный* наиболее широко и свободно употребляется в качественном значении «безусловный, категорический, не допускающий возражений» (с особым экспрессивным оттенком неодобрения); обычно оно выступает в сочетании с сущ. *решение* или *тон, голос*. Связи с исходным, юридическим значением здесь легко ослабевают и тускнеют. Ср. ранние примеры с явно ощутимой переносностью: «Что разумно, то признано человеком; другого критериума человек не ищет; оправдание разумом — последняя безапелляционная инстанция» (Герц., III, с. 125); «Сильнейшая голова в городе был бесспорно председатель уголовной палаты; он решал окончательно, безапелляционно все вопросы, занимавшие общество» (там же, IV, с. 72). Из многочисленных примеров со стершейся образностью приведем хотя бы следующие: «[Вольтер] тотчас решал безапелляционно, что тут совсем нечего и понимать» (Писар., IV, с. 160); «Он вообще не любил головоломных задач и привык, худо ли, хорошо ли, решать все вопросы сразу, безапелляционно» (Златовр., I, с. 245); «Голос у него был хриплый, говорил он с расстановкой, так сказать, безапелляционно» (Салт., XVII, с. 206) и т. п.

Относительно рано является и образное употребление слова **патент** как названия свидетельства, удостоверяющего известные права и привилегии. Ср. у Белинского: «Расположение и дружба великого человека — патент на человеческое достоинство» (III, с. 105); «Ловкий критик-скептик .. делает своих гениев, выдавая патенты на гениальность своим клевретам, разной посредственности» (VI, с. 332). Ср. также: «[Райский] вышел от профессора, как из бани, тоже с патентом на талант и с кучей старых книг, летописей, грамот, договоров» (Гонч., V, с. 90); «Я разумею критику, имеющую претензию и патент на либерализм» (Михайловск., I, с. 393). Но наиболее прочно укрепилось образно-переносное употребление за словом *патентованный* в смысле «официально всеми признанный» (обычно с подчеркнуто-экспрессивным оттенком презрения и неодобрения). Ср.: «На произведения нашей литературы никто из патентованных ее историков не потрудился взглянуть с этой точки» (В. Майк., I, с. 267); «Все историки, юристы, политико-экономисты, метафизики и натурфилософы ревут благим матом, что новая мысль.. — покушение на их личную и имущественную безопасность, и хуже того — преступное посягательство на величие патентованной науки, которая одинаково дорога им всем, как общая кормилица и вечная дойная корова» (Писар., II, с. 133—134) и т. п.

Г. Среди других слов интернационального характера, получивших новое расширительное значение в различных европейских языках, в том числе — и в русском литературном языке этого времени, следует упомянуть о некоторых «историзмах». Это довольно пестрая группа слов, относящихся в своем исходном значении к явлениям античного мира, к понятиям средневекового мировоззрения, к конфессиональным представлениям и т. д. Некоторые из них в новом переносно-расширительном смысле заняли к середине XIX в. или во второй его половине довольно заметное место в книжной фразеологии. Таково, напр., слово *арена*, которое начинает в переносном смысле широко употребляться в публицистике 40-х гг., часто замещая старое слово *поприще*.[208] Ср.: «Словесность лишена арены.. Литература имеет определенную арену в книге, журнале, театре, трибуне» (Бел., V, с. 637); «Переходное время борения двух миров .. дало эгоизму несравненно блистательнейшую арену, и притом романическую» (Герц., II, с. 222). Также и в сочетании типа *арена* чего, при определении сферы деятельности, действия кого- или чего-либо. «Заставят его .. пройтись по широкой арене его жизни» (Н. Соловьев. Суета сует; Всем. труд, 1867, № 2, с. 669); «Он стремится .. и на общественную арену» (Я. П-р, Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 160) и т. д.

С 70-х гг. в русской журналистике складывается и экспрессивное употребление в переносном плане слова *вакханалия*. Ср. название статьи С. Шашкова (Дело, 1876, № 12) «Биржевые вакханалии в Германии». Еще раньше из разряда исторических слов в актуальную фразеологию попало слово *оргия*.

В середине века в семантический ряд слов, обозначающих приверженцев того или иного направления, вовлекается и слово *адепт*, исторически связанное с средневековыми понятиями о занятиях алхимией. Ср. «Адепты подобной критики постоянно остаются в стороне от живого движения» (Добр., VI, с. 302); «У кого нет самостоятельного творчества, тот примыкает к чужой фантазии и делается ее адептом» (Писар., I, с. 80).

Резко оценочное значение получает и слово *схоластика*, в публицистике 40—60-х гг. и последующего времени охотно используемое для обозначения всяких искусственных, умозрительных построений. Ср. название статьи Писарева «Схоластика XIX века». См. также: «Итак, опять за книги — и затаить все живое в душе, и обмануть себя схоластикой» (Герц., II, с. 278); «Как далека школьная логика от такого великого значения! Зато давно нет ей и тени того уважения, которым пользовалась она в средние века и которым пользуется до сих пор от людей, не расставшихся с схоластикой, от этих живых мертвецов, отчудившихся от жизни, отказавшихся от движения и совершенствования» (В. Майк., II, с. 80).

Д. Из терминов, ранее имевших лишь конфессиональный смысл, а в 30—40 гг. получивших на Западе и у нас более широкое значение, отметим такие слова, как *пропаганда* (см. гл. I, с. 85), *догмат* и его произв., *апологет*[209] и нек. др.

Любопытно отметить, что с середины века вовлекаются в процесс переосмысления и некоторые русские слова, первоначально связанные

[208] П. Кеппен, выписав из «Экономического указателя» (1857, № 2, с. 31) фразу «Этому журналу суждено быть ареною, где из столкновения фактов и пр. должны вырабатываться жизненные соки прогресса», замечает: «Употребляется совершенно без надобности». Но в середине века слово в этом смысле уже в большом ходу. Слов. 1847 вовсе не отмечает его; Д[1] приводит только в прямом смысле.

[209] Первоначально о христианских писателях первых веков, отстаивавших христианство (ср. Толль); но к концу века является уже и в общем смысле «защитник чего-либо; выступающий с апологией чего-либо», совпадая в этом смысле с еще употребительным словом *апологист*.

с конфессиональной сферой. Это слова, относящиеся к расколу и борьбе с ним. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить о том исключительном внимании, которое придавалось теме раскола и в официальной и либеральной прессе, и в публицистике демократического направления. В этом смысле особенно показательна семантическая эволюция слова *отщепенец*.[210]

До 60-х гг. это старинное слово, некогда очень влиятельное как обозначение отступника от православной церкви и ее догматики, было словом чисто историческим, узкого употребления (ср. его определение в Слов. 1847: «Отпавший от единства плавославной церкви; раскольник, отступник, еретик»). Внимание к нему было привлечено постоянным обсуждением вопроса о расколе и историческими исследованиями 60-х гг. (ср. особенно «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева, где это слово неоднократно выступает и объясняется). В 60-е гг. слово приобретает более общий смысл: «тот, кто откололся от какой-либо общественной группы, среды или отвергнут ею» (этот сдвиг в значении отчасти отражен уже в определении у Д[1]). Ср. переходные случаи, сложившиеся скорее всего в славянофильской литературе, где принадлежность к тому или иному обществу оценивалась прежде всего по приверженности к определенным религиозным воззрениям: «Славянофилы провозглашают, что исповедание должно быть краеугольным основанием государственного и всего гражданского быта, а славянская народность тождественна с православием. Чехи, словаки, хорваты — отщепенцы от этой основной стихии славянства» (Черн., VII, с. 843). Впрочем, слово в этом новом смысле довольно быстро отмежевывается от старого, чисто конфессионального значения. Ср.: «Образованное население степного города называло его [Марка Волохова] отщепенцем, отверженцем» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; Дело, 1869, № 8, с. 15); «Вот где корень того, что люди 40-х гг. явились отщепенцами» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 9, с. 26). Ср. также и *отщепенство*: «Отщепенство их от мира зашло так далеко, что они и сами это сознавали, делаясь все более и более равнодушными к своим делам» (Карон., с. 220).

В этом смысле слово *отщепенец* сменяет в литературном употреблении старые обозначения: *отверженец*, *отверженник*.[211]

§ 16. Выше мы очертили существенный вклад в новую фразеологию литературного языка послепушкинского времени слов преимущественно книжного источника, прежде всего различных специальных терминов, приобретавших в иных фразеологических условиях новые значения и осмысления. Но вместе с этим проходил и другой процесс — процесс вовлечения в литературный оборот различных слов, до этого времени принадлежавших только бытовой разговорной речи различных социальных слоев, слов городского и деревенского просторечия.

Мы уже говорили во введении к этой работе о таком существенном для данного времени явлении, как формирование особого стилистического круга слов «литературного просторечия».[212] В этом новом собрании экспрессивно-оценочных слов, иногда, впрочем, затем стилистически нейтрализовавшихся, заметное место занимают такие слова, которые для

---

[210] См. о нем: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 3, 1947).

[211] Ср.: «Приходилось превратиться в отверженцев, в парий того мира, где они имели своих представителей» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 70); «Долго, может быть, не переведутся еще эти отверженники живущего и мыслящего человечества» (В. Майк., с. 86); «В комедии автор, по-видимому, имел задачею анализировать и казнить лицо одного из отверженников и отщепенцев общества» (А. Григ., I, с. 323).

[212] См. с. 32 и 38.

предшествующего времени оставались словами областными, диалектными. Некоторые из них в ходе их литературного освоения изменяли свое значение, приобретали новые осмысления, далеко выводившие их за рамки прежней местной ограниченности. Но и там, где значение слова, при превращении его из узкодиалектного, областного в общелитературное, не претерпевало резких изменений, различия оказывались существенными. Изменялась стилистическая тональность слова; из слова «экзотического», «пришлого» оно становилось обычным, «своим» (хотя часто и стилистически сниженным, резким, грубоватым), из явления «маленько мужицкого», «простонародного» слога — законной формой простого, «разговорного» выражения литературной речи.

Здесь мы должны представить этот новый вклад в литературное просторечие за счет диалектных слов, слов для прежних стилистических представлений чисто «простонародных».

При сопоставлении словарей первой половины XIX в. со словарями позднейшего времени обращают на себя внимание существенные различия в составе включаемой в них просторечной лексики. С одной стороны, в таких изданиях, как САР[2] и Слов. 1847, мы находим целый ряд слов, сопровожденных пометами «просторечное» и «простонародное», которые в современных словарях русского литературного языка (Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, четырехтомный «Словарь русского языка» и отчасти даже в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка») либо вовсе отсутствуют, либо сопровождаются указаниями на устарелость их употребления. С другой стороны, многого из того просторечного запаса лексики литературного языка, который достаточно широко отражен в любом современном словаре, мы не находим ни в «Словаре Академии российской», ни в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847).[213] Причем число случаев второго рода явно превышает число случаев первого рода. Дело здесь не в отдельных промахах составителей этих словарей и не в случайных пропусках некоторых слов, даже не в различных подходах к выбору слов, толкуемых в этих словарях. Эти различия следует признать в основном закономерными. Они отражают перемены в составе того просторечного лексического фонда, который, с одной стороны, был привычным для отдельных стилей литературного языка допушкинской поры, а с другой, стал обычным только в литературной речи послепушкинского времени. В составе этой особой экспрессивной лексики и в самом положении ее в системе лексических средств литературного языка наблюдаются существенные расхождения между XVIII и началом XIX в. и второй половиной XIX в. Состав просторечной лексики и фразеологии, популярной в произведениях простых жанров второй половины XVIII в. и начала XIX в. (особенно в языке комедии, басни и комической поэмы), был не только пестрым и внутренне мало организованным. В нем были и свои излюбленные слова и обороты, составлявшие почти обязательную его принадлежность, переходившие из произведения в произведение и представленные в языке многих авто-

[213] К такому сопоставлению, естественно, лишь в известных пределах могут быть привлечены Словарь Даля и «Словарь русского языка, составленный II отделением Академии Наук». Первый не был словарем литературного языка; он широко вобрал в себя областные и просторечные слова, независимо от того, были ли они вовлечены в литературное употребление его времени или нет. Второй словарь начавший выходить под ред. Я. К. Грота, был задуман, как словарь, регистрирующий нормы словоупотребления со времени Ломоносова до конца XIX в. Естественно, что в нем широкое отражение нашли также и те слова, которые практически были обычными во второй половине XVIII в. и первых десятилетиях XIX в., но затем вышли из употребления. Перейдя под редакцию А. А. Шахматова, этот словарь также широко стал включать в себя и такие просторечные и областные слова, которые вообще не входили в круг литературной нормы.

ров этого времени. Характерно, что литературное употребление ряда этих слов постепенно угасает в первой половине XIX в. Среди них мы встречаем прежде всего слова с современной точки зрения диалектные, преимущественно слова севернорусского происхождения.[214] Вот, напр., слова, очень широко представленные в произведениях простого слога второй половины XVIII в.: *брязги*, *булдырь*, *бутор*, *варакcать*, *вдругорядь*, *вяха*, *гуня*, *домовище* (и южнорусское *домовина*), *зобать*, *колотырный*, *куликать*, *латать*, *назола*, *онамедни* (*намедни*, *ономнясь*, *онамеднись*), *очестливый*, *собить*, *сочить* (ловить), *тазать*, *хабар*, *чечениться*, *шалбер*, *шильничать*, *щепеткий*, *щечиться* и т. п.[215] Все эти слова представлены еще в САР и Слов. 1847 с пометами «простореч.» и «простонар.».[216] Все они достаточно прочно входили в ходовой ассортимент «низкой» и сниженной лексики простого слога. В XIX в. они все отчетливее получают вновь обособленный, диалектный или внелитературный характер. Правда, некоторые из них мы встретим и у писателей первой половины и даже второй половины XIX в. (напр., у Лескова, Салтыкова-Щедрина, Мельникова-Печерского, Решетникова и т. д.), но главным образом в особых, иногда намеренно диалектно окрашенных контекстах, на положении слов явно «простонародных». В обычный фонд литературного просторечия они уже не входят.[217] Первый и сильный удар им был нанесен еще в конце XVIII—начале XIX в., когда Карамзиным и его последователями была предпринята попытка очищения литературного языка от ряда грубых, простонародных элементов. Но наряду с этим выветриванием из литературного употребления и обособлением целого ряда просторечно-простонародных слов, обычных для старого простого слога, шел неуклонный процесс привлечения новых просторечных и областных слов в литературную речь. Многие из них вообще не отмечались до середины XIX в. словарями русского языка. Характерно, что первую их фиксацию дает, напр., «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. (и «Дополнение» к нему 1858 г.).[218] Как ни широко употребление просторечных слов у Пушкина, многих из этих слов нет и в его языке.[219] Некоторые из них, правда, появляются еще

---

[214] Конечно, определение диалектного ареала этих слов при неудовлетворительном состоянии нашей областной лексикографии и отсутствии полного сводного словаря русских народных говоров сталкивается с самыми серьезными затруднениями. Во многих случаях об этом можно говорить только предположительно.

[215] Подробнее см. об этом в моей работе «Разговорная и народная речь в Словаре Академии Российской» (Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I, М.—Л., 1949, с. 108—113; 134—145). Там же приведены примеры, иллюстрирующие употребительность этих слов в простом слоге XVIII в., а также примеры особого их употребления у писателей позднейшего времени и некоторые указания на диалектную приуроченность этих слов.

[216] Такими же пометами в этих словарях (особенно в «Словаре Академии Российской») сопровождаются и многие слова, позднее прочно укрепившиеся в составе литературного просторечия или даже вовсе стилистически нейтрализовавшиеся, «олитературившиеся». Ср.: *быт*, *жадный*, *жара*, *крыша*, *лачуга*, *молодежь*, *раздумье* и т. д.; *головорез*, *мерзавец*, *прихвостень*, *слоняться*, *чушь* и т. п.

[217] Любопытно, что уже Крылов в своих баснях и Пушкин при всем свободном и бережном отношении их к живому народному просторечию не употребляют многие из этих слов. На них лежал слишком явный налет «простонародности», с одной стороны, а с другой стороны, — ввиду их постоянного употребления в комедиях и иных «низких» произведениях XVIII в., — они превратились в своего рода «штампы», в стертые формы «маленько мужицкого» слога.

[218] Конечно, следует помнить (на это указывал уже Даль), что этот первый опыт областного словаря включал в себя не только собственно областные слова, известные лишь отдельным диалектам или их группе. В нем отмечались также и слова широкого распространения в народно-разговорной речи, не вошедшие по тем или иным причинам в академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г.

[219] У Пушкина выступают свои ограничения в понимании просторечия. Некоторые слова и выражения мещанско-городского просторечия были ему органически

в прозе 20—30-х гг. Но особенный ход многим из них дают именно произведения реалистической прозы 40-х гг. В «Мертвых душах» Гоголя, в различных повестях и очерках «натуральной школы» мы сталкиваемся впервые с их употреблением. В дальнейшем их приток остается также сильным. И что самое показательное: многие из этих новых слов легко и быстро усваиваются литературным употреблением, составляя новые необходимые ресурсы литературного просторечия. Вот далеко не полный список разговорно-просторечных и областных слов, вошедших в состав литературного просторечия этого времени, т. е. середины и второй половины XIX в., неизвестных или мало известных старой литературе.[220]

Аховый. Впервые Д[1]. (*«Аховый. Ниж.*[221] ..Восхитительный.., вызывающий восклицание изумления и одобрения»). В литературном употреблении представлено с 60-х гг.; часто — с оттенком резкой иронии и в отрицательном смысле «никуда не годный». Ср.: «Один из педагогов [гимназии] говорит, что у них мальчишки „все такой народ — аховый“. Другой говорит: „кто с борку, кто с сосенки“. *Аховый* характер и древесное происхождение мальчишек доказывают ясно, что против них надо действовать *аховыми* и древесными средствами» (Писар., III, с. 250).

Бабиться — «вести себя по бабьи», а также «водиться с бабами». Д[1]: *Ниж.*, *Перм.*; Слов. Акад. 1891 — с цитатами из «Мертвых душ» Гоголя.

Беднота. Д[1]: «бедность; народ беднота — бедняки»; Слов. Акад. 1891 — с пометой «*простор.*» и с цитатой из «Песни бобыля» Никитина. Слово все больше распространяется в собирательном смысле в языке публицистики к концу века и постепенно теряет просторечный характер.

Бесшабашный. Д[2]: *Яросл.*, *Перм.* (в смысле «беспокойный, буйный»); Слов. Акад. 1891 — без ограничительных помет. Ср.: «Вся сцена.. напоминала о чем-то размашистом, бесшабашном» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 17); «Через четверть часа баня наполнилась народом, огласившим воздух бесшабашным гвалтом» (Помял., II, с. 49; у него часто — ср. еще с. 16, 32, 96) и т. д.

Бубнить. Д[1]: «*Кур.* Болтать без умолку и толку, барабанить»; Слов. Акад. 1891 — с пометой «*простор.*» и цитатой из Гл. Успенского. В языке XVIII—начала XIX в. обычно в иной форме: *бубенить*.

Воротила. Д[1]; Слов. Акад. 1891 — без ограничительных помет.

Вызволять. Д[1]: *Перм.*, *Пск.*, *Тамб.*; *вызволяться* — *Кур.*, *Орл.* Ср. Слов. Акад. 1891 — с пометою «*простон.*», с цитатами из «Анны Карениной» и «Князя Серебряного» (в речи крестьян) и с указанием на то, что «это слово в большом ходу в Белоруссии.. Оно и вообще часто слышится в простонародьи».

Выкрутасы. Д[1]: *Юж.*; Слов. Акад. 1892 с пометой «*простор.*» и с цитатой из «Заколдованного места» Гоголя. См. также в Слов. совр. русск. лит. яз., II, цитаты из Боборыкина и Чехова. Ср. еще форму *закрутасы*, бытовавшую в том же значении в литературной речи второй половины XIX в. (Слов. Акад. 1897 — с цитатами из Мельникова-Печерского, Тургенева, Григоровича).

чужды и осуждались им как явления «языка дурного общества» (напр., слово *охотиться* (ездить на охоту), которое выступает без ограничительных помет даже в Слов. 1847). См. об этом: В. Виноградов. Язык Пушкина, М.—Л., 1935, с. 328. Осторожен был Пушкин и в подмеси областных слов. Почти все просторечные слова, употребляемые Пушкиным, находим в Слов. 1847.

[220] Во всяком случае, мы не встречаем их в Слов. 1847, где круг просторечно-простонародной лексики, характерной для простого слога литературного языка предшествующего времени, был представлен достаточно широко. Напротив, они становятся обязательной принадлежностью всех сколько-нибудь полных словарей русского языка последующего времени.

[221] Здесь и далее при ссылках на словари XIX в. даются приводимые в них указания на областное приурочение слова.

Гвалт. Д[1]: *Юж. и запад.*; в Слов. Акад. 1892 — без ограничительных помет и с цитатой из Лермонтова. В источнике это германизм, проникший через польское посредство и переосмысленный на украинской почве. Ср. в «Библиотеке для чтения»: «Выходят актеры, — и поднялся гвал ужасный» (1834, кн. 12, Смесь, с. 120).

Головотяп. Слов. Акад. 1892 с пометой «*простор.*»: «человек крайне ограниченный, глуповатый и вместе с тем упрямый». Слово стало популярным после «Истории одного города»; Салтыков извлек его из народных присловий — насмешливых характеристик отдельных местных групп населения.

Голодовка. В Слов. 1847 нет (но ср. там *голодуха* — без помет); Д[1]: «голодное или скудное время»; Слов. Акад. 1895: «Голодное или скудное время; продолжительное голодание». Кеппен, приводя цитату с этим словом из газеты «СПб. ведомости» за 1858 г. и из «Путешествия по Сибири» Ф. П. Врангеля, сопровождает его замечанием «местное выражение». В публицистике 60—70-х гг. это слово становится уже обычным термином. Ср.: «Во время неурожаев и голодовок, как, напр., в 1723 г., Петр приказывал рассчитывать, сколько нужно на год или на полтора каждому помещику для себя и для крестьян на обсеменение полей» (Дело, 1876, № 8, Новые книги, с. 64).

Голыдьба. Д[1]; Слов. Акад. 1892 — без ограничительных помет. Ср. также *голыш* (цитаты из Достоевского, Решетникова и др. в Слов. совр. русск. лит. яз.).

Детвора. Д[1]: *Юж.*; Слов. Акад. 1895 — без ограничительных помет, с цитатой из «Шпоньки» Гоголя.

Дешевка. Д[1]: *Смол.*; Слов. Акад. 1895: *простон.* в значениях «простая удешевленная водка» и «распродажа залежавшегося товара по дешевым ценам». Слово в первом значении стало широко популярным с 1863 г. после отмены откупов в виноторговле. Кеппен в своих материалах указывает, что слово стали употреблять «в Воронеже, тоже в Симферополе и пр.». См. цитату из Некрасова в Слов. Акад. 1895.[222]

Дрыгать. Д[1]: *Твер., Влад.; дрыгнуть — Вологод., Костром.*; Слов. Акад. 1895 с пометой *простон.*, но с цитатами из Тургенева (авторская речь). Ср. также в Слов. яз. Пушкина. Ср. *задрыгать* (Слов. Акад. 1897 с цитатой из Писемского). Слов. 1847 в этом смысле приводит лишь форму *дрягать*, постепенно выходящую в XIX в. из употребления и приобретающую областной характер.

Екать, екнуть. Д[1]: «*Вят.*, дрогнуть, стукнуть». Но ср. цитату из «Капитанской дочки» в Слов. яз. Пушкина (в прямой речи), цитаты в Слов. Акад. 1897 из «Записок охотника» Тургенева, Вяземского, Загоскина и др. (главным образом в сочетании *сердце екнуло*).

Елозить. Д[1]: *Ряз., Тамб., Влад., Перм.*; Слов. Акад. 1897 — с диалектными показаниями, но с цитатами из Л. Толстого, Тургенева, Островского.

Ерунда. Д[1]: *Симб.*; Д[2] без диалектных приурочений; Слов. Акад. 1897: *Моск., Симб., Пенз.* и др. Однако первоначально слово было приурочено не столько к тем или иным территориальным диалектам, сколько к определенной социальной среде. В «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» Некрасов сопровождает его примечанием: «Лакейское слово, равнозначительное слову дрянь» (VI, с. 120). Д. Зеленин позднее писал: «Едва ли можно отделять слово от термина ненавистной для бурсаков латинской грамматики „gerundium“» («Семинарские слова в русском языке»; РФВ, 1905, IV, с. 115). На это как будто бы указывает и вариант *герунда*, время от времени появлявшийся у писателей XIX в. (см.

[222] Подробности об истории употребления этого слова см. в статье: В. В. Виноградов. Из истории русских слов и выражений. Русский язык в школе, 1940, № 2, с. 35—36.

цитату из «Соборян» Лескова в Слов. Акад. 1897). Ср. в «Очерках бурсы» Помяловского: «Попытайтесь выучить наизусть, слово в слово, буква в букву, всю ерунду бурсацкую» (II, с. 142); «В описываемое нами время и в других учебных заведениях, а не только в бурсе, царила дремучая ерунда и свинство» (с. 127). Слово начинает встречаться в повествовательной прозе 40-х гг.,[223] но особый ход в литературной речи (уже не как экзотический экспонат) получает в 60-е гг. Ср.: «Закрывая его книгу, читатель невольно восклицает: вот так ерунда, т. е. ерунда не в рассказах, а в самых действующих лицах автора» (В. К-овский [В. В. Крестовский]. Рассказы Н. Успенского; Русск. слово, 1862, № 1, с. 41); «Нам уже давно не приходилось читать такой ерунды, как „Материалы для разоблачения материалистического нигилизма“» (Г. Б. Библиографический листок; Русск. слово, 1864, № 4, с. 66) и т. п. Популярность нового резко оценочного слова привела к образованию от него в это время некоторых иронико-полемических производных слов. Наиболее популярным из них в 60-е гг. было *ерундист*. Образование его имеет любопытную историю, освещенную в статье С. А. Рейсера «Журналист и „обличитель“ Лев Камбек» (в сб.: Звенья, VIII, М., 1950, с. 777—782). В полемике 60-х гг. слово *ерундист* получило довольно широкий смысл как ироническое обозначение либерально-пустословных журналистов. Ср. полемические заметки М. Антоновича «Литературные мелочи. Торжество ерундистов» (Совр., 1864, № 7), «Раскаяние г. Альбертини, или раскол в ерундистах» (№ 8), где эта кличка обращена к либеральничающим сотрудникам «Отечественных записок» Краевского. Слов. Акад. 1897, указывая (со ссылкой на И. Наумова) на то, что *ерундист* было шуточным прозвищем студентов-юристов, находит возможным уже широко формулировать его значение: «Тот, кто говорит ерунду». Несколько позднее является и другое ироническое образование с заимствованным суффиксом — *ерундистика* (см. цитату из рассказа Чехова «Корреспондент» в гл. II, с. 266). Ср. также прил. *ерундистый* и *ерундливый*. Напр.: «Опьяневши от одного уже взгляда на „Крым“ [трактир], я ерундисто начинаю рассуждать о тех благоприятных обстоятельствах, которые бы могли положить конец несчастью Цветного бульвара» (Левит., Собр. соч., II, с. 79); «Я, впрочем, думаю несколько иначе: не будь половой ярости, может быть, не было бы у нас некоторых поверхностных и ерундливых писателей» (С. Окр-ц. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, № 9, с. 100). Ср. также *ерундливость*: «Поэзию они [эстетики и лирики] только признают в целомудренной ерундливости фетовской музы, у которой мелодия стиха составляет главную и единственную цель песнопения» (Аноним [Д. Д. Минаев]. Старая и новая поэзия; Дело, 1869, № 5, с. 25).

Живалый. Д^2 — со ссылкой на употребление этого слова у Тургенева. Ср. в рассказе «Хорь и Калиныч»: «Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не „живалый“ (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь» (I, с. 84).

Живоглот. Д^1: *Твер.*; Слов. Акад. 1897: *Вышневол.*, *Обоян.*, *Терск.*, с цитатами из Достоевского, Щедрина. Ср. там же и производное существительное с книжным суффиксом: *живоглотство* (пример из П. Боборыкина).

Жох. Д^1: *Кал.* (в значении «жулик, плут, тертый человек»); Слов. Акад. 1897: *Петроз.*, *Яросл.*, *Симб.*, *Тобол.*, *Петерб.*, *Грязов.* (в том же смысле), с цитатами из Лескова, Горбунова, Гл. Успенского.

Жулик, мазурик. Первоначально эти синонимичные существительные различались по месту распространения. Ср. примечание в романе Б. Мар-

[223] См. примеры и ссылки: сб. «Звенья», VIII, с. 777.

кевича «Перелом»: «На юге России мошенников называют „шарлатанами“, как в Петербурге „мазуриками“ и „жуликами“ в Москве» (VII, с. 49). Впрочем, оба слова — *мазурик* и *жулик* — представлены в «Собрании выражений и фраз, употребляемых в разговоре с.-петербургскими мошенниками» (Сев. пчела, 1859, № 282, с. 1129—1130); здесь *мазурик* истолковано как «мошенник, или вор», а *жулик* — «маленький вор». Ср. Д[1]: *жулик* («мошенник») — *Кал.*, *Моск.* (но *жульничать* — без диалектных помет); *мазурик* — *Новг.*; Слов. Акад. 1897: *жулик* — *Моск.*, *Вят.*, *Мещов.* и др.; Слов. Акад. 1927: *мазурик* — *Петрогр.*, *Вят.*, *Костром.*, *Псков.*, *Тихв.*, *Яросл.* Таким первоначальным диалектным распространением этих слов объясняется и соотношение их употребительности в литературной речи. При очевидном преобладании петербургской литературы и журналистики в XIX в. более употребительным было слово *мазурик* (в том числе и в расширительном смысле). Ср.: «Настоящие поэты не могут быть продажными мазуриками» (Писар., III, с. 94); «Какого циника и мазурика нарядил автор в студенческий мундир под именем Салова [персонажа в романе Писемского «Люди сороковых годов»]?» (С. Окр-ц. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, с. 89). Позднее более распространенным оказывается московский вариант, а слово *мазурик* более ограниченным и специфическим.

Забористый. Впервые Д[1] (но без диалектных помет); Слов. Акад. 1900: *Яросл.*, *Кадник.*, *Нижегор.*, *Волог.*, *Олон.*, *Сарат.*, *Петерб.*, *Казан.*, с цитатами из Тургенева, Мея, Лескова, Щедрина, Некрасова, И. Аксакова.

Завзятый. Д[1]: *Юж.*, *запад.*; Слов. Акад. 1900 — с цитатами из Гоголя, В. В. Крестовского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Станюковича. Встречалось и в литературных произведениях XVIII в., но становится популярным в литературной речи с середины XIX в. в смысле «настоящий, истый» (обычно с оттенком иронии). См. подробнее в статье: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. Докл. и сообщ. филолог. фак. МГУ, вып. 3, 1947, с. 7—9.

Завсегдатай. Слов. Акад. 1900: *Вят.*, *Углич.*, с цитатами из Тургенева, Салтыкова, Кони, «Дневника» Никитенко. Слово стало употребляться в литературном языке не ранее 60—70-х гг. Этой формы не приводит еще и Д[2] (у него иной вариант: *завсегдатель*, популярный со времени Гоголя («Мертвые души»); ср. также этот вариант у Б. Маркевича (VI, с. 446), С. Максимова (цитата в Слов. Акад. 1900) и т. д.). Любопытно, что в литературном языке середины века еще встречаются попытки выразить понятие, закрепленное позднее за этим словом, иным образом, напр., с помощью иностранного слова, а иногда специально создаваемыми для этого словами. Ср.: «Сюда собираются, во-первых, те, которые располагают провести вечер в театре, клубе, или быть в концерте, во-вторых, собственно habitués ярмарки» (В. Физиономия Нижегородской ярмарки; Москвит., 1851, № 15, с. 227); «Некоторые из них, главные habitués боя, сидели внутри четвероугольника, т. е. на самой арене» (Муханов. Из Тихого океана; Наше время, 1860, № 14, с. 225); «Во всех странах света обычник (habitué) театров бывает самый несносный ворчун из всех двуногих» (Москвит., 1853, № 6, Заграничные известия, с. 37).[224]

Задира. Впервые Д[1]; Слов. Акад. 1900: *Моск.*, *Кадник.*, *Вят.*, *Терск.* и *Кубан.*, *Владим.* и др., с цитатами из Щедрина и Боборыкина.

---

[224] В. В. Виноградов (Учен. зап. кафедры русского языка МГПИ, LVI, вып. 2, 1948, с. 11—13) считает *завсегдатай* «разговорным новообразованием середины XIX в.», сложившимся «под влиянием народного *завсегдатель*». Однако больше оснований считать его словом, пришедшим в литературный язык из речи диалектной.

Зазнайка. Впервые Д[1]; Слов. Акад. 1900: *Владим.*, с цитатами из Салтыкова и Мельникова-Печерского.

Закорузлый и заскорузлый. Д[1] — только *заскорузлый* и лишь в отношении к предметам («заскорузлая корка, кожа»); Слов. Акад. 1900—1903: *закорузлый*: *Тамб.*, *Моск.*, с цитатами из Левитова и Достоевского; *заскорузлый*: *Кашин.*, *Углич.*, *Владим.*, с цитатами из Белинского, Помяловского, Лескова, Салтыкова и др. В литературном употреблении можно встретить уже в 40-х гг., но особую популярность слово приобретает в 60-х гг. В литературе и публицистике этого времени появляется и переносное осмысление — применительно к характеристике черствой или неподатливой натуры, косной социальной среды, ограниченных консервативных понятий и т. д. Ср. хотя бы следующие примеры: «Этот ум пробивает себе отверстие сквозь заскорузлую общественную кору» (Благ., с. 206); «Но среди профессоров и студентов [Казанской духовной академии] были уже представители нового, лучшего духа, не мирившиеся ни с заскорузлой схоластикой, ни с келейно-казематной дисциплиной» (С. Ш. Некролог А. П. Щапова; Дело, 1876, № 4, с. 151) и пр. Ср. также отвлеченное существительное: «Не менее ужасны, чем эта бедность, суеверие евреев [в местечках], невежество, заскорузлость и те фантастические толки, которые постоянно волнуют их» (Дело, 1876, № 5, Новые книги, с. 43).

Залихватский. Впервые Опыт 1852 и Д[1]; Слов. Акад. 1900: *Кашин.*, *Углич.*, *Рыбин.*, *Нижегор.*, *Курск.*, *Обоян.* и др., с цитатами из Белинского, Вяземского, Тургенева, Лескова и др.

Занозистый. Впервые Опыт 1852 и Д[1]; Слов. Акад. 1901: *Корч.*, *Углич.*, *Епифан.* (в смысле «придирчивый, задорный» — о человеке), с цитатами из «Мертвых душ», Щедрина, Левитова.

Занятный. У Д[1] лишь *занятно. Перм.* (в гнезде *заимать*); Слов. Акад. 1902: *занятный — Вят.*, *Ворон.*, *Александр.* и *Покров.*, *Кубан.* и *Терск.*, с цитатою из М. Вовчка (в смысле «занимательный»). В литературе 60—70-х гг. встречается еще преимущественно в речи действующих лиц из народа. Но ср. и в авторской речи: «Ее рассказы очень были занятны Марку Данилычу» (Мельн.-Печ., На горах, I, с. 68). Литературному языку второй половины века это слово известно и в значении «прилежный в занятиях», а также «предназначенный для занятий» (напр., *занятная комната* — см. Слов. Акад. 1902 и Слов. совр. русск. лит. яз., IV).

Заправский. Впервые Опыт 1852 г. и Д[1]; Слов. Акад. 1902: *Яросл.*, *Вят.*, *Тамб.*, *Терек.* и *Кубан.*, *Епифан.* и др., с цитатами из Вс. Крестовского, Слепцова, Лескова и др.

Застрять, застревать. Впервые Д[1]; Слов. Акад. 1903: *Вят.*, *Симб.*, *Покр.* и *Юрьев.*, *Щигр.* и др., с цитатами из повести И. Киреевского «Остров» (1838), из Тургенева, Кокорева, Лескова и др.

Заядлый. Впервые Слов. Акад. 1905 с цитатами из Вс. Крестовского, Боборыкина и др. Вероятнее всего западное происхождение этого слова (ср. польск. zajadły). Начало распространения в русском литературном языке падает на 60—70-е гг.

Зря. Впервые Опыт 1852 и Д[1]; Слов. Акад. 1907: *Перм.*, *Сарат.*, *Терск.*, *Каргоп.* и др., с цитатами из Белинского, Салтыкова, Тургенева, А. Толстого и т. д. Это слово народного просторечия сравнительно редко еще встречалось в литературе до 30-х гг. (главным образом в сочетании *на зря* — ср. пример из И. Долгорукого в Слов. Акад. 1905). С 30-х гг. становится обычным словом литературного просторечия. Ср. в публицистике 60—70-х гг.: «[Нравы эпохи] требовали, чтобы либералы грубили генералам, даже так зря, без всякого повода» (С. Окр-ц. Журналистика 1869 г.; Дело, 1869, № 9, с. 84); «Поселенцев в Сибири распределяли зря,

по одиночке и в местностях, где нельзя было заниматься теми работами, к которым ссыльные приучились ранее ссылки» (Дело, 1871, № 3, Новые книги, с. 91) и т. п. Ср. также и производное *зряшный* (см. цитаты конца века в Слов. Акад. 1907).

Зубрить. Впервые Д[1]; Слов. Акад. 1905: *Терск.* и *Кубан.*, *Перм.*, *Кашин.*, *Осташ.*, *Обоян.*, *Петерб.* и т. д., с цитатами из М. Вовчка, Горбунова. Ср. также: «Против системы Краснова не устоял Карась и стал зубрить учебники» (Помял., II, с. 422); «Положим, что найдется доверчивый читатель, который.. вызубрит этот список» (Москвит., 1853, № 7, Критика и библиография, с. 86); «Зубрение по книгам и в кабинетах так еще сильно» (Н. Шелгунов. Односторонность промышленного прогресса; Дело, 1869, № 4, с. 298) и т. п. Это слово школьного арго становится очень распространенным с середины века; нередко можно встретить и его расширительное употребление (как в примере из Шелгунова). Постепенно ослабевает его двойник (идущий из семинарского арго) *долбить* (ср. *долбня* и т. д.); появляется и шутливо-ироническое образование с заимствованным суфф. *зубристика* (см. цитату из Боборыкина в Слов. Акад. 1905).

Измываться. Впервые Опыт 1852; Д[1]: *Ряз.*, *Кал.* Слово входит в литературный язык не ранее 60-х гг., обычно в контекстах с народно-разговорной окраской (ср. цитату из Левитова в Слов. совр. русск. лит. яз., V).

Клянчить. Впервые Опыт 1852 и Доп. оп. 1858; Д[1]; Слов. Акад. 1910: *Верейск.*, *Владим.*, *Волог.*, *Вятск.*, *Новгор.*, *Смол.* и др., с цитатами из Тургенева, Некрасова, Салтыкова, Боборыкина, Мамина-Сибиряка и др.

Лебезить. Впервые Опыт 1852, Д[1]: *вост.*; Слов. Акад. 1915: *Владим.*, *Вятск.*, *Нижегор.*, *Перм.*, *Руз.*, *Рыбин.*, *Симб.*, *Смол.*, *Юрьев.* и др. (в значении «подольщаться, угодничать» и т. п.). Встречалось и в произведениях простого слога XVIII в. (см. цитату в Слов. Акад. 1915 из комедии И. С. [Соколова] «Судейские именины»). Но особенное распространение в литературном языке получает с 40-х гг. XIX в. (см. обильную цитацию в Слов. Акад. 1915). Характерно употребление этого резко экспрессивного слова не только в бытовом плане, но — в публицистике — и для характеристики беспринципности политической, всякого рода политического заигрыванья. Ср. в статье Г. Благосветлова «Империя декабрьской ночи»: «Первым перебежчиком явился Тьер, ранее других догадавшийся, какому богу выгоднее молиться. Он по утрам лебезил перед республиканцами, а по вечерам преподавал свои мудрые советы бонапартистам» (Благ., с. 382).

Мальчуган. Впервые Опыт 1852; Д[1]; Слов. Акад. 1929: *Пенз.*, *Обоян.*, *Перм.*, с цитатами из Писемского, Мамина-Сибиряка, А. Майкова, Чехова. Ср. также *мальчугашка*: «Предположим, что ваш крошечный мальчугашка, запнувшись за стул, падает и принимается реветь» (Н. Шелгунов. Детское чтение; Дело, 1869, № 10, с. 48).

Несуразный. Впервые Опыт 1852: *Владим.*, *Псков.*, *Нижегор.*, *Сарат.*; Д[1]. Широкое распространение слово получает в художественной литературе и публицистике второй половины века, не только применительно к характеристике лица, его внешности или поведения (как в народных говорах), но и для выражения логической несообразности и т. д. Ср.: «Словом, поднялся почти такой же несуразный гвалт, как у Губарева» (Тург., IV, с. 107); «Длинный, несуразный, из бурсаков, похожий на Дон Базилио, уездный врач производил на княжну.. довольно отталкивающее впечатление» (Маркев., V, с. 300); «Что-то непреодолимо противное было для нее всегда в этой детской „несуразной“ — она так называла — голове» (Бобор., I, с. 55); «Статья Южакова, по форме несуразная, по существу представляет среднего достоинства хныканье» (Салт., XIX, с. 386) и т. д. Ср. также и *несуразность*: «Вообще Москва город

большой, богатый, но несуразностей в нем не оберешься» (Нов. время, 1898, № 8104, с. 2).

Несусветный. Впервые Опыт 1852: *Кур.*, *Ряз.*, *Тамб.*; Д[1]. Начинает встречаться в литературных произведениях 60-х гг. Ср.: «Экие уж мы обе с тобой несусветные дуры» (М. Альбов. Повести и рассказы. Изд. 2, СПб., 1888, с. 491). Ср. также в другом варианте: «Начали вновь обнаруживаться невероятные вещи, через которые опять должна была происходить несусветимая путаница» (Леск., ПСС, XXI, с. 86).

Неудачник. Впервые лишь Д[3]. См. об истории этого слова: В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. Уч. зап. каф. русского языка МГПИ, XLII, 1947, с. 8—10. По данным И. К. Копаневича (материалы картотеки Словарного сектора), в отношении к лицу, не имеющему удачи, употреблялось в говорах Псковской, Смоленской и Ленинградской областей (данные 20-х гг. XX в.). Впервые употреблено в «Обрыве» Гончарова, в разговоре Марка Волохова с Райским. Услыхав от Волохова это слово, Райский находит его «хорошим, метким», на что Марк отвечает: «Здешнего изделия: чем богаты, тем и рады!» (Гонч., V, с. 285).[225] После этого слово начинает довольно часто мелькать в литературе. Ср. в статье Н. В. Шелгунова по поводу «Обрыва»: «Для нас важно не то — удачник или неудачник Райский, нам важно то, что русский литературный интеллект стоит на таком низком уровне» (Талантливая бесталанность; Дело, 1869, № 8, с. 30). Ср. также: «Ему вообще не везло — никогда и ни в чем; в корпусе он носил название „неудачника“» (Тург., IV, с. 257); «Эти неудачники [французы] принуждены были взвалить себе на плечи страшную войну» (Дост., ПСС, XI, с. 280); «Сам он.. какой-то озлобленный неудачник, которого ждет самое печальное будущее» (Маркев., VI, с. 263); «Ее весьма мало озабочивала судьба брата, — она давно разумела его как „tête félée“ и „неудачника“» (там же, VIII, с. 45) и т. п.

Нудный. Впервые Д[1]: «*Нудный. Стар.* Трудный, нужный (в этом же знач.), тяжкий, невольный; // ныне *юж.* несносный, противный, гадкий, рождающий тошноту, нуду, рвоту»; Опыт 1852: «*Нудно.* Тошно, грустно, скучно. *Кур.*, *Смол.*, *Росл.*». В заметке об этом слове (см. Бюллетень диалектологического сектора Инст. русского языка, вып. 1, 1947, с. 43—46) В. В. Виноградов пишет, что помета «южное» у Даля «указывала не только на принадлежность к южновеликорусским говорам, но и на связь с украинским языком» (с. 45) и что слово в этом значении «вошло в язык русской художественной литературы около середины XIX в. из южновеликорусских говоров» (с. 46). Ср. у Б. Маркевича в романе «Перелом»: «Говорил он, что называется, *нудно*, словно жернова ворочал» (VI, с. 7). См. также примеры употребления этого слова у Чехова (Слов. совр. русск. лит. яз., VII). Распространение слова в литературной речи скорее всего относится к двум последним десятилетиям XIX в.

Нытик. Впервые Д[1]: «*Моск.* Хныкала, плакса, крикса, рева; жалобно, плаксиво докучающий чем». В. В. Виноградов в статье «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (Сб.: Вопросы теории и истории языка.., М., 1952, с. 134) пишет, что слово, «несомненно, зародилось в семейной, домашней речи. По-видимому, оно сначала применялось к докучающим, ноющим детям». Здесь он опирается прежде всего на данные далевского словаря. Но они, очевидно, и неполны и неточны. Интересны для предыстории литературного употребления этого

---

[225] В указанной выше статье В. В. Виноградова говорится, что «в „Обрыве“.. слово представлено как изобретение Марка Волохова, как его неологизм» (с. 9). Но выражение Марка «здешнего изделия» скорее следует понимать как ссылку на местное употребление слова.

слова показания А. Н. Энгельгардта в первом письме его «Из деревни» (первоначально в «Отечественных записках» за 1871 г.). «Говорят, что только кошки бывают черно-желто-белого цвета, — писал он там шутливо о своих «опытах» выведения трехцветного кота, — и что котов такого цвета никогда не бывает; говорят, что когда народится кот черно-желто-белого цвета, то значит скоро светопреставление. Я хочу посмотреть, правда ли это. Первый признак близости светопреставления — это, как известно, появление большого числа нытиков, т. е. людей, которые все ноют; второй — рождение черно-желто-белого кота. После „Положения" (т. е. после крестьянской реформы 1861 г., — *Ю. С.*) появилось множество нытиков. Хочу посмотреть, не народится ли черно-желто-белый кот» (А. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. М., 1956, с. 37). Таким образом, историю этого слова Энгельгардт связывает с народными сказаниями о светопреставлении, а распространение его — с разговорами и слухами вокруг реформы 1861 г. Как видно из этого, слово имело и в народном языке более широкое значение и относилось не только «к докучающим детям». Ареал его употребления у Даля также намечен далеко не полно. Энгельгардт в своих письмах широко привлекает языковой материал его округи (Смоленской губернии). Эти пореформенные толки несомненно и дали ход слову в литературном употреблении. Следует иметь в виду, что интерес к «Письмам» Энгельгардта и влияние их на интеллигентного читателя 1870—1880-х гг. было исключительным. Во всяком случае к концу XIX в. это слово оказалось уже распространенным в литературной речи. Тогда же сложилось у него и более специфическое значение. Оно стало меткой характеристикой «разочарованного, ноющего, всем недовольного и пассивного „лишнего человека"» (В. В. Виноградов, цит. изд.). Ср. цитату из «Острова Сахалина» Чехова в Слов. совр. русск. лит. яз., VII, где слово *нытики* поставлено в один ряд со словами *неврастеники*, *неудачники*, *лишние люди*.

Обыденный. В Слов. 1847 находим это слово только в значении «построенный или совершенный в один день. *Обыденная церковь. Обыденный путь*» (ср. там же: «*Обыденками, обыденкою, обыденно.* В течение одного дня»). В этом смысле слово было хорошо известно старинному народному и книжному языку. Но уже в литературном языке 30—40-х гг. оно стало устарелым, малопонятным.[226] Зато в литературной речи начинает распространяться *обыденный* в ином значении: «ежедневно встречающийся, повседневный, заурядный». Это отмечает Даль в своем словаре, считая такое употребление незаконным, этимологически неправильным, вызванным неправомерной аналогией со словом *обиходный*. «В последнее время многие, — замечает он, — с чьей-то легкой руки стали писать *обыденный* вм. *обиходный*, искаженье крайне ошибочное» (Д[1], I, с. 1167); «Два русских профессора озаглавили книгу свою: *обыденная жизнь*, вместо *обиходная*; обыденная значит: суточная, однодневная» (там же, с. II). Однако это, очевидно, не было простым семантическим смещением народного слова на почве собственно литературной речи. Здесь перед нами, видимо, налицо влияние народно-разговорного же языка, но иной диалектной среды. Вероятно, употребление слова *обыденный* в смысле «обычный, повседневный» сложилось первоначально в московском просторечии. Изредка такое употребление отмечается уже в литературной речи 40-х гг.; с 60-х гг. оно становится общераспростра-

[226] Ср. объяснение у Белинского смысла выражения «ставить обыденкою»: «Народ.. ставил храм *обыденкою*, т. е. в один день» (III, с. 134). Н. И. Надеждин относил слово в этом значении к простонародному употреблению. «Часто случается, — писал он, — что слово, самое русское по образованию, самое благородное по значению, не принимается в высшую, образованную речь, потому что затаскалось в низшем кругу; например, „обыденный", так прекрасно соответствующее французскому или, лучше, греческому „ephemère"» (Телеск., 1836, XXXI, с. 227).

ненным. Ср.: «Церковнославянский язык утратил свою неприкосновенность и был употребляем для комедий, где перемешивался с самыми пошлыми, обыденными словами» (К. Акс., Ломоносов. Положения, VIII); «Вторая категория [очерков] захватывает весь горизонт сероватой, обыденной жизни» (Вс. К-овский. Рассказы Н. Успенского; Русск. слово, 1862, № 1, с. 40); «Соответствующих предметов не находится в наличной обыденной действительности» (А. Никитенко. Мысли о реализме в литературе; ЖМНП, 1872, № 1, с. 25) и т. п. Ср. и сущ. *обыденность*: «Эта-то обыденность и придает некоторый жизненный характер всему действию романа, потому что вы видите ту повседневность и тех средних людей, которыми окружены повсюду» (Дело, 1875, № 8, Новые книги, с. 317); «Обнажим их [явления] от покровов обыденности, .. и мы можем заранее сказать себе, что наше сердце замрет от ужаса» (Салт., X, с. 47—48) и т. д.

Самодур. Опыт 1852: «*Самодур.* Самовар. *Перм. Ирбит.*»; Доп., Оп. 1858: «*Самодур.* Упрямец. *Псков., Твер., Осташ.*»; там же: *Самодурство* («Упрямство. *Псков., Твер.*»), *самодурить* и *самодурствовать*, *самодурливый*; Д[1]: *Самодур* и *самодурье* («Глупый и самоуверенный, затейливый, упрямый человек»), *самодурить*, *самодурливый*, *самодурчивый*; см. там же наречие *самодуром*, *самодурью* («*Он сделал это самодуром*, по-своему и притом глупо»).[227] Это слово народного языка получило права гражданства в литературном языке 60-х гг. под влиянием его употребления у А. Н. Островского и особенно после его публицистического истолкования в статье Добролюбова «Темное царство». У Островского слово *самодур* впервые употреблено в комедии «В чужом пиру похмелье» (1856).[228] В статье Добролюбова «Темное царство», так же как позднее в статье «Луч света в темном царстве», слово *самодур* употребляется чрезвычайно часто (см., напр., V, с. 31—34, 40, 42, 50, 64, 68, 71 и т. д.). Именно у Добролюбова слово *самодур* получает значение общей, необычайно острой оценки лица, творящего произвол и насилие над другими. У него же употребляются и другие производные от этого слова: *самодурный* (ср. «Тяжкий самодурный запрет наложен на громкую, открытую, широкую деятельность» (V, с. 31), *самодурный гнет* (с. 34 и др.), *самодурничать* (см. V, с. 128)). Наконец, является и обобщающее слово — *самодурство*. Ср.: «Над ними буйно и безотчетно владычествует бессмысленное *самодурство*, в лице разных Большовых, Торцовых, Брусковых, Уланбековых и пр., не признающее никаких разум-

---

[227] Ср. другие диалектные показания: «*Самодуром* — самовольно» (В. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914); «*Самодур, -ка.* Поступающий, -щая по прихоти, по произволу, никого и ничего не стыдясь» (Материалы И. Копаневича; Картотека Словарного сектора); «*Самодур* — шалун» (Архив Географического общества; XI, 31, Моршанск. уезд). Можно отметить, что слово *самодур* было привлечено и в Вейсманнов лексикон 1731 г. для объяснения нем. eigensinnig («Своенравный, упрямый»). Но примеры его употребления в литературе XVIII—начала XIX в. нам не встретились даже и в этом значении.

[228] См. разговор отставного учителя Ивана Ксенофонтовича Иванова с его квартирной хозяйкой Аграфеной Платоновной (д. 1, явл. 1): «[Агр. Плат.] Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем. [Ив. Ксеноф.] Что такое: крутой сердцем? [Агр. Плат.] Самодур. [Ив. Ксеноф.] Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварский язык. [Агр. Плат.] Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...» (II, с. 9). Не трудно заметить, что здесь смысл слова сравнительно с показаниями областных словарей является сдвинутым и более социально острым. См. в статье Н. И. Тотубалина «К истории слов „самодур“ и „самодурство“» указание на то, что слово *самодур*, видимо, было подсказано Островскому А. Ф. Писемским (Уч. зап. ЛГУ, № 200, 1955, с. 235).

ных прав и требований» (с. 31).[229] Ср. также и *самодурствовать*: «Самодурствует он [Самсон Силыч] потому, что встречает в окружающих не твердый отпор, а постоянную покорность» (V, с. 57; см. также с. 51, 110, 122). После Добролюбова эти слова стали широко употребительными, особенно в публицистике. Добролюбов придал слову *самодурство* очень широкий и далекий смысл, обобщающий различные проявления произвола и социального насилия в царской России. Это оказалось решающим для дальнейшей судьбы слова.[230]

Семенить. Впервые Опыт 1852: «Ходить скоро и мелкими шагами. *Олон.*, *Псков.*, *Великолуцк.*, *Яросл.*»; Д[1] (в разных значениях: «говорить проворно, сбивчиво», «стоять беспокойно, переступать с ноги на ногу», «частить ногами, дробно и скоро шагать»). Слово становится широко употребительным в литературной речи с середины XIX в., вероятно, под влиянием гоголевского словоупотребления.[231] Ср. в «Мертвых душах»: «[Чичиков] подходил к той и другой [даме] дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенил ножками» (Гог., VI, с. 165; ср. также с. 169). Оно часто употребляется у Достоевского, начиная с его повестей 40-х гг. Напр., в «Двойнике»: «Господин Голядкин.. стал, ковыляя, семеня, торопясь и спотыкаясь, сходить с лестницы» (I, с. 234); «[Прохожий] дробил и семенил по тротуару Фонтанки частым, мелким шажком, немного с притрусочкой» (с. 253); в «Слабом сердце»: «Вася семенил более мелким шажком, но не теряя достоинства» (I, с. 526); в «Селе Степанчикове»: «Возле него [Бахчеева] семенил Ежевикин; впрочем, он семенил и везде, целовал ручки у генеральши и у приезжей гостьи, нашептывал что-то девице Перепелицыной, ухаживал за Фомой Фомичем,— словом, поспевал везде» (II, с. 588) и др. Столь же обычно это слово и в употреблении Григоровича, Писемского, Салтыкова-Щедрина и др. писателей начиная с 40—50-х гг., преимущественно в одном значении: «идти, двигаться суетливо, мелкими шагами».

Смаковать. Впервые Опыт 1852: «Отведывать, пробовать. *Смол. Росл.*»; Д[1]: *юж.*, *зап.*, *Прм.*, *Волог.*, *Костр.* Образованное от *смак*, пришедшего в русскую разговорную речь через польское и украинское посредство из немецкого языка, это диалектное слово начинает распространяться в литературной речи с середины XIX в. Ср. отрицательное отношение Белинского к употреблению этого слова в романе А. Н. Степанова «Постоялый двор» (Бел., II, с. 63—64).

Сутолока. Впервые Опыт 1852: «1) Беспорядочная толкотня множества людей между собою. *Моск.*, *Верейск.*, *Новгор.*, *Тихв.*, *Твер.*, *Вышневолоц.*»; «*Сутолка.* То же, что сутолока в 1 знач. *Владим.*»; Д[1]. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо; в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях» (VI, с. 192). С середины века обычно в литературном употреблении: Ср.: «Старик не только не

---

[229] См. свидетельство Чернышевского: «Ненависть сосредоточивается на грубом авторитете, господствующем над патриархальною семьею. Вот объяснение страстной силы, с какою восставал Николай Александрович против него, заклеймив его именем самодурства» (X, с. 11). О полемике А. Григорьева с Добролюбовым вокруг нового острого термина см. в указанной статье Н. И. Тотубалина (с. 234—235).

[230] Характерна ссылка на Добролюбова, его статью «Темное царство» и само слово *самодурство* у Чернышевского (в статье «Суеверие и правила логики») при характеристике «азиатства», т. е. самодержавного, полицейского произвола и насилия (V, с. 699—700). Любопытен и тот факт, что в сохранившемся отрывке рукописи «Темного царства» встречается зачеркнутое слово *деспотизм*, замененное автором на *самодурство* (Добр., V, с. 564).

[231] Ранее встречается редко. Ср. в повести Марлинского «Мулла Нур»: «То семенил он впереди шествия, то ровнял толпы мальчишек, то, забравшись в середину зевак, разглагольствовал про чудеса, встреченные им на Шах-даге» (IX, с. 166).

утомлялся этою бесконечною сутолокою, но даже как будто помолодел» (Салт., XI, с. 154); «Я заставил его хотя немного отвлечь свои мысли от поглощавшей его по обыкновению сутолоки всевозможных идей и соображений, обременявших его голову» (Гл. Усп., X, с. 448). Иной областной вариант у Лескова: «Целые дни шла бесконечная сутолка» (Леск., II, с. 549).

Шуршать. У Д[1] лишь: «*Шурчать. Тмб.*; *Шуршить* — производить шолох, шелест». Ср. в «Бежином луге» Тургенева: «Камыши точно, раздвигаясь, „шуршали“, как говорится у нас» (I, с. 177). В литературе второй половины XIX в. это слово уже достаточно обычно. Ср.: «Оленин шуршал и стучал своими большими сапогами» (Л. Толст., VI, с. 72); «Кто-то ходил по комнате, шуршал бумагою» (Слепц., II, с. 19); «Шуршит соломой рожь сухая» (Полон., II, с. 394) и т. д. Ср. другой морфологический вариант: «Чтец .. продолжал шуршить своими беззубыми челюстями» (Леск., ПСС, XXVII, с. 87).

Щуплый. Впервые Опыт 1852: *Курск.;* Д[1]: «*Юж. Тамб.* Мягкий, вялый, рыхлый, дряблый» (см. о нем в статье В. В. Виноградова «Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком». Бюллетень диалектологического сектора Инст. русского языка, вып. 3, 1948, с. 64—65). В говорах употребляется в указанном значении и по отношению к лицам и по отношению к предметам (ср. Д[1]: *щуплое дерево, зерно, щуплый хлеб*). В литературном употреблении преимущественно закрепилось как характеристика лиц по их физическому сложению. Ср.: «Здоровый купец дает щуплому мещанину оплеуху» (Леск., III, с. 513); «Ведь вы знаете эту дочь покойника-то, щупленькая такая!» (Дост., V, с. 383); «Вошел Карл Иванович, .. чиновник, щупленький, сивенький» (Вс. Крест., III, с. 252) и др. Впрочем, изредка встречается и в отношении к предметам. Ср.: «— Ну, что ж? — спросила она, тяжело рассаживаясь на щупленьком креслице» (Леск., ПСС, VI, с. 46).

Этот, далеко не полный перечень областных слов, пришедших в литературный язык или окончательно в нем закрепившихся около середины или во второй половине XIX в.,[232] свидетельствует о том, насколько значительно было в это время перемещение лексики, ранее известной лишь или по преимуществу народно-разговорной речи в ее различных местных и социальных разновидностях, в круг общелитературного употребления. Многие из этих слов были первоначально известны лишь южнорусской диалектной среде или представляли собою слова широкого диалектного ареала, распространенные и в южнорусских говорах.[233] Среди этих слов выделяются некоторые украинизмы, пришедшие в литературный язык отчасти через посредство пограничных южнорусских говоров, отчасти непосредственно употребленные в языке некоторых писателей, связанных и с украинской языковой средой (среди них, конечно,

---

[232] Ср. еще следующие слова, впервые отмеченные «Опытом областного словаря» или словарем Даля: *жеребьевка, жуть, завидущий, закорки, закуток, замухрышка, запойный, заметно, засветло, злюка, зуботычина, зуда, квелый* (и *кволый*), *клюкать* (и *клюкнуть*), *колдобина, кочевряжиться, листва, мельтешить, молодожен, мурмолка, наигрыш, настил, недоумок, нехватка, нюх, оборванец, обочина, обшарпать, освежевать, осоветь, оторопь, папаха, подсолнух, подхалим, полушалок, полыхать, рань, растяпа, ругань, рыбалка, сбагрить, сиверко, сигать, слащавый, смекалка, снохач, уйма, умелый, хибара, чащоба, чехарда, чуб, шустрый, юркий, юркнуть, ядрица* и т. п. Все эти слова номинативного или экспрессивно-образного характера уже достаточно широко представлены в литературном употреблении второй половины века. У Даля многие из них имеют ограничительные диалетные пометы.

[233] Ср. выше замечания о словах *бубнить, выкрутасы, гвалт, детвора, живалый, завзятый, несусветный, нудный, шуршать, щуплый* и др. Ср. еще: *буча, женихаться, жуть, запаска, зеленя, казанок, объегорить, ополоуметь, подсолнух, рыбалка, сигать, слащавый, советь, сюсюкать, умелый, хибара, хутор* и др.

особенно сильным было воздействие языка Гоголя). Существенным или во всяком случае более значительным, чем в предшествующее время, был во второй половине XIX в. и лексический вклад из говоров Урала и Приуралья, Поволжья, Сибири. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить о таких писателях, выходцах из южнорусской округи, Урала, Поволжья, Сибири, как Тургенев, Л. Толстой, Кольцов, Никитин, Лесков, Гл. Успенский, Н. Успенский, Левитов, Решетников, Мамин-Сибиряк, Эртель, Каронин, Потанин, Наумов и др. Особенно значительно было пополнение этим путем так называемого «литературного просторечия», пласта экспрессивно-оценочных слов различного рода. Многие из них прочно сохраняют и в литературном употреблении особый стилистический характер просторечности и разговорности. Но немало и таких случаев, когда в литературном языке эти слова, даже сохраняя различные эмоционально-экспрессивные оттенки, стали, с точки зрения литературной нормы, вполне обычными, по-своему «нейтральными», номинативными средствами, свойственными литературным контекстам самого различного характера (ср. хотя бы *беднота*, *завсегдатай*, *занятный*, *застрять*, *неудачник*, *обыденный*, *самодур*, *семенить*, *смаковать*, *шуршать*, *щуплый* и т. д.). Это само по себе говорит о высокой степени интенсивности усвоения и ассимиляции этих слов в литературной речи. В процессе ассимиляции эти слова нередко подвергались очень характерным смысловым и фразеологическим изменениям, соотносительно с их первоначальным употреблением в народно-разговорной речи, менялось, суживалось или расширялось их значение, складывалось применение их к иным, чем в контекстах народной речи, предметно-смысловым сферам, менялись и границы их привычной сочетаемости с другими словами. (Ср. выше замечания о словах *заскорузлый*, *занятный*, *лебезить*, *неудачник*, *нытик*, *самодур*, *щуплый* и нек. др.). Это было одним из важных условий их ассимиляции литературною речью.

Наши суждения о вкладе лексики областного происхождения в литературный язык были бы неполными и односторонними, если бы мы не приняли во внимание пополнение за их счет и собственно терминологии литературного языка. Здесь мы сталкиваемся, конечно, прежде всего с расширением круга общеизвестных в литературном языке слов, обозначающих предметы и явления деревенского быта, относящихся к сфере сельского хозяйства и народных промыслов и т. д. Как ни постоянно было внимание нашей академической лексикографии к этому кругу терминологии,[234] однако ряд слов этого рода, теперь уже прочно вошедших в основной запас литературной лексики, мы не находим ни в «Словаре Академии Российской», ни в Словаре 1847 г. Ср., напр., *заповедник*, *зеленя*, *зябь* и *зяблевый*, *копнить*, *коренник*, *корж* и *коржик*, *межеваться* и *межевой*, *приработки*,[235] *хутор* [236] и др. Ср. также и отдельные диалектные вкрапления этого времени в научную, например географическую и зоологическую, терминологию. Так, слово *тайга* лишь в это время окончательно превратилось из слова диалектного, сибирского [237] в общий термин, приложимый к труднопроходимым хвойным лесам, расположенным на различных территориях. Ср. еще очень локальные истолкования слова в печати 50—60-х гг. XIX в. Вот некоторые характерные его объяснения из газеты «Санктпетербургские ведомости»:

[234] См. об этом еще в предисловии к «Словарю Академии Российской».

[235] Ср. у Даля: «*Приработки. Псков.* Что заработано сверх ряды; *прáработки. Орл.* Заработки на стороне, но вблизи, не покидая своего хозяйства». В обоих значениях слово становится популярным в литературе последних десятилетий, посвященной характеристике экономической жизни народа.

[236] В Слов. 1847 с пометой «*обл.*»; по Далю — *южное*.

[237] Впервые это слово отмечается Опытом 1852: «*Тайга.* Дикие, лесистые пространства в горах. *Иркут.*»; Д [1]: *сиб.*; с подробным объяснением.

«Тайгами называются сплошные леса в губерниях Томской и Енисейской» (1857, № 60); «В Сибири различают дремучий лес от тайги. Первый сколько бы ни был част, но по нем еще можно проходить, между тем как в тайге на каждом шагу нужно отводить ветви, чтобы проложить себе дорогу» (1853, № 152). Ср. еще *сполохи*, *плес* и нек. др.

Слово *гадюка* впервые приводится в Слов. 1847, но с пометою «*обл.*». В Словаре Даля также указано, что в южнорусской округе это слово обозначает змею. Но затем следует характерное добавление: «Ученые назвали так род Vipera, ядовитых змей наших стран». Слов. Акад. 1892 уже не отмечает диалектного распространения слова, а приводит его как принятое название змей определенного рода (Vipera berus).[238] Введение в литературный оборот новых просторечных и областных слов умножало и осложняло синонимические ряды слов в литературном языке, пополняло запасы русской специальной терминологии, выделявшей различные новые стороны, характерные предметы и явления русской природы и быта, занятия различных социальных слоев и т. п., усиливало процесс семантической дифференциации, столь показательной для истории литературной лексики этого времени.

Мы очертили этот сложный и очень широкий процесс вовлечения просторечно-областной лексики в литературную речь лишь в самом общем виде. Детальное исследование вклада народно-разговорной речи в русский литературный язык нового времени, сложных и изменчивых взаимоотношений и взаимовлияний народно-разговорной, диалектной и литературной речи представляет собою особую задачу. Полное освещение этого процесса может явиться лишь в результате совместных исследований историков русского литературного языка и диалектологов.

§ 17. В общем потоке городского и деревенского просторечия, вливавшемся в литературную речь, вовлекаются в литературное употребление и многие «профессионализмы», терминология и номенклатура различных ремесел, промыслов, разного рода особых занятий. Литературный язык, начиная с 30—40-х гг., «начинает нестреть, — по выражению акад. В. В. Виноградова, — „заимствованиями“ из разных сословных и профессиональных диалектов», «границы литературного языка расширяются. Постепенно открывается доступ в литературу разным социально-групповым и профессиональным диалектам, преимущественно городского быта, таким, которые раньше были за пределами литературного языка»; «в это же время происходит систематическое собирание и широкая литературно-журнальная канонизация и той профессиональной лексики, которая обслуживала обиход помещичьего хозяйства».[239] Нет ничего удивительного в том, что именно в эту пору (отчасти и ранее) некоторые слова этого рода — «профессионализмы» — получают новое фразеологическое использование в разговорной и литературной речи. В общей форме этот процесс уже отмечался предыдущими исследованиями.[240] Мы сделаем здесь лишь некоторые замечания о наиболее характерных примерах этого рода.

В отличие от круга слов, принадлежащих собственно научной терминологии, переосмысление этого круга лексики проходило не на литературной собственно почве, не в сфере книжной речи. Оно складывалось прежде всего в устной речи различных социальных слоев — в речи про-

---

[238] Тоже у Орлова: «*Гадюка*. Вид змей». Любопытно, однако, что еще в 70—80-х гг. можно встретить разъяснение этого слова в литературных текстах. Ср., напр., в романе Б. Маркевича «Марина из Алого рога» (III, с. 244).

[239] Виноградов, Очерки, с. 330 и 331. Автор ссылается здесь на появление в 1843 г. «Опыта терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. П. Бурнашева, собравшего 25 тысяч таких слов.

[240] См., напр., Виноградов, Очерки, с. 330 и сл., 430 и сл.

www.ruslang.ru

винциального дворянства, в чиновничьей и военной среде, в разночинском кругу. В литературном языке лишь отражались результаты сложившегося разговорного употребления. В кругу переосмысленных слов-терминов, о которых речь шла выше, значительное место занимает лексика интернациональная, и во многих случаях, как мы видели, новые, переносные значения были также интернациональными. Лексика второго рода, профессиональные слова и выражения в их новом образно-расширительном употреблении отмечены «местным колоритом», они подчеркнуто специфичны и часто представляют собою характерные, не поддающиеся прямому переводу идиомы. Слова первого рода — термины, к моменту своего переосмысления уже достаточно широко известные литературному употреблению в своем основном, исходном значении. Процесс их семантической трансформации нередко был простым расширением их смысловых возможностей, появлением у них расширительного значения, раздвиганием их первоначальных фразеологических связей. Отсюда — ясно ощущаемая связь между исходным их значением и вторичным осмыслением. «Внутренняя форма» сохраняется или легко воссоздается. Иное дело — специальные слова второго рода. В исходном своем смысле они нередко были словами в широком кругу малоизвестными, словами узкого социально-профессионального круга. В общее употребление они нередко проникали уже в переосмысленном виде, с новыми образными значениями, сложившимися также первоначально в узкой среде. Отсюда — частая утрата в новом употреблении их «внутренней формы», отсутствие живой сознаваемой связи между их первичным и вторичным значением. Не случайно в отношении многих из этих слов и выражений можно строить нередко лишь более или менее достоверные догадки о том, как сложилось их образно-переносное употребление, к какому специальному употреблению оно восходит. Вместе с тем, как это часто бывает со словами, идущими «снизу», из просторечия, и этимологически затемненными, со скрытой «внутренней формой», они в своей обособленности, — обособленности «метеоритов», попавших в литературный язык из какой-то чуждой ему сферы, — сохраняют резкую экспрессивность. Это еще одно характерное отличие этих слов от терминов первого рода. Последние и в переносном своем употреблении часто являются словами с нерезкой экспрессией, легко становятся привычными фразеологизмами, уже не вносящими особой стилистической тональности в те новые контексты, где они стали употребительны.

И в их исходном специальном употреблении слова второго рода можно только в очень ограниченном смысле считать терминами. Они термины чаще всего лишь в том смысле, что это условные слова — обозначения определенных предметов и действий, принятые в той или иной специальной сфере и специфической среде. Для многих из таких слов, принадлежащих условному языку определенной профессии, определенной среды, более подходит название «арготизмов».

Группа этих «терминов», пришедших в литературный язык из просторечия, является, естественно, очень пестрой. Она, в отличие от терминов первого рода, почти не представляет какой-либо системы, более или менее организованных рядов. Здесь находят свое место осколки из самых различных «специальных языков» и жаргонов, — отдельные элементы профессиональных речений ремесленников, торговцев, певчих, церковного причта, охотников, карточных игроков и т. д. Было бы неправильно связывать степень влияния того или иного «термина» этого рода со степенью важности самого понятия или явления действительности, первоначально этим термином обозначаемого (связь эта, как мы видели, была достаточно очевидна в первой группе собственно терминов). Зато устанавливается другая связь: зависимость распространения таких слов в ли-

тературном употреблении от степени влияния той или иной социальной среды или профессиональной группы и от распространенности тех занятий, к своеобразным «терминам» которых эти слова принадлежат. Так, мы сталкиваемся с проникновением в литературный язык (соответственно — в переносном смысле) ряда «терминов», связанных с делами и установлениями церковно-приходской среды (ср. *отпетый*, *ставленник* и нек. др.). В этом нет ничего удивительного, если вспомнить о том, какое значительное место в среде новой разночинской интеллигенции занимали выходцы из среды мелкого духовенства, выученики семинарии. Наиболее обширную и влиятельную группу среди «терминов» этого рода занимает также терминология карточной игры. Это особое место карточной терминологии станет понятно, если иметь в виду то, какое большое место занимала карточная игра в быту помещиков, чиновничьей и военной среды в течение всего этого времени.

Ниже мы приводим сведения по истории некоторых слов этого рода.

Доморощенный. Слов. 1847: «Родившийся в доме; вскормленный дома. Доморощенные утки»; Д[1] с оговоркой: «Большей частью о животных». Это один из наиболее ранних случаев появления переносного употребления у слова, относящегося исходно к терминам сельскохозяйственным. Вместе с тем это переносное применение продолжает существовать на фоне исходного значения. В общем смысле («не высокого достоинства, дешевый, примитивный») слово уже достаточно широко представлено в употреблении 20—30-х гг. Сфера применения его как экспрессивно-выразительного эпитета неизменно расширяется, и к середине века слово свободно выступает как определенная оценка любого рода предметов и явлений — людей и вещей, идей и направлений. Ср.: «Доморощенным Байроном» (Пушк., VI, с. 495); «Доморощенные политики» (Бел., VIII, с. 395); «Наши доморощенные прогрессисты (Добр., II, с. 124); «Сбивчивые принципы доморощенной эстетики» (Добр., VI, с. 190); «Сделав свой доморощенный вывод из факта, он принимался размышлять дальше» (Карон., с. 147); «Доморощенный тарантас господина Самойленки» (Маркев., III, с. 216); «Наш доморощенный мороз Вплетает звезды ледяные В венки пушисто-снежных роз» (Вяз., XI, с. 392) и пр. Как видно, преобладает в таком употреблении оттенок подчеркнуто сниженной, иронической оценки. Однако есть еще случаи (ср., напр., приведенную цитату из Вяземского), где сохраняются более тесные связи с исходным употреблением («свой, домашний, не приобретенный»).

Животрепещущий. В Слов. 1847 г. с общим определением «Полный жизни», но с единственным примером: «*Животрепещущая рыба*». Первоначально слово было известно главным образом в рыбной торговле. Ср.: «Сотни харчевников, занимающих длинный ряд, едва успевают варить уху из животрепещущей стерляди» (Погод., I, с. 27). Но уже в критике и публицистике 30—40-х гг. выступает употребление слова в расширительном смысле. Ср.: «„Телескоп“ [журнал] наполнялся старьем, в котором не было ничего свежего, животрепещущего» (Гог., VIII, 157); «У нас, в Москве, этот журнал есть истинная новость, новость дня, новость животрепещущая» (Бел., II, с. 178); «Очень свободно коснется он в разговоре какого-нибудь животрепещущего опыта над влиянием электричества на растительность» (В. Майк., I, с. 215) и пр.

Мелкотравчатый. В Слов. 1847: «То же, что мелкотравный.[241] *Мелкотравчатый атлас*». Даль представляет это слово двумя сочетаниями: *мелкотравчатый луг* (и *мелкотравый*, *мелкотравный*) — «поросший мелкою травою»; — *мелкотравчатый атлас* — «покрытый мелким узором». Но

[241] Ср. там же: «*Мелкотравный. Стар.* Покрытый мелкими травами или узорами», — *Ю. С.*

современное литературное употребление в смысле «мелкий (с усилительным экспрессивным оттенком), незначительный, недалекий» сложилось, очевидно, на базе особого значения этого слова в языке охотников. Ср. в «Записках мелкотравчатого» Е. Дриянского: «*Мелкотравчатыми* на охотничьем языке называются те охотники, которые держат не более десятка собак и охотятся с ними без гончих — на хлопки» (СПб., 1859, с. 5). В указанном общем смысле по отношению к лицам начинает употребляться сравнительно рано. Ср.: «Мелкотравчатый писатель» (Сев. вестн., 1805, VII, с. 290). С середины века один из популярных оценочных эпитетов, относимый уже не только к лицам, но и к различным социальным и идеологическим явлениям. Ср.: «Пока Камышлинцов сталкивается с какими-то салопницами.., ему все сходит с рук, и мелкотравчатое недовольство ограничивается только тем, что обзывает его демагогом» (Н. Шелгунов. Неконченные вопросы; Дело, 1871, № 4. с. 30). Ср. и производное отвлеченное существительное: «Мишурное значение наших лириков с их скудоумием, мелкотравчатостью и бессодержательностью» (Аноним [Д. Д. Минаев]. Старая и новая поэзия; Дело, 1869, № 5, с. 28).

Отпетый. В Слов. 1847 отмечается только в значении страдательного причастия от гл. *отпеть*; Д[1] указывает кроме того: «*Отпетый дурень, пьяница* — отъявленный». В этом последнем качественном значении слово достаточно широко представлено в разных областных говорах. Оно явно связано генетически с реальным значением гл. *отпевать—отпеть* в церковно-обрядовом употреблении и сложилось, видимо, в провинциальной церковной среде. Ср. любопытный вариант выражения, зарегистрированный Д. Зелениным (Жив. старина, XI, 1901, с. 91): «Отпетый (на двенадцати соборах) — отчаянный». Если этот вариант указывает на происхождение переносного употребления (что также вероятно), то история этого слова совпадает с историей прил. *оглашенный*. Впрочем, ср. у М. И. Михельсона (Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. I, с. 764), где значение «отъявленный, отчаянный, безнадежный» непосредственно возводится к отпеванию как «последнему действию над умершим». В литературном употреблении утверждается с 60-х гг.,[242] проникая через многочисленные тогда произведения, посвященные бурсе. Ср.: «[Гороблагодатский] был *отпетый*. Отпетый характеристичен и по внутреннему и по внешнему складу. Он ходит, заломив козырь на шапке, руки накрест, правым плечом вперед, с отважным перевалом с ноги на ногу; вся его фигура так и говорит: „хочешь тресну в рожу? думаешь, не посмею!“ — редко дает кому дорогу, обойдет начальника далеко, чтобы только избежать поклона. Гороблагодатский поддерживает самое неприличное дело, если оно относится ко вреду высших властей, *отмачивает* дикие штуки.. Он основной столб товарищества. Бурсаки с такими доблестями обыкновенно звались отпетыми» (Помял., II, с. 15—16); «Основной социальный принцип бурсы, по которому „надуть товарищество считается преступлением, а нагадить начальству подвигом“ — стал догматом для Трепетова.. Этот же принцип вынес он потом и за пределы бурсы, как выносят его и все „отпетые“ бурсаки» (Н. Благовещенский. Перед рассветом; Русское слово, 1865. № 1, с. 51); «Ярче всего сказывалось то, в чем сохранился дух старой бурсы, и, бесспорно, самым характерным в этом отношении и бьющим в глаза был тип так наз. „отчаянного“ или иначе „отпетого“, „отчвалого“» (А. Измайлов (Смоленский). В бурсе. СПб., 1903, с. 68). Но такой путь был только одним из возможных путей распространения слова. Другой

[242] Редко можно встретить это слово и ранее. Ср.: «Если не умеете отличить стрелуна от турмана, вы пропащий человек, вы отпетый невежда» (Марл., XII, с. 241).

источник его — непосредственно народные говоры. Ср.: «Приисковый рабочий, или „таежник“, как называют их в Сибири, в большинстве случаев олицетворяет собою, выражаясь народным языком, человека „отпетого“, которому нечего терять в жизни» (Наум., Паутина, с. 375). С 50—60-х гг. в литературе это слово встречается уже достаточно часто — и в прямой речи, и в авторской. «Был в княжеской дворне отпетый головорез Гришка Шатун» (Мельн.-Печ., I, с. 148); «— А это Козье болото. Там живет все отпетый народ, все кержаки» (Решетн., I, с. 176); «Прежде, даже в среде самых отпетых людей, можно было изредка расслышать слова вроде: великодушие, совесть, честь; нынче эти слова окончательно вычеркнуты из лексикона торжествующих людей» (Салт., XII, с. 536). К этому примыкает употребление прил. *отпетый*, особенно в публицистике, в смысле «завзятый, крайний», там где речь идет об определенном направлении. Ср.: «В легитимистских салонах графини де Маран Мортань пользуется репутациею отпетого вольтерьянца, революционера и карбонара» (Э. Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 285); «Не ожидал он встретить в этом отпетом демократе, в этом агитаторе.. столько делового хладнокровия, столько уменья держать себя в обществе» (Ф. Шпильгаген. Два поколения. СПб., 1870, с. 195). Вместе с этим прил. *отпетый* выступает и в значении «погибший, конченный», более тесно связанном генетически с обрядом отпевания. Ср.: «Если и сохранилось что-нибудь от этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже как-то бессознательно.., в виде какой-то пережитой, отпетой старины, которую, увы! не воскресят никакие косметики» (Дост., II, с. 292); «Но потому, что Карлу III не удалось достигнуть более счастливых результатов, никак еще нельзя порешить, что испанский народ отпетый и погибший народ» (Благ., с. 225) и т. д.

Подголосок. Как термин, относящийся к форме хорового исполнения народных песен, становится употребителен в специальной литературе и в беллетристике с середины века.[243] Ср. у Мельникова-Печерского: «Затренкала балалайка, задребезжала гармоника, бойко затянул „запевало“, вторя ему пристали „голоса“: один заливался, другой на концах выносил ... Им подхватили „подголоски“». И тут же объясняющее примечание: «Русская песня начинается запевалой, самым голосистым песенником изо всех... Запевало — обыкновенно высокий тенор; к нему пристают два „голоса“: один тенор, другой бас, первый „заливается“, другой „выносит“, т. е. заканчивает каждый стих песни в одиночку. Подголосками называются остальные песенники» (Мельн.-Печ., В лесах, II, с. 115—116). Образное употребление складывается в публицистике в последние десятилетия века. Ср.: «Но что же собственно из того, что в дипломатическом концерте, в котором дирижировал князь Бисмарк, у него не нашлось бы крепких помощников.. Пожилой канцлер и подголоски из дипломатов живо усвоили бы новую ноту из бисмарковского камертона» (Нов. время, 1898, № 8046, с. 1). Широко употребительно становится переносное употребление слова в публицистике с начала следующего века. Ср. название одной из статей В. И. Ленина «Кадетские подголоски» (1906). Слово с резким экспрессивным оттенком презрения входит в этом смысле в боевую политическую фразеологию.

Еще раньше можно встретить в переносном смысле слово *подпевала*.[244] Ср.: «Помяловский дает возможность читающей публике освежиться от такой гнили, в которую завели любителей легкого чтения гг. Писемские, Ключниковы, Стебницкие и их подпевалы» (Русск. слово, 1864, № 10, Библиографический листок, с. 102). Складывается переносное

[243] В Слов. 1847 этого слова нет. Впервые Д[1].
[244] Впервые Д[1]: «тот, кто подпевает».

употребление и у сущ. *запевала*: «Душою кружка и запевалой был жизнерадостный Боткин» (Сечен., Зап., с. 76).

Пошиб. Впервые Д[1]: «*Пóшиб.* художеств. искусствн. Стиль, школа, манера. *Икона греческого, строгановского пошиба. Строгановского пошиба, да суздальского мастерства* — икона». Об истории этого слова см.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 1953, № 5, с. 15. Первоначально — профессиональное слово иконописцев. В переносно-расширительном смысле («манера, стиль, внешний характер») употребительно с 70-х гг. Ср.: «Марья Николаевна все время говорила по-русски удивительно чистым, прямо московским языком — народного, не дворянского пошиба» (Тург., VIII, с. 144); «Реалист французского пошиба имеет то свойство, что он никогда не знает, что он сейчас напишет, а знает только, что сколько посидит, столько и напишет» (Салт., XIV, с. 205); «Публицисты известного пошиба» (там же, XIII, с. 268); «Со всеми ведется светский разговор одинакового пошиба» (там же, XVII, с. 234) и т. д. Обычно в сочетании: *какого пошиба*; но ср. и в других сочетаниях: «Он никогда не противоречил ей, а напротив, поддакивал и „входил" в тон и пошиб ее речей» (Маркев., VI, с. 173); «Безусый лейбгусарский корнет.., отличавшийся совершенно купеческим пошибом физиономии, хотя и носил одну из древнейших фамилий России» (там же, с. 7).

Приспешник. В Слов. 1847: «1) Умеющий готовить хлебенное; пекарь, пирожник. 2) Подготовщик, помощник при каком-либо производстве, подготовляющий материял или занимающийся начальною работою». Ср.: «Настоящие слуги чинно укладывали кушанья на блюда, принимая их от приспешников» (Марл., II, с. 7); «Как приспешник, готовил он до четырех блюд: щи, кашу, пирог и битки» (Даль, IV, с. 359); «[Чартков] расположился ожидать терпеливо, пока не раздались, наконец, позади его шаги парня в синей рубахе, его приспешника, натурщика, краскотерщика и выметателя полов» (Гог., III, с. 83) и т. п. В середине века складывается расширительное употребление в общем смысле «помощник в каком-либо деле», чаще всего с неодобрительно-презрительным оттенком, сближающим его со словами *прихлебатель* или *прихвостень*.[245] Ср.: «Ивана.. возмущал горбатый Егор, приспешник и помощник Карякина в делах волокитства» (Григор., VI, с. 340); «За вожаком.. стоят приспешники и слуги, которые всею своею массою и всем разнообразием своих функций, так сказать, облегают непокорного и подавляют его» (Михайловск., II, с. 197) и т. п.

Пустопорожний. Первоначально это лишь термин, связанный с сельским хозяйством (Слов. 1847: «*Пустопорожний.* То же, что пустопорозжий»; «*Пустопорозжий.* Не заселенный или не возделанный. *Пустопорозжее место. Пустопорзжая земля*»). Ср.: «Пар, занимающий огромную часть пахотных земель, именно целую треть, которая лежит пустопорожею» (Д. Шелехов. О настоящем положении сельского хозяйства в России; Библ. для чт., 1835, № 2, с. 18). С середины века в литературном просторечии широко употребляется в переносном смысле. Ср.: «Но и эти потрясающие впечатления изглаживались пустопорожним существованием семьи» (Гл. Усп., I, с. 631).

Разношерстный. Первоначально только о животных (см. Слов. 1847: «Имеющий шерсть разного цвета. *Разношерстная четверня*»). С 60-х гг. обычно и в переносном употреблении. Ср.: «Шум связывает все-таки разношерстную компанию юношей» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 49); «Мы думаем, что романский мир одолеет сводную, разношерстную Авст-

[245] Ср. образно иногда и ранее. Напр. в статье П. А. Вяземского «Об альманахах 1827 г.»: «Все это слишком сбивается на бенефисную литературу наших драматических приспешников» (II, с. 13).

рию» (Герц., XIV, с. 100); «Разношерстные эпохи, в которые родились и росли дети, развили их совершенно различным образом» (Гл. Усп., I, с. 621). Ср. также и сущ. *разношерстность*: «Оттого у наших новых философов такая разнокалиберность и разношерстность в принципах, во взглядах, даже в частных суждениях» (Антонович, Избр. соч., с. 35).

Сплотить, сплоченный и произв. В Слов. 1847 гл. *сплачивать* определяется только применительно к строению: «Плочением соединять, связывать несколько вещей. *Сплачивать, сплотить балки, полы*». Но уже рано начинает выступать и образное применение этого глагола в отношении людей. Ср.: «Если когда проникну сию сплоченную толпу, то подняв бич гонения» (Радищ., Путеш., с. 73); «— Иди спасай Луизу, пока еще время, — кричал Густав своему брату, сплочивая у главного входа в замок крепкую ограду из оставшихся при нем солдат» (Лаж., Посл. новик, III, с. 75). Ср. также образно о действиях, направленных на те или иные предметы: «[Поль де Кок и другие французские беллетристы] сплачивают романы свои из всех возможных злодеяний, подслушанных ими в уголовных судах» (В. С. Мнение о нынешней французской словесности; Библ. для чт., 1834, I, с. 77). К середине века это употребление становится господствующим, независимым от исходного специального значения. Ср., напр.: «Гости были рады Пьеру, как человеку, всегда оживлявшему и сплочивавшему всякое общество» (Л. Толст., XII, с. 275); «В настоящее время в народной массе бродят какие-то не вполне ясные для меня идеи, которые сплочивают ее в полном единомыслии» (Гл. Усп., VII, с. 247); «[Теркин] сплотил несколько денежных тузов и без всякого труда проводит в жизнь свою заветную мечту» (Бобор., XII, с. 225) и т. д. Ср. и появление в это время отвлеченного существительного: «Централизация — это хирургическая повязка на больном члене, страдающем потерею внутренней связи, внутренней сплоченности» (С. Сол., VII, с. 27).

Ставленник. Первоначально термин, связанный лишь с церковной средой (ср. Слов. 1847: «Предназначенный к посвящению в священники или диаконы или причетники»). В середине века начинает употребляться образно и расширительно. Ср. в повести Герцена «Долг прежде всего»: «В царствование Николая желтая, желчная, злая фигура Аракчеева нежно исчезает — Рогнедой, плачущей на гробе Анастасии, но его школа растет, но его ставленники, его ученики идут вперед» (VI, с. 304); «Помощник и ставленник его, Лев Степанович премудро и вовремя умел отделить свою судьбу от судьбы патрона, премудро успел жениться на племяннице другого временщика» (VI, с. 256). К концу века уже обычно в смысле «получивший место по чьей-либо протекции». Ср.: «Через день, ровно в 11 часов утра являлся доктор Зимин, восходящее медицинское светило. Это был типичный ставленник дам-патронесс» (Мам.-Сиб., VIII, с. 49—50).

Стушеваться. Появление в переносном употреблении в литературной речи этого профессионального слова чертежников и художников Достоевский, как известно, приписывал своей инициативе (см. в «Дневнике писателя»; XI, с. 357—361), но вряд ли с достаточными основаниями. Такое употребление зарождается в 40-е гг. Семантический спектр этого употребления довольно широк и неопределенен; здесь прежде всего выступает значение: «сделаться менее отчетливым, заметным или незаметным» (о людях и о разных явлениях и признаках), но также и «прийти в замешательство» и даже «уйти, незаметно исчезнуть». Ср., напр.: «Физиономии лиц [во второй половине драмы Бальзака «Мачеха»] стушевываются или делаются пошлыми» (Совр., 1848, № 8, Современные заметки, с. 108); «Его самостоятельность должна была стушевываться совершенно» (Н. Шелгунов. Отживающие слова; Русск. слово, 1863,

№ 6, с. 36); «Ему было так неловко, что он очень бы желал стушеваться» (Бобор., В путь-дорогу, III, с. 35); «Врал он во всевозможные стороны самым свободным образом и только еще начинал замечать, что слушатели от него как-то стушевываются» (Писем.. ПСС, VI, с. 24); «Но герой [Райский в «Обрыве»] стушевывается; его сменяет герой новый, а Райский, превратившись из силы в несостоятельность и опозорившись, сходит со сцены» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; Дело, 1869, № 8, с. 33) и т. д.

Ср. реже в переносном употреблении и невозвратную форму глагола. Напр.: «[Венецианов] советовал только познакомиться с его [мальчика] хозяином и по мере возможности стушевать его настоящее жестокое положение» (Т. Шевченко. Художник; Украинские повести и рассказы, I, М., 1954, с. 288); «„Голос“ все-таки натужился стушевать свой раскол» (Посторонний сатирик [М. А. Антонович]. Раскаяние г. Альбертини, или раскол в ерундистах; Совр., 1864, № 8, с. 315).

Значительное число профессионализмов, получивших образно-переносное употребление, выступает в замкнутых фразеологических сочетаниях. Ср. *сшить на живую нитку*, *шитый белыми нитками*. *мастер на все руки* (первоначально — о перчаточниках), *стричь под одну гребенку*,[246] *под сурдинку* (или *под сурдинкой*)[247] и т. п.

* * *

Особую группу, как сказано, составляют термины карточной игры, получившие переносное употребление. Таковы *бастовать* (*забастовать*), *партнер*, *пасовать* (*спасовать*), *тасовать* и *перетасовать*, особенно — *подтасовать*.

Бастовать, забастовать; забастовка. Всех этих слов нет вообще в Слов. 1847. Впервые они отмечаются Далем. (См. Д[1]: «*Бастовать*. Кончить, перестать, остановиться, пошабашить, особ. употр. в азартн. играх. *В проигрыш бастуется, безл.*»; «*Забастовывать*, *забастовать*. Итал. Закончить, пошабашить, перестать; говор. более в азартной картежной игра». Д[2] прибавляет: «*Забастованье*, *забастовка*. Шабашенье, закончанье, остановка, отказ продолжать что. *Заграничная забастовка рабочих* — шабаш или прогул по стачке, сообща, чтобы вынудить повышенье платы»). Показательно, что Толль, отмечающий всю актуальную общественно-политическую терминологию 60-х гг., слов этих не приводит. Слов. Акад. 1891 отмечает, что слово *бастовать* «в новейшее время получило преимущественно значение: прекращать работу по стачке с другими занимающимися тем же ремеслом или промыслом». Слов. Акад. 1899 при гл. *забастовать* выделяет несколько особых реализаций общего значения («прекратить какое-нибудь действие»), в том числе специально: «устроить стачку, прекратить работу по предварительному соглашению, с известной целью». Как одна из таких частных реализаций рассматривается далее и значение: «Прекратить игру» (карточную). В сущ. *забастовка* здесь на первое место выдвигается значение: «Самовольное, с нарушением условий найма, прекращение работ»; «коллективный отказ рабочих от работы до тех пор, пока хозяева не согласятся исполнить их требования; стачка». Впервые отмечаются здесь же слова *забастовщик* и *забастовщица*. Исто-

[246] Ср.: «Институты, пансионы и корпуса есть своего рода коммуны, где дети разных возрастов, разных способностей, разных привычек сводятся под один уровень, стригутся под одну гребенку» (Н. Соловьев. Дети; Эпоха, 1865, № 1, с. 9).

[247] Ср., напр.: «Все думалось и говорилось в годы царствования Николая I под такой сурдинкой, что не выходило из четырех стен комнаты, где говорилось» (Н. Языков [Шелгунов]. Иллюзии критического оптимизма; Дело, 1875, № 8, с. 279).

рию этих слов можно кратко представить в следующем виде. Даль, конечно, лишь отчасти прав, когда при гл. *забастовать* ставит помету «итал.». Гл. *бастовать* и *забастовать* были образованы на русской почве от заимствованного еще в XVIII в. итал. basta. На русской же почве явилась и характерная семантическая эволюция этих слов. Их первоначальное употребление ограничивалось рамками карточной игры (см. примеры из произведений первой половины XIX в. при гл. *забастовывать* в Слов. Акад. 1899). Такое употребление можно отметить и во вторую половину века. Ср.: «Какой-нибудь Лягушкин или Козявкин начинает повествовать нам стихами или прозою о том, как он.. проигрался в карты и желает получить реваншик, а подлец Михрюшкин забастовал не вовремя» (Писар., III, с. 103). Именно на базе этого исходного значения начинают складываться различные расширительно-переносные употребления. (См. некоторые примеры такого употребления в Слов. Акад. 1899). Одной из таких особых реализаций сложившегося распространительного значения («прекратить какое-либо действие, занятие») было и особое значение, относящееся к стачке рабочих. Такое особое значение сложилось не ранее двух последних десятилетий XIX в., в связи с развитием рабочего движения, борьбы рабочих за свои права и с усилившимся вниманием нашей журналистики к различным формам этой борьбы на Западе и в России. Еще в 60—70-х гг. гл. *забастовать* можно было употребить в общем смысле «прекратить работу» (что и отмечено Далем — см. у него синоним *пошабашить*; см. также пример из «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевского в Слов. Акад. 1899). Позднее такое употребление терминологически ограничивается; глаголы *бастовать*, *забастовать* и их производные употребляются уже специально, когда речь идет о стачке рабочих (это и отмечено впервые Я. К. Гротом в Слов. Акад. 1891). В это же время являются и новые производные: *забастовщик* и *забастовщица*.

Партнер. В Слов. 1847 отсутствует; Д[1]: «*Партенер*. Франц. Товарищ в картежной игре». Д[2]: *Партнер*, — с таким же толкованием. Ив. Покровский, найдя в одном из произведений начала 50-х гг. употребление этого слова в расширительном смысле, замечает: «Слово *партнер* употребляется почти исключительно в карточной игре, а стряпчий мог бы стряпчих одной с ним фирмы, о которых здесь говорится, назвать *товарищами*» (Москвит., 1853, № 21, Смесь, с. 40). Но такое расширительное употребление становится все же обычным с 40-х гг. XIX в.

Пасовать (спасовать). Яновск.: «В карточной игре значит, что не хотят играть; спускать»; Слов. 1847: «Сказавши пас, пропускать оборот карточной игры»; Д[1]: «Заявлять пас в игре». Переносное употребление складывается в 30—40-х гг. Ср.: «Лучшие европейские таланты пасуют или силятся нарисовать нам ряд невероятных фигур» (Друж., I, с. 40); «Спасовав один раз перед практическими интересами жизни, Тюфяк делает новую глупость» (там же, VI, с. 413); «А как начнут они состязаться да спорить об разных материях, так уж тут я просто пасую» (Дост., I, с. 130).

Тасовать и произв. В Слов. 1847 переносное употребление указано при гл. *тасовать* («2. Переводить людей в разные места или перемещать из должности в должность»); у гл. *подтасовывать* таких значений здесь не отмечается; гл. *перетасовывать* вообще отсутствует; Д[1]: *Тасовать* (помимо значения, относимого к карточной игре): «*тасовать людей, людьми* — помыкать подчиненными. суя их туда и сюда, менять произвольно. // Торгов. Мешать сыпучий товар разного достоинства. *Это кофе тасованный*»; *перетасовывать* — «всех служащих перетасовали, заменяя одного другим»; *подтасовать* — только применительно к шулерским приемам в карточной игре. Но именно гл. *подтасовать* в языке публи-

цистики к середине века получает особое употребление в сильно экспрессивном смысле: «извращать, искусственно подбирать». То же отмечается и у его производных. Ср., напр.: «Нет дела более неблагодарного, как то, что делает Шеллинг, — подтасовка и прилаживание философского мышления к данному неподвижному, прошедшему воззрению» (Герц., II, с. 304); «На самую убийственную критику вы [реакционные публицисты] можете отвечать новыми софизмами, новым подтасовыванием фактов, новым извращением мыслей» (Писар., IV, с. 257); «Нужно.. подтасованное большинство, которое утверждало бы без споров фальшивые отчеты» (Н. Мизантропов. Калейдоскоп; Дело, 1876, № 11, с. 455); «Здесь автор „привлекает каждое наречие к допросу“.., чтобы, подтасовывая явления.., произвести точно так же, как и в 1-м томе, беспардонную русификацию всех нерусских наречий славянских» (Бод. де Курт., Рец., с. 44).

§ 18. А. Появление новых переносно-расширительных значений у слов-терминов — только одно из направлений в общем потоке семантических изменений, охвативших очень широкий круг слов. В этот поток оказались вовлечены и многие слова более общего характера. Движение здесь идет прежде всего в следующем направлении: на фоне общих значений, относящихся к миру физических явлений (конкретно-вещественных, пространственных и т. п.), складывается терминированное обозначение различных явлений из области общественно-политической, из сферы идеологии и т. д. В итоге — известное «сужение» и специализация старого общего значения, которое, впрочем, сохраняется у этих слов как исходное, основное. Налицо явный «перенос» значения; однако новое значение обнаруживает вместе с тем сильную независимость, терминологическую определенность, часто лишено образного характера. Таковы новые, появившиеся или окончательно сложившиеся в это время значения у слов *взгляд*, *воззрение*,[248] *вопрос*, *задача*, *движение*, *направление*, *течение*, *убеждение* и др. Некоторые из этих слов сохраняют известную степень экспрессивной выразительности — след образования нового значения путем языковой метафоры; однако и здесь на первом плане все-таки остается терминологическая определенность, «прямолинейность» в обозначении определенных социальных явлений. История сложения новых значений и осмыслений у слов этого ряда заслуживает более детального анализа. Ниже мы приводим некоторые факты из этой истории.

Вопрос. Слов. 1847 дает еще очень краткое и одностороннее определение этого слова: «Предложение для получения ответа или объяснения. *Сделать вопрос. Отвечать на вопрос*». Сходным образом определяет его и Даль. Однако уже в XVIII и в начале XIX в. имеет место характерное семантическое развитие слова, сближение его по смыслу с его иноязычным синонимом *проблема*. Слово *вопрос* начинает обозначать не только определенную словесную форму и формулу, но и «само сомнение, отсутствие сведений, которое желательно устранить».[249] Оставался один шаг,

---

[248] О развитии новых значений в словах *взгляд* и *воззрение* см.: В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки (о русских словах *воззрение* и *завалящий*). В сб.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 1. М., 1960, с. 52—58. Новое отвлеченное значение слова *воззрение* укрепляется в 20—30-х гг. XIX в. Особенно рельефно выступает новое значение («образ мыслей») в формах множ. числа. Старое формальное значение (действие по гл. *воззреть*) окончательно сходит со сцены. В слове *взгляд* с 30-х гг., помимо значения действия по гл. *взглянуть*, развивается то же отвлеченное значение, что и у слова *воззрение*.

[249] Так формулирует это особое значение Слов. Акад. 1891, впервые дающий подробную семантическую разработку этого слова. Ср. примеры, приведенные там для иллюстрации этого значения, из «Истории государства российского» Карамзина и др., а также сочетания: *решить многие важные географические вопросы*, *вопрос о чем-либо*, *это еще вопрос* и т. п. Ранние примеры употребления слова в значении «предмет исследования» см.: Веселитск., с. 108.

чтобы семантическое наполнение этого слова стало таким, каким оно является в нашем современном языке. Ведь *вопрос* в различных сочетаниях означает теперь также и указание на самый объект действительности, подлежащий изучению. Этот шаг был сделан к середине XIX в.

В 60-е гг. становятся обычными такие сочетания, как *общественный вопрос, женский вопрос, рабочий вопрос* и т. д. Ср.: «У меня вопрос науки сочленен со всеми социальными вопросами» (Герц., II, с. 265); «Народный вопрос из области теории и платонических отношений перешел в практику и стал вопросом действительной жизни» (Н. Шелгунов. Глухая пора; Дело, 1870, № 4, с. 35); «Мы очень сомневаемся в политической зрелости читателей „Голоса“ и все-таки думаем, что самый сообразительный читатель его едва ли почувствует в себе настолько смелости, чтобы считать себя солидарным с Гладстоном и видеть в нем своего вожака, хотя бы даже и в восточном вопросе» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1876, № 10, с. 415); «Спекуляция устремилась на пустые места и, эксплуатируя так наз. „квартирный вопрос“, начала организовывать акционерные общества для покупки этих мест и для застройки их повыми домами» (С. Шашков. Биржевые вакханалии в Германии; Дело, 1876, № 12, с. 48) и т. п. Лесков в антинигилистическом романе «На ножах» иронизирует над таким употреблением: «Так называемые нынче „вопросы“ очень удобны для того, чтобы при их содействии узнавать человека» (ПСС, XXIII, с. 57).

Движение. Из переносных значений Слов. 1847 отмечает в этом слове следующие: «Народное волнение. *Внушения неблагонамеренных людей произвели движение в жителях города*»; «Сердечное к чему-либо побуждение. *Один бог видит внутренние движения в человеке*». В 30—60-х гг. эта тенденция к образованию особых, отчасти терминированных значений в слове *движение,* — значений, относящихся к общественно-политической сфере и к области отвлеченных понятий, — находит свое дальнейшее развитие. Во-первых, в определенных сочетаниях слово *движение* окончательно получает значение «общественная деятельность, преследующая определенные цели». Ср.: *освободительное движение, революционное движение, народное движение* и т. п. Во-вторых, слово *движение* в отвлеченных контекстах все определеннее смыкается со словом *развитие*, отмечая изменение, прогресс в понятиях, взглядах и т. п. Ср. такие сочетания, как *внутреннее движение идеи, умственные движения* и т. п. В-третьих, в литературной критике словом *движение* обозначается развитие действия, внутренней коллизии в художественном произведении. Ср.: «Рассказ автора иногда облекается в легкость романического повествования, а иногда доходит до драматического движения» (Бел., VII, с. 610). В-четвертых, в научной литературе словом *движение* начинает обозначаться количественное изменение, рост чего-либо. Ср., напр., *движение народонаселения*, т. е. возрастание или уменьшение числа жителей, изменения в числе рождений, смертей и т. п.[250] Таким образом, и здесь налицо внутреннее усложнение семантики слова, связанное с расширением сферы его действия в контекстах отвлеченно-книжного характера.

Направление. Семантическое развитие этого слова очень симптоматично для данной эпохи. Аналогичные изменения происходят также в слове *течение.*

Уже в Слов. 1847 в слове *направление*, помимо общего грамматического значения отглагольного существительного и значения реально-пространственного, выделены и значения отвлеченные, относящиеся к явле-

[250] Это особое употребление впервые отмечает в своих подготовительных словарных материалах акад. П. Кеппен; оно выделено в Слов. Акад. 1895.

ниям общественным и духовному развитию.[251] Такое употребление определилось уже в предшествующую эпоху. Ср. такие сочетания, как *направление журнала, направление ума* и т. д.[252] В 30-е гг. все постоянное и определеннее становится употребление слова в смысле, близком значению франц. tendance, т. е. для определения той или иной идейной устремленности кого-либо. Ср.: «[Жюль Жанен] до выхода „Лелии“.. не понимал направления „Индианы“ и „Валентины“» (Библ. для чт., 1834, № 5, Смесь, с. 130); «Не зная различия эпох, направлений, образований духа человеческого, хотят судить Державина по уложению английского, греческого, немецкого суда» (Н. Пол., I, с. 4); «Журнал, будучи сборником хороших статей, должен быть еще и журналом, т. е. иметь свое направление, свой характер, словом, быть выразителем своей мысли» (Бел., III, с. 176) и т. п. Так складывается новое значение, обозначающее совокупность определенных взглядов, идейную основу литературного органа, писателя, произведения и т. п. В этом смысле слово в критике Белинского и его последователей употребляется и в составе сочетаний, с теми или иными определениями, и абсолютивно. Ср.: «В нашей литературе заметно все сильнейшее и сильнейшее движение и вообще поворот к лучшему: предприятий новых много; начинают быть в ходу дельные книги; французское направление видимо слабеет и уничтожается» (Бел., III, с. 96); «В Петербурге явились журналы и с направлением и с идеями» (Бел., X, с. 230) и т. п. Возможность такого абсолютивного употребления — лучшее свидетельство той терминологической определенности, которую получило это слово в данном значении.

Популярность и влияние этого слова в 40-е гг. становятся исключительными; требование н а п р а в л е н и я — одним из основных требований по отношению к литературе и ее деятелям. «После Белинского, — писал Г. Е. Благосветлов, — все заговорили о направлении, все стали выставлять напоказ свои убеждения, и даже те, у кого их нельзя было выбить и дубиной, являлись в публику с либеральными ярлыками, только отъявленные не совестились показаться людьми ретроградными. Это был шаг вперед; начинался день, когда козлам понадобились овечьи шкуры, в которые они и наряжались» (Русск. слово, 1864, № 7, Библиографический листок, с. 50). П. Я. Чаадаев в письме к В. А. Жуковскому от 20 мая 1851 г. с неодобрением отмечает, что «все у нас нынче толкуют про какое-то направление: не направление нам нужно, а правление» (ИОРЯС, I, 1896, с. 387).[253] Бурная семантическая эволюция слова приводит еще к одному метонимическому смещению в его семантике. Оно начинает обозначать не только определенную тенденцию и устремление мысли, определенную идейную ориентацию, не только совокупность взглядов и воззрений писателя или журнала и т. д., но и известную литературную, научную, политическую группу, школу, носителей и хранителей этих тенденций, представителей определенного мировоззрения. Такое употребление обнаруживается в 40-е гг. Любопытно, что о нем неодобрительно отзывается Белинский, хотя именно в языке его статей слово было подведено к этой новой семантической грани. Возражая против наименования славянофилов *московским направлением* в статье Ю. Самарина, опубликованной в «Москвитянине» за 1847 г., Белинский пишет,

[251] Ср.: «4) Стремление к определенной цели; назначение. *Высшему училищу дано камеральное направление.* 5) Руководствование к чему-либо. *Воспитанию юношества необходимо хорошее направление*».

[252] См. еще: «Это новое направление исторических исследователей довело нас до странного открытия» (О. С е н к о в с к и й. Скандинавские саги; Библ. для чт., 1834, I, с. 10); «Все три разные направления поэзии, возбужденные Тассом» (Н. Пол., I, с. 284). См. также примеры из журнальной прозы 20-х гг.: Веселитск., с. 101.

[253] Ср. и замечание в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Теперь многих увлекает волшебное словцо „направление“» (X, с. 312).

между прочим: «Выражение „московское направление“ неловко и неудобно для обозначения литературной партии: как называть людей „направлением“?» (X, с. 224). Но «превращение» слова уже совершилось; его смысловое наполнение в этом случае уже не было никак непосредственно связано с исходным значением; слово в этом смысле терминологически уединилось, а апелляция к «внутренней форме» уже не решала дела.[254] С середины XIX в. употребление слова *направление* в смысле «определенная общественная, научная или литературная партия, группа, школа» становится всеобщим. В этом смысле говорят о *реальном направлении*, *гоголевском направлении в русской литературе*, *либеральном*, *консервативном*, *демократическом* и т. п. *направлениях*.

Характерным отражением семантического обособления слова *направление* в этом значении оказалось появление (правда, на короткий срок) новых производных от него. В 70—90-х гг. в речи интеллигенции можно встретить сущ. *направленец* в значении: человек, принадлежащий к определенному общественно-политическому направлению (преимущественно радикальному, левому). Ср. также *направленство* и прил. *направленский*. Напр.: «— Ведь так еще долго будет на Руси, что овладевать стоящими женщинами будут „направленцы“. — Как вы назвали? — Направленцы... это не мое слово. Я его взял в какой-то газете» (Бобор., V, с. 338); «Вам самому сколько надо было лет, чтоб посмелее взглянуть на казенщину обязательного направленства?» (там же, VII, с. 23); «Деятельность [А. Бснни].. не лишена живого интереса и лучше всякого вымышленного направленского романа знакомит нас с характером деятелей недавно минувшего, беспокойного и оригинального времени» (Леск., III, с. 279).

Течение. В аналогичном направлении протекала и смысловая эволюция слова *течение*. Сейчас в сфере общественно-политической терминологии это (*направление* и *течение*) — слова-близнецы, так что при определении соответствующих значений одного из этих слов невозможно обойтись без помощи другого. Но развитие этого особого значения у слова *течение* шло медленнее; оно окончательно определяется только в последние десятилетия XIX в.[255] В течение довольно долгого времени мы встречаемся только с различными образными применениями слова *течение* в определенных контекстах к сфере общественной жизни. Ср., напр.: «Дипломатическое течение увлекало его иногда в.. противоречия с самим собой» (Михайловск., VI, с. 90). Ср. также образно-переносное употребление выражений *плыть по течению*, *против течения*. Лишь с 70—80 гг., на базе этих образных выражений, начинает постепенно определяться особое, терминологически отграниченное употребление слова в смысле: «фракция, направление в общественной жизни, в литературе, искусстве, науке» и т. д. Ср.: «К числу таких старых течений нашей жизни можно отнести раскол» (Г. Усп., XII, с. 81); «Только один его [Л. Толстого] нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения» (Чех., XVIII, с. 313); «Рядом с бакунизмом.. существовало другое течение в русской революционной партии» (Плехан., I, с. 163) и т. д.

Веяние. Близко к этим словам стоит и слово *веяние* в особом его, относящемся к миру идей, смысле, который сложился в литературном употреблении к 60-м гг. Это особое значение слова *веяние* по-разному определяется в словарях русского языка. Впервые отметивший его Слов. Акад. 1892 дает такое определение: «Господствующие в обществе

---

[254] Аналогичную эволюцию претерпело в немецком языке и сущ. Richtung.

[255] Ни Слов. 1847, ни Даль не дают и намека на наличие переносных значений у этого слова.

взгляды, понятия, образ мыслей». Здесь оно рассматривается как самостоятельное значение, возникшее на основе переносного употребления слова *веяние* в его исходном значении: «дуновение, движение воздуха» (*веяние ветра*). Слов. русск. яз. дает иное толкование: «Влияние, воздействие (обычно новых) мыслей, идей и т. п.» — и признает это лишь семантическим (переносным) оттенком к исходному значению: «движение воздуха, дуновение».[256] История формирования этого значения изложена в статье В. В. Виноградова «Из истории современной литературной лексики» (ИАН ОЛЯ, 1950, IX, вып. 5, с. 377—381). Мы сделаем здесь лишь несколько дополнений и уточнений.

Генетическая связь этого значения, относимого к явлениям идейной жизни общества, со значением, относимым к явлениям стихийным, природным (дуновение, воздушная струя), несомненна. Бесспорно и то, что эта эволюция значения совершилась около середины XIX в. Обычно появление нового значения связывается с характерным употреблением этого слова в критических статьях А. Григорьева. Но процесс семантического превращения этого слова не определяется только почином одного лица. Тот новый смысл, который вкладывается в слово *веяние* в статьях этого представителя «органической» почвеннической критики, был подготовлен предшествующим употреблением слова *веяние* в литературной речи. Вместе с тем в системе понятий этой «органической критики» А. Григорьева это слово занимает особое положение, наделено такими смысловыми и образными ассоциациями, которые не переходят в общее употребление.

Еще в критике 30—40-х гг., и прежде всего у Белинского, мы сталкиваемся с образным применением реального значения слова («дуновение») к духовной жизни. Ср.: «Пушкин, в сильных и мощных песнях которого впервые пахнуло веяние жизни русской» (Бел., I, с. 21); «Дух человеческий с безграничным упоением прислушивается к прозябению дольней лозы, к подводному ходу морского гада, к шелесту листьев, колеблемых в знойный полдень летним ветерком: он.. слышит в них веяние того же бессмертного духа жизни, который, подобно огню Прометееву, живит и его собственное существование» (там же, IV, с. 484—485). Ср. и более свободно, вне развернутых образных сопоставлений: «Предмет здесь [в лирике] не имеет цены сам по себе, но.. все зависит от того веяния, того духа, которыми проникается предмет фантазиею и ощущением» (там же, V, с. 46); «Грек боготворил природу, прозревая веяние духа в ее прекрасных формах» (там же, с. 239). Такое переносное употребление подхватывается и усваивается последующей критикой, независимо от А. Григорьева. Ср. у Чернышевского («Об искренности в критике» (1854)): «Прежде постоянно требовалось от поэтических произведений „содержание“; наши нынешние требования, к сожалению, должны быть гораздо умереннее, и потому мы готовы удовлетвориться даже и „мыслью“, т. е. самым стремлением к содержанию, веянием в книге того субъективного начала, из которого возникает „содержание“» (II, с. 260). Так же у Добролюбова: «Веяние современного образования коснулось и Обломова» (IV, с. 322); «Как чувствуется веяние новой жизни, когда, по прочтении Обломова, думаешь, что вызвало в литературе этот тип» (там же, с. 331); «[Подхалюзин] именно настолько и

[256] Еще менее самостоятельным считает его Слов. совр. русск. лит. яз., рассматривая только как случай переносного употребления слова («*переносно*. Об изменении общественных мнений, настроений, вкусов и т. п.»). Конечно, такое определение очень расплывчато и приблизительно. Определение в Слов. Ушак. повторяет с некоторыми изменениями и распространениями толкование Слов. 1892. Слов. Ушак. использует в определении слова *веяние*, как его ближайший синоним, слово *направление*.

сносен еще, насколько коснулось его веяние человеческой идеи» (V, с. 59) и т. п.

А. Григорьев также оказался в русле этого нового употребления. Несмотря на свои особые идейные позиции и частую и резкую оппозицию мнениям и идеям Белинского, он испытал сильное воздействие стиля и способа выражения Белинского. Но его собственный стиль отражал самую характерную особенность его натуры — крайнюю увлеченность, одержимость некоторыми односторонними идеями, страстную неуравновешенность. Отсюда характерное для него тяготение к некоторым образно-экспрессивным «терминам», постоянное, настойчивое и даже часто невольно утрированное повторение излюбленных слов. К ним безусловно принадлежало и слово *веяние*, занявшее особое место среди этих образных, индивидуальных терминов «органической критики». Оно впервые употреблено им. с очень специфическим идеологическим наполнением, в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (первая публикация — Русск. слово, 1859, №№ 2 и 3). В этой статье он на разные лады и в разных сочетаниях применяет это слово к явлениям духовной жизни, преимущественно когда речь идет о воздействии романтизма на русскую литературу 30-х гг. Ср.: «Тихо-грустное веяние его [Жуковского] песней, туманные порывания вдаль встретили себе отпор в нашем здоровом юморе» (А. Григ., I, с. 280); «Какую аналогию с эпохой, под влиянием веяния которой воспитался Октавий [у А. Мюссе], представляет эпоха, под влиянием которой взрос Полежаев» (там же, с. 297); «Шатобриан, один из самых наивных романтиков, чутьем романтика отыскивает романтические веяния в древних поэтах» (там же, с. 276); «Одну глубокую страницу из этих Confessions [«Исповеди сына века» Мюссе] я должен напомнить читателям для пояснения моей мысли о романтизме как стихийном веянии» (там же с. 277) и т. д. и т. п.[257]

Бесспорно, что Григорьев примкнул здесь к складывавшемуся еще в 30-х гг. новому употреблению слова. Здесь вполне ясно ощущается образность этого употребления, живые нити, связывающие новое отвлеченное осмысление слова с его исходным реальным значением. Да и общее отвлеченное значение, намечающееся при таком употреблении, и синонимические соответствия сходны с тем, что мы наблюдаем в употреблении слова у Белинского, в ранней статье Чернышевского и т. д. (*веяние* — влияние, воздействие или же проявление чего-либо).[258] Но было в этом употреблении Григорьева и нечто новое, необычное для сложившегося уже употребления, что отчасти оказало сильное воздействие на дальнейшую судьбу этого слова в нашем языке. Здесь следует прежде всего указать на настойчивость такого употребления у него, на многократную повторяемость слова в новом значении (в одной только статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» слово употреблено 32 раза). Такая «напористость» в ходе литературной полемики обычно не проходит незамеченной, оказывает свое влияние. Не случайно современники, люди 60-х гг., прямо связывали появление этого нового значения и некоторых характерных устойчивых сочетаний, в которых

---

[257] Ср. в более поздней его статье «Искусство и нравственность»: «Едва ли найдется не только в нашей, но и в современной европейской литературе талант, столь чуткий на то, что я, к большому скандалу моих литературных собратий, не могу переставать называть „веяниями“ жизни, или проще говоря (хотя не точнее говоря), талант, который до такой степени был бы способен отзываться на требования эпохи, как талант Тургенева» (Светоч, 1861, № 1, с. 12).

[258] Ср. позднейшее определение самого А. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»: «Меня.. нередко упрекали.. за употребление различных странных терминов, вносимых мною в литературную критику. Между прочим, например, за слово „веяние“, которое нередко употребляю я вместе обычного слова „влияние“» (А. Григ., Восп., с. 6).

встречается затем это слово в литературной фразеологии, с именем Григорьева.[259] Новым было и смысловое идеологическое наполнение этого слова, очень специфическое для направления критической мысли А. Григорьева. В духе почвеннического мировоззрения, сложившегося под влиянием идеалистической философии Шеллинга и славянофильских учений 30—40-х гг., Григорьев под *веяниями* понимал те идейные воздействия извне, которые со стихийною силою обрушивались на русского мыслящего человека и которые надлежало пройти. преодолеть и победить, чтобы вновь вернуться к «почве», к «народному цельному воззрению». Это конкретное новое осмысление не было, естественно, воспринято последующим употреблением, — ведь круг идей Григорьева шел не в основном русле развития русской общественной мысли и его реакционное учение о «почве» встречало насмешки и отпор со стороны других направлений, — но оно все же известным образом косвенно повлияло на окончательное формирование в слове нового значения. Дело, во-первых, в том, что в таком употреблении Григорьева, в системе понятий его «органической критики» слово невольно заняло положение «термина». Несмотря на присущую ему исходную образность (сопоставление идейного воздействия и влияния с силою стихии), оно, как повторяющийся условный в этом особом смысле «знак», было уже наделено тенденцией к утрате этой образной структуры, к затемнению «внутренней формы». Отсюда — частое и у А. Григорьева употребление его не только в сочетаниях (*веяние* чего), но и вне их, употребление независимое, абсолютивное. Эта исходная образность, после А. Григорьева, очень быстро стерлась. В сущности, уже в 60—70-х гг. слово оказалось безусловно вовлеченным в сферу общественной терминологии. Теперь мы почти не ощущаем в таком употреблении слова «переносности», хотя словари по традиции и продолжают отмечать ее. Новое осмысление превратилось в особое, независимое значение. Дело, во-вторых, в том, что у А. Григорьева, при таком абсолютивном употреблении слова, его новое общее значение оказалось уже в известной степени смещенным и усложненным, как бы раздвоившимся. С одной стороны, слово по-прежнему имело общее значение «влияние, воздействие». С другой стороны, там, где оно являлось в таких сочетаниях, как *романтические веяния* и т. д., оно становилось синонимом слов *направление*, *взгляды* и т. п., т. е. получало то значение, которое позднее и формулировано в словарях (*веяние* как «определенный, общественно влиятельный образ мыслей», как «направление общественной мысли», как «круг воздействующих понятий»). Расхождения в определениях словарей, отмеченные выше, имеют свое основание в исторической эволюции семантики слова, их подсказывают смысловые расхождения в самих примерах его предшествующего употребления, на которые опираются лексикографы при толковании слова. Конечно, для современного употребления слово *веяние* вряд ли можно считать прямым синонимом слова *влияние*. Оно ближе по смыслу к словам *направление* и *течение*, хотя и не вполне совпадает с ними, так как содержит в себе также сопутствующую идею о воздействии со стороны определенного образа мыслей или системы взглядов.

Можно отметить также, что особенный ход слово *веяние* получило в литературном языке 60—70-х гг., когда оно было подхвачено в первую

[259] По свежим следам, в ранней статье о «Дворянском гнезде» (первоначально — в журнале «Рассвет», 1859, № 11), об этом, напр., говорил Писарев: «[Лаврецкий] также является нам сыном своего народа, русским человеком, выносившим в себе все влияния или, по выражению одного современного критика, все веяния эпохи» (Писар., I, с. 27). См. также свидетельства Н. Н. Страхова, П. Д. Боборыкина, И. С. Тургенева, приводимые в статье В. В. Виноградова (ИАН ОЛЯ, IX, вып. 5, 1950, с. 380).

очередь либеральной прессой этого времени и принято в ней для обозначения разных проектов и слухов о различных административных «преобразованиях». Вот некоторые характерные свидетельства такого употребления. Напр., в антинигилистическом романе В. Авсеенко «Злой дух» столичный приятель помещика Зиновьева, — «благонамеренного» героя этого произведения, — пишет ему: «Дошли ли до вас слухи о том, что здесь делается, донеслись ли до вас наши *новые веяния*, как теперь здесь выражаются?» (Авсеенко, II, с. 60). Очень резко отзывается о такой фразеологии либералов и охранителей Салтыков-Щедрин в «Пестрых письмах»: «Что такое „веяние“? Это — одно из выражений той паскудной терминологии, которая получила у нас право гражданственности 30 лет тому назад.[260] Означает оно: вот что нужно делать, чтоб как можно больше напакостить.. Таких веяний в нашем обществе было много, но я намечу лишь главнейшие. Во-первых, веяние радостных ожиданий; во-вторых, веяние горестных утрат; в-третьих, веяние хищничества; в-четвертых веяние сапогов в смятку, и наконец...» (Салт., XVI, с. 385). Здесь этот список «господствующих течений» в жизни царской официальной России 60—80-х гг. Салтыков намеренно обрывает, не имея возможности в подцензурном издании прямо заклеймить то торжество реакции, которое приходится на середину 80-х гг.

Эти специфические осмысления слова, и в терминологии почвеннической критики А. Григорьева, и в либерально-охранительной фразеологии 60—70-х гг., выветривались, забывались и отпадали, как старая чешуя. Но толчок, который дали употребительности слова эти различные «привходящие обстоятельства», оказался решающим для его дальнейшей истории: оно прочно закрепилось в новом значении в системе нашей лексики.

Строй. Я. К. Грот в разборе словаря Даля упоминает слово *строй* в качестве одного из тех, которыми обогатилась письменная речь его времени. Он считает, что слово это было взято из старинных памятников (см. Я. Грот. Филолог. разыск., I, с. 18). Действительно, в Слов. 1847 значение этого слова: «распорядок, устройство» — отмечено как старинное и иллюстрировано цитатой из «Повести временных лет». Однако у нас нет никаких достоверных указаний на то, что слово *строй* в этом общем значении было восстановлено в своих правах из старинного запаса русской лексики, под влиянием старых памятников письменности. Скорее здесь можно видеть влияние живого народного языка, где это употребление продолжало держаться.

Во всяком случае в книжном языке такое употребление было новым для 30—40-х гг. XIX в. Найдя в одной из журнальных статей начала 50-х гг. выражение «исследование о строе русского языка», И. Покровский категорически указывает: «*Строй* вовсе не имеет того значения, в котором он здесь употреблен; здесь требовалось слово *устройство*, *строение*» (Москвит., 1853, № 17, Смесь, с. 47). Однако к 60-м гг. слово *строй* в этом общем значении является уже очень распространенным. Симптоматично, что оно с особенною силою вовлекается в это время в круг общественно-политической лексики. Такие сочетания, как *общественный*, *социальный*, *политический*, *государственный строй* и т. п., становятся общеупотребительными. Ср., напр.: «Он предвидел все последствия такой революции: внезапный разгром целого, сложившегося веками, общественного строя» (Маркев., VI, с. 301); «Народы, достиг-

[260] Письмо VIII, откуда взят этот отрывок, было опубликовано в «Вестнике Европы» за 1886 г. Дата появления слова, и особенно в том его специфическом смысле, о котором идет речь, здесь, конечно, приблизительная. Она более всего совпадает со временем появления слова в статьях А. Григорьева, послужившего началом популяризации его, — *Ю. С.*

шие известной степени социального строя» (Благ., с. 165); «В первом случае явится аристократический строй страны, во втором — демократический» (Н. Шелгунов. Либеральничествующая неподвижность; Дело, 1871, № 3, с. 43) и т. п. В этих сочетаниях слово *строй* к этому времени является уже более влиятельным и, во всяком случае, более терминологизированным, чем его общий синоним *устройство*.

Убеждение. В Слов. 1847 рассматривается только как nom actionis к *убеждать* (и обозначение состояния по знач. гл. *убеждаться*). В публицистике 40-х гг. широко распространяется (обычно в форме мн. числа) и служит для обозначения определенной совокупности взглядов лица. Отсюда — обычные сочетания: *человек с убеждениями*, *без убеждений*. Ср.: «Я человек без убеждений и без всяких достоинств» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 144). Характерно замечание одной из «устарелых» героинь в романе Б. Маркевича «Перелом»: «Как вы сказали: „у-беж-де-ния?“ — повторила по складам Охвостова, — да, да, знаю, un mot, которое я начинаю часто слышать и читаю в этих ваших новых русских журналах» (VI, с. 416). О частоте употребления слова в этом смысле и о злоупотреблении термином говорит и следующая цитата: «К сожалению, на современном языке нашей литературы всякий сброд мнений принято называть убеждением; поэтому мы часто спорим об убеждениях таких людей, у которых никогда их не было и которым совершенно легко менять свои заемные мнения хоть каждый день, хоть каждый час» (Русск. слово, 1863, № 8, Домашняя летопись, с. 12). Таким образом, как новый синоним слова *мнение*, сущ. *убеждение* вносило особый оттенок значения. *Убеждениями* называли именно систему вполне определенных мнений, прочно усвоенных и по-своему пережитых. Аналогичную эволюцию претерпело к середине века и слово *взгляд*, которое в форме мн. числа также стало употребляться для обозначения всего круга основных, руководящих идей того или иного лица.

Б. Некоторые существительные, не представляя такой высокой степени терминологической определенности и семантической ограниченности исходного прямого и нового переносного значения, как в предыдущих случаях, однако с этого времени столь же постоянно начинают применяться к социальным явлениям или душевным движениям. Ср., напр.: *гнет*, *затишье*, *застой*, *подъем*, *надрыв* и т. п. В этих случаях более определенно сохраняется метафоричность, переносность нового употребления.

Так, Слов. 1847 дает лишь предметные значения при слове *гнет* («1) Тяжелая вещь, накладываемая на другую для сжимания. 2) Жердь, привязываемая сверху возов для прижатия рыхлой клади»). Но уже в политической фразеологии эпохи декабристского движения слово *гнет* занимает заметное положение (ср. Слов. яз. Пушкина). К середине века такие сочетания, как *семейный*, *социальный гнет* и т. п., становятся очень распространенными. Ср. у Добролюбова в статье «Темное царство»: «Освободиться от самодурного гнета» (V, с. 34); «Натуры, развившиеся под гнетом самодурства» (с. 65); «Под гнетом семейного деспотизма» (с. 75) и мн. др.

В слове *затишье* (*затишие*) Слов. 1847 отмечает только значение «место, закрытое от ветров» (конечно, слово было употребительно и для обозначения самой тишины, отсутствия ветров). П. Кеппен в своих материалах отмечает и переносное употребление слова: «Временное затишье в оборотах зерновых хлебов» (СПб. вед., 1857, № 93).

В слове *застой* Слов. 1847 отмечает и общее значение («остановка в движении. Застой в крови, в соках»), и более специфические, напр., применительно к торговле («Застой в продаже рыбы, мяса, сена»). Однако фразеологический спектр слова в середине века существенно изменяется. Оно оказывается приложимым теперь, как антоним дви-

жения, развития, к самым различным сферам общественной и духовной жизни. Ср.: «Скука есть застой мысли, а этого застоя не может быть при столкновении мыслей» (Отеч. зап., 1848, № 3, Внутренние известия, с. 58); «Не знаем, что будет дальше из деятельности таланта г-жи Евгении Тур, но до сих пор застой.. очевиден» (Москвит., 1853, № 5, Журналистика, с. 22); «Наш патриархальный промышленный застой сменился горячечным увлечением денежной спекуляцией» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1876, № 11, с. 412) и т. п.

Не отмечает Слов. 1847 (так же, как и Даль) и применения слова *подъем* к характеристике усиления развития, прогресса в чем-либо или состояния душевного возбуждения, воодушевления. Такое употребление сложилось к концу XIX в. Ср.: «Подъем духа, произведенный обнадеживанием доктора, продолжался недолго» (Л. Толст., XXVI, с. 103); «У него способность иногда, в некоторых пьесах, возвышаться до такого нервного подъема, на какой не способен ни один русский актер» (Чех., XVII, с. 140); «Это — лишь следствие того подъема жизненных сил, который обыкновенно замечается после благополучно перенесенного тифа» (Верес., I, с. 97); «В развитии ж.-дорожного строительства России было два периода громадного подъема: конец 60-х (и начало 70-х) годов и вторая половина 90-х годов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 3, с. 554).

Это продвижение слов, первоначально конкретно-предметного значения, в сферу выражения внутренних, духовных движений и социальных изменений продолжалось на протяжении всего интересующего нас времени и не закончилось и теперь. Так как основа этих изменений лежит в метафорическом применении слова, то иногда можно отметить здесь и роль личного почина, влияние отдельных мастеров слова. В некоторых случаях это воздействие индивидуального словоупотребления на общее отчетливо прослеживается. Такова, напр., история слова *надрыв*. В современных нам словарях выделяются как особые переносные значения, относящиеся к внутреннему душевному состоянию: «резкое ослабление душевных и физических сил; угнетенное, подавленное состояние» и «чрезмерная, болезненная резкость в проявлении чувств» (см. Слов. русск. яз., II). Ср. *душевный надрыв*, *говорить с надрывом* и т. п.

Такое употребление ведет свое начало от Достоевского. В его романах, при характеристике душевного состояния действующих лиц, это слово в указанных значениях занимает совершенно исключительное положение. Ср. в «Подростке»: «Дама.. сходила с крылечка вниз, с надрывом и злобой» (VIII, с. 176); «К чему эти старые больные надрывы» (там же, с. 223). В «Братьях Карамазовых» книга 4, как известно, носит наименование «Надрывы», и слово это, как лейтмотив, проходит по всей этой части романа: «Это ужасно, это, я вам скажу, надрыв, это ужасная сказка, которой поверить ни за что нельзя: оба губят себя неизвестно для чего, сами знают про это и сами наслаждаются этим» (IX, с. 227), — характеризует Хохлакова отношения Катерины Ивановны и Ивана Карамазова. И вот как откликается на это Алеша: «Слово „надрыв“, только что произнесенное г-жой Хохлаковой, заставило его почти вздрогнуть, потому что именно в эту ночь, полупроснувшись на рассвете, он вдруг, вероятно, отвечая своему сновидению, произнес: „Надрыв, надрыв!“ Снилась же ему всю ночь вчерашняя сцена у Катерины Ивановны. Теперь вдруг прямое и упорное уверение г-жи Хохлаковой, что Катерина Ивановна любит брата Ивана и только сама, нарочно, из какой-то игры, из „надрыва“, обманывает себя и сама себя мучит напускною любовью своею к Дмитрию из какой-то будто бы благодарности, — поразило Алешу: Да, может быть, и в самом деле полная правда именно в этих словах!» (IX, с. 234). К концу века слово *надрыв* в этом смысле

уже является достаточно употребительным. Ср.: «Доктор Астров такой же погибающий интеллигент .. с неизбежным душевным надрывом, который заставляет его попивать» (Нов. время, 1901, № 8975, с. 4).

В. Появление экспрессивно-переносных значений у слов конкретно-предметного значения иногда захватывало целый ряд синонимов аналогическими изменениями. Такова, напр., история слов *подкладка*, *изнанка* и *подоплека*. Появление у этих слов особых переносных значений падает на 30—60-е гг. XIX в. Хотя и в исходных предметных значениях их и в новых переносных значениях можно отметить некоторые характерные различия, в их судьбе много общего, и взаимное влияние в этой семантической эволюции одного слова на другие безусловно имело место. Первым вступило на этот путь слово *изнанка*. Появление у него переносного значения («Скрытая сторона чего-либо»; — обычно речь идет о качестве отрицательном) относится к 30—40-м гг. Ср.: «[Исторический роман] разоблачает перед нами внутреннюю сторону, *изнанку*, так сказать, исторических фактов, вводит нас в кабинет и спальню исторического лица, делает нас свидетелями его домашнего быта, его семейных тайн, показывает его нам не только в парадном историческом мундире, но и в халате с колпаком» (Бел., V, с. 41); «У каждой литературы две стороны — лицевая и изнанка» (там же, VI, с. 535);[261] «Это страшная изнанка жизни человеческой» (Герц., II, с. 65) и т. п. Здесь не исключается воздействие французского языка (ср. значения envers). Вслед за тем — к середине века — получает переносное употребление и слово *подкладка*. Нетрудно заметить, что это слово, при всей близости его к слову *изнанка*, является более широким по смыслу и более разнообразным по характерным фразовым сочетаниям (ср. выражение: *на* какой-либо *подкладке*). Слово *подкладка* применяется в отношении какой-либо основы, главного мотива чего-либо (часто, впрочем, именно когда речь идет о скрытой основе). Ср.: «Подкладкою практике прогресса является его теория» (Лавр., I, с. 357); «[Афоризмы славянофилов] не возбуждают в вас ни малейшего подозрения о присутствии в них какой бы то ни было научной подкладки» (З-[Е. З а р и н]. Пора меж волком и собакой; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 3); «Чувства, которыми они жили, имели иную подкладку» (Н. Ш е л г у н о в. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 10, с. 9); «Вы чувствуете, какая подо всем этим подкладка» (Авсеенко, I, с. 383); «Говорили, что он скомпрометирован, но как-то в своем роде, на такой аристократической подкладке и под таким белым знаменем, что не стали докапываться» (там же, II, с. 187) и т. п.

Более сложным был путь к этому особому значению («истинная, но скрытая причина чего-либо») у слова *подоплека*. История этого слова хорошо показывает, какую роль в семантических переменах этого рода играла полемика вокруг некоторых слов как символов определенного рода понятий. Слово *подоплека* в своем исходном, реальном значении было для литературной речи предшествующего времени достаточно «экзотическим», связанным с народным, крестьянским бытом. Ср. в Слов. 1847: «*Подоплека* и *подплечье*. Холщевая подкладка у крестьянских рубах, подшиваемая спереди и сзади от ворота до пояса». В художественной литературе слово в этом смысле встречалось при описаниях народного быта. Естественно, что больше поводов для его появления представилось в связи с умножением повестей, рассказов и очерков крестьянского быта в литературе 40—50-х гг. Особо следует оговорить употребление этого слова в народном поговорочном выражении: *Знает про то грудь да*

[261] Ср.: «Это изнанковая сторона любви, которая для прочности всегда подбивается ненавистью» (Б р а м б е у с. Предубеждение; Библ. для чт., 1834, № 12, с. 270).

подоплека (ср. его толкование в Слов. 1847: «Существует скрытная или тайная печаль»). В этом выражении уже были заложены возможности семантического сдвига слова в сторону современного его переносного значения. В устах персонажей из народа это выражение часто появляется в произведениях литературы 40—60-х гг. Ср., напр.: «А каково мне-то было слышать все это, про то бог один ведает, грудь одна знала да подоплека» (Даль, III, с. 82); «Знает грудь да подоплека, что отнял у меня бог» (Кокор., II, с. 163); «Эх, матушка, говорит, матушка! Знает одна моя грудь да подоплека, что я вынес за напраслину» (Н. Усп., I, с. 21) и т. д.

Таким образом, употребление слова *подоплека* было ограничено реально-тематически (картины крестьянского быта), фразеологически (преимущественно в составе указанной поговорки) и стилистически (в речи действующих лиц из народной среды или в различных стилизациях под народную речь). Лишь в 1860-х гг., в силу особых обстоятельств, слово превратилось из явления более или менее «экзотического» в факт собственно литературной речи; постепенно оно утратило свою старую фразеологическую связанность. Этим особым обстоятельством послужило выдвижение славянофилами этого слова в качестве образного, символического обозначения «народной сущности». Впервые в таком смысле слово это употребил А. С. Хомяков в своей речи в Обществе любителей российской словесности (опубликована в «Русской беседе», 1860, т. I). «Ее [обличительной литературы 50-х гг.] голос, — говорилось там, — есть признак освобождающегося дыхания и в то же время есть глубокий стон.. из сердца и подоплеки народной» (Хом., III, с. 414). Нетрудно заметить, что и в этом случае имеет место лишь расширительное применение слова, восходящее к поговорочному выражению. Однако ироническое освещение в публицистике 60-х гг. этого риторического оборота очень быстро по-своему «терминировало» это слово, превратило его в «символ», придало ему особый обобщающий смысл (ср. сходную историю со словом *почва*). См. иронический отклик на речь Хомякова в «Заметках нового поэта» И. И. Панаева: «Подоплека народная! Какое смелое выражение! Такие слова, конечно, не дерзнули бы употребить в ораторской речи сорок лет назад. Это прогресс» (Совр., 1860, № 5, с. 103). Позднее, в очерке «В дружеском кругу» (1874; вошел в цикл «Благонамеренные речи») Салтыков-Щедрин так характеризует «символ веры» славянофила: «Религия, почва и любовь — вот триада, которой поклоняется Плешивцев и в которой он видит так наз. русскую подоплеку» (XI, с. 423). В «Рассказах о пустяках» Каронина говорится об одном помещике: «Шишкин уверял, что он — чисто русский, с русским сердцем, с народною подоплекой» (Собр. соч., I, с. 175). Любопытно, что в 1860-х гг. было популярно метонимическое употребление и слов *сермяга*, *зипун* для обозначения мужика, крестьянства, народа, слова *чуйка* в смысле крестьянин, мастеровой.

Вызвав ироническое эхо в прессе того времени (особенно в демократических журналах — «Современнике», «Русском слове», «Искре», затем — в «Отечественных записках»), это «лозунговое» применение славянофилами слова *подоплека* сделало его популярным, стоящим на виду. В этих условиях и реализовалось переносное применение слова в смысле «скрытая действующая причина (основа) чего-либо»; обычно с «отрицательным» ограничением: о причине не только скрытой, но и намеренно скрываемой (в современном употреблении слово *подоплека* чаще всего выступает в сочетаниях: *скрытая*, *тайная подоплека*, *разоблачить* (*вскрыть*) *подоплеку*, *подоплека* чьих-либо *происков*, *махинаций* и т. п.). Здесь имела место двойная семантическая индукция. С одной стороны, воздействие потенциальных смысловых оттенков, таящихся за этим сло-

вом в старом поговорочном выражении. Ведь сближенное и поставленное в один ряд со словом *грудь*, слово заключало в себе намек на нечто скрываемое внутри, не обнаруживаемое явно. Ср. следующий характерный прием семантического разложения поговорки в «Записках степняка» А. Эртеля: «А позвольте вас спросить: вы знаете мужика? Егор Данилыч знает мужика? Я знаю мужика? Душу-то его, подоплеку? Никто не знает» (А. Эртель. Записки степняка, СПб., 1883, с. 100). Или ср. показательную синонимическую подстановку в очерке Гл. Успенского «Парамон юродивый»: «Четыре громкие удара в кольцо [двери] в неурочное время сразу отрезвили нас.., сразу разберединли нашу подоплеку, т. е. тоскливое ожидание удара, неприятности, вреда» (VI, с. 107).

С другой стороны, извлеченное из старого фразеологизма и переосмысленное в психологическом плане, слово *подоплека* легко ассоциировалось с другим словами, близкими ему по исходному предметному значению и уже получившими определенное переносное употребление, — со словами *изнанка* и *подкладка*. Ироническое отношение к образному реторическому применению слова в писаниях славянофилов в свою очередь способствовало появлению у слова такого переносного смысла и сниженной стилистической тональности. Во всяком случае именно в самый разгар полемики вокруг славянофильского истолкования «народной подоплеки» являются и первые случаи употребления слова в более широком переносном смысле. Ср. в очерке Щедрина «Наши глуповские дела» (1861; цикл «Сатиры в прозе»; это как будто бы первый случай такого употребления): «Для определения глуповского air fixe нужно обратиться к данным.., составляющим, так сказать, подоплеку глуповской жизни, — одним словом, обратиться к глуповскому миросозерцанию» (III, с. 259). У Щедрина слово встречается в этом смысле неоднократно. Ср. еще в очерке «Чужой толк» (из цикла «В среде умеренности и аккуратности»): «У нас, людей отживающих, .. есть огромный недостаток: мы боимся даже невзначай обнаружить ту сокровенную подоплеку, которая составляла основу всей нашей жизни» (XII, с. 609).

Однако такое употребление не сразу стало обычным. Особое славянофильское «толкование» слова в известной степени и мешало превращению нового переносного осмысления в самостоятельное значение, свободное от специфических, ограничивающих его идеологических ассоциаций. С угасанием полемики вокруг «народной подоплеки» эти особые ассоциации стирались, а на передний план выходило более общее значение. Этот последний шаг в смысловой эволюции слова падает уже на последнее десятилетие XIX в. Здесь, между прочим, сыграло роль и то, что слово в таком сдвинутом, более широком смысле употреблял Щедрин, писатель особо влиятельный, чье словоупотребление оказывало сильное воздействие на речь передовой интеллигенции последних десятилетий.

Новое значение слова *подоплека* затем оторвалось и от старого предметного значения слова в народном языке, и от своих первоначальных фразеологических связей, и от символико-публицистических его истолкований. Вряд ли те, кто позднее употреблял слово *подоплека* в этом новом смысле, знали его историю, его первоначальное предметное значение. *Подоплека* в этом старом значении продолжало жить особой жизнью областного слова. Если и можно говорить о каких-либо образных ассоциациях, являющихся при употреблении слова *подоплека* в его новом литературном значении, то они возбуждаются внешними и смысловыми сближениями его со словами *подкладка*, *подноготная* и т. д.

Г. Очень обширен круг существительных конкретно-предметного значения, которые около середины XIX века начинают в языке художественной литературы и особенно публицистики прилагаться как эмоционально окрашенные характеристики к понятиям отвлеченного характера, к по-

нятиям о людях и их отношениях. В значительной степени за счет нового употребления таких слов[262] складываются в это время новые ресурсы литературного просторечия, т. е. принятых в литературной практике слов явно оценочного, экспрессивного — и при этом сниженного, подчеркнуто грубоватого, резкого характера.[263]

Далеко не все случаи такого употребления этих слов можно, со строго лексикологической точки зрения, рассматривать как особые, установившиеся в языке значения их. Но нельзя и пройти мимо этого очень типического употребления, во многом изменившего стилистические нормы и приемы литературной речи, особенно — публицистической. Понятно, что такое употребление часто вызывалось остротой полемической борьбы, свойственной нашей развивающейся публицистике в годы серьезного обострения классовой борьбы, политических и идеологических столкновений. Историк русского литературного языка новейшего времени должен отметить это как очень характерную черту стилистических перемен в литературной речи. Тем более, что некоторые из таких особых применений самых обычных бытовых слов оказались и очень устойчивыми, усвоенными от публицистики 40-х и особенно 60-х гг. литературой последующего времени. Было бы трудно исчерпывающим образом перечислить все случаи такого употребления. Мы ограничимся лишь некоторыми характерными примерами.

Ср., напр., устойчивое определение словом *богадельня* всякого рода неполноценных, несостоятельных общественных и литературных предприятий (журналов, учебных заведений и т. п.). Едва ли не впервые такое энергичное употребление находим, между прочим, у Белинского. «Опытным известно, — говорит он о «Москвитянине» Погодина и Шевырева, — что такие сердобольные журналы — род литературных богаделен, где призираются все литературные недужные и калеки, все убогие и нищие умом и дарованием» (IX, с. 465). Позднее в демократической литературе 60-х гг. это становится в подобных случаях излюбленным эпитетом. «Журнальной богадельней», напр., называл Писарев почвеннический журнал «Эпоха» (Писар., III, с. 201). Ср. также слова студента Лелюшина — героя романа А. Шеллера-Михайлова «Жизнь Щупова»: «Ведь я не могу проследить за детьми до конца их развития, расстаюсь с ними, приготовив их в учебные богадельни» (Шелл.-Мих., II, с. 218).

Бойня часто выступает как экспрессивный синоним слова *война*. (Ср.: «франко-прусская бойня» (Дело, 1876, № 6, Новые книги, с. 85)).

Винегретом обозначают эклектическое, случайное сочетание разного рода мнений и понятий. Ср.: «Во Франции немецкая метафизика, как известно, сложилась в так наз. „эклектизм“. В этом философском винегрете желающие находят все возможные общие места по части истины, добра и красоты» (П. Б. Жертвы идеализма; Дело, 1872, № 9, с. 7); «А если обратитесь к авторитетным [у либералов] воззрениям на живые практические вопросы, вас угостят еще гораздо приятнейшими винегретами» (Черн., VII, с. 706); «Наше время и есть время полного господства воззрений смешанных, винегретных, светло-темных, либерально-ретроградных» (Русск. слово, 1864, № 5, Домашняя летопись, с. 40) и т. п. Ср. в том же смысле и слово *окрошка*: «Положим, .. что мы выиграем в солидности фактов, в основательности мнений, если поручим Костомарову разбирать историю Соловьева, Пыпину — Домострой, Кавелину — гражданские законы, Прыжову — оружие Грановитой палаты; но черт ли

[262] Так же, как и соответствующих прилагательных и глаголов — см. ниже, §§ 19 и 20.

[263] См. об этом в моей статье «Просторечие как термин стилистики» (Докл. и сообщ. Филолог. фак. ЛГУ, вып. 1, Л., 1949).

в этой солидности? Ведь это будет концерт из кастрюль, сковород, ухватов и кухонной посуды, это будет ученая окрошка, приготовленная на филистерском бульоне» (Благ., с. XXII). Ср. и переносное употребление слов *стряпня*, *кухня*: «Мы оценили по совести в одну гривну обе стряпни с педагогической кухни г. Гаврилова» (Дело, 1876, № 2, Новые книги, с. 40—41).

В прогрессивной журналистике 60-х гг. сложилась сатирическая аттестация реакционных публицистов типа Каткова, идеологов почвенничества и т. п. как *кликуш*. И это употребление стало традицией. Ср.: «Вы [славянофилы] не умеете говорить простым и ясным языком о самых обыкновенных вещах и, не отдавая себе отчета в вашем словоизвержении, прикидываетесь пророками и чревовещателями, — нарочно, чтоб никто вас не понял. Для этого вы придумали какое-то особенное наречие, с особенной терминологией, которую употребляли только древние оракулы да нынешние кликуши» (Русск. слово, 1863, № 8, Домашняя летопись, с. 6). Вслед за такими уподоблениями явилось и переносное употребление слова. Напр.: «Г. Суворин облекся в хламиду всеславянского Альгвазила; г. же Орест Миллер довольствуется более скромною ролью всеславянской кликуши» (Н. Мизантропов. Калейдоскоп; Дело, 1876, № 10, с. 492).

Широкое употребление в переносно-оценочном смысле получило в эти годы и сущ. *лавочка*. Ср.: «Что поучительного скажет мой листок, если я докажу, что такой-то господин не более, как литературный проходимец, открывший свою лавочку для надувательства простаков и людей темных» (Г. Б. Библиографический листок; Русск. слово, 1864, № 4, с. 40); «Американская пресса, собственно говоря, печатная лавочка, разменная контора или бюро ростовщика» (Я. П-р. Американская плутократия; Дело, 1876, № 11, с. 170) и т. п. Ср. характерное полемическое замечание в статье Ю. Жуковского «Милль, перевранный „Русским словом“»: «Есть, как вам известно, термины и собирательные имена, ставшие синонимами самых жестких эпитетов. К числу таких имен принадлежит термин лавочничества и буржуазности, который ставится нашими радикалами „Русского слова“ рядом с умственным развратом и мошенничеством» (Совр., 1865, № 8, с. 228).

Ср. также такие резкие определения, как *лакей*, *проституткa* и т. п. Напр.: «С этими словами, подкрепленными всею жизнью Берне, он обращался к Менцелю и в лице его к бесчисленному множеству всевозможных литературных лакеев, которыми была полна тогдашняя Германия» (Дело, 1869, № 10, Новые книги, с. 68).

Как видно из примеров, с этого времени обычной стилистической нормой становится сознательное сочетание слов обиходно-бытовых, конкретно-предметных и слов книжных, выражающих понятия отвлеченные. Возможности в этом направлении становились с развитием публицистики почти неограниченными. Ср. такие сочетания, как «прорехи общественной жизни» (Н. Бажин. История одного товарищества; Дело, 1869, № 8, с. 17); «спячка мозга» (Н. Шелгунов. Талантливая бесталанность; там же, с. 32); «шелуха гегелизма» (Писар., III, с. 377); «умственный голод» (Карон., с. 107); «азбука естествознания» (Писар., II, с. 226) и мн. др. В таких тесных сцеплениях и складывались новые осмысления, расширявшие границы возможной употребительности и семантико-фразеологический объем обычных слов.

Д. Экспрессивные по своей природе применения бытовых, конкретно-предметных слов не всегда, как мы выше говорили, приводили к созданию особых отложившихся в них значений. Эти новые осмысления в значительной степени были обусловлены контекстом, выступали связанными в рамках известных, более или менее подчеркнутых сочетаний. Но все-

таки даже в кругу существительных этого рода находятся и такие, где эти новые экспрессивные осмысления известным образом «терминировались», т. е. во всяком случае являлись как особые значения этих слов самих по себе, а не только в определенных сочетаниях их с другими словами.

В этом смысле показательно образное применение в политической терминологии и фразеологии такого слова, как *болото,* для обозначения промежуточных, не имеющих собственной программы общественных слоев и политических группировок. Как известно, такое значение сложилось у французского слова marais в эпоху революционного Конвента. У нас оно было усвоено в разгар политической борьбы 60-х гг. Ср. также новые социальные значения у слов *верхи* и *низы*, выделенные в данном случае и формально (они присущи лишь формам множ. числа этих существительных). Показательно в этом смысле отложение особого политического значения у слова *подполье* («деятельность, направленная против власти и протекающая в условиях полной конспирации, нелегальности», а также собирательно — о людях, ведущих политическую борьбу на нелегальном положении). Это значение определилось в 70-х гг. в связи с развитием нелегальных народнических организаций. Первоначально экспрессивный характер такого употребления несомненен: оно сложилось в реакционной среде и не без влияния известного памфлета Достоевского «Человек из подполья». Но уже вскоре эта первоначальная экспрессивность выветрилась; слово получило точное значение общеупотребительного термина. Соответственно с этим и прил. *подпольный* стало обычным антонимом слова *легальный.*[264]

Устойчивым оказалось и новое экспрессивное значение у слова *подонки.* Слов. 1847 указывает только на предметный исходный смысл: «Частицы жидкого вещества, осевшие на дно». К 60-м гг. определяется также и употребление в новом переносном смысле: «всякие разложившиеся элементы в обществе». Ср.: «Эти подонки городского населения, в особенности парижского, не имели никакого социального значения» (Благ., с. 366); «Нищенство выделяется из пролетариата; оно есть низшая степень его, его подонки» (Н. Шелгунов. Противоположные полюсы земства»; Дело, 1871, № 1, с. 11); «Измельчавшие и утратившие всякий смысл подонки дореволюционной аристократии [во Франции] вторично бежали за границу или скрылись по своим замкам и деревням от июльского переворота» (Э. Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю; Дело, 1871, № 2, с. 268) и т. п.

Антонимом этого слова оказалось сущ. *сливки* в новом своем значении («лучшая часть кого-либо»; часто — специально и иронически — об аристократическом beau monde), представляющем перенесенное на русскую почву особое значение франц. crème и англ. cream.

Ср.: «Леди Довер, Леди-Мерша (lady majoress [жена лорда мэра]), миссис Говит и много других Mistresses и Misses, принадлежащих к *сливкам* (cream) английского дворянства» (Москвит., 1853, № 3, Заграничные известия, с. 68); «Нищие и вдовы, лишенные средств существования, занимают самую низшую ступень экономической лестницы; в противоположность сливкам — они подонки общества» (Н. Шелгунов. Домашняя летопись; Русск. слово, 1865, № 1, с. 145—146); «Княгиня не довольствовалась одним личным культом своей знатности: она еще почитала нужным подавлять им весь окружающий мир, доказывать

[264] Любопытно, что в 1870—1880-х гг. изредка в смысле «легальный» выступало и образное слово *надпольный*, сложившееся по аналогии к *подпольный.* Ср.: «В 1880 г. забытая теперь, но в свое время прогремевшая газета («Берег») пускала в ход формулу о солидарности *надпольной* печати с *подпольной*» (Вестн. Европы, 1890, № 9, с. 408).

этому миру при всяком удобном случае, что ее *сливки* не имеют ничего общего с вульгарною сывороткою остального человечества» (Маркев., VI, с. 333).

§ 19. Обширны, разнообразны и очень симптоматичны для этого времени семантические изменения в кругу прилагательных. Усиление полемической струи в публицистике и формирование новых методов и приемов реалистического письма в литературе придали особый вес и значение оценочным словам разного рода. Круг качественных оценочных прилагательных, часто наделенных яркой и резкой экспрессией, заметно возрастает. Новые реалистические стили через характерность рельефного описания внешней бытовой стороны жизни пробивались к познанию ее глубинных противоречий и основных социальных типов. Одной из наиболее своеобразных черт новой стилистики художественно-повествовательной и публицистической речи этого времени было, как мы неоднократно уже подчеркивали, свободное и сознательное объединение в едином контексте слов отвлеченного, книжного, и конкретного, бытового характера. Это не могло пройти бесследно для семантики многих прилагательных.

По характеру и направлению эти изменения в семантике прилагательных к середине XIX в. можно разделить на несколько групп.

Во-первых, ряд прилагательных качественных, ранее употребительных лишь для обозначения различных физических качеств и свойств предметного мира, теперь начинает применяться также и для характеристики нравственных, психических качеств и свойств, особенностей натуры и характера человека.

Во-вторых, ряд прилагательных, имевших ранее лишь общие значения, напр., определяющие отношения предметов по цвету или по положению их в пространстве, получают дополнительно новые политико-символические или оценочные идеологические или психологические осмысления (ср. *белый*, *красный*, *зеленый*, *розовый*; *передовой*, *отсталый*; *левый*, *правый*, *крайний*).

В-третьих, создаются новые особые качественные значения у ряда относительных прилагательных. В определенных условиях они становятся экспрессивными словами-характеристиками особенностей человеческого характера или социальных явлений.

В-четвертых, заметно усиливается процесс окачествления причастий, приобретающих новые оценочные значения.

Эти процессы наложили свой отпечаток, как мы уже видели (см. гл. II), на словообразование русского языка этого времени (образование новых особых качественных значений у относительных прилагательных и причастий вело, напр., к появлению образованных от них книжных существительных на *-ость* и т. д.).

А. Первое явление, т. е. переход прилагательных от обозначения чисто физических свойств к передаче также и свойств психических, нравственных, от общих «внешних», материальных значений к специфическим «внутренним», психологическим, от отнесенности значения к предмету к отнесенности его также и к лицу, не представляет собою чего-либо принципиально нового. Это обычный ход развития семантики качественных прилагательных в истории языков различного времени; отличия здесь касаются лишь темпов и интенсивности таких изменений, в определенных условиях усиливающихся, а также некоторых частных направлений этих изменений. Ведь еще в предшествующие периоды развития русского языка произошли такие изменения, напр., в прил. *твердый*, *мягкий*, *суровый*, *жестокий*, *жадный* и т. д., отчасти приведшие к полному вытеснению и забвению исходных «материальных» значений. XVIII в. значительно усилил этот процесс семантической трансформации прилагательных. В течение этого времени постепенно угасают первона-

чальные физические, реально-предметные значения у некоторых из этих прилагательных, и они остаются в языке в качестве слов, дающих оценку нравственных качеств и свойств лица (ср., напр., историю слов *праздный*, *наглый*, *пошлый* и т. д.). Во второй половине XVIII в. в литературной речи также получил особое развитие, отчасти вполне самостоятельным путем, отчасти в результате семантической индукции со стороны европейских языков, процесс создания новых оттенков от общего значения прилагательных, что было связано с расширением фразеологических связей слова. Это развитие продолжалось и в дальнейшем. Ср., напр., появление нового смыслового оттенка «легко, быстро и остро воспринимающий, впечатлительный» у прил. *живой* в таких сочетаниях, получивших особый ход к концу XVIII в., как *живое воображение*, *живой ум* и т. д. Это расширение фразеологических связей, а вместе с тем и углубление семантики прилагательного, исходное общее значение которого реализуется во все большем числе направлений, продолжается и в XIX в. Являются такие особые оттенки смысла, как «полный жизненных сил, жизнерадостный» (ср.: *он — человек живой, живая физиономия* и т. п.), «остро ощущаемый, переживаемый» (*живой интерес*, *живое волнение* и т. п.), «вызванный жизнью, имеющий прямое отношение к жизни» (*живая идея*, *живой общественный вопрос*, *живая теория* и т. п.).

Если мы выделяем, применительно к кругу типичных языковых новшеств середины и второй половины XIX в., эти вообще широко представленные в разные эпохи и на различной языковой почве явления, то только потому, что подобные семантические превращения получают в это время несомненно сильный размах, высокую степень интенсивности; в сравнительно короткое время происходят аналогические изменения в семантике именно целого ряда прилагательных; эти новшества быстро получают права гражданства в литературной речи.

Последнее не означает, впрочем, что они, эти типичные явления времени, не встречали известного противодействия. Полемика по вопросам языка и стиля, развернувшаяся между пуристами и представителями нового направления в стилистике литературной речи, затронула и этот круг явлений. Вот несколько характерных обвинений по адресу новой повествовательной прозы со стороны одного из «стражей» чистоты русской речи (И. Покровского — в «Москвитянине»). Напр., по поводу употребления прил. *твердый* и *острый* при описании черт лица: «Что значит *твердое выражение лица* и *выражение лица приобретает остроту* [265] — не понимаем; по крайней мере на чистом русском языке ни то, ни другое не имеет смысла» (1853, № 15, с. 189); по поводу прил. *сухой* применительно к изображению, воспроизведению действительности (*передать в сухом очерке*): «Вероятно, автор хотел сказать: в *коротком* очерке, потому что стоит ли стараться о том, чтобы передать какое-нибудь известие в *сухом* очерке? А если бы автору и действительно пришла такая мысль, то едва ли читатели скажут за нее спасибо» (№ 13, с. 27—28); по поводу слова *прозрачный* в том эмфатически-подчеркнутом смысле, который относится к внешности человека, его коже (критикуется фраза: «Она [больная] была худа, прозрачна»): «Как бы ни был худощав человек, все ненатурально и смешно назвать его *прозрачным*: пусть у него выставились кости, жилы, мышцы, — все это не *прозрачность*, которая придает свойство *быть видимым насквозь*» (№ 15, с. 138) и т. п. Основу этой критики составляет протест против любого рода семантических смещений слова, вызванных сознательным ли переносом его в другую сферу представлений, или эмфатически-подчеркнутым

[265] Имеется в виду следующая фраза из повести: «Выражение лица ее, твердое во время покоя, при малейшем одушевлении приобретало особенную остроту и живость», — *Ю. С.*

объединением сходных представлений. Постоянную заботу такой критики составляло охранение исходной «внутренней формы» слова, чисто логическое, рассудочное решение вопроса о пределах фразовой сочетаемости слов, стремление сохранить старые границы такой сочетаемости. Между тем практика новых повествовательных стилей литературы 30—50-х гг. постоянно нарушала эти границы. А насколько эти нарушения были в духе времени, насколько типичным и обоснованным было это сопряжение и сопоставление ранее далеких и обособленных представлений, показывает быстрый и решительный успех таких семантических превращений. Около середины века значительное число таких прилагательных, ранее относимых только к предметам или только к физическим свойствам, начинает относиться также и к лицам и к психическим состояниям. Образное употребление легко превращается в устойчивое переносное применение слова, границы фразеологической сочетаемости слов становятся более широкими и свободными. Слов. 1847, отражающий старое положение вещей и в этом отношении, еще не отмечает многих из таких случаев расширительного применения слов. Последующие словари уже часто не могут игнорировать их: из фактов индивидуального стиля или стиля определенной школы и направления они превратились в факты общеязыковые; представления о границах употребительности слова существенно изменились.

Ниже мы только перечислим наиболее характерные из этих новшеств, сопровождая их некоторыми, по необходимости скупыми, примерами.

Безвкусный. Новым является отвлеченно-эстетический оттенок («лишенный изящества, эстетической меры»). Это логическое завершение эволюции значения слова *вкус,* начавшейся еще в первой половине XVIII в. Впервые такое значение отмечается у Д[1], примеры нового употребления с первой четверти XIX в. очень многочисленны.

Безжизненный. Новое значение: «вялый, лишенный бодрости, живости». Впервые отмечается в Слов. Акад. 1891; примеры употребления многочисленны, начиная с 20—30-х гг. Ср. также и в смысле «лишенный силы» (отвлеченно — о чувствах, переживаниях). Напр.: «Безжизненны мои воспоминанья» (Барат., с. 76).

Веский («решающий, влиятельный». Ср.: *Веское слово, веские доводы* и т. п.). Впервые отмечено в Слов. Акад. 1892; примеры многочисленны с середины века.

Водянистый. В смысле «бессодержательный»; впервые Слов. 1891. Ср. у Белинского отвлеченное существительное: «Пошлость образцов дидактической поэзии изгнала из употребления самое слово „дидактический" как синоним скуки, водянистости и прозаизма» (VIII, с. 308). Ср. также *водяный* и *водяность*: «Обширность объема имеет значение только как результат обширности содержания, требующего для себя широких рам; в противном же случае, она очень сбивается на пухлость, водяность, растянутость и тому подобные незавидные качества» (Бел., VI, с. 178).

Жгучий. Впервые употребление этого слова при оценке душевных состояний, настроения и в применении к социально-идеологическим явлениям отмечено в Слов. Акад. 1898. То и другое употребление складывается во второй половине века. Сочетания типа *жгучий вопрос* ощущаются как новые еще и в 70—80-х гг. Ср., напр.: «[Благосветлов] бросил бы новый свет на многие из наших *жгучих* вопросов» (П. Ткачев. Издательная и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова; сб. «60-е гг.», с. 226).

Затхлый. Переносное применение при резко-экспрессивных оценках социальных явлений, идей и понятий становится характерным для публицистики 60-х гг. Ср. Слов. Акад. 1903 (примеры из Писемского: *затхлая среда*; из Добролюбова: *затхлые стихи* и т. п.).

Здоровый. В применении к социальным и идеологическим явлениям (в смысле «нормально развивающийся, сложившийся»; ср.: *здоровые мысли*, *здоровый взгляд*, *здоровое сословие* и т. п.) становится обычным к середине XIX в. (см. Слов. Акад. 1903).[266] Находится в общем русле обширной фразеологической серии, основанной на переносе явлений, характеризующих деятельность организма, на явления жизни общественной.

Кипучий. Начавшееся ранее (в связи с образным употреблением и гл. *кипеть*) движение в направлении образной характеристики с помощью этого слова и явлений деятельности человека, его чувств, настроений и т. п.[267] завершается в середине XIX в. сложением ряда устойчивых сочетаний типа *кипучая жизнь*, *деятельность* и т. п.

Крикливый. В переносном смысле («шумно заявляющий о себе» и «бьющий на эффект»; ср. *крикливые заявления*, *крикливый наряд* и т. п.) получает хождение с 30-х гг. (не без влияния семантики франц. criard). Ср. в Слов. Акад. 1916 примеры из черновых вариантов Пушкина, из Белинского и т. д. То же и *кричащий* (но позднее).

Мягкотелый. В. В. Виноградов связывает распространение этого слова в литературном языке с влиянием профессиональной речи, и в частности с воздействием «Опыта терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашева (1843).[268] Однако слово *мягкотелый* приведено еще в САР[2], правда, только в специальном употреблении («говорится о плодах, имеющих нежную мякоть. *Мягкотелая дыня*»). Так же определяет его и Бурнашев. В Слов. 1847 на первом месте дается общее значение: «1) Имеющий мягкое или полное тело. *Мягкотелая лошадь*». Ср.: «Это был человек лет за тридцать, мягкотелый, неуклюжий, плохо сложенный» (Станюк., I, с. 200). Применительно к внутренней, нравственно-психологической характеристике лица (ср. в Слов. русск. яз.: «2. *перен.* Легко поддающийся чужому влиянию; бесхарактерный») [269] впервые как будто бы употреблено Салтыковым-Щедриным в его цикле «Пошехонские рассказы» (1883),[270] посвященном разоблачению реакционной и либеральной интеллигенции 70—80-х гг., ее идейного ренегатства и предательства и политической беспринципности. Говоря о проводниках реакционной политики, Салтыков замечает: «Этой силой приводить к нулю, сожигать дотла самые горячие надежды обладает не что-либо устойчивое, крепкое, убежденное, а нечто мягкотелое, расплывчатое, подобно воде, отражающее все, что ни пройдет мимо. Но что еще обиднее: сами носители надежд не только подчиняются этому явлению, но даже не видят в нем никакой неожиданности. Разве это тоже не мягкотелость своего рода? На днях мне именно пришлось встретиться с некоторыми разновидностями этой пошехонской мягкотелости» (Салт., XV, с. 562). Ср. ниже характеристику одного из ренегатствующих публицистов: «Спрашивается: какая вера в „конец концов“ устоит в виду этого мягкотелого организма, который только с тех пор и сознал себя

---

[266] Найдя в одной из журнальных статей выражение: *естественная, здоровая потребность*, Ив. Покровский «недоуменно» спрашивал: «Что такое *здоровая потребность*?» (Москвит., 1853, № 21, с. 47).

[267] Впрочем, Слов. 1847 (в отличие от гл. *кипеть*) не отмечает еще в этом слове никаких переносных осмыслений.

[268] Очерки, с. 332.

[269] Впрочем, современные словари упускают из виду политическую интерпретацию такого употребления; мы бы добавили, имея в виду историю его применения в русской литературе конца XIX и XX вв., также: «беспринципный, не имеющий своей политически определенной линии поведения».

[270] Это отмечено и в Слов. Ушак. Можно, правда, указать и на некоторые более ранние случаи, где, однако, нет еще ярко выраженной «переносности». Ср. у Добролюбова в статье о «Губернских очерках»: «Там [в Петербурге] надменные выскочки и мягкотелые низкопоклонники отталкивают его [Лузгина] от петербургской жизни» (II, с. 131).

благополучным, как утратил способность мыслить и словеса позабыл?» (там же, с. 564). Как видно, в создании этого переносного публицистического изменения слова играли роль и образные ассоциации с научным применением слова (в зоологической классификации *мягкотелые* — моллюски, слизняки). Известно, что многие черты щедринского сатирического словоупотребления были усвоены затем социал-демократической и большевистской печатью, неоднократно они являются и в сочинениях Ленина. Такова судьба и прил. *мягкотелый*. В этом политическом аспекте слово не раз встречается у Ленина и в документах Коммунистической партии при характеристике идейно и политически неустойчивых групп. Ср. в одной из листовок 1907 г.: «И правительство разогнало думу, когда увидело, что во главе стоят не борцы, а мягкотелые буржуа» (Листовки московских большевиков. Госполитиздат, 1955, с. 522); у Ленина в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции»: «Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости „хозяйственного мужичка“» (Полн. собр. соч., изд. 5, т. 17, с. 212). Особенно обычным стало это слово затем (в 20—30-х гг. XX в.) в сочетании *мягкотелый интеллигент* (ср. Слов. Ушак.).

Отзывчивый. В Слов. 1847 только: «Отражающий голос или звук. *Отзывчивый свод*»; у Д[1]: «*Отзывчивая гора* — со вторьем, т. е. дающая эхо; *отзывчивая собака* — позывчивая, послушная кличке». С точки зрения нашего словоупотребления новый «переносный» смысл («чуткий») является уже основным. Несомненно при этом влияние гл. *отзываться*, где переносное употребление сложилось ранее (см. Слов. яз. Пушкина). Ср. аналогичную эволюцию и сущ. *отзыв*, где значение «эхо» является уже устарелым, а переносное («отклик, ответное чувство» и т. п.) живым. Такое употребление укореняется в 30—40-х гг.

Пресный. Слов. 1847 еще не указывает на переносное употребление. Даль — тоже; оно складывается в середине XIX в.

Рыхлый. Слов. 1847: «Имеющий малую плотность, ноздреватый. *Рыхлая земля. Рыхлый снег*» (ср. примеры в Слов. яз. Пушкина). Даль дает место и идущим из народной речи применениям этого слова, а также его производных (*рыхляк*, *рыхлятина*, *рыхленок*) к характеристике телосложения и физического состояния человека. В реалистической литературе начиная с 40-х гг. это один из наиболее частых эпитетов. Ср.: «Это был в полном смысле слова русский бель-ом: белый, рыхлый» (Салт., XI, с. 220); «Василиса.., не то что полная, а рыхлая и выцветшая телом женщина» (Гонч., V, с. 64—65) и т. п. Часты и различные метонимические смещения и дальнейшие «переносы», в частности при характеристике духовного мира. Ср.: «Карп Кондратьевич находил рыхлые объятия верной супруги» (Герц., IV, с. 135); «Несколько более смутило меня появление Берсенева. Это человек мечтательный и рыхлый, думалось мне, у которого только одно в мысли: идти по стопам Грановского. Но идти не самому, а чтоб извозчик вез» (Салт., X, с. 459); «Я-то сам честно верил в него, считал себя куда рыхлее в вопросах совести» (Бобор., XI, с. 264). Ср. еще *сдобный* (напр.: «Отворить ему дверь вышла.. молодая, смазливая женщина, из породы тех, которых очень характерно называют „вкусными“ и „сдобными“» (Вс. Крест., III, с. 33)); часто в сочетании: *сдобный голос*.[271]

Трезвый. В Слов. 1847 только реальный, исходный смысл; Д[1] указывает также: «*Трезвая голова* — рассудительная, не мечтатель». Образное употребление является рано (ср. нек. примеры в Слов. яз. Пушкина).

[271] Любопытно, что это употребление пародируется в «творениях» К. Пруткова. Ср. в «Черепослове»: «Какой у нее сдобный, жирный голос!» (К. Прутков, с. 330)

но устойчивое переносное осмысление этого прилагательного и его производных (*трезвость*, *трезветь* и *протрезветь*) с особенной силой распространяется в публицистике и беллетристике с 40-х гг. Апогея такое употребление достигает в реальной критике 60-х гг., где эпитет *трезвый* становится одним из излюбленных и по смысловому наполнению сближается со словом *реальный* в качестве его лапидарно-образного синонима и в свою очередь противопоставляется всему излишне восторженному, мечтательному и пр. Ср. у Герцена: «Трезвый взгляд очень труден, так же как консеквентность своим началам» (II, 293); «Как мало целых, трезвых натур!» (II, 298); у Писарева: «Возьмите.. Белинского, этого неподкупного критика, этого трезвого мыслителя» (II, с. 65); у Благосветлова: «В общем итоге оказалось так мало трезвых и руководящих идей, что нельзя не удивляться бедности мысли и полнейшему отсутствию педагогических соображений, выработанных литературным мнением» (Благ., с. 41); в рассказе Л. Утина «Проза жизни»: «Отсутствие трезвого взгляда на жизнь, идеализация, стремление более к воображаемому, чем к действительному — без сомнения составляют одну из главных причин многих человеческих бедствий» (Эпоха, 1861, № 5, с. 1) и т. п.[272] Диапазон фразеологических связей слова становится в эту эпоху очень широким. Ср. *трезвые взгляды*, *идеи*, *мысли* и т. п., *трезвые люди*, *писатели*, *деятели* и т. д., *трезвое отношение*, *подход* и др., *трезвый ум*, *трезвое направление*, *трезвые чувства*, *радость*, *трезвая действительность* и т. п. Любопытно, что оно может быть отнесено метонимически даже к природным явлениям как источникам определенных ощущений. Ср.: «Трезвое русское утро, не волнующее, не чарующее, без яркого освещения, без эффектных теней, без гор, без озер...» (Е. Марков. Черноземные поля. СПб., 1878, с. 17).

Узкий. Переносное употребление, применительно к характеристике лица, его деятельности, особенно тех или иных идей, взглядов и т. п., с силой распространяется с 30—40-х гг.[273] Становятся обычными такие сочетания, как *узкий человек*, *узкие взгляды*, *узкий кругозор*, *подход* и т. д.[274]

Ту же эволюцию претерпело и прил. *широкий* (ср. Слов. яз. Пушкина).

Целый, цельный. В философских кружках 30-х гг. слово *целый* получает особый смысл: «внутренне единый». Еще рельефнее это новое значение выступает при субстантивированном употреблении прилагательного и в образованном от него сущ. *целость*. Ср. у Белинского с характерной подстановкой иностранного слова, уточняющего этот новый смысл: «Второй процесс философской критики состоит в органическом сочленении разорванного произведения, в сочленении, в котором бы все части его, будучи живо соединены, представляли бы собою единое целое (тоталитет), как выражение единой, целой и конкретной идеи» (II, с. 561); «Указать.. на целость (Totalität) пьесы, как особого, в самом себе замкнутого мира» (III, с. 470) и т. п. Последствием этого семантического процесса было образование вторичного прилагательного от сущ. *целость* — *целостный*, уже специально выражающего именно это особое значение, а затем и нового отвлеченного сущ. *целостность*. Ср.: «Вообще пиеса шла хорошо,

---

[272] Любопытно, что К. Орловский в антинигилистическом романе «Вне колеи» иронически относит этот эпитет к реальному, «нигилистическому» направлению в русской общественной мысли: «В то время [в 50-х гг.] университетская молодежь еще зачитывалась поэтами и не обрекалась на ту напускную суровость, которой требует от нее современное „трезвое“ направление» (Орловск., I, с. 160).

[273] В Слов. 1847 только: «Не имеющий надлежащей ширины; тесный. *Узкое платье. Узкая дорога. Узкий двор*». Не отмечает нового употребления и Даль.

[274] Любопытно замечание И. Покровского по поводу фразы «Если вы понимаете обязанности матери в таком узком смысле»: «Что за *узкий* смысл? У нас говорят: *в тесном* смысле» (Москвит., 1853, № 5, с. 18). Между тем *узкий* в этом случае не совпадало с переносным употреблением слова *тесный*.

целостно и была принята публикою с восхищением» (Бел., III, с. 289); «Целостность (тоталитет) художественного произведения зависит от идеи, лежащей в его основании и так проникающей его, что даже и его части, по-видимому, чуждые этой главной основной идее, все служат к ее же выражению» (II, 561). Эти новообразования 30-х гг. были быстро восприняты общим употреблением. Характерно, что даже Слов. 1847 приводит уже прил. *целостный*. С середины века получает это особое значение в определенных условиях и прил. *цельный*.

Чуткий. В Слов. 1847 только «физическое» значение, относящееся к действию органов чувств. («Имеющий тонкое чутье. *Чуткая собака. На страже чуткий слух*»). К середине века является и «психологическое» усложнение этого общего значения. С одной стороны, *чуткий* начинает с 30—40-х гг. употребляться в смысле «восприимчивый к впечатлениям, чувствительный». Ср. у Гоголя: «Воображение и нервы его были чутки, и в этот вечер он сам не мог истолковать себе своей невольной боязни» (III, с. 88). С другой стороны, *чуткий* с середины века утверждается также и в смысле: «внимательный к окружающим, склонный к сочувствию». Ср. в Д[1]: «*Чуткое сердце* — чувствительное, впечатлительное, мягкое, милосердное». См. также в статье А. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» (1856) сущ. *чуткость* в этом новом осмыслении: «В смысле этой изощреннейшей *чуткости* объективностью поражают все великие поэтические произведения» (А. Григ., I, с. 184).

Б. Несколько особняком стоит группа прилагательных конкретного значения, получивших к середине века особые образно-символические значения в общественно-политической терминологии и фразеологии, а также при оценке психологических и идеологических явлений. Некоторые из этих случаев представляют явление «интернациональное» и у нас сложились под прямым влиянием французского словоупотребления. Одну очень характерную линию представляет образование оценочно-символических осмыслений у наименований цветов. Так, в 60-х гг., с решительным размежеванием общества на различные социально-политические группы, усваивается распространившееся после 1848 г. на Западе обозначение *красными* представителей революционного крыла, а *белыми* — охранителей и реакционеров. Ср. у Толля: «Говоря о политических партиях, словом *красный* обозначают самый крайний радикализм, стремящийся к абсолютному равенству всех членов в госуд.».[275] Ср. в антинигилистическом романе Писемского «Взбаламученное море» (1863) название главы, посвященной революционной деятельности кружка «нигилистов»: «Красные» (ч. 6, гл. XII). Впрочем, в устах воинствующих ретроградов эпитет *красный* в это время нередко применялся ко всем инакомыслящим, ко всем, кто был сторонником прогресса и реформ, не только к революционерам, но нередко и к либералам. Ср. следующий обмен репликами между светской дамой и генералом Анисьевым в романе Б. Маркевича «Перелом»: « — Вы решительно сделались красным в вашей губернии! — сказала досадливо хозяйка Анисьеву. — Повозились бы вы там с белыми, — весело возразил он, — пунцовым можно сделаться» (Маркев., VI, с. 307). Ср. также о *белых* как реакционерах: «Предводитель дворянства у нас сви

[275] Указывает на это осмысление, как на явно заимствованное из французского языка, и Даль. Он не удерживается при этом от реакционных аналогий и сопоставлений: «*Красный мо́лодец, девица* — красавец, — замечает он, — но *красный* о челов в народе то же, что дикой, полоумный. *Что тебе тутотко доспелось, красному*? а в переводе с франц. „отъявленный республиканец“». Действительно, усвоение этого политико-символического смысла словом *красный* шло явно в новом русле и никак не связано с теми переносными значениями этого слова, которые отстоялись в русской народной фразеологии. Что касается политического смысла в слове *белый*, то он не отмечается еще ни у Толля, ни у Даля.

тается главным столпом наших белых» (Орловск., I, с. 150; в реплике помещика).[276]

Помимо переносного употребления этих двух прилагательных, обозначающих цвета, — употребления, получившего особый политический смысл, — можно отметить еще появление переносного значения у прил. *розовый* («не омраченный, светлый» — о взглядах, настроении и т. п., часто иронически). Никаких переносных осмыслений у слова *розовый* Слов. 1847 не отмечает (также и Даль). Такое употребление сложилось в литературе 40-х гг. на основе известного фразеологического сочетания *видеть* что-либо *в розовом свете* (франц. voir en rose). Ср.: «Человек по натуре своей ни зол, ни добр, а делается тем или другим под влиянием обстоятельств. В этом заключении Овэн представляет средину между мрачными теориями средневековых фанатиков и розовым воззрением Руссо» (Добр., IV, с. 12).

Под воздействием известных поговорочных выражений народного языка («молодо-зелено» и под.) отложилось и переносное значение («неопытный») у прил. *зеленый*.

В политической терминологии XIX в. получают новый смысл и два антонимических прилагательных, выражающих пространственные отношения: *правый — левый*. Это один из распространеннейших семантических интернационализмов, восходящих к французскому языку. Франц. droit и gauche получили этот смысл еще во время французской революции, когда в Национальном собрании жирондисты занимали места справа, а монтаньяры — слева; эта традиция размещения партий прочно установилась с тех пор в различных буржуазных парламентах.[277] В России того времени подобное употребление имело, конечно, чисто символический смысл. Но с середины XIX в. оно укрепляется прочно. Ср.: «Предводитель земской левой» (Орловск., II, с. 65). К этому же восходит и особое значение в политической фразеологии слова *крайний*. Собственно первоначально такое значение сложилось в сочетаниях *крайняя левая* или *крайняя правая сторона*. Расширительно стало употребляться для обозначения всякого наиболее решительного и непримиримого мнения, направления и т. д. См. примеры из произведений второй половины XIX в. на сочетания *крайние мнения*, *крайнее направление*, *крайние партии* и т. п. в Слов. Акад. 1916.

Чрезвычайно показательна в этом смысле эволюция слов *передовой* и *отсталый*. История образования особых общественно-политических значений у этих прилагательных освещена в статье В. В. Виноградова «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии» (ИАН ОЛЯ, 1953, XII, вып. 3, с. 205 и сл.). Новое значение у слова *передовой* стало складываться в публицистике 40-х гг. (Слов. 1847 еще не дает и намека на такое употребление).[278] Ср.: «Познакомьтесь прежде всего с теми.., кото-

---

[276] Любопытно, что еще в конце 40-х гг. эта символика была «чужой» для русской публики. Ср., напр., в «Письмах из Франции и Италии» Герцена: «Во время ужасов второго террора, terreur blanche, как говорят французы» (V, с. 35).

[277] Впервые на это указано у Толля. Ср.: «*Правые стороны* — в палатах так назыв. приверженцы рутинного порядка и враги реформ, занимающие обыкновенно места по правую руку президента»; «*Левая сторона* — на языке парламентск. — первон. озн. оппозицию, после либеральн. или радикальн. партию, ибо члены этих партий по большей ч. принадлежали к оппозиции».

[278] Ср. у Д[1] уже специально: «*Передовые люди* — идущие где-либо впереди, напр., в умственном развитии, в образовании». — Иногда антонимически прил. *передовой* в этом смысле противопоставлялось прил. *задний*. В таких случаях ясно выступала связь с исходным пространственным значением. Ср.: «Так и перед глубокомысленными, даровитыми и самоотверженными личностями, составлявшими славянофильство, каковы Хомяков, Киреевский, Аксаков, — стоял идеал тоже передовой, а вовсе не задний» (А. Григ., I, с. 488—489).

рые составляют соль каждого города или округа.. Разговорясь с человеком передовым из каждого сословия., вы от него узнаете, что такое всякое сословие в его нынешнем виде» (Гог., VIII, с. 304); «Представитель уже ныне отходящих полковников-брандеров и с тем вместе передовой начинавшегося нового образа мыслей, Варвар Николаевич Вишнепокромов» (там же, VII, с. 22); «Поучение выйдет само собою, если только критик будет передовым в деле оценки литературных явлений» (Е*** [Е. Эдельсон]. Несколько слов о современном состоянии.. эстетической критики; Москвит., 1852, № 6, с. 58). Этому предшествуют случаи образного применения слова в определенных сочетаниях. Ср., напр., *передовая колонна* чего: «Было время, когда баллада была передовою колонною юного романтизма» (Бел., II, с. 198).

В 40-е гг. появляются и случаи употребления в переносном смысле прил. *отсталый*. Ср.: «Таков князь Гагарин, он считает Чаадаева *отсталым*» (Герц., II, с. 257); «Это был человек отсталый» (там же, V, с. 232).

Общественно-политическое осмысление в слове *передовой* сложилось на базе общего значения «находящийся, идущий впереди чего-либо». Особенно влиятельным здесь было, вероятно, употребление слова в языке военном (ср. в Слов. 1847: *передовой полк*, *передовое войско*). Особый вес и значение это противопоставление отсталых и передовых приобретает в демократической публицистике конца 50—60-х гг. Слова становятся решающими оценочными эпитетами-определениями людей, книг и целых литературных и политических направлений. Ср.: «Дело пошло и продолжается очень нормальным путем, который предвидели и знали все передовые люди Европы уже в 1849 году» (Добр., III, с. 421); «Вся премудрость всех этих училищ не удовлетворяла [в средние века] горячей любознательности тогдашних передовых умов» (Писар. (Павл.), III, с. 562—563); «Истинную русскую душу вдохнули в Россию люди 40-х гг. От этих людей собственно ведет свое умственное начало теперешняя передовая Россия» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 9, с. 24) и т. п. Связь этих новых осмыслений слов с фразеологией писателей-демократов 60-х гг. остро чувствовали и неоднократно подчеркивали реакционеры этого времени. Ср. у Кс. Полевого: «И действительно, не был ли это [«Московский телеграф»], как говорят теперь, передовой журнал, оказывавший обществу некоторые услуги» (Н. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л., 1930, с. 315); у реакционного критика Н. Соловьева: «Прогресс есть движение, а не беготня. Это, кажется, менее всего у нас помнят наши так наз. „передовые литературные деятели“» (Теория безобразия; Эпоха, 1864, № 7, с. 16); в антинигилистическом романе Лескова «На ножах»: «Вы, господа „передовые“, трунили, что в России железных дорог мало, а железные дороги вам первая помеха» (ПСС, XXIII, с. 49).

Появление нового значения у прил. *передовой*, синонимически сближенного со словом *прогрессивный*, отразилось и на словообразовательных связях этого слова, на семантике некоторых его производных. Так, в 1860-х гг. особый социальный смысл получило сущ. *передовик*, бытовавшее и ранее в разговорной речи (судя по данным Словаря Даля, в чиновной бюрократической или военной среде; ср. у него: «*передовики по службе*»). Ср.: «Все поколение передовиков того времени [30—40-х гг.] получило эстетическое образование насчет развития социального» (Н. Шелгунов. Неконченные вопросы; Дело, 1871, № 4, с. 11). Позднее в русской марксистской литературе слово *передовик* в этом смысле стало особенно употребительным, боевым и почетным. Оно неоднократно употребляется Лениным. Напр.: «Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая

рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом» (5-е изд., т. 20, с. 82); «Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы, внимательно присматриваются к настроению масс, используют нарастающее стремление их к миру» (т. 26, с. 193).

С этим же особым смыслом прил. *передовой* связано и эпизодически употреблявшееся сущ. *передовитость*. Ср.: «Внешней благоприличностью супружеских отношений определялась [в 40-х гг.] прогрессивная порядочность человека, степень его передовитости» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 8).

Особняком стоит сложившееся к середине века словосочетание *передовая статья* (в соответствие англ. leading article) как наименование газетной статьи, обычно не подписанной и представляющей мнение редакции (*передовая* — здесь по месту ее расположения среди других материалов). Ср. также первоначальный вариант *передняя статья*. Напр.: «В Москве не так: там одни ровно ничего не читают (за исключением «Прибавлений к „Московским ведомостям“» и разве, чтобы уж не даром платить за них деньги — передних статей), а другие все читают» (Бел., VIII, с. 556). На базе этого сочетания образовалось в 70-х гг. и сущ. *передовица*. Ср.: «На другой день явилась в „Уединенном пошехонце“ передовица, которая разъяснила дело уже в более решительном тоне» (Салт., XV, с. 521). Терминологическая обособленность слова *передовой* в этом сочетании не раз служила поводом для создания каламбуров. Ср. в «Дневнике темного человека» Д. Д. Минаева: «Некоторые проницательные люди.. считают эту статью вполне передовой, потому что она помещена в самом начале одного из нумеров газеты г. Краевского» (Русск. слово, 1862, № 5, с. 2). Любопытно, что и слово *передовик* в среде газетчиков получило также специфический смысл («автор передовых статей»). Ср. у Салтыкова: «Наш общий друг, Менандр Прелестнов, затеял в Петербурге новую газету и устроил при ней Пимена в качестве передовика» (XIII, с. 401). В этом же смысле употреблялось там и выражение *передовой писатель*. Ср.: «Ужели передовой писатель „Дня“ думает, что можно обойтись.. полуздравыми, полухворыми понятиями о кое-каких вещах» (З- [Е. Зарин]. Пора меж волком и собакой; Библ. для чт., 1861, № 11, с. 3).

В. Легкость процесса окачествления ряда относительных прилагательных — пожалуй, одно из характерных явлений этого времени. Можно отметить значительное число случаев такого рода, при этом новые качественные значения следует во многих случаях признать устойчивыми, прочно отложившимися, наряду с исходными относительными. В отдельных случаях отмечается победа нового качественного значения и постепенное забвение старого относительного (ср. *елейный*, *щепетильный*). Ниже мы отмечаем наиболее устойчивые из этих новых значений.

Головной. Новое значение: «рассудочный, умозрительный, умственный» словарями XIX в. не отмечается. Распространяется в употреблении с 30—40-х гг.; часто является в произведениях Белинского и представителей его круга; нередко в иронико-порицательном плане. Ср.: «Романтики по преимуществу живут головными, а не сердечными страстями» (Бел., IX, с. 382); «Резонерство, болтливость, страсть к фразам исчезнут только тогда, когда воспитание сделается опытным и перестанет быть головным, книжным, исключительно действующим на нервную систему да истощающим головной мозг» (Н. Языков [Шелгунов]. Теория мечтательного воспитания; Дело, 1876, № 7, с. 23) и др. Иногда и как синоним слов *интеллектуальный*, *интеллигентный*. См., напр.: «Может быть, 7/10 сил русского головного работника идут на выделку балласта, на работу, не создающую никакого умственного приобретения» (Н. Ш. Внутреннее обозрение; Дело, 1875, № 9, с. 135).

Гуртовой. В середине века распространяется переносное употребление в значении «массовый, сплошной» (воздействие со стороны входящего в это время в литературное употребление и также получившего распространительно-переносное осмысление наречия *гуртом*). Ср.: «Может, Италия, ненавидящая централизацию, однообразность форм, гуртовой гнет, иначе поймет свое освобождение» (Герц., XIV, с. 100); «Гуртовое умерщвление целых сословий казалось [римским императорам] благоразумной политической мерой» (Н. Шелгунов. Главные моменты в истории Европы; Русск. слово, 1865, № 1, с. 82); «Никто больше не вдохновлялся и не воспевал гуртовых убийств, называемых войнами, как идеалисты-поэты» (Благ., с. 197).

Деревянный. Слов. 1847 отмечает только относительное значение и образное употребление в выражении: «*Деревянная голова* — зн. тупой человек». Ср. в сочетаниях: *деревянный смех*, *деревянное лицо*, *деревянный голос*, *деревянные движения*, *деревянная походка* и т. п. (они отчасти отмечены впервые в Слов. Акад. 1895; [279] ср. и сущ. *деревянность* там же).

Дубовый. В Слов. 1847 переносных употреблений не отмечается; впервые Слов. Акад. 1895; см. пример из Белинского в Слов. совр. русск. лит. яз. Ср. и *дубоватый* (впервые Д[1] только в качественном, переносном смысле), сущ. *дубоватость* (Слов. Акад. 1895 — с цитатой из «Запутанного дела» Салтыкова); ср. еще неологизм Гоголя («Мертвые души») *дубинноголовый*.

Елейный. История этого слова любопытна. Слов. 1847 характеризует его как церковнославянское прилагательное с относительным значением. Впервые переносное употребление отмечается в Слов. Акад. 1897 (в смысле «мягкий, умилительный, ласковый»; впрочем, при слове *елейность* указывается также: «напускная мягкость, благодушие напоказ, с оттенком святошества, ханжества»). Переносное значение прил. *елейный* было подготовлено идущим еще от церковных книг образным применением слова *елей*; в поэтических стилях 20—30-х гг. такое употребление было обычным (см. примеры в Слов. яз. Пушкина и в Слов. Акад. 1897). Прил. *елейный* в переносном смысле становится очень распространенным словом в произведениях и письмах Белинского и его круга в период увлечения гегельянством. Об этом позднее вспоминал И. И. Панаев в «Заметках нового поэта»: «В старые годы (в конце 30 и 40-х гг.) в литературе нашей было в большом ходу прилагательное *элейный* (от элея), теперь совсем вышедшее из употребления» (Совр., 1860, № 11, с. 115). Панаев не совсем точен в своих показаниях: вышло из употребления не само прилагательное, а изменилось его особое осмысление, которое встречаем в критике 30—40-х гг.; оно по-новому трансформировалось. В пору наивысшего распространения правогегельянских идей о примирении с действительностью в философских кружках Москвы прил. *елейный* и производное *елейность* несло особую смысловую положительную нагрузку. Вот, напр., в статье «О детских книгах» (1840) Белинского деталь из характеристики человека, воспитанного в началах гуманности: «С ним тепло и отрадно и своему и чужому; он во всех внушает такую доверчивость, такую откровенность. В его душе столько теплоты и *елейности*, в его словах такая кротость и задумчивость, в его манерах столько мягкости и деликатности» (IV, с. 85). Ср. еще: «Спокойствие и елейность духа» (там же, с. 98); «Молитвенная, елейная мелодия надежды, примирения и блаженства в жизни жизнию» (там же, с. 527); «Эта страсть, столь ужасная и гибельная в душах мощных, но не проникнутых елейною теплотою любви и правдивости» (V, с. 21). В дальнейшем случилось то,

[279] Примеры из «Мертвых душ» Гоголя, Тургенева и др. Ср. также примеры, приводимые в Слов. совр. русск. лит. яз. и в Слов. русск. яз.

что нередко бывает с высокими по тональности книжными словами, связанными с определенною преходящею ступенью в развитии мировоззрения. Когда этот этап в развитии Белинского и его круга миновал, слова *елейный* и *елейность* не могли нейтрализоваться и терминироваться, — для этого они были слишком эмоциональны, слишком «качественны». Явилось другое — смена эмоций, связанных со словом, его смысловое «ухудшение». Все чаще и определеннее этим обломкам церковнославянского языкового мирка с их специфической семантикой придается ироническое освещение, вносится тот специфический оттенок, который позднее отмечен в Слов. Акад. 1895 и прочно сохраняется до нашего времени («приторно ласковый, искусственно мягкий, лицемерно угодливый»). Начало такой транспонировки смысла находим уже в произведениях Белинского второй половины 40-х гг. Ср. в характеристике немецкого раннего романтика Жан-Поля Рихтера: «Полная елейной, несколько сентиментальной и расплывающейся любви, натура Жан Поля была ясна, спокойна и кротка» (VIII, с. 232); или еще: «Добродушный Жан Поль, со всею филистерскою елейностью любящего сердца, утешил бы ее красноречивыми советами — терпеливо покориться ее участи» (там же, с. 237).

Животный. В переносном смысле «низменный, грубый» (см. примеры в Слов. Акад. 1898 из произведений Гончарова, Л. Толстого, Тургенева и др.). Ср. также в выражениях: *животный страх*, *животный крик* и т. п.

Кабинетный. В смысле «научный, теоретический», а также и «далекий от жизни, умозрительный» (см. Слов. Акад. 1906—1907) употребляется в публицистике с середины века. Ср.: «Опыт здесь, как и везде, действует сильнее всякого кабинетного размышления» (Писар., III, с. 215). Ср. также и сущ. *кабинетность* (Слов. Акад. 1906—1907, с цитатой из статьи Достоевского).

Казенный. Это слово в особом качественном его смысле («совершаемый по обязанности», «бездушный», а вместе с тем и «пошлый, избитый, заурядный») становится одним из самых характерных экспрессивных эпитетов в литературе 40-х и особенно 60-х гг. Ср.: «Ядовитые взоры и закулисное шипенье не охлаждают Лизаньку [актрису]: искусство для нее все то же; ей только душно в казенной атмосфере» (П. Боборыкин. Земские силы; Библ. для чт., 1865, № 1, с. 95). См. также многочисленные и разнообразные примеры в Слов. Акад. 1906—1907. Ср. сущ. *казенщина* и *казенность*, отчасти разграниченные по смыслу (*казенщина* — более об атмосфере казенного учреждения, *казенность* — о бездушно-формальном отношении к кому- или чему-либо), отчасти синонимически сливающиеся в употреблении этого времени. Напр.: «Огромная комната, вмещающая в себе второуездный класс училища, носит характер казенщины, выражающей полное отсутствие домовитости и уюта» (Помял., III, с. 9); «[Гундоров] так же мало был способен помириться с „казенщиной“ петербургской канцелярии, как и с „казенностью“ петербургского большого света» (Маркев., V, с. 227); «Еще мало отвыкли мы от казенщины и рутинности в приемах [литературных]» (А. Григ., I, с. 287) и т. д.

Стеклянный. В сочетаниях *стеклянный взгляд, стеклянные глаза* (в смысле «неподвижный, безжизненный») распространяется в новых литературных стилях с 40-х гг.

Халатный. В Слов. 1847 только относительные значения: «1) Относящийся к халату. *Халатный пояс.* 2) Употребляемый для шитья халатов. *Халатная ткань*»; Д[1] так же. Однако уже в 30-х гг. в литературной речи *халатный* представлено и переносным употреблением.[280] Первоначально

[280] Об истории этого слова см. в статье В. В. Виноградова «Из истории современной русской литературной лексики» (ИАН ОЛЯ, 1950, IX, вып. 5, с. 390—392).

оно стало выражать значение «небрежный, дружески бесцеремонный». Ср. в «Библиотеке для чтения» Сенковского: «Халатная словесность все еще весьма обильна: письма и записочки знаменитейших покойников собираются на перехват и печатаются в разных видах» (1834, № 5, Смесь, с. 118). Здесь *халатная словесность* значит мемуарная, представляющая знаменитостей во всех особенностях их быта, в «халате». Ср. также в «Литературных и журнальных заметках» Белинского (1842) о бесцеремонной характеристике Н. Полевого в фельетоне Булгарина: «Умно, мило, грациозно, по-приятельски, халатно!.. Именно так и должны писать друг о друге русские сочинители — для отличия от русских литераторов...» (Бел., VI, с. 455); в «Старой записной книжке» Вяземского: «В поклонах и молчании майора более благоразумия, даже личного достоинства, нежели в халатной бесцеремонности Раевского» (Вяз., VIII, с. 141). К этому примыкает и гоголевское словоупотребление (в «Мертвых душах»). Ср. в характеристике Кифы Мокиевича: «Человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом» (Гог., VI, с. 244). Но уже у Гоголя начинает пробиваться новое осмысление слова, которое к концу века вылилось в иное переносное значение: «небрежно-недобросовестный». Теперь слово характеризует уже не только фамильярность обращения, но и определенное отношение к различного рода личным и общественным обязанностям, к работе и т. д. Ср.: «К важным вопросам нельзя относиться халатно» (И. Горб., I, с. 425); «Неразумие, небрежность, халатное отношение к жизни своей и чужой — вот отчего он умер 37 лет от роду» (Чех., XIII, с. 79). Этому предшествует резкое осуждение и развенчание демократической критикой 60-х гг. «халата» и барской «халатности», т. е. бесцеремонности, беспечности и лени в домашнем быту и в отношениях с ближними. Ср.: «Самое искреннее, задушевное их [обломовых всякого рода] стремление есть стремление к покою, к халату, и самая деятельность их есть не что иное, как *почетный халат* (по выражению, не нам принадлежащему), которым прикрывают они свою пустоту и апатию» (Добр., IV, 336); «Прекратить эти халатные сцены, развертывающие свое полное безобразие в спальнях, детских, кухнях и других жилых комнатах, недоступных для гостей, — не может ни законодательство, ни общественное мнение» (Писар., I, с. 180); «Все эти проявления родительской халатности[281] ложатся грязными пятнами и безобразными рубцами на характер будущего человека» (Писар. (Павл.), IV, с. 67). От слова *халатный* в этом переносном его употреблении было образовано в середине века сущ. *халатность*. Ср. также *халатник*: «Фишер был порядочный рутинер и халатник как в выборе учителей, так и в надзоре за их преподаванием» (Скабич., Восп., с. 72). Пуристическая критика долго неодобрительно отзывалась о таком переносном употреблении слова *халатный*.[282]

Щепетильный. Расстояние между старым, исходным относительным значением этого слова (только оно и отмечается в Слов. 1847: «Мелочный. *Щепетильный товар*») и живым современным качественным значением («Педантично строгий и корректный в отношениях с людьми, в обращении, в выполнении обязанностей и т. п.») очень велико. Связи, первоначально имевшие место между этими значениями, уже забыты; исходное

---

[281] Выше у Писарева речь идет о семейных «педагогических» приемах («высечь ребенка.. безвинно, прикрикнуть на него ни за что ни про что» и т. п.), — *Ю. С.*

[282] См. об этом в названной выше статье В. В. Виноградова. Приведу лишь замечание И. Покровского по поводу одной повести 50-х гг.: «Под слишком *халатным* видом Марьи Ивановны автор разумел, что она была небрежно одета и не причесана, и выразился действительно *халатно*» (Москвит., 1853, № 21, Смесь, с. 42).

значение стало безнадежно устарелым. Эта далекая эволюция слова совершилась на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в.; решающий перелом относится к середине XIX в. Еще в первой половине XIX в. достаточно обычно употребление прилагательного в старом смысле («связанный с торговлей разным мелочным (модным) товаром — галантереей и парфюмерией»).[283] Ср.: «Всем, чем по прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный» (Пушк., VI, с. 14); «В щепетильных лавках на Сретенке» (Кокор., II, с. 118) и т. д. Но постепенно в этом смысле слово вытеснялось заимствованным прил. *галантерейный*; в свою очередь имевшее место в литературном языке до 30—40-х гг. XIX в. переносное употребление слова *галантерейный* (в смысле «обходительный, галантный») сходит в это время в нелитературное просторечие. Но уже во второй половине XVIII в. слово *щепетильный* начало прилагаться переносно и к лицам; прежде всего в том смысле, в каком было в то время популярно просторечное слово *щепеткий*, т. е. «модный, франтоватый». Такое употребление представлено и в первой половине XIX в. Ср.: «Щепетильно одетый господин» (Григор., IV, с. 92). В 20—30-е гг. слово в данном смысле прилагается уже не только к внешнему наряду человека, но и к проявлениям моды и модничанья в умственной сфере. Ср.: «Мы не слишком высокого, или, лучше сказать, слишком невысокого понятия об „облизанном“ (как назвал его Пушкин) произведении щепетильного французского романиста [«Сен-Мар» А. де Виньи]» (Бел., VI, с. 54); «Темен и страшен такой мир, и много надобно было нашей литературе, недавно еще щепетильной и чопорной, передумать и пережить, чтобы решиться низойти до него» (Некр., IX, с. 181) и т. п. Здесь еще живо ощущается связь с исходным значением, образность такого употребления.[284] Однако все отчетливее формулируется и более обобщенный смысл «мелочной, излишне педантичный». Ср.: «[Схоластика] предавала свой догмат самому щепетильному умствованию и предавала умствование самому буквальному приниманию догмата» (Герц., III, с. 223); «Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французских фельетонов; эта уклончивость и мелочность не во вкусе русской публики» (Черн., II, с. 255) и т. д. То же можно сказать и относительно образованного к середине века сущ. *щепетильность*. Ср. у Добролюбова: «Забота о всякого рода щепетильностях наполняет всю нашу жизнь, определяет все наши действия, от повязки галстуха и часа обеда, от подбора мягких слов в разговоре и ловкого поклона — до выбора себе рода занятий, предмета дружбы и любви, развития в себе тех и других вкусов и наклонностей. Не сущность дела, а лишь принятая и условленная форма обращает на себя общее внимание» (VI, с. 270). Лишь постепенно складывается у слова оттенок морального характера. Оно все чаще относится к поведению человека, к соблюдению (до мелочей) принятых им правил. Это современное употребление окончательно определяется только в последние десятилетия XIX в.

Ср.: «Может быть, в этой неустанной суете сует вокруг своего дома и своей личности оказывается самая тонкая щепетильность человеческого достоинства, не желающего подвергнуть малейшему насилию свою неизломанную душу?» (Гл. Усп., X, с. 138); «В просьбах об уступках я всегда очень щепетилен» (Вл. Немир.-Данч., с. 176) и пр. В связи с такой спе-

[283] Ср. в народном языке — *щепети́нье* (Д[1]: «женские мелочи: нитки, щелчок, иголки, булавки, наперстки, шпильки, снурочки, тесемочки, крючечки, пуговочки, колечки, сережки, бисер, духи, помада и пр.»).

[284] Ср. еще более отчетливо выступающую образность в следующей цитате из Пушкина: «Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, журнальщиков и прочих щепетильных литературщиков» (XIII, с. 312).

циализацией и сужением значения постепенно выветривается из слова «отрицательный» оттенок («излишне мелочный»).[285]

Г. В задачу настоящей работы не входит рассмотрение в полном объеме сложного процесса окачествления причастных форм и перехода многих из них из категории глагола в категорию имени прилагательного или совмещения в них признаков глагольности и чистой качественности. Описание этого процесса выходит за пределы собственно лексикологического исследования. Общие линии этого процесса, его узловые точки и действовавшие в ходе его ограничения нашли свое освещение в труде акад. В. В. Виноградова «Русский язык» (с. 272—284).

Как известно, этот процесс, ограниченный в рамках страдательных причастий на *-мый*, действительных причастий прошедшего времени на *-вший* и особенно в возвратных формах на *-(в)шийся*, сильнейшее развитие получил в причастиях на *-щий* (с непереходным значением), а всего более в страдательных причастиях на *-нный* и *-тый*. Тенденция к окачествлению этих последних причастных форм, по замечанию акад. В. В. Виноградова, «все шире распространяет круг своего действия» (с. 282). «Во многих случаях, — пишет он, — разрыв между качественно-прилагательным и глагольным значением формы настолько велик, что приходится говорить о двух разных словах, об омонимах». Этот процесс, особенно усилившийся в период сложения русского литературного языка, по его же утверждению, «был усилен и поддержан влиянием французского языка, особенно во второй половине XVIII — в первой трети XIX в.» (там же). Но этот же процесс с еще большею степенью интенсивности продолжал развертываться и с 30—40-х гг. XIX в., когда решающее воздействие оказывали факторы внутренние, имеющие прямую связь с преобразованием лексической и стилистической системы нашего литературного языка. В это время данный процесс окачествления причастных форм (особенно сильный в кругу страдательных форм на *-нный* и *-тый*) представляет собою лишь одно из закономерных звеньев общей цепи развития новых переносных качественных значений у прилагательных, в исходе своем некачественных. Следует также иметь в виду, что в ряде случаев новые качественные значения в причастных формах были отражением и воспроизведением новых переносных значений у самих глаголов (ср., напр., *измять* и *измятый*,[286] *истаскаться* и *истаскавшийся*, *истасканный*, *сдержаться* и *сдержанный* и т. п.; см. § 20). Характерно, что и здесь появление новых качественных значений у причастий и отрыв их, как прилагательных, от глагольной системы нередко влекли за собою перестройку словообразовательных связей и отношений. По меткому наблюдению В. В. Виноградова, ослабление связей этих причастных форм с глагольной системой приводило к тому, что «все крепче и неразрывнее становилось их отношение к отглагольным существительным, главным образом на *-ение*, *-ание*, *-тие*». «Генетическая связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с причастиями перевертывалась, — пишет он, — в обратную сторону. Причастия становились к этим существительным в такое же отношение, как другие качественно-относитель-

---

[285] Любопытно, что еще в середине XIX в. можно было гордиться или во всяком случае не смущаться своей *нещепетильностью* (когда речь шла о *щепетильности* как мелочности или излишней склонности к моде, комфорту, какой-либо «форме» и т. п.). Ср. следующую цитату из повести Писемского «Виновата ли она?»: «Я человек вовсе не щепетильный, бывал в самых отдаленных уголках провинций, живал в столице в нумерах, посещал очень незавидные трактиры, но таких странных гостей, каких созвал Иван Кузьмич, я редко встречал» (Писем., II, с. 244).

[286] Ср., напр., в романе Е. Маркова «Черноземные поля»: «Лиду измяли нравственно прежде, чем наступила очередь ее физического завядания» (Дело, 1876, № 11, с. 12); «Ни в ком из этих измятых, давно пережеванных губернских барышень не было такого опьяняющего других увлечения, как у Лидочки» (там же, с. 42).

ные прилагательные — к производящим словам. Напр., *истощенный* по связи с отглагольным существительным *истощение* развивает качественно-относительные значения: 1) дошедший до полного истощения и изнуренный, исхудалый: *истощенная девочка*, *истощенное тело*; 2) обнаруживающий истощение, свидетельствующий об истощении: *истощенный вид*, *истощенное лицо*» (с. 281). Следует заметить, что подобные отношения не только обнаруживаются в современной системе словообразовательных связей, но часто открывают и историческую последовательность в развитии новых значений. Создание и оформление новых переносных значений у существительных указанных рядов по времени предшествует и влияет на отложение соответствующих значений и у причастий (ср. отношения между сущ. *сплочение* и новым качественным значением причастия *сплоченный*; то же можно сказать об исторической последовательности создания новых значений у сущ. *убеждение* и у прил. *убежденный* (не «тот, кого убедили», а «имеющий твердые убеждения» и др.)).

Примеры появления новых качественных значений прилагательных у причастий достаточно многочисленны, и обнаруживаются они на протяжении всего этого времени. Можно только заметить, что с особенною силою проявляется этот процесс в 40—60-х гг., когда появляются в употреблении сразу многие случаи этого рода. Нетрудно заметить, что чаще всего перед нами факты, с точки зрения стилистической, явно экспрессивного характера, отмеченные чертами нового литературного просторечия; новые качественные значения складываются как образные, чаще всего сниженные реализации исходных значений глагольных форм. В качестве причастных форм эти слова были обращены на выражение отношений в сфере предметно-вещественной, теперь они, в функции качественных прилагательных, обращаются также и на характеристику внутренних духовных движений и состояний, на характеристику социального положения лица или целых групп населения. Таковы новые качественные значения у страдательных причастий прошедшего времени на *-нный*: *выдержанный* (также и в сущ. *выдержка*),[287] *забитый*, *заброшенный*, *загнанный*, *закаленный*, *занятый*, *запущенный*, *затасканный* (ср. *затасканный прием*, *затасканные фразы* и т. п.), *избитый*, *изломанный*, *измятый*, *испорченный*, *надломленный* (ср. также новое значение в сущ. *надлом*),[288] *надуманный*, *наигранный*, *натянутый*, *потертый*, *придавленный*, *приподнятый*, *разнузданный*, *распущенный*, *сдавленный* (ср. *сдавленный голос*), *сдержанный*, *скованный*, *угнетенный*, *устремленный* и т. п. В некоторых из этих случаев новые значения стали столь понятийно ограничены, терминированы и специфичны, что действительно приходится говорить о создающихся омонимических противостояниях причастий и прилагательных. Прил. *замкнутый* в смысле психологической характеристики лица (к тому же сложившееся как «перевод» нем. verschlossen) [289] никак практически не связано с реальным значением причастной формы от гл. *замкнуть*; оно соотносится лишь с особым значением возвратной формы *замкнуться* (характерно, что это значение чаще всего реализуется в особом сочетании с этим глаголом: *замкнуться* во что, в чем, *замкнуться в себя*, *в себе* и т. п.). Также слабо связаны по значению причастные формы и прилагательные *убежденный*, *сдержанный* и т. д. Обособленность этих новых прилагательных от круга глагольных

[287] Ср.: «Вспомните.. сцену, беспощадно обличающую всю бесхарактерность широкой русской натуры, весь недостаток „*выдержки*“, ей свойственный» (А. Григ., I, с. 539).

[288] Напр.: *душевный надлом* (по Слов. 1847 *надлом* — только «надломленное место у какой-нибудь вещи»). Ср. также *надломленность*: «Если бы ему пришлось довести жизнь Софьи до конца, то он бы дал такой же образчик надломленности и упадка сил, какой дал г. Ближнев в Зине» (Дело, 1875, № 8, Новые книги, с. 321).

[289] См. об истории появления этого употребления в гл. I, стр. 170—171.

форм поддерживается созданием от них существительных отвлеченного значения с суфф. *-ость*, «терминологически» еще более определенных.[290] Появление этих причастий в новой функции качественных слов нередко увеличивало известные синонимические ряды новыми экспрессивными синонимами. Ср. *избитый*, *истасканный* и *истрепанный* как слова, соотносящиеся по смыслу с прил. *пошлый*, *банальный*, *тривиальный* и т. п. Напр.: «Для чего сошлись сюда эти истасканные люди с нахально-самодовольными взглядами» (А. Дружинин. Жюли; Совр., 1849, № 1, с. 18); «Именно потому, что эта истина банальная и, так сказать, истрепанная, она и принимается всеми без малейшего спора и критики» (П. Никитин [Ткачев]. Педагогика — родная дочка психологии; Дело, 1876, № 11, с. 275—276); ср. также *избитые фразы* и т. д.

Любопытный пример, указывающий на особую показательность и интенсивность таких образований для середины XIX в., дает история прил. *сдержанный* и производного от него сущ. *сдержанность*. Хотя Слов. 1847 и не указывает при гл. *сдерживать* особого значения «воздерживать, умерять (порывы, страсти и т. д.)», однако в литературной речи такое употребление было известно еще и в XVIII в. (особенно в возвратной форме глагола). Однако до 30—40-х гг. XIX в. мы не находим ни явных случаев семантического отрыва, в качестве прилагательного, причастия *сдержанный* от глагольной системы, ни отложения в нем таких значений, которые особенно удалили его от этого глагола (ср. *сдержанные манеры*, т. е. не экспансивные, не резкие, а спокойные, тактичные и корректные и т. д.). Нет в словарях (до Даля) и сущ. *сдержанность*. Грот относит его к тем словам, которые «на нашей памяти принялись», т. е. не ранее 30-х гг. XIX в. (Филолог. разыск., I, с. 22). С середины века и прил. *сдержанный* в разных оттенках его нового смысла (также и *несдержанный*) и сущ. *сдержанность* становятся уже вполне обычными в употреблении. Ср. в «Обыкновенной истории» Гончарова: «Он был высокий, пропорционально сложенный мужчина,.. с сдержанными, но приятными манерами» (I, с. 25); «В лице [Адуева старшего] замечалась — также сдержанность, т. е. умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души» (там же). См. еще характерные логические ударения на словах этого типа в диалоге из «Отцов и детей» Тургенева (гл. XVIII): «— Я уверена, что ваша эта, как бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнет наконец? — А вы заметили во мне сдержанность... как вы еще выразились... напряженность?» (Тург., III, с. 267—268).

В 40—60-х гг. много таких новых осмыслений причастных форм, подготовленных и форсированных всем ходом стилистических изменений в системе литературной речи, вышло одновременно на поверхность и было принято нормой литературного словоупотребления.

§ 20. Обширен и круг глаголов, в которых в определенных фразеологических и стилистических условиях являлся сдвиг в значении от отношений и процессов материальных к явлениям нравственно-социального порядка. Такие «переходы» легко происходили в разговорной речи различных групп интеллигенции, особенно разночинской; благоприятную почву для них представляла также новая журналистика с ее манерой непринужденно-острого и часто резкого выражения мысли.

Любопытно, что пуристы старшего поколения отметили с неодобрением и эту струю «разговорности» в литературном употреблении некоторых влиятельных, хотя и эфемерных школ 30-х гг. Так, в анонимном памфлете «Авторский вечер» (СПб., 1835) была подвергнута осмеянию склонность к такому смещению в значении общепринятых слов в стиле повестей Сенковского. Одной из таких «стилистических невозможностей и

---

[290] См. об этом в гл. II, стр. 189 и сл.

несуразностей» для старой школы писателей явилось нарочитое употребление, например, гл. *высказать* в метонимически сдвинутом смысле: «Выразить, выявить, обнаружить». В брошюре критикуются такие сочетания, как *высказать свое сердце* (см. стр. 37, 74—75), *высказать благодарность* (с. 32) и т. п.[291] Не менее суровый приговор с этой стороны ожидал и такие фразеологические «брамбеизмы», как переносное употребление гл. *подглядеть* (*подглядеть ее душу* — см. с. 139—140, 158—160), *подметить* (в переносном смысле «обнаружить проявление чего-либо, наблюдая»).[292] Однако как ни резали слух подобные случаи в словоупотреблении Сенковского и его круга, они выделялись лишь своим утрированным характером, чрезмерной употребительностью. На самом же деле они оказывались лишь первыми вестниками многих аналогичных перемен, явившихся в литературном употреблении 40—60-х гг. Характерно, что и гл. *высказать* и *подметить* в том смысле, в каком их употреблял Сенковский, сделались очень скоро обычными и уже не привлекающими внимания. Ср. позднее в пуристически настроенном «Москвитянине»: «Некоторые черты развития личности знаменитого в науке мужа [В. Гумбольдта] показались нам весьма хорошо подмеченными» (1853, № 7, Журналистика, с. 99).

В эти годы становится обычным, напр., переносное употребление глаголов *выдыхаться*, *выдохнуться* (в смысле «уставать, терять силы»), *вылетать* и *застывать* (о словах;[293] *застывать* — также о выражении физиономии), *выпаливать* (слова), *комкать* (изложение) и т. д. Еще чаще выступает применение глаголов, передающих физическое действие и состояние, к нравственно-социальной сфере (напр., *душить* (мысль, порывы и т. д.), *замазывать* (недостатки, пороки, противоречия; ср. также *замаскировать*), *издергать*, *изломать* (нравственно), *засосать* (о пагубном влиянии какой-либо обстановки или социальной среды), *сколотить* (группу лиц), *разъедать* (душу, общество и т. п. чем-либо), *шевелить* (мысль, чувство)).[294] Для многих слов этот путь переноса был довольно далеким: в своем реальном смысле они нередко обозначали действия «низменные», а теперь стали прилагаться к характеристике явлений духовного мира. Естественно, что при этом они получали самую резкую характеристичность, оказывались явно «просторечными» оценками. Ср., напр.:

Оплевывать. «На их глазах оплевывались и оскорблялись самые святые права и человеческие чувства» (П. Никитин [Ткачев]. Литературное попурри; Дело, 1876, № 5, с. 317); в таком употреблении глагол очень популярен в левой демократической публицистике 60—70-х гг.

Пережевывать. «Отличительная черта нашей эпохи есть grübeln. Мы не хотим шага сделать, не выразумев его, мы беспрестанно останавливаемся, как Гамлет, и думаем, думаем... Некогда действовать; мы пережевываем беспрерывно прошедшее и настоящее, все случившееся

---

[291] Позднее к этому примыкает и возвратная форма глагола. Ср.: «Каждый живой человек восчувствовал неодолимую потребность как можно скорее „высказаться“, как можно скорее поделиться с своими ближними запасом мыслей и чувств, накопившихся в глубоких тайниках его души» (П. Ткачев. Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова; сб. «60-е гг.», с. 223).

[292] В Слов. 1847 только: «Подсматривать, подглядывать. *Подметить в лесу медведя*». Ср. в «Авторском вечере»: «Признаюсь, употребление дядею пошлого выражения: *то, что с прискорбием видите вы в вашем племяннике*, тогда, как он прекрасно мог бы выразить мысль, сказав: что *подсмотрели*, что *подметили* вы в вашем племяннике, тронуло меня больше приговора и осуждения, произнесенных инспектором врачебной управы» (с. 46).

[293] Ср. в «Памятном листе ошибок в русском языке» И. Покровского: «Слова, как звуки, замереть могут, но не *застывают*» (Москвит., 1853, № 15, Смесь, с. 139).

[294] Очень популярный в публицистике 60-х гг. оборот. Ср.: «Впечатление, произведенное на меня этой книгой, ..так хорошо шевельнуло мозг» (Благ., с. 176).

с нами и с другими, ищем оправданий, объяснений, доискиваемся мысли, истины» (Герц., II, с. 49); «И несмотря на то, что Европа пережевывала 300 лет все одну и ту же мысль, осуществление ее не было вовсе так легко и просто, как бы можно было ожидать» (Н. Шелгунов. Главные моменты в истории Европы; Русск. слово, 1865, № 1, с. 115); «[Бунге] пережевывает давнишнюю жвачку, а насколько хороша и приятна на вкус эта жвачка, читатель, если только он не брезглив, может усмотреть из „Основных понятий политической, общественной или промышленной экономии“ Жозефа Гарнье» (Дело, 1869, № 2, Новые книги, с. 52).

Любопытно, однако, что это превращение в просторечно-оценочные слова изредка затрагивало и книжные славянизмы. В этом смысле особенно выразительна стилистическая и смысловая эволюция гл. *разоблачать*. В Слов. 1847 его значение раскрывается и иллюстрируется так: «Снимать облачение, ризы, одежды. *Разоблачать архиерея. Разоблачи престол*». Однако уже в критике 30—40-х гг. в полном ходу это слово и в образно-переносном употреблении. Ср. у Белинского: «Оценить вполне великое создание искусства, разоблачить перед читателем тайны его красоты» (III, с. 100); «Если бы таким образом юристы наши обработали историю права на Руси и разоблачили его внутреннее значение и сокровенную, таинственную сущность — мысль, — как далеко подвинулась бы русская история!» (III, с. 223—224; см. также с. 251, 133). Таким образом в этих примерах переносного употребления еще сохраняется старый книжный, «славенский» характер слова, а его значение вполне соответствует общему смыслу гл. *раскрыть*, *открыть*. Но к 50—60-м гг. сгущаются новые иронические краски и оттенки у этого пережиточно сохраняемого славенского синонима. Он начинает специально выражать действие раскрытия чего-либо такого, что намеренно скрывается, обнаружение какого-либо злоупотребления и т. д. Ср.: «Разоблачимте гнойную язву.. нашего общества» (Помял., II, с. 165); «Теперь Обломов является пред нами разоблаченный, как он есть, молчаливый, сведенный с красивого пьедестала на мягкий диван, прикрытый вместо мантии только просторным халатом» (Добр., IV, с. 333) и т. п.[295]

Следует отметить, что в некоторых случаях этого рода наблюдается и отсутствие экспрессивных оттенков при новых переносных значениях, их «терминологизация». Ср. *выработать*, *переработать* (изменить) и т. д.[296] Это же можно сказать и о новом употреблении гл. *перестроить* в общем отвлеченном смысле «изменить, переделать». Такого общего значения Слов. 1847 еще не отмечает.[297] Но ср. у Белинского: «Бессилие перестроить действительность, живущую из самой себя» (II, с. 504). Ср. также: «Устранить оба заключения можно, только отказавшись от утопической теории или перестроив идеал» (Писар., I, с. 93); «Перестроить общество на лучших основаниях» (В. Попов. История террора; Русск. слово, 1869, № 4, с. 3); «Есть особенный разряд мечтателей, очень умных и благородных, которые думают, что всю общественную жизнь, всю систему ее нравственных и политических начал можно перестроить с помощью образования» (Благ., с. 209). То же значение с середины века откладывается и у сущ. *перестройка* (реже — *перестроение*). Ср.: «Только благодаря идеальным Саксам [герой повести Дружинина] преобразовалась русская семья из старого, домостроевского на европей-

[295] Для судьбы этого славянизма характерно также, что в разговорной речи демократического круга в 60-х гг. возвратная форма глагола стала шутливым синонимом гл. *раздеться*. Ср.: «Наденька также совсем разоблачилась и нырнула под верхнюю простыню» (В. Авенариус. Поветрие; Всем. труд, 1867, № 2, с. 163).

[296] См. об этом выше, § 9, стр. 399—400.

[297] Очевидно, отправной точкой здесь было создание образно-переносного смысла у выражения *перестроить* на какой-нибудь *лад* (первоначально о музыкальных инструментах).

ский лад. Эпоха 50-х гг. есть именно эпоха этой перестройки» (Н. Шелгунов. Люди 40-х и 60-х гг.; Дело, 1869, № 11, с. 7); «Разумеется, это неизбежный рост всякого психологического, формирующегося организма. И каждый человек, прежде чем он сложится, растет путем брожения, перестроек, выкидывания» (Дело, 1875, № 8, Новые книги, с. 320); «Перестроение русской жизни» (Маркев., VI, с. 301) и т. д. Несомненно, это находится в теснейшей связи с появлением нового широкого значения и у сущ. *строй* (см. выше, § 18).

Любопытный пример известной условной «терминологизации» слова при сохранении сильных экспрессивных оттенков смысла дает история одного специфического осмысления гл. *свистеть* и некоторых его производных. Оно ведет свое начало от названия сатирико-полемического отдела в «Современнике» «Свисток», введенного Добролюбовым в 1859 г. Отсюда *свистеть* прежде всего и получило в литературной среде начала 60-х гг. смысл: «осмеивать, преследовать сатирою». Ср. в письме И. С. Тургенева к А. А. Фету: «„Современник“ без Нового поэта [И. И. Панаева] будет ли продолжать свистать?» (Фет, I, с. 393). Но это новое осмысление сразу же и осложнилось. Так как «свистел» прежде всего «Современник», журнал с определенной программой коренного переустройства общества и решительного отрицания старых порядков, то гл. *свистеть* в употреблении шестидесятников стал синонимически близок гл. *отрицать*, который в свою очередь в это время оказался специфически осмысленным в общественно-политическом плане. Ср. в «Дневнике Темного человека» [Д. Д. Минаева] в монологе новоявленного Репетилова:

Потом
Ученьем заразился новым,
Стал бредить Чернышевским, Бовым,[298]
Свистеть пустился, отрицать.

(Русск. слово, 1862, № 5, с. 19).

Отсюда обычное обозначение демократической партии и ее журналистики как *свистящей* (ср., напр., у Писарева: «свистящая журналистика» (III, с. 96)). Катков, преследовавший со своих реакционных позиций эту журналистику, обозвал ее представителей *свистунами* (ср. полемическую статью в его журнале «Русский вестник», № 3 за 1861 г.: «Наш язык и что такое свистуны?»). В течение всех 60-х гг. *свистун* было позорящей кличкой, постоянно бросаемой всем реакционным лагерем по адресу демократической молодежи. Это, однако, не помешало тому, что демократическая критика 60-х гг. продолжала употреблять гл. *свистеть* в этом остром общественном смысле: «осмеивать и отрицать старое, отжившее». Ср. в характерно обобщенном плане в статье Писарева «Схоластика XIX века»: «Я не восстаю против полемики, не зажимаю ушей от свиста, не проклинаю свистунов; и Ульрих фон Гуттен был свистун, и Вольтер был свистун, и даже Гёте вместе с Шиллером свистнули на всю Германию, издавши совокупными силами свой альманах „Die Xenien“; у нас на Руси свистал часто и резко, стихами и прозою, Пушкин; свистал Брамбеус. . А разве во многих статьях Белинского не прорываются резкие, свистящие звуки?» (I, с. 131).

Л. В. Щерба говорил о том, что «всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно выражать все новые и новые смысловые оттенки».[299] На многих примерах, которые демонстрировались в этой

[298] Псевдоним Добролюбова, — *Ю. С.*
[299] Русско-французский словарь под ред. Л. В. Щербы, М., 1939, с. 3.

главе, можно достаточно хорошо убедиться в справедливости этой мысли. Обычно условия для этих закономерных и вместе с тем часто неожиданных смысловых переходов создаются в речевом потоке, в контексте; они обусловлены здесь фразеологически. Такие смысловые смещения в речевом потоке неизбежны, ибо тот или иной общий смысл слова, отделяя и отграничивая его от других лексических единиц, вместе с тем заключает в себе возможности различной своей реализации, различных направлений конкретизации своего смысла и известного его «сужения» или, напротив, «расширения». Но степень интенсивности, с какой проходят эти изменения, и степень «результативности» этих контекстовых смысловых смещений слова, — т. е. то, насколько быстро они становятся типичными и превращаются из фактов индивидуально-речевого характера в факты общеязыковые, — зависит, с одной стороны, от диалектики мысли, с другой, от диалектики самого развития языка и стилей литературной речи. В обоих отношениях условия для обильных перемен в семантике многих слов были налицо в русском языке изучаемого времени.

Подъем общественной мысли и литературного творчества настойчиво требовал новых форм словесного выражения; в ходе развития познания действительности все более открывались ее новые стороны, в оценках и определениях их являлись самые неожиданные сближения; то, что раньше представлялось разорванным и обособленным, оказывалось поставленным в неожиданную, но органическую связь.

Перестройка старой стилистической системы литературной речи устраняла «крепость» слова только известным замкнутым речевым контекстом. Столкновения и сопоставления слов разного стилистико-семантического круга не могли пройти бесследно. Демократизация общественной жизни оставила свой сильнейший след и в самой манере речевого выражения. Пуристические установки, охранение «внутренней формы» слова часто казалось представителям новой демократической среды одним из проявлений речевого «аристократизма». Слово ценилось прежде всего с той точки зрения, насколько оно может определеннее, резче и неожиданнее выразить открывающиеся связи и отношения явлений действительности.

В результате явилось не только количественное пополнение словаря, само по себе значительное, но и достаточно радикальная перестройка системы лексических связей и отношений, изменение самой фразеологии литературной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы трех разделов этой книги наглядно показывают, как широки, многообразны и при этом определенным образом направлены были процессы изменений лексики русского литературного языка на протяжении изучаемого времени. Количественную значительность этих перемен, даже по приведенным в книге примерам и иллюстрациям, оценить нетрудно. Многие сотни новообразований, явившихся в этот период и в большинстве своем сохранившихся в употреблении до наших дней. Среди них немало слов «зависимых», «формальных» (напр., многие из новообразований существительных на *-ость*, *-ние* и т. п.), теснейшим образом связанных по своему реальному значению со словами, от которых они произведены. Но также значительно и число новообразований, наделенных своим особым лексическим значением, ставших во главе новых лексических гнезд, терминологически определенных. (Такую терминологическую определенность и семантическую самостоятельность получали, как мы уже имели возможность убедиться, и некоторые из зависимых, производных слов, образованных в это и несколько более раннее время; ср. *промышленность*, *художественность*, *непротивление* и т. д.). Многие сотни слов, взятых из иноязычного источника, с этого времени получили полные права гражданства среди других слов русского языка. Обширен и круг слов, ранее занимавших в лексике русского языка периферийное положение, а теперь вошедших в норму литературной речи, хотя бы и с особыми стилистическими характеристиками, на правах экспрессивно-ограниченных синонимов. Такова судьба многих областных, профессиональных, «простонародных» слов.

Но, как мы видели, количество и меру лексических изменений в литературном языке этого времени нельзя оценить вполне, только регистрируя новые единицы в словарном его составе. Надо также учесть, во-первых, что многие старые слова книжного характера (особенно принадлежавшие к кругу славянизмов) с этого времени либо окончательно перестают употребляться, либо становятся малоупотребительными, получающими в новых стилях речи очень специфическое назначение, характер «инородных», «экзотических» словесных экспонатов.[1] Во-вторых, особо значителен удельный вес семантических изменений во многих словах русского языка, общих и специальных, «нейтральных» и стилистически ограниченных. Эти новые значения старых слов нередко, как мы видели, давали слову новую жизнь (ср. *среда*), переводя слово в новую понятийную сферу, придавая ему новую терминологическую определенность (ср. *направление*, *течение*, *веяние*), еще чаще расширяли

[1] Этой стороны дела мы в нашей работе могли лишь коснуться, так как подробное описание различий старого и нового литературного употребления потребовало бы развернутой характеристики старой, допушкинской нормы словоупотребления.

сферу его применения, фразеологическую активность, границы сочетаемости с другими словами в самых различных контекстах. В этом смысле особенно показательно создание новых обширных фразеологических серий, основанное на применении специального слова-термина в свободном, расширительном смысле.

Уже одна эта высокая степень количественных перемен в словарном составе литературного языка, вся эта масса нового в нем заставляет говорить о новом периоде в развитии литературного языка. При этом отчетливо выделяется нижняя грань этого периода (30—40-е гг. XIX в.). Трудно в истории русского литературного языка найти другой такой период, где бы в столь ограниченные сроки (несколько десятилетий) появилось так много очевидных лексических новшеств. В этом, однако, нет ничего удивительного. Ведь это было время окончательного сложения национальной нормы нашего литературного языка в самой обширной и многообразной сфере — сфере словоупотребления. Предшествующее развитие литературного языка, особенно его движение со времени петровских реформ и Ломоносова до Пушкина, создавало условия для такого крупного перелома. Преобразование стилистической системы литературного языка в пушкинское время создало, в свою очередь, условия для разрешения спорных и нерешенных вопросов о соотношении отдельных слоев словарного состава, определило интенсивность их дальнейшего взаимодействия, открыло пути для свободного пополнения недостающих звеньев в лексической системе литературного языка.

Наиболее уязвимой стороной старой лексической системы допушкинского времени была сфера так называемой книжной лексики. Именно эта сфера лексики была замкнутой, мало доступной для внешних воздействий, слабо общавшейся с другими слоями словарного состава.[2] Именно к этому обширному разряду книжной лексики, выражающей различные отвлеченные понятия, особенно понятия общественного, идеологического и психологического порядка, относится большинство новых элементов словарного состава послепушкинского времени.

Насколько легко проводится нижняя грань нашего периода, настолько же трудно установить верхнюю его грань. По существу процессы, так бурно проявившиеся в словарном составе нашего литературного языка около середины прошлого века, продолжаются и в последующее время, вплоть до наших дней. И там и тут мы имеем дело при всех отдельных отличиях с новой, современной нормой словоупотребления русского литературного языка. Наша современная эпоха значительно расширила сферу действия русского языка, неизмеримо подняла его значение и авторитет, обогатила его новыми словами и выражениями, определила новые значения ряда слов, изменила стилистические границы употребления многих из них, но сохранила в основном неизменимым сложившийся в середине и второй половине XIX в. общий характер его лексической системы со всеми ее сложными синонимическими, фразеологическими и стилистическими отношениями.

В этой книге мы стремились прежде всего дать по возможности подробное описание совершившихся в течение этого времени перемен в словарном составе литературного языка. В заключение этого описания мы хотели бы подчеркнуть то качественно новое, что отделяет наш период, современное состояние словарного состава русского литературного языка от предшествующего его состояния, хотя исторически они и необходимо

---

[2] Показательно, что при обращении к текстам конца XVIII в. современный читатель чаще всего испытывает необходимость своеобразных переводов и словарно-фразеологических замен и подстановок именно тогда, когда имеет дело со слогом ученого, философского и т. п. характера, вообще с книжными контекстами.

связаны. Развитие литературного языка в XVIII и начале XIX в. подготовило новый период его существования, но в отношении лексической нормы этот предшествующий период во многом существенно, качественно отличается от того, что стало обычным в последующее время.

Вот некоторые из этих существенных различий, касающиеся отношений внутри лексической системы.

1) Лексика русского литературного языка XVIII в. характеризовалась значительной разобщенностью отдельных ее слоев. Доставшийся по наследству от старой книжности обширный запас славянизмов продолжал сохранять свое особое привилегированное положение высоких книжных слов. Отдельные попытки их свободного соприкосновения в одном контексте со словами обычными, простыми, просторечными и простонародными еще не приводили к стиранию этих особых красок, наложенных предшествующим употреблением на славенские слова. Такое объединение часто вызывало впечатление сознательно вводимого диссонанса. Другой полюс словарного состава представляли простонародно-просторечные слова, также отмеченные особой печатью неполной «литературности». Слова иноязычного источника, даже необходимые как особые терминологические средства, продолжали вызывать ощущение иной, чуждой языковой среды. В послепушкинскую эпоху эта разобщенность лексических групп стерлась, постепенно исчезла, хотя и не всегда при этом утратилась особая стилистическая тональность слов, вышедших из разного источника. Во всяком случае, ведущим признаком стилистики нового времени стало свободное (хотя и не безразличное или, напротив, нарочитое) объединение в одном контексте слов разного источника. Это свободное соприкосновение слов разного источника привело, как мы видели на многих примерах, к решительному изменению их семантики, их фразеологической сочетаемости, их стилистической характеристики.

2) Наличие особых параллельно существующих лексических слоев в литературном языке XVIII—начала XIX в. вело к полному семантическому тождеству многих слов при наличии резких стилистических расхождений между ними. «Тождесловие» — один из наиболее типичных признаков старого литературного словоупотребления. Даже в кругу лексики терминологического характера наблюдается часто употребление нескольких равнозначных имен для обозначения одного и того же понятия. Эти синонимы, или, точнее сказать, «тождесловы», избирались во многих случаях авторами не потому, что каждое из этих слов отличалось какими-то семантическими оттенками, а потому, что автор предпочитал его по тем или иным формальным, стилистическим соображениям. Нередко в одном контексте совершенно безразлично употреблялись совпадающие по смыслу слова. Так, довольно длительное время наряду с словом *влияние* и в том же самом отвлеченном смысле употреблялись и слова *втечение. натечение*, *навождение* и т. п.; понятие инерции передавалось то словом *грубость*, то *косность*, *упорство*, *неключимость* и т. п.; рядом с *растением*, когда оно в середине XVIII в. получило новое терминологическое значение, продолжали употребляться как его полные синонимы слова *рощение*, *планта*, особенно *прозябение*, *произрастание*, *произращение, прозябаемое, произрастающее* и пр. Напротив, послепушкинское время покончило во многих случаях с этой первоначальной «дублетностью», «тождесловием». Наступило время, когда формирование синонимических рядов сопровождалось прежде всего существенной семантической дифференциацией отдельных их членов. Новые синонимы отмечены, помимо совпадения в общем значении, различием в существенных сопровождающих семантических оттенках. Не случайно, что именно в 20—40-е гг. XIX в. пробуждается и в русской филологии, и в русской литературной критике особый интерес к проблеме синонимии лексических

средств. И первой опорой при разрешении ее становится момент логического различения семантики слов. Стилистические различия при этом также намечаются менее резкие и контрастные, но зато более тонкие и индивидуальные. Прочно вошедшие в русское литературное употребление многие иноязычные, а также диалектные, просторечно-разговорные и специальные слова также, как мы уже видели, занимали определенное положение в умножающихся единых синонимических парах и рядах.

3) Как мы уже неоднократно отмечали в различных разделах книги, явление семантической дифференциации слов, характерное вообще для развития словарного состава, получило в русском литературном языке этого времени особое значение. Несомненно, что это начало семантической дифференциации было значительно слабее во многих случаях выражено в речи предшествующего времени. Это, конечно, не отменяет развития и полисемии слов, дальнейшее (и даже часто очень интенсивное) обрастание многих слов новыми дополнительными значениями, контекстуально и фразеологически обусловленными. Не отменяет это и создания у многозначных слов новых особых терминологически-определенных значений (ср. общественно-политическое, отвлеченное значение наряду с его исходными конкретно-пространственными значениями у слова *направление*). Но в значительном числе случаев для выражения особого понятия в это время отдается предпочтение особому слову. Иная картина часто представала в русском литературном языке предшествующего времени. Там, напротив, проявлялась сильная тенденция вкладывать очень специальный, особый смысл в известные русские слова широкого значения. Так, слово *шествие*, *ход* нередко передавало то значение, которое затем специально выражалось прежде всего словом *процесс; успех* выражало и понятие прогресса и т. д. Несомненно, эта тенденция семантической дифференциации наложила сильный отпечаток на всю систему лексики современного русского литературного языка, особенно на лексику книжного, отвлеченного характера. Бесспорно, что в этом отношении во многих случаях русский литературный язык отличается от некоторых других наиболее развитых языков мира склонностью к большей семантической определенности слова.[3]

4) Создание на базе обычных, прямых, терминологически определенных значений слов особых переносных, контекстуально обусловленных и зависимых значений — обычный путь эволюции слова во всех языках. Но степень проявления этого фактора лексико-семантической изменяемости различна в различных языках в разные эпохи их истории. Бесспорно, что интенсивность этих процессов семантических изменений прямо пропорциональна широте и свободе контекстуальной, фразеологической сочетаемости слова с другими словами, обусловленной в свою очередь степенью и характером ассоциативной связи между различного рода понятиями. Интересующее нас время создало особые условия для легкого образования у слов различного исходного значения этих особых, фразеологически обусловленных осмыслений. Легкость появления таких особых осмыслений привела, как мы видели, к созданию ряда типических серий, обширных рядов аналогических изменений, охватывающих слова

[3] Можно отметить, напр., гораздо большую абстрактность собственного значения слова во французском литературном языке. Конкретная смысловая реализация французского слова часто в большей степени, как уже не раз отмечалось в лексикологической литературе, обусловлена контекстуально. Ср. об этом: В. Г. Гак. Некоторые общие семантические особенности французского слова в сравнении с русским. Лексикографический сборник, вып. 4, М., 1960, с. 15—28. Это и неудивительно, если вспомнить, что классическая норма французского словоупотребления определилась в другую, более раннюю эпоху (XVII в.) и под влиянием иных тенденций. Напротив, отдельное слово русского языка часто заключает уже в самом себе очень определенную семантическую и стилистическую характеристику.

одного тематического, понятийного круга. Внешние стимулы интенсивности протекания этого процесса были выяснены в последней главе нашей работы. Направление этих сдвигов также очень симптоматично для этого времени. Можно было бы отметить по крайней мере два типических направления их. С одной стороны, это создание особых общелитературных, образно-переносных осмыслений у разного рода специальных терминов, имевших первоначально лишь прямое, чисто понятийное значение. Для русского литературного языка XIX в. это явление почти вполне новое (но характерное в это время не для одного нашего языка). В русском языке XVIII в. основное место заняло само формирование различных новых терминологических систем. Лишь к концу века, особенно в «новом слоге» карамзинской школы, отдельные члены различных терминологических рядов (в первую очередь — терминологии литературы и искусства) начинают проникать в общий литературный язык, получая образно-переносные осмысления. В полную силу этот процесс внедрения отдельных элементов терминологических систем в состав общелитературной лексики развертывается к середине XIX в. и с тех пор становится одним из постоянных факторов обогащения и оживления литературной фразеологии. С другой стороны, это создание особых осмыслений отвлеченного характера у слов исходного конкретно-предметного значения (отчасти им оказалась затронута и новая в литературном употреблении просторечная и областная лексика). Здесь, как мы видели, движение шло в направлении переноса значений слов, ассоциированных до этого преимущественно с миром физических явлений, на явления идейно-психического и социального порядка.

Таковы некоторые ведущие признаки развития лексико-семантической системы в русском языке послепушкинского времени.

В заключение остается еще раз остановиться на тех социальных силах и факторах, которые стимулировали и определяли изменение словарного состава нашего литературного языка в указанных направлениях. Язык и его словарный состав — достояние всего национального коллектива; в его формировании и изменениях, в определении литературной нормы его принимают участие различные социальные группы, действующие в данной исторической обстановке, и отражаются различные явления современной общественной жизни. Но роль этих отдельных социальных групп в различных общественных условиях не одинакова. Степень воздействия на развитие литературного языка той или иной из них определяется, с одной стороны, ее общим влиянием на развитие общественной жизни и формирование общественного сознания, а с другой — степенью осознания ею тех внутренних закономерностей, по которым проходит развитие языка, степенью проникновения в действующие пружины и направления этого развития. Бросается в глаза сильное воздействие на развитие русского литературного языка в это время и на формирование его словарного состава в определенном направлении некоторых наиболее важных течений в общественной жизни этой эпохи. Во многом решающую роль, как мы уже указывали во введении, получило при этом бурное развитие русской литературы в духе последовательного реализма и ведущее положение новой демократической публицистики. Следует отметить прежде всего активную и последовательную позицию, занятую в вопросах дальнейшего развития русского литературного языка идейными вдохновителями демократического движения 40—60-х гг. XIX в. В этом смысле без всякого преувеличения можно прежде всего указать на во многом решающее воздействие критики Белинского, уделившего столь исключительное внимание, наряду с развитием передовых философских идей, теории реализма и народности литературы, также и основным проблемам развития новых норм литературного языка, вопросам соотношения литературного языка и народного,

пополнения, преобразования и развития словарного состава литературного языка. Ему принадлежит заслуга не только в деле выдвижения, защиты и обоснования передовых идей, но и в деле отчетливого, терминологически определенного выражения этих идей с помощью новых слов, в последовательном отстаивании новых стилистических тенденций в русской литературной речи, всесторонне проявившихся в творчестве Пушкина, Лермонтова и Гоголя, нового поколения писателей-реалистов, выступивших в 40-е гг. Он принял на себя и основную тяжесть борьбы с консервативным пуризмом, сочетая в своей критике разоблачение реакционной подоплеки этого сопротивления новым тенденциям в литературной речи с глубокой и всесторонней защитой новых элементов словарного состава русского языка. Мы уже видели на многочисленных примерах, как часто он сам вводил и отстаивал, несмотря на протесты пуристов, многие необходимые для русского языка слова и термины. Сила его аргументации и его общее идейное воздействие на сознание читателей его времени были столь велики, что развиваемые им идеи, предлагаемые им решения спорных вопросов и новые терминологические средства и нормы речевого выражения быстро становились общим достоянием, оказались воспринятыми в дальнейшем людьми разных направлений.

Критическая деятельность Белинского и его последователей в 40-е гг. расчистила пути для дальнейшего радикального пересмотра стилистических норм литературной речи, придавшего ее стилям отчетливо выраженный демократический отпечаток. Мы уже видели, каким широким потоком продолжали вливаться в литературную речь различные слова и выражения народно-разговорной речи и как они преобразовывались, семантически и стилистически, в условиях их тесного соприкосновения в новых контекстах со словами иного круга.

Эти последние изменения, в значительной степени определившие характерный фразеологический облик нашей литературной речи, падают в особенности на время подъема демократического движения в 60—70-х гг. Их неизменно подхватывали и проводили на практике крупнейшие писатели этого времени, их постоянно отстаивала критика лучших наших демократических журналов — «Современника» и «Отечественных записок», «Русского слова» и «Дела».

Так поток развертывающейся в стране широкой демократической борьбы за переустройство русского общества коснулся и русского литературного языка, сделав его мощным орудием мысли и обогатив его новыми семантико-стилистическими средствами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Авсеенко	— В. Г. Авсеенко. Злой дух. Роман. Тт. I—II. М., 1881—1883.
К. Акс., Ломоносов	— К. С. Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846.
С. Акс.	— С. Т. Аксаков, Собрание сочинений, тт. I—IV, М., 1955—1956.
Анток.	— М. М. Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. СПб.—М., 1905.
Антонович	— М. А. Антонович. Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика. Л., 1938.
Антонович, Избр. соч.	— М. А. Антонович. Избранные философские сочинения. М., 1945.
Арх. Тург.	— Архив бр. Тургеневых, тт. I—II. Изд. Отд. русск. яз. и слов. Академии наук, СПб.—Пгр., 1911—1921.
Бакун.	— М. А. Бакунин. Гимназические речи Гоголя. — Московский наблюдатель, М., 1838, № 1.
Барат.	— Е. А. Баратынский, Сочинения, изд. 4, Казань, 1884.
Бел.	— В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. I—XIII, М., 1953—1959.
Бел. (Венг.)	— В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. I—XI, под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1900—1917.
Бенед.	— В. Г. Бенедиктов. Стихотворения, под ред. Я. П. Полонского, тт. I—III. СПб., 1884.
Берез.	— Русский энциклопедический словарь. Изд. М. Березина. Тт. I—XVI. СПб., 1873—1879.
Библ. для чт.	— Библиотека для чтения. Журнал. СПб., 1834—1865.
Билфельдт	— Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart unter Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt. Academie-Verlag. Berlin, 1958.
Благ.	— Г. Е. Благосветлов, Сочинения, СПб., 1882.
Бобор.	— П. Д. Боборыкин, Собрание романов, повестей и рассказов, тт. I—XII, СПб., 1897.
Бобор., В путь-дорогу	— П. Д. Боборыкин. В путь-дорогу. Роман. Тт. 1—3. СПб., 1864.
Бод. де Курт., Рец.	— И. А. Бодуэн де Куртенэ. «К вопросу о взаимном отношении славянских наречий» А. Кочубинского (рец.; отд. оттиск). Казань, 1879.
Бод. де Курт., Отчеты	— И. А. Бодуэн де Куртенэ. Отчеты командированного министерством народного просвещения за границу с научной целью И. А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языкознанию в течение 1872 и 1873 гг. Вып. 1. Казань, 1876.
Болот., Зап.	— А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, тт. I—IV. СПб., 1871—1873.
Бородин	— А. П. Бородин. Письма, вып. I—II. М., 1927—1936.
В. Ботк.	— В. П. Боткин. Письма об Испании. СПб., 1857.
Брокг.-Ефр.	— Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. Тт. 1—41. СПб., 1890—1907.
БСЭ	— Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд.
Бунин	— И. А. Бунин, Собрание сочинений в пяти томах, Библиотека «Огонек», изд. «Правда», т. I, М., 1956.

Бурд. — И. Ф. Бурдон. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского словаря. М., 1865.

Бусл. — Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Чч. I—II. М., 1844.

Вельтм. — А. Ф. Вельтман. Странник. Повесть. Чч. I—III. М., 1831—1832.

Венг. — С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Тт. I—VI. СПб., 1889—1904.

Верес. — В. В. Вересаев, Сочинения, т. I, М., 1947.

Веселитск. — В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964.

А. Н. Веселовск. — А. Н. Веселовский, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1908.

Вестн. Евр. — Вестник Европы. Журнал. СПб., 1802—1830.

Вестн. Евр. — Вестник Европы. Журнал истории, политики и науки. СПб., 1866—1918.

Вестн. МГУ — Вестник Московского гос. университета.

Вестн. Народн. воли — Вестник Народной воли. Журнал. Женева. 1883—1886. 5 книг.

Вигель, Зап. — Ф. Ф. Вигель. Записки. Тт. I—II. М., 1928.

Виноградов, Русск. язык — В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947.

Виноградов, Очерки — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938.

Время — Время. Журнал литературный и политический, под ред. М. М. Достоевского. СПб., 1861—1863.

Всем. труд — Всемирный труд. Учено-литературный журнал. СПб., 1867—1872.

ВЯ — Вопросы языкознания.

Вяз. — П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, тт. I—XII, СПб., 1878—1896.

Галатея — Галатея. Журнал. М., 1829—1840.

Гарин — Н. Г. Гарин-Михайловский, Собрание сочинений в пяти томах, т. I, М., 1957.

Гейзе — Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленный по словарю Гейзе. СПб., 1861.

Герц. — А. И. Герцен, Собрание сочинений, тт. I—XXVIII, М., 1954—1963.

Герц. (Лемке) — А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, тт. I—XXII, Пгр., 1919—1925.

Гог. — Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, тт. I—XIV, Изд. Академии наук СССР, 1940—1952.

Голос — Голос. Газета политическая и литературная. СПб., 1863—1884.

Гонч. — И. А. Гончаров, Собрание сочинений, тт. I—VIII, М., 1952—1955.

И. Горб. — И. Ф. Горбунов, Полное собрание сочинений, тт. I—II, под ред и с пред. А. Ф. Кони, СПб., 1904.

Гран. — Т. Н. Грановский, Сочинения, чч. I—II, М., 1892.

Гран., Переп. — Т. Н. Грановский и его переписка. Тт. I—II. М., 1897.

Греч — Н. И. Греч. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Чч. I—III. СПб., 1839.

Греч, ПСС — Н. И. Греч, Полное собрание сочинений, чч. I—V, СПб., 1838.

А. Григ. — Аполлон Григорьев, Сочинения, т. I, СПб., 1872.

А. Григ., Восп. — А. Григорьев. Воспоминания. М.—Л., 1930.

Григор. — Д. В. Григорович. Полное собрание сочинений, т. I—XII. изд. 3-е, СПб., 1896.

Григор., Избр. произв. — Д. В. Григорович. Избранные произведения. Гос. изд. худ. лит., М.—Л., 1959.

Я. Грот, Филолог. — разыск. — Я. Грот. Филологические разыскания. 2-е значит. пополн. изд., тт. I—II. СПб., 1876.

Д[1] — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Чч. I—IV. М., 1863—1866.

Д[2] — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2, тт. I—IV. СПб.—М., 1880—1882.

Д[3] — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3, под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Тт. I—IV, 1904—1909.

Даль — В. И. Даль, Полное собрание сочинений, тт. I—X, СПб., 1897—1898.

Г. Данил. — Г. П. Данилевский, Сочинения, изд. 6, тт. I—VIII, СПб., 1890.

Н. Данил. — Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. 4, СПб., 1889.

Дело — Дело. Журнал. СПб., 1867—1880.

День — День. Еженедельная газета. М., 1862—1865.

Держ. — Г. Р. Державин, Сочинения, с объяснительными примечаниями Я. Грота, тт. I—IX, СПб., 1864—1883.

Добр. — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, тт. 1—7, М.—Л., 1961—1963.

Добр., Дневн. — Н. А. Добролюбов. Дневники. 1851—1859. Под ред. и со вступ. статьей В. Полянского. Изд. 2, М., 1932.

Доп. Оп. 1858 — Дополнения к «Опыту Областного великорусского словаря». Изд. II отд. имп. Академии наук. СПб., 1858.

Дост. — Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, тт. I—X, М., 1950—1958.

Дост., ПСС — Ф. М. Достоевский, Полное собрание сочинений, тт. XI—XII, СПб., 1895.

Друж. — А. В. Дружинин, Собрание сочинений, изд. под ред. Н. В. Гербеля, тт. I—VIII, СПб., 1865—1867.

А. Дьяков — А. А. Дьяков (Незлобин). Рассказы. СПб., 1881.

Живоп. русск. библ. — Живописная русская библиотека, изд. К. Полевым. СПб., 1856—1859.

Жив. старина — Живая старина. Периодическое издание отд. этнографии Русск. географ. общества. СПб., 1890—1917.

ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ. СПб., 1841—1864.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1884—1917.

Жук. — В. А. Жуковский, Полное собрание сочинений с приложением его писем, изд. 7, испр. и доп., под ред. П. А. Ефремова, тт. I—VI, СПб., 1878.

Журн. землевл. — Журнал землевладельцев. М., 1858—1859.

Землед. газ. — Земледельческая газета. Изд. департамента земледелия Министерства государственных имуществ, СПб., 1860.

Е. А. Земская — Е. А. Земская. Из истории русской литературной лексики XIX в. В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. IV, М., 1961.

Златовр. — Н. Н. Златовратский, Собрание сочинений, тт. I—II, М., 1891.

Златовр., Восп. — Н. Н. Златовратский. Воспоминания. М., 1956.

ИАН ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.

Избр. произв. декабр. — Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Тт. I—III. Госполитиздат, 1951.

ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.

Ист. вестн. — Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб., 1880—1917.

Кантем. — А. Д. Кантемир, Сочинения, письма и избранные переводы, под ред. П. А. Ефремова, тт. I—II. СПб., 1867—1868.

Карамз. — Н. М. Карамзин, Сочинения, тт. I—IX, М., 1814.

Карамз., ПРП — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Чч. I—VI. М., 1797—1800.

Карамз., ИГР — Н. М. Карамзин. История государства Российского. Тт. I—XII. СПб., 1816—1829.

Карон. — С. Каронин (Н. Е. Петропавловский), Сочинения, «Academia», Л., 1932.

Карон., Собр. соч. — С. Каронин (Н. Е. Петропавловский), Собрание сочинений, тт. I—II, М., 1899.

Кеппен, Мат. — П. А. Кеппен. Рукописные словарные материалы (выборки новых слов для академического словаря из журналов, газет и книг 1847—1863 гг.) в архиве картотеки Словаря современного русского литературного языка (Ленингр. отд. Института языкознания АН СССР).

Кир. — Карманный словарь иностранных слов, вошедших в со-

	став русского языка, издаваемый Н. Кириловым. Вып. 1—2, СПб., 1845—1846.
И. Киреевск.	— И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений, под ред. М. О. Гершензона, тт. I—II, М., 1911.
Ключев.	— В. О. Ключевский, Сочинения, тт. I—VIII, М., 1956—1959.
С. Ковалевск.	— С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма. Изд. испр. и доп. Изд. Академии наук СССР, 1951.
Кокор.	— И. Т. Кокорев. Очерки и рассказы, чч. I—III. М., 1858.
Кони, Судеб. речи	— А. Ф. Кони. Судебные речи. Изд. 4, СПб., 1905.
Кони, За посл. годы	— А. Ф. Кони. За последние годы. СПб., 1896.
Корол.	— В. Г. Короленко, Собрание сочинений, тт. I—II, М., 1954.
Н. Костом.	— Н. И. Костомаров. Смутное время Московского государства XVII в. Тт. I—III. СПб., 1878.
Крамск.	— И. Н. Крамской. Письма в двух томах. Гос. изд. изобразит. искусств, 1937.
Вс. Крест.	— В. В. Крестовский, Собрание сочинений, тт. I—VIII, СПб., 1899.
Лавр.	— П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. Т. I. М., 1934.
Лаж.	— И. И. Лажечников, Сочинения, посмертное полное издание, тт. I—XII, СПб., 1883—1884.
Лаж., Посл. новик	— И. И. Лажечников. Последний новик. 2-е изд. Чч. I—IV. М., 1833.
Лаж., Лед. дом	— И. И. Лажечников. Ледяной дом. Чч. I—IV. М., 1835.
Левит.	— А. И. Левитов. Сочинения в одном томе. М., 1956.
Левит., Собр. соч.	— А. И. Левитов, Собрание сочинений, тт. I—II, М., 1884.
Лерм.	— М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, тт. I—IV, М.—Л., 1948.
Леск.	— Н. С. Лесков, Собрание сочинений, тт. I—XI, М.—Л., 1956—1958.
Леск., ПСС	— Н. С. Лесков, Полное собрание сочинений, тт. I—XXXVI, СПб., 1902—1903.
А. Н. Майк.	— А. Н. Майков, Полное собрание сочинений, тт. I—IV, СПб., 1914.
В. Майк.	— В. Н. Майков, Сочинения, тт. I—II, Киев, 1901.
Мам.-Сиб.	— Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собрание сочинений, тт. I—VIII, М., 1953—1955.
Мам.-Сиб., ПСС	— Д. Н. Мамин-Сибиряк, Полное собрание сочинений, тт. I—XII, Пгр., 1915—1917.
Марк.	— Всеобщий объяснительный словарь иностранных слов... Составил и издал А. И. Марков. М., 1865.
Маркев.	— Б. М. Маркевич, Полное собрание сочинений, тт. I—XI, СПб., 1885.
Марл.	— А. А. Марлинский [Бестужев-Марлинский], Полное собрание сочинений, 3-е изд., чч. I—XII, СПб., 1838—1840.
Мельн.-Печ.	— П. И. Мельников (А. Печерский), Полное собрание сочинений, тт. I—VII, СПб., 1909.
Мельн.-Печ., В лесах	— П. И. Мельников (А. Печерский). В лесах. Кн. I—II. М., 1956.
Мельн.-Печ., На горах	— П. И. Мельников (А. Печерский). На горах. Кн. I—II. М., 1956.
Микл.-Маклай	— Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, тт. I—V, М.—Л., 1950—1954.
В. Милют.	— В. А. Милютин, Избранные произведения, Гос. изд. полит. лит., 1946.
Мих. 1865	— А. Д. Михельсон. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1865.
Мих. 1898	— А. Д. Михельсон. Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Изд. 14, М., 1898.
Михайловск.	— Н. К. Михайловский, Сочинения, тт. I—VI, СПб., 1896—1897.
Моск. вед.	— Московские ведомости. Газета. М., 1756—1917.
Моск. вестн.	— Московский вестник. Газета политическая и литературная. 1859—1861.
Москвит.	— Москвитянин. Журнал, изд. М. П. Погодиным. М., 1841—1856.

Моск. журн. — Московский журнал. 8 чч. М., 1791—1792.
Моск. Мерк. — Московский Меркурий. 4 чч. М., 1803.
Моск. наблюд. — Московский наблюдатель. Журнал энциклопедический. М., 1838.
Моск. телегр. — Московский телеграф. Журнал, изд. Н. А. Полевым. М., 1825—1834.
Мусорг. — М. П. Мусоргский. Письма и документы. Собрал и приготовил к печати А. Н. Римский-Корсаков. М.—Л., 1932.
Наум., Паутина — Н. И. Наумов. Паутина. Рассказы из жизни приискового люда в Сибири. СПб., 1888.
Наум., В забыт. краю — Н. И. Наумов. В забытом краю. Рассказы из быта сибирских крестьян. СПб., 1882.
Наше время — Наше время. Газета политическая и литературная. М., 1860—1861.
Невежин — П. М. Невежин. Драматические сочинения, тт. I—II. М., 1898—1901.
Некр. — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII, М., 1948—1953.
Вл. Немир.-Данч. — В. И. Немирович-Данченко. Избранные письма. М., 1954.
А. Никит., Дневн. — А. В. Никитенко. Дневник в трех томах. Тт. I—III, Гос. изд. худ. лит., 1955—1956.
Нов. время — Новое время. Газета политическая и литературная. СПб., 1864—1917.
Нордстет — Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный Иваном Нордстетом. Чч. I—II. СПб., 1780—1782.
Огар. — Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Тт. I—II. М., 1952—1956.
Одесск. вестн. — Одесский вестник. Газета политическая и литературная. Одесса, 1858—1863.
В. Одоев. — В. Ф. Одоевский, Сочинения, чч. I—III, СПб., 1844.
Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1852.
Орлов — А. И. Орлов. Полный филологический словарь русского языка. Т. I. А—Г. СПб., 1884; т. II. Д—И. СПб., 1885.
Орловск. — К. Орловский [К. Ф. Головин]. Вне колеи. Роман. Тт. I—II. СПб., 1884.
Остр. — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, М., 1949—1953.
Отеч. зап. — Отечественные записки. Журнал. СПб., 1839—1884.
Н. Павлов — Н. Ф. Павлов. Повести и стихи. М., 1957.
И. Панаев — И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Первое полное издание. Л., 1928.
А. Панаева — А. Я. Панаева. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1929.
Петровых, Слов. семинар. — И. Петровых. Словарь семинариста. Рукоп. в архиве картотеки Словаря современного русского литературного языка (Ленингр. отд. Института языкознания АН СССР).
Пирог. — Н. И. Пирогов, Сочинения, тт. I—II, СПб., 1910.
Писар. — Д. И. Писарев, Сочинения в четырех томах, тт. 1—4, М., 1955—1956.
Писар. (Павл.) — Д. И. Писарев, Сочинения. Полное собрание в шести томах, тт. I—VI, Изд. 5 Ф. Павленкова, СПб., 1909—1911.
Писем. — А. Ф. Писемский, Сочинения, тт. I—III, М., 1956.
Писем., ПСС — А. Ф. Писемский, Полное собрание сочинений, тт. I—XXIV, СПб., 1895—1896.
Плехан. — Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения в пяти томах, т. I, М., 1956; т. III, М., 1957.
Плехан., Соч. — Г. В. Плеханов, Сочинения, т. II, М.—Л., 1924.
Плюшар — Энциклопедический лексикон. Изд. Плюшара. Тт. I—XVII. СПб., 1835—1840.
Погод. — М. П. Погодин. Повести. Чч. I—III, М., 1832.
Погод., Норман. период — М. П. Погодин. Норманский период русской истории. М., 1859.
Погосск. — А. Ф. Погосский, Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1899.
Н. Пол. — Н. А. Полевой. Очерки русской литературы. Чч. I—II, М., 1839.
Н. Пол., ИРН — Н. А. Полевой. История русского народа. Кн. I—VI, М., 1826—1833.

Н. Пол., Мечты и жизнь — Н. А. Полевой. Мечты и жизнь. Были и повести. Чч. I—IV, СПб., 1834.

Н. Пол., Клятва — Н. А. Полевой. Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века. М., 1832.

Полон. — Я. П. Полонский, Полное собрание стихотворений, тт. I—V, СПб., 1896.

Помял. — Н. Г. Помяловский, Полное собрание сочинений, тт. I—II, М.—Л., 1935.

К. Прутков — Козьма Прутков, Полное собрание сочинений, М.—Л., Изд. «Academia», 1933.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.

Пушк. — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937—1949.

Радищ., Соч. — Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева, чч. I—VI. СПб., 1807—1811.

Радищ., Путеш. — [А. Н. Радищев]. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.

Радищ., ПСС — А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952.

Ре..ф..ц — И. Ре..ф..ц [И. Ренофанц]. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов, или краткое истолкование встречающихся в них слов... СПб., 1837.

Решетн. — Ф. М. Решетников, Сочинения, тт. I—II, СПб., 1890.

Русск. вестн. — Русский вестник. Журнал литературный и политический. М., 1856—1864.

Русск. мысль — Русская мысль. Журнал научный, литературный и политический. М., 1883—1886.

Русск. обозр. — Русское обозрение. Литературно-политический и научный журнал. М., 1890—1898.

Русск. слово — Русское слово. Журнал. СПб., 1859—1866.

Русск. стар. — Русская старина. Исторический журнал. СПб., 1870—1918.

Русск. энцикл. 1911 — Русская энциклопедия. Тт. I—XI. Изд. русск. кн. товарищества «Деятель». СПб., 1911.

РФВ — Русский филологический вестник.

Салт. — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, тт. I—XX, М., 1933—1941.

Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук.

Сб. «60-е гг.» — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.—Л., 1940.

Светоч — Светоч. Учено-литературный журнал, изд. Д. И. Калиновским. СПб., 1860—1862.

Сев. вестн. — Северный вестник. Журнал. СПб., 1804—1805.

Сев. вестн. — Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. СПб., 1885—1886.

Север — Север. Еженедельный литературно-художественный журнал. СПб., 1888.

Сев. пчела — Северная пчела. Газета политическая и литературная. СПб., 1825—1864.

Сев. почта — Северная почта. Газета министерства внутренних дел. СПб., 1862—1868.

Сечен. — И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. I, Изд. Академии наук СССР, 1952.

Сечен., Зап. — И. М. Сеченов. Автобиографические записки. М., Изд. Академии наук СССР, 1945.

Скабич. — А. М. Скабичевский. Сочинения. Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики. Тт. I—II. СПб., 1890.

Скабич., Восп. — А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928.

Слепц. — В. А. Слепцов, Сочинения, тт. I—II, М., 1957.

САР[1] — Словарь Академии Российской. Чч. I—VI. СПб., 1789—1794.

САР[2] — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Чч. I—VI. СПб., 1806—1822.

Слов. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Тт. I—IV. СПб., 1847.

Слов. Акад. — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. I, вып. 1—3, СПб., 1891—1895; т. II, вып. 1—9, СПб., 1897—1907; т. IV, вып. 1—10, СПб., 1906 — Л., 1926; т. V, вып. 1—3, Пгр., 1915 — Л., 1927; т. VI, вып. 1—2, Л., 1927—1929.

Слов. Крайя — Справочный энциклопедический словарь под ред. А. Старчевского. Изд. К. Крайя. Тт. I—XII. СПб., 1847—1855.

Слов. русск. яз. — Словарь русского языка. (Академия наук СССР. Институт русского языка). Тт. I—IV. М., 1957—1961.

Слов. совр. русск. лит. яз. — Словарь современного русского литературного языка. Тт. I—XV. М.—Л., 1948—1961.

Слов. Сок. — П. С. [П. П. Соколов]. Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений. Чч. I—II. СПб., 1834.

Слов. Ушак. — Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Тт. I—IV. М., 1934—1940.

Слов. яз. Пушкина. — Словарь языка Пушкина. (Академия наук СССР). Тт. I—IV. М., 1956—1961.

Смирнов, Зап. вл. — Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — Сб. ОРЯС, т. 88, СПб., 1910.

Совр. — Современник. Литературный журнал. СПб., 1836—1866.

С. Сол. — С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I—X. М., 1959—1963.

СПб. вед. — С.-Петербургские ведомости. Газета. СПб.

Станюк. — К. М. Станюкович, Собрание сочинений, тт. I—VI, М., 1958—1959.

Станюк., ПСС — К. М. Станюкович, Полное собрание сочинений, тт. I—XII, СПб., 1906—1907.

Стасов — В. В. Стасов. Избранные сочинения. Живопись, скульптура, музыка. Тт. I—III. М., 1952.

В. Сурик. — В. И. Суриков. Письма 1868—1916. М.—Л., 1948.

Телеск. — Телескоп. Журнал современного просвещения, издав. Н. И. Надеждиным. М., 1831—1836.

Ткачев — П. Н. Ткачев, Избранные сочинения, т. I—VI, М., 1932—1937.

Ткачев, Избр. статьи — П. Н. Ткачев. Избранные литературно-критические статьи. М.—Л., 1928.

Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания, составл. под ред. Ф. Толля (т. III — и под ред. В. Р. Зотова). Тт. I—III. 1863—1864.

Толль, Прил. 1866 — Необходимое дополнительное приложение к Настольному словарю Ф. Толля, под его же редакциею составленное. СПб., 1866.

Толль, Доп. 1875 — Дополнение к Настольному словарю Ф. Толля. СПб., 1875.

А. К. Толст. — А. К. Толстой, Полное собрание сочинений, тт. I—IV, СПб., 1907—1908.

Л. Толст. — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений (Юбилейное издание), тт. 1—90, М., 1928—1958.

Тург. — И. С. Тургенев, Собрание сочинений, тт. I—XII, М., 1953—1958.

Угл. — Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. Изд. В. Н. Углов. СПб., 1859.

Гл. Усп. — Г. И. Успенский, Полное собрание сочинений, тт. I—XIV, Изд. Академии наук СССР, 1940—1954.

Н. Усп. — Н. В. Успенский. Сочинения. Повести, рассказы и очерки. Тт. I—IV. М., 1883.

Фет — А. А. Фет. Мои воспоминания. Чч. 1—2. М., 1890.

ФЗ — Филологические записки. Журнал. Воронеж, 1860—1917.

Филос. произв. петраш. — Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. Гос. изд. полит. лит., 1953.

Хом. — А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, тт. I—VIII, М., 1900—1904.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

Черн. — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, М., 1939—1953.

Чех. — А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XX, М., 1944—1951.

Шелг. — Н. В. Шелгунов, Сочинения, т. III, СПб., 1904.

Шелг., Восп. — Н. В. Шелгунов. Воспоминания. Пгр., 1923.

Шелл.-Мих.	— А. Михайлов (А. К. Шеллер), Полное собрание сочинений, тт. I—XV, СПб., 1894.
Эконом. указатель	— Экономический указатель. Журнал. Изд.-ред. И. В. Вернадский. СПб., 1857—1858.
Энц. слов. 1861	— Энциклопедический словарь, составл. русскими учеными и литераторами. Тт. I—VI. СПб., 1861—1863.
Эпоха	— Эпоха. Журнал литературный и политический. Изд. М. М. Достоевский. СПб., 1864—1865.
Эртель, Гарденины	— А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. М., 1951.
Южаков	— Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания, под ред. С. Н. Южакова. Тт. I—XXII. СПб., 1900—1909.
Яновск.	— Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Чч. I—III. СПб., 1803—1806.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ*

аберрация 386, 387
абсолют 69, 70—73
абсолютизм 71, 72
абсолютный 64, 69, 70—72
абстракт 69, 73, 82
абстрактный 48, 64, 69, 73, 80
абстракция 69, 73
авангард 472
агент 68, 233
агитатор 141
агитация 141, 161, 162, 178
агония 419
адвокат 477
адепт 479
азбука 518
акклиматизация 49, 154, 420
актив 86, 87
активный 85, 86, 87, 177
акция 465
алгебра 369
алкоголизм 154
алкоголик 154
альтруизм 60, 141, 162
амальгама 48, 403
ампутация 420
анатомировать 420, 421
анатомия 420—422
антрепренер 233, 234
апатия 130, 132
апелляция 477, 478
апогей 63, 371
апологет 479
аппарат 139, 474
арена 479
аренда 466
арлекинада 451, 461
арсенал 472, 473
артерия 422, 423
артиллерия (тяжелая артиллерия) 473
ассигновать 177
ассоциация 49, 56, 85, 87, 88, 159, 160, 162
ассоциировать (-ся) 88
атмосфера 45, 371—373
атмосферический 373
атрофия 154, 423
аховый 483

бабенция 267, 269
бабиться 483
базаровщина 227
баланс 466
балласт 474, 475
банкрот 466
банкротство 466
барометр 387
бастовать 502, 503
батарея 473
бацилла 65, 154, 423
беднота 483, 494
беженец 243
безапелляционный 478
безвкусный 522
безвоздушный (б. пространство, б. пустота) 392
безвыходный 182, 327
бездарный 197
безжизненный 522
беллетрист 118—121
беллетристика 118—122
белый 172, 520, 526, 527
бесконечно (бесконечно малый) 367
беспозвоночный 439
бесправный 320
бесшабашный 483
биржа 466, 467
биржевик 236
благоглупости 307, 308, 309
благодушие 350
благонамеренный 350
близорукий 442
богадельня 517
бойня 517
болото 172, 519
борьба за существование (за жизнь) 424—427
брожение 410

* Указатель является выборочным. В него включены только те слова, относительно возникновения и употребления которых в книге содержатся специальные сведения и примеры. Слова, лишь упоминаемые в ряду других слов той или иной лексической группы, в указатель не вошли. В частности, не включены слова, упоминаемые во второй главе при анализе пополнения отдельных словообразовательных разрядов. Не дается в указателе, как правило, отсылок и на ближайшие производные слов (напр., на *абсолютность* при *абсолютный*) и на все упоминаемые варианты слов (напр., *апогеум* и *апогея* при *апогей*).

бубнить 483, 493
буксир 475
бумаженция 267, 269
буржуазия 63, 85, 88—90, 161
буржуй 90
буфер 475
буффонада 451, 461
быт 278—280
бытовать 39, 278, 280
бытовой 39, 278—280
бюджет 49, 139, 163, 178, 466

вагон 48, 65, 139, 163
вакханалия 479
вариация 451, 452, 462
варьировать 56, 130, 160, 452
вдохновить 39, 287, 288
вдуматься 39, 170
величина (неизвестная, искомая, средняя и т. п.) 366, 367
верхи 519
верховенство 222
верхотура 269
веский 522
веяние 507—511, 541
взаимодействие 39, 168, 169, 309
взгляд 504, 512
вибрион 154, 423
вивисекция 421
видопись 182, 183
винегрет 138, 517
влияние 288
влиятельный 39, 289, 290
влиять 39, 288, 289
вмешательство 39, 222, 223
внешность 189
внутренность 189, 190
водянистый 522
водяный 522
воздаяние 333
воззрение 75, 172, 504
возникновение 214, 215
вопрос 172, 504, 505
воротила 483
восприятие 334, 350
восставать 350
восстание 350
восторгать 350
восхищать 350
вотировать 49, 140—144, 160, 162
впечатление 334
вторичный 284
выглядеть 170
выдержка 535
выдыхаться 537
вызволять 483
выкидыш 441
выкладка 358, 359
выкрутасы 483, 493
вылетать 537
выпаливать 537
выработать 399
высказать (-ся) 537

гадюка 495
галантный 156, 161
галлюцинация 177, 427
гальванизировать 391, 392
гальванический 391, 392
гвалт 484, 493
гвоздь 172
гелертер (гелерт) 163
геологический (г. слой, г. наслоение) 444
гигиена 427
гимнастика 427, 428
гипертрофия 423
гипноз 154, 428
гипнотизировать 154, 428
главарь 163, 164
главенство 223
гласность 39, 190, 198, 199
гнет 512
говорильня 245, 246
головной 529
головотяп 484
голод 518
голодовка 484
голосование 39, 141—144
голосовать 39, 141—144
голыдьба 484
гомеопатический 414
горизонт 45, 46, 373—375
горячка 411, 442
грамотность 190, 199
гротеск 451, 452, 453, 461
группа 451, 452, 462
гуманизм 90
гуманистический (гуманический) 90, 92
гуманитарный 90, 92
гуманный 49, 85, 90—92, 128, 177
гуртовой 530

дагерротип 183, 476
дальнозоркий 442
даровитый 197, 327
движение 504, 505
дееспособный 39, 166, 168, 170
действительность 189, 199, 200
действователь 185, 231—233
декабрист 259, 260
декорация 451, 453
делатель 231—233
деревянный 530
детвора 484, 493
детский (д. болезнь, д. сад) 172, 441
дешевка 484
деятель (действователь) 185, 231—233
деятельность 189, 334
деятельный 86, 87
диаметрально противоположный 364
дилетант 453, 454
диссекция 421
диссонанс 49, 161, 454
довлительный 166, 183
догмат 479
доза 48, 414, 415
доктрина 69, 73, 74, 162
доктринер 73, 74, 161, 179
доморощенный 497
донкихотство 221
допотопный 445—447
драма 462
дрыгать 484
дубоватый 530
дубовый 530
дуга (описать дугу) 368
душить 537

единица 363
екать (екнуть) 484
елейный 529, 530, 531
елозить 484
ерунда 266, 484, 485
ерундист 261, 485
ерундистика 266, 485
естественный отбор (подбор) 424, 425, 427

железнодорожник 236, 237, 242
женственный 170
жгучий 522
живалый 485, 493
живоглот 485
живой 521
животный 531
животрепещущий 497
жох 485
жулик 485, 486
жупел 351

забастовать 502, 503
забастовка 502, 503
заболевание 215
забористый 486
завзятый 486, 493
завсегдатай 486, 494
задача 172, 504
задира 486
зазнайка 487
закономерный 39, 166, 168, 170, 321
закулисный 451, 454, 461
залихватский 487
замазывать 537
замкнутый 39, 170, 171, 535
занозистый 487
занятный 487, 494
западник 39, 186, 237, 238
западничество 186, 237, 238
запевала 500
заправский 487
заразительный 440
зародыш 439, 440
заскорузлый (закорузлый) 487, 494
засосать 537
застой 144, 512, 513
застраховать 467
застрять (застревать) 487, 494
застывать 537
затишье 512
затхлый 522
заядлый 487
звезда (первой величины) 392, 393
здоровый 523
зеленый 520, 527
земец 243
зенит 45, 46, 375, 376
злопыхательство 185, 307
знаменатель (свести к одному з.) 365
знаменитость 197
зря 487, 488
зубристика 266, 488
зубрить 488

игнорировать 49, 130, 132
идеал 74, 161
идеализировать 76, 77
идеализм 48, 64, 69, 74, 76
идеальный 48, 74, 75
идейный 75
идеолог 77
идеология 77
идея 48, 75
идиот 49, 139
избитый 536
издергать 537
изломать 537
измываться 488
измятый 534
измять 534
изнанка 514, 516
икс 367
импульс 154, 369, 370
ингредиент 154, 403, 404
индивидуализировать (-ся) 78
индивидуализм 79, 150, 162
индивидуальный 49, 69, 77, 78, 150
индивидуй 77, 78
индивидуум 48, 49, 69, 77, 78
индифферентизм 49, 85, 92, 93, 162
индифферентный 85, 92, 93
индустриальный 63, 85, 162
инертный 179, 388, 389
инерция 48, 49, 144, 154, 162, 388
инициатива 49, 56, 141, 144, 161
интеллигент 141, 144, 145, 149
интеллигенция 49, 64, 144—149
инфузория 439
ископаемый 447
испарение 409
испаряться 408, 409
испод 126, 127
истасканный 536
истрепанный 536
итальянщина 225
итог (итоги) 466

кабинетный 531
казенность 531
казенный 531
казенщина 225, 531
казовый 465, 467
калибр 475
камелия 156
камертон 451, 455, 461
капитал 468—470
картина 450, 451, 461
карьера 48, 130, 131, 132, 133
катастрофа 48, 130, 162
квадрат (в квадрате) 367, 368
кипучий 523
кисть 450, 451, 461
классовый 178
кликуша 518
клубницизм 261
клубничка 261
клянчить 488
коллектив 149
коллективный 141, 149, 150, 162
колорит 450, 451
комбинация 49, 130
комкать 537
коммуна 150, 151, 160
коммунизм 49, 64, 85, 109—112, 160, 162, 186

коммунист 109—112, 151, 186
коммунистический 109, 112
комок (нервов) 429
компетентный 155, 166, 183
компетенция 155, 162
компрометировать 56, 130, 133, 134, 160
комфортабельный 163, 179
конвульсивный 441
конвульсия 441
конкретный 49, 64, 69, 79, 80, 177
конкуренция 85, 93, 94, 177
консерватор 49, 85, 162, 179, 184, 186
концепция 49, 56, 118, 162, 386
концовка 164
кооперативный 141, 151
кооперация 151, 162
крайний 172, 520, 527
красный 172, 520, 526
крах 154, 163, 177, 470, 471
кредит 64, 466
кредитоспособный 166, 168, 170
крепостник 39, 186, 238, 239
крепостнический 239
крепостничество 238, 239
крепостной 239
кризис 411, 412
крикливый 523
кристаллизация 48, 404
кристаллизировать 404, 405
критический 412
кричащий 523
круг 369
кругозор 373, 375
кружковщина 186, 225
кружок 172
крушение 470
куб (в кубе) 367, 368
культура 64, 85, 94, 95
кухня 518

лаборатория 402, 403
лавировать 473
лавочка 518
лагерь 473
лакей 518
лебезить 488, 494
лев 172
левый 172, 520, 527
легальный 49, 141, 151, 152, 177, 519
лейтмотив 163, 167, 451, 461
либеральничать (либеральствовать) 178, 181, 182
ликвидатор 471
ликвидация 62, 154, 265, 465, 471
ликвидировать 62, 471
литературщество (литературщичество) 226
литературщик 226
литературщина 225, 226
лихорадка 441
лихорадочный 441, 442
личность 57, 78, 171, 181, 190, 201—205, 436, 437
лозунг 474
локомотив 49, 65, 139, 161, 319
лошадиный (л. доза) 414, 415
лунатизм 441
любитель 454

маевка 164
мазурик 485, 486
малокровие 441
мальчуган 488
малярия 139, 163
маневрировать 473
маневры 473
маниловщина 226
марионетка 451, 455, 461
масса 376—381
массивный 381
массовка 381
массовый 178, 380, 381
мастер (на все руки) 502
масштаб 362
математический 362
материнство 223
махинация (машинация) 385
машина 46, 384, 385
машинальный 385
мелкобуржуазный 90
мелкотравчатый 497, 498
мемуары 49, 122, 161
мертворожденный 428
механизм 48, 381—383
механика 46, 382, 383, 384
механический 46, 381, 382, 383
мещанин 88, 89, 114
мещанство 88, 89
миазматический 428, 429
миазмы 428, 429
микроб 423, 424
микроскоп 46, 416, 417
микроскопический 415, 416
милитаризм 141, 152, 162
минус 364, 365
мировоззрение 39, 164, 166, 169, 298, 309, 311, 314—317
мировой 39, 66, 171, 311—313
миросозерцание 39, 166, 168, 169, 182, 183, 298, 309—317, 386
мишень 473
момент 69
монополия 64, 471, 472
мордобитие 308
мракобес 97
мракобесие 96, 97, 184
мраколюбец 97
мраколюбие 96, 97
мускульный 63, 161, 179, 185, 274
мыслебоязнь 442, 443
мыслящий (человек) 145, 146
мягкотелый 523, 524

набросок 451, 455
надлом 535
надломленный 535
надпольный 519
надрыв 512, 513, 514
надувант 267
надуванция 267, 268
надувастика 267
накидок 456
наклонная плоскость 393
напластование 445
направление 172, 504, 505—507, 541, 544
наркотизировать 154, 429
наркотический 154
народник 39, 186, 239, 240

народничество 186, 239, 240
народность 57, 189, 190, 205—208
наружность 189
наслоение 444, 445
настроение 170, 185, 186, 346, 347
настройка (настрой) 185, 347
натурализм (натуральность) 118, 476
наукообразный 168, 281, 282, 284
научный 39, 168, 280—284
национальность 49, 57, 189, 190, 205
неблагонамеренный 350
небокоптитель 182, 307
невмешательство 39, 222, 223
неделимый (неделимое) 78
нелегальный 141, 152
неправомерный 170
непротивление 212, 215, 216, 541
нерв (нервы) 46, 429, 430
нервить 429, 430
нервничать 39, 429, 430
нервный 161, 185
нервозный 161
несоизмеримый 359
несостоятельный 477
несуразный 488, 489
несусветный 489, 493
неудачник 489, 494
нигилизм 49, 60, 257
низы 519
новшество 222
нота 451, 456, 461
нудный 489, 493
нуль 365, 366
нытик 489, 490, 494

обломовщина 226, 227
образованный (класс) 145
обскурант 49, 85, 95—97, 179, 185, 186
обскурантизм 85, 95—97, 162, 184
общежитие 107
общественность 106, 107
общественный 106—108
общество 107
объект 49, 69, 80, 81
объективный 49, 69, 80, 81, 386
обыватель 114
обывательщина 226
обыденный 327, 328, 490, 491, 494
огнева 318
окаменелость 447
окаменелый 447
окисляться 410, 411
окрошка 517, 518
оный 33—36
оплевывать 537
опошлить (-ся) 295, 329, 330
оптический (обман) 389
оптом 472
орбита 389
организация 49, 430, 431
организм 162, 250, 252, 430—432
органический 50, 64, 431
оргия 479
особность 203
острый 521
отверженец 480
отверженник 480
отзыв 524
отзывчивый 524
откуп 465, 466
отпетый 498, 499
отсебятина 245
отсталый 520, 527, 528
отцовство 223
отщепенец 480
охранитель 172, 184, 186
охранительный 172
очеловечение 92
очеловечить 92
очерк 172, 451, 455, 456—459, 462
очертание 451, 456, 457
очки (смотреть сквозь какие очки) 390

паллиатив 417, 418
паллиативный 417, 418
пальто 138, 179
паника 49, 155, 156, 161, 177
панический 49, 155, 156
паразит 49, 432, 433
паразитизм 433
паразитный 433
парализировать (парализовать) 49, 418
паралич 418
параллелограмм (социальных сил) 396
параллель 369
параллельный 369
паровик 318—320
паровоз 39, 65, 168, 317, 319, 320
пароксизм 442
пароход 39, 65, 317—320
партийность (партионность) 326, 327
партийный (партионный, партиозный, партиальный) 326, 327
партия 326, 327
партнер 161, 178, 503
пасовать 503
пассив 86, 87
пассивный 49, 85, 86, 87, 177
патент 478
патентованный 478
патетический 123
патологический 434, 435
патология 433—435
пауперизм 49, 85, 97, 98
пафос 118, 122—124, 177
пейзаж 451, 452
первичный 284
первообраз 126, 171
переваривать 443, 444
передовик 236, 528, 529
передовитость 529
передовой 520, 527—529
пережевывать 537, 538
переживание 39, 216, 217
пережиток 39, 217
пережить 216, 327
перекрестный (огонь) 473
переработать 216, 399, 400, 538
перестроить 538
перестройка 538, 539
перетасовать 503
периферия 360
пертурбация 385
пехтурой 269
печать 99
пироскаф 65, 318
пищевод 306
плато 161

плоскогорие 168
плоскость 368
площадь 359
плюс 364, 365
поведенция 267, 268
поветрие 418, 419
поворот (на 180 градусов) 365, 368
подача голосов 141—144
подглядеть 537
подголосок 499
подкладка 514, 516
подметить 537
подонки 519
подоплека 514—516
подпевала 499
подполье 519
подпольный 519
подпочва 166, 449
подтасовать 503, 504
подъем 512, 513
подьячизм 256, 260
поза 49, 130, 134, 161, 451, 461, 464
позер 134, 161
позировать 134
показатель 359, 360
покладистый (покладливый) 185, 284, 285
полноправие 320
полноправность 320
полноправный 168, 320
полюс 46, 389, 390
полярный 389
поприще 132, 133
популярный 49, 85, 159
попустительство 39, 223, 224
портрет 451, 452
порядок 156, 172
пособничество 223, 224
постепеновец 186, 243, 244
постепеновщина (постепенщина) 186, 225, 243, 244
построение 360
потребление 334, 335
потреблять 334, 335
почва 447—449, 515
почвенник 186, 448
почвенничество 186, 448
почин 144
пошлеть 295, 329
пошлость 329
пошлый 329
пошляк 245, 329
пошлятина 245, 329
поэзия 462—464
поэтизировать 464
поэтический (поэтичный) 464
правовой 39, 171, 271
правомерный 39, 166, 168, 170, 320, 321
правоотношение 170
правопорядок 169, 183
правоспособный 166, 169, 170
правый 172, 520, 527
предвзятый 39, 171, 285, 286
предметный 80, 81
предприниматель 233, 234
предпринимательский 234
предпринимательство 234
представитель 234, 235
представительный 172, 234, 235
прекраснодушие 168, 307
препарировать 421, 422
пресловутый 350
пресный 524
пресса 49, 85, 98, 99, 161
прием 415
призма 390
принцип 49, 68, 70, 81—83, 161
принципиальный (принципный) 82, 83, 179, 181
припадок 442
приработки 494
приручение 210, 217
приспешник 500
причинность 39, 190, 208
прогресс 83—85, 103, 162
прогрессивный 68, 84, 528
прогрессировать 84
прогрессист 84, 186
прогрессия 83, 84
проза 462—464
прозаический (прозаичный) 464
прозрачный 521
производитель 347
производительность 190, 348
производительный 347, 348
производить 347
производственный 347, 348
производство 347, 348
пролетариат 49, 85, 100—103, 162
пролетарий 49, 85, 100—103, 162
промышленник 340, 341
промышленность 165, 189, 335—340, 541
промышленный 340
проникновение 217, 218
пропаганда 85, 162, 479
пропорциональный 363
пропорция 363
проприетер 240, 241
прототип 118, 126, 162
процент 362
процесс 70, 162
проявление 218, 219
прямолинейный 363, 364
пульс 435
пустопорожний 185, 500

работа 396—399
работать 396—399
равнодействующий 396
равноправный 39, 168, 320
радикал 186
радикализм 186
радикальный 418
разглагольствование 350, 351
разглагольствовать 350, 351
разлагать (-ся) 405—407
разложение 405—407
разнокалиберный 475
разносторонний 364
разношерстный 500, 501
разоблачить 538
разработать 399
разъедать 537
распеканция 268
расхождение 360
реагировать 49, 103, 104
реакционер 103, 104, 162, 186
реакционный 103, 104
реакция 49, 85, 103, 104, 162
реализм 49, 62, 64, 69, 112, 118, 247

реалистический 112, 270
реальный 49, 62, 69, 112
регресс 85, 141, 162
режим 131, 139, 155, 156, 161
рельс (сойти с рельсов и т. п.) 139, 163, 475, 476
ренегат 49, 141, 162, 177, 182
ретроград 141, 153, 162, 179, 186
реформа 49, 85, 161
реформист 186
рисоваться 451, 459, 461
риторика 464
риторический 464
розовый 520, 527
роман 462
рутина 49, 85, 104, 105
рутинер 63, 104, 105, 179
рынок 472
рыхлый 524
рычаг 390, 391

самобытник 186, 236
самобытный 304
самодур 491, 492, 494
самодурство 491, 492
самозаконие 167
самообличение 301
самообразование 302
самоопределение 302
самосознание 39, 303
самость 203
самоуправление 39, 169, 171, 303
санитарный 154
сверхмерный 166, 170, 182
сверхчеловек 166
светобоязнь 168, 443
светопись 183
свистеть 539
свистун 539
сдержанность 536
сдержанный 534, 536
сдержаться 534
сдерживать 536
сдобный 524
сей 33—36
селекция 425
семенить 492, 494
семинаризм 260
симптом 49, 68, 177, 412, 413
скандал 49, 130, 131, 134—136, 161, 177, 179
скиццы 172, 458
сколотить 537
славословие 350, 351
славянофил 321—324
славянофильство 186, 322—324
сливки 166, 172, 519, 520
словесность 117
слой 444
службист 178, 182, 260
смаковать 492, 494
снегопад 168
сноб 156, 157, 163, 178
соблазн 134, 135
соблазнительный 134, 135
собственник 39, 240, 241
совместник 93
совместничество 93
современность 190, 208
соизмеримый 359
солидарный 49, 85, 105, 161, 177
сопоставление 39, 290
сопоставлять 39, 290
составная часть 403, 404
социал-демократ 108, 141, 163, 186
социализм 49, 60, 64, 85, 108, 109—112, 160, 186, 247, 257
социальный 49, 85, 106—110, 159, 162, 163
социология 110, 111, 141
спазматический 442
специфический 50, 413
сплотить 501
сплоченность 39, 193, 501
сплоченный 501, 535
спорт 130, 136, 163
спортсмен 136
спрашивается 363
среда 172, 341—345, 541
среднее сословие (средний класс) 88, 89
средодалящий 183
средоотбежный 183
средостремительный 183
ставленник 501
старушенция 267—269
статист 451, 459
статья 172
стачка 348
стекло (увеличительное) 390
стеклянный 531
столбняк 442
сторонник 39, 236, 241, 242
страдательный 86, 87
стричь (под одну гребенку) 502
строй 511, 512, 539
стряпня 518
студенческий (студентский) 224
студенчество 224
стушеваться 501, 502
субстанция 70
субъект 49, 80, 81, 163, 435—438
субъективный 49, 80, 81, 386
сумма 360, 361
сурдинка (под сурдинку) 502
сутолока (сутолка) 492, 493
сухой 521
сцена 450, 451, 459
сциентифический 282, 284
сшить (на живую нитку) 502

тайга 494, 495
тасовать 503
твердый 521
творчество 397
театральничать 459, 460
театральный 451, 459, 461, 464
телескоп 416
температура 388
термометр 388
течение 504, 507, 541
тип 118, 124—126, 163, 437
типический 124—126
типичность 125, 386
типовой 125, 178
толпа 377, 378
тон 460, 461
торичеллиева пустота 393
тормоз 476
тормозить 476
точка 393

точка высоты 393
точка замерзания 393, 394, 395
точка зрения 393, 394
точка исходная 393
точка кипения 395
точка опоры 393, 395
точка отправления 393
точка пересечения 395
точка приложения сил 395
точка сближения 393
точка соприкосновения 395
точка сравнения 393
травоядный 438
трезвый 524, 525
третировать 49, 136, 177
третичный 284
трупоразъятие 422
туризм 130, 137
турист 130, 136, 137
тяготение 370, 371
тяготеть 370, 371

убеждение 75, 504, 512, 535
убежденный 535
удельный вес 395, 396
узкий 525
улетучиваться 409, 410
унисон 451, 461
уравнение (с одним, двумя, многими неизвестными) 366
устность 190, 198
утилизировать (-ся) 113, 154
утилитаризм 85, 113, 162
утилитарный 49, 85, 113, 162
утопист 85, 162
утопия 49, 85
утрировать 49, 130, 137
ученый 282—284

фаза (фазис, фаз) 385, 386
факт 48, 60—63, 163, 177
фактический 49, 63
фактор 233, 361, 362
фельетон 49, 118, 126, 127, 161
фешенебельный 157
физиологический 434, 435
физиологический очерк 118, 125
физиология 118, 125, 422, 433—435
филистер 85, 113—115, 163, 386
финал 451, 461
флирт 157, 163
фокус 391
фон 49, 118, 128, 131, 161, 451, 461
формация 445
фотограф (фотографщик) 183, 477
фотография 183, 476, 477
фраза 465
фразеология 465
фразер 49, 161, 465
фронт 473, 474

халатный 182, 531, 532
химизм 402
химический (химическое соединение, сродство, действие, химический процесс) 401, 402
хлестаковщина 227
ходули 460
ходульный 182, 460, 461, 464
хронический 413, 414
художественность 190, 208, 209, 541
хутор 493, 494

царизм 178, 260
целостный 170, 195, 525, 526
целый 525
цельный 525, 526
центр 362
центр тяжести 396
централизация 49, 85, 162
центробежная (центростремительная) сила 396
центробежный 183
центростремительный 183
цивилизация 49, 64, 85, 162
цитата 130, 137
цитировать 49, 130, 137, 160
цифра 362

человечественный 91, 92
человечестность 91, 92
человечность 91, 92
человечный 91
через час (по чайной ложке) 443
четвертичный 284 ← чиновничество 221
что и требовалось доказать 363
чувствие 351
чувствительный 351
чужеядный 438
чуткий 526

шагистика 178, 266
шевелить 537
шелуха 518
шик 138, 162
шикарный 138, 179
шитый белыми нитками 502
шовинизм 141, 152, 153, 162
шпала 139
шуршать 493, 494
шустрый 493

щепетильность 533
щепетильный 529, 532—534
щуплый 493, 494

экземпляр 435, 437, 438
эксплуатация 49, 85, 115, 116
эксплуатировать 49, 56, 115, 116, 160
электризовать 391, 392
эмансипация 49, 85, 116, 117, 160, 161, 163
эмансипировать 116, 117
эмбриология 439, 440
эмбрион 49, 154, 439, 440
эмбриональный 439
энергический (энергичный) 130, 137, 138
энергия 48, 49, 130, 132, 137, 138, 177
эпидемия 154, 419, 440
эскиз 162, 451, 455, 458, 459, 461
этюд 162, 451, 458, 459, 461

юмор 128, 129, 163
юмористика 128, 129
юмористический 128, 129

ячность 203

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Введение. О задачах историко-лексикологического исследования и об общих направлениях развития словарного состава русского литературного языка с 30-х гг. XIX в. 8

I. § 1. Предмет исторической лексикологии 8
§ 2. Отдельность слова и вопрос о лексической системе языка 8
§ 3. Непрерывность изменений лексики и ее системный характер . . . 10
§ 4. Проницаемость лексической системы языка 12
§ 5. Силы, определяющие движение словарного состава, и их взаимодействие. Отношение слова к действительности. Словообразовательные отношения 13
§ 6. Синонимические и антонимические отношения слов 15
§ 7. Фразеологические связи слов; их роль в изменениях словарного состава. Стилистические группы лексики и их изменения 16
§ 8. Вопрос о выделении семантических групп в словарном составе . . 18
§ 9. Соотношение синхронического и диахронического момента в изучении лексической системы. Внутреннее и внешнее в развитии словарного состава 20
II. § 10. 30-е гг. XIX в. как переломный момент в развитии русского литературного языка нового времени. Интенсивность лексических изменений 23
§ 11. Вопрос о литературном языке, его нормах и его дальнейшем развитии в критике 30—40-х гг. Отношение к славянизмам. Распадение славянизмов как особой стилистической группы слов и их дальнейшая судьба 25
§ 12. Приток в литературный язык разговорно-просторечной, областной и профессиональной лексики. Взгляды критики 30-х гг. на соотношение литературной и народно-разговорной речи 31
§ 13. Общие причины и факторы, вызывавшие появление новых слов и изменения в лексической системе литературного языка 38
§ 14. Задачи и направление данного исследования 41

Глава I. Лексические заимствования в русском литературном языке 1830—1890-х гг. 43

§ 1. Лексические заимствования из западноевропейских языков в XVIII в. и отношение к ним современников. Карамзинская школа и проблема заимствований. Проблема лексических заимствований в 30—40-х гг. 43
§ 2. Полемика 30—40-х гг. вокруг заимствованных слов. Точка зрения Белинского на лексические заимствования 51
§ 3. Общий объем лексики, заимствованной в 30—90-х гг. Факторы, стимулировавшие заимствование слов 58
§ 4. Определение даты заимствования. Первое появление заимствованного слова и его вхождение в лексическую систему языка. Признаки закрепления заимствованного слова в языке 59
§ 5. Основные разряды заимствованных слов и их отношение к собственно русским словам 64
§ 6. Первая волна новых лексических заимствований в 1830—1840-х гг. 66
§ 7. Заимствованная лексика 30—40-х гг., связанная первоначально с кругом философских понятий 68

§ 8. Заимствования 40-х гг., относящиеся к кругу общественно-политической лексики 85
§ 9. Заимствованные слова 30—40-х гг., относящиеся в кругу эстетической и литературно-критической терминологии 117
§ 10. Заимствованная лексика 30—40-х гг. книжного, но не терминологического характера. Новые заимствования в кругу бытовой номенклатуры и технической терминологии 129
§ 11. Вторая волна лексических заимствований в 60—70-е гг. Терминология общественно-политического характера 139
§ 12. Заимствования 60—70-х гг. в области научно-технической терминологии 153
§ 13. Книжная лексика нетерминологического характера среди заимствований 60—70-х гг. 154
§ 14. Вопрос о языке-источнике для заимствований XIX в. Интернационализмы и вопрос о их источнике. Соотношение заимствований из французского, немецкого, английского и польского источника . . . 157
§ 15. Лексические кальки и понятие «семантической индукции» 164
§ 16. Процессы калькирования иноязычных слов в XVIII—начале XIX в. Лексические кальки середины и второй половины XIX в. 167
§ 17. Явления «семантической индукции» в это время 171
§ 18. Столкновение различных взглядов на лексические заимствования. Проблема пуризма. Общий характер процесса заимствования и усвоения иноязычных слов лексической системой русского языка в послепушкинскую пору 173

Глава II. Лексические новообразования в русском литературном языке 1830—1890-х гг. 180

§ 1. Словообразование и два аспекта его изучения (грамматический и лексикологический) 180
§ 2. Типические словообразовательные тенденции в литературном языке XVIII и XIX вв. 182
§ 3. Характерные особенности словообразования в середине и второй половине XIX в. 186
§ 4. Новообразования в кругу имен существительных отвлеченного значения. Существительные с суффиксом *-ость* 188
§ 5. Существительные отглагольного происхождения с суффиксами *-ние*, *-тие* (209). Отглагольные существительные с суффиксом *-ка* (219) 209
§ 6. Существительные с суффиксом *-ство* 220
§ 7. Существительные с суффиксом *-щина* (*-овщина*) 224
§ 8. Новообразования в кругу имен существительных со значением лица. А. Существительные с суффиксом *-тель* (229). Б. Существительные с суффиксом *-ик* (*-ник*) (235). В. Существительные с суффиксом *-ец* (242). Г. Существительные с суффиксом *-щик* (*-льщик*, *-овщик*) (244). Д. Новообразования наименований лиц с другими суффиксами (245). Другие новообразования существительных с русскими суффиксами (245) 228
§ 9. Формирование новых словообразовательных разрядов существительных с заимствованными суффиксами. Существительные с суффиксами *-изм* и *-ист* (246). Существительные с суффиксами *-ёр*, *-ер* (264), *-ация* (*-изация*) (265), *-истика* (265). Просторечные новообразования с суффиксами *-енция*, *-анция* (267). Разряд существительных с суффиксом *-ура* и сущ. *верхотура* (269) 246
§ 10. Новообразования в кругу имен прилагательных. Причины интенсивного образования новых прилагательных (270). Развитие некоторых типов префиксально-суффиксального образования прилагательных (272). Образование прилагательных от иноязычных основ (273). Прилагательные с заимствованными префиксами и словоэлементами *анти-*, *псевдо-*, *ультра-* и т. п. (276). 269
§ 11. Глагольные новообразования этого времени. Отношение глагольного словообразования к изменениям, происходившим в кругу имен существительных (287). Образование отыменных глаголов с суффиксом *-ничать* (290), *-ствовать* (293). Глагольные новообразования с суффиксами *-еть*, *-ить* (295). Расширение круга глаголов с суффиксом *-ировать* (*-изировать*) (296) 286
§ 12. Образование сложных слов. Аналогические образования и словосложение на базе устойчивых сочетаний слов (298). Пополнение разряда сложных слов с первой частью *само-* (300). Новые разряды сложных слов с элементами иноязычного происхождения

(304). Разновидности сложных слов с точки зрения стилистической (306) 297

Глава III. Семантические изменения в лексической системе русского литературного языка XIX в. 325

§ 1. Общие замечания о задачах семасиологических исследований и причинах изменения значений слов. Изменение предметной отнесенности слов и изменение значения 325
§ 2. Роль стилистико-фразеологических факторов в семантических изменениях 328
§ 3. Различные типы семантической эволюции слов 330
§ 4. «Сужение значения» и семантическая специализация слова 333
§ 5. Отношения новых специализированных значений слов к старым общим их значениям 345
§ 6. Семантические изменения в кругу славянизмов 349
§ 7. Развитие новых переносных значений в кругу научно-терминологической лексики. 352
§ 8. А. Термины математики 358
§ 9. Б. Термины астрономии, географии, механики, физики 369
§ 10. В. Термины химии 400
§ 11. Г. Терминология биологии и медицины 411
§ 12. Д. Терминология геологии 444
§ 13. Новые переносные значения в кругу лексики, относящейся к области литературы и искусства 450
§ 14. Семантико-фразеологические изменения в кругу финансовых и торгово-промышленных терминов 465
§ 15. Изменения значений других специальных слов. А. Военная терминология (472). Б. Производственно-техническая терминология (474). В. Юридические термины (477). Г. Семантические изменения в кругу лексических «историзмов» (479). Д. Новые значения некоторых конфессиональных терминов (479) 472
§ 16. Проникновение просторечной лексики в литературный язык. Распространение в литературном языке новых областных слов и их семантико-стилистическая трансформация 480
§ 17. Профессионализмы и изменения их значений в литературной речи (495). «Термины» карточной игры (502) 495
§ 18. А. Развитие терминированных общественно-политических значений у существительных общего значения (504). Б. Развитие новых отвлеченных значений у существительных конкретно-предметного значения (512). В. Развитие аналогических новых значений у ряда синонимичных существительных (514). Г. Лексика бытового характера в новых стилистических контекстах (516). Д. Явления «терминологизации» новых экспрессивных значений бытовых слов (518) 504
§ 19. Семантические изменения в кругу прилагательных. А. Создание новых значений у прилагательных, обозначающих физические качества (520). Б. Новые политико-идеологические осмысления у прилагательных конкретного значения (526). В. Создание качественных значений у относительных прилагательных (529). Г. Процессы окачествления причастий (534) 520
§ 20. Явления семантического сдвига от обозначения процессов материального мира к явлениям нравственно-социального порядка в кругу глагольной лексики 536

Заключение 541

Список сокращений 547

Указатель слов 555

Юрий Сергеевич Сорокин

Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90 гг. XIX в.

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства *И. Н. Королева*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко* и *Н. М. Медведева*

Сдано в набор 9/X 1964 г. Подписано к печати 15/II 1965 г. РИСО АН СССР № 35—178В. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 17$^{3}/_{4}$. Печ. л. 35$^{1}/_{2}$ = 48,63 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 53.2. Изд. № 2398. Тип. зак. № 985. М-10615. Тираж 2300. ТП 1964 г. № 411. *Цена 3 р. 40 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34,9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига»

имеются в продаже

кого

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
15	3 снизу	1888,	1883,
44	19 »	Huttl-Worth.	Hüttl-Worth.
44	18 »	Scetch,	Sketch,
91	17 »	Huttl-Worth.	Hüttl-Worth.
91	16 »	im XVII	im XVIII
99	11 »	с. 330	с. 630
111	19 »	«Домарковская	«Домаркосовская
113	30 сверху	*утилитарии*	*утилитарий*
168	23 снизу	zahnärztlich	zahnärztlich
225	14 »	с. 417	с. 414
252	10 сверху	*панегитист*,	*панегирист*,
298	15 снизу	Н. А. Андреева	Н. Д. Андреева
313	6 »	Aesheti̇k.	Aesthetik.
328	1 »	§ 18	§ 18 гл. I.
358	21—23 сн.	*прямолинейный фактор*;	*прямолинейный, фактор*;
450	1 снизу	спел	успел
453	3 »	Аполоновых»	Аполлоновых»
502	25 »	игра	игре
512	7 сверху	nom actionis	nom. actionis
550	*После 9-й строки левого столбца* (*после слова* Крамск.) *должно быть:*		
	Крушевск. — Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883.		

Ю. С. Сорокин.

тории рус-
ее из пяти
ены един-
ссы, кото-
ого языка
ой нормы.
але, извле-
. В серию

ературном

едложения
499 стр.

ния в рус-
а 1 р. 26 к.

литератур-

зительного
XIX века.

уки. Тер-
овой трети

ановлении

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига»

имеются в продаже

«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА»

Ценное и необходимое пособие для изучения истории русского литературного языка нового времени, состоящее из пяти отдельных коллективных монографий. Книги объединены единством метода и цели: показать те внутренние процессы, которые происходили в системе русского литературного языка в XIX веке и подготовили становление современной нормы. Исследования построены на большом и новом материале, извлеченном из произведений разных авторов и жанров. В серию входят следующие книги:

Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. 1964. 320 стр. Цена 1 р. 50 к.

Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. 1964. 499 стр. Цена 2 р. 20 к.

Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. 1964. 264 стр. Цена 1 р. 26 к.

Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века. 1964. 303 стр. Цена 1 р. 41 к.

Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. 1964. 600 стр. Цена 2 р. 65 к.

Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. 1964. 219 стр. Цена 91 к.

Книга является началом разработки вопроса о становлении терминологии русской науки.

Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. 1964. 400 стр. Цена 1 р. 68 к.

Первый раздел книги содержит статьи, посвященные в основном вопросам стихотворной речи.

Второй раздел посвящен процессам развития отдельных лексических категорий, общих для русского литературного языка в целом.

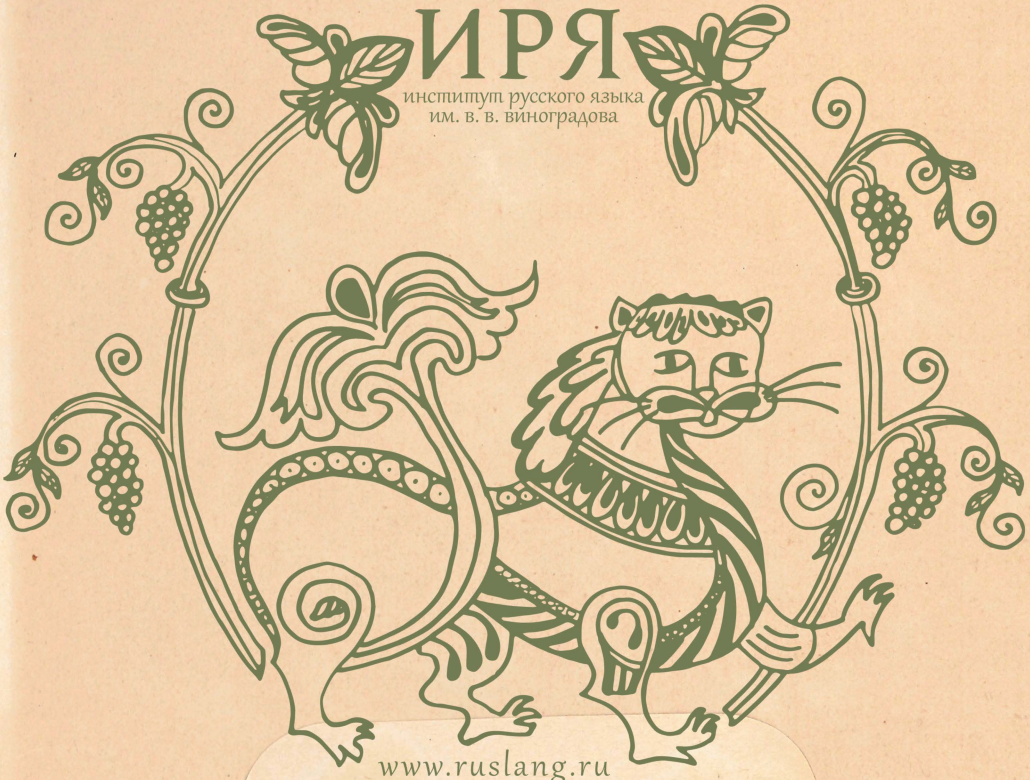
ВАШИ ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,
Контора «Академкнига», отдел «Книга — почтой»;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
Ленотделение «Академкнига», отдел «Книга — почтой»
или в ближайший магазин «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»: *Москва, ул. Горького, 6* (магазин № 1); *ул. Вавилова, 55/5* (магазин № 2); *Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Белинского, 71в; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13.*

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

78684